СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Литературное наследство

Вторая книга тома «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны» открывается большим разделом «Фронтовые дневники, записные книжки, письма». Здесь представлены неопубликованные материалы таких деятелей советской литературы разных поколений, как Вс. Вишневский, Вас. Гроссман, Б. Горбатов, С. Злобин, П. Павленко, Л. Соболев, В. Субботин, А. Тарасенков и др. Эти записи, не предназначавшиеся для печати, сделанные часто непосредственно под огнем противника или по свежим следам только что отгремевшего сражения, со всей безыскусственной правдивостью воссоздают суровый облик войны и героизм советских воинов, раскрывают мысли и чувства самих писателей, показывают их активное участие в событиях войны от трагических первых дней до победы над фашизмом, от героической обороны Одессы, Севастополя, Ленинграда, Москвы, Сталинграда до взятия Берлина.

Последний, пятый раздел тома посвящен воинским подвигам писателей, сражавшихся в рядах армии и флота или боровшихся в тылу врага — в качестве солдат, офицеров, политработников, командиров партизанских отрядов и соединений. В начале раздела помещены материалы, освещающие последние недели жизни писателя-бойца А. Гайдара и славный военный путь Э. Казакевича.

Большое место уделено подборке документов о писателях, удостоенных звания Героя Советского Союза. Редакции «Литературного наследства» удалось установить, что эту высокую награду за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, имеют восемнадцать писателей, а не десять, как считалось до сих пор. Этот список начинается именем молодого адыгейского поэта Хусена Андрухаева, совершившего подвиг еще в ноябре 1941 года, и заканчивается именем отважной женщины-танкистки, ставшей после войны известной писательницей,— Ирины Левченко.

Настоящий том рассчитан не только на специалистов-литераторов и историков, но и на широкий круг читателей.

Том богато иллюстрирован. В качестве иллюстраций использованы произведения художников-фронтовиков, фронтовые фотографии, заснятые писателями и фотокорреспондентами, кадры из документальных фильмов, снимки с редких изданий военных лет и т. п.

Книгу можно приобрести в магазинах «Академкниги»: Москва, ул. Горького, 8, и ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер. 2/10, контора «Академкниги» или в ближайший магазин «Академкниги».

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

И. И. АНИСИМОВ (ГЛАВ. РЕД.), Д. Д. БЛАГОЙ,
А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ,
Н. А. ТРИФОНОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 6

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ

ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 6

7—2—2
337—66

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

«ВЫСТОЯТЬ!»
Плакат Н. Н. Жукова. М., «Искусство», 1942

IV

ФРОНТОВЫЕ ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ, ПИСЬМА

АНАТОЛИЙ ТАРАСЕНКОВ

ИЗ ВОЕННЫХ ЗАПИСЕЙ

ТАЛЛИН—ЛЕНИНГРАД, 1941—1942 гг.

Предисловие и публикация М. И. Белкиной

Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909—1956) — известный советский критик, литературовед. Круг его исследовательских интересов был широк — он писал о прозе и о драматургии, о кино и о живописи. Но бóльшую часть своей жизни и творческих сил он отдал изучению поэзии. Его первые статьи и рецензии,— а писать он начал с шестнадцатилетнего возраста, в 1925 г., когда советская литература была еще очень молода,— посвящены поэзии. И смерть застала его за работой над предисловием к сборнику стихов И. Бунина, над одной из последних фраз этой статьи.

Жизнь и творческая работа Тарасенкова протекали в трудные годы, удаленные от нас не столько течением времени, сколько ходом исторических событий. И естественно, многое из написанного им подлежит сегодня переоценке. Были удачи и неудачи, заслуженные победы и обидные поражения. Но одно было и остается несомненным: его деятельность всегда отличалась беспредельной влюбленностью в поэзию, и он бескорыстно служил ей до последних своих дней.

Его перу принадлежат статьи и рецензии о Блоке, Андрее Белом, Маяковском, Пастернаке, Багрицком, Тициане Табидзе, Тихонове, Светлове и многих других поэтах. Он любил разыскивать и умел разыскать никому еще неизвестных, только начинающих поэтов, радовался возможности первым напечатать их стихи (Тарасенков работал в разные годы в журнале «Знамя», в издательстве «Советский писатель», в журнале «Новый мир») и первым сказать о них свое слово,— не дожидаясь, пока «обкатается» мнение. Он одним из первых обратил внимание на стихи Твардовского и решительно выступил против критиков, извращавших социальный смысл его творчества. Тарасенков писал о Леониде Мартынове, когда еще только появились его исторические поэмы. Он писал об Алигер и Симонове и печатал их первые стихи, когда эти поэты только вступали на литературное поприще. Он сумел сразу заметить и оценить талантливую молодежь, пришедшую с войны,— С. Гудзенко, А. Межирова, Г. Николаеву, Ю. Друнину, С. Орлова, Г. Поженяна. Даже в дни войны, работая во флотской многотиражке, он находил способных краснофлотцев, пишущих стихи, и печатал их. В своих военных записях он отмечал: «Снова, как в „Знамени“, я нянчусь с десятками людей и выдвигаю их. Это интересно! Уж такая судьба мне на роду написана — быть восприемником».

Помимо критической и редакционной работы Тарасенков всю свою жизнь занимался библиографией новейшей русской поэзии. Юношеская страсть к собиранию книг перешла в дальнейшем в научное коллекционирование. Тарасенков сумел создать богатейшую библиотеку по истории поэзии XX в., куда, в частности, входят книги стихов, тиражи которых были полностью уничтожены царской цензурой, книги, издававшиеся на фронтах гражданской войны и ставшие библиографической редкостью, книги, выходившие в годы Великой Отечественной войны на полуострове Ханко, в осажденном Севастополе, в партизанских отрядах, в блокадном Ленинграде. Составление

каталога библиотеки вылилось впоследствии в огромный научный труд и привело к созданию своеобразной летописи русской поэзии XX в. Он не успел закончить эту работу, как и многие другие. Ныне этот уникальный труд, объемом более чем 45 авторских листов, подготовлен к печати и вскоре должен увидеть свет.

Когда началась Великая Отечественная война, уже в первые дни, Тарасенков добился того, чтобы его отправили на фронт. На Балтику он попал не случайно: еще в мирное время, в Таллине, где тогда базировались корабли Балтийского флота, он проходил подготовку в качестве военного корреспондента, а с военной тематикой в литературе он был связан еще с 30-х годов, когда работал в оборонных журналах — сначала в «Локафе», а позже в «Знамени». В конце июня 1941 г. Тарасенкова назначают редактором газеты ПВО главной базы Краснознаменного Балтийского флота в Таллине — «На боевой вахте». Спустя два месяца, 26 августа, Тарасенков выпустил последний номер этой газеты и с оружием в руках принял участие в уличных боях, защищая подступы к порту, откуда уже эвакуировались корабли. Он ушел из горящего, занятого немцами города в последний день, 27 августа, на военном транспорте «Верония», став участником беспримерного по своей трагичности похода военных кораблей из таллинского порта в Кронштадт. Корабли пробирались по минированному морю под беспрерывной бомбежкой вражеской авиации. Не многие из них дошли до места назначения. Погибла «Верония». Тарасенкову удалось выплыть, и его подобрал один из буксиров.

С начала сентября Тарасенков работал корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот», а затем был переведен в оперативную группу писателей, организованную при Пубалте под руководством Всеволода Вишневского. Самые тяжкие месяцы блокады Тарасенков находился в Ленинграде. Перенес голодную болезнь — дистрофию. В мае 1942 г. его посылают на Ладожское озеро, по которому шла доставка в осажденный город продовольствия, боеприпасов, оружия. Военные моряки Балтики охраняли транспорты, идущие по озеру в Ленинград. Тарасенков работал заместителем ответственного редактора в газете Ладожской военной флотилии — «За Родину».

В годы войны Тарасенковым опубликовано во фронтовой и центральной печати до 250 военных очерков, статей и стихотворений. Им были выпущены специальные брошюры («Борьба с танками», Таллин, 1941; «Способы борьбы с танками», Военмориздат, 1941; «Герои торпедных атак», М.—Л., Военмориздат, 1941), сборники стихов («Балтийская слава», М.—Л., Военмориздат, 1941; «Балтийцы», М., «Сов. писатель», 1942). Тарасенков был военным корреспондентом «Правды»; печатался в газетах «Известия», «Комсомольская правда», «Красный Балтийский флот», в «Ленинградской правде», «Советской Эстонии» и т. д.

В январе 1944 г. приказом замнаркома Военно-Морского Флота он откомандирован на работу в Совинформбюро и назначен заместителем ответственного секретаря Всеславянского Комитета и одновременно — ответственным секретарем журнала «Славяне». Много писал для зарубежной печати, организовывал митинги воинов-славян, выступал на них. В августе 1944 г. был назначен заместителем ответственного редактора журнала «Знамя», откуда в 1941 г. он ушел на фронт. В начале 1946 г. Тарасенков демобилизовался в звании майора.

«Военные записи» Тарасенкова не являются дневником. Он вел эти записи от случая к случаю. Иногда сразу фиксируя события, иногда вспоминая о случившемся спустя уже много времени. Записи эти охватывают 1941—1943 гг. (Таллин — Ленинград — Ладога). К сожалению, это всего только небольшая тетрадь. Таллинская эпопея записана Тарасенковым в январе 1942 г., в блокадном голодном Ленинграде. События восстановлены им по памяти, ибо все рукописи и записные книжки, связанные с этим периодом, погибли вместе с «Веронией». Таллинские записи мы предлагаем вниманию читателя полностью. Из ленинградских записей даем только небольшие отрывки.

Подлинная тетрадь Тарасенкова хранится в личном архиве писателя, у автора настоящего предисловия.

А. К. ТАРАСЕНКОВ
Фотография. Ленинградский фронт, Новая Ладога, лето 1942 г.
Собрание М. И. Белкиной, Москва

Утро 22 июня. Воскресенье. Встал поздно. Звонок телефона... Говорит Матусовский.

— Толя, война...

— С кем? — это последний остаток надежды.

— С Германией; только что была речь Молотова.

Я быстро одеваюсь, бегу в ССП, в партком. Маша [1] прибегает вслед. В Союзе только завхоз. Звоним Хвалебновой [2], Жарову... Решено собирать митинг в 3 часа дня. Все садятся за телефоны, созывают людей. Все нервно, взвинченно. Горячий митинг. Речи Вишневского, Кумача, Вилли Бределя... Читается моя резолюция. Следующие дни — «Знамя» [3], НКФ [4].

Едем с Всеволодом [5] в НКО [6], в НКФ, говорим о мобилизации писателей. Эдель составляет списки. Я на Балтику...

Да, еще — ночь с 22 на 23 июня. Ложная воздушная тревога на заре. Все воспринимается как настоящее. Охватывает страх, тревога. Выхожу на улицу. Гул самолетов, разрывы зениток. Только наутро узнаем, что это учебная тревога...

НКФ обещает: едете со дня на день. Пока организуйте статьи для пресс-бюро. Иду в Союз, сажусь за телефон, собираю тех, кто подвернулся под руку,— Адалис, Ситковский, Кирпотин, Борис Галин, Клейнер, Нович, еще кто-то... Изготовлено штук двадцать статей. Работа часов до двух-трех ночи. Бегаю в наркомат — отношу статьи, для этой же цели использую Маргариту Алигер... Она самоотверженно носится тоже...

Возвращаюсь на рассвете по Москве — тихой, серой... Устал... Спать!

А затем нервные дни предотъездной горячки. Злюсь, напоминаю райвоенкомату о необходимости скорейшего своего вызова. Обидным кажется каждый упущенный день...

Наконец вызывают на 25-е. В Краснопресненский райвоенкомат, в горвоенкомат, к майору Пензе... Вместе попадаем туда я, Явич, Барто [7],

еще кто-то. Явич едет на Черное море, Барто — на Север, я — на Балтику, в Таллин... Получаем деньги, документы... Оформляемся. 25-го же в Таллин уезжают Всеволод и Леонид Соболев. 26-го рано утром иду за билетом я. Днем 26-го уезжаю. Маша провожает. Всё наскоро. Последние горячие слова. Слезинка у нее на щеке. Из двери Ленинградского вокзала последний раз вижу, как мелькает ее белое пальто.

В поезде очень тесно, жарко. Все сидят друг на друге, но очень внимательны друг к другу. Настроены бодро, воинственно. Все едут на войну с прерванных отпусков, с курортов, по вызову. Ночью в поезд вваливается группа девушек-санитарок. Молодые, веселые, розовощекие. Вот и Ленинград, он уже насторожен, деловит. День провожу в городе. Зашел в ТАСС, договорился о формах связи с т. Шур. Спрашиваю на улице у какой-то женщины, как пройти к Балтийскому вокзалу. Она отвечает, но через два-три квартала меня останавливают для тщательной проверки документов. Оказывается, я вызвал подозрение, за мной следили. На вокзале встречаюсь с Азаровым, Зиновиным, Кронфельдом[8]. Они — тоже в Таллин. Вместе устраиваемся с билетами. На квартире у Зиновина едим, пьем, затем в поезд — и поехали...

Первая воздушная тревога рано утром в Эстонии. Солнце, утренний туман, гудит тревожно паровоз. Ничего... Обошлось... Едем дальше. Вот и Таллин. Он не изменился,— такой же красивый, нарядный, как был месяц тому назад [9]. Долго стоим в очереди — сдавать вещи на хранение. Пьем лимонад, ходим бриться в вокзальную парикмахерскую. Затем — Пубалт [10]. Знакомство с Зенковским [11]. Встреча с Добролюбовым [12].

— Вас,— говорит он,— я направлю в газету ПВО Таллина.

Быстро — на машину (приезжают за мной редактор многотиражки младший политрук Петров и секретарь редакции краснофлотец Сорокин). Едем в штаб, Вайценберга, 20. Принимает майор Жарков, начальник строевой части. Проверка документов. Спим ночь на полу. Затем — на командный пункт. Первая встреча с полковым комиссаром Зыковым. Дача. Кусты смородины... Днем — обмундировываюсь в экипаже. Выдают тот же китель, что был у меня месяц назад. Оказывается, меня в экипаже запомнили. Начинается работа...

Первая вылазка с Петровым на батарею. Она расположена на горе над «Русалкой» [13]. Каменистое поле. Маскировочные сетки, ложные кустарники. Умный худощавый командир батареи сержант Випер. Пишет стихи. Делаем первые примитивные заметки с Петровым. Пишу стихи, очерк о дороге Москва — Таллин. На следующий день выпускаем первый номер газеты. Начинается газетная страда. Я, в сущности, делаю всё — заново переписываю все заметки, даю стихи, передовицы, лозунги, корректирую, клею макет. Петров восхищен. Парень он отличный. Ездим вместе с ним к Зыкову согласовывать пробные экземпляры газет...

Чудесное лето. Весь цветущий незабываемо красивый парк Кадриорг[14]. На озере лебеди. Ручные белки прыгают с ветки на ветку. Пирита [15], лесные дороги... Вскоре получаю винтовку, гранаты. Начальник АХО ПВО — красивый, статный, молодой — выдает «ТТ» [16] с боезапасом, котелок, патронташ. Я увешан всем этим с ног до головы. Вероятно, очень смешной вид.

Знакомство с заместителем начальника политотдела — старшим политруком Будником. Пишу о нем очерк. Он герой финской войны. Вскоре устанавливаются с ним, с Евсеевым (секретарем парткомиссии) очень хорошие отношения. Ездим вместе на батареи, купаемся с Будником в речке Пирита, в море...

Все еще выглядят Таллин и Пирита, как курорт. В магазинах полно, на улицах нарядная, пестрая европеизированная толпа. На пляжах загорают. В ресторанах за столиками праздные штатские мужчины. Им нет

«РОДИНА ЗОВЕТ»

Плакат, висевший на улицах осажденного Ленинграда в 1941 г.
Воспроизводится по кадру из документального кинофильма «Ленинград в борьбе», 1942
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

дела до войны... Ночью из окон одиночные выстрелы по нашим офицерам. «Пятая колонна»...

Начинаю встречаться с Вишневским и Соболевым. Они живут в Минной гавани, в здании плавсредств. Добираюсь к ним обычно на грузовике штаба или на велосипеде. У них — смешная маленькая машина, которой управляет Соболев. Прозвище — воробей (она чирикает на ходу).

Масса шуток по поводу моего вооружения...

Писем от Машки нет. Впрочем, Соболев тоже ничего не получает из Москвы. Ждем! Главное направление врага: Минск — Смоленск — Москва... Мы оставили Ригу, Либаву. Тяжкие бои под Псковом. Бомбят Нарву. Связь с Ленинградом, Москвой все время прерывается. Накрыли подлодку, когда она ставила мины на пути из Таллина в Кронштадт... Немцы хотят отрезать Эстонию с суши. Запереть Балтийский флот в Таллине.

7 июля великая паника... Грозные слухи о необходимости эвакуировать Таллин. Делается масса глупостей. ⟨...⟩ Уничтожается много хорошего, ценного имущества. Все торопливо укладываются. Неужели отступать? Все говорят о возможном нападении кайтселийтов [17] в пути. Очень тяжелые дни. На душе становится пусто, нехорошо. Уезжает редакция «КБФ» [18] и ряд тыловых учреждений. Пожалуй, морально дней более тяжелых не было. Уходить без боя? Все бросать? Нет, это бессмыслица! Уже даются директивы по уничтожению нашей типографии...

В разгар этих событий Петрова как учащегося I курса Военно-политической академии им. Ленина отзывают в Москву и меня назначают ответственным редактором (правда, два-три номера редактировал политрук

Сутягин, но это номинально) многотиражки ПВО «На боевой вахте» (несколько номеров вышли под названием «Боевая вахта»).

Все силы — многотиражке. За первый месяц войны написал около полутысячи строк стихов и около пяти листов прозы (очерки, статьи, передовицы, заметки). Никогда в жизни я так интенсивно еще не работал. Но это интересно. Правда, я совсем не думаю, что качество написанного высоко с литературной точки зрения. Тут уж ничего не поделаешь — такая обстановка, такие задачи...

Быт в штабе, на Вайценберга, 20. Сплю без подушки, на диване. Ем в роте связи, в Кадриорге. Там смешной, докторально-нравоучительный политрук Ермаков, толстый, глупый, хитрый, добродушный старшина Денисов, очень культурный, приятный командир роты младший лейтенант Тихонов. Кормят жирно, обильно, невкусно. Ермаков все время учится ездить на велосипеде, поминутно падает (или «пикирует», как говорят о нем в насмешку). Ухаживает он за какой-то уличной эстонской девочкой, жмет ее на скамейках в Кадриорге. Зовут ее Сельма. Маленькая, неопрятная (это редкость среди эстонок), по-видимому, очень эротическая девочка лет 17—18...

Целыми вечерами — разговоры о женщинах. За ними — целая охота, но главным образом глазами. Прогулки в Кадриорге... Только у Калабашкина завязывается трогательный, хотя и грубый роман с эстонской медсестрой Эльзой. Мечтают о встречах с женщинами все — политрук Сутягин, начфин Ларькин, главстаршина Рудаков (работник партучета), мои славные чудесные ребята — наборщик Василий Спиридонович Самотыков, печатник Лавкер, рябой, милый, простодушный детина Середавкин (которого все зовут Бородавкин, а он и не думает обижаться)...

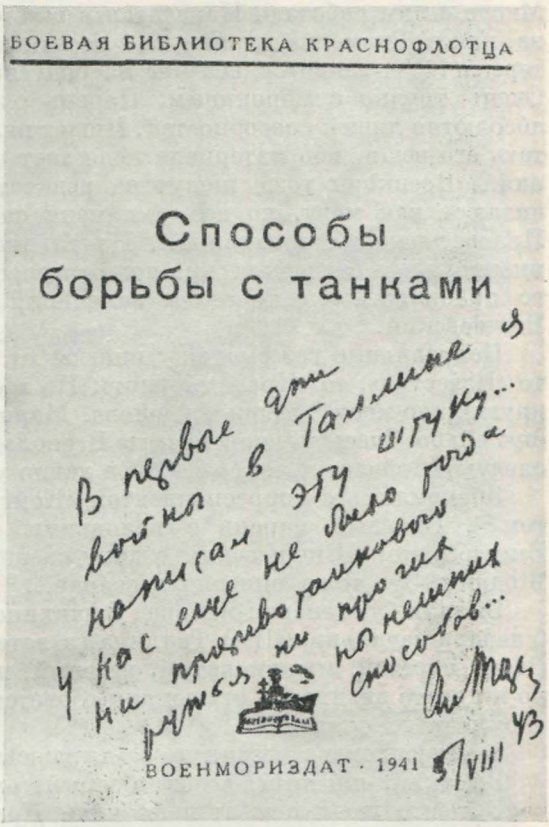
Жаркие летние дни... То я, то Сорокин ездим за материалом. Целые дни пишу стихи, вымучиваю «Полундру» [19] (номер очень нужен, но я на это предельно бездарен). Солнце, духота... Живем мы в прекрасном буржуазном доме с ваннами, как в «Астории» в Ленинграде. Иногда принимаю душ. Почему-то дурацкая боязнь — вдруг будешь принимать душ, а в это время развернутся события. Все поэтому стремишься держать при себе,— в противогазе (комплект газеты, рукописи, бритву и т. д.). Эта привычка остается и дальше... Завожу «культуру» в редакции,— достаю замечательную эстонскую бумагу, чернила, клей, фаберовские карандаши. Работа налаживается. Газета выходит точно через день. Каждый раз — обычно к вечеру — везу ее на утверждение Зыкову или Струкову на КП. Зыков читает, довольно грубо и глупо придираясь, Струков — мягкий, симпатичный. Если нужна поправка — он делает ее с удивительным тактом...

Встречи с Вишневским, Соболевым. Оба бодрые, здоровые, загорелые, нарядные. Возят их на зисе... У меня жизнь, конечно, гораздо более прозаическая и деловая. Я вижу меньше их, а работаю... я и автор, и корректор, и выпускающий, и редактор. И поэт, и очеркист, и «передовик», и куплетист, и репортер.

Начинаю давать материал в ЭТА [20] (Излистьев — заикающийся добродушный тяжкодум, Кейс — худощавый спокойный эстонец-коммунист). Охотно печатают. Все очень культурно поставлено — бумага, машинки, сами машинистки... Чистота, точность, опрятность, вежливость. Работать у них приятно...

Встречи с Иголкиным — впрочем, они описаны в очерке о нем,— не буду вдаваться в излишние подробности...[21] После одной из бесед с генерал-майором Зашихиным в его зисе на пути из КП в штаб пишу небольшую статью о борьбе с танками. Статья понравилась в Пубалте. Добролюбов через Иголкина поручает мне на эту тему написать брошюру [22]. Роюсь в газетах, подбираю материал, пишу. Очень боюсь оказаться не специалистом в вопросе.

СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ТАНКАМИ»
Брошюра А. К. Тарасенкова.
Л., Военмориздат, 1941
Экземпляр, подаренный
А. А. Игнатьеву
Титульный лист с надписью автора,
5 августа 1943 г.
Собрание В. П. Нечаева, Москва


БОЕВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

Способы борьбы с танками

В первые дни войны в Таллине я написал эту штуку... У нас еще не было тогда ни противотанкового ружья ни прочих ныне нашних способов...

ВОЕНМОРИЗДАТ · 1941

Брошюра получилась, была одобрена и вышла в свет в Таллине (без фамилии автора) за несколько дней до решающих боев за Таллин. Однако вряд ли она принесла пользу,— на Таллин танки, в сущности, почти не наступали. Немцы обошлись мотопехотой, артиллерией, минометами...

Встречи в «КБФ» (редакция вернулась после драпа в Таллин) с Брауном, Инге, Гейзелем, Соболевским, Самойловым [23]. Люди киснут в редакции. Иногда приходит к нам в многотиражку политрук Марков, вырезает из газеты заметки, потом их печатает в «КБФ». Я даю несколько стихов, очерков.

Но главное внимание — своей многотиражке. Я злюсь, что нет в ней настоящего боевого материала. Ну о чем писать — о малоудачной стрельбе по одиночным самолетам?..Только один действительно интересный эпизод за все это время — большой налет на аэродром, абсолютно неудачный для немцев (описан мной в специальном очерке)...[24]

Люди, с которыми приходится работать, хорошие, славные, хотя и не всегда обладают достаточной эрудицией. Работаю с ними со всеми без запинки. В свободные минуты читаю бойцам стихи, рассказываю разные смешные истории, веселю народ как могу и умею. Вел с одним бойцом долгий разговор о мироздании, о бесконечности вселенной и т. п. Типичный разговор на войне!.. Кажется, это даже описано в каком-то романе о первой империалистической войне. Пробовал читать сочинения Наполеона. Нет, не могу! Слишком все это не похоже на ту войну, которую мы ведем.

Добиваюсь, чтобы в редакцию дали еще одного работника. Дают сержанта Дудника, Григория. Способный, несколько замкнутый паренек. Грамотен недостаточно, но умеет схватывать живые детали, характеры.

Много с ним работаю. Напечатал в газете штук 10—15 его очерков. Снова, как в «Знамени», я нянчусь с десятками людей и выдвигаю их. Это интересно! Уж такая судьба мне на роду написана — быть восприемником. Очень трудно с Сорокиным. Парень очень честный, старательный, но абсолютно лишен способностей. Пишет вяло, бесцветно. Приходится печатать его вещи, ибо материала недостает адски. Но это — скука страшенная... Военкоры тоже пишут на редкость бледно, однообразно. Выкручиваюсь как могу, но все-таки меня самого газета не удовлетворяет. Правда, начальство хвалит... Начальник Пубалта Муравьев присылает письмо, где я отмечен весьма положительно, но это не так уж важно. Много правильных критических замечаний делает при просмотре газеты Вишневский.

Центральные газеты вижу иногда, от случая к случаю, то «Правду», то «Известия», то «Красный флот». Но все с большими перебоями. Лучше других, по-моему, вещи Симонова, Маршака, Эренбурга. Остальные пишут слабо. Здесь на первом месте Всеволод. За ним, по оценке начальства, следуют Соболев и я. Но Соболев давно уехал отсюда... [25]

Знакомлюсь с корреспондентом «Комсомольской правды» Я. Гринбергом [26]. Славный парень с воловьими глазами, красивый, неглупый. Вместе с ним и Вишневским ездили на аэродром к Кулашову, Кузнецову, Шодину. Это тоже описано в очерке... [27].

Бывали у генерал-майора Зашихина, моего прямого начальника (сначала начальник ПВО Таллина, а затем начальник обороны Таллина). Очень простой, мужиковатый, веселый, неглупый человек. Мне он охотно и просто визировал статьи для «Советской Эстонии», для ЭТА. Вишневскому он говорил:

— Стреляем мы, извините за выражение, хреново.

Высокий, плотный, всегда бодрый, он любим подчиненными.

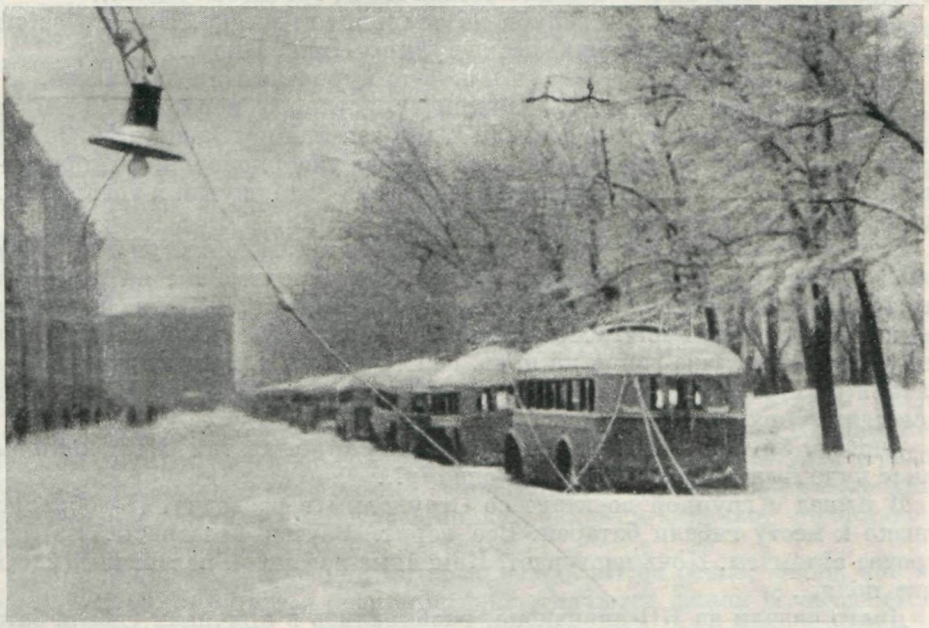
Вот еще люди штаба: полковник Дралов (начальник штаба), сухой, чиновный, злой, хотя и знающий, ценный работник. Газету он, очевидно, как и литераторов вообще, глубоко презирал. Начальник связи — капитан Невдачин — внимательный, тихий, очень деловитый человек. Его помощник Романов — горячий, вспыльчивый, прямодушный человек. Он говорил мне:

— Ну вот. Многим нацепили ордена, а при военной проверке оказались трусами, дерьмом.

Сам он страшно рвался на фронт, говорил и о возможности партизанить по тылам. С огромной любовью — о жене, о недавно родившемся ребенке.

Капитан Стрижак — веселый, красивый, донжуанистый, обходительно-предупредительный. Вместе с ним были на катере ВНОС [28]. Провели весь день на море. Ночевали на острове Вульф, зеленом, мшистом, лесном. Море на утро — тихое, ясное, гладкое. Ходили в сторону Вимси и дальше на NO. Камбалы видны на дне, на песке... Останавливали почтовую лодку, осматривали ее. Мимо прошел в утренней дымке караван наших транспортов под большой охраной. Самолетов врага не было. Купались, ели вкусный и обильный самодельный обед, сидя прямо на палубе. Ребята обаятельные. Описал все это в очерке [29].

На катере — Дмитриев. Старый моряк, 50 лет. Пришел на войну добровольцем. Моторист. Участвовал в гражданской и в империалистической войне 1914 г. Сухой, жилистый, худое тонкое лицо в глубоких морщинах, седой ежик... Очень добросовестен. Я написал о нем очерк[30]. Интересовался впечатлением Дмитриева. Он реагировал как-то бесцветно. Очевидно, ему это все равно. Он видел Кирова, говорил с ним в Астрахани. Это очень бывалый человек, один из кадровых людей революции. Был в финско-немецком плену в 1918 г.



КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ»

Сценарий В. В. Вишневского

Ленинградская студия кинохроники, 1942

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

В ПВО принимали меня в члены ВКП(б) по московским документам и рекомендациям (Вишневский, Исбах, Эдель). Было это на лужайке, под деревом у КП. Строго, деловито... Будник задал вопрос: чем замечательна статья Ленина «О Соединенных Штатах Европы»? Я ответил быстро, подробно. С тех пор он стал меня уважать. Это забавно. Элементарная «ученость» сразу повышает тебя в глазах политработника. Одновременно со мной принимали в кандидаты ВКП(б) Циву Марковну Головичер, машинистку штаба, кокетничающую со всеми без разбора и носящую прямо на юбке револьвер. Человек душевный, хороший, хотя и несколько загордившийся от бесконечных ухаживаний.

Обычная картина штаба: дача, видно, богатея немецкого. Солнце, вокруг цветы, трава, ягоды... Телефонные звонки, поток донесений с ВНОС. Напряженное состояние. Все работники за столами. Все время ожидание налетов. Самолеты врага — единичны. Но каждый день прилетают все же обязательно. Беспорядочная стрельба. Сотни снарядов. Это пугает врага. Виражи, виражи в облака,— самолет уходит обычно. Ничего не сбрасывает. Очевидно, прилетал с разведывательными целями. Однажды в яркий солнечный день — концерт силами эстонской эстрадной бригады. Прямо на траве, неподалеку от штаба. Во время концерта — очень близкая стрельба зениток... Как аккомпанемент...

Часто бываем в ресторане «Ром». Очень вкусно — цветная капуста, жирные борщи, жареная колбаса, кулебяка...

Сейчас, в январе 1942 г., когда я пишу эти строки в голодном, от холода вымирающем Ленинграде, даже страшно вспоминать эту еду. Сгущенное молоко в столовой начсостава ПВО, гречневая каша...

Цветы, цветы, цветы и голуби на таллинском рынке. Все это забыть нельзя. Милые красивые гриммовские улицы Пикк, Виру... [31].

Нет, это была еще не война, а какой-то курортный прелюд к ней.

24 августа можно считать концом «курортного периода». Днем мы с Вишневским и Гринбергом заехали к генерал-майору Зашихину. Он объяснил в своем доте на карте обстановку. Враг уже около самого города — километрах в... 11—12. Но Зашихин был очень бодр, шутил и говорил, что линия обороны обязательно будет удержана нами.

Едем с Зыковым по дивизионам. Страшное зрелище отступающих обозов 8 армии. Грязные, заросшие, усталые красноармейцы на повозках. Зыков ездит по батареям, приказывает хорошо маскироваться, быть готовыми ко встрече наземного противника. До ночи объезжаем с ним точки. Затем выезжаем, уже глядя на ночь, со Струковым в один из дивизионов. Узнали на месте о гибели батареи под минометным огнем врага. Слушали командира орудия.

— Если бы вы, товарищ полковой комиссар, были там, вы поняли бы, какое чудо было уцелеть хотя бы одному...

Я пошел с группой во главе со Струковым в разведку. Подобрались близко к месту гибели батареи. Все горит. Рвутся боезапасы. Из лесу строчат автоматы. Ночь наступает. Каменные изгороди, невзрачные эстонские поля...

Долго сидели на КП дивизиона, разбирались в причинах гибели батареи. Затем на КП ПВО. Ночь в даче. Темно. Спим не раздеваясь. Начинается артобстрел. Утром 25.VIII он усиливается. Снаряды рвутся прямо над головой. Осколки сшибают листья, ветки деревьев. Канонада. Бьют по немцам наши корабли. Налеты. Бомбят... Появляются Зенковский и Гринберг. Едем на Вайценберга, 20, делаем быстро газету. В разгар работы КП ПВО переезжает сюда. Настроение у всех живое, нервное. Говорят, что выстоим еще недели две в ожидании подкреплений. Ночь мы проводим с Зенковским во тьме. Затем он уходит на «Веронию» [32].

26.VIII. Продолжаю делать следующий номер газеты. Прибывают на КП раненые. Мы со Струковым объезжаем госпиталя. Страшные картины!.. Пирита горит. На аэродроме бой. Немецкие автоматчики просочились в город. Их вылавливают. Пожары. По Вышгороду [33] бьют шрапнелью. Пожар в Минной гавани. Эвакуация раненых. Машин не хватает. Идут, ползут по улицам, в бинтах, на костылях — все к гавани... Армейские части — к гавани... Поперек улицы заграждения. Не пропускают в порт. Отправляют обратно в бой... Рубеж держит морская пехота. Залпы с «Кирова». Налеты на порт. Бомбят корабли, транспорты на рейде... Немецкое радио сообщает: «Балтийский флот заперт в Таллине. Ему не уйти. Финский залив минирован. Береговая полоса в наших руках...»

Рядом с КП из трубы высовывается трижды голова с биноклем. Снайперский выстрел в нее. Кайселийт-парикмахер снят...

Газета отменяется. Наборщики идут занимать рубежи обороны у штаба, у пруда в Кадриорге. Роют окопы. Я назначен к «Русалке» останавливать бегущих. Входит Всеволод — сумрачный, в очках, только что от «Русалки». Там минометный огонь.

Стоим у «Русалки». Помогают еще Гринберг, Данилов, Шилоносов, сменяясь. Останавливаем бегущих, кричим, материмся, формируем отряды. Так — до вечера. Один красноармеец бежит на меня. Искаженное лицо. В руке автомат. «Стой!» Он матерится и хочет убить меня. Я собираю всю силу воли, заставляю его залечь, держать оборону. Он бросает автомат, катается по земле, рвет рот себе руками...

Часам к девяти вечера иду поесть на КП. Струков приказывает быть в штабе, подготовить эвакуацию типографии. Наборщики в окопах. Все обдумываю один. Ночью слушаю радио. 25-го наши войска оставили Новгород. Упорные бои на Кингисеппском направлении... Жду дальнейших распоряжений. Вокруг города зарево. Горит писчебумажная фабрика.

27.VIII. Утром, часов в шесть, Струков приказывает грузиться и ехать в Минную гавань. Достаю машину. Беру из окопов наборщиков. Грузим шрифты, разбираем типографскую машину. Темп, усилия сверхгероические. Все это заняло 1 час. Едем в Минную гавань. Город утренний пуст, тихо. В здании порта наш КП. Моемся, бреемся со Струковым. Он ровен, спокоен. Попили чаю,— его устраивают Цива Марковна Головичер и хромая эстонская уборщица.

В гавань едут на машинах, идут и идут пешком... Приказано Матушкиным останавливать бегущих. Это безумно трудно. Все усилия воли на это. Говорю Струкову: «Не в силах больше!» Он ласково, твердо, тихо: «Надо суметь. Давайте вместе»...

На недолгое время паника прекращается. Бесконечные налеты самолетов. Взрывы. Стрельба. Я захожу в порт. Там — Гринберг, Вишневский, Зенковский. Вишневский говорит Струкову, что меня отзывает Пубалт. Через несколько минут за мной с запиской посыльный, и я на «Веронии». Вишневский уступает мне свою койку, целует сумрачно, торопливо — и уходит на «Ленинград».

Горит Таллин. С корабля, который еще стоит на рейде, видно, как пылает арсенал, как рвутся боеприпасы, застилаются дымом Купеческая гавань, электростанция, водопровод. Багровое небо над всем городом, от Пириты до Палдиски [34]. Ночь — тревожная ночь эвакуации. По темным волнам шныряют катера. Стрельба.

На «Веронии» пубалтовцы, Данилов из «КБФ», Бусыгин, Марков, журналисты Зенковский, Гринберг, Цеховницер, Михайловский, Князев, Колин — журналист из ОСО [35] 8 армии, девушки-санитарки, Будалова — из разведки, с которой мы говорим почти всю ночь об Испании, где она бывала, о художниках, об Эренбурге, о многих наших, как оказывается, общих друзьях. Чем-то напоминает она В. Мильман [36]. Тот же

культурный тип, известная доля цинизма, жадный на наблюдения и остроты ум. Смеется над Гринбергом,— он, говорит она, «минзухер» (немецкий анекдот — Wilhelmina, Mina, Minnsucher).

День проходит сравнительно спокойно. Поддразниваем Гринберга вместе с Будаловой. Он сумрачен, очень боится, хотя и крепится.

28.VIII. В походе. Обстрелы самолетов. Около 7 час. вечера ужин, затем в каюте Данилова я ему и Джесси Ивановой (машинистка газеты «КБФ») читаю стихи Блока и свои стихи о Блоке. Все время непрекращающийся огонь зениток «Веронии». Пикировка. На «Веронию». Сразу падает четыре бомбы. Все рушится, трещит... Дым. Вода. Выскакиваем в коридор! Я быстро соображаю — успею ли добежать в каюту, взять комплект своей многотиражки из противогаза? Нет, не успею.

Бегу на палубу. Драка из-за спасательных поясов — чёрт с ними,— я умею плавать. Драка при посадке в шлюпку,— нет, это очень опасно — она кренится. Сейчас оборвется канат, на котором ее неравномерно спускают носом вниз. Спускаюсь по штормтрапу. Прыгаю в воду. Плыву в чем был — в форме, в башмаках, с рукописями, документами, Машкиными письмами в карманах, с револьвером. То хватаюсь за бревна — они вертятся в руках... Неустойчиво... То подплываю к большому спасательному кругу. На нем уже — человек семь-восемь. Уцепившись за гашник какого-то дяди, плаваю. Начинаю леденеть. Нет, лучше двигаться. Бросаю спасательный круг, плыву дальше. Сколько плыву — не знаю. Все нереально, как в тумане... Наконец, когда уже силы начинают иссякать и сгущаются сумерки,— с буксира мне бросают конец. Подтянуться не могу, нет сил. Меня втаскивают за руки.

Холодно. Дрожь. Зуб на зуб не попадает. Вокруг строчат самолеты, летают на бреющем полете вокруг буксирчика. Рядом со мной старший политрук Эстеров из НКВД. Тоже зуб на зуб не попадает. Откуда-то берется мужество пошутить, что ему надо побриться...

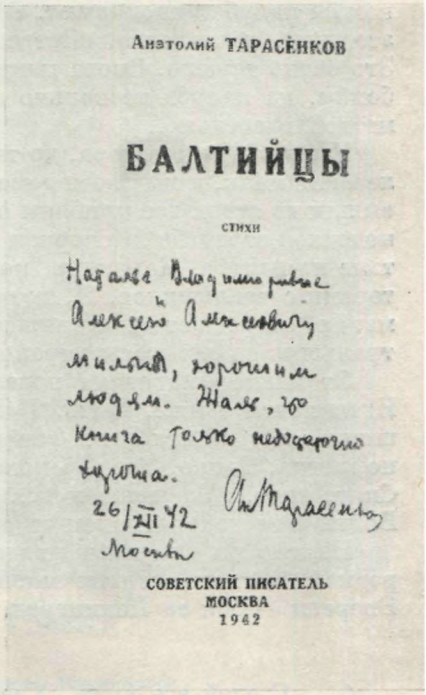
Наконец, дрожащие, шатаясь, мы входим на борт «Ленинградсовета». Сразу нас ведут куда-то к котлам — сушиться, греться... Полный покой. Иллюзия полного счастья. Раздеваюсь, как и все, сушу белье, документы, вырезки. Муравьиное упорство — все спасти, отстоять.

К ночи узнаю, что здесь Мирошниченко. Пробираюсь к нему в каюту с помощью краснофлотца, который прежде служил печатником у меня в таллинской типографии. С Мирошниченко мы не знакомы. Но встреча исключительно дружеская. Он железно спокоен, бодрит, угощает чаем, папиросами. Потом мы выходим с ним на палубу, надев спасательные пояса. С ними уже не расстаемся ни днем, ни ночью.

На палубе страшно. Ночь. Тьма. Все море стонет — «Поо-могите, спасите...» Сотни, тысячи людей с погибших кораблей. Спасти их нет почти никакой возможности. Мы — посреди минного поля. Встаем на якорь. Тревожная, бессонная ночь. Несколько раз ложусь в каюте Мирошниченко. Заснуть не могу.

Утро 29.VIII. Мы можем двигаться. Это кажется счастьем... Приводят еще партию спасенных. Среди них Н. Михайловский [37], корреспондент «Правды», с которым мы едва знакомы, но встречаемся как старые друзья. Эти дни незабываемые — общая судьба родила великую дружбу.

Начинают летать на корабль пикирующие бомбардировщики. По одному, по два, по три, по пять штук. Летят каждые 5—10 минут. Против них мобилизованы все пушки и пулеметы, ружейная стрельба краснофлотцев. Она идет почти непрерывно. А самолеты всё пикируют и пикируют. Бомбы падают совсем рядом. Командир корабля гениально маневрирует,— то дает полный вперед, то назад, то стоп, то замедляет ход, то убыстряет его, то кладет рули на левый борт, то на правый. Шар, показывающий скорость, летает вверх и вниз. Сплошной кордебалет корабля!


Анатолий ТАРАСЕНКОВ

БАЛТИЙЦЫ

стихи

Наталье Владимировне
Алексею Алексеевичу
милым, хорошим
людям. Жаль, что
книга только недостаточно
хороша.
26/XII 42
Москва

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1942

«БАЛТИЙЦЫ»

Сборник военных стихотворений А. К. Тарасенкова. М., «Сов. писатель», 1942

Обложка и титульный лист с дарственной надписью автора Н. В. и А. А. Игнатьевым, 26 декабря 1942 г.

Собрание В. П. Нечаева, Москва

Наконец, Гогланд. Кажется, что после него будет легче. Но это ошибка. Наших ястребков все нет и нет. В них же — одно спасение. Отбиваемся как можем. Одно из орудий корабля выходит из строя. Пулеметные ленты кончаются. Набиваем их патронами из подсумков краснофлотцев... А командир корабля старший лейтенант Николай Николаевич Амелько все маневрирует и маневрирует. Он делает это гениально. Ничего нет жутче пикирующего на корабль бомбардировщика. Чувствуешь, что под тобой — хрупкая палуба, под ней вода,— вокруг море, море, берег далеко, по курсу корабля набросаны мины. Прыгать второй раз — что, если придется? Сил нет. Предприятие будет вполне безнадежное...

Курю, курю без конца папиросы Мирошниченко. Пью чай, ем иногда хлеб с маслом. Временами совсем слабею, почти засыпаю. Михайловский подбадривает меня, поддерживает, ухаживает. Проходит час,— я оживаю, тогда он вдруг впадает в такое же оцепенение. Изумительно хорошо держится Мирошниченко. Он даже заносит в свой блокнот даты часов и минут, когда на нас пикируют. Но это происходит так часто, что в конце концов он сбивается, путает свои записи. Эту тетрадь он мне подарил...

Я продолжаю в поисках дела сушить вырезки, документы... К чему? Не знаю. Воля к жизни еще остается. Думаю о Маше, о ребенке, который уже, верно, родился, о судьбе родины. О себе мало. Это уже отодвинуто куда-то на второй план. Все равно чувствуешь себя подопытным кроликом.

Перед вечером появляются наши «ястребки». Сразу необычайный взлет энергии, прилив сил. Это у всех. Даже раненые в каютах оживают. Ястреб-

кам на палубе аплодируют. «Мессершмитты» и «юнкерсы» удирают. Но все это, увы, не надолго. «Ястребки» уходят — и немцы появляются снова. Это очень тяжело. Снова пикировка за пикировкой, снова рвутся рядом бомбы, на палубе несколько осколков. Одна из кают раздроблена пулеметной очередью...

Так до самого вечера, до темноты... Вот и тьма. Хорошо! Скоро Шепелевский маяк, и мы почти дома. Но на тральщиках и на «Ленинградсовете» вышли из строя все приборы от бомбовых сотрясений, от собственной бесконечной стрельбы. Испорчен гирокомпас и пр. Все это я узнаю, стоя во тьме на палубе. Командир корабля ведет переговоры со шлюпками и катерами с тральщиков. И, хотя угрожает опасность подорваться на своих минах, он решает идти дальше. Идем тихо-тихо, почти ощупью. Впереди тральщик со змейковым тралом.

От нашего каравана почти уже никого не осталось — все погибли. Идем почти одни... Ночь. Палуба. Груды утомленных, спящих тел. Машинистка Пубалта Галя (спасенная) засыпает в объятиях какого-то краснофлотца. Тепло. Все — около выхода воздуха из машинного отделения. Спят, спят... Засыпаю и я... На берегу пожары... Какие-то ракеты... Война в ее декоративном и страшном облике.

Наутро мы входим в дождливый, туманный, но бесконечно красивый, родной, хотя и впервые мной увиденный Кронштадт. Жизнь спасена... Впереди — бои за Ленинград, блокада...

⟨...⟩ С едой все хуже. Хлеб — четыреста граммов. Это военный паек. Чуть мяса, чуть каши, водянистый суп, плавает капуста...

Из встреч этого времени — очень трудная вечером 6 ноября. Мы с Вишневским идем к матери покойного Ореста Цехновицера — по ее письму. Это где-то на проспекте Володарского. Она прислала письмо — отчаянное, грустное — где сын? Что с ним? Мы явились — прошли через артобстрел по проспекту. Квартира ленинградская, интеллигентская в самом славном смысле слова. Маленькая седая старуха. Умная, наша. Всё ей рассказали. Она трагически переживает — впервые ей сказали всю правду до конца. Она только догадывалась до этого, но точно не знала. Сестра Ореста — некрасивая, пожилая. Мать Цехновицера рассказывает: квартиру Ореста заняли какие-то проходимцы из милиции и домоуправления. Пропадает библиотека... Вишневский все записал, обещал помочь. (Через некоторое время подал все нужные бумаги прокурору, и дело было решено, мерзавцев наказали, об этом было в «Ленинградской правде».)

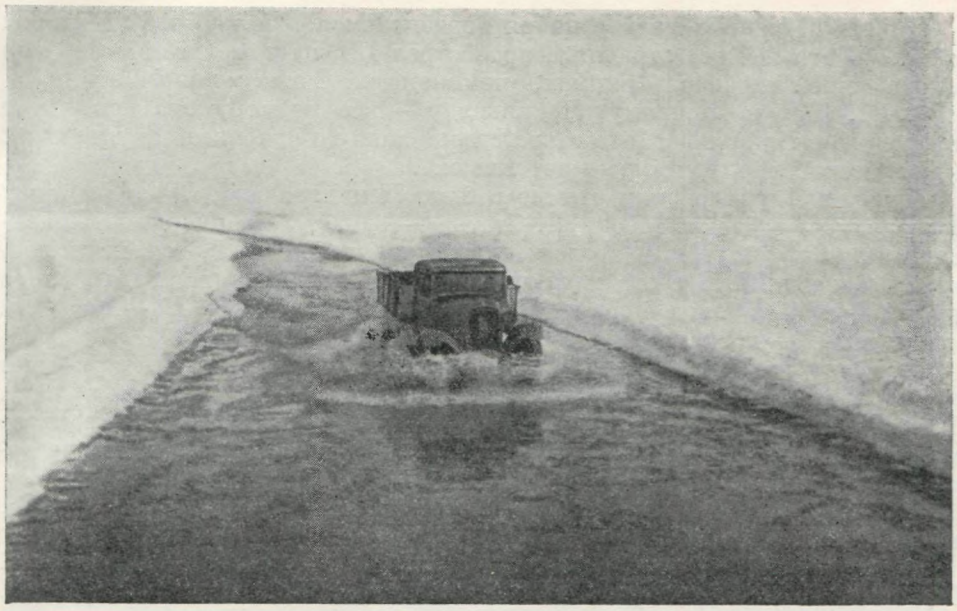
Трудно говорить с этой женщиной — так велик ее трагизм.

В эти же дни — дни праздника... Кажется, 7. XI мы с Вишневским и Михайловским на обеде в Разведупре у Фрумкина, Бобкова, Шилоносова, Падушкина в «Северной гостинице». Рассказывают много интересного. На этой основе написана мной и Вишневским статья «На Ленинградском фронте» (в «Правде») [38].

Встречи с Найдой, Сорокиным. Правда, очень скоро они эвакуировались на самолетах в Казань ⟨...⟩ Заменил их Дурнов и очень дельный выпускающий — Маркушевич.

В ноябре-декабре у нас вышло много брошюр в энергичном темпе (в том числе моя маленькая книжка стихов и совместная с Ефимом Добиным брошюра о торпедных катерах).

Весь ноябрь проходит в сплошных воздушных тревогах, к которым присоединяются еще очень частые артобстрелы. Трамваи еще ходят, телефон и электрический свет, водопровод и отопление действуют. Поэтому переносить все это сравнительно легко. Обычно во время воздушных тревог и артобстрела мы все остаемся в помещении на четвертом этаже. Изред-



ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО. ЛЕДОВАЯ ДОРОГА
Фотография, 1942
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

ка спускаемся вниз, в бомбоубежище, играем там в домино, читаем... В ноябре в группу[39] пришел Зонин, принятый нами всеми радушно. Начальство (Добролюбов и др.) его почему-то не взлюбило и забраковало очень быстро и дельно написанную работу «Что несет Гитлер крестьянству».

Рудный уехал в Москву. Послан туда Добролюбовым.

Долгими сутками люди дежурили на аэродроме, чтобы выбраться из города...

Все хуже становится питание. Наш паек хлеба срезан до трехсот граммов. На обед суп, чуть каши. Население получает сто двадцать пять граммов хлеба в день... Начинает пошатывать. Зонин сначала делится хлебом, едой, потом начинает уносить кусочки своей жене. Все истощаются... Что впереди? Люди надеются на Ледовую дорогу через Ладожское озеро. Но сколько можно провезти на машинах?.. Ждем-ждем прорыва блокады. У всех нас настроение — никуда из Ленинграда до победного конца.

Пользуюсь каждой возможностью для того, чтобы отправить письмо Маше,— ведь надежды на то, что почта идет через кольцо блокады, нет совсем... Одна из таких оказий в тыл — Лозинский. Бредем к нему на квартиру — на Кировский проспект — куда-то далеко, к самой Малой Невке (или это Большая Невка?..). Я с Лозинским не знаком. Но встреча с ним и его женой исключительно дружеская (Зонин знакомит). Лозинский берет письма. Он летит в Казань, берет с собой все свои материалы по переводу Данте. Будет трудиться. Худой, уродливый, энглизированный. Обаятельно вежлив, внутренне культурен...[40]

Поездка на «Киров» с Михайловским... Статья для «Правды»[41].

Собираю книгу стихов — сдаю в издательство «Искусство»[42].

Погиб Лебедев — поэт, штурман одной из подводных лодок. Собираем его стихи, пишем воспоминания, сдаем сборник в Военмориздат[43]. Сдаем также сборник стихов Инге...[44]

В один из первых дней декабря перебираемся с четвертого на второй этаж... В эти же дни страшный артобстрел Площади труда. Масса окон в доме нашем разбито. Чинимся, утепляемся... Снова можно жить...

4.XII. Шел по ночному Ленинграду — все радиорупора исполняли мою песню о Бринько [45] (она стала здесь одной из наиболее популярных). а мне бесконечно грустно — нет писем...

Пишем с Михайловским статью о быте Ленинграда [46]. Даем на визу Всеволоду, передаем в Москву... Статья — одна из любимейших. Появилась она, увы, с большим опозданием, подрезанная. Почему-то выпала подпись Всеволода... (Все это я узнал лишь в конце января, когда Азаров из тыла привез этот номер «Правды». Матрицы 21.XII — по пути в Ленинград — погибли вместе с самолетом...)

Один из артобстрелов Площади труда. Разбит трамвай. Снег заметает всё... Через день-другой трамваи еще пытаются идти. Скрежет рельс... Пробуют люди расчистить рельсы. Всё трагически не идет. Уже бессилие какое-то. После этого дня больше идущих трамваев в городе я уже не видал...

Кончился суровый, холодный январь. Ближе весна. Ближе море, походы наши будущие...

Вчера читал и перечитывал первые подробные письма из Ташкента. Трудные они. Да, не той уже стала Машка, какой была она летом, осенью. Да и я стал не тот. Много утекло воды за это время... Многое изменилось до неузнаваемости... Мой возраст — 32 года — на войне уже считается почтенным. Рядом со мной — летчики — бьют немцев те, кто, казалось, еще не созрели для войны. А оказывается, они успели стать взрослыми людьми...

Пушкин пишет в своей «Метели»: «Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами»...

⟨...⟩ Облик города совсем иной. То, что мы, писатели, описывали в сентябре,— в ноябре уже становилось ложью. Ту картину, которую мы давали в декабре, никак не применишь к сегодняшнему дню. У людей обнажались корни, да что там корни,— произошел как бы геологический сдвиг — слои почвы и грунта видны, как на срезе. Наружу выступили черты, тенденции, о существовании которых мы вчера еще, может быть, и не подозревали... Все мы держим решительный экзамен — тот, кто выдержит его, будет Героем с большой буквы, тот, кто не выдержит,— выйдет в тираж навсегда...

Вечера у маленькой печки. Потрескивают поленья. Они добыты — это великое благо. При свете их читаю Мопассана, Щедрина. Время сейчас есть, его хватает, но слова любимых книг очень туго входят в сознание — оно занято другим... Продумываю всю свою жизнь, вижу, как много в ней было случайного, неважного, наносного, какую бездну времени и я и меня окружавшие тратили на безумные пустяки... Впрочем, они-то, быть может, и составляли прелесть существования. Дико подумать, что можно было играть в теннис, стремиться купить заграничный костюм или поехать кататься на лодке на реку... И в то же время в жизни нашей сохранилась еще масса старых привычек, навыков, расчетов. Часто они нелепы и вступают в противоречие с могучим валом жизни, событий, несущихся навстречу.

Мир в огне! Мы идем по нему — будущие победители,— и никто не знает, кто останется в рядах, кто падет. Кто увидит реальную победу, кто умрет с верой в нее. Надеюсь твердо, что буду среди тех, кто опишет ее в полной красоте и объеме...

Приехали товарищи из командировки к летчикам,— привезли мясца, хлеба. У нас — праздничный пир. Настроение повышенное. Готовим-

НА СОВЕЩАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Слева направо: Л. В. Успенский, В. Б. Азаров, А. Я. Яшин, В. М. Инбер, Н. Л. Браун, А. К. Тарасенков

Фотография А. Дудченко. Ленинград, 6—7 февраля 1942 г.

Собрание М. И. Белкиной, Москва

ся к большому писательскому совещанию. Софья Касьяновна[47] готовит выставку из наших произведений. Боже мой, сколько написано за эти недолгие месяцы. 223-й день войны, кажется, сегодня? Да? Давно не видел «Правды» — уже, кажется, две недели... Писать туда сейчас трудно, материал стареет, пока дойдет до редакции. Решили сделать упор на книги, большие сравнительно книги, которые, надеемся, издаст Москва. У Москвы есть для этого возможности, которых нет у нас. Пишу сейчас мало... Думаю. Начал большую поэму[48] — итоговую вещь, которую хочется написать всей кровью сердца. Может быть, увидит она свет, когда Митька уже начнет читать по складам... Не знаю...

6.II. Сам удивляюсь как — но сегодня открываем большое писательское совещание, с большой выставкой, с уймой делегатов, с бесплатной раздачей книг — все, как полагается в таких случаях. В зале заседаний тепло — горит буржуйка. Через 10—15 минут откроем его. Сейчас Всеволод произнесет одну из своих магических речей — доклад об итогах работы писателей на Балтике. Потом будут прения... Завтра после закрытия совещания предполагается даже серьезный концерт. Все это удивительно, как пальма в тундре. Но тем не менее — факт. Вот только увы! — угостить делегатов нечем — каждый со своим сухарем.

Вчера получили крохотные посылочки от трудящихся из Свердловска. Одна посылочка на троих. Каждому досталось по три папиросы, по маленькому кусочку колбасы, по два пряничка, по десятку конфет и глотку водки. Сегодня раздавали кисеты — традиционный подарок фронтовику.

Все эти мелочи внимания очень трогают. Дары незаметные, но обаятельны в простом своем человеческом чистосердечии, как и наивные,

горячие письма, приложенные к посылочкам. «Дорогой патриот!» — начинается одно из них.

Здесь вся наша опергруппа — Вишневский, Мирошниченко, Крон, Азаров, Михайловский, Зонин, Амурский, Вишневецкая, затем спокойный седой Успенский из ПУРа — эрудит, поэт, прозаик и художник, Яшин — молодой поэт, Чуковский Николай, работающий в авиации, Добин из ВТК [49], Л. Кронфельд — с фортов, Кетлинская (Лен. ССП), Лихарев («На страже родины»), Каменецкий («Красный флот»), Семашко, Брук, Шляев и другие редакторы многотиражек, художник Соколов, писатель Капица из ОВРа [50], поэт Браун, работники театра КБФ Фидровский и Ерухимович, пубалтовцы Рыбаков, Лебедев, Смирнов, Корниенко, Мишурис, редактор «КБФ» Бороздкин, журналист «КБФ» Кормушенков, Золотовский.

Заходили на совещание полковой комиссар Склокин (из авиаотдела ПУ КБФ), полковой комиссар Мельник (IV отдел ПУ КБФ), капитан 3 ранга Чаликов, художник-фронтовик Я. Кравченко.

Совещание дружное, деловое, очень интересное, совсем не похоже на наши литературные пленумы и совещания раньше, до войны. Нет склок, интриг.

После вступительного слова дивизионного комиссара Лебедева — блестящий доклад Всеволода, умный, аналитичный, о каждом из нас он сумел сказать хорошее, доброе слово и в то же время каждому хитрый, скрытый укор — на будущее. Идут прения — хорошие, искренние, деловитые. Вечером доклад вице-адмирала Ралля о положении на море.

В качестве одного из гостей — Вера Инбер — седая маленькая героиня, написавшая замечательную вторую часть своего «Путевого дневника» — о пережитом за эти месяцы. Сидит седой осунувшийся Зонин, вечно юный Коля [51], бровастый умница, милый Саша Крон... Софья Касьяновна подтапливает печурку... Готовим к вечеру керосиновые лампы. Произвели фотосъемку совещания, раздали литературу.

Да, много книжек мы здесь успели навыпускать, чёрт возьми!

Огромные щиты с газетными вырезками — сколько написано нами за эти месяцы статей, стихов, очерков! Многое из этого — случайное, оно отойдет, забудется, но никогда в жизни не забудутся эти месяцы — героические, неповторимые, с тысячами великих трудностей и великой героики... Как мы напишем о них потом? Хочется собрать в себе все силы, хочется вобрать в себя все мыслимые детали пейзажа, поведения людей, быта... Разве все запишешь? Нет, многое приходится запоминать, фиксировать в зрительной, слуховой памяти...

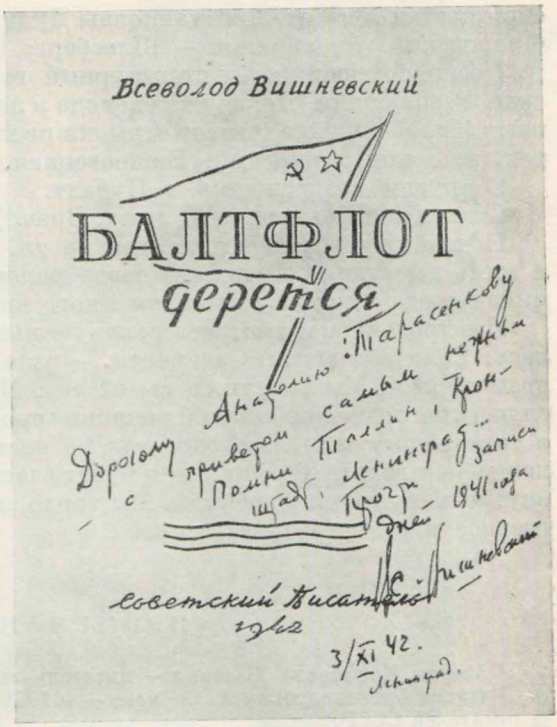
Под конец заседания 6-го Инбер, Успенский, Яшин, Азаров, я, Браун читаем стихи. Инбер замечательна. Трагические, глубоко правдивые новые главы «Путевого дневника» — об осаде Ленинграда, о голоде. Строки о хлебе, о тепле... Это почти величественно, это трагедийно в лучшем смысле слова. Умные, сделанные, но, пожалуй, слишком рационалистические стихи Успенского. Остальное мне мало нравится. Вечером открытка от мамы. Инбер угощает хлебом, сыром-эрзац, печеньем, витамином «С».

Очень устал... На мне вся организационная часть совещания — от гвоздя и каждого полена до карты и лампы с керосином (на случай, если кончится ток от нашего пубалтовского движка). Всеволод более спокоен, чем в предшествующие дни, кажется, доволен. Всё в порядке.

Союзом писателей и художников решено почти всех эвакуировать. На днях умер прекрасный литературовед Виктор Гофман, очень плох Эйхенбаум. Умер превосходный переводчик Пруста Франковский. Вовремя вывезли Ахматову, Лозинского.

Третьего дня проходил по улице... Трупы. Замерзшая вода. Во дворе ПУ — обледенелые гроты от лопнувших труб водопровода и парового

«БАЛТФЛОТ ДЕРЕТСЯ»
Сборник очерков В. В. Вишневского. М., «Сов. писатель», 1942
Титульный лист с дарственной надписью автора А. К. Тарасенкову, 3 ноября 1942 г.
Собрание А. К. Тарасенкова, Москва


Всеволод Вишневский
БАЛТФЛОТ
дерется
Дорогому Анатолию Тарасенкову с самым нежным приветом
Помни Таллин, Кронштадт, Ленинград! Дочти записей 1941 года
Всеволод Вишневский
Советский писатель
1942
3/XI 42.
Ленинград.

отопления. На рынке был на днях. Купил горсть лимонной кислоты за 70 руб. Вкусно. Продают хорошие вещи. Единственное мерило — еда. Кусочек сахара, хлеба, мяса — на вес золота. Продают обсосанные кусочки дуранды [52] — желтой, навозного вида, величиной с детскую ладошку.

Вчера эвакуировался с лагерем Литфонда писатель Геннадий Гор. Болен Решетов... На днях улетел в Москву по вызову ЦК (Александрова) Тихонов [53]. Летит на отчет в Москву директор ВМ издательства. Не слишком ли много отлетов и отъездов? Недавно отозван в Москву начальник отдела ПУ бригадный комиссар Добролюбов. Вместо него прилетел Корниенко [54]. Вечером 4 февраля сидели с Корниенко всей группой у печурки. Часа три он рассказывал очень интересно о положении на Черном море, на Каспии, в Крыму, на Кавказе. Многого мы не знаем, не понимаем из того, что делается на других фронтах и в тылу. Мы слишком полны собой. Есть, конечно, своеобразный фронтовой эгоизм. Да, мы — ленинградцы, выдержавшие невиданную по трудности осаду. Она заслонила от нас почти все остальное, совершающееся в стране.

Возвращаюсь к совещанию. Тезисы моего выступления: «Дельное совещание, хорошее, деловое. Нет обычных склок, интриг, ссор, характерных для довоенных писательских съездов и пленумов. Но не хватает критики, самокритики. О себе. Первые дни в многотиражке Таллина. Перевооружение критика — стихи, „Полундра“, статьи, очерки — поверхностные, слабые еще. Брошюра компилятивная о танках. Я стремился видеть все — ТК [55], подплав, летчиков, МО [56], крейсера... Интерес углубления. Раскиданность? Нет, жадность! „Правда“, работа в ней. Надо выбирать объект моногамной любви, но остаться оперативным газетчиком. Еще не время для монументальных книг, романов, повестей. Надо для них копить, собирать материал,— но весь основной упор на радио, газету. У каждого свой путь. Я бы выбрал именно такой. Помогать молодым флот-

ским поэтам и писателям (ханковцы Дудин, Имшенецкий, из театра КБФ Фидровский, из авиации — Шлосберг, Сцепуро)».

После совещания — литературный вечер 8.II на линкоре «Октябрьская Революция». Доклад Всеволода в ленинском кубрике, потом выступают Мирошниченко (читает отрывки из книги о Преображенском[57]), Азаров, я, Зонин, Амурский, Вишневецкая.

С трудом возвращаюсь в Пубалт.

Свалился. Весь день 9.II лежу. Врач. Дистрофия сухая ⟨...⟩

Ночью на газогенераторе едем на ул. Льва Толстого. Совсем недавно я здесь выступал со стихами перед ранеными. Теперь больной... Иногда мысли о еде занимают слишком много времени, сил — я гоню их...

Мы продолжаем смотреть великую пьесу и играть в ней. Она затянулась. Если акт считать за месяц, — уже нарушены все законы мировой драматургии. Мы смотрим в сьмой акт. Многие хлопают дверью и, не дослушав последней небывалой реплики героя, запахнув шубу, убегают. Нет, я так не поступлю. Всеволод так не поступит. Надо досмотреть всё до конца — я верю в то, что конец будет счастливый, — не по традиции, а по внутреннему смыслу событий. Мы гордо скажем тогда — мы видели самое гневное и самое величественное...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мария Иосифовна *Белкина* — писатель-очеркист, жена Тарасенкова.

[2] Ольга Александровна *Хвалебнова* — в 1941 г. секретарь парторганизации Союза писателей СССР.

[3] Тарасенков работал до начала войны ответственным секретарем редакции журнала «Знамя».

[4] НКФ — правильно НКВМФ — Народный комиссариат Военно-Морского флота СССР.

[5] С В. В. Вишневским.

[6] НКО — Народный комиссариат обороны СССР.

[7] Август Ефимович *Явич* и Павел Николаевич *Барто* — писатели.

[8] Вс. *Азаров* — поэт; А. *Зиновин*, Л. *Кронфельд* — писатели-драматурги.

[9] Весной 1941 г. Тарасенков был командирован на Балтику, писал историю военного корабля «Володарский».

[10] Пубалт — Политуправление Краснознаменного Балтийского флота.

[11] Ю. *Зенковский* — журналист, погиб во время таллинского похода.

[12] Бригадный комиссар *Добролюбов* — начальник отдела в Политуправлении КБФ.

[13] Памятник погибшему в 1893 г. броненосцу «Русалка».

[14] Кадриорг — парк в Таллине, разбитый в 1718 г. по приказу Петра I.

[15] Пи́рита — северный пригород Таллина, центр водного спорта.

[16] «ТТ» — пистолет системы Токарева.

[17] Кайтселийты — банды эстонских националистов.

[18] «КБФ» — газета «Красный Балтийский флот».

[19] «Полундра» — здесь, вероятно, отдел сатиры и юмора в газете «На боевой вахте».

[20] ЭТА — Эстонское телеграфное агентство.

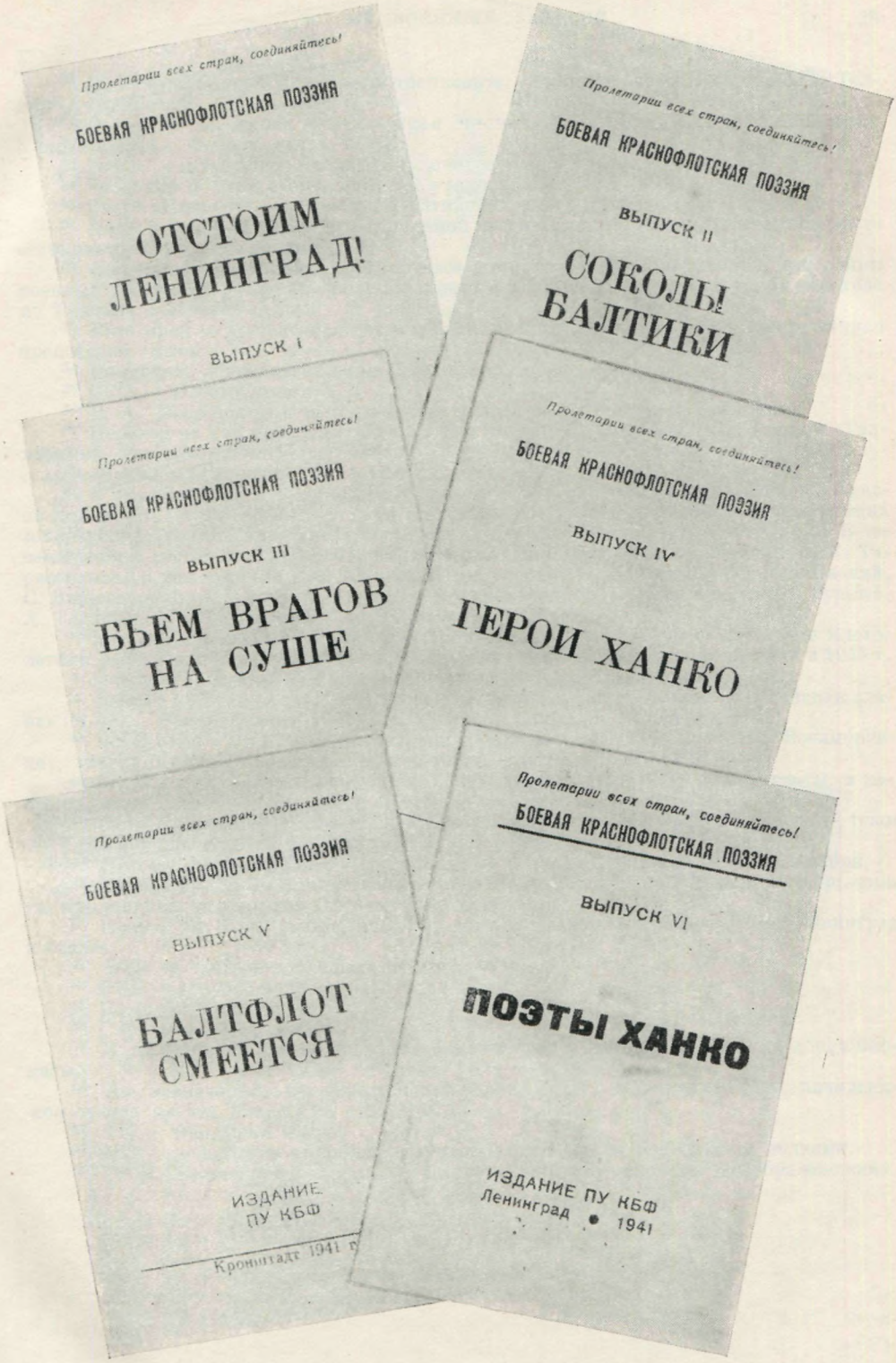
[21] Илья *Иголкин* — работник Пубалта, участник боев за Таллин. Впоследствии был тяжело ранен. Очерк «Мужество» был напечатан в газете «КБФ» 5 октября 1941 г.; очерк «Богатыри Балтики» — в «Правде» 22 ноября 1941 г. (совместно с В. Вишневским и Н. Михайловским).

[22] «Борьба с танками». Таллин, Гослитиздат ЭССР, 1941 (Политическое управление Краснознаменного Балтийского флота).

[23] Лев Самойлович *Самойлов* — художник, работавший в редакции газеты «Красный Балтийский флот»; в настоящее время член редколлегии журн. «Крокодил». Из названных здесь четырех писателей трое (Ю. Инге, М. Гейзель, Е. Соболевский) погибли 28 августа 1941 г. во время перехода кораблей Балтфлота из Таллина в Кронштадт.

[24] Очерк «Схватка с врагом».— «За коммунизм», Таллин, 6 августа 1941 г.

[25] Л. Соболев 26 июля 1941 г. был вызван из Таллина в Ленинград, где он получил назначение в «писательскую бригаду», сформированную при штабе Северо-Западного фронта.



«БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ»
Серия поэтических сборников. Издание Политуправления Краснознаменного Балтийского флота.
Ленинград — Кронштадт, 1941

Обложка
Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

«БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ»
Серия поэтических сборников. Издание Политуправления Краснознаменного Балтийского флота.
Ленинград — Кронштадт, 1941—1942
Обложки
Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

[26] Я. Гринберг погиб на военном транспорте «Верония» во время перехода Таллин — Кронштадт.

[27] Очерк «У летчиков». — «Советская Эстония», 5 августа 1941 г.; «Kommunist», 5 августа 1941 г. (на эст. яз.).

[28] ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь.

[29] Сведений об этом очерке найти не удалось.

[30] Очерк «Патриот».— «Красный Балтийский флот», 24 июля 1941 г.

[31] Пикк и Виру — улицы в центральной части Таллина. Здесь сохранилось много старинных готических зданий.

[32] «Верония» — до войны прогулочный комфортабельный пароход; в дни войны военный транспорт. Был разбомблен немцами и затонул 28 августа во время перехода из Таллина в Кронштадт.

[33] Вышгород — древнейшая часть города, расположенная на холме и окруженная крепостной стеной.

[34] Палдиски — южная окраина Таллина.

[35] ОСО — Особый отдел.

[36] В. А. *Мильман* — в те годы литературный секретарь И. Г. Эренбурга.

[37] Переход из Таллина в Кронштадт был описан Н. Михайловским в книге «Таллинский дневник» (Лениздат, 1958).

[38] «Правда», 1941, № 313 11 ноября.

[39] В октябре 1941 г. в Кронштадте, где тогда помещалось Политуправление Краснознаменного Балтийского флота, по инициативе В. Вишневского была организована «оперативная группа писателей», служивших в рядах Военно-Морского Флота. В течение войны состав этой группы менялся. По сведениям, взятым из дневника А. К. Тарасенкова, в нее входили: Вс. Азаров, И. Амурский, Б. Вадецкий, Вс. Вишневский, С. Вишневецкая, А. Зонин, А. Крон, Г. Мирошниченко, Н. Михайловский, В. Рудный, А. Тарасенков, Л. Успенский, Н. Чуковский, А. Штейн.

[40] Михаил Леонидович *Лозинский* (1886—1955) — поэт и переводчик. Его многолетняя работа над переводом «Божественной комедии» Данте была завершена в 1945 г.

[41] Очерк «Гордость Балтики».— «Правда», 1941, № 336, 4 декабря.

[42] В годы войны у А. К. Тарасенкова вышли две книги стихов: «Балтийская слава» (М.—Л., Военмориздат, 1941) и «Балтийцы» (М., «Сов. писатель», 1942).

[43] А. Лебедев. Огненный вымпел. Предисловие Н. Тихонова. Военмориздат, 1942. Об Алексее Лебедеве см. в настоящ. книге, стр. 617—623.

[44] Ю. Инге. Балтийские стихи. Военмориздат, 1942. Об Юрии Инге см. в настоящ. книге, стр. 597—602.

[45] Петр *Бринько* — летчик, Герой Советского Союза. «Песня о Бринько» — текст А. Тарасенкова, музыка Б. Гольца.

[46] «Письмо из фронтового Ленинграда».— «Правда», 1941, № 353, 21 декабря.

[47] Художница С. К. Вишневецкая, жена В. В. Вишневского. См. в настоящ. книге публикацию писем к ней Вишневского.

[48] Поэма не была написана. Ее предполагавшееся название — «Ленинград в осаде».

[49] БТК — бригада торпедных катеров.

[50] ОВР — охрана водного района.

[51] Н. К. Чуковский.

[52] Спрессованные жмыхи.

[53] Н. С. Тихонов вскоре вернулся в Ленинград и находился в нем до конца блокады.

[54] До назначения на Балтийский флот Д. И. Корниенко был начальником отдела печати ГлавПУРа НКВМФ.

[55] ТК — торпедные катера.

[56] МО — небольшие корабли, «морские охотники» за подводными лодками.

[57] Г. И. Мирошниченко написал книгу «Гвардии полковник Преображенский».

СЕРГЕЙ БОНДАРИН

СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ 1941 г.*

ИЗ ПЕРВЫХ ВОЕННЫХ ЗАПИСЕЙ

От автора

Сумка от противогаза всегда бывала хорошим фронтовым товарищем. Чаще всего эта брезентовая сумка наполнялась записными книжками. Нередко вставал вопрос: лишняя банка консервов или пачка книжечек-тетрадок? Вопрос всегда решался в пользу маленьких, тщательно пронумерованных книжек. Записные книжки да письма от близких — ничего не было более ценного, незаменимого. В море на корабле, в десантной операции, на переднем крае под Севастополем, в окопе под Одессой или под Новороссийском — всегда хотелось иметь при себе весь комплект, все, что ты успел записать. Это представлялось таким важным! Эта верность имела, впрочем, и слабую сторону. Случалось и так, что нарастающие осложнения боевой обстановки заставляли прежде всего подумать: что делать с драгоценным багажом? Очень трудный вопрос. Поторопишься — потом не простишь себе. Пропустишь какое-то мгновение — произойдет несчастье.

Помню, однажды под Ростовом-на-Дону наш катер ночью заблудился в ериках-протоках. Часть дельты была у врага. И вот, в самом деле, мы уже слышим окрики с берега. Стрельба. Пули разносят в щепки борта, мотор того и гляди заглохнет. И сейчас вспоминаешь то состояние — и тебя пробирает холод... Но вот мотор заработал веселее, катер дал ход — ушли.

О, как радостно — в который раз — заново перечитать маленькие книжечки. Несомненное и незаменимое сокровище! Ведь случалось и так, что чернила на этих страничках в буквальном смысле смешивались с кровью. И несмотря ни на что, писатель на фронте по справедливости видел в этом накоплении свое назначение в бою и свое будущее — за столом...

И вот книжечки в клеенчатых переплетах опять передо мной. Что выбрать? Вопрос радостный и трудный, не менее трудный, чем иные минуты на фронте...

Пожалуй, выберем эти страницы: «Севастополь в августе 1941 г.»

1965

Севастополь. 18 августа.

Утром политрук Танцюра разбудил нас «жизнерадостным» сообщением:

— Оставили Кривой Рог и Николаев.

Никакого чувства. Этот товарищ из тех, для кого слова — действительность. Для него нет ни факта, ни мысли, есть только словесные формулы, к которым он привык, которые облегчают его жизнь, оставаясь незыблемыми. Преданность этому миру догмы заменяет истинную жизнедеятельность. А вообще он скромный, неплохой парень, очень опрятный, с юношеским взглядом добрых глаз, с чистым румянцем во всю щеку.

---

* С. А. Бондарин с июня 1941 г. по февраль 1944 г. находился на военной службе в качестве писателя при Политуправлении Черноморского флота.

Хуже другой дядя, артист Большого театра Е., задержавшийся с отъездом. Он с утра приходит к нам, в музей Севастопольской обороны, и кричит:

— Что же, туда вас и туда, орали: «Красная армия всех сильней», «Мы будем воевать только на чужой территории», а сами воевать не умеете, и я не могу проехать поездом к себе домой, на каждой станции меня могут обстрелять.

Это не то же самое, что сквозит в вопросах краснофлотцев:

— Как же так? Говорили одно, а на деле выходит другое? Почему?

Трудно ответить не только краснофлотцам, но и этому циничному сволочному тенору.

В городе заметна какая-то разнузданность: много пьяных, у шпаны развязались языки. А на скамеечке сидели три девочки и говорили о том, что они пойдут в партизаны.

— Так ты же не устоишь на ногах,— со смехом говорила одна другой,— упадешь, когда начнут стрелять. Ты же никогда сама не стреляла.

Подруги серьезно задумались.

Молодой Луначарский летал в Москву. Прилетел обратно с женою, она беременная. Встретил их, когда Толя устраивал жену на переднем месте в грузовике, отходящем в Керчь с женщинами и детьми. Он ее очень любит. «Леля замечательная, мужественная женщина,— говорит он о ней.— Выйти живым из этой кровавой игры, значит, быть очень счастливым. Подумайте, какое в самом деле это будет счастье. Вы видите его?»

Сейчас Толя прикомандирован к англичанам, прибывшим на флот. (Они устанавливают на кораблях противоминное оборудование.) На вещи смотрит оптимистично, о ходе войны говорит так:

— Перед тем, чтобы стало хорошо, всегда бывает очень плохо.

Когда же, когда же повеет переменами? Будем ли мы так счастливы, как это мерещится живому вдумчивому Толе Луначарскому? Просто найдем ли друг друга после войны?

В Москве Луначарский видел кое-какие разрушения: нет аптеки на развилке Поварской и Мерзляковского. Кремль камуфлирован: иллюзия отдельных домиков.

— Немцы взяли какой-то маленький городок на севере,— беззаботно сказал один из командиров в столовой. И ясно, что эта «беззаботность» не от силы духа, а от слабости мозгов. Маленький городок на севере — это Кингисепп, ворота к Ленинграду.

— Это еще не опасно, — заявляет другой, с трудом разбираясь в карте.

Может быть, я недостаточно благоразумен, недостаточно тверд, не следует вести таких разговоров, после которых и мне и моему партнеру, товарищу Емельянову, коммунисту, неловко смотреть друг другу в глаза.

Страшно, однако, чувствовать в самом себе, как иногда глохнут, робеют мысль, идея, чувство. А ведь не хочет гибнуть все то, что внушила нам революция, с первых же лет своего существования.

Надо смывать запахи домашней, комнатной жизни.

Нет на войне другого поведения, как только поведения примерного: сообща, методично, не теряясь, зная правоту своего дела, и отступая и наступая, но всегда борясь, исправлять несчастья, которые каждому из нас причиняет война, каждому из нас и всем вместе. Не можем мы оставаться с несчастьем.

Залпы рычали, им вторило отрывистое эхо над морем. Батареи рычали деловито. Деловитость придавалась пушечному реву настойчивостью, даже веселостью, с какою они делали свое дело.

У убитого краснофлотца нашли записку: «Если что, считайте меня коммунистом».

В Одессе спрашивают:
— Ну, как на Большой земле?
— Замечательно: Марусю подхватил кренделем — и пошел пылить.
— Ну, это и у нас можно.

— Стоишь под огнем на мостике, внутри все заморозилось, а под мышками, слышишь, течет что-то теплое.

Краснофлотец на батарее говорит:
— Нужно воевать усердно, внимательно. Я замечаю, что за время войны можно сделать людей лучшими. А что это такое? Всем нужно победить фашистскую Германию, а нашему комендору нужно, чтобы я извинился перед ним... Кто из нас прав?
— Стоять у пушки — надо знать все ее капризы.

Рассказ Корниенко:
— Дело так и было: оттянули войска под Киев и, когда там их отбросили, они всей массой шарахнулись сюда, и тут — кто куда: против четырех оказался один. Пехоту прорвало, как кисею. Все случилось так быстро, что не успели что-нибудь сделать с моря. Вот и говорят: «Пехота подвела». А что же на самом деле? На самом деле подводят плохая организация и плохой транспорт. Сказывается и то, что не успели перевооружить пехоту автоматическим оружием. Немцы массированным огнем, мотором и броней прокладывают себе дорогу. Они действуют беспощадно и в отношении своих и в отношении противника. Мы же, ей-богу, ведем войну слишком гуманно, гуманистически. Они не дрогнут послать на верную смерть тысячу парашютистов и потом с лихвой окупают жертву. Мы же никак не решаемся на это, все еще не понимаем, что не только идея идет против идеи, а железо, сила, решимость и наконец опыт, грандиозный военный опыт, закалка, обстрелянность.

Вот Корниенко, полковой комиссар, говорит в сущности то же самое, что говорил народ веками: «На бога надейся, а сам не плошай». Идут на нас не спорщики, а автоматчики.

Вероятно, в сфере воинского воспитания новая идеология больше, чем в какой-либо другой области, требует новой мысли. В самом деле: чем заменяются прежние основы — торжество над врагом, завоевание, покорение? Воинская честь народа, нации только начинает воспитываться на какой-то новой основе. Что должен знать солдат, носитель воинской чести народа? «Велокросс», «мотокросс», а стрелять не умеет, велосипеда не имеет. Не получился ни солдат, ни эллин.

— Постойте у громкоговорителя — еще не то услышите — услышите в толпе такое, что похолодеете.

Приезжал Константин Симонов. Говорят, поседел. В начале войны он был на Смоленском фронте. Всё о том же: неумелое, робкое или попросту трусливое руководство. Легко отдают то, что можно свободно защищать. Гипноз угрозы окружения. Безудержное «выравнивание фронта».

С. А. БОНДАРИН
Фотография. Севастополь, июль 1941 г.
Собрание С. А. Бондарина, Москва

Краснофлотцы иронизируют по поводу того, что в газетах отступление подается чуть ли не как победа.

Симонов рассказывал, что у немцев тоже есть на фронте писатели. У него у самого задача сложная — проехать вдоль по всему фронту — от Черного до Баренцова морей.

Вечером было совещание у бригадного комиссара. Узнав, что «Красный черноморец» рассылает людей по разным местам, предложил «не очень разбрасываться. Все может случиться». Всем держаться в куче, чтобы кучей отступать? Когда же, где, с чего начнется сопротивление? Скоро третий месяц.

На батарее, обойденной восторженной корреспонденцией, обижаются: о соседях, дескать, написали, что там герои, а о нас не пишут. А все геройство комендора с соседней батареи то же, что и тут: вовремя, по сигналу ревуна дает выстрел.

Приехали с Дуная Александр Ромм и Лагин — в сапогах, в черных шинелях, немытые, небритые, и не очень торопятся побриться — так интересней. Согласен: очень интересно смотреть на них. Волнует всё, и то, что они ходят при кобурах, и все то, что они рассказывают. Попадали под обстрел. Однажды ночью на одном переходе заблудились. Подводчик заснул, и часть обоза пошла за ним, вернее, за его лошадью. Скоро увидели пламя пожара. Встревожились: что за пожар? Догадались, что горит ими же подожженный хутор, значит, шли обратно, в плен к румынам.

Колхозники боятся расправы, женщины плачут. Немало дезертиров из местных жителей, недавно мобилизованных. Двоих расстреляли перед фронтом.

Комиссар тов. Трошин — из того отряда, в котором геройски погиб старшина Щербаха. Это был случай плохо организованной операции по десанту. Должны были пойти три катера. Первый ушел, а когда вслед

за ним подошли за десантом два других, войск для десанта на берегу не оказалось. Катера попали под обстрел. Когда катер Щербахи вернулся к нашему берегу, нога старшины держалась буквально на ниточке, но он не оставил руля.

Начало третьего месяца.

Сильнейшая буря. Гроза. Ливень. Посмывало и посрывало все, что может быть смыто и сорвано, — и вывески, и затемненные оконные рамы, и трубы, и даже рельсы. У нас, в музее Севастопольской обороны, вышибло стекла, нас, еще спящих, облило ливнем, забрызгало все помещение, все сбросило и сорвало ветром.

Ленинград. Сводки с Ленинградского фронта воспринимаются как призывы по радио: SOS! SOS!!! Что же там? Как там будет? Неужели они войдут в этот город? Никогда ни один враг еще не ступал по его проспектам и мостам. А пролетариат? Вот, где начинается резко социальная война — пролетариат против армии, социализм против фашизма. А флот — куда податься ему? Несчастный русский флот! Неужели и там увидят горящие и рушащиеся заводы и верфи, обломки недостроенных линкоров и крейсеров, как это было в Николаеве? Не там ли решается вопрос: способны ли мы победить? Если там не сможем, тогда где же?

— Все равно наша жизнь дала трещину.

— Все относительно,— отвечает лейтенант со вспомогательного крейсера «Кубань». Они стояли в Одесском порту. Было до тридцати воздушных атак.— Все относительно,— повторяет он.— Вы говорите трещина, а вот мы, прийдя в Севастополь, опять как-то коснулись жизни, а там... грянет взрыв, тебя бросит на палубу и под головой черно от земли и камней, брошенных с пирса. Куда уйдешь? — лейтенант махнул рукой.— Но Одессу надеемся не отдать и мечтаем и в трещине остаться живыми.

Когда они уходили из Одессы (20-го или 21-го), фронт был в тридцати километрах. Идут массой, «как мы в Финляндии». Буг покрыт мертвыми телами. Берут техникой. Много самолетов. Бомбят почти безнаказанно с больших высот. На «Коминтерне» тридцать убитых и человек восемьдесят раненых. Моряки дерутся храбро и стойко. С кораблей видно продвижение наших частей, везут боеприпасы, отвозят раненых. Можно видеть огонь артиллерии.

Дорогие одесские степи! Самое настало время. Виноградники и бахчи налились соком. Все пахнет.

В городе пустынно, с продовольствием не плохо. Пролетариат дерется в рядах ополчения.

К славе русского штыка присоединяется слава русского авиатарана. Начатое великим героем Гастелло повторяется ежедневно.

В московских церквах, говорят, служат молебны о даровании победы русскому воинству.

Воевать, это и значит прежде всего быть готовым идти на смерть.

После разговора с Кремневым, предложившим мне направиться в Одессу, в бригаду морской пехоты, какая-то девка встретила меня у каменного севастопольского трапа романсом: «Ты уходишь, чтобы больше не вернуться»...

Случилось именно то, чего опасались: оружие потеряно, генералов нет. Столько лет лишений и ожиданий, и вот уже нет ни Днепростроя, ни тан-

ков. Как же это случилось? Вот так и случилось. 〈...〉 А может, так и должно быть? В такой тяжелой борьбе должен же быть кризис. Кризис не бывает с первого дня.

Толя Луначарский повторяет:

— Одно лишь представление, что войны уже нет — дает такое счастье, которого хватает надолго.

— Как так войны уже нет?

— Ну, это якобы нет. Воображение. Отбросьте всё — и воображайте.

А как тут отбросишь? Нет, в моем возрасте воевать трудно. Толе легче.

Письма от Жени. Это, кажется, первое, что разогрело душу. А вдобавок зашел на «Большой вальс» — совсем расстроился. До слезы. Какое счастье — мир и жизнь.

Как похожи письма наших жен одно на другое, хотя каждая из них пишет о своем. Все те же попытки шутить, все то же чувство растерянности, тот же трепет боязни и за себя и за тебя. А война, как волна за волной на море, бьет и бьет. Кажется, вот следующая будет ласковее, а она ударяет тебя так же неумолимо и жестоко, как и предыдущая. И нет возможности, нет власти успокоить волны.

Шел по улице во время воздушной тревоги. У ворот одного дома шалил какой-то мальчик. Женщина пригрозила ему:

— Отдам тебя немцам.

На другом крыльце другой мальчик, испуганный выстрелами, плакал. Мать успокаивала его:

— Мы же здесь живем, это же наш дом, мы же всегда здесь, посмотри вокруг: это же все не чужое — наше.

А немцы подбираются.

29 августа.

Танцюра жизнерадостно сообщил о том, что нами оставлен Днепропетровск.

Рассказывают, как было под Николаевом:

15-го числа, после того, как Буг был форсирован, германские части появились под городом с северо-востока.

В ночь на 16-е взорвали заводы, доки, верфи, суда, загорелся вокзал. Главная Советская улица лежала в развалинах.

Всюду горели склады и железнодорожные составы.

Ночь наступила страшная. По городу била артиллерия. Взрыв заводов предрешал судьбу города. Они густо дымили, горело все, что могло гореть. Река стала черной. Вставало черное утро. На стапелях возвышались громадные силуэты изуродованных недостроенных боевых кораблей. За рекою горели стога и хаты. Дым густо стлался далеко по степи, и кое-где вдали на уцелевших крышах уже можно было видеть фигуры немецких офицеров с биноклями у глаз.

Попробуй-ка — удержись на торпедном катере на полном ходу. Если не умеешь балансировать, по-кавалерийски «держаться на шенкелях», будешь весь избит, можно и ребра поломать.

Так вот, катер моего приятеля, младшего лейтенанта Володи Ф. на полном ходу наскочил на мину — не нашли ни одной щепки, ну, хотя бы спасательный круг, — и этого не нашли.

Катерников подрывают снизу, бомбят сверху. А сами они живут в пещерах Херсонеса, очищенных от костей и остатков гробов первобытных христиан.

В Стрелецкой бухте стаями плавает оглушенная взрывами рыба. И тут и там покинутые хозяевами беленькие домики, по дворам бродят покинутые куры. Посмотри вокруг: это все не чужое — наше.

Люди, люди, люди... на улицах, на вокзалах, в казармах, на кораблях — всюду люди, ведущие войну. Роты, дивизии, армии. Все у людей переменилось, все переместилось. Беженцы, погорельцы. Вот когда изо дня в день, ежеминутно ты всюду лицом к лицу с народом, с людьми. Лица, лица, лица... Не имеешь права быть «сам по себе», не должен, а нужно любить эти лица, эти бесчисленные толпы людей, прислушиваться, понимать. Всё в движении, в кочевье. Народ. Он громаден и в своей огромной массе бесстрашен перед смертью. Бесстрашен наш народ! Сколько раз я уже слыхал от моряков: «Вот кончится война, сделаю то-то или то-то... Коль останемся живы». И это «коль останемся живы» так спокойно и просто, что кажется, он непременно останется жив.

— Мои братья воюют под Псковом,— говорит М. и добавляет задумчиво,— а, может, уже отвоевали...

М. получил письмо от родных из деревни из-под Пскова: эвакуируют женщин, детей и стариков. При этом чудно и толково расписывают, кому быть при чем: этот ведет корову и отвечает за нее, другой отвечает за инвентарь и т. д.

Батальонный комиссар З., москвич и «правдист» (очевидно, будет редактором нашего «Красного черноморца») рассказывает, как его мать-старуха, очень бережливая, работает на оборону:

— Что делаешь?

— Да вот шью варежки.

— Это для кого же, зачем?

— Для вас шью, подбирать зажигательные бомбы.

— Зачем же бархатные?

— Да теперь нельзя разбираться, все идет.

А прежде не дай бог заглянуть к ней в шкаф или в комод, наполненный лоскутками.

Ивич не получает писем от жены. Почему?

— Да у нее такой почерк, что никакой цензор не разберет, сразу заподозрит шифровку.

Вчера под Минной ⟨гаванью⟩ часов в десять, когда совсем стемнело, начался переполох: снова ловили какого-то подозрительного контр-адмирала. Этого легендарного контр-адмирала видят то там, то здесь, то днем, то вечером: «высокий, худой, а главное, без противогаза».

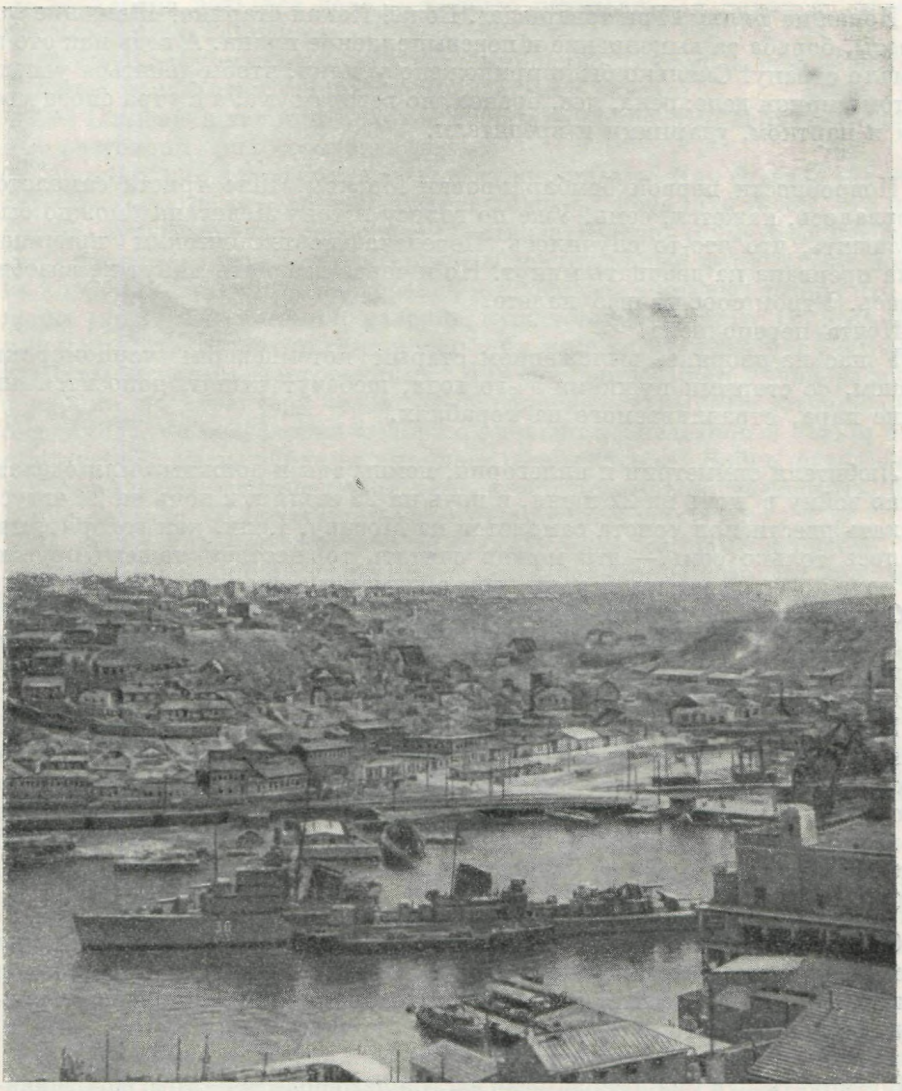
Фотограф «Красного черноморца» — в очках, в «кинематографических» брюках-бриджах. Через плечо — фотоаппарат. Когда он шагает, окруженный нашими командирами, его принимают за пойманного шпиона.

Ужас! Неужели это правда — ребенка за ноги и об косяк? Видели, как это делают немцы.

Что же это? Тоже организованность, дисциплинированность, исполнительность? «Нужно не только знать о пользе организации, чувство организации должно быть в крови. Этим чувством обладают немцы»,— так говорят о них. Не надо, не надо такой исполнительности!..

Как удобно и выгодно управлять такими солдатами.

Пишем о героях. Но пишем собственно о технической стороне события: сколько герой сбил самолетов и как сбил, и считаем, что это уже хорошо. Неужели в наши дни геройство, которое, конечно, можно назвать массо-



СЕВАСТОПОЛЬ В ДНИ ОБОРОНЫ
Фотография, 1942
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

вым, и есть только техника: верный глаз, твердая рука? Ведь вот, скажем, исторический севастопольский герой матрос Кошка — он по-русски сметлив и пытлив, в его характере хитринка, добродушие, широта. Видно, какими чертами характера он обязан своему геройству, а у наших ежедневных героев нет ни лица, ни характера. А один краснофлотец, рассказывает Ромм, переплыл Дунай, чтобы прервать у румын связь. Плыл ночью, стараясь не плеснуть. Благополучно вернулся. Это ли не матрос Кошка?

Институт комиссаров восстановили, и у комиссаров праздничное настроение. Шутя спрашивают друг у друга:

— Отец ли ты?

— А ты? Душа ли ты части?

Попал на фильм «Три товарища». Боже! Какая старина! Щемящие фокстроты, борьба за выполнение и перевыполнение плана. А ведь как это занимало страну! Сколько было приложено усилий, чтобы добиться успехов в этом мирном деле: река, лес, бревна, по вечерам уха, а с утра снова местком и партком, ударники и вредители.

Подробности первой бомбардировки Москвы. Шло триста самолетов, прорвалось, кажется, семь. Уже по голосу и тону Левитана* можно было заключить, что что-то случилось. Передача «по техническим причинам» была прервана на двадцать минут. Но и через двадцать минут не возобновилась. Утром сообщили о налете.

Почта переполнена.

У нас на дворике, выложенном старым потемневшим черноморским камнем, со старыми пушками 54-го года, щебечут птицы, доносится шипение пара, стравливаемого на кораблях.

Любители симметрии и аллегорий, немцы так и должны были сделать: начав войну в ночь на 22 июня, в ночь на 22 июля и в ночь на 22 августа послать двести или триста самолетов на Москву. Если, как говорят, прорвалось только семь,— это можно считать торжеством нашего оружия, это должно успокаивать больше, чем обдуманные сводки.

Одни утверждают, что сбитые самолеты упали на Петровке, другие оспаривают: не на Петровке, а на Арбате. Пусть хоть к тиграм в вольеры зоопарка, все равно, пронзительно другое... шутка ли сказать: *над Москвой сбиты самолеты противника!*

Кто из соседей дежурит у нас на крыше нашего дома? Что у нас на Чистых прудах? В нашем малолюдном, а сейчас, вероятно, совсем затихшем Хохловском переулке? Кто вместе с Женей стоит сейчас у нашего широкого окна, всматривается в небо? Там буду не скоро. Но в Одессу, кажется, все-таки попаду, в бригаду полковника Потапова. Как-то будет — взбежать к памятнику Дюка по знаменитой лестнице из порта... Но буду там... Буду...

Опять буря. Опять ночью сорвало с окон бумагу, шторки, всё, чем были затемнены окна. Внезапно среди ночи вспыхнул огнями наглухо затемненный город, но к счастью вражеская авиация не воспользовалась — продолжали бомбить нас ветер и дождь.

Вот понятный и уму и сердцу тип настоящего политического работника — старший политрук Панфилов: человеческие слова, человеческий голос, мысли и чувства, сознание долга, душевные порывы. В день начала войны он был в Ковно со своей семьей. Мог задержаться еще на один день и вывезти семью, это ему простили бы, но он уехал, оставив семью на попечение других, не мог допустить и мысли, что захват Ковно — дело нескольких дней. И теперь можно представить себе его страдания. Он почти не говорит об этом, но однажды, с трудом выговаривая каждое слово, голосом вдруг охрипшим сказал мне:

— Оставил их Гитлеру.

А в другой раз, ни к кому собственно не обращаясь, вдруг проговорил:

— Ах, как тяжело! Тяжело в это время остаться одному.

Нет, этот человек мне понятней, чем несокрушимый Танцюра или упорно-нахальный и «воинственный» С. Эти больше говорят о том, что оклад повышают на 25 процентов, а из Москвы ждут большую партию шоколада.

---

* Юрий Левитан — диктор Центрального радиовещания. В годы войны ему поручалось чтение правительственных документов, сводок Совинформбюро и т. п.

— Теперь ведь все дело — хорошо питаться,— с наивной убежденностью сказал Танцюра.

А вот К., журналист-футболист. Журналист, как убеждено наше редакционное начальство, образцовый. Этот мне сказал:

— Слушаю я вас и не похоже, что вы на войне. Всё какие-то отвлеченные разговоры, философствование.

А речь у нас шла о том, как нам нужно писать. Как сделать так, чтобы осторожность не переходила в засушливость? Речь шла о том, что нужно ближе, лучше, смелее, свободней чувствовать жизнь и уметь ее передавать. Вот, например, такой характерный и значительный факт: среди моряков на кораблях появилось настроение — проситься в армию, потому что здесь война «не такая», а армия, наверно, нуждается в подмоге. Об этом писать или не писать? Ведь это сама жизнь. А у него готовая формула: «Не давай трибуны вредным настроениям». Или вот вопрос: как лучше рассказать о моряке, по характеру человеке неуравновешенном, страдающем «партизанщиной», но безусловно храбром, дельном, полезном в любом боевом организме?.. Разве война не вызывает размышления? Война не только действие, но и размышление. Для того, чтобы правильно действовать, нужно немало думать. И полагаю, именно этого от нас ждут.

А этот журналист-футболист, главная сила которого в ордене, полученном в Финляндии, может, и есть хороший командир, но, согласимся с ним самим, плохой философ. Да что он и умеет! Его идеал журналистики — «литературный портрет», потому что сей литературный портрет сохраняет шансы впоследствии попасть в какой-нибудь сборник. Об этом обо всем — и о том, что и теперь он иногда играет за команду «Динамо», и о том, что не потерял способности выпить пол-литра водки, и о том, что за время войны он безусловно соберет комплект «литературных портретов» для отдельного сборника,— обо всем этом тов. К. беззастенчиво и назидательно говорит... Вот уж действительно, если бог хочет зло пошутить, то он дает глупцу орден.

На летучке в редакции я критиковал редактора (заместителя нашего главного редактора), без чувства меры правившего мою статью. Я говорил о том, как увлечение красивым словом может испортить дело. Тов. Ю., правивший статью, может быть, из опасения недооценить достоинства того командира, о котором я писал, пустил в ход убедительный и щедрый эпитет. Читаю свою статью и вижу — написано: «... высокая требовательность к людям...». Буквально через три строки опять: «... воспитывает у них высокую ответственность». Еще через несколько строк снова: «Высокая требовательность». Далее: «Добивается высокой натренированности личного состава». Далее: «Высокий пример выполнения уставов и приказов» и т. д.

Тов. Ю.— человек тихий, трудолюбивый, симпатичный, но, что поделаешь, никто другой не говорит об элементарных требованиях к языку газеты, как избегать засушливости, как говорить о «высоких» примерах воинской доблести без лишних пышных слов? Вопрос назревший и очень важный. Мое замечание, думаю, не пройдет без пользы для дела. Пришлось сослаться и на другие примеры. И вижу, что мое выступление не понравилось. Тут, в редакции есть группа людей, кадровых работников, которым вообще не нравится наше активное участие в работе газеты. Им не нравится и директивное покровительство литераторов-профессионалов, и, как мне кажется, действительная симпатия к «варягам» главного редактора «Красного черноморца» тов. Мусьякова. А мы — сила теперь солидная! За редакцией «Черноморца» и за Политическим управлением ЧФ числятся прибывшие в разные сроки (кроме тех, кто вместе со мною работал здесь еще до 22 июня по истории кораблей ЧФ): Саня Ивич, Женя Чернявский,

Лева Длигач, Толя Луначарский, Лазарь Лагин, Александр Ромм, Август Явич, Ян Сашин, наш «старик» Василий Дмитриевич Ряховский, художники Леня Сойфертис, Решетников, Дорохов... Да, еще Гайдовский! Петр Сажин!

Гайдовский, Длигач, Лагин, Сашин тяготеют к редакции «Черноморца» и зачислены в штаты, за редакцией числятся, кажется, и художники. Другие расписаны по родам войск, частям и кораблям. Приезжают к нам и «москвичи» вроде Симонова, работающие в центральных газетах. Мы завидуем им, они завидуют нам. Нам кажется, что они много видят, свободны в своих поездках, а главное могут писать в хорошие газеты широко и свободно. Приезжие видят в нас «черноморцев», завидуют возможной сосредоточенности нашей работы. На эскадре живет еще Александр Зонин, элегантный и красивый человек, «аристократичный» в нашем представлении хотя бы тем, что дружит с адмиралом Владимирским, командующим эскадрой; его резиденция — на линкоре.

На днях Дорохов, пристроившись на бульварной скамейке, рисовал линкор с натуры. Его арестовали, заподозрив в нем шпиона, и привели в штаб. После этого художникам для их работы отвели какую-то комнатку на водной станции, откуда они могут рисовать вид на севастопольские бухты и корабли без особого риска.

Художники и поэты (Лева Длигач, Ян Сашин, «черноморцы» Баковиков, Сальников) придумали в «Красном черноморце» веселый отдел юмора и сатиры под названием «Рында». Сначала были большие сомнения, как отнесется начальство, как встретят эту «Рынду» в дни войны, особенно колебались, печатать ли «Новые похождения солдата Швейка»? — не оскорбит ли это национального чувства чехов, знает ли краснофлотский читатель этого литературного героя, правильно ли поймут его второе рождение в эти дни, не покажется ли это мелким?

Приятно видеть, что затея удалась. И больше того: на днях нашу черноморскую «Рынду» передавали по радио из Москвы.

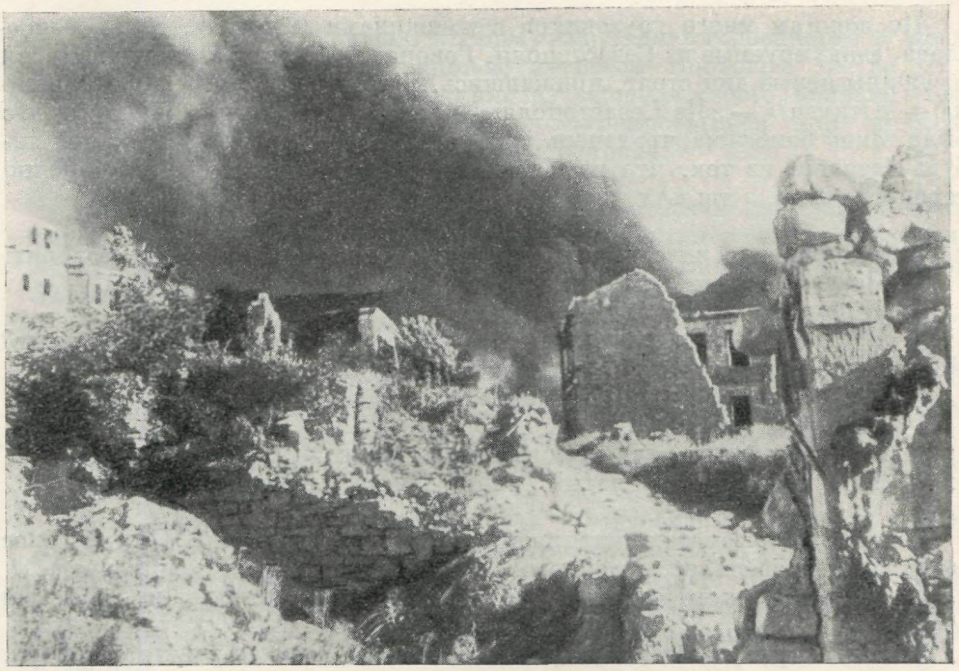
К моему удивлению, и у меня взяли кое-что «смешное», и так странно было слышать эту передачу из Москвы, эти слова и хохмы, придуманные здесь, в нашей маленькой редакции. Особенно удачными получились удары рынды у Сашина, у Левы Длигача, у Лагина... Но ведь они записные юмористы, а я «рындач» случайный...

Появился мой материал в «Литературной газете». Просят еще. Это очень приятно. Не даром едим краснофлотский хлеб.

Особенное это чувство подчинения тому или другому начальству, но мы стараемся, а угодить не всегда легко. Тут очень уместно хорошее чувство юмора, хотя бы с одной стороны. Очень помогает.

А между тем обнаружились и такие среди нас служаки, которым это даже нравится, доставляет удовольствие докладывать или рапортовать на вытяжку, есть глазами начальство. Ей-богу, не уверен, что нашему брату это так уж и нужно! И все нащупывается какая-то средняя линия, ведь даже и у адмиралов нет опыта на этот счет. Хорошо Владимирскому с его другом-приятелем Зониным, просто и Зонину с Владимирским в адмиральской каюте, а вот уж каково Владимирскому со мной и мне с Владимирским даже в кают-компании? А ведь командующий эскадрой едва ли не самый интеллигентный на эскадре человек.

При каждой встрече с полковым комиссаром, начальником отдела Политуправления тов. Кремневым, которому поручено попечение и непосредственное руководство нами, пристаю с вопросом: «Когда же отправите в Одессу?» Но он все что-то выясняет и улыбается. Мы чувствуем взаимную симпатию. Во всяком случае мне этот человек приятен своею не-



СЕВАСТОПОЛЬ В ОГНЕ
Фотография А. С. Соколенко, 1942
Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

торопливостью, аккуратностью, хотя и он чем-то напоминает тренера солидной футбольной команды. Все-таки это тренер хороший, интеллигентный, он почти всегда с книгой, а такие тренеры редкость — нет, нет, тут выбор удачный.

Одесса! Милый мой город! Если не Москва, то хотя бы Одесса! Уже приходят оттуда транспорты и тральщики с ранеными, и я видел, наконец, военнопленных. Но это были какие-то хилые, понурые румыны, может быть, просто молдаване из-за Днестра, пропахшие дымом своих изложниц. Признаюсь, я не увидел в них тех врагов, о которых все мы думаем.

Скорей бы решался этот вопрос с командировкой.

После того, как я критиковал в «Красном черноморце» язык газеты и говорил о том, что газета недостаточно энергично меняет прежние мирные привычки работы, в редакции на меня дуются, тов. Ю. даже отворачивает от меня физиономию, ей-богу, неловко. Редактор «Красного черноморца» тов. Мусьяков, человек старательный, восприимчивый и простодушный, знал меня еще в прежние времена, когда сам был помладше, а я приезжал на Черноморский флот в качестве столичного журналиста, корреспондента «Красной звезды». Он относится ко мне неплохо и даже, кажется, защищает меня в глазах других, хотя и считает меня человеком «важным и сердитым». Поговаривают, что Мусьякова заберут в Москву, на его место редактора флотской газеты готовится приехавший из «Правды» тов. З.— орешек, кажется, не простой, не любящий чувствовать рядом людей «важных и сердитых».

Имущество и драгоценные экспонаты музея Севастопольской обороны начали перевозить в пещеры Георгиевского монастыря на мысе Фиолент. Ездил туда. Тишина. Аллеи. Древний камень. Между деревьев, за густой темной зеленью спокойное вечное море, всегда особенная синь.

По дорогам много грузовиков с женщинами и детьми, семьи начсостава, эвакуируемые из Севастополя. Говорят, в Ялте, в Феодосии, Керчи женщины целые дни стоят, прижавшись к своим детенышам. Чуть машина — «Откуда?» — «Из Севастополя».— «Ну, как, ну, что? Верно ли, что была такая бомбежка, что теперь уже не пройти по городу?» И какой-нибудь баталер, из тех, что на баталерке рубят мясо, начинает нарочно городить вздор, а те: «Ах, ох!»

Разговорился с чистильщиком сапог. Щетки мелькают, он говорит:
— Воюете, а не знаете, что такое немец.
— Но почему же не знаем?
— Их знаем только мы, караимы: в 1916 г. кто научил резать караимов? Немцы научили турок резать караимов.
— Так. Сколько с меня?
— Ничего.
Все-таки заплатил ему, он догоняет, кипятится:
— Если уж хочешь заплатить, так плати по тарифу: теперь война.

Раненые в лазаретах оставляют отрадное впечатление. Общий голос такой: ничего сверхъестественного! И мы уже подобрали к ним ключ.
— У немцев много металла и огня. Но наша артиллерия действует точнее.
Тактика: пропускать вперед, бить по частям, отсекая танки от пехоты. Если это не удается, танки уходят далеко вперед.

Ведь все дело — там! Какая тут сейчас война? Уже даже забывают вовремя затемнять окна.
Щемит сердце: вчера «Двинское направление», сегодня «Островское».
Вывезены шпага Нахимова, знамена и флаги. Осиротелые — стоят в зале «Силистрия» и «Три святителя» — модели трехдечных кораблей величиною в хорошую телегу. Дворничиха развешивает на реях подштанники.

Бойцу оторвало ногу. Уже должно быть мертвого его повезли в госпиталь. Товарищ схватил оставшуюся ногу и бежит вдогонку:
— Нога... А нога... Вот же его нога.
— Да оставь ее, что ты ею размахиваешь!

Невольно думаешь, что Гитлер прав в своих утверждениях по поводу толпы, массы. Как же иначе могло случиться, что десятки миллионов немцев пошли за этим козлом?
Тимирязев когда-то писал: «Успех в борьбе настолько же зависит от материальной силы и умственного превосходства по отношению к врагам, как и от нравственных качеств по отношению к своим... Общество эгоистов никогда не выдержит борьбы с обществом, руководящимся чувством нравственного долга. Это нравственное чувство является даже прямой материальной силой в открытой физической борьбе. Казалось бы, что человек, не стесняющийся никакими мягкими чувствами, дающий простор своим зверским инстинктам, должен всегда одолевать в открытой борьбе, и, однако, на деле выходит далеко не так».
Как радостно и утешительно вспомнить эти мысли! Да ведь в сущности и все народные сказки и легенды говорят о победе чистых душою над хищниками и злодеями, какою бы они ни были физической силой.

Дежурим на крыше штаба флота. Всю ночь то там, то здесь вдруг вспыхивают лучи прожекторов, качаются, шарят, скрещиваются, вторгаются в чудную спокойную звездную ночь.

Танцюра получил письмо от товарища, командированного в Москву, который уехал вместе с тенором, артистом Большого театра. И вот что случилось: тенор тоже дежурил на вершине своего Большого театра и во время отражения немецких бомбардировщиков был смертельно ранен осколком от нашего зенитного снаряда.

Снова буря. Еще одна, третья апокалипсическая ночь. На этот раз в тучах шли немецкие бомбардировщики. Все вспыхивало, все гремело и ревело — и на земле и на небе. Это было страшно. Впечатления той ночи на 22 июня, когда началась война, бледнеют перед этим.

А что было тогда? Какая невероятная давность, какие невероятные дела!

Закончились большие маневры флота. Вся эскадра опять стала в бухтах и на 21-е, это кажется была суббота, был назначен бал в Доме флота (бывшее Морское собрание). На улицах вечером было празднично, к Интернациональной то и дело подходили катера, и толпы краснофлотцев торопились на бал и концерт.

Я на другой день должен был ехать в Феодосию, в Коктебель, где ждала меня Женя. Все было ясно, радостно, празднично.

Я на концерт не пошел, раньше лег спать. Второй месяц я жил на крейсере «Червона Украина» — писал историю корабля, работа была закончена, я не отстал от других, занимавшихся историями других кораблей и частей.

Я не обратил внимания на разговоры в кают-компании о том, что бал преждевременно и как-то тревожно прерван, команды вернулись на корабли раньше времени.

Среди ночи я проснулся от шума. Было такое впечатление, что на корабле боевая тревога. Над головой по броневой палубе стучало много сапог, пробегали люди по коридору. И в самом деле — слышались выстрелы, залпы. Я выглянул в иллюминатор.

Ночь была теплая. У борта плескалась вода, а дальше на кораблях и на берегу вспыхивали залпы, все гремело, и прямо над «Червоной Украиной», довольно низко, в лучах скрестивших прожекторов я увидел самолет. Прожекторы сделали его светлым, белым, ярким и на фюзеляже и снизу на крыльях я увидел знаки свастики.

Я сразу все понял, но не смел об этом думать.

Быстро одевшись, я выбежал на палубу. Вокруг — куда ни глянь — все стреляло, по всему небу качались и путались лучи прожекторов.

— Что это?

Кто-то столкнулся со мной и проговорил:

— Маневры, что ли, а может быть война.

К рассвету на корабле стало известно, что самолеты сбросили множество мин — в бухту и на берега, но все еще никто не позволял себе с уверенностью сказать: война.

С первым катером я пошел на берег.

— Бегите на базарчик — увидите, что там наделали...

— Но кто же? Чьи были самолеты?

— Немецкие.

В районе базарчика, на улице Щербака я увидел первые незабываемые разрушения войны. Тут упали немецкие мины. Замысел был в том, чтобы минами забросать бухты, но несколько мин упало и на берег.

Из стен разрушенных домов были выброшены кровати, утварь, детские игрушки. Убитых и пострадавших уже убрали. Бродила кошка.

Жизнь города начиналась, как всегда. Открылись парикмахерские. Я зашел в парикмахерскую на Ленинской, и в то время, как меня брили,

включили радио, и все мы услыхали речь, не оставляющую сомнений в том, что́ произошло и что́ началось.

Это началась война.

Вскоре все мы, москвичи, захваченные здесь ею, обзаводились вещевым довольствием в штабной каптерке. Молодой веселый каптенармус обращался с нами довольно насмешливо, и мы, сопя, подбирали по росту кителя и шинели, а главное — фуражки первого срока.

Но, думается мне, не тогда я был зачислен в кадры Черноморского флота, когда с любопытством к самому себе надел черную фуражку с эмблемой морского командира и задорно посмотрел на веселого каптенармуса, а, право, тогда, когда на разрушенной улице Щербака среди развалин я увидел маленький парусный кораблик со сломанной мачтой.

Кораблик взлетал бугшпритом кверху и кренился на самом гребне щебня, как на волне, как бы несомый дальше этим жутким каменным шквалом — с повисшим парусом, один, без своего недавнего капитана.

Только кошка, жалобно мяуча, ходила возле и обнюхивала его.

Я подобрал кораблик и решил беречь. Буду беречь его и дальше, потому что именно в тот момент я сильно почувствовал, что во мне существует воля, способная противостоять этому шквалу. Я почувствовал тогда *необходимость* беречь эту свою силу, беречь в чистоте и готовности,— только это даст мне потом радость, потом, очень потом, когда действительно «уже не будет войны»... О, как хорошо тогда будет!..

Все будет тогда, а сейчас так нужно, так необходимо письмо из Москвы и командировочное свидетельство на Одессу.

Сентябрь.

К Одессе мы подошли ночью. Сбавив ход, приближались к повороту.

Справа от нас, в районе лиманов, вспыхивали быстрые зарницы пушечных залпов, наблюдались взрывы, пожары, чернильно-синее небо прочерчивали цветные трассы огня...

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ОДЕССА. СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1941 г.

Предисловие и публикация Вс. Сурганова

Леонид Соболев занимает свое место в строю писателей-фронтовиков с первых же дней войны. С 26 июня по 26 июля 1941 г. он находится в Таллине и присылает оттуда в «Правду» статьи и фронтовые корреспонденции, исполненные неизменной уверенности в победе над врагом. Затем его переводят в Ленинград, где штабом Северо-Западного фронта была сформирована в те дни своеобразная «писательская бригада», в которую, помимо Л. Соболева, были введены Н. Тихонов, Евг. Федоров, А. Прокофьев, В. Саянов, И. Луковский.

Однако собственно писательская деятельность отошла в эту пору у Соболева на второй план. Время и условия не позволяли сосредоточиться и требовались, видимо, еще какие-то сроки, чтобы он мог найти, нащупать свою тему, свой путь достойного художественного воплощения грозной и героической современности. Писатель сумел сделать это лишь в сентябре 1941 г., когда он после неоднократных и настойчивых просьб был направлен в Одессу.

Оборона Одессы началась 4—5 августа 1941 г. Для овладения городом-портом фашистское командование выделило всю Четвертую румынскую армию. Уже с десятого августа на рубежи, обороняемые нашей Приморской армией, полками морской пехоты и кораблями Черноморского флота, обрушились ожесточенные атаки врага. К началу сентября положение защитников осажденного города стало особенно трудным. Одесса была лишена воды, город систематически, с ближних дистанций, обстреливала вражеская артиллерия, бомбили самолеты. Потери в наших войсках достигли 40 процентов личного состава, а в некоторых частях и подразделениях морской пехоты — 70—80 процентов. Особенно велики были потери в командном составе.

Но как раз в этот критический момент, по решению Ставки Верховного Главнокомандования, Одесса получила подкрепление. 16 сентября прибыли свежие части, а неделю спустя был произведен мощный комбинированный удар по врагу. «Операция внезапная и смелая началась в ночь на 22 сентября,—вспоминал впоследствии Соболев в очерках „Дорогами побед". — Крейсера высадили десантный Третий морской полк, самолеты сбросили в тыл врага моряков-парашютистов. Первый морской полк ударил из своей знаменитой посадки под Георгиевкой во фланг немецкой батарее. Трехдневный бой моряков отбросил румын на девять километров — дистанция для Одессы огромная!—за Гильдендорф. И по улицам Одессы провезли немецкие орудия, и на стволе каждой пушки было написано: „Она стреляла по Одессе — больше не будет!" и одесситы, как всегда бурные в чувствах, аплодисментами провожали орудия, отбитые моряками» (Л. Соболев. Избранные произведения в трех томах. М., Гослитиздат, 1962, т. 3, стр. 196).

Непосредственное участие в боевых операциях, встречи с бойцами и командирами морской пехоты, вся героическая атмосфера Одесской обороны помогают Соболеву нащупать первые подступы к ведущей теме «Морской души» — теме русской матросской

славы. Еще не определились сюжетные линии и узлы одесских новелл «Соловей», «Парикмахер Леонард», «Разведчик Татьян», «Голубой шарф», но уже состоялись встречи с морскими пехотинцами Побережняком и Сурниным («Гусар»), с летчиком А. Малановым, с отважной разведчицей Анной Макушевой и другими защитниками Одессы, чьи судьбы, характеры, подвиги подскажут затем художнику образы его будущих героев.

А впереди ждали писателя-моряка снега фронтового Подмосковья, бессмертные бастионы Севастополя, встречи с защитниками Новороссийска и Кубани — все, что стало вскоре жизненной, документальной основой его зарождающейся книги.

Записные книжки Леонида Соболева времен Великой Отечественной войны — черновой, рабочий инструмент писателя. Все, что заносилось на их страницы, подвергалось затем тщательному отбору и обработке, представая перед читателем-современником в виде рассказов «Морской души», в очерках «Дорогами побед», во фронтовых эпизодах повести «Зеленый луч». Соболев использовал далеко не всё из своих заметок. Еще и сейчас в чередовании занесенных сюда имен и фактов, в беглых зарисовках и давно забытых подробностях военного быта находит он истоки новых сюжетов и замыслов.

Всего в писательском архиве Леонида Соболева сохранилось четырнадцать записных книжек — с июня 1941 по май 1945 г. Заметки в них велись изо дня в день, с весьма небольшими перерывами. Принцип их ведения во многом напоминает корабельный вахтенный журнал: исключая обстоятельные записи бесед с фронтовиками и их рассказов, манера изложения здесь предельно лаконична; как правило, с точностью до минуты указывается время отмечаемого события, встречи, разговора. Большинство записей носит строго деловой характер. Однако наряду и вперемежку с ними на страницы книжек заносятся также и заметки личного, семейного, бытового порядка.

В настоящем издании публикуются с некоторыми сокращениями лишь те записи, которые были сделаны на фронте под Одессой (книжка № 3, с 11 сентября по 7 октября 1941 г.). Все они имеют непосредственное отношение к работе Леонида Соболева над книгой «Морская душа» и очерками «Дорогами побед», составляя часть «документальной основы» этих произведений.

Создание «Морской души» явилось важным этапом в творчестве писателя. Вышедшая в свет в ноябре 1942 г., книга эта сразу же стала одним из самых значительных событий в литературной жизни тех грозных лет. Очерки «Дорогами побед» начали публиковаться в 1944 г. Рисуя в них весеннее наступление наших войск в Крыму, под Одессой, в Румынии, писатель в воспоминаниях своих вновь и вновь возвращается к первым самым тяжелым неделям войны, проходит по улицам осажденной Одессы и Севастополя, вглядывается в лица их защитников, раскрывая в делах и свершениях этих людей истоки всенародного подвига Победы.

Публикация военных заметок Л. Соболева открывает доступ во фронтовую лабораторию художника, которая, подобно «кочующей» огневой точке, переносится то на командный пункт артиллерийской батареи, то в траншеи морской пехоты, то на полевой аэродром, то на военный корабль, то на улицы и площади осажденного города. Здесь Соболев-писатель то и дело уступает место Соболеву—военному моряку. Один из наиболее красноречивых тому примеров: записи от 14 и 15 сентября 1941 г., сделанные на борту вспомогательного крейсера «Микоян», ведущего артиллерийский бой с батареями гитлеровцев. Перед нами своеобразная «стенограмма» этого боя — стремительный перечень цифр и данных, вышедших из-под опытной руки бывшего флагманского штурмана-балтийца, фиксирующего все подробности морского сражения. Непосвященному человеку трудновато разобраться сразу в этом «коде». Однако писательское зрение и здесь не изменяет Соболеву при отборе деталей и событий, давая возможность «расшифровать» и оживить запечатленную им картину: грохот орудийных залпов, белые столбы взметенной бомбами и снарядами воды, силуэты вражеских торпедоносцев, проносящихся мимо крейсера сквозь вспышки зенитных разрывов... Все это помогает многое понять в облике самого писателя, в характерах его героев, дает представление о том, как зарождалась будущая книга, ее песенный героический пафос.

НА БОРТУ ЛИДЕРА ЭСМИНЦЕВ «ТАШКЕНТ»

Справа налево: командир корабля В. Н. Ерошенко, Л. С. Соболев, ст. помощник И. И. Орловский, военком И. А. Коновалов

Фотография. Черноморский флот, февраль 1942 г.

Собрание В. Н. Ерошенко, Ленинград

12 сентября. Севастополь. 83 день войны

В 12 пошел пройтись по городу — дома закрашены, окна заляпаны. В небе разрывы, упала головка снаряда на улицу...

В 17 звонок — Соболеву не уходить, будет оказия: в Одессу идет «Микоян». В 21 — катер. Фосфорится вода. Силуэт — двухтрубная низкая посуда. Прошел к командиру: кавторанг Сергеев Сергей Михайлович, балтиец; военком — старший политрук Новиков Михаил Федорович — тоже балтиец. Уходят в 10 утра, ходу 26 часов (12 узлов!). Вчера штормовали, валяло на 42° с периодом в 4 мин. Оно и понятно: это ледокол, превращенный во вспомогательный крейсер, с артиллерией, но без тралов и антимагнитного устройства. Сергеев за чаем рассказал: 1 июля на «Быстром» выходил из бухты, у бонов взлетел. Буквально: его подкинуло до марса — шесть метров. «Летел медленно, увидел рядом марс и медленно стал опускаться, как во сне, когда летаешь...» Упал на четвереньки на прежнее место мостика, потерял сознание, но пришел в себя от сильного удара: на него упал краснофлотец на спину. «Это лучше вышло — а то миноносец шел влево на мины». Рулевой успел исполнить команду и тоже упал — ранен в голову. Все остальные на мостике убиты, кроме помощника... Миноносец загорелся — вспыхнула нефть, призатопился на камни, потом отвели в док.

Предполагал вечером, оставшись здесь... дописать «Солнцестояние» [1] и письмо домой — не вышло... Можно спать в салоне у командира. В 4 часа «Микоян» переходит на бочку: девиация, потом погрузка боезапаса. — В газете нота Болгарии. Тут, однако, чего-то будет...

13 сентября. Море, 84 день

В 7 час. сводка. Оставлен Чернигов...

Снялись в 11.40. На мостике флагманский штурман и флагарт.

Кажется, на походе будет какая-то дополнительная «петрушка» — вероятно обстрел берега.

12.20. Ход 10 (парадный), ветер два балла. Наши ястребки и МБР* в воздухе. Впереди на облаках два ПЕ (двухмоторные)**. 12.25. ПЕ отвернули на вест, ушли за облака. Палубу поливают из шлангов. Команда обедает по боевым постам. 13. В воздухе только два МБР в нашей охране. Сопровождают нас и два МО***. На баке обедают у орудий. Один у бачка сидит рядом с санитарным пол-литром — «нервы крепкие».

14.20. Пообедали. Сергеев, оказывается, «испанец», командовал миноносцем «Валенсия». Его рассказы о героях-летчиках.

Новиков сообщил о задании — как я и думал, обстрел дня три (вернее— ночи). Решил остаться здесь на операцию, послав записку Азарову (член Военного Совета ЧФ).

14.22. Самолет справа над берегом на норд-ост. Следят. 14.30. Исчез.

15.00. Справа 10° на 500 м два самолета.

15.20. Самолеты исчезли.

15.50. Траверз Евпатории. 16.05 — ушел в каюту написать выступление по радиосети. Писал с 16.30 до 18, в 18.00 открылся Тарханкут.

19.30. Говорил перед микрофоном 10 мин. Получилось.

Вышел — темнеет. Очень мало облаков. В 20.20 ушел в каюту поспать до рассвета. Лег в 21.30, посмеявшись с командиром. Его рассказы об Испании, об овладении языком, о рижском бальзаме и постоянное его присловье: «понимаете, так сказать, так твою мать...»

14 сентября. Море близ Одессы. 85 день

Встал в пять, проснувшись от радио: «Начался рассвет, утроить бдительность».

Ленин на VI съезде 1918 г. о германском империализме: «Эта машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели ⟨...⟩ Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние...» [2].

7.15. Одесса... Дали радио о приходе в точку, ждем катера с обстановкой и заданием. Заготовил письмо Азарову о прибытии и решении остаться на «Микояне» на обстрел.

8.10. Прибыл флагарт ВМ базы кавторанг Филиппов и флаг-связист капитан 3 ранга Баратов с задачей.

8.15 — боевая тревога.

Девять самолетов над берегом. Потом еще десять — оказались наши.

Смотрел карту обстановки — язык у Сухого Лимана. На днях наши отошли, сужая фронт. Батарея у Дофиновки бьет по городу. Задач может быть три — язык, Дофиновка и между ними.

На снарядах надписи: «Гитлеру — лично». Придумали как охмурять самолеты (дымовой шашкой).

9.45. Люстдорфская батарея ведет огонь.

11.45. Стрельба на фронте все время продолжается. От зюйд-ост до зюйд-вест появилась сплошная облачность до зенита. Над берегом — И-16 и три МИГа пошли к фронту. 11.50 — шесть самолетов из-под солнца. 11.55 — они неизвестно где. Облака разошлись, небо почти чистое. Выходим на боевой курс. 12.05 — шесть самолетов оказались над северным берегом, бросили бомбы.

---

* Морские ближние разведчики.
** Самолеты конструкции Петлякова.
*** См. прим. 56 к публикации «Из военных записей» А. Тарасенкова.

12.15. Вернулись наши ястребки. Два И-16 сбросили над фронтом по бомбе.

12.40. Легли на боевой курс, дали установку. Дистанция 127 кабельтовых.

12.45. Начали пристрелочный. 12.47 — поворот на обратный курс 225°, малый ход. 12.52 — снаряд с Дофиновки, кабельтова три недолет. 12.54 — второй, то же. 12.57 — наш второй. Над нами барражируют* два И-16. 13.00 — третий снаряд с Дофиновки — ближе, но в 6 кб. Пулемет в воздухе. 13.02 — наш третий. 13.05 — четвертый снаряд с Дофиновки в 8 кб. 13.07 — поворот на обратный курс 45°.— «49». 13.28 — «жду 26». Отходим ближе к берегу. «25 жду 26»**. Легли на 45°. 13.35 — наш четвертый. «17—15—14—6 немедленно 25». С 13.30 резко усилился арт-огонь на фронте. Вышли три И-16 туда. 13.38 — наш пятый снаряд. 13.48 — торпедная атака с левого борта бреющим. 13.49 — огонь. 13.51 — торпеда прошла по левому борту (ворочали). 13.54 второй торпедоносец — говорят, вторая торпеда, я не вижу. 13.56 атака кончилась, дать главным не успели. Заметил торпедоносца с кормы Жаворонков, химист, второго — Гиндин Валентин Михайлович, командир пулеметной группы. Самолеты шли с зюйд-оста, с моря, бреющим.

14.11 — курс 45°, наш шестой снаряд. 14.20 — наш седьмой. *⟨Далее опущен ряд цифровых данных смены боевого курса.⟩*

14.37. Самолет-торпедоносец идет на нас. 14.40 — отвернул вправо, дали для страху фугасный (шел с оста, атака с зюйд-оста).

14.50. Стрельба пойдет по Болгарке***. 15.07 — залп.

Принесли обед. Штурман: «6° и 14°. Дать дистанцию. Почему одна ложка?» «15—20—15—50 быстро 25». 15.14 — залп фугасно-осколочными. 15.26 — залп.

А мы с военкомом обедаем (принесли вторую ложку).

15.40 — выстрел. 16.01 — выстрел.

16.40. Справа два торпедных катера на нас. Решили обстрелять. 16.43— обстреляли, они застопорили, начали давать опознавательные. А в 17.00 приняли радио: с моря три морских охотника и два торпедных катера [3].

17.17. Жестокий зенитный огонь и разрывы на зюйд-весте. Полный ход, зигзаг. Самолетов не видим. 17.30 — в воздух пошли наши (И-16). Стрельбу продолжаем.

18.14 — видят самолет зюйд-ост, высота 100 м, далеко.

18.25 — перешли на поражение через 25 сек. по два фугасно-осколочных.

18.37 — перешли опять на залпы. 18.38 — в городе воздушная тревога. 18.55 — два торпедных катера ставят завесу у порта. Возле них черные разрывы.

19.03 — отбой воздушной тревоги.

19.40. Бомбардировщик прошел над нами, бросил бомбу в город. Вторая бомба на берегу...

19.55 — фейерверк: Ю-88 в прожекторе. Сбросил две бомбы в порту и в городе (500 кг). 20.00 — большие бомбы в городе, всего восемь бомб и потом еще две. Эффект — зарево при взрыве.

20.00. Отдых, ужин, сон.

Итоги первого дня — дали полный комплект снарядов береговой шестидюймовой батареи, атака торпедоносца, атака катеров, налет самолетов, бомбежка Одессы. Впрочем, надо спать — темное время, до рассвета

---

* Барраж — заграждение. Здесь — воздушное охранение.

** Запись кодовых сигналов: «49» — «меняю курс», «26» — «корректировка», «25» — «залп» и т. д.

*** Деревня под Одессой.

надо выспаться. Получили новую задачу — батарея у Фонтана и Григорьевки: в случае, если ночью запеленгуем их огонь, днем обстрел.

Несомненно, что святой Николай Мирликийский все эти годы жил на пенсии от флота и теперь помогает. Только этим можно объяснить некоторые вещи.

Выходил проветриться на ночь — темная, тихая ночь, звезды, все время бухают орудия, давая молчаливые вспышки. В 20.30 связались с Филипповым, спросили как стрельба. Ответил: «отлично». Вечером беседовали с командиром и военкомом о людях, сказал свое впечатление, так же и о «варягах» — с линкора. Настоящие люди.

15 сентября. Море близ Одессы. 86 день

Ночь прошла спокойно. Ветерок четыре балла, норд-ост, против него — даже холодно. Барражируют — два И-16. Радио: самолеты противника в воздухе. Сводка: оставлен Кременчуг. В 8.10 связались с Филипповым, уточняем задачу.

9.05 — воздушная тревога. Ю-88 и еще два над берегом у Фонтана, скинули две-три бомбы.

9.40 — атака самолетов. 9.44 — самолеты, под солнцем. В порту страшный дым... Выходим в точку стрельбы — будем бить Гильдендорф, дистанция 116 кб. Там батарея, по которой хотели дать вчера.

Комиссар рассказал, что ночью оказалось: текут котлы — шесть — из-за форсирования ходов (уклонения на бомбежке) и требования бездымности. Стал вопрос — как чеканить. Рабочий (с завода, гарантийный!) подсказал решение. Люди полезли в котел чеканить — сперва в асбесте, потом в капковых бушлатах, смоченных водой. Температура —100°. Вместо трех суток один котел ввели в 6 утра, остальные вводят.

9.55. Начали огонь по Гильдендорфу. Над ним два Ю-88, проходят с носу под солнце. 10.08 — четвертый пристрелочный по батарее Гильдендорфа. 10.10 — залп, поражение. Корректировщик: «200 метров от батареи». 10.18 — два Ю-88 с носа, дистанция 84 кб. 10.26 — «Юнкерсы» сбросили на берег шесть-восемь бомб, повернули на нас. Возле них — разрывы. Прошли мимо в море. 11.15 — в стрельбе заминка, помеха корректировки. *⟨Далее опущены цифровые данные смены боевого курса.⟩*

11.46. С берега дали цель, просят немедленно огонь ⟨...⟩ Задачу выполнили хорошо. Израсходовано 12 + 31 и 30 в первую — 73 снаряда. Корректировщики — старший лейтенант Черепов, вчера старший лейтенант Терновский.

12.57 — опять просят огонь. С кормы самолет (И-16), дальше разрывы.

13.25 — дали пристрелочный по высоте у лимана. Обедали. С берега — до 16-ти огня не потребуется. Сообщил военкому, что завтра утром уйду в Одессу, просил катер. С 14-ти — был в кочегарке и в машине, смотрел чеканку котлов. Механик завел литературный разговор. Собрался читать «Индивидуальный подход», но вовремя сообразил, что это было бы бестактностью по отношению к командиру корабля. Вот ведь случай! [4]

15.00 — воздушная тревога. 15.06 — сбросив бомбы на берег у Фонтана, три Ю-88 уходили восвояси. Над головой 3 + 3 ястребка, бой, исчезнувший вдали. До 16-ти провел беседу на палубе и в микрофон, читал «Загадки техники». 17.45—шесть бомбардировщиков из-под солнца, оказались наши. Набрали высоту, ушли к линии фронта. Они еще были в воздухе, когда дважды, в 18.10 и в 18.20 появились два Ю-88, потом три. Прошли над берегом. Разрывов бомб не видно.

Берег просил ждать — до 17, до 18... Ждем.

Ужинали, разговоры с военкомом и инструктором политотдела до темноты. Пошли наверх, там я сыграл с мостика по трапу — думал, за дверью продольный мостик и шагнул в пустоту. Счастливо — ударился боком,

«МОРСКАЯ ДУША»

Одно из первых изданий сборника военных очерков Л. С. Соболева. М., изд-во «Правда», 1943

Обложка

а гудел здорово... Голос из темноты: «Это какой чудак загремел?» Я ответил: «Я». Погода портится, облака. Лег спать в 11 час., известия плохо слышно.

Около 20 час. Бомбили Одессу — три-четыре бомбы крупных.

16 сентября. Море. Одесса. 87 день

6 час.— боевая тревога, профилактическая: небо в облаках. Погода портится.

6.45 — открыли огонь по Фонтанке, дистанция — 90 кб. Около восьми перешли на поражение одиночными фугасно-осколочными. В 8.05 с берега открыто: «давайте, давайте, замечательная стрельба». 8.09 — «замечательно». 8.17 — «прекратить огонь». 8.20 — легли на ост, начали пристрелку. 8.25 — «временно прекратить». Выпустили 93 снаряда.

8.30 — новое задание — Фонтанка, левый край деревни. Дорошко откинуло воздухом, он продолжал стрелять. Командир первого орудия Скибо безотказно стрелял. («Боевой листок» — артиллеристов.) Первый снаряд дало первое орудие — с надписью. Краснофлотец четвертого орудия Сосновский. 45 мм зенитного командир старший краснофлотец Зеленюк бил по торпедоносцу, секретарь парторганизации БЧ-2* Гиндин увидел его. Досылатель исправил Салик. Грачев — отличный установщик. Подали в партию — Зеленюк, комсомолец Скибо, комсомолец Грачев и другие (на 4-м орудии Дорошко), зарядный первого орудия Карташев и Литвиненко.

* БЧ-2 — боевая часть 2 (артиллерийское подразделение корабля).

Котлы. № 4 не был в действии 5 час., горячий. Охотники: Башко, Курбатский и комсомолец Филинский — кочегары — были в котле по 20 мин., пока терпится, чеканка и вальцовка, по 2 часа на каждого. № 8— Стоян (из запаса), Федосеев, комсомолец Степанец, Парфентьев — освоили в котле чеканку при температуре 125°, раз по восемь лазали, сперва в асбесте, потом в капке. Дробниш — из рабочих завода, строил «Микоян», подал теперь в партию.

Машины. Старшина Моисеев, комсомолец, хозяин кормовой, учит людей, служит шестой год. Почтальон — старший машинист, кандидат ВКП, Головань — старший машинист, комсомолец, Идрисов (татарин) — комсомолец, отлично ухаживает за вспомогательными машинами.

9.58 — начали обстрел Фонтанки — корректировщик Терновский просит немедленно бить. После первого залпа сразу: «меньше $^1/_2$, право $^1/_2$, поражение через 10 сек.» Ходил по орудиям, надписи на снарядах: «Фашистам на обед». 10.36 — продвигая залпы до силосной башни, прекратили огонь по команде с берега. Расход — 95 снарядов.

Писал статейку в корабельную газету. Краснофлотец Петров (замочный орудия № 4), артист из Одесского колхозного театра, просил зайти к родным в Одессе. Рассказывал, как увозил семью из Житомира, — купил подводу и лошадей — жена, шестимесячный ребенок, бабушка, так на подводе до Полтавы, оттуда в Сталинград. Вестовой просит написать на память «стишок». — «Да я их не пишу». — «Тогда рассказ мне напишите»...

После обеда военком брал у меня сведения о стрельбе.

15.17 — на катере ОВРа* пошел в гавань. 15.34 — у входа, возле бонов, за кормой два-три снаряда — с Фонтанки.

Из порта поехал в Аркадию — штаб Морской базы. Впечатление от города: огромные дома убраны начисто, до панели, воронки на улицах, пусто, людей не видно. 17.05 — бомба на соседней улице. Шофер (азербайджанец, проживший в Одессе шесть лет) по-одесски рассказывал и показывал, разводя руками и бросая баранку: «Это разрушения? Посмотрите сюда», — а я хватался за баранку... В тот вечер, когда мы наблюдали с моря (20.00), бомба упала у остановки трамвая: три вагона с людьми, уезжавшими на ночь за город... Баррикады на перекрестках. Штаб базы в каком-то санатории, сады, маленькие домики. В 19 час. поехал к Азарову через весь город, снова картины разрушенных домов. Перед выездом встретил кавторанга Филиппова, он уже был на «Микояне». Стрельба шла по живым целям, по скоплению. «Микояна» хотят задержать здесь для продолжения.

Штаб обороны. «Метро» на 300 м и потом грандиозные подвалы (бывшие винные, в три этажа), некоторые работники газеты спрашивают, что значит «катабомба»?

У члена Военного Совета контр-адмирала Азарова установили порядок — сперва МО, катера, канлодки, береговые батареи, потом 25 и 90 дивизии. Ошибка, что только моряки, надо об армии. Потери моряков большие. Рассказывал о «танках» по идее капитана Когана [5]. Великолепная работа береговых батарей — Куколев, Шкирман, Никитенко, поехать к ним. Остался ночевать тут. Встретил Петра Гаврилова, Сашина, Сойфертиса, Поневежского, Сальникова («Красный черноморец»), Ивича. Конечно, разговоры о Москве и прочем. Рядом крутят «Мы из Кронштадта». Моряки недовольны: по картине краснофлотцы ходят в бой в рост... Спал на койке у прохода, в свете, под шум проходящих с 12 до 6, и с 6.30 до 8.30. Надо перебираться в базу, здесь слишком много народу и соответственно трудно разворачиваться. Тяжкая штука — штаб...

---

* ОВР — см. выше прим. 50 к публикации «Из военных записей» А. Тарасенкова.

Письмо мое, посланное 14-го со связистом, Азаров получил перед моим приходом сюда. Чувствуется, что будет трудно доставать машину, организовать выезд и т. д. Работать здесь негде, да и таскать по «метро» чемодан — упаришься. Вспоминаю с тоской «Микояна».

17 сентября. Одесса. 88 день

Здесь ждут срока операции в шесть-семь дней, на это намекал и Азаров.

У контр-адмирала Жукова. Надо на 411 и 39 батареи, в 69 авиаполк (майор Шестаков). Там очень тяжелые условия: под бомбами и снарядами учат прилетающее пополнение. Полк представлен к награде. Румын здесь до 15 дивизий, 35 артиллерийских полков. Работа в самом городе — блиндированные машины, бронепоезда, подгонка минометов, пушка для бутылок, баррикадная пушка из трубы — с гвоздями и пр.

10.00. Обстановка: напор, генеральное сражение. Работа бронепоездов, наступление широким фронтом на 15 км. «Резерв» командования — всего 60 человек из команды выздоравливающих.

Беседовали с военкомом Павловым и командиром отряда (капитан 3 ранга Кузнецов), наметили с кем говорить. Сейчас все в море, завтра днем надо приехать. В 17 — тревога. Бомба (100) упала рядом, в Арбузной гавани. Здесь очень бьет осколочными снарядами, люди выходят из строя. Прежняя база получила прямое попадание бомбой, теперь вырыли в скале блиндажи. В 18 пошли обедать, снова тревога, но падало далеко. Уехал к 20 в штаб, ночевать остался там, перетащил койку в темноту. Ночью бомбили штаб, тряслось и здесь. Надо садиться за «Микояна»; 20.IX оказия, но работать трудно — негде, придется здесь, в дежурке. В газете «решение» городского совета о нормировке воды, это звучит эпически — осада...

18 сентября. Одесса. 89 день

Очень сложно распределить время, а нужен жесткий календарь. Где надо побывать? Катера, батареи, авиация, гидрография, армия. 17—18 — катера, 19—20 — батареи, 21—22 — авиация, 23 — гидрографы, 24—27 — армия. Но очевидно, что писать об этом всем не поспеешь. Ясно и то, что с темнотой очень трудно перебираться. Следовательно, надо кончать к темноте поездки (если поблизости) и работать тут.

С 9 до 10.30 безуспешно доставал машину до ОВРа. Только в 11 достал дежурную (грузовик), но шофер не знает дороги. Жду его в 11.45 на базе. Воздушная тревога. Готовят к взрыву мину — одну из тех, неразорвавшихся. Ею будут подрывать ту, которая лежит в гавани. Вес зарядного отделения — 820 кг. ⟨*Далее опущены записи бесед с катерниками.*⟩

«Малым кораблям — большое плаванье». Задачи: конвой, дозор. Штормовые походы. За это время сбито 14 самолетов. В партию принято 39 человек.

Вечер на базе катеров. Вечерний налет. Потом в катакомбе читал «Индивидуальный подход» и «Бешеную карьеру». Очень хорошо принимали — люди отдохнули на смехе. Остался здесь ночевать. Всю ночь беспрерывные налеты, бомбы в порту и в городе и пожар. Цель была — транспорта, вчера три больших («Грузия», «Днепр»...) привезли ночью войска, танки, снаряды, гаубицы и в эту ночь пришло еще три. Очень кстати — утреннее настроение в штабе. Ночью же был и артиллерийский обстрел порта.

Но материала по катерам все же маловато, надо поговорить с людьми. Нет зерна, за которое можно зацепиться. Дубок «Киров» обидели в море: был с двумя катерами ЗИС*, на него кинули шесть бомб, да в гавани у борта...

---

* Катера с автомобильным мотором ЗИС. Их звали «зисенки».

Вечером в 17.30 четыре Ю-88 налетели на «Микояна», два пикировали из облака, № 22 открыл огонь. Тогда и «Микоян» открыл огонь. Кинули восемь бомб, всплески закрыли «Микояна», думали — ему конец. Остальных двух отогнали ⟨...⟩

19 сентября. Одесса. 90 день

Катер № 125 — лейтенант Тимошенко. При выходе 13 сентября, как заяц, бегал у бонов от снарядов.

На Дунае. 17.VI был там с контр-адмиралом Воробьевым, шторм — был вынужден остаться и влип в войну. 22.VI в 4—5 тревога, думал учебная, а с пикета обстреляли пулеметами. В 7 час. — задача: уничтожить пикет. Дал несколько залпов по пикету с дистанции 1 км. Был там месяц. Старая Килия — румынская и Переправа — выход отрезан. Там были «полтинники»*, ЗИСы, бронекатера и мой катер. Били нас минами, нельзя было проводить баржи с боезапасами. На 26.VI утром назначили десант на Старую Килию, там был румынский полк. Впереди пошли «полтинники» и ЗИСы. Встретили огнем. Потом стали бить по мне, тогда я открыл огонь, а катера пошли в берег — начали высадку... Развернулся против течения, бил с места. Но стоять было противно — свистят пули, валятся мины, так я бегал от пушки к пушке, командовал, чтобы заняться — минут 15 так. Загорелись хаты, высадился десант. «Зисики» попрятались за меня. Взяли тут 50 пленных, трофеи, три дня возили пароходами. Начала действовать авиация, отбивались. 28-го утром — семь штук. Я замаскировал, они думали — зенитная батарея. Пикировали, но отбились. Днем налетело 15 штук, четыре пикируют с пулеметами с четырех сторон, остальные 11 бомбили. Все были на палубе, по пикировщикам били из пулеметов, а по тем, кто бомбил, — пушкой. Минут десять промучали — показались вечностью. Шрапнель кончилась, били бронебойными и трассирующими.

Вел баржу с боезапасом вверх мимо Переправы для мониторов. Когда 19—20 июля уходили в семь утра, шла всякая мелочь — штук 150. Монитор шел впереди, бил по Переправе, сообщает: «Прорывайся». Включив все три мотора, дал узлов 30. Брони нет, пришлось хитрить: когда завязался бой с монитором и с бронекатерами — кинулся рывком. Весь огонь сразу на меня, мины над головой, воздухом било. Глобин у меня замечательный рулевой, выворачивался. Катер шел с кустиками. Тут пролетела мина и тут же дали залп обеих батарей, я думал, конец. Да еще слева с Вилково наша батарея стреляет — снаряды пролетают и под носом и под кормой. Проскочил, зашел в рукав, даже шапку снял: «Ну, всё», а тут из-за Королевского леса — снаряд рядом. Ночью вел всю флотилию — у них нет компасов...

С 12 до 14 проехал в штаб армии, взял чемодан и машинку, проехал в базу. Там позавтракал и с Гавриловым поехал в 42 дивизию. Звонили Резчикову на компост, тот дал санитарку на первую батарею — старшего лейтенанта Куколева Михаила Кузьмича. В 15 приехал на батарею.

Она рядом с румынской — через лиман. Просматривается движение по дороге. Встречал комиссар Иванов, провел на компост. Там провели весь вечер, ходили по орудиям, с 19 час. началась стрельба. Корректирует Панков, который с частями НКВД держит Сухой Лиман. Били по скоплению в лощинах, несколько раз меняли цель. Батарея с 1921, еще Дзержинский здесь был. Здесь старый партизан Пешехонов, председатель колхоза Беляевка (теперь служит нач. боесклада). Различные легенды о Люстдорфе: шпионы, парашютисты, диверсанты, но это все

* Сторожевые катера серии 50.

на 80% прибавлено. Очень четкая работа Куколева и в посту — Боровиков устанавливает, дает ревун, считает полет и успевает при этом бить мух специальной резинкой, а мух здесь множество. Посоветовал им формалин. Ходили смотреть ложную точку в кукурузе, были на М-4: маленький окопчик с маскировкой, четверо зенитчиков так и сидят в нем с начала войны у пулемета, по очереди ходят за обедом — и всё.

Ночевали в санпункте. Вечером бомбили Одессу — четыре взрыва, полыхающий отсвет на небе.

20 сентября. Одесса. 91 день

Первая батарея.

Утром походили по батарее, поглядели хозяйство, воронки снарядов. Пошли в компост.

10.12. Кончился налет на батарею шести юнкерсов, повреждений нет. 10.14 кок принес завтрак. Куколев: «Что так скоро?» Оказалось, кок тащил завтрак под бомбежкой («чтоб не остыл»), но все же залег в кустах у КП. «Полянку не перебежать, больно строчили пулеметами».

10.22. Звонит Ишков (корректировщик, лейтенант): «В ложбинке (координаты) солдат штук полтораста». Куколев от котлеты: «Мало». Снова звонок. «Двести набралось». — «Мало, обождать». 10.30 — Ишков: «Штук триста есть». — «Шевелятся? Нет? Ждать». 10.32 — Ишков: «Лезут». — «Вот это дело другое...» Идет стрельба.

10.36. Куколев телефонисту: «Спросить Ишкова, как фашисты себя ведут?» — «Беспощадно бегут». — «Куда? Может, на наших?» Обиженный голос Ишкова: «Куда же они могут еще бежать? Удирают. Ориентир такой-то, отсечем от ложбинки». Батарея стреляет беглым огнем, вахтенный у журнала философски: «Стреляли по живым целям, а теперь писать как? По мертвым?»

10.38. Ишков в восторге: «Сапоги в воздухе, а в сапогах ноги!.. Огоньку, огоньку!..»

10.40. Огневой налет на нас с Александровки. Куколев вызывает Шкирмана, жалуется: «Сосед обижает». Шкирман открыл огонь. Тут же голос Ишкова: «Кончено. Вопросов больше не имею, сотни гитлеров тоже». Куколев командует «дробь»*. В КП заскочили комендоры первого орудия Синицын, Хорошилов, Кисельман — ухитрились втроем вести огонь под снарядами. Куколев: «Почему в укрытие не уходили?» — «Да в нас не падало...» А штаны-то в дырках, и Синицын ранен.

10.45. Куколев за завтраком. Не дают поесть. С вилкой в руке: «Орудия зарядить. Первый доложить о готовности. Первое — по четвертому реперу, $^1/_4$ больше... Выстрел!» Нацелился вилкой в котлету. Корректировщику: «Падает! Не духом падает, а снаряд». Корректировщик: «Румыны тикают». — Боровиков один на приборах.

С дальномера доклад — 12 подвод везут боезапас. 11 час. — пошли к дальномеру посмотреть. Артналет с Александровки с 11.05 до 11.10. — 15—16 снарядов и все вокруг дальномера. Сперва мы с Петей приседали на бетоне площадки, потом заскочили в щель, но там уже семеро. Корма моя осталась снаружи. Пыль рядом — осколки. Дальномерщика хлопнуло по каске. 11.12 — перешли в рубку. Один краснофлотец ранен в руку осколком. 11.20 — снова обстрел, снарядов 15, но мы уже в рубке. 411-я дала огонь по батарее у Александровки — та замолчала.

11.30 — привезли трофейные минометы, один принесли сюда. 11.40 — начали огонь по пехоте на Санджийку. 11.48 — дали два пристрелочных и два залпа батареей. Над нами самолеты. Корректировщик: «Бегут, дайте еще!» Куколев: «Пусть пулеметами погоняют...» Опять просят дать на 200 м

* Сигнал о прекращении огня.

вперед. «Ну есть... Добро. Дам еще парочку... (лениво): К бою!» 11.57 — дали два двухорудийных (на первом орудии сбило панораму осколком).

Потом пробовали миномет. Боровский: «Садись верхом — и пошел!» 12.44 — воздушная тревога. А до этого в 12.20 бомбардировщики обстреляны занитками. *⟨Далее опущена запись беседы с комиссаром батареи Виктором Ефремовичем Ивановым о боевых делах моряков-артиллеристов.⟩*

14.10 — снова начался обстрел, до 30—40 снарядов легло у казармы. Пробовал согреть руки об осколки, но жгут. 14.15 — в центральном посту. Оказывается, мы начали стрелять по пехоте, батарея Александровки открыла огонь. 14.50 — начали сами бить по ней, своими наблюдениями. Оценка — хорошо. 15.02 — прекратили огонь, дав беглым 39 снарядов. 15.15 — по пехоте. 15.30 — над нами два самолета кружат — четыре бомбардировщика хейнкель. Воздушная тревога. 15.35 — спокойно. Боровский обнаружил, что миномет его подбило осколком у двери компоста...

16.10 — выехали. 16.35 — у рогатки в воде пять всплесков бомб.

17.20 — приехали на компост дивизиона — капитан Диненбург Александр Исакович.

411-я батарея маскирована. Ее казарма была построена в форме самолета, направленного на батарею. Там ее «перевернули» и в посадке сделали ложную батарею. Дают с нее вспышки. Ее бомбят, истребители штурмуют.

Старший политрук Резчиков Петр Иванович. 14.IX очень много дала разведка Долженко. Ужин, разговоры. Фигура Ишкова, корректировщика, Шкирмана (командир 39 батареи), Никитенко (командир 411-й). Вспомнили Богданова (БОС*), Бельского и т. д. История исключения Богданова из партии. О куколевской батарее. 21 час. — донесение Ишкова: перебежчик сообщил, что в 22.30 будет наступление румынской армии. С 411-й Никитенко звонил, звал приехать, обещал ему на завтра. Одессу в 20 час. опять бомбили. Ночью пришел новый караван — вся дивизия полностью. Звонил Ишков — на фронте взяли танкетку.

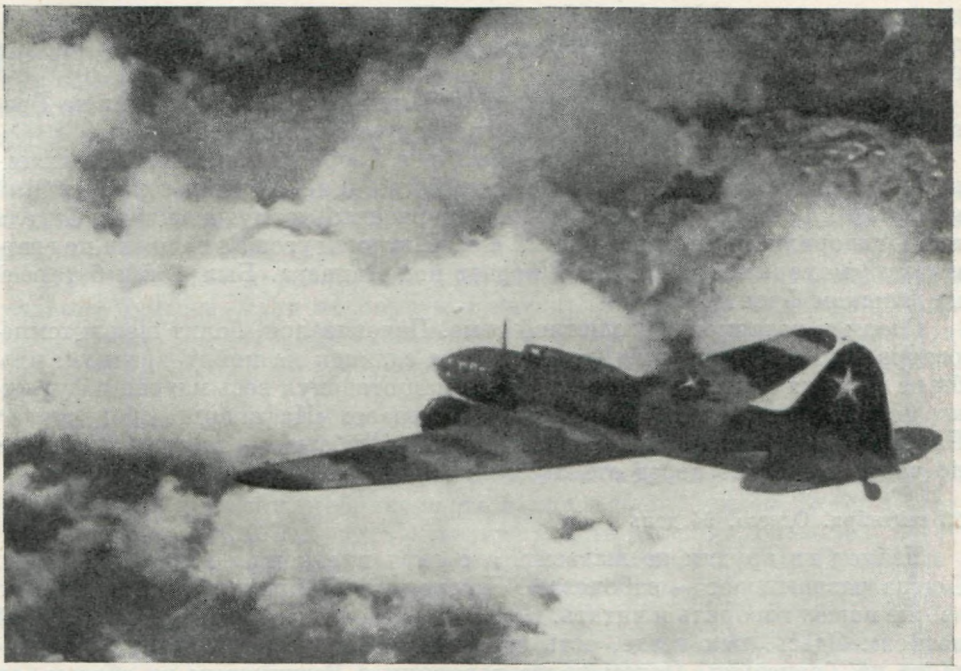
Долго беседовали с Резчиковым, остальные спали. Как он знакомился с Диненбургом (машина), как приобрел авторитет у Куколева стрельбой. Как Шкирмана оборвал, когда задевали казенники при 45°. Лег спать поздно, тут же в посту.

21 сентября. Одесса. 92 день

Утром читал командирам «Индивидуальный подход». Был налет — самолетов шесть. 10.25 — очевидно, началось наступление, бьют по пехоте 1-я и 411-я.

11.15 — уехали с Резчиковым и Никитенко. Сперва Резчиков мучил нас продукцией политдонесений: «и все увидели, как в груди товарища Н. забился патриотический пульс...» Потом компост — это тебе не Куколевская! Прямо — форт кронштадтский!.. Через поле пошли на батарею, пришлось полежать в траве — шли самолеты. Трава пахнет, тепло. Орудия и их маскировка. Толково. Пообедали. Помылись в ду́ше — блаженство! Стриглись. Изменили порядок — не в 17, а в 18 час. выступление прямо на батарее, завтра — в компосту. Чудный вечер, тишина. Провел беседу на втором орудии, рассказа не читал — завтра. Спали в казарме. Ночью в Одессе большой пожар. Ночь удивительно темная, пожар странен, так все тихо. Здесь иное ощущение, хорошо, что были на 1-й, там по-боевому. Но часть воинская, подтянутая. Мы смеемся — ферма, кулацкий форт: свиньи, коровы, виноград, петухи и большие пушки. Богатство! Вечером постреляли. Здесь уже меняли внутренние стволы — вместо трех суток — 18 часов. Удивительное ощущение чистого белья.

* Береговой отряд сопровождения — первые морские пехотинцы в финской войне 1939—1940 гг.



НА БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ
Фотография А. С. Соколенко. Черноморский флот, 1941—1942 гг.
Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

22 сентября. Одесса. 93 день

Радио утром — об оставлении Киева.

8.30 — начали стрельбу. Пошел на батарею.

9.00. Говорил на втором орудии о Киеве — хорошо, с запалом, потом читал «Индивидуальный подход». 10.20 — на силовой станции, там Стадник Карп, 52 лет, кочегар с «Императрицы Марии» [6]. Рассказывал о взрыве: «Вынес койку, думаю: сперва помыюсь, а когда будут играть на молитву, пойду в гальюн...» — взрыв был под носовыми умывальниками. Это его спасло. «Одна мина нам — ничего не поможет» (в смысле — не повредит). Четыре сына на фронте, один на «Красном Крыме», три в армии — один танкист.

Ишкову шлют на выносной корпункт жареного поросенка с хреном в зубах...

От 13 до 14 речь о Киеве на трапе в компункте для взвода управления. Потом читал «Индивидуальный подход» и убедился, что бедствия надо бить смехом.

16.50 — читал «Две яичницы» комиссарам, в это время штурмовик налетел на точку № 2 и бил по нашей казарме. Вышел поглядеть — рядом пуля в двери. Вынул на память.

17.45 — КП дивизиона. Был налет 10 бомберов на миноносцы — «Беспощадный» и «Безупречный». У «Беспощадного» подпрыгнула корма, у «Безупречного» — бомба у борта.

18.00 — приехали с капитаном Диненбургом на батарею к Шкирману. Артисты. Смена лейнера * — не лезет. 18. 30 — несколько снарядов с запада. С артистами дурак политрук — держал речь батарейцам:

---

* Внутренний ствол орудия. Меняется после известного количества выстрелов.

две цитадели на флангах фронта — Ленинград и Одесса. Это плацдарм для окружения гитлеровских армий с севера и с юга, отсюда, мол, и начнем...

Хорошая новость: ночью крейсера и эсминцы высадили десант на Григорьевку, продвинулись порядочно к северу с 3 морским полком.

Эта батарея тоже старая, здесь был еще Дзержинский. Если Никитенко — кулак, то здесь — бедняцкое хозяйство, и по орудиям тоже. Чудный комиссар 27 лет, Бурунов, очень неиспорченный и смущающийся. Сидели в КП, говорили, пили виноградный сок. Шкирман угощал песнями под гармошку («махорка-зорька»). Сам играет под Чапаева. Был с ж/д батареей на финском фронте.

Спали в казарме в абсолютной тьме. Перевязался, болит шея и температура около 38° верных. Как Шкирман садился на койку врачихи: чтобы не сесть на ее чистую постель, Шкирман отвернул весь матрац и фуражку положил на плечо. Гармонист оповещает: «Из оперы „Снегурочка" Римского-Корсакова». Сыграл и экспромт Шуберта — то, что я слышал по радио в Москве перед отъездом на аэродром...

23 сентября. Одесса. 94 день

Лейнер из орудия не вылазит, я с горя предложил выстрелить им... С утра разламывает — заболеваю. Пришел в КП, пришлось лечь. Однако всё же пошел говорить и читать. Говорил о Киеве, читал «Индивидуальный подход». Здесь, как везде, есть старики — Белоус с 1915 г., был в десанте на Трапезунд. Потом долго говорили с Резчиковым за обедом, он рассказывал о ткацкой фабрике, где работал в 1915 г., о симулянте на форту и продолжал тему Фикса: это младший лейтенант на 411 батарее напился одеколону в пулеметном гнезде, мол, сыро, холодно и страшно. Сам — типичный блатмейстер: из запаса, был зам. директора завода. Резчиков при нас на 411-й на нем «выспался». Перевели в рядовые.

Вчера около 12 Панков * попросил огня. Куколев разбил батарею и минометы на Александровке. Слушал разговор по телефону об этом и думал, что дырки на кителе пора Куколеву вертеть...**

К 16 меня совсем развезло, решил ехать на ВМ базу отболеть. Гаврилов остался со мной, съездив в штаб. Лег в 20 и плохо спал, температура. «Безупречного» увели в Севастополь. Под Тендрой бьют. Ночь прошла спокойно. Удар 3 полка (десант) очистил север до Гильдендорфа включительно. Жмут и у Дальника. Привезли «огурчики» *** для всех, настроение поднялось. В городе встречал подводы — вывозят народ на обратных транспортах. Читал газеты центральные до 19 сентября.

24 сентября. Одесса. 95 день

⟨...⟩ 16 час. у нач. особого отдела Морозова — десантники.

Свиридовский Владимир Семенович: у Григорьевки высадились (не вместе), ничего не понять, каждый по-своему. Высаживались под пулеметным огнем. Услышали треск — мотоцикл. Ссадили мотоциклиста (он ехал, кричал и стрелял). По нашим стали стрелять из автоматов и минометов. Пошли дальше, уничтожали пехотинцев-румын. Я увидел склады порта, их сожгли. Потом послали в разведку на Николаевку. Там встретили семь человек во флотских шинелях — разобрались: наши. Под Чабановской пошли под минометный огонь, там оказалась пушка, но мы ее не видели. Утро. Налетели шесть бомберов, обстреляли. Но пушки мы захватили.

---

* Корректировщик на Сухом Лимане.
** Для ордена.
*** Снаряды (наивный телефонный код).

Совхоз Котовский — там был их штаб, стояли пушки, мы зашли туда. Пушки захватили потом наши, а мы повынимали что можно и попрятали. Тут самолеты пикировали на нас, а наших не было, было трудно, но никто не терялся. Потом вышли на ложбину, уничтожили конную разведку румын, один ушел. Наши бросились в атаку, много румын. Остановились к концу дня.

Всю ночь на 22.IX воевали, день воевали, в ночь на 23-е встретились с нашими у первого поселка — разведки опознали друг друга. Потом ихние пушки начали стрелять по нам — шестидюймовки.

При высадке с корабля дали ураганный огонь с осветительными снарядами, румыны стали подбирать монатки. Шлюпки пошли с кораблей, с 3—4 миль, у берега пришлось идти по грудь в воде. Вода холодная, но было тепло, все пошло азартно. Часть людей — добровольцы, часть — запасники.

Один батальон пошел на Григорьевку, один — на Чабановку, один — вглубь ⟨...⟩. Когда уже взяли порядочно территории, отряд немцев в 70 человек на двух катерах высадился против Чабановки. Наш взвод их встретил и пошел в штыки, побили, часть взяли в плен — днем 22.IX. Сперва они залегли, потом кинулись к катерам, а те отошли. Бежали к берегу стреляли назад из-под мышки. (Здесь пришел капитан 2 ранга Пермский — командир дивизиона «Б», рассказал о налете: летали на уровне мачт, дали 240 бомб.)

3 батальон особенно здорово дрался в ночь с 22 на 23-е. Румын около 2000, заходили во фланг, батальон полсуток держал позицию. На высадке по второй партии били сильно минометы с ихних баркасов. По ним стреляли корабли — замолчали. Основное — минометный огонь, били по пулеметным точкам, не давали поднять головы.

Помогала авиация, семь самолетов пришли к нам, мы показали им ракетами — они сбросили туда бомбы, потом штурмовали и вчера у Дофиновки долбали самолетами. Всех потом отвели отдохнуть. Потери 100 человек, много легко. Командир батареи старший лейтенант Матвеенко ранен дважды, остался в строю. Санитары подбирали под огнем, ползком.

Перед высадкой на корабле объяснили задачу. Шли прямо из Севастополя сюда. Настроение хорошее, особенно когда наши части прошли вперед. По румынам били шрапнелью из зениток. Разведчик Казмир убил кавалериста, сел верхом и пошел в разведку. На опушке леса румыны — манят к себе. Он не понял — может сдаются? — подскакал на 150 м. Они стали стрелять по нему, он слетел с коня, дал из полуавтомата, убил человек пять, лошадь пошла назад, а он сам по ямкам добрался ⟨...⟩

26 сентября. Одесса. 97 день

Утро в агрокомбинате «Ильичевка». Следы снарядов нашего «Микояна». Бураковое поле с убитыми румынами. Воинский билет офицера — пуля в карточке.

12 час. в расположении 726 батареи. Встреча с начальником сбора оружия 1 полка: артэлектрик с «Коминтерна».

Неудачный день — только осмотр места боя, мало встреч и бесед. Отвратительный осадок от спутника: что хозяин, то и шофер. Много фальши, казенщины. Шофер блатмейстер, выскулил трофейный бинокль, маскировочную сетку, выпил, а хозяин — ничего. Тоже набрал «подарков».

Вечером Гаврилова отсылали в Севастополь в редакцию, куда вызывают всех корреспондентов, но он остался со мной.

Завтра — в армию к генералу Петрову, потом — аэродром и 3 морской полк (десантники под Григорьевкой).

27 сентября. Одесса. 98 день

Деревня Застава. Штабной домик генерала Петрова — 25-я Чапаевская дивизия.

Первый визит к старшему лейтенанту Ишкову — корректировщику 42 дивизии.

Старший радист Дробль, радист Мужецкий, наблюдатели — сержант Пономарчук, краснофлотцы Сокол и Гоголенко, связисты Дзюбенок, Василик, Шендрик. Санитар Петровский, шофер Шмастер.

За посадкой — с минимальными укрытиями. Тут же капитан Терехов — начальник штаба дивизиона. Веселые, крепкие люди. Ишков — рыжеватый, плотный. Хорошая встреча. Около 19 час. наблюдатель Пономарчук заметил три, потом шесть машин. Открыли огонь с батареи Шкирмана. Стали бить четырехорудийными. Видны все разрывы — километра полтора. Видел трех румын — наблюдателей. Около 19.40 уехали в Заставу ночевать.

Генерал-майор Петров, оказывается, из Ташкента, начальник училища, где я был на выпуске лейтенантов в 1935 г. Рассказывал отход у Брянска, бомбежки... Командует дивизией с начала августа, заново формировал дивизию. Это подлинно военный человек. О себе говорит: я не очень храбрый. Беседа его с начальником снабжения: обойти окопы, *каждого* бойца спросить, что он ел утром, и что в обед, и что вечером, записать и доложить. Телефонный звонок; на память помнит карту, командует о переходе частей. Ждут удара к вечеру. Потом врач — о лошадях — тоже пожилой. Комиссар дивизии — бригадный комиссар Степанов — посылает двух политруков на обследование кормежки людей. Лошадей хранить на подвоз. Хозяйка здесь Клавдия Петровна — военфельдшер, живая, бойкая, толковая, кормит, отвечает по телефону, распоряжается... Муж — начальник ДКА * в Болграде, сын и бабушка уехали из Днепропетровска. Шофер Ситягин, охрана — Кучеренко. Гроссман, подполковник — начальник артиллерии, разговор о литературе.— Здесь ждут на завтра «петрушку» — накопление противника. Если не с утра, то с половины дня будет коли не наступление, то попытка взять гребень. Просьба в шесть утра прочистить авиацией лощину.

Сидел вдвоем с Иваном Ефимычем. Его новеллы. К теме храбрости: он боится собак. К теме воспитания: ездит на подножке пикапа, чтоб видели, ходит нарочно в генеральской фуражке, думает появиться в полной форме.

28 сентября. Одесса. 99 день

Дальник. 40 артдивизион...

16.00 — у лейтенанта Бойко Дионисия, командир батареи, одессит, из запаса. На днях ехал на новый НП, встретил командира кавалерийской дивизии, тот показал — румыны, роты полторы-две, идут в атаку. Он помчался к себе, поднял людей, побежал на НП, открыл огонь почти прямой наводкой — за 2 км (румыны шли, взявшись под руки, стеной). Пошел туда танк, забрал пленных.

17 сентября был придан другому дивизиону близ Лилиенталя. Две батареи были без снарядов, у меня 800. Сидели в посадке, я впереди, в 300 м от румын. Я ел арбуз, вдруг из-за гребня — румыны. Открыли огонь, часть положили, другая вернулась в лощину. Потом опять волна — так волн восемь. Впереди нас была пехота, 30 человек, под вечер ушли, вынуждены были вести самооборону, продолжали стрелять. Масло закипело, краска горит, стрелял с четырех до семи с лишним, около четырех часов подряд. Пленный ефрейтор Георгий Быстрициано показал: в роте их было 170, осталось 11. Здесь нас пытались обойти.

* ДКА — Дом Красной Армии.

КАТЕР-ОХОТНИК ОТБИВАЕТ АТАКУ ВРАЖЕСКИХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ

Фотография А. С. Соколенко. Черноморский флот, 1941—1942 гг.

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

16 августа был в окружении, пехота близко подошла. Отстреливаясь из винтовок и пистолетов, отползали под сильным пулеметным и минометным огнем. Думал — хоть бы кто остался, чтоб рассказать. Был закинут землей дважды. Разведчик Титаренко ранен — осколок в глаз. Связисты Кукушкин и Темчук, первого здорово присыпало.

Сегодня утром подавил батарею пехотную, пока стрельбы нет.

Бойко — преподаватель марксизма-ленинизма в Индустриальном институте в Одессе. Батарея была вся из одесситов, сейчас на 80%, комсостав — весь из запаса, красноармейцы — 70% запасников. Инженер-пищевик Левин, младший лейтенант инженер-электрик Сверушев из Донбасса, один из Москвы. Наводчики Лукашевич, Бережной, быстрота и точность наводки, разведчик Олехнович, токарь из Одессы. Командиры орудий младший сержант Фадеев, красноармеец Злидер, младший сержант Терещенко — вместо запасных командиров предпочитаю их. Сам был командиром батареи два года до 1939. Учебные стрельбы тут пришлось проводить только два-три раза.

День: ездил на 40 дивизион, потом на НП. Приходил лейтенант Компанеец — гусар с усами. Беседы с начальником ОО* и Бойко. Обратно в пикапе. По пути, 16.45 обстрел дороги, повертелись на горке.

Вечер с генерал-майором Петровым. Беседа, наградные листы. Донесение из полка: взяли в плен 60 велосипедистов. Приказал проверить. «Во всякой войне врут, а в этой — втрое». И точно: оказалось — шесть.

---

* ОО — Особый отдел.

29 сентября. Одесса. Сотый день

Утром с восьми начался методический обстрел штаба — через 3—5 мин. по снаряду — на дороге, в поле. В 8.30 четыре четырехмоторных бомбардировщика прошли над нами, сбросили три бомбы, но далеко, и пошли на город.

В 11 уехали с Петей от Петрова, утром он долбал снабженцев. В городе заехал по поручению с «Микояна» к дяде Петрова (артисту), передал письма. Потом штаб армии. Там встретил Чарного, тот рассказал московские новости ⟨...⟩. Поехал с Гавриловым на аэродром в 69 авиаполк. Штаб, комиссар Верховец Николай Андреевич. Оттуда в 4 эскадрилью штурмовиков. Сбили транспортный самолет.

12.30. Аэродром.

Командир 4 эскадрильи старший лейтенант Елохин Аггей Андреевич, комиссар — Маланов Алексей Андреевич, старший лейтенант. Адъютант лейтенант Осечкин Петр Григорьевич. Командиры звеньев: лейтенант Королев, лейтенант Моисеенко, старший лейтенант Череватенко.

Из 16 человек первого состава осталось четыре.

Маланов недовольно о корреспондентах: обязательно просят «чего-нибудь особенного». Осечкин: а вот сегодня юбилей сотый — двойной: сотый день войны и в среднем у всех по сто боевых вылетов, в основном — всё штурмовки, армия благодарит. Была «юбилейная» штурмовка — 22 сентября, три месяца войны.

Перевес в воздухе (немцев) с начала сентября. По пять-шесть вылетов в день. Надо объяснить Одессе, почему ее бомбят: взлетаем под зенитками, нас встречают до работы, часто дрались с бомбами на борту.

На разведку ходим двумя звеньями — одно охраняет (раз навалилось штук 16), горючего мало, уходили с боем, одного у нас подбили над Фридрихсдорфом, да еще зенитки. Мы тогда сбили «харрикейн-хаукер». ⟨*Далее опущены записи боевых эпизодов, рассказанных летчиками 4 эскадрильи.*⟩

16.30 — звено Маланов, Королев, Моисеенко, с ними еще девять И-16 и два ИЛ, пошли на штурмовку. Вернулись 17.15, у Маланова развязался шарф, тянется до стабилизатора, начались шутки, подначка — «он тебя когда-нибудь вытянет из кабины». Я спросил, зачем у него шарф, оказывается, поддевает, чтобы не терлась шея о воротник реглана — «как в подшипнике». Рассказывают: били по колонне, „эрэсами“ по самолетам на земле. Погасили зенитку пулеметами и бомбами, в посадке — фургоны, пехота, каждый выбирал, что понравится. В районе Карпово — обоз, в посадке — войска, в селе на улице — солдаты. Что-то зажгли в посадке, здорово горело. Была встреча с «мессерами», но они уклонились.

Вечером разговаривали с летчиками за чаем. Тема храбрости — поддержали мою теорию. Шестаков: случай в шахте и в Испании — штопор. И еще: чуть не погиб, когда начал выводить из штопора «по теории».

Народ усталый, язвительный. По числу вылетов и сбитых — все они пять раз Герои Советского Союза, а представления еще идут в Москву. Взял у Шестакова весь список для Рогова.

1 октября. Одесса. 102 день

Ночевали у Резчикова (на командном пункте). Утром он рассказал об «индивидуальном подходе» в своей практике: как он отучал капитана Шкирмана от мата, а сам, забывшись, рванул в тридцать три света Руденко с виноградом. И еще — о Куколеве: докладывает на КП о залпе, Резчиков передал трубку военфельдшеру Харламовской. Куколев: «Вам — поцелуй, гадам — смерть!»

Бурунов (комиссар на батарее Шкирмана) пишет в донесении: «Работа комиссара. Первые залпы заставили глубоко прочувствовать ответствен-

ность такой почетной работы как комиссар. Ибо кончилось то, что в некоторых случаях заместительства, заниматься только политической работой. И я понес полную ответственность за весь период боя. 24 августа орудие № 3 при стрельбе по суше при больших углах возвышения — 45° — задевало казенной частью за бетон основания, что могло привести к выводу из строя орудия. Мне этот случай стал известен после шестого залпа, и я только тогда удосужился сказать об этом командиру, но я, комиссар, нерешительно принял меры, потому что от меня только требовалось скомандовать „дробь", но этого не последовало. Последствия были ясны».

«Особенно обращаю внимание на материальные запросы краснофлотцев — обмундирование, обувь и т. д. Краснофлотец Маршалов — пулеметчик отличный, был подавлен в недовольство через худые ботинки, после выдачи новых Маршалов стал настолько жизнерадостным — всегда веселый и в работе показывает хорошие результаты».

Резчиков об этом документе: пусть остальные комиссары прочитают — себя и других, как в зеркале.

2 октября. Одесса. 103 день

Беседа с Гордеем [7]. Одессу оставляют. Видимо, числа 12—15. Опасность Севастополю, возможен удар на Перекоп. Войска полегоньку переведут в Крым. Я спросил: «Зачем ты мне это сказал?» — «Ты писатель, тебе надо знать». — «А что я буду говорить матросам, артиллеристам?» — «То же, что говорил. Одесса — крепость, потом увидишь, какую роль сыграла. Оставайся, я скажу когда». Мрак в душе и отчаянье. Все потемнело...

Скверно, что не поговоришь ни с кем, даже с Петей, а он смотрит на меня, как на бога: всё знаю. Не могу видеть на улице людей. Решил поехать к Осипову, там матросская слава.

Видел Колобанова, Воронина, Азарова, Бондаренко. Эти — ни звука. Поехал с Бельским в 1 морской полк.

Встреча с Осиповым. Вельский с комиссаром полка Дементьевым уехал на комсомольское собрание. Дементьев — трюмный «Октябрьской революции» 1927 г., выходит — плавали вместе. Осипов Яков Иванович плавал на «Рюрике», «Гангуте», потом был в гражданской с 1 матросским полком, затем Тихий океан — командиром порта. И здесь был командиром порта, пока не получил задание сформировать 1 морской полк.

Провез меня по расположению полка. Гильдендорф, воронки снарядов нашего «Микояна», разрушенные дома — весь порядок улицы. Румынское кладбище, голубой крест при входе с надписью «Hegoi Romani» — могил 60 — 80. Внутренности домиков. Голодные кошки. Минные поля, укрепления. Трупы солдат, уже порченые — жарко.

Потом поехали на посадку у агрокомбината Ильичевка, где моряки сидели две недели впереди 2 батальона — того, за железнодорожным полотном. Ни одного прутика, ни одного листочка без дырки, без ссадины: пулеметы и мины. Отсюда и началось наступление с десантом, хотя посадка казалась окруженной.

Как Осипов учит запасников: ждать румын до 500 метров, «пока не увидишь — брился он нынче или нет». Как объясняет, что такое окружение: «не все ли равно, где их бить — сзади, сбоку или спереди». Его голос: глуховатый, спокойный, негромкий. Его машина — стекла в дырках, пробит кузов, в ней на заднем сиденье убит уполномоченный ОО. Румынских офицеров знает по фамилии: «Петреску — он под судом за бой 22 сентября».

Укрытия у железнодорожного полотна. Как возили воду: сперва убило лошадь, водовоз достал другую, тогда перешибло постромки, он пожаловался Осипову. Насыщенность трофейными пулеметами — 60 на

роту, да еще не все показывают командиры, зажимают. Сапожная мастерская и высокая норма: «уж кто трус, 80 пар в сутки будет ремонтировать, только бы не в окоп».

В посадке — второй батальон, майор Жук. В ящиках от снарядов с надписью: «Voina» — кролики, куры. Их ловят в кукурузе, одичали. Кукуруза срезана — просматривать, а стерня — как ловушка. При атаках в окопах шёпотом: «не стрелять, обожди»,— потом косят. Убитых солдат не дают подбирать «для морали»: пленные свежей части говорили — шли с азартом, а когда увидели горы убитых, мораль упала. Отработка на ночные действия. Кинжалы (хороши из напильников, хвалят трофейные).

Весь день сегодня у Дальника шла беспрерывная стрельба — там шло наше наступление. К ночи продвинулись на полтора километра. Вернулся на базу 0.30. Батурин мрачен, Петя не уехал, спит. Оказалось — дошло известие (Гордея)...

3 октября. Одесса. 104 день

Утром пошли неприятности по этому поводу: неизвестно, что делать. Был у Оленева — на столе бумага (о том же...). Перчаток не достал. Поехал с Коганом (изобретатель танка НИ — «на испуг») в штаб. Он за месяц сделал их из грузовиков 47 штук. До отъезда на базу приезжал Гордей, узнал от него результат вчерашнего наступления, решил ехать к Петрову.

В 14.00 были в Заставе. Их вчера порядком обстреляли, разрывы у ворот. Иван Ефимович уезжает в Одессу, видимо, принимать командование (Софронов заболел — сердце).

Пошли к Жеглову — трофеи вплоть до противотанковой пушки. Эпизод с батареей: семерых румын из прислуги заставили стрелять по своим. Привели пленных. Сублокотененто*, сержант, капрал. Говорил с «суб» — он из резерва, 26 лет, показал портрет отца. «Если б мы верили, что Одессу оставят нам, дрались бы иначе, а так — все равно заберет себе Гитлер. Война кончится нескоро...» В 17.30 уехали.

Корреспонденты уходят на катерах, Гаврилов с ними. Н. везет трофейный карабин, поругался с ним за это — герой! Пока остаюсь здесь. Вечер — сперва с начальником ОО Севастополя и Бондаренко, потом за столом — все. Колобанов рассказывал о моряках-разведчиках. Остроты — чистят штык, «а то у фрица может заражение крови получиться». Ходят вброд через лиман. Комсомолец Поляков (вор до 1940 г.) представлен к награде. Это он пускал из окопа змеев с листовками. «Трохвейная сестра». ⟨...⟩

5 октября. Одесса. 106 день

Ульяновка. У разведчиков.

Просят дать им ракетницы — ослеплять пулеметчиков.

Группа Ковалева бродит по тылам, ее ищут партизаны. Проход — по косе, на животе по воде.

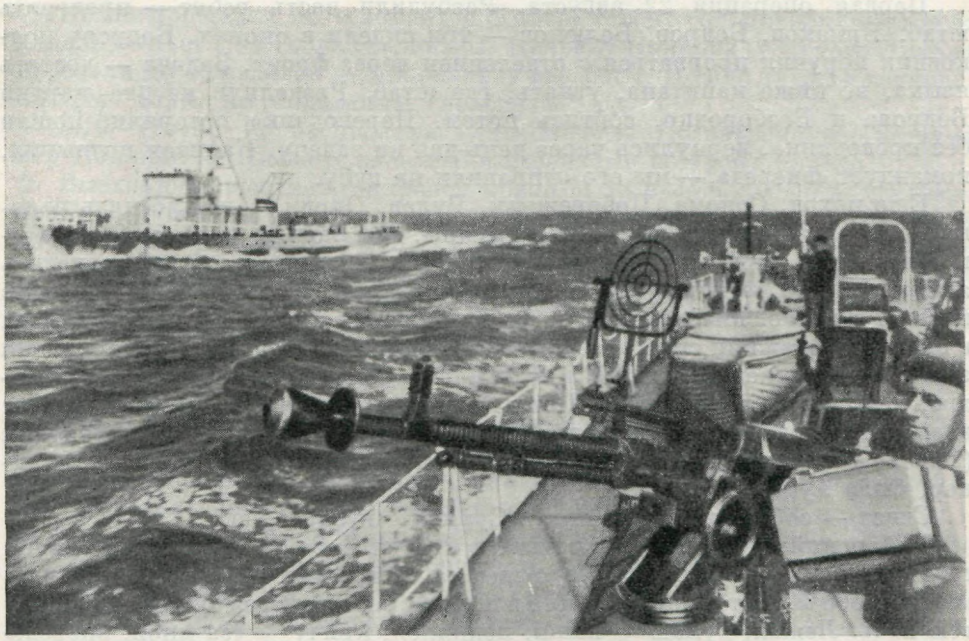
Пленный — увидел матросов, и только козыряет.

Тельняшку жалко снимать.

Побережняк — добровольцем с крейсера «Червона Украина», Рулев — боцман с «Красного Кавказа» — оба ранены и отправлены. В госпитале Борис Смирнов с «Красного Кавказа», Кондратенко Федор из учебного отряда.

О Побережняке. С Зайцевым (с батареи) впятером за языком — пересидеть ночь, высмотреть батареи. Ночью Побережняк, Рулев, Одрин

* Младший лейтенант (*рум.*)



КОРАБЛИ В БОЕВОМ ПОХОДЕ

Фотография А. С. Соколенко. Черноморский флот, 1941—1942 гг.

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

в 23 час. пошли к румынам. Зайцев, Сапожников Григорий (штаб ВМС) — после 20.00 поддержать огнем для отхода.

К выходу (румыны) обнаружили разведку и раньше своего наступления открыли огонь. Те подошли к домику, часовой обстрелял. Они гранатами. И тогда ураганный огонь, и бьют по отдельным людям. В 3 часа прибыл Побережняк — в левую руку разрывной пулей при отходе, через полчаса Одрин принес Рулева — раздроблена коленка разрывной. Результат — сорвали румынам наступление. После этого и произошла наша контратака 2 октября. ⟨...⟩

Аня Макушева, рожд. 1919 г. из Маяков, с Беляевки, Поженян Григорий из флотского полуэкипажа Николаева. Были в десантном отряде, она пошла вместе с нами проводником из НКВД. Ходила с нами в атаку. Шли по нашему минному полю, попали к скале, склон 65° и там пулеметы. Выход один — брать скалу, высота метров 80. Подошли с разными криками, разогнались и взбежали. Взяли пулеметы, велосипеды. Анна бежит с наганом, спотыкается. Как забрались — сами не поверили. А вот как обратно?

Живем наоборот по Маяковскому — спим день, а ночь совершаем поступки[8].

«Черные комиссары».

Человек 50—60 из отряда тренировались на воздушный десант. Сидели в бомбоубежище, ждали, терпенья нет. Нас — 18. Полковник Валейко спросил — хотите в дивизию? Договорились, чтоб коллективом. Шура — пошла с партизанами. Белюков Георгий Лукьянович из Объединенной школы, кок Поженян, Ермаков (с миноносцев), Аня, Бодров, Григорий Сильвестр с «Парижской коммуны», Сурнин Михаил с «Фрунзе», Кудряшов Николай Николаевич со штаба ВВС, Олег Безбородко — убит, его вынесли сюда.

Первая операция 22 августа. Разбудили часть ребят — проверить штаб. Ермаков, Бодров, Белюков — три сидели в окопах. Бодрову полковник поручил прорваться с отделением через фронт. Задача — достать языка, не ниже капитана, узнать, где штаб. Разделили на две партии Бодрова и Безбородко, сойтись потом. Переводчика потеряли, пошли без проводника, вернулись через день-два на задачу. Капитан подвыпил, командует «вперед»,— мы его отправили на губу.

Еще поход. Солома, Побережняк, Рулев, Одрин — пошло пять человек. Побережняк разбил на две группы. Мы пошли втроем. Задача — пройти в тыл, уничтожить две разведочные пулеметные точки, захватить языка. Пошли на ночь. Как потом выяснилось, на 2.00 было назначено их наступление. Мы подошли в 1.45, они настороже. Бросили гранаты в окоп. Побережняк снял часового. Стреляли артогнем обе стороны: наши знали о наступлении в 2.00, а те думали — наши наступают. Мы оказались в мертвом пространстве. Пошли к домику, знали, что там снайпера: днем открывались двери. Подскочили к погребу, забросали гранатами (вообще берем по 8—13 гранат). Тогда и ранило Побережняка — снайпер, была луна.

Свист — собирать на шлюпку (Сурнин, «гусар», усы).

Урбанский: у Ильичевки пошли в наступление, ушли вперед вдвоем с пехотинцем. Давай сядем, подождем, а он говорит — назад. Там пулемет — в 600 м. Тот пополз, убило в шею. Я пополз через бураки к нашим, всю ночь. Лежал, думаю — наши, поднялся, кричу — «за мной, вперед!» Пулеметчики растерялись. Офицер с белой повязкой командует. Очередь, я лег, пуля в рукав. «Я был до того самоуверен, что выйду». Лег, закурил, думаю: побегу на посадку. Там слышу — бьет пулемет. А у меня одна граната, винтовку подбило. Пить хотелось, ем бураки. Ползу — три румына. Отвернулись — я переполз. Они отошли, я рванул во весь рост — «братцы, кто? свои?» Оказалось эти три — наши, в румынских плащ-палатках.

«Гусар» Сурнин: село Красное Юхимово, рядом Франценфельдт — румыны. Я был в третьем взводе — самый веселый взвод, «аспиранты» (набрали из противоипритных пакетов спирту). Сидели в двухстах метрах от передовых румынских. Из Франценфельдта ходили бараны, посылали с ними из словаря ругательства. Раз сделали шашлык, костер в 200 м от них. Когда привезли манную крупу — не ели. В Одессе разгоняли очередь за пивом звуком мины (показывает, и верно, здорово). Побережняк* — 45-й номер ботинок, для него шил Военный Совет специально. Кинжалы любим, а то штыки ржавые, фашисты могут заражение крови получить (сравн. Колобанова).

Вечер поспал в предвиденье похода. За ужином приехал И. Е. Петров — он теперь вместо Софронова, который по болезни сердца уезжает.

В 23.30 поехали в порт.

6 октября. Одесса — Севастополь. 107 день

СК-71**, командир младший лейтенант Мысов. Лунная ночь. Идет Левченко, Колобанов в морской форме, Бондаренко, Бельский, Жуковский. Везем больного Софронова.

Сидели с Гордеем на корме, беседовали, глядя на бурун. Рассказывал о Николаеве. Проблема Одессы — объяснил полностью. В Крыму командует генерал-полковник Кузнецов (балтийский? 8 армия?). Гордей был на Перекопе — вопрос, где отсиживаться. КП за 120 км. Одесса подчинена Крыму, отсюда все последствия.

В 2.00 — рядом у Тендры торчат на луне трубы «Фрунзе».

* В книге вице-адмирала И. И. Азарова это — Урбанский. (*Прим. Л. С. Соболева.*)
** СК — сторожевой катер.

Когда прощался по телефону с Диненбургом, тот сказал: «не только капает — льет...» Его обстреливают. Ночью у Панкова (у Сухого Лимана) порезали до 40 человек — прорвались две роты. Пошло туда 14 танков, и батареи дали, но положение серьезное.

5.10 — точно по расписанию — Ак-Мечеть. Позавтракали. Парикмахер Поляков из Киева с джазовыми песенками во время бритья.

Выехали на шестицилиндровой новой М-12 в 7.30. 10.45 — Симферополь, все в штаб, я остался в машине, написал письмо домой, чтобы отправить с Колобановым. В 14.15 — Севастополь, ФКП *. Встретил Шатского [9], решил остановиться на базе подплава у него. В 20.00 был в редакции, тревога, но сперва стрельба. Вечер у Шатского, решили завтра собрать команды двух лодок для беседы.

7 октября. Севастополь. 108 день

Вчера в гостинице кто-то из корреспондентов рассказывал, что в поезде из Новороссийска балтийцы говорили: «Вишневский шел из Таллина на СК, а Соболев на „Вероний", она наскочила на мину, погиб контр-адмирал Пантелеев и Соболев». Не иначе, долго буду жить.

Мерзну очень. День холодный, норд, у меня нет шинели. От холода или от неразберихи никак не могу сесть за стол.

Вечером читал на Л-23 и Л-24 «Индивидуальный подход», «Загадки техники». Дошло замечательно. Рассказывал Одессу. 20.45 — тревога, вышли поглядеть. Тучи, ветер, дождь, снаряды рвутся за облаками, вспыхивая заревом.

Дальнейшее продолжает быть неизвестным. Займусь лодками

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Ночь летнего солнцестояния», рассказ Л. Соболева — первый из созданных им на материале Великой Отечественной войны.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 158—160.

[3] Здесь идет речь об одной из тех оплошностей, которые так часто допускались в первые месяцы войны. Корабли, обстрелянные «Микояном», были нашими, они шли на подкрепление в Одессу. Служба связи запоздала предупредить об их подходе, и дело едва не кончилось бедой. Именно этот эпизод имеет в виду, в первую очередь, Л. Соболев, завершая запись от 14 сентября невеселой шуткой насчет Николая Мирликийского.

[4] В юмористическом рассказе Соболева «Индивидуальный подход» повествуется о том, как комиссар корабля «излечивает» старика-боцмана от привычки к «сверхкрепким» морским выражениям. Такая же привычка была свойственна и командиру «Микояна» (см. запись от 13 сентября).

[5] См. запись от 3 октября.

[6] «Императрица Мария» — линейный корабль Черноморского флота, погибший от взрыва артиллерийских погребов в 1916 г. в Севастопольской бухте.

[7] Гордей Иванович *Левченко* — в 1941 г. вице-адмирал, заместитель наркома ВМФ.

[8] Имеются в виду слова из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

[9] Владимир *Шатский* — в 1941 г. капитан-лейтенант, командир подводной лодки Л-23. Был знаком с писателем еще с 1936 г., со времени первого посещения Соболевым Севастополя.

* Флагманский командный пункт.

М. А. ГЕРШЕНЗОН

ГОД НА ВОЙНЕ

ИЗ ПИСЕМ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 1941—1942 гг.

Публикация Л. С. Коган и А. Г. Когана

Предисловие А. Г. Когана

Библиография произведений Михаила Абрамовича Гершензона (1900—1942), детского писателя и переводчика, погибшего смертью храбрых в боях за Советскую Родину, насчитывает свыше 50 названий. Некоторые из этих книг живут и до сих пор: например, в 1963 г. появилось очередное переиздание «Сказок дядюшки Римуса»— фольклора американских негров, «открытого», переведенного и обработанного Гершензоном еще в 1936 г.; со страниц этой давно полюбившейся нашим маленьким читателям книги Братец Кролик шагнул и в диафильмы, и в кукольный театр и зажил там самостоятельной жизнью — настолько самостоятельной, что сегодня уже мало кто из юных читателей, слушателей, зрителей, подружившихся с Кроликом, знает, кому он обязан этой встречей... Иные же книги Гершензона, в том числе и широко в свое время известное биографическое повествование о музыканте Французской революции, «Две жизни Госсека» — пожалуй, лучшее из того, что им было написано,— много лет не переиздавались... Как бы то ни было, если не творчество, то имя Гершензона уже давно оказалось как бы выключенным из активного литературного процесса.

И вот — новая встреча с писателем. А для многих читателей — и первая...

Чем волнуют сегодня эти, пролежавшие столько лет в личном архиве писателя, лаконичные, но вместе с тем точные фронтовые записи и письма? Пожалуй, не только тем, что мы словно опять слышим голос тех далеких дней, долетевший к нам через двадцатипятилетие; и даже не только тем, что они приоткрывают самые трудные и трагические страницы первого периода войны. Всё это есть в записях и письмах Гершензона; однако не менее интересны они и тем, как ярко раскрыто в них становление характера человека насквозь «штатского», мирного, жившего до войны в высоком, гуманном, необычайно благородном, но, может быть, чуть-чуть отвлеченном, книжном мире и научившегося воевать, не теряя при этом ничего из тех лучших человеческих качеств, которые были воспитаны в нем нашей жизнью; интересны как самораскрытие того общественного типа, который мог бы сказать о себе словами одного из героев повести Веры Пановой «Спутники» — интеллигента Крамина: «Я состоятельный человек... Я ходил защищать мое богатство».

Гершензон тоже защищал «свое богатство» — и тогда, когда он, вступив в народное ополчение, вгрызался лопатой в окаменевший грунт, чтобы отрыть окоп полного профиля или противотанковый ров; и тогда, когда, по вызову командира, первым записался во взвод разведки; и тогда, когда, попав на штабную работу, тосковал и рвался на передовую, чтобы сражаться с оружием в руках и чтобы увидеть своими глазами ту суровую реальность войны, о которой нельзя было правдиво написать с чужих слов.

М. А. ГЕРШЕНЗОН
Фотография. Западный фронт, 1942
Собрание Л. С. Коган, Москва

В октябре 1941 г. на Западном фронте враг начал новое наступление, ему удалось прорвать оборонительные позиции Красной Армии; остатки разбитых дивизий, оказавшись в окружении, устремились на восток — мелкими группами и крупными отрядами они шли с боями через леса и болота, чтобы любой ценою пробраться к своим. В этих испытаниях люди вели себя по-разному. Слабые — скулили, сгибались, сильные — закалялись и делали свое дело. Гершензона нельзя было назвать стальным. Но он выстоял. Выстоял не только физически, но и — что куда важнее — духовно. Его воспоминания «Семнадцать дней» — не только летопись горя, но и памятник мужества.

Гершензон ищет себя, свое место на войне. Работает переводчиком в Поарме-5, много пишет для армейской газеты; бойцам нравится затеянный им постоянный раздел «В лагере врага» — под этой рубрикой он печатает острые фельетоны, в которых использует выдержки из писем и дневников, найденных у убитых и пленных немцев. Но Гершензон по-прежнему стремится на передовую. Летом 1942 г. он в непосредственной близости от окопов врага проводит выступления подготовленных им бойцов с антифашистскими лозунгами на немецком языке и обращенными к неприятельским солдатам и офицерам призывами прекратить борьбу и сдаваться в плен.

Интересно проследить по его записям, как движение времени отражается в развитии души человека, в эволюции творческой манеры писателя. В огне боев отсеивается романтика книжная, уступая место романтике жизни; строже становится стиль, наблюдательнее глаз. Фронтовые записи Гершензона — отрывочные, скупые — «берут в плен» читателя своей подлинностью, не только ярко выраженным личным, лирическим началом, но и — прежде всего — точностью зарисовок, верным ощущением пульса войны, ее ритма, динамики; малое предстает в них как частица великого. За каждой краткой зарисовкой возникает тяжелый и героический облик войны, отражающийся и в мелочах; возникают люди — с их голосами, чувствами, судьбами...

Свойственные Гершензону эмоциональность, мягкость, чувствительность покидают его на войне не сразу и не вовсе. В самые жестокие дни отступления он думает о детях, в том числе — и о немецких (см. стихотворение «Рыжик» в письме от 17 но-

ября 1941 г.). И если уж у такого человека в одном из писем прорывается желание, чтобы и «мирные» немцы узнали на себе ад бомбежки (см. письмо от 7 июля 1942 г.), то это значит, что душой его овладела та жестокая, но необходимая для победы диалектика войны, которая нашла свое выражение в чеканной формуле: «наука ненависти»,— наука, не овладев которой, невозможно было вернуться и к искусству любви!

В самые горькие, тяжелые дни войны Гершензон не переставал думать о будущем: о судьбе страны, ее завтрашнем дне и о своем месте в этом завтра: «...немедленно после победы начнется новая война — за восстановление разрушенной жизни. Нужно будет сеять и строить — не знаю, не представляю себе еще, в какой форме это будем делать мы. Сейчас можно только фантазировать. Но боюсь, что на ряд лет беллетристика будет неудовлетворяющей, слишком *надстроечной* работой. Газета — для меня, конечно, детская — оперативней. Какие-нибудь детские совхозы для детей погибших, экспедиции по лесонасаждению,— куча будет организационной работы, которую должна будет поднять детская печать. И очень-то не разотдыхаешься, лет пять» (письмо от 11—13 июля 1942 г., не вошедшее в настоящую публикацию).

Во имя этого Завтра и погиб Гершензон. «Я уверен, что мы победим ⟨...⟩. Наши прорвались, бегут вперед, я умираю не даром», — этими словами, внесенными в записную книжку после смертельного ранения, писатель-солдат прощался с жизнью, с Родиной. Человек, чьим героем был музыкант Французской революции, встретил смерть, подымая в атаку бойцов...

Приводимые ниже воспоминания Т. С. Грица о Гершензоне на фронте завершаются фразой: «Так закончилась вторая жизнь Михаила Гершензона». Пожалуй, это сказано неточно. Вторая жизнь Михаила Гершензона — писателя-воина — публикацией этих материалов только начинается.

В настоящую публикацию включены избранные письма Михаила Гершензона к жене — Лии Семеновне Коган и сыновьям — Евгению и Юрию, а также некоторые из его фронтовых записей, являющиеся по существу законченными произведениями: «Гурштейн и Хисматуллин»*, «Семнадцать дней» и «Концерт». Хотя эти записи сделаны в июне 1942 г. (см. письмо от 13 июня 1942 г.), мы помещаем их среди писем в соответствии с хронологией описываемых событий: посвященные трем периодам военной биографии писателя — ополчению, окружению, службе в кадровых частях,— эти рассказы-воспоминания вместе с письмами дают более отчетливое представление об этапах недолгой фронтовой жизни Гершензона. Публикация завершается письмами и воспоминаниями сослуживцев Гершензона, характеризующими боевую деятельность писателя, раскрывающими обстоятельства его героической гибели.

В публикуемых текстах писем сделаны небольшие сокращения, связанные, главным образом, с подробностями личного, бытового характера.

Все материалы настоящей публикации хранятся у Л. С. Коган.

9 августа ⟨1941 г.⟩

Лилюшка, дружочек мой! Все хочу написать тебе подробно, но не могу вырвать и двадцати минут. То поход, то работа, чуть выдастся свободное время, сразу засыпаю. Чувствую себя очень хорошо и бодро, не хватает для спокойствия только весточки о вас и Журке [1]. Никогда я вас так не любил, как сейчас. Листик мой дорогой, вот бы увидеть тебя на минутку! Последние годы я ощущаю сейчас как одну сплошную линию радости. Спасибо тебе, мой светлячок. Ты была бы довольна мной сейчас. Я легко себя чувствую с самыми разными людьми. (Продолжаю день спустя.) На ладонях у меня такие мозоли, что лопата в них ходит ладно. В общем, все считают меня образцовым солдатом. И по секрету мне уже товарищи сообщили, что меня выдвигают на пост отделенного командира.

* Об этом рассказе говорится в статье А. Когана «Сквозь время» (сб. «Живая память поколений», М., изд-во «Художественная литература», 1965), во многом опирающейся на материалы настоящего тома, с которыми автор имел возможность познакомиться в рукописи.

Но я по правде совсем не солдат, Лиловочка. Писать некогда, некогда сосредоточиться даже на 10 минут. Все-таки перепишу для тебя стишок, который я сочинил во время 60-километрового перехода,— может, он расскажет тебе немножко обо мне:

Нужны нам были жерди и стропила
Для лагерного шалаша.
Пила — и та все зубья иступила,
Березки белые кроша.

Прости, кудрявенькая прямоствoлка,
Что под пилой упала ты.
Мне дорога твоя сквозная чёлка,
Как милой ясные черты.

Не я, не я, война тебя сломала,
Природы светлая душа,
Нам было нужно много материала
Для лагерного шалаша. ⟨...⟩

[1] Евгений — сын Гершензона от первого брака, был эвакуирован в г. Чистополь вместе с детьми других писателей-фронтовиков.

20 августа ⟨1941 г.⟩

Лилюшка, светлячок мой! Так хочется, чтобы это письмо дошло до тебя! У меня от вас до сих пор — ничего, после московского письма. О стольком хочется, о стольком нужно поговорить с тобой.

24-е

Как трудно вырвать время, чтобы написать вам! Только начал — оторвался,— и не было ни минутки. За эти дни меня назначили командиром отделения в новой роте и приняли в кандидаты партии. (Уже утвердили все инстанции.) Я даже не знаю, с чего начинать. С того, что очень, очень люблю мою дорогую черную головку? Это ты сама знаешь, Лиловочка. Как хорошо, что ты успела проводить меня, что я получил хоть одно письмецо,— мне легко дышать от этого.

Я уже не в писательской роте. Как-то пришли, звали добровольцев в разведчики, я пошел один. Тут совсем другой народ, все молодые ребята, много деревенских. В смысле коллектива — много хуже, но я чувствую, что я здесь куда нужней. Ездил в разведку самокатчиком. Это увлекательно и очень трудно. Летишь в полной темноте по сельским дорогам и тропам, наугад, вдруг — кувырком в канаву, или в куст, или в овраг. Накувыркался в полное удовольствие. ⟨...⟩

Чувствую, что изменился — стал собранней как и подобает отделенному. Винтовку научился чистить в десять минут — видишь, какой я умный! Писать — и думать — не успеваю совсем. По части земляных работ я стал мастером, могу сладить с любым грунтом. В записную книжку кое-что записываю, очень редко и бестолково. ⟨...⟩

Меня заботит, Лилюк, получаешь ли ты регулярно деньги из Литфонда. Должна получать. Получила ли мои письма, телеграмму? Устроилась ли на работу? Будет ли в этом году учиться Юрик? [1] Миленький мой, рыженький, дорогой мой мальчик! Вот увидимся, я тебе расскажу про мое оружие — миномет.

Очень хотелось бы тебе порассказать о людях, но это долго, не успею. ⟨...⟩

[1] Юрий — сын Л. С. Коган, второй жены писателя, усыновленный М. А. Гершензоном, был с матерью в эвакуации в Новосибирске.

6/IX ⟨1941 г.⟩

Здравствуй, Лиловочка! Наверно, двадцатое письмо уже пишу, а от тебя ни строчки. Я знаю, ты писала, но очень уж грустно ничего о вас не знать. Жизнь у нас идет размеренно, даже слишком спокойно. Очень

хочется на фронт [1], но всё не вызывают. Остается только ждать и делать здесь всё, что можно. За последние дни я написал несколько стихотворений [2], частью — для газеты [3], частью — для себя. Газетные не посылаю тебе, да и у себя не оставляю копий. А вот эти хочется послать[4].

ВОЕННАЯ ОСЕНЬ

Солнце от облачка к облачку делает перебежку.
Это — начало осени, осень с войной — вперемешку.

Вдруг удивит березы ранняя желтизна,—
Латунными, мертвыми листьями тянется к солнцу она.

По листьям уныло ползают красные божьи коровки.
Они и не знают, что это — дерево для маскировки.

Так и шагает по лесу эта военная осень,—
А в небе — высокая, летняя, непостаревшая просинь. ⟨...⟩

[1] В это время дивизии Московского народного ополчения занимали позиции во втором эшелоне обороны.

[2] Много лет занимаясь литературным трудом, Гершензон профессиональным поэтом не был и до войны стихов никогда не печатал. Война с ее невиданными испытаниями и небывалым накалом чувств заставила Гершензона (да и не его одного) обратиться к поэзии. О стихах, которые он пересылал в своих письмах с фронта, он говорил как о «страничках дневника» (см. также об этом в следующем письме — от 10 сентября 1941 г.).

[3] Речь идет, по-видимому, о стихах, печатавшихся в 1941 г. в газете «Доблесть» 8 Краснопресненской дивизии Московского народного ополчения.

[4] Кроме «Военной осени», в письме были присланы еще два стихотворения: «Звери» и «Черные, тонкие трубки...»

10 сентября ⟨1941 г.⟩

Наконец, Лилюшка, получил от тебя первое (от 25/VIII) письмо (ни открыток с дороги, ни телеграммы не получал). Верно, и мои письма затерялись — я писал и со стихами и без; особенно жалко, если не получила письма про Гурштейна и Хисматуллина [1]. Ну, ладно, хоть что-нибудь, да получишь — я пишу часто. ⟨...⟩

Я очень надеюсь скоро, хоть ненадолго, попасть на фронт. Очень истомило ожидание настоящей активности. Кое-чему я научился в военном деле и думаю, что буду полезен.

Прерываю письмо — нужно строиться и идти на обед.

Вижу я мало — мои товарищи все — 17—18 лет, «голубятники», мало интересные ребята. Днепр видел, узенький, как Клязьма; а все-таки в голову всё лезут стихи, но работать над ними некогда. И я, как всегда, не знаю, чего они стоят. ⟨...⟩

С тех пор, как я уехал, я не видел ни одной книги, кроме уставов; для меня писание стихов заменяет и чтение; но редко, когда удается что-нибудь кончить: дело оторвет, настроение улетучится, останутся две-три строчки, строфа. А все-таки из стихов ты лучше узнаешь, как я живу. Это, кажется, растянуто и конец плохой, но исправить некогда было.

Что сталось с небосводом. Никогда
Он не был так вместителен и ёмок.
От сизого рассвета до потемок
В нем ветер строит башни, города
Из облаков и туч. И синеве просторно,
И радуга цветным ручьем течет,
Оттенкам неба потерялся счет —
Зеленый, матово-жемчужный, черный...

Под этим куполом — как детские бирюльки,
Деревни притулилися по кочкам,
Церквушка машет беленьким платочком,
И озеро лежит в своей кастрюльке.
Леса в полях брели и заблудились,
А он все ширится, огромный небосвод,
Земное все, что дышит и живет,
Вобрать в свой круг и успокоить силясь.
Но он, как раковина, он вбирает шумы;
Сквозь купол прорывается война,
И если здесь земля пощажена,
Ежеминутно слышится угрюмый,
Тяжелый гул, такой, что и поля
Подрагивают, шкурой шевеля,—
Такие ухающие разрывы,
Что и березки, вдруг затрепетав,
Оглядываются, на носки привстав,
И спрашивают: «Все еще мы живы?»

[1] Это письмо (от 29 августа 1941 г.) было получено. В нем излагалось содержание задуманного рассказа «Гурштейн и Хисматуллин», публикуемого ниже.

Из записной книжки

ГУРШТЕЙН И ХИСМАТУЛЛИН

Ополчение ставило рядом людей разных биографий.

Мы шагаем и день и ночь по полям и лесам,— всё больше по лесам Смоленщины. Без карты, без компаса — мы идем, не раздумывая, не выбирая пути, туда, куда ведет нас подобранный, неутомимый на ногу, всегда веселый командир батальона, лейтенант Ульянов. Мы горды проводами, которые нам устроила Красная Пресня: вспоминаем, как вся Пресня была на улице — с ведрами, бочками, кружками,— и все благословляли нас в путь кружкой холодной воды. Мы непривычны были к походу. Ружья получили мы без ремней. Как догадались девушки Пресни, что трудно нести винтовку без ремня? Они приходили в наши ряды в короткие минуты привалов, с большими мотками тесьмы, и ружья подвешенные через плечо, становились легче.

В лесу, на поляне, нам выдали обмундирование, груда мешков с домашними адресами осталась в тени деревьев, и мы ушли с этой поляны *армией*. Хорошее стихотворение об этих минутах написал Вадим Стрельченко. Это была торжественная минута.

Теперь одинаково были одеты все,— как дети в одной большой семье.

Впереди меня шагал татарин Хисматуллин, грузчик из упаковочной артели. Он был прирожденный солдат. В сумке у него не было ничего лишнего, и он не снимал ее с плеч. Портянки и обмотки он заворачивал мгновенно, без складок. И ноги его всегда ступали твердо, врастая в землю. Я шел за ним, шаг в шаг: он выбирал дорогу, он видел в темноте, как кошка, он угадывал, где будет яма или пень, непонятным чутьем. Он мог позволить себе отстать, напиться воды. Я знал, что мне трудно догнать колонну. И очень скоро я усвоил: если отстанешь на шаг,— отстанешь и на два, и на сотню шагов, расстояние будет все увеличиваться, и когда раздастся крик: «Налево, привал!» — ты услышишь этот крик издалека и, как ни спеши, поравняешься со своею шеренгой только тогда, когда, как игла, всех пронижет возглас: «На дорогу!». Нужно идти

шаг в шаг, и тогда не отстанешь, и общий привал будет привалом и для тебя.

Хисматуллин на привале через одну минуту после остановки уже крепко спал. Мы шли 50 минут и 10 минут отдыхали,— и девять минут из них спал Хисматуллин. По лицу он не был похож на татарина — простое, открытое русское лицо; но говорил он с резким акцентом. После 50-километрового марша, когда ноги уже с трудом отрывались от земли и неизвестно было, сколько еще нам шагать, Хисматуллин восклицал:

— Когда же, в конце концов, будет этому переходу конца!

А кругом тянулись леса, и днем палило июльское солнце, и тропинки вливались в дороги, и пыль висела в воздухе, и васильки кивали нам из соломенных опушек пшеничных кустов, и винтовки на узенькой белой тесемке врезались в плечо, а заплечный мешок ломил лямками плечи. У меня подвернулась нога, и с грохотом я хлопнулся на землю, едва не задев Хисматуллина штыком. С этой минуты я перестал видеть лес, и поля, и облака, и луну в небе, и крупные звезды, и всю нашу колонну: я знал, что стоит мне ослабить внимание, и острая боль пронижет щиколотку, пот обольет все тело, винтовка загремит, а может быть, и заденет соседа. И много дней и ночей я видел теперь только одно: широкие башмаки Хисматуллина, твердо ступавшие по земле, по мокрой глине, по траве и по сучьям.

Рядом со мной шел писатель Арон Гурштейн. Маленький, старенький человечек с поседевшими волосами и жалкою, тонкою шейкой. Подслеповатый, он щурился и вытягивал голову вперед, а ноги его как будто и не касались земли.

— Разве я иду? Я лечу,— говорил он, поблескивая стеклышками пенсне.— Я ведь совсем ничего не вижу. Как вы думаете, Михаил Абрамович, удобно будет, если я буду держать вас за руку?

Я боролся с подвернутой ногой и не мог ничем помочь ему. Он шел, как слепой, протянув одну руку влево, деликатно нащупывая мой локоть, другую — вперед, чтобы держаться на шаг от передней шеренги. Прикоснувшись ко мне или к соседу спереди, он мгновенно отдергивал руку, боясь причинить беспокойство.

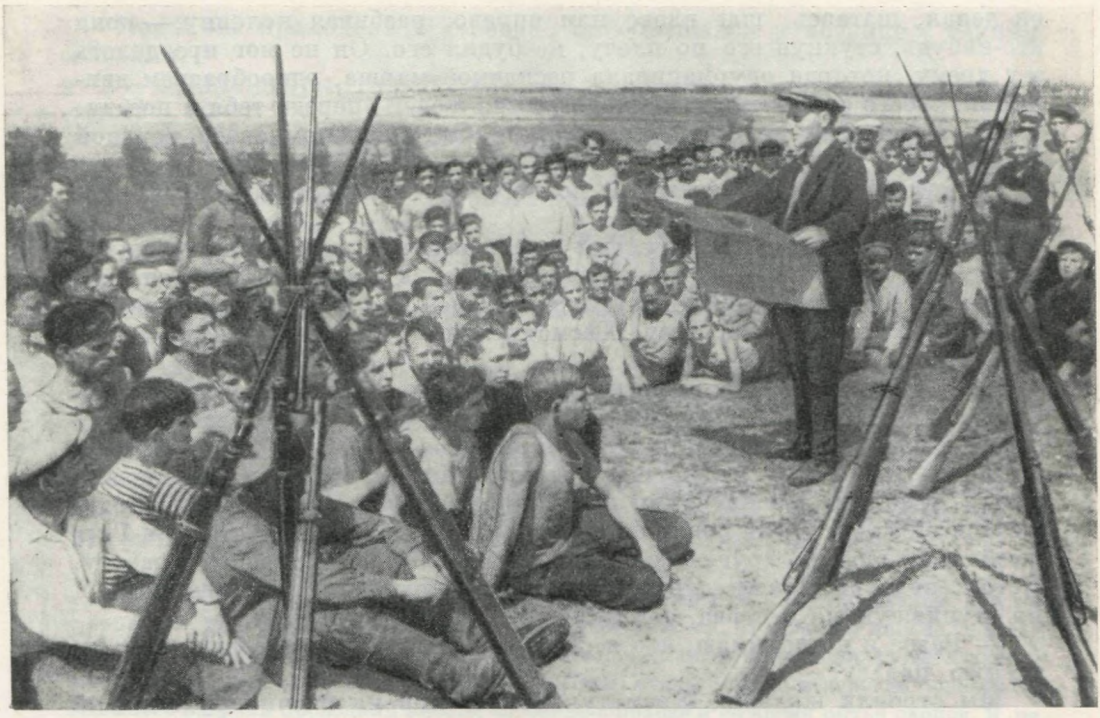
Его уговаривали сесть на повозку, следовавшую с нами. Но он согласился только на то, чтобы положить на нее свой рюкзак: он был полон жертвенности и боялся какой бы то ни было привилегии, самой маленькой уступки собственной слабости. Иногда он отставал. Взволнованный, нагонял он нас через полчаса,— он бежал наугад, натыкаясь на пни, на людей, и кричал: «Гершензон! Хисматуллин! Алешкин!» — и так счастлив был, когда, наконец, находил свой взвод, свое отделение, будто спасся от страшной опасности, от вечного одиночества.

Не знаю, как это вышло, но он переменил свое место в строю. Теперь он шел передо мной, с Хисматуллиным рядом. Он держался за его рукав. Я чувствовал — он боится этого тихого незнакомого леса, боится простора.

— Вы знаете,— сказал он мне раз на привале, после трех дней напряженного марша.— Я ведь никогда не ходил. Последний мой переход на большую дистанцию я сделал в год окончания гимназии. Я прошел тогда одиннадцать километров.

В год окончания гимназии! Сейчас этому маленькому тщедушному человечку было 46 лет. А за эти три дня мы прошли полтораста километров по лесам.

Он, конечно, не умел разбить палатку, не умел застругать колышки. И винтовка была для него тяжелее, чем был бы для Хисматуллина пулемет. Часто, под конец марша, я слышал, как говорил ему Хисматуллин:



ЛАГЕРЬ ОДНОЙ ИЗ ЧАСТЕЙ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Фотография А. С. Шайхета, июль 1941 г.

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

— Дай мне свой винтовка, я понесу, ты уже пополам сломался.

Но винтовку Гурштейн не мог отдать,— это был для него слишком святой символ. Он шел, наугад, как слепой, выбрасывая вперед коленки, скрючившись, каждую минуту готовый провалиться в яму, наскочить на ствол. И при этом он был всегда жизнерадостен и бодр,— ему придавала силы мысль, что он — в колонне, идущей на защиту всего дорогого, и он — пока не отстал. А на Хисматуллина он смотрел взглядом, полным благодарности: ведь он потому не отстал. что с ним рядом шел этот силач, и можно было держать его за руку.

Впереди нас ждали большие работы — рытье окопов, противотанковых рвов, постройка завалов, эскарпов, — а немцы двигались быстро и нам нельзя было мешкать. Мы шли и день и ночь, почти без сна. Как не хватало нам этого сна! Песок был в глазах, сами собой закрывались веки. Я видел уже сны на ходу, и какие-то странные галлюцинации овладели мною. В безлунные ночи казалось, что с двух сторон к дороге подступает глухая стена. Я невольно отдергивал плечо, чтобы не чиркнуть им по стене, которая была всего-навсего темнотой. А потом вдруг начинало казаться другое: будто пропасть открывается у обочины дороги, и надо идти осторожно, чтобы не сделать ни шагу вправо. Эта бездна была так реальна, что у меня замирало сердце, когда Гурштейн, задев за сучок, отскакивал на мгновение в сторону от Хисматуллина.

Тут сказалась разница в биографиях. У Хисматуллина были великолепные мускулы грузчика, у Гурштейна — нервы газетчика. И мускулы сдали раньше, чем нервы: Хисматуллин начал засыпать на ходу. Он шагал, твердо ставя ноги. Но вдруг его поступь становилась неверной,

он делал, шатаясь, шаг влево или вправо, разбивая колонну,— пока кто-нибудь, стукнув его по плечу, не будил его. Он не мог преодолеть эту дрему, которая одурманивала раскачкой марша, однообразием движения, твоего собственного и многих сотен людей впереди тебя и позади.

Но Гурштейна не брала дремота: он был хозяином своей нервной системы.

— Хисматуллин, проснитесь, пожалуйста,— говорил он смущенно, дергая своего соседа за рукав.

Несколько минут Хисматуллин снова шел прямо, твердо ступая по земле. Потом опять — неожиданный поворот в сторону,— вот он уже вышел из шеренги и бредет куда-то в сторону, с закрытыми глазами.

— Держитесь за мою руку, Хисматуллин,— услышал я тихий шёпот Гурштейна.

Немногое изменилось впереди меня: прежде маленький, тщедушный писатель держался за руку силача. Сейчас этот силач держался за руку своего соседа, над которым не властен был сон.

Много дней потом мы прожили вместе. Мы рыли окопы, пулеметные гнезда, эскарпы; Хисматуллин шутя перебрасывал груды тяжелой глины через пятиметровый ров; он легко перебросил бы через этот ров и Гурштейна. Маленький друг его с восхищением смотрел на красивую работу. Потом, подковырнувши лопатой комочек глины, он ронял его в воду, проступившую на дне рва, сокрушенно вздыхал и говорил:

— Разве я не понимаю, что я своей работой приношу только субъективную пользу?

Мы строили шалаши. Хисматуллин, взвалив на плечи пружинящий ствол березы, так легко и уверенно шагал по лужайкам. И Гурштейн говорил:

— Его все слушаются: и лопата, и топор, и береза, и глина. А меня... меня слушается только вечное перо, и то не всегда.

Он нашел работу для своего пера: он стал писарем в нашем полку — и с каким удовольствием в ведомостях или анкетах он писал имя своего друга!

В последний раз я их видел издалека, возле вековой ветлы, под которой расположилась наша полковая кухня. Гурштейн, лукаво прищурившись, протягивал Хисматуллину письмо.

Как затемнение в кинофильме, этот кадр поглотило окружение. Их, наверное, бросило в разные стороны, как разметало всех нас, остальных. Я стараюсь представить себе Хисматуллина во всех тех положениях, в каких был я сам. Вдруг на опушке леса в двух-трех метрах вспыхивает розовый фонарик: это тяжелый немецкий танк, молчаливо ожидавший жертв в темноте, мигнул своим холодным глазом. Хисматуллин успевает, конечно, броситься на землю прежде, чем цепочка светящихся пуль вырвется из тела чудовища. Он ловко метнет гранату, и над танком ударит фонтан искр — совсем как тогда, когда при мне подорвал ⟨танк⟩ врага быстрый, стремительный политрук, почти мальчик, с детским румянцем на щеках. Хисматуллин выдержит и купанье в ледяной Угре, и голод, и скитания в лесах,— я уверен, он жив, и пуля не посмела пробить его мускулы,— на северо-восток, на северо-восток, на северо-восток,— и он на воле, и лежит сейчас где-нибудь в десяти километрах от меня за раскаленным докрасна пулеметом или партизанит в районе Дорогобужа.

Но Гурштейн, маленький мой, благородный человечек! Когда в ополченском лагере вырыли мы первый ровик уборной, с каким нескрываемым ужасом он воскликнул:

— Боже мой! Я предпочел бы еще три часа похода, чем сидеть над этой бездной!

Когда мы приходили в деревню, он обращался к хозяйке с такими словами:

— Будьте добры, голубушка, нельзя ли у вас получить порцию сметаны?

Как же представить себе его, отбившегося от всех друзей, под разрывами мин, под фашистскими самолетами, которые косым колесом кружат в небе и всякий раз, как опустится самолет до нижнего края колеса, из брюха его вываливается черная рыба, и мгновение спустя деревья, повозки, автомашины, лошади, люди взлетают в воздух вместе с глыбами опаленной земли,— и где-нибудь в стороне падают вниз два копыта, сирена, щепки оглобли и клочок человеческой кожи с прилипшими к ней волосами?

Я стараюсь не думать об этом, я стараюсь уверить себя, что нашелся какой-нибудь другой Хисматуллин, который бережно взял его за руку и провел по всем закоулкам смоленских лесов, ободряя, угощая кое-как испеченной в костре картошкой, оберегая его даже от тех опасностей, от которых не всегда мог уберечься и сам. Я стараюсь ⟨не⟩ думать и видеть только маленькую деталь одного кадра: руку, доверчивую руку, которая тянется в темноте к рукаву соседа по походной колонне.

В конце 1941 г. М. А. Гершензон получил от жены А. Ш. Гурштейна письмо с вопросом, не известно ли ему что-либо о судьбе ее мужа. В ответном письме Гершензон так характеризовал своего однополчанина: «...милый маленький Гурштейн стал мне большим другом за время походов и работы, очень родным и дорогим человеком. Мы много времени проводили вместе, особенно в походе и во время рытья окопов. Я не знаю лучшего примера мужественности, будничного героизма, чем то, как он встречал непомерные для него трудности,— всегда бодрый несмотря на страшную усталость, всегда приветливый, открытый к людям, готовый помочь любому. ⟨...⟩

Я совершенно уверен, что выносливость к лишениям у него огромна,— и поэтому не сомневаюсь, что рано или поздно мы встретимся, и он, поблескивая стеклышками пенсне, будет с юмором рассказывать о пережитом, сразу забыв себя и вспоминая только о товарищах» (цитируется по подлиннику, хранящемуся у Е. В. Гурштейн).

Характеристика А. Ш. Гурштейна, данная в этом письме, совпадает с тем художественным образом, который нарисован в рассказе, и это свидетельствует о фактической достоверности публикуемого произведения, хотя отдельные штрихи (например, детали внешности) не отличаются полной фотографической точностью и привнесены автором для достижения большей выразительности и художественной цельности образа. *(Ред.)*

16.9.41

Здравствуйте, мои дружочки!

Пока от вас из Новосибирска было одно письмо, больше вообще ничего не получал. Третьего дня я вернулся с передовой линии, где провел три дня. Очень много интересного, так хотелось бы вам рассказать. Драться не пришлось, бой шел только артиллерийский и минометный. Страшно не было нисколько.

Юрашка, тебе очень интересно было бы посмотреть на меня. Представь себе: на голове у меня стальной шлем, одет я в хорошую шинель, а в дождь сверху еще — плащ-палатка. Еще у меня винтовка, куча патронов, пара гранат; и наган в кармане; у пояса еще саперная лопатка. Вот я какой страшный! Но ты меня не бойся: я так бы крепко тебя поцеловал, что у меня, наверно, даже гранаты лопнули бы.

Приехал, Лилюшка, и узнал, что у меня опять перемена: меня прикомандировали к штабу как переводчика, и я уже больше не разведчик, а — пока нет переводной работы — канцелярская крыса. Эту работу я терпеть не могу. Буду проситься, чтобы дали делать что-нибудь другое, а

ПОЧТА ПРИШЛА
Фотография, 1941
Литературный музей, Москва

то я скисну: весь день сиди и пиши, даже людей не видишь, словом не перемолвишься — все пишут, пишут. Я сразу заскучал — не по мне это.

А я как раз было наладил жизнь в землянке с пятью мальчиками, привязался к ним — теперь опять все новое. Там мы сложили печку, и, хотя она дымила, было уютно и тепло. А тут я даже отсырел.

Видел, что немцы сделали с Дорогобужем — так и хочется дорваться до них. Методически разбомбили каждый каменный дом, а все деревянные стоят. Чего они там бомбили? Подумаешь, промышленный центр! А население уже возвращается,— вообще, люди так уверены в скорой победе, что далеко не трогаются от насиженных мест. ⟨...⟩

27.9.41

Лилюшка, родненькая!

Я все сижу без писем — из Новосибирска пока получил одно письмо, да два дня назад — твою московскую телеграмму. Я уверен, что ты писала, но тоскливо очень. Особенно теперь, когда я меньше занят, больше сам с собой; я недоволен очень теперешней должностью,— ничего не вижу, кроме бумажек. Не сегодня-завтра обещали собрать всех писателей — 46 человек — и поговорить с ними. Может быть, и будет какой-нибудь результат. Конечно, все мечтаем о работе во фронтовой газете.

28.9

Ни разу не удается написать тебе, не прервав письмо. Сегодня утром уже летали белые мушки — зима на носу. Ох, долгая будет эта зима. Живешь от сводки до сводки — все надеешься, ждешь перелома. На днях видел «Литературную газету» — так странно, что, как в мирное время, печатаются рецензии на какие-то спектакли, кто-то пишет статьи. Мне выдали командирское обмундирование, это очень приятно — уж очень завозил я брюки и гимнастерку, сколько кубометров глины в них перебросал! И очень рад я сапогам. Теперь стал каждую ночь разуваться, в ботинках с обмотками не решался. Обмотки у нас прозвали «макарона-

ми». Вот, болтаю о всяких пустяках, а сам все думаю — придет сегодня от тебя письмо? Тут есть счастливчики, которые чуть не каждый день получают.

Эти дни я много работал над стихами. Тут со мной — Стрельченко, настоящий поэт. Он хвалит, требует поправок,— мне приятно ему читать. Он читает первые, сырые наброски мне, я — ему. Вообще, мы подружились, наверно, надолго. Очень милый, душевный парень.

Книги здесь есть, получили от Союза, там проводили сбор,— но я совсем не могу читать, и не представляю себе, как бы это я взял книгу в руки: в голове все время винтом мысль о войне.

Будь здорова, ясная моя. Стихи пошлю отдельно, может, какое-нибудь письмо затеряется, хоть одно получишь. ⟨...⟩

Листик, посылаю тебе стихи. ⟨...⟩

28.9.41

Если б мальчики были постарше,
Проводил бы я их на войну.
Шел бы рядом на первом марше,
Стал бы с ними в шеренгу одну.

Ты, Юрашка, мой милый верзила,
Шел бы, статный, как влитый в шинель.
А на Журке шинель бы скользила,
Будто ношена много недель.

Со спины посмотреть — эти каски,
И винтовки — солдат, как солдат.
А под каской — лукавые глазки
Так и светятся, так и блестят.

— Ну пора. Так запомните — вместе!
В одиночку боец — воробей.
И без толку на пулю не лезьте.
А настанет пора — не робей!

Нет, пожалуй, они б не всплакнули,
Да и я бы слезу проглотил.
И ушли бы — ушли бы под пули.
Я б гордился — двоих проводил.

Но сейчас, когда рвутся снаряды,—
Недолет, перелет, недолет,
Этот — рядом, совсем уже рядом,
Завалило песком миномет,—

Всюду пламя, и некуда деться
От настильных и навесных,—
Хорошо мне при мысли, что детство
Защитило мальчишек моих,

Что мы раньше врага уничтожим,
Чем успеют они подрасти.

Ты прости меня, Родина. Всё же
Я — отец. Потому и прости. ⟨...⟩

№ 2516

Может, скажут: жил боец и помер.
На винтовке прочитают номер.
От росы ее прикрыло тело,
Оттого она не запотела.

А в канале черноты не мало,—
Видно, пуля долго не дремала.
Щелочи теперь побольше надо,—
Ох, и бить, и бить же будем гада!

Может, кто-нибудь и обернется:
— Двадцать пять-шестнадцать? Мне сдается,
Номерок как будто бы знакомый.
Ну, конечно, это военкома.
Помню, мы ходили с ним в разведку —
На прикладе выщербило метку.
Он любил, берег свою винтовку.
Полюбуешься, бывало, на сноровку,—
Вычистит от мушки до антабки *,
Все платочки изорвал на тряпки.
По три раза прочищает на день,
Чтобы ствол был сух и беспощаден,
Чтобы выстрелы ложились чисто —
Прямо в череп, прямо в мозг фашиста,
Чтобы в судорогах подыхала сволочь,
Ну-ка, братцы, у кого есть щелочь?

Щелочью нужно всегда чистить после выстрелов. Этого ты не знаешь? А я не знаю, какая строка лучше:

Чтобы ствол был сух и беспощаден

(сухим должен быть канал *до выстрела*, чтобы ничто не мешало пуле) или:

Полирует на проклятых гадин.

Были бы вместе, ты бы решила, а я послушался.
Ну, похвали! Мне очень нравится.

Мишка

30.9.41

Здравствуй, Лиловочка! Если ты получила все мои письма за последние три дня, тебе и не захочется читать это. Но я боюсь, что немногие только доходят. От тебя все нет и нет писем, и я уже очень, не на шутку тревожусь. Где вы живете, есть ли у тебя работа, я ведь ничего не знаю.

Вчера получил от Маши [1] посылку и письмецо, она тоже о тебе ничего не знает. Ох, и вкусная посылочка! Изюм, и шоколад, и ириски, и эта бумага, и другие сорта бумаги, и табак, и папиросы. Вечером пришел ко мне Вильям-Вильмонт, сосед мой по землянке спал, а мы до поздней ночи топили, ели вкусное и разговаривали о Пастернаке; он много рассказывал интересного, очень путано и неорганизованно, стихов он не помнит совсем, а с Пастернаком был очень дружен в прежние годы. Чудный вечер получился, совсем неожиданно. Я все эти дни имел время для себя и работал над стихами, кажется, можно будет кое-что издать в сборничке вместе с Стрельченко и еще одним-двумя[2]. Я просил Стрельченко отобрать строго, самое лучшее. Видала ты в «Огоньке» стихи Пастернака, военные? [3] Меня они огорчили и обрадовали: хоть и плохие, а все-таки начало, значит, будут и хорошие.

Наш военком собирал писателей «на чашку чая». И, правда, был сладкий чай, и даже печенье! Собрались, кто уже на положении командиров, кто — на положении рядовых бойцов; у всех мечта — попасть

* Это кольцо, к которому прикреплен ремень. (*Прим. М. А. Гершензона*).

во фронтовую газету; но об этом говорить не приходилось, так как командование не может отпустить нас. ⟨...⟩ Я говорил, что мне нужно быть с людьми, а не с бумажками, и, думаю, комиссар так или иначе пойдет мне навстречу. Я еще день-другой поработаю над стихами, кончу и начну колесить с разведкой, с разными подразделениями, чтобы видеть побольше людей. Комиссар у нас отличный, обещает даже помогать в перепечатке написанного. Кое-кто уже начал писать, хотя и немногие. Либединский написал листа два очерков о походе [4]; драматург Тригер пишет забавную комедию об ополченцах. ⟨...⟩

[1] Мария Григорьевна Шестопал, преподаватель математики, друг семьи Гершензона.

[2] Речь идет о сборнике стихов М. Гершензона, А. Миниха-Маслова и В. Стрельченко. Осуществить издание сборника во фронтовых условиях не удалось.

[3] Стихи Б. Пастернака «Страшная сказка» и «Застава» напечатаны в журнале «Огонек», 1941, № 29.

[4] Этот очерк под названием «Ополченцы в походе. (Из дневника 1941 г.)» см. в кн.: Ю. Н. Либединский. Связь времен. М., «Сов. писатель», 1962.

Далее в письмах наступает перерыв до начала ноября. В первых числах октября в результате прорыва нашей обороны полк, в котором служил Гершезон, попал в окружение. См. воспоминания об этом периоде «Семнадцать дней», помещенные ниже. Они были записаны в июне 1942 г. (см. письмо от 13 июня 1942 г.).

Из записной книжки

СЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Много лет назад я был болен сыпным тифом и лежал в бреду. Этот бред я помню сейчас, очень ярко, как помнится детство: без переходов и без последовательности. Отдельные картины, куски жизни. Почему-то я жил в водолазном колоколе, с моим хорошим другом, подводником Гавриловым,— и только в бреду я понял, что он мне друг. Это была странная жизнь, без звуков, под водой, мы курили папиросы и влюблены были в разных девушек, но думали вместе, как об одной. Еще меня послали на партийную работу в Америку, и ужас был в том, что я работал среди негров, а они были все для меня на одно лицо. Я напрасно всматривался в эти курчавые головы,— как было мне отличить честного человека от предателя? Холодный пот обдавал меня, я рвался обратно, в родную страну. На этот бред наплывал другой: я еду в автобусе, но этот автобус — простая изба, а публика не знает этого, и пассажиры входят на остановках. А выйти из дома нельзя, он все едет и едет по Садовому кольцу...

Это — длинные, незабываемые, смешные и страшные куски жизни, стасованные, как карты, и прожитые одновременно.

Так вспоминаются эти 17 дней, со 2 октября по 19-е.

Над лесом, где мы стояли, колесом шли самолеты. Все измешено, отовсюду стоны и крики раненых, повозки с вещами. К одной повозке подошел, в ней — комья земли, набросанные миной, рулон материи для полотенец, мешок с обожженным, сразу подгоревшим мясом. Санитарные машины стоят и воют,— шоферы убежали. Палатка Военторга — много отличной бумаги, папки, карандаши.

От нашего обоза осталось уже только две повозки. Живем: я, Маслов-Миних, Кляґин, Дорфман, откуда-то пришел улыбающийся нервной улыбкой Секар. Маслов счастлив тем, что у него есть еще полкоробки

черного кофе и несколько конфет из посылки, присланной Союзом. Клягин нервничает ⟨...⟩. Я уговорил его отдать бойцам две бочки сала. Откупорили одну — берите. Сперва брали ложкой; когда я пришел через час, гребли саперной лопаткой по шлемам. Два мешка воблы расхватали — кто украдкой, кто требуя. Я говорю Клягину — все равно, бросим. Командование повозками перешло к Дорфману. Маленький, верткий, в очках, с острой бородой. У кого-то отобрал цейссовский бинокль, и очень рад был ему.

По непонятной причине в лесу начинается паника. Все решают переходить в другой лес, бросив повозки. В это время я жарил галушки: сало было еще, была и мука. Я замесил их в судке для стерилизации инструментов, взятом рядом в пустой санитарной машине. Еще с нами был Петров, художник из дивизионной газеты. На костре вскипятил сало, бросаю туда клецки. Все в нетерпении, каждый съест пару и ждет, пока снова придет его очередь.

Вдруг — паника и решение переходить, бросив повозки. Я говорю: «Тогда нужно взять кое-что из вещей».

Мой рюкзак пропал уже. На повозке — чей-то, беру. Смотрю, что в нем, выбрасываю лишнее. В котелок насыпаю муки и кладу комок сала.

— Постойте, переоденем белье, чтобы лишнего не тащить!

Переодел рубаху, наши уже бегут, уже далеко. Не стал менять кальсоны,— закинул мешок за плечи, догоняю наших, кричу: «Куда вы? Почему бежите? Идемте спокойно!» Догоняю. Миних, с выпученными глазами, весь красный, в обеих руках тащит стерилизатор с тестом. Все свои вещи бросил там, на повозке.

— Куда тебе это тесто?

— А, я не заметил.

Бросает судок в кусты. Ему говоришь — налево, он поворачивает направо. «Я тебя поколочу, если не пойдешь правильно. Дай сюда руку!» Я вел его, как маленького ребенка. На одной руке у него была легкая царапина миной, рука вздулась, как у слона.

На опушке записывали командиров, дали каждому — кому роту, кому взвод; мне взвод. Больше я Миниха не видел.

Это было 11 октября. Решено прорываться с боем.

---

2 октября [1] комиссар полка Катулин созвал на совещание почти всех писателей полка — около 45 человек. Мне очень хотелось быть на этом собрании, но я послан был в 1 батальон отбирать бойцов на какие-то курсы. Работа шла к концу, когда позвонил полковник: «До особого распоряжения отставить подбор людей. Отпустить на вечер Кунина». Я вернулся домой. На вечере были товарищи, которых я давно не видел, и жены Кунина и Росина,— они привезли посылки всем писателям от Союза писателей. Жена Кунина видела его только полчаса, он ушел куда-то с батальоном.

Я опоздал — без меня Тригер прочитал талантливое начало пьесы об ополчении. Там выведен был Вильям-Вильмонт; толстый, поблескивая очками и заикаясь, Вильмонт шутливо возмущался тем, что автор убил его. Но доктор Тригер успокоил его,— он оживет в последнем акте. Очень едко нарисована была фигура неприспособленного к жизни сибарита Росина.

Все говорили, что ополчение дало много материала; даже Росин и Жаткин ⟨...⟩ уверяли, что совершенно удовлетворены своей работой с баней и вошебойкой. Я говорил о том, что нам нужен фронт, мы ничего не видим. Я, например, сидел в канцелярии штаба, среди бесцветных людей. Комиссар должен помочь нам, чтобы мы видели больше.

После совещания (мы со Стрельченко и Минихом на нем взяли обязательство к пятому сдать Катулину сборник стихов) я решил сразу использовать обещание Катулина. Начиналась какая-то крупная военная игра (или всерьез?), я попросил у Катулина разрешения остаться на обсуждении ее. Он мне дал склеить карту, очень торопил, я клеил ее с Лещинером. Я продежурил всю ночь возле Катулина. Тут же спали жены Кунина и Росина и Аргутинская. Утром я видел Стрельченко, Секара, Кандыбу, Миниха. Сборник стихов был готов, задержка была только за Минихом.

Все началось непонятно и странно, как все на войне. Я полагал, что идут маневры — переброска наших частей. Мне Катулин дал задание (это было, кажется, 4-го) привести срочно нашу 4 роту в Дорогобуж, на Матросскую Слободу, и там ждать распоряжений. Полк, как и вся армия, передвигался на фронт, но об этом еще мы не знали. Перебросок, срочных тревог у нас было много, мы привыкли. К этому времени почти все уже уехали. Погрузилась первой штабная машина, я должен был ехать с ней, когда получил поручение. Ушла и вторая машина — на ней машинистка, которая все волновалась, что не берут ее матрац. Ее убило первым снарядом. Одним из первых был убит и Тригер.

Я не знал еще, что для нас началась война. Я пришел в расположение 4 роты, искал его долго. Какие там были землянки! Все — в соломенных матах, солнце падало в окошечко, закатное, красное, и землянки горели, словно обитые пучками солнечных лучей. Собрались быстро, дружно. Я заставил еще политрука повести меня по всем взводам и сам посмотрел, не забыли ли чего. Это отняло часа два. В то время мы не знали еще о прорыве немцев, о том, что несколькими часами позже они заняли уже эту территорию. Мы приехали в Дорогобуж (я — на машине, груженной военным имуществом роты), разместились и стали ждать Катулина.

Почему-то здесь очутился и Б.,— он наслаждался жизнью, своим умением устраиваться, без конца рассказывал анекдоты и истории, между прочим — о золотоискателях, с которыми жил где-то в юности. Блестящий, талантливый враль. А Катулина нет и нет.

Откуда-то пришло известие, что полк введен был 4-го в бой, не успел занять оборону и разбит. Полковник убит, комиссар, кажется, спасся. Появился ПНШ-2 [2] Ульянов — я уговорил его взять меня с собой в разведку, искать Катулина.

Из деревни в деревню — навстречу волне отступающих машин, бегущего населения. Девчурка тащит свою куклу. Где-то горят деревни.

А где, когда это было, что весь обоз наш — 50 повозок — куда-то вел Ткаченко, на дивном жеребце, и сбился с дороги, и чуть не привел нас к немцам — со всех сторон полыхало уже небо, когда мы повернули назад! Не помню, не помню.

Вот и скрип и ржанье на дорогах. А как приятно, что мы едем с Ульяновым и частью взвода разведки вперед, а не назад! Так хорошо, что впереди — опасность.

Вдруг в какой-то деревне нас останавливают уполномоченные по переднему краю обороны. «Дальше нельзя, в полутора километрах — немцы. Ройте окопы вот здесь и здесь, на этом холме. Искать комиссара не пустим. Ждем наступления оттуда».

Я взял лопату у шофера и быстро вырыл окоп «с колена». Другие работали саперными лопатками. Некоторые еще не начали, только сдирают дерн. Вдруг появился лейтенант, который был с Катулиным,— в мокрой шинели, зуб на зуб не попадает, румянец — будто жар. «Комиссар спасся с 16-ю, в том числе — Аргутинская и я. Переплыли реку. Он дал мне свой дальнейший маршрут».

РАЗРУШЕННАЯ
Фотография М. Берковича,
Литературный музей,

Нас отпустили с края обороны, мы стали ездить из села в село — здесь впереди немцы, и здесь, и здесь. Вернулись ни с чем.

Куда я ехал снова — не помню, но вдруг — в Семлево, кажется,— увидел Катулина. Обросший, неузнаваемо оплывший. Сюда пригнать обоз, и побыстрей, он будет ждать.

Я еду с тремя повозками, на моей — упаковщик Солнцев, хороший человек, и товарищ, и член партии. Немецкие самолеты начали косить дорогу из пулеметов. Солнцев и другие возницы кидаются в лес. Я держу лошадь под уздцы. У какого-то овражка Солнцев, напуганный добела, говорит: лошади не кормлены, я не обедал, сейчас буду варить картошку. (Я все глодал капусту и все еще думал, что она чья-то, странно было взять кочан и разрезать кухонное добро.) Начинает чистить картошку. Я уговариваю, приказываю — нужно спешить к комиссару.

— Не поеду,— на, стреляй.

— Ну, смотри, тебе это так не пройдет.

Не помню, где собрался весь обоз. Мы тронулись, я опять на повозке Солнцева, ни слова о ссоре. Наших повозок много — штук 50.

Обоз идет к Вязьме. Ночью, измученный, я сплю, закутавшись в плащ-палатку. Вдруг — пьяный крик: живые — направо, повозки — налево. Меня кто-то сдернул с повозки, без вещевого мешка, без сумки, без противогаза. У соседней повозки слышно — кто-то возразил — хрясь по морде,— ррасстреляю, мать... Уполномоченные, пьяные вдребезги. Сразу отводят в глубокую щель. Народ не ел — кто два, кто три дня. «Есть тут командиры?» — «Я». — Нам дали винтовки — всем — указали место, где рыть окопы. «Передайте начальнику, мне нужно выполнить приказание комиссара...» — «Делайте, что вам велят». Окопы в идиотском месте: у дороги, их огибает объезд, по обе стороны — табуны машин, орудий, повозок, ничего не видно. Я проспал всю ночь... Утром рано...

С тяжелым сердцем, едва передвигая ноги, я шагал, шагал, шагал, догоняя свой обоз.

Сколько событий, которые я не знаю, куда поставить!

Когда это было, что я шел с несколькими нашими повозками, и был там белобородый противный старик, который не хотел накормить меня и Копаева потому, что в повозке были только продукты, за которые собрали деньги для Военторга,— а мы к этому не имели отношения? Он

ВЯЗЬМА
март 1943 г.
Москва

не мог понять, что собирали деньги *до* нашего вступления в войну и что многие из наших уже убиты. Мы варили картошку, я съел, наверно, полкотла. Но я все еще был голоден.

А куда это я взялся съездить с донесением к комиссару на великолепном жеребце? Я взял его у Ульянова, но не смог переехать через мост — навстречу танки, грузовики, он прыгал, вставал на дыбы, мотнул головой, чуть не выбив мне зубы. Так стыдно было вернуться, не исполнив поручения. И где это мы отстали со Стрельченко, догоняли, то вперед, то назад, в многослойной ленте грузовиков, повозок, пехоты? Потом нашли своих, а потом я потерялся сам. И так и не нашел колонну, а нашел только две или три повозки.

К Вязьме, к Вязьме, а ноги не несут уже. Я совсем не вспоминал про еду — сколько дней? Километрах в семи от Вязьмы встречаю три подводы. Дорфман, Клягин, кажется, художник из газеты Петров, кто-то еще. Они возвращаются, их не пустили в Вязьму. Вернее: Дорфман узнал, что уже не пускают, всех сажают на край обороны,— и он очень гордился, что «вовремя» повернул назад.

Мимо санитарная карета — к Вязьме, из нее высунулось бледное, окровавленное слегка лицо Злобина. — «Миша!» — Помахал рукой. На его лице была гордость: «Я ранен», и счастье: «Я жив». Больше я его не видел, не знаю, проскочили они Вязьму или нет [3].

И вот, мы где-то в лесу, то здесь, то там,— а над нами воют немецкие самолеты. В лесу много крови и брошенных вещей. Очень много убитых. Где-то мы еще проезжали через горящие деревни. В одной — я помню — обожженная лошадь ногами кверху, как куропатка. Разбросаны листки, тетради, книги. «Бои на Карельском перешейке» — не наша ли ротная? В ней список дежурств по взводу — фамилии Глинки, еще других товарищей. А деревня смешана в кашу.

Вот аптечка — набор хирургических инструментов. Я выбросил ⟨шприц⟩ «Рекорд», собрал в коробочку крошки табаку. Через час потерял коробочку. Где-то подобрал сумочку, несколько нужных вещей; на другой день потерял и ее.

Кто жив из товарищей?

Чемодан, все вывалилось из него. Беру две шпалы, прикалываю. Это нужно: многие поснимали знаки различия.

У меня на душе тяжесть — я иду в штаб,— я командир, дайте мне дело.

Никогда еще я не был в землянках: я пришел в штаб ночью, все сказочно, темно, расположение непонятно. Везде — щели, люди жгут маленькие костры, греют руки. Одну ночь я тоже так ночевал, потеряв товарищей.

На десять шагов отойду от штаба — его невозможно найти. И почти галлюцинации (мне сейчас мешают описывать это взрывы, саперы работают здесь в Долгом, но никто не знал, что будут взрывы — все стекла вылетели, старший политрук, работающий в соседней комнате, кинулся бежать. Комья земли долго висят в воздухе, и хотя знаешь, что это просто работа — при каждом взрыве слабость под коленками, и смешно, как нервная система реагирует сама по себе). Галлюцинации: будто рядом со штабом — пляж,— я прогуливаюсь по просеке, как по берегу, по просеке или по опушке, а ночь лунная, и никто не знает, где штаб. Наконец, нахожу. Мне дают комендантский взвод, а в штабе странные люди, старший — какой-то майор, и еще есть начальник разведки, который, кажется, знает эти места. Милый лейтенантик указывает мне, где собирать людей,— но я уже путаю, это было дважды в разных местах, в одном я мучительно хотел пить, я записывал всех, кто ко мне подойдет, не мог пойти за водой, а мне так и не принесли кипяточку.

Наверно, на другой день я занял с бойцами оборону. Люди в окопах лежат, как трупы,— серые лица, спят. Сидим на опушке. Паника, бегство, шоферы бросают машины, бегут пешком. Санитарные машины воют: раненые без помощи. Непрерывная бомбежка. Мне надоело лазить в щель. После бомбежки зачем-то спустился в щель — в ней на том месте, где был бы я, большой осколок. Даже форму его помню. Где наши? Я опять не знаю. Как-то, мимолетно, увидел Секара, обещал узнать положение и прийти. Нашего самолета за все время — ни одного, командиров совсем не видно.

Ко мне приходят бойцы: «Штаб уже убежал». Не верю. Еще час — бойцы исчезают, осталось двое. Идем в штаб. Нет штаба — убежал. Утром я встречаю того лейтенантика, что разговаривал со мной у штаба. Создан новый штаб. Старому не удалось уйти — напоролся на немцев. Сам лейтенант два раза ходил в разведку,— безнадежно, не уйти, сплошное кольцо огня.

Новый штаб решил — идти на массовый прорыв, в северо-восточном направлении. Сегодня. Завтра уже будет поздно,— кольцо огня с каждым часом сильнее. Это было 11 октября.

Опять я не помню, где это было. Горела деревня, немцы бомбили, валялись обгорелые трупы. На крутом склоне — повозка, возница с разорванной грудью, красавец-блондин, волгарь. Я подумал — то ли убит осколком? то ли лошадь понесла и разбила его на спуске? Дорфман и Клягин бегут куда-то. Я догоняю сорвавшуюся на целину повозку, беру лошадей под уздцы, веду на горку, к единственному не горящему сараю, где Дорфман и Клягин и Петров. Вдруг замечаю, что одна лошадь валится. Захожу с ее стороны — у нее большая рана на боку — я и не заметил, когда угодил в нее осколок. Она издыхает. Но лошадей кругом много, вместо вороной припрягли гнедую.

И еще я не помню, как и когда встретил Кандыбу. Наши повозки были уже брошены. Нет, они стояли за леском, там я скатил бочку с гуселином и оставил ее бойцам — разбирайте. Мы сидим с Дорфманом

и Клягиным и Минихом — когда он нашелся? — на обломках ящиков от посылок: здесь была какая-то ППС [4], и вдруг — много писем. Я прочитал одно, писала какая-то девочка Таня, такое хорошее что-то,— я спрятал его в карман, но, конечно, не знаю, когда потерял. У нас было несколько больших банок бобов с салом, но когда мы съели одну, оказалось, что десять за это время расхватали. Я ходил за второю и тут встретил Кандыбу.

— Нет, я не ранен, но что-то сделалось у меня с головой, я ничего не понимаю. Мы ходили на прорыв, рядом разорвалась мина, меня завалило землей.

Когда собрались идти на прорыв, он мне отдал винтовку:

— Я не могу, я не смогу стрелять, у меня что-то сделалось с головой. Я поеду кучером, ведь будут идти повозки.

Я видел, как он сел на повозку и взял в руки вожжи,— и больше не видел этого дорогого добряка, заику, любителя покушать, чудесного товарища.

Наконец, будет прорыв: дело, действие. Установка, данная неизвестно кем: вывести живую силу. Потом только стало известно, что тут окружены были шесть армий. Что мы видели? Разобщенные группы, каждая с недоверием и недоброжелательством относится к другим.

Посмотрев на шпалу, какой-то подполковник сказал мне:

— Вы будете командовать ротой. Соберите ее.

— Где она?

— В лесу много народа.

Я слоняюсь по лесу, сумерки. Секар и Миних будут политруками. Миних! Бестолковый, с опухшей рукой, большое дитя, потерявшее голову от страха.

Дорфман и Клягин — по хозяйственной части — добывают брошенное где-то оружие. Уже началась наша артиллерийская подготовка. Я встречаю в лесу того самого лейтенантика. — «На массовый прорыв я не пойду, это верная гибель. Я два раза ходил в разведку, знаю, что нас ждет. Я решил пройти лесами, с группой в два-три человека». Уговариваю его; нет и нет. Между тем другие уже подобрали какие-то сформированные части. У меня записан десяток фамилий, но люди разбегаются. — «Вы не строевик?» — спрашивает меня подполковник. — «Переводчик». — «Будете командовать взводом». — Кое-как я подобрал взвод. Уже стемнело, лиц не вижу, имен не знаю. Одного приметил — высокий, монгольский тип лица.

— Вы знаете товарищей, которые с вами?

— Знаю.

— Так не отходите от меня и смотрите, чтобы люди не улизнули в лес.

Мы стоим на снежной поляне, три батальона. В небе — ракеты, трассирующие пули. Крики: «Санитара!» В атаке незаметен упавший товарищ. А так, под обстрелом, черным пятном стоять на белоснежной, залитой лунным светом поляне,— неприятно. И ноги у меня болят так, что я готов сесть на снег. У меня во взводе — две винтовки. Еще одну отдаю — Кандыбе, — мысль: ведь она за ним записана, я обещал отдать ее ему после боя. Две гранаты я подобрал в этот день в машине. Кто умеет метать? Только один — отдаю ему одну, политруку, у которого почему-то нет револьвера,— вторую. Револьвер сжимаю в руках.

На мне — мой ватник, шинель, в сумке, которую я подобрал тут же,— она и сейчас со мной,— плащ-палатка, котелок; я высыпал из него почти всю муку, оставил горсть, чтобы было легче. Задержка — час, два: вперед пошла разведка. Потом — 1 батальон, потом — наш —2-й.

Пошли. Рассредоточились. Построение — уступами, строй — плохой. Я все ищу в темноте высокого, башкира, что ли.

Теперь — одни куски и пятна. Ничего не помню подряд. Я вел второй взвод,— вдруг оказалось, что он исчез, со мной — третий, и мой башкир. Потом исчез башкир. Я забыл о том, что болят ноги, совсем забыл и не вспоминал ни разу 8—10 часов, до конца боя.

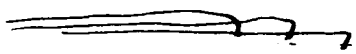
Фейерверк пуль, перелески, полянки, лощинки, небо розовое от огня, от зарев пожаров, грохот стрельбы. Я шагаю быстро, не пригибаясь. Воодушевление, радостное волнение — прорыв! Говорили, что с боем нужно идти километров 10; но шли много больше. Где северо-восток, не знаю. Далеко впереди слышно глухое «ура». Иду на звук.

Поляна, перекрестный огонь с танков, как занавес. Люди припадают к земле. Я стою. «Идемте!» Один подскакивает ко мне с наганом. — «Куда ведешь? Продал!» — «На северо-восток веду. Слышишь, кричат ура!» Его надо было пристрелить. Но я не был уверен, где северо-восток. — «Не хочешь идти, боишься,— оставайся,— нужно идти, нельзя здесь задерживаться ни на минуту. Идемте!»

Мне надо было заставить их идти, но я имел одно средство — не пригибаться.

С дерева в трех-пяти метрах фонтаном били пули,— кукушка. Это было несколькими минутами раньше. Я выстрелил в темные ветви раз,— пули продолжают литься. Тот же, кто потом крикнул: «Продал!» — крикнул: «Не бей, по своим стреляешь!» Я выстрелил снова — дерево смолкло; убил я кукушку? Не знаю, но хочется думать, что убил.

Я шел вперед, слово «продал» звенело у меня в ушах. Они должны видеть, что я уверен, что они пойдут за мной. Оглянулся шагах в 30— никого. Я пошел дальше — прямо, не пригибаясь. Сейчас кажется невозможным — пройти через этот огонь и не наткнуться ни на одну пулю. А зрелище было великолепно. Ими нельзя не любоваться — этими светляками, ожерельями, очередями, постепенно, вот так



зарывающимися в землю светляками, ракетами. Прилег на минутку в лощинке, прижатый огнем, слушал — где «ура»? Не слышно. Еще полежал. «Ура!» Пошел дальше. В лощине — группа, люди хотят идти, лейтенант боится. «Идемте со мной»,— пошли. Потом исчезли и эти.

У большого дерева я натыкаюсь на группу, человек 70, и среди них наш инженер Лещинер: он остался в районе полка, чтобы сдать нашей смене минные поля. Они прорываются на юг и даже не знают о массовом прорыве. Прорываются вторые сутки, пережидают в лощине огонь. Обещают, что сейчас пойдут на северо-восток. — «Так идемте!» Остались, я снова один. То теряю «ура», то нахожу снова.

Две фигуры вынырнули из темноты. Я так уверен был, что это немцы, что крикнул по-немецки: «Halt! Hände hoch!» — и оба подняли руки. Я подошел к ним с взведенным курком. Красноармейцы! Я выматерил их: разве подымают красноармейцы руки, когда слышат немецкую речь?

Вот я — в группе с каким-то политруком, что ли, или комиссаром,— еще четверо, пятеро. Он бежит к горящей деревне — он был уже здесь, и знает, что нужна помощь. Речка. По ту сторону речки — немецкий грузовик с пулеметом, по эту — наш, со спаренной зениткой. Хлещут друг по другу. Но наш грузовик завяз на бугре. Светло, как днем,— деревня пылает. Немецкие пули бьют кругом, дырявят борта машины. Мы вытащили ее, я потом только сообразил, что застряла она не в грязи,

а в обмерзших трупах,— по ним осклизались мои ноги, когда я помогал вытаскивать грузовик. Я непременно хотел идти с этой группой, но она вдруг исчезла, как во сне, совсем, как во сне.

Потом — с другой группой, два-три человека, спокойно шли по опушке, здесь не было сильного огня. Под ветвями было темно. Как-то группа отстала. Я иду в темноте, и вдруг, совсем рядом,— розоватый, как леденец, огонек. И сразу я увидел куб густой темноты,— тяжелый немецкий танк,— и упал, прижался к земле,— в вершке надо мной прошла длинная очередь. Я лежу у куста. Сейчас танк двинется, раздавит. Я резко вскочил, сразу прыгнул в сторону, и в лес — очередь полетела мне вдогонку, прошла у колена. Несколько шагов по лесу — и я наткнулся на раненого лейтенанта. Мальчик, с воспаленным, детским, красивым лицом. Голова запрокинута, стонет. Пилотка свалилась, русый хохол волос. Из полевой сумки вывалилось несколько кусков сахару,— видно, он доставал их в бреду. Надо взять документы,— его тут непременно найдет немецкий танкист — потрогал сумку, хотел снять ремень, он застонал, я оставил сумку. Девушка — она была в той группе, которую я только что потерял,— санитарка — вдруг оказалась рядом. — «Я видела уже его, тяжелое ранение головы. Я послала в деревню за повозкой, но вряд ли он доживет». Это была явная нелепость: какая тут повозка, все деревни кругом горят.

Сквозь ветви я увидел: над танком взметнулся сноп искр, ухнуло что-то. Потом оказалось: это маленький политручок метнул гранату. Он догадался, что это — танк-наблюдатель, и сперва перерезал кабель. Потом метнул одну за другой три гранаты, они не взорвались. И, наконец, противотанковую, перешиб гусеницы, но стрелять танк мог. Откуда этот мальчик знал все это, действовал, как опытный воин? Я потерял его быстро, но потом встретился с ним, выходя из окружения. Это все — только маленькие эпизоды, которых было так много. Какую-то часть пути я шел с кавалеристами в черкесских бурках. Они шли очень смело, уверенно,— красота была смотреть на их квадратные плечи в лунном лесу. Освещение было сказочное, почему-то казалось, что мы все подымаемся высоко в горы; кого-то, убитого, они узнали на дороге и очень взволновались; кажется, они были уже здесь раз и шли искать этого убитого. Они сели отдыхать, кругом был точно замок из розового камня: зарево неба, огня, луны, силуэты деревьев, сказка Шехерезады. Я снова потерял их, заблудившись между стволов. Я не обменялся с ними ни одним словом, настолько нереально было все это,— я был заворожен.

Крики «ура» становились громче, и теперь уже было видно: по снегу, в утренних сумерках, отовсюду в одном направлении двигались кучки — тысячи кучек — кричавшие «ура!» Вдруг я узнал рядом с собой того башкира, с которым начал путь, обрадовался ему, как другу.

— Есть еще кто из нашего взвода?

— Двоих я видел, не знаю, потерял. Недавно видел.

Все спрашивают: «Прорвали?» Никто не знает. Чем гуще собирался народ, тем дружнее крики «ура».

Но пули еще летят, и кто-то падает, а все стремятся вперед и кричат «ура». Уже давно день, и огонь стихает, а волны «ура» всё катятся, и никто не знает, прорвали уже или нет. Это тянется часами, я вдруг почувствовал, как страшно болят ноги. Где-то присел, народ — мимо, мимо, мимо. И все от радости палят в небо, я тоже.

Как прошел этот день — совсем не помню. С какой-то большой группой шли по лесам, осторожно, стараясь не шуметь. У меня было такое чувство, будто мы кружимся на месте без всякого смысла. Начальник отряда нервничал, боялся шума, велел снять шлемы, потому что ветки гремели по ним. В руках нести их было еще хуже, они звенели громче.

— Бросить шлемы! У кого звякнет — вон из колонны.

Я долго нес шлем, стараясь не звякнуть. Потом с огорчением положил шлем на землю. Страшно первое время было идти без него.

И ночью шли очень осторожно. Густой лес, темнота. Часто переходили речушки, измокли, обледенели. Остановка, тихая команда: «Разведка, вперед». Стоим — сколько? Без конца. Сплю стоя. «Шагом марш»...

На одной остановке я присел, кажется, на минутку. Открываю глаза — группы нет. Сколько я проспал? Потерять группу очень боюсь — при мне ни компаса, ни карты, я совсем не знаю, где наши, где немцы. Бегу вперед, всматриваюсь, щупаю следы на снегу. Назад. Опять вперед. Несколько спичек я сжег, разглядывая следы. По тому, с какой осторожностью шла колонна, я был уверен, что кругом — немцы. Куда идти? Я забился глубоко в лес. Мне было очень страшно. Ни секунды не испытывал я страха во время боя. Здесь же я ждал, что меня схватят, будут пытать. Я выбрал густой ельник, между тремя стволами растянул плащ-палатку и зажег очень маленький костер. Натопил снега, из моей муки слепил и сжарил одну маленькую лепешку. Жарил терпеливо, до румяного. Передвинул костер на новое место, завернулся в палатку и заснул. Утром долго сидел, глядя на небо. Где северо-восток? Все небо было в облаках, шел снег. С наганом в руке, со взведенным курком, осторожно я вышел на опушку. Напротив, через дорогу, в ветвях показалось мне что-то, похожее на человеческую фигуру. Тихонько я спрятался снова в лес. И каких кругов я ни делал, я все выходил на то же место. Вдруг я услышал: едет повозка. Стал за дерево. Ближе, ближе. Женщина с мальчиком!

— Тетушка, близко отсюда немцы?

— У нас не было еще, а вон там, километра четыре — они проезжали на танке.

— А наших бойцов, которые выходят из окружения, не видела?

— Ну, как же,— там, в .... * их полна деревня.

Это было шесть километров в сторону, или назад, но у меня не было выбора. Деревня полна была, но я еле добился, чтобы меня приняли в одну из групп: все боялись «чужих». ⟨...⟩

Другая группа, с которой я шел. Тот самый маленький политручок. Несколько часов мы толклись на месте, уходя от немецких ракет. Откуда этот политрук знал, как важно уйти от них? Выходим на поляну. С трех сторон взвиваются ракеты. Снова в лес. И так — долго, долго. Бомбежка.— «За мной!» Я потерял его из виду. — «Сюда, сюда», — крикнул мне кто-то. Я бегу за ним. — «А где политрук, впереди?» — «А на кой нам он? Бежим в лес. Ну, беги, беги».

Вдруг я понял: это гад, который заманивает в лес,— выбивает командиров поодиночке. Но я это понял поздно, уже догоняя политручка. Надо было его застрелить немедленно. Опытности не хватило.

В этой группе нас было пять-шесть. Один — раненный, обессилел. Нести невозможно. Решили оставить его в шалаше. Долго несли на палатке втроем. У меня совсем не было сил. Я каждый раз говорил: «Постойте, уроню». Он плакал. «Ничего, отсюда до деревни близко, кто-нибудь будет ехать». Наломали ему хворосту, оставили его — и это было горе.

С многими, с разными группами я шел. Ночевали в стогах, жутко было стоять в стороне от них на карауле. Несколько раз в деревнях нас кормили картошкой. Калина — ел ее, ел. Голод не чувствовался, чувст-

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

«НА ПЕПЕЛИЩЕ»

Акварель В. С. Климашина. Центральный фронт (Смоленское направление), лето 1942 г.

Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

вовалась смертельная слабость и такая боль в ногах, будто уже пяток нет, а ходишь на щиколотках: все стерто.

Да, о нашей 4 роте. Я вспомнил — она не пришла с нами в Дорогобуж. Ее перехватили на дороге и бросили на край обороны. Говорили, что она дралась геройски и, кажется, вся полегла.

Несколько дней я выводил раненого политрука. У него прострелена была мякоть бедра. Восемь дней без перевязки, а кровь хлестала. Туповатый, но житейски хитрый парень. Сперва мы вели его с лейтенантиком НКВД; вести было очень трудно, ноги не несли и так, а на ухабах он то и дело наваливался всей тяжестью. Сережа. Тропки узки, нужно было вести его по тропке, а самому скакать по ямам и валежнику. Злой от боли, он ругался: «Веди как следует!» — Он сразу начал называть меня Мишей. В одной деревне я снял с него кальсоны — заскорузлые корки. В четыре избы заходили — ни одна хозяйка не согласилась выстирать их. Оттерли, вывернули наизнанку, и он пошел дальше. Мне удалось под конец усадить его на сани комбата отряда «Красная звезда»,— мужественного человека с раздробленной голенью. Это был кавалерист, в сани запряжен был его замечательный жеребец. Он не умел ходить в упряжке. То срывался и кидался в чащу, то останавливался и стоял под побоями, как вкопанный. Он пал, и пришлось посылать за ним и политруком лошадь из деревни.

Вестей не было никаких; в окружении были только немецкие листовки, наших не видели ни одной; говорили, что уже пала Москва, Ленинград, было жутко. Каким-то образом стало известно, что на Можайск идти нельзя. Повернули через Борисово. Чувство было такое, что кольцо сжимается, нельзя терять ни минуты. Но где-то, в Борисове, что ли, я сел и просидел без движения час, глядя на дорогу. Мне все казалось, что вот, прошла последняя группа. — «Если появится другая, подожду ее, а нет — нужно бежать, догонять эту». Но новые и новые группы

всё появлялись. С трудом передвигая ноги, я пошел. Мы увидели первый наш самолет, первый наш танк,— вся толпа кричала «ура». Вышли к шоссе где-то на 109 километре. Здесь нужно было ждать распоряжений— куда идти. Топчемся час, два. Я зашел в какую-то, видимо, в панике брошенную казарму,— на столе лежало две-три свеклы, нарезанные на куски. Я съел их с жадностью, обшарил все углы, но больше ничего не нашел. Тут встретил я бойца из моего взвода разведки. Он ничего не знал о судьбе других.

— А где твоя винтовка?

— У меня в бою взял ее Ульянов.

— Разве можно расставаться с винтовкой? Ты ведь теперь — как дезертир!

У него было больше сил, он зашагал вперед быстрее. Мне нужно было в Дорохово, за 25 (?) км. Я стал голосовать на шоссе, но машины летели, не останавливаясь. Вдруг одна пятитонка задержалась. Я взялся за борт, стал на колесо, машина двинулась, и я повис. — «Помогите!» Ноги бились о колесо. Бойцы схватили меня за руки, стали тащить, помяли грудь. Я свалился на дно грузовика — и вдруг почувствовал, что на мне нет нагана: его оттерло о борт. Я завыл, стал бить в кабину шофера, упал и от бессилия заплакал. Это был удар, самый страшный за все окружение. Подъем, который охватил, когда мы ступили на *нашу* землю, какие-то новые силы, последние нервы,— все исчезло. Я брел по Дорохову в полном, глубоком отчаянии. Шел дождь, палатка была натянута на нос, темно. Как узнал меня Корабельников? — «Гершензон!»

Через два дома была редакция «Уничтожим врага». Меня там обласкали, согрели,— Альтман, жена его, Арина,— и наши, наши: Катулин, обросший, с палочкой, слабенький Кушниров, Аргутинская. Все рассказывали, ели, ели картошку с солью, все горевали о полковнике Васенине. Вдруг свалился и он — в деревенском пиджачке, голубой косоворотке и страшной папахе. Он переплывал под обстрелом реку, завернул все регалии в плащ-палатку, ее вырвало у него течением...

В эту ночь мы лежали в пустой, нетопленой сапожной мастерской. У меня была шинель, у Васенина — нет, я слышал — ворочается, ворочается.

— Товарищ полковник, может, ляжем вместе, теплей будет?

— Во, давай, давай.

Мы прижались друг к другу, и так приятно было согревать его своим теплом. Он мне что-то рассказывал — как ночевал в одном доме с немецкими офицерами, как спас его спутник-улоновец своей справкой [5], как он видел — пленные вырыли для себя яму, и в лесу раздались три выстрела... Я был слишком слаб, чтобы слушать. А в мозгу — наган, наган, наган.

Он где-то здесь, полковник Васенин, командует укрепрайоном. Хороший, простой человек. Однажды, заметив у одного бойца грязные руки, он пошел, вымыл ему одну руку и показал перед строем:

— Вот какой он может быть, если будет мыться.

Придешь к нему. — «Ну, садись, пей чай». — «Я пил, товарищ полковник». — «Я тебе командир или не командир?» — óкая, скажет. — «Пей чай, так твою так, когда командир приказывает».

Когда мы вошли в освобожденное Дорохово, я долго искал место, где стояла редакция. И так и не нашел его на пепелище.

[1] Дата указана ошибочно. О совещании см. в письме от 30 сентября 1941 г.

[2] ПНШ-2 — помощник начальника штаба полка по разведке.

[3] О дальнейшей судьбе С. П. Злобина см. ниже, в публикации его записных книжек.

[4] ППС — полевая почтовая станция.
[5] Речь идет о справке, выдававшейся Управлением лагерей особого назначения (УЛОН) заключенным при их освобождении для отправки на фронт.

1 ноября ⟨1941⟩

Лиленька, несколько дней не писал тебе, верно, от безнадежности — все равно ты верно не получила письма, а я наверно не получу ответа. Может, это и не так, но столько я писем послал уже «в никуда», не получив ответа — не по твоей вине, конечно. И вообще, эти дни у меня плохие. Совсем замучила солдатская болезнь — понос. Ноги тоже продолжают сильно болеть, хотя понемножку проходят. Скверно еще, что совсем нет товарищей, все новые люди. На всякий случай надо написать тебе, о чем писал в прошлом письме [1]. Я (и весь полк) попал в окружение, выходили с боем, под жестоким обстрелом. Потом — лесами. Сейчас полка моего нет, и я работаю переводчиком при штабе армии [2]. Это очень коротко, но эти недели — с 4 октября — тяжело легли на плечи. У меня такое чувство, что я старее стал, столько нового опыта прибавилось. Я даже боюсь думать о нашей встрече — я, наверное, покажусь тебе старым-старым. Может, потому, что я не видел еще, что такое победа, но во всех видах видел, что значит поражение, из чего оно складывается. Это очень грустно.

Вот, развел нюни. Сижу на ночном дежурстве, это мое любимое время, а вместо того, чтобы написать путное письмо, скулю.

Ну, прости, Лилюшка, я ведь очень давно вообще не скулил.

Я очень близко от Москвы, но в Москву съездить мне нельзя, не отпустят,— а так хотелось бы! Ведь, наверно, Машенька имела от тебя какие-нибудь вести. Впрочем, может быть, и Маши нет в Москве. Да и просто очень хочется посмотреть, как выглядит сейчас Москва. Говорят, ощерилась вся, замечательно приготовилась к обороне.

Два дня некогда было кончить письмо. Сейчас продолжаю. Сегодня я что-то повеселей: фронт держится хорошо, дороги развезло, это нам на руку.

Целыми днями сижу над немецкими письмами. Лилька, что за страшная вещь — сентиментальные варвары! К вечеру от всех этих «сладких любвей», поцелуев, «пакетиков» с лакомствами, голубков, альбомных стишков, засушенных цветочков, эдельвейсов и прочей дряни — к вечеру просто мыло во рту. Характерная вещь: в целях рекламы к каждому коробку папирос прилагается талончик на премию, с номером. Если собрать несколько полных серий — получаешь в премию «картину». И вот, на фронт идут тысячи «пакетиков» папирос, а обратно — во всех письмах — эти талончики. Груды талончиков,— чтобы дома повесили на стену еще одну дрянь. При внешнем культурном лоске — поражает полная пустота, отсутствие каких бы то ни было мыслей у пишущих. ⟨...⟩

Перед окружением я послал вам сразу, за одну неделю, писем пять со стихами; наверно, все пропали,— попали к немцам, и там какой-нибудь негодяй над ними издевался? Ничего, я такие послал стихи, что ему они не доставили удовольствия, отнюдь. Если получу ответное письмо, перепишу все стихи сразу и пошлю тебе, Лилюшка, на сохранение,— мне жалко будет, если они пропадут у меня. А я уже так привык, что вещи не держатся на войне!.. За одну неделю у меня три раза сменялся и вещевой мешок и все вещи в нем. Но записная книжка была в кармане и сохранилась. Правда, я ничего не записываю и не пишу уже месяц — слишком много было всего, и ничего не выразят записи. Может, уляжется, тогда.

Ну, пишите скорей: Полевая почтовая станция 388, политотдел, мне. Будьте мне здоровеньки, чёртики мои!

Привет Чернякам [3].

Миша

[1] Письмо, о котором упоминает М. А. Гершензон, не было получено адресатом.
[2] При штабе 5 армии.
[3] Яков Захарович *Черняк* (1898—1955) — историк литературы, исследователь жизни и деятельности Герцена и Огарева; Я. З. Черняк и его жена Елизавета Борисовна — друзья семьи Гершензона.

17 ноября ⟨1941 г.⟩

Лиловочка, сидел, писал стихи, не получилось, и вдруг так захотелось к тебе. Я как-то последнее время гоню от себя мысль о вас, создал искусственное равновесие и держусь за него, иначе очень трудно. Ведь у меня уже так давно нет вестей, чувствую себя безнадежно далеко. И как-то уже привык, что писать бессмысленно — как в межпланетное пространство; кажется, почти все равно — отправить тебе письмо или сжечь. Вернее всего, что почта все-таки работает, и я все же на днях получу от тебя письмо,— тогда это чувство пройдет.

В Москву еще не удалось съездить, и когда удастся, не знаю. Меня до сих пор оформляют здесь, уже месяц, а без командировки не поедешь, хотя пути — два часа на машине.

Работа интересная. Опросы пленных — отличная практика, я начал гораздо свободней говорить по-немецки. А главное — после опроса всегда лучше настроение: каждый раз убеждаешься, какая жалкая, тупая, вшивая, обмерзшая армия у Гитлера. Они все, без исключения, мечтают о конце войны, не хотят воевать, не знают, за что воюют. А ведь это — центральное направление! Когда с ними поговоришь — такая полная уверенность, что стоит стукнуть морозам, чтобы они начали партиями сдаваться в плен. Сегодня я опрашивал двоих, которые были контужены, наскочив с машиной на мину, и, хотя отлично могли убежать, предпочли дождаться красноармейцев; и с третьим, который после нескольких слов согласился написать письмо — призыв к товарищам сдаваться в плен. Очень интересно: никто из них не читал ⟨книги⟩ «Моя борьба». И классиков немецкой литературы тоже не знают, даже понаслышке. Всё, что они читали,— это любовные романы, бульварщина.

Понемножку я начинаю писать. Написал два стихотворения, которые пошлю тебе [1]. Показать их, посоветоваться — совершенно не с кем.

Очень тяготит, что я ничего не знаю о судьбе товарищей по полку — кто жив, кто погиб. Особенно тревожно за Стрельченко, мы с ним очень сдружились. Кунин цел, вместе с комиссаром полка поехал в Горький. Я совсем переменил мнение об его жене — она отлично вела себя, приехав на фронт с подарками. Не знаю, вышла ли она из окружения.

Что написать тебе о себе? Я сыт, хорошо питаюсь, тепло одет, даже сплю на кровати, не раздеваясь, конечно, но без сапог. Ноги у меня почти зажили за этот месяц. Сентиментальность у меня вытравлена до основания немецкими письмами, всеми этими «süsse Küsse und Grüsse» *. Так что ты не обижайся, если письма мои стали сухими, как вобла. Я по-прежнему каждый свой шаг проверяю твоей оценкой.

О бое, об окружении я все еще не могу написать ни строчки. И не записываю ничего. А детали, конечно, сотрутся. Но не могу себя заставить, слишком все кровоточит еще. И мне все кажется, что я изменился очень, внутренне, и никогда тебе не буду нужен. Ну, это уж я начал скулить, от одиночества.

Сколько смешного о немецком мещанстве я смогу когда-нибудь тебе рассказать и показать! ⟨...⟩

* «сладкими поцелуями и приветами» (*нем.*).

РЫЖИК

Эта ель стояла на опушке,
Автоматчик на ней куковал,
И пули фашиста-кукушки
Убивали всегда наповал.

На тропинке лежал пулеметчик,
В пулемет уткнувшись лицом.
Рядом — мальчик, кровавый комочек,—
Он, наверно, бежал за бойцом.

К этой ели, мохнатой и грозной,
Подползали мы не дыша.
Он заметил, но было поздно:
Застрочил уже мой ППШ.

И прицел оказался точен:
Автоматчик откуковал;
Быстрой очередью прострочен,
Он свалился, убит наповал.

Щерит зубы в кривом оскале,
Белобрысый, длинный, как жердь.
Мы, конечно, его обыскали.
Тьфу! Собаке — собачья смерть.

И молитвенник здесь и четки,
Алюминевые образки.
Письма — почерк косой и нечеткий,
Сразу видно — женской руки.

Вдруг листки отворила тетрадка,
И упала мне на ладонь
Шелковистых волосиков прядка,—
Детский локон, пушистый огонь.

— Ты мой Рыжик, мой маленький Рыжик,
Я послал бы тебе леденцов,
И красивых, с картинками, книжек
Про бесстрашных советских бойцов.

Твой отец был убийцей. Ну, что же!
Он к тебе не вернется вовек.
Вырастай на него непохожим,
Рыжий маленький Человек!

[1] В этом письме было прислано только одно стихотворение — «Рыжик».

20.12.41

Здравствуйте, мои родненькие! Уже поздно, ночь, все товарищи спят. Я кончил работать, устали глаза разбирать немецкие почерки. Наверно, тысячу писем просмотрел. Мы наступаем, а это значит, что меня заваливает грудами захваченных материалов. Много интересного в письмах. Например, попались сведения о наших пленных в Германии,— очень страшные вещи. В одном письме пишут, что их морят голодом, они питаются полевыми мышами и свеклой; в другом: «К нам пригнали для работы на фабрике русских; это все молодые парни, самому старшему 22 года. Они истощены до того, что ноги у них не толще руки старика». Есть письма о том, что наши пленные вырвались из лагерей (в двух местах) и навели страх на всю округу,— настолько, что немцы *боятся* ездить из села в село!

АВТОМАТЧИКИ ВЕДУТ ОГОНЬ

Фотография. Западный фронт, 1 гвардейская мотострелковая Московская дивизия. Декабрь 1941 г. Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Очень странно читать письма к солдатам французского легиона [1]. Держишь в руках простреленную книжку бойца Испанской интернациональной бригады, карточки, подаренные товарищами по боям за народ, может быть, друзьями Долорес. Какие причины заставили этих негодяев переметнуться в фашистский лагерь? За 12 дней они здесь потеряли 60% состава и бегут к нам в плен. Но в плен сейчас попасть не просто. Зверства, которые немцы творят повсюду здесь в деревнях, приводят к тому, что их перебивают прежде, чем возьмут в плен. А сколько чудесных, иногда смешных случаев! Наши добряки-красноармейцы поймали пленного. Он удирал и потерял шапку. Конвойные видели, что немец очень замерз, и один снял шапку и надел на него. Мой товарищ увидел его и говорит: «Зачем?» — «Да очень он замерз».

Одна группа разведчиков должна была взять «языка». Стукнули его прикладом по голове, немец умер. И в донесении так и написали: «Немец оказался слабый, не выдержал удара прикладом и умер». ⟨...⟩

Писать эти дни не успеваю ничего, меня гипнотизирует не убывающая, но все время сменяющаяся гора писем, журналов, книг, газет. Много попадается беллетристики. Так интересно знать, что читает сейчас Германия,— я всё откладываю книги, но не успеваю почитать.

Ну, вот тебе отчет, Лиловочка. У нас, наверно, начнется теперь кочевой период,— раз части двигаются вперед, мы — следом за ними. Новое недоразумение у меня с деньгами. Меня оформили, но не ввели в кадры; тогда я должен получать по Союзу, а здесь —75 р. в месяц; мне это не улыбается, так как я не верю в аккуратность Союза, да и больше буду получать здесь.

Сегодня задумался — не лучше ли оставаться *не* кадровым,— но потом решил, что когда война кончится, меня отпустят по ходатайству Союза, а пока война — я все равно никуда не уйду. Правильно? ⟨...⟩

[1] Французский легион был сформирован из разного рода деклассированных элементов в 1941 г. ренегатом и предателем Дорио. В декабре того же года направлен на Восточный фронт, где использовался главным образом для полицейских и карательных операций, а также для действий против партизан. В 1944 г., после форсирования советскими войсками р. Березины, французский легион был снят с Восточного фронта.

24.12. ⟨1941 г.⟩

Здравствуй, Лиловочка. Сегодня переехали вперед — на порядочное расстояние: немцы отступают. До чего приятно двигаться не назад, а вперед! 48 дней в этой деревне были немцы, и весь день слушал рассказы взрослых и ребятишек об этом страшном времени, То же, о чем пишут в газетах. Но когда слышишь об этом от переживших, от людей, у которых в избе стояло 32 немца,— все так выпукло, ярко. Сейчас все улеглись, но я засну не скоро, хотя ехали ночью, и я совсем не выспался. Сейчас у меня появится новая работа. Мы получили мощную кричалку, которая кричит на 4—9 км, в зависимости от ветра. Будем кричать немцам непосредственно, без всяких приемников. Нужно будет редактировать передачи и наблюдать за проведением их, подготовлять материал. Это очень интересно. ⟨...⟩

Живем у председателя колхоза. Это рослый мужик, добродушный тамбовец.

— Разов десять,— говорит,— немцы снимали с меня сапоги, никому не гожаются. Так и не подобралось немца по сапогу — № 45, ⟨а мне⟩ и то тесен.

Овечка объягнилась, два ягненочка. Немцы забрали овцу, а ночью она убежала от них, прибежала к ягнятам. Ее бы зарезать, да пожалели — ягнятки останутся. А утром немцы опять пришли, забрали ее.

Вот такие рассказы вертятся в голове; в соседней комнате наши радисты бьются над трофейной машинкой, над которой и я сегодня бился несколько часов. Особенная, писать нужно одним пальцем, весь алфавит — на цилиндрике, который поворачивается то так, то эдак, и прижимается к бумаге.

На столе у меня — выжимки из двух с половиной тысяч писем, которые я просмотрел за неделю, и никак не успеваю обработать, хотя бы для армейской газеты. А много есть хорошего материала. Попадаются листки на папиросной бумаге с осторожной, но острой насмешкой над гитлеровским режимом. Вот рождественское:

«Объявление министерства по празднованию Рождества

1. Иосиф призван в армию.
2. Мария работает сестрой милосердия.
3. Младенец Христос эвакуирован ввиду угрозы воздушного нападения.
4. Волхвам с востока въезд воспрещен.
5. Вифлеемская звезда затмилась.
6. Пастыри отбывают трудовую повинность.
7. Ясли, как и прочие кормушки, переданы национал-социалистической партии.
8. Об ослах вспоминать не разрешается и т. д.

И подписи: Четыре апостола:
Адольф всемогущий,
Геббельс врущий
Гиммлер злющий
Рудольф бегущий». ⟨...⟩

16 января — или 17-е ⟨1942 г.⟩,
как хочешь, — уже поздняя ночь

Просмотрел груду свежих писем, одурел окончательно. А настроение хорошее, очень. И потому, что получил твое письмо, узнал, что ты благополучно вернулась из командировки. И потому, что не сегодня-завтра будет взят Можайск. А может, в эту минуту уже наши части входят в него. Это уменьшает мои шансы съездить в Москву, но я согласен. ⟨...⟩

Третьего дня приезжали сюда Виктор Гусев [1], композитор Блантер, редактор армейской газеты Альтман, Габрилович. Приятно было видеть их. Редактор обрадовал меня: при обсуждении газеты в ПУРе особо отметили маленький отдел фельетонов на фактическом материале, который я веду (бесплатно, конечно) в газете [2]. Меня это очень порадовало. Говорят, бойцам нравятся эти заметки. Очень горько было узнать, что из писателей, которые были со мной, почти никто не вернулся. У меня перед глазами стоит Стрельченко, с которым мы крепко подружились, — запыленный, улыбающийся. Сколько метров окопов и рвов вырыли мы с ним, плечо к плечу! У него была своя манера читать стихи, по-детски растягивая слова. Одно стихотворение он написал обо мне — такое ласковое, как никто обо мне не говорил. ⟨...⟩

У меня последнее время новая нагрузка: у нас, кроме меня, еще три переводчицы, только что кончившие институт. Славные девочки, язык знают гораздо лучше меня, но переводить не умеют совершенно и не понимают простейших вещей. К тому же больше часу подряд не привыкли работать. И мне приходится их дрессировать и делать им проборки за отлынивание от работы, — в общем, целый детский сад.

С звуковой установкой мне все не удается поездить, — слишком много работы здесь, и начальник предпочитает посылать одну из девушек.

Мне досадно, что я считаюсь переводчиком: фактически я веду работу инструктора; все донесения о политико-моральном состоянии противника я пишу сам, ни с кем не советуясь, и они так и идут, с небольшими, не обязательными поправками. А это ведь основная форма нашей работы. Но инструктор должен быть партийным, а то, что меня принимали в кандидаты в ополчении, — это пропало, нужно начинать снова. При первой возможности сделаю это, — я ведь чувствую себя таким давно. ⟨...⟩

[1] Поэт и драматург Виктор Гусев (1909—1944) руководил в это время литературной редакцией Центрального радио.

[2] В газете «Уничтожим врага» М. А. Гершензон вел отдел под названием «В лагере врага» и писал для него небольшие фельетоны с цитатами (из писем и дневников пленных, раненых и убитых немцев), свидетельствовавшими о начинающемся разложении гитлеровской армии.

18.1.42 г.

Здравствуй, Журочка![1]

Сегодня получил твое письмо (без конверта).

Золотко мое, какая ты умница, что часто пишешь! Письма доходят не все, так что нужно писать особенно часто.

Спасибо тебе за адрес Яши[2]. Ты у меня совсем большой и умный.

Очень жаль, что ты не получил марок, — я посылал тебе их по крайней мере в 10 письмах; верно, сейчас это не разрешается. Ну, не беда, вот возьмем Берлин — у нас будет сколько хочешь марок, такие коллекции составим, что только держись!

А немец драпает здорово! Его даже догнать трудно бывает.

Тут был такой случай. Ехал шофер с грузовиком, вдруг на дороге — пять немецких автоматчиков. Он остановил машину, они сложили в нее оружие, побежали, привели еще 20 человек. Кричат шоферу: «Вези! Вези в штаб!» — Шофер, ни жив ни мертв, едет. Боится — как бы его не при-

стрелили, как бы не натворили дел в штабе. Едет, трясется. А немцы просто все сговорились сдаться в плен. Так шофер и привез их в штаб, они из машины выскочили, без оружия, руки кверху. Представляешь, сколько было хохоту? ⟨...⟩

Я много работаю, пишу только для газет, больше ничего не успеваю. ⟨...⟩

Тебя очень крепко целую.

Сегодня, наверно, опять передвинемся вперед — догонять фрицев.

Передай привет всем товарищам.

Крепко, крепко тебя целую.

Твой папка

[1] Письмо адресовано сыну Евгению.

[2] Яков Моисеевич *Ром* — друг семьи Гершензона.

25.1.42 г.

Листик мой, вчера получил от Маши твое письмецо, написанное в конце октября! И все равно, так счастлив был ⟨...⟩

Скоро опять, наверно, будет у меня задержка в получении писем, потому что я хочу менять адрес. Меня окончательно допек мой начальник. Он — неприятный, тяжелый человек, сам подхалим и ему нужны подхалимы. Отношения у нас все время натянутые. Конечно, я слушаюсь точно, по уставу, но мне это надоело. А меня звали в Политуправление фронта; там работа будет, вероятно, и шире, и интересней, а здесь он меня все время толкает в сторону от дела к канцелярщине. ⟨...⟩

Вчера у меня был очень интересный пленный. Поджигатель, оставленный для поджога уцелевших в селе домов. Красивый молодой рабочий, очень спокойно держится, против обыкновения — открытое лицо.

Начинаю допрашивать, и вдруг оказывается, что он всей душой ненавидит фашизм, и Гитлера, и войну. Две недели назад, не желая больше воевать, он сбежал из своей части и, пользуясь тем, что немецкие дивизии в панике бегства перепутались, две недели жил, якобы разыскивая свой полк, хотя отлично знал его расположение. Питался подачками у чужих полевых кухонь. А когда, с чужой ротой, был окружен в одном селе и чужой фельдфебель приказал ему поджечь два дома, он вбежал в дом, полный женщин и детей, и спрятался за ними, в темном уголке. И все выглядывал в окно — ушли ли немцы. А женщины прятали его. Пришли наши, он поставил винтовку в угол и сказал «добре»,— одно из десятка русских слов, которые он знает. Я спросил его, не знает ли он подпольных песен. Знает Эриха Вайнерта и «Красный Веддинг» [1]. Написал мне нечто вроде частушек против Гитлера, Бока и фон Клюге [2],— сочинил их его товарищ. А под конец говорит: «Я и сам попробую написать». — «А ты умеешь писать стихи?» — «Да, иногда я писал матери или моей Mädel» *.

Наверно, сидит сейчас и пишет.

Грица я все еще не видел.

Тут приехал Хаджи Мурат Мугуев, он уверяет, что Стрельченко жив. Я не смею этому верить. Но, может быть, это все-таки так. Я очень счастлив буду, если он уцелел. Тебе он тоже понравится, он особенный, на других непохожий. ⟨...⟩

Будьте мне здоровеньки. Лилька, милая моя, а немцы бегут.

Миша

[1] Эрих *Вайнерт* (1890—1953) — немецкий поэт, коммунист (о нем см. настоящ. том, кн. первая, стр. 545—552). «Красный Веддинг» — название популярной в Германии революционной песни Эриха Вайнерта.

[2] *Бок* и *фон Клюге* — фашистские генералы.

* девушке (*нем.*).

⟨Январь 1942 г.⟩[1]

Лиловочка, здравствуй, родная!

Только что кончил кучу служебной работы, всякие листовки, донесения; как гора с плеч. Может быть, удастся теперь пописать немножко.

Эти дни много работал с одним немцем. Учил его политграмоте и немецкому стихосложению. Такое ощущение бывает только в общении с ребенком: берешь что-то бесформенное и делаешь из него человека. Почти неправдоподобно, какой гигантский путь он прошел за эти две недели Мне жалко будет с ним расстаться, столько я вложил в него. И результат уже есть: он написал несколько хороших, искренних, острых политических стихотворений. А был — фашистский попугайчик. Сегодня хочу писать рассказ о нем — еще один из «Отступления песен»[2].

Ко мне тут друг приезжал, очень хороший еврейский поэт Кушниров. Грязь такая, что чуть ли не черпаешь голенищами, а он сел на лошадку и приехал повидаться за 30 км. Мы не виделись с октября. Ему лет 50, совсем седенький, маленький. Вместо еврейских стихов пишет всю войну передовицы в дивизионной газете[3], создает фронтовой юмор, который сразу становится фольклором,— вроде: «Глуши немца матом и автоматом», или «Русский говорит гут, когда немцы бе—гут». Сидели с ним до поздней ночи, утром я оседлал ему лошадку, и он уехал.

Здесь сейчас Либединский. Мы с ним не были близки, но так оба обрадовались, когда увиделись. Он мне многое рассказал о товарищах. Вильям-Вильмонт, оказывается, спасся, вывел из окружения целую группу. Жига отпустил окладистую бороду и долго партизанил, ходил с револьвером в кармане, с партбилетом, и ни разу его не обыскали, не заподозрили,— так он был похож на мужичка. Удивительней всего, как спаслась артистка театра Революции Енютина[4]. Она была у нас в полку в агитбригаде. Ехали две машины, на одной — агитбригада, на другой — Кушниров с клубом. Вкатили в деревню, агитбригада влипла к немцам, а Кушниров в последнюю минуту свернул в поле; он попал в окружение, но не в плен. Артистов (среди них был и Окаемов[5]) немцы выстроили, велели женщинам выйти вперед. Енютина сказала товарищам: «Зовите меня Ваней», надвинула пилотку на лоб и стала играть роль парня.⟨...⟩При первой возможности она переоделась колхозницей, повязалась платочком и начала играть новую роль. Так она убежала с двумя артистами (Окаемов побоялся и остался у немцев) в Калугу, тогда занятую немцами. У кого-то из них родственник служил в сумасшедшем доме, на окраине. Они там устроились служащими, она — уборщицей. Ее последняя роль была — Мария Стюарт. Сумасшедшие ничего не понимают — и, убирая дом, она целыми днями декламировала роль Стюарт. Потом однажды услышала странное шипенье. Это шли наши лыжники в маскировочных халатах. Она увидела, наконец, тень, кинулась, обняла. «Демаскируешь, дура!». А потом Калуга была взята. Правда, чудесно? ⟨...⟩

[1] Письмо без даты. Месяц определен по почтовому штемпелю на конверте.

[2] «Отступление песен» — так назывался задуманный и частично осуществленный Гершензоном цикл военных рассказов. Они не были опубликованы. В настоящее время хранятся у Л. С. Коган. В письме к ней от 11 мая 1942 г. (не вошедшем в настоящую публикацию) Гершензон писал: «„Отступление песен“ — не значит, что музы молчат, когда грохочут пушки. Наоборот. Но в песнях армия отступает даже тогда, когда Гитлеру еще удается удерживать ее в блиндажах: это — симптом их разложения, нашей победы».

[3] Газета «Доблесть» 8 Краснопресненской дивизии народного ополчения.

[4] Вера Вячеславовна *Енютина* — артистка московского театра Революции с 1934 по 1942 год. В июле 1941 г. вступила в ряды народного ополчения, состояла в агитбригаде 8 Краснопресненской дивизии. В настоящее время работает на радио, в кино.

[5] Александр Иванович *Окаемов* — певец, солист Радиокомитета. Захваченный с группой артистов фашистскими войсками, он стал затем участником подпольной борьбы. В 1943 г. был расстрелян фашистами в г. Кричеве. (См. о нем в ст. М. Яковлева «Песня будет жить» — «Музыкальная жизнь», 1960, № 10, стр. 6—7).

Смерть немецким оккупантам!

УНИЧТОЖИМ ВРАГА

ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

Прочти и передай товарищу

№ 35 (200)
ПЯТНИЦА
7 февраля 1942 г.

ФРИЦУ ГОЛОДНО—ДАДИМ ЕМУ „ГОРЯЧЕНЬКИХ“

ФРИЦУ ХОЛОДНО—ОТОГРЕЕМ ЕГО ОГНЕМ АРТИЛЛЕРИИ

ГОНИ ФАШИСТОВ В ПОЛЕ, БЕЙ, ИСТРЕБЛЯЙ ИХ!

★ ★

АРТИЛЛЕРИСТЫ, ДЕЙСТВУЙТЕ, КАК РАСЧЕТ СЕРЖАНТА КРИПАК

Наступление пехоты должно идти под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки. Тесное содружество пехоты и артиллерии на поле боя — залог победы над врагом.

Артиллерийский огонь необходим в течение всего боя, пока оборона противника не будет взломана на всю глубину. Артиллеристы должны продвигаться в боевых порядках пехоты и громить укрепления врага с открытых позиций прямой наводки.

Утром начался штурм долгов. Рука об руку с пехотинцами действовали артиллеристы. Стреляя прямой наводкой, они громили укрепления врага.

Блестяще действовали в бою наводчик Виноградов, замковый Головин, установщик Кириченко. Несмотря на сильный обстрел врага, они спокойно и хладнокровно работали у орудия, точно выполняя команды командира. Девять прямых попаданий — и огневая дот превратился в груду обломков. Огонь

★

ГЕРОИ-ПАРТИЗАНЫ БЬЮТ ФАШИСТОВ

ГОРНЯКИ ДОНБАССА ДЕЙСТВУЮТ СМЕЛО

Партизанский отряд горняков Донбасса, где командиром тов. Г., совершил налет на немецкий поезд. Советские патриоты уничтожили вагон с обмундированием, цистерну с бензином и несколько платформ с различным военным грузом. Во время налета немцы потеряли убитыми до 10 солдат. Через несколько дней партизаны разгромили штаб противника, а затем уничтожили два вражеских обоза.

Сержант Владимир Ковшкин. Он уничтожил 3 фашистских танка. Когда немчура в страхе выскакивала из горящих машин, сержант хладнокровно расстреливал бандитов.

Фото нашего военкора заместителя политрука Ю. Рохлина.

«УНИЧТОЖИМ ВРАГА»

Газета 5 армии. Западный фронт, 7 февраля 1942 г., № 35

Страница первая, фрагмент

4.2.42

⟨...⟩ Несколько дней не писал, хотя очень хотелось, и сейчас пишу с трудом. Я был в командировке на передовых, и там со мной случилась неприятность: на полном ходу открылся борт грузовика, и меня центробежной силой вышвырнуло, как котенка; как водится, досталось моему длинному носу, он вправился на свое «когдатошнее» (можно так сказать?) место. В общем, сильно ушибся спиной и головой. Кости остались целы, и мозги, кажется, тоже. Рожу покарябал чуть-чуть, уже заросло. А глаз еще болит, но уже видит (представь себе, в прежнем розовом свете). Какая-то требуха еще болит, так что почти весь день лежу. Но сейчас уже всё пустяки. А в первую минуту я испугался здорово — смотрю глазом и ничего не вижу, целых полчаса. Все смеются надо мной, говорят, я теперь могу быть, как раненный, повышен в звании, не дожидаясь срока. В общем, еще два-три дня, и это станет прошлым. А в дивизии, куда я ездил, мне очень было хорошо и интересно. Я ведь не видел передовых периода наступления. Чудесный дух, весело, бодро, спокойно — это главное. Ни криков, ни суетни. Чистая спокойная работа. В первый вечер к начподиву приезжал отдохнуть генерал, командующий дивизией. Я был совершенно очарован им. Он рассказывал о посещении английского генерала Макфарлана.

— Понимаете, Макфарлан все угощает шикарными длинными папиросами, а у меня — махорка! Неудобно все-таки. Вдруг я вспомнил — у меня под подушкой осталось полпачки папирос. Послал за ними, потихоньку мне дают их, я открываю — так и есть, полпачки сохранилось. Угощаю Макфарлана, мы, дескать, не хуже других. А нашу бражку знаете — вмиг расхватали, и опять у меня — одна махорка! Да, что ж это я, рассказывать рассказываю, а вас не угощаю! Закуривайте. А вы там, во втором эшелоне, почему не закуриваете?

Одет в такой же тулуп, как все бойцы на передовой, и знаков никаких не видно. А на голове — танковый шлем, потому что голова у него боль-

шая, не подобралось шапки. Вот он какой, Орлов. Кругом на дорогах — сотни сожженных немецких машин.

Очень хочется написать тебе подробно про жизнь в дивизии,— я пролежал у начподива на его постели полтора суток, а сам он спал на полу. И отчаянно изругал меня, когда я протестовал. Кормили меня гусем, поили водкой, я не знал, куда деваться. Высокий, веселый украинец. Показывал карточки своих ребят. Стук в дверь — боец: «Позвольте минуту погреться?» — А он — так спокойно, медленно: «Разве ж за минутку согреешься? Раздевайся, затопляй печку, вот и согреешься». А в избе полным полно. За бойцом входят еще трое, а потом — две тетки. Разговаривают, разговаривают, а вдруг оказывается, что у них на дворе в санках — дочка с обмороженной ножкой. Как он на них напустится: как это можно допустить, чтобы дочка ногу обморозила? Сам бежит, устраивает дочку в другой комнате на стульях. (Время — часа 2 ночи.) Входит мальчик — писаный красавец, кудри вьются, лет 16—17, толстые, выпяченные губы, голубые глаза. Это, оказывается, новый председатель сельсовета, а самого совета еще нет. — «Граждане не сдают трофейные велосипеды». — Начподив проводит с ним, стоя, часовую беседу — как организовать советскую власть. А сам успевает в это время пять раз спросить хозяйскую дочь, крепкую дивчину, почему у нее зуб выбит (хотя знает уже давно, что это у нее вышла драка с немцем), и приласкать трех одинаковых круглоголовых девчурок, которых хозяйка взяла на воспитание и любит как своих. Ну, а хозяйка в это время рассказывает кому-то, как стояли немцы — все кричат, кричат и война по-ихнему «крик» называется. Ну, в общем, написать сейчас не смогу, глаз устал, а потом — забуду. ⟨...⟩

6.2.42

Здравствуй, Лилюшка! Кажется, будет оказия послать тебе письмецо с самолетом,— попробую.

⟨...⟩ несколько месяцев еще, и я постучусь, и поедем вместе в Москву. Скорей бы, скорей бы! Можайск уже наш, почти весь целый. Еще нажим — и отберем Гжатск; под Вязьмой уже дерется Говоров. Наверно, придется опять увидеть Дорогобуж. Насколько легче, воздушней дорога туда, чем назад! Страшно думать только о жертвах. Многих, многих уже не увидим. ⟨...⟩

Нет, в Ялте нам не бывать в мае,— а свободна она, наверно, будет еще весной. Я очень верю этому. Хочется писать уже последнее время, не стихи, а прозу, хотя еще ничего определенного. Просто, хотя бы для себя записать кое-что. Но ведь совсем не бываешь один, домов-то в деревнях осталось мало, всегда тесно. А дальше и вовсе не придется. Да и работы много.

Сейчас особенно хочется написать об одной маленькой партизанке. Я наверно писал тебе про нее — московская, бухгалтер, беззубая, потому что подралась с братишкой, который в ее отсутствие отбился от рук. Прелесть по простоте геройства. Лет восемнадцати-девятнадцати. На днях я спрашиваю товарища — вышла ли благополучно?

— Твердый оказался человек. Немцы повесили ⟨ее⟩ в Волоколамске.

И она стоит у меня перед глазами — такая, какой я видел ее, когда, придя из лесов, она растирала у печки маленькие измерзшие ноги. Ну да, я вспомнил, я писал тебе, как немцы таскали ее в сарай, но она убежала от них [1].

Листик, Листик, много страшного видишь на войне, но много хорошего тоже. Как бы тебя увидеть хоть на минутку? Очень прошу тебя, пиши мне подробней о своей работе, ведь мне это очень нужно знать. ⟨...⟩

[1] Упоминаемое письмо не было получено.

〈Москва.〉 1.3.42

〈...〉 Звонил в ПУР, просил о переводе на газетную работу; ответили, что мной распоряжается только ПУ фронта. Попробую обратиться к ним; важно перейти на такую работу, где меньше напрягалось бы зрение.

〈...〉 Оказывается, я очень устал оттого, что никогда не бываю один, всё на людях. Сегодня у меня впереди еще длинный вечер, в тепле, при свете, в чистоте. Один! Можно думать, записывать кое-что в записную книжку, просто отдыхать, опять и опять вспоминать тебя, о тебе. Стихов писать не буду, может, почитаю немножко сонеты Бехера, которые купил сегодня: после стольких груд немецкой дряни почитать хорошие стихи.

Мне очень дорог сегодняшний вечер, наверно, последний, ведь больше в Москву не поеду до конца войны. 〈...〉

28.3.42

Лилюшка, сейчас — закат, небо, как яркая медь, тихо стоят черные ели. Снег, почерневший было, опять свеж. Я почти не выхожу, меня слепит сейчас красота природы, и еще тяжелее слышать далекий гул орудий. За окном все время идут, идут. Мне нужно на фронт, туда, куда они идут, но никак не вырвусь, и чувствую себя, как в клетке. Нужно работать все время, чтобы ни о чем не думать, а глаз начинает болеть после часадвух работы; толчешься без толку, каждый раз опять берешься за дело и через четверть часа бросаешь его. Я подал снова рапорт, но начальник не хочет посылать его дальше, и я ничего не могу сделать. А мне непременно нужно видеть наших людей в бою. Фрицы мне надоели донельзя. И не о них же я буду писать после войны. 〈...〉

Не знаю, отчего не пишется. Оттого, что кругом все время люди, и ребятишки, и начальник, которому срочно нужно найти какую-то бумажку (он забудет о ней, как только ему ее дашь); или оттого, что просто устал. Не знаю,— ведь работалось же хорошо недельку. А написать хочется о многом. Об ополчении, о *личном* счете фашизму, который может предъявить каждый из нас. У меня в счет должны войти товарищи, которых я полюбил,— маленький Гурштейн, и бестолковый Кандыба, и бесконечно дорогой мне Стрельченко. Я о нем думаю каждый день. И разлука с тобой тоже должна войти в счет: каждая минута с тобой, которая отнята у меня. Все должно быть вперемешку, но не дается. Вообще так чувствуешь, что тебе не обнять огромности всех событий, всех несчастий, всего геройства, что опускаются руки. И так не хватает твоей руки, твоего одобрения. Меня перебили, и я пишу при коптилке, уже устали глаза, нужно бросать. Письма от тебя нет опять сегодня, последнее было от 10.2.

Вот, поскулил, и сразу мне принесли письмо — от 13.3. Всегда так буду делать. Выкупался, это задумано было еще с утра; теперь глубокая ночь, все давно спят. 〈...〉

Писать — да, очень надо писать, надо зло, надо так писать, как дерутся наши. В одной роте убило командира, потом комиссара. Рядовой боец, казах, решил принять командование,— в эту минуту осколком мины ему оторвало руку, левую у плеча. Он взял ее за кисть правой рукой, поднял над головой, как знамя, и крикнул: «За мной, принимаю командование ротой!» Один комиссар был трижды ранен, ослаб; он велел двум бойцам поднять его и нести впереди,— они *его* несли, как знамя, и ворвались в деревню. Тогда он сказал: «Я обманул старушку смерть на пять часов, ровно на столько, сколько было нужно, чтобы взять деревню». И умер. Вот так нужно писать. А начинаешь — все кажется мелким по сравнению с событиями, с людьми. И мало видишь наших людей, всё фрицы, да фрицы. Ничего, злоба копится, она никуда не денется, она прорвется. В армейской газете я пишу постоянно, и говорят, что бойцы

любят мои фельетоны. Литературно это всё — пустяки. Я *должен* брать глубже. ⟨...⟩

Далеко где-то утюжит немцев наша любимая «Катюша» — Сталинский орга̀н, как зовут ее немцы. Такое чувство, что еще одна союзная держава, раза в три больше Англии. ⟨...⟩

8.4.42

Здравствуй, Лиловочка. Вчера у меня какой день был хороший! Пришло твое письмо с Юрашкиной запиской, что за славный мальчуган! И Юрашкино письмецо и Журкино. И еще пришел Гриц, они переехали и живут теперь в полутора километрах; я отпросился, пошел к нему ночевать. Жена его работает там же в газете, машинисткой, кажется, живут они очень дружно. У них чисто, электричество, только двое в комнате. В общем, словно попал в мирное время. Странно видеть, как у людей подшит пододеяльник, на столе — Блок. Все-таки, иначе живут в газете. У нас — трое работников политотдела, хозяйка и пятеро детей в одной комнате, вечная грязь. Ну, всё надеемся, что скоро двинемся вперед. Ох, как надоело топтаться на месте! ⟨...⟩

Я последние дни занимался совершенно неожиданной для меня работой. Наблюдения над тем, как немецкие солдаты переделывают старые песни на новый лад, толкнули и меня в эту сторону; я попробовал, и получилось. Пять-шесть песен я переделал, даже написал по-немецки два стихотворения; у меня есть ручной фриц, с которым я могу советоваться в отношении языка, и хотя он, как и все они (почти все) гад, но ради шкуры он готов делать что угодно и делает все с педантичной добросовестностью. Наверно, песни будут печататься в нашей «Вархайт» — «Правде» на немецком языке [1]. Вот будет смешно!

Сегодня хочу приняться за рассказ — за два рассказа, которые давно уже вертятся в голове. Рассказать один? Наш партизан убегает от немцев из плена. Он знает, где расположена база, и несколько дней ждет в лесу, чтобы началась метель — боится следами выдать путь к базе. В эти дни он находит в лесу заблудившегося, замерзшего немца, который мечтает сдаться в плен. Вместе с ним приходит на базу. Там — одни только медовые пряники, несколько мешков. Они живут там месяц. Наш все время очень боится прихода немцев, он знает, что территория в их руках. И немец боится не меньше его. Через месяц приходят на базу партизаны. Оказывается, уже три недели район освобожден от немцев. А те всё варили суп из медовых пряников [2]. ⟨...⟩

[1] Политуправление Западного фронта с лета 1941 г. издавало для солдат противника газету на немецком языке «Wahrheit» («Правда»). В письме от 18 апреля 1942 г. (не вошедшем в настоящую публикацию) Гершензон писал: «Еще сегодня пришел номер „Правды“ на немецком языке с моей обработкой старинной солдатской песни. Я горжусь — и важничаю, да, да. Подписано: „Написано немецким солдатом“. Может быть, эту песню действительно будут петь где-нибудь в немецком блиндаже; это стоит удачного выстрела».

[2] Рассказ этот не сохранился и неизвестно, был ли он написан.

3 мая ⟨1942 г.⟩

Листочек, светлячок мой, пишу тебе из командировки. Наконец, вырвался, уже пять дней хожу по дивизиям. Грязища такая, что вчера утопил один сапог, еле-еле мы с товарищем руками разрыли грязь и вытащили его. Машине не пройти, всё пешком, когда 10, когда 30 км в день. А до чего приятно! Такая знакомая и уже родная жизнь в землянках, будто вернулся домой. Идет обстрел, но не сильный, изредка провоет мина. Все ждут наступления, нашего, конечно, всем не терпится. Все уверены, что до победы недалеко. Двое суток провел с разведчиками — ну, точно это те же ребята, с которыми я был во взводе разведки в опол-

ПАРАШЮТИСТЫ-ДЕСАНТНИКИ ВЕДУТ БОЙ

Фотография. Западный фронт, февраль 1942 г.

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

чении. Но как они возмужали, их опалило огнем, в каких только переплетах они ни были! А рассказов, рассказов! Я с ними беседовал о состоянии противника и организовал изучение минимума немецких слов и лозунгов; потом читал им сказки и стихи, они были очень рады. И беседа, которой я боялся, прошла хорошо, много смеялись, получилась такая бодрая зарядка. Они мне рассказывали о себе, о товарищах. Чудесная фигура — украинец Петренко, востроносый, веселый и злой. У него еще пять братьев в армии — два кавалериста, один — артиллерист, один — связист, один — он не знает кто; а сам — командир взвода разведки. Простой случай — нужно было перерезать в одном месте проволочные заграждения, но мешал огонь. Петренко привязал к заграждениям проволоку и из укрытия дергал, дергал. А немцы сейчас же — из минометов по этому месту. Так он их дурачил часа два, а тем временем его бойцы перерезали проволоку в другом месте и прошли. Рассказ простой, но при этом — милый, лукавый и простой украинский язык — прелесть. Спали с ним вместе, думал, проведу с ним еще вечер, но все мои слушатели получили задание, построились и ушли. Много ли я видел их, а всё думаешь: все ли вернулись, это уже — товарищи, и очень близкие. Меня они называют сейчас очень почтительно — товарищ майор, или батальонный комиссар; так чудно́, никак не могу привыкнуть.

Весна, весна, Лилюшка, а Ялта так далеко — и назад поглядишь — далеко, и вперед — далеко. Леса прорваны снарядами, изуродованы пилой. Блиндаж в пять накатов — это 80—100 деревьев. А сколько таких блиндажей построили мы и немцы. А сколько километров дорог застелено бревнами — одно к одному, вплотную. Всюду лежат лошадиные ноги — мертвые кости с подковами. Самих лошадей давно съели — парны́ми еще. Прилетают бабочки-лимонницы, садятся на эти обломки — это весна.

По реке идет рыбешка, ее глушат гранатами — это весна. Поглядишь на раковины на дне, глаз непременно наткнется на пустую гильзу, нашу или немецкую,— это весна. Только что здесь в доме была радость — вернулся кот, единственная скотинка,— он убежал, когда хозяева не жили в доме, убежал от немцев, а теперь вернулся, гладкий, блестящий, тяжелый от падали,— узнал своих и вернулся — это весна. Мина падает в лесу, или снаряд разбивает муравейник, он спал еще, но проснулся раньше времени, потому что половина его вылетела прочь. И муравьи бегают, суетятся — это весна. У разведчиков подсочены березы, под надрезом вбита железка — обойма, они в любое время притащат фляжку густого, прозрачного, как кристалл, сока. Он уже не сладкий, но пахнет весной. Про все это хочется в стихах, но не дается. Будет время, еще напишу. ⟨...⟩

8 мая

Лиловочка, некогда было кончить. Вчера пришел «домой», прошел по грязище 35 км, но уже совсем отдохнул. Сейчас идет почта, спешу отправить письмо. Много видел интересного, волнующего. Мне это нужно каждый день. По-видимому, мне теперь вообще дадут возможность ездить. Бесед провел в частях много, мне это было неожиданно легко, слушали весело и с интересом. ⟨...⟩

2 июня ⟨1942 г.⟩

Здравствуй, Лиловочка. Опять катаюсь — с одной попутной машины на другую; всякий раз старательно проверяю, как закрыты борта. Даже в одной части приходится ездить — расстояния большие. Очень приятно опять попадать в те части, где уже был, где отряды моих учеников ежедневно кричат немцам; ребята всегда рады мне, я — им.

В одной части наткнулся на замечательный образец незаметного, скромного геройства. Дело было в ноябре. Боевое охранение в 55 человек должно было возможно дольше охранять лесок, никоим образом не пропускать немцев. Народ все был сырой, с Алтая. Комроты — с ним я беседовал — худенький, болезненный человек,— показал им, где отрыть окопы, блиндажи, и ушел только, когда все было готово: «Как же мы будем стрелять из пулеметов, мы ведь не умеем, товарищ командир!» — Он им показал. Двое было там связистов — Юрьев, сибирский охотник на медведей, и Антонов — тихий парнишка, очень молодой, совсем мальчик,— от него я во всех подробностях узнал эту историю. Всех других почти не помнят, только списки есть с «демографическими данными»: они прибыли 8 ноября, а 16 ноября началось дело.

Первых двух немцев убил Юрьев, когда ходил в лес за хворостом. Потом пошел на охранение взвод ⟨немцев⟩, они подпустили его близко и уложили. Потом пошла рота — они перебили роту. К этому времени комроты пришел к ним.

— Ну, что ж,— говорит,— не плохо стреляете из пулеметов, а?

У них оставалось уже 37 человек, комроты составил список, который я и видел, троих убитых и всех раненых отвезли назад. Они остались воевать. Немцы шли и шли; потом подвели три танка и орудие. Они бились, пока не осталось в живых трое: Антонов, Юрьев и командир взвода Ершов. У них иссякли патроны, оставалось семь гранат. Восьмая была забыта на крыше блиндажа. Юрьев доставал ее, ему пробило руку. Побросали все гранаты, решили прикинуться мертвыми. Легли ничком где попало в одном блиндаже. Антонов незадолго до этого отключил аппарат: он до этого все время корректировал стрельбу наших минометов по блиндажу, немцев там набито было очень много.

И вот, немцы пошли лазить в блиндаж, обшаривать трупы, мародерствовать. Антонов вспоминает, что у входа в блиндаж на сосне висел

противогаз — ни один немец не прошел мимо, не слазив в него. Один из вошедших подошел к Юрьеву и выстрелил ему в голову. Он умер, не издав ни звука. Другой выстрелил в ноги Ершову — разрывная пуля прошла через обе ноги, но Ершов не пикнул, он лежал, как мертвый. И они ушли. Перевязать Ершова Антонов не мог, потому что немцы, нет-нет, заходили в блиндаж. Когда смерклось, перевязал его и стянул ему ноги повыше ран кабелем, чтобы остановить кровь. Немцы зажгли два костра в 10—15 метрах. Антонов с Ершовым договорились: Антонов пройдет к нашим, приведет отряд, отряд выручит Ершова: он не мог ходить.

Антонов взял винтовку, телефонный аппарат, катушку с остатками кабеля и пополз. Мимо костра прополз благополучно, дальше нарвался на немецкого часового, ушел от него. Пытался еще собрать кабель, но он весь был изорван танками в клочья. И вышел — единственный из 37! За Ершовым повел отряд другой — отчаянный парень, который совершенно обворожил меня. Среднего роста, коренастый татарин с очень медленно и бесконечно широко расцветающей улыбкой, — педагог-исследователь, который от работы с школьниками перешел на изучение дошкольников, потому что его заинтересовала психология развития детской речи от лепета до речи. Сейчас он — политрук роты автоматчиков. Он работал в Астрахани, в детском комбинате рыбкомбината, доказывал, что если мать «лепечет» с ребенком по-детски, у ребенка речь развивается на три месяца раньше: ласковая теория милого парня, который всюду нашел бы подтверждение для *любой* своей гипотезы. Знает имя, работы Пьяже [1], над которым работала Шабад [2]. И статьи Шабад тоже знает.

Парень 16-го напугал боевое охранение, пойдя в разведку по соседству; тогда с 6 бойцами он столкнулся с 40 немцами, принял бой, большую часть перебил и взял в плен офицера, а вернулся без потерь.

Теперь он пошел добывать Ершова. Всюду натыкался на сильные отряды, на бой,— так и не удалось пробиться к Ершову. Вот и вся история. И никто из них не награжден — ни этот политрук, Курамышев, ни Антонов.

Меня очень взволновало это дело. Во что бы то ни стало добьюсь награждения для Антонова. Я с ним беседовал часа четыре, записал многое, а «историю» записал он сам, я читал ее с комроты, который внес несколько поправок. Хочется написать об этом книжечку, а нет — пригодится когда-нибудь. ⟨...⟩

У нас большая удача на участке. Немцы ходили в атаку, их пропустили, отрезали и смешали в грязь, в кашу — больше 1800; взяли десяток пленных, вероятно, и материалы, но я — не дома, и мне не приведется, очевидно, ни допрашивать, ни читать материалы. А пленные нужны нам были позарез. И вся армия сразу повеселела. ⟨...⟩

Будьте мне здоровенькие, война скоро кончится, дела идут на лад. Крепко, крепко.

Миша

[1] Жан *Пьяже* (Piaget) — швейцарский психолог, занимавшийся изучением языка и мышления детей. На русском языке была издана его книга «Речь и мышление ребенка» (М.—Л., 1932).

[2] Елизавета Юльевна *Шабад* (1878—1943) — советский педагог, автор ряда книг и статей по вопросам дошкольного воспитания и детской литературы.

5 июня ⟨1942 г.⟩

Здравствуй, черноглазая моя. Опять я брожу по частям и не знаю, когда вернусь «домой». А «дом» — это место, где ждет твое письмо,— я уверен, что ждет.

Напряженно занимаюсь с группой в 25 человек, подучил их, и вчера в 10 вечера и сегодня в 4 утра мы выступали на разных участках. Совсем

особое чувство бодрости, сделанной нужной работы, опасности. А люди — такие разные, в большинстве — хорошие. Здесь ведь не видно, как человек проявляет себя в мелких личных делах. Гораздо виднее черта, которая есть у большей части,— примиренность с возможностью или даже с неизбежностью гибели в борьбе за свое, родное.

Вот маленький политрук Калитин, который вел нас на участок. Восторженный украинец, любитель природы. «Разве только птицы не понимают, что война,— заливаются песнями? Я вот тоже не понимаю, что война. Смотрю на этот лес, на это небо и не понимаю, что война. А пролетит снаряд — тогда вспоминаю — да, ведь война!»

Он идет, прихлопывая комаров на бритой голове, и вдруг проникновенным голосом говорит:

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...

— А как наши бойцы вспоминают жизнь дома, до войны,— продолжает он свою мысль.— Сколько художественности вкладывают в эти воспоминания!

Начали заниматься в лесу, но нас захватил ливень и град. Мокрые до нитки, добились разрешения прожить три дня в избе,— это непорядок, в деревнях не следует сейчас жить. Один из бойцов вошел в дом, сразу взглянул на стену: «Что, часы не идут?» Снял ходики, поковырялся, починил. «Все-таки, будет обо мне память». Так по-хозяйски, по-свойски.

Хозяева долго обрабатывают крапиву, мох, подбавляют муки и пекут хлеб. Ничего, довольно вкусный.

Одного из учеников, который лучше других читает по-немецки, я вчера выгнал с позором за грязную винтовку. Показал всем: ржавая, ствол забит. Он начал оправдываться, я скомандовал: кругом — марш, как настоящий командир. Сегодня у всех винтовочки блестят, как стеклышко.

Выступали вчера без всякого прикрытия, нас предупредили, чтобы мы долго не возились, наверно, откроют огонь. Нас подвели к лесному завалу, в 75—100 м от немцев. Слышны были, неясно, их разговоры. А наш крик мы проверяли — совершенно отчетливо на 250 м. Я расставил ребят, прокричал первый лозунг, потом все — хором, так несколько лозунгов. Была полная тишина. Я отправил всех моих крикунов и остался с одним, знающим местность, чтобы в случае налета не наскочить на минное поле. Прочитал еще два длинных лозунга; кричал так, что запершило в горле, кашель стал мешать. Пришлось, дочитав лозунг, прекратить. Парень мой выкрикнул еще один, и мы пошли. В это время началась трескотня. Пока мы дошли метров 150 до землянки, полетели трассирующие пули, разрывные зашлепались о деревья; немцы выбросили, наверно, вагон мин и снарядов. А тут и наши открыли ураганный огонь, и концерт тянулся до утра. Я спал отлично, хотя в землянке текло отовсюду. В три разбудил Калитина: пора выступать. Он спросонок говорит: наверно ничего не выйдет, стрельба будет. Я говорю — попробуем. Пока дошли до нового участка, все стихло. Тут было куда скрыться в случае обстрела. Читали долго, до хрипоты — и ни одного выстрела! И такие веселые все плелись домой, за 10 км. Днем я прилег, но никак не мог заснуть, очень злит меня это. Сейчас устроил «выпуск», всем выдал справки о прохождении курсов, и подарки — книжку и два конверта с бумагой. Все очень довольны. Я, как водится, сказал «речь», ребята очень благодарили и за науку, и за то, что я им давал отдохнуть, поспать. А через полчаса с новой группой едем на новый участок. Опять будем выступать вечером и утром[1]. ⟨...⟩

[1] Пропаганде среди войск противника посвящен также рассказ Гершензона «Концерт», публикуемый далее.

«ТРАССА НА ФРОНТ»
Рисунок В. И. Курдова (итал. карандаш), 1943
Третьяковская галерея, Москва

6 июня

Еще два выступления, Листик. И оба удачные. Ночью мы были у нового завала, в 75 м; немцы били по самолетам, безуспешно, но такого моря огня я не видел. Это — фейерверк, во всех направлениях в небе— неподвижно повисшие на мгновение, извивающиеся и прямые ожерелья, цепочки трассирующих, разноцветных пуль. На минутку мне стало страшно, когда я подумал, что сейчас вся эта масса пулеметов, автоматов вместо вертикального начнет бить в горизонтальном направлении. Ведь завал —не защита. Рядом был в запасе блиндаж. Но читать нужно было «голым».

Я тщательно всех расставил, разучил даже отход. Потом начал — и всякая стрельба прекратилась: немцы слушали. Ребята были совершенно счастливы, читали очень хорошо.

В четыре утра мы были уже на новом месте. Тоже 75 м, хорошее прикрытие. Но бойцам хотелось кричать из-за разбитого танка, в 30 м. Я оставил их в укрытии и с одним бойцом пробрался к этому танку. Выступать здесь было нелепо: с трех сторон — в 30—40 м немцы (их не видно, они — в опушке леска), а от нашего блиндажа нельзя даже увидеть, что здесь происходит. Несколько минут я постоял, примеряясь, вынув револьвер из кобуры; у бойца был автомат. Необходимости кричать отсюда не было — за 75 м должно было быть слышно, как в комнате.

Мы вернулись, и я специально предупредил, чтобы никаких концертов из-за танка не допускалось. Вперемежку с хором я читал 20 минут в рупор, как и все,— ни одного выстрела. Было такое чувство, что здесь можно читать хоть целую газету. Но я боялся перетянуть ниточку. Когда мы отошли уже порядочно, нас догнало несколько пулеметных очередей; но мы вовремя успели упасть, иначе многим испортило бы ноги — пули шли веером на высоте в полметра.

Устал я отчаянно, две ночи почти не спал и много таскался по лесу. Зато все удалось отлично. Мои ученики расхватали рупора, ни за что

нельзя было у них отобрать их. Конечно, они будут кричать при всяком удобном случае.

Сегодня я высплюсь, а завтра перейду в другую часть, сколачивать новые группы. ⟨...⟩

Из записной книжки

КОНЦЕРТ

— Я живу в самом центре Кобулети. Так ты знаешь Кобулети? Неужели, правда, знаешь? Живы будем, приедешь,— кого хочешь, спроси — Сарджеваладзе, экспедитор,— меня в Кобулети каждый знает. Приезжай, гостем будешь. Жена есть? С женой приезжай. Детки есть? С детьми приезжай. У нас в Грузии обычай такой,— кто встретился далеко, потом домой приедет,— самый дорогой гость будет. Неделю живи, месяц живи, сколько хочешь живи, рады будем. Ты хачапури кушал? У нас, когда гость приедет, обязательно хачапури делают. Тесто такое тонкое раскатывают, самая белая мука. Потом сыр, тонкий слой кладут, потом опять тесто, как газета, тонкое, потом опять сыр. И масла много, и не всякий сыр годится. Самый мягкий, только самый мягкий годится. А кефаль кушал, знаешь, что такое кефаль? Ее тоже по-разному можно сделать. С толченым орехом, с лимончиком. Ца-ца-ца, хорошо мы до войны жили. В самом центре Кобулети...

Я не мог сердиться на своего ученика — такой он был милый и открытый, сержант Сарджеваладзе — весь, как на ладошке. Глаза горели у него черным огнем, даже в темноте, сверкали белизной зубы. Невысокого роста, плотный, он был похож на француза больше, чем на грузина: типичный французский «пуалю» *,— особенно, когда он снимал надвинутую на глаза меховую ушанку. Автомат неподвижно, привычно висел у него за спиной, а в руке он держал жестяной рупор,— таких изготовили мы много, чтобы устраивать «концерты» немцам.

Три дня с утра до вечера я разучивал с нашими бойцами немецкие лозунги. Кое-кто из ребят,— те, что недавно окончили школу,— знали латинский алфавит, читали немножко по-немецки. Другие записывали немецкие слова русскими буквами. Нелегко было научить ребят правильному произношению. Для русских камнем преткновения был звук «h», одни говорили «гэндэ гох», другие — «хэндэ хох».

— Нет, не так,— поправлял я.— Говорите с придыханием, как украинцы говорят: Гаврила, Господи.

Украинцу Панченко никак не давалось слово «гэфангэн», у него все получалось «гехванген».

Сотни раз уже мы повторили лозунги,— и поодиночке, и хором,— и дело пошло на лад. В это время появился Сарджеваладзе. Он только что вернулся из разведки и не виноват был в том, что опоздал.

— Латинский алфавит ты знаешь?

— Не знаю. Я по-грузински могу хорошо писать, я среднюю школу в Батуми окончил.

Что мне было с ним делать? Три дня — небольшой срок, а много часов уже утекло; нельзя было ради одного человека задерживать всю группу. Наскоро я продиктовал сержанту немецкий текст и даже не мог

---

* Poilu — солдат (*франц.*); слово, вошедшее в обиход в годы первой мировой войны.

проверить, правильно ли записывает он произношение слов. Два-три раза он прочитал мне лозунг,— ни один немец не понял бы, что это немецкая фраза. Я махнул на Сарджеваладзе рукой и вернулся к работе с группой.

Занятия мы проводили в лесу, и занятия эти не похожи были на классные. Мне нужно было научить моих учеников не читать, не говорить, а кричать по-немецки,— чтобы враг слышал отчетливо каждое слово там, за колючей проволокой, в своих блиндажах. Я встал на пенек и протянул руку в сторону просеки.

— Разомкнуться на десять метров один от другого. Бегом — марш!

— Громче, громче, громче,— я только и делал, что кричал: громче! Издалека, за сотню метров, я услышал голос Панченко: «гехванген».

— Не гехванген, а гэфангэн! — прокричал я, так что даже запершило в горле.

— Гехванген — долетело в ответ.

— Отставить!

— Гехванген!

— Отставить!

— Гэфангэн!

Наконец-то! Я отер пот со лба.

Тихие, чуть слышные звуки донеслись из глубины леса. Я знал, это — Селим Галиев, робкий татарин, который словно стеснялся набрать полную грудь воздуха и все бормотал под нос, едва шевеля тонкими губами.

— Громче! Еще громче! Еще! Отставить! Сначала! Вот так. Теперь давайте все хором. Раз, два, три!

Нестройно, перебивая друг друга, то вырываясь вперед, то отставая, раздались голоса:

«Если немецкие солдаты и офицеры...» Слово «офицеры» наползло на слово «солдаты».

— Отставить! Сначала. Раз, два, три. Больше паузы. Отставить. Ко мне — бегом марш!

Я стягивал группу и снова разбрасывал ее по лесу, на разные дистанции; почти все затвердили уже лозунг накрепко и повторяли его без бумажки. Я шлифовал произношение, то с каждым в отдельности, то со всем моим хором. С рупорами и без рупоров. Молча, не спуская с меня глаз, сидел, прислонившись спиной к пеньку, сержант Сарджеваладзе и беззвучно шевелил губами.

— Взять рупора. Рассыпаться по лесу, замаскироваться. Приготовиться. Начали! Раз, два, три!

Все исчезли — ни души кругом. Только березки, играющие на солнце свежими листочками, только прямые, строгие ели. Отчетливо, оглушительно громко, все в унисон, полетели из чащи слова невидимых крикунов: «Если немецкие солдаты и офицеры сдаются...»

— Хорошо, совершенно хорошо. А ну-ка, еще, на пятьдесят метров дальше!

Пока группа расходилась по лесу, я подошел к сержанту и заглянул в незнакомые мне узорные буквы.

— Ну-ка, прочитай.

Он оглушил меня,— я не ожидал, что у него может быть такой сильный голос. Но, боже мой, что он делал с ударениями! Он выделял ударные гласные и выкрикивал их как-то отдельно, нараспев,— с таким жаром, с такой страстью, будто каждым звуком убивал врага. Я не хотел его обидеть и сказал осторожно:

— Ударения правильные, на тех слогах, на которых нужно. Помни только, немцы не говорят так, нараспев, постарайся читать ровнее, вот так.

И я два-три раза повторил ему фразу, окончательно потеряв надежду, что когда-нибудь его речь будет понятна для немца.

Между тем группа уже рассредоточилась глубже в лесу, нужно было продолжать занятия. Даже в перерывах я не имел возможности поработать с сержантом. И все время, даже повернувшись к нему спиной, я чувствовал на себе взгляд его блестящих, мечтательных глаз. Селим Галиев преодолел свою робость, и голос его зазвучал громко и уверенно. Панченко перестал сбиваться на слове «гэфангэн». Сибиряк Долгих, охотник на медведей, запомнил, наконец, что по-немецки нужно говорить не «солдатэн», а «зольдатэн», и не «офицэри», а «официрэ».

За первым лозунгом мы разучили второй и третий.

— Неужели только два дня прошло с тех пор, как мы начали заниматься? — думал я, слушая, как из-за речки с опушки леса гремят рупора, отчеканивая каждое слово.

Сарджеваладзе не ходил за речку, мне показалось, что он и сам убедился в бесплодности своих усилий. Нужно было направить его обратно, в его роту, но мне жаль было его огорчить. Я ждал, что он сам подойдет ко мне и скажет об этом.

На третий день утром я сказал моему хору:

— Ну, сегодня вечером мы устроим для немцев концерт. А сейчас начнем испытания. Пойдет агитировать немцев только тот, кто сдаст все три лозунга на «отлично».

Один за другим вставали с места бойцы и без запинки, не глядя в тетрадки, читали лозунг за лозунгом. «Хорошо» получили только двое,— остальным, с чистой совестью, я мог поставить «отлично».

Сержант Сарджеваладзе по-прежнему сидел у своего пенька и молчал. Я упустил минуту, когда к нему подсел Селим Галиев. Вдруг Селим своим обычным, робким голосом сказал:

— Сарджеваладзе обижается, что вы его не спрашиваете.

Это было так неожиданно, что я оторопел.

— Ну, ну, давай, товарищ Сарджеваладзе! — обрадованно воскликнул я.

Не изменивши позы, только сняв свой неразлучный автомат с плеча, сержант отчетливо повторил все три лозунга.

— Повтори, пожалуйста, с рупором.

Он взял рупор, встал и начал кричать. Это были немецкие слова, чистые немецкие интонации. Я слушал и не верил себе: это было похоже на чудо. Ни резких выкриков, ни распева. Ясная, правильная немецкая речь! Я подошел и пожал сержанту руку.

— Спасибо, видно, ты поработал хорошенько. А я ведь думал, у тебя ничего не получится. Кто же помог тебе?

— Сам помог, Селим Галиев тоже помог.

Зубы его опять засверкали, в глазах улыбнулась радость.

— Так можно мне будет пойти, немцу кричать?

— Как же! Непременно, непременно пойдем. Ай, молодец!

— А где выступать будем? — спросил Сарджеваладзе.

— Где-нибудь на участке второго батальона, он всего ближе к немцам.

После обеда я дал ребятам поспать час-другой.

Потом подошел, растолкал Панченко. Он привстал, продирая глаза.

— Что, уже идти?

— Нет еще. Ну-ка, второй лозунг...

Он повторил его без запинки.

— Теперь я уверен в тебе. Раз спросонок не забыл, и на передовой не забудешь.

ОБРАЩЕНИЕ К СОЛДАТАМ ПРОТИВНИКА
Передача из окопов боевого охранения
Фотография Н. Аснина, июнь 1942 г.
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Панченко крикнул в рупор и разбудил всех остальных. Я посчитал свою группу — отличников, которые должны были выступать на «концерте».

— А где же Сарджеваладзе?

Его нигде не было, никто не видел, как он ушел.

— Наверно, ушел к себе в роту,— сказал кто-то.— У него там путаница получилась с продовольственным аттестатом.

Я послал к нему в часть связного, но дождаться его возвращения не смог — нужно было поспеть на место засветло и выступать не позже девяти часов, когда атмосфера особенно тиха и звуки разносятся далеко. А до второго батальона, где нам приказано было выступить, было не близко. К тому же следовало побеседовать еще с командиром батальона, наметить наиболее выгодный участок и кое-что предпринять, чтобы ответить ураганным огнем, если немцы попытаются накрыть нас своими минометами.

Мы сели в грузовую машину и покатили по шоссе.

— Куда же мог деться Сарджеваладзе? Ведь он знал, что сегодня выступление! И что там такое у него с аттестатом?

Несколько раз я вспомнил о нем дорогой, потом все лишнее вылетело из головы — нужно было как можно лучше обеспечить операцию.

Командир батальона был уже предупрежден. Это был украинец огромного роста — даже наш медвежатник Долгих был ему по плечо.

— А, крикуны прийшлы! — добродушно сказал он.— Ну, сидайте, хлопцы.

Он взял у Селима рупор, приложил его к губам и гаркнул:

— Га! Алло, фрицы, капут!

Потом развернул карту и стал объяснять, где нам лучше устроить «концерт».

— Вот тут, бачите, стоит у меня третья рота. Она к немцам наиблизче. Яких-нибудь сотня метров. Тут лес идет, такой цицькою, это будет роща «Сапог». В этой, значит, опушечке — мы, а напротив — немец. Тут вот он, гадюка, сидит.

При этих словах он провел ногтем большого пальца по карте с таким отвращением, будто давил клопа.

— Так вам нужно держаться восточнее этого «Сапога». А налево — нияк не можно. Там же он, сукин сын, так и порет, так и порет с пулемета. А туточки вы будете за бугорком, пулемет не достанет.

Он сам повел нас в расположение третьей роты.

Я присматривался к лицам моих «крикунов». Ребята были воодушевлены предстоящей опасностью и сознанием важности порученного им дела. Шли молча, только рупора звенели, задевая за ветви. Изредка с тонким свистом пролетала, пересекая дорогу, пуля.

Смеркалось уже, когда командир батальона вывел нас на опушку.

— Чуете, хлопцы, фриц дрова рубит,— шёпотом сказал комбат.

И правда, отчетливо слышались удары топора. Я влез на дерево — сквозь редкие березки, как сквозь кисею, видно было отсюда широкое поле, колючая проволока и рыжие холмики глины — немецкие блиндажи.

— Туточки вам хорошо будет, за бугорочком, — повторил комбат.— Мины он, конечно, будет бросать, ну, мы ему тоже хвоста наломаем. Только, если он станет бросать, назад не бежите, бежите вперед, там у нас по краю опушечки ячейки понаделаны.

Я собрал своих учеников в кучку и напомнил им программу «концерта».

— Дистанция от одного до другого — десять метров. Начну я, с правого фланга, и, как только я прокричу первый лозунг, начнешь ты, Панченко...

Я запнулся, потому что мне почудилось, будто кто-то кричит где-то далеко, по ту сторону леса. Прислушался — было тихо. «Просто, лозунги эти у меня звенят уже в ушах»,— усмехнулся я.

— Значит, сперва я, потом — Панченко, потом — ты, Селим, потом— ты, ты, ты,— и так все, по цепочке. Тогда я скомандую: раз, два, три,— и грянем все хором. Только смотрите, не спешите, выдерживайте паузы между словами. Если все будет благополучно, прокричим второй лозунг, и третий, в таком же порядке. В случае минометного налета командование переходит к командиру батальона.

— О це добре,— кивнул, улыбнувшись, комбат.

Тихо, беззвучно мои бойцы растянулись в цепочку по узенькой просеке. Последних двух мне уже не было видно, их скрыла зелень. Я поднес рупор ко рту. Но в эту минуту издалека, откуда-то слева, послышались приглушенные расстоянием звуки,— словно патефон, если вместо иголки вставить остро зачиненную спичку: «К чёрту Гитлера!.. Кончайте войну!.. Переходите в плен!..»

Сарджеваладзе! Конечно, это был он. Ударения прыгали у него, безударные звуки проваливались, я скорее угадывал их, чем слышал. И тотчас где-то в той стороне застрочил пулемет.

— Нужно отвлечь огонь,— подумал я.

Приложил рупор ко рту и прокричал первый лозунг: «Если немецкие солдаты и офицеры сдаются, Красная Армия берет их в плен и сохраняет им жизнь».

Вслед за мной прокричал Панченко. Лозунг прокатился по всей цепочке. Тишина. Пулеметы смолкли. И оттуда, с западной стороны, как

запоздавший отклик эхо, донесся голос Сарджеваладзе. Он повторил наш первый лозунг.

— Раз, два, три,— скомандовал я, и хор, отрубая каждое слово паузой, бросил еще раз эту фразу к немецким блиндажам.

Видимо, то, что мы рассредоточились правильно, и неожиданная поддержка сержанта слева,— это помешало немцам засечь направление звука. Две мины хлопнули в стороне, никому не причинив вреда. Наши тяжелые минометы ответили четырьмя выстрелами — и дуэль смолкла. Лес насторожился, противник молчал и слушал. Мы без всякой помехи довели программу до конца.

— А Сарджеваладзе? Его, наверно, убили,— с дрожью в голосе прошептал Селим Галиев.

— Молчи,— сердито сказал я ему. У меня тоже камень лежал на сердце.

Наша тревога была напрасна. Сарджеваладзе ждал нас на командном пункте батальона. Издали еще мы услышали, как он пререкается с часовым:

— Какой тебе пропуск! Ну, мушка. Нет, не мушка? Ну, шомпол пропуск. Ну, патрон пропуск. Какой еще тебе пропуск! Концерт слышал? Вот у меня рупор. Рупор — пропуск!

Увидев нас, он оттолкнул часового и подбежал ко мне.

— Хорошо я кричал? Ударение делал? В первой роте кричал, второй роте кричал, третьей роте кричал. Даже горло болит.

— А почему ты пошел один?

Ракета — яркая, как магний, ракета осветила его лицо, исцарапанное сучьями, и вымазанную глиной шинель. Глаза его сверкали от волнения и радости.

— Ты сказал, я хорошо кричу, можно мне будет идти концерт давать.

— Нас-то подождать нужно было! Ведь ты смотри, куда заполз, прямо под пулеметы.

— Ничего, товарищ командир, я по-пластунски полз. Извини меня, товарищ командир, терпения у меня не было. Так им кричать хотел — никак невозможно ждать. Спасибо тебе, что меня по-немецки учил. Как я тебе отплачу? Живы будем, приезжай ко мне в Кобулети. Я в самом центре Кобулети живу. Кого хочешь, спроси, меня каждый ребенок знает. Сарджеваладзе, экспедитор. Обязательно приезжай, товарищ командир. Дорогой гость будешь.

30 мая

13 июня ⟨1942 г.⟩

Здравствуй, Лилюшка. Заканчиваю работу еще в одной части, сегодня вечером и на рассвете выступим перед немцами, покажем им наши успехи в немецком произношении, а завтра — домой; правда, дом переехал, куда, еще не знаю, но письмо, говорят, есть, надеюсь, от тебя. Четверо из моих учеников на этот раз — казахи, трое усвоили всё отлично. Удивительная вещь — диалектика. Молодые ребята — казахи,— у одного из них в кармане на счастье — баранья косточка, бабка, с которой он не расстается с детства и, прикладывая ее привычным движением ко лбу, к носу, к подбородку, гадает, вернется ли с нашего выступления живым,— эти ребята сейчас выступали, как подлинные носители культуры среди немцев. ⟨...⟩

Чёртик, чёртик, вдруг мне привезли твое письмо и письма от Журки и Ильиной [1] — их тебе пошлю. Солнышко, понимаешь ты, что значит здесь ласковое слово,— твое ласковое слово? Нет, этого ты, конечно, никогда не поймешь. Сразу все делается легко и просто. Я с тоской думал

о том, что впереди — опять ночь, когда буду без конца шагать, мокрый до нитки, по болотам, по лесам, искрошенным снарядами, по тропочкам минных полей, изрытых воронками. А сейчас — кажется, нет никаких трудностей, которые были бы слишком трудны.

Полоса у меня вообще скучная сейчас: я отписался, и в голове пусто, недели на две. Записал все, что вспомнил о выходе из окружения, о товарищах по ополчению. Хотелось бы послать тебе это все, но боюсь, чтобы не пропало. Кое-что написал хорошее, пошлю, как только перепечатаю. Так я постарел на карточке? Ну, ничего не поделаешь. А чувствую себя хорошо. Вчера баловался, боролся с двумя крепышами-казахами, одного поборол, с другим — ничья. По утрам хожу на речку, моюсь до пояса, какая бы ни была погода. Если близко речка, конечно. Если останусь жив, хочу быть здоровым. Очень я рад, что ты работаешь над книгой,— мне это всегда ближе, и я точнее чувствую твои возможности. Как часто я вспоминаю Щедрина! [2] И хорошо, что не только военные дела: в горячке войны сейчас совсем не видно, какую грандиозную художественную работу провернула страна. ⟨...⟩

[1] Н. В. Ильина — редактор журнала «Пионер».

[2] Речь идет о совместно написанной работе: М. А. Гершензон и Л. С. Коган. М. Е. Салтыков-Щедрин. Биографический очерк. М., Детиздат, 1939.

17 июня ⟨1942 г.⟩

Здравствуй, мой мальчик [1]. Получил от тебя большое, хорошее письмо, спасибо, дружочек.

Я вернулся домой; за это время, что я ездил, «дом» переменился, я его еле нашел. У нас большие шалаши в лесу. От дождя они, конечно, не защищают, но у меня есть плащ-палатка, а вдобавок я получил отличные, непромокающие сапоги. Вообще мы живем не на самом фронте, но ты видишь по письмам, что я последнее время почти не вылезаю с передовых. Пули и мины меня не берут, это уже установлено твердо. Чтобы мои ученики не робели, я обычно даже не сгибаюсь под обстрелом. И не страшно мне ни чуточки.

Очень я рад, что вы работаете по устройству госпиталя. И тому, что собираешься заниматься гербарием и насекомыми. А нельзя у вас организовать сбор лекарственных растений? Это очень важное дело. Посоветуйся с учительницей. ⟨...⟩

«Фронтового юмора» нового нету, как только будет, пришлю[2].

Радуетесь вы второму фронту? [3] Это для Гитлера — начало конца.

У нас очень много комаров, так и едят. Мы их называем фашистами.

Сегодня я на всякий случай послал тебе 200 рублей. Может, пригодятся.

Крепко, крепко тебя целую, мой родненький. Очень я по тебе соскучился. Пиши, светлячок мой. Передай привет всем, всем товарищам. Я бы вам послал рассказов, но мне сейчас негде их перепечатать.

Будь здоровенький и веселый.

Твой папка

[1] Это письмо адресовано сыну Евгению.

[2] «Фронтовой юмор» — журнал, издававшийся Политуправлением Западного фронта.

[3] Имеется в виду подписание договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии (26 мая 1942 г.) и соглашения между СССР и США о взаимной помощи в ведении этой войны (11 июня 1942 г.).

23 июня ⟨1942 г.⟩

Здравствуй, Лилюшка. Я опять захандрил что-то; писем нет, с начальником нелады, а главное, не пишется, и в командировку пока не посы-

лают. Вчера дежурил ночью по лагерю, написал маленькое стихотворение:

На этой поляне траву не топтали,
И кожу с деревьев не рвали рывком,
И зисы не мяли весенних проталин,
И жук-листогрызик, с войной незнаком,
Не падал в траву изумрудною брошкой,
Испуганный гулким воздушным толчком.
Мы здесь от войны отдохнули немножко,
Вещунья-кукушка потешила нас,—
Потом повела нас лесная дорожка
Туда, где кукушка — свинцу не указ,
Где в щепы столетние ели разбиты,—
В мочалу измята, истерта душа,
Где пули, где свист пролетает, сердито
За пулей незримой вдогонку спеша.

Это ведь правда, пуля давно пролетела, когда ты слышишь свист.

Вот и год войны, Лиловочка. Все мысли сейчас — с Севастополем. Чего бы я ни дал, чтобы быть там. Даже непонятно, откуда у этого белого, сонного, тихого городка, солнечного и провинциального, такая стойкость народа. Ведь, конечно, не только прибывшие, но и местные, и в особенности местные там дерутся, как дрался Севастополь когда-то, или еще смелей и упорней. Там, наверно, Бондарин [1], я очень завидую ему. У нас слишком тихо, терпения нет.

Тут собирались ко мне из разных частей лучшие мои ученики разучивать новые лозунги, о соглашении с Англией и Америкой. Приятно было видеть их. Один не приехал, ему оторвало ногу. Такой славный был, задумчивый мальчик. Один рассказал, как выступал в 20 метрах от немцев. Он пополз с товарищем в разведку, перерезали проволоку, подползли к немецкому минному полю и зацепили кошкой мину. Но мина оказалась заприколенной и взорвалась. Место для разведки было испорчено, и с досады мой разведчик решил покричать лозунги. Рупор у него был с собой, а по полю шла канавка, вроде межи,— по ней можно было уползти от пулеметного обстрела. Немцы были совсем рядом, он крикнул «Ахтунг, ахтунг!» — и прокричал два лозунга. Товарищ его, отползший в сторону, видел, как немцы обернулись на звук и слушали. Потом раздалась команда, они побежали по своим местам и открыли огонь. «Тогда я тихонечко уполз».

Помнишь, я писал тебе про танк в 30 метрах от немцев? [2] Наши пододвинулись к нему ближе, и боец, с которым я ходил туда,— с чудно́й фамилией «Калуга», — кричал из этого танка, из амбразуры. Немцы засыпали его пулями и минами, но в танке это не могло повредить. Представляю себе, как он радовался. У него трое детей, у этого Калуги.

У нас всё дождь, шалаши текут, как ни крой их корой. Меня выручает моя плащ-палатка. Сольешь с нее полведра воды, а под нею — сухо, и исподняя сторона суха. Солнышка хочется очень. И тебя, и Юрашку, и Женьку, и друзей. Мучительно медленно тянется время.

Ну, не ругай, больше не ною. ⟨...⟩

24-е

Еще у меня к тебе просьба — пришли мне стихотворение Пастернака «Любка». Тут много ночных фиалок, у меня завязли в зубах строчки: «И даже запах льют поодиночке» и «Ночной росой оттягивают мочки», а никак не вспомню остального. Ладно?

Сегодня солнце яркое, как мне хотелось.

Вытащил на просушку палатку, шинель. Все еще спят, час-другой — мои.

Доброго утра, мои любимые.

[1] С. А. Бондарин в первый период войны действительно находился в Севастополе (см. в настоящ. томе публикацию его записных книжек 1941 г.).

[2] Об этом Гершензон писал в письме от 6 июня 1942 г.

7 июля ⟨1942 г.⟩

Листочек, начальник пришел из бани, теперь часок меня наверно не оторвут. Надо воспользоваться минутками, написать тебе. Вчера возвратился, машины не шли, отшагал километров 30 по грязи, здорово устал. Пришел и разочаровался — от тебя письма нет. Только сел читать Журкино — и от тебя несут, да свежее, от 17-го! Командировка была утомительная, инспекторского характера, я это не люблю. День-два посмотрел, и шагай километров 20; с людьми не успеешь встретиться, потолковать, чтобы что-то осталось. Я люблю работать, а не проверять. Вызвали неожиданно. И спутник был угрюмый, обиженный, слишком хорошего о себе мнения, и скучный.

Ты вся полна была договором, когда писала письмо. Единственное, что меня глубоко обрадовало,— это надежда на длительную передышку после войны, в частности, и для наших мальчиков. А поддержка сейчас — это само собой разумеется; даже 2000 танков — это кое-что. Но Кельн и Эссен — это больше, в проекции особенно. На Берлин бы тысяч 10,— чтобы немцы как следует узнали на своей шкуре там, в тылу, что значит война [1].

И не только заводы, а мирное население,— чтобы не молили бога о победах свастики. ⟨...⟩ Иной раз стоишь перед воронкой, заплывшей водой,— это целый пруд, в котором 10—15 человек могут плавать, и не будет тесно. А как мучится народ в прифронтовой полосе. Я пробовал хлеб с крапивой и щавелем, и хлеб из липовых листьев, черный, как из египетских пирамид. Когда же такой хлеб будут есть немцы? На нашем участке было несколько крупных удач, хорошо развитые частные наступления. Появились опять и пленные, и письма, хотя и немного. Примерно, один пленный на 300—500 убитых, на 1000 раненых. И чаще всего — подранок, которого противно допрашивать. Я рад, что ездил, и мне не пришлось, такая это все идет сволочь.

Беспокоят дела в Египте. Нет, нет, да вспомнишь шутку про бассейн и чайную ложку. Медленно, все-таки, разворачиваются англичане. Хотя я и не ждал от них быстроты, и не жду. Подумать только, что вся армия Роммеля — 100 000, а мы под Севастополем убили 300 000 немцев,— под Севастополем только! ⟨...⟩

Пока я ездил, меня тут Военный Совет наградил часами — по газете «Уничтожим врага» [2]. Я этому рад больше всего потому, что мне нужно будет побывать в редакции, и там, может быть, окажется не в командировке Гриц.

Будьте мне здоровеньки.

Миша

[1] См. прим. 3 к письму от 17 июня.

[2] Приводим «Выписку из приказа войскам 5 Армии Западного фронта»:

«5 июля 1942 г. № 0560. Действующая Красная Армия.

За отличную работу по выполнению заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками — *объявляю благодарность и награждаю часами*:

М. А. ГЕРШЕНЗОН (сидит второй слева) В ГРУППЕ БОЙЦОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ ИМ ДЛЯ ВЫСТУПЛЕНИЙ С ЛОЗУНГАМИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Фотография. Западный фронт, 5 армия. Июль 1942 г.

Собрание Л. С. Коган, Москва

〈...〉 5. Переводчика 7 отделения политотдела 5 армии, военкора армейской газеты „Уничтожим врага", интенданта 2 ранга Гершензона Михаила Абрамовича.

Подлинный подписали:

Командующий войсками 5 армии
Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
Федюнинский

Член Военного Совета
Бригадный комиссар
Иванов»

В комплекте газеты «Уничтожим врага» за первую половину 1942 г. выявлено около 40 произведений Гершензона. Кроме раздела «В лагере врага», который он вел систематически (см. об этом выше, прим. 2 к письму от 16—17 января), он напечатал здесь ряд фельетонов, стихотворений, переводов.

24 июля 〈1942 г.〉

Здравствуй, Юрашка. Посылаю тебе фото — моих учеников (тут же двое командиров, это начальники в части). Тот, который лежит справа,— это мой дорогой Сарджеваладзе, экспедитор[1]. А над ним на коленях стоит чудесный мальчик Швейде, ему за это время успело уже оторвать ногу. А девочка — это наша переводчица, «маленькая Ирочка»,— у нас их две, и обе — Иры. Большая — вредная, а маленькая — умненькая и хорошая. И совсем, совсем маленькая. Она вдруг начинает плакать: хочу к маме. Плачет день, два, потом у нее проходит. А сейчас у нее мама заболела, и она попросилась в Москву. Начальник ее не пустил, она пошла к его начальнику. И тот ее не пустил, она пошла к его начальнику. Сидит, ждет, а кругом — генералы, генералы. А начальник, самый старший, член Военного Совета, назвал ее «крошкой» и «малюткой». И оказался совсем не страшным, и отпустил ее к маме. А справа с рупором стоит

армянин Аракелов, очень славный парень. Он решил, что Ирочка похожа на армянку, и сразу в нее влюбился, пока учился. Другой, который лежит слева, Григорян, грамотней его и за него написал Ирочке письмо по-армянски: «Я хотел бы с вами познакомиться». А Аракелов подошел и сказал: «По правде это *я* написал, я написал *вкратце*, а хотел бы написать больше». Мы очень смеялись. ⟨...⟩

[1] См. о нем в рассказе «Концерт».

26 июля ⟨1942 г.⟩

Лилюшка, неожиданно опять получил письмо. Ты, глупенькая, разве я жалуюсь, что ты мало пишешь? Я так привык прежде редко получать письма от тебя, что сейчас всегда получаю письмо раньше, чем начинаю думать, что пора бы. За все время было два-три перебоя, когда я уже тревожился. Ты умница, дружок. Твои письма очень греют. Спасибо, спасибо за «Любку», и за «Ландыши»[1], это мои любимые.

Командировки у меня, конечно, не в Москву, а на передний край, потому я их жду всегда с нетерпением. В Москве я не был с тех пор, как повредился глаз,— полгода почти. ⟨...⟩

Так хорош Шостакович? [2] Это большая радость. Сейчас особенно остро чувствуешь народную гордость. Послушаем когда-нибудь. Неужели *и я* пойму? Глазу моему все так же, привык смотреть правым, вижу и им хорошо, а левый — все как затянут марлей. Но я предпочел бы обрести слух, отсутствие его мне тяжелее, чем порча глаза. Не тревожься за глаз, это пустяки.

«Лирический дневник» — не читал, вообще не видел толстых журналов. Но Симонов работает отлично. В «Краснофлотце» был его очень хороший очерк о Керченских каменоломнях [3], еще попадались очень хорошие его очерки, и даже стихи. Пьеса [4] сделана наспех, примитивна, но и это сейчас работает хорошо.

От чего я в восторге — это от ленинградских рассказов Тихонова. Читала ты в «Правде» рассказ о хирурге и статуе Венеры? [5] Я сутки вдруг начинал смеяться от радости, от удачи, которую ощущаешь, как свою. Видела ты уже фильм «Ленинград в борьбе»? [6] Это — сплошная рана. Об этом нельзя говорить, как об искусстве, сейчас, во всяком случае.

Меня не пустили в командировку, дней пять еще просижу тут, это очень уныло. Каждый день будет длинный и тусклый. Если бы только писалось, как я рад был бы этим пяти дням. ⟨...⟩

Лилюшка, как нужны хорошие вести! Газеты мы получаем в тот же день, два раза в день принимаем сводки. И все мы уверены, что хорошие вести непременно будут, и скоро. Нужно продержаться еще две-три недели. ⟨...⟩

Миша

[1] «Любка» и «Ландыши» — стихотворения Б. Пастернака, переписанные и присланные Гершензону по его просьбе.

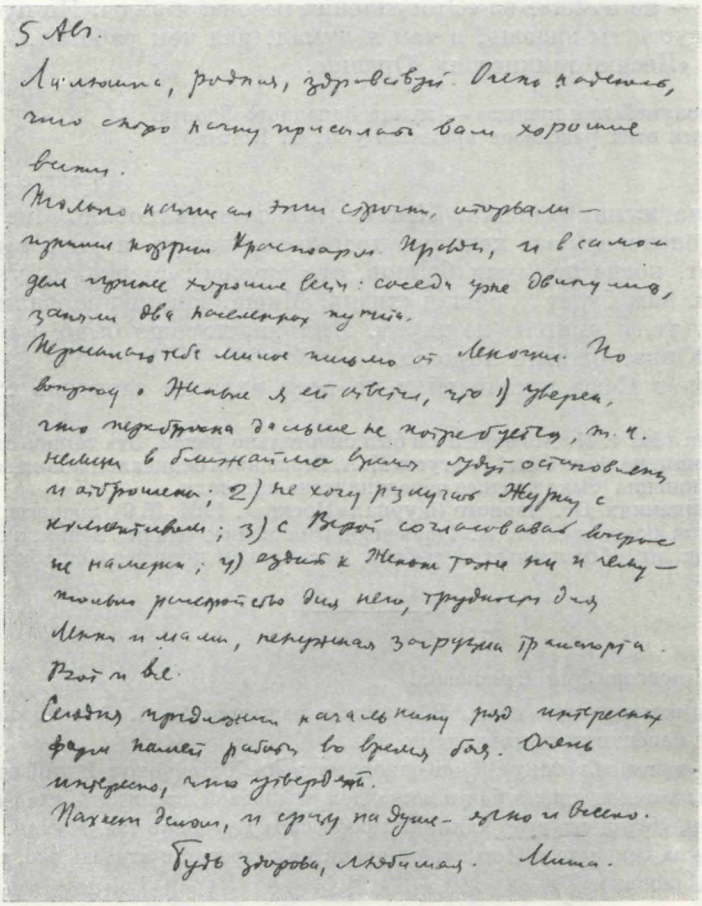
[2] Речь идет о Седьмой (Ленинградской) симфонии Шостаковича, об исполнении которой в Новосибирске писала Гершензону жена.

[3] Сборник стихов К. Симонова «Лирический дневник» (1942); его очерк «В Керченских каменоломнях» напечатан в журнале «Краснофлотец» (1942, № 9, май).

[4] Пьеса К. Симонова «Русские люди» печаталась в «Правде» 13, 14, 15 и 16 июля 1942 г.

[5] Рассказ Н. Тихонова «Весна» (из цикла «Ленинградские рассказы») напечатан в «Правде» 20 июля 1942 г.

[6] «Ленинград в борьбе» (сценарий Вс. Вишневского) — документальный фильм Ленинградской студии кинохроники (1942).



5 Авг.

Лилюшка, родная, здравствуй. Очень надеюсь, что скоро начну присылать вам хорошие вести.

Только написал эти строчки, оторвали — пришел корреспондент Красноарм. Правды, и в самом деле принес хорошие вести: соседи уже двинулись, заняли два населенных пункта.

Сегодня предложил начальнику ряд интересных форм нашей работы во время боя. Очень интересно, что утвердят.

Пахнет делом, и сразу на душе — ясно и весело.

Будь здорова, любимая. Миша.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО М. А. ГЕРШЕНЗОНА ЖЕНЕ, 5 АВГУСТА 1942 г.
Автограф. Первый лист
Собрание Л. С. Коган, Москва

5 августа ⟨1942 г.⟩

Лилюшка, родная, здравствуй. Очень надеюсь, что скоро начну присылать вам хорошие вести.

Только написал эти строчки, оторвали — пришел корреспондент «Красноармейской правды» [1], и в самом деле принес хорошие вести: соседи уже двинулись, заняли два населенных пункта. ⟨...⟩

Сегодня предложил начальнику ряд интересных форм нашей работы во время боя. Очень интересно, что́ утвердят.

Пахнет делом, и сразу на душе — ясно и весело.

Будь здорова, любимая.

Миша

Лиловочка, разбирал сегодня свои папки и решил послать тебе два рассказа, которых не посылал, кажется; я не уверен в их качестве. Но боюсь, что они пропадут у меня, это было бы жалко. В одном конверте посылаю «Песню танкистов», в другом «Реквием фашиста» [2]. Не суди их

строго, это — не лучшее из «Отступления песен», я знаю. Но пусть лежат у тебя. И пусть ты знаешь, о чем я думал, над чем работал.

Прочти «Песню танкистов» Юрашке.

[1] «Красноармейская правда» — газета Западного фронта.
[2] Рукописи этих рассказов хранятся у Л. С. Коган.

⟨8 августа 1942 г.⟩[1]

Лилюсика, жена, Юрашка, Женька, я вас очень люблю. Мне не жалко смерти, а поцеловать вас хочется, крепко вас целую, я умер в атаке, ранен в живот, когда подымал бойцов, это вкусная смерть. Я уверен, что мы победим, вам будет хорошая жизнь. Миша. Наши прорвались, бегут вперед, значит, я умираю не даром. Лилька, хорошо было в Батуме.

Жук и Юрка, растите хорошо.

Сообщить в Союз писателей и по всем адресам записной книжки.

[1] 8 августа 1942 г. М. А. Гершензон был смертельно ранен. Эта запись сделана сразу после ранения, на поле боя. 14 августа М. А. Гершензон скончался в полевом госпитале. Записная книжка была позднее передана жене писателя.

В воспоминаниях Ос. Черного (журнал «Москва», 1964, № 9) впервые рассказано о мужественном поведении М. А. Гершензона на войне; однако в них, к сожалению, неверно изложены обстоятельства гибели писателя и допущена ошибка в дате его смерти.

28.8.42 г.

Дорогая Лия Семеновна!

Сообщаем вам тяжелую весть. Ваш муж и наш друг М. А. Гершензон 14.8.42 г. погиб в бою с немецкими захватчиками.

Он лично возглавил атаку бойцов одного из наших батальонов. В этой атаке он был тяжело ранен, вынесен с поля боя и доставлен в полевой госпиталь, где ему сделана была операция. Лечил его врач клиники профессора Бурденко тов. Мухин. Мы хотели отправить его на самолете в Москву, но врачи не разрешили сделать это, так как это ускорило бы конец.

Как только нам сообщили о его ранении, мы немедленно пошли к нему. Он был в полном сознании и хорошо себя чувствовал. Все его вопросы сводились к одному — заняли ли деревню, за которую шел бой, и насколько далеко прорвались наши части в расположение немецкой обороны.

Умер он на шестой день после ранения. Болей он никаких не ощущал и до последней минуты не сознавал, что умирает.

Похоронен он на братском кладбище, отдельно, со всеми воинскими почестями, оказанными в честь его.

Мы все потрясены его смертью. До сих пор не укладывается в мыслях, что его нет с нами.

Он всегда предупреждал нас, что в случае, если с ним что произойдет, вещи его и рукописи отправить вам, что мы и сделаем.

Пишите нам по адресу, на который писали ему. Мы вместе боролись и вместе спали.

Нами поставлен вопрос о пенсии детям и вам. Известили мы и Союз советских писателей.

Дорогая Лия Семеновна! В любой момент, когда вам потребуются в жизни помощь и поддержка, знайте, что друзья вашего мужа — ваши друзья.

Жмем вашу дружескую руку.

Батальонный комиссар Малахов
Батальонный комиссар Савельев

Читайте о боях, в которых участвовал Михаил Абрамович, в «Правде» 27.VIII.42 г., в сообщении «В последний час»[1].

Малахов

Милюсика
жена, Юрашка
женька,
я вас очень
люблю мне
не жалко
смерти, а
поцеловать
вас хочется
крепко вас
целую я
умер в атаке

ранен в жи-
вот, когда
подымал
бойцов, это
вкусная
смерть. Я
уверен, что
мы победим
вам будем
хорошая
жизнь Миша

Наши прорвались
бегу вперед,
значит, я
ухожу на
Дрим
Милка, хорошо
бил в
батуме

ПРЕДСМЕРТНЫЕ СТРОКИ М. А. ГЕРШЕНЗОНА

Написаны на поле боя после ранения. 8 августа 1942 г.

Первая, вторая и третья страницы

Собрание Л. С. Коган, Москва

[1] В сообщении, на которое ссылается батальонный комиссар Малахов, говорилось: «Дней 15 тому назад войска Западного и Калининского фронтов на Ржевском и Гжатско-Вяземском направлениях частью сил перешли в наступление.

Ударами наших войск в первые же дни наступления оборона противника была прорвана на фронте протяжением 115 километров. ⟨...⟩

Фронт немецких войск на указанных направлениях отброшен на 40—50 километров.

По 20 августа нашими войсками освобождены 610 населенных пунктов ⟨...⟩

Количество убитых немецких солдат и офицеров достигает 45 000 человек ⟨...⟩»

В сообщении перечисляются разбитые немецкие дивизии и трофеи наших войск. Среди войск, отличившихся в боях, названы войска генерала Федюнинского, т. е. та 5 армия, в политотделе которой служил М. А. Гершензон.

⟨9 октября 1942 г.⟩

Уважаемая Лия Семеновна! Вещи Михаила Абрамовича направляются вместе с этим письмом. О его самочувствии после ранения может свидетельствовать следующее письмо, которое я получил от него из полевого госпиталя:

«10/VIII—42 г. Тов. Малахов, я был тяжело ранен в живот, но бойцы вынесли меня. Мне сделали операцию, очевидно удачно, и я сейчас нахожусь при медсанбате...* гвардейской Краснознаменной дивизии. У меня к Вам большая просьба: вызовите из...* сержанта Лоповока, которому я оставил ряд документов. Пусть он захватит мой заплечный мешок, плащ-палатку. Надеюсь, что недели через две-три я смогу приступить к работе. Не сообщайте о моем ранении жене, чтоб это ее не угробило. Привет всем товарищам. М. Гершензон».

Получив это письмо, я сейчас же отправился к нему в госпиталь, где говорил с врачом, сразу сказавшим мне, что положение Михаила Абрамовича безнадежно, что выжить он может только чудом. Отправку его на самолете в Москву врач запретил категорически. Когда я вошел в палату и М. А. увидел меня, то сразу закричал мне: „Товарищ Малахов, идите сюда!“

Он говорил со мной исключительно о делах. Я говорил ему, чтоб он прекратил разговаривать, он ответил, что разговор только развлекает его, не причиняет ему боли или усилий и что вообще он никаких болей не чувствует.

Был я у М. А. в госпитале два раза. Бывали у него там еще Альтман с женой, Гриц, Николаев и другой товарищ.

Вид у М. А. все время был хороший. Он очень много говорил, приходилось его останавливать.

Когда я был у него на пятый день после ранения (вторично), то врач разрешил ему питаться. Я принес ему боржом и мандариновый компот (по указанию врача). Попробовав компот, он сказал: „Как вино“.

Хоронили мы его с воинскими почестями. На похоронах его было около 120 человек, так как многие-многие любили Михаила Абрамовича и имел он большое количество друзей. На похоронах выступали я и Яковенко. Был дан троекратный ружейный салют. В речах подчеркивали, что он много сделал в этой войне, умер коммунистом, умер по-геройски.

На могиле М. А. поставлен памятник. На цинке написано: «Здесь похоронен член Союза советских писателей, интендант 2-го ранга Гершензон Михаил Абрамович, героически павший в борьбе с немецкими захватчиками в районе деревни П⟨етушки⟩».

Могила его — у деревни, возле леска. За ней ухаживают дети красноармейцев из этой деревни.

Я, Лия Семеновна, уезжаю из этой части. Свой новый адрес вам сообщу. Тов. Савельев остается здесь.

Литературные материалы (записная книжка и тетрадь со стихами) переданы в военную комиссию Союза писателей (по просьбе тов. Либединского) [1].

Крепко жму вашу руку.

Н. Малахов

9.10.42

[1] В настоящее время эти материалы хранятся у Л. С. Коган.

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т. ГРИЦ[1]

МИХАИЛ ГЕРШЕНЗОН

В декабре 1941 г. я начал работать в красноармейской газете «Уничтожим врага». И здесь под фельетоном о немецких пленных увидел подпись Гершензона.

Война за полгода всех разметала. Многие друзья уже погибли, многие были неизвестно где. Даже встреча со случайным знакомым в эти дни была радостью, а Михаила Абрамовича Гершензона я знал давно и знал хорошо.

Мы работали вместе в Госиздате и в «Молодой гвардии». И летом и зимой он ходил с открытой шеей, в широком белом воротнике, какие носили когда-то романтики. Работал редактором и переводчиком. Хорошо знал немецкий, французский, английский. Горация переводил, не очень часто заглядывая в латинский словарь. Захотел прочесть «Божественную комедию» в подлиннике и выучил итальянский язык.

Трудоспособность его поражала. Если бы составить библиографию французских, английских и немецких книг, которые он перевел, список не уместился бы и на трех страницах. Не думая о договоре, просто для себя, перевел несколько тысяч строк американского фольклора [2]. Перевел сказки Вашингтона Ирвинга и написал к ним прекрасное предисловие.

Детям нравились его рассказы о Робине Гуде [3], повесть «Да здравствует Лефляншек» [4] о восстании бретонских сардинщиц, книга об истории картошки [5]. Но я больше любил «Две жизни Госсека» [6], взволнованную книгу о музыканте Великой французской революции, об искусстве, рожденном любовью и ненавистью.

Вероятно, для каждого писателя его лучшая книга в каком-то конечном, непрямом смысле автобиографична. Для Михаила Абрамовича такой книгой была его повесть о Госсеке.

Вторая жизнь Гершензона началась в первый день войны. От книг и словарей он ушел в ополчение и стал солдатом.

Рыл окопы и противотанковые рвы под Дорогобужем, радовался, что лопата ладно ходит в руках, что хорошо подвернутые портянки не стирают ноги. Радовался, что не раскис, подбадривал товарищей и, если мог, помогал им.

А война приближалась. Ночью небо на западе отсвечивало заревом горящих деревень, и ветер доносил глухие вздохи разрывов. 〈...〉

Начался прорыв и окружение. Даже через несколько месяцев Гершензон говорил об этом неохотно. Видимо, боль еще не прошла. 〈...〉

Я узнал от товарищей, что Гершензон работает теперь в политотделе армии. Очень хотел его увидеть, но встретились мы только через три месяца.

Началось наступление. Редакция кочевала вслед за армией. В феврале остановилась за Можайском в дер. Тихоновке. Немцы не успели ее сжечь, и нетронутые избы реденькой извилистой цепочкой растянулись по крутому берегу Москвы-реки. Я жил в чистой комнате, стены которой вместо обоев были оклеены страницами фашистских журналов.

Вот сюда однажды поздно вечером пришел ко мне Гершензон. Он изменился. На костистых щеках еще сильнее обтянулась кожа, темнее сделались коричневые подглазья, но голос — гортанный и напряженный — гудел по-прежнему.

В больших, не по ноге, сапогах, в солдатской шинели, которая горбом топорщилась на спине, в шапке-ушанке, упорно сползавшей на глаза,— это был все же прежний Гершензон, добрый и верный друг, старавшийся во всем найти хорошее.

Он очень устал, и рано утром ему надо было ехать с попутной машиной дальше, но мы проговорили до рассвета.

Гершензон вступил в партию.

— В сущности, — говорил он,— я давно уже коммунист. Только теперь я это оформил.

Работал он в 7 отделе — по пропаганде среди войск противника. Допрашивал пленных, составлял донесения, писал листовки.

Часто присылал в газету материал. Статьи, рассказы, фельетоны, стихи, заметки о том, как красноармейцы обманывают врага. Очень радовался, когда узнавал, что бойцам нравятся его вещи. Это была радость артиллериста, который видит с наблюдательного пункта, как его батарея накрыла цель. 〈...〉

Встречались мы не часто и урывками. Помню, пришел к нему, а тут вернулся из командировки работник политотдела. Устал, ругал шоферов, ругал плохие дороги, а потом сказал, что ему хотелось бы жить лет через сто.

У Гершензона глаза даже потускнели от злости.

— Вы этого не заслуживаете,— сказал он, раздельно произнося каждое слово.— То, что вы говорите,— это пошлость. Будущее надо делать, а не мечтать о нем по-маниловски. Я хочу жить со своим временем. А это эмалированное, гигиеническое будущее утопических романов терпеть не могу. В нем скучно, как в магазине хирургических принадлежностей.

Работа инструктора тяготила Гершензона. Ему надоели пленные, надоело сидеть за письменным столом над донесениями. Хотел ездить на передовые, долго хлопотал об этом, наконец добился.

Ездил по частям и обучал бойцов выкрикивать антифашистские лозунги на немецком языке. Очень был доволен, хотя работа оказалась нелегкой. 〈...〉

Гершензон всегда был впереди, ему часто приходилось переползать под огнем, а сердце сдавало. Но он никогда не ныл.

В последний раз живого и здорового Гершензона я встретил в роте, как раз после такого «концерта» с рупорами. Гершензон был очень огорчен. Он потерял свою записную книжку, искал и не мог найти. Мы поговорили минуты две и разошлись.

Это было в конце июля, а в августе началось наступление. Пошли дожди, глина раскисла, и грязь стояла такая, что танки вязли в ней чуть ли не до башен. Наступать было очень трудно. Даже снаряды подносили на руках.

8 августа 119 дивизия вела бои на подступах к деревне Петушки. Я видел это место. От густого елового леса здесь остались только короткие расщепленные пни. Такой был здесь огонь.

В одном из батальонов находился Гершензон. Командир был убит, и батальон под огнем залег. Тогда Гершензон (он был старший по званию — интендант 2 ранга) вытащил из кобуры свой парабеллум, крикнул: «Батальон, слушай мою команду. За мной! Ура!» — и, не оборачиваясь, побежал вперед, туда, где были немцы. За ним поднялись бойцы. Бежал Гершензон недолго. Автоматной очередью ему распороло живот. 〈...〉

В полевом госпитале он держался мужественно, никому не говорил, как ему плохо, и о том, что ждет смерти. Спрашивал только, заняты ли Петушки и далеко ли прошли наши части.

14 августа он умер.

Так оборвалась вторая жизнь писателя и бойца Михаила Гершензона.

[1] Теодор Соломонович *Гриц* (1905—1959) — детский писатель, литературовед, товарищ Гершензона по довоенной литературной работе и по фронту. Воспоминания написаны для сборника о писателях-москвичах — участниках Великой Отечественной войны, подготовлявшегося военной комиссией Союза советских писателей в начале 50-х годов (сборник издан не был). В своих воспоминаниях Гриц излагает и факты, заимствованные из печатаемых нами писем и записных книжек Гершензона; во избежание повторений эти места в публикуемом тексте сокращены.

[2] Об этой книге — «Сказки дедушки Римуса» — см. выше, в предисловии А. Г. Когана.

[3] М. Гершензон. Робин Гуд. М., Детиздат, 1940.

[4] М. Гершензон. Да здравствует Лефляншек. М., Госиздат, 1929.

[5] М. Гершензон. Земляное яблоко (История картофеля). М., Детиздат, 1940.

[6] М. Гершензон. Две жизни Госсека. М., «Молодая гвардия», 1933.

БОРИС ГОРБАТОВ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

1941—1942 гг.

Предисловие Н. Н. Кружкова

Борис Горбатов любил и знал военное дело. Несомненно, если бы он не стал журналистом и писателем, то сделался бы недюжинным командиром воинского соединения. Его не наигранное, а естественное спокойствие во время опасности, его уменье всегда трезво оценивать постоянно меняющуюся обстановку на фронте, его знание солдатского быта и солдатской души, способность втолковывать самое сложное под видом простого составляли сумму таких качеств, какие нужны командиру.

Он искренне радовался, когда получил первый «кубик» на петлицу (он ушел в запас в должности помощника начальника штаба полка по разведке). Однако он не являлся показательным «строевичком», чья выправка восхищала бы кадровых, — он был несколько мешковат, слегка неуклюж, но всегда сохранялось в нем то истинно военное, что роднило его с такими людьми, спокойно трудившимися под огнем, как толстовский капитан Тушин.

Горбатов был журналист, писатель, обладавший пером острым, умным и изящным; его горячее слово жгло сердце и пленяло читателей искренностью и внутренней силой. На Южном фронте мы вместе служили в редакции газеты «Во славу Родины».

Грозный 1941 год неизгладимо остался в памяти бесконечными передвижениями на восток, пылью отступлений, свирепыми бомбежками и той тревогой, которая переполняла душу каждого участника войны — до каких пор? когда же остановимся?

Описав сложный зигзаг — Винница, Первомайск, Одесса, Кривой Рог, Николаев, Берислав-Каховка, Запорожье, Донбасс, — мы остановились, наконец, где-то на задворках Дебальцева. Началась осень, а затем свирепая, лютая зима. Фронт словно ножом перерезал Донбасс, где прошла юность Бориса, где он сформировался как человек, как коммунист, как писатель. Встреча с родным краем была печальна. Мы, товарищи Горбатова, знавшие его много лет до войны, видели, что ему тяжело, что разорение родных мест ранит его душу, но при всем этом не переставали восхищаться его спокойствием, выдержкой, оптимистической уверенностью в будущем, которая никогда не покидала его.

На Южном фронте родились его, ставшие знаменитыми, «Письма товарищу», которые зачитывались до дыр, вселяли в бойцов ту веру в победу, без которой воевать невозможно. В газете почти из номера в номер печатались его корреспонденции, очерки, зарисовки — все, написанное Горбатовым, носило в себе черты искренней взволнованности, привлекало внимание, заставляло размышлять, думать. Он не засиживался долго в редакции, его родным домом был фронт, солдатская землянка, передний край. «Отписывался» он быстро, оперативно и, отписавшись, снова ехал туда, откуда только что приехал. Эта оперативность, скоропись не влияли на качество его корреспонденций — от них пахло пороховым дымом, но они всегда оставались произведениями литературы. Чувство писательской, журналистской ответственности никогда не покидало его.

Весной 1942 г. мы расстались. Меня перебросили на Северо-Западный фронт, Борис Горбатов продолжал работать на Южном. Снова подошла страдная пора —

немцы развернули огромную операцию, начатую вторжением на Северный Кавказ, выходом к Волге, и завершившуюся полным разгромом фашистов в гигантской битве на берегах великой русской реки.

С Борисом Горбатовым мы встретились позже, уже в 1943 г., в Москве.

Ему были тесны рамки фронтовой газеты. Он рассказывал о своих столкновениях с работниками Политуправления фронта, об обидной опеке, учиненной над ним, над его литературными работами, и радовался тому, что, наконец, вырвался «на оперативный простор» — стал корреспондентом «Правды» и бывает всюду, где происходят важнейшие события войны. Перо Горбатова служило делу победы на всех фронтах — от Балтики до Черного моря.

«ВСПОМНИМ, КАК НА ЗАПАД ШЛИ ПО УКРАИНЕ»

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ОЧЕРК

Публикация М. М. Ситковецкой

Очерк «Вспомним, как на запад шли по Украине» точно датирован автором в первых же строчках: 17 декабря 1943 г. В эти дни Горбатов находился в родном Донбассе, освобожденном от оккупантов. Наши войска с трудными боями упорно двигались по Украине дальше на запад. Были освобождены Кировоград, Черкассы, Кременчуг. Сводки Совинформбюро, сообщавшие каждый день об освобождении населенных пунктов Украины, естественно вызывали в памяти события первых месяцев войны, когда наши войска отходили по Украине на восток.

В редакции «Во славу Родины» вместе с Горбатовым работал поэт И. Л. Френкель. В конце ноября 1941 г. он написал стихотворение «Давай закурим», полное глубокой веры в будущую победу. Горбатов был одним из первых, кто читал эти стихи, легшие в основу популярной песни. Одна строка из этого стихотворения — «Вспомним, как на запад шли по Украине...» — и дала название очерку.

Публикуемый текст сохранился в архиве Горбатова (ЦГАЛИ, ф. 2203, оп. 1, ед. хр. 124) в виде трех листов полустертой машинописи. Судя по содержанию, эти листы представляют собой только начало воспоминаний военного корреспондента. К сожалению, продолжение или окончание этого интересного документа не найдено. В газете «Литература и искусство», куда Горбатов вначале намеревался послать очерк, он не был опубликован. Можно предположить, что Горбатов не только не послал очерк в газету, но и не закончил его, так как активная корреспондентская и творческая работа не позволила ему в эти напряженные дни войны уделить внимание мемуарной теме.

Сегодня еще только 17 декабря, и до Нового года еще так далеко, а я почему-то уже задумался о нем — о 1944.

Едет в Москву Миша Телепин — корреспондент Совинформбюро, и хочется написать. Может успею.

Конечно, новогодний номер газеты «Литература и искусство» будет наполнен материалами важными и нужными. Ведь сколько хороших перспектив открывает 44 год для людей пера, для мастеров сцены, кисти... А тут журналист какой-то с какими-то воспоминаниями... О других бы писал, а он о себе.

А, ей-богу, не хочется сейчас писать о других. Можно о себе?

О журналисте сказать, хотя бы и о бывшем. Рассказать о себе и о друзьях. Напомнить им о себе. Что жив, что еще скрипишь.

Можно?

Наступил 1940 год. Тогда я служил в стрелковом полку в Финляндии. За озером Куолема-ярви гремели пушки. Мой полк стоял на отдыхе в перерыве между боями. Выпив по маленькой, поздравив товарищей с Новым

Б. Л. ГОРБАТОВ
Фотография. 1942
Литературный музей, Москва

годом, мы с капитаном Владимировым — теперь он, того и гляди, может уж генерал — вышли к озеру. Ослепительно сверкал освещенный лучами луны снег. На небе страшным пауком висела черная туча. Вспышки выстрелов бороздили небо. А мы говорили о Ленинграде, о красивом великом городе севера России, о том, что скоро будет новая большая война, о сыне, которому только год и которому, авось, не придется никогда повоевать. Как недалеки мы были тогда от истины: прошло только около полутора лет, и эта большая война началась.

Вооруженный авторучкой, я в роли военного корреспондента оказался у Днепра. Части Красной Армии уходили на восток, жестоко отбиваясь, задерживаясь на время, но отходили.

Между Каховкой и Белозеркой поля были белы от десятков тысяч гусей. Это двуногое богатство, гогоча, бродило по степи, покрывая землю и дороги белым пухом. На бахчах лежали тысячи арбузов, на пастбищах тесно было рогатому скоту, в балках стояли сотни ульев, под тяжестью колоса к земле клонился высокий хлебный злак — все кругом дышало изобильем... и тревогой. Что с нами будет завтра? И сколько пар глаз смотрели на тебя с вопросом, скрытым в их глуби. С вопросом и укором. Что было отвечать?

Бойцы будущей 14 гвардейской вровень с землей завалили противотанковые рвы немецкими и румынскими трупами, а враг все лез. И невольно выползал откуда-то вопрос: ну когда же остановимся, где же этот рубеж, за который враг не пройдет? И как бы ни отмахивался от этих мыслей — они возникали вновь.

Ведомая мастерскими руками прекрасного шофера-красноармейца Лещука — где-то он теперь, жив ли? — редакционная «эмка» пробиралась по глубочайшей донбасской грязи, оставляя за собой приутюженную брюхом машины полосу.

Фронтовой газете нужен был материал.

На улицах Сталино вели арьергардные бои бойцы шахтерской дивизии Провалова, ныне генерала, а тогда еще полковника. У станции Амвросиевка, где потом решалась судьба Донбасса, дрались танкисты Колосова. Мы ехали с Шурой Шаровым, прекрасным товарищем и хорошим журналистом, И мы писали, писали о смелых и умных бойцах и командирах, о беззаветных героях, звали мстить за поруганные поля, за гибнущий достаток.

«Эмка» застревала в непроходимой грязи. Тогда в нее впрягали пару волов, и редакционный «эм-1» несся со скоростью трех километров в час на двигателях системы «му-2».

Много лет назад я работал в школе Боково-Антрацита. Сейчас мы проезжали мимо нее. Здание стояло пустое, безжизненное, ослепленное. Горела шахта 14-15, часто рвались толовые шашки, отлетали куски рельс, надвигалась война. С котомками на плечах уходили на северо-восток угрюмые люди. Они уходили от войны.

Над дорогами носились немецкие стервятники. Сколько раз десятками минут приходилось вылеживать в грязи у обочины, спасаясь от пулеметов «мессершмитта». Шинель корреспондента не раз была в грязи от полы до воротника. А по дорогам всё шли и ехали повозки и люди. На руках тащили грудных ребят. И когда в небе возникал противный, чужой, немецкий звук — везу...у...у, везу...у...у,— и стар и млад бежали в сторону от дорог.

Тогда, надо сказать правду, как-то неловко было носить военную форму.

Но все медленнее был темп отхода. Вот после многодневных боев у Зуевской ГЭС прошли через Чистяково казаки генерала Кириченко— и это был уже конец отходу. Еще догорала чистяковская нефтебаза, но

«О ЖИЗНИ И СМЕРТИ»

Очерк Б. Л. Горбатова. Одно из изданий военных лет. М., изд-во «Правда», 1944

Обложка

это было уже последнее зарево в том году. У Красного Луча фронт встал. Полк капитана Кипиани, малочисленный, но сохранивший все пулеметы и орудия, принял очередной удар врага, подался еще на 2 километра назад и остановился. Здесь он залег в землю и восемь месяцев удерживал свой участок обороны.

Только совсем у моря продолжал лезть к Ростову Клейст.

Да всё еще шли бои под Москвой!

И, собираясь в редакции «Во славу Родины», газетчики Борис Горбатов, Сергей Михалков, Леопольд Железнов, наш всеми уважаемый Александр Петрович Мацкин и все остальные москвичи и не москвичи с равной тревогой вслушивались в сводки Информбюро и думали — а что там, на Западном? И все жили одной мыслью: вот-вот Москва развернет могучие плечи, остановит зарвавшуюся сволочь и возьмет ее за горло. Мы не дождались. Наступление у нас на Южном началось раньше, чем под Москвой. 28 ноября части генерала Харитонова и казаки генерала Кириченко вошли в Ростов. Вслед за ними туда же покатилась наша «эмка». Две корреспондентских машины ехали в город, но въехала туда только одна: другая подорвалась на мине. При исполнении служебных обязанностей погиб газетчик капитан Омельченко. Как часто тогда приходилось петь: «Погиб журналист в многодневном бою от Буга в пути к Приднепровью...»[1] И авторы этой песни — журналисты Лапин и Хацревин — погибли незадолго перед тем.

Ростов снова стал нашим, и редакционный автомобиль двинулся на запад к Миусу, ставшему потом «Миусфронтом»...

[1] Из песни «Журналистская задушевная». Полный текст песни и справка о том, как она была сложена, напечатаны в кн.: «В редакцию не вернулся...». М., Изд-во политической литературы, 1964, стр. 51—52.

ПИСЬМО К А. Я. БОЕВУ[1]

Публикация В. Ф. Суворова

⟨Сентябрь 1942 г.⟩

Тов. бригадный комиссар!

Хочу обратиться к вам за советом и помощью.

1. Наша редакция расформирована. Газета «Во славу Родины», ветераном которой я был, приказала долго жить [2]. Мы выходим временно на двух маленьких полосках, под чужим знаменем [3]. Находимся на второстепенном направлении и благодаря своему временно-кочевому образу жизни совершенно оторваны от войск и событий.

Это положение «внештатного» мне не по душе. В такие дни хотелось бы более активно работать. И работать в том духе, как я люблю — в большой публицистической манере. Здесь же из-за полной оторванности от всего и всех — я и представления не имею о том, где что происходит.

2. Говорят, мы сольемся с редакцией Березина [4]. Говорят, что, может быть, мы сами останемся существовать и т. д. и т. д. Разговоров много, настроение неопределенное.

Но я уже решил для себя давно, что во фронтовой газете больше работать не буду. Рамки маленькой газеты уже давно стесняют меня. 14 месяцев дали колоссально много материала. Его надо реализовать в больших и широких выступлениях, а я тут связан размером газеты, рамками ее, задачами. Я занимаю штатное место писателя, а пишу редко и только очень большие вещи. «Очень большие» для нашей газеты. Из-за этого веч-

ные трения. И, однако, это не такие вещи, как пишут Симонов, Гроссман [5] и др. И мне тоже хотелось бы ахнуть что-нибудь большое! Но я понимаю, что сейчас еще не пришло для этого время.

Поэтому скромные мои намерения ограничиваются и исчерпываются только большими публицистическими статьями и рассказами. Хотелось бы, чтоб это попало в центральную печать [6], но с ней у меня сейчас почти нет связи. Случайно — прорываюсь.

3. Взаимоотношения мои с начальником ПУ [7] еще хуже, чем были при Мамонове. Тот, по крайней мере, хоть не резал моих вещей. А Гришаев... Чего вам еще. Мое письмо «Пядь родной земли», опубликованное в «Правде» [8], было запрещено тов. Гришаевым, и только после вмешательства Военного Совета напечатано у нас, но в войска не попало.

Тов. Кононенко, возможно, рассказал вам о той опеке, которая учреждена здесь надо мной. Дело неслыханное,— но каждая моя вещь предварительно просматривается десятью инстанциями. Я просил тов. Кононенко довести об этом до вашего сведения. Мои рассказы здесь бракуются, сокращаются, запрещаются и т. д. А «Правда» их печатает с удовольствием [9]. Да только трудно переслать в «Правду» материал. Мы от центра почти оторваны.

Больше я не могу работать под мелочной и пристрастной опекой. Я изнемог. Я хочу работать с полной силой. Я хочу, чтоб в эти грозные для Родины дни мой голос звучал бы свободно и широко. Я хочу знать, что́ надо писать сейчас,— меня не информируют. Я хочу, чтоб мои статьи попадали к бойцам,— они не попадают. Я не хочу больше болтаться в обозе второго эшелона, вне штатов, на неопределенном положении.

4. Вы и редакционные работники аппарата ПУРа предлагали мне в мае с. г. переходить к вам на работу. Говорили при этом, что пора уж Горбатову вылезать из скорлупы фронтовой газетки и писать для всей Армии, как это делают все писатели моего порядка.

Я отказался тогда. Я считал себя морально обязанным вернуться в свой коллектив, на свой фронт, в свою газету. Это было долгом чести.

Но теперь нет нашего фронта. Нет нашей газеты. Сегодня-завтра рассосут и наш коллектив. Я сейчас ничем не связан.

Поэтому я и прошу вас помочь мне. Я хотел бы в эти грозные дни работать с полной силой там, где вы мне укажете.

Меня усиленно зовут в «Правду» [10]. Я согласен остаться их корреспондентом здесь, на Кавказе. Согласен также и на Сталинградский фронт. Там, говорят, всего интереснее будет. Я могу уйти и к вам, чтоб писать сейчас на животрепещущие темы, чтоб всю ярость моего сердца поставить на службу Родине.

Я не хочу только больше болтаться во фронтовой газете, где меня душат рамки, где (как это ни странно) я всегда с обозом, где мелочная опека душит творчество, где провинциализм убивает все живое.

Если вам кажется ценной моя работа, если я представляю для вас какой-либо интерес как писатель,— прошу дать немедленные указания нашему Политическому Управлению о том, чтобы меня направили в ваше распоряжение для назначения туда, куда вы меня пошлете. Я на самолете быстро переброшусь в назначенное вами место и с новой силой начну работать и писать.

С коммунистическим приветом Бор. Горбатов

Архив МО СССР, оп. 11314, д. 7, л. 506 и об.

[1] Александр Яковлевич *Боев*, ныне полковник, в годы войны был начальником отдела печати ГлавПУРККА.

[2] С начала войны Горбатов работал в газете Южного фронта (первого формирова-

ния) «Во славу Родины», выходившей до конца июля 1942 г., когда в результате неблагоприятно сложившейся военной обстановки и прорыва войск противника к Волге Южный фронт перестал существовать.

[3] Коллектив сотрудников «Во славу Родины» во главе с редактором Д. А. Чекулаевым в августе 1942 г. оказался в г. Сочи, входившем в район действий Северо-Кавказского фронта (первого формирования). Редакция газеты этого фронта «Вперед к победе» (редактор Д. М. Березин) в те же тяжелые дни была направлена из Краснодара в Ставрополь и далее в Тбилиси. Местопребывание ее в течение некоторого времени оставалось не известным, а газета не выходила. В связи с этим в Сочи силами бывших сотрудников «Во славу Родины» был налажен выпуск газеты под названием «Вперед к победе».

[4] Это слияние не состоялось. Редакция Д. М. Березина после прибытия кружным путем в Сочи возобновила выпуск «Вперед к победе» как газеты Черноморской группы Закавказского фронта. С января 1943 г. она стала газетой Северо-Кавказского фронта — второго формирования — «Вперед за Родину». Редакция же «Во славу Родины» перестала существовать, а ее сотрудники получили различные новые назначения.

[5] В июле-августе 1942 г. в «Красной звезде» печаталась повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен» — первое крупное художественное произведение в советской литературе военных лет. В июле того же года К. Симонов опубликовал в «Правде» пьесу «Русские люди».

[6] В первых числах октября 1942 г. в «Правде» появилась повесть Горбатова «Алексей Куликов — боец». В декабре 1942 г. там же напечатан его очерк «Годы и люди».

[7] Начальник Политуправления Южного фронта бригадный комиссар Гришаев.

[8] Очерк «Пядь родной земли» (из цикла «Письма товарищу») появился в «Правде», 1942, № 213, 1 августа.

[9] Незадолго до этого в «Правде» были напечатаны рассказы Горбатова: «После смерти» (20 августа) и «Дезертир» (4 сентября).

[10] В 1943 г. Горбатов стал корреспондентом «Правды».

СТЕПАН ЗЛОБИН

В МИНСКОМ ЛАГЕРЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК 1941 — 1942 гг.

Предисловие и примечания автора

Публикация З. А. Прокофьевой

ЧТО И КАК Я ПИСАЛ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

На войне, будучи корреспондентом газеты Западного фронта «Красноармейская правда», я писал «Науку побеждать» — афоризмы пословичного склада («под Суворова»), относящиеся к пешему походному маршу и бою пехоты. Уже почти готова была книжечка. Но эта книжечка пропала вместе со всеми моими вещами. Писал также стихи для дивизионных газет тех частей, где бывал в командировках.

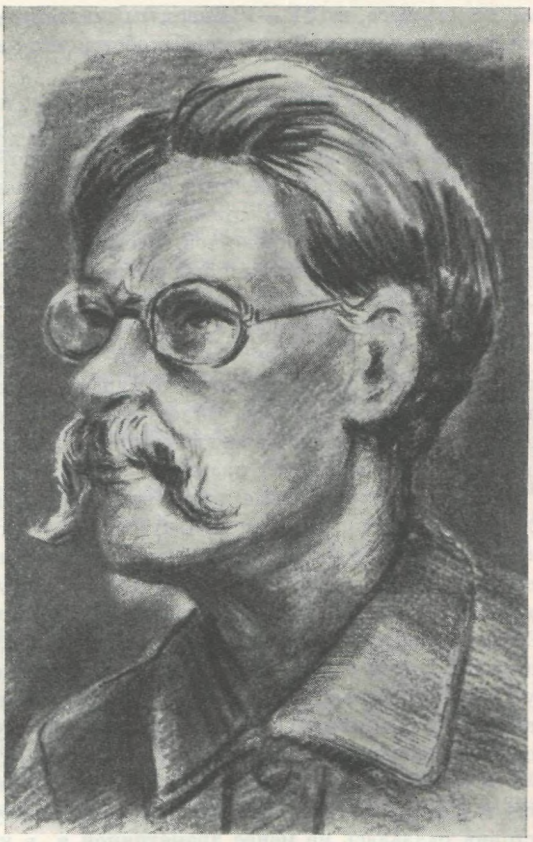
Записные книжки, из которых здесь публикуется малая часть, писаны в плену. Первую из них я начал в Минском лагере военнопленных — в лазарете, месяца два спустя после пленения, когда уже окреп и начал работать санитаром, т. е. примерно — в декабре 1941 г. Я помещался в тифозном изоляторе для лазаретного персонала, т. е. один среди 25 больных тифом, и в свободное время стал кое-что записывать. Позже в лазарете мою работу охраняли товарищи. Писал я во время ночных дежурств. В Минске же было написано несколько глав повести «Путешествие по временам и странам в поисках утраченной человечности». Позже, в Германии, мною написаны фантастическая повесть «Капитаны вселенной», «Этюды по диалектике художественной литературы», несколько произведений в стихах, много сатирических и лирических песен антифашистского содержания, которые пелись на популярные мотивы; некоторые «уходили» за сотни километров по Германии, из лагеря в лагерь.

Но главное было — публицистика, т. е. десятки брошюрок политического характера, обычно — по текущему моменту, на самую острую злобу дня. Писались они почти всегда как злободневная контрагитация, в опровержение и разоблачение лжи, распространяемой гитлеровскими и власовскими газетами. Особенно это стало возможным после того, как лагерная подпольная организация установила регулярное слушание радиопередач. Но были среди этих брошюр и посвященные темам общего политического порядка. Назову некоторые из них: «Что такое гитлеровский фашизм», «Что такое власовщина», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» (о роспуске Коминтерна), «Религия — опиум для народа» (по вопросу о «союзе большевиков с церковью», о чем много писали фашисты), «Красная Армия — армия мировой революции» (ответ на власовскую статью о «новых золотопогонниках» и об отмене комиссарских званий в Красной Армии), «Люди познаются на деле» (статьи на темы морали), «Памятка беглеца» (для тех, кто идет в побег), и т. д.— десятки тем и названий. Кроме этих политических брошюр, предназначавшихся для размножения и рассылки, всё было написано моей рукой. Оригиналы же политических брошюр и прокламаций непременно уничтожались после переписки их «нейтральным» печатным почерком, которым пользовались наши лагерные переписчики.

Многие из моих поздних работ (стихи, песни, брошюры, повесть, начало второй повести, теоретические философско-литературоведческие опыты) были обнаружены в

С. П. ЗЛОБИН —
УЗНИК ЛАГЕРЯ ЦЕЙТХАЙН

Рисунок А. И. Пахомова (угольный карандаш). Осень 1942 г. Собрание А. И. Пахомова, Сочи



лагерных подпольных тайниках специальной комиссией по расследованию фашистских зверств в лагере 304-Н и затем вывезены из Германии. Но архивы оккупационных органов Советской Армии еще до конца не разобраны, и эти бумаги где-то лежат среди «дел», находящихся, как говорят архивисты, «в тюковом состоянии».

Весь материал, содержащийся в обеих записных книжках, относится ко времени с декабря 1941 г. по июль 1942 г. В июле же 1942 г. мною была составлена газета «Пленная правда». Я переписал ее в трех экземплярах, которые и разошлись по Минскому лагерю.

«Пленная правда» датирована 10 июля 1942 г., а 22 июля, по доносу старшего врача лазарета Д. И. Тарасевича, лакействующего прислужника фашистов, я был обыскан и вместе с моим другом, офицером Дементьевым, Николаем Федотовичем, с которым мы готовились в побег, арестован и отправлен в глубь Германии, в лагерь 304-Н на Эльбе. Там-то мы с Н. Ф. Дементьевым (его кличка была «Борода») сложили подпольную организацию, которая и рассылала наши злободневные брошюры далеко за пределы лагеря.

* * *

* В своем предисловии к настоящей публикации С. П. Злобин (1903 — 1965) рассказал о том, в каких необычных условиях он заполнял в плену записную книжку. Свой рассказ он доводит до того момента, когда в июле 1942 г. он был арестован и отправлен в глубь Германии. Здесь, в лагере 304-Н (Цейтхайн, Дрезденский округ, Саксония), начался новый этап его жизни и борьбы. Публикуя записи, сделан-

---

* Эта часть предисловия написана З. А. Прокофьевой.— *Ред.*

ные им до этого, в 1941—1942 гг., мы считаем необходимым коротко ознакомить читателей с последующей историей обеих его записных книжек, представленных в публикации.

Первую из них писатель, готовясь к побегу, передал на сохранение надежным товарищам по плену, которые и спрятали ее под стропилами крыши на чердаке здания, где помещался лагерный лазарет. К моменту освобождения Минска Советской Армией (3 июля 1944 г.) место, куда была спрятана книжка, оказалось забытым, но воспоминание о С. П. Злобине и об оставленной им в лагере записной книжке сохранялось в памяти военнопленных-старожилов. Ничего не зная о дальнейшей судьбе Злобина, они полагали, что после ареста он был расстрелян. Об этом, а также о существовании записной книжки они сообщили жене писателя Г. Н. Злобиной, которая предприняла ее розыски, оставшиеся, однако, безрезультатными.

Позднее, во время ремонта зданий, расположенных на территории бывшего Минского военного городка, где в годы оккупации немцы разместили лагерь военнопленных, среди строительного мусора была найдена записная книжка, явно относившаяся ко временам плена, но неизвестно кому принадлежавшая. Тогда же нашли и один уцелевший экземпляр «Пленной правды».

Нашел эти драгоценные документы ученик пятого класса одной из минских школ Юзик Валюкевич «Пленную правду» он в 1949 г. передал в Минский музей истории Великой Отечественной войны, где она и хранится в настоящее время*. А записную книжку он отнес известному белорусскому поэту Максиму Танку. Единственное указание на автора, которое М. Танк обнаружил в прочитанных им записях, было имя — «Емельян Баграмов», ничего ему не говорившее. В Союзе писателей СССР, куда он направил запрос о Баграмове, такого писателя тоже не знали. Тогда он передал записную книжку в редакцию «Нового мира», где уже было известно, что загадочная фамилия является псевдонимом Степана Злобина — к этому времени вторая его книжка, о судьбе которой рассказывается ниже, уже вернулась к своему автору.

Эту вторую записную книжку С. П. Злобин, готовясь к задуманному побегу, зашил в стенку санитарной сумки, служившей ему вещевым мешком. Ее последующая история оказалась не менее драматичной и, в конечном итоге, не менее счастливой.

После прибытия в лагерь 304-Н Злобин, по установленному в фашистских лагерях порядку, был подвергнут обыску, в результате которого сумка была у него отобрана. В дальнейшем новым его товарищам по плену удалось установить, что сумка находится в гестаповской комнате при лагерной тюрьме. Один из пленных, учитель из Мцхета К. Гагинешвили, сумел проникнуть туда — он распорол стенку сумки, извлек из тайника записную книжку и вернул ее Злобину. Однако при тех условиях, когда каждый день можно было опасаться налета лагерной полиции или обыска, держать книжку при себе было крайне рискованно. Поэтому Злобин и его товарищи по подпольной организации решили спрятать ее в надежное место. Ее зарыли в землю, где она оставалась и после того, как Злобина, незадолго до конца войны, отправили из Цейтхайна в другой лагерь, помещавшийся на территории Польши, в Лодзи.

После освобождения лагеря 304-Н советскими войскамив апреле 1945 г. записная книжка Злобина была найдена. Она попала в руки генерала Мансурова — однако имя писателя осталось ему неизвестным. По окончании войны генерал Мансуров уехал на Урал и увез с собой книжку. В 1946 г. он переслал ее в Москву, в Союз писателей СССР, надеясь, что там сумеют обнаружить ее автора. В Москве книжку передали писателю П. Гаврилову. На одном из писательских собраний он встретился со Злобиным и, зная, что тот был долгое время в плену, рассказал ему о записной книжке, которая, судя по тексту, принадлежала какому-то неизвестному Емельяну Ваграмову. Вопроса, не встречал ли Злобин в лагерях человека с такой фамилией, задавать не пришлось... Так, задолго до того, как была обнаружена первая (минская) книжка, вторая вернулась к своему владельцу.

---

* По фотокопии, полученной из этого музея, «Пленная правда» воспроизводится на стр. 141—144 настоящ. книги.— *Ред.*

В 1959 г. обе книжки были переданы С. П. Злобиным в Государственный Музей Революции СССР, где они и хранятся в настоящее время.

Из первой записной книжки в публикацию включены отдельные записи о плене, которыми она начинается, три стихотворения, а также прощальные письма к жене и сыну, написанные перед предполагавшимся побегом. За пределами публикации, кроме записей нелитературного характера (выписки из медицинских учебников, списки больных, находящихся в лазарете, и т. п.),остались следующие материалы: фрагменты будущей повести о враче Иване Варакине и майоре Анатолии Бурнине (они почти полностью вошли в роман «Пропавшие без вести»), поэма «Мушег и Канарик», многочисленные выписки из книг, которые Злобин читал в лагере*, а также черновой текст первых глав незавершенной повести «Тетрадь в зеленом сафьяне, или Письма из-за гроба».

Вторая книжка заполнена почти исключительно текстом этой же повести — сюда Злобиным были в перебеленном виде перенесены первые главы повести. Однако эту работу он не довел до конца — подоспел срок, намеченный для побега. Остаток чернового текста повести писатель вырвал из первой книжки (лл. 77—96) и вложил его в обложку второй книжки. В публикацию из второй книжки включены отдельные записи, которыми она открывается (в том числе короткое обращение к жене и позднейшая запись, сделанная автором уже после войны), и три отрывка из повести (из глав VI, VII и XI).

ИЗ ПЕРВОЙ КНИЖКИ

Первая ночь. Стоны. Беда, беда!

Утро: серые шинели, как кишащие кучи серых однообразных вшей. Они бесцветны и омерзительны.

Лежат шесть; понесли одного. Возвратились с пустыми носилками... Снова шесть. Положили и понесли сразу двух. Возвратились, взглянули — восемь...[1]

Шутка санитара (утром): «Кто умер — подымайте руки». Кладбищенский шут.

— Съел пайку хлеба, съел баланду и умер...

Пайка хлеба пропала!

— Отнесите меня на кладбище... Каменные сердца у вас...

Колонна не колонна — вереница на множество километров. Зеленые плащи с капюшонами. Все это похоже на средневековую процессию пилигримов. По бокам кривые березовые, еловые, можжевеловые палки. Не хватает зажженных свечей. Головы низко опущены. Обгоняя конвой, припадают на землю отдохнуть «контрабандой», задние отстают, последние сбрасываются со счетов [2].

Фамилии для повести: Иван Варакин, Анатолий Бурнин — майор.

---

* В Минском лагере оставалась часть книг из библиотеки военного городка, которыми и имел возможность пользоваться Злобин. В книжку внесены выписки из произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Горького, Гейне, Гете, Бальзака, Золя, Мопассана, Свифта, Гегеля, Вольтера, Аддисона, Дидро, Монтескье, Руссо, Бэкона, Фихте и др.

Утеря человеческих качеств. Стремление к еде, еде, еде!!! Банки вместо котелков. Скрежет ложек 10 минут по окончании еды.

Просьба: «Дайте какую-нибудь таблетку».— «Ну не таблетку, так капли!»— имитация процесса еды.

Хлеб на баланду, баланду на хлеб. Редкостный случай: косточка, мясо. Яростная и азартная торговля.

Состояние ступора. Неподвижный осетин с тоскующим профилем, и почему-то с ним связаны строки: «Пора, брат, пора! Туда, где синеет за тучей гора...» Вспомнил: с такою же неподвижностью сидит орел в зоопарке.

Последний час человека.

Самоутверждение личности криком: ай, а-я-яй, умираю! Айяй, ай-яяй! ... вашу мать, умираю же я!

Кричит надрываясь, стараясь всех разбудить,— последняя вспышка эгоцентризма.

Все разговоры вокруг еды. Как и что готовили, что ели, что бы сейчас съел, питание в армии и в колхозе, обстоятельства, при которых они очутились в плену.

— Воды! (Человек несет фляжку, набранную из водопроводного крана.)

— Три рубля.

(Пайка хлеба 100 граммов — 25 рублей, папиросы — 5 рублей.)

— Сволочи, сволочи — вы торгуете всем на свете!..[3]

Объекты продажи: изъеденные улиткой, затоптанные сапогами верхние капустные листья, половинка сырой картофелины; кормовая свекла — богатство, а еще большее — пшенный концентрат.

На закурку в руках махорочника листки со стихами.

— Дай-ка прочесть.

— На закурку бумага.

— Сейчас верну, рвать не буду.

— ?!!

— Верно, верно!.. Мне только прочесть...

С удивлением дал один листок.

В глазах двоится, троится: читает стихи. «Людмила в саду Черномора» до слов: «но старый Карла был не прав».

— Ага! «Был не прав!..» Значит я буду жив, буду спасен...[4]

Тиф. В первую очередь заболевает персонал, в частности — санитары.

Санитар в бреду бросился на проволоку. Его поймали, повели назад. Шел покорно босиком по снегу. И вдруг, обманув бдительность, кинулся назад... Повис на проволоке проклятой [5]. Вот и всё — просто!

Кто был санитаром?! Академик, профессор, поэт и т. п.??

На «четырех ногах» ползет по цементному полу выбрать из кучи дезинфицированного платья свой скарб, как собака с парализованным задом.

Звериный вой два часа пролежавшего голым, пока дезинфицировали одежду:

— Ой, что ж я сделал?! Что же я сделал? В чем же я виноват?!..

— Ты из Могилевской?

— Да.

— Ну, туда тебя скоро и отправят.

Надо много мужества, чтобы оставаться в твердом своем убеждении, несмотря на постоянные, систематические утверждения о гибели нашей армии, о победе ее врагов, о голоде в нашей стране, где остались родные и близкие без помощи и заботы.

Крик во сне — дикий страшный крик на весь лагерь, тонкий, пронзительный — не стреля-а-а-ай, господин!

Мысль — этот из прохвостов. Этот не уйдет никуда.

Маленькая женщина и разудалый лихой парень типа питерского клешника с завитком на лбу, гармонист. Ушли тихо, незаметно из лагеря. На следующий день все гадали: как это они выбрались?! А нет того, чтобы просто пожелать им доброго пути — нет — «как они?» — да какое вам дело «как»? Ведь если перед вами распахнуть ворота, то вы и в открытые не уйдете. Что же гадать?!

Молодой парень (со вздохом): «Эх, трудно должно быть сейчас Сталину!»

Могила на 700 человек. Большой крест. Обкладывают дерном. Не хватает только незабудок!.. «Лежит могилевский этап», т. е. пристреленные, отставшие от этапа.

В результате желания дать меньше работы своим санитарам, носят лишь этажом ниже тех, кого завтра нести на кладбище.

Больной спер ложку мази Вишневского, продает ее: ложка — пайка хлеба. Говорят: на хлеб с солью «вкусно!» (пахнет дегтем).

Карманные и ручные часы, как валюта. Снятые камни, выемка и обмен частей...

Сапоги — валюта.

Покойник не встал по команде «смирно». Начальство — в мертвецкую, а он лежит, повернувшись задом,— дать ему 25 горячих! [6]

Милая, родная, любимая Галька! Это еще несколько строчек к тебе, мое счастье. Детка моя, я уже здесь с сознанием, что каждую минуту должен изучать: 1) окружающее, 2) литературу, 3) собирать материалы для книги, 4) писать...

О прочитанном узнаешь, прочтя здесь же выписки из прочитанного. Читал все ночи, так как работал исключительно на ночных дежурствах.

Кроме того, всерьез занимался по теоретическим материалам психиатрией. Кое-чему обучился.

Кроме «Писем из-за гроба», написал рассказ «Мертвый дом». Но уничтожил его, сохранив лишь кусочек (в этой тетради). Работал напряженно и много. Мозгу размагничиваться не давал. Если погибну,— грустно, уж очень весь я собран и готов для интенсивной работы.

Ем. Б.[7]

ПЛАН ПРОЛОГА К «ПИСЬМАМ ИЗ-ЗА ГРОБА»

У дежурного столика. Проблема пленения и измены, ночные беседы, ополчение. Гибель культурных людей, их неуменье держать себя на войне, владеть оружием.

Муки плена не раненных, не контуженных, здоровых людей.

Психология больных, ходячих.

Особая категория подлецов ⟨...⟩.

Из-за них пленный не просто пленный, а покорный раб или политический преступник. Сами они холуи.

Главный врач лазарета и холуй унтер-арцта* приходят под предлогом проверки ночью в комнату женщин. Тискают. Визг из-за двери.

К этапам: пулеметом — отбой и пулеметом — подъем. Не меньше десятка людей каждый раз убито.

Полицай с резиной.

Полицейский Иван Быков и его роль в моей жизни (а такого и не было!) [8].

— Где здесь лагерь перебежчиков?

— Мне надо особый паек [9].

Общее к разным главам (бытовое). Полицейские; розги; карцер; мена; закурка — вроде «трубки мира» — символ общего братства. Буквы на одежде. Деревянная поступь, похоже на цокот копыт. Картина кладбища.

Площадь в Вязьме. Костры, распоясанные языки.

Рассказ о побеге из плена (поэма побега).

«Ванька-повар».

Нытик Линьков тошнотворен: «Два мира всего за 300 метров; там курочки, коровки, яички, молочко... Там семейная жизнь...»

---

* Unterarzt — младший врач, низшее военное звание для врачей в германской армии; здесь — немецкий врач, являвшийся начальником лазарета.

ПЛЕННАЯ ПРАВДА

№1
10 июля 1942 г.

Трудящиеся СССР. на борьбу за Родину СОЕДИНЯЙТЕСЬ!!!

Орган советской совершенно-правдивости.

Десятидневная газета бойца

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой. (Гёте).

Наша правда.

Нам, пленным негде узнать настоящую правду о каждом сегодняшнем дне. Немецкое радио, холуйские немецко-белогвардейско-поповские листовки, „правда" и „клич" белорусская минская газета и лагерейское брюхотрение лагерных и госпитальных предателей тварей из начальства — вот затемнители правды в глазах и сердцах военнопленных.

Но в нашем сознаньи, в наших умах неугасимо теплится искра нашей единственной Правды, объединяющей наши сердца, сердца разных братьев и сестер — детей одной матери РОДИНЫ. Эта наша правда заключается в сознаньи того, что наша страна победит врага, выбьет он всех наемников и бандитов и станет снова свободной.

Мы знаем — какие бы ни были испытания, плена, голода, пропитания, болезней, какие бы успехи не имел временно наш враг — конечная победа за нами.

Пленные только временно выбыли из братских рядов. Долг каждого — скорейшее возвращенье к борьбе за ОТЕЧЕСТВО — вот в нем наша неугасимая правда!

На фронтах.

I. Падение Севастополя, о котором так громко кричат в последние дни немцы и их холуи, было стратегически неизбежно и неминуемо. Отнятый от территории СССР, оккупированный врагами, благодаря предательству, в первый дня войны, осажденный более полгода, несущий тяжелые атаки с суши и моря, Севастополь не сыграл для СССР не коммуникационной, ни опорной базой для возвращения Крымского территории. Задачей его было в настоящее время и наибольшее истощение живой силы и мощной техники врага.

Эту задачу Севастополь выполнил. Эта победа отнесется к тем, по поводу которых Гитлер должен сказать словами древнего персидского полководца Пирра: „Еще одна такая победа и я останусь без войска."

II. Воронеж если и захвачен немцами, то путем авантюры. Это бесспорно кратковременный успех. Серьезная потеря Воронежа был бы для СССР сильным ударом, но до лишенно является поспешная авантюра немецкой рейдом и десантом, или танководвана, поскольку лишь каталом весьма Воронежский участок фронта.

Распознавай врага под всякой личиной.

Видя плохие успехи своей агитации среди военнопленных бойцов немецкие лакеи из самых подлых дезертиров — из перебежчиков, хотя лучше уходить своим ходевам, пытаются лишить искренних друзей СССР и его верных сынов. Они даже выкидывают сочиненные в правде немецкой военной информации. Они как бы осмелились высказать немецкую наглость.

ском бандитам, они выскакивают грязными языками: лучшая сочувствие Красной армии, а потом вкравшись к тебе в доверие, начинают исподтишка отравлять тебя ядом антисоветской пропаганды. „Мы за СССР, мы за Красную армию, мы за советскую власть, мы обороняем наше государство, — лопотят они вонючим шепотком. Вовремя разоблачай такого антисоветского брата на месте за язык и вытаскивай поганое дерьмо. Каленым железом.

«ПЛЕННАЯ ПРАВДА»

Рукописная подпольная газета, выпущенная С. П. Злобиным в Минском лагере военнопленных, 10 июля 1942 г. № 1. Первая страница

Белорусский музей истории Великой Отечественной войны, Минск

Гражданин СССР.

Это высокое звание не сможет отнять у меня никто. Оно в моем сердце. Отнять это звание можно лишь вырвав сердце из груди.

Пребывание во вражеском плену не лишает меня отчественного гражданства. Я останусь сыном моей родины и ее патриотом.

Прежде неслыханная наглость, которой от пленника требовали он делать вид, что он радуется плену. В Европе было принято уважать патриотизм пленного противника. Немцы тоже его уважали и уважали. Но, если бы не русские холуи, продавшие честь и совесть за кусок сахару и за тарелку мясного супа. Эти мерзавцы внушили германцам, что они приобрели власть не только над телом, но и над мыслями и чувствами пленных. Белогвардейско-немецкие лакеи насобирав партийные билеты ВКП(б) и изобразив восторженное пилование по поводу фашистского плена дали право немцам считать, что весь наш народ ради спасения своей шкуры и за лишну топленого масла (кстати — ограбленного у нас же) отречется от родины и станет изменником. Моральные лакеи Великогерманских империалистов, господа начальники плен-ных учреждений в своем время получат расплату за все.

А пока, товарищи и братья военнопленные, помните, что нет ничего выше достоинства сына нашей родины. Каждую минуту чувствуйте себя гражданами СССР и держитесь так, чтобы каждый товарищ мог вами гордиться. Н.

Пленные из Керчи.

Сознавая, что каждое слово немецких газет и радио в чем ни будь изжеш, товарищи пленные жадно бросаются на каждого человека позуших бывшего на территории занятой Красной армией. Так набросились мы на пленных из Керчи, стремясь узнать о жизни Красной армии и СССР.

В результате первых же бесед у многих товарищей тоскливо заныло сердце и сделалось подавленное настроение.

— Почему? что рассказали новые пленные.

Они заявили командирам Кр. Армии, что по приходу в плен, жаловались на то, что в последнее время голодали по целым дням.

— Наш и командиры изменники!

— Вся наша армия голодает!

— Наша родина погибает! — раздались голоса и каждый вдруг потерял и голова поникли.

Дорогие товарищи и друзья! Отнесся критически к каждому слову политического информации.

Новые пленные говорят:

— Сидите на первой день голодный, на другой день голодный, не выдержав положенца на штык и пошел в плен.

У немцев на кормлении хватает...

Товарищи, помните: человек который пошел в плен за колбасой — это предатель. Он обвиняет немцев, чтобы оправдать себя. Он заявляет, что это колбаса стоит мясо других товарищей. Он просит позиции, за сохранение которых они погибли!..

Что за вайка тот, кто не понял что обстановка перед войной заставляет иногда просидеть голодным и сутки и двое. Кто не может день-два голодать за родину, тот конечно не может отдать за нашу тот изменник присяги.

Товарищи! Помните, что в окружении и осаде в отрезанном Крыму в 10 раз меньше хлеба, чем в любой другой точке фронта и обстановку Крыма нельзя распространять на другие участки фронта.

Не повторяем панике, которую сеют изменники и трусы в оправдание своего предательства.

Помощь — победа за нами!

К.П.

«ПЛЕННАЯ ПРАВДА»

10 июля 1942 г., № 1. Вторая страница

Зачем дело стало?

Вчера победа, сегодня победа, завтра победа... Победа до завтрака и после обеда. Разбито [illegible], там обнаружено: победа на зарядке и после ужина. Так гласят германские сводки, на весь земной шар, сотрясая эфир, отнюдь не жалея собственной глотки...

Хотите верьте, хотите не верьте — вся Красная Армия предана смерти, Верховный совет в Иркутске низложен, Воздушный флот СССР уничтожен, Московские флотилии пошли ко дну, советские горы огнем растоплены, советские реки навеки высушены, все укрепления и доты разрушены. Еще подначением и быстрее прим ворвался в пределы советской страны. Heil Hitler, hop, hop!

Но трещит в среду арийский лоб. Как выдержать верить, — давным-давно в войне начат с немцами все решено. Звезда над Кремлем зажглась, отвалилась!.. Что делать? Сам не будешь — подомой [illegible] войну? Зачем дело стало?

Батов

Что такое — антисемитство?

Антисемитизм — это уродливое звериный средневековый предрассудок, принадлежность самых реакционных слоев общества.

Травлю евреев государственные черносотенцы и фашисты затеяли и разжигают повсеместно для того, чтобы отвлечь внимание рабочих в момент наибольшего их закрепощения капиталистами, отвлечь рабочих от классовой борьбы...

Не дерзко по законам СССР всякая агитация направленная к развитию национального антагонизма по закону карается тюремным заключением. Каждый антисемит враг братства народов, враг победы трудящихся — и вообще — враг.

Антисемиты в среде советских людей ведут агитацию тихой сапой.

Не поддавайтесь провокации обрывки на полуслове какого антисемита. Не дойдет [illegible] пленных их агитации, не повторяйте за ними „жид, жид, жид!" Каждый поддавшийся этому влиянию — сообщник фашистов против СССР.

Долой антисемитизм!

„Ч."

Хроника

— В Нижнем лагере с работ ушел на волю тех: [illegible] тов N.

— Из лагеря при госпитале и из госпиталя ушла двое: повар-веселый гармонист и маленькая, как маленькая девочка сестра Оля.

Редакция от души желает им успеха.

— Сообщают, что из городской посадной команды 630 человек, бежали 26. Осталось 4.

Рабочая команда из самцев высылается в Нижний лагерь насыпать холмик и лаять дерном могилу тоже убитых за то, что были слабы и не могли идти строем.

Холмик, дерн, большой крест „Какая арийская цивилизованность!" Гуманность!

Батов

Примечание — Ред.

Что такое — антисемитизм? — Это уродливый средневековый предрассудок, принадлежность самых реакционных слоев общества.

Травлю евреев государственные черносотенцы и фашисты затеяли и разжигают повсеместно для того, чтобы отвлечь внимание рабочих в момент наибольшего их закрепощения капиталистами, отвлечь рабочих от классовой борьбы...

Не дерзко по законам СССР всякая агитация направленная к развитию национального антагонизма по закону карается тюремным заключением. Каждый антисемит враг братства народов, враг победы трудящихся — и вообще — враг.

Антисемиты в среде советских людей ведут агитацию тихой сапой.

Не поддавайтесь провокации обрывки на полуслове какого антисемита. Не дойдет [illegible] пленных их агитации, не повторяйте за ними „жид, жид, жид!" Каждый поддавшийся этому влиянию — сообщник фашистов против СССР.

Долой антисемитизм!

„Ч."

«ПЛЕННАЯ ПРАВДА»

10 июля 1942 г., № 1. Третья страница

ДЕШОВАЯ БРЛАНДА.

Цена дурацкой веры...

Недавно к нам в госпиталь прибыли больные из числа пленных, бывших на работах в прифронтовой зоне. Один из них, когда мы несли его на носилках, сказал нам, что он перебежчик и спрашивал кому подать заявление об особом перебежческом пайке.

Подлец не понимал до чего он глуп и смешон...

Я предложил ему продать свой пропуск в плен, обещав заплатить две пачки махорки и буханку хлеба. Он согласился. Постепенно повышая цену, я "переплатил" ему уже 3 пачки махорки, а взял буханок хлеба и кусок масла... Перебежчик согласился всерьез и боялся продешевить...

Не дождавшись господской подачки за измену, бедный дурак скончался

санитар

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР.

— Правда-пленных белорусского корпуса домой отпустят?

— А ты какой области?

— Могилевской

— В Могилевскую всех отпустят. Калужан, брянцев и тех [illegible]

Сидят в кухне, брат, вор на воре,
Сокогону у воров море,
Ботинки, яиц и горы сала.
Пожирает вор, кричит: "мало!"
Воры в кухне и воры в хоре.
А больным в лазарете — горе.

„около"

Пословицы, поговорки, загадки.

Измена — мать плена.

Ничего нет горьше хрена, тоскливей плена.

Колючей проволоки зубами не перекусишь.

Хочешь сам на волю — держи язык на веревочке...

Не хитро выйти, хитро войти.

Перебежчику и всякий в глаза плюнет.

17777

Морозной зимой не доедешь домой, а дождешься лета — хоть на край света.

Хлеб ешь с плесенью дома будешь осенью.

Поешь черного хлеба да жидкой [redacted] бланды, разом станешь [redacted] готов хоть куда. Не станешь страшиться ни пули ни грому. За проволоку да разом до дому.

Минск — Смоленск

Об'явления.

Дешево продается ЧЕСТЬ и СОВЕСТЬ бывшего советского инженера

Stalag 352

Немецкие утки из собственного инкубатора.

Stalag 352
Госпиталь 56 отдел.
Вр Вишенин.

Комиссионная контора сватовства и супружества „СВАТОСВОД" вниманию т.т. немцев. Большой выбор девочек. Г. Минск

ТАРАСЕВИЧ и К°

«ПЛЕННАЯ ПРАВДА»
10 июля 1942 г., № 1. Четвертая страница

— Болван! Я был бы несчастнее, чем сейчас, если бы жил на пленной земле вместе с сыном и женой...

Главное я считаю для себя за эти годы (?!) написать эпопею первой половины XX в. Преддверие 1905 г., японская война, революция 1905 г. (Броненосец «Потемкин»). Война 1914—1917 гг. Гражданская война. Коллективизация. Индустриализация. Борьба с троцкизмом. Вторая мировая война. Всё.

Эх, дочка моя, как бы мы с тобой работали [10].

Ем. Б.

СТИХИ

Лирика

И снится ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежит в долине той...*

Лермонтов. Сон

Ты веришь в сон и в чох, в разбитые зеркала,
В возврат с пути, в прощанье чрез порог,
Боишься псов и пчел, грустишь, что отсверкала,
Что не пройти задуманных дорог
Нам об руку, плечо к плечу, как прежде,
По жимолости, ржи и лебеде
Вдоль полотна до станции: надежде
Шлагбаум спущен, путь открыт беде...
Увидимся ль? Услышимся ль? — пожалуй,
Ты выйдешь замуж, кончится война,
Сойдут потопы, отгорят пожары,
Нам возвратит Безвестность имена...
К обеду ты получишь телеграмму,
Сквозь слезы вспыхнешь, крикнешь сыну — «жив!..»
Мальчишка вскочит и обнимет маму
И голос у мальчишки задрожит...
А там, как знать... В больницах и острогах
Все верят снам... Я тоже видел сон —
Крик из-за гроба, душный хрип из морга,
Идут недели — не смолкает стон...

Ни в сон, ни в чох, ни зеркалу, ни Фрейду...
Но Лермонтов с свинцом в груди, как я,
Лежал в бреду... А ты за дымкой бреда,
Ты видишь ли, как кровь течет моя?!..

«Я — полковник Шабер»

О. де Бальзак. Полковник Шабер

Победа, мир, а ты все ждешь известий,
Не устаешь на улицу глядеть...
Куда как просто в поле умереть
Под куполом клубящихся созвездий,
Когда поет губительная медь,
Зовет вперед, огнем ревет о мести...
А если нет... Очнешься — тишина.

* У Лермонтова: «И снилась ей долина Дагестана;/Знакомый труп лежал в долине той...» — *Ред.*

Тяжелый смрад и сумрак мир объемлет...
Ты вскрикнул... Но могила не слышна —
Сам слушаешь, но уж не слышишь землю...
А рядом храп и стоны мертвецов —
В могиле братской братья молят брата:
— Подвинься, друг, ты стиснул мне лицо...
— Полегче, брат, нога моя прижата...
— Проклятые, вы мне размяли грудь!
— Ты сам мне давишь мой пробитый череп!..
— Мой глаз течет, подвиньтесь как-нибудь!..
И шип и шум... Кишат, как каша, черви...
Как каша, черви хлюпают в сердцах,
И мертвецы лежат на мертвецах...

Все шатались от слабости и шли, опираясь на палки, нарезанные дорогой на опушке леса.

Э. Золя. Разгром

Пойди узнай — во сне иль наяву
Мы шли тогда и падали, чтоб снова
Встать и топтать пожелкшую траву,
Тащась часами без души и слова...
Холмы лежали — мертвые горбы
Земли родимой, проданной изменой.
Скрипели санитарные арбы...
Мы в плен брели, чтоб не уйти из плена.
В плащах печальных, словно гурт рабов,
Толпой монахов, сонмом привидений
Нас гнали в плен и павших без гробов
Бросали воронью на поеденье...
В ночи, не чуя одичалых тел,
Мы жгли костры, чтоб греть гнилые раны.
В чаду и смраде мглистый сон летел
Сквозь душные, холодные туманы.
Когда ж восток восходами желтел,—
Печальных привидений караваном
Мы дальше шли, покинув свой ночлег
И сотню трупов выбросив с телег.

А стихов так больше и не писалось — видно, я стал с годами безнадежным прозаиком.

Эти три (правда — не плохих?!) стихотворения и есть окончательно всё, дальше писалась лишь проза. Рассказ о Варакине был закончен, потом уничтожен и превращен в заметки. Армянская поэма «Мушег и Канарик» не закончена. «Письма из-за гроба» написаны в двух вариантах. А сколько заметок не использовано!..

Дорогая моя родная Галка!

Это письмо без литературы: просто к тебе. Вот я кончил работу, которую мог сделать здесь: написал небольшую книжечку [11], которую в отредактированном виде захватываю с собой, а в первой редакции оставляю в этой тетрадке. Заметки все понадобятся, если останусь в живых. Останусь ли? Кто знает. Жить здесь больше не могу. Две ночи назад закончил эту тетрадку, зашил в подорожную суму рукопись — и всё. Теперь я

«ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ»
Рисунок А. И. Пахомова (карандаш). Лагерь Цейтхайн, 1943
Музей Революции СССР, Москва

готов. «Творческая командировка» в плен закончена. Пора выходить на волю. Это очень затруднено тем, что от нас скрывают обстановку фронтов, и я не знаю, в какую сторону лучше идти, в какую сторону ближе идти к фронту. Если поймают в пути — могут засечь плетьми, могут застрелить, повесить, а могут, уже возвратив в лагерь, уморить в карцере. Не знаю, чем кончится мое предприятие, но ждать больше не могу: я узнал, что такое ностальгия. Прежде я не думал, что это *болезнь*. Это тоска по родине, но я не думал, что это в самом деле болезнь, которую нельзя преодолеть! Я тоскую и по Родине и по тебе с Налимкой. Пришел сезон. Ждать больше нечего: тепло, кусты и деревья зелены, трава достаточно высока — надо пробираться. Я еще не знаю, как я это сделаю, но день и ночь думаю только об этом.

Три дня как бросил курить, чтобы не отдавать пищу за табак и, если придется в пути голодать, то чтобы не сразу упасть от истощения. Думаю, что сейчас запаса жизненной энергии у меня хватит дней на пять-семь полного голодания. Думаю, что больше пяти-семи дней и не понадобится: попытаюсь перед побегом сделать хоть маленький запас питательных продуктов (сахару и жиров), но это очень трудно, так как сахару мы месяца два не получаем совсем, а жиры тоже надо получить обменом...

Не знаю, донесет ли кто-нибудь до тебя весть обо мне и о том, как я погиб (если погибну), но уверенность почему-то есть во мне, что буду я жив, что сам дойду, а за этой тетрадкой приеду после войны, или после возвращения Минска Красной Армией.

Как нужно сейчас попасть в СССР! Как надо сейчас работать, как нельзя оставаться бездеятельным и пленным! Это сознание мучит не только каждый час, но и каждую минуту.

Тот, кто сообщит о тетрадке, вероятно, расскажет тебе и о том, как я жил в плену и чем занимался. В Минском лагере знают меня сотни людей, прошедших через госпиталь. Я думаю, что хорошо заработал их доброе отношение. Если буду жив, то все это напишу сам. У пленных глубоко развито сознание, что я должен остаться жив, чтобы написать о страшной

эпопее плена. Думаю, что это сознание многих заставит помочь мне в побеге.

Так много видеть и пережить, как здесь за эти несколько месяцев (октябрь — июль), это переделывает всего человека. Я теперь спокойно вижу смерть, какой бы она ни была: медленная или скоропостижная, естественная или насильственная. Мне самому ничего не стоит сейчас зарезать или отравить человека. Могу удавить, могу рассказывать анекдот рядом с постелью агонизирующего больного... Это просто факт — и рассказывал, и слушал, и досадливо морщился — оттого, что страдальческий крик умирающего мешает разговаривать мне с приятелем...

Я думаю, что после этой собачьей школы жизни и смерти я стал бы писать лучше, чем писал раньше, и судьбе, пожалуй, стоило бы оставить меня в живых. Но... как знать...

Любимая, родная, ты сама сумеешь в «Письмах из-за могилы» отличить литературу от того, что мною обращается лично к тебе!..

Доченька, ясная моя! Я представляю себе, как труден тебе этот год, как часто ты впадаешь в отчаяние, как много работаешь, как тяжело живешь...

И я не думаю, чтобы Налик особенно исправился и причинял меньше хлопот и забот, чем раньше. Может быть, даже еще и больше... Я представляю себе, что в среде писательских жен ты не нашла никакой поддержки... Но, деточка, я не мог бежать раньше. Ведь раздетый в холодную пору не побежишь, а сегодня у нас тут стоял лишь третий день летний, не знаю — как реки? Ведь придется где-то переплывать Березину, Днепр, Десну — думаю, что теперь они уже не холодны, но раньше хоть на одну неделю, конечно, было еще невозможно переплывать их, тем более — в одежде, а ведь идти по мостам нельзя — всюду стоят немцы.

Начальник госпиталя, где я нахожусь, подлец и фашист Тарасевич, врач, приятель семьи Н. Н. Сидоренко [12], сегодня в одном разговоре (без меня) назвал меня «ярым большевиком». Когда здесь вслух говорят такие слова начальствующим немцам, то это приводит к печальному концу. Потому мне особенно настоятельно надо заканчивать свое пребывание здесь *немедленно*.

Есть несколько вариантов, но все одинаково сложны. Ведь мы обнесены тремя рядами колючей проволоки и окружены пулеметами, не говоря уж о том, что сверх этого вокруг лагеря ходят часовые с винтовками, а дальше начинается путь, полный сюрпризов: дозоров, секретов, постов, засад, карательных и заградительных отрядов под ложным обликом наших партизан... А до фронта, насколько я понимаю, *не меньше* (а может быть и много больше) 150 километров [13], а ночи короткие и в ночь можно пройти не более трех часов по 5 километров = 15 — значит идти дней 10 minimum, да прибавь на всякие осложнения (обход болот, железнодорожных станций и т. п., встречи с немцами и необходимость переждать и т. д.). Итак, самое благополучное — 15 дней пути до фронта. Да еще придется выбирать место и момент перехода фронта — еще дня три-пять. Предстоят серьезнейшие испытания... Вот почему, заканчивая эту заметочку, я считаю должным проститься навеки с тобой и с сыном.

Дорогие, любимые мои!

Больше всего на свете хочу видеть вас, быть с вами вместе хоть два-три дня перед новой отправкой на фронт. У нас есть слух от пленных, попавших позже, что это так и делается, что пускают ненадолго домой, прежде чем зачислить в часть. Это будет самый счастливый миг в моей жизни, когда (если) я вас увижу и обниму...

«В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ»

Рисунок А. И. Пахомова (тушь). Лагерь Цейтхайн, 1942

Музей Революции СССР, Москва

На обороте надпись художника: «В 304 лагере 93 тысячи человек так совершили свой последний путь»

Я представил себе уже тысячу раз мой приход к вам и все тысячи раз я чувствовал, как сердце тревожно бьется даже от одного воображения... Боюсь, что оно просто лопнет, когда не в воображении, а реально я встречу вас.

Не упрекай меня, Галя. Я знаю, если погибну, то ты будешь жалеть, что я решился на побег, но дело в том, что если я не побегу, все равно — погибну или зимой от голода, или на этапе замерзну, или повесят по рекомендации доктора Тарасевича... Все равно это гибель. Что же сидеть и ждать ее?! Лучше не ждать, а идти. Тут может быть плюс на жизнь, мне кажется я схвачу этот счастливый номер.

А если нет — судьба. К сегодняшнему дню я уже оплакан и похоронен тобой, значит, все уже пережито, а это главное...

Прощайте, родные, любимые! Хочется жить, хочется, Галка, вместе работать, вместе растить Налимку.

Хочется участвовать в огромной жизни СССР, в победу которого я верю *все время* неизменно и всегда заставляю верить других. Милые, обнимаю, целую вас. Люблю вас. Весь, весь вместе с вами.

Весь ваш папка.

Как много и часто думается о том, что все могло быть совсем иначе. Не плен, а битва, не бессилие и позор, а подвиги... Если бы не мина, которой я был засыпан тогда на опушке, может быть удалось бы выйти к своим и вывести из окружения... Нет, милая, сколько бы ни было проволок на пути, я дойду. Через партизанские леса, через засады, через тысячи

невозможностей. Пусть все фашисты со своими собаками встанут на пути, я пойду! Жить еще и дальше рабом невозможно... Перед лицом этого страшного мракобесия, которое разлагает самые души советских людей,— другого выхода нет, как побег... А если пуля? Ну что ж! Она и без того может настигнуть тебя каждый день.

Если бы я был коммунистом и членом партии, то я бы и здесь нашел себе дело. Я бы даже считал, что не имею права бежать, бросая массу людей, советских граждан, на растерзание своре фашистов. Но сейчас кто-то другой, кто послан сюда партией, должен соединить распавшихся людей. Ведь их и можно объединить только силою и авторитетом партии. А что могу сделать я, «беспартийный»? Кто это мне позволит руководить, объединять? Тут один человек, которого ты знала, Ем. Баграмов, попробовал выпускать газету. Первый номер вышел несколько...* [14]

Может быть, даже они существуют здесь, рядом со мной, но мне не доверят... В таком-то именно случае, при таком положении и нечего ждать. Кому и зачем я здесь ⟨нужен⟩? В эту трудную зиму я отдал себя по-чеховски что ли, а, может быть, и по-толстовски служению людям, но так ли, как это было нужно? Нет, не в полную мощность, а по линии наименьшего сопротивления, индивидуально обслуживая поносников, вынося ведерки с испражнениями. Конечно, это человеческий долг, но хоть я и помогал своим «личным примером», это совсем не означает, что сделал много.

Я хорошо представляю себе, что было бы нужно и *возможно* тут совершить именем партии и голосом командира. Но у меня нет права ни на то, ни на другое... Значит, я просто пленный солдат, простой пленный раб, как «варвар» у римлян и больше ничто, а это почти что ничтожество...**

Хочется сказать словечко и тебе, сын, тебе, мальчик мой. Дойдет ли оно до тебя? Трудно представить себе, что дойдет через столько проволок и столько засад, пулеметных гнезд и всяких препятствий, которые арийские «господа» устроили на пути наших мыслей и слов, обращенных друг к другу.

Сынка мой, когда ты сумеешь прочесть это письмо,— ты подрастешь и станешь сильнее и умнее. Помни, сын, Налик, что твой отец погиб тогда, когда пошел добровольно на защиту Родины. Ее всегда надо беречь и защищать, как всегда надо беречь и защищать мать. Если я погибну, то она останется под твоей защитой. Сумей защищать ее, как сумел бы беречь и защищать ее я...

Мы тут разучились улыбаться, но помним о вас, о далеких и таких родных. О вас, о вашей будущей жизни были тут все наши мысли, все думы. Мы кричали в душе вам о нашей советской Родине: «Да здравствует!» Мальчик мой маленький, когда подрастешь, то кричи во что бы ни стало: «Да здравствует!» Это кричат сильные духом. Они кричат «да здравствует» всей жизни и своей Родине даже тогда, когда сами гибнут от голода, болезней и пули. Мы тут, умирая и идя в побег, и в тифу и в бреду, любим жизнь и нашу Родину, мы кричим ей наше «Да здравствует!»

Да здравствует победа СССР! А потом настанет тишина и мир, голубое небо, и девочка или мальчик, как ты, с задумчивыми глазенками слушает на поляне музыку и забывает часто о том, что он боится неба***.

---

* Лист поврежден — следующая далее часть текста отсутствует.— *Ред.*

** Лист поврежден — окончание письма не сохранилось. —*Ред.*

*** Далее зачеркнуто две строки текста.— *Ред.*

«РАСПРАВА»

Рисунок А. И. Пахомова (тушь). Лагерь Цейтхайн, 1942—1943 гг.

Музей Революции СССР, Москва

ИЗ ВТОРОЙ КНИЖКИ

⟨Запись на первом листе второй книжки:⟩

В Союз советских писателей. Там разберутся по карточке и почерку (из плена).

Дедушка, донеси до наших [15].

Милая Галка! Родная!

Я понимаю, что эта рукопись не совершенство, а лишь материал, но из этого можно сделать то, что нужно сегодня стране.

Написав, я считаю, что пленные дела закончил. Передал еще на хранение тетрадку — копию. Когда-нибудь она до тебя дойдет. Там есть стихи для тебя.

Ем. Баграмов

Дата окончания этой работы 9/VII. Пора уходить.

Это было в 1942 году. 22 июля 1942 г. по доносу старшего врача лазарета в Минске Тарасевича (из Ростова н/Д.) автор книжки Ст. Злобин был арестован гестапо и отправлен в Германию в лагерь 304-Н (Цейтхайн), где и хранилась эта тетрадь зарытой в землю. В 1945 г. передана генералу Мансурову, который переслал ее в Союз советских писателей*.

---

* Позднейшая запись, сделанная автором после войны.— *Ред.*

ТЕТРАДЬ В ЗЕЛЕНОМ САФЬЯНЕ, ИЛИ ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРОБА [16]

— Милое дитя, ведь вы умерли!
— Дорогой друг, немножко умереть —это ведь ничего не значит.

Гейне. Путевые заметки. Книга Le Grand

... Необходимо отомстить за наше несчастье, чтобы у нас хватило мужества жить.

Э. Золя. Разгром

I — V

. . . . . .

. . . . . .

VI

Клюет и бросает и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно...

Пушкин

Неподвижность и отупение — эти косные сестры всегда лежат рядом...

Еще в товарном вагоне, где 40 человек раненых пленных занимали место восьми лошадей, перед тем проехавшихся по праву в вагоне и оставивших свой уютный запах и невинные следы на полу,— еще там Балашов не мог оторвать свой взгляд от недвижной фигуры, на которой окаменели, казалось, даже складки ее плаща. Картинность ее поражала, и рука сама тянулась к карандашу... Но нет, не тянулась — его руки еще и тогда по-старчески дрожали, в глазах двоилось, в ушах стоял гул, подобный гудению самолетов. Но все же живая окаменелость одной из пленных фигур еще и тогда просилась... скорее даже не в живопись, а в скульптуру... Этот пленный боец сидел на полу вагона, подобрав к себе ноги, плотно сжавши колени и уронив на них голову в защитной пилотке с закрытым ладонями лицом...

«Трудно представить себе человеческую фигуру компактнее и монолитней»,— подумал тогда Балашов. Однообразие серо-зеленой одежды и часовая неподвижность всего существа создавала общее впечатление скульптурной окаменелости этого человека... Балашов искал название этой картине. В удачно найденном названии часто для себя самого проясняется главный смысл всей картины, основное ее содержание... «Бедствие», «Скорбь», «Плен»...— перебирал Балашов. Он тут же одернул себя за дурной вкус. Ему показалось, что от этого старомодного символизма пахнет сентиментальностью и нафталином...

Но здесь, в долгой безвестной неволе, где все, кто не умер, медленно сходят с ума — одни деревянеют, другие становятся сентиментальны. Когда придет время выйти из этой могилы,— эти последние будут способны плакать, как дети, по всякому поводу и... без всякого повода — тоже...

Но большинство впадает в другую крайность — деревянеют. Нервы их как бы атрофировались, и даже выражение их лиц, как масками, сковано каменным и недвижным безразличием...

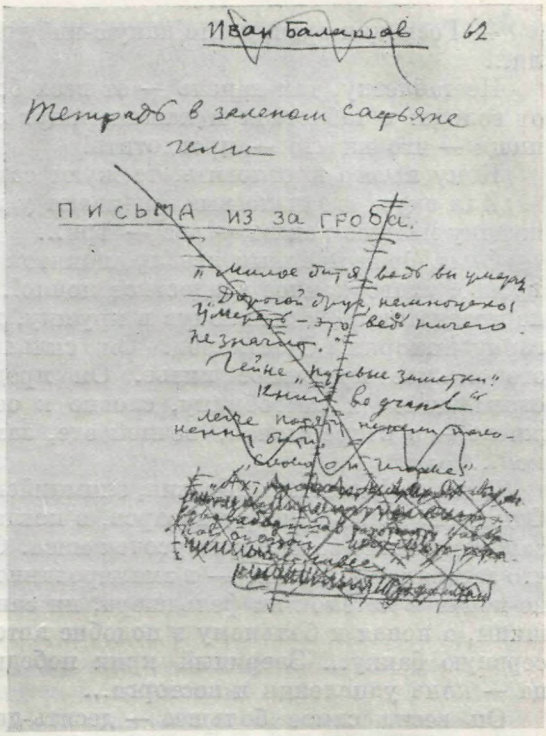
Балашов наблюдал одного осетина. Изумительно правильные и прекрасные черты его лица оставались недвижными по долгим часам — от еды до еды. Он полулежал, откинув назад голову, чуть приспустив веки. Но он не спал. Он глядел, хотя неизвестно, что он в то время видел, но даже, может быть, видя, он виденного не замечал... Выражение лица его было надменно и гордо от самой природы. Даже теперь могло показаться, что он из гордости не удостаивает вниманием окружающий его рабский мир опозоренных пленом серых безликих шинелей...

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА С.П.ЗЛОБИНА

Страница с титульным листом чернового текста повести «Тетрадь в зеленом сафьяне, или Письма из-за гроба»

Минский лагерь военнопленных, 1941—1942 гг.

Музей Революции СССР, Москва



При взгляде на него Балашов не раз почему-то твердил эти строки:

Клюет и бросает и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно...

И только много спустя он понял в чем дело: эта царственная по внешности, но тупая и бессильная по существу, неподвижность присуща орлам, которых не раз он видывал в зоопарке, куда любил ходить с Юркой.

Так же тупо и неподвижно сидят они в клетке часами и только в час корма жадно бросаются на еду и с унизительным криком животного торжества остервенело пожирают свой кинутый палачами тюремный паек...

Кто там верит еще в орлиную гордость?!

В ней нет ничего, кроме чисто декоративного эффекта. Неподвижность и тупость нарушаются только одним жадным желанием набить свой зоб, и снова затем наступает такая же деревянная неподвижность — молчание ума и чувств...

Унижения голода, голод!

Бессильной походкой людей, которым в тяжесть собственные ноги, медленно шаркая по цементному полу, проходят люди, похожие на обтянутые пожелтелою кожей скелеты. Это всенощное паломничество в клозет. Их пища — несколько граммов муки и несколько литров воды. Пока не нарушен водный обмен организма и не вступили в права голодные отеки,— они слоняются подобно страдающим мочеизнурением, чтобы выбросить бесполезную воду.

В робкой и почтительной молчаливой нерешительности, наклонившись вперед от слабости, они останавливаются перед столиком, чтобы попросить у дежурного:

— Господин врач, дайте какую-нибудь таблетку... Или капель мне что ли...

Не таблетку, так капель — от всех болезней... Они ищут «лекарство» от голода: в таблетках и каплях ищут самообмана, иллюзии, имитации пищи — что ни что — проглотить!

Кому нечего проглотить, те жуют сапожный вар, парафин или воск. Для вкуса и запаха выклянчивают у дежурного санитара покапать на жвачку мятную каплю — две — три...

О ты, божественный нектар, напиток богов — ипекакуана! Молочно-мутное, благоуханное сладостное пойло!.. Один больной обманул врача, не проглотив ее, а выплюнув в кружку, добавив воды и продав ее за цигарку махорки. Счастливец! Он сильно кашлял и потому получил это нежное ароматное питье. Он продал его голодным романтикам, стремящимся к самообману, словно к осуществлению сказки о райском житье,— о непрерывной, вечной еде, заменяемой круглосуточной жвачкой...

О ты, мифическая амброзия, олимпийская пища небожителей — мясо!... Однажды, по недосмотру поваров, в котле, в черпаке и в раздаточном лазаретном бачке затерялся кусочек мяса. Он был до того незаметен и мал, что затерялся и дальше — в эмалированном палатном ведерке и дальше — не попал в котелок ни фельдшера, ни санитара, ни даже палатного старшины, а попал к больному в подобие котелка — в убогую жестяную консервную банку... Звериный крик победителя сорвался с уст счастливца — клич удивления и восторга...

Он весил самое большее — десять-двенадцать граммов — этот редкий гость в котелке голодного и обессиленного человека, но все видали, видали глаза обладателя этого сокровища — они горели алмазами — жухлые и белесые безжизненные гляделки. Они засверкали великим счастьем хищника, упившегося горячей клокочущей кровью живой добычи...

Но он не решился сам съесть сокровище... Несколько минут он в торжественном восхищении, опьяненный удачей, лишь созерцал свое счастье, облизывая губы и делая конвульсивные жевательные движения... И вот, одолев соблазн, последним остатком воли решившись на отречение, он выкрикнул на весь зал:

— Кто даст баланды за мясо?! Кому, кому мясо?!

Волшебное легендарное слово! Многие, не имея средств для покупки, всё же столпились кругом, чтобы только увидеть своими глазами свершенье великого чуда... Жадной до зрелищ толпой они стояли вокруг, тесно дыша, пока богач среди всех, старшина палаты — «старшой», уплатил за сокровище и, купив его, медленно и со смаком жевал, прищуривши веки и старался продлить наслаждение...

На другой день все с жадностью ждали продолжения чуда. Каждый надеялся, что ему, как выигрыш в лотерее-аллегри, мелькнет заветный кусочек в полупрозрачной ржаной болтушке... но чудо не повторилось...

VII

Главным занятием Урса было
ненавидеть человеческий род.
В. Гюго

...Боже мой, как унизительно выглядят эти толпы оплеванных и растоптанных белых невольников, бывших воинов самой могучей и многочисленной армии в мире!

Словно нарочно для унижения и из презрения к ним, как предметы вооружения, к их поясам подвешены котелки для пищи... Лопаты и метлы как знамя покорного рабского труда были бы менее оскорбительны, чем

С. П. ЗЛОБИН С ТОВАРИЩАМИ ПО АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЕ В ЛАГЕРЕ 304-Н, ЦЕЙТХАЙН

Слева направо: А. Г. Лисенков — врач; Н. П. Титов, С. П. Злобин, Н. Ф. Дементьев — члены бюро подпольной организации лагеря; Г. А. Востоков — врач

Фотография А. Л. Лесса. Москва, 1959

Собрание А. Л. Лесса, Москва

этот символ животной жратвы, чем этот знак прирученности и смирения, ослиной покорности и маленького ничтожного довольства своей подневольной и впроголодь сытой судьбы!..

Их истязают розгами и резиной, им в кровь разбивают лица, и они покорны. Их бросают в голодный карцер, они переносят и это... Единственной человеческой слабостью и отрадой этих растений, лишенных родной земли, этих бывших людей с поруганной и раздавленной честью остался затхлый дрянной табак, за который готовы они терпеть и побои и голод. Как «трубку мира» передают они изо рта в рот слюнявый газетный окурок — символ полуживотного нищего братства...

Я ненавижу все это скопище пленного сброда за то, что все они, как один, похожи на меня самого, ненавижу за общую нашу судьбу... Но когда я увидел сон, что все они умерли и лежат, разлагаясь на своих окаянных нарах, мне стало их жаль... Мне все-таки стало их жаль, и я понял, что я их люблю — оскорбленных, униженных и гонимых. Я понял, Ганна, что я, как и ты, принял любовь за ненависть...

Нет, я ненавижу не их... Я ненавижу другое племя — разбойничье племя грабителей и оскорбителей, врагов, что властвуют здесь, на нашей же, нашей же, нашей земле, и здесь же на нашей земле нас держащих в неволе, когда наши братья корчатся в судорогах, брошенные на загаженные нары. И издыхают в клозетах в последних потугах извергнуть обноски своих кишок вместе с жизнью.

Нет, я верю, я знаю, я твердо знаю, что, стиснув в один кулак все свои великие силы, наша Родина распрямится и победит оскорбителей и бандитов. Я знаю — она победит, как всегда побеждала своих врагов, но какая жестокая участь — бессилие и неподвижность!..

XI

...Доктор качнулся и клюнул носом над книгой. Он тотчас очнулся от забытья и выпрямился, протирая глаза. Мысли его уже затуманились и последние фразы он прочел механически, перед тем как отдаться дремоте. Он снова уставился в книгу и закурил. Синий дымок махорки ему защипал глаза, но куренье его развлекало и на время опять разогнало сон... Последняя, до того механически прочитанная мысль вдруг прозвучала в его голове, как набат, обожгла, как ударом плетки.

«Дезертиров презирают повсюду,— перечитывал врач.— Человек сам себя счел неспособным выполнить свой самый главный долг — любить и защищать свою родину».

Книга была «Новобранец» Эркмана-Шатриана... Врач взял карандаш и на полях отчеркнул это место.

В последнее время все книги, какую бы он ни взял, говорили с ним об одном и том же — о дезертирстве, родине, плене, бессилье и трусости. Золя, Свифт и Лермонтов, Гейне и Стерн, Л. Толстой и Горький твердили о том же, о том же...

Сначала он начал выписывать эти мысли, но их было так много, что скудных пленных ресурсов бумаги ему не хватило бы на выписки...

Книги кричали, хлестали бичом, звали и требовали выхода из создавшегося положения. Они звали к мужеству, к подвигу, к действию.

Благороднейшие человеческие сердца, величайшие умы, талантливейшие представители разных народов сходились все на одной мысли, которую сжатее всех выразил в «Фаусте» Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой».— «В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, кто не находит их для себя — те просто лентяи или трусы...» — вторил ему Горький устами много любившей и много видевшей старухи-молдаванки.

«Действовать, действовать — вот для чего мы существуем!» — восклицал Фихте. И читая их по ночам у дежурного столика, доктор Вагранов отчеркивал и отчеркивал на полях эти жгучие и бичующие слова...

Его мучил плен, самый факт пленения и нарочитые унижения плена...

Но он не решался еще порвать паутину оскорблений, колючей проволоки и бдительных провокаторских глаз продавшихся по дешевке коллег.

Позор беспомощности и бессилия мучил его не меньше, чем безвестность и мнимая гибель его в представленье любимой семьи и товарищей. От мучений и боли позора он искал себе (утешенья) надежды в беседах с другими такими же мучениками рабского позора. Он научился их узнавать по горькому оттенку улыбки, по скорбной складке у рта и особому блеску в глазах...

Другие, те, кто был беспечней в своем опозоренном существовании,— те не глядели с таким беспокойством, с таким исканием, они избегали бесед на тревожные темы и в крайних случаях, вынужденные откликнуться, только глухо вздыхали: «Что делать — судьба!», «Один в поле не воин», «Пропала Россия, нас продали, предали, нам теперь остается сидеть и ждать...»

Вагранов видел и понимал, что слабые духом могут себя утешить, внушив себе правоту этих мыслей. Но он не искал утешенья — он искал надежды на выход из плена, надежды на искупленье своей вины перед Родиной в том, что много тяжелых часов для нее он провел не в рядах ее воинов, а в звериной неволе... Когда в палату к нему попал Балашов, доктор к нему привязался. Во время ночного дежурства Вагранова они иногда шептались часами, еще в марте, апреле мечтая о том, как вырвутся из-за ограды и пустятся в путь лесами...

ПРИМЕЧАНИЯ

Как видит читатель, многие из этих заметок и даже довольно большие куски текста позже в том или ином виде вошли в мою книгу «Пропавшие без вести».

Некоторые строки моих записей были бы непонятны без примечаний и пояснений, которые я и даю в меру необходимости.

[1] Это рассказ трупоноса. «Лежат шесть»— имеется в виду шесть трупов в мертвецкой. «Понесли одного» — т. е. на кладбище.

[2] Упавших позади этапа убивали на месте.

[3] Оценка чего-либо на деньги относится только к самым первым дням плена, пока людям казалось, что на деньги что-то можно сделать. Позже была только мена.

[4] Этот диалог стал основой моего рассказа «Чудесная встреча», опубликованного в журнале «Москва», 1963, № 2.

[5] «Повис на проволоке», т. е. тут же был застрелен часовым.

[6] Гитлеровцы ввели нигде неслыханное: в лазаретах больным подавали команду «смирно» при входе начальства.

[7] «Ем. Б.» — начальные буквы имени и фамилии: «Емельян Ваграмов». Эта подпись была бы понятна моей жене, которая знала, что в ряде задуманных мною и незавершенных произведений так обычно назывался автобиографический герой.

[8] Обессиленный, в Минске я лег на землю, ждал выстрела в голову. Идти не мог. Полицейский поднял меня, с грубой бранью поволок вдоль строя и... спрятал в помещении, откуда на этапы не отправляли. Этот человек сказал, что узнал меня, что он был секретарем дивизионной газеты, в которую я приезжал на фронте. Он назвался «Иваном Быковым». Оказалось, что даже мне, кого он спас, он не решился назвать правильное имя. Такого имени среди полицаев не нашлось, когда его позже искали мои друзья.

[9] Такие вопросы иногда задавали вновь прибывшие пленные. Это вело к их гибели: разоблаченного перебежчика пленные так или иначе приканчивали.

[10] Наброски и планы романа «Утро века», над которым я работаю теперь, существовали еще до войны.

[11] Упомянутое в предисловии «Путешествие по временам и странам». Повесть не была переписана и потому я захватил ее с собою в одном экземпляре. Пока не найдена.

[12] Тарасевич называл себя другом семьи поэта Сидоренко. Но Н. Н. Сидоренко после войны сказал мне, что не знал человека с такой фамилией. Какое-то тут недоразумение.

[13] Это был наивный оптимизм. Пленные бодрили друг друга слухами, что Красная Армия наступает и уже освободила Смоленск, подходит к Борисову. На самом деле до фронта тогда было около 500 км.

[14] Среди пленных жила легенда, что есть люди, специально засланные в плен партией, и что они должны организовать сопротивление. Позже, в Германии, я понял, что это фантазия, и, не дожидаясь ничьего «позволения», «именем партии» создал подпольную партийную организацию лагеря 304-Н.

Судя по тому, что это прощальная заметка,— незавершенная фраза, вероятно, говорила о том, что газета вышла «несколько дней назад...»

[15] Сам автор в этот период был по внешности «дедушкой», с большою седой бородой, заросший волосами — настоящий деревенский «дедок». Тетрадь была зашита для побега. В случае поимки автор решил не раскрывать себя фашистам. Он прикинулся бы неграмотным «дедушкой», которому кто-то дал рукопись. Автор не ошибся: в редакции «Нового мира» поняли, чья эта рукопись. Когда автор приехал в редакцию, в рукопись уже была вложена бумажка с надписью: «Степан Злобин».

[16] Героем этой незаконченной повести был Иван Балашов — талантливый скульптор, пошедший добровольно на фронт, получивший в одном из первых боев тяжелое ранение и попавший в плен. Повесть была задумана в форме «писем» Балашова, с которыми он, лежа на нарах лазарета для военнопленных, мысленно обращался к жене.

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ВОЕННЫХ ЛЕТ

1941 — 1942 гг.

Публикация О. М. Губер

Записные книжки сопровождали Вас. Гроссмана на протяжении всех военных лет. Как свидетельствуют их заглавия, писатель заносил в них свои заметки и впечатления на всех путях и перепутьях войны, на всех фронтах, куда его забрасывала судьба и воля редактора: на Центральном и Брянском в 1941г.,на Юго-Западном зимой 1941/42г., в Сталинграде и в Калмыкии в 1942 г., на Курской дуге и на Украине в 1943 г., в Одессе и в Белоруссии в 1944 г., в Варшаве, Лодзи, Познани, Шверине, Ландсберге и, наконец, в Берлине в 1945 г. Богатейший опыт военных наблюдений, накопленный Гроссманом и отразившийся в его книгах, первоначально откладывался и фиксировался в его записных книжках. Их огромное значение для изучения творчества писателя не может быть оспорено.

Записи в сохранившихся фронтовых книжках Вас. Гроссмана очень неразборчивы. Вскоре после окончания войны сам писатель продиктовал текст жене, О. М. Губер, перепечатавшей его на машинке. Эта машинописная копия и положена в основу настоящей публикации. Она содержит материал пятнадцати записных книжек — от первой, относящейся к августу — сентябрю 1941 г. и помеченной: «Центральный фронт, дорога на Брянский», до последней, озаглавленной: «Весна 1945 г. Взятие Берлина».

Ниже публикуются отдельные записи или группы записей из следующих книжек: № 2* — «Сентябрь 1941 г. Брянский фронт»; № 4 — «Записная книжка № 2. Юго-Западный фронт. Зима 1941/42 г.»; № 6 — «Поездка на Сталинград. Август 1942 г.»; № 7 — «Сталинград» (время ее заполнения не указано); № 8 — «Северо-западнее Сталинграда. Сентябрь 1942 г.»**.

Записные книжки В. С. Гроссмана публикуются в основном впервые. Запись о посещении Ясной Поляны (стр. 161—164) была напечатана им самим в «Литературной газете» (1945, № 49, 1 декабря). В машинописи текст этой записи содержит авторскую правку, относящуюся несомненно ко времени подготовки названной публикации. Мы не воспроизводим этих позднейших поправок и изменений и, в целях сохранения единства всей нашей публикации, печатаем «яснополянскую» запись в первоначальном ее виде, по «нижнему» слою машинописи.

Запись из той же книжки о старухе (стр. 160—161) появилась в «Литературной России», 1965, № 19,7 мая (вместе с некоторыми другими записями, не вошедшими в настоящий том).

---

* Сплошная нумерация книжек в копии отсутствует. Для удобства обозначения мы даем каждой книжке ее порядковый номер. Книжка № 2, начатая в сентябре, включает и более поздние записи 1941 г.

** Последние записи в этой книжке относятся к декабрю 1942 г.

⟨№ 2⟩ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА (вторая)

Сентябрь 1941 г. Брянский фронт

⟨Октябрь 1941 г.⟩

Я думал, что видел отступление, но такого я не то, что не видел, но и не представлял себе. Исход! Библия! Машины движутся в восемь рядов, вой надрывный десятков одновременно вырывающихся из грязи грузовиков. Полем гонят огромные стада овец и коров, дальше скрипят конные обозы, тысячи подвод, крытых цветным рядном, фанерой, жестью, в них беженцы с Украины, еще дальше идут толпы пешеходов с мешками, узлами, чемоданами. Это не поток, не река, это медленное движение текущего океана, ширина этого движения сотни метров вправо и влево. Из-под навешенных на подводы балдахинов глядят белые и черные детские головы, библейские бороды еврейских старцев, платки крестьянок, шапки украинских дядьков, черноволосые еврейские девушки и женщины. Это те, кто не захотели остаться под Гитлером. А какое спокойствие в глазах, какая мудрая скорбь, какое ощущение рока, мировой катастрофы!

Вечером из-за многоярусных синих, черных и серых туч появляется солнце. Лучи его широки, огромны, они простираются от неба до земли, как на картинах Доре, изображающих грозные библейские сцены прихода на землю суровых небесных сил. В этих широких, желтых лучах движение — старцев, женщин с младенцами на руках, овечьих стад, воинов — кажется настолько величественным и трагичным, что у меня, минутами, создается полная реальность нашего переноса во времена библейских катастроф.

Ночевка за Белевом у молоденькой учительницы. Она очень хорошенькая и глупенькая, совершенная овечка: чему-то она учила, не мудрости, верно. У нее ночует подруга, такая же молоденькая, но не такая красивая. Обе всю ночь говорят шёпотом, горячо спорят. Утром мы узнали: наша бросает дом и уходит на восток, подруга решила идти на запад, к родным, живущим где-то за Белевом, проще говоря, остаться с немцами. Наша просит посадить ее на грузовик, мы согласны. Я зову нашу полуторку: «Ноев ковчег»— сколько десятков людей мы уже вывезли из потопа, наступающего с запада! Обе подруги заплаканы, плакали всю ночь. Теперь все ночью плачут, а днем спокойны, безразличны, терпеливы. Укладываем вещи, наша молодая хозяйка выходит с крошечным узелком. Она не хочет брать ни зеркала, ни занавесочек, ни флакончиков одеколона, ни даже платьев.

— Мне ничего не нужно,— говорит она.

Видимо, я проглядел высшую мудрость в этой восемнадцатилетней девушке, мудрость жизни. Мы пробуем уговорить подругу. Лицо ее мертвое, губы сжаты, она молчит, не смотрит на нас. Подруги прощаются холодно, не протягивая руки. Остающаяся понимает, хоть все мы стоим рядом, что уже непроходимая чаща легла под ноги. «Заводи, пошел!» Да, нешуточные вопросы приходится решать в 18 лет!

В последнюю минуту мы заходим в милую комнатку уже сидящей в машине девушки, в ничью комнату, и чистим кремом для лица сапоги, вместо тряпочки пользуемся беленьким воротничком. По-видимому, этим мы хотим самим себе подтвердить, что рухнула жизнь.

Такой грязи никто не видел, верно: дождь, снег, жидкое бездонное болото, черное тесто, замешенное тысячами тысяч сапог, колес, гусениц. И опять все довольны: немец увязает в нашей адской осени — и в небе и на земле. Во всяком случае, мы выскочили из мешка — завтра вылезем на Тульское шоссе.

Деревня под Тулой, домики кирпичные. Ночь, снег, дождь. Промерзли все отчаянно, особенно те, кто сидят в «Ноевом ковчеге»: полковой комиссар Константинов, учительница, корреспондент «Сталинского сокола» [1] Бару. Лысов, Трояновский [2] и я едем в «эмке» — нам теплей.

Останавливаем машины среди темной деревенской улицы. Петлюра [3], маг по части добывания молока, яблок, рытья щелей и устройства ночлега, исчезает во мраке. Но на этот раз он, по-видимому, не на высоте. Мы входим в избу, холодную и темную, как могила. В избе, в холоде и мраке, сидит семидесятилетняя старуха и поет песни. Она встречает нас весело, охотно, не по-старушечьи, без кряхтения и причитаний, а судя по всему у нее есть все основания жаловаться на судьбу. История ее такая: дочь, московская фабричная работница, привезла ее в деревню к сыну, оставила и уехала обратно в Москву. Сын ее, председатель колхоза, переселил ее в эту полуразрушенную хату — сноха ни в какую не захотела жить со свекровью. Сноха же запрещает сыну помогать матери, и она живет с подаяния добрых людей. Изредка сын, тайно от жены, приносит ей то немного пшена, то картофеля. Второй сын ее, Ваня, младший, рабочий тульского завода, пошел на войну добровольцем, воюет под Смоленском, от него давно, с месяц, нет писем. Ваня ее любимец. Всю историю свою она рассказывает добродушным, спокойным голосом, без горечи, без обиды, без боли, без упрека, рассказывает как мудрец, философ, ученый, говорящий о жестоких, но естественных законах жизни. Со щедростью царицы она отдала нашей замерзшей ораве все без остатка запасы свои: десяток полешек дров, которые должны были ей хватить на неделю, горсть соли, всю без остатка, так, что у самой не осталось ни крупинки (а мы уж хорошо знаем, как бабы в деревнях жадны к соли), отдала нам полведра картошки, оставив себе не более полудесятка картофелин, отдала подушку, мешок, набитый соломой, рваное свое одеяло.

Принесла лампочку и, когда шофера хотели налить в нее бензину, не позволила этого сделать: «Вам бензин пригодится»,— и принесла крошечный пузырек, где хранился у нее заветный «запас» керосину, и вылила его в лампу.

Все это сделала она с великой щедрой легкостью, великая, подлинная царица нашей земли, и, милостиво улыбнувшись нам, ушла за перегородку в холодную половину избы, одарив нас теплом, пищей, светом, мягкой постелью. Там села она и стала петь песни. Я зашел к ней:

— Бабушка, а сама в темноте, холоде и на голых досках спать ляжете?

Она только рукой на меня махнула.

— Как же вы одна так, каждую ночь в темноте да в холоде?

— И что ж, сижу в темноте, песни пою или сама сказки рассказываю.

Когда сварился чугун картошки, мы поели, отогрелись, легли, старуха пришла к нам, стала у двери и сказала: «Теперь вам песни буду петь»,— и запела грубым, низким, сиплым голосом, голосом не старухи, а старика.

Песни у нее не были старинные, может быть, она и такие знала, но подумала, что молодым командирам интересней слушать городские песни про любовь, про бандитов, поинтеллигентней.

Потом она сказала:

— Ох, и здорова я была — конь! — и сообщила: — Чёрт ко мне вчера приходил ночью, вцепился когтями в ладонь. Я стала молиться: «Да воскреснет бог и расточатся враги его», а он внимания не обращает. Тут я его матом стала крыть. Он сразу ушел. А позавчера Ваня мой приходил, ночью. Сел на стол и в окно смотрит. Я: «Ваня, Ваня!», а он все молчит и в окно смотрит.

Если мы победим в этой страшной, жестокой войне, то оттого, что есть у нас такие великие сердца в глубине народа, праведники великой, ничего

В. С. ГРОССМАН
Фотография, декабрь 1942 г.
Собрание О. М. Губер, Москва

не жалеющей души, вот эти старухи, матери тех сыновей, что в великой простоте складывают головы «за други своя», так просто, так щедро, как эта тульская старуха, нищая старуха отдавала нам свою пищу, свет, дрова, соль. Эти сердца, как библейские праведники, освещают чудным светом своим весь наш народ, их горсть, но им победить. Это радий, который в гибели своей сообщает радиоактивные свойства массам руды.

Эта царственно щедрая нищая нас всех потрясла. Отдали ей утром все запасы наши, а шоферы, охваченные исступлением добра, ограбили всю округу, натащили ей столько дров и картофеля, что хватит до весны.

— От-то старуха,— сказал Петлюра, когда мы выехали на дорогу, и покачал головой.

Ясная Поляна. Я предлагаю заехать. «Эмка» сворачивает с шоссе, за ней «Ноев ковчег».

Среди курчавого золота осеннего парка и березового леса видны зеленые крыши и белые стены домов. Вот ворота, кто-то мне рассказывал, что Чехов, приехав сюда в первый раз, дошел до этих ворот, оробел от мысли, что увидит через несколько минут Толстого, повернул обратно и пошел на станцию, уехал в Москву.

Дорога, ведущая к дому, точно вымощена бессчетным числом красных, оранжевых, желтых, светло-лимонных листьев — это очень красиво. Слева пруд. И о пруде этом много есть историй, и о каждой дорожке, о деревьях, о фруктовом саде, о березовой роще — все это связано с доро-

гими нам именами; кто тут ни был при жизни Толстого: Тургенев, Гаршин, Репин, Чехов... И над всем этим и сейчас Толстой, упрямо и глубоко пустивший могучие свои корни в жизнь.

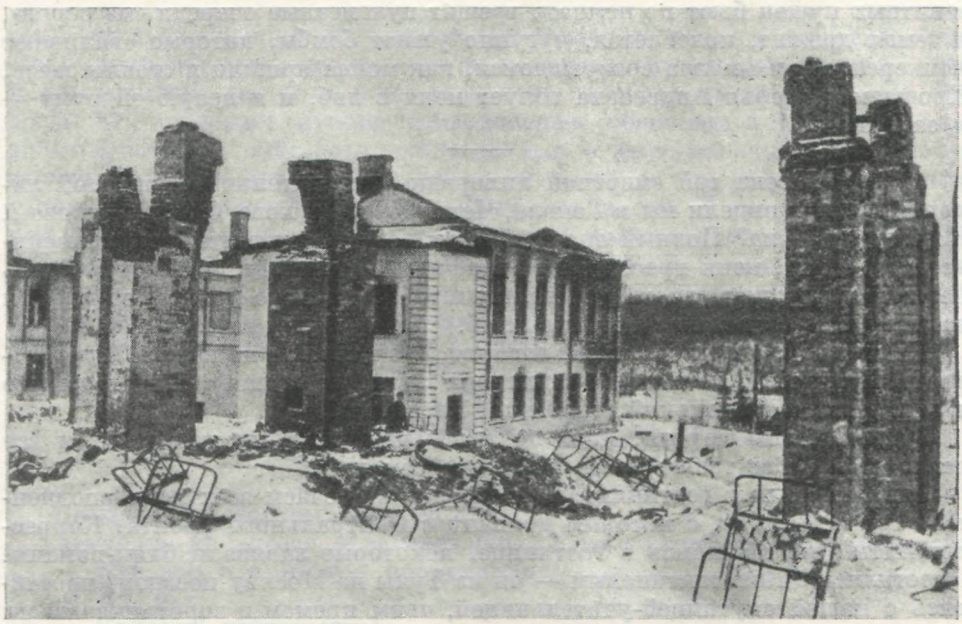
В доме предотъездная злая лихорадка: со стен сняты картины, книжные шкафы пусты, со столов сняты скатерти и посуда, а в кабинете книги и журналы. Кровати стоят пустые, и с них сняты простыни, подушки, одеяла. В прихожей и в первой комнате нагромождены ящики, уже забитые, готовые к отправке.

Я бывал в Ясной Поляне в тихие, мирные времена, когда все усилия работников музея были в том, чтобы создать ощущение, иллюзию жилого дома. Стол в столовой был накрыт, перед каждым прибором лежали вилки, ножи, на столах стояли свежие цветы. И все же то был не жилой дом, а музей. Ни солонки с солью, ни перечница, ни застеленные постели, ни книги, раскрытые на столах,— ничто не могло создать ощущения жизни в доме, из которого вынесли мертвое тело Толстого. И сразу же, когда, входя в дом, надевал на ноги сшитые из тряпок туфли, когда слышал постный голос экскурсовода, когда глядел на торжественные и постные лица экскурсантов, чувствовал, что хозяин умер, что хозяйка умерла, что это не дом, не жилье, а мавзолей, склеп.

И вот сейчас я почувствовал совсем по-иному, что это не музей, а живой дом, что горе, вьюга, распахнувшая все двери в России, выгоняющая людей из обжитых домов на черные осенние дороги, судьба, не щадящая ни мирной городской квартиры, ни деревенской избы, ни заброшенного лесного хуторка, что судьба эта не помиловала и дом Толстого, что и он пустился в тяжелый путь, под дождем и снегом, по не имеющей края и конца дороге, вместе со всей страной, со всем несчастным народом. Это горе, ворвавшееся в дом, сделало его сущим, живым, страждущим среди миллионов таких же сущих, живых, страждущих домов.

И с поразительной силой я вдруг почувствовал — вот они, Лысые Горы, вот он выезжает, старый, больной князь, и все слилось в нечто совершенно единое, то, что было больше ста лет назад, и то, что идет сейчас, сегодня, и то, что описано в книге с такой силой и правдой, что кажется личной судьбой старого графа Толстого, и чего уже нельзя отделить от жизни, что стало высшей реальностью прошедшей сто лет назад войны, единственной реальностью, сохранившейся для нас, единственной правдой об ушедшем и вновь посетившем нас страдании. Семья Болконских и писавший о них свой выдуманный рассказ Толстой, та война и эта — все это стало едино. Наверное Толстой волновался и страдал, описывая горькое отступление той далекой войны, может быть, он даже заплакал, когда писал приезд Андрея Болконского и смерть старого князя, которого никто не помнил в поднявшемся урагане, которого одна лишь дочь смогла понять, когда невнятно и жалко бормотал он: «душа болит». И может быть, это волнение и горе Толстого, происшедшие в этом доме, и соединили воедино эти два горя, эти две беды, меж которыми легла пропасть столетия. Иначе отчего же с такой силой все это ударило по сердцу? Едина, беспрерывна жизнь народа, как жизнь отдельного, одного человека; мы, приходящие на краткие годы, не видим, не ощущаем этого, мы видим отдельные звенья, а не вечную, длящуюся без разрыва в прошлое и в будущее цепь. А в большом сердце Толстого вдруг соединились все звенья тяжелой этой цепи.

И когда вышла Софья Андреевна [4], накинув на плечи пальто, женщина с лицом своего деда, вышла, поеживаясь от холода, спокойная и удрученная, прошла по комнатам, вышла со мной в сад, то я снова не мог различить, кто она — княжна ли Марья, в последний раз идущая перед приходом французов по саду в Лысых Горах, внучка ли старого графа Толстого, которой судьба определила своим сердцем и своей душой про-



МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ФАШИСТОВ
Фотография, 1942
Собрание Д. И. Ортенберга, Москва

верить, уходя из Ясной Поляны, всю ту правду, что сказал ее дед о Маше Болконской. Но, конечно, ни о чем таком мы не стали говорить. Мы говорили о том, что секретарь обкома обещал дать вагоны для вывоза вещей, и удастся ли это сделать теперь, когда немцы так близко и так стремительно движутся вперед. Мы вспомнили Москву и друзей, которых уже нет, и помолчали, думая о их печальной судьбе. Потом с печалью мы говорили о том, о чем говорят все, с болью, с недоумением, со скорбью,— об отступлении.

— Пойдемте на могилу,— сказала Софья Андреевна.

Не знаю, можно ли это рассказать... Сырая, вязкая земля, сырой, недобрый воздух, тишина, шуршание чуть слышное листьев. Дорога показалась необычайно длинной, надпись на дереве: «Зона тишины». И вот могила. Это чувство очень трудно передать, пожалуй, нельзя, оттого, наверное, что это чувство трудно чувствовать, его, может быть, невозможно чувствовать, такое оно трудное, не вмещающееся в человека. Это чувство объединения смерти и жизни, одиночества мертвого и его связи, живой и нерушимой, со всей нашей горькой сегодняшней жизнью, забытости этого засыпанного сухими кленовыми листьями холмика земли и живой, жгучей памяти, нужной и необходимой, памяти об этой могиле, которая стучит в наши души. Но это чувство не чувство гармонии, это чувство колющего противоречия, чувство му́ки, бессилия примирить то, чего и бог не имеет силы примирить. И просто ужасно думать, что через несколько дней к этой могиле, громко разговаривая, подойдут немецкие офицеры, покурят тут, громко поговорят, не дай бог Толстой услышит, и никто уж из близких не подойдет, не помолчит, как мы сейчас молчим. Кажется, взял бы и понес на руках, но ведь нельзя, этот покой и одиночество святы.

И вдруг воздух наполняется диким воем, гудением, свистом — это над могилой идут на бомбежку Тулы «юнкерсы» в сопровождении десятков «мессершмиттов». А через минуту с севера слышен треск, десятки наших

зенитных пушек бьют по немцам, трещат пулеметные очереди «мессеров», и земля дрожит, колеблется, чугунно ухают бомбы, которые сваливают «юнкерсы». А мы молча возвращаемся, как молча пришли и стояли здесь. Прощаемся, Софья Андреевна целует меня в лоб, и я целую ей руку — и заплакал.

Тула охвачена той смертной лихорадкой, мучительной, ужасной лихорадкой, что видели мы в Гомеле, Чернигове, Глухове, Орле, Волхове... Неужели и Тула? Полный ералаш. В столовой военторга меня разыскивает командир, меня просят зайти в обком, там находится представитель Генштаба, он хочет узнать у меня, где штаб Брянского фронта, он должен направлять части и не знает, где штаб.

Приходят обрывки дивизий, говорят 50 армия вся не вышла. Где Петров и Шляпин? [5] Где девочка-санитарка Валя, игравшая с нами в домино и заводившая «Синенький, скромный платочек»?

Улицы полны народа, идут по тротуарам, идут по мостовым, и все равно тесно. Все тащат узлы, корзины, чемоданы.

Заняли номер в гостинице. В гостинице встречаем всех корреспондентов. Тут и Крылов, с которым драпали с Центрального фронта. Корреспонденты уже обжились в гостинице, некоторые завязали блиц-романы. Простились с Константиновым — он из Тулы на Москву поездом, простились с нашей спутницей-учительницей, чьим кремом и воротничками мы чистили сапоги. Ночью наш грузовик в последний раз выполняет функцию Ноева ковчега — перевозим семьи работников тульской редакции с вещами на вокзал. «Надо бы с них деньги взять»,— сердится Петлюра, но водитель ковчега Сережа Васильев против — он замечательно душевный, милый и скромный парень.

Ночью связались по телефону с редакцией, редактор приказал ехать в Москву. Нас охватило неразумное, жгучее счастье. Всю ночь не спал — неужели увижу Москву?

⟨№ 4⟩ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА № 2

Юго-Западный фронт. Зима 1941/42 г.

Дивизия полковника Зиновьева [6].

Зиновьев — Герой Советского Союза, 1905 г. рождения, крестьянин. «Я мужик»,— говорит он о себе. В 1927 г. пошел в Красную Армию, служил в Средней Азии в пограничных войсках. Во время финской кампании командовал ротой. 57 дней был в окружении. Там получил звание Героя Советского Союза. Зиновьев рассказывает:

— Самое страшное, когда ползут они, бьешь по ним из пулеметов, бьешь их минами, артиллерией, кричишь на них, а они ползут, ползут, ползут! Вот теперь я так своих красноармейцев убеждаю — ползите!

Он окончил академию, но говорит трудно, теряется, смущается, стесняется своей простоты.

Дивизия шахтерская. Сплошь шахтеры из Донбасса. Немцы зовут ее «Черная дивизия». Шахтеры не хотели отступать. «За Северный Донец ни одного немца не пустим!» Красноармейцы-шахтеры говорят о командире дивизии — «Наш Чапаев». В первом бою 100 немецких танков атаковали дивизию — шахтеры отразили атаку. При прорыве фланга дивизии Зиновьев верхом промчался перед передним краем с криком:

— Вперед, шахтеры!

— Шахтеры назад не идут! — закричали красноармейцы.

Бойцы спят в лесу при морозе 35 градусов. Они не боятся танков, привыкли к врубовым машинам. «В шахте страшней»,— говорят шахте-

ры. Зиновьев говорит, что главный человек на войне — красноармеец, «ведь он кладет свою жизнь, ведь он в 35-градусный мороз спит на снегу. А отдать жизнь не легко, жить всем хочется, и героям жить хочется. Завоевывать авторитет нужно каждодневным общением с бойцом, каждодневной беседой с ним, боец должен не только знать задачу, но и понимать задачу. С бойцом нужно и беседовать, и спеть, и сплясать. Но авторитет у командира должен быть не дешевый, а дорогой. И командир отделения, и взвода, и роты, и батальона, и полка должны каждый день, каждый час завоевывать свой дорогой авторитет у бойца. Этому,— говорит Зиновьев,— меня научила служба в пограничных частях. Когда боец верит — он все исполнит и пойдет на смерть. Надо бы городок занять, надо бы дорогу перерезать — и знаю, займут, перережут».

⟨№ 6⟩ ПОЕЗДКА НА СТАЛИНГРАД

Август 1942 г.

Выехали из Москвы 23 августа.

Девушка на шоссе — загоревшая, нос с горбинкой, дерзкие глаза.

— Кто вам нравится — полковники?

— Ну да.

— Кубари? лейтенанты?

— Мне лейтенанты на нервы действуют. Бойцы рядовые мне нравятся.

Голубое, пепельное шоссе.

«Водитель, скорей доставь груз фронту».

Бабье царство. Бабы, бабы, бабы. В поле, на тракторе, на велосипеде, в очереди за водкой.

Девки, подвыпившие, с гармошкой, ходят с песней — провожают подруг в армию.

Красивая Меча: несказанная прелесть этих мест. Яблоневый сад. Рассвет. Холмы. Красивая Меча. Рябины. Грозди рябины, ежели поднять их ладонью — словно прохладные девичьи груди.

Плач ночной по корове, упавшей в противотанковый ров. При синем свете желтой луны.

Бабы воют — «четверо детей осталось». Словно мать потеряли дети. Мужик бежит в синем лунном свете с ножом спускать корове кровь. Утром кипит котел. У всех сытые лица, заплаканные глаза, опухшие веки.

Милый город Лебедянь. Большая улица, обсаженная низенькими приземистыми деревьями.

Ясная Поляна — 83 немца лежали рядом с Толстым. Их откопали и зарыли в воронки от фугасных бомб, которые бросали немцы.

Очень пышны цветы перед домом — ясное лето, вот, кажется, жизнь полная меда и покоя.

Могила Толстого — тоже цветы, пчелы ползают по цветам, маленькие осы висят неподвижно над ней. А в Ясной Поляне погиб от мороза большой фруктовый сад. Погиб весь — сухие яблони стоят серые, скучные, мертвые, как могильные кресты.

Бабы деревни.

На них навалилась огромная тяжесть всего труда.

Нюшка — чугунная, озорная, гулящая. Говорит: «Э, теперь война, я уже восемнадцати отпустила, как муж ушел. Мы корову втроем держим, а она только мне доить дает, а двух других за хозяек не хочет признавать». Она смеется: «Бабу теперь легче уговорить, чем корову». Она усмехается,

просто и добродушно предлагает любовь. Не прочь обменять масло на рубаху, купить пол-литра у военных.

Хозяюшка на следующую ночь. Сама чистота. Отвергает всякий похабный разговор. Ночью в темноте доверчиво рассказывает о хозяйстве, о работе, приносит показать цыплят, смеется, говорит о детях, муже, войне. И все подчиняются ее чистой простой душе.

Вот так и идет бабья жизнь, в тылу и на фронте — две струи, чистая, светлая и темная, военная — «Э, теперь война».

Старик смеялся, пока немец ел его сало, думал: немец у кого-то другого взял; а сало было стариковское, немец украл.

Добродушие населения нашего.

Такой тяжести не знаю, кто по силам способен носить.

Трагическая пустота деревень.

Девочек везут, они плачут, плачут матери — дочек в армию берут.

Огромность пространства: едем четыре дня. Уже другое время — на час вперед. Другая степь, другие птицы — коршуны, совы, ястребы. Вот уже и дыни и арбузы появились. А горе одно.

Старуха ходит сторожить колхозные амбары, ночью вооружена сковородником. Кричит, когда кто-нибудь идет: «Стой, кто идет? Стрелять буду!»

Женщины и худые девушки роют на дороге.

— Откуда вы?

— Мы из Гомеля.

— И мы под Гомелем воевали.

Переглянулись и помолчали. Страшновато стало от этой встречи в 40 километрах от Волги в деревне Мокрая Ольховка.

Генерал Гордов командовал Приволжским военным округом. Воевал в Западной Белоруссии, сейчас он командует на Волге. Война на Волге идет.

Страшное чувство глубокого ножа от этой войны на границе Казахстана, на Нижней Волге.

Женщина — доминанта. Она делает половину огромного дела и делает так, что есть у нас хлеб, самолеты, оружие, припасы. Она нас теперь кормит, она нас вооружает. А мы, мужчины, делаем вторую половину дела — воюем. И воюем плохо. Мы уже на Волге. Женщина смотрит, молчит, но нет в ней укора, нет у нее горького слова. Или затаила. Или понимает она, что страшна тяжесть войны, пусть и неудачной войны.

Село Лебяжье. Хмурое утро, дождь. Проснулись. Через 15 километров Волга.

Похоже на Чистополь. Страшно и странно.

Волга. Переправа. Сияющий день. Огромность реки, медленность, величие, Волга, словом.

На барже машины с авиабомбами. В воздухе самолеты, потрескивают пулеметные очереди. А Волга медленна, беспечна. И мальчишки, сидя на этой огнедышащей барже, ловят рыбу.

Прилет. В воздухе рев моторов, сумятица. «Кобры», «яки», «харрикейны». Появляется огромный, плавный «дуглас». Истребители неистовствуют, нюхают, бегут его следом. Он ищет площадки, а они пляшут во все стороны. Сел. Истребители вокруг него и над ним. Величественно выглядит эта картина. Живые кадры из кино. (Степь и Волга.)

Красноармейцы, глядя на эту картину прилета, рассуждают. Один: «Ну словно пчелы, что это они носятся!» Второй: «Бахчу стерегут видно». Третий, глядя на появившийся «дуглас»: «Не иначе ефрейтор с нашей роты прилетел».

Сталинград сгорел. Писать пришлось бы слишком много. Сталинград сгорел. Сгорел Сталинград.

Заволжье. Пыль. Коричневая пыль. Ужи, раздавленные на дорогах. Реполовы. Верблюды. Крик верблюдов.

Степь многотравная.

Осенью жалкий ковыль, бурьян, полынь.

Сталинград.

Мертво. Люди в подвалах. Все сожжено. Горячие стены домов, словно тела умерших в страшном жару и неуспевшие остыть.

Огромные здания, памятники, скверы. Надписи: «Переходи здесь». Груды проводов, на окне спит кошка, зелень в вазонах. Среди тысяч громадин из камня, сгоревших и полуразрушенных, чудесно стоит деревянный павильон, киоск, где продавалась газированная вода. Словно Помпея, застигнутая гибелью в день полной жизни. Трамваи, машины без стекол. Сгоревшие дома с мемориальными досками: «Здесь выступал в 1919 году И. В. Сталин». Здание детской больницы, на нем гипсовая птица с отбитым крылом, второе простерто для полета. Дворец культуры — черное, бархатное от копоти здание и на этом фоне две белоснежных нагих фигуры.

Бродят дети — много смеющихся лиц, много полусумасшедших. Закат на площади. Страшная и странная красота: нежно-розовое небо глядит через тысячи и десятки тысяч пустых окон и крыш. Огромный плакат в бездарных красках — «Светлый путь».

Чувство покоя — после долгих мук. Город умер, словно лицо мертвого, перенесшего тяжелую болезнь и успокоившегося вечным сном. И снова бомбежки, бомбежки уже умершего города.

Колхозница Рубцова.

— Где муж ваш?

— Не, не нужно,— шёпотом говорит мальчик Сережа,— не расстраивайте маму.

— Отвоевался,— говорит она. Он убит в феврале, пришло извещение.

Рассказ ее о трусах: немец, как копье, пошел вниз. Тут его и бить, а герои все в бурьян полегли. Эх вы,— кричу им.

Вели пленного через село — я спрашиваю: когда пошел воевать? В январе.— «Ну, значит, ты моего мужа убил», замахнулась я, а часовой не пускает. «Пусти, говорю, я его двину», а часовой: «Закона нет такого». «Пусти, я его двину без закона и отойду». Не пустил.

При немцах — живут, конечно, но для меня это не жизнь будет. Как мужа убили, у меня теперь один Сережа остался. При Советской власти он у меня в большие люди выйдет, а при немцах ему пастухом умирать.

Раненые воруют у нас сильно, терпения нет. Всю картошку вырыли, помидоры, тыквы—всё очистили, нам теперь голодать зиму. В квартирах чистят — платки, полотенце, одеяла. Козу зарезали, но все равно жалко их; прийдет, плачет — и отдашь ему свой ужин и сама плачешь.

Бабка:

— Пустили его дурачки вглубь, на Волгу, отдали пол-России. Ясно — техники у него много.

Жуткая переправа. Страх. Паром полон машин, подвод, сотни прижатых друг к другу людей, и паром застрял, в высоте Ю-88, пустил бомбу. Огромный столб воды, прямой, голубовато-белый. Чувство страха. На переправе ни одного пулемета, ни одной зениточки. Тихая светлая Волга кажется жуткой, как эшафот.

Живем мы в доме раскулаченного. Только смотрим — явилась откуда-то старая хозяйка. День и ночь на нас смотрит и молчит. Ждет. Так мы и живем под ее взорами.

Ночью в Сталинграде. У переправы ждут машин. Темно. Горят вдали пожары. Тяжело поднимается в гору подкрепление, переправившееся через Волгу. Мимо нас проходят двое. Слышу боец говорит: «Легкари, торопятся жить».

«Летит!» — все сидят.

«Разворачивается!» — все бегут из избы на улицу, смотрят вверх.

По степи солдат с противотанковым ружьем гонит большущее овечье стадо.

Старик, у которого ночевали: «У меня четыре сына на войне, четыре зятя, четыре внука. Один сын готов. Прислали».

Всю ночь старуха сидит в щели. Вся Дубовка в щелях. Сверху летает «керосинка» — трещит, ставит свечи и бомбит маленькими.

— Где бабушка?

— Бабушка в окопе,— смеется старик,— поднимет голову, как суслик, и назад.

— Конец нам. Дошел он, жулик, до коренной нашей земли.

Всю ночь над головой рев самолетов. Небо гудит день и ночь, словно сидишь под пролетом огромного моста. Этот мост днем голубой, ночью темно-синий, крутой, в звездах — и по этому мосту с грохотом едут колонны пятитонных грузовиков.

Огневые позиции над Волгой, в бывшем доме отдыха. Крутой обрыв. Река синяя, розовая, как море. Виноградники, тополи. Батареи замаскированы виноградными листьями. Скамейки для отдыхающих. На скамье лейтенант, перед ним столик. Он кричит: «Батарея — огонь!»

А дальше степь — с Волги прохлада, а степь пахнет теплом.

В воздухе «мессера». Часовой кричит: «Воздух!»,— а воздух чистый и то теплый, то прохладный, и пахнет полынью.

«СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА»
Одно из первых изданий очерка
В. С. Гроссмана.
М., Госполитиздат, 1943

Обложка

Самым берегом у воды идут раненые в окровавленных бинтах, над розовой вечерней Волгой сидят голые люди и бьют вшей в белье. Ревут тягачи, скрежещут по прибрежному камню.

А потом звезды, ночь, и лишь белеет церковь в Заволжье.

Телеграфный столб в степи. Если долго лежать под ним, то слышишь музыку — очень разнообразную и сложную. Столб наливается ветром и поет. Столб, словно вскипающий самовар, шкворчит, свистит, булькает. Это столб посреди степи. Столб сухой, высушенный солнцем. Он, как скрипичное дерево, на нем струны — провода, и вот степь завела себе такую скрипку, играет на ней.

Ясное, прохладное утро в Дубовке.

Удар, стекла, штукатурка, пыль, мгла в воздухе. Над Волгой крик, плач. Немец убил бомбой семь женщин и детей. Девушка в ярко-желтом платье кричит: «Мама, мама!..»

Воет по-бабьи мужчина, его жене оторвало руку. Она говорит спокойно, сонная.

Женщине, больной брюшным тифом, осколок попал в живот — она еще не умерла. Едут подводы, с них капает кровь. И крик, плач над Волгой.

За забором колышется колодезный журавль, и кажется — колышется мачта.

Сталинград.

Идущие дивизии. Лица людей. ПТР, артиллерия, танки — Суворов и Невский. Идущие днем и ночью. Лица, лица — их серьезность, смертные лица.

Дивизия Сараева — Капранов, Савчук. Начальник штаба с бородкой, молчаливый и молитвенно исполнительный.

Дивизия Гуртьева — направление главного удара. Начальник штаба Тарасов — маленький, простой и умный мужичок. Свирин — комиссар. Родимцев — Борисов.

На поле боя рядом убитый румын и наш. У румына лист бумаги и детский рисунок: зайчик и пароход.

У нашего письмо:

«Добрый день, а может быть и вечер. Здравствуйте, тятя...» А конец письма: «Приезжайте, тятя, а то без вас приходишь домой, как на фатеру. Я без вас шибко скучаю. Приезжайте, хоть один час на вас посмотреть. Пишу, а слезы градом льются. Писала дочь Нина».

⟨№ 7⟩ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Сталинград

Город Сталинград, последние числа августа, начало сентября, после пожара.

Переправа в Сталинград. На старте для храбрости Высокоостровский, Коротеев, Коломейцев и я выпили в совхозе на Левобережье непомерное количество яблочного вина. Больше всех усердствовал Высокоостровский, на катере «съездил в ригу». Над Волгой воют мессера, Волга в тумане и дыму, беспрерывно жгут дымовые шашки, чтобы маскировать переправу.

Сгоревший мертвый город, площадь Павших бойцов. Надписи на памятниках: «Пролетариат Красного Царицына борцам за свободу, погибшим в 1919 году от рук врангелевских палачей». «Здесь похоронены 54 героических защитника Красного Царицына, зверски замученных и повешенных Врангелем в 1919 году».

В подворотне на груде вещей жители сгоревшего дома едят щи. Валяется книжка «Униженные и оскорбленные». Капустинский сказал этим людям: «Вы тоже униженные и оскорбленные».

Девушка: «Мы оскорбленные, но не униженные».

«Баррикады» в ночь с 23 на 24 августа продолжали работу. 300 человек пошли в рабочие батальоны. Примерно столько же с Тракторного.

«Баррикады» дали в эту ночь 150 пушек. Гонор руководил работой. Отбор людей производили Гонор и парторг Ломакин. Сомова — секретарь Тракторозаводского райкома — руководила, держала связь. 24 августа было выпущено шесть-восемь танков.

Варапоново — там, где старые окопы, заросшие травой, где шли самые кровопролитные бои гражданской войны,— здесь вновь самый тяжелый напор врага.

70—80 танков пущено из ремонта в течение 24—25 августа.

Комиссар рабочего батальона Сазыкин с «Красного Октября». Из 80 осталось 35 человек, на подступах к Тракторному — автоматы и винтовки.

Танки переданы были армии.

Первые рабочие батальоны дрались с 25 августа по 2 сентября.

Юго-западнее Сталинграда.

Расчет сержанта Апанасенко и расчет Кирилла Гетьмана — на них двигались 30 танков. Выдвинулись на открытую позицию и стали бить по танкам. В это время налетели самолеты, но они продолжали стрелять. Командир огневого взвода упал. Апанасенко взял командование на себя. Хорошо действовал наводчик Матвей Пироженко, подбивший танк со второго снаряда.

Донбассовский пролетарий Ляхов, красноармеец мотострелкового батальона танковой бригады, написал перед наступлением командованию:

«Третий раз получил приказ о наступлении на разъезд, сегодня разъезд возьмем или умрем. Враг многочисленнее нас, но будь он сильней хоть в пять или даже десять раз — разъезд будет наш. Если умру, считайте меня коммунистом».

Боец застрелил другого, который выносил раненого и поднял руки перед врагом. Боец после этого сам вытащил брошенного раненого. Отец ему дал, прощаясь, полотенце, которое мать вышивала невестой, и свои четыре креста за германскую войну.

Район Тракторного.

Подполковник Герман, командир зенитного артполка, стоял на северной окраине Сталинграда. 23-го вечером к Тракторному подошли около 80 немецких танков, двумя колоннами, и много машин с пехотой. У Германа много девушек — прибористы, дальномерщицы, стереоскописты, разведчицы. Одновременно массированный налет авиации. Часть батарей била по танкам, часть — по самолетам. Когда танки подошли к батарее Скакуна вплотную, то Скакун, командир батареи, старший лейтенант, стал бить по танкам. Его атаковали самолеты. Он приказал двум пушкам бить по танкам, двум — по самолетам. Связи с батареей не было. «Ну, накрылись!» — думает Герман. Грохот. Снова молчание. «Ну, накрылись!» Опять огонь. Лишь 24-го вечером вернулись четыре человека, вытащившие на плащ-палатке раненного тяжело Скакуна. Девушки погибли у орудий.

Батарея Гольфмана дралась двое суток немецким оружием. «Кто вы, пехота или артиллерия?» — «И то и другое».

Раненого Гольфмана заменил младший лейтенант Левченко, командир взвода управления.

Истребительная танковая бригада подполковника Горелика стояла на отдыхе в районе Тракторного, внезапно ворвались танки. «Немцы! Немцы!» Разведка. Головной танк в немецкой колонне был наш КВ.

Зенитчики получили приказ отойти, но пушек не смогли отвести. Тогда многие остались. Командир огневого взвода Труханов, лейтенант, остался, выстрелил в упор, работая за номера, подбил танк и погиб.

Прорыв танковой дивизии, мотопехота.

Станция Варапоново — большие бои. Станция Гумрак — большие бои.

Родимцев говорит: «По всей реке ездили, собирали. Теперь имеем целый флот, 27 лодок рыбацких, моторки, подняли со дна Волги катер, но он погиб от прямого попадания. Дивизия обеспечена полностью — горячая пища, смена белья, шоколад, сгущенное молоко. Раненые эвакуируются образцово. Трехдневные запасы. Людское пополнение — „черненькие“ (узбеки). В составе дивизии 400 человек фундаторов, десантников, вы их легко узнаете по орденам. Возраст от 25 до 30 лет. Бойцы имеют сухой паек „НЗ“ на трое суток...» ⟨*Далее запись утеряна.*⟩

«Товарищ Ортенберг, только что вернулся из Сталинграда, куда переправился с большими приключениями, поехал с хода...» [7]

Генерал Родимцев: «Красноармеец Чехов убил 35 фашистов, я ему хотел дать отпуск, так как он жизнь свою окупил».

За бои 60 танков, 2000 убитых.

Наступательные операции сменялись снайперским огнем. Гибкая война.

Захват дома. Группа захвата в 10 человек, бутылки. Группа закрепления, боеприпасы, продовольствия на шесть дней, окопы на случай окружения.

Дивизия расселилась по домам в шахматном порядке с немцами. Четверо держались 14 дней, два пришли за продуктами, два остались сторожить дом.

Разведка очень затруднена.

Настроение — усталость, но хорошее.

Вши — достали примуса, утюги и выбивают.

Живут в подвалах, квартирах, в окопах.

Во время танковой атаки подбили 42 танка.

Наступало два полка пехоты и 70 танков на полк подполковника Панихина.

Выбыли все расчеты ПТО, до последнего человека.

Люди, люди, люди — золото.

Первый этап — перешли в наступление на вышедшего к реке немца. Взяли Мамаев Курган, в день по 10—15 атак.

Техника у меня блестящая... *⟨Далее запись утеряна.⟩*

«Тов. Ортенберг. Одиннадцатого утром приехал с Высокоостровским, а ночью переправился в Сталинград. Подробно говорил с бойцами, командирами, генералом Родимцевым».

⟨№ 8⟩ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Северо-западнее Сталинграда. Сентябрь 1942 г.

СталГРЭС прекратил работу 4 ноября. 7 ноября исполняется XII годовщина ⟨пуска электростанции⟩:

Андреев, начальник бюро пропусков. Павел Андреевич, вижу с бойцом, боец очень волнуется. Я ему — зачем волнуешься, ты не волнуйся. Отбомбил — он говорит: «Ох и крепок ты, Павел Андреевич».

Как он выдавал пропуска, аккуратно подчистил.

Сварщик Косенко так варил, что люди приезжали с фронта и просили чинить «катюши» — у вас лучше, чем на фронте.

Два танка примчались с фронта: «Скорее, нам в бой» — зачинили и ушли в бой. В тот же день пять пушек отремонтировали. Этим делом занимались четыре человека. Слесарь, кузнец, токарь, сварщик — Поцелуйкин, Забиркин, Белоусов, Косенко и мастер, он же начальник цеха, слесарь Солянинков.

Тов. Крыжановский — начальник турбинного цеха.

По территории 500 снарядов, бомб около 80 — 4 ноября. И еще 20 — 5-го и 16 — в августе.

«Жизнь постепенно останавливается,— говорит Николаев,— вот и часы стали».

Солянинков: «Я еще строительством занимался в 1930, здесь я вырос, стал мастером ОТК, а в последнее время работал на все руки. Бомбежки переносили в щели. Ну, снаряды, это мы работали, не обращали внимания. Шесть «катюш», больше двух десятков танков, один большой. Полтысячи подков сделали, создавали мастерские, кухни ремонтировали — до 10, одной специально дно вставляли. Зениткам досылатели делали. Ремонтировали «максимы», американские пулеметы. Работали днем и ночью — я в последнее время и начальником, и токарем, и фрезеровщиком, и всем».

Никто не выходил из оборонительных боев. Гибли на месте. Кульминация боев 17 октября.

17—18—19-го бомбили день и ночь. Кроме того «ванюши», артиллерия и немцы пошли в наступление двумя полками.

Сразу же танки — тяжелые и средние, за ними пехота. Наступление началось в 5 утра. В течение целого дня бой. На правом фланге был заслон учебного батальона и отдельная рота. С фланга они прорвались, отрезали полки от командиров.

Полки, сидя в домах, вели бои в домах до двух-трех суток, а командиры приняли бой — тоже дрались. Танкист камнями отбивался от немцев, когда не было боеприпасов. Командир 7 роты с 12 людьми в овраге уло-

«ЗДЕСЬ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ
Рисунок К. И. Финогенова (итал.
Третьяковская

жил роту немцев и ночью вышел. Занимаем дом, нас 20 человек, гранатный бой, бой за этаж, бой за ступеньки, за коридоры, за метры комнат (вершки, как версты, человек — полк, каждый себе штаб, связь, огонь). Калинин — помначштаба полка — убил 27 человек, ⟨подбил⟩ четыре танка из ПТР. На заводе было 80 рабочих и рота охраны (в северо-западной части завода), от них осталось три-четыре человека. Воинского уменья никакого у них не было. Командир — молодой рабочий-коммунист, лет 30, на рабочих навалилось до полка.

23—24-го бои пошли на заводе. Цеха горели, железные дороги, шоссе, зеленые насаждения. Бойцы сидели в 1, 3, 15 цехах, сидели в туннелях, трубах, ходили на разведку, бой шел в трубе.

В КП на заводе Кушнарев, начштаба Дятленко сидели в трубе. С шестью автоматчиками имели два ящика гранат. Отбились.

Немцы ввели танки на завод, цехи переходили из рук в руки по нескольку раз, танки их разрушили прямой наводкой. Авиация бомбила и день и ночь.

С 26 по 31 октября шли сильные бои, командир полка стрелял из миномета. Много гранат.

ГВАРДЕЙЦЫ РОДИМЦЕВА»
карандаш). Сталинград, 1943
галерея, Москва

27-го. Немец-учитель, пленный, говорил о жестоком приказе выйти к Волге. Черные руки, вши в волосах и голове. Пленный зарыдал.

1-го наступал полк, они доходили до 15 метров, начинали окапываться, и их всех покромсали.

Идет первый эшелон, второй, третий. В этот день было отражено 13 атак. Рвались к переправе. Огромная роль нашей артиллерии.

1-го числа 4 артполка и «катюши» в течение получаса вели огонь по площади 500 метров. Все замерло, немцы замерли — все смотрели и слушали.

Командиры дивизионов вместе с командирами полков и батальонов. Немцы находились на окраине завода — это было днем 2-го числа. Часть легла, часть бежала. Казах вел троих пленных, его ранило — он выхватил нож и зарезал троих немцев.

(Михалев К. П. отражал два раза, после него Кушнарев — еще два раза. Чамов — до 10 раз. И танки и пехота).

Танкист, здоровый рыжий парень, перед КП Чамова выскочил из танка, когда иссякли снаряды, схватил кирпичи и, матерясь, кинулся на немцев. Немцы побежали.

Михалев, Барковский, начштаба Мирохин — погибли, все посмертно награждены.

Командир батальона Шенин — сбил самолет, уничтожил танк.

Капитан Сергиенко: «Чамов ведет себя героически».

Автоматчика Колосова засыпало землей по грудь, он сидит и смеется: «А меня зло берет».

Командир взвода связи Хансицкий сидит у блиндажа, читает книжку, дикая бомбежка. Гуртьев рассердился:

— Что это вы.

— Да что же делать, бомбит, а я читаю книжку.

Химик, офицер связи Батраков — в очках, черный, ходил каждый день 10—15 километров. Придет, протрет очки, даст обстановку и идет. Ходит точно, в одно и то же время. Инженер, не торопится, медлителен.

Наши девушки с термосами за плечами, несут завтрак. Как раненых выносили. С огромной любовью говорят о них. Девушки не окапывались. Леля Новикова веселая, пела «она ж ничего не боялась» — санитарка, две пули в голову.

Михалева очень любили. Он ко всему прочему симпатичнейший человек, серьезный, смелый, заботливый. Теперь, когда спрашиваешь:

— Ну как?

— Что ж как, эх, живем без отца.

«Он очень умелый командир, дорогой командир. Жалел своих людей, берёг».

Балка — большая сила, особенно здесь в Сталинграде. Хороший подступ, узкая, глубокая. В ней КП минометной части. Она всегда под огнем, в ней погибло много людей. В ней провода, таскали огнеприпасы. Авиация и минометы сравняли ее с землей. Там и Чамова засыпало, откопали. По ней шли шпионы.

Бои в балке — сверху гранатой, в балке рукопашная, к батарее Андреева (минометной) подошли вплотную, и он вел с ними рукопашный бой.

---

12 и 13-го тихо, но мы понимали эту тишину.

14-го он бил «ванюшей» по КП дивизии. Тогда завалило, мы ушли. Мы имели по 13—15 человек потерь на КП дивизии. Звук глухой у термитного снаряда, бьет в уши. Вначале скрипящий: «Ну, Гитлер заиграл», успеешь спрятаться. Владимирский хотел оправиться — до вечера страдал так, что хотел взять у бойца котелок.

Богатство опыта.

Опорный пункт — огонь и снизу и сверху, ходы сообщения, траншеи, «усы», чтобы подбираться к тяжелым танкам.

Граната, автомат, 45 мм пушка.

«Пошли 30 танков, мы испугались, ведь в первый раз. Но ни один не побежал».

Мы заставляли стрелять по броне, елозили танками по глубоким щелям. Красноармеец вылезал и смеялся: «Рой поглубже, буквой Г».

Удары концентрированные немцев.

Быт. Были бани, питание горячее два раза в день. Боец сказал: «Есть всё — и хлеб, и обед — да не до еды, товарищ комиссар».

Почтальоны — Макаревич, с бородкой, сельский, с сумочкой — конвертики, открытки, письма, газетки. Карнаухов ранен. Всего трое ранено, один убит...

Начальник штаба полковник Тарасов: «Танкисты боялись, что мы не пойдем за танками, а мы пошли и вырвались впереди танков».

Ривкин — командир саперного батальона. Лодочная переправа, 15 плотов. Устройство опорного пункта на «Баррикадах» — амбразуры в стенах, ходы сообщения, круговая оборона, минирование, стрелковые ячейки для стрелков (почва в Сталинграде очень твердая). Вперед от цеха выносились ходы сообщения. До 1500 м, около противника в 30—50 метрах, перед рассветом, когда темно, шёпотом говорили. Маскировали в условиях города — под кучку камней, под бревнышко, в ямку. На заводе взламывали асфальт, камень.

Реухов, младший командир, носил мины под автоматным огнем. Подносит за 6—8 километров на расстояние 150 метров. Само минирование быстро. Само минирование 40 минут.

Подрывали дзот — в нем два пулемета и 15 немцев. Лейтенант Краснов и два бойца, Селезнев и Юдин, взяли 50 кг и залегли в 50 метрах и сутки наблюдали, там работала мотопила. С темнотой влезли на дзот. Перед рассветом двое немцев вышли, не заметили. Зажгли шнур и отбежали.

«Мы заняли оборону в районе „Баррикад". Мы выслали туда 20 человек с младшим лейтенантом Павловым, его убило, принял команду сержант Брисин. После первого дня их осталось 10.

Наступало на них две роты немцев. Брисин подполз, разведал: два пулемета, приполз с бойцами и уничтожил два расчета. Пулеметы утащили. Так же уничтожил минометный расчет. Он влез в немецкий дом, пробрался на второй этаж и сбросил 10 гранат, потом связал две плащ-палатки и вылез в окно».

Косиченко раненый выдергивал зубами чеку из гранаты.

Девушки. «Лысячук Нина — ранена. Бородина Катя — перебило правую руку. Егорова Антонина — она убита, она пошла за взводом в атаку, санитарка, ей автоматчик перебил обе ноги, и она истекла кровью. Арканова Тоня — сопровождала раненых бойцов и пропала без вести. Канышева Галя — погибла при прямом попадании бомбы. Коляда Вера — погибла вместе с Канышевой. А мы двое с Зоей остались. Я, Костерина Надя, и Зоя Калганова. Я была ранена в плечо, она была ранена осколком мины у блиндажа, а затем осколком бомбы у переправы. Учились в школе № 13 в Тобольске. Мамы плакали: „Да как вы там пойдете, там мужчины". Мы войну себе совсем не так представляли, как на самом деле».

«Наш батальон был в авангарде полка, пошел в бой в 10 утра. Хотя было страшно, но нам было очень интересно. Из 18 девушек осталось 3. Я очень долго боялась мертвецов, а раз ночью я спряталась за мертвеца, пока строчил автоматчик, я лежала за ним. Первый день я боялась крови, и кушать не хотелось, и перед глазами представлялось. Мы шли восемь

суток 120 километров не спавши, не евши. Мне представлялась война — все горит, дети плачут, кошки бегают. И когда мы попали в Сталинград, все так и было, как я представляла».

«Мы чистили с поваром картошку, увлеклись разговором, о бойцах говорили. Все покрылось дымом, и повара убило, а через несколько минут подошел лейтенант, разорвалась мина, и его и меня ранило.

Особенно страшно ночью ходить — немцы неподалеку кричат, горит все. Носить раненых очень тяжело, мы заставляли бойцов носить. Я плакала под Котлубанью, когда налетело 40 самолетов, с сиренами, а окоп был мелкий, мы накроемся плащ-палатками и лежим. Потом я плакала, когда меня ранило.

Мы днем их ⟨раненых⟩ не носили. Лишь раз Казанцева вытаскивала Канышеву, и автоматчик ей прострелил голову. Днем мы их клали в укрытие, вечером мы их перетаскивали с помощью бойцов.

Иногда бывали минуты, что жалела о том, что пошла, и утешалась, что не я первая, не я последняя. А Клава: „Такие люди гибнут, а я что".

Получали письма от учителей, они гордятся, что воспитали таких дочерей. Подруги завидуют нам, что нам выпало перевязывать раны. Папа пишет: „Служи честно, возвращайся домой с победой" (он врач-ветеринар— Дмитрий Иванович). А мама пишет такое, что прочтешь и сразу слезы потекут... А что я пишу? Не ответила».

Клава Копылова — машинистка:

«Я пишу боевой приказ, меня завалило, лейтенант кричит: „Живы?" Меня откопали, и я перешла в следующий блиндаж — опять меня засыпало, меня снова откопали, и я снова стала печатать и допечатала.

Если я останусь жива, я никогда не забуду. Ночью бомбят, горит, меня разбудили, в блиндаже, все члены партии меня поздравили — так тепло и хорошо. 7 ноября мне вручили партбилет. А фотографировалась я несколько раз для партбилета, и всё мины били.

Если день тихий, то мы поем и танцуем („Петлицы", „Синий платочек"). Читала „Анну Каренину" и „Воскресение"».

Леля Новикова — сандружинница.

«Галя Титова. Подруги рассказывали — она перевязывала, но не вытаскивала — сильно стреляли, бойца убило, а ее ранило. Она встала во весь рост и сказала: „До свиданья, девушки" и упала. Мы ее похоронили».

«Раненые бойцы больше комиссарам пишут».

«Хотя я немецкий знаю, но я с пленными не говорю — не хочется с ними говорить. Мой любимый предмет алгебра. Мне хотелось поступить в машиностроительный институт. Из 18 девушек-санитаров осталось нас только трое.

Мы хоронили Егорову Тоню. После первого дня боев у нас оказалось нет двух девушек. Мы встретили старшину, и он сказал, ⟨что⟩ она умерла у него на руках; она сказала: „Ой, я умираю, мне больно, не знаю, мои это ноги или нет?" Он сказал: „Твои".

Два дня нельзя было подойти к танку, потом мы подошли — она лежит в окопе. Мы ее убрали, положили платок, кофточкой закрыли лицо — мы плакали. Была я, Галя Канышева, Клава Васильева — их обеих нет уже».

«В резерве мы жили с бойцами недружно — проверяли вшивость и ссорились все время. А сейчас бойцы говорят: „Мы нашим девушкам очень благодарны“. Письма получали от старшины роты ПТР. Мы шли со взводом в атаку, ползли по-пластунски рядом. Поили, кормили, перевязывали под огнем».

«Мы оказались выносливей бойцов, еще подгоняли. Ночью дрожишь, вспомнишь дом и думаешь: „Эх, вот дома бы теперь!“».

«Тов. Ортенберг, завтра предполагаю выехать в город — думал сесть писать большой очерк, но понял, что придется отложить писание и некоторое время посвятить собиранию городских материалов. Так как переправа теперь вещь довольно громоздкая, то путешествие сие займет у меня минимум неделю. Поэтому прошу не сердиться, если присылка работы задержится. В городе предполагаю беседовать с Чуйковым, командирами дивизий и побывать в передовых подразделениях. Одновременно хочу вам сказать, что примерно в январе мне нужно будет побывать в Москве — если сможете вызвать меня, премного буду вам благодарен. Дело в том, что я чувствую некоторую перегруженность впечатлениями и переутомление от трехмесячного сталинградского напряжения.

Если поездка моя в город сопряжется с какими-либо печальными неожиданностями — прошу вас помочь моей семье.

Вас. Гроссман»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Сталинский сокол» — газета Военно-воздушных сил Красной Армии.

[2] *Лысов* и *Трояновский* — военные корреспонденты «Красной звезды».

[3] *Петлюра* — водитель легковой машины, принадлежавшей редакции «Красной звезды».

[4] С. А. Толстая-Есенина. О ней см. в первой книге настоящ. тома, стр. 632—634.

[5] Михаил Петрович *Петров* — генерал-майор, Герой Советского Союза, командующий 50 армией; Николай Александрович *Шляпин* — бригадный комиссар, член Военного Совета 50 армии. Осенью 1941 г., когда армия с боями выходила из окружения, они оба погибли (см.: А. И. Еременко. В начале войны. М., «Наука», 1965, стр. 374—381).

[6] В этой книжке большое место занимают записи, связанные с посещением частей и соединений, о людях которых собирался писать Гроссман.

[7] Здесь и ниже автором внесены в записную книжку отрывки из его писем к Д. И. Ортенбергу, тогдашнему ответственному редактору «Красной звезды».

ЕЛЕНА РЖЕВСКАЯ

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ*

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ. 1942 г.

Заглушенные голоса в эфире. Настраиваюсь. Треск разрядов, и опять что-то перекатывается, мерно, как морские валы, и ничего не разобрать, щелканье, разрывы.

— «Звездочка»! Я — «Ястреб». Захожу слева. Прикрой хвост! Прикрывай!

— «Звездочка»! «Звездочка»! Мне навязывают бой. Почему не прикрываешь?! В хвост мне заходят. Петя! Прикрой!

Толкаю оконные рамы, высовываюсь в наушниках, ищу их в небе. Тут над нами нет их. Вдалеке что-то шныряет, не то птицы, не то самолет.

— Петя! Нависают! Не видишь, что ли? Улыниваешь, мать...

— Захожу, захожу! Вася, держись!

Водители говорят: «Бог создал небо и землю, а чёрт — калининские дороги».

По раскисшей дороге собачьи упряжки тянут на передовую мешки с сухарями в лодочках. Выбившиеся из сил собаки валятся на землю и воют. Шагающий рядом с упряжкой боец в накинутой плащ-палатке с шестом в руках командует сорванным голосом: «Вперед! Вперед!» — это единственный вид транспорта, не поддающийся мату. «Вперед!» Вожак подымается, тащит за собой упирающихся собак, они тянут груз, захлебываясь жалобным, истошным лаем.

Над дорогой, ожесточенной, матерящейся, буксующей и ревущей моторами машин, висит сиплый призывный возглас: «Вперед! Вперед!»

Из документов убитого Карла Шеппе, ефрейтора, 1920 г. рождения. Он не успел жениться на женщине, родившей от него ребенка. Это явствует из ее писем, полных скорбных упреков. Но он собирался узаконить свои с ней отношения и запасся инструкцией для вступающих в брак, где перечислено все, что для этого требуется:

«1. Опекунское разрешение на брак, если несовершеннолетний.

2. Свидетельство обеих сторон о пригодности к браку.

3. Свидетельство о несудимости.

4. Арийское происхождение обеих сторон, документально доказанное вплоть до дедушки и бабушки.

5. Свидетельство о политическом поведении невесты, о том, что она пользуется безупречной репутацией, достойна уважения, что она принадлежит к национал-социа-

* Е. М. Ржевская в годы войны была военным переводчиком в штабе 30 армии.

Е. М. РЖЕВСКАЯ
Фотография, 1942
Собрание Е. М. Ржевской, Москва

листскому государству и происходит из достойной уважения, признающей национал-социалистское государство семьи. (Это должны подтвердить три свидетеля, если возможно представитель власти сверх того.)

6. Полицейское свидетельство о поведении обеих сторон.

7. Объяснение жениха, что вести хозяйство следует бережливо.

23.2.1941 г.»

Часов с шести вечера обстреливают нашу деревню. За переборкой в нашей избе продолжается заседание сельсовета.

— ...Чтобы мимо нас не смог пройти ни один шпион и другой чужой элемент...

Снаряд со стоном проносится над крышей. По потолку к нам сюда сочится из-за переборки дым самосада. Все тот же глухой, прокуренный голос:

— ...Которые дезертиры заходят в деревня, переночуют безо всякой претензии и совершают кражи...

...Стучит, как швейная машина, маленький учебный самолет У-2. Стихнул. Выключил, значит, мотор, планирует над противником, сбросит бомбы, гранаты. Откуда? Ищи его!

Ждем. Вернется ли?

Вынырнул вдруг над головой звук, живой и резкий,— легче прежнего идти разгрузившейся машине. Пошел к себе на стоянку.

Ночная бомбардировочная авиация — маленький мирный самолет, призванный на войну.

В деревне Леоново немцы расстреляли все население за связь с партизанами (в феврале 1942 г.). Жителей загнали в землянки, где от тесноты бились, кричали и гибли дети. Потом потащили всех, кидали на снег и строчили из автоматов. Семья Сопеловых. Девочка шести лет, лицом в снег: «Холодно». Мать ладонь подложила ей под лицо. Бабушка легла на девочку и прикрыла ее своим телом. Бабушка убита первой же очередью. Брат, раненный, поднимается в полный рост. Убит. Мать ранена четырьмя пулями, но жива. Девочка под мертвой бабушкой жива, понимает, что нельзя шевельнуться, лижет матери ладонь, а мать, истекая кровью, шевелит пальцами — дает знать дочери, что та не одна. Так они лежат несколько часов.

Их спасли и спрятали у себя жители соседней деревни — парнишки и женщины, они пробрались сюда, когда стемнело.

— На лошадь погрузили, сами пешком пойдем: от пешки нет замешки.

В крайнем доме живут две девочки-ленинградки, их привезла прошлым летом к своей сестре мать, а сама вернулась в Ленинград. Девочки Тома и Лиля. Младшая Тома — толстая, ласковая. Тетка и ее сыновья трогательны с ней. Они придумали для нее песенку:

Палочка-выстукалочка,
Далеко живет наша мамочка.

Сегодня узнали — схвачен наш разведчик С.

«Немецкий переводчик глянул на него и сказал: „Этот молодчик является советским подснежником“. И первый ударил его. Тотчас оба немецких офицера пинками сшибли его на пол. Втроем они не переставали бить его ногами, не спрашивая ни о чем...» (Из донесения.)

Дежурю. Треск, разряды в эфире. Голоса. Немцы открытым текстом корректируют огонь по нашему левому флангу в районе Вырубово. «Два по квадрату семь!» — лающее, ненавистное. «Недолет!»

Поверх их команд вдруг вломился голос Тютюкова:

— Я — шестой. Я — шестой. Даю настройку! Раз-два-три-четыре... Пять-четыре-три-два... Как слышите? Отвечайте! Сучьи дети...

И мат — надсадным, сорванным голосом. Это он, очевидно, уже с батареи. Приполз под огнем, починил рацию. Бесстрашный. Такого мастера нет больше в артполку.

Чья-то морзянка забивает, не дает мне разобрать, не слышу, ответили ему или нет. Кто-то рядом произносит, разделяя слова:

— Диктор Тью-тью-ков нэ куль-тур-ный диктор.

Немецкий радист подышал мне в уши и затаился.

Раненый — рука на перевязи — остановил меня, попросил свернуть ему цигарку.

— А *у него* немецкая «катюша» завелась — шестиствольный миномет.

По одну сторону перегородки пленные, по другую — хозяйка со своими ребятишками. На оцепе в плетеной корзине раскачивается маленький Шурка. Старший сын хозяйки Костя, облокотясь о стол, качая корзину ногой, беседует с часовым, охраняющим немцев. Теленок, сунув голову в корзину, жует тряпки, прикрывающие Шурку.

ДОСТАВКА ГРУЗОВ НА ПЕРЕДОВУЮ

Фотография. Калининский фронт, 1942

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

А Нюрка — ей пять лет — поет весь день «Парень девушку домой провожал с гулянки-и-ах!..» Два дня назад, когда здесь не было пленных, командиры заводили в избе патефон с этой пластинкой. Нюрка звенит немецким шомполом. Двухгодовалый бесштанный паренек Минька тоже хочет играть шомполом и плачет. Костя медленно говорит Нюрке:

— Стервя, дай ему цепочку.

Время от времени с воем пролетает над крышей снаряд и падает на краю деревни. Костя стоит на коленях, локтями упирается в плетеную шуркину корзину, качается и поет:

Ай, Шурушочки,
Пошурушочки.
Ай, Шуру-шоч-ки,
Пошуру-шоч-ки.

Мотор сверлит, со стонущим металлическим подголоском. Мессер.

Чищу в сенях гимнастерку. На крыльце Нюрка с соседской девчонкой беседуют. Обе слышали, что выселять из деревни будут, обсуждают вопрос о транспорте. Соседская девчонка выдвигает реальный вариант: впрягут корову в сани, на сани — зерно, а сзади привяжут теленка. Нюрка помышляет об автомобиле. Они сверстницы, обеим по пяти лет.

«Плохо заботятся о сохранении боевого коня. Отмечается резкое нарастание худоконности».

Допрашивала пленного. С печи на нас с ним смотрела бритая наголо после тифа женщина. Она сказала сидевшему в избе старику-погорельцу, указывая на меня:

— Как-никак, человек на двух языках разговаривать может, а мы и плакать-то по-русски не умеем.

Идем пригретым солнцем пыльным большаком. Поле. На обочине — светло-зеленая трава, еще не прибитая пылью. За крутым поворотом — снова поле. По зеленому полю женщины, впрягшись, тянут плуг,— десять женщин, по пять в ряд, связаны между собой веревками, веревки прикреплены к плугу. Одиннадцатая направляет плуг.

Тоска и ненависть — здесь была *оккупация*.

Сегодня пленный показал текст присяги, которую каждый солдат, стоящий тут против нас, должен был лично принести Гитлеру. Они клянутся не сойти со своих мест у Ржева.

— Фюрер сказал: отдать Ржев, значит открыть русским дорогу на Берлин.

К вечеру второго дня старик вернулся. Говорливая рыхлая старуха-погорелка, признавшая меня чуть ли не за родственницу по той причине, что три ее сына живут в Москве, подвела его ко мне. И торжественно:

— Знакомься. Наша знакомая.

Старик вытер руку о седую голову, пожал мою и сказал:

— Извиняюсь.

Он бомбил деревню, зенитчики зажгли самолет, и он выпрыгнул, приземлился на поле. Там бабы пашут. Решили: немецкий десант. Молотили его лопатами и привели к нам.

В блиндаже, куда его поместили, пахло непросушенной овчиной. Это шофера свалили здесь полушубки, они сдают их последними. Заправленный в гильзу фитиль разгорался, сильно коптя. Немец примостился на топчане.

— Сколько самолетов базируется на смоленский аэродром?

Он застонал, поскреб ладонью о доски топчана. Молчал, показывая,что пострадал и говорить ему трудно.

— Бомбил мирных жителей, не думал, что придется расплачиваться?

Сел. По грязным щекам его, в глазах с расширенными зрачками прыгало пламя коптилки. Сказал хрипло: — Ich habe meinen Spaß daran!*

Пройдут годы, люди будут знать о немецком фашизме понаслышке, изучать по книгам...

«Разводящий» — так называют у нас в части половник. «Иго-го», подражая лошадиному ржанью, — овсяную кашу. «Блондинка» — пшенная.

На лесной опушке сбились в кучу, лают, резвятся и ссорятся собаки. Но взвоет за кустами танк — и собаки замрут, нервно, настороженно. А он движется сюда — страшная громада — переваливаясь, оглушая. Собаки мучительно ждут, подрагивая. Внимание! И бросок вперед, безудержный, ликующий,— собаки мчатся под танк, под танком — мясо. Вот так же через несколько дней на поле боя, заслышав гул моторов, они помчатся под танки противника, неся смертоносный груз на спине.

---

* Это доставляет мне удовольствие (*нем.*).

Когда-нибудь после войны поставят памятник погибшим на фронте собакам — истребителям танков.

Вечером капитан в последний раз инструктировал Сашку.

— Швалью не обзаводитесь — это провал. Подберите двух-трех, ну пять головорезов, и всё.

Сашка отвечал:

— Понятно,— рукой упирался в кобуру.

Когда он вышел, капитан сказал:

— В шестой раз полетит парень. Дисциплинирован и страха не знает. Давайте, братцы, ужинать.

Я постучалась к ним в амбар. Сашка, раскуривая трубку, плечом прикрыл за мной дверь амбара. На овчине под шинелями спал больной мальчик Витя, вывезенный сегодня оттуда, куда улетал Сашка.

— Пусть будет все хорошо и возвращайтесь здоровым.

Он вытолкал трубку изо рта, пожал мне руку:

— Иначе и не должно быть.

Когда началась война, ему было шестнадцать лет, и его настоящее имя знает только капитан.

«Разбомбленная твоя мать!»

«Управление
Охраны города
и района Смоленска
15 апреля 1942 г.
№ 8

Начальникам
волостных охран
и инспекторам колец
и Копия:
Начальнку Смоленского р-на

Предлагаю вам, помимо регистрации жидов, проживающих в ваших волостях, также вести регистрацию цыган, с указанием, в каких населенных пунктах они находятся и количество их.

Желательно составление списков цыган с указанием адреса, фамилии, имени и отчества.

Начальник управления охраны Сверчков»

Тоненький писк вырывался из аппарата, вдалеке на передовой резко застучал пулемет, за палаткой прошли сменившиеся с поста часовые, грохоча ботинками...

У КПП ждала попутную машину. Мимо меня прошла группка солдат. Обернулись:

— Стоит, стоит, бедняжечка, как рекрут на часах!

В землянке. Печь давно заглохла. День пробивался в плохо прилаженные трубы.

— Иногда я выпью, если поднесут. Но я за себя отвечаю, я за рулем сижу.

— Это пороховой погреб, имей в виду.

— Это пороховой погреб, за который я отвечаю, что он не взрывается и не взорвется.

Немецкая памятка, датированная декабрем прошлого года:

«По 472 пп. Памятка о больших холодах

1. Вспомогательные средства защиты от холода.

В каску вложить фетр, носовой платок, измятую газетную бумагу или пилотку с подшлемником. Подшлемники и нарукавники временно изготовить из обмоток. Нарукавники также можно сделать из старых носков.

Лучше надевать две рубашки (хотя бы и тонкие), чем одну рубашку плотную (слой воздуха между отдельными тонкими рубашками — лучшая защита от холода).

Нижнюю часть живота особо защищать от холода. Прокладкой из газетной бумаги между нижней рубашкой и фуфайкой. Повязками из тряпок.

Для ног и колен: газетная бумага между кальсонами и брюками, разрез у кальсон зашить, поддеть спортивные брюки...»

Пока переводишь, живо представляешь себе их *переживания*: они страдают от холода, они — будь они прокляты — одушевленные.

В блиндаже завелся какой-то зверек. По вечерам он скрипит, как сапоги Епиходова из «Вишневого сада». Скребется мышь. Поблизости была деревня — она сгорела, мыши остались и отыскали наше лесное поселение.

Но мышь попалась на кусочек чикагской колбасы, что приплывает из-за морей в портативной таре и заодно с английскими ботинками называется в частях — «вторым фронтом».

Бурьян цеплялся за голенища наших сапог. Среди щепы и стружек копошились куры, меченные чернилами по перьям. Из леса тревожно тянуло прелью, так пахло когда-то, в той другой жизни, где не было войны.

На переднем крае. Немец кричит: — Иван, плати за свет! — и кидает ракету.

В РАБСТВО

Из фотографий немецких солдат. Калининский фронт, 1942

Собрание Е. М. Ржевской, Москва

ЗДЕСЬ БЫЛ РУССКИЙ ГОРОД

Из фотографий немецких солдат. Калининский фронт, 1942

Собрание Е. М. Ржевской, Москва

На левом фланге «играла» «катюша». За плетнем мирно покачивались золотые шары. Ветер гнал сюда пыль и сухие листья. Пахло гарью боя.

Немцы передали по радио сводку. Записала:

«...и сегодня утром под Ржевом враг во взаимодействии с сильными бронетанковыми частями продолжал наступательные действия с целью, как надо полагать,— отвлечь наши силы от боевого марша на юге. Точка. Сильные бои продолжаются. Точка».

Полуторку облепили деревенские девчата, толкали ее, выпихивали из грязи на твердый настил. Стоял такой гомон, и так свирепо завывал мотор, что стрельба на левом фланге стала почти неслышна.

Бомбят невдалеке. Будто взяли за край земли и встряхивают, как одеяло.

Стены блиндажа обклеены газетой со статьей «В боях на юге решается судьба нашей Родины».

Бензин кончился. Машина стала, не дотянув до деревни. Мы вошли на околицу. Крайний дом. Окна занавешены тряпьем. Мерцает коптилка. Напились воды. Закурили.

Проснулся мальчонка, сбросил с себя тряпье, сел, принюхался:

— Это хто тут, русь или фриц?

В избе кричало радио: на юге немцы ворвались в Майкоп и Краснодар.

Майор спал за столом, облокотясь на обе руки и обхватив ими голову. Он встрепенулся, глянул помутившимися глазами, щелкнул выключате-

лем приемника и стал что-то рисовать на листочке. Он был вдрызг измочален за дни боев. Сказал: вчера в Ржеве мужчин от 16 до 70 лет стали хватать без разбора под стражу. На всех перекрестках поставлены полицаи.

Выберутся ли наши разведчики?

Солнце, заваливаясь за дальний лес, выбросило косые лучи, подсветило танковое становище у нас в деревне. Танкисты волокли по улице срубленные деревца для маскировки машин.

Мне повстречалась женщина. Она шла со мной рядом, гремя висевшими на руке пустыми ведрами.

— Ох, он лупит и лупит.

Немец действительно сегодня что-то обнаглел.

— Долго такая музыка тянуться будет?

— Это вы насчет пальбы?

— Нет, насчет всей войны я. А кончится — кому понадобишься? Уже года не те.

Я сказала ей, что она еще вполне ничего собой.

Она быстро скосила на меня глаза, свободной рукой поправила косынку на голове, усмехнулась:

— Да какая я хорошая — вся морщенная.

По улице шел разведчик П. Он возвращался с задания. Из-под деревенского картуза, осевшего по самые уши,— потемневшее небритое лицо. Шагает военной походочкой, выбрасывая поочередно вперед руки, а сам в облегающем пиджаке и коротких холщевых брюках.

Какое это счастье — видеть вернувшегося с задания разведчика.

Под окном прошел наш младший сержант, ведя за руку махонькую здешнюю девочку. Объяснял, наклонившись к ней, едва ли способной охватить это:

— Обувь бывает трех видов: кожаная, матерчатая и валеная.

И было наглядно насчет человеческой потребности делиться, доносить свой опыт. Отсюда, наверное, и педагогические и писательские склонности в человеке.

Тучи толкутся. Гарь за деревней над полем. Свинцовый денек сорванного наступления. Танки, выведенные из боя, вкатываются сюда, в деревню, громыхая и лязгая.

Напротив колодца — реденький кружок: бойцы и командиры. Там на коврике, раскинутом на сырой земле, молоденький акробат вертит акробатку, ломает ее пополам, перекидывает через себя. Отбежав, призывно манит рукой, и она — босыми ножками по рыжему выщербленному коврику — и к нему, к нему, и опять взлетает на воздух. На ней одни трусы да лифчик, чешуйчатые, в блестках. Москва, Москва, кого только не шлют на разгром врага. Всё для фронта!

Танки выводят из боя, и они по одному, вразброд, сотрясаясь и волоча подбитые гусеницы, вползают с размашистым лязганьем на околицу. Глушат моторы. Из башни вылезают танкисты и, переступая тяжелыми ногами, бредут к кружку.

Гуще круг. Черные, сдвинутые на брови шлемы, закопченные лица. Чей танк не вернулся, кто там догорает в трясине у городского леса — еще не сосчитано. Осев на затекшие ноги, танкисты хмуро вперились —

маленькая акробатка, землистое тело. На коленках стоит, откинулась назад, уперлась руками в землю, приподымается — изогнулась вся. Голова запрокинута. Мостик делает, кто понимает.

Тишина гробовая. Никто не пикнет, не ухмыльнется. Только лязгают танки. Слышно: на левом фланге стреляют.

Теснее круг — пододвинулись к самому коврику, окольцевали. Мечи сюда немец хоть минометный огонь, не отступятся. Сапоги переминаются, топчут рыжий коврик. Чуется пот их работы, этих двоих на коврике. В небе «яки» прошли, беззаветно врезаясь в низкие тучи. Никто не проводил их взглядом. Неотрывно, в упор, окаменело смотрят танкисты в выгнутый живот циркачки.

Она разогнулась, покружила немного и — стоп. Поклонилась девчоночка. Циркач нагнулся и ловко скатал коврик. Похлопали. И разбрелись.

Трофейная газета «Дас шварце кор» *. Передовая: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди действительно немецкой, германской крови...»

На крыльце рослая женщина в клетчатой юбке — председатель колхоза — «занаряжала» своих бригадиров. Они сидели вокруг нее на ступеньках, все в платочках, завязанных под подбородком, переговариваясь:

— По косогору, где лен, немец бузует из минометов.

— Убьют, забота не наша. Убьют, так закопают.

На опушке леса никаких знаков. Нет белого флага с красным крестом. Раньше, говорят, это служило защитой. Но не в эту войну.

К дереву приколочена дощечка «Хозяйство Черняка» и стрелка, указывающая на разбухшие от грязи колеи, ведущие в глубь леса. Мелькают белые халаты между стволов. В вырытой яме свалены окровавленные бинты, вата... Их забросают землей или подожгут к ночи, когда дым над лесом незаметен.

Разгружают санитарную машину.

За столом на опрокинутом ящике сидит девчонка в пилотке, косо напяленной на короткие завитки волос, пишет под диктовку доктора — маленького, опрятного, снующего среди прибывших раненых. Время от времени она поднимает от листа безмятежно ясные глаза.

Возле нее на спущенных с машины носилках лежит раненый, прикрытый по плечи шинелью. Глядит вверх на раскачивающиеся макушки деревьев. В глазах его терпеливая, смертная тоска.

Двое пленных немцев, сидевших на пороге сарая, громко заспорили. Часовой шикнул на них. Они переждали немного и опять за свое. Тогда часовой, показывая руками, велел одному из них уйти в сарай, другому оставаться на месте.

— Раз не можете по-хорошему, сидите врозь.

— Главное, не распыляться. Бить врага надо кулаком, а не растопыренными пальцами.

---

* «Черный корпус» (*нем.*).

В лесу, в медсанбате. В палатку просунулась голова.

— Разрешите с вами познакомиться. Я — ваш санитар, Третьяков по фамилии.

— А что же ты, санитар, без шапки?

— Я только что из бани — сперли!

Большой, замученный, почерневший, он не присел на бревна, как ему предложили конвоиры, стоя ждал своей участи. На изодранной в клочья грязной нательной рубашке — орден Красного Знамени. Хранил его под подкладкой в сапоге и сейчас, когда его вели с передовой, прикрепил. Единственная вещественная связь с прошлым. Летчик. Подполковник. Два месяца назад сбит над Ржевом, был в лагере военнопленных. Сегодня бежал и перешел линию фронта.

Один конвоир пошел в штаб к комиссару полка, на чьем участке объявился сегодня бежавший из плена летчик,— пусть установят его «личность», разберутся,— другой ковырял сапогом землю в стороне, стесняясь показывать, что он охраняет его.

Летчик стоял, черный от голода и щетины. На волосатой груди, едва прикрытой клочьями рубашки — кровавое пятно — орден Красного Знамени.

Разведчики доставили документы убитого фельдфебеля. Среди документов приказ командующего армией:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. *Всё* остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и жилые здания, *должно быть уничтожено. Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения...*»

«Слушали в разном о том, что на территории данного с/совета появились волки, которые приносят материальный ущерб колхозам.

Постановили: обязать ночного пастуха т. Горюнова С. усилить ночную охрану, одновременно вооружить себя ружьем.

Пред. колхоза...

Члены правления...»

Дуся, горемыка, приставшая к нам, кочует с нами. У нее сын остался в Ржеве, в детдоме. На ней синее платье железнодорожницы в белесых полосах, в раскрытом вороте видна сиреневая нательная рубашка, а по ней с шеи спускается веревочка с поблескивающим медным крестиком. Вчера, когда мы мылись с ней в бане, я сказала ей, что зря она тут рискует жизнью, уходила б в тыл.

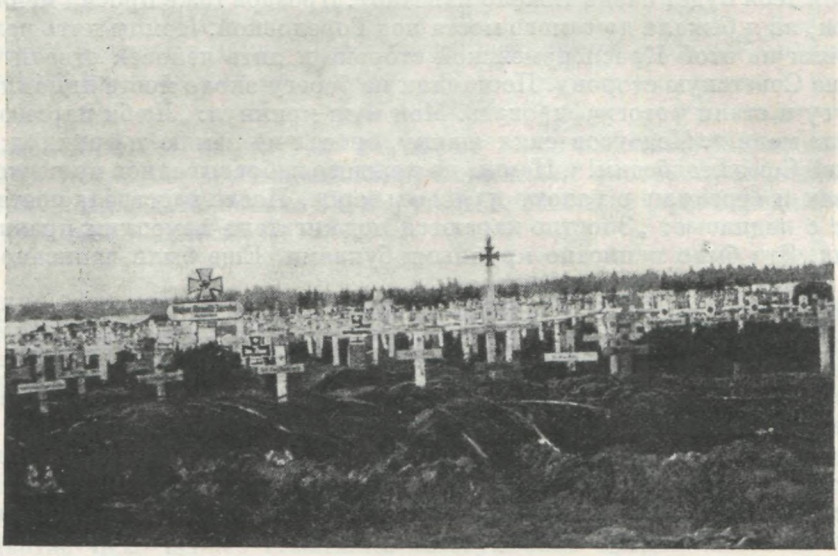
Она подскочила ко мне с мокрым, искаженным лицом, по ключицам текли струйки воды, медный крестик трясся на груди:

— Уходить? В честь чегой-то? У меня сынок есть! Во Ржеве он! В детдоме. Я еще погляжу, каким он будет...

Прошлепала мимо меня с пустой шайкой и стала наполнять ее горячей водой из чана, стоя ко мне боком — коротышка, спина гнута, ключица наружу выпирает. Сказала уже примирительно:

— Гляди сюда!— и пригнула голову.— Все волосья́ — косячками. Это от бомб. Как бомбят, волосья́ от страху обламываются.

И все ж ни в какую. Не уходит. Ей видней. Возможно, что там, в тылу, в тишине, она совсем спятит. В грохоте пальбы, под бомбами, на пожарищах, она вроде бы долю держит в смертельных усилиях за Ржев.



ФАШИСТСКИЕ ОККУПАНТЫ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из фотографий немецких солдат. Калининский фронт, 1942

Собрание Е. М. Ржевской, Москва

«Противник, усилив Ржевскую группировку мотобатальонами полка СС „Великая Германия“, частями 5 тд и 110 пд, стремится выбить части армии из северо-восточной части города» (Боевое донесение).

«А травы густые и косить ни к чаму».

«Волга в полосе нашей армии имеет четыре правых притока: р. Сишка, р. Дунка, р. Ракитня и р. Большая Лоча...

Река Сишка берет свое начало в заболоченном массиве возле станции Оленино и пересекает на своем пути восточный склон Среднерусской возвышенности... Большая извилистость русла и долины и наличие крутых, сильно рассеченных коренных склонов...»

Что-то исконное, умиротворяющее. Даже непохоже, что это — военный документ, составленный нашими топографами.

«10 ноября, в 2 часа дня моя дочь, семи лет, прибегла с улицы: „Мама, повели папу и много дяденек“. Я выбежала и увидела, что ведут человек десять, среди них мой муж, Сарафанников, гармонист Дроздов, Медоусов, Пегасов (раньше работал директором трансторгпита), Рощин, а других не знаю.

Когда я подошла, муж крикнул: „Вернись! Не ходи, куда нас ведут. Это для тебя будет очень тяжело навечно“. Дроздов тоже просил меня вернуться, но я бежала до самого моста под Гореловкой. Немцы пять человек оставили на этой Красноармейской стороне и пять человек отвели через мост на Советскую сторону. Поставили на берегу около моста лицами друг к другу и стали фотографировать. Мой муж крикнул: „Люби партию, как любила меня!“. Медоусов снял шапку, бросил на землю и крикнул: „Советский Союз непобедим!“. Немцы на каждого набрасывались по несколько человек и стреляли в голову из левольверов. После расстрела поставили доску с надписью: „Злостно караются поджигатели немецким правительством“. Это было написано крупными буквами. Еще было написано мелкими буквами, то я не прочитала...

После этого ко мне приходил Вавилов (до войны работал экспедитором на пекарне), который при немцах назывался господином Лапиным и работал в немецкой управе, и приказал мне выехать из Ржева в двухдневный срок. Я ходила к нему в управу. Я спросила у него: „Товарищ Вавилов, зачем так жестоко предали моего мужа?“ Он ответил: „Я на сегодняшний день господин Лапин“. Я спросила: „Господин Лапин, за что предали так жестоко моего мужа?“ Он ответил: „У ваших коммунистов ноги коротки, а у наших офицеров длинные. Наши офицеры их догоняют“.

После этого я не сдержалась, сказала, что, может быть, и у вас в скорости будут короткие ноги. Он вскочил со стула и предложил очистить кабинет.

После этого уехали со своей семьей из Ржева сюда, в деревню Горенки». (Со слов Ореховой Т. И.)

Когда уходят на задание, прощаются кратко: «До свиданья». И пошел. Никаких громких слов. Может, хочется что-то добавить, но слова вроде не к месту. Не получается. Сегодня я иду, завтра, будет надо — ты. С этой уверенностью молча пожимают на прощанье руку.

Трофейная лошадь. Не понимает по-нашему. Боец спешился, дергает уздечку. Кричит:

— Цурюк! (Назад!)

Старуха разогнулась от гряды, приложив руку к глазам козырьком, в упор рассматривала нас, не шелохнувшись. Моя провожатая ушла, погромыхивая ведрами. Старуха указала темным пальцем ей вслед.

— Тюрина — выжига. Она по 20 рублей клубнику носила в город. И опять понесет, вот увидишь, дай только война кончится.

Где-то совсем близко на краю деревни разорвался снаряд. Старуха покачала головой.

— Он уже не такой буйный, окорачиваться вроде стал. А вот опять, гляди.

Она перешагнула через жердину и позвала меня в дом, не спрашивая, кто я и зачем явилась. Это был запустелый, закопченный дом, с осевшим полом и скособочившимися окнами; здесь держался начальничий запах одеколона, папирос и новых ремней. На лавке спал боец, нахлобучив на лицо пилотку.

— А ребятишки ваши где же?

— Их прохлыстать как следует надобно. Поняла? Гоняют без толку...

Со страшным воем пронесся у нас над крышей снаряд. Старуха либо недослышивала, либо под охраной своих закопченных стен чувствовала себя в безопасности. Боец продолжал спать.

В избу бесшумно проникли двое — мальчик и девочка, лет шести и восьми, два босых тощих галчонка. Должно быть, обстрел загнал их домой, и теперь они жались к печке. Они понуро слушали, как опять взвыл снаряд, и девочка, старшая из них, чесала одной босой ногой другую.

Немцы называют Ржев — «неприступная линия фюрера», плацдарм для нового наступления на Москву.

Разведчик П. в накинутой на плечи плащ-палатке, разрисованной желтыми полосами для маскировки, попыхивал цигаркой, привалясь к козырьку дома. Он поджидал Т—ву, чтобы провести ее через передний край до нейтральной полосы.

Гулко лают собаки — истребители танков. Взлетают ракеты у немцев. На секунду из темноты выхвачена колокольня, сверкнул крест на той стороне, во Ржеве. Приглушенные голоса. Медленно тянется ночь перед наступлением.

«...К 6.20 части дивизии заняли исходное положение для наступления.

Сводный отряд в 6.20 перешел в наступление в направлении леса южнее Ножкино и в 7.30 овладел траншеями на переднем крае обороны противника, на участке леса южнее Ножкино. Наступление продолжается...»

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

ПИСЬМА ИЗ ТАЛЛИНА И ЛЕНИНГРАДА

ПИСЬМА К С. К. ВИШНЕВЕЦКОЙ, 1941 г.

Публикация В. Ф. Суворова

Софья Касьяновна Вишневецкая (1899—1962) — жена и друг Всеволода Витальевича Вишневского, театральный художник, литератор. В Великую Отечественную войну корреспондент газеты «Правда», затем, с начала 1942 г.,— художник Политуправления Краснознаменного Балтийского флота. Входила в оперативную группу писателей при Политуправлении КБФ. Награждена орденом «Красной Звезды» и медалями. Лауреат Государственной премии.

Письма Вишневского к ней охватывают время с первых дней войны и до начала января 1942 г. 12 января С. К. Вишневецкая прилетела в осажденный Ленинград и оставалась в нем до середины 1944 г., когда Вишневский, в связи с новым назначением, выехал из Ленинграда в Москву. Из большого числа писем, открыток, телеграмм, адресованных Вишневским жене, для настоящей публикации отобрано девять писем, наиболее полно характеризующих жизнь и работу писателя в первые военные месяцы и представляющих наибольший общественно-литературный интерес.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в комиссии по литературному наследству Вс. Вишневского при Союзе писателей СССР. Некоторые из писем печатаются с незначительными сокращениями. В приложении дается письмо Вишневского к М. И. Белкиной, по своему содержанию непосредственно примыкающее к основной публикации.

1

30 июня 1941. Таллин

Привет, Масик мой!

Вот впервые за все эти дни есть относительная возможность написать тебе связное письмо. (Уже послал тебе одно письмо; три открытки; телефонограмму через Таирова; через Ленинградское отделение «Правды»— Гольдберга, он должен знать о нас, и о наших делах; одну молнию...)

Итак, выехал 24.VI. Поезд пришел в Ленинград в восемь вечера. Жажда вестей. (Нужно шире агитпункты разворачивать.) На вокзале Таиров и Коонен [1]. Объятия... Жаркие потоки людей, взбудораженность. Помчались к Таировым в «Асторию».

У Таировых наспех поели (холодное мясо, салат и т. п.). Быт сдвинут войной круто, а мне это по душе, привычно. Поколение наше насквозь военное, подвижное. Беседовали торопливо — спускалась белая ночь. К поезду надо. Коонен просила тексты для эстрадных выступлений... Где тут!.. Пусть работают мои пьесы, фильмы, книги, очерки. (Я все-таки за эти 10 лет сделал много полезного.) Выпускают ли «Испанию»?

В. В. ВИШНЕВСКИЙ
Фотография В. А. Рудного. Ленинград, лето 1943 г.
Собрание В. А. Рудного, Москва

Позвони в Комитет, к Шуб[2] и прочим, узнай — сообщи, что фильм можно (изъяв отдельный текст об англичанах и французах) дать на экраны.

Мчим на Балтийский вокзал. Бац: поезд уходит перед носом раньше указанного нам срока. Спокойствие. Дали телеграмму, бегом на товарные платформы, через забор, проволоку, в очередной эшелон. Едем — прохладно, белая ночь, розовая заря, балтийские болотные леса. Вагоны набиты, весело, по-мужски компанейски. Все на ногах, не спится. Так и ехали ночь, день и еще ночь... Ели баранки, пили воду. Впечатлений уймища: люди со всех краев... К нам тянутся, расспрашивают... Беседы часами... Крестьяне на остановках, русские (в бывших эстонских уездах) — «Сынов дадим, коней...», «Бейте Гитлера...» Рассказывают: купцы (русские) принесли 92 килограмма золота—«Берите, на войну...» Да, это народная война — самая великая из всех за нашу историю... Поля, валуны, мельницы... Все дороги полны... И нет усталости... Во всё вглядываюсь жадно, как-то спокойно, без романтического «кипения» периода финской войны 1939/40 года. Как-то мы старше и опытнее, и война неизмеримо серьезнее. Судьбы всех — тут, в этой войне — какая-то критическая точка мировой истории. Нам повезло: мы решаем эти дела.

Итак, едем весело, без вещей, с двумя баранками и сырой водой... Люди предупредительные, как-то сближаются, бесконечные житейские рассказы — сколько тем, типов!.. Тут же семь-восемь, может быть, сестер с финского фронта. Беретики, кофтенки, а ночью студеная роса, холодно. Шагаем с Леонидом[3] у дверей огромного товарного вагона, согреваемся по-пехотному. Решили на войне соблюдать внутреннее спокойствие; не пить, есть нормально, без перегрузки.

Прибыли к новому рассвету (значит, 27.VI) в Таллин. Проверяем ушедший до нас поезд: вагона нашего нет!.. Так... Весело... Надо побриться, почиститься, создать иллюзию багажа: купил щеточку, мыло, пасту... Чудно — все должно быть в порядке. Побрились, почистились. Легче стало. Выпили кофе. Поели мяса — на солнечной площади, в кафе, у кирки. И совсем хорошо. Везут в бывшее полпредство. Чудно. Легкая прогулка, несколько знакомых: «Приехали? Где устроились? Как багаж?!» Умно молчим о последнем.

Город на военную ногу — мы сумеем тут обеспечить революционную четкость, чекистские методы помним. Ждем молча до прибытия нового поезда. Может быть, вещи там? Строим соображения... Поезд пришел (в 3 часа 22 минуты дня). Из вагона приветствие (от соседей по вагону): «А вы тут как, уже в Таллине?» — Басом: «Самолетом, надо было!» С почтеньем вручают вещи... Являемся. Чудный прием: «Старая гвардия прибыла!»— говорит контр-адмирал, начальник штаба. Вводят в Военном Совете [4] в курс дел, назначают... Все — свои, родные. Новости — боевые, с разных сторон. Беремся за дело немедля. Мчу на эскадру, на корабли. Тревоги воздушные уже в привычку... Пишу, выступаю, инструктирую. Был в «КБФ» [5]— условились о работе; Михайловский на проводе для «Правды»... Веду записи...[6] (При случае перешлю.) Никаких послаблений. Военное, суровое положение. Беспощадность. Отпор и натиск! Дух Октября, дух гражданской войны!— вот лозунги.

«Матросское племя, вперед!» И дерутся здорово. Есть эпические дела — прямо Севастопольская оборона... Штыками уничтожали немецкие десанты парашютистов. Матросы шли в атаку по нескольку раз в парадной форме!.. Корабли активны. По сводкам вы знаете, как гробим немецкие подводные лодки...

Гитлер нарвался на русскую стенку...Тут не голландцы и не усталые манжёры из Парижа... По камням города отбивают шаг новые и новые наши силы... Любо смотреть на людей. Дело в руках горит: всё сделают, золотой народ...

Выпустил корабельную газету; сделал два выступления на линейном корабле, одно на эсминце; беседы, записи. Это в первый день. Темп! Вдруг срочно к Исакову [7]. Отлично. Душевная беседа, обед, беседа с Военным Советом... Вникаю, действую — где нужно. Газеты имеем: сводки ТАСС...

Просьбы: 1) Переиздать мои пьесы.

2) Просмотри последний вариант пьесы «Первой Конной» (папка, где отзывы и письма С. Майорова[8]). Надо дать лучший вариант, который я наметил в 1938/39 для ЦТКА [9].

3) Рукописи все оставь дома. Никуда не надо чужим.

Ну, заканчиваю. Бодр. Всё в порядке.

P. S. Сейчас 30.VI, 4 часа дня — уточним свои дела:

1) Нам дали кабинет заместителя начальника Политуправления Балтийского флота. Здесь наш деловой пункт, прием, телефоны (койка).

2) Я лично главную работу веду по эскадре. Соболев — по авиации.

3) Питание отличное: молоко, булки, обычные обеды и пр.

4) Почта близка. Со стиркой налаживаем. Ванна тут же...

Пока. В.

P. P. S. Сегодня, 30.VI, первая итоговая сводка: гитлеровский удар тормозится, срывается! Наши первые эшелоны войск крепко дерутся... Ну, собака Гитлер — получит удары и вторых и третьих эшелонов.. Нам надо быстро развернуть всю мощь обороны народа.

В.

[1] Александр Яковлевич *Таиров* (1885—1950) — режиссер, основатель и художественный руководитель Московского Камерного театра (1914—1949). Алиса Георгиевна *Коонен* (р. 1889) — народная артистка РСФСР, жена Таирова, исполнительница роли Комиссара в пьесе Вишневского «Оптимистическая трагедия» (см. ниже публикацию писем Вишневского к ним 1942—1943 гг.).

[2] Эсфирь Ильинична *Шуб* (1894—1959) — кинорежиссер-документалист. По сценарию Вишневского и при его участии поставила в 1939 г. документальный фильм «Испания».

[3] Леонид Сергеевич Соболев.

[4] Имеется в виду Военный Совет Краснознаменного Балтийского флота.

[5] Газета «Красный Балтийский флот».

[6] С первого дня Великой Отечественной войны Вс. Вишневский систематически вел дневниковые записи. В его собрании сочинений военные дневники составляют третий и четвертый тома.

[7] Иван Степанович *Исакóв* — в то время адмирал, начальник Главного штаба и заместитель Главнокомандующего Военно-Морских Сил. В 1955 г. ему присвоено воинское звание Адмирал Флота Советского Союза.

[8] Сергей Арсеньевич *Майоров* — советский режиссер. В 1924—1937 гг. работал в Бакинском рабочем театре, где поставил пьесы Вишневского: «На Западе бой» (1932) и «Оптимистическая трагедия» (1934). С 1939 по 1943 г. был главным режиссером Московского театра Революции.

[9] ЦТКА — Центральный театр Красной Армии.

2

Таллин. Вечер 1.VII.41 г.

Это пятое или шестое письмо (считая открытки). Связь стараюсь держать через «Правду». Ей передал уже 2 корреспонденции (об уничтожении немецкой подводной лодки и обзор по Таллину) [1]. Все время в работе: с 9 утра. Статьи. Листовки. Поездки в части и пр. Обед в 6 часов. Ем меньше. Много дум — о Родине, о идущей битве... Надо напрячь все, все, все силы. Слушаю сводки, читал московские газеты за 29-е — ощущение: слишком много общих деклараций. К делу. Каждый. За организацию, снабжение, расстановку сил. Скорее. Надеюсь, что Государственный Комитет Обороны всех поставит на места, внесет пыл, четкость. Люди прекрасные у нас — нужна четкость, мобильность, напор. Этим мы брали в гражданскую войну. Сейчас прорыв немцев, надо особо усиливать организационную сторону.

Пишу для «КБФ»— иной раз в день по две статьи [2], даем и листовки — к противнику (для разложения его) [3]; корреспонденции в «Правду» (сегодня передана Михайловским вторая моя корреспонденция). Выступал. Веду записи. Наблюдаю. Подтягиваю. Отношение ко мне прекрасное.

Из окна вид на чудный парк, старинный замок... Но не до красот. Мысль концентрирована на войне, на историческом кризисе; думаю: в ближайшие 10—15 дней вырешится.

Балтфлот мужественно действует...

Я был под рядом налетов — пока ничего особенного. Пишу на своих блокнотиках. Помню Масю, всю нашу жизнь, дружбу — все лучшее, что ты мне дала в жизни. Спасибо!.. И в статье писал (см.), думая о тебе — о боевых подругах, о тебе. Знаю, что ты работаешь. Действуй молодцом. Пусть нам не будет упрека от самих себя, от истории.

Массу бы рассказал, но важное, главное заслоняет все местные мелочи, детали. А главное — все мы знаем. Это решение судеб. Я остро, верно все чувствовал, инстинктом, умом. Прочла ли ты мои записи с 8 июня по день войны? (Папка «Москва») [4].

Сейчас есть оказия на Ленинград. Я и Леонид пишем письма...

Прилагаю первые мои статьи из «КБФ». Прочти друзьям, если интересно. Может быть, Альтману[5] и другим товарищам. Всем шлю привет.

Вижу Москву, большую, серьезную... Как хочется, чтобы народ сумел сделать свое дело, защитить свою самобытность, землю, язык... Все, все вперед, смело!

Сегодня писал большую статью о матросах, их традициях, боевых привычках, хватке. Надо это внедрять и внедрять... Все-таки мирная пауза на некоторых сказывается — надо приучать к войне...

Рад, что мои пьесы пошли, нужны [6]. Это лучшая премия — мое творчество сейчас в первой линии! И фильм — пойдет, я думаю...[7] Конечно, надо было его дать раньше... (Затянули съёмки.)

Вчитываюсь жадно в московские газеты. Вижу, как ты их утром читаешь... Масечка, нежные тебе поцелуи!..

Сегодня надо еще обдумать новые статьи. Пишу с запалом, посапываю над бумагой.

Еще раз — людьми доволен, люди стойкие...

Думаю, у коренной советской земли немцев спружинят, они подвымотаются... Они еще не видели главных наших сил (я думаю)... И на зарвавшихся, растянувших свои линии немцев СССР должен грянуть. Это должно быть великое Бородино, великий контрудар... Верю, жду... Все, что будет надо, мы сделаем...

Ну, привет друзьям: Дзигану, Эренбургу (у него хорошие статьи в «Известиях» и в «Красной звезде») [8], Альтману, Эйзенштейну [9], Шуб, Рошалям [10], всем, всем... Таирову! (Он 2—3.VII едет в Москву.) Тане [11] привет. И в «Знамя» [12].

Еще хочется писать тебе, да некогда... Ну, ты знаешь всё, что у меня на душе, в мыслях... А ерундовские мелочи раз навсегда вычеркни — это нам только мешает...

Петечке [13] и Ванечке [14] позвони... Скажи: Балтика действует! (Вот бы братков мне старых сюда!..)

Целую Масю, пиши! Читала в «Правде» передовую о женщинах? [15] Не во фронте для вас дело, а напряженная работа в тылу. Кстати, все художественные работы здесь (пока) свернуты. Время идет на другие дела. Ты это учти серьезно.

Привет. Твой всегда Всеволод

P. S. Пиши спешным письмом — что в Москве? Кто из писателей на фронте? Что пишут?

Вс.

[1] См. корреспонденции Вишневского: «Балтийский стиль» («Правда», 1941, № 181, 2 июля) и «В морской базе» («Правда», 1941, № 184, 5 июля).

[2] В газете «Красный Балтийский флот» в эти дни напечатаны статьи Вишневского: «Пути из Москвы» (1941, 1 июля), «Смерть фашистской подлодки» (1941, 1 июля), «Долой болтунов и трусов» (1941, 2 июля).

[3] О листовках Вишневского см. настоящ. том, книга первая, стр. 544.

[4] Речь идет о подборке материала и дневниковых записях к новой антифашистской пьесе, над которой Вишневский работал накануне войны. Пьеса не была закончена.

[5] Иоганн Львович *Альтман* (1900—1955) — литературовед и театральный критик, редактор журнала «Театр» (1937—1941). В годы Великой Отечественной войны был редактором ряда армейских газет.

[6] Пьесы Вишневского «Первая Конная», «Последний решительный», «Оптимистическая трагедия» отдельными сценами и в сокращенном виде шли в клубах воинских частей, в театре Краснознаменного Балтийского флота, в Эстонском театре оперы и драмы им. Виктора Кингисеппа.

[7] Речь идет о фильме «Первая Конная» (сценарий Вишневского, режиссер-постановщик Е. Л. Дзиган). Фильм на экраны не вышел.

[8] Речь идет о статьях Эренбурга «Гитлеровская орда» («Красная звезда», 1941, № 149, 26 июня) и «Париж под сапогом фашистов» («Известия», 1941, № 149, 26 июня).

[9] Вишневского связывала с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном (1898—1948) большая творческая и личная дружба.

[10] Семья Григория Львовича Рошаля, кинорежиссера, народного артиста РСФСР.

[11] Татьяна Лавровна *Плешкова* — домработница Вишневских.

[12] Вишневский был редактором журнала «Знамя» с 1934 по 1941 г. (и позднее — с 1944 по 1948 г.).

[13] Петр Петрович *Попов* (1896—1954) — военный моряк, активный участник гражданской войны. Вместе с Вишневским на канонерской лодке «Ваня-коммунист № 5» участвовал в боях за освобождение Казани от белогвардейцев.

[14] Иван Дмитриевич *Папанин* (р. 1894) — советский полярный исследователь, контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза. Во время гражданской войны командовал в Крыму десантной группой, в которую входил Вишневский (группа была высажена в тылу Врангеля для разложения его войск и диверсий).

[15] Передовая статья газеты «Правда» «Святой долг советской патриотки» (1941, № 178, 29 июня).

3

Таллин. Утро 4 июля 1941 г.

Масик, привет.

Тринадцатый день войны. Вчера слушали речь Сталина, благородную, простую, затрагивающую всех за самую душу.

Работаем: вчера дал по телефону обзор по Балтфлоту для ТАССа (ТАСС передает мои корреспонденции). Дал большую статью об опыте Отечественных войн 1812 и 1917—20. Статья в «КБФ»...[1] Отклики на мои материалы хорошие. Ездим, действуем.

Настроения боевые, рабочие.

Вчера получил твое письмо от 1.VII, торопливое — о твоих делах в Наркомате, о задержках и т. п. Работай в Москве сосредоточенно — это сейчас важнейший участок: столица, центр фронта. Ты это пойми. Я говорю это, взвешивая обстановку. Душа событий, отпора — Москва.

Читал «Литературную газету» и «Советское искусство» — об общем подъеме людей искусства и литературы. Хорошо... Есть неплохие стихи, песни...

Возможно, что я и Леонид будем в Кронштадте. Дадим знать.

Если бывают перерывы с письмами, вини почту. Я пишу регулярно. Это седьмое или восьмое письмо. Рассчитываю и на то, что ты читаешь отдельные мои корреспонденции.

Еще раз: крепче работай на месте. Мне хорошо, когда я знаю, что ты в Москве, на большой работе столицы. Знаю, что ты тут покажешь себя молодцом... У нас же художественная работа минимальна, так как главное — работа боевая и организационная.

Читаю по ночам, если есть время, историю войн, Энгельса, Меринга... Вчера вспомнилась «Война и мир» — место о дубине народной войны у Л. Толстого...

Рассказываем с Леонидом друг другу истории из своей жизни. Смеемся, бодры. Звонил Толя...[2] Видели еще двух-трех ленинградских писателей. Зельцера не видно [3]. Был Михайловский, но уехал в Ленинград.

Здоровье хорошо. Абсолютно спокойные нервы, хорошо сплю. Сердце в порядке. Ем меньше: диета. Моюсь... Временами дышим вечерней прохладой. Масик, целую тебя, моя дорогая. Учти, что я пишу.

Всеволод

[1] Вс. Вишневский. Верить в мощь русского народа.— «Красный Балтийский флот», 1941, № 156, 4 июля.

[2] Анатолий Кузьмич Тарасенков (см. в настоящ. книге публикацию его записей военных лет).

[3] Иоганн Моисеевич *Зельцер* — писатель. См. о нем в настоящ. книге, стр. 610—613.

4

С оказией через Ленинград
Таллин. 7 июля 1941 г.

Масюка, привет.

Действуем!.. Вооружены, как ковбои: автоматами, карабинами. Мотаемся по всей обороне — и на море, и на берегу. Часовые уже нам улыбаются: знают... Сегодня взяли в свои руки всю прессу. Гвоздим... Втяги-

ваются все... Молодой краснофлотец спрашивает: «Товарищ Вишневский, третья неделя идет — какая же это „молниеносная“ война?»— Именно... Срываем планы Гитлера и К°. Многое уже сделано; ты читала мои корреспонденции. Шлю их при любой возможности. Главное, придушили тут «пятую колонну»... Гвоздим ее упорно, быстро. Всего не опишешь... Вчера провел целый день на торпедных катерах. Бурный подъем, железные люди. Один раненый пел комические куплеты, не уходит из строя. Я «рванул» речугу, грохот... Горячие ребята: «Формируй, т. Вишневский, матросские отряды...» Пока других дел хватает. Дерутся наши упорно, хлестко... Еще, еще день, неделя — выигрывать время, подымать дух, всё забирать в железные руки, разъяснять людям обстановку, цели. Вчера же ночью был на подводной лодке. Нужно. Мы с Леонидом — целая оперативная группа. Видим очень много, всюду бываем. Работа горячая...

Вчера послал тебе письмецо; телефонограмму через Гольдмана [1]. Пакет в «Правду» (Поспелову [2]).

Здесь Толя Тарасенков — обвешан гранатами, винтовкой и пр. Не хватает ему только небольшой пушки. Привет от него. Звони Маше [3]. Держим с ним связь. Бодры. Ем так: вода, хлеб (утром в 9 часов); кусок хлеба, бутерброд, вода (в 11—12 часов вечера). Хорошо... Дни бывают чудные, голубой июль... Некогда любоваться... Промчишься по берегу, по лесам и всё... Только на миг запах цветов, трав...

Рады получению центральных газет...

Что у тебя?.. Работай, действуй... Что нового от писателей с фронта? Пиши. Мой адрес: Таллин, Карли 8, Управление политической пропаганды, Всеволоду Вишневскому. («КБФ» переменил место; мы остаемся.)

О планах писать трудно. Все в работе, всё подчинено обстановке. Есть первые сводки о наших контрударах. Уверен — они усилятся. Вчера потопили два немецких эсминца. Сбили пять самолетов... Стегаем помалости?..

Целую. Всеволод

[1] *Гольдман* — корреспондент «Правды» в Ленинграде.
[2] Петр Николаевич *Поспелов* был главным редактором «Правды» в 1940—1949 гг.
[3] Мария Иосифовна *Белкина* — жена А. К. Тарасенкова. В то время корреспондент и один из редакторов Совинформбюро.

5

С оказией в Москву.
17 июля 1941 г. (26-й день войны)

Масик, привет!

Сегодня утром получил твое письмо от 8.VII (штемпель московский от 9.VII) и записку Тани. Спасибо. Мы свое дело делаем — в сводках читаете... Выигрываем день за днем...

Восстановлен институт комиссаров — горд, рад... Это герои всей моей литературной работы... Подумал — если выйдет фильм «Первая Конная»: вторжение врага, неудачи, предательство шайки врагов и трусов; приезд Сталина; Ворошилов, Буденный, Тимошенко; собирание сил; контрудар: разгром врагов... Как все это нужно, верно.

Буду ждать выхода фильма... Вчера прочел «Киногазету» от 11 июля... Торопливые короткометражки, хроника и пр. Есть ощущение, что все торопятся, нервничают. А нужно переходить к планомерной, систематической, далеко нацеленной работе...

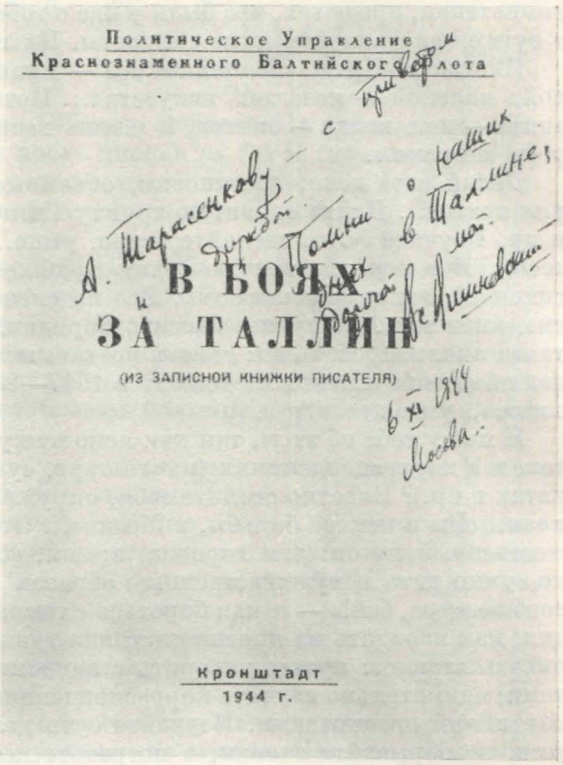
Письма твои милы, родные,— но узнать из них, что делается в литературно-художественной Москве, что делают друзья, где они,— невозможно. Напиши систематическое письмо, толком, отчетливо сообщи:

«В БОЯХ ЗА ТАЛЛИН»

Брошюра В. В. Вишневского. Изд. Политического управления Краснознаменного Балтийского флота. Кронштадт, 1944

Обложка с дарственной надписью автора А. К. Тарасенкову, 6 ноября 1944 г.

Собрание А. К. Тарасенкова, Москва


Политическое Управление
Краснознаменного Балтийского флота

В БОЯХ
и
ЗА ТАЛЛИН

(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ)

Кронштадт
1944 г.

кто, где, что делает из друзей. О сроках выпуска фильма; о моих письмах; о Камерном театре; вообще об оборонном репертуаре; о «Знамени» и пр.

Я и Соболев в ритме работы... Статьи, очерки, корреспонденции, беседы. Быт военно-суровый... Из удовольствий лучшие: хорошие сводки, обед, ванна.

Погоды ветреные, холодноватые...

Всего написать о том, что было тут,— не смогу. Нет времени и т. п. Но приходилось зверски бороться против паникеров, трусов и других. Может быть, все мои статьи, очерки, призывы — стена против малодушных... Потом комплект этих статей и других прочтешь. Писал о суровом железном опыте 1917—19—20, о комиссарах, чекистах, матросах, Сталине; дал биографию Ворошилова; популяризировал всякий случай смелости, сопротивления... Метался, где нужно, прорывал «пятые колонны» и пр. Перелом я чувствую...

Слышен властный голос партии, народа: трусов в трибуналы, к стенке. К порядку, вспомнить, что мы из племени победителей.

Вчера писал тут важный текст и дал формулу: «Отступления не будет»...

Временами читаю «Интернациональную литературу», № 3 и № 5. Перечитай и ты, чтобы мыслями вместе быть, новеллы Ирвина Шоу и другие и «Я обвиняю» Симона, и о Шекспире...[1]

В «Красной звезде» от 11.VII читал хорошую статью Заславского (позвони ему,— привет), И. Эренбурга (привет ему) [2]... Рад, что Э. Шуб делает документальный антифашистский фильм... Привет ей. Позвони ей.

Что в ССП?.. Существование его абсолютно незаметно в эти дни...

Живем на самом берегу, в домике — провода, связь, машины в город, рядом корабли, катера и пр. Две койки, два стола, два стула, вешалка, графин, пустой шкаф, выцветшие карты (юг СССР), плакаты... Обычная

комнатенка, вроде тех, что были у нас с тобой под Хасаном... Два-три раза в сутки налетают немецкие самолеты. Их гонят ко всем чертям....

Иногда события заслоняют всё — прошлая жизнь кажется отрезанной, далекой — исчезает искусство... Потом обдумываешь всё опять и опять — нет, война — эпизод, а жизнь вечна, идет потоком... Надо смотреть широко...

Делай свое дело: постановки, объемные шаржи и т. п. Куклы — серия врагов... Дайте ядовитую группу Гитлер и К°— всех этих Антонеску и пр. Изучите фото, сделайте остро, умно... Но еще раз, не очень суетитесь... Вот я рассматриваю серию художественных плакатов. Ни одного сильного, запоминающегося... Все на спешке, на монотонном голом приеме, внешнем... А нужно вносить порядок, углублять отношение к событиям; анализировать их; давать новые мысли, советы, указания... Посиди над альбомом «Советский плакат в 1917—20—21 гг.»[3] Сколько там силы, пафоса, ума...

Я пишу тебе об этом, так как ясно вижу торопливость и в текстах поэтов, и в корреспонденциях (много орут, сумятица); а где анализ (и в плакатах и пр.)? Властно осадите себя, окружающих: нужна четкость, расчет, план... Вы в центре борьбы, в Москве... Оттуда должен идти новый художественный поток: для городов, армии, флота. Нужно осмысленно, четко, умно дать в художественных образах советы бойцам и народу... Не вообще «ура, бей!» — а как бороться с танками; как отражать налеты авиации; как нападать на противника; как тушить пожары и пр. Нужно улавливать главное: нужно говорить с людьми фронта; с опытными работниками; внимательно изучать корреспонденции... Мое письмо доведи до своей партийной организации. Изучайте суть дела; берите главное... Не мечитесь, не обрывайте звонки, а потратьте несколько дней на то, чтобы понять: что же именно нужнее всего фронту и тылу. Какие плакаты; какие новые походные формы оформлений и пр.

Знаете ли вы английские и американские плакаты 1939—1941 гг.? А китайские? Достали ли их? Были ли в иностранной библиотеке и изучили ли по иностранным журналам и газетам все нужное и полезное? Я думаю, что вы этого не сделали. А ведь это живой опыт борьбы народов, с которыми мы в контакте. Займитесь этим делом.

Еще и еще раз: план, система, прицел. Вспомните великий опыт всех отражений интервентов, Колчаков, Деникиных... Сюда впишем и Гитлера. Мы побеждали концентрацией сил, продуманным действием, абсолютно ясным устремлением к целям...

Вообще агитировать: «иди, бей и пр.» — мне кажется странным. Народ идет... А вот конкретизировать все главные виды задач нужно: тут и бдительность; и ПВХО; и танки; и работа медико-санитарная; и колхозная. Беритесь за дело... Где плакаты о едином фронте народов Европы и Азии? (Борьба СССР сливается с борьбой сотен миллионов людей — белых, черных, желтых...) Где плакаты о тылах Гитлера, о готовящихся к восстанию французах, норвежцах, поляках и пр.?

Ставь все это на обсуждение... Действуй — ⟨...⟩

В с.

[1] В № 3 «Интернациональной литературы» за 1941 г. были напечатаны новеллы Ирвина Шоу: «Уймись, Рокки», «Земляничное мороженое», «Помощник шерифа», «Мой бутончик»; Андре Симон — очерк «Я обвиняю (Правда о тех, кто предал Францию)». В № 5 напечатаны новеллы Эрскина Колдуэлла: «Мой старик», «Большой Бэк»; отрывок из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе Б. Пастернака, статья М. Заблудовского «Новые книги о Шекспире».

[2] Статья Д. И. Заславского «Фашизм — заклятый враг всех народов» и фельетон Ильи Эренбурга «Гитлер просчитался».

[3] Д. Моор и С. Кауфман. Советский политический плакат 1917—1933. М.—Л., 1933.

6

Ночь на 22 июля 1941 г.

Масик мой, привет!

Едет один товарищ в Ленинград. Шлю с оказией. На днях послал три письма через Ленинград. От тебя после письма от 8.VII (штемпель 9.VII) нет пока ничего. Утром сегодня позвонили: от московского ТАССа телеграмма: «Широко дали две ваши корреспонденции. Шлите еще. Дома всё в порядке»... Спасибо!

Работаем... В эту ночь месяц войны! Написал сегодня большую боевую статью для Эстонии, флота и фронта — первые итоги, месяц войны...[1] Сдерживаем врага, изматываем, развертываем свои силы; бьем где можно, и с фронта и по тылам; расширяем кадры; связь с Англией, славянскими странами и пр. За месяц многое сделано... Чувствуется, люди все глубоко понимают суть дела, приобретают боевые навыки, втягиваются... Это я чувствую, вижу с радостью.

Бодр, здоров... Пишу; беседую с людьми; веду записи; езжу. Вчера был на двух аэродромах. Летчики — отличный народ.

Читаю урывками — исторические и военные книги... Живем по-прежнему в хибарке, на самом берегу. Скромно, вроде как мы под Хасаном были с тобой... Едим умеренно... Сегодня брились, стриглись; гуляли вечером 15 минут в саду — цветут розы; готическая черепица, голуби... Вспомнил вечер под Флоренцией, тишину, небо, Масю...

В «Известиях» от 17.VII прочел беседу Большакова; о работе над «Первой Конной»... Как там дела?

Борис[2] телеграфирует: ему Репертком предлагает перемонтировать мою пьесу «Первая Конная». Я думаю — не нужно. Не хочу никаких «пере...» Будет время — сам сделаю; кто хочет ставить — пусть ставит по каноническому варианту, изданному в сборнике «Поиски трагедии»[3]... Так и сообщи Реперткому (т. Хигеровичу) и Борису. Если у тебя под рукой папка с моим последним вариантом «Первой Конной» (пьеса; наметки варианта 1938—1939 гг.), держи ее. Будет время, пришлешь — я отредактирую...

О наших делах ты знаешь из сводок, корреспонденций в «Правде», «Известиях» и пр. Балтфлот действует. Есть прекрасные примеры... Не случайно 45 военных моряков уже отмечены орденами, а двое — Герои Советского Союза.

С Соболевым все время вместе; работаем дружно; острим; философствуем; пробуем ездить на своей «DKW»[4]— завелась у нас старушка-машинка «Коломбина-Воробей». Она прошла 69 110 км, вся дребезжит; чихает, фырчит, но кое-как бегает... Я говорю, что ей нужен «капитальный ремонт» — сменить мотор, кузов и резину; номер можно оставить...Хотим менять... Чем кончится — не знаем... может быть, достанем что-нибудь приличное... Пешком гонять нам трудно...

Леонид целый месяц не имеет писем от Ольги Ивановны[5]... В чем дело? Сегодня был его день рождения (43 года)... Он явно грустил... Я подарил ему шоколадного деда; потом дал пирамидон — может быть, это поможет?..

Военный быт входит в свои права... Город изменился сильно к лучшему... Постарались. О Ленинграде хорошие вести. Ну, наш Ленинград — это образец!

Напиши — что в Москве, как работа; кто что делает?.. Шлю привет Эренбургу Илье, Ефиму, Фридриху, Шкловскому, Иоганну, Пете, Ване, Шуб и пр.— и Тане!..[6] И в «Знамя».

А. Тарасенкова вижу часто; он бывает у нас. Бодр...

Читаю отдельные корреспонденции с фронтов (Н. Вирты, Ставского и др.). Больше писателей на фронт! Не время сидеть им в стороне... Тыло-

вые стишки и «юмор» убоги. Мы отплевываемся... События неизмеримо глубоки, а тут плоский текст «уре»... Ну, ладно, хватит. Пиши, звони или передавай весточки — добейся этого! Через московский ТАСС (т. Козев), у них бывает связь с Таллином (на местное отделение, к тов. Изместьеву, заведующему эстонским ТАССом). Крепко целую, Масик!

Всегда твой
Всеволод

[1] Статья «Месяц войны» («Советская Эстония», 1941, № 173, 22 июля).
[2] Борис Витальевич Вишневский, брат Всеволода Вишневского.
[3] Вс. Вишневский. Поиски трагедии. Драматические произведения. М., Гослитиздат, 1934.
[4] DKW — марка немецкой фирмы, производившей легковые машины.
[5] Ольга Ивановна — жена Л. С. Соболева.
[6] Ефим — Е. Л. Дзиган, Фридрих — немецкий писатель-антифашист Фр. Вольф; Иоганн — И. Зельцер — см. прим. 3 к п. 3, Петя и Ваня — см. прим. 13 и 14 к п. 2; Шуб — см. прим. 2 к п. 1; Таня — см. прим. 11 к п. 2.

7

Таллин, утро 23 августа 1941 г.

Родной мой!

Ну, начался третий месяц войны, может быть наиболее ответственный. Работаю много, крепко, ровно. Шлю пакеты и вести в Ленинградское отделение «Правды» — оттуда тебе, надеюсь, дают знать.

Здоров, бодр... У нас на Балтике действуют упорно. Да, это повышенный героизм...

Погоды всё чаще дождливые, осенние...

Вспоминаю всё, что писал о Балтике, как это органично сплелось с жизнью моей!..

Перечитываю твои дорогие письма... Вчера написал большой очерк о Ленинграде и Москве — дал (не называя имен) выдержки из твоих писем, Маши Белкиной и др.[1]

К осени я в полном снаряжении: шинель; ты прислала теплое белье... Минимум личных вещей (портфель синий, бинокль, оружие).

Часто выступаю: и в частях, и на кораблях, и в городе.

Сегодня очередной успех Балтфлота: немецкий караван угробили (см. сводку) [2]. Вчера ездил к месту падения «Ю-88». Всё в клочья, гарь, обломки... Ну, ты это в Москве видела. Живая сила врага истощается — во что бы то ни стало нужно затянуть борьбу. В этом решение!

Даю в «Правду» большой политический очерк «Германия стонет» [3]: обзор писем, найденных у пленных. Письма отчаянные: страх, бомбежки Рейнской зоны, голод, боязнь зимы, нехватка рабочих рук, потери... Германия идет к критической точке — выстоим, победа наша!.. Как это важно, как это жизненно необходимо, абсолютно... Тогда всё отстроим, восстановим...

Часто, часто думаю о тебе, о нашей жизни. За все, за все спасибо...

Уверен, что Ленинград подымет все силы... Боремся за балтийские подступы упорнейше... Ни одна война не давала такого упорства, таких боевых эпизодов.

Масик, будь молодцом. Верю, что все будет хорошо.

Родной Москве привет.

Всегда твой
Всеволод

[1] Вс. Вишневский. Голос москвичей и ленинградцев (Письма, полученные в Балтийском флоте).— «Советская Эстония», 1941, № 202, 23 августа.

«БАЛТИЙЦЫ — ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

Сборник военных очерков В. В. Вишневского и Н. Г. Михайловского Изд. Политического управления Краснознаменного Балтийского флота. М— Л., 1941

Обложка Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

[2] Из вечернего сообщения Совинформбюро за 22 августа 1941 г.: «В Балтийском море советские корабли атаковали пять немецких транспортов, шедших с охранением. В результате боя потоплены два транспорта и два охранных катера противника. Три транспорта выбросились на берег» (Совинформбюро, т. I, 1941, стр. 166).

[3] В «Правде» этот очерк не появился. Он был напечатан в журнале «Партийно-политическая работа в Военно-морском флоте», 1941, № 18.

8

Кронштадт. Ночь на 10 сентября 1941 г.

Родной, вечный мой!

Из «Правды» от 5 сентября ты, может быть, узнала, что у нас были за бои в Таллине [1]. Это я написал лишь частицу... Ни в одной войне не видел подобного. Очень все интенсивно, остро, беспощадно. Но главное было в море. Книга Новикова-Прибоя — только милый рассказ о частном поединке...[2] У нас был невиданный прорыв, 30 часов невероятных дел...[3] Словом, все книги и фильмы — ерунда... Надо всё по-новому писать, иначе... Я делал всё, что нужно. Рад, что Толя выплыл (в форме, с оружием и документами!), Михайловский тоже... Когда-нибудь расскажу тебе эти главы «Войны» (Ревель! воистину — мрачно было...)

Без передышки — в новые дела. Пишу о Кронштадте; Ленинграде; выступаю... Тут всё родное, всё свое... Сколько дум, чувств!

Твои письма ношу с собой, перечитываю. От товарищей узнаю о Москве.

Работы много. Комната моя рядом с той, где был и во время финской войны 1939—1940 гг. Вспоминаю всё — твои письма, приезды... Сейчас обстановка иная.

Горд и рад, что ты молодец. Работай в Москве, в своей организации. Будет можно — напишу, устроим встречу...

Сейчас идет вал событий — как всё круто, грандиозно. Веду записи, хотел бы, чтобы ты их знала.

Еще раз: твои письма берегу; в день 28 августа — это был адский день в море — я стоял на посту, четко всё фиксировал, среди взрывов, грохота, трагедий и пр. ... [4] Я тебя вспоминал не раз...

Чудный старый Кронштадт, то ветер штормит, то улыбка осени, солнце... Гудит артиллерия... Мы делаем свое дело.

Шлю привет, спасибо тебе за всё, родная. (И за цветочек...) Привет друзьям: Эренбургу, Таирову, Коонен, Эсфири и другим, кто у тебя бывает...

Всего, всего тебе доброго, моя Мася, друг жизни.

Всеволод

[1] Очерк Вс. Вишневского, Д. Руднева, Н. Михайловского «Ожесточенные бои за Таллин» («Правда», 1941, № 246, 5 сентября).

[2] Речь идет о книге А. С. Новикова-Прибоя «Цусима».

[3] Небывалый в военно-морской истории прорыв Краснознаменным Балтийским флотом вражеского окружения при переходе из военно-морской базы Таллин в Кронштадт 28—30 августа 1941 г. См. об этом в настоящей книге военные записи А. К. Тарасенкова.

[4] Во время перехода кораблей КБФ из Таллина в Кронштадт Вишневский вел записи, находясь на командирском мостике лидера эскадренных миноносцев «Ленинград».

9

Вечер 26 сентября 1941 г. Ленинград

Родной мой, привет!

М. Светлов летит в Москву. Оказия... Шлю тебе письмо; пакет в «Правду»... Затруднения со связью мешают писать тебе. Я даже не знаю, читала ли ты два моих письма (дублирующих) о нашем прорыве 28—29 августа... Прорыв флота, бои, отражения торпедных катеров, подводных лодок, борьба с минами, борьба с пикировками и пр.— 30 часов подряд... Зверское напряжение. Сотни кораблей. Драмы, вопли... Это было гораздо крепче книги Новикова-Прибоя. Я послал и большой, сильный очерк (14 страниц) в «Красный флот» о боях за Таллин[1]. Ни ответа, ни привета. Позвони в редакцию и от моего имени потребуй этот очерк для себя, для архива...

Дел, впечатлений много. Вот почти месяц в обороне Ленинграда. Ты кое-что должна знать... Были острые дни... Только что провел пять суток в Кронштадте под непрерывным шквалом бомбежек (психо-бомбовая атака на 120 часов)... Как всегда, писал час за часом, событие за событием. Внутреннее состояние крепкое, воздействую на людей, на Ленинград (через прессу, радио). Это у нас покрепче «Севастопольской страды» (кстати,— читай эту книгу, она даст тебе ряд верных ощущений об осаде)... [2] Найди у меня в шкафу книгу «Осада Парижа» (1870—71)...[3] Почитай... Там есть верные детали о большом городе в условиях ближних боев...

Я иду ровным темпом. Написал «Историю Кронштадта» (1703—1941) [4], лекцию о Северной войне Петра I за Балтийское море. В «Правде» ты читаешь мои очерки почти каждые пять-семь дней. Пишу и для Ленинграда, но меньше. Для радио сделал вчера большую передачу (на час) о Балтийском флоте. Ее дадут повторно. Громыхал и немцам в морду... Они зябнут, без шинелей, дизентерия, усталость, до 50% потерь. Сейчас на мото-

цикле примчался с фронта (сделал 72 км)... Пленные офицеры: «Покажите нам ваших моряков, что это за люди?»— Ага!.. Из письма пленного офицера: «Если б русские сразу сопротивлялись так, как сейчас, мы пропали бы...» — Да, оборона крепнет... Огромные усилия; твердость; меры; переоценка людей; отбрасывание иллюзий... Я рад, что имею большую школу, я вижу и понимаю многое...

Город чарующ, суров, в песке, досках, металле — как бастион... Сияют северные сияния, видны зарева пожаров, блеск выстрелов, синие огни, и над всем ночью в 11 часов Москва и гремит «Интернационал»... До боли щемит, сладко, торжественно...

В Кронштадте работа, суровый быт, суп, макароны, каша,— бритье, иной раз без воды... Книги (Майн Рид; Стивенсон)... И содрогающаяся земля... Привычно... Бьют наши и с разбитых кораблей [5], флаги развеваются, «ура»... Это вечный русский эпос...

Читаю твои дорогие письмишечки, берегу их... Люблю Масю, Москву, всё наше, дом... Будь там.

Люди вокруг меняются, переоцениваешь многое. Рад фронтовым успехам товарищей.

Хотел бы тебе переслать свои дневники... Но как? Будет случай — сделаю это.

Мысли, мысли — о войне... Если хочешь глубоко вникнуть в нее, читай (у меня на полке) Ллойд Джорджа 1, 2, 3 и другие тома — о 1914—18 гг. [6] Умный старик... Сейчас многое повторяется, доигрывается партия, оборванная в 18 году... Мы свое дело делаем — но, думается, опять заработают США и Англия...

Чую, вижу рост нашего сопротивления; кристаллизацию сил; разворот ресурсов; перестройку... Но — еще и еще нужно время!..

Кино наше явно усохло. Мои предупреждения были верны. Одни «уехали», другие делают «сборники» — агитмелочь... А где крупное? Почему не снять войну во весь ее масштаб? Где авторы «Если завтра война» [7] и пр.?

Да, «Мы из Кронштадта» идут здесь упорно... Иногда гляжу на все прожитые годы: всё в общем верно, жаль, что литературная среда (никчемная в быту) брала столько сил, времени, нервов. Жить надо умнее, целеустремленнее, полнее.

Думаю о тебе, хорошо, хорошо думаю, и не помню твоих «нервочков» и пр. Да и ты сама в войне многое поймешь глубоко — и мы будем лучше, умнее. Война вообще внесет огромные перемены в психику, быт...

Ну, живи, Москва... Иди к 1942 году, году победы и мира!

Твой глубоко
Всеволод

[1] Очерк в газете «Красный флот» не появился.

[2] Роман С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1939—1940).

[3] Франциск Сарсе. Осада Парижа 1870—1871 гг. (впечатления и воспоминания). М., кн-во К. Ф. Некрасова, 1914.

[4] «Крепость Кронштадт (Из истории Кронштадта 1703—1941 гг.)». Написано в сентябре-октябре 1941 г., издано не было.

[5] Речь идет о линейном корабле «Марат». 23 сентября 1941 г. во время налета фашистских самолетов бомба поразила корабль, попав в погреб с боезапасом. От взрыва корабль раскололся. Носовая часть затонула, кормовая осталась на плаву. 12-дюймовые орудия кормовой башни в период блокады Ленинграда вели огонь по врагу и наносили гитлеровцам значительный урон.

[6] Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары. В пяти томах. Соцэкгиз. 1934—1938.

[7] Авторы сценария фильма «Если завтра война» (1939) — Е. Л. Дзиган, М. А. Светлов, Г. С. Березко. Главный режиссер — Е. Л. Дзиган.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. И. БЕЛКИНОЙ

Вечер, 13 января 1942 г. Ленинград

Маша, селям-алейкюм!
(Или как там в Ташкенте произносите приветствие?)

Пятый месяц осады... Вчера на бреющем полете с «дугласом» к нам вырвалась Софья Касьяновна... Эффект был потрясающий — рассказы за семь месяцев войны — о Москве, о поездках, ваше письмо от 12 ноября (в Казань), в которое Толька вцепился судорожно и вторые сутки не выпускает его из рук, лишь иногда отрываясь (все-таки), чтобы сжевать даже красные корочки московского сыра...До сих пор из Ташкента ни одного письма от вас; только милая, почти марктвенская телеграмма: «Можно ли послать в Ленинград изюм и орехи?..» У нас эту телеграмму подают на десерт. Были, правда, и другие телеграммы: о комнате, о сложном быте, здоровье и т. п.

Мы неизменны: осенние экзотические дни сменились 30-градусными морозами, ровной привычкой... Город весь белый от инея, студеный, сурово-нахмуренный, гранитный, непоколебимый... Немцы лежат перед этим великаном... Пленные говорят: «Мы рассчитывали, что у вас кончатся запасы в ноябре, а вы держитесь в январе и даже наступаете». Именно! Плохое планирование у Гитлера,— это уже было отмечено не раз.

Работаем... Моя группа уже дала свыше 40 изданий (из них пять-шесть моих, Толькиных три). Сегодня сдали книгу о подводных лодках (героика, шесть месяцев войны). К 1.II сдаем книгу в 13 печатных листов — о всем ходе войны...[1] Гвоздим по радио,— с огромными результатами. Выступаем в частях... Толя хорошо работал во время разгрома Волхово-Войбоколовской группы немцев, в морской авиации... Много записываем (я записываю уже пятую тетрадь-блокнот. Там есть кое-что и о братьях-писателях, не к ночи будь они помянуты...)

Получили чудесные письма от Ем. Ярославского, Поспелова, коллектива «Правды». Да, ленинградцев любят, ценят. А Ленинград сумеет выполнить свой долг до конца.

Ходим по льду. Перебрасываемся шутками... Братия моя держится; Толька размеренно-аккуратен (я вбиваю в него командирскую морскую хватку), иногда лиричен, резв, иногда задумчив. Александр Крон ровен, бодр, шутлив... Другие — питерцы — разны, но это уже сложившаяся группа, ценимая в Ленинграде и на флоте.

Толька обещает начать поэму «Ленинград в осаде»[2]. Я сделал черновик работы на эту же тему. Какие контрасты, детали, факты. 1919 год стыдливо и почтительно снимает бескозырку перед полугодием Ленинграда в 1941—1942. Ну, хватит об этом!

Как у вас? Если что-нибудь вам надо, требуйте именем Ленинграда, Балтфлота. Идите в любую инстанцию, вплоть до Узбекского СНК. Сообщайте, что надо,— я напишу, дам телеграмму (как начальник Толи и лично)...

Митьке[3] сообщите, что его мы познакомим с чудеснейшим городом-крепостью, бастионами, дотами, памятниками, архитектурой, которую враг бессилен уничтожить...

Привет вашей маме, вашему отцу.

Всего доброго.
Ваш Всеволод

[1] В перечне коллективных работ писателей Пубалта, составленном А. К. Тарасенковым в конце января 1942 г. и сохранившемся в его архиве, первыми названы книги: «1. Вс. Вишневский, А. Крон, Н. Михайловский, Ан. Тарасенков. Героические дела балтийских подводников (объемом до 4 печ. листов). Отправлена для издания в НК ВМФ.—2. Вс. Вишневский, Н. Михайловский, А. Тарасенков. Книга о войне на Балтике (объемом до 13 печ. листов). Готовится к печати к..... 1942 г.».

Эти книги изданы не были.

[2] Поэма в печати не появилась.

[3] Сын А. К. Тарасенкова, родившийся в 1941 г.

ПИСЬМА К А. Я. ТАИРОВУ И А. Г. КООНЕН

1942—1943 гг.

Предисловие и публикация Ю. А. Красовского

Будущему историку Великой Отечественной войны трудно будет представить себе Ленинградскую эпопею без деятельности Вишневского-политработника, ведущего самоотверженную работу на передовых позициях, и Вишневского-писателя, работающего за письменным столом дни и ночи напролет, под гул вражеской канонады. Читая письма Вишневского из Ленинграда 1941—1943 гг., мы всегда ощущаем в них дыхание войны, суровую и жестокую правду блокады, частицу подлинной жизни ленинградцев тех героических лет. Среди этой «ленинградской» переписки письма Вишневского к А. Я. Таирову и А. Г. Коонен выделяются значительностью содержания и широким охватом событий. Это естественно и понятно, ибо для Вишневского Таиров был одним из наиболее близких людей, человеком, который вместе с ним десять лет тому назад, в 1932—1933 гг., создал лучшее театральное воплощение его «Оптимистической трагедии». И в свою очередь, для Таирова Вишневский олицетворял знаменательный период творческого пути Камерного театра. «Для меня как руководителя Камерного театра, театра прежде всего героико-романтического,— писал Таиров,— встреча с драматургом Вишневским явилась одним из самых счастливых и плодотворных событий творческой жизни» (А. Таиров. Новое в трагедии.— Сб. «Писатель-боец». М., 1963, стр. 95).

В публикуемых письмах находит свое отражение не только жизнь и борьба осажденного Ленинграда, но и театрально-литературная работа Вишневского в эти дни, его взаимоотношения, его творческое содружество с Камерным театром. В этом, может быть, главное отличие этих писем от известных дневников Вишневского 1942—1943 гг., вошедших в его собрание сочинений, где литературно-театральная тема звучит более приглушенно.

Ленинградские годы были очень плодотворными для Вишневского-писателя. Помимо огромного количества статей, очерков, радиовыступлений, листовок, Вишневский написал две пьесы, посвященные ленинградской блокаде,— «Раскинулось море широко» (в соавторстве с А. Кроном и Вс. Азаровым) и «У стен Ленинграда». После долгих лет перерыва, когда Вишневский работал главным образом в кино, он теперь вернулся к театру, к драматургии. И его письма к Таирову в значительной своей части посвящены созданию и сценическому воплощению этих двух пьес, первой — в Ленинградском театре музыкальной комедии, второй — в театре Краснознаменного Балтийского флота.

Сами по себе эти постановки в осажденном Ленинграде, в условиях голода, холода, беспрестанных обстрелов, представляют факт совершенно исключительный. И это очень хорошо показано Вишневским в его письмах. Эти же письма свидетельствуют, что Вишневскому приходилось сталкиваться с трудностями не только блокадного, но и иного характера. Если «Раскинулось море широко» — пьеса, созданная в очень короткий срок (фактически в две-три недели), легко и безболезненно была доведена до премьеры, которая явилась радостным праздником для всего Ленинграда, то у другой пьесы — решенной автором в плане высокой патетической трагедии — судьба была иная.

Ее премьера в 1943 г. была отменена. От Вишневского потребовали переделки пьесы, поставив ему в вину ее якобы мрачность, трагедийный тон, перевес отрицательных персонажей и т. д. Весной 1944 г. спектакль «У стен Ленинграда» был выпущен в новой, «смягченной» редакции, существенно отличавшейся от первоначальной. В таком же виде пьеса появилась в печати. Текст первоначальной редакции сохранился в архиве Вишневского. Можно думать, что она привлечет внимание историков советской литературы и деятелей советского театра. И это не только позволит яснее представить творческую историю пьесы, но и приведет, возможно, к возобновлению сценической жизни этой пьесы Вишневского.

Почти параллельно с работой в Ленинграде готовилась постановка обеих этих пьес в Камерном театре — сначала в Барнауле (куда был эвакуирован театр), потом в Москве. И эти постановки готовились в тесном контакте с автором. Находясь за несколько тысяч километров от Камерного театра, Вишневский хотел активно участвовать в создании каждого из спектаклей. Единственным способом для осуществления этого была переписка с Таировым. Вот почему письма Вишневского очень полно раскрывают замысел обеих пьес, содержат их подробнейший анализ (и что самое ценное — анализ с авторских позиций), в них дается детальный разбор и оценка ленинградских постановок, и советы об использовании Камерным театром некоторых найденных в Ленинграде сценических решений. В ряде случаев Вишневский излагает развернутые планы постановок в целом или отдельных сцен, пишет о поисках наибольшей выразительности — и это превращает многие из публикуемых писем в своеобразные режиссерские партитуры. Трудно переоценить поэтому все значение этих писем для изучения драматургии Вишневского и истории театрального воплощения его пьес.

Работа Камерного театра над пьесами Вишневского продолжалась и в 1944—1945 гг. — после возвращения театра в Москву и после переезда Вишневского из Ленинграда. В письмах Вишневского этих последних военных лет имеется немало интересных высказываний, как бы завершающих историю постановки Камерным театром «ленинградских» пьес Вишневского. Поскольку письма 1944—1945 гг. не входят в настоящую публикацию, эти высказывания собраны и прокомментированы в послесловии к нашей публикации.

Хотелось бы отметить здесь еще один существенный момент. Письма Вишневского важны не только как исторический документ, ярко характеризующий один из напряженнейших периодов нашего недавнего прошлого, но и как документ литературный, удивительно полно и своеобразно отражающий творческий облик самого писателя, его стиль и язык. Невольно на память приходят слова А. Я. Таирова: «Осуществляя постановку пьес Вишневского, мы всегда стремимся не только играть текст, который зафиксирован, порой размашисто и броско. За этим текстом, неизменно несущим живое ощущение интересов и требований сцены, мы ощущаем жаркое дыхание жизни, мы слышим симфонию Большой земли. Мало того — мы неизменно слышим голос, интонацию, дыхание самого Вишневского. Вот почему, работая над его пьесами, я всегда предлагаю актерам играть не только пьесу, но и ⟨...⟩ самого Вишневского, великолепная творческая и гражданская индивидуальность, самый боевой дух которого проявляется в драматургии с такой прекрасной, живительной силой» («Писатель-боец», стр. 98).

Этот же голос самого Вишневского, его патетическую интонацию, его живое дыхание мы слышим, чувствуем и в каждой строке его писем. В этих письмах мы ощущаем романтический пафос художника-гражданина, неистовый темперамент публициста-бойца, понимаем широту его философских и политических идей. Письма Вишневского написаны с такой силой вдохновения, что это делает их своеобразным литературным памятником эпистолярного искусства, не уступающим по своей выразительности многим его художественным произведениям.

Письма Вишневского публикуются по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ (ф. 2328, А. Я. Таирова, ед. хр. 800, 801 и 802). В публикацию не включено несколько писем менее значительных по содержанию, дублирующих в той или иной степени печатаемые письма, а также не связанных с основной тематикой переписки с А. Я. Таировым.

Почти все письма Вишневского из Ленинграда написаны на бланках с печатным заголовком: «Политическое управление КБФ. Оперативная группа писателей». В тексте публикуемых писем это не оговаривается. Для писем Вишневского характерны сокращенные написания многих слов; все такие слова дополнены в публикации без оговорок; ломаные скобки даются только в случаях, когда чтение является предположительным.

КАДР ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ»
Сценарий В. В. Вишневского. Ленинградская студия кинохроники, 1942
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

1

2 июня 1942. Ленинград

Дорогой Александр! Дорогая Алиса!

Открытка придет, видимо, к годовщине нашей встречи, которая была в первые дни войны... [1] Я умчался в теплушке, стоя, без вещей...

Ну, прошел год. Пережито больше, чем за прошлые войны. Веду дневник (пишу уже восьмую книгу). Слышал о ваших успехах, трудах, о том, что театр живет дружно [2]. Это хорошо. Из войны надо выйти с закаленной и очищенной душой... Писал тебе через друзей в Красноярске. Получил ли? Софья Касьяновна делит со мной все ленинградские дела. Сейчас она в Кронштадте, на передовых [3]. Молодец. Я еду тоже на участки.

Привет театру, успехов, энергии! Победа будет наша! Видели бы вы наш Ленинград, гранитное его упорство... Целую!

Вс. Вишневский

Пишите! Привет от всех писателей Балтийского флота.

[1] Вишневский встретился с Таировым и Коонен вечером 25 июня 1941 г. (см. выше, письма к С. К. Вишневецкой, п. 1). В тот же вечер Вишневский выехал из Ленинграда в Таллин.

[2] Камерный театр в октябре 1941 г. эвакуировался из Москвы сначала в Балхаш, а потом (с 11 апреля 1942 г.) в Барнаул, где 2 мая состоялся первый спектакль.

[3] О С. К. Вишневецкой см. выше, стр. 194 настоящ. книги.

2

Ленинград. 26 июля 1942 г.

Дорогой, милый мой Александр!
Дорогая, милая Алиса!

Получил числа 14 июля твое письмо и Алисы, посланные 28 июня [1]. Обнимаю. Спасибо... Ответить могу только сейчас... Сегодня День Флота...

Вчера под некоторый артиллерийский гул в Доме Красной Армии на вечере, посвященном Балтийскому флоту, шел фронтовой вариант «Оптимистической трагедии»... [2] На музыке — диалоги старшин, сзади *хор* (!!)... Старшины сжато передают (мимируя, играя и пр.) трагедию полка... Обращение в зал, слитность того поколения и этого, слитность ситуаций (окруженный полк, осажденный Ленинград) — потрясающая... Я сидел в необыкновенном состоянии, вспоминал лето 1932 г. (10 лет уже прошло!), свое горение, твои письма с другого моря, потом всю нашу невероятно упорную борьбу за творчество, за спектакль... Триумфы: Москва, Прага, Мадрид, Владивосток... [3]

На гибели комиссара — песнь... Ее пели 28 августа 1941 г. *утопающие*... Она у меня в ушах... Черная ночь, взрывы, отблески пламени над морем, мы пробиваемся, как черти... Гибнущие поют... Это было выше всех романтических фантазий... Поют, уходя в воду... Плывущие. Поют на гибнущем транспорте — страстно, последней силой сердца, легких... [4]

Ну, разве опишешь тут всё, что видели глаза мои за 13 с четвертью месяцев войны! Записи — в десяти толстых тетрадях. Они со мной везде... и тонули, и горели, и замерзали в ком... ⟨...⟩

Я излазил за эти месяцы всё — от лесов Эстонии до финской границы и Ладоги... Был от Смольного до снайперской точки, от Адмиралтейства— до подводных лодок — везде... Удержит ли память всё, что видел и понял я?..

Ну и родимый Ленинград! Ну и силища! Ну и люди!.. В последние дни на двенадцатом месяце осады рванули в атаки... На месте положили три немецких батальона... И к празднику флота пленных водили по улицам. Женщины чуть не порвали этих «фрицев», небритых, грязных, вшивых, в эрзац-кацавейках... И это Европа?!. Хотели в Ленинград — вот они и «попали»... Мы выжали из остатков этих батальонов полезные сведения... Некоторые пленные понуро твердят: «Нам нужно пространство... Но о Ленинграде страшно и подумать... (Мы им дали такой огонь, что иные взяты оглохшими.) Зима? Зимы новой не выдержать... Должен быть мир... Англия и США?.. Не знаю, как-нибудь, но мир, мир...» — Стоят, выпучив глаза, разномастные арийцы: от 20 до 40 лет, эти типусы, мелкокалиберные посетители публичных домов.

Город в огородах... Впиваемся зубами в первую редьку, брюкву. Ласкаем листья капусты, как грудь женщины... Строим. Копаем. Чистим... Льем металл (им и глушим немцев). Заготовляем торф, дрова... Делаем к зиме отепления... Делаем художественные выставки. Сегодня вернисаж... Есть прекрасные акварели, гуаши... Софья Касьяновна дала исключительно сильные гуаши: «Форты ведут стрельбу»... Ходила на шлюпке и зарисовывала; как раз во время налетов и боев — и уловила оттенки, суть... [5]

Работы много... Дойдет до вас фильм «Ленинград в борьбе» — увидите... (Как обычно и тут кинонравы сказались... Сделал для фильма максимум (монтаж-план!), но... Ну, бог с ними, товарищами из Кинокомитета и др.) [6]

Наползают темные ночи — август, осень... Тверже шаг, упорнее, яростнее!.. Выматывать немцев нещадно, бить их без устали!.. Расшатывать им нервы, отравлять их души, сбивать планы... Всё от нас зависит. Делаем, что можем...

Всяческого вам успеха; здоровья; бодрости. Обнимаю, пью чарку за родной театр! (К празднику бог послал водки...) Привет коллективу, Богатыреву!.. [7]

Пьеса Тевелева [8] вам послана театром КБФ по моему указанию. Получили ли? Мнение?

Да, был здесь А. Фадеев, месяца два. Я ему показал многое, окунул

в окопы и пр. Он неузнаваемо изменился ко мне... Впервые за 12 лет как-то разглядели друг друга... [9]

Пишите! Верю в хорошую встречу, в Москву, в победу упорных советских людей... Юг обязан учиться у Ленинграда и Москвы.

Ваш Вс. Вишневский

P. S. Для Алисы вкладываю лепестки ленинградских роз...
В.

[1] Письма Таирова и Коонен от 28 июня 1942 г. в архиве Вишневского не сохранились.

[2] Вишневский имеет в виду сокращенную редакцию «Оптимистической трагедии», сделанную им в 1941 г.

[3] В 1932 г. Камерный театр работал над постановкой «Оптимистической трагедии» (премьера — в 1933 г.). Вишневский принимал самое активное участие в этой работе театра. Во время поездок по Советскому Союзу и зарубежных гастролей Камерного театра «Оптимистическая трагедия» пользовалась неизменным успехом. Но сначала постановка «Оптимистической трагедии» вызвала оживленную дискуссию в печати: некоторые критики (особенно из бывшего рапповского лагеря) утверждали, что жанр трагедии противопоказан советскому театру, предъявляли Вишневскому обвинение в символизме, в ходульности и т. п.

[4] Вишневский имеет в виду трагический переход кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт в августе 1941 г. (См. об этом выше в письмах к С. К. Вишневецкой, а также в военных записях А. К. Тарасенкова.)

[5] Выставка работ ленинградских художников была открыта ко дню Военно-морского флота — 26 июля 1942 г. Гуаши С. К. Вишневецкой, о которых пишет Вишневский, сейчас хранятся в ЦГАЛИ, в фонде С. К. Вишневецкой.

[6] Документальный фильм «Ленинград в борьбе» (режиссеры Р. Кармен, В. Соловцев, Н. Комарцев, Е. Учитель) был выпущен на экран в июне 1942 г. «Правда» назвала его «замечательным достижением документального киноискусства», «живой страницей Великой Отечественной войны». Вишневским был написан сценарий фильма, но это в титрах не было оговорено.

[7] Александр Зиновьевич *Богатырев* — управляющий труппой и режиссер Камерного театра; с 1941 г. до ликвидации театра — его директор.

[8] О пьесе Тевелева говорится и в телеграмме, посланной Вишневским Таирову в Барнаул: «Просимую пьесу Тевелева самодеятельного типа вышлю». В архиве Камерного театра, хранящемся в ЦГАЛИ, этой пьесы нет.

[9] О взаимоотношениях Вишневского и Фадеева пишет в своих воспоминаниях А. Штейн: «Фадеев, относившийся до войны к Вишневскому, насколько мне известно, с долей предубеждения, вызванной не только иным художественным видением, но, главное, неверным внешним представлением,— тогда, в блокаду, сумел, отбросив прочь привычную, проржавевшую бирочку, разгадать Вишневского как личность, оценить индивидуальность» («О Вишневском и не только о нем» — Сб. «Писатель-боец», стр. 315). Об этом см. также в книге А. Штейна «Повесть о том, как возникают сюжеты». М., 1965, стр. 124—127.

3

15 сентября 1942 г.

Целую, дорогие Александр и Алиса!

Балтика дала залп: ваш покорный слуга и неизменный друг написал после «Оптимистической» — «героическую комедию»... «Раскинулось море широко» [1]. (Старик Всеволод Вишневский для театра решил постараться, хотя перерыв у него вышел ровно в 10 лет!! О, ужас! — Кино, кино, отдай мне мои годы!..[2] Не отдашь, сам возьму.) Словом — есть трехактная, зубастая, пьеса нового типа, где скрещены комедия и драма... (Это твои любимые линии, как и у меня...) Материалом я полон — и к 25-летию решил кое-что выдать...

Не буду рассказывать ничего о сюжете.... Но это осажденный Ленинград, лихой, *флотский*, чекистский. Дано 15 ролей на первый и второй планы плюс мои массовки. В центре *женщина* (Алиса, кланяюсь...[3]) Ситуация у нее — беспрецедентная в советской драме.

12 сентября в зале заседаний (главное фойе — балкон бывшей Александринки) пьесу я прочел. Алый бархат, столы, зеленые лампы... Просто

конгресс! Был Военный Совет, горком, Ленинградский Комитет искусств, пресса, актив труппы etc.

Читал с огромным подъемом: в осажденном родном городе — пьеса о людях города (с рядом исторических подтекстов)... Слушатели ржали, внимали, во втором акте плакали, потом опять ржали и пр.

Об этом происшествии и докладываю. Не знаю — чем именно ты занят, но *Ленинграду* и *флоту* ты, надеюсь, время посвятишь — и сделаешь во имя них спектакль... Кислые схемы драм⟨атургов⟩-тыловиков мне надоели.

Обнимаю: не как в 1932, через моря, а через горы.

Всегда твой Всеволод

P. S. А. Крон и поэт Азаров помогли сделать необходимые места, песни...[4]

В.

[1] Музыкальная комедия «Раскинулось море широко» была написана Вишневским, А. Кроном и Вс. Азаровым по заданию Военного Совета Балтийского флота. История этого задания подробно изложена в воспоминаниях Н. Янета «Раскинулось море широко» (сб. «Писатель-боец», стр. 220—221). Работа над пьесой началась во второй половине августа и закончилась вчерне к 4 сентября. В дневнике Вишневского содержатся многочисленные записи об этой работе (см. т. III, стр. 561, 584—585, 591, 593, 598, 616 и др.).

[2] Вишневский имеет в виду свою работу в кино в 30-е годы. В дневнике 4 сентября 1942 г. он записал: «Десять лет я не писал пьес. Всё отдал кинематографии. Сколько она сожрала моих сил! Куда делись „Мы, русский народ", „Первая Конная", „Бессарабия"? Хорошо, что хоть „Мы из Кронштадта" и „Испания" вышли на экран» (т. III, стр. 601).

[3] В телеграмме Вишневского, посланной Таирову, есть следующие фразы: «Написал героическую комедию. Вышлю. Алисе есть роль» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 801, л. 38).

[4] Вс. Азаров вспоминал об этой совместной работе: «Писали мы сообща, дружно, обменивались написанным. Земляка, героя-моряка одессита, сражающегося у стен Ленинграда за свой родной город, ввел в пьесу я. Старый боцман, Елена — комсомолка с Выборгской стороны, храбрая разведчица, пришли в пьесу с Вишневским. Сердцеед — командир береговой базы Чижов, молодые матросы рождены Кроном. А потом они так перемешались в общем творческом горниле, что отделить что-либо написанное кем-то порознь стало уже совсем невозможно» (сб. «Писатель-боец», стр. 197). Но в основном можно считать, что первый акт написан Кроном, второй и третий — Вишневским, тексты песен — Азаровым.

4

22 сентября 1942 г.

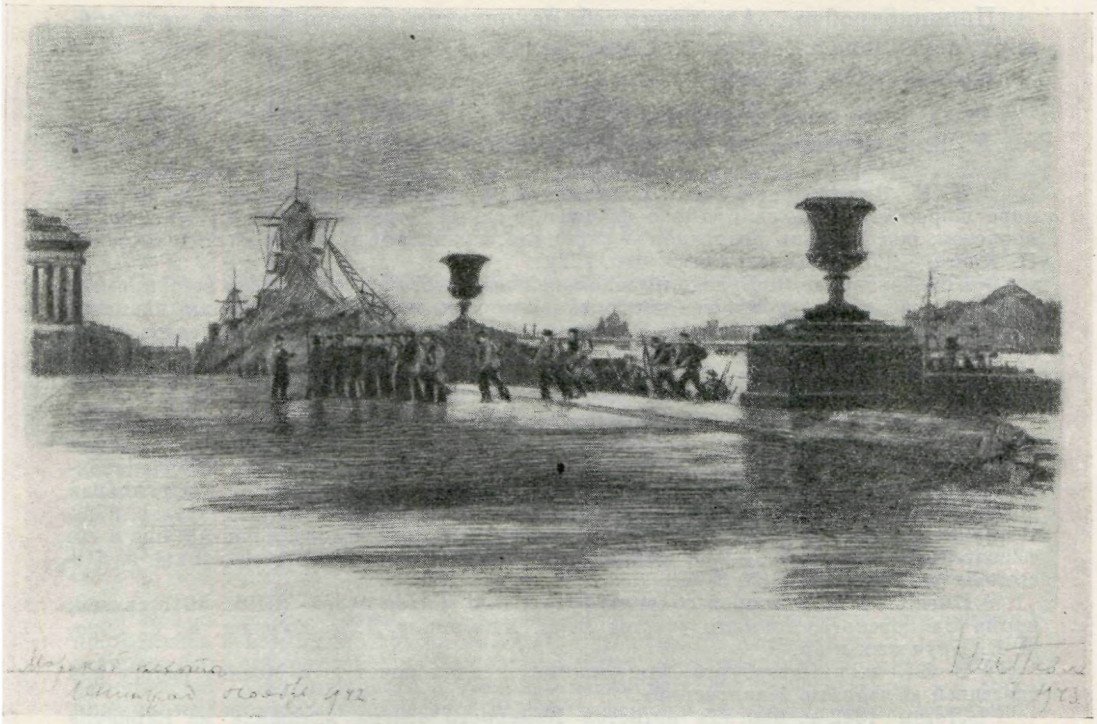
Привет, дорогой Александр!

Ветер, желтеет лист, ухают орудия, хрипит радио... Вздулась Нева... Я бешено работаю уже над спектаклем «*Раскинулось море широко*»... Сделать к 7 ноября! Для Ленинграда и флота. Вещь темповая, остросюжетная, сцепление комедии и драмы.

Экземпляр тебе будет выслан в ближайшие дни. Для прочности вышлю два, с интервалом в несколько дней. Сейчас идет экспликация. Софья Касьяновна вернулась с моря — ходила на «охотниках» в дозоры — и делает макет [1]. Специальных рабочих нет — всё результат зимы... Надо обходиться своими силами и учениками-ремесленниками.

Труппу зажег... Рад тряхнуть стариной. Пишу и мысленно вижу тебя, Алису, труппу, *ваши репетиции*... В пьесе вы узнаете меня, близких вам балтийцев, героев флота...

Решайте смело!.. Есть ли там композиторы — или выслать ноты ленинградского спектакля? Здесь работает бригада балтийцев-композиторов (Будашкин, Витлин и др. [2]) Есть удачнейшие музыкальные куски... Ставит заслуженный артист Республики Н. Янет...[3] Может быть, знаешь? Весь этот месяц я в домике на Песочной 10, у О. К. Матюшиной [4]. Спасли ее от голода. Спасли и домик ее (от сноса на дрова). Домик-то историче-



«ОТРЯД МОРСКОЙ ПЕХОТЫ»
Офорт Н. А. Павлова. Ленинград, 1943 (по рисунку, сделанному в ноябре 1942 г.)
Третьяковская галерея, Москва

ский. Здесь Маяковский и другие «Садок судей» издавали [5]; трагедия Маяковского писалась [6]; В. Хлебников жил; бывал А. М. Горький, В. Воровский и др. Сохранилась библиотека, старина...

Зачем же ломать домик?!

Тут и ты бывал в 1920—1921 гг., как говорит Матюшина.

Пьесу написал в месяц... На взлете — в золотые дни питерской осени... Пьеса веселая и вместе с тем — напряженная... Не сообщаю ленинградских отзывов, но скажу, что приняли отлично. Такая премьера в осажденной крепости — это будет здорово! Как немцам будет по морде!.. (Я текстов и подтекстов дал уйму...) Рад, что подчинил жанр — и театр целиком берет всё — штампы оперетт, музыкальных комедий *не будут* подчинять текст...

Вспомни времена своих комедийных спектаклей и «Оптимистической» и рвани́! Пусть ленинградская пьеса зазвучит в стране — от *Камерного театра* — а в Ленинграде — в нашей единственной «Музыкальной комедии» — где вечные аншлаги, гул орудий и тру-ля-ля неунывающих ленинградских Сильв, Баядер etc.

Злюсь, что почта будет тянуть на месяцы нашу переписку... Бодр, тоскую по куску мяса; съел бы хоть кусочек яблока... Ур-р-р-р... Рычу, как тигр, и... кушаю кашку... Однако, видимо, ленинградцы весьма упорны и выносливы, и 15 месяцев не сказались на мозгах наших и духе... А если и сказались, то только в положительном отношении.

Действуем... Ура великому Ленинграду... Немцы хотят сунуться сюда еще раз? — «Идите, ждем!»

Пиши подробно... А то вечно тебе некогда, всё быстро-быстро, на одной-двух страничках... *Пиши!* Алису целую.

Привет всем друзьям.

Твой Вс. Вишневский

P. S. Где театр, на каком фронте [7]? Что пишут?..

[1] С. К. Вишневецкая была художником-оформителем спектакля «Раскинулось море широко». «Приехав прямо с фронтов, в самый короткий срок, не считаясь со временем, она сделала декорации — скромные, правдивые и точные» (Воспоминания Н. Янета. — Сб. «Писатель-боец», стр. 222).

[2] Композитор Н. П. Будашкин в дальнейшем участия в этой работе не принимал. Музыка к ленинградскому спектаклю «Раскинулось море широко» была написана В. Л. Витлиным, Л. Круцем и Н. Г. Минхом. Для спектакля Камерного театра музыку написал Г. В. Свиридов.

[3] Николай Яковлевич *Янет* — режиссер Ленинградского театра музыкальной комедии.

[4] Ольга Константиновна *Матюшина* (р. 1885) — участница литературных футуристических кружков, автор воспоминаний о Маяковском («Маяковскому». Сборник воспоминаний и статей. ГИХЛ, 1940). В ее доме (Песочная ул., 10) часто останавливался Вишневский во время приездов в Ленинград. Ныне на этом доме — мемориальная доска (фотографию дома и доски — см. Собр. соч. В. В. Вишневского, т. III, стр. 676). Воспоминания Матюшиной о Вишневском «Удивительный человек» напечатаны в сб. «Писатель-боец», стр. 266—285; о Вишневском см. также ее повесть «В домике на Песочной» («Звезда», 1962, № 3, 4).

[5] Имеется в виду второй сборник футуристов «Садок судей» (СПб., 1913); в нем, кроме Маяковского, приняли участие В. В. Хлебников, Д. Д. Бурлюк, Е. Г. Гуро, А. Е. Крученых и др.

[6] В 1913 г. в Петербурге Маяковский закончил начатую в Москве работу над трагедией «Владимир Маяковский».

[7] Летом 1942 г. бригада артистов Камерного театра выезжала из Барнаула на фронт.

5

Днем 26 сентября 1942. Ленинград

Привет, дорогой мой!

Дивный солнечный день, золото листьев, голубизна неба... Гудят самолеты, ухают орудия.

Идут репетиции пьесы «Раскинулось море широко»... Вчера заискрились сцены, некоторые брали уже за душу... Мне хочется делиться с тобой... Экземпляр числа 25—27 сентября тебе из Москвы будет выслан. Я делаю дошлифовку, с учетом репетиций, и второй экземпляр вышлю в ближайшие дни.

Софья Касьяновна сидит в Александринке среди портретов Савиной, Давыдова, Варламова и других и делает макет [1]. В 48 часов она решила первый и третий акты — море, пирсы (пристани), катер и т. д. Осталось решить второй акт: «павильоны» *с окнами на море*... (Вся пьеса пронизана должна быть северной балтийской ширью, тона — серо-голубые и песочно-золотистые.)

Труппа работает с увлечением. Это действительно ленинградцы! При температуре до —8° играли зимой оперетты; пар столбом изо ртов.

25 октября — сдача генеральной репетиции. Темпы взяты фронтовые...

Завтра еду в окопы: надо после месяца драматургической работы встряхнуться. Поеду к гвардейцам-артиллеристам... Вчера днем ездил на окраины. Немцы злобствуют и бьют по полям капусты. В одном кочне теплый осколок вынул...

Город будет с овощами... Учли уроки прошлого года...

В свободные минуты читаю Эдгара По, дневники Блока (1911—13) и переношусь в довоенный Петербург — навсегда милый сердцу моему.

Всё глубже думаю о новой большой пьесе — о Ленинграде, днях осады, людях, истории, о нас и о других...[2] Напор материала неимоверный.

Город необыкновенно красив... Воздух небывало чист... Закаты неповторимые.

Вечер.

Пришли сейчас из театра, и я до вечера работал с ними. Репетиции переносятся на сцену, так как Софья Касьяновна дала все решения, а сегодня на репетиции за столом уже определилось многое... Надо *двигаться*, а не «искать» за столом. Здесь не МХАТ; впрочем и МХАТ теперь орудует публицистическими пьесами и быстро...[3]

Очень хотел бы повидать тебя, Алису, не торопясь, без артиллерийской стрельбы — выпить хорошего вина, подышать на тихой природе...

Делаю «Альманах Ленинграда» — к 25-летию (введен в редколлегию)[4]; пишу статьи — без устали.

По вечерам колоссальные нагромождения воспоминаний... Мысленные разговоры с людьми. Скольких уж нет...

Пиши.

Завтра начну отделку варианта пьесы для Камерного театра. Надо несколько убрать локальность, сделать укрупнения...[5]

Ну, шлю лучшие пожелания.

Твой Всеволод

[1] Вся подготовительная работа над постановкой «Раскинулось море широко» проводилась в помещении театра им. А. С. Пушкина (б. Александринского), труппа которого была эвакуирована из Ленинграда. Здесь же состоялась и премьера. «Играли в помещении Александринского театра,— вспоминал Н. К. Чуковский,— в самом прочном из театральных помещений города, способном выдержать взрыв артиллерийского снаряда» («Моя встреча с Вишневским».— Сб. «Писатель-боец», стр. 243).

[2] Задуманная пьеса — «У стен Ленинграда» — была написана в 1943—1944 гг. (см. о ней в настоящ. публикации, письма 13 и след.).

[3] Вишневский имеет в виду постановки МХАТа, осуществленные в 1942 г.: «Кремлевские куранты» Н. Ф. Погодина (премьера — 22 января) и «Фронт» А. Е. Корнейчука (премьера — 7 ноября).

[4] Готовившийся в Ленинграде к Октябрьской годовщине 1942 года литературный альманах в свет не вышел.

[5] Намерение подготовить для Камерного театра особый вариант пьесы не было осуществлено (см. след. письмо).

6

Ленинград. 29 сентября 1942

Привет, дорогой мой!

Серьезное напряжение ума, нервов, сил. Октябрь-ноябрь, видимо, будут еще ответственнее, чем в 1941 г.

Все кругом грохочет, и от пьесы я должен обратиться к другим делам. Мы, балтийцы, *отвечаем за Ленинград*... Со временем опишу, расскажу. Борьба все ожесточеннее. Ты это чувствуешь и сам, видимо...

Шлю экземпляр пьесы в том виде, в каком он пошел в работу здесь [1]. Судя по репетициям, надо несколько сжать кое-где, может быть, пораньше дать сценку с «корреспондентом»[2], изъять для сокращения игру с награждениями в первом акте, местами выигрывать на сокращении отдельных второстепенных ситуаций, реплик. Но *на темпе* пойдет вся пьеса. Уже сейчас на репетициях — видно, как будет.

Вчера в Военном Совете: «*Нет замечаний, спасибо. Действуйте! Зимой давайте новую пьесу, большую*»...

Поток мыслей в голове — о судьбах России, о капиталистическом мире, о разновидностях врагов, очередности борьбы etc. Много иллюзий раздавлено, выкинуто... Быть жестче, тверже, упорнее!.. Мир роллановских идеалистов раздавлен [3]; «симпатизирующие» — в общем оказались

дряблы... Союзники — условно... Вся наша вера и сила должны концентрироваться на России, на извечной ее теме, на многострадальной родине, на *мощи* ее, *выносливости* и *терпении*... Я вложил некоторые мысли эти в пьесу, хотя, конечно, за *17* дней (!), в которые я писал пьесу, не было времени отделать; и жанр все-таки диктовал свое... Но в городе *один* театр, и город хочет отдыха и смеха... Когда будешь читать, слушай гул орудий, тревоги. Здесь в пьесе каждая реплика связана с подтекстами *осады*. Будет ли это понятно вам?

Это юмор особого плана...

Алиса пусть сыграет Елену...[4] Трактуйте ее как *представителя интеллигенции* Ленинграда (не как «Выборгскую сторону»[5] и т. п.)...

Она — в центре плюс *коллектив моряков*... (В тексте, конечно, измените цвет волос — Елена брюнетка; Киса *блондинка* — «арийка».) Все соображения по пьесе и постановке телеграфь или спешной почтой... (Сегодня непрерывная канонада... Вчера немцы пытались бомбить — мы дали им по морде опять... за 2 дня сбили 40 немецких самолетов!)

Софья Касьяновна отлично решила оформление.

Катер в финале акта (на роликах) дает разворот в море... В финале пьесы движение масс, силуэты кораблей, плюс хор!..

Павильоны обычны... Смесь былого комфорта плюс осадные моменты: мешки, амбразуры etc.

Немецкая сцена: давящее, серое, сейф, окна с решетками...

Видел прогон двух актов. *Знаешь, это крепко!..*

Как будете решать — на музыке, с ариями и дуэтами — или?..

Конечно, пьеса строится на музыке. (У нас уже решено 80% музыкальных номеров.)

Пиши!.. Лучшие пожелания...

Целую Вс. Вишневский

Алису поцелуй... Труппе привет и призыв: работать еще активнее!

[1] Экземпляр пьесы «Раскинулось море широко» был получен Таировым в Барнауле в октябре 1942 г.

[2] Сцена с корреспондентом в окончательный текст пьесы не вошла. См. ее публикацию ниже, стр. 242 — 243.

[3] В дневнике Вишневского от 28 и 29 сентября 1942 г. записи о Р. Роллане: «Читаю биографию Ромена Роллана. Хочется вдуматься глубже в крах французского (европейского) гуманизма, в корни их ошибок...» «Вчитываюсь в Ромена Роллана глубже и глубже... Для меня сладковатые, „сверхнациональные“ фразы Роллана звучат неприемлемо. Нужна не проповедь, а участие в битве, которое и породит в будущем реальные результаты...» (т. III, стр. 629, 631).

[4] Роль Елены в постановке Камерного театра играла не А. Г. Коонен, а В. В. Беленькая.

[5] Выборгская сторона — в данном контексте синоним рабочего района, рабочего предместья.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

ПРЕМЬЕРА! 7, 8, 10, 12, 15 Ноября 1942 г. ПРЕМЬЕРА!

РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО

«РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО»

Афиша премьеры пьесы В. В. Вишневского, А. А. Крона и В. Б. Азарова в Ленинградском государственном театре музыкальной комедии. 7 ноября 1942 г.

Литературный музей, Москва

7

Ленинград. Ночь на 1 октября 42

Александр.

Сейчас получил сообщение: решением ЦК я направлен в США...[1] Софья Касьяновна со мной... Высокий акт доверия и поручение высокое... Борьба за второй фронт, сближение народов... Из окопов Ленинграда в Вашингтон, в американскую прессу, к радиомикрофонам, в массы американского народа,— и писать в нашу прессу. Выполню всё, как привык выполнять!..

Вылетаю... Салют!

Всеволод

Днем 2 октября: попал в бой... И тут же подготовка к отлету... Ну и темпы!..

Целую. Всеволод

[1] В дневнике Вишневского от 30 сентября 1942 г. запись: «В 2 часа 30 минут я был принят членом Военного Совета Ленинградского фронта товарищем Кузнецовым. Было очень радушно. Сообщили, что по решению ЦК ВКП(б) я направляюсь в США как представитель „Правды“. Сообщение неожиданнейшее!» (т. III, стр. 631). Эта поездка Вишневского не состоялась.

8

10 октября 42. Ленинград

Привет, дорогой Александр.

После боя 1 октября — послал тебе рукопись пьесы. Надеюсь на почту. Все, что мог, для Камерного театра — сделал... Вчера передал композиторам о высылке тебе нот к спектаклю (о высылке сообщу).

Поездка, о которой я тебе сообщил в письме от 2 октября [1],— пока задерживается. Утвержден самим хозяином список в шесть-семь писателей (я, Корнейчук, Кармен и др.)... Думаю, что это связано с обстановкой... О дальнейшем напишу. Честью горжусь и выполню все задания...

Очень бодр... У нас золотая осень... Приятно видеть результаты упорного труда. Сообщение Совинформбюро от 10 октября о боях у Ладоги ты читал... Вот мы над этим и работали, в частности 1 октября...[2]

Рады успехам Сталинграда... Уроки Ленинграда пошли впрок ряду городов... А видел бы теперь наш огромный, осенний каменный город!.. Вот крепостище!..

О пьесе... Пиши мне все свои соображения, предложения... Роль Елены можно усилить... Дать боцману реплику о том, что «она жена нашего командира — в 18-м году его убили немцы»... (т. е. дать, может быть, ей *личную* тему мщения).

Роль военкома — в связи с упразднением института комиссаров [3] — надо бы переделать в роль командира соединения *капитана 2 ранга* Самойлова... В тексте изменить только обращение «тов. комиссар, тов. военком» — на «тов. командир», «тов. капитан 2 ранга»...

Идут репетиции... Софья Касьяновна сдала не только макет, но и костюмы... Есть удачные весьма (у Елены и др.). Получили всё обмундирование — вплоть до походного (кожаное и непромокаемое капковое). Театр волнуется, по-хорошему... Премьера в день 25-летия Октября — в городе Октября...— я внутренне тоже волнуюсь... Пьесу печатают — и в Ленинграде, и в Москве [4]. Видимо, она сможет пойти широко... Пусть делает свое дело — дает политическую зарядку и два-три веселых, бодрых часа работающим в тылу и на фронте...

Как театр? Что на зиму? Какие планы?

У меня план: большая пьеса, либо дальняя поездка (если будет распоряжение). Готов и к тому, и к другому.

Сделал октябрьский литературный альманах для Ленинграда [5]. Много пишу... На душе крепко, светло. Верю в победу. Россия сверхвынослива, крепка... Ее опрокинуть немыслимо... Немецкий план на 1942 год крахнул, и к первому снегу мы увидим ряд интересных вещей... Энергия Гитлера идет по убывающей кривой... На четвертом году войны он стоит против нарастающих колоссальных сил коалиции: Россия, Англия, США и др. (в частности 10 латиноамериканских стран)... При всех недостатках коалиционной системы — эта силища непреоборима. Она физически давит и будет все больше давить на гитлеровский голодный и недовольный, усталый лагерь...

Выдержка, терпение... Мы доломаем этих скотов!..

И снова и снова из глубины сердца слава Ленинграду. Он *первый* показал, как останавливать врага, как бить его... Немцы под Ленинградом потеряли уже более 500 000 человек. Представляешь себе!.. Мы привыкли к своему быту, к артиллерийскому огню, к недостаткам... Привычка рождает внутреннее спокойствие... К зиме готовятся люди сноровисто, спокойно... Огромный организм города выдержал всё и приспособился отлично...

В прошлом году снег упал числа 20—22 октября... Опадали *зеленые* листья. Народ говорил: «Быть худу». Сейчас осень хорошая, золотая... Приметы *хорошие*... (За время войны приметы и пр. у людей как-то атавистически заняли новое серьезное место...)

Ну, пиши, жду! Всякой удачи, здоровья, бодрости — тебе и дорогой Алисе, и всему театру!

Твой Вс. Вишневский

[1] См. выше, п. 7.

[2] В сентябре-октябре 1942 г. восточнее Ленинграда, на Синявинском и других участках фронта, шли упорные бои, имевшие целью обеспечить постоянное сообщение осажденного Ленинграда с тылом, через Ладожское озеро. Советским войскам удалось потеснить врага; успешно действовали наша авиация и флот в районе Ладоги.

[3] 9 октября 1942 г. был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении единоначалия в армии и упразднении института военных комиссаров.

[4] Пьеса «Раскинулось море широко» была напечатана в журнале «Звезда», № 5-6 за 1942 г. В Москве пьеса не печаталась.

[5] См. прим. 4 к п. 5.

9

Ленинград. 17 октября 1942

Привет, дорогой Александр!

Утром, когда ехал в Александринку на репетицию, принесли твою горячую телеграмму...[1] Очень обрадовался... Мне тут в грохоте, горячке как-то в последнюю пору было неясно — что за вещь получилась... На рывке писал; казалось, хорошо; потом поотстал — новые дела, заботы... (Где-то «смущает» и жанр...)

Но твой опытный глаз, видимо, вещь проверил... Ее задача: развлечь, дать зарядку, показать некоторые формы современной борьбы.

Сегодня был на репетиции. Идут монтировки, акт прогоняется за актом, на музыке. Первый акт очень веселый и ядреный. Второй и третий увижу 20 октября...

О спектакле, какой я хотел бы:

Из утренних зевков, раздумий, заброшенности одинокого катерка, который, как Золушка, — беден [грязен] (развешанное белье, тельняшки и т. п.); из *грусти* — контрастующей рядом с праздником и триумфом других, — *медленно* рождается мечта, боевое дело...

Острее решать *контрасты!*..

Центр пьесы, конечно, второй акт... Вот люди в огне, в деле!.. Вот трансформации людей буквально всех: и Елены, и моряков, и врагов (Кисы, ее начальника и пр.).

Пусть зритель поймет, как сложны явления и как полезно быть бдительным и *проницательным*.

Елена — это воплощение русской женщины, образ, идущий от героинь жен декабристов, от Петербурга, от Чека, от Революции... Она владеет собой всегда: сдержанно властна, смела... Ну, Алисе не надо много пояснять... Контрастом — Киса, хохотушка, [нагло-цепкая] манящая и пр.— на самом деле бывалая, продувная, умная, идущая на смертный риск...

Бери шире! (Акварели и схемы оформления Софья Касьяновна, по моей просьбе, вышлет тебе в ближайшие дни. На месте тебе, вероятно, трудно решить морскую специфику базы, катеров, причалов и т. п. Мы и дадим то, что идет в Ленинграде в «Музкомедии».)

Контрасты заложены и в структуре: первый акт веселый, задорный, с перцем, с легкими завязками — которые к финалу акта сразу напрягаются... ну — посмотрим, кто чего стоит.

Второй акт от шуток в парикмахерской — к резким драматическим ситуациям, почти трагическим у Елены и постепенному высвобождению... Музыка, игра, мизансцены, динамика, свет (может быть, уже рассвет начался) должны помочь победе балтийцев... Их лейтмотив звучит и, контрапунктом, — тревога у немцев, стремление поймать наших... (Пусть в антракте, между вторым и третьим актами, публика поволнуется: прорвутся наши или?..)

Третий акт — традиционный, но с затяжкой развязок... Контрасты уже ясны — надо развязки давать... Поимка Кисы выходит любопытно, как бы неожиданно. Больше активности Елене (ее соображения, советы, взгляды на Кису и т. п.). И хорошо найденная сцена: Елена ловит, схватывает Кису... Завершение — хор, апофеоз...

Думаю, что характеристики ролей понятны... Усы и солидность у боцмана... Вместо «военкома» теперь *единоначальник*: капитан 2 ранга (начальник соединения катеров), властно-мягкий. Сам вникающий во всё, догадывающийся о многом и подсказывающий Чижову: «Оглянитесь вокруг» и т. п. Он ценит Чижова, который хорош, но подпорчен светскостью, ресторанами и пр.

Два друга, Жора и Миша — южанин и северянин, друзья — *контрасты* — и смельчаки-весельчаки, бабники и пр. (Обыграй их ухаживания за *всеми* женщинами и *одинаковыми* приемами! Будет весело...)

Ну, кончаю... Хочется иметь твои соображения, заметки, экспликационные наметки... Я быстро откликнусь...

О дальней поездке. Пока дело задержано... Видимо «выясняются отношения»... А будет нужно — пошлют... Сообщу сразу.

Главное *работа!* У нас дел много. Продолжаем жестокую борьбу... Вчера было шумно...

Лучшие пожелания! Пиши.

Да, пьесу просит из Иркутска театр музыкальной комедии (тов. Сагайдачный). Тебе *ближе*... Может быть, ты пошлешь ему копию? У меня экземпляров уже нет.

Целую, твой Вс. Вишневский

Алисе привет и поцелуй от меня и Софьи Касьяновны!

[1] Эта телеграмма с первым откликом на полученную пьесу в архиве Вишневского не сохранилась.

10

26 октября 1942. Ленинград

Привет, дорогой Александр!

Сегодня смотрел первый прогон всех трех актов, на музыке; почти все в костюмах. Нет еще света, шумов, грима и т. п. Пока еще контуры спектакля. Назову «*Орлиное племя*»[1] (советуют не давать название, ассоциирующееся со старой мрачной песнью).

Спектакль есть! Вещь держит зрителя (пока это одиночки в партере, друзья, статисты, служащие театра, ученики...)[2].

Требую жестко темпов, всех деталей военно-морского оборудования, автоматов для моряков и пр. Город военный — все всё насквозь знают, и бутафория тут не годится.

Коллектив работает с подъемом, слаженно... Первый акт забавный, веселый... Театр — по жанру — ввел дополнительный танец-песенку у пушки, в первом же диалоге Жоры и Миши (мечты о подвигах...). Оформление лихое... Плюнули на бутафоров, пошли в море — и с одного затонувшего катера сняли всё, что нужно. Вымокли, но всё теперь на «ять»...

А. Я. ТАИРОВ
Фотография. Барнаул, 1942
Собрание А. Г. Коонен, Москва

Что сказать полезного для работы?..

В концерт включили синтетический *гротескный морской* танец пары (он и она в морских костюмах): тут буквально все элементы матлота, «яблочка», чечетки, морские жесты, походка, шутки... Идет блистательно. (Танцуют: Пельцер — это первоклассный мастер!— и ее партнер Камков [3].) Дали и одесскую: сначала в публику с болью обращение об Одессе (передвинули текст куплетов) — затем с улыбкой («вернем Одессу!») — песню, танец плюс хор, дружно подпевающий Жоре... Ну, лихо идет и питерская пляска, в народном стиле...

Много вообще забавного... Танец, например, боцмана-усача лет 50 и Астафьевны («себя покажем мы — молодежи!»)... Вместо розы Астафьевна дарит — из корзинки — репу... Боцман обыгрывает ее...

Отлично вставили тему «дано — не дано»... Сначала боцман шутит над Жорой и Мишей: «Нет, вам не дано» (уменье покорять женщин)... Потом наблюдающие Жора и Миша говорят о боцмане, что ему «не дано» («сыплется песок»)... Потом боцман, ухаживая, на каждую ответную улыбку и кокетливое согласие «ее» — бросает победно, в сторону Жоры и Миши: — «Дано!»... Потом, когда Астафьевна, кокетничая, смазывает его корзинкой по голове,— молодые краснофлотцы шутят: «Дано?» — Он: «Дано — и как еще!» Потом Астафьевна, как упомянуто, дарит репу... Боцман опять кинул — показывая репу Жоре и Мише: «Дано»... Те завидуют... etc. В конце Жора и Миша признают: «Дано», салютуют «старикам».

Великолепно ночное волнующееся море (темно-зеленый шелк), катер, прожекторный луч, ветер etc. Софья Касьяновна показала класс...

Застенок немцев: *серые* тона, косые *решетки* в окнах, драпри, стильная мебель и пр. Смесь особняка с тюрьмой... Когда Елена пробует уйти, всё наглухо закрыто... У окна окрик: «Назад!..» На музыке (тоска,

печаль) это очень сильно... Ее бессилие — и взлеты ярости и дерзости (срывание портрета и флага... Достали тоже настоящее).

Ну, горяча сцена появления наших: бескозырки, тельняшки, автоматы! (Надеюсь: обмундирование от «Оптимистической трагедии» и у вас цело?..)

Уход наших на мажорной музыке. Контрапунктом — растерянное метание второго немца, вызовы по телефону: «Здесь русские!..» Озирается, ошеломлен, боится... А музыка звучит... Наши свое сделали и ушли!

Третий акт — вновь контрасты, *беспокойство*... Несколько тревожится и капитан 2 ранга (командир соединения). На пирсах стоят, смотрят, ждут... Вглядываются вдаль... Издали песня балтийцев... «Живы, прорвались!» Объятия, рапорты, трофеи, пленные... Живая сцена... Новая затем линия: влетела Киса etc. Подозрения... Ее разоблачили; Елена схватила ее и сильным медленным движением поставила ее на колени. Всё идет остро... Если не сумете дать на заднем фоне движение эскадры, светящиеся мачты, то самая концовка (после увода Кисы) сразу слабнет. Все нити уже распутаны... А одной песни мало,— это мне ясно. Ищу дополнительного финала, *ударную* точку... Сообщу.

Музыка на месте, но нужно в двух-трех местах *больше мажора* (финалы второго и третьего актов). Композиторы пишут, ищут... Наши советские композиторы, к слову, испорчены минорно-«лирической» напевностью. Почему до сих пор нет мажорной песни войны? Русской «марсельезы» 1941—42!! Ищите ее, создавайте... Требуйте, театральные деятели!

Эффектен великолепный туалет Елены во втором акте: ярко-красная (по моде 1942) кофта с отворотами, темно-серая длинная юбка... А в третьем акте: *поверх* этого — в накидку бушлат, юбка чуть подобрана и автомат в руках... Сочетание разных планов...

Провод «фрицев» пленных сквозь толпу работает!.. Найди краски, ненависть, умеря⟨емое⟩ с трудом желание в клочья порвать врагов...

В какой фазе дела у тебя? Как ты распределил роли?

Ноты будут через неделю, т. е. 2 ноября. Вышлю и сообщу. Пиши!.. Жду твоих писем. Читал, что ты ставишь пьесу Леонова [4]. Октябрьских дел по горло... На днях был в Смольном. На душе светло... Какой это город Ленинград! Слава ему стократная, любимому. Обнимаю.

Вс. Вишневский

Привет Алисе! Как ее здоровье, дела?

P. S. Привет от Софьи Касьяновны, от поэта Вс. Азарова и других балтийских писателей!

В.

А как на Ладоге балтийцы немцев шарахнули!.. Топили баржу за баржей — вопли стояли... По 400 человек на иных баржах было. Отборные головорезы. Выкупались они на смерть ...[5]

[1] Ни в рукописях, ни в дневниках Вишневского это предположительное заглавие пьесы не встречается. В дневнике от 22 октября записано: «Советуют не связывать название со *старой* печальной песнью „Раскинулось море широко“. Дать новое — „Сыны Ленинграда“ или „Балтийские орлы“... Нет!» (т. III, стр. 660).

[2] В дневнике Вишневский более сдержанно оценивает первый прогон спектакля: «Шел первый акт, затем в той же конструкции — третий, затем — второй. Это мешало мне увидеть весь рисунок спектакля, его ритм... Есть хорошие места, но еще многое недоделано. Театру недостает культуры... Надо всё сделать прочнее, спокойнее, глубже. Есть ряд мелких промахов. Дал указания. В ближайшие два дня должна быть кончена монтировка, свет, шумы...» (запись 26 октября,— т. III, стр. 664).

[3] Нина Васильевна *Пельцер* (Чумакова) — солистка балета Ленинградского театра музыкальной комедии; А. Г. *Камков* — балетмейстер театра, выступал и как танцор.

[4] Постановка пьесы Л. М. Леонова «Нашествие» в Камерном театре осуществлена не была.

[5] О победе на Ладоге см. дневниковую запись от 22 октября: «Сегодня ряд финских кораблей и десантных барж под прикрытием тридцати мессеров начали операцию ‹...› К двум часам дня сбито восемь мессеров, остальные отогнаны; утоплено до четырнадцати финских кораблей и десантных барж ‹...› Отлично!» (т. III, стр. 660).

11

12 ноября 1942

Привет, дорогой Александр!

Получил к праздникам твое и Алисы письмо [1]. У тебя письмо без даты, размашисто... Ты, конечно, летел на репетицию довольно мрачной пьесы (которую время быстро уберет) [2]. Я предпочитаю вещи динамичные, оптимистические, светлые, хотя вполне понимаю, что такое трагизм...

7 ноября прошла премьера... Билеты распроданы более чем на месяц вперед... Премьера идет пополам с тревогами в боевой хорошей обстановке.

Впечатления... Стройный спектакль. *Жанр, конечно, сломлен!* Софья Касьяновна блеснула — и морем, и дыханием порта, и движущимися кораблями, и штормом etc. Играют все с увлечением. Реакции живейшие... После второго акта овации... Напряжение зрителя достаточно велико. Сюжетная линия явно перешибает арии и дуэты. Локальный материал берется отлично.

На первом плане Миша и Жора — любимцы... Затем героиня, затем Киса, лейтенант «голубой». Чижов вырос до *типового образа*... Это смесь простака, хитреца, службиста, бабника и т. п. Война выпрямляет его. Третий акт идет отлично. Максимум напряжения на разоблачении Кисы... Она вся сияет, «невинна» — ей кажется, что все удалось, — но тут и попадается...

Недостатки спектакля? Затяжной первый акт (срезай 15 минут). Концерт сделан академически, а надо делать бурно, втягивать всех, давать реплики, подпевать, подтанцовывать etc. Пляски должны быть огневыми...

Вот главное замечание.

Ну, конечно, важен вопрос света. У нас, например, не было синего света (в таком спектакле!). Варьировали зеленый etc.

Костюмы дали первоклассные, подлинные. Женские моды 1941 — 1942 гг. (получили несколько американских журналов). Когда в стально-сером застенке появляется Елена — в красной кофте и длинной шелковой серо-коричневой юбке — это эффектно очень...

На втором акте публика плачет, трогательно... Музыка и прощальные арии берут за сердце...

Концовку второго акта улучшил... На марше—пленных немцев выводят—автоматы моряков наготове... Елена сама выводит капитана... Последний, Жора, громко, шутливо, подняв «по-арийски» руку, говорит: «...Капитан фон Дитмарштейн отбыл в Ленинград...» (Грохот аплодисментов etc.) Все вспомогательные детали у нас отработаны: катер движется (на роликах), есть вся аппаратура, флаги, вентиляторы (для ветра), фонари и т. д.

В финале пьесы бравурная песнь... Добьетесь ли движения кораблей на заднем фоне?.. Если нет,— подымайте через всю сцену военно-морской флаг — за всей массой.

Ну вот — работа сделана. Вперед, дальше!— Вести идут бодрые... В какую-нибудь неделю создан Средиземноморский фронт, резко изменивший *всю* обстановку в мире...[3] Это Россия всё определила! Можем гордиться...

Будем ждать и создания Атлантического фронта (так называемого «второго фронта») — от Норвегии до Бискайи...

Мои дела. Пишу, пишу... Руковожу, в общем, тридцатью писателями (Можешь себе представить количество хлопот, интересов etc.) Езжу... У нас были холода до 14°— пока без снега. На Неве и на море лед...

Настроения бодрые... Город великолепен, молчаливо упорен. На днях: ночью налет, немецкие желто-мертвенные ракеты — висят на парашютах, оцепенело... Нева, дворцы — все залито желтоватым, мертвенным, холодным светом... феерически. Хлещут зенитки... Мы с Софьей Касьяновной въехали, как раз... Не оторваться... Город огрызнулся яростно на этот визит немцев. За два дня сбили, как ты читал в сводке Совинформбюро,— 22 самолета. Не лазьте.

Приказ т. Сталина — общий народный подъем... Это мировая программа уничтожения Гитлера, вердикт...[4]

Мы будем в Европе!.. И уж как следует...

Мотаюсь на американском полицейском «харлее»... Это мотоцикл с коляской и запасным местом. В нужную минуту перекидываю сразу четырех человек. Шофер у меня год уже, питерский механик, ходовой... ⟨...⟩

Да, получил четвертый орден...[5] Шагаю дальше. Было чудное письмо от И. Папанина [6], такое сердечное... («Слежу неотрывно за твоей и Софьи Касьяновны работой в осажденном Ленинграде...») Обдумываю новые темы, угадываю перспективы борьбы... Хорошо! (Это лучше, чем в предполож⟨енной⟩ поездке.) Целую.

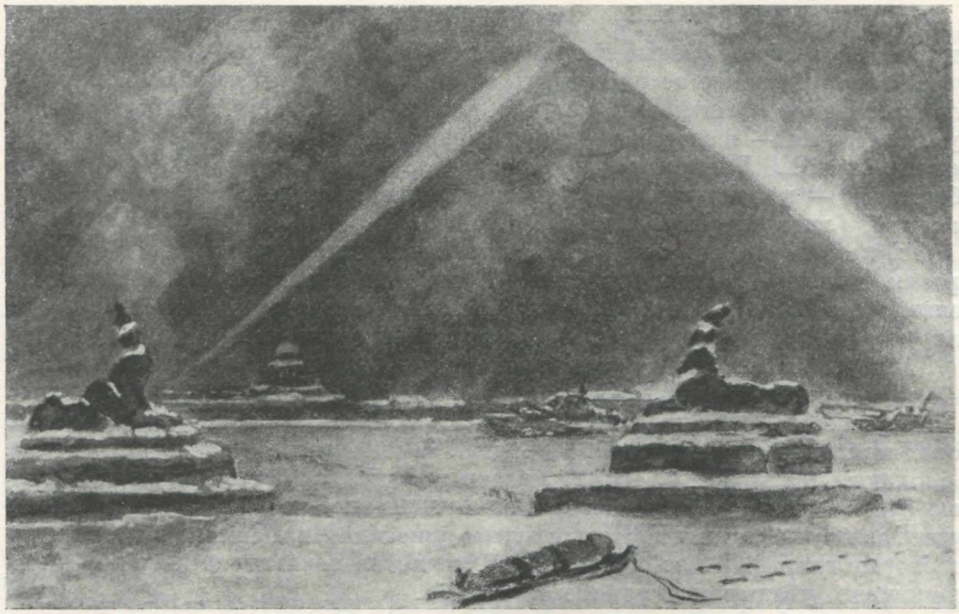
Вс. Вишневский

P. S. Клавир тебе готов. В Москву едет композитор т. Минх. Он и перешлет [7].

НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

Гуашь С. К. Вишневецкой, 1942

Воспроизводится по фотокопии, Центральный архив литературы и искусства, Москва



ЛЕНИНГРАД В ДНИ БЛОКАДЫ
Гуашь С. К. Вишневецкой, 1942
Воспроизводится по фотокопии, Центральный архив литературы и искусства, Москва

[1] Это письмо в архиве Вишневского не сохранилось.
[2] По-видимому, речь идет о пьесе К. Г. Паустовского «Пока не остановится сердце», постановку которой Камерный театр осуществил в Барнауле в зимний сезон 1942/43 г., как «опыт построения современной трагедии» (см. беседу с А. Я. Таировым «Творческие планы Камерного театра» — «Литература и искусство», 1943, № 46, 13 ноября).
[3] 8 ноября 1942 г. англо-американские войска высадились в Алжире и начали военные действия против германской армии.
[4] Речь идет о приказе Народного комиссара обороны 7 ноября 1942 г., № 345.
[5] Вишневский был награжден 1 ноября 1942 г. орденом Красной Звезды.
[6] См. выше, письма к С. К. Вишневецкой, прим. 14 к п. 2.
[7] Николай Григорьевич *Минх* — советский композитор (см. о нем в настоящ. публикации, прим. 2 к п. 4).

12

27 января 1943

Привет, дорогой мой Александр.

Сегодня получил твое письмо — без даты. В нем ты пишешь о своей болезни, о работе над «Раскинулось море широко» к 23 февраля и пр.[1]

Спасибо! Рад очень-очень получать вести от тебя. Они мне напоминают о многом пережитом хорошем, о поисках в искусстве, о нашей совместной работе, откликах на нее — и о *будущем*!

Ну, из «Правды», «Известий» — ты знаешь, что я был на прорыве блокады Ленинграда [2]. Впечатлений много (я исписал уже 13 книг дневника)...

Дни идут... Иногда физически ощущаешь приливы новых неведомых сил... Близка весна, близятся развязки,— дело идет к последнему акту трагедии. Война Гитлера против всего мира кончается, начинается война всего мира против Гитлера. *Мы* дали миру пример. *Мы* дали миру время собраться, организоваться, выковать оружие... Этого факта не вычеркнет, не спрячет, не исказит никто: ни Гувер, ни леди Астор, ни Херст [3] и пр.

Я здоров, бодр. Действую... Софья Касьяновна делает второй морской спектакль [4]; делает боевые гуаши («Дозор в море» и пр.) ⟨...⟩

В кратком письме не рассказать о моем внутреннем мире... Неимоверное количество впечатлений, мыслей, переоценок... Я 29 лет иду военным русским путем [5]— и счастлив, что иду прямо и делаю все, что в силах, для родины своей... Литературные, «светские» заботы иногда отходят от меня абсолютно — и бывают хорошие полосы философского отрешения от театральной, литературной суеты нашей...

Но, конечно, огонь искусства то тлеет, то вспыхивает... То звуки, то краски, то слова рождаются сами. Коснешься книг: записей маленького головастого Поля Гзелля о Родене [6]; томика Мериме; записей Р. Роллана или еще чьих-нибудь — и все взбудоражено внутри...

Конечно, от большой пьесы отрывают дела дня. Но эти же дела питают и новые впечатления...

Вторая зима... Немцы еще злобствуют, упорствуют под Ленинградом... Город терпит — но мы своего добьемся... Рассказал бы я тебе о днях осады и блокады... О, доживу — буду писать год, два, строку за строкой, историю своей жизни, войну, Петербург — Ленинград... Может быть, это и будет моя лучшая книга. Ведь столько уже мной написано (я тебе читал некоторые главы), но всё не решался, не хотел печатать...[7] Видно — инстинктивно угадывал: главное впереди!..

Россия выходит в абсолютные духовные лидеры мира. Ее силы, ее дух дают нам необозримые возможности. Возьми карту и посмотри: Москва ведь в *центре* Европы и Азии. От Гибралтара до Москвы столько же, сколько от Москвы до Дели (Индия). Протяни радиус к европейским столицам; к Багдаду; к Китаю... Москва в центре! В Москве будет всемирный узел новых воздушных, авто- и железных дорог из Европы, Азии и Африки. Фаза морских атлантических связей, старой Испании, Голландии, Франции и других кончается,— так как авиация и автотранспорт *меняют* направления путей, меняют мировые экономические и культурные потоки и узлы... И Москва стоит в их центре, в центре мира... Тайна истории поразительна!.. Выбор русскими места над небольшой речкой у будущего Кремлевского холма — оказался неисповедимо мудр. Да, Москва — «третий Рим», и — не религиозный [8] и пр., а идейный, экономический, военный... И мы сами, творцы дел всего 25-летия, поразимся бурному росту и подъему СССР после войны — проспéрити нового истинного типа.

Ну всего не напишешь...

О спектакле.— Уверен в том, что ты сделаешь все крепко, с блеском... В Ленинграде спектакль наш идет очень часто. По решению соответствующих инстанций пьеса распространяется *широко* (об этом мне сообщали из Москвы). Сейчас каждая мобилизующая вещь, каждый спектакль *нужен*. И ты не ревнуй, а творчески побивай...[9]

Домик наш качается, но рассекает тьму, отражает блеск зарниц и прокладывает себе пути вперед... 23 февраля отмечу 25 лет своей службы в РККА [10]. Буду мыслями с вами, друзья, Александр и Алиса, и Камерный театр. Пишите чаще. Всяких вам успехов! *Здоровья*, бодрости! Обнимаю, целую.

Ваш Вс. Вишневский

P. S. Об имуществе театра, о декорациях и пр. узнаю и сообщу.
Привет от Софьи Касьяновны — и тебе и Алисе!

[1] В этом письме Таиров писал: «Очень и очень нравится мне, как я уже писал тебе об этом, „Раскинулось море широко". Это по-настоящему душевная вещь, свежим ветром Балтики бодрит она душу и сердце, и делаю я ее с большим удовольствием. Полагаю выпустить премьеру к годовщине Красной Армии...» (цит. по машинописной копии, сохранившейся в архиве А. Я. Таирова.— ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 686, л. 6).

[2] О прорыве блокады Ленинграда были напечатаны очерки Вишневского: «Битва на Неве» («Известия», № 16, 20 января) и «Прорыв блокады Ленинграда» («Правда», № 23, 23 января).

[3] Герберт Кларк *Гувер* (1874—1964)—американский политический деятель, президент США (1929—1933); в течение всей своей политической деятельности был ожесточенным врагом Советского Союза. Леди *Астор* — английская общественная деятельница, примыкавшая к правому крылу консерваторов; неоднократно выступала против Советского Союза. Уильям Рандольф *Херст* (р. 1908) — американский газетный «король»; американская пресса, контролируемая Херстом, всячески умаляла роль СССР в войне и усиленно раздувала военные неудачи Советской Армии.

[4] С. К. Вишневецкая в январе 1943 г. начала разработку эскизов к новой пьесе Вишневского «У стен Ленинграда».

[5] Вишневский поступил добровольцем в армию в 1914 г. и участвовал в первой мировой войне.

[6] Имеется в виду кн.: «Роден. Искусство. Ряд бесед, записанных П. Гзеллем». 2-е изд., Пгр., 1914.

[7] Речь идет об эпопее «Война». При жизни Вишневского были напечатаны только небольшие отрывки из нее. Полностью опубликована во II томе его собрания сочинений.

[8] Вишневский имеет в виду провозглашенную в XVI в. доктрину «Москва — третий Рим», согласно которой Московское государство после падения Византийской империи утверждалось как религиозный и политический центр мира, продолжатель традиций Римской и Византийской империй.

[9] Ответ на признание Таирова в его письме: «Должен покаяться, смущает меня очень, что она ‹пьеса.— *Ю. К.*› пошла, в силу понятных причин, шататься по опереточным театрам ‹...› И вот я очень боюсь, что до нашего еще приезда в Москву, а мы ведем сейчас усиленную переписку о нашем возвращении, там успеют „объяронить" „Море" настолько, что придется действительно прибегнуть к волнам Балтики для того, чтобы смыть у зрителя ненужное, неверное представление о твоей вещи. А впрочем это, может быть, все ревность, но ревность в хорошем смысле этого слова, ревность не собственника, а художника, который не хочет, чтобы дорогая ему вещь была показана ненадлежащим образом» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 686, л. 6).

[10] «3/16 февраля 1918 года,— писал Вишневский,— я получил свой аттестат об окончании гимназии и тут же пошел добровольцем на службу в Красный флот — тяга к морю у меня была всегда, а беззаветная храбрость матросов и их преданность революции окончательно решили мой выбор» («Мои воспоминания»,— Собр. соч., т. II стр. 764).

13

18 мая 1943 г.

Где ты, дорогой мой!?

25 апреля — телеграмма от тебя: «Еду в Москву» [1]. И по сей день ни строки... В чем дело? Где ты?.. Или так замотался? Или опять болен?.. Жду телеграфных вестей о тебе, возможно подробнее.

Я дописываю последние страницы чистовика пьесы [2]. Это три чистых акта (без суеты «картин» и т. п.). Это война, три поколения моряков. Это Ленинград, суровость, кризис, жестокость и подвиг... Это философия войны, это души, это галерея современных людей — самых разных... Это резко... Это мы — и враги...

Я думаю, что ушел выше и дальше, чем когда бы то ни было... Условия работы?.. Ты представишь их себе.

О быте нашем и пр. расскажет тебе А. Крон. Он все это тоже испытал, перенес (и ты напрасно в письме своем его литературно оцарапал) [3].

События развертываются все стремительнее и мощнее. Гитлер войну проиграл, но дрыганье, агония, хрип и пр. могут еще протянуться... Слава же нашей России!.. Что было бы без нее, без русских людей из железа...

Твой Вс. Вишневский

Алисе и театру мой сердечный привет!

[1] Весной 1943 г. Таиров приехал на короткое время в Москву в связи с хлопотами о возвращении Камерного театра в столицу.

[2] Над пьесой «У стен Ленинграда» Вишневский начал работать еще в 1942 г. В телеграмме, посланной Таирову 2 января 1943 г., имеется фраза: «Пишу большую пьесу» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 801, л. 1). В апрельских и майских дневниковых записях 1943 г.— многочисленные упоминания о работе над ней.

[3] Это письмо Таирова неизвестно.

14

19 июня 1943 г. Ленинград

Привет, дорогой Александр!

Уф.— как будто груз с плеч... Прошла общественная читка пьесы [1]. Полный состав театра КБФ, гости из других театров, писатели, пресса. «Большой сбор»... Читал 3 часа 30 минут.

Из отзывов: *Н. Тихонов*: «Это одна из самых сильных вещей... Сага о моряках. Очень широко взята. Взяты главное характеры, типы флота: от юнги до адмирала. Сплав интересный... Ряд новых типов. Серия разработанных образов. Постановочно трудная вещь...» (Автор: «Тем интереснее!..»)

В. Инбер: «Пьеса сильна великолепным эмоциональным наполнением. Будут „трудности“». (Автор: «Они существуют для того, чтобы их опрокидывать, не так ли?..»)

Л. Осипов (редактор «КБФ»): «Всеволод Вишневский дал нам пьесу, близкую нам, сильную» и т. д.

А. Зонин (писатель, КБФ): «Пьеса философская — люди связаны с судьбами родины, с историей, а не с сексуально-личными темами... Пьеса большого патриотизма...»

Пилюгин (режиссер Большого драматического театра им. Горького): «Вещь увлекает. Живые люди... Иных видите по одной реплике... Новые моряки и старые. Пьеса, как и вообще все пьесы Всеволода Вишневского, трудна для театра. Тут синтетические приемы, слитность методов... Надо найти ключ... Очень аналитически подойти...» (Я — *про себя* — «А на что же на земле умные режиссеры?»)

Ряд звонков — слухи по литературно-общественной среде и т. п.

Из замечаний флотских товарищей:

Начальник агитационно-пропагандистского отдела: «Всё в пьесе правда. Убью, кто будет возражать, мешать...» («О-о-го!»)

Художественный руководитель театра КБФ Пергамент: «Флот и народ получают крупное произведение. Ждали, и вот пришла пьеса... Волнительная, большая, действие нарастает от акта к акту» и т. д.

Ерухимович (второй режиссер Театра КБФ): «Эпизоды покоряют... Любопытна пьеса по форме. Это в новаторской линии автора... Монументальный будет спектакль. Возьмем Выборгский Дом культуры».

Всего не запишешь... *С утра 20 июня я отделываю текст — и на машинку*. Займет это дней пять. Хочу дать отделанный до запятой текст для *тебя*, дорогой,— для Москвы, для боевых дел России!..

(Сейчас телеграмма от Дзигана: «Горю желанием ставить в моем (?) театре новую твою пьесу, телеграфь, Дзиган».— Что за театр Дзигана? Ты не слышал?..) [2].

Телеграфь дела! Жди в Москве экземпляр. Как здоровье?

Всегда твой упорный матрос

Вс. Вишневский

[1] Первая читка пьесы Вишневского «У стен Ленинграда» состоялась 25 мая 1943 г. в Политуправлении флота. Вторая читка (о которой в основном и пишет Вишневский в этом письме) состоялась 17 июня в театре Краснознаменного Балтийского флота.

[2] Ефим Львович *Дзиган* (р. 1898) — кинорежиссер, постановщик фильма «Мы из Кронштадта» (1936). В годы войны руководил Первым Московским фронтовым театром.

15

1 августа 1943 г. Ленинград

Дорогой мой Александр!

1 августа — 29 лет первой мировой войны... Сейчас поставил точку на чистовике пьесы, и первая мысль, движение написать тебе... Вот и 29 лет моей военной службы и скитаний...[1] Солнечно, «тихий» обстрел... Нам, пережившим 2000 налетов и столько же обстрелов, уже относительная тишина кажется тишиной...

Пьеса — плод раздумий, ряда наблюдений, глубочайших личных переживаний... Ты угадаешь, что, где, как... Ты прочтешь пьесу верно... Решишь ее крупно... Это вещь трагедийная... Ты найдешь формы, северную суровость, величие Петербурга — Ленинграда, морских просторов... Дашь рисунок строгий во всем. Ты видел, знаешь и город наш, и Балтику... Меньше всего ты будешь думать о «сокращениях» — ибо прежде всего надо думать о *сути*...

Я лишен возможности сидеть с тобой, по привычке, в углу твоего кабинета, дома,— смотреть на книги, картины, пить кофе и коньяк и разбирать с тобой рукопись, строка за строкой... Побеседуем мысленно. Ты увидишь органическое родство «Оптимистической трагедии» и новой оптимистической трагедии В 43: «*У стен Ленинграда*» [2]... Родство по крови, по стилю, духу... Некоторые персонажи продолжают лучшие старые традиции. Но если в «*Оптимистической трагедии*» из хаоса к кристаллизации, то в 1941—1943 уже огромная государственная прочная сила, среда, дисциплина, *семья*... Те, кто был в восемнадцатом году рядовыми матросами,— стали выдающимися командирами... В центре пьесы, конечно, капитан 3 ранга Сибирцев, с его хваткой, силой, «зубом», внутренней чистотой, смелостью, раздумьями... О, этот образ надо сделать в спектакле!..[3] ⟨...⟩

Я буду рад прочесть твой отзыв, твои режиссерские соображения. Я знаю, что это будет самое интересное. Видимо, ты будешь искать ход — во времени, в музыкальном звучании — от «Оптимистической трагедии» к современности. И это будет верно... Там была голубая дымка, мертвый полк ведет рассказ. Здесь — сегодня, все живое, наше, нервно-обнаженное, упрямое, силища рассейская... Они в поступи, повадке, манерах... В разнице фактур: мы — немцы (пленные). В разнице мировосприятий...

Над каждым образом поработать специально. Дать каждому его путь, биографию, особенности личные... (Помнишь, подобную беседу по образам «Оптимистической трагедии»?— Сейчас вам это *легче* сделать, вы поймете современных моряков, офицеров...)

О внутренних ключах — ты сам мне напишешь, я буду ждать...

Письмо вышло большое... Давно не беседовал с тобой.

Итак, пьесу шлю... Да будут судьбы ее боевыми, хорошими.

...Да, прочел бы я пьесу эту Камерному театру!.. И порывистого Юрия, звонкого, дал бы, и резкого и хорошего Сибирцева, и окающего Окулова, и милого Белогорского, и басовитого неторопливого старика матроса.

Обнимаю, твой Вс. Вишневский

Алисе мой сердечный привет. До встречи в Москве, мои дорогие!

В.

P. S. Обычным порядком, конечно,— надо привлечь *консультантов* (морских и военных). Дать актерам литературу об Отечественной войне и т. д.

[1] См. выше прим. 5 к п. 12.

[2] В 43 — т. е. Вишневского 1943 года. В дневниковых записях Вишневский неоднократно рассматривает пьесу «У стен Ленинграда» как своего рода продолжение «Оптимистической трагедии». Так же воспринял эту пьесу и Камерный театр. Таиров писал: «Через десять лет после того, как со сцены впервые прозвучала „Оптимистическая трагедия", Камерный театр получил новую пьесу Вишневского „У стен Ленинграда", которую воспринял как закономерное продолжение, как бы вторую часть сыгранной трагедии» («Новое в трагедии».— Сб. «Писатель-боец», стр. 96).

[3] Далее в письме следует опущенный нами подробный отчет об обсуждении пьесы ленинградской общественностью 25 мая 1943 г. Об этом же Вишневский кратко писал в письме 14. Кроме упомянутых там лиц, в настоящем письме Вишневский излагает выступление и отзывы Вс. Азарова, Е. Рывиной, Л. Успенского, Н. Чуковского, А. Крона, Н. Оттена и других, а также режиссерские соображения А. В. Пергамента.

16

9 августа 43

Еще раз привет, дорогой Александр.

Пьеса переплетена; договор подписан; экземпляры на руках тов. Оттена. Вчера сдал пьесу в Смольный...

Будешь читать пьесу,— обрати внимание на главные ее черты... На национальные идеи; на идеи *чести*; на оттенки настроений: ленинградцы-юноши; старик-матрос; кадровики; офицеры... Все по-своему свято берегут свою *гордость*. Они задеты; оскорблены немцами... Весь первый и второй акты это *эволюция*... это излечение от страшной травмы: это раздумья, борения; не останавливаются люди ни перед чем... Отец готов на крайнее: казнь сына!.. Только удержать дисциплину, силы отпора... В этом и величие дней Ленинграда,— а не в физиологии, голоде, бедах, обстрелах и т. д. ... Дух — высшее, чистейшее в человеке... Наши люди в окружении, без техники, с потрясенными нервами (отступление с 22 июня 41 г.) — нашли в себе ярость, целевую ясность, уменье... И победили...

Немцы были опьянены, у них в глазах кровавая муть успеха. Они бредили, сами собой упивались. 3 июля Берлин рычал «Die Widerstandskraft der Roten Armee ist offensichtlich gebrochen»...* А Сталин 3 июля неторопливо излагал, как пойдет война, как все видоизменится, как будут немцы разбиты...

Подчеркни эту разницу национальных типов. Разницу умственных и духовных состояний...

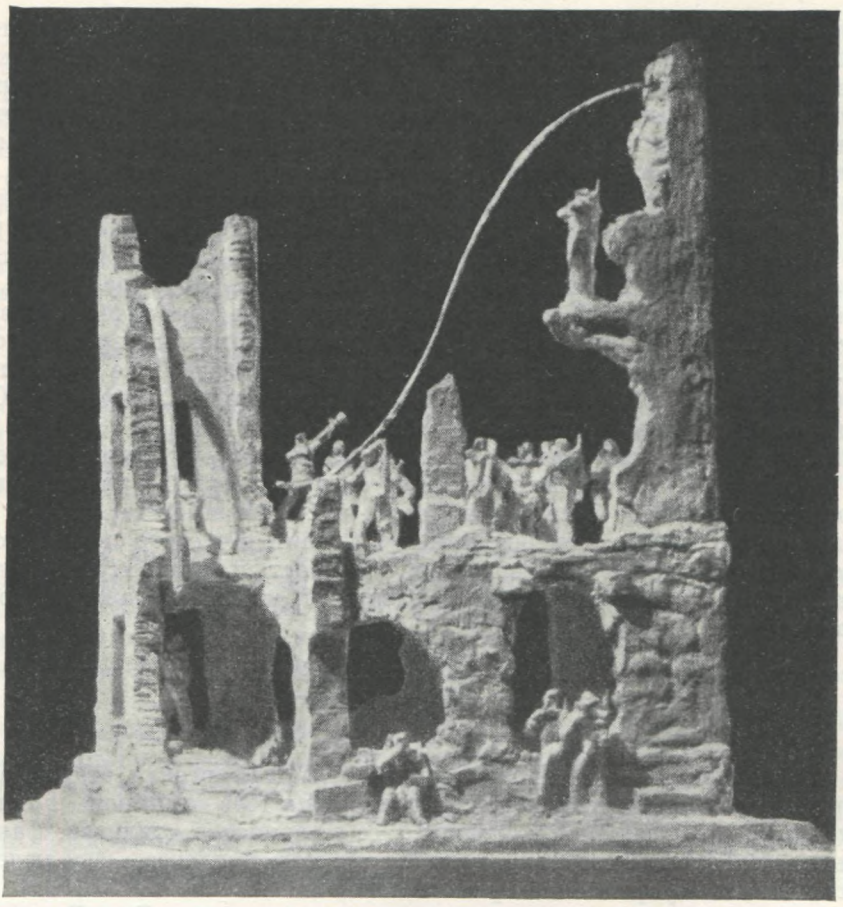
Важен расчет нарастания событий... Разгон третьего акта... Важна музыкальная сторона спектакля... Я в тексте на эту сторону особенно не указывал, но ясно, что музыка вплетается в спектакль.

Эволюцию борющихся подчеркни их видом: от жалких бредущих людей (начало первого акта) до победной поступи в финале пьесы.

Немцы: кадровые, упоенные во втором акте и жалкие, разбитые в финале пьесы...

Меняются исторические роли!

* Сила сопротивления Красной Армии, очевидно, сломлена (*нем.*).



«У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»
Макет декорации для пьесы В. В. Вишневского. Работа С. К. Вишневецкой, 1943
Литературный музей, Москва]

Особенно хотелось бы найти трагическую *обреченную* атмосферу в третьем акте... Это остатки, это предсмертное... Это лица, побледневшие и с пятнами (гримы!)... Это люди в кольце. Их хотят взять живьем... Тени немцев, силуэты, как летучие мыши, крысы... Всё ближе, ближе. Шорохи... Дать нагнетания беды, ужаса... Сцена коллективного самоубийства (кульминация третьего акта) — взрыв силы (сцена у телефона) — и общий ход всего третьего акта вверх: приход, прорыв Сибирцева и основных сил бригады. Поэтому задача режиссера и актеров не играть, не решать вообще здоровых людей, а людей перенапряженных в исключительных условиях, *небывалых*... Понять небывалость осады и битвы за Ленинград,— чтобы выйти к созданию *обобщенного образа России*.

Читайте истории осад — каких угодно: Карфагена, Трои, Пскова, Парижа (см. Сарсе [1]) и т. д. Пропитайтесь ощущением трудности, ощущением кольца, стискивающего вас... Иначе — все будет только игрой здоровяков, которые обманули немцев в одной из схваток...

Доклад Н. Оттена на труппе — «*Осажденный Ленинград*» — поможет театру в этом отношении [2].

Проследи по тексту эту скрытную, а порой явную нервность (не суматошливость, не нервозность), внутреннее напряжение. Люди гораздо

больше могли бы сказать, раскрыться, но держат себя в руках, удерживают себя... Только дай нервам волю, и всё брызнет, посыплется... Как всё у Сибирцева внутри клокочет, и обида (нас бьют, нас гонят!) и опасения, и раздражения (еще немного, и он бы расстрелял и раненого, и сына)... Но надо сдерживаться, быть твердым, надо шутить, надо действовать умно...

Да, жаль, что обо всем этом мы не можем говорить *лично*...

Продумай все тональности по образам. Интонации, жесты... Сибирцев это в некотором роде Алексей[3], спустя 25 лет... Это матрос, культурный воин, смелый, душевный, нетерпеливый и пр. и пр.— Это должен быть самый *обаятельный*... Найти такого исполнителя... («Фигура» и пр. тут мне не важны... Не в росте и пропорциях тут дело и не в актерских внешних данных...) Не нужно играть и на бывших барских манерах Белогорского. Он за 25 ⟨лет⟩ тоже иной стал... В нутро глядите. Мне нужен горячий, чудный, *похожий на отца* Юрий... Надо, чтобы Сибирцев и Юрий репетировали детали сходства *вместе!*..

Старик ясен, но надо дать ему и хитрость и свободу и умело сочетать это с осознанной старой выправкой и «словесностью»... Он отнюдь не служака только. Это бывалый и много наблюдавший старик — и иногда очень тонко вонзает свои реплики... Он знает, в чем его сила, и сознательно пускает в ход и «словесность», и возраст, и выправку. Для дела.

Михайлов... Сочетание фаз силы, раздумий, минора и мажора. Бродит что-то в юноше...

Всего я не могу описать, объяснить... Шли мне свой режиссерский план, экспликацию. Как можно быстрее. Пиши, дорогой.

Твой Вс. Вишневский

P. S. Об оформлении. Нужно единство, петербургская старая архитектура — от *казарм*, русской военной *истории* (без «ампиров» и т. п.)... Город — близкий пригород — руины... Т. е. единство стилевое, фактурное; и разрушение из акта в акт, разрушение *материальное*... А у людей — из акта в акт — укрепление *духовное*...

Вс. В.

P. P. S. 13 августа 43. Капитан Таиров! А если бы ты привез Камерный в Ленинград и показал бы им «*У стен Ленинграда*»? Это был бы мировой шаг — в лучшем смысле слова!.. Подумай...

Твой Всеволод

[1] См. в письмах к С. К. Вишневецкой прим. 3 к п. 9.

[2] Николай Давыдович *Оттен* — театральный критик, заведующий литературной частью Камерного театра. В июле 1943 г. приехал в Ленинград к Вишневскому по поручению Таирова (см. дневниковую запись от 18 июля,— Собр. соч., т. IV. стр. 281).

[3] Алексей — действующее лицо «Оптимистической трагедии»

17

28 октября 1943 г.

Родной мой Александр.

Я в полосе напряженной хорошей работы. Вчера выступал перед офицерами Ленинграда. (Впервые за 25 лет снова надел свои Георгии...[1]) Бывают, знаешь, окрыленные состояния... Сейчас у народа такое... Победа видна. Мы ее достойны. Еще несколько усилий! Вперед!..

О пьесе. В Ленинграде постановка на полных парах. Прогоны всех трех актов (премьера 20 ноября). Это крупно! У тебя будет еще крупнее. Пьеса печатается в «Знамени» (Москва), «Звезде» (Ленинград) и выйдет книгой (Ленинград)[2].

Уже запросы от ряда театров... Ну, пусть они идут за тобой, поучатся.

Сегодня же один из существенных моментов в истории пьесы. Получил письмо от зам. наркома Военно-Морского Флота генерал-лейтенанта И. В. Рогова [3]. Он пишет: «Выйдет сильная вещь»... Рекомендует: пронизать всё идеей дисциплины и героизма (это лейтмотив «Оптимистической трагедии», и так мы сделаем и тут!), *не* делать Белогорского центральной фигурой (я писал тебе об этом!), убрать шутку старика-матроса насчет: «Прочел две главы, третью собирался» (неудобно шутить о курсе истории партии — пусть ответит: «Стараюсь, вникаю, аж голова трещит...»); сжимать публицистические диалоги (я это в ленинградской постановке делаю жестко, и ты не стесняйся). Бери *главные* живые звенья политических диалогов, варьируй, вслушивайся... Что тормозит, уводит в «газету» и т. п. — снимай, убирай...

Я рад, что письмо Рогова дает именем флота перспективу спектаклю, пьесе и по основным пунктам абсолютно отвечает моим и твоим ощущениям и мыслям... Значит, мы на правильном пути. Свяжись опять с флотом! Встреться с генерал-лейтенантом Роговым (Иваном Васильевичем). Он даст консультантов и вообще поможет.

На днях напишу тебе подробное письмо о ви́дении спектакля. Образ в целом ясен: через все препятствия — к победе, к свету! Начало трагическое, на музыке: образ несчастья, пораженья... Люди *бредут*, мучительно думают... Но силы есть, надо только коснуться души — и всё опять распрямляется в упорстве, горении.

Эмоциональное воздействие пьесы, как я наблюдаю на зрителях в репетиционном зале,— сильное. *Сильнее* «Оптимистической» — уж очень всё свежо, всё «сегодня», наше, вот тут...

Из отдельных советов:

1 акт

1) Сожми два прощания матери и сыновей в *одно*; повтор ослабляет и затягивает тему.

2) Найди тепло в беседе контр-адмирала... Он через старика-матроса и Бушкова вызывает улыбки, *зажигает искру* в людях. Из усталой толпы люди постепенно *преображаются* в строй — в *железную* морскую пехоту, известную всему миру!

2 акт

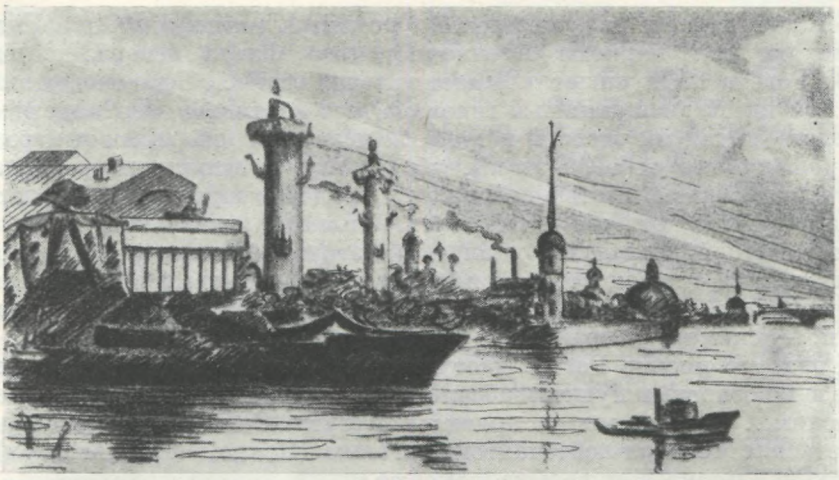
1) Вплетай отдаленные шумы боя, но нового типа: не надоевшие трещотки и т. п. бутафорию. Советуйся; ищи правду фронта... Звуки современной войны — особые... Это в значительной мере — звуки *моторов*... Умело найденные шумы дадут отличный эффект, особенно в кульминационный момент: ход четверых на смерть...

2) Сделай очень сильных, абсолютно верных по типажу немцев. Это наглые, упоенные собой... Особенно унтер-офицер. Это белокурый Зигфрид 1941 ⟨года⟩... Он несет в себе напор, бешенство, фанатизм нацистов.

(Столкновение с пленными получается очень остро.)

3) Очень важны сыновья... Нужны *чистые* юноши... Похожие на отца. Подбираются ли такие?

4) Сцена расстрела. Веди ее как суровый *ритуал*. Все торжественно-строго... «Шапки долой!» Бережно снял старик ленточки (святыню) с фуражек осужденных. Вышел караул. Брякнули винтовки. Поворот. Команды отрывистые... Все внимают уроку, все *подтягиваются*... Дисциплина, право, закон! — Вот чем должно веять от этой сцены. (Это не парти-



ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПРЕМЬЕРУ ПЬЕСЫ В. В. ВИШНЕВСКОГО «У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

Театр Краснознаменного Балтийского флота. Ленинград, Выборгский дом культуры. 7 апреля 1944 г.
Первая страница
Центральный архив литературы и искусства, Москва

занская расправа над вожаком и т. п. — Это 1941-й, это суровость, четкость...)

5) После этого скрепление идей и чувств: клятва. Ее начинает Сибирцев. Она несколько неожиданна. Ему вторят два-три голоса. Он продолжает. Ему вторят 10—15... Он продолжает — ему вторят 30—40... и затем *все*. Нарастание, абсолютное решение матросов — «Умрем, не сдадим».

6) Затем разрядка: письмо, хохот... Это от запорожского письма... Широко, буйно... Это надо разделать по кускам; хохот переливается, письмо идет от группы к группе — надо выделить «смехачей», отшлифовать все нюансы...

Это у тебя выйдет!..

7) Сцена прощанья... Пантомимическая... У каждого свои друзья... Объятия, шлепки, поцелуи, несколько слов, молчаливые взгляды. Мужская сцена, сильная... Прощаются с теми, кто сам остался на смерть... Пойми и из одной-двух ремарок сделай сильную сцену.

8) Финал второго акта... На барабанном прусском нарастании музыки — приближение немцев. Вплетение танкового *лязга*. (Звук дай точно, вспомни его по парадам.) Моряки спинами к зрителю изготавливаются... Каждый готовится к смертельному бою — сгибаются, как перед прыжком, готовят оружие, гранаты... Звук плюс музыка всё острее — и тут моряки от избытка напряжения сбрасывают бушлаты. *Они летят как черные птицы*... Шмякаются оземь... Музыка всё острее, до крика... Еще несколько секунд — люди взмахнули гранатами... Броски... Заключительные аккорды. Занавес — а музыка еще кипит...

Много всяких деталей, штрихов... Я напишу тебе в ближайшие дни.

Почему ты до сих пор не написал мне о своих планах, решениях?

Целую. Всеволод

Дорогой Алисе привет!

[1] За храбрость, проявленную в боях во время первой мировой войны, Вишневский в 1915 и 1916 гг. был награжден двумя георгиевскими медалями и георгиевским крестом.

[2] Пьеса «У стен Ленинграда» была напечатана только в журнале «Знамя», 1944, № 9—10.

[3] Иван Васильевич *Рогов* (ум. в 1950) — в 1939—1946 гг. начальник Главного Политуправления Военно-Морского Флота.

18

Вечер 25 ноября 43. Ленинград

Привет, дорогой Александр.

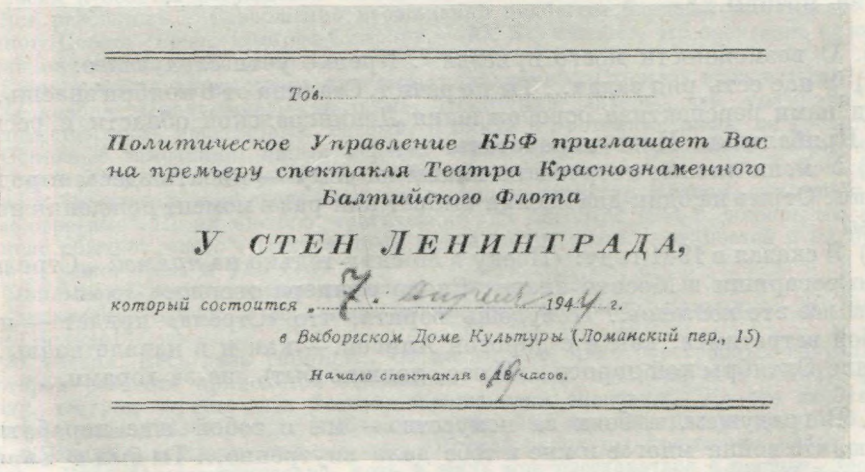
Тебе тоже, наверное, икалось, когда я с июля по конец ноября спрашивал почтальона, почтовый ящик и т. д.: «Где Таиров, почему не пишет?.. Я ведь ему две пьесы за год послал...» — Сегодня почтальон принес твое письмо от 18 ноября [1]. Спасибо (и тебе, и почтальону).

Буду писать по порядку:

1. 23 ноября была просмотровая предварительная репетиция. В Ленинградском управлении по делам искусств (Загурский, Бурлаченко и др.) нам сказали: «Спектакль большого масштаба, общественного пафоса, романтической краски, большой выдумки, культуры. Волнует, потрясает... Испытываешь большое уважение к коллективу, создавшему этот спектакль...»

У меня, однако, ни одна работа не проходит гладко. Я не пай-автор, не «пятерочник» [2]...— По строевой линии есть ряд поправок: 1) больше выправки, кадровости массовкам, 2) сократить отрицательные элементы, 3) героизировать комиссара, 4) роль Белогорского сжать. Вот таким образом перед тобой первые шаги пьесы и спектакля. Реакция зрительного зала (несколько сот моряков, девушек из МПВО и пр.) была на спектакле непрерывно. Финал (с момента спасения раненых) буквально трудно было играть из-за гула и аплодисментов.

Софья Касьяновна блеснула. Да, это Питер, это осень 1941! Это она все сама выстрадала, увидела, решила. Это зрелое произведение мастера. Ее работу особо отмечают и в Военном Совете и в Управлении по делам искусств. Это второй ленинградский осадный спектакль Софьи Касьяновны. Я рад за нее и горд.



Тов. .....

Политическое Управление КБФ приглашает Вас на премьеру спектакля Театра Краснознаменного Балтийского Флота

У СТЕН ЛЕНИНГРАДА,

который состоится „7" апреля 1944 г.

в Выборгском Доме Культуры (Ломанский пер., 15)

Начало спектакля в 18 часов.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПРЕМЬЕРУ ПЬЕСЫ В. В. ВИШНЕВСКОГО «У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

Театр Краснознаменного Балтийского флота. Ленинград, Выборгский дом культуры, 7 апреля 1944 г.

Третья страница

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Духом тверд и бодр. Переделки, поправки делаю в темпе... Театр в накале... Рвутся к премьере. Общественное внимание огромное. Спрашивают. Звонят, теребят... Ведь это первая большая вещь о Ленинграде.

Все разработки, последний текст, схемы, мои соображения — всё вышлю через неделю, как только освобожусь. Я опять стал любить театр (хотя остался и глубокий след от кинематографии).

2. Итак, вы в театре мерзнете. А фронтовой Ленинград запасся топливом. Напилили, навозили... И свет и вода... И уличные номерные фонари, и указатели, и лестницы домов уже освещены... Всё больше город входит в норму, упрямо, хотя война тут же... Замечательное явление: это упорное развертывание экономических сил страны, военные стройки, подготовка великих новых строек уже сегодня... Вот это силища нации!..

На примере Ленинграда очень многое чувствуешь и понимаешь.

3. 7.XI.43 с блеском прошел 100-й спектакль «*Раскинулось море широко*»... Этот спектакль — привычное дитя города... Спектакль видели уже 150 000 ленинградцев. Актеры просто плавают, а не играют, нюансируют, вдохновенны — буквально. По крайней мере в праздник 7 ноября я это ощущал, видел...

Верю и в ваш спектакль...[3] Но советую тебе: перед первыми спектаклями «Раскинулось море» говорить публике несколько слов о том, *что это за спектакль*. Коротко: осень 1942 года. Готовится новый штурм города — силами фельдмаршала Манштейна, брошенными после Крыма на Ленинград... Задание: городу нужен *бодрый* мобилизующий музыкальный спектакль, *военный*... В 17 дней вещь написана... И поставлена театром под обстрелом... (Таким образом — пусть учтут быстроту, темп и т. д.— всю обстановку и «судят» авторов в соответствии с этим...)

Я надеюсь, что несколько твоих слов в этом духе на первых спектаклях были бы вполне уместны.

4. Хочу писать новую пьесу. Делаю первые смутные наброски. Задание внутреннее: светлое, победное, к 1944 году... Динамическое, солнечное, к морю, на запад, на просторы... Вот музыкальный настрой души... Некие мотивы...[4]

5. О возможности моего приезда [5]. Крепко учти следующее:

1) У нас есть ряд задач... Ты по речи т. Сталина от 6 ноября знаешь, что перед нами перспектива освобождения Ленинградской области и республик Прибалтики. Надо поработать.

2) У меня личные творческие планы на тему — писать здесь, в родной стихии. Отрыв на один-два месяца выбьет как раз в момент рождения новой пьесы.

3) Я сказал в 1941 году: «Поеду в Москву только на *прямой* „Стреле“». И это товарищи в Москве знают. Слово офицера твердо.

Ты все это *поймешь*.. И будешь верить, что «Стрела» придет — и мы с тобой встретимся, как и с дорогой Алисой,— как и в начале войны, на вокзале Октябрьской дороги... И это, должно быть, не за горами...

6. В грядущем, в боях за искусство — мы с тобой еще поработаем. Я чую, что война многое и мне и тебе дала внутренне... Ты был в Европе, в Южной Америке — теперь два года пробыл в Азии... Непрерывное наблюдение за жизнью, обогащение опытом... Ты увидел наш народ в глубинах, на новостройках. Многое почувствовал. Все более густой синтез жизни — внутри нас... И это обогатит новое искусство России — я верю, что послевоенная творческая жизнь будет гораздо бурнее, чем в 1912—1913, 1924—1930 годах... Очищенный, воодушевленный мир кинется в жизнь с востор-

гом, «буйством»... Будешь просыпаться утром: тихо, Гитлера нет, пространства открыты, Москве почет — и сам подпрыгнешь с кровати до потолка... Захочется поставить аховую, озорную комедию... В голову уже лезут разные темы, сюжеты... Ну, стоп пока!

7. Я живу жизнью напряженной... Выступаю, пишу, много — статьи, записи (уже 22 книги записей с 22 июня 1941), очерки etc. Читаю: от греческих философов до современных литературных журналов. Притаскиваю пачки книг из Публичной библиотеки... Езжу. Недавно был в Кронштадте и на ближних участках. ⟨...⟩

Из Москвы писем немного: от А. Фадеева, от И. Альтмана (он все тот же — честный, боевой, горячий) [6], от «Знамени», из «Правды»... Пишут и из Алма-Аты.

8. Пиши мне, не ленись и не ссылайся: де трудности и «паровое отопление замерзло»... Пиши, как вы там с Алисой зимуете (по-самоедски?..) *Как твое здоровье? Как здоровьеАлисы?..*

Итак, жду подробного сообщения о твоих премьерах; о твоих планах, чувствах, мыслях, о друзьях (их мало)...

Привет Алисе! (Мы с ней, с тобой после комиссара «Оптимистической» сделаем образ [военной и] *послевоенной женщины* с взбудораженной душой, проснувшимися новыми силами... Думаю, думаю...)

Целую. Всеволод

Привет всей труппе!

[1] Машинописная копия этого письма Таирова сохранилась в его архиве (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 686, лл. 8—10). Оно прислано из Москвы, куда Камерный театр вернулся 24 октября 1943 г.

[2] Спектакль театра Краснознаменного Балтфлота «У стен Ленинграда» был доведен до генеральной репетиции, но в 1943 г. выпущен не был. Об этом В. В. Вишневский подробно пишет в своем дневнике:

«23 ноября. ⟨...⟩ В 7.05 начало спектакля (генеральная репетиция). Играли несколько связанно. Волновались. Реакции в зрительном зале — непрерывные, особенно в третьем акте. В конце, на аплодисменты, давали 11 раз занавес. ⟨...⟩ Председатель Ленинградского управления Комитета по делам искусств т. Загурский поздравил и пригласил к себе на обсуждение спектакля 24 ноября в 5 часов дня.

Все разошлись... Совершенно неожиданно подбегает бледный Пергамент: член Военного Совета ⟨контр-адмирал Смирнов.— *Ю. К.*⟩ считает, что спектакль не вышел. И, как он сказал, „крепко не вышел“...

Едем домой с неприятным чувством удивления... Столько вложено сил!

24 ноября. Продумываю спектакль. Некоторые актеры „не вытянули“. Но в целом спектакль масштабный, острый, и никто в противном меня не убедит. ⟨...⟩

Основные замечания: явный перевес отрицательных персонажей, образ комиссара скатился к шаржу, чрезмерна и вообще сомнительна роль князя Белогорского, офицера. Не хватает кадрового вида, массовкам — четкости, словом, замечания „служебно-строевые“. По их мнению, трагические дни сентября 1941 г. должны выглядеть на сцене обычно, „чисто“. Откровенный показ тягот, травм, трудностей и их преодоление — режет глаз и ухо ⟨...⟩

Наплывают воспоминания прошлых премьер 1930—1933 гг.: трудности, муки, бои, дискуссии. Сейчас я воспринимаю все это спокойнее, привычнее. Но больно, очень больно! ⟨...⟩

26 ноября. Весь день работал... От некоторых, явно обостренных ситуаций, от некоторой резкости приходится отказаться. Я четко поставил себе задачу: флоту, городу, театрам страны дать боевой, заражающий спектакль. Да это необходимо! Победная тема 1943—1944 гг. сейчас нужнее, чем анализ трагических дней осени 1941 г. Видимо, это действительно так. Об этой осени мы расскажем потом, после войны... Ввел *другого* комиссара, хоть и жаль мне расставаться с первым. *Заставил себя убрать из пьесы Белогорского*, так как кромсать этот образ не хочу» (т. IV, стр. 442—444).

Работа над переделкой пьесы продолжалась и в 1944 г. К апрелю театр подготовил спектакль в новой редакции. Летом возник вопрос о поездке театра КБФ в Москву. В письме от 11 июля 1944 г. Вишневский сообщал Таирову:

«Рогов 30 июня смотрел спектакль в КБФ, отличная оценка. 8 июля спектакль смотрела группа из Всесоюзного Комитета. Отличные отзывы, поздравления etc.

Спектакль везут в Москву, к 20 августа — 1 сентября. Выезжает весь театр КБФ. Надеюсь, что ты и Камерный театр встретите братски» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 802). Гастроли Театра Краснознаменного Балтфлота состоялись в Москве с 21 августа 1944 г. Московской публикой и прессой спектакль «У стен Ленинграда», по словам Вишневского (см. его дневник за август 1944 г.), был принят отлично.

[3] Премьера спектакля «Раскинулось море широко» в Камерном театре состоялась 4 февраля 1944 г. Свое впечатление от постановки Таирова Вишневский отразил в дневниковой записи от 2 февраля: «В 12 часов — в Камерном театре на первом просмотре „Раскинулось море широко". Борюсь с ассоциациями ленинградского спектакля. Московский спектакль более строг, это больше *героическая* комедия. Стилево сделан чисто, но мне не хватало балтийской прозрачности, воздуха...» (т. IV, стр. 512).

[4] Возможно, что об этой будущей пьесе Вишневского говорил Таиров на встрече с моряками 25 мая 1944 г. в Москве: «Есть еще пьеса, которая еще не написана, но зреет в мозгу у Вишневского и в нашем замысле. Эта пьеса называется „Ребята возвращаются домой"» (цит. по стенограмме — ЦГАЛИ, ф. 2030, оп. 1, ед. хр. 129, л. 7).

Среди писем Вишневского к Таирову сохранились два листка, датированные 16 мая 1944 г., со следующим текстом:

«*„Ребята возвращаются домой"*. Героическая комедия в трех актах.

Тема: Победа. Москва объявляет о конце войны. Моряки и армейцы возвращаются домой. Прощания с друзьями... Приключение в пути (сюжетный драматический узел). Мысли народа о войне; итоги и перспективы. Новые строительства СССР. Место России в мире. Анекдоты войны. Qui pro quo. Встреча мужей и жен; женихи и невесты.

С кем и с чем хотят рассчитаться фронтовики... и т. д. Финал. Пьеса насквозь музыкальная — песни, ритмы войны. Танцы моряков, армейцев и т. д.— Вся пьеса очень динамична, *бравурна*... Местами будут знакомые персонажи из пьес Камерного театра» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 802, лл. 9—10).

В письме Вишневского к Таирову от 11 июля 1944 г. есть абзац, явно относящийся к этой теме: «О комедии. Делаю заготовки, выписки. Читаю необходимые классические образцы. *Всю* комедийную линию Камерного театра проштудировал. Сделал *анализ* приемов, форм (будет интересная работа — для будущего).— Все теперь зависит от обстановки. Нужен месяц-два. Дадут ли писать — или придется идти в Таллин или Гельсингфорс?» Этих двух месяцев у Вишневского не оказалось. Началось успешное наступление наших войск, и замысел комедии остался неосуществленным.

[5] Таиров в письме от 18 ноября 1943 г. усиленно звал Вишневского приехать в Москву: «Я хочу, чтобы, как во времена „Оптимистической", мы вместе переживали минуты и удачных находок, и репетиционного подъема, и выпуска спектакля. Я хочу также, чтобы ты посмотрел генеральную „Моря". Я хочу вообще, поскольку ты, к моей большой радости, вернулся, наконец, снова к драматургии, чтобы ты активно вошел в мою и Камерного театра работу».

[6] См. письма к С. К. Вишневецкой, прим. 5 к п. 2.

* * *

Переписка Вишневского с Таировым продолжалась и в последующие годы. Основные темы его писем 1942—1943 гг.— ленинградская блокада, работа над пьесами «Раскинулось море широко» и «У стен Ленинграда» — находят свое частичное отражение и в письмах 1944 г. Как мы знаем из последнего публикуемого письма 1943 г., Таиров усиленно звал Вишневского приехать в Москву. Несмотря на нежелание, Вишневский вынужден был совершить эту поездку — по вызову, который, очевидно, был «организован» Таировым. В Москве Вишневский пробыл с 11 декабря 1943 г. по 4 марта 1944 г. За это время он много работал с Камерным театром над постановкой «У стен Ленинграда».

В этот период между Вишневским и Таировым возникли некоторые разногласия. Характерна в этом отношении одна из записей дневника от 20 декабря 1943 г.: «Другой режиссер — другие замыслы, решения. Всё же я вижу, что, не пережив блокаду Ленинграда, ему многого не понять». По-видимому, интерпретация пьесы театром Балтфлота была более близка ее автору.

Вернувшись в Ленинград, Вишневский продолжал работать над авторским «вариантом» для Камерного театра. В письме к Таирову от 11 июля 1944 г. он писал: «Над текстом работаю, нужно еще дней 5—7—10. Вышлю (или вручу твоим представителям). Театр будет иметь рукопись до отпуска. Сделай *сильную* экспликацию, *заряди* людей! Эх, что сейчас на Балтике! Огонь и гром. (Утопили за июнь 100 немецких и финских кораблей.)

Считаю нужнейшим *твой*, Богатырева и художников приезд. Расскажу и покажу всё, что можно в два-три дня. Без твоего приезда — многое будет потеряно.

«У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

Афиша премьеры пьесы В. В. Вишневского в театре Краснознаменного Балтийского флота. Ленинград, июль 1944 г.

Литературный музей, Москва

А осенью будет хмуро, дождливо и тебе „некогда"... Приезжай, родной мой!..⟨...⟩ Наш спектакль должен к 7 ноября звучать как:

1) *Образ триумфа России — ее духа, уменья, традиций, силы, хитрости.*

2) *Образ разгрома и морального суда над немцами...* Дай к финалу массовку: ход немцев в плен, понурые, подняты руки... (идут вниз)... и ход русских вверх к победе!

Это, может быть, будет сильно, уместно... Твое мнение?»

Театр продолжал работать над пьесой, внося всё новые и новые поправки. Это, по-видимому, начало вызывать недовольство у Вишневского. По крайней мере, определенное раздражение звучит в его дневниковой записи от 7 августа 1944 г.: «Отказался от навязываемых мне Камерным театром переделок „У стен Ленинграда". Хватит!» (т. IV, стр. 616). 7 ноября спектакль не был поставлен.

В письме от 17 ноября 1944 г. автор высказал ряд серьезных критических замечаний о «варианте», предложенном ему Камерным театром:

«Шлю „вариант Камерного театра". Я считаю, что некоторые существенные детали из пьесы *пропали*. (Меж тем, они по времени ложатся в игру свободно.) Пропали некоторые юмористические и бытовые детали. Вообще как-то текст стал суше. *Задумайся над этим*. Некоторые перемонтировки *удачны*. Принимаю их. Жаль письма, сцены смеха; и финала второго акта. Присяга как концовка — довольно традиционна. (Она у меня была в 1930 году в „Первой Конной" — тоже во втором, кажется, акте...) Ночной бой с автоколонной — *ново и типично* для 1941 года. (Замысел и мизансцены целиком тут *мои*, а не театра КБФ.)

Проверим ряд вещей в работе. Сидеть над текстом два года — я не могу. Нужны репетиции. Желаю успеха!»

В письме от 2 декабря 1944 г. Вишневский развивает эти же мысли и формулирует их более категорично:

«О спектакле... Я напряженно думаю и о нем... В тексте театр, к сожалению, вытравил (почти начисто) матросский юмор, некоторые грубости, солдатскую „соль" и пр. Образ жены обеспложен. У нее начисто отняты малейшие женские признаки... Нет волнения мужа при встрече с женой. Нет одной из самых сильных (в чем я свято

убежден) сцен прощания... С этим мириться *не буду*. Ведь ты же сам говорил своему театру: „Надо играть живого автора"... А живого автора вы режете, порой по неясным мне соображениям. Театр выкинул весь матросский диалог в третьем акте. Я долго бился над ним. Я нашел *предсмертный юмор*. Люди въявь и затаенно мечтают о будущем России. Прикрывают сознание неизбежной гибели юмором. Какой простор для режиссуры и актеров! Все это грубо зачеркнуто и заменено „полит"-диалогами.— К чему? Во имя чего?..

Выхолощен юнга... Тебе могли не нравиться его реплики, его интонации и пр. Но я думал, что *ты* уловишь: Всеволод пишет с натуры своего сына. Да, я его вот так точно посылал на расстрел зимой 1941 года, когда он сорвался. И это выправило его, поскольку он остался жив. Я о войне знаю много. Поверь мне. И этому поверила Балтика, поверил Ленинград, поверила и литературно-театральная Москва.

Есть еще ряд мыслей... О них в следующий раз».

Этого «следующего раза», по-видимому, не было. Вишневский уезжает на фронт, он занят большой литературно-общественной работой (25 августа 1944 г. он был назначен ответственным редактором журнала «Знамя»); записи о работе для Камерного театра почти исчезают со страниц его дневника. Последняя запись на эту тему 17—18 февраля 1945 г. звучит так: «В 10 утра кончил всю работу для Камерного театра. Отправил. Премьеру „У стен Ленинграда" Камерный театр выпустит и без меня» (т. IV, стр. 727).

На премьере, состоявшейся 23 февраля 1945 г., Вишневского не было. Но это не означало разрыва его с Таировым, отказа от старой дружбы. Просто перед ним встали новые, большие и сложные задачи, о которых он очень определенно и выразительно сказал в том же письме от 2 декабря 1944 г.:

«Я часто думаю о тебе... Я делаю все мыслимое в условиях войны и состоянии моих душевных и нервных сил, чтобы быть с тобой и помогать тебе, старому другу, чем я могу. *Но* — в жизни бывают многие и разнообразные „но".

Я думаю: ⟨...⟩ Об определении своей *главной* функции в Москве, в стране. Эта функция: работать во имя интеллигенции, выступать, творить, писать, звать... напоминать интеллигенции *о высших* формах служения идее... Мои наблюдения в Москве, встречи и пр. с огромной силой утвердили меня в моем намерении. Я вижу, как я могу действовать, вижу воздействие своей работы, статей, речей и личного примера. Я сделаю его еще более смелым и совершенным.

Я не узкий профессионал-литератор. И это отлично. Я не смог отдаться „только" кино, „только" театру, „только" прессе, „только" флоту и пр. Я живу сложной, многообразной жизнью. Живу ею много лет — и буду жить».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПЬЕСЫ «РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО»

Эпизод, не вошедший в спектакль и в опубликованный текст *

Корреспондент (*лохматый, в очках, влетает, задыхаясь*). Уф!.. Опоздал! Прибыли? Ну, конечно, катер уже у пирса! (*Налетает на Кедрова.*) Это вы?

Кедров. Думаю, что я. Лейтенант Кедров.

Корреспондент (*в бешеном темпе*). Здравствуйте, тов. Кедров. Николаевский, специальный корреспондент. «Мих. Николаевский». Конечно, читали... Поздравляю вас, дорогой! Прошу вас быстренько суть операции, что-нибудь героическое. Какой-нибудь боевой эпизод, яркий, вкусный, со стойкостью, показом ненависти, но без шаблона, строк 50 на первую полосу... У меня провод...

Кедров. Простите, я не совсем понимаю...

Корреспондент. Знаю, всё знаю. Герои не любят рассказывать о своих подвигах. Я вам помогу. Стервятники налетали?

---

* Публикуется по машинописному экземпляру, хранящемуся у А. А. Крона.

Кедров. Послушайте, что вы от меня хотите? Тут какое-то недоразумение...

Чижов (*подоспел*). Товарищ Николаевский! «Мих. Николаевский»! Как же, всегда с удовольствием слежу, читаю... Наш классик! Журналист! Сегодня роскошный материал для вашего пера. Как лицо, имевшее прямое отношение к обеспечению успеха операции, могу дать материал (*взял его под локоть*).

Корреспондент. Позвольте, а товарищ Кедров?

Чижов. Ха-ха! Забавный случай. Опечатка. Просто связной катер. Вроде буксира... Отойдемте — многое не подлежит оглашению, но вам, как представителю прессы...

Корреспондент. Именно... Быстрее... 50 строк. Наиболее героическое, запоминающееся. Стервятники налетали?

Чижов. Именно об этом я и хотел рассказать. Грузим боезапас. Когда я руковожу погрузкой — я стратег. Я обязан взвесить всё — характер операции, дальность, автономность, тактико-технические данные кораблей... Малейшая ошибка в обеспечении может грозить провалом.

Корреспондент. Блестящая формулировка (*записывает*).

Чижов. Итак — погрузка. Вдруг — со стороны солнца выскакивает из облаков группа пикирующих стервятников, юнкерсы!

Корреспондент. И много?

Чижов. Юнкерсов? Восемьдесят восемь. Или восемьдесят семь, не хочу соврать. Летит серия бомб. Бац, бац. Взрывы! Сотни осколков. Но я абсолютно спокоен, мое спокойствие заражает окружающих. Один огромный осколок пролетает в каком-нибудь сантиметре от моей головы и трах — врезается в десятикилограммовую жестянку. Бум! всё вдребезги, кругом валяются куски мяса...

Корреспондент. В жестянке был динамит?

Чижов. Хуже! Мясные консервы! Я успеваю составить акт — как образцовый хозяйственник — и ровно в шесть ноль-ноль катера выходят в море...

Корреспондент. Блестяще! Выходят в море, и... и — дальше? Вы в центре событий?

Чижов. Безусловно, всегда... Вы отметьте этот случай. (*В отдалении команда* «Смирно»!) Прошу прощения. Дела службы.

Корреспондент. Какая колоритная фигура! Настоящий морской волк! Какие люди! Нет, мы не знаем наших людей!

(*Оркестр играет туш, на пирс летят бросательные концы.*)

ЕЛЕНА ВЕЧТОМОВА

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКИХ БЛОКАДНЫХ ЗАПИСЕЙ

1943 — 1944 гг.

1943 г.
18 января. Понедельник.

В 4 часа 30 минут утра, только легла спать — стук в дверь. Илья Груздев: «Елена Андреевна! Блокада прорвана! Нас зовут на радио!»

Вскочила. Разбудила своих. В шинели, без кителя, почему-то с тремя рукавицами в кармане и, как потом обнаружилось, без чулок, в валенках — бросилась на улицу. Ночь светлая, снежная.

— Сегодня без пропусков. Как пасхальная ночь!

Мы обнялись, поздравили друг друга. Подошел Борис Четвериков. На Итальянском мостике нас остановил патруль. Проверил документы. Тоже поздравил.

Блокада прорвана! На радио всех пропускали в студию. Бледные, осунувшиеся, сияющие лица. Целуемся с Олей Берггольц, Борей Лихаревым, Бабушкиным. Из репродукторов — то лозунги, то песни, то музыка — без передышки, то выступления писателей, бойцов.

Надо делать то, что для тебя самое естественное,— у микрофона набросала 12 строчек, прочла:

Друг, товарищ мой за Ленинградом,
Ты мой голос слышал за кольцом.
Дай мне руку. Прорвана блокада.
Сердце к сердцу — посмотри в лицо!

Кровь друзей, взывавшая к отмщенью,
На полотнах полковых знамен.
Но вовек убийцам нет прощенья.
Прорвана блокада. Мы идем.

Друг, теперь мы вместе наступаем.
Никогда не повернем назад.
Мой сынишка — ленинградец — спит, не зная,
Как сегодня счастлив Ленинград!

Выступали очень волнуясь. Груздев не мог удержаться от слез. Да и не он один. В студии топилась печка. Музредакторы подкидывали в нее полешки. Мы, приплясывая, ходили по глухим коврам и то и дело принимались обниматься: «Дожили! Не зря всё было!» Да, не зря.

В кабинет Широкова подходили всё новые писатели, раненые бойцы, инженеры, музыканты. Выступив, оставались в студии, слушали товарищей.

Как корреспондент сразу получила задание ехать на передаточный пункт и сделать очерк о бойцах, раненных на прорыве.

Ширина прорыва всего 14 километров, а мир открылся необозримый.

В осажденном городе оставалось всего 40 писателей. Не было электроэнергии, зимой 41-го даже не выходили газеты — мы работали на радио, читали в госпиталях, в воинских частях. Не ходили трамваи — мы ходили пешком многие километры. И не теряли чувства юмора. Родилась поговорка, когда был пущен первый трамвай: «Если есть время — поезжай на трамвае, если нет — иди пешком». Из-за тревог трамваи то и дело останавливались, едущих отправляли в бомбоубежище. Пешком же мы, невзирая на бомбежки и артобстрелы, а главное на бдительность милиционеров, ухитрялись пробираться через проходные дворы и развалины.

В оледеневшем Доме писателя даже в первую черную блокадную зиму проводили устные альманахи, обсуждали новые рукописи. Хмельницкий поразил всех нас, ведя альманах, как в мирное время, в костюме, а стены-то были покрыты инеем.

На столиках возле дверей закрытых магазинов продавали книги. У меня однотомник Маяковского с обгорелыми страницами — его спасли при пожаре Печатного двора.

...У ленинградцев раскрываются скрытые душевные силы. Переводчица А. Курошева, оказывается, пишет стихи. И какие сильные! И знают эти стихи только немногие.

...Когда вернулась домой, позвонил П. В. Шевцов — командир минзага «Марти», историю которого Юра * не успел закончить и Пубалт по настоянию Вишневского поручил дописать мне. Шевцов слушал нашу передачу.

Невероятная концентрация воли на одной мысли: «Победить!» Мы вспомнили с Шевцовым краснофлотца Хусаинова. Он был убит во время боя. Ему переломило позвоночник. Но когда прозвучала новая тревога, Хусаинов начал подниматься с палубы. Это сильнее, чем «Мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед»!

У каждого из нас «нагрузки» удесятеренные. У меня: Пубалт, радио, история ремесленного училища, Горком писателей, бюро пропаганды СП.

25 декабря зашла в комнату писательской группы в Пубалте. Л. Успенский даже в форме имеет домашний, штатский вид. Показывал свои «карманные вещи»: портсигар — громадный металлический сундучок — и зажигалку-магнето. Часы у него идут по уральскому времени, где живет сейчас его семья. Шофер привез откуда-то две маленькие елки — одну группа подарила мне для Сережки.

3 января в Доме писателя устроили елку для наших ребятишек. Всего-то неэвакуированных 10—12 человек. Тихие. Но Е. В. Дружинина их развеселила. Елка — дело ее рук.

Устраиваем творческие отчеты. Б. Тимофеев читал свою поэму, В. Дружинин «отчитывался» два вечера. Гас свет — продолжали в темноте. Опять загорелось. Чудесные стихи прочла Н. Крандиевская! В гостиной сложена плитка. Мы вокруг — в шубах, тулупах, шинелях.

Ночь 18 января нельзя забыть. Несмолкающее радио. Взволнованные ленинградцы на улицах, светлых от луны. Сейчас только писать и писать. Не только об Армии и Флоте, а и о людях самого мирного труда, не прекращавших работы в нашем городе. Как только они выходят из положения! Нас всех в Литфонде лечит гинеколог Р. М. Беккер — и мужчин, и женщин, и детей. К счастью, она в прошлом — земский врач, значит — универсал. Под любым обстрелом приходит, похожая в профиль на Данте,

* Юрий Инге (о нем см. на стр. 597—602 настоящ. книги).

всегда с добрым словом. Не знаю, что лучше помогает: ее отношение или лекарства. У самой сломана рука. Все равно ходит — лечит.

Обыкновенные люди, не имеющие никакой специальности, помогают Ленинграду. Мама с соседками по дому организовала санитарный пункт и дежурит в нем.

Кроме военных госпиталей, работают гражданские стационары — вырывают людей у смерти, спасают раненых на улицах, в домах, в детских садах. Работают школы, даже ателье мод на Невском 12, даже детская балетная группа Обранта.

После первой зимы важно было вернуть людей к жизни, вдохнуть в них бодрость, помочь приобрести достойный вид, ведь мы прожили зиму без отопления, почти без воды, почти без еды. Проблемой являлось даже сохранение в должном виде одежды, уборка жилища, баня. И все же город уберегли от инфекций. Не было никаких эпидемий. Девушки ПВО, дружинники, управхозы, работники госпиталей следили за санитарным порядком.

Фадеев, как увидел писателей, так сразу скомандовал: «Ордера! Ордера всем! Нужно одеться...»

Директор 15-го ремесленного училища В. И. Анашкин спросил мастера Самарина: «Что лучше действует на ослабевшего человека — слезы или песни?» И сам ответил: «Песни!»

Дело было в феврале 1942 года.

Опухшие лица, замедленные движения обоих разговаривавших. Двор, заваленный черным снегом. И тем не менее это было предчувствие перелома. В начале войны большинство ремесленных училищ было эвакуировано. Те, что остались, переносят все испытания, выпавшие городу-фронту.

В училище фантастическая жизнь. Похожие на тени люди сходились на... репетиции. И странное дело — с каждым днем дело шло живее. Ребята глядели веселее, хотя паек оставался прежним. И 23 февраля постовые милиционеры были поражены необычайным зрелищем. Ремесленники с песнями «маршировали» в училище. Не было на них ни дистрофических шарфов, ни платков, намотанных на головы. Чистые полосочки белых воротничков окружали тонкие шеи. Ребята были аккуратно подстрижены. Они шли строем и пели. Пели! Это было настолько диковинно, что милиционеры козыряли им.

В столовой играл оркестр. Официантки в белых наколках подавали микроскопические порции праздничного обеда из трех блюд.

С этого дня училище стало набирать темпы, восстанавливать цеха, работать.

Примерно тогда же — зимой 1941/42 года — командир лыжного отряда Обрант получил боевое задание:

— Вы балетмейстер? — спросил его начальник политотдела,— придется вспомнить об этом. Необходимо срочно организовать агитвзвод.

В Ленинград Обрант прибыл ночью. Город казался вымершим. Но именно тут нужно было найти людей, которые бы играли, пели, танцевали. Обрант пошел во Дворец пионеров, хотя знал, что Дворец «законсервирован». Осталась же там горсточка охраняющих его людей!

Друзья встретили командира возле печурки так, будто все было по-старому, когда он работал здесь. Они проговорили всю ночь. Спокойные, чудесные люди — исхудалые, в серых ватниках — мечтали о том времени, ради которого можно вынести всё. Выслушав, зачем приехал Обрант, балетмейстер Варшавская сказала твердо:

Е. А. ВЕЧТОМОВА
Фотография. Ленинград, 1943
Собрание Е. А. Вечтомовой, Ленинград

— Танцевать будут наши дети!

Утром педагоги отправились на поиски тех, кто не был эвакуирован. Ребят привезли на санках, так они были слабы. Приглашенные из госпиталя, расположенного во Дворце, врачи только покачали головами. Но командование приняло детей воспитанниками в часть и отправило в стационар. Там они быстро окрепли. А педагоги засели за составление учебной программы. Вера Мефодьева, Валя Штейн, Феликс Морель стали членами агитвзвода. Работая в армии, они продолжали учиться. Жили в поселке Рыбацком. Отсюда их прозвище «рыбачата». Какую нравственную силу нужно иметь, какую неколебимую веру в нужность своего дела, чтобы сотворить такое чудо!

Фабрика горела уже второй раз. Фашистские самолеты никак не хотели оставить ее в покое. Зажигательные бомбы так и сыпались на фабричные корпуса. А совсем рядом раскинулся веселый рабочий городок. Деревянные коттеджи с палисадниками вот-вот могли вспыхнуть, как спичечные коробки.

Не успела дежурная пожарная охрана занять свои места, как фашисты начали ураганный обстрел.

Из барака, расположенного в стороне, уже бежали бойцы комсомольского полка. Тоненький, как тростинка, политрук Авербах кричал:

— Не терять хладнокровия! Занимайте крыши!

По воздуху летали горящие клочки хлопка. Огонь подбирался к складам сырья. Грозил сжечь весь городок.

Бойцы рассыпались по улице. Живо карабкались они на крыши и устанавливали живые цепи, чтобы передавать ведра с водой. Работала совсем зеленая молодежь — школьники, ремесленники.

Катя Волгина одна из последних выбежала из барака. Она читала учебник ботаники, сидя возле времянки, когда началась тревога. Бро-

сила книгу, торопливо одеваясь на ходу, оглянулась — не забыть бы что нужное. В углу на стене, украшенная большим голубым бантом, висела гитара. Новые туфли валялись под столом. «Эх, не убрала!» — подумала Катя, но задерживаться было некогда, она махнула рукой: «Потом!»

Выбежав в темноту улицы, она сразу услышала голос Авербаха и кинулась к ближайшему дому занимать место в цепи. Тем, кто работал внизу, было полегче, тем, кто стоял выше, приходилось жарко. Волгина подняла полное ведро воды и, передавая его дальше, увидела, что тонкие ноги ее соседки дымятся. Чулки вот-вот затлеют от близости огня. Она плеснула водой на эти тоненькие ноги и передала ведро.

Становилось всё жарче.

Горящий хлопок ловили, затаптывали, заливали. На каждой крыше тушили по пять-шесть загораний. Жители городка были эвакуированы. Их имущество надо было спасти во что бы то ни стало.

— Девушки! Что делается! — крикнула Васильева и даже замерла на секунду. Огонь перекинулся к комсомольскому бараку. Там не оставалось никого. И туда никто из них не мог пойти. Пойти — значит бросить свое место.

— Волгина! Там наше всё...

— Ясно всё. Ну, значит, пускай. Мне гитару жалко,— крикнула она и вдруг вспомнила туфли — новенькие, серые с белой отделкой на граненом каблучке. Ей захотелось заплакать. Чудесные туфли, о которых она так мечтала и наконец купила. — «А чёрт с ними!» — подумала она и, чувствуя, что кофточка на ней самой начинает дымиться, оттолкнула выбившуюся из сил соседку и заняла ее место.

Острая молния вырвалась из окна барака. Видимо, пламя уже давно бродило и бушевало внутри и теперь прорвалось через крышу.

Всё было кончено с комсомольским бараком.

Хлопок падал на крыши всё реже. Пожарные команды отстояли фабрику и городок. Он стоял неповрежденный, но весь в черных следах копоти, сажи, в потеках воды.

Снаряды ложились рядом. Политрук Авербах, всегда такой чистый и щеголеватый, проходил по улице весь перемазанный гарью, в разорванной гимнастерке.

По одному бойцы присоединились к нему.

Вот и все собрались вместе. Деревянный городок стоял невредимым. Помятые палисадники пахли мокрой осенней землей. Можно было жить, отдыхать, работать. Обстрел кончился. И в утренней тишине дышалось легко.

— На покой? — пошутил Авербах, обращаясь к девушкам.

— А куда?

Возвращаться было некуда, и бойцы двинулись к фабрике.

Бомба прошла перекрытие и повредила трубы центрального отопления. Вода хлынула в знаменитое ателье на Невском 12. Она прибывала, заливая склад и закройный цех. До сих пор здесь был только магазин. Полированное дерево панелей, алебастровые плафоны отражались в воде, заполнившей помещение.

Склад и цех прежде находились в Гостином дворе. После пожара работницы на себе перетащили сюда тюки с товаром. Здесь их настигла вода.

Уже погружались в мутные потоки тяжелые тюки золотистого трикотажа. Раскроенные заготовки, точно осыпавшиеся лепестки, плавали в воде. Будущие платья распадались на составные части. Труд последних дней уничтожался разом.

Мария Михайловна Школова, директор комбината, и Наталья Викторовна Воскресенская, завмаг, дежурили в это время на вышке. Получив донесение об аварии, они бросились вниз.

Всю ночь, пока завхоз Фролов чинил лопнувшие трубы, они вместе с работницей магазина Фраг вытаскивали из склада тяжелый намокший трикотаж, спасали то, что еще не было тронуто водой.

Осторожно, оледеневшими пальцами женщины отжимали раскройки. И утром, после бессонной ночи, пряча сведенные судорогой руки в карманах пальто, Наталья Викторовна встречала работниц:

— Выше голову, не падать духом!

А Мария Михайловна на себе потащила мокрые тюки домой. Маленькая ее квартирка стала прачечной. На длинных веревках сохли полотнища трикотажа, отмытые бережно, так, чтобы, боже упаси, не соскочила ни одна петля. Все было сохранено.

— Пятно на материи можно вывести, след на сердце — никогда,— сказала старая кассирша, покачав головой.

Все суровее становилась обстановка в городе. Сырья ждать было неоткуда.

Можно было, сославшись на отсутствие руководства из главка, просто закрыть ателье, но люди продолжали работу.

Выбыло из строя центральное отопление. Погасло электричество. Воскресенская пододвинула к самой двери два столика для продавщицы и кассира. И при неясном свете короткого зимнего дня продолжалась работа.

Шить в оледеневших цехах стало невозможно. Теперь квартира Марии Михайловны превратилась в закройный цех. Старейший модельер Елизавета Ивановна Стулова орудовала тут, став закройщицей. Портнихи работали у себя дома, при коптилках. Неиссякаемая жизненная сила двигала усталыми, исхудавшими людьми.

Остановились трамваи. Люди впрягались в санки, не желая сдаваться. Не желая уходить с постов под бомбежкой и обстрелами. Перетаскивали печки в свой закройный цех, а Мария Михайловна на санках перевозила капризные закруточные машины. Возили трикотаж с «Красного знамени».

Первоклассная вышивальщица — художник Кошутина почувствовала, что слепнет. Она ощупью добралась до квартиры на Суворовском проспекте, постучала опухшей рукой в дверь Школовой.

— Что делать?

— Придумаем, придумаем,— волнуясь убеждала ее Мария Михайловна. Эта маленькая женщина, коммунистка и ленинградка, верила, что выход всегда найдется. Надо только сильно захотеть.

Кошутину положили в стационар, пригласили врачей. Зрение было восстановлено.

Весной Мария Михайловна писала своей эвакуированной дочери: «Милая Белка! У нас все хорошо».

Как ей хотелось, чтобы дочь знала всё, но она стискивала зубы, и жесткая складка появлялась возле ее губ. «Нас хотели закрыть, но мы теперь расширяем производство. Вот приедешь и увидишь!» Она задумалась, глядя на потухающие угли во времянке. «Карточку свою я тебе пришлю в другой раз».

Косматый иней затянул все помещение.

— Никогда не думала, что стены цеха будут у нас покрыты плюшем,— шутила Стулова, принимая заказы у мастериц.

Первого мая 42 года сняли деревянную обшивку с витрин ателье Солнце хлынуло в окно, согревая безупречно белые стены, ряды платьев на деревянных «плечиках». Платья висят недолго. Их не успевают прино-

сить. Скромные фасоны разнообразны. Весной женщины хотят надеть свежие платья даже под обстрелом.

Как танкисты, чинящие танк под огнем, работницы ателье отстояли свое жизнерадостное мастерство. Они вступили во вторую блокадную зиму во всеоружии, отопили цеха. У них горит электрический свет. Они не сдаются.

В Ленинграде работает несколько театров, филармония, эстрада. Я была на концерте А. С. Егоровой. Нельзя не написать о ней.

Взобравшись на грузовик, расстегнув ворот шубки, Александра Степановна пела перед бойцами. Было так тихо, что осыпавшийся с ветки снег зашуршал слышно для всех по твердому тонкому насту. Ее не хотели отпускать. А утром, проснувшись дома в Ленинграде, Егорова не могла произнести ни слова. Ее голос помнили в воинской части, а голоса уже не было.

Два месяца должна была она молчать по настоянию врачей. Но наконец она снова на сцене. В холодных аудиториях, где бледные опухшие люди в тулупах, шубах, в валенках сидели, не снимая рукавиц, и где пар от дыхания возносился к эстраде.

Маленькая женщина-скрипачка, с потемневшими от холода руками, подымала смычок, и легкая, дерзкая музыка Сарасате взлетала, раздвигая ледяные стены зала камерной музыки. Она играла, и ленинградцы забывали о голоде, холоде и бомбежке.

Егорова пудрила руки, чтобы не видели их багровый от холода цвет в зале. Пар вылетал и из ее губ. Двигаться было трудно. Но об этом знала только она сама. Звенел ее голос. И люди улыбались, слушая, глядя на высокую тонкую женщину в черном вечернем платье с ослепительно белой отделкой. Им становилось легче.

...Когда корреспондент военной газеты спросил Александру Степановну, в какой боевой обстановке ей приходилось работать, она ответила:

— Это насчет того, как я «ползала под обстрелом»? В этом роде? А я никуда не ползала. Не вырывалась из окружения. Я этого не умею. Я — актриса.

И машинально выключила радио, передававшее сигнал воздушной тревоги. Натянула перчатки и вышла на улицу. Дисциплинированный и точный человек, она ни разу не опоздала на работу, не отложила концерта.

Вместе с нею выступает композитор Вера Арманд. Однажды они были у моряков в госпитале. Капитан третьего ранга, как бы извиняясь, спросил: «Вы не обидитесь? Вы можете спеть только для одного человека? У него менингит. Опасная апатия после ранения, и врачи говорят, что надо попробовать...»

Окончив свой концерт в зале, Егорова читала и пела для одного. Равнодушное лицо больного едва заметно оживилось. Потом улыбка тронула губы. Он рассмеялся.

Поправившись, он называл эту встречу живою водой.

---

30 лет тому назад хирург Оглоблина — ученица выдающихся мастеров, великолепный диагност, воспитавшая сотни врачей,— окончила институт. С первой тревогой она осталась ночевать в больнице имени Эрисмана и несколько месяцев не выходила оттуда. Сломленная переутомлением, она слегла там же. Едва поправившись, снова заняла свое место в операционной.

«ЛЕНИНГРАД»,
1942, № 7
Обложка журнала.
Рисунок А. Ф. Пахомова.

Одна из первых бомб в тонну весом упала на территорию больницы и не разорвалась. Все глубже уходила она в топкую землю. Понадобилось вырыть огромную воронку, «оперировать» почву, подвести под застрявшее в ней инородное тело, грозящее смертью и разрушением, полозья, чтобы наконец извлечь. Эта операция потребовала нескольких суток работы.

Теперь над этим местом разведен огород.

Оглоблина не извлекала бомбу. Она была у операционного стола. В операционной вылетели все стекла. Трижды бомбы и снаряды разрушали корпуса, в которых работала Зинаида Васильевна. Стекла заменяли фанерой, позже — камнем. Разбита одна операционная, погибли драгоценные инструменты и аппаратура, препараты — оборудовали другую. Разбита и эта. Хирурги переходят в третью. Тем временем восстанавливают первую, но когда Оглоблина собирается перебраться туда, — снаряд разворачивает эту операционную. Работа хирургов не прекращается ни на день. Раненых на носилках выносят из-под обстрела.

Ампутации, резекции, извлечение осколков, полосные операции, и каждая в таких условиях — борьба хирурга со смертью.

Как-то после обстрела в больницу доставили раненого мальчика. Это оказался сын одного работника нашего полпредства за границей. Мальчик находился в Роттердаме, когда фашисты зверски разбомбили этот город. По дороге на родину его преследовали обстрелы и бомбежки, как будто враг охотился за ним и настиг в Ленинграде. Мальчика спасла Оглоблина.

Другой мальчик-ленинградец был ранен осколком на лестнице по дороге в бомбоубежище. Матери его не было дома. Она прибежала в больницу после того, как Оглоблина оперировала его, и жизнь его была вне опасности. Но он волновался:

— Мама, а как же карточки? Я не взял их с собой, и их разбомбило.

Пришлось сказать, что продуктовые карточки целы.

Тонкие, спокойные, прекрасные руки. Их спокойствие почти невероятно. Люди учатся дышать ровно во что бы то ни стало, владеть своими движениями, подчинять воле любое волнение.

1944 г.
15 января

Честно говоря, ленинградцы не могли себе представить этот день ясно. Разом начался шквальный огонь и не прекращался больше двух часов. Перерыв и — дальше гремел целый день. Взято Красное Село и пошло... пошло...

Когда радио передавало приказ о том, что снята блокада, мы с Сережкой шли из детского сада. Свернули на Невский, заторопились к Дворцовой площади. Кругом спешил народ. Группы всё увеличивались. Но как они малы по сравнению с мирным временем. Как мало осталось нас в Ленинграде!

Едва мы вышли на площадь, как грохнул первый залп салюта и разом все небо осветилось разноцветными звездами. Сережка притих от восторга. Мы стояли между пушкой и шутихой, из которой летели золотые искры. Сергей только спросил:

— А что это воет, точно снаряд?

Как снаряды воют, он знает. Он ошеломлен. Очарован. Ленинград светлый, сверкающий, дымный, весь в звездах.

— Если такие большие звезды не держатся на небе, значит маленькие уж наверное упадут?

Мы стояли среди праздничного города, там где столько раз бывали с Юрием.

...В Москве вышла Юрина книга «Вахтенный журнал» — избранное. Бережно отредактировал ее Зенкевич. Спасибо ему. Телеграмма от Фадеева: «Милая Лена поздравляю победой Ленинграда. Юрина книга вышла хорошей».

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА

ИЗ ПИСЬМА К КОСТАСУ КОРСАКАСУ*

Публикация К. Довейки

Литературная деятельность и жизнь почти всех литовских советских писателей в дни войны были тесно связаны с литовским соединением Советской Армии — 16 Литовской стрелковой дивизией. Она начала формироваться в декабре 1941 г. на берегу Волги, в Балахне. Осенью 1942 г. дивизия была направлена на фронт под Тулой, а в феврале 1943 г. вступила в тяжелые бои с врагом под Орлом.

В первые же недели формирования литовского соединения в его солдатскую жизнь активно включились литовские писатели: Й. Марцинкявичюс, Л. Гира, А. Венцлова, К. Корсакас и др. Более двух лет в редакции дивизионной газеты «Už Tarybų Lietuvą» («За Советскую Литву») работал В. Мозурюнас. Писатели А. Венцлова и Э. Межелайтис некоторое время находились в дивизии во время наступательных боев. Почти все литовские писатели не раз бывали у бойцов и офицеров литовской дивизии на фронте, в госпиталях, часто проводили для них литературные вечера.

Фронтовые впечатления и переживания А. Венцловы нашли отражение в его книге очерков «Из военного блокнота» (М., 1943). В годы войны в Москве вышли также сборники его стихотворений «Зов родины» (1943), «Родное небо» (1944), сборник рассказов «Дорога в Литву» (1942) и др.

Центральный фронт, 20.III 1943

Пишу тебе, находясь в двух километрах от переднего края. День 17 марта я провел на самой передовой. Под сильным огнем минометов, тяжелой артиллерии (155 мм) и шестиствольных минометов. На глазах у меня погибали люди, падали раненые. Никто из писателей никогда не поймет, что такое настоящий фронт, не побывав там лично. Не буду писать тебе о боях нашей дивизии — для этого потребовалось бы очень много времени и бумаги. Во-вторых, об этом тебе, может быть, подробнее расскажут вернувшиеся товарищи. Я видел людей перед самым боем, во время боя и после боя, раненых, мертвых. Я видел смерть вблизи и должен сказать, что она совсем не так страшна, когда ты с ней находишься рядом, как с сестрой. Будет о чем рассказать, когда встретимся. Я решил остаться здесь на более продолжительное время, ибо рядом с этими героями, с которыми я теперь живу, повседневная наша жизнь мне показалась поблекнувшей и неинтересной. Я почувствовал, что моя обязанность сейчас быть среди этих людей, и я остаюсь — хотя бы до тех пор, пока пройдет самый тяжелый момент. Война — это великая, трудная и страшная работа. Настоящий смысл этих слов можно понять только здесь. Я думаю, что эта поездка для меня как писателя окажется неоценимой. Передо мной открылась новая жизнь — героическая и жестокая, великая и грязная, свер-

* Перевод с литовского.

А. Г. ВЕНЦЛОВА (слева) БЕСЕДУЕТ С БОЙЦАМИ 16 ЛИТОВСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
Фотография Х. Левинаса. Центральный фронт, март 1943 г.
Собрание Х. Левинаса. Вильнюс

кающая и облитая кровью. Разрушенные села, кучи трупов в снегу, обрубленные снарядом деревья, минные поля, траншеи, сон два часа в сутки — где попало: на полу, на кровати, на земле или в машине — вот та жизнь, которую, не преувеличивая, я веду, и чувствую себя лучше чем когда-либо, несмотря на весь трагизм событий.

Нашим товарищам писателям необходимо всем побывать ближе к фронту ⟨...⟩ Надо теперь ехать в госпитали, передать нашим бойцам книги — мне кажется сейчас им нужно читать меньше о ненависти и мести, больше веселых и лирических вещей. Надо с собой взять даже Майрониса [1], Путинаса [2], «Vainikaig» («Венки»)[3], раньше изданные нами произведения о Литве, о нашей милой жизни. Это для раненых будет доступно и понятно.

Наш милый Йонас [4] жив и здоров. Вскоре он должен поехать в Москву — он вам о многом расскажет, но, не побывав здесь, все равно нельзя себе представить то, что здесь произошло и происходит. ⟨...⟩

Подлинник письма находится в рукописном фонде Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР.

[1] Майронис (псевдоним Йонаса Мачюлиса, 1862—1932) — поэт, классик литовской литературы.

[2] Винцас Миколайтис-Путинас (род. 1893), выдающийся литовский поэт и беллетрист, автор широко известного романа «В тени алтарей».

[3] Антология новейшей литовской поэзии. Первая книга вышла в 1921 г., вторая — в 1936 г.

[4] Литовский советский писатель Йонас Марцинкявичюс находился в литовской дивизии с начала 1942 г. по 1944 г.

П. А. БЛЯХИН

С НАСТУПАЮЩЕЙ АРМИЕЙ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1943—1944 гг.

Публикация Х. С. Топоровской-Бляхиной

Предисловие Ильи Пекермана*

В январе сорок третьего года я получил из Политуправления фронта краткую записку: «К вам выехал на работу писатель Бляхин. П. А. Бляхин должен писать повесть... Организуйте его деятельность так, чтобы он не был загружен никакой другой работой, кроме работы над повестью...»

До этого мне не доводилось встречаться с Павлом Андреевичем, и я знал о нем только по его произведениям. Но для меня, в прошлом питерского комсомольца, имя автора «Красных дьяволят» было овеяно незабываемой романтикой революции...

Бляхин прибыл в небольшую деревушку Володьково, что вблизи тульского городка Белева, где тогда находилась редакция нашей армейской газеты «Боевой призыв». В коллектив он вошел как-то сразу: через неделю уже казалось, что он у нас давно, с самого начала. Узнали о нем быстро и наши читатели. Они, правда, не догадывались, что «Дед Панас — сто глаз», автор веселых раёшников в армейской газете, и седой майор, который так часто бывает у них в окопах,— одно и то же лицо. На имя «Деда Панаса» стало приходить всё больше и больше писем.

Ну, а как же повесть? Ведь я имел прямое указание «не загружать его никакой другой работой...» А он сам по горло влез в эту «другую работу» — писал раёшники, очерки, корреспонденции, собирал у военкоров заметки, «голосовал» на дорогах, в редкие минуты отдыха спал на полу в землянке, укрывшись плащ-палаткой. Иначе говоря, вел жизнь фронтового газетчика, показывая молодым журналистам пример неистощимой энергии и выносливости.

Когда однажды я сказал Бляхину, что мы собираемся его разгрузить, Павел Андреевич с несвойственной ему резкостью ответил:

— Лучших условий для сбора материалов я себе и не мыслил,— и перевел разговор на другую тему.

Павел Андреевич терпеть не мог никаких скидок. Он, как и все, старался заполучить задание поинтересней, а самое интересное задание большей частью бывало и самым трудным. И вот пожилой человек, со здоровьем, подорванным долгими годами подполья, царских тюрем и ссылок, совершает 50-километровый марш с батальоном, идущим с боями к Днепру. Не отдохнув, шлет оттуда одну за другой корреспонденции, в которых с присущей ему наблюдательностью рассказывает о настроениях солдат, рвущихся быстрее форсировать могучую реку.

На фронте наш коллектив праздновал сорокалетие пребывания Бляхина в партии. В гости приехали командующий армией генерал П. А. Белов, член Военного Совета генерал Д. Г. Дубровский, начальник политотдела полковник К. А. Зыков. Они хорошо знали Бляхина и любили его. Мы собрались в большой хате и, затаив дыхание,

* И. М. Пекерман был редактором газеты 61 армии «Боевой призыв».

слушали рассказ Павла Андреевича о революционном движении, о партии, о встречах с Лениным, о бакинском подполье, о первых маевках.

Затем командующий армией огласил приказ о награждении Бляхина орденом, обнял, расцеловал его и тут же вручил награду.

Павел Андреевич был постоянным докладчиком на наших собраниях. Богатейший опыт партийного пропагандиста, прекрасное владение ораторским искусством делали его доклады всегда интересными и зажигательными.

В Прибалтике, а это уже был декабрь 1944 г., Павел Андреевич стал сильно прихварывать. С трудом мы уговорили его отправиться в Москву подлечиться. Тяжело было расставаться с Бляхиным. Мы уже как-то и не мыслили себе нашу газету без Павла Андреевича.

Очевидно, и Павел Андреевич по-настоящему привязался к своим товарищам по газете. Узнав о том, что по решению врачебной комиссии он подлежит увольнению, Бляхин написал нам теплое, прочувствованное письмо. «Расстаюсь с вами, со славным коллективом большевиков-журналистов, с глубоким сожалением, с грустью, как с родной семьей,— писал он.— Ведь два года нашего совместного служения Родине в дни Отечественной войны — целая полоса жизни... Желаю вам всяческих удач и нести знамя большевистской фронтовой печати так же высоко, как до сих пор».

Навсегда у нас сохранились не только теплые воспоминания, но и чувство гордости, что в тяжелые дни боев под Орлом, Черниговом, на Днепре, в Пинских болотах, в Прибалтике — с нами был обаятельный Павел Андреевич Бляхин, старый большевик-ленинец.

П. А. Бляхин (1886—1961) начал свой военный путь в июле 1941 г. рядовым бойцом 8 Краснопресненской дивизии народного ополчения Москвы. Закончил он его уже майором, в Прибалтике, в декабре 1944 г. Его записные книжки охватывают почти полностью эти три с половиной года: первая запись в них помечена 15 сентября 1941 г., последняя —10 декабря 1944 г.

Для настоящей публикации отобраны записи с 6 июля 1943 г. (начало битвы на Курско-Орловской дуге) по 1 августа 1944 г., когда 61 армия, в газете которой работал П. А. Бляхин, вела наступательные бои в западных областях Белоруссии.

Записи печатаются по тексту записной книжки 1943—1944 гг., хранящейся у вдовы писателя Х. С. Топоровской-Бляхиной. Часть записей дается в сокращении.

6 июля 43 г. Утро. В этот день дрогнуло сердце. Вбегает взволнованный, красный старший лейтенант Панкратов.

— Слыхали?

— Нет.

— Вчера на Орловско-Курском направлении немцы начали наступление! Подбито 580 танков и 208 самолетов...

— Что? Наших?..

— Да нет, немецких! Кое-где им удалось продвинуться вперед на полкилометра.

У меня сразу отлегло от сердца.

Сегодня ждем с нетерпением последних известий.

Последняя (решающая) страница истории открыта! Истории Отечественной войны... Это третье немецкое наступление должно быть и будет последним!

Начались бои и на участке *соседней* армии. Скоро и мы в бой! Предчувствую грандиозные битвы, кровавые дни. Скорей бы!

Как странно: ни тени страха — ни за судьбы войны, ни за собственную жизнь! В сознание вросла мысль, что я еще вернусь в Москву и выполню свою давнюю мечту — напишу мемуары «Сорок лет моей жизни»...

Не надеюсь что-нибудь значительное написать о войне. Думаю, что Шолохов и другие напишут лучше, и вернее всего, что и писать много не буду. ⟨...⟩

П. А. БЛЯХИН
Фотография, 1944 г.
Собрание Х. С. Топоровской-Бляхиной, Москва

23 июля. Араны.

Ранним утром меня поднимают с постели: «Редактор приказал немедленно мчаться в Болхов. Он уже взят. Привезите материал о занятии города, о встрече с населением и пр.».

Едем на своей «Антилопе-Гну» вдвоем с Анисимовым [1]. Гоним машину. Хочется попасть на свежий след.

По дороге следы боев. По бокам исковерканные машины, кое-где танки и словно взлохмаченные бурей хлеба... Во ржи шли бои. Поля пересечены тропами. Смятая рожь. Во ржи трупы немцев. Вот лежат двое, схватив друг друга за горло,— русский и немец. Но чья-то третья пуля скосила обоих. Всюду валяются патроны, бинты, поломанные винтовки, снаряды.

Несемся прямо в город, но... за километр от него нас останавливает патруль.

— Куда?

— В Болхов!

— Рано, город еще не взят, и там идут бои. Наши только окраины. Видите, вон у той церкви?

Оставляем машину в деревне. Я иду пешком к церкви со связным. В городе идет перестрелка. У самой церкви пришлось пробираться перебежками, кое-где ползком. Весело свистят пули.

Штаб полка в полуразрушенном доме. Полковник удивлен появлением писателя, но все же помог поговорить с бойцами и несколькими бежав-

шими из города жителями. Быстро собрал материал. Установил, что был момент, когда наши отряды прошли город из конца в конец, но в этот момент у нас было мало бойцов. Немцы опомнились, подбросили резерв и снова выбили наших из города. Удалось «зацепиться» только за окраину.

Еду обратно страшно разочарованный. Ложные слухи! Приезжаю, докладываю редактору о положении дел. Он не верит.

— Не может этого быть. Вот наша газета.

Показывает номер за 22 июля с красным аншлагом: «Над Болховом вновь развевается красное знамя»...

— Нет,— говорю, — не развевается. Мы заняли город преждевременно.

— Но нам же сам командующий подтвердил. И вот сводка Информбюро...

Словом — мировой скандал! В газете огромная статья о подробностях взятия города, а он еще у немцев. Но, к счастью, и «Правда» и все центральные газеты тоже напечатали.

На второй день я наблюдал яростный разговор командира полка, который говорил комбатам и командирам рот, потрясая нашей газетой:

— Вы видите? Газета город уже взяла!.. Как же вы подводите! Сегодня же взять!.. взять!

29 июля. Араны.

Снова летим к Болхову. Я, Светцов и Сотников [2], и еще прицепилась к нам Люда, хочет посмотреть бой. Ну, пусть. Ехали очень весело, много хохотали по пустякам. Я был в ударе и смешил всю компанию, а Светцов подхватывал. Прибыли в штаб полка, который наступал на Болхов.

С западной стороны город частично был в наших руках, и бой гремел. Но в тылу на возвышении (левый фланг) деревня в руках немцев.

Оставив Люду в штабе, мы пошли по руслу реки к городу. У самого города батальон накапливался для атаки деревни. Мы остановились с полковником здесь. Начали беседы с отличившимися бойцами. Сотников стал снимать. Стоим под обрывом у реки. Пролетает «рама». Начался обстрел из тяжелых орудий, но снаряды делают перелет.

Я продолжаю разговаривать с бойцами и полковником (из дивизии приехал форсировать захват города). Снаряды с ужасающим грохотом рвутся метрах на 100—150 от обрыва, в поле. Поднимаются черные фонтаны земли. Нас осыпает песком. Сотников бледнеет, но трясущимися руками щелкает своим аппаратом. Посерел и Светцов. Снаряды рвутся всё ближе. Ясно, что враг нащупывает нас (батальон). Вот снаряд разрывается так близко, что даже полковник в испуге присел на четвереньки, а все прочие брыкнулись с ног. Огромный фонтан земли взлетел к небу, и комья и мелкие осколки посыпались на наши головы. Я выдержал экзамен. Как стоял, так и остался стоять с записной книжкой в руках.

— Ого, да вы храбрец! — сказал полковник, неловко поднимаясь на ноги и стряхивая с себя песок.

Эта похвала для меня была высшей наградой...

Но всё же мы решили немедленно отсюда уходить, и батальон тоже должен переместиться. Могли «накрыть» каждую минуту, и тогда от нас останется только месиво. Сотников и Светцов возвращаются в штаб, а я иду с полковником на НП... Кое-где под огнем. Сижу в НП. Вижу, как тяжелые снаряды падают в реку, в том месте, где мы находились минут 15 назад, но... там уже никого не было. Я доволен.

Вечером немецкая артиллерия начала яростно обстреливать НП, но мы сидели в щели, и только прямое попадание могло нас уничтожить.

В стереотрубу вижу, как артиллерия немецкая добивает нашу самоходную пушку. Она стояла замаскированной кустарником. Два прямых попадания. Летят клочья. Как ястреб, кружится «рама», корректируя огонь. Наша артиллерия бешено осыпает снарядами город и расположе-

ние врага... Пошли в атаку на деревню. Вижу, как цепи бойцов делают перебежки. Падают... Встают и бегут вперед снова.

К ночи деревня взята. Заработали катюши. Потрясающее зрелище! Через наши головы летит огненный ураган с звериным ревом, напоминающим морскую сирену. (Это звук самого миномета в работе, а снаряды летят, как шквал ветра.)

В эту ночь мы должны выбить немца из города. Город горит. Зловещее багровое зарево стоит в разных концах города, освещая горизонт. Идет бой.

Ночь. Я иду со связным в город. Хочу пробраться в штаб батальона, который первым продвигается по улицам города к центру. Идем долго. Вот уже улица на окраине. Сюда то и дело летят снаряды. Рвутся. Неизвестно откуда свистят пули. То и дело прижимаемся к стенам. Подходим уже к штабу. Вдруг грохот, пламя, щебень и... угол дома, где был штаб батальона, разлетается в щепки. Нащупали! Но, видимо, это случайность. Идем в дом. Он уже пустой. Штаб перешел в другой дом, но куда — неизвестно. В подвале нашли группу раненых бойцов и сестру. Но и они не знают, где штаб. А бой разгорается с каждым часом. Пули (трассирующие) носятся, как золотые пчелы, но ужасно неприятно. А ночь темная, хмурая... Жуть. Мой связной решительно отказывается идти дальше: «Погибнем без толку, а штаб можем и не найти».

Пришлось вернуться в штаб полка. Долго бродили под огнем. Штаб нашли в овраге под открытым небом.

Ночь сырая, холодная. Земля мокрая. Командир полка, похожий на запорожского казака с чубом, то и дело хрипит по телефону в город:

— Да, да! Вперед, чёрт возьми! Бери следующий квартал! Что? Я вас, туда вашу мать! Да, да, миленок... Всех награжу! Сейчас приду к вам...— и снова отборная брань.

Телефонистка, молодая девушка, совершенно бесстрастно передает командиру трубку и слушает... Она привыкла.

Я лежу на плащ-палатке. Дрожу от холода, кутаюсь, не сплю. Небо постепенно яснеет. Кое-где сияют звезды. А в городе стрельба усиливается. Гремят и пушки. Наши нажимают. Немец бешено огрызается, но, видимо, отходит к западной окраине. Это ясно по разговорам командира полка. К утру он стал весь синий от холода. Трясется, как в лихорадке. Трубка подпрыгивает в руке и бьет по губам. А он почему-то в одном мундире, даже без нательной рубахи. Типичный украинский партизан 20-го года.

И все же 30 июля Болхов был взят, и я на машине объехал его улицы. Много разбитых домов. Сбиты главы церквей. Срезаны сады пулеметным огнем.

...В Волхове пару дней спустя мы с Чачко выпустили первый номер районной газеты. Мы дали весь материал: о взятии города, о разгроме ⟨фашистами⟩ культурных учреждений, о зверствах, об угоне жителей в неволю и пр.

8 октября 43 г. Деревня Тамаровка, Репинского района, Черниговской области.

Как много воды утекло! Как много пережито за эти месяцы! Я уже не помню, как и когда из Верхних Савинок мы оказались в Лужках, у самого Орла. Орел страшно разрушен (мною заснят). В Орле состоялась встреча московских писателей с гражданами Орла в городском саду. Был заместитель председателя ССП Скосырев (сказал речь), Чачко, Никифоров [3] и я. Я читал очерк о пленном красноармейце. Сцена — развалины взорванного павильона.

Из Орла мы проехали сразу километров 100—150. Остановились на

пару дней в с. Андреевке. Поели впервые яблок. Жители здесь смертельно запуганы и все жили в подвалах и щелях. В хатах жили только мы.

15 сентября я получил командировку в 76 гвардейскую дивизию, где пробыл до 27 сентября. Это была самая потрясающая полоса в моей жизни здесь. Вместе с наступающими батальонами капитана Каленюка (1-й батальон) и капитана Хромых (3-й батальон) я прошел пешком свыше 200 км. Шли прямо на запад. По пашням и скошенным полям, по лесам и болотам, в дождь и грязь. Это было героическое шествие под огнем врага, с боями. Мы шли буквально по пятам немцев, вышибая их с ходу из населенных пунктов (г. Березна, д. Лопатино, Кувечичи, Павловка и много других, и наконец — Чернигов). 77 и 76 дивизии взяли Чернигов и получили название Черниговских.

Сейчас наша база в 30 км от Чернигова. 77 и 76 ⟨дивизии⟩ форсировали Днепр, но захватили пока небольшой плацдарм километров в 20 шириной и в 10—15 глубиной. Я был у Днепра в первый день, 27 сентября, когда мы уперлись в берег. Провели собрание партактива в лесу на берегу Днепра. Исторические дни!..

Хочется написать так много, что заранее рождается уверенность, что не напишешь всего. Только отрывки, чтобы вспомнить потом.

21 сентября я, агитатор полка Александров Никита, агитатор дивизии Богданов и комсорг Гришаев пешком догоняли батальоны (1-й и 3-й), которые где-то за д. Лопатино вели бой. У нас не было карты. Мы не знали точно, где находится противник. Идем прямо в д. Лопатино. Проходим лесом. Навстречу повозка с боеприпасами. «Куда? Почему едете в тыл?» Испуганный ездовой, узбек, в ужасе сообщает: «Там танки... У нас нет. Наша бежит... Много танки...» И, хлестнув коней, помчался прочь... Мы решили, что это паникер. Но всё же пошли дальше уже осторожнее, вдоль опушки леса. Над лесом закружились немецкие самолеты. Мы гуськом идем меж сосен дальше. На опушке посылаем Александрова с биноклем посмотреть, нет ли чего подозрительного впереди, за холмом. Минут через пять он уже вернулся взволнованный. «В нашу сторону идет отряд немцев в касках». Нас было четверо, оружие — только пистолеты. Вокруг ни души. Мы решили отойти в сторону в соседний лесок и под его прикрытием все же идти к Лопатину. Вспомнили испуг ездового, решив, что он имеет какие-то основания. Шли быстро, частенько озираясь назад. Я отстал, так как сердце не позволяло поспевать за молодежью. Молча иду за ними, стараясь не терять их из вида... Лес кончился. Поля, а дальше, уже видим, деревня... Стрельбы на флангах не было слышно. Где-то за деревней слышались редкие разрывы снарядов. Мы подняли на смех Александрова — своих принял за немцев! И довольно решительно двинулись к деревне. Благополучно добрались до окраины. Перешли болото. Я первым вошел в совершенно пустую, мертвую улицу. Зашел в ближайший дом. Пусто, ни души. Хата раскрыта. Внутри беспорядок. То же в соседней хате. Выхожу на другую улицу. На дороге уныло и неподвижно стоит раненная в бедро лошадь. Я снял ее. Издали увидал человека. Крикнул. Это была женщина. Подошли и товарищи. Узнали: недавно был здесь бой. Немцы покинули село. Наши прошли вслед за ними. Бой идет где-то за деревней. Мы окончательно решили, что всё в порядке. Впереди бой, и мы, следовательно, скоро догоним наш полк. А так как мы были дико голодны, то остановились в деревне покушать. Сошлись две-три хозяйки. Принесли молока, самогонки. Ребята выпили, а я закусил.

Решили идти за село. Вышли из хаты. Слышу вопли женщины. Бегу на крик. Посредине огорода лежит труп колхозника. Над ним сидит жена и заливается слезами. Причитает на все село. Тут же четверо маленьких ребятишек. При бегстве немцы мимоходом убили этого колхозника. Я снял ее лейкой...

Идем через село на звуки далеких выстрелов. Навстречу старик со старухой. Умоляют зайти к ним в садик. Заходим. Стоит стол. На столе мед, молоко, зубровка, яблоки. Старик почти силой усаживает нас за стол. Закусываем еще раз. Даже я выпил рюмку зубровки... И вдруг... Треск мотора. Из глубины села мимо нас несется бешено мотоцикл. Комсорг выбегает ему навстречу, хочет остановить. Поравнявшись с нами, человек на мотоцикле (с белым, как мел, лицом) крикнул осипшим голосом:

— Товарищи! Бегите назад! Полк разбит!.. Десятки танков! Батальоны Каленюка и Хромых уничтожены... — и мгновенно пронесся прочь в том направлении, откуда мы только что пришли.

Что делать? Мы решили тоже выйти за село и ждать, что будет дальше. Вышли... Отошли метров 500, ближе к лесу. Остановились. Ждем. Вскоре с запада, с разных концов деревни появились разрозненные кучки бойцов, по два, по три человека. Они бежали в диком страхе в нашу сторону. По инициативе Богданова мы решили задержать бегущих и, собрав вместе, вернуть в бой. Развернувшись на 30—50 метров друг от друга, составили цепь... Первых трех бойцов остановили без труда. Они были смертельно уставшими, с черными закопченными лицами, с разорванными шинелями, двое в крови... Задыхаясь, они тоже подтвердили:

— Два наших батальона (в которые мы шли), заняв соседнее селение Кувечичи, попали в окружение. Несколько десятков танков появилось на флангах. Били и давили наших бойцов. У нас нет снарядов. Мы спаслись чудом... Все, кто там остался, погибли... Танки могут появиться и сюда. Никаких наших войск здесь нет, и пр.

Мы их осадили, устыдили и поставили в цепь, задерживать бегущих. Вскоре я остановил знакомого командира роты, начальника штаба батальона... Они тоже заявили, что все погибли, что за ними несутся танки...

Я бешено обрушился на командира роты. Он сел... Потом свалился набок. Я продолжал его отчитывать как труса и изменника, бросившего свою роту... Через несколько секунд я заметил, что он лежит, как труп, неподвижно. Толкаю его ногой. Молчит. Нагибаюсь к лицу. Комроты спал... Это было ужасно! Он за эти дни, видимо, не спал ни часа и вот теперь, пережив невыразимый страх и пробежав не меньше километра, он сразу свалился и заснул, как камень. Рядом, сидя, заснул прибежавший вместе с ним боец. Я их обоих снял.

Наша цепь росла. Через час мы уже имели цепь в километр длиной. Остановили человек 50 бойцов, обоз с кухней и пр. А танки всё еще не показывались, хотя, говоря по совести, я ждал их не без страха. Вскоре прискакал верхом на лошади начальник штаба полка Мельников. И только от него мы узнали правду о том, что произошло.

Два наши батальона с ходу захватили д. Кувечичи. На окраине (по выходе из села) их встретили огнем пушек и пулеметов танки. Танки и броневики появились на обоих флангах. Батальоны попали под жуткий перекрестный огонь танков. Шесть часов шел бой в окружении. Наши подбили 15 танков, но их было не меньше 70. Снаряды кончились. Танки многих подавили гусеницами. Всё же основные силы вышли из окружения. Отступив к деревне Лопатино, остановились и заняли оборону. Потери большие. В момент отхода кое-кто жутко спаниковал и оставил поле боя. Их-то мы и переловили нашей цепью. Больше бегущих не было. Тогда мы собрали всех беглецов вместе. Выстроили. Начальник штаба отчитал их. Они стояли черные, опустив головы, готовые провалиться сквозь землю. (Я снял их в этот момент...) Потом во главе с начальником штаба батальона направили обратно в свои батальоны. Пошли. Это было мрачное шествие!.. Собрался целый взвод человек в сорок! Я был счастлив, что принял участие в этой операции.

Уже глубокая ночь. Все спят. Я устал. Звенит в ушах. Изредка рычат немецкие самолеты-разведчики. Где-то сбросили пять-шесть бомб. Звякнули стекла. И опять все тихо. (Вчера в соседней деревне бомбами убито и ранено семь человек...) Надо ложиться спать. Завтра зубрить устав, ибо 12—13-го испытания. Мы должны сдать зачеты на комбата. Материальную часть оружия уже сдали.

Нет, надо записать еще один эпизод. На машине с хлебом я догонял батальон. Когда проезжали через г. Березна, он пылал. На улицах валялись трупы мадьяр. Проходили пленные (я снял группу пленных мадьяр). Проехав город, машина остановилась у моста на открытой поляне. Тут стояла подбитая пушка и станковый пулемет. Командир машины (зам. командира полка по хозяйственной части капитан... Нижний. Усы, как у таракана, с маленькими тупыми глазами) остановил грузовик и решил забрать кое-какие трофеи. Мы сошли с машины... Крик: «Воздух!» И 17 бомбардировщиков появились над нами. Так как здесь не было ни одной зенитки, они бомбили, как хотели, пикируя чуть не до самой земли. Бомбы посыпались на мост. Штук восемь самолетов спикировали на нас и на тот же мост. На наше счастье здесь были глубокие одиночные ячейки, и мы все успели засесть в них. Я лег на спину с лейкой, думая заснять момент пикирования. Но это было до того жутко, что когда гигантское чудовище с ревом и свистом камнем ринулось с неба прямо на нас, когда я увидел, что уже летят на землю три бомбы, я невольно зажмурил глаза, инстинктивно прикрыв голову рукой и... не смог поднять лейку навстречу крылатой смерти... Оглушительный грохот, столб пыли, свист осколков, облако дыма... Сразу стало темно и, по совести говоря, не очень весело... Я был весь засыпан песком. Когда чудище пронеслось дальше, я всё же заснял еще не рассеявшееся облако дыма, хотя сердце продолжало трепетать... Не успел я кончить съемку, как с десяток самолетов сделали новый заход и, один за другим, пронеслись над нашими головами, поливая нас и машину пулеметным огнем. Это было, пожалуй, еще более неприятно. Пуля могла достать и в щели... Свинцовый шквал тоже пролетел, не задев мою голову. Я видел цепочки пыли, поднимаемые свинцовыми очередями, как летели с кустарника срезанные пулями ветки и листья... как свистнуло над головой и хлестнуло по краю щели...

Когда все затихло, раздался крик: «Вставай, кто жив!» Стряхивая с себя песок, я собрал целую горсть еще горячих мелких осколков бомб. Один, с палец величиной, оставил «на память». Лица людей, вылезавших из щелей и ячеек, походили на маски мертвецов, хотя все улыбались, а многие шутили.

Это было 26 сентября. Пойду спать, уже светает. ⟨...⟩

10 октября. Дер. Тамаровка.

День. Все утро читал устав. 12-го зачеты. Сейчас жду гостей... На дворе хмуро. Ветер. За окном шумит, качается вишня, а метров тридцать дальше, под купой ив, стоят три самолета. Соседство для деревни не очень приятное. Их ищут стервятники. Возможна бомбежка. ⟨...⟩

Октября 16. Всё еще в Тамаровке.

Вчера и сегодня небо ревет, воет, свистит разбойным посвистом, грохочет — идет гигантский бой за расширение плацдарма по ту сторону Днепра и за переправы. Немец отчаянно упирается, бросает в бой танки, самолеты... Впрочем, у нас здесь явное превосходство в воздухе. Десятки и даже сотни самолетов участвуют в бою. Вчера продвинулись километров на 4—5, не больше. Немец понимает, что если мы его сломим за Днепром, дальше он покатится до самой границы. Портится погода — моросит осенний дождь. Теперь это некстати.

Да, я, кажется, нашел хорошую тему для будущей повести — «*Мать-партизанка*». За прообраз возьму старушку Староверову из с. Волкова.

«НА КУРСКОЙ ДУГЕ»
Картина П. А. Кривоногова (масло), 1947
Центральный музей Вооруженных Сил, Москва

У нее расстрелян сын-комсомолец. Ее самое мучили, требуя показать на сына и партизан. Выдержала. Не сказала. Жестоко избита. С внучком ходила по дворам. Он читал наши листовки колхозникам, а бабушка разъясняла, вела устную агитацию. Она безграмотна! Ее два сына были в партизанском отряде, теперь — командиры в Красной Армии. Старушка очень напоминает горьковскую мать, с ее теплой любовью к человеку, с верой в будущее счастье ее детей и внуков. Можно в качестве главных героев взять бабушку, ее сына-комсомольца и внучка Алешу 12 лет. В этом плане начну собирать материалы. На днях встретил в Тамаровке (и снял) молодого партизана-комсомольца. Рассказал, как они партизанили. ⟨...⟩ Другой рассказал о «сюрпризах», которые партизаны посылали немцам: 1) Посылку через старшину *лично* коменданту города. Он вручал. Комендант вскрывал и... взрыв. Убит комендант и четыре немца. 2) Под седло лошади приладили мину и пустили к немцам. Те захватили и... всадник взлетел на воздух... Ой, как ревет сейчас небо! Начну писать очерк о партизанке.

Событие! Вчера сдал зачеты по тактике на отлично! Ну просто гора с плеч!..

18 октября. Тамаровка.

Забыл записать фамилию комсомольца-партизана — Варчило Алексей Васильевич. Три его брата в Красной Армии. В Любечский отряд им. Дзержинского ушел 11 марта 1943 г. Однажды отряд напал на гарнизон города. Убили 12 человек фрицев. Взяли трофеи. Разгромили штаб. Захватили документы. Вскоре на борьбу с партизанами двинули 48 тысяч мадьяр. Окружили лес в три кольца (минометы, пулеметы и артиллерийское кольцо). Но партизаны прорвали кольцо и разошлись по разным селам. Много перебили мадьяр. Командир соединения Попудренко был убит.

Варчило был схвачен в с. Высоком 2 мая. Подвешен за ноги. Допрос — где оружие. Допрос чинили в коморе с зерном. Били прикладами. Кровь изо рта. Не сказал. Потом с веревкой на шее водили по селу (не уличит ли кто). Привели в Мекшуновку. Здесь было еще человек 50 «подозрительных» и 8 партизан. Их расстреляли на наших глазах из пулемета, а осталь-

ных, в том числе и Варчило, отправили в черниговскую тюрьму. Сидел 7 дней. Выгнали на работу, и он бежал.

19/X. Опять Тамаровка.

Дождь, слякоть, хмурое небо, низкая облачность. Воевать трудно. За эти дни мы расширили плацдарм за Днепром очень мало, хотя бои шли яростные. Селение N раз десять переходило из рук в руки. Немец пытается выбросить нас за Днепр... ⟨...⟩

Да, а мы все-таки уперлись в Днепр. Стоим на месте с 27 сентября. Скоро месяц! Немец, видимо, надеется задержать здесь нас до зимы, а может быть, и дольше. Уверен, что этот «план» сорвется. Подтянем силы, нажмем, и опять покатится. Теперь уже до границы. Эх, как хочется побывать в Берлине, чёрт возьми! ⟨...⟩

30/XI. С. Микуличи. Белоруссия.

Опять переход! И какой?! 40 километров ехали двое суток! Грязь, холод, дождь, снег. Две машины сломались. Одна завязла и осталась в грязи под охраной Сотникова. Одну взял на буксир американский «студебеккер». Я из кабины пересел в длинную будку «американца». Ужасная ночь среди поля! Хлестал ветер и дождь со снегом. Дуло со всех сторон. Мы жались друг к другу, как прозябшие котята. Ночевали в машине. Все окостенели. Большинство ушло в землянку. Там сгрудились так, что не было места для сиденья. О «лечь» не может быть и речи! Я постоял с полчаса, «потанцевал» на носках, просушил над лампой мокрые варежки, немного оттаял и снова ушел в машину. Укутался как мог и заснул под вой пурги. Проснулся от ледяной дрожи и криков. Уже светало, и мы снова тронулись... Переезжая через Днепр, дружно пели: «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч, над тобой летят журавли...»[4] Чудесная песня. Ее мелодия преследовала меня всю дорогу. Вообще и днем и ночью много пели. Лабок [5], промерзший насквозь, пел стуча зубами. Я переобулся в валенки. Это помогло. Но как только завязала машина, надо было переобуваться в сапоги и идти помогать вытаскивать нашу злосчастную «технику». За дорогу мы это делали раз 20. Все, как свиньи, грязные... Пели с настроением песню журналистов[6]:

Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал сумел ты передать
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное наплевать!

Но меня особенно трогали строфы:

От Москвы до Бреста
Нет на фронте места,
Где бы не шагали мы в пыли
С лейкой и блокнотом,
А то и с пулеметом,
Сквозь жару и стужу мы прошли.
От ветров и водки
Охрипли наши глотки,
Но мы скажем всем, кто упрекнет:
С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте третий год.
Там, где мы бывали,
Нам танков не давали.

Репортер погибнет — не беда.
Но на эмке драной
Мы с одним наганом
Первыми въезжали в города.
Выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, спой, дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Скажет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой...

— Товарищ майор, баня готова! — раздается голос 14-летней Аленушки... Я бросаю перо и с великим удовольствием разоблачаюсь «до Адама» и тут же в хате моюсь горячей водой в маленьком, выдолбленном из бревна корытце. Опишет ли кто-нибудь это бескрайнее удовольствие — вымыться, да еще целым чугуном воды!!! Моюсь в двух водах (а всего чугун горячей воды!) и чувствую себя на седьмом небе! Ура!..

Приехали 28-го ночью, а выехали рано утром 26-го.

Это уже Белоруссия! Села беднее и грязнее украинских. Детей мал-мала меньше — тучи. У нашей хозяйки семь штук — от 3 до 14 лет! Как она кормила и «годувала» их при немцах, уму непостижимо. Я до сих пор думал, что самые выносливые женщины — это русские Матрены и Марии, а оказывается, белоруски могут дать им сто очков вперед.

Мы заняли вдвоем с Чачко большую «горницу», но без мебели. Кое-как натаскали два стола, три стула и сделали топчаны для спанья. И опять чудесно. Плохо — нет лампы. Вчера всю ночь я писал статью о Кирове. Закончил и сдал в 9 часов утра сегодня. И только по сему поводу получил лампу на эту ночь. Придется дальше жить с коптилкой. Увы!..

Хозяйка радостно угостила нас картошкой с салом. Она еще живет страхом перед немцами, которые изгнаны отсюда всего три дня назад. Бежали так быстро, что успели спалить всего лишь три хаты. Немцы бегут из петли, в которую попали, и спешат отчаянно. ⟨...⟩

18 декабря. Дер. Козелужье (Полесье).

Кругом леса и болота. Побывал на передовых. Ехал 70 км. Шел — 15. Бродил по лесам. В гвардейской дивизии провел собрание об итогах боев (красноармейское). В артиллерийском полку нашел Героя Советского Союза и кавалера ордена Славы (Шестеркин, сержант).

По приезде через день снова был на фронте. Взял материал: как ротная парторганизация обеспечивает успех боя, и о снайпере.

Завтра, кажется, снова в поход! Здесь мы пробыли с 8 декабря и до сих пор. Ждем приезда редактора из Москвы. Поехал за цинкографией. ⟨...⟩

4 января 1944 г.

Всё еще не уехали! Даже Новый год встретили здесь. И как встретили — пыль столбом! Был полковник Котиков, Горчаков[7]. Много вина и водки, студень, слоенки, чудная капуста и пр. Лихо пели, дико плясали. Всех угробил поэт Никифоров. Плясал часами. Я прочитал раешник — дружеский шарж на коллектив (Дубов, Никифоров, Лабок, Панкратов [8], Сотников и др.). Много смеялись. Забавные вещи читал Никифоров... Загадки. Дубов разбил целую охапку блюд и тарелок. Вся деревня приходила потом в поисках: где моя тарелка? где бутылка? В общем народ освежился, покружился, посмеялся и забылся, хоть на миг... А там где-то гудит земля и рокочет огонь войны.

Кажется, сегодня наконец-то появится снова «Дед Иван — старый ветеран».[9] ⟨...⟩

20 января. Калинковичи.

Городишко похож на большую деревню. Дома деревянные. Часть немцы сожгли, но большая половина города уцелела. Бои здесь были жестокие. Всюду следы: осколки снарядов, ямы, патроны, сорванные углы домов, выбитые стекла. Сейчас идут бои километров за 15—18 от Калинковичей. Слышна артиллерийская канонада.

Только сию минуту пришел из 7-го отдела, получил дневник немецкого офицера. Начал читать. Встретил женщину, которая только что прибежала из освобожденной деревни Клинек. Рассказала, что там вчера немцы захватили в плен 19 красноармейцев и расстреляли на дворе. Лежит куча тел. Одного долго допрашивали, пытали и убили в сарае... ⟨...⟩

8 апреля. Калинковичи.

Сейчас читал Бальзака. Книга натолкнула меня на ряд мыслей о том, как надо писать мои мемуары. Чтобы не забыть, записываю одну мысль:

а) Надо осмотреть тюрьмы и участки и пр., в которых я был в 1907 г.,
б) Ознакомиться с историей Бутырок,
в) Найти в архивах свои дела,
г) Изучить материалы соответствующих музеев,
д) Достать словарь блатных слов (1907 год).

19 апреля. Гор. Костополь.

11 апреля мы на трех машинах выехали из Калинковичей. В три-четыре дня проехали около 300 км. В первый день — только 48 км. Сидели в грязи в необозримой колонне вечер и всю ночь до 11 часов утра.

На четвертый день снова и безнадежно завязли за Костополем. Сутки возились в невылазной грязи и всё же вернулись обратно в Костополь. Решили ехать поездом.

В Костополь прибыли 15 апреля. По дороге трижды ночевали в деревнях, окруженных лесами, а в лесах — банды бендеровцев. В Ровенской области их насчитывается до 60 тысяч. Они совершенно терроризировали сельское население и под страхом смерти мобилизовали мужчин в свои банды. Поляков истребляют целыми семьями. Попутно грабят и бьют белорусов. Все бегут от них в города под защиту Красной Армии. ⟨...⟩

У хозяйки нашей квартиры Демьянчук бендеровцы убили отца и брата, за то что брат не пошел в их банду. Одного украинца с женой полькой забрали в лес и приказали мужу убить жену, за то что она «ляшка». Он отказался. Тогда убили их обоих. Полька из деревни Ляубе, 75 лет, послала семь сыновей и троих внуков в польскую армию имени Костюшко. Бендеровцы хотели убить ее, но она успела бежать в Костополь. Тогда их ограбили начисто, а у замужней дочери Каролины разобрали дом и сарай и перевезли в другое село, где построили дом одному из главарей шайки.

Вчера днем пулей из-за угла убит один из командиров Красной Армии в Костополе. Только час назад за Костополем кто-то бросал ракеты. НКВД направило туда две машины бойцов. Прилетели самолеты. Бомбят Ровно и Сарны...

20 апреля.

Я дежурный. Ночью ставил два поста. Сам менял часовых. Не спал до 10 часов утра. Здесь обстановка скверная, надо держать всех в боевой готовности. Ночь прошла благополучно. Тишина. Ходили патрули НКВД. Прошел ливень и первая молния. Я думал, стреляют зенитки.

Костополь — маленький, чистый городок европейского типа. Прямые улицы, по бокам деревья, белые одноэтажные домики, железные серые крыши. Парк. В парке братские могилы.

СОТРУДНИКИ ГАЗЕТЫ 61 АРМИИ «БОЕВОЙ ПРИЗЫВ»
Во втором ряду — П. А. Бляхин (второй справа), И.М.Пекерман (четвертый справа)
Фотография П.Сотникова. Брянский фронт, 1943
Собрание Х. С. Топоровской-Бляхиной, Москва

Здесь я был в 1907 г., когда меня гнали в Сарны из Ровно по этапу пешком. Сидел пять-шесть дней в полиции. Жестоко простудился. Голодал. Спасала девушка-украинка, угощая меня чаем с белым хлебом. Ничего здесь не узнаю. Был грязный захудалый городишко или, вернее, большое село. Теперь здесь появился большой костел из красного кирпича. Красивое здание.

Побывал вчера в райкоме. Встретил председателя ⟨?⟩ Ровенского обкома — женщина. Все коммунисты здесь пришлые. Работать очень трудно. Население насторожилось, всего боится. Ждет, когда будет разгромлен немец. ⟨...⟩

Хоть мы застряли в дороге, но сразу же развернулись и стали выпускать газету. Редактор в этом отношении молодец. Моментально организует народ и находит выход из положения. Уже трижды слетал в Ровно на самолете, говорил с командующим, добился приказа о платформах и пр. Ждем.

Да. Сейчас Панкратов прочитал мне недавний боевой эпизод. Вокруг одного немецкого гарнизона на много верст разлились болота, и он оказался на острове. Младший лейтенант Ибирулин на лодках ночью проехал 9 км водой и внезапно атаковал немцев. Часовые спали. Даже штаб был захвачен врасплох. 60 фрицев убили, пятерых взяли в плен. Население помогало — и палками и топорами истребляло фрицев.

Сегодня кончаю раешник — «Дед Иван о войне на болотах».

21 апреля. Костополь.

Платформа на линии железной дороги. Яркий весенний день. Бродят облака, и легкий туман клубится над болотами. Железнодорожная станция. Три наших машины — одна с печатней, одна с электростанцией и третья с грузом бумаги и пр.— стоят на платформах, на рельсах, готовые к отходу.

Ждем поезда. Ребята, неожиданно получившие передышку, валяются на солнце около рельс. Многие спят. У машин — двое часовых с автоматами — Рыжиков и Захаров. Из города в ведре принесли обед. Покушали с аппетитом. Я сижу в кабине печатни и кушаю, как в ресторане, в отдельном кабинете... из котелка. Рядом стоит воинский поезд: бойцы, боеприпасы. В небо торчат пулеметы и бронебойки. Между рельс горит костер. Бойцы варят чай. Болтают. Смеются. Поют «Провожала меня Люба...» Песня плывет в воздухе, растворяется, замирает на высоких нотах. Волнует сердце, почему-то становится грустно. Запевала поет мягким грудным голоском...

Хозяйка моего дома Нина Демьянчук проводила меня до ворот дома. Махнула платком. Лицо печальное. Они очень боятся ухода из города Красной Армии. Боятся мести бендеровцев. Нина носит траур в память погибших от их рук отца и брата.

Да, так вот я сижу сейчас в кабине, греюсь на солнышке, любуюсь облаками, и думаю-мечтаю неведомо о чем. Мысли неясные, как эти облака, бесформенные. Я просто живу... дышу...

Говорят, в Сарны приедем к ночи. Приятного мало. Там, как правило, вечером начинается бомбежка. «Как раз к бомбежке!» — смеясь, болтают наши девушки. Да, это очень весело.

Визг. Смех. Грохот. Поехали!

Вечер того же дня. Где-то в поле остановился поезд. Сидим. Кругом болота непроходимые и леса. Кое-где кучками прилепились белые хаты. Около них полосы и квадраты озимых, пересеченные бороздами. Частная собственность. Миллионы лягушек поют и даже стонут на разные голоса. Наводят тоску... Баба просит бойцов продать ей мыла. Смех.

Знаем, что в этих лесах и хатах сидят бендеровцы. Но мы сравнительно неплохо вооружены. Есть даже три автомата. Все на чеку. ⟨...⟩

Гудок. Тронулись. Уже темнеет. Да, да, в Сарны приедем как раз вовремя... ⟨...⟩

22 апреля. Сарны.

Раннее утро. Кабина. Ночь провели, не доезжая Сарн, среди болот и леса. Никакой бомбежки не было. Спал на сиденье в кабине, в форме вопросительного знака — и ничего. Сейчас пробовал заснуть, уже утром. Не спится. Дождь, ветер. Тучи несутся, как сумасшедшие. В голове, как кинолента, проплывают образы... Москва. Театр. Музыка. «Евгений Онегин». Бал... Рабочий мой кабинет. Электрический свет и шкаф с книгами. Рокот города...

У машины стоит пост — Митя-повар с автоматом. Серегин напевает романс.

Да, забыл записать вчера: станция Костополь превращена немцами в крепость. Деревянный сруб, засыпанный между стен землей в метр толщины. Вокруг колючая проволока, а за ней внутри лес кольев с заостренными концами торчит из болота.

В Сарнах встали рано. Развели костер. Повар сварил кашу мирового масштаба. Лучше, чем в гостинице «Метрополь»! Мимо едет поезд с войсками. Прожектора. Пулеметы, орудия. Поели кашу с дьявольским аппетитом.

Станция Сарны и город разбиты бомбежками вдребезги... На развалинах одного дома я увидел совершенно целую плетеную кроватку для кук-

лы... Значит, здесь была жизнь, были дети, цвела радость и... ничего нет, кроме этой кроватки. ⟨...⟩

24/IV. С. Берести (за Сарны 50 км).

Огромное село. Тянется на несколько километров. Костел и три церкви, у околиц гигантские кресты с распятием. На них висит множество полотенец, истрепанных ветром. Вокруг зеленые, сочные поля — озимые засеяны. Полосы узкие. Борозды отделяют одно поле от другого — частная собственность.

Приехали вчера вечером. Ночевали в большой голой комнате. Вдоль стен скамьи. Два стола. Один еле дышит. Голландка. Поселились трое — я, Панкратов, Чачко. Хорошо. Постель спартанская.

Первое, что я услышал от Чачко и Якимова, это рассказ о том, как повесили бывшего заместителя начальника тюрьмы — немца и предателя-бендеровца. Немец держал себя крепко. Бендеровец сразу посерел, и глаза стали стеклянными, когда машина подъехала под виселицу. Прочитали приговор. Петли на шеи. Машина дернулась и ушла. Враги повисли. ⟨...⟩ В присутствии сотен бойцов. Собакам — собачья смерть,— общий приговор.

В этом селе тоже много бендеровцев. Поэтому нам запретили жить вместе с местными жителями.

Здесь мы спешим занять оборону. Немцы подтягивают сюда резервы. Можно ожидать наступления. Я уже пишу «Ветерана» о стойкости. Еще не знаю, что напишу. ⟨...⟩

Началось! Гул самолетов. Бьют наши зенитки. Пойду посмотрю. Сейчас ночь, и я дежурный по гарнизону. ⟨...⟩

11 часов ночи. Панкратов диктует машинистке, словно декламирует со сцены: «Немцы рано утром открыли огонь. Они стреляли целый час...» и т. д. Секретарь что-то пишет и сердито фыркает на Панкратова: «Я не обязан за каждой заметкой бегать к вам по десять раз! Вместо 200 строк— 75!» Стриженая голова, низкий сморщенный лоб, острый, с широким основанием нос. Когда сердится, похож на ежа. Глаза мутные, белки желтые. Взгляд ничего не выражает. Широкий рот. Чем-то напоминает жабу. Талантов никаких. Непонятно, почему он секретарь.

— Свет! Свет!— кричит часовой и стучит к нам в окно.

Поправили светомаскировку. Пальба затихла. Видимо, был налет на Сарны.

29 апреля. С. Берести.

Скоро 1 мая. Милый весенний праздник. Готовимся к встрече. Я сдал поздравительного «Ветерана». Чачко уже напечатал сегодня рассказ «Сильнее любви». Хороший рассказ ⟨...⟩ Я устал от «Ветерана». Надо менять жанр. Сяду за рассказ «Мать». ⟨...⟩

1 июня.

Дремучий лес. Лагерь, палатки. Болото. Миллиарды комаров. Сначала дожди и холод. Вставал с белыми пальцами. Теперь тепло.

Получил письмо от Клавдии [10]. Рад. Изумительный человек! Целые годы страданий и не поколеблен моральный облик! Большевик прекрасного поколения 20-х годов, эпохи гражданской войны.

6 июня.

Лес. Там же. Долгожданная весть: союзники высадили десант в Северной Франции. Бурная радость бойцов. Митинги. Сообщение принимается на ура, но никто не забывает, что нам еще придется повоевать. Немец безнадежно сошел с ума и будет драться с упорством приговоренного к виселице. ⟨...⟩

3 июля. Дер. Селец.

Уже июль! Второй месяц лета, четвертый год войны. Сегодня взят Минск. Урра! Наступление развертывается в невиданных еще масштабах, невиданными темпами. Почти каждый день около 1000 населенных пунктов освобождается — и приказы, салюты в Москве. Думаю, скоро двинемся дальше.

23 июля. Село Новые Кленки, Пинской области.

Из сельца мы отъехали верст 60 и ночевали в деревне.....*

Чудная хатка. Под окнами садик, огороды, дальше луга, лес. На другое утро выехали в Новые Кленки — еще 50 км (за г. Янув). 〈...〉

Сегодня были в Пинске на митинге и параде войск. Сотни жителей. Тысячи красноармейцев и матросов. Около трех тысяч партизан. Они шли, пестро одетые, часть в лаптях, босиком, в сапогах и ботинках, кое-кто в немецких куртках. Пролетел отряд конных партизан. Отряд польских партизан шел перед трибуной во главе с ксендзом. Он поднял свою трость, как винтовку, проходя мимо трибуны. Я снял парад 〈...〉 Невыразимо приятно было видеть открытый, на площади, при ярком солнце, митинг граждан и парад войск. Это первый раз за три года!

В Пинске нашел и побеседовал с двумя старушками-польками, которые два года укрывали у себя в погребе от немцев две еврейских семьи — Купнер и Радновских, шесть человек. Зная, что им грозит всем смерть в случае обнаружения еврейских семей, старушки заранее приготовились к смерти, исповедались и причастились у ксендза Василевского. Теперь они освободились. Радость неописуемая. Обе семьи с опухшими ногами и руками. Еле ходят. Старая мать — скелет, белая, как снег, голова.

В Новых Кленках только сейчас вернулся с похорон расстрелянной немцами семьи Александровских: мать 66 лет, ее дочь 45 лет с детьми 20, 16 и 2 лет — мальчики, и дочка 8 лет. Их убили за то, что дочь и сын Александровской ушли к партизанам. Сегодня жители с нашим участием вырыли останки из ямы, уложили в гробы и похоронили на кладбище. Из политотдела говорили речи. Потом священник отслужил панихиду. Мы составили акт за подписями жителей и священника. Я снял гроб с тремя телами. Ужасно! 〈...〉

1 августа. Сельце (Барановичи).

... Были под Брестом и в Бресте. Внезапно 170 км назад и в сторону Барановичей. Говорят, скоро двинемся в сторону Берлина. Буду рад, если это так. 〈...〉

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ст. лейтенант Анисимов — сотрудник редакции газеты «Боевой призыв».

[2] Майор В. Н. Светцов—сотрудник редакции газеты «Боевой призыв». П. Сотников—фотокорреспондент той же редакции.

[3] М. И. Чачко — детский писатель, сотрудник редакции газеты «Боевой призыв». Никифоров — поэт, работавший в той же редакции.

[4] «Ой, Днипро, Днипро...» — песня М. Фрадкина, на слова Е. Долматовского.

[5] М. Лабок — сотрудник газеты «Боевой призыв».

[6] «Корреспондентская застольная» — песня, написанная К. Симоновым в 1943 г. и получившая широкое распространение среди журналистов-фронтовиков. Песня записана у Бляхина в сокращенном виде и со многими отступлениями от авторского текста (ср. в кн.: «В редакцию не вернулся...». М., Изд-во политической литературы, 1964, стр. 290—291).

[7] Полковник А. Г. Котиков — нач. политотдела 61 армии; Горчаков — его заместитель.

[8] П. А. Дубов, В. А. Панкратов — сотрудники редакции газеты «Боевой призыв».

[9] «Дед Иван — старый ветеран» — так Бляхин подписывал свои стихотворные фельетоны в форме раешника.

[10] Клавдия Семеновна Зельдич — друг семьи Бляхиных, в 1920-е годы зам. зав. агитпропом Екатеринославского губкома КП(б)У. В 1937 г. была незаконно репрессирована; в настоящее время персональный пенсионер.

---

* Многоточие в подлиннике.— *Ред.*

П. А. ПАВЛЕНКО

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ВОЕННЫХ ЛЕТ

ОТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ДО ПРИБАЛТИКИ, 1942—1945 гг.

Публикация Н. К. Треневой

Предисловие и примечания Ц. Е. Дмитриевой

Петр Андреевич Павленко (1899—1951) принадлежал к поколению тех советских писателей, которые в красноармейских шинелях и буденовках, с лычками политруков и комиссаров пришли в печать с фронтов гражданской войны.

Писатель начинал свою литературную деятельность в 1921 г. «на маленьких, но живых страницах» «Красного воина», газеты 11 Особой Краснознаменной армии, только что проделавшей под руководством Серго Орджоникидзе и С. М. Кирова поход из Астрахани, через Махачкала, Баку и Тбилиси, к Батуми. Павленко добровольцем вступил в эту армию в апреле 1920 г. и служил в ней бойцом и политруком.

Потом уже пришла большая литература, признание М. Горького и Ромена Роллана, слава известного писателя, а вначале была газета — «замечательная школа», как называл ее Павленко.

В 1948 г., в письме к Всеволоду Вишневскому, Павленко с полным основанием называл 30-летний юбилей Советской Армии своим личным праздником. Был ли он в рядах армии или работал в условиях общегражданской жизни — до самых последних дней никогда не терял связи «со своей старой семьей, с армейским коллективом» бывший боец, политрук, военком, полковой, а затем бригадный комиссар, полковник Советской Армии, писатель Петр Андреевич Павленко.

«Писатель должен быть бойцом»,— заявил Павленко, один из создателей ЛОКАФа, на совещании оборонных писателей в феврале 1937 г. (журнал «Знамя», 1937, № 4). И сам он всегда оставался на переднем крае борьбы советского народа, ведомого Коммунистической партией, борьбы за создание нового общества.

Закончив роман «На Востоке», Павленко писал: «Война, которую, быть может, вынужден будет вести наш Союз, в случае нападения на него, явится новой в истории человечества войной 〈...〉 Это будет война за счастье...» («На Востоке» (О моей книге),— «Красная звезда», 1936, № 278, 4 декабря).

Борьба народа за свое счастье была генеральной темой творчества Павленко. В романе «Баррикады» он изобразил героизм парижских коммунаров; в повести «Пустыня» — подвиг советских людей, отражавших нападение банд басмачей; в романе «На Востоке» — защиту советской родины от посягнувших на нее империалистов; в «Счастье» — созидательный труд советских людей на разоренной фашистами земле.

Война застала писателя на ответственных постах — секретаря Союза писателей СССР и редактора альманаха «Дружба народов».

На митинге московских писателей 23 июня Павленко с полной ответственностью заявил: «И в тылу и на фронте писатели будут на страже, они будут с удесятеренной энергией делать ту работу, к которой их призовут партия, правительство и эта великая война» («Литературная газета», 1941, № 26, 29 июня).

И действительно, с первых же дней войны сотни советских писателей и среди них П. А. Павленко оказались в боевом строю.

Павленко называл своих сотоварищей «поколением пропагандистов». Таким пропагандистом великого подвига советских людей на фронте и в тылу был и он сам.

24 июня 1941 г. в «Правде» появилась первая в условиях войны статья Павленко— «Великие дни»; 29 июня — корреспонденция «Первые герои»; 10 июля «Правда» и «Красная звезда» напечатали очерк «Капитан Гастелло», написанный П. Павленко и П. Крыловым (это было первое сообщение о подвиге прославленного летчика).

Пожалуй, не было фронта, на котором не побывал военный корреспондент газет «Правда» и «Красная звезда» Павленко. Переданные по телеграфу, а иногда по телефону непосредственно с театра военных действий, его рассказы и очерки печатались в центральной и фронтовой прессе, издавались специальными листовками и брошюрами, переводились на иностранные языки.

Начав свою фронтовую деятельность под Москвой, Павленко в сентябре 1941 г. вступает с советскими войсками в Тавриз; октябрь проводит на Северо-Западном фронте и по горячим следам пишет «Русскую повесть» и книгу очерков «Народные мстители». Весну 1942 г. он встречает в Керчи; осенью 1942 г. и зимой 1943 г. Павленко в армиях, действующих на Кубани и на Северном Кавказе. Он — участник Керченского и Новороссийского десантов, а также боев на Голубой линии.

13 августа 1943 г. Павленко писал своему другу Н. С. Тихонову: «С середины октября ⟨1942 г.— *Д. Д.*⟩ я в Грозном и на Тереке, в Орджоникидзе, на Ставропольщине, в Пятигорске, а с февраля — на Черноморье, у Новороссийска, у Краснодара... Видал я довольно много, начиная с прошлогодней Керчи ⟨...⟩ и кончая весенним освобождением Северного Кавказа...» (Архив Н. С. Тихонова).

Длительное пребывание на Крымском и Северо-Кавказском фронтах дало Павленко обширный материал для многих его произведений: сборников «Кубанские рассказы», «Путь отваги», «На Высоком мысу», для посмертно опубликованной повести «Это было на Кубани» и романа «Счастье», для остающегося доныне ненапечатанным сценария «Газават» — о защите горцами перевала под г. Орджоникидзе.

В 1944—1945 гг., вместе с быстро наступавшими частями 3 Белорусского фронта, Павленко прошел путь от Орши до Каунаса. Он был участником боев под Витебском, Минском, Вильнюсом и Каунасом, откуда передал по телеграфу ряд очерков в «Красную звезду». Он участвовал в освобождении Румынии и Болгарии, в боях у озера Балатон и под Веной. Из «глубины Европы» написаны его последние фронтовые корреспонденции. Тяжелая болезнь вынудила писателя покинуть Действующую армию в самый канун Победы.

«Тот, кто знал полковника Павленко на фронте,— вспоминал на вечере его памяти в Центральном доме литераторов в 1952 г. Борис Горбатов, — тот знал, что это был человек редкой храбрости, храбрости очень чистой, не показной, не картинной, а именно настоящей большевистской храбрости» («Павленко в воспоминаниях современников». М., «Сов. писатель», 1963, стр. 150). Не задерживаясь надолго в штабах, писатель предпочитал находиться чаще всего среди солдат и офицеров. Там он, по его позднейшему определению, накапливал «строительный материал — факты, поступки, меткие слова, наброски природы, детали для портретов, мысли» («Литературная газета», 1950, № 85, 21 сентября).

Записные книжки Павленко — свидетельство его боевой журналистской оперативности — красноречиво говорят об уважении писателя к советскому воину. «Человек на войне,— говорил Павленко,— это зрелище поистине поучительное, историческое». И эта мысль проходит через все фронтовые рассказы и очерки Павленко. Галерея «людей на войне» предстает и в приводимых ниже записях. Здесь и мирный овцевод, дагестанец Бейбулат, которого война сделала бесстрашным, находчивым, и герой обороны Сталинграда генерал Родимцев, и «мальчик на костылях» из Ново-Титаровской станицы, совершавший отважные диверсии в фашистском тылу, и бойцы прославленных батарей Матушенко и Зубкова. Писателя восхищает и тот «гигантский путь боевых испытаний», который прошел боец армии генерал-лейтенанта Крылова, «прежде чем снять каску и отереть пот в столице Советской Литвы».

П. А. ПАВЛЕНКО ЧИТАЕТ БОЙЦАМ ОЧЕРК «КРЫМСКИЕ ПАРТИЗАНЫ»
Кадр из киножурнала «Кинолетопись», 1942
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Частные записи перемежаются широкими обобщениями, мыслями писателя о природе мужества советского солдата. Сила его, утверждает Павленко, «в принципах. Верит он в свою силу — победит. Не верит — проиграет».

Публикация записных книжек П. А. Павленко начата была в 1954 г. в журнале «Знамя» (№ 6—7). Так как писатель обычно не датировал свои записи, их порядок в журнальной публикации был установлен условно, на основании сопоставления содержания записей с темами, которые Павленко разрабатывал в тот или иной период своего творчества, или с фактами его биографии. Впоследствии эти тексты вошли в шестой том Собрания сочинений Павленко (М., Гослитиздат, 1955) и в сборник его литературно-критических работ «Писатель и жизнь» (М., «Сов. писатель», 1955). В наиболее полном виде первые записные книжки представлены в отдельном издании: П. А. Павленко. Записные книжки (Симферополь, Крымиздат, 1955).

В архиве писателя, хранящемся у его вдовы, Н. К. Треневой, еще остались нерасшифрованные записные книжки. Четыре из них подготовлены для настоящей публикации; материалы этих книжек печатаются в сокращенном виде, в частности исключены записи, полностью вошедшие в уже изданные произведения писателя. Кроме того, в публикацию введено несколько записей, сохранившихся только в машинописных копиях.

Печатаемые записи расположены в хронологическом порядке, применительно к боевым операциям, в которых участвовал писатель. Записи о Кубани, Северном Кавказе и боях за Черноморье относятся к 1942 и 1943 гг.; записи о боях за Белоруссию и Литву — к 1944 г.; несколько записей — к 1945 г.

Рассказ «Танки у реки» сохранился в виде авторизованной машинописи; он печатается впервые.

1942—1943

Безмолвные, оставленные людьми вещи делали дорогу похожей на картину наступления, когда в азарте неустрашимого порыва человек несется вперед, бросая на пути все лишние тяжести, и по тому, как он бросил их, видно, что вела его только одна мысль — двигаться вперед, двигаться любой ценой, сбрасывая с пути все, что могло помешать. Если бы вещи, брошенные вдоль дороги и среди размозженных колесами полей кукурузы и подсолнуха, не были наши, советские — душа бы радовалась тому, как быстро проходил человек. Но вещи были так знакомы, как свои личные [1].

Легкий, прозрачный вечер, чуть-чуть озаренный красной полосой низкого заката, был похож на белую ночь — ночь без теней и тьмы. Пыль под ногами уже тяжелела от росы.

Чем ближе к зоне огня, тем все оживленнее становилось вокруг. Множество людей, неизвестно откуда взявшихся, стояло и лежало в поле. Вереницы бойцов шли с пустыми ящиками в одну сторону, а с нагруженными — в другую. Слышался приглушенный разговор по телефону где-то у самой земли. Очередь бойцов лежала у военторговского разносчика, который, стоя на коленях, ощупью находил и отпускал свой товар. В воздухе запахло хлебом, махоркой, сапогами. Откуда-то, прямо с поля, поднималась мелкими струйками плоская полоса тумана. Это и был противотанковый ров, уже занятый по своим внутренним скатам шумной, веселой аудиторией, курившей и чему-то весело смеявшейся.

Павшина [2] любила фронт за полное и ясное довольство жизнью, которое проявлялось здесь в каждом. Уж если смеялся человек, так от всей души, если бывал храбр, так всем существом, если подл — так во всех смыслах, а не так, как в тылу: «подлец, сукин сын, но талантлив». На фронте мало разных «но».

— Кстати, вы, люди искусства, обратите на него внимание. Трус, вы понимаете, был классический, под суд отдали, а теперь — к ордену представили. Загадка, а? Кто бы мне его раскрыл, как таблицу умножения? Я бы тому ничего не пожалел. Как один в деле — успех, как в группе — провал. Никто не понимает, в чем дело. Вот он, пожалуйста.

Ночь пала сразу. Она была черной и тихой. Звенящий шёпот кузнечиков не нарушал ее грузной, похожей на низкую тучу, тишины.

Ночь была темна до пустоты. Земля точно обрывалась у ног. В мире существовал только глухой гул голосов да тихий шелест воды.

Бой, шедший за горизонтом, казалось, быстро надвигался к реке, но к рассвету, когда казаки вышли к развалинам кирпичного завода, зарево слилось с розовеющим небом, и стало казаться, что бой откатился назад и даже вовсе затих. Дым, сходясь в тучи, зловеще нависал над просыпающейся степью. Сторож завода, тяжело вздыхая, объяснил, что тут пусто с прошлого вечера, что немецкие мотоциклисты залетели на секунду лишь в начале ночи, а часа два назад слышен был лязг танков в балке, километрах в трех по прямой *. Итак, поле сражения было рядом. Оно ле-

* *В автографе описка*: от прямой.

жало красивым полукругом неубранных хлебных полей. Завод стоял на пригорке и был окружен окопами и гнездами для орудий. Для коней это было тяжелое поле.

Когда решает человек дело, которому он не знал примеров, ничто не может повредить или помешать ему.

Война — хорошо знал он — не может быть сплошным наступлением, и бывают моменты, когда отступить необходимо и полезно, как необходимо вовремя отдернуть руку от огня, чтобы не сжечь ее.

Мозг превратился в слух и руководил дыханием. Только дыхание и сердце имели сейчас значение. Усталость была так велика, что страшно было передохнуть. Именно усталость поддерживала их в эту ночь, не позволяя остановиться.

Нет такого поля, которое не могло бы стать полем сражения, и нет такого сражения, которое нельзя было бы выиграть.

Тысячи погибали, а сотни тысяч закалялись такой злобой и такой ненавистью, которой еще не знала ни одна война.

... Вечер в кубанской степи. Зима на исходе. Уже тает и сочится последний снежок, уже курчавится молодая травка на косогорах и кусты держи-дерева в зеленых брызгах только что распустившихся почек.

Бейбулат с перевязанной головой ползет вдоль дороги. То и дело ему приходится нырять в прошлогоднюю кукурузу — по дороге идут танки, машины с боеприпасами. Впереди у развилка немцы-водители на секунду останавливаются, чтобы взглянуть на указатель маршрутов. Все машины направляются влево.

Бейбулат подползает к столбу с табличками направлений: «*Анапа*» — и стрела влево. «*Темрюк*» — и стрела вправо.

Бейбулат меняет стрелы.

Мчится колонна танков. Немец-командир взглянул на столб со стрелами, пожал плечами, но машет флажком — вся колонна удаляется направо.

За танками направо уходят и машины с пехотой, и тягачи с орудиями, и штабные лимузины.

На горизонте звуки боя.

Бейбулат ползет обочинами дороги.

Столб с надписями и рисунками: Красный Крест — и стрела; пункт горючего (нарисована бочка) — и стрела; пункт технической помощи — и стрела.

Меняет всё как придется.

Немецкая санитарка на бешеной скорости подлетает к немцам, латающим два вездехода и тягач. Выскакивают санитары, пожимают плечами.

Автоцистерна стоит одиноко в степи.

... У перевязочного пункта скопление грузовиков без горючего и общее возмущение раненых и водителей.

В степи, потеряв сознание, лежит Бейбулат. В руках у него стрела с надписью «Питательный пункт».

Казачий конный взвод на полном скаку сталкивается с верблюжьим транспортом немцев. На их седлах надпись «Африка». Немцы в полной растерянности. Они твердо были уверены, что впереди свои.

... Казачья разведка ползет балочкой, выглядывает. По дороге в сторону от фронта несутся танки. По дороге к фронту несутся автоцистерны, санитарки.

Генерал в блиндаже. Звонок телефона. Он берет трубку.

— Путаница? Беспорядок? Вовремя! Честное мое слово, вовремя у них беспорядок. Атакуй, Иван Андреевич! (*Звонит.*) — Венера? Антон Сергеевич? Атакуй, родной! (*Звонит.*) — Диана? В атаку!..[3]

Вельговен, странствующий поэт Норвегии, ходил по всей стране с карманами, набитыми семенами, и разбрасывал их повсюду, в надежде, что хоть половина взойдет.

ПЕРЕВАЛ

Рассвет застал нас в начале перевала. Утро наступило мгновенно.

(Пейзаж укрепленного перевала.)

Осетин-проводник сказал:

— Конечно, благодарение нашей Красной Армии. Конечно, хорошо немца отбила. За это не говорю. Но жалко.

Я поглядел на него с удивлением.

— Жалко. Пропала работа. Ей-бог⟨у⟩. Мы ⟨бы⟩ здесь ему такой прием сделали — честное слово, на пятьдесят тысяч трупов. Минимум! — произнес он торжественно, как произносят клятву.

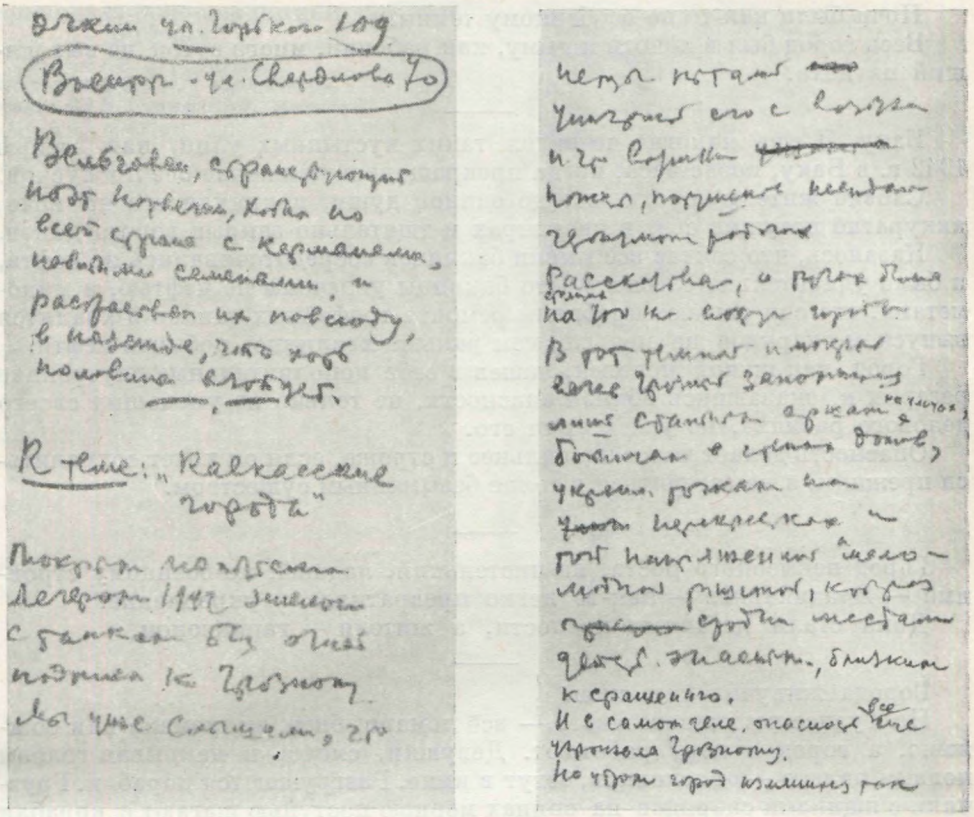
Сейчас проверяется всё. Слабое, жизнеспособное, существовавшее по инерции, безжалостно отметается. Сильное, прочное, смелое властно занимает передовые места. Всё, что воюет за правое дело, уважаемо и ценимо. Всё, что пытается переложить бремя войны на чужие плечи, теряет уважение общества. Только воинствующее прекрасно, будь это явление искусства или факт науки...

Слово писателя, его призыв, его песни, его лозунги доходят сейчас до таких глубоких слоев народа, до каких ранее он даже не мечтал дойти. Потому что никогда еще художник не был так нужен людям, как сейчас. Потому что никогда так не любил человек свою культуру, свой язык, свою песню, как любит сейчас, в дни тягостных страданий родины [4].

Было бы неверным утверждать, что гвардейцы Родимцева одни вынесли на своих плечах всю тяжесть обороны, нет, другие сражались не хуже, но Родимцев создал стиль борьбы, тот стиль, о котором сами же немцы (см. Таленского о Сталинграде) писали: «Только позднее будут зарегистрированы характерные признаки этой борьбы, не имеющей прецедента в истории войны, и будет создано тактическое учение об уличной борьбе, которая нигде еще не происходила в таких масштабах»[5].

Война — тяжелая, но могучая школа жизни. В ней не бывает не закончивших курса или исключенных за бездарность. Война учит и тех, кого она возносит, и тех, кого карает.

13/I вечером почти безлюдный Кисловодск. Тишина. Запустение. Далекий, далекий медвежий угол.



ЗАПИСНАЯ КНИЖКА П. А. ПАВЛЕНКО

Страницы с записью к теме «Кавказские города». Ноябрь 1942 г.

Собрание Н. К. Треневой, Москва

Город лежал как бы в глубоком обмороке. Всё как-то притаилось, сгорбилось. Парки стали реже, ниже. Уют соскочил с городов, как исчезает загар или румянец. Они больны.

К теме: «Кавказские города»[6].

Мокрым ноябрьским вечером 1942 эшелон с танками без огней подошел к Грозному.

Мы уже слышали, что немцы пытались уничтожить его с воздуха и что возникли пожары, потушенные невиданным героизмом рабочих.

Рассказывают о тучах дыма, стоящих на 100 км вокруг города.

В тот темный и мокрый вечер Грозный запомнился лишь стальными ершами на улицах, бойницами в стенах домов, укрепленными точками на перекрестках и той напряженной и малолюдной тишиной, которая сродни местам, действительно опасным, близким к сражению.

И в самом деле, опасность всё еще угрожала Грозному.

Но утром город изменился так резко, будто его за ночь переодели в другую робу, и представился нам хотя и близким к фронту и на угрожаемом положении, но городом, работающим до изнеможения на своих производствах.

... Земля еще сохранила местами следы пожаров. Путь огня угадывался по угольной черноте мостовых, закопченным стенам домов, останкам сгоревших механизмов.

Ночи были как-то по-особенному темны.

Весь город был в копоти и дыму, как рабочий, много суток не выходящий из цеха.

Баку. Я еще никогда не видел таких пустынных улиц, как осенью 1942 г. в Баку, после часа, когда прекращалось движение без пропусков.

Словно жители города, все до единой души, покинули его на ночь, аккуратно потушив свет в квартирах и тщательно закрыв ворота домов.

Казалось, что сейчас все мысли бакинцев сосредоточивались на нефти, и было удивительно слышать, что бакинцы увлечены не нефтью, а минометами, что они решают проблемы ремонта трофейных танков и хвалятся выпуском снарядов не меньше, чем раньше хвалились добычей нефти.

Город, как живой человек, нашел в себе дополнительные внутренние резервы и, оказавшись вблизи опасности, не только не уменьшил своего делового размаха, но удесятерил его.

Опасность делает человека сильнее и строже, если он хочет сохраниться прежним, а не затеряться в толпе безымянным существом.

Город невысокого роста, но чистенький, ладный, по-военному стройный — Владикавказ — как-то легко превратился в укрепление.

Дома стали деталями крепости, а жители — гарнизоном.

Города живучи, как змеи.

На Туапсе нет живого места,— всё ломано, бито, надломано или сожжено, а город и порт работают. Девушки, смеясь и накрывая головы полами пальто — от осколков, бегут в кино. Разгружаются корабли. Грузчики с ящиками снарядов на спинах мерною поступью шагают с корабля на берег. Осторожно блеснув фарами, [проносятся] машины, и звонко, голосисто, словно нет ничего в мире кроме этого звука, [раздается] сигнал маневренного паровоза.

А взрывы валятся и валятся, как титанические обвалы. Встает зарево — будто луна вылезает из-за соседнего дома, и в воздухе мешаются запахи взрывов, гари, взметенной пыли, как бывает при сильном ветре, дующем на город со стороны заводов.

Во втором акте огонь зениток стал таким оглушительным, что актер вынужден был повысить голос, чтоб его слышали.

Акт кончился криком, и холщевый занавес заметно колыхался оттого, что вздрагивало здание.

— Ну и пьеса! Ей-богу, зрителей поубивают до ее окончания.

Виктор Соловьев [7], 14 лет, сын бухгалтера райсберкассы в Ново-Титаровском, одноногий, на костылях.

Организовал вокруг себя человек восемь ребят 12—13 лет и организовал свою войну в станице.

Резал финкою скаты, выпускал бензин из автомашин, крал из автомашин винтовки, пистолеты. Рвал связь.

Отряд его работал месяца полтора. Немцы часто избивали ребят, но хромого никогда не трогали. Да и ребята его не выдавали, любили. Он окончил 5 классов.

Отец в армии, мать дома. Кроме Виктора, две сестры — Тося и Зоя — и старший брат Георгий были у партизан.

МАЛЬЧИК ИЗ ОСВОБОЖДЕННОЙ ДЕРЕВНИ

Рисунок В. С. Климашина.
Калининский фронт, 7 июля 1944 г.
Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

К теме: Витя Гусак.

Кто знает, сколько бессонных ночей провел он за фантастической игрой — в партизан, в Зою Космодемьянскую, в парашютистов или разведчиков. Мы ведь не всегда знаем, что снится нашим ребятам, чья биография волнует сейчас их мысли. Дети примеряют на себя только великие судьбы — переигрывают ли они заново Бородино с собой — Кутузовым, или бомбят Берлин вместе с Молодчим.

В сердце ребенка всегда живет что-нибудь грандиозное. Он хочет быть всем, что особенно ярко. И если слышит о страданиях, — прикидывает, перенес бы их сам или нет; если о героизме — превзошел ли бы он.

Сколько бессонных ночей провел он в жуткой детской войне с немцами, когда немцы были еще далеко от его города. Он сражался с ними ожесточенно, хитро, с дьявольской увертливостью, привлекая на помощь всё читанное и слышанное, и в его маленьком сердце, где легко и просто уживалось реальное с вымышленным, героизм был тоже легким и простым, совсем обычным делом, которое ему лучше было известно, чем взрослым, потому что он ближе был к героизму. Сколько раз, направляясь в школу, он воображал, что идет на опасный поиск, и ставил себе задачу на скрытность и внезапность подхода, на ловкий уход, на бой в окружении.

Когда мальчику отлично известны все проходные дворы в родном квартале и он знает все подвалы и чердаки своей улицы,— ему незачем воображать себя в Индии или в Африке. Он может совершить героическое, не уходя из дому.

Не однажды бывал он ранен в игре воображения, не однажды издевались над ним фашистские палачи, грозя смертью, но он выходил победителем из всех трудностей и так, играя, приучал себя к ним, как к неизбежному.

Чем ближе надвигались немцы к родному городу, тем игра приобретала все более острый характер, и все то великое, необыкновенное, что совершили подростки нашей страны в других городах и селах, неслось к нему со всех сторон, обогащая и укрепляя его дух.

И когда немцы появились в городе, он уже был готов к войне с ними [8].

Сейчас, на скромной фотографии, черты его лица кажутся резкими, энергичными, пожалуй, чуть грубоватыми. Но стоит вглядеться, и перед нами оживает ласковый, застенчивый паренек, больше мечтатель, чем практик, но мечтатель, который упрямо заставляет реальное работать на свою самую несбыточную мечту. (Тут из биографии.)

... В тот вечер, когда он впервые увидел немцев на улицах Краснодара, он еще не знал, с чего и как придется ему начать. Но он уже приглядывался к противнику и изучал его, выжидая.

Семья их жила пока более или менее спокойно, непосредственная опасность не угрожала им.

И план стал сразу же развиваться и укладываться в его голове.

Нет ближе героя, чем тот, который жил на твоей улице, был твоим соседом и учился в школе, где учился ты! Такой герой становится частью собственной души. Она наследница его геройства.

Батарея Зубкова [9].

Лес перебит. Деревья истерзаны. Воронки. Камни со следами осколков. Орудия в ссадинах. В четвертое орудие было три прямых попадания. Дворик бетонный разворочен. Щит пробит, прицел снесен. Орудие работает прямой наводкой и подбило два танка. В камбуз попадало семь раз.

После каждой бомбардировки пейзаж сопки меняется. (Мыс Пенай.) Пеначий мыс.

— Ну, пойду в гальюн!

— Раньше надо установить, где сейчас гальюн. Позавчера его отнесло на 60 метров.

Рукомойник уже третий. Два предыдущих уничтожены. Сегодня рукомойник прикреплен к последнему целому дереву перед КП Андрея Эммануиловича Зубкова. Сопка скальпирована. Много раз лес горел.

Погиб фельдшер Степан Иванович Стрельников, 39 лет, боевой, отчаянный.

Старший сержант Борисенко Илья, командир огневого взвода — тоже погиб. Был хороший мастер.

Пушки в ссадинах. Щиты залатаны. Стволы ободраны до сурика. Похоже на кровоподтеки.

Прямым попаданием 210 мм снаряда был разбит кожух у одного из орудий.

Орудие было умерщвлено. Теперь оно представляло из себя не более, как кусок металла, хотя все приборы его были целы. Тут же, под огнем, орудийники Шульги отпилили поврежденную часть кожуха, заново выточили копию поврежденного куска и надели на ствол. Пушка начала вторую жизнь. После этого она дала уже 800 выстрелов.

Мастерская Шульги за год восстановила 60 орудий армейской артиллерии и 485 — для кораблей и береговой обороны, причем иные пушки воскрешали к жизни до трех и четырех раз. Немецкие автоматы переделывают под советский патрон. Пулеметы тоже.

«Где тревога, туда и дорога» (А. Суворов).

Матушенко.

21.VI сдали Северную сторону.

За 9.VI на батарею Матушенко сброшено 800 бомб и 700 снарядов, а он сам выбросил 450. Но на батарее не было ни одного раненого, ни одного убитого.

Применил свою тактику — 4-орудийная стояла на 102 метра, а на новом месте пушка от пушки — 200 метров. Открывал огонь первой пушкой, потом переносил на третью и т. д. Если огонь шел методически, то стрелял всегда один боец, по очереди.

Для взрыва батареи оставил шесть человек. Они оставались два дня, потом переплыли залив.

Для учета падающих бомб и снарядов Матушенко выделил двоих краснофлотцев — они не успевали ставить палочки.

В течение 35 минут пикировало на батарею 165 самолетов. Из города наблюдали за батареей — она была все время в дыму. Ей из города посылали телеграммы.

И все-таки за ⟨все⟩ время ни одного убитого, ни одной подбитой пушки.

И когда подложили тол под пушки, южные прямым попаданием взорвали пушки.

К каждой пушке было шесть параллельных проводов — не помогло. Тогда на каждую пушку Матушенко поставил по рации.

Севастополь сдали 3.VII.

Уходя в бой на рассвете, Матушенко всегда брал с собой фонарик. А вдруг доживешь до вечера... пригодится.

Каски были надеты на бескозырки.

Младший лейтенант Середа. Был в Севастополе младшим сержантом. Когда он плыл от Херсонесского маяка к катеру, в него стреляли с берега. На воде торчали головы людей. Они тонули. Кричали раненые. Середа стал раздеваться в воде. Силы падали. Наглотался воды. Четыре катера уже набрали людей и ушли, пятый еще стоял, починял мотор. Втроем на автомобильной камере краснофлотцы подплыли к катеру. Он уже отошел. С палубы сбросили канат. Схватился за него, двое тоже уцепились за Середу, но он не удержал каната. Бросили ему из кормы другой, он замотал конец за руку, рука хрустнула, он сжал зубы, но не бросил конца. Потом его вытащили.

Несомненно, что каждый приходит к храбрости своим путем. Но каковы бы ни были эти пути, очевидно, что они не открываются случайно, их находят сознательно — в результате ли чужого подвига, общего ли успеха, который удесятеряет веру в себя, в итоге ли постепенно накопившегося опыта. Путь храбрости — это путь чести, т. е. благородства и гордости,— черт, не присущих людям с мелкой душой. Но, видно, может быть и так, что человек совершает храбрый поступок и проявляет подлинную отвагу, не желая этого и даже всеми силами противясь этому, но обстановка все-таки оказывается сильнее его.

Ведь бывает же, что человек научился плавать только, когда тонул, а до этого случая его никакими силами нельзя было уговорить не то что броситься с вышки, но хотя бы тихо и осторожно войти в воду на глубину своего роста.

Запас храбрости, наверно, подобен запасу живучести, органически присущ человеку, но у одного он как бы на поверхности, а у другого заложен настолько глубоко, что «разработка» его сопряжена с колоссальными трудностями, и только счастливый случай, который враз перетряхивает всего человека, способен сделать храбрость послушной и отвагу простой и естественной. Я думаю обо всем этом, слушая N. и глядя на него...

Видно, такой именно случай «нравственного землетрясения» и произошел с красноармейцем Иваном Аркадьевичем Ползиковым. Оставляя имя и отчество, я несколько меняю его фамилию, чтобы не срамить поступками прошлых дней биографию, ставшую примерной. В этом тем более нет никакого смысла, потому что между Иваном Аркадьевичем 1942 г. и им же в 1943 г. нет почти что ничего общего.

Тот Иван Ползиков, что начал войну с фашистами на белорусском театре войны, был человеком до крайности нерешительным, не верящим в свои солдатские силы, глубоко презирающим себя как воина.

В июле 1941 г., будучи в боевом охранении, он до того испугался ночной перестрелки, которую открыли, как потом оказалось, свои же, что едва не бросил винтовки, спасла случайность. Ефим Горшков наткнулся на обоз с продовольствием и, найдя большой круг швейцарского сыра, проткнул его винтовкой Ползикова. Потом они подняли ее на плечи и понесли вместе с сыром к себе в роту. Этот сыр только и спас оружие Ползикова.

В августе и сентябре того же года, да, впрочем, и в октябре, и в ноябре, до самого разгрома немецких войск под Москвою, Ползиков оставался тем же вялым солдатом, как и в первый день. Он стал заметно деятельнее, инициативнее лишь в вопросах хозяйственно-заготовительных.

Если ему нужны были портянки или полотенце, он смело обращался за ними к хозяйке той избы, где стоял на постое, и, если она отказывала, убеждал ее укоризненно:

— Чем немцу оставлять, мать, ты бы лучше своему отдала. Отдашь, зараза, вот что обидно, да еще поклонишься, верь мне.

Разгром немцев под Москвою в первый момент обрадовал Ползикова,— ну, слава богу, скоро войне конец,— а потом испугал — война становилась ожесточеннее, злее, и надежд, что он — Иван Ползиков — выживет, отступая или болтаясь где-нибудь в тылу, почти не оставалось. Ну, удастся прошагать еще месяц, ну, посчастливится отстоять дневальным или часовым где-нибудь во втором эшелоне соединения еще месяца два, но наступит же, наконец, тот страшный и неотвратимый день, когда очутится Ползиков под огнем, в самом пекле боя, и он будет его последним днем, за которым уже только смерть.

Ползиков твердо знал, что день испытания огнем обязательно наступит, но никак не готовился к нему.

Горшков — и тот уж на что был, кажется, неисправимый лодырь, начал учиться на пулеметчика; Заманевич — трус и ворюга, хоть и устроился письмоносцем, но попутно подучивался на связиста. Все, кого знал Ползиков, готовились к будущим испытаниям, и только он один краем сознания верил, что все-таки ему, может быть, удастся как-нибудь отвертеться. Могло ведь и так случиться, что часть перебросят на формирование или на другой фронт, или произойдет что-то, чего еще нельзя предвидеть, и страшное испытание еще несколько отдалится.

В январе и феврале 1942 г. так именно и случилось — Ползиков, как человек грамотный и честный, был командирован в глубокий тыл с каким-то хозяйственным поручением, был в командировке чрезвычайно расторопен и получил заверение, что будет взят в Военторг. И в марте 1942 г. его действительно взяли в Военторг работником прилавка...

«РУССКАЯ ПОВЕСТЬ»
Первое издание повести П. А. Павленко.
М., «Сов. писатель», 1942
Обложка

Можно сравнить сражение с оркестром, исполняющим сложное музыкальное произведение, когда от исполнителей требуется предельная чуткость слуха, чувство ритма и ясное, четкое понимание общей идеи произведения,— и в какой-то мере сравнение это будет верным.

Можно сравнить сражение и с выплавкой стали, процессом, находящимся на грани между наукою и искусством, где — уже как-то ближе к делу — в огне расплавленного металла, в его тончайших оттенках должен быть уловлен тот единственный и неповторимый момент, когда сталь готова. Предвидеть эту секунду или заранее вычислить ее нельзя — ее можно угадать только чутьем художника-сталевара, у которого не бывает «недоплава» и «переплава».

И такое сравнение тоже будет отчасти правильным.

Можно сравнить сражение, сложное современное сражение, с применением всех видов оружия и техники, с одним выстрелом, когда глаз стрелка, подчиняясь все тому же необъяснимо тонкому чувству решающего мгновения, приказывает руке произвести выстрел, и между рукою и глазом возникает такое тесное содружество, которое потом, в другой обстановке, уже нельзя повторить. И это сравнение тоже будет отчасти правильно. Оно, может быть, будет даже правильнее всех остальных, потому что в нем наиболее обнажено чувство мгновения.

Большое, сложное сражение, на подготовку которого уходит много времени, чувствительно ко мгновению, как сталь, как выстрел. Слагаясь из отдельных выстрелов, из стреляющих групп, из стреляющих массивов, оно на всем протяжении своем остается чувствительным к тому кратчайшему мгновению, которое определяет успех одного выстрела.

Мне кажется, что чувство времени — одна из самых важных черт современного боя, и тот, кто глух ко времени, кто не умеет составить себе

таблицу взаимодействия, расписать, как диспетчер, все большие и малые свои операции до боя и в течение его, тот никогда не будет иметь успеха, обладай он хоть львиною храбростью. Но тут, к чести храбрых людей, надо сказать, что им чувство времени, видимо, присуще органически как слух певцам, как зрение летчикам.

Недавно произошло страшное. Недавно я был очевидцем боя, где одно упущенное мгновение предрешило полный «переплав» операции. Вот как это произошло...[10]

Свист громче и ближе. Он прижался к земле лицом. Никакого страха. Похоже было, что и сознание распласталось где-то в глубине мозга, прижалось там к чему-то и тоже выжидало. Грохот!

Он выдохнул воздух, потому что, оказывается, не дышал,— и одно только: пока ничего!

А в это время уже летели балки, сыпалась штукатурка,— и тут короткое второе: лишь бы не задавило.

Но сознание уже осторожно выглядывало из своего укрытия, потому что свист следующей бомбы явственно удалялся.

Походзеев [11]. Он так много вкладывал в окраску слов, что говорил с каким-то своим собственным акцентом, унижая или возвеличивая слова, и чуть заметным изменением их структуры придавал им новый смысл и характер.

Он бывал груб, но все считали его человеком огромной души. Он был насмешлив и любил едкую, обидную шутку,— его считали весельчаком. В сотый раз я спрашиваю себя: что же сделало из него легенду?

Неотделимость от своего дела, слитность с ним. Он был органом своего дела, его функцией, которая жила тем, что действовала.

Если он вспоминал свое прошлое, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что оно здорово пригодилось, или для того, чтобы похвастаться, что он ловко использовал его для сегодняшних нужд.

Ко всему, что вне войны, он относился свысока.

О войне он может говорить, как Дон-Жуан о женщинах, со вкусом, со страстью, азартом, чувственно и цинически откровенно. Так говорят о женщине, которой овладели не без борьбы, но навечно.

1944

30 июня

ТРИ ГОДА

В четверг, когда дороги от Борисова к Минску оказались забиты отходящими немцами, в деревне Х. поняли, что Красная Армия близко. О том, что началось наступление, деревня уже знала. Сначала сообщила об этом партизанская газета «За Советскую Белорусь», потом догадались по беспокойству немцев, по быстрому, нервному передвижению их частей, по растерянности полиции, но никто, конечно, не представлял, что наступление пойдет такими темпами.

В общем, Красную Армию ждали к началу августа. Но в четверг 30 июня всем стало очевидно, что освобождение близко, что надо сейчас всеми способами укрыть от немца добро и как-нибудь спастись самим от угона в рабство.

Лес от Х. километрах в полутора, вдоль леса тянется старый, заросший густым орешником овраг — туда и бросились.

Немцы, их полицейские и даже эсэсовцы, никогда не устававшие совать свой нос в крестьянские дела, сейчас и внимания не обратили, что деревня опустела. И эта рассеянность немцев еще раз послужила подтверждением тому, что свои совсем уже рядом.

Прошлой зимой Максим Леонтьевич Машок, крестьянин из деревни Х., был задержан эсэсовцем на деревенской улице с маленьким висячим замком в руках. Что такое? К чему? Что запирать? От кого? Зачем человеку, у которого ничего нет, иметь замок? Максим сказал, что для хаты. Пошли, проверили и нашли на дверях хаты другой замок, за обман избили, оба замка отобрали и три дня подряд еще наведывались — установить, не появился ли в доме поросенок, курка или овечка.

А в четверг Максим погрузил в телегу оставшееся добро, посадил наверх троих ребят и жену и на глазах у немцев погнал коня к оврагу. Пятницу просидели, выглядывая изредка, прислушиваясь. От Х. не доносилось ни звука. В субботу брат Максима Михась решил пойти на разведку и вернулся к ночи веселый, с автоматом в руках.

— Наши пришли! Зовут домой!

— А немцы где? — спросили Михася.— Неужели все убегли до единого?

— Ни единого не видал.

И в субботу, даже не услышав выстрела, деревня была освобождена. А в воскресенье увидели первых людей из Минска, из тех колонн, что гнали немцы перед собою, когда уходили.

— Где немцы? — спросил Максим старичка в городском костюме и лаптях.

— Чёрт их знает, эту нечисту силу,— нет и нет... Удрали из Минску,— сообщил тот.

— Да нет, ты постой,— Максим остановил старика и стал допрашивать его с разными фокусами. — Да как же их нету? Да были же сотни тысяч! Три года сидели на наших шеях и вдруг — нету. Дождем, что ли, прошли, или ветром их разнесло?

— Я тебе говорю — нету, а куда делись, о том бóльших спроси,— сказал человек, идущий из Минска.— Я, брат, сам разгадываю, разгадываю, а ничего понять не могу.

Он хотел идти дальше, но Максим, которого уже окружили односельчане, остановил прохожего.

— Постойте, постойте,— сказал он. — Тут гадать нечего, дело ясное: раз их нигде нет, значит уничтожены.

— Дело ясное, что дело темное,— пошутил прохожий.— Конечно, одни побиты, другие разбеглись по лесам, третьи сдались. Это точно. Ну, а вот новых-то, новых, из Германии, не видать что-то. Спаси нас Христос...

Вечером в воскресенье всей деревней ходили смотреть на немцев, уничтоженных нашими танками верстах в шести за деревней, искали во ржи брошенное немцами оружие и установили ночное дежурство для охраны деревни. Решив этот несложный вопрос, долго не расходились. За три года это было первое собрание, первый открытый разговор об общих, как бы даже забытых делах, и Максим, двое братьев которого были расстреляны немцами, а сам он неоднократно бит и пытаем, предложил потолковать об уборке. Сеяли в этом году, как и в прошлом и в позапрошлом, единолично, гектаров по шести на хозяйство. Колхозный севооборот поломали. Уборку вели вручную, машины МТС были забраны немцами, и о том, чтобы развивать дело, забыли и думать. Ни птицефермы, ни свинофермы, ни колхозного пчельника, ни ясель,— каждый сам по себе, со своей куркой, со своим поросенком. Конечно, жить — жили, но того азарта, что при колхозе, когда богатели каждою осенью, не было и в помине.

— Какие же могут быть разговоры об уборке? — как бы недоумевая, строго спросил Игнат Терешковский.— Кто как справится. Дело хозяйское. Учить нечего.

— А Нюрка? — Максим задал этот вопрос и сам тут же испугался его последствий. Все-таки немцы были здесь позавчера и — чёрт их знает — не появились бы завтра.

— Что же Нюрка,— с прежней настойчивостью сказал Игнат.— Покойников считать, так — чёрт ее — и живым ни пуха не останется.

Нюрку, жену красноармейца, немцы расстреляли прошлой осенью, двое детей жили у чужих людей, ходили по хатам «в куски».

— А придет ее Степан,— продолжал Машок,— придет, может, раненый, святою кровью политый, да спросит: — а что вы, соседи, для моих ребят способствовали? Ну, что скажем тогда?

— Так он же в этой, Степан-то...— сказал Терешковский и замолчал.

Недалеко был Степан, муж Нюрки,— в Красной Армии.

— А Николай, а Олесь? — Максим продолжал называть односельчан, которых сейчас не было дома, но которые пребывали в партизанах и могли вернуться в любой час.

— Тут об себе как-либо позаботиться... — уже совсем несмело заметил Игнат Терешковский, добавляя: — А впрочем, чего я? Как сход.

---

78 немецкая пехотная штурмовая дивизия генерал-лейтенанта Траута сформирована в 1939 г. в Баварии, в составе 195, 215, 238 пехотных полков, 178 артполка и спецподразделений. Состав — резервисты Вюртемберга и Бадена, поэтому и называется Вюртембергско-Баденская. Солдаты подбирались особо крепкие, из числа вюртембергского кулачья. Эмблемой ее является железный кулак швабского рыцаря Геца фон Берлихингена.

В 1940 и в первой половине 1941 г. несла гарнизонную службу во Франции, с 19.VI. 41 — на советском фронте, восточнее Варшавы. ⟨Вела⟩ бои под Белостоком, Могилевом, Ельней, наступала на Москву в направлении Можайск — Руза — Звенигород. Понесла большие потери, ее 238 полк был расформирован и более не восстанавливался.

Из Орши форсировали Березину, пробивались южнее Минска, возглавив группу из трех армейских частей — до 8000 человек.

Пецлер Гейнц, ефрейтор, 1925 года рождения, из Штутгарта, сын учителя-языковеда.

— Как попали в плен?

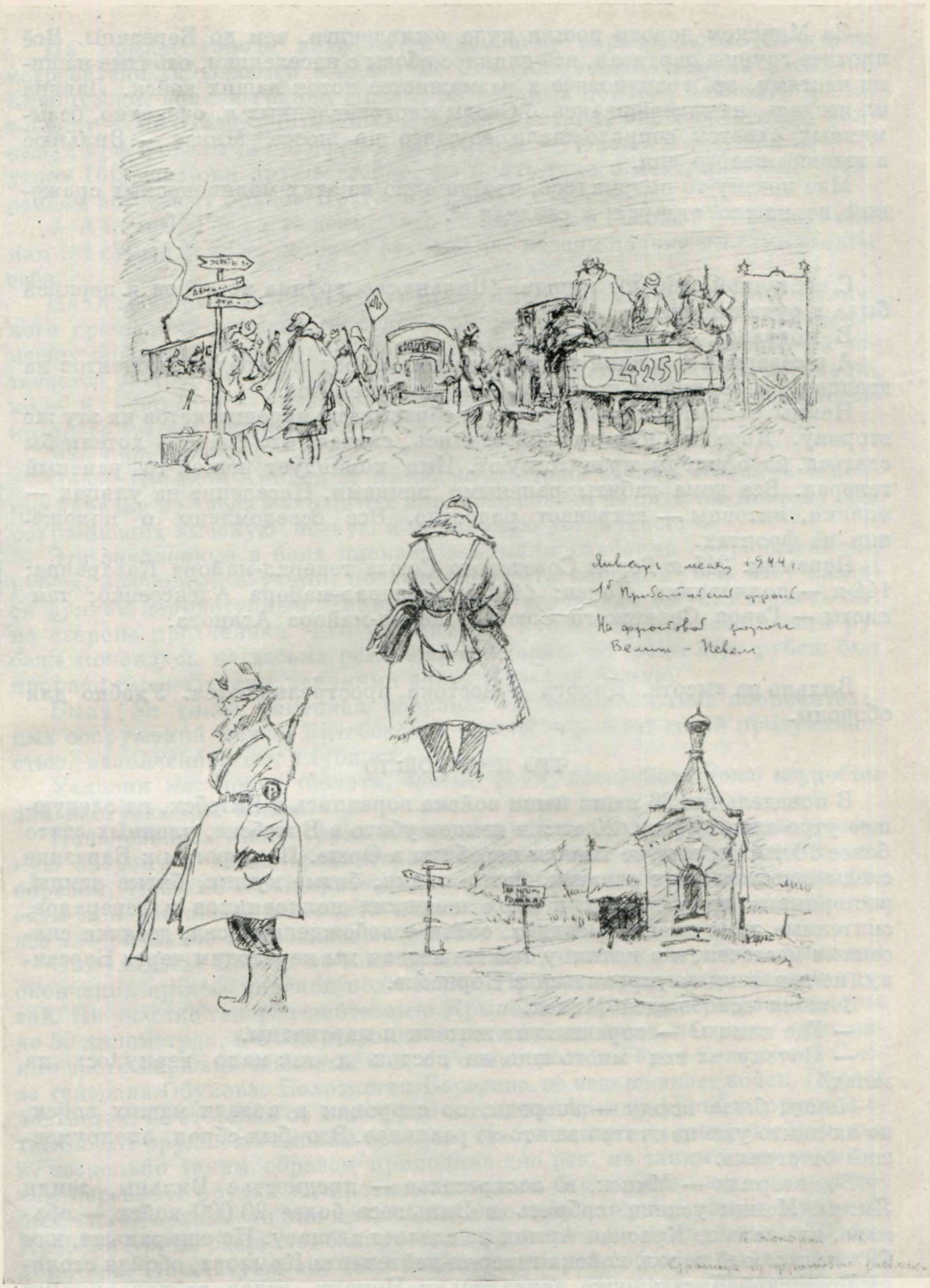
— Я стрелял до последнего патрона и не прятался от русских, и только после того, как погибло все мое отделение, я неожиданно был среди боя взят в плен.

— Ваша жизнь еще впереди.

— Я всё равно покончу самоубийством. Я убежден, что англичане и американцы жестоко расплатятся за бомбардировку германских городов. Я вас прошу, господин офицер, не записывать в протокол, что я убежден в победе Германии. В глубине души я сам в этом не уверен. (Солдаты этой дивизии прошли обучение, как они должны вести себя при сдаче в плен.)

Траут — крупнейший теоретик обороны — дал обещание защищать Оршу до тех пор, пока он сможет кормить свою дивизию из одной кухни.

На другой день нашего наступления он телеграфировал Гитлеру, что потеря района восточнее Орши грозит гибелью Германии.



«НА ФРОНТОВОЙ ДОРОГЕ ВЕЛИЖ—НЕВЕЛЬ. СТРАНИЦА ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА»

Рисунок А. В. Кокорина (перо). 1 Прибалтийский фронт, январь 1944 г.

Третьяковская галерея, Москва

За Минском дороги пошли куда оживленнее, чем до Березины. Всё плотнее группы партизан, всё длиннее обозы с населением, отбитые нашими частями, всё грандиознее и размашистее поток наших войск. Лавина их неслась, не задерживаясь... Следы многочисленных и, очевидно, безымянных схваток сопровождали едущего по шоссе Минск — Вильнюс в течение целого дня.

Мне почему-то подумалось, что ни одно из этих молниеносных сражений не нашло отзвука в сводках [12].

С восточной стороны города ⟨Вильнюса⟩ группа костелов и церквей была в руках немцев.

В подвалах — автоматчики.

А в северной и южной части — наши. Город пострадал процентов на двадцать. С верхушек костелов бьют из пулеметов.

Немцы бомбят южную окраину и сбрасывают парашютистов на эту же сторону. Двое из них тут же сдались, сказав, что ⟨давно⟩ хотели бы сдаться, но офицеры препятствуют. Ими командует какой-то раненый генерал. Все дома забиты ранеными немцами. Население на улицах — поляки, литовцы — встречает радостно. Все осведомлены о положении на фронтах.

Первыми: 215-я Героя Советского Союза генерал-майора Казарьяна; 144-я — полковника Донец; ⟨101⟩-я генерал-майора Алексеенко; танкисты — Героя Советского Союза генерал-майора Асанова.

Вильно на высоте. Дороги с востока простреливаются. Удобно для обороны.

ЧТО ПРОИЗОШЛО

В понедельник 26 июня наши войска ворвались в Витебск, на следующее утро взяли Оршу. 20 тысяч немцев убито в Витебске, пленных взято более 10 тысяч, многие тысячи перебиты в Орше. По дорогам к Березине следы ожесточенных схваток, битые танки, битые пушки, битые немцы, растерянные лица взятых в плен немецких полковников и генералов, смятенные лица пленных солдат, сотни освобожденных сел, десятки спасенных местечек, и в пятницу той же недели мы переходим через Березину, не дав немцам укрепиться в Борисове.

3 июля освобожден Минск.

— Где немцы? — спрашивают жители и партизаны.

— Почему их так много шло на восток и так мало вернулось на запад?

Немцы были всюду — впереди, по сторонам и позади наших войск, но их никто уже не считал за что-то реальное. Это был сброд, ополоумевший от страха.

Во вторник — Минск, в воскресенье — предместье Вильны, земля Литвы. Немцы успели собрать в Вильнюсе более 20 000 войск,— объявив, что дальше Красная Армия не сделает ни шагу. Но еще раньше, чем был взят самый город, войска генерал-лейтенанта Крылова, обойдя столицу Советской Литвы, уже двигались к Неману, вслед за подвижными частями Ротмистрова.

Немцы подбрасывают резервы с севера и юга. Их последовательно наголову разбивают на севере и юге от Вильнюса. Начинаются жестокие уличные бои, напоминающие тарнопольские.

На уютных зеленых улицах Вильнюса в бой ввязываются танки, самоходные орудия.

На крыши города спускаются немецкие парашютисты. Немецкие истребители включаются в наземные схватки. Уже на землях Западной Белоруссии, вблизи границ Литвы, на военных дорогах появился новый элемент — польские партизаны. В конфедератках, большей частью конные, с красно-белыми повязками на рукавах — юноши и девушки из всех углов Польши; они дружественно, но опять-таки с нескрываемым удивлением встречают бойцов Красной Армии.

— А немцы? Где же те немцы, что ушли к вам в Россию? — задают они нам тот самый вопрос, который вот уже две недели подряд мы сами задаем себе.

На Остробрамском кладбище, в предместье Вильнюса, под грохот уличного сражения, решающего судьбу окруженного немецкого гарнизона, между бойцами и офицерами Красной Армии и первыми горожанами затевается разговор о том необычайном, бесконечно для всех удивительном, но — в сущности — совершенно закономерном явлении, свидетелем которого мы все являемся.

Что произошло?

Перед Красной Армией от Витебска до Орши стояли отборные немецкие дивизии из числа мало битых или даже совсем не битых и поэтому еще сохранивших высокую боевую и моральную устойчивость.

Эти закаленные в боях дивизии занимали глубокий оборонительный рубеж, созданный с учетом последнего опыта войны. Рубеж этот казался фрицам неприступным. Таким образом, все шансы были, казалось бы, на стороне противника. Его уверенность в непроницаемости своего рубежа покоилась на весьма реальных факторах. 23 июня этот рубеж был прорван героическими усилиями войск Красной Армии.

Была ли слаба немецкая оборона? Нисколько. Схема оборонительных сооружений между Витебском и Оршей поражает своей продуманностью, законченностью, глубиной.

Условия местности (болота, частые реки, леса) были тоже неудобны для наступающих войск.

Понадобилось много труда и настойчивости, чтобы разведать немецкую оборону и затем организовать артиллерийское наступление таким образом, чтобы не только развалить и разрушить какие-то отдельные объекты или заставить замолчать какие-то группы орудий, но уничтожить все материальное и все живое на участке прорыва.

Это удалось. Пехота во многих местах бросалась вперед, не выжидая окончания артиллерийской подготовки. Прорвали километр, за ним другой. На участке генерал-лейтенанта Крылова прорыв быстро расширяется до 50 километров, и в эти широкие ворота классически вводятся подвижные части маршала танковых войск Ротмистрова и Героя Советского Союза генерала Обухова. Болотистая Березина не задерживает войск. Пехота двигается, не отставая от кавалерии и танков. Артиллеристы на руках протаскивают орудия по зыбким болотам. Набрасывают на дно реки каменья и, несколько таким образом приподняв дно рек, по таким подводным гатям перевозят орудия на противоположный берег. Что касается передовых частей пехоты, то они не наводят и мостов, а переправляются вплавь. Красная Армия разрезает белорусский фронт немцев на глубину до 200 километров. Но наступление 1944 г. ставило перед собою не только задачи прорыва и выталкивания противника на запад. Прорвать немецкую оборону и уничтожить или взять в плен его живую силу — вот что было задачей советского солдата летом 1944 г. Он ее выполнил. Бóльшая часть немцев, засевших на линии Витебск — Орша, была уничтожена и пленена, меньшая разбежалась по лесам или докатилась до Вильнюса и Немана. Смелый решительный замысел принес поразительные результаты. Войска вышли на оперативный простор.

В ВИЛЬНЮСЕ

Вечером 12 июля, после сухих и знойных дней, неожиданно похолодало, и грянул затяжной, утомительный дождь. На темных улицах Вильнюса еще сильнее запахло гарью. Дым, сбитый дождем к земле, стоял в узких переулках старого города до вторых этажей.

Огни пожаров, перемахивающие с крыши на крышу, уползли внутрь домов,— там что-то трещало, билось и лопалось, предоставленное случайностям этой жуткой и — все чувствовали — уже последней немецкой ночи.

Уличный бой медленно сдвигался к северо-западу, к району тюрьмы и госпитальной рощи, где все еще продолжали обороняться немцы. Они были окружены, разбиты на отдельные, теперь уже никем не управляемые, группы и уничтожались.

Вчера и третьего дня было много пленных, и уже становилось очевидным, что и у тех, кто еще не сложил оружия, не остается иного выбора, кроме плена или гибели.

Но это были самые отъявленные головорезы, смертники, запятнавшие себя злодеяниями на нашей земле. Они боялись плена. Они еще верили, что к ним придет помощь. Действительно, по ночам прилетали юнкерсы и сбрасывали на город парашюты с боеприпасами и горючим. Смоченные дождем, они вяло шевелятся на крышах, колеблемые ветром. Они спускаются с карнизов домов, как рваные театральные занавесы, они шелестят на мостовых, будто пытаются уползти в подворотни.

Незадолго до полуночи на улицы, условно играющие роль переднего края, подошла широковещательная станция, и над дымящимся городом разнесся голос нашего переводчика.

Стрельба стала реже, а вскоре и совсем прекратилась. Голос переводчика, как голос сказочного гиганта, один звучал в горьком воздухе дождливой ночи, обещая жизнь тем, кто сегодня сложит оружие.

Вскоре после полуночи на улицах вокруг последних очагов немецкого сопротивления зазвучали негромкие голоса. Немцы — сначала в одиночку, потом группами и, наконец, толпами — начали прыгать из окон первых этажей, вылезать из подвалов, спускаться с костелов и, шепча: «плен-лагер!», «плен-лагер!», выстраивались в колонны.

К утру 13.VII их насчитали пять тысяч человек.

По-осеннему зябкий день, ветреный и дождливый.

В городе тихо. Только у госпиталя да в роще еще слышны пулеметные очереди и хлопки ручных гранат. Однако жители еще не рискуют покинуть свои убежища в глубоких подвалах.

Но в костелах старого города уже нежно звучат органы и слышно пение.

Перед старинными сводчатыми воротами, на которых икона Остробрамской богоматери, весьма чтимой населением, преклонили колена проходящие партизаны, несколько заплаканных детей да человек с перевязанной рукой и обгоревшими волосами.

Старушка подметает узкую, шагов в шесть-семь улочку Доминиканцев. Антиквар на улице Бернардинов собирает разбросанные по мостовой книги и заколачивает досками разбитые витрины.

По Большой Замковой сиделки в белых халатах несут кровати — больница перебирается в дом, из которого ее выгнали немцы.

Во дворах вскрывают ямы, где спрятаны были вещи.

На Большой улице, представляющей на самом деле узенькую улочку, протянутую сквозь крохотные старинные площади, на доме № 46, у Ратуши, доска — здесь жил в 1824 г. перед отъездом из Литвы Адам Мицкевич. В доме сейчас польские партизаны.

НА НЕВЕЛЬСКОМ ШОССЕ

Рисунок А. В. Кокорина (карандаш). 1 Прибалтийский фронт, 1944

Третьяковская галерея, Москва

Потом мы находим на Литератской улице дом, где Мицкевич родился. Уже вечереет. На уютных улочках старого Вильнюса, свидетельницах многих столетий, завязывается беседа с местными людьми. Сегодня день Петра и Павла, большой праздник, и в то же самое время это первый день освобождения от немцев Вильнюса. В таком совпадении многие находят хорошее предзнаменование.

Старухи в прожженных юбках старательно подметают улицы. Битое стекло уже не скрипит под ногами в кварталах старины.

Старухи окликают проходящих знакомых. Сообщают, кто где, какие потери, какие беды в квартале.

На стене небольшой церкви с отсеченным куполом читаю надпись, что здесь в 1705 г. Петр служил торжественное молебствие по случаю одержанной победы над войсками Карла XII и крестил в этой церкви африканца Ганнибала, ⟨пра⟩деда Пушкина.

Старый Вильнюс пожжен, загажен, разграблен, но уцелел. Здание университета, насчитывающее четыре столетия, одно из самых красивейших, пострадало совсем мало.

Гораздо сильнее разрушены новые кварталы.

Сплошной зеленый листопад на всех мостовых. С деревьев сбиты все листья, сорваны ветви. Иные спеклись, как стояли. Здесь много домов, специально взорванных немцами при отходе, много пожаров и, конечно, нигде ни одного целого стекла.

Станислав Марьянковский с улицы Гедимина рассказывает, озираясь по сторонам:

— Чёрт их не возьмет! Говорили нам, что они самые культуральные

люди, а мы — поляки и литовцы — быдло. 9 июля они, знаете, согнали народ в кино «Пан», хотели пожечь живьем. Народ побежал, так они стали стрелять вслед. Спросите у всех, все скажут — это было.

Подходит один, второй, третий. Зовут поглядеть на женщину, раненую каким-то умирающим немецким солдатом.

Движимая состраданием, она подошла к нему, чтобы посмотреть, чем можно помочь,— а он поднял автомат и прострелил ей обе ноги.

Зовут рассказать о том, что происходило в гетто, показывают счастливцев, спасшихся от расстрела.

Зовут прочесть письма из Германии, где в рабстве томятся близкие.

В монастырь сестер-визитинок, рассказывает старуха, немцы свозили вещи расстрелянных. Монахинь заставляли разбирать чулки к чулкам, отрезы к отрезам. Перед ними стояли огромные плетеные корзины — в одни складывалось все лучшее, это отправлялось в Германию в качестве подарков от города Вильнюса, худшее же вывозилось на рынок под общей рубрикой «еврейские вещи».

Наклоняюсь над корзиной, предназначенной для лучших вещей,— детские акварельные краски, губная гармошка, стоптанные туфельки, рваный чулок.

Что же называлось худшими вещами?..

Этот день был замечателен тем, что являлся обычным пехотным днем после одного и накануне другого сражения; по счету 25-м днем наступления, начавшегося на 503-м километре, считая от Витебска.

Солдаты спали по несколько минут, как пчелы, по капле собирая свой отдых.

Смерть, когда бы она ни пришла, всегда приходит не вовремя. Но со смертью не сладишься,— все умирают рано или поздно, даже самые осторожные люди. Что же касается тяжелого ранения — дело случая, и его можно избегнуть, в каком бы пекле ни находился, если толково вести себя. Убеждение, что ранят чаще всего по глупости и по недоглядке, исповедуется большинством фронтовых людей, у Павла же Петровича Лукашева, рядового, оно было основой всего его солдатского уклада жизни.

... Если бы кто-нибудь увидел его, подумал бы, что он кричит на бегу, это он так дышал, со свистом и стонами. В это время усталость погасила в нем чувство опасности, и он, помнится, даже не принимал никаких мер предосторожности.

«Слово надо приводить в действие сообразно тому, что оно выражает».

Следы недавнего оживления виднелись по всему берегу, придавая ему вид становища, внезапно оставленного жителями. Блиндажи были еще целы, древесные стружки еще сохраняли свой сырой домовитый запах, а широкие колеи, прорытые в песке танками и орудиями, еще были сыры и влажны,— из-за них берег у переправы выглядел темнее, чем сухое песчаное пространство по сторонам. Неман — река не величественная, но очень серьезная. [В воображении он казался рекою куда более мощной, но такова уж] история: все, что ею освещено, выглядит значительнее, чем полагалось бы по существу дела. Все же это был приличный водный рубеж, серьезное препятствие, о котором в войсках много говорили на пути к нему, прикидывая и гадая, успеет ли немец зарыться здесь и сколько времени понадобится на то, чтобы сбить его.

Немец оборонялся на южном берегу Немана, но зарыться надолго не успел, и сейчас переправа была пустынна и одинока [13].

Алиев, Кязим Амир Ахмед, р. 1921 г., студент, добровольно ушел в Красную Армию с 1938 г.; с октября 1943 г. командует 612 стрелковым полком 144 дивизии. Уроженец Мардакьян, городского района Баку.

Полк в прорыве не участвовал. Полк взял (один) Богушевск, форсировал Березину у Палика, шли с плотами из хвороста, на покрышках через озеро Палик и пять дней дрались в Вильнюсе.

Два брата Алиева в армии — один, старший, на 1 Белорусском фронте младшим командиром, а меньший (1924 г. р.) на 1 Украинском фронте — рядовым. Дома одна мать и брат. Отец — нефтяник — умер.

Алиев служил в танковой дивизии Черняховского в начале войны. Поэтому у него темп танкиста.

В 1943 г. майор Шестер был замполитом, а Черняховский — командарм 60.

Помнит его требование — знать личный состав:

— Старшина должен уметь делать перекличку, даже стоя спиной к строю! Надо знать людей!

Первый приказ Черняховского по фронту — потребовал делать перекличку устно, а не по списку.

Все узнали Черняховского!

И Алиев знает своих по голосу, по походке, по обличью.

Пехота шла задумчивым шагом.

— Не раздражай пехоты, — сказал командир водителю и пояснил мне.—Пехота, знаете, не любит, когда ей мешают идти, заставляют жаться к обочине. Ровный шаг — это отдых — сберегает силы.

Есть лица, сохраняющие юношеские черты, несмотря на возраст и перенесенные испытания; есть глаза, в которых за мудрым сиянием зрелости вдруг блеснет искорка такого откровенного мальчишеского задора, что...

НА НЕМАНЕ

Среди холмистых солончаков разбросаны хутора. Крохотные рощи — в 20—30 деревьев — торчат на верхушках холмов, точно лес нарочито разбежался на отдельные звенья и рассредоточенно движется к Неману — на юг и на запад — к Балтике, подражая людям и танкам. Верст на 20 длиною туча медленно нарастает над горизонтом. ⟨...⟩

Винтовочные выстрелы почти не были слышны как выстрелы. Они сливались в сплошную трескучую фразу с довольно частыми пулеметными многоточиями в ее середине. ⟨...⟩

Самолеты, то отчетливо видные, то идущие на огромной высоте и слившиеся с голубизной, то «уточки», ныряющие от хутора к хутору и от рощи к роще, то «воздушные танки» — «ильюшины», то, наконец, шустрые «яковлевы» — ни на минуту не исчезали над совершенно безлюдными холмами. ⟨...⟩

Лошадь, беспокойно прыгающая на лугу, вдруг падала, далеко оглашая воздух звуками боли, или попавший под воздушную волну взрыва аист сразмаху шлепался на дорогу, занимая ее во всю ширину своим долговязым беспомощным телом.

Когда бойцы генерал-лейтенанта Крылова проходят усталой походкой победителей по улицам Вильнюса и жители обнимают их, как родных, и плачут слезами радости, припадая к пыльным и потным гимнастеркам, мне хотелось бы, чтобы каждый из встречающих знал, какой гигантский путь боевых испытаний прошел боец Крылова, прежде чем снять каску и отереть пот в столице Советской Литвы.

Когда при Тарасове говорили о чужих подвигах, он краснел, будто видел в этом немой укор самому себе.

1945

Трудно сказать, какое имела Ельня значение с чисто оперативной стороны, сыграла ли большую роль в военных событиях лета 1941 г., но с чисто моральной, психологической стороны это была победа огромной силы и значения. Это был тот первый удар в челюсть, который юноша-боксер наносит своему противнику-профессионалу, чувствуя, что сможет нанести и посильнее, понимая, что он устоит в бою и одержит верх.

Ельня была солдатской теоремой, решенной так, как всем хотелось. Солдаты поняли — немца бить вполне можно. Ельня была — я позволил бы себе сказать — нашим духовным Бородино, после которого уже ни одно самое тяжелое испытание не нарушило солдатской веры в победу[14].

Сила солдата не столько в мускулах и уменье играть в футбол, сколько в принципах. Верит он в свою силу — победит. Не верит — проиграет.

ПРИСТАНЬ НА КАМЕ[15]

Когда я вспоминаю нашу любовь и ее лучшие часы, в памяти моей всегда встают воспоминания о разлуках.

Жизнь нашу заполнили расставанья. Не встречи с друзьями, не оживленные балы, не путешествия в новые края, а всегда что-то грустное и несвоевременное заполняло нашу жизнь, внося в нее вместе с хлопотами и огорчением так много нежности, что иной раз душа уставала от нее, как от горя.

Из всех наших разлук одна была особенно грустна, но именно с нею связано в памяти ощущение огромного и полного счастья, благословившего нашу жизнь на долгие годы.

Стояла поздняя дождливая осень, вот-вот должны были грянуть первые морозы, но пароходы на Каме еще ходили. В тот военный год река обязана была трудиться как можно дольше, и жизнь берега, уже приготовившегося к скорой зиме, остановилась на распутье.

Под проливным дождем мы добрались с женой из города к пристани...

Что такое бессмертие?

— Это то, что после моей смерти долго будет необходимо потомству, это нужда во мне, когда меня уже нет.

Много ли нужно для бессмертия?

Нет. Только страсть.

ТАНКИ У РЕКИ

У реки, вблизи переправы, над свежей могилою стоит сожженный танк. Его видно издали. Рядом — следы горячего сражения. Они особенно свежи у переправы, прикрытой рвом, проволокой и надолбами из рельсов двухтаврового сечения. На их железных зубьях высится второй танк, третий же, тоже сожженный и пробитый местах в четырех, омертвел, уже проскочив надолбы. Как он промчался по этому сложному препятствию, понять невозможно, а вокруг нет никого, кто бы мог рассказать, после какого сражения и чью могилу охраняет обугленный танк-памятник, и сейчас непримиримо протянувший вперед, как древко знамени, свой исковерканный в бою ствол. Но все, кто проходит по дороге на запад, чувствуют, что дело за переправу было нелегким и не зря стоит танк на могиле.

На борту машины огонь пощадил эмблему той части, что дралась здесь: круг с двумя стрелами, пронзающими круг одна навстречу другой. Спустя несколько дней эта-то эмблема и привела меня в соединение гвардии генерала Ивана Антоновича Вовченко, а из него в танковую бригаду гвардии полковника Походзеева, знаменитую тем, что она шла головной от Орши до Немана через Смоляны, Толочин, Минск, Вильнюс и Алитус. Танк-памятник, как и три других, сожженных у переправы, принадлежал бригаде.

Стоял один из тех упоительно-прекрасных июльских дней, которые надолго запоминаются своей особенной, бьющей через край красотою. Все выглядело удивительно празднично — и легкие, едва проступающие на голубом небе облака, и сосновые боры, могуче благоухающие сухими, чуть подогретыми запахами хвои, и маленькие озерки, затканные ряской, и поля уже дозревшей, металлически шелестящей ржи, и даже пыльные дороги, так легко, игриво огибающие холмы, точно в их задачу входило непременно украсить и обогатить места, через которые они пробегали. Из хутора, прикорнувшего в густом яблоневом саду, широко и просторно неслись

СОВЕТСКИЙ ТАНК НА ПЕРЕДОВОЙ
Рисунок В. С. Климашина (карандаш). 30 июня 1944 г.
Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

звуки русской песни, исполняемой в Москве, и эта далеко слышная в тишине дня песня и сама его неправдоподобная, удивительная в обстановке войны тишина особенно напоминала праздник. Но день был будничный, тем только и замечательный, что он нечаянно оказался на редкость спокойным, как бы выходным. Вырвавшись далеко вперед, танки на сутки остановились, поджидая пехоту, чтобы сдать ей захваченный плацдарм, а самим снова ринуться дальше на запад. Восточная Пруссия была уже невдалеке. Танки стояли самыми первыми. Комбриг 19, опираясь на самодельную палку, прихрамывая, бродил по саду, недовольно ворча на тишину и дрему.

У изгороди, под тенью орешника, танкист, мурлыча песню, сосредоточенно варил в котелке варенье из лесной земляники, стряхивая с ложки на траву розовую пенку. Пахло жженым сахаром.

— Погромче Москву! — сказал полковник радисту.— Еще громче! Не могу, когда тихо. Танкисту нужен шум, грохот, тогда он в своей тарелке. Еще громче! Когда тихо, мне спать хочется. Подумайте, варенье варим.

Тишина дня и незажившая рана сегодня донельзя раздражали полковника, и он был рад вернуться к сражению у реки и мысленно еще раз ережить его.

И вот что услышал я о танке, стоящем памятником на придорожной могиле в сегодняшнем глубоком тылу.

Танки Георгия Антоновича Походзеева шли впереди подвижных войск. Они «торили тропу», пробивали первый след, прокладывали трассу победы впереди всех. Немцы отходили с боями, особенно цепляясь за переправы,— они еще пытались вывести из мешков и клещей кое-какую технику, а когда не успевали этого сделать, то уничтожали переправы, чтобы хоть на несколько часов задержать лавину нашего наступления. Генерал Вовченко поставил танкам задачу захватить переправу целой. Требовался молниеносный, ошеломляюще-дерзкий удар. Походзеев вызвал четыре танка под командой гвардии капитана Никиреева.

— Прорваться во что бы то ни стало к переправе! Распахнуть ворота любой ценой! Главное — быстрота! Не будьте дураками замедленного действия! Вперед!

Никиреев вывел свои машины строем кильватера с уступом влево и, скомандовав по радио «Быстрее делай, что я», на полном газу понесся к боевым порядкам немцев, за которыми были расположены противотанковые препятствия. Генерал и Походзеев подняли к глазам бинокли. Дело, на которое шел Никиреев, было рискованным, трудным и — сказать правду — почти безнадежным, если рассматривать его логически, исходя только из того, что может и чего не может сделать хороший танк.

Всем ясно, что танк не может с хода пересечь рва. Однако в бригаде Походзеева были случаи, что пересекали. Первый танк падал в ров наподобие мостика, и по его корпусу переправлялся второй.

Всем понятно, что танк не способен проскочить по надолбам, не сбивши их предварительно, но бывали случаи, что проскакивал, как факир по кинжалам.

Не формальной логикой жили танкисты-котельниковцы. Некогда ими командовал Ротмистров, теперь во главе их стоял боевой ученик Ротмистрова стремительный Вовченко, а в танках сидели люди, сражавшиеся под Ленинградом, на Дону и на Украине. Они научились решать задачи, казавшиеся неразрешимыми, и добиваться успеха там, где его ничто не предвещало. Кто бы, например, мог сказать, что танк способен перейти по дну реки глубиною в два метра? А на Десне именно так и было. В то, что это возможно, не верили даже после того, как реку пересекли.

Походзеев приказал заткнуть паклей и замазать глиной все щели вокруг мотора и вести машины на 1800 оборотах, рассчитывая, что вода не

П. А. ПАВЛЕНКО В ГРУППЕ ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Слева направо: П. А. Павленко, Шалва Радиани, Ираклий Абашидзе, Сандро Эули
Фотография. Тбилиси, 1943
Собрание Н. К. Треневой, Москва

успеет заглушить моторов за то время, пока танки преодолевают всю ширину Десны. Механики очутились по горло в воде, а танки выскочив на берег, как киты, фонтанами выбрасывали из себя воду. Сейчас четырем машинам гвардии капитана Никиреева предстояло овладеть дорогой для армии.

— Введите в дело второй батальон и самоходки! — сказал генерал, не отрывая от глаз бинокля.— Сейчас начнется.

Первый танк гвардии капитана Никиреева, а за ним и три остальных уже прорвали боевые порядки немцев и приближались к надолбам. Никиреев с хода ударил в них гусеницами — не пробил и остановился. И тотчас в него один за другим попало четыре «болванки», четыре бронебойных, и он загорелся.

Вступили в дело самоходки. Экипаж и автоматчики никиреевского танка залегли во ржи и открыли по немецкой пехоте огонь из автоматов. Танк гвардии лейтенанта Светлякова ринулся следом за первым, ударил по надолбам, прыгнул на них и — застрял. Еще секунда, запылал и он. В бинокль было видно, как, вылезая из люка, тяжело раненный Светляков повис на башне.

К надолбам неслись машины младших лейтенантов Бондяева и Шершнева. Немцы, не обращая внимания на огонь самоходных орудий, сосредоточили сейчас все внимание на этих двух героических танках, идущих на смерть.

Дым взрывов и густая пыль на время скрыли их с глаз Походзеева. Только высокий столб огня указал ему, где машины.

— Проскочили! — сказал он, не веря глазам. Танки Бондяева и Шершнева пылали за надолбами. Переправа была рядом. Угнетенные обстановкой, молниеносно сложившейся не в их пользу, немцы быстро собира-

лись за реку, забыв обо всем на свете, и вели бой теперь уже только за себя. За то, чтобы успеть удрать, а не оказаться в плену.

Как только запылали танки, а они загорелись очень быстро — один за другим, экипажи и автоматчики выскочили в рожь. У автоматчиков оружие было. Командирам же танков, башнерам и механикам пришлось действовать сначала ножами, а потом оружием, отобранным у немцев в рукопашной, и, наконец, снова ножами, когда боеприпасы были исчерпаны.

Как только переправа была захвачена и очищена от последних немцев, войска двинулись дальше,— танкисты стали искать тех из своих товарищей, которые не вернулись из первых четырех танков. Они нашли тела пятерых храбрецов, окруженные десятками убитых немцев. Это были гвардии капитан Никиреев, гвардии лейтенант Светляков, лейтенант медицинской службы Погодин, лейтенант Чеботарев и санитарка Маша Инкина. Тела погибших носили следы зверств и пыток. У многих были выколоты глаза, а у Маши Инкиной срезаны щеки и губы. Какой сумасшедший зверь, в панике спасая свою шкуру, нашел время мучить умирающую от жестоких ранений девушку? Где он? Не стоит ли он, опустив голову и поворовски оглядываясь, среди пленных? Не ползает ли на коленях перед танками, вздымая к небу руки и уверяя, что он не успел убить ни одного русского?

Впрочем, в тот день пленных было немного. Танкам их некогда брать. Войска стали переправляться через реку, не задерживаясь ни на минуту, и мертвые танки, догорая, еще освещали своим огнем проходящие мимо них колонны машин. Командиры отдавали честь погибшим впереди кораблям. Погибших героев похоронили у дороги. На могильный холм подтащили сожженный танк Никиреева, и он стал памятником собственной славы и подвига тех, над прахом которых он простер свое продырявленное стальное тело.

Танки с эмблемой — круг, а в кругу две стрелы, одна навстречу другой,— стоят недалеко от Восточной Пруссии. Гвардии младший лейтенант Шершнев, один из героев захвата переправы, говорит:

— Труднее того, что мы сделали, ничего не может быть. Немецкая граница — не река, не вал, а мы и реки и валы проходили. Где только ни погулял в это лето танкист наш! Где только ни отвел душу! За все года, за всех живущих и погибших друзей отвел душу! Теперь бы самый раз нам в Германию. Душа до крайности распалилась!

Походзеев, дав договорить Шершневу, заканчивает:

— Вот наварим варенья, поедим черники и — кроем вперед. Мы должны быть первыми на немецкой земле. Такой у нас уговор. Понятно?— И, видно, опять вспомнив этот тихий, стоячий, как вода в пруде, день, незаконно спокойный, несвоевременно неподвижный, он кричит радисту: — Громче Москву! Еще! На полный! Пусть хоть радио тарахтит, когда танки спят!.. Напустили тут тишины и — радуются.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первая запись, как и шесть последующих, относится к незавершенной повести Павленко «Во имя жизни». Тема повести разработана писателем в рассказе «Путь отваги» («Огонек», 1942, № 38); в переработанном виде рассказ вошел в сборник рассказов «Путь отваги» и в т. 3 Собр. соч. П. А. Павленко (Гослитиздат, 1954). Все эти записи в рукописи не сохранились — они печатаются по авторизованной машинописной копии.

[2] Павшина — персонаж из повести «Во имя жизни», актриса, выехавшая с театральной бригадой на фронт; в рассказе «Путь отваги» выведена под именем Лиды.

[3] Запись относится к неопубликованному сценарию «Газават». Рукопись не сохранилась. Печатается по авторизованной машинописной копии.

[4] Запись относится к статье «На огневых позициях», посвященной украинской литературе и опубликованной в газете «Литература и искусство» (1942, № 39, 26 сен-

тября). Рукопись этой и предыдущей записи не сохранилась. Печатается по авторизованной машинописной копии.

[5] М. А. Таленский. Великое сражение под Сталинградом. М., Госполитиздат, 1943, стр. 16.

[6] Тема «Кавказские города» частично реализована в очерке «Бакинцы» (Собр. соч., т. 5).

[7] Виктор Соловьев — герой рассказа Павленко «Мальчик на костылях». Вместе с рассказами «Завещание», «Последнее слово», «Потерянный сын» этот рассказ впервые был опубликован под общим названием «Простые рассказы» в газете «Красная звезда» (1943, № 95, 23 апреля); затем был включен в сборник «Кубанские рассказы». Публикуемая запись в рассказ не вошла.

[8] Эта запись (как и последующая) относится к рассказу «Витя Судак», опубликованному в журнале «Красноармеец», 1943, № 15.

[9] Батарея старшего лейтенанта Андрея Эммануиловича Зубкова в 1942 г. входила в дивизион героя Севастополя Матушенко и обороняла «Высокий мыс» — холм, который, по свидетельству писателя, немцы называли «гора Зубкова» («На Высоком мысу». Рассказ вошел в одноименный сборник — М., Военно-морское изд-во НКВМФ, 1943). Павленко в этом рассказе называет батарею Зубкова «дитя севастопольской славы».

[10] Писатель имеет в виду трагический исход Керченской операции 1941—1942 гг. Успех Керченского десанта не был закреплен и время упущено, что и использовал противник.

[11] Гвардии полковник Походзеев, командир танковой бригады. См. о нем в рассказе Павленко «Танки у реки».

[12] Запись относится к неопубликованному очерку «По дорогам Белоруссии и Литвы». Печатается по авторизованной машинописи.

[13] Запись относится к рассказу «Инициатива» («Красная звезда», 1944, № 184, 5 августа); в записных книжках этот рассказ назывался «Солдатская флотилия». Запись в печатный текст рассказа не вошла.

[14] Запись о Ельне относится к работе над очерком «Маршал Жуков» («Правда Украины», 1945, № 124, 24 июня, и журнал «Смена», 1945, № 15). Печатается по авторизованной машинописи.

[15] В записи речь идет о поездке в 1942 г. в Чистополь, куда вместе с другими писательскими семьями была эвакуирована и семья Павленко.

ВСЕВОЛОД САБЛИН

ИЗ ПАРТИЗАНСКОГО ДНЕВНИКА

БЕЛОРУССИЯ. 1943 — 1944 гг.

Предисловие и публикация Т. П. Мазур и А. В. Саблина

Всеволод Владимирович Саблин (1913—1952) происходил из семьи, оставившей заметный след в истории русской общественной жизни. Его дед М. А. Саблин был видным статистиком и общественным деятелем своего времени. С начала 1870-х годов он — один из редакторов газеты «Русские ведомости». Родной брат М. А. Саблина, Николай Алексеевич, был революционером, членом «Народной воли». В 1881 г. он участвовал в подготовке террористического акта — казни Александра II. Когда его должны были арестовать, он застрелился. Отец Всеволода Саблина Владимир Михайлович был известен как издатель и переводчик.

Литературная деятельность Саблина началась в 1931 г. на страницах ежедневной газеты «Мотор» московского завода «Динамо», где он работал слесарем. С этого времени его стихи и очерки регулярно печатались в журналах «Смена», «Рост», в газетах «Комсомольская правда», «Труд» и др. В сборнике «Наша заявка» под редакцией Э. Багрицкого («Федерация», 1932) были опубликованы стихотворения Саблина «Обязательство» и «Первый рапорт».

С 1933 по 1937 г. Саблин — студент вечернего Литературного института им. А. М. Горького. В 1935 г. в составе бригады молодых поэтов он был направлен на Северный Кавказ в творческую командировку для собирания материалов по истории гражданской войны, а в следующем году вновь отправился туда — на этот раз с целью собрать материалы о жизни и деятельности Серго Орджоникидзе. Итогом этой последней поездки явилась повесть «Чрезвычайный комиссар», написанная в соавторстве с З. Фазиным (изд. «История гражданской войны», 1938). Эта книга впоследствии выдержала 12 изданий, была переведена на многие языки народов СССР, а также на английский и немецкий языки. Вслед затем то же издательство выпустило записанную Саблиным книгу воспоминаний З. Г. Орджоникидзе «Путь большевика» (1938). Уже в послевоенные годы Саблин написал книгу для детей о юности Орджоникидзе («Сын народа», Детгиз, 1948), также тепло встреченную критикой и читателями.

С первых дней Великой Отечественной войны Саблин работает на радио, а в начале июля 1941 г. вступает в народное ополчение г. Москвы, в 4 Куйбышевскую дивизию. Вскоре он становится бойцом-пулеметчиком истребительного батальона НКВД г. Москвы. С января 1942 г. Саблин воюет на Калининском фронте и является военным корреспондентом газеты 37 армии «За отчизну».

В апреле 1942 г. тяжело контуженный в голову писатель попал в плен. В его очерке «Побег», сохранившемся в рукописи, подробно описано пребывание в лагерях для военнопленных. Саблин вспоминает: «Пытался ⟨бежать⟩ несколько раз, но всё неудачно. Однажды выдала своя русская женщина, и я получил двадцать пять — знаменитых „фюнф унд цванциг", которые так хорошо знакомы каждому военнопленному. Другой раз я пытался уйти, захватив с собой немецкую трехверстную карту. На ней была намечена линия фронта под Ржевом. Меня поймали в землянке обер-лейтенанта в тот мо-

В. В. САБЛИН — БОЕЦ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ «БУРЕВЕСТНИК»

Рисунок Н. Н. Жукова (карандаш). Минск, 14 июля 1944 г.

Внизу дарственная надпись художника В. В. Саблину, 11 сентября 1944 г.

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

мент, когда я только что сорвал карту с гвоздя ⟨...⟩ Я сделал третью попытку и в третий раз был пойман немцами. Меня посадили в гестапо». Лишь случайность и помощь товарищей спасли его тогда от расстрела.

Весной 1943 г. немецкое командование решило срочно строить аэродром под Бобруйском. Из разных лагерей отбирались пленные для работы на стройке. «7 мая 43-го года мы прибыли в Бобруйск,— пишет в том же очерке Саблин.— Нам приказали выгружаться, построили по три и погнали на восток от города — в сторону аэродрома». Новый лагерь пока был «неустроен», бараки не были обнесены проволокой. Вместе с несколькими товарищами Саблин разработал план побега, и с помощью двух русских женщин — работниц соседнего кирпичного завода — в ночь на 4 июля он бежал из

лагеря. «Заветный лес, спасительный лес! Я давно стремился к тебе. Не раз мерещился ты мне, мой спаситель, в дни тяжелых испытаний — на каторжных работах в плену, в мрачных подвалах гестапо. И вот, наконец, ты принимаешь меня в свои суровые объятья»,— пишет Саблин в цитированных воспоминаниях о побеге и о поисках встречи с партизанами.

Партизанское движение в Белоруссии возникло еще летом 1941 г. Благодаря активной помощи ЦК КП(б)Б в Белоруссии к августу 1941 г. был сформирован 231 партизанский отряд общей численностью свыше 12 тысяч человек [1]. Одной из крупных бригад, объединявших несколько отрядов, была 1 Белорусская партизанская бригада. Над книгой о ее командире М. Ф. Шмыреве Саблин работал в послевоенные годы. После смерти писателя была выпущена его документальная повесть «Батька Минай» (Минск, Гос. изд-во БССР, 1959).

Боевые действия белорусских партизан вынуждали фашистов размещать свои гарнизоны в городах и крупных населенных пунктах. Бóльшая часть Белоруссии находилась под контролем партизан. Характеризуя партизанскую зону на страницах дневника, Саблин пишет: «Мы часто любим говорить, причем говорить с гордостью, о нашей партизанской зоне. И правда, нам есть чем гордиться. Немцы ни в коей степени не являются хозяевами нашей белорусской земли. Все их гарнизоны окружены отрядами мстителей, и если когда-либо по окончании войны будет составляться карта оккупированной Белоруссии, то, по всей вероятности, немецкие гарнизоны будут казаться маленькими островками, затерянными в бушующем море партизанского движения» (запись 14 августа 1943 г.) [2].

Настойчивое стремление Саблина стать участником партизанской борьбы увенчалось успехом. Вскоре после побега он становится бойцом бригады им. Пархоменко (командир А. В. Львов, комиссар Н. В. Храпко; входила в состав Минского партизанского соединения). Саблин был назначен в диверсионную группу М. Ш. Шульмана, с которым его сразу связала крепкая боевая дружба [3]. В августе 1943 г. он участвует в подрыве крупного железнодорожного моста в районе ст. Дятловичи, а в ноябре того же года — в борьбе с карательными экспедициями противника в Глусском районе. В боевой характеристике, выданной ему секретарем Минского подпольного обкома партии И. А. Вельским, отмечено: «На своем личном боевом счету имеет 25 убитых немецких солдат и офицеров, 13 раненых, 12 взятых в плен и одного полицейского, подорвал 13 железнодорожных рельсов, 1 железнодорожный мост, 1 вражескую автомашину и 1 вражеский танк» [4].

С первых дней пребывания в отряде Саблин уделяет время и писательской работе: начинает вести дневник, пишет очерки, стихи. В ноябре 1943 г. И. А. Вельский предложил Саблину шире познакомиться с жизнью всего партизанского соединения. Саблина назначают «военно-партизанским корреспондентом»; он объезжает отряды и бригады, участвует в проводимых ими боевых операциях, проводит беседы с партизанами, читает им свои произведения.

Именно в это время становится особенно интенсивной и плодотворной творческая работа писателя, опиравшаяся на более широкий опыт, чем это имело место раньше, когда он был связан только со своей группой, со своим отрядом. По мере накопления этого опыта, планы литературной работы Саблина все более расширялись. Кроме большой «партизанской повести», написать которую он мечтал, он задумывает несколько сборников очерков и рассказов, намечает план стихотворного сборника и т. д. Но суровая жизнь бойца-партизана не позволяла ему осуществить все, что было задумано: слишком часто надо было откладывать перо и бумагу и браться за пистолет и автомат. 19 апреля 1944 г. Саблин, перечислив в дневнике свои творческие замыслы, заключал: «Но это — чисто литературные мечтания. Кроме этого, есть самое основное — война. Нужно быть солдатом. А это неминуемо вносит коррективы во все литературные планы».

Последние месяцы своей партизанской жизни, с февраля 1944 г., Саблин провел, главным образом, в бригаде «Буревестник», которой руководил М. Г. Мармулёв, смелый, инициативный командир, в совершенстве овладевший трудным искусством партизанской войны, удостоенный впоследствии звания Героя Советского Союза. Вместе с этой бригадой, которая славилась как лучшая во всем соединении, писатель участвует

«МСТИТЕЛИ»
Сборник стихов и песен В. В. Саблина. Издание Руденского подпольного РК КП(б)Б, 1944
Обложка. Рисунок автора
Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

в «засадах» против гитлеровцев, в нападениях на фашистские гарнизоны, вместе с ней он переживает и трудную весну 1944 г., когда немецкое командование, выполняя приказ Гитлера об уничтожении белорусских партизан, бросило на борьбу с ними несколько дивизий, полицейские и охранные батальоны, много артиллерии и авиации [5]. Минские партизаны устояли в этом тяжелом испытании и, несмотря на подавляющее превосходство противника, сохранили свою боеспособность, свои основные силы. Летом 1944 г. они соединились с наступающими частями Советской Армии и вместе с ними вошли в освобожденный Минск.

Вскоре после этого командующий соединениями минских партизанских отрядов, секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б, Герой Советского Союза генерал-майор В. И. Козлов предложил Саблину принять на себя обязанности организатора и научного руководителя вновь создаваемого Музея Великой Отечественной войны в Минске. Став заместителем директора музея по научной части, Саблин, вместе со многими своими соратниками, провел большую работу по собиранию материалов для истории партизанского движения в Белоруссии.

В июле 1945 г. Саблин возвращается в Москву и отдается целиком литературной работе. Он много ездит по Советскому Союзу, пишет очерки о возрожденной Белоруссии («Огни Белгрэса» — «Огонек», 1946, № 33—36), о шахтерах Караганды, Подмосковья. В эти же годы он обрабатывает свой дневник, на основе которого должна была быть создана большая партизанская повесть.

Неожиданная смерть оборвала этот труд писателя 20 мая 1952 г.

Архив Саблина, хранящийся в семье писателя, содержит разнообразные материалы, относящиеся к его партизанской жизни и работе. Среди них: рукописи стихотворений, очерков и рассказов, написанных в 1943—1944 гг., а также тех, над которыми писатель работал в послевоенные годы; записи воспоминаний и рассказов партизан; карты Белоруссии с указанием пунктов, входивших в партизанскую зону; альбом фотографий, в котором имеется также несколько топографических схем (путь побега из плена,

маршруты боевых операций группы подрывников под командованием М. Шульмана и др.); переписка с родными и с друзьями-партизанами.

Значительное место в архиве занимают тетради дневника писателя, отрывки из которого представлены в настоящей публикации.

Саблин начал вести дневник в первые же дни после своего прихода в партизанский отряд, то есть в начале июля 1943 г. Последняя запись в дневнике помечена 22 июня 1944 г. Он охватывает таким образом целый год, заканчиваясь за несколько дней до выхода бригады «Буревестник» из лесов и ее соединения с частями освобождающей Белоруссию Советской Армии. Поразительно, с какой аккуратностью и систематичностью, день за днем, вел писатель свой дневник. Если боевая обстановка не оставляла времени для записей, он пользовался первым же затишьем, чтобы восполнить пропущенное, восстановить по свежей памяти события и переживания недавних горячих дней. Когда партизаны подвергались ожесточенной «блокировке» со стороны гитлеровских дивизий и полицейских отрядов, когда они оказывались в плотном кольце врагов, под угрозой полного уничтожения, Саблин прежде всего принимал меры к спасению своих дневников и рукописей. Он укладывал их в пустые стаканы из-под снарядов, закапывал в глухом лесном уголке, а потом, когда опасность проходила, разыскивал их и вновь приступал к выполнению своей работы писателя — партизанского летописца.

Дневниковые записи Саблин рассматривал как выполнение своего писательского долга перед народом и перед историей. 1 февраля 1944 г. он записал в дневнике: «Главная задача сейчас — собирать, записывать, внимательно наблюдать. Ценность этого труда несомненна. Ведь я — живой свидетель, за каждое слово свое могу поручиться, что оно истинно... Это будет очень нужно после войны и без сомнения будет представлять ценность исторического документа».

Во многих местах дневника Саблина звучат личные мотивы—горечь воспоминаний о плене, тоска по жене и сыну, мечты о встрече с ними; рядом с этим идут записи о творческих планах и об их выполнении, записи с авторской (в большинстве случаев критической) оценкой написанного рассказа или стихотворения и т. п. Однако не это составляет основное содержание саблинского дневника. Главное в нем — подробная, правдивая хроника партизанской жизни и борьбы. Писатель заполнял страницы дневника прежде всего обстоятельными описаниями боевых операций, в которых он сам принимал участие, зарисовками партизанского быта, портретами и характеристиками партизан; он записывал их рассказы о прожитой жизни, о путях, которые привели каждого из них в отряд; он нередко останавливал свое внимание на той помощи, которую местное население оказывало партизанам, рассказывал о карательных мерах, предпринимавшихся врагом против мирных людей, об их уходе в леса, где они создавали «гражданские» лагери, спасая себя, свои семьи, свой нехитрый скарб.

Так личный дневник писателя становился своеобразной летописью жизни партизанского края в самом сердце непокоренной Белоруссии. И это придавало ему особую ценность — прежде всего в глазах самого автора. «Мои дневники, — писал он 19 апреля 1944 г.,— ⟨...⟩ мне очень дороги. Пожалуй, они дороже мне, чем все статьи, очерки и стихи. Они полны наблюдений и личных партизанских переживаний, которые впоследствии могут вылиться то ли в книгу, то ли в ряд отдельных вещей».

Публикуемые ниже части дневника Саблина охватывают время с 20 февраля по 17 мая 1944 г. При отборе этих записей имелось в виду показать разные стороны содержания дневника; вместе с тем хотелось избежать излишней фрагментарности, сохранить известную цельность и законченность текста.

В приложении даются четыре стихотворения из сборника «Мстители», напечатанного весной 1944 г. в подпольной типографии Руденского райкома КП(б)Б. Два экземпляра «Мстителей» сохранились в архиве Саблина. Кроме того, один экземпляр этого сборника был им передан в 1950 г. в Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вместе с книжкой в библиотеку было передано письмо, в котором автор рассказывал, как было осуществлено это издание:

«О книжке «Мстители» могу добавить следующее:

1) В ту пору у нас не было вовсе бумаги и мне пришлось посылать нашего агента в Минск с двумя золотыми десятками (которые я добыл в бою в феврале

ПАРТИЗАНСКАЯ ГРУППА ПОДРЫВНИКОВ ПОЛУЧАЕТ БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Дает задание группе командир отряда У. Шваяков. Крайний слева — командир группы М. Ш. Шульман, рядом с ним — В. В. Саблин

Фотография. Партизанская бригада им. Пархоменко (Минское партизанское соединение), район Зеленковичей, лето 1943 г.

Внизу дарственная надпись М. Ш. Шульмана В. В. Саблину

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

1944 г. под г. Уздой Минской обл.). Агент привез под сеном немного бумаги, часть из которой и была использована для издания этой брошюры. Тираж ее был очень ограничен: экземпляров 20 заслали во вражеские гарнизоны — для разложения полицейских, экземпляров 20 — в оккупированный в то время Минск, штук 30 распространили среди партизан.

2) Рисунок на обложке: набросок сделан мной, а клише — на куске березы — изготовил один партизан, член редакции Руденской подпольной газеты (фамилии не помню).

P. S. Среди партизан особой популярностью пользовалась песня „Мы — вестники бури". Ее обычно пели и в походе бойцы бригады „Буревестник"».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сб. «Непокоренная Белоруссия». М., Военное изд-во МО СССР, 1963, стр. 7.

[2] Здесь и ниже цитаты из дневника приводятся по подлиннику, хранящемуся в архиве писателя.

[3] В архиве Саблина сохранился очерк «В белорусских лесах» (с посвящением М. Шульману) — о боевых действиях этой группы.

[4] Цитируется по подлиннику, находящемуся в архиве Саблина.

[5] «Непокоренная Белоруссия», стр. 51.

20 февраля. ⟨...⟩ Мармулёв сказал мне, что он через час выезжает в далекий путь, и спросил меня, хочу ли я ехать совместно с ним. Я, конечно, согласился, хотя было бы лучше, если бы Мармулёв ехал не сегодня, а через недельку: у меня так хорошо наметилась первая глава повести, что жаль бросать дело неоконченным. Но — война прежде всего, и я пошел домой собираться. Собственно — это только слова, ибо «сборы» мои заключаются в том, что я, спрятав рукописи, надеваю шапку и кожух, на бок прицепляю пистолет и — солдат «к бою готов».

Мы вышли из Черной Слободы пешком. Майор сидел еще на печи, ибо он до Колодина решил доехать верхом. Отряды же потянулись по пересеченной местности в сторону Распутья. Привал. Перекур. Ни у кого нет табака, поэтому все налетают на местных дядек и просят закурить. Просят друг у друга «сорок» и «двадцать». Свисток. Трогаемся дальше. Впереди идет Семен Заварыкин — командир первого отряда «Буревестника» — молодой паренек в черной кубанке, с ясными голубыми глазами, за ним идет командир второго отряда им. Кутузова — Яша Горожанкин. Его я знаю лучше других, потому что как-то ночевал у него в Пиличах. Тогда я был порядком на взводе, но все же помню, как он расспрашивал у меня, что делают за фронтом с теми красноармейцами, которые побывали в плену. Сам он когда-то был военнопленным, после бежал в партизаны, отличился, был награжден партизанской медалью первой степени, участвовал более чем в 130 боях, был назначен командиром отряда, но все же боялся — не придется ли ему после войны нести ответственность за то, что он был в плену. Мы долго сидели с ним ночью при свете лучины, и он рассказывал мне, как отступали наши с западных границ, какая царила бестолковщина и неразбериха, как расстреливал какой-то генерал отступающих красноармейцев, как он — Горожанкин — был ранен и попал в плен. В плену он чуть было не погиб, но наконец ему удалось устроиться поваром, и это спасло его. Вскоре, оправившись, он бежал и с тех пор неразлучно боролся против немцев вместе с Мармулёвым. И все же — он побаивался: а не попадет ли ему после войны? Как относятся в СССР к военнопленным? Не судят ли их? и т. д. Горожанкин родом из Иванова, рабочий. Это здоровый парень с монгольскими скулами, крупным ртом и маленькими, прямо китайскими глазками. Бровки он подбривает, и это делает его не вполне серьезным. Одет в прекрасный синий коверкотовый костюм, брюки заправляет в сапоги.

Сейчас Горожанкин идет впереди своего отряда, и на его плече стволом вниз висит автомат. За ним тянутся его бойцы. Меня поражает исключительная моложавость всех партизан. С улыбкой вспоминаю, как сегодня утром слушал какую-то радиопьесу. Поэт изображал партизан, сидящих у костра. Все они, по его словам, были волосатые и бородатые; в свете костра виднелись «стрелы усов». Как все это ложно, как все это далеко от действительности! Мелочь, но в ней видно незнание жизни нашей, кабинетное представление о партизанщине. Ведь на самом деле партизаны (почти без исключения) — молодежь. Преобладающий возраст — 20—25 лет. Но у Мармуля люди еще моложе — 16, 17, 18, самое большее 20. Ну и уж конечно — ни одного бородатого. А там — за фронтом — считают, что партизаны не изменились со времен 1812 г., что все они бородатые мужики, вооруженные топорами и вилами и этим «оружием» воюющие против «хранцуза». Нелепо, театрально, нежизненно!

За Распутьем мы сворачиваем в лес. Налево остается Волчий остров, тот самый, о котором я хочу написать рассказ «Волчье братство»[1]. Идем лесом. Дорога очень скользкая — идти трудно. Переходим через греблю. Это та самая гребля, где Болдырев — начштаба бригады Мармулёва — предлагал сорокинцам устроить засаду на немцев. Место действительно очень удобно — вокруг идут болота. Вскоре мы доходим до сожженного

М. Г. МАРМУЛЁВ — КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ «БУРЕВЕСТНИК»

Фотография, лето 1944 г.

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

моста. Здесь вынужденная остановка — люди переходят по обгоревшим столбам через речку Тепленку. Вокруг — леса. Могучие ели. Лес тихо шумит и о чем-то шепчет. Идущий вместе со мной начальник О⟨собого⟩ о⟨тдела⟩ бригады Петя Ловецкий [2] рассказывает мне о своей жизни. Это бывший студент, худощавый, с испорченными зубами. Он окончил в Минске литературный факультет Педагогического института, но не успел закончить сдачу госэкзаменов: война его застала в тот момент, когда он готовил педагогику. Учебники, конечно, полетели в сторону, тем более, что начались весьма сильные бомбежки города. Минск быстро эвакуировался. Петя несколько дней ожидал вызова в военкомат, сдал даже паспорт, но военкомат эвакуировался, и Петя в конце концов без документов вышел из города. Это было в тот момент, когда в Минске уже высадился десант и когда Петя чуть было не попал в руки немецких мотоциклистов. Целый год он вместе со своим другом жил в какой-то деревне, скрывался от немцев и, наконец, ушел в отряд Мармулёва. Был командиром отделения управления, а недавно назначен начальником О⟨собого⟩ о⟨тдела⟩. Работа ему не нравится. Но все же он с увлечением рассказывал мне, как выловил нескольких шпионов, в частности одного крестьянина из Теребели, связанного с Уздой. Любопытную историю рассказал про мальчика 12 лет, бывшего немецким шпионом, а сейчас находящегося в отряде Градова и служащего нам.

Быстро темнело. На конях проскочили майор, начштаба Болдырев и их адъютанты — Борлюгов и Коновалов. Мы, скользя по льду, двигались по лесной дороге. Неделю назад здесь проходили немцы. Они лесом обошли сорокинский пост и зашли в тыл. Сорокинцы заметили их слиш-

ком поздно, но все же двое из них, отстреливаясь, прорвали кольцо и ушли от немцев, а третий побежал на открытое поле, и здесь его схватили живьем. Ему предложили служить у немцев, и он согласился. Два дня немцы держали его в Валерьянах под арестом, а на третий день одели в форму изменника и дали оружие. Сейчас этот негодяй борется против нас.

— Вот здесь, верстах в двух был наш лагерь,— сказал Петя Ловецкий.— Мы жили под Колодино восемь месяцев и восемь дней. Хорошо здесь было жить...

Он принялся рассказывать о лагерной жизни, о том, как вольно и свободно чувствовали себя здесь партизаны, о том, как 16 раз бомбили их немецкие самолеты и за все время убили только одного партизана и ранили одну лошадь.

Вдалеке показался огонек. По мере нашего приближения к нему он все увеличивался.

— Это Колодино,— сказал мне Петя.— Вот здесь был наш штаб.

В темноте я с трудом разглядел следы пожарища. Угли, обгоревшие балки, разбросанные кирпичи. Кое-где видны остатки заборов, колодцы. Деревня полностью сожжена. Колодино, Рабановщина, Подзелень были уничтожены 8 января 1944 г., в тот самый день, когда было наступление немцев на лагерь Мармулёва. Люди все разбежались, но одного крестьянина — Николая Жигальского (родом из Минска, но жена его колодинская) — немцам удалось словить, и они растерзали его.

Мы подошли к огромному костру, в котором горели круглые, наполовину обуглившиеся бревна. У костра сидел Мармулёв в авиационной пилотке, которая очень не шла к его круглому лицу с большим картофелеобразным носом. На его широких плечах была надета немецкая ватная курточка белого цвета, крест-накрест шли ремни, на которых висели планшетка и маузер в большой деревянной кобуре. Кроме майора у костра сидели начштаба Болдырев, командир 1 отряда Семен, два адъютанта — Борлюгов и Коновалов — и трое связных. Майор попросил подвинуться, и я сел. Заметил, что сидит майор на бочке, Семен — на согнутом цинке, а Болдырев на доске, только что оторванной от забора.

Отдыхали около часа, ждали, когда подойдет командир третьего отряда им. Громова — Кусакин. Это старый сослуживец майора, они когда-то вместе были бойцами 85 артиллерийской дивизии. Болдырев шутя говорил, что Кусакин обязательно подойдет к костру, спросит разрешения обратиться и по всем правилам военного искусства доложит, что вверенный ему отряд по приказацию комбрига майора Мармулёва прибыл в расположение сожженной немцами деревни Колодино.

Ловецкий сидел рядом со мной и шёпотом рассказывал мне отдельные штрихи из биографии майора. Он — сын кулака, его отец имел 12 коней, и Мармулёв с детства очень любил галопом носиться верхом. Это он рассказывал сам в минуту откровенности. В армии он был не то рядовым, не то сержантом, а оставшись в тылу, создал отряд, действовавший в разное время то в Борисовском, то в Пуховичском, то в Узденском, то в Руденском или Минском районах. Летом 1943 г. он был ранен и летал в Москву, где ему присвоено было звание майора. Из рядовых — в майоры. Это случай не частый, но Мармулёв своими делами, без сомнения, завоевал себе право на это звание [3].

Вскоре к костру подошел невысокого роста человек, худощавый, скуластый, с маленькими воспаленными глазками. Лицо у него было весьма суровым, узкие губы строго сжаты. Одет он был в белый маскировочный халат. Приложив руку к лохматой кубанке, человек этот отрапортовал:

— Командир третьего партизанского отряда им. Громова — Кусакин прибыл в расположение деревни Колодино по вашему приказанию, товарищ майор.

Все невольно засмеялись, но Кусакин был по-прежнему строг и даже не улыбнулся. Голос был у него грубый, густой, и это очень не шло к его маленькой и тщедушной фигурке.

— А второй взвод где? — спросил Мармулёв.

— Следует по пятам.

Майор засмеялся:

— А не отдавили они вам пятки?

Все захохотали еще громче. Только один Кусакин был невозмутимо серьезен.

— Никак нет, товарищ майор, пяток нам не отдавили.

Тронулись в дальнейший путь. После яркого света костра мы ничего не видели и шли осторожно. Красные отблески костра освещали широкую спину майора, шедшего впереди меня.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и оказалось, что сейчас совсем не так уж темно. Я шел, скользил и все думал о своей новой повести, о том, как построить первую главу, как будет дальше идти разработка образов и т. д. Пытался отогнать эти мысли, думать только о походе, глубже наблюдать происходящее, чтобы после полнее зафиксировать события, но опять, против воли, возвращался к мыслям о Шульмане, о его жене, о его безумной храбрости, о его святой и непримиримой ненависти [4].

От Колодино мы длинною цепью — по одному — подошли к Теребели и свернули к шоссе Минск — Слуцк. Опять двигались лесом по узкой просеке и, наконец, вышли на поляну. Она была завалена спиленным лесом. Эти завалы сделаны против нас — партизан. Немцы опасаются засад, опасаются, что мы будем ставить мины. Но это не останавливает партизан, и — несмотря на все ухищрения фрицев — немецкие машины все-таки подрываются на минах, а немецкие колонны все же обстреливаются.

Через вырубленную поляну мы идем быстро, почти бегом взбираемся на высокое насыпное шоссе, прыгаем в канаву, опять перелезаем через завалы и скрываемся в лесу. Просека узкая, и в лесу очень темно. С трудом различаю спину шагающего впереди меня Ловецкого. Сзади раздается свист — это оторвался от нас третий отряд. Мы делаем привал и посылаем разведчиков разыскать Кусакина. Сами ложимся на снег. Все очень утомлены: пройдено по трудной дороге более 20 километров. Некоторые тут же засыпают, раздается храп. Я лежу под сосной и курю, пряча папироску в рукав.

Подтягивается третий отряд, и мы опять идем по лесу, которому нет ни конца, ни края...

21 февраля. ⟨...⟩ Мы всё еще идем лесом по большой насыпной дороге, которая тянется от местечка Дудичи (сожженного летом 1943 г.) до Узды. Начинаются завалы. Огромные бревна навалены поперек дороги. Мы сперва пробуем пробраться через них, но это очень трудно, и мы сходим с дороги в лес и между толстых стволов сосен обходим сперва один, а после и второй завалы.

Наконец, лес кончается, и мы идем вдоль того же большака, который тянется полями. Впереди — на невысоком холме видны отдельные большие деревья. Видимо, там стоит какое-то село. Мы подходим ближе, и вдруг из темноты возникают суровые очертания танка. Приглядываюсь — это наш, советский танк. Гусеницы разбиты, пушка на башне повернута в сторону леса. Этот танк стоит здесь со времен отступления Красной Армии. Невольно в голове возникает картина: лето 1941 г., гул немецких самолетов, запруженное народом шоссе... Танкисты отходили на машинах, пока не окончился бензин, затем они вылезли из танка, подорвали машину, взяли в руки пистолеты и пошли... Впереди были леса, за ними — в городах и крупных местечках — уже хозяйничали немцы, а фронт находился

где-то далеко-далеко, и добраться до него было трудно. Как сложилась судьба этих танкистов? Плен и голодная смерть? Партизанщина? А может быть, они оказались слабыми и малодушными людьми и поступили в полицию?..

Опять на дороге, словно изваяние, стоит бездействующий танк. Далеко растянулась перебитая гусеница. Мы идем всё дальше и дальше и, наконец, делаем привал возле третьего разбитого танка. Деревня Долгиново видна отсюда хорошо. Ровная улица, палисадники, белорусские однооконные и двухоконные хаты. В деревню мы не заходим, а только высылаем до первой крайней хаты разведчиков, которые доносят, что в Долгиново все тихо. Мы подымаемся и опять двигаемся в путь. Идем огородами; земля замерзла, и борозды напоминают взволнованное и внезапно застывшее море. После небольшого отдыха ноги отказываются шагать; они сделались словно свинцовыми и с трудом отрываются от земли. Но постепенно опять втягиваешься и шагаешь вслед за бойцами, которые тоже устали, постоянно спотыкаются и падают. Теперь мы идем полным бездорожьем — прямо по вспаханным черным и замерзшим полям, минуя деревни и поселки (так называемые «вёски»). Мы должны незамеченно пройти весь путь и — словно снег в летнюю пору — неожиданно нагрянуть на немцев. Идем мимо деревни Красное, задами проходим вдоль деревни Крестинтерн. Где-то неподалеку остается деревня Теляково, в которой «примаком» жил Милютин — начальник разведки штаба бригады им. Калинина.

Входим в лес. Зима этого года так мало похожа на настоящую зиму, что даже в лесу снега почти нет. Только в наиболее тенистых местах лежат обледеневшие сугробы.

Посреди леса, между деревнями Красное и Борки, имеется большая поляна. Уже серел рассвет, когда мы вышли на нее и увидали высокую вышку, а возле нее дом лесника и какие-то сараи. Лесничество пустовало. Мы прошли мимо дома с пустыми окнами и остановились возле сеновала, наполненного околотом*. Мармулёв приказал развести костер, но я не стал ожидать, пока хлопцы ломали сухие доски, и забрался на солому ⟨...⟩

22 февраля. Ночь я опять провел глубоко зарывшись в солому. Но все же было прохладно, и ноги озябли. Встал погреться к костру, возле которого вповалку спали партизаны, и услышал крики:

— Горишь! Горишь! Вся ⟨...⟩ обгорела!

Этот крик разбудил Мармулёва, он взглянул на часы и приказал будить людей: было уже половина пятого. Я выпил бутылку молока, захваченную еще вчера из Борков, и поднялся. Майор приказал гасить костры. Чумазые люди заворочались, стали раскидывать солому, на которой спали. Отряды построились. Интересная картина открылась моим глазам: яркое пламя костров освещает полуразрушенную хату лесника (надо же чем-либо топить две ночи!), колонны вооруженных людей, одетых как попало, и между людей бегает одичавшая кошка — единственное живое существо, оставшееся на опустевшем хуторе...

Опять мы идем бездорожьем — минуем Красное, Крестинтерн и другие какие-то поселки, названия которых я не знаю. Наконец, подходим к шоссе Узда — Валерьяны. На этом шоссе Мармулёв несколько раз делал весьма удачные засады, а однажды летом 1943 г. уничтожил в один прием 34 фашистских автомашины.

Шоссе оказалось завалено свежесрезанными соснами. Это работа местного отряда из бригады им. Рокоссовского.

— Мешают они нам,— сказал Мармулёв.— Вместо того, чтобы воевать — видишь, чем занялись...

---

* Околот — солома, оставшаяся после молотьбы.

Но все же Мармулёв решил сделать засаду именно здесь. Место было лесистое. Правда, лесок очень невелик — всего около квадратного километра, но отсюда имеется хороший отход через болото прямо в партизанскую зону. Лес расположен между деревнями Пырашево и Лоша, в семивосьми километрах от местечка Узда. Один за другим партизаны пересекают шоссе и располагаются на отдых в 500 м от дороги. В это время Мармулёв с командирами отрядов выходит на рекогносцировку местности. Мы подходим близко к шоссе между первым и вторым завалом.

— Не делайте лишних следов,— предупреждает майор.

Сам он забирается на пенек и внимательным взглядом оглядывает местность. Лицо его напряжено, раздулись ноздри крупного, характерного носа.

— Так вот, товарищи командиры,— наконец говорит он,— наша задача вам понятна: подпустить и стукнуть. Сделаем это так: ты, Кусакин, сядешь со своим отрядом возле второго завала. Одно отделение выдвинешь на другую сторону шоссе — их задача простреливать кюветы. Гранатомет поставишь прямо за завалом, а остальной отряд расположишь вдоль шоссе по нашей стороне. Ты, Горожанкин, сядешь рядом с Кусакиным. Огонь откроете одновременно. Семену особая задача: занять оборону возле первого завала, откуда мы ожидаем противника. Тот лесок отделяется от нашего поляной. Когда Кусакин и Горожанкин ударят по немцам, фрицы будут вынуждены бежать обратно — в тыл — и окажутся на поляне. Вот тут-то ты и стукнешь по ним... Противотанковые ружья придаются к отряду Кусакина. Расположить их в лесу позади стрелков. Ну, есть вопросы?

После короткого совещания командиры возвращаются к своим отрядам и начинают располагать людей. Майор в это время выходит в глубь леса и оказывается на болоте; с него видны две небольшие деревушки, мимо которых нам предстоит отходить. Мармулёв осматривает пути отхода и решает:

— Отходить будем на Подсеножатки, а там — на Румок.

Мы возвращаемся в лес. На командном пункте среди сосен на корточках сидит телефонист в большой лохматой шапке и говорит в трубку:

— Слушаю... Да, да... Значит, кончили тянуть? Ну ладно...

Холодно. Ноги окоченели. Майор говорит своему адъютанту Трофиму:

— Разведи, костер, только маленький. Надо носки просушить.

Через минуту костер уже пылал. Мы сели возле огонька: Мармулёв, Болдырев, Ловецкий и я. 〈...〉

Зазвонил телефон. Телефонист сообщил, что на шоссе задержано три подводы, следовавшие из Узды. Майор приказывает направить подводы на командный пункт.

— Ну, а пока суть да дело,— говорит Мармулёв, — недурно было бы перекусить.

Адъютанты вытаскивают кур, сваренных вчера в Борках, появляется водка, и мы садимся за завтрак. Холодную курицу разрываем руками и греем куриное мясо на костре.

— За успехи,— говорит майор и из горлышка тянет водку. Затем он передает бутылку Болдыреву, тот пьет и передает мне.

Поблизости раздается грохот колес, и к нам подъезжают три крестьянские подводы. Возницы-старики идут возле коней.

— Ну, что слышно, батя? — спрашивает Мармулёв одного старика с седенькой клинообразной бородкой.

— Чего чувать-то? — переспрашивает старик. — Да ничего, живем помаленьку...

— Я не про то... Когда немцы проезжали в последний раз по шоссе?

— Вчера ехали. С Узды пешие шли человек 100, а обратно с Валерьян на девяти машинах проехали.

— Значит, завалы сделаны сегодня ночью,— говорит Мармулёв сам себе и хмурится.— Мешают нам эти рокоссовцы. Если бы не было завалов, дело обстояло бы лучше.

Опять звонит телефон.

— Что? Что? Где немцы? — спрашивает телефонист в трубку.— Что? Сейчас...

Он подымается и говорит:

— Товарищ майор, немцы.

Мармулёв быстро вскакивает и склоняется над телефонным аппаратом.

— Сколько? — спрашивает он.— Прекрасно, прекрасно... Что? Прямо на вас идут? Близко?.. Снимайтесь и отходите. Да, да. Но только не обнаруживайте себя.

Мармулёв вешает трубку и выпрямляется. Я смотрю на его лицо и не узнаю его: обычное вялое выражение сменилось стальной силой, энергией, я бы даже сказал — вдохновением. Без сомнения, Мармулёв — поэт, но поэт особого рода, вдохновляющийся только в бою, в предчувствии смелой и решительной схватки. Особенно мне понравились его глаза — в них светилась неудержимая веселость, жажда боя, жажда сражения.

— Связные и адъютанты, за мной,— командует он и бросается вперед.

В эту секунду на шоссе гремит сильный ружейно-пулеметный залп. Слышен свист, а затем разрыв мины. Я вижу стариков-возниц. Они плашмя падают на землю. 〈...〉

— Давайте,— коротко бросает майор и, перепрыгивая через пни и буреломные деревья, мчится к месту боя.

Я бегу вслед за ним. Стрельба не прекращается. Различаю огонь русских и немецких автоматов. У последних резко лающий звук. Пули летят над нашими головами. Слышен их противный свист. Но это не останавливает майора. Он по-прежнему мчится вперед, и его широкая спина с перекрещенными ремнями мелькает среди кустарников и стволов деревьев.

Мы подбегаем к шоссе и видим фигуры наших бойцов, залегших за пни и стволы сосен. Они ведут сильный огонь по немцам, залегшим на противоположной стороне дороги в кюветах. Немцы нам тоже видны хорошо, особенно один фельдфебель с немецким автоматом.

— Много патронов тратят,— бросаю я на ходу.

Майор ничего не отвечает мне и вдруг, взмахнув автоматом, кричит:

— В атаку!

— Ур-ра! — поддерживают его связные, адъютанты и начальник штаба.

Вместе с Болдыревым мы бежим на правый фланг, где расположился отряд Кусакина. Майора я вижу хорошо: он подымает бойцов отряда Горожанкина. Слышен его резкий голос:

— Атака! Атака! Вперед!.. Да подымайтесь же вы, мать вашу так...

Он не сгибается, и пули идут рядом с ним, не поражая его. Болдырев тоже выбегает на передний край и кричит:

— Подымайся! Смелее! Вперед!

Я стою рядом с Болдыревым и, стараясь перекричать звук выстрелов, тоже что-то кричу, ругаюсь, зову вперед.

— Подымайтесь! — требует Болдырев.— Лейтенант, чего лежишь? А ты, командир отделения? Вперед, товарищи! За мной!

Бойцы ползут, их руки и ноги извиваются, как змеи, но они не в силах оторвать своего тела от земли. Один из бойцов с бледным лицом и испуганными глазами что-то кричит Болдыреву; мне удается разобрать только несколько слов.

— Невозможно... Вы видите, видите?.. — рукою он указывает вперед.

«ГИТЛЕР КАПУТ!»

Немецкие солдаты сдаются в плен бойцам партизанской бригады «Буревестник»

Фотография, лето 1944 г.

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

И вдруг рядом — в кювете, который находится по нашей стороне шоссе,— я вижу длинное и худое лицо немца. Ему, видимо, лет 35. На офицерской фуражке ясно выделяется эмблема «СС» — череп и перекрещенные человеческие кости. Немец этот на секунду показывается из кювета и дает короткую очередь из автомата.

И вдруг мы слышим крик:

— Ранили! Ранили!

Кто это закричал — сам раненый или сосед? Я так и не разобрал этого, ибо в это время Болдырев присел на одно колено, и я увидел его лицо, оскаленное от злости. Болдырев прищурил глаз и выстрелил из автомата. После быстро переменил позицию и дал еще одну очередь. Он бил по офицеру, сидевшему в кювете. Но офицер спрятался за пнем, и Болдыреву не удалось сразу снять противника. Тогда он стал выжидать. Вскоре из кювета показался околышек фуражки, затем длинное уродливое лицо... Короткая очередь из автомата Болдырева, и немец без крика упал навзничь.

А в это время шум слева, где находился майор, все нарастал.

— Ур-ра! Ур-ра! — неслось все более мощно, и, наконец, люди стали подыматься. Мы помчались вперед и выскочили на шоссе. Я увидал четыре машины — большие, выкрашенные в белую краску.

— Поджигай! — услыхал я голос майора и в это время увидел, что в кювете ворочается человек в зеленой шинели. Только сейчас я заметил, что у меня в руках нет оружия. Сделалось смешно: участвую в атаке, а пистолет вытащить из кобуры позабыл. Рассеянный литератор! Быстро отстегнул кобуру и бросился к немцу. Он увидел меня, обернулся. Это был тот самый немец, в которого бил Болдырев. Лицо его было перекошено, фуражка упала на землю и на виске виднелась кровь. Я увидел его оскаленные зубы — вся верхняя челюсть была золотая.

Дослал патрон в патронник и прыгнул в кювет. Немец что-то закричал, но в эту секунду я выстрелил ему прямо в открытый рот, и он упал, так и не закрыв своих бесцветных глаз.

Оглянулся. Мимо меня, прыгая через кювет, бежали партизаны, над машинами подымались столбы черного дыма, вели пленного с окровавленной щекой и синяком под глазом, кто-то тащил огромный раздутый рюкзак, а несколько партизан толпились посреди шоссе возле уже подожженной машины и вытаскивали из кузова мешки, посылки, чемоданы...

Выстрелы всё еще продолжались.

Я склонился над убитым немцем, срывая с его груди ордена и медали. Вытащил из кармана документы. Немец всё еще хрипел, и из его рта пузырилась кровь, смешанная со слюной. В это время к трупу подбежал какой-то партизан, задрал один, после другой рукав его шинели, и я увидел часы с металлической сеткой. Партизан сорвал часы и куда-то побежал. Ему на смену подошли еще два партизана. Один из них деловито принялся стаскивать с офицера сапоги, а другой, заметив, что я снимаю с офицера погоны, удивленно и даже презрительно посмотрел на меня и проговорил:

— Что ты ⟨...⟩ занимаешься? Одежду сдирать надо, а он в цацки играет.

Я оставил труп и опять вышел на шоссе. Повсюду валялись трупы, большей частью уже раздетые. Партизаны успели молниеносно снять с них одежду.

На шоссе я столкнулся с Мармулёвым. Он по-прежнему был возбужден, только глаза были еще более веселыми, еще более радостными.

— Переднюю машину не жечь. Угоним ее. Где шофер? Где Сухоруков?

— Сухоруков! Сухоруков! — закричали вокруг.

В это время кто-то из партизан сообщил Мармулёву, что убиты командир отряда Горожанкин и командир взвода Животов.

— Горожанкин? — воскликнул майор.— Это точно? Эх, Яша...

Секунду он размышлял о чем-то. А вокруг всё еще суетились вооруженные люди, лица у всех были возбуждены. Пахло гарью, бензином. Дым от горящих машин черными клубами подымался в небо.

Передняя машина, которую майор решил угнать с поля боя, тронулась. Ею управлял партизан Сухоруков.

— Разбирать завал! Быстрее! — закричал майор.— Где пила? Давайте пилу!

Ему подали пилу, и он, быстро став на одно колено, вместе с еще одним партизаном принялся распиливать дерево, валявшееся поперек дороги. Работал он быстро, пила так и звенела под его мощной рукой.

— Оттаскивай,— приказал он и, не дожидаясь, пока его приказание будет выполнено, сам оттащил в сторону отпиленное бревно.

Шофер дал газ и поехал по шоссе в сторону деревни Подсеножатки. Трупы немцев и русских полицейских валялись на каждом шагу. Мы насчитали 20 убитых немцев-офицеров и более 70 трупов солдат и полицейских.

Майор увидел мальчика, лет 13—14, в полной немецкой форме, с черепом на пилотке. Это был юный эсэсовец. Один из партизан хотел пристрелить его, но Мармулёв приказал взять его живьем.

В это время подошел командир первого отряда Семен Заварыкин. Он свою задачу выполнил блестяще и почти всех немцев, думавших прорваться в тыл, уничтожил меткими выстрелами. Он потерял убитыми двух человек — командира отделения Череповского и адъютанта начальника штаба, с которым я вчера ходил в Борки, Леву Коновалова. Связной — Илья Шор [5] — рассказал мне, что во время атаки Лева один из первых подбежал к кювету, но там сидел немец, и он убил Коновалова в упор. Тогда

Шор залег и выстрелил по немцу из своей десятизарядки. Она была заряжена бронебойно-зажигательной пулей, и немцу снесло весь череп.

Засвистел свисток — это был сигнал отбоя.

А в это время Мармулёв тронул за плечо одного из партизан, державшего под мышкой немецкие бурки, и сказал:

— Бери валенок и расписывайся,— рукой он показал на обледеневшую дорогу, слегка присыпанную снегом.

Хлопец догадался, широко улыбнулся и валенком написал на снегу: «Мармуль» 〈...〉.

Сдача трофеев к этому времени была уже окончена и отряды отведены в сторону. На дороге, кое-где покрытой затвердевшим снегом, лежали груды различных вещей. Прямо на земле был разостлан большой плюшевый ковер ярко-красного цвета, усеянный желтыми цветами. Рядом были разостланы немецкие одеяла, на которых были свалены кучи самых разнообразных предметов: бесчисленное множество бритвенных аппаратов, помазки всех видов и фасонов, мыло песочное, туалетное, бритвенное, коробки конфет, печенье, плитки шоколада, зубная паста «Хлородонт», гребешки, серые немецкие носки, форменные пиджаки с погонами, крестами и медалями, брюки со следами крови, шинели, сигареты «Юно» в огромных пачках, легкий трубочный табак, сигары, папиросы, безопасные бритвы в красивых бумажках, солдатские вещевые мешки с крышкой из конской шерсти, ящик вина, корзины, наполненные яйцами, сало, жареное мясо, даже одна неощипанная курица и худой посиневший гусь. Было много и русских вещей — подстилок, ковриков, сапог, коробочек палехской работы, занавески, скатерти и другие вещи, наворованные у нас.

Командиры сортировали трофеи. Неподалеку лежало немецкое оружие. Груды винтовок, немецкие, чешские и финские автоматы, прекрасные пистолеты «Радом», «Вальтер» и «Парабеллум».

Вместе с майором мы подошли к грудам военной добычи. Я заметил, что возбуждение майора начало проходить, он стал все больше хмуриться, был чем-то недоволен. Я догадался, что он думает о погибших друзьях и ему неприятна игра мелких страстей, которая неизбежно возникает при дележе трофеев. Он некоторое время следил, как сортируют командиры туалетные принадлежности, одежду и продукты питания, после накричал на без дела толпящихся людей и пошел в сторону, переваливаясь, как медведь, с ноги на ногу в своей толстой белой ватной куртке 〈...〉

Я отошел от трофеев и направился к подводам, на которых лежали убитые партизаны. Для них война окончилась. Им не нужны безделушки, разложенные у дороги. Но они своей смертью заслужили бессмертие. Я увидел Коновалова. Страшно смотреть на мертвое желтое лицо человека, который полчаса назад был еще жив. Полчаса назад! А сейчас глаза у него плотно зажмурены, губы сжаты, а уши почему-то сделались синими.

Был человек, и нет человека. Нет и Горожанкина, окающего ивановского парня, который все беспокоился — не придется ли ему отвечать за то, что он был у немцев в плену...

Отряды выстроены. Командир подымает с земли брюки.

— Кому?

Крики, похожие на стоны, несутся в ответ:

— Мне!

— Мне!

— Дайте мне!

— Я совсем без брюк!

Руки тянутся к зеленым фрицевским брюкам, а в это время на подводах, закрытые одеялами, лежат убитые, завоевавшие эти трофеи, но теперь навеки смолкнувшие, чуждые всему, что творится на этой грешной земле...

— Сапоги!

— Дайте мне сапоги!

— Товарищ командир, сам погляди, что у меня за обувь!

А на подводе ворочается тяжело раненный боец, хрипит и спрашивает:

— Убит ли тот пацан, что шел впереди с офицером?

— Его мы в плен взяли,— отвечает ему возница-партизан.

— В плен? Живцом?.. Ох, дайте мне его... Ведь это он меня из пистолета...

— Кому шинель? — доносится издалека.

И опять начинается рев толпы, и в этом реве теряется тихий горячечный голос раненого...

Когда трофеи розданы, мы двигаемся дальше — в деревню Румок, где стоит партизанская бригада им. генерала Рокоссовского.

В Румке нас встречают толпы местных партизан. Все они с любопытством глядят на нас, особенно на пленных, и спрашивают: «Где Мармулёв, какой он?». Когда бойцы показывают им Мармулёва, один из рокоссовцев разочарованно говорит:

— А я думал он старик, с бородой...

Мармулёвцы хохочут, и в их смехе — гордость своим боевым командиром.

Командир бригады Рокоссовского Баранов высылает навстречу Мармулёву оседланную лошадь. Мармулёв скачет в деревню, а мы идем пешком, выпиваем по стакану самогонки вместе с Петей Ловецким, а после, устроившись на ночлег, весь вечер сидим за разбором захваченных документов. И мы выясняем следующее: нами убито 20 немецких офицеров-эсэсовцев, ехавших в отпуск в Германию. Почти все они кавалеры различных орденов. Есть среди них один, имеющий четыре железных креста. Медали имелись у каждого. Кроме офицерья убито более 60 человек — солдат и русских полицейских. Захвачена почта в Германию, в которой по всей вероятности найдется немало интересного.

23 февраля. С утра Мармулёв встал с головной болью, вчера его как следует угостили у рокоссовцев. Но все же настроение у него было отличное, он потребовал у Ловецкого немецкие ордена, надел форменный френч, нацепил пару железных крестов, серебряную немецкую медаль за заслуги, значок фашистской партии, нюрнбергский значок с хищным германским орлом и отправился гулять.

С утра я сидел дома, приводя в порядок впечатления пережитого и записывая воспоминания командиров отрядов о вчерашнем бое.

В середине дня хоронили убитых товарищей. Медленно двигались через деревню хмурые колонны вооруженных людей. Впереди — на руках несли четыре гроба; в них лежали тела Горожанкина, Животова, Коновалова и Череповского. Несли венки, сплетенные из стелющегося по земле моха. Прошли мостом, миновали шумящую водяную мельницу и, поднявшись на пригорок, остановились в соснах, где была вырыта большая яма.

Первым у гроба погибших выступил Мармулёв. Снял с головы авиашлем и по-простому начал:

— Товарищи! В честь 26-й годовщины нашей родной армии мы сделали засаду и уничтожили около 100 немцев и их наемников. Но подлый враг вырвал из наших рядов четырех прекрасных товарищей. Спи, дорогой Яша Горожанкин, спокойно спите, Животов, Коновалов и Череповский. Знайте, что мы отомстим за вашу гибель. За смерть одного партизана — погибнут десятки и сотни озверевших гитлеровцев. Смерть немецким оккупантам!..

Один за другим выходили старые друзья погибших — Шаковец, Темирканович [6] и другие ⟨...⟩

Медленно стали опускать гробы. Первым поставили гроб с телом Горо-

жанкина. За ним — Животова. Остались два гроба — с телами Коновалова и Череповского. Гробы были уже заколочены, и один из партизан спросил:

— Это чей?

— Коновалова...

— Давай...

Стали опускать гроб. Двое спрыгнули в яму, двое подавали.

— Смотри, не переверни.

— Эй, голова, осторожно!

— Не учи ученого...

— Да не ругайтесь же вы, черти.

Майор, стоявший рядом со мной, тихо сказал:

— Им ничего больше не нужно. Не нужны даже ваши писания...

— Книга дает человеку славу. А слава рождает бессмертие,— ответил я.

— Бессмертие нужно только живым,— ответил майор резко и безапелляционно. Я не согласился с ним, хотя больше ничего не сказал ⟨...⟩

29 февраля ⟨...⟩ Вечером ко мне зашел Шор. Мы долго беседовали с ним по вечному еврейскому вопросу — об антисемитизме. Шор — еврей, родом с Украины. Он окончил школу лейтенантов, был на фронте, попал в плен, но никто не мог определить, что он еврей. Все было бы хорошо, но нашелся один подлец — бывший его сослуживец — и он написал на него заявление, и Шора чуть было не расстреляли — его спасла только хитрость: он с группой евреев сидел в тюрьме, после пришел полицейский и приказал выходить всем, кроме лейтенанта. А в камере находился один умирающий от голода человек. Дело в том, что евреев не кормили, и Шор, имевший 100 граммов хлеба, делил его на семь человек. Пить не давали, и люди пили собственную мочу. Так вот, один еврей не мог выйти, и Шор решил: будь, что будет, и вышел вместо него. Полицейский пересчитал их и спросил, где лейтенант.

— В подвале,— ответил Шор.

Тогда полицейский зашел туда, и Шор услышал выстрел. После остальных погнали по городу. Люди качались от голода. Шор вспомнил, как тупым ножом резал он дубовую дверь в подвале, надеясь убежать. Подумал, что это было бессмысленно: у него все равно не хватило бы сил для побега. Пока гнали через город, немцы пристрелили троих, а троих сдали в Арбайтенлагерь СС, в тот самый, в котором сидел Цибульский [7]. Здесь Шор получил желтые латы [8] и ходил на работу в лазарет СС. На работе шинель выворачивал и выдавал себя за украинца. Ему удалось недурно устроиться, он торговал одеялами, простынями, обувью, скопил вместе с товарищами большую сумму марок и договорился с полицейским, который взялся помочь им в побеге. Но полицейский их предал, и все были расстреляны и замучены прямо на работе. Спасся только один Шор, который работал столяром и которого спрятал в мастерской немец. Вскоре Шор совершил вторичный побег, на этот раз удачный — и с мая 1943 г. он в бригаде Мармулёва. Здесь он успел отличиться храбростью, сметкой и находчивостью ⟨...⟩

3 марта. Весь день работал над очерком «Мармуль». Вчерне окончил. Вечером был на вечере, где партизаны с девушками плясали дрыгалку-польку. Пары смешно подпрыгивали, что в Белоруссии считается верхом шика.

В 23.30 — сводка. Наше правительство на запрос Финляндии о мире выставило свои требования, первое среди которых — интернировать немецкие войска. Наши успешно наступают и в районе Нарвы, и у Пскова, и у Кривого Рога.

4 марта. Перечитывал и доделывал статью. Сам не знаю — хорошо или плохо получилось. Читал очерк Мармулёву и Болдыреву. Мармулёв после чтения засмеялся и сказал коротко:

— Порядок.

Болдырев подтвердил:

— Толково.

Но всё же у меня самого нет еще определенного мнения о статье.

10 марта. Опять пошел снег. Все бело, но, конечно, это не надолго. Сейчас собираюсь вместе с врачом Николаем в санчасть, находящуюся при лагере Сидякина; там я должен буду почитать свои очерки нашим раненым.

В санчасть пошли вчетвером — Мармуль, ⟨комиссар бригады⟩ Рябуха, врач и я. Большая полутемная землянка. Около 20 человек раненых, все выздоравливающие. Только один очень тяжелый случай — прострелены легкие. Больной высох и напоминает скелет. Особенно страшны руки, худые, как спички; видны кости, обтянутые белой, словно неживой, кожей.

Выздоравливающие толпятся между нар. У некоторых подвязаны руки, некоторые на костылях.

Комиссар входит первым с папироской в зубах.

Его не узнают и начинаются дружные крики:

— Сорок!

— Двадцать!

— Я первый заказал...

— Ну, хоть десять оставь!

Комиссар улыбается и вытаскивает портсигар:

— Закуривайте, товарищи...

Все задымили. Майор поочередно обращается к бойцам, спрашивает о здоровье.

— Не везет же тебе, парень,— обращается он к полному партизану с несколько одутловатым лицом.— В третий раз ранят.

Партизан вяло улыбается и возражает:

— Напротив, товарищ майор: очень даже везет. Три раза ранен и ни разу не убит.

Все смеются.

Мы усаживаемся, и я читаю бойцам очерк «Мармуль» и песню. Раненые дружно смеются, когда я читаю запутанное объяснение бабы с комбригом, ее рассказ о подвигах Мармулёва. Затем, когда я перехожу к чтению тех страниц, где описывается бой и особенно смерть Горожанкина,— лица делаются строгими и серьезными.

Чтение окончено. Меня благодарят, просят еще заходить. Но у меня осталось неясное впечатление: понравился ли бойцам мой очерк или нет? У самого у меня нет твердого мнения — хорошо ли я написал его. Во всяком случае, в дневнике бой и особенно дележ трофеев описан интересней...

17 марта. ⟨...⟩ Между прочим Мармулёв предложил мне подготовить сборничек песен и стихов. Есть возможность издать его подпольно в наших лесных типографиях. Это очень заинтересовало меня, и я весь вечер сидел за составлением плана этого еще не написанного сборника. Думаю разбить его на два основные отдела: 1) жизнь в оккупированных районах, 2) борьба партизан против оккупантов.

18 марта. В Липняки приехало все начальство — заместитель командующего — Сабодаш, секретари РК — Альхимович, Немчин и Лапидус. После деловой части, на которой обсуждался вопрос о распределении между бригадами деревень нашей партизанской зоны, с тем чтобы каждая бригада имел свой участок обороны, а также место для хозяйственных заготовок,— начался обед, и я был приглашен к столу. После изрядной выпивки

«ПАРТИЗАНЫ В ПОХОДЕ»
Рисунок В. И. Курдова (карандаш), 1945
Третьяковская галерея, Москва

меня попросили прочитать новые мои стихи и очерки. Я читал очерк «Мармуль» и две песни. Сабодаш крепко пожал мне руки и сказал, что еще ничего подобного по силе и правдоподобию ему не приходилось читать о нашем движении.

Неужели это так? Думаю, он все-таки преувеличивает... Вечером слушали радио. Передавалась какая-то поэма, рассказывающая о том, как красноармеец-разведчик по прозвищу Ежик ходил во вражеский тыл и в какой-то сожженной деревне познакомился с девушкой, влюбился в нее, пошел на свидание и поймал немца. За доставку языка генерал наградил его буркой, и он поехал дальше воевать, унося в сердце образ любимой девушки. И вдруг, в конце передачи сообщили, что у микрофона выступал комсомольский поэт Лев Ошанин [9]. Лева! Он был на курс младше меня и как вырос он за время войны! Его вещи транслируются по всему миру, весь мир слышит его голос. А для кого работаю я? Ведь до войны я тоже писал книги, мои вещи тоже передавались по радио, а теперь? Возможно, я работаю впустую, и все мои труды даже не доходят до Москвы?

После окончания передачи ко мне подошел Альхимович и сказал:

— Я внимательно следил за выражением вашего лица. И я всё понял. Вам надо сесть за бумагу всерьез. Хватит мотаться. Нужно писать. А то ваши друзья перегонят вас...

Я был поражен его словами. Как он хорошо понял меня! Молодец Альхимович! Молодчина этот высокий и худой учитель, сто учеников которого сейчас воюют в партизанских отрядах!

22 марта. Составил примерный план книги стихов. Затем сел и быстро написал стихотворение «Партизанское кладбище» — о кладбище в Колодино ⟨...⟩

23 марта. Еще лежа в постели, я начал складывать стихотворение о заключенном, что томится в фашистской тюрьме. Не умываясь, сел за стол и в один присест написал все стихотворение. Назвал его «Мечта заключенного». В этом стихотворении — моя боль, моя тоска, когда я томился в немецкой неволе. После завтрака написал еще одно стихотворение «Казнь партизана» и детский стишок «Маленький партизан». Меня словно прорвало, и я шутя сказал сегодня Ловецкому, что у меня «стихотворный понос».

24 марта. Написал два стихотворения: «На гроб Яши Горожанкина» и призывное «В ружье, народ!». Последним стихотворением можно будет начать весь сборник.

Сегодня получено тяжелое известие: в Тростище немцы захватили четырех наших товарищей, среди них попались живьем маленький Трухан, которого я немного знал, и еще один боец. Один партизан был убит, один успел покончить с собой. Наступление немцев было ответом за нашу последнюю засаду на Слуцко-Минском шоссе. Немцы дошли до Волчьего острова и там более суток сидели в засаде. Кроме немцев, было много русских добровольцев во главе с полковником Петровым. Это настоящая фашистская сволочь. Его бандиты называют себя «петровцами». Это они сожгли Черную Слободу и ряд других деревень.

25 марта. Ночью в голову пришло несколько строк, и я постарался их запомнить. Утром написал стихотворение полностью. Назвал его «На пепелище». Оно, без сомнения, написано под непосредственным влиянием тех пожарищ, которые мне приходилось видеть, а главным, последним толчком был разговор с капитаном Сабодашем о Жарове и об эпизоде из фильма «Оборона Царицына» [10]. Кроме этого написал совсем слабое стихотворение «Ой, вы кони».

27 марта. Написал стихотворение «Надежда», но не знаю — включать ли его в сборник. Кому посвятил — ясно само собой, но не знаю, будет ли это звучать [11]. Дойдет ли?

28 марта. Опять «стихотворный понос». В день написал три стихотворения: «Мой вольный голос», «Сестра Лида» и «Неразрешимые вопросы».

«Мой вольный голос» — это программное стихотворение, определяющее лицо всего сборника. Я пою вольно, свободно, без всякого приказа извне — Родину, Советы, Сталина. Мне это стихотворение нравится своими мыслями, хотя написано очень примитивно.

«Лида» — песня о сестре милосердия, которая погибла в прошлом году под Борисовом. Служила она в бригаде Мармулёва.

«Неразрешимые вопросы» — нечто грустное, в духе Есенина, но, конечно,— много слабей. Там нет умных есенинских строк: «С кем мне поделиться той грустной радостью, что я остался жив» [12], но зато много воды — чего-то недосказанного, недоделанного. Короче говоря,— слабо.

29 марта. А все-таки мне очень хочется дать хорошее лирическое стихотворение. Мучался весь день и написал стихотворение «Моя Москва». Оно навеяно вчерашними событиями: вчера я слушал по радио, как гремят над Москвой пушечные салюты. Москва салютовала войскам 2 Украинского фронта, подошедшим к Пруту и, таким образом, достигшим нашей государственной границы. По радио была слышна моя дорогая и дале-

ГРУППА СОТРУДНИКОВ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ МИНСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ОБКОМА КП(б)Б «ЗВЯЗДА»

Во втором ряду — секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б, Герой Советского Союза И. А. Бельский (первый слева) и командующий соединениями минских партизанских отрядов, Герой Советского Союза генерал-майор В. И. Козлов (второй слева)

Фотография, 1943—1944 гг.

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

кая Москва, гудки автомобилей, крики детворы. И вот тоска о Москве — это и есть тема моего сегодняшнего стихотворения. Кроме того, написал несколько частушек и решил все это переписать. Сел с Галей за работу, и к вечеру сборничек был готов. Что вышло — сам еще не разберу. Пусть пока полежит.

3 апреля. Утром выехали вместе с Мармулёвым и его бригадой на операцию в район Пуховичей. Задача — сделать засаду на полицейских, которые так обнаглели, что стали ежедневно ездить по нашим деревням. По дороге Мармулёв рассказал, что во время вчерашнего боя отряды Зыкова и Заварыкина выгнали немцев из Кабаличей, убили около 30 немцев, много ранили, окружили их в лесу и перебили бы всех, но отряд «Белорусь» отошел, и нашим пришлось сняться. Захвачены трофеи — патроны, лошади, скот. Все коровы, взятые немцами в Кабаличах, отбиты обратно. Но в бою мы понесли большие потери — убитых 8 человек, раненых 12.

Дорога на Пуховичи идет сожженными деревнями. Затем, через болото, подъезжаем к хорошей насыпной дороге, со всех сторон утыканной противотанковыми надолбами. С обоих краев дороги — болото. Пока оно еще держит, но возле канавы уже начало подтаивать, и виден труп лошади, увязшей в болоте. Из-под земли видна только морда с пустым глазом. Видимо, птицы выклевали ⟨...⟩

4 апреля. Через Сенчу мы выехали в Виторж, а оттуда в Дубровку. До райцентра Пуховичей осталось всего семь километров. Город виден как на ладони. Большие 4-этажные дома ровной лентой тянутся до самого горизонта. Там немцы. Там тюрьмы. Там смерть.

Ночуем в Дубровке. Всё ожидаем, не поедут ли полицманы. Но они всё не едут.

Местная жительница рассказывает мне, что с неделю назад немцы полностью сожгли соседнюю деревню Великая Доля. Дело было так. Ночью немцы сделали возле деревни засаду против партизан. Партизаны узнали об этом, обстреляли немцев и одного убили. Тогда в бессильной злобе немцы обрушили свою месть против жителей деревни Великая Доля. Они сожгли все хаты и убили более 20 человек. Среди них 60-летний старик Гайдученок Алексей с женой, старик Юзеф Костюк, его внуки — пять человек в возрасте от одного до восьми лет, Анюта Зубарина 25 лет с двумя детьми. На следующий день оставшиеся в живых люди собрали головешки от сгоревших покойников и схоронили их.

— Если вы, хлопчики, у нас немцев бить будете — пропадем мы, горемычные... Скажите, что нам делать?

— Пока сидеть и не плакать. А в случае чего — отойдете вместе с нами,— отвечаем мы.

5 апреля. Нам не повезло: немцы не поехали. Около двух часов дня мы снялись из Дубровки и через Сенчу поехали в Липняки.

Встретил Менакера — он рассказал, что вчера в Липняках был Сабодаш и сообщил официально, что во время боя в Кабаличах убит гауптман Петров. При нем захвачен важный документ — на немецком языке. Менакер делал перевод этого документа. В нем сказано, что главную опасность для немцев представляет бригада Мармулёва, указаны довольно точно численность всех трех отрядов, вооружение, количество артиллерии, дислокация и т. п. Сказано прямо, что штаб стоит в Липняках.

Это — работа изменников. Их только расстреливать, как можно больше расстреливать! Мы — преступно мягкотелые люди, и за это нам приходится расплачиваться жизнями наших товарищей.

6 апреля. Приводил в порядок дневники и написал «Марш народных мстителей» — о диверсантах-сидякинцах. Работал целый день и очень надоело.

13 апреля. Наступили отличные, совсем весенние дни. На окружающих болотах появилось очень много уток, то и дело слышен свист дрозда, выговаривающего свою обычную фразу: «Мужик, мужик!.. Сало кап-кап-кап...» Небо безоблачное, ясно-голубое. Оживает трава. На солнцепеке зазеленела уже травка, пробиваются сквозь еще не оттаявшую землю мохнатые листики земляники.

Мы долго бродили с Валерием — работником ЦК комсомола — молодым и очень дружеским хлопцем, вот уже два года работающим в тылу [13]. Он исколесил за это время почти всю Белорусь, прошел от фронта пешком более 1000 км и везде восстанавливал подпольные комсомольские организации, которые теперь имеют свои РК в каждом районе Белоруссии.

Аккуратный, подтянутый, всегда с чистеньким подворотничком, в новой зеленой фуражке с маленькой звездочкой, с пистолетом и автоматом, Валерий являет собой образ смелого, скромного, даже застенчивого молодого человека, настоящего комсомольца — до конца преданного Родине и одновременно с этим морально чистого и не лишенного даже некоторой доли сентиментальности. Сегодня мы разговорились с ним. Долго бродили по холмам, на которых расположены андреевские землянки, и он рассказывал мне о самых интимных — сердечных своих делах.

Он полюбил девушку, молоденькую сестру из бригады Андреева,— Марусю Петрович. Она родом из деревни Колодино, является родной сестрой Алексея Петровича — одного из основателей партизанского движения в районе Минска. Среднего роста, с косичками, закрученными вокруг головы, крупным и мягкого очертания носом, добрыми и веселыми глазами, она не таит в себе каких-либо особых качеств — ни внешних, ни внутренних. Девушка, каких много. Но Валерий от души полюбил ее и сейчас, волнуясь и то и дело пожимая мне (для большей доходчивости) руку, он говорит о своих чувствах и строит воздушные замки будущей счастливой жизни.

— Сейчас я не хочу связывать ее судьбу со своей. У меня есть своя работа, у нее — своя. Но после войны, конечно, если останемся живы, мы должны быть вместе! Когда я говорю ей это — она не верит, она думает, что я найду другую, лучшую... Но мне никого не надо. Я люблю ее, люблю ото всей души, и мне не надо никакой другой девушки...

Мы говорим долго, долго. Валерий советуется со мной, жмет руки и в конце концов, полный восторга любви, говорит, что готов меня немедленно расцеловать.

Я улыбаюсь, мне приятно видеть столь цельное чувство, но я подхожу к этому как человек поживший, повидавший кое-что на своем веку, и снисходительно улыбаюсь, глядя на шалости ветреной юности.

И кроме того, как всегда, я думал и о своих будущих работах, думал о том, что в моей партизанской повести нужно будет обязательно оставить место и для любви. *Обязательно.*

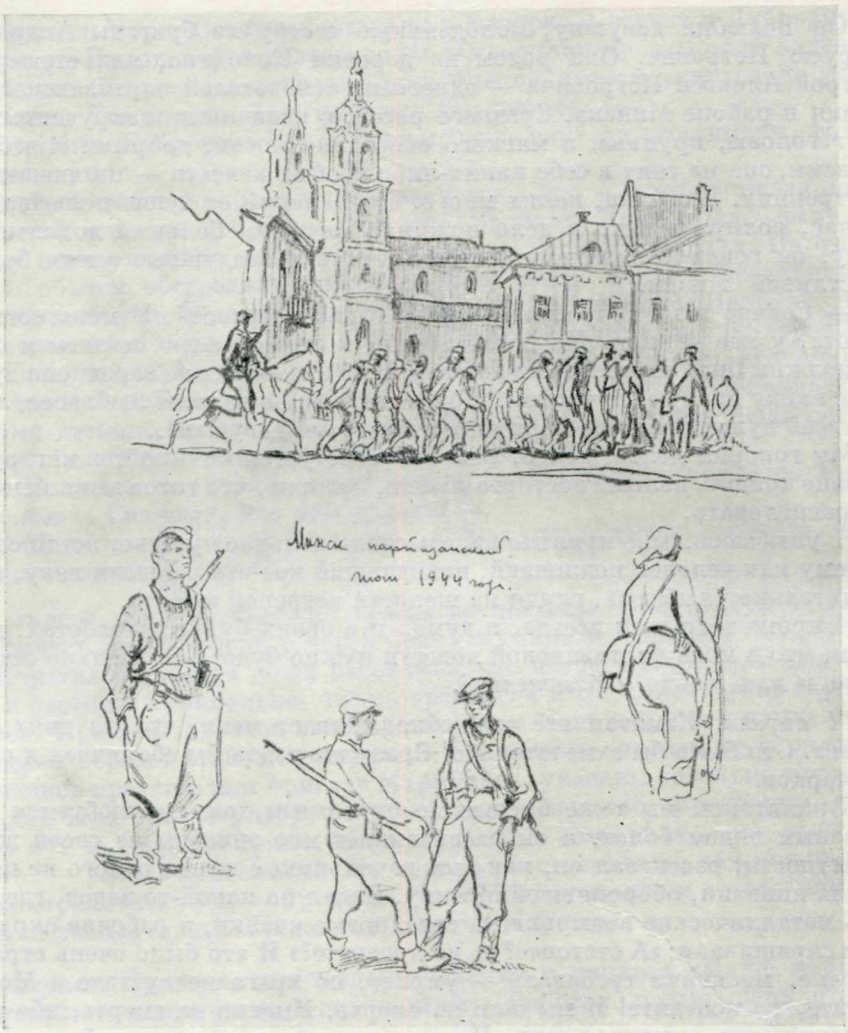
14 апреля. Капитан всё еще обнадеживает меня, что на днях будет бумага. Это было бы замечательно! Сразу же издал бы сборничек и стихов и очерков.

С капитаном мы тоже бродим по окрестным холмам, любуемся однообразным видом болот, и он рассказывает мне эпизоды из своей жизни. В частности, рассказал он, как был начальником штаба одного из полков особой дивизии, оборонявшей Москву. Ездил на какой-то завод, где делались металлические козырьки на стрелковые ячейки, и рабочие окружали его и спрашивали: «А отстоите? А не дрогнете?» И это было очень страшно. Рабочие, москвичи требовали — умрите, но врага не пустите в Москву. Умрите, но победите! И мы шли на смерть. Именно на смерть, ибо никто не верил, что останется жив. Но шли мы на смерть спокойно, грозно, с сознанием, что делаем большое и полезное дело. И своим презрением к смерти мы оказались сильней противника.

19 апреля. Если когда-то писатели страдали из-за отсутствия тем, то война дает им такое обилие материала, что хватит на целое десятилетие ⟨...⟩

Темы меня одолевают. Их так много, что я просто не знаю — за что взяться. Пожалуй, сейчас нужнее всего короткий и действенный очерк. На меня весьма сильное впечатление произвела книга очерков Константина Симонова [14]. Я всегда говорил, что он вырастет в замечательную величину в нашей литературе, и я не ошибся. Он за время войны стал в один ряд с Эренбургом — нашим наиболее талантливым журналистом, перо которого так и дышит ненавистью. И вот, памятуя книгу очерков Симонова, в основном очерков фронтовых, мне захотелось написать книгу очерков партизанских. Недавно попалась мне очерковая книга «В Брянских лесах», издана недавно — подписана в печать в октябре 1943 г. [15] Как слабо! Как мало убедительно! Я бы мог рассказать значительно больше, правдивее, интереснее ⟨...⟩

Последний месяц — март — я исключительно сидел над стихами, даже дневник запустил — так увлекся. И вот у меня готов сборничек из 20



«МИНСК ПАРТИЗАНСКИЙ»

Рисунок А. В. Кокорина (тушь, перо). Июль 1944 г.

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

стихотворений. Конечно, это не «большая» поэзия. Но я уверен, что это нужная, наша, советская поэзия. В стихах этих я — прежде всего и больше всего — гражданин Советского Союза.

Наконец, я проделал кое-какую работу по сбору воспоминаний. Ведь нужно же будет писать историю партизанского движения Минской области. И дальше. Мои дневники, возможно, ненужные и неинтересные для других — мне очень дороги. Пожалуй, они дороже мне, чем все статьи, очерки и стихи. Они полны наблюдений и личных партизанских переживаний, которые впоследствии могут вылиться то ли в книгу, то ли в ряд отдельных вещей.

Но всё же — это очень и очень мало! Жизнь дает такое обилие интереснейших фактов, что чувствуешь себя преступником, что не рассказываешь нашему народу об этом. Вот сидит сейчас рядом со мной Валерий, читает чей-то отчет из Червенского района и восклицает:

«ПАРТИЗАНСКАЯ „БРИГАДА БУРЕВЕСТНИК"»
Рисунок А. В. Кокорина (тушь, перо). Июль 1944 г.
Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

— Это прелесть! Очень нравится мне: «Подрывная группа под руководством комсомолки Променовской спустила в марте месяце два вражеских эшелона».

Написано коротко, а сколько под этим скрывается! И если удастся побывать в Червене, обязательно напишу о ней. Вообще, необходимо написать о девушках.

Короче говоря, на самое ближайшее будущее у меня такой план: написать ряд новых очерков о партизанах и о Минске. Вот перечень тем:

1. Сила жизни (о минском гетто; Розочка).
2. Подпольщица.
3. Братья (о братьях Бельских — командующем соединением и бойце).
4. Агония оккупированного Минска.
5. Денщик немецкого офицера (Митя из группы Филоновича).
6. История одной переписки (Митя и обер-лейтенант Волков).

7. Мальчик Шлема (бригада Белорусь).
8. Священник-партизан.
9. Советский диверсант (Бачило Федор — 3 Минская).
10. Отцы и дети (3 Минская; командир отряда им. Щорса).
11. Подпольная типография.
12. Партизанские производства.
13. Детоубийцы (сожжение деревень Руденского и Пуховичского районов).

Это — беглый, скороспелый и далеко не полный список тем. И я знаю — даже этот план не будет претворен полностью в действительность, ибо жизнь дает десятки новых тем, и обязательно отклонишься в сторону[16].

Очень хочется также написать полноценную художественную повесть о Шульмане. Для этого мне нужен месяц срока. И я не смею позволить себе эту роскошь, хотя знаю, что и повесть была бы нужна и своевременна. Теперь о стихах. Только что окончил сборник, а, по правде говоря, уже сегодня можно садиться за новый сборничек. И опять он будет полон гражданских мотивов, опять будет призывать к борьбе ⟨...⟩

Я уже не говорю о темах плена. Это тоже целый цикл рассказов, но это не сейчас, не сейчас.

Так выглядят на сегодня мои планы. Но это — чисто литературные мечтания. Кроме этого, есть самое основное — война. Нужно быть солдатом. А это неминуемо вносит коррективы во все литературные планы ⟨...⟩

21 апреля. В голову лезут какие-то стихи. Сам не знаю, что за наваждение.

Ключ вечности — Полярная звезда!
Не пляшешь ты на звездном хороводе,
Недвижимо стоишь на дальнем небосводе:
На север смотришь ты всегда.
Ты указала путь из тьмы
Мне темной ночкою однажды,
Когда бежал я из тюрьмы,
Мучимый голодом и жаждой.
Болотом топким я бежал
В леса дремучие, глухие.
Гроза гремела. Я внимал
Разбушевавшейся стихии.
Куда идти? Где враг? Где друг?
Где пуля ждет меня лихая?
Вдруг вижу я: горит меж туч
Звезда Полярная, родная.
Я по звезде направил путь
Звериной узкою тропою,
И твердо знал, что где-нибудь
Я встречу вас — лесов герои!
И день настал — я с вами навсегда!..
Так пусть горит, дорогу освещая,
Горит в веках, горит не угасая,
Ключ вечности — Полярная звезда!

Это стихотворение, написанное только что, залпом, пришло мне в голову после прочтения стихотворения Бенедиктова «К Полярной звезде». Иногда в партизанских условиях неожиданно встречаешь такие книги, что просто можно удивиться. Так, например, у Сороки партизаны до дыр зачитали «Декамерона», в отряде «За родину» командир отряда при мне рекомендо-

вал Сабодашу прочесть имеющуюся у него книгу Апулея «Золотой осел». Видел я и Салтыкова-Щедрина, и «Всадника без головы», и самые последние издания — очерки Симонова, статьи Эренбурга, сборник посмертных произведений Янки Купалы, встречал и сонники, и книги по хиромантии, и черную магию, и Библию, и статьи Сталина об Отечественной войне. Короче говоря, чего только не встретишь в нашей партизанской семье! А вот в подпольной типографии Руденского районного комитета партии я достал и Бенедиктова. К слову о типографии. Привыкли мы к партизанщине и все, что ни делается у нас, кажется нам будничным, обычным. А ведь подумать только — подпольная типография! Одно слово что значит!

Сегодня я начал печатать сборник стихов. В связи с этим надо рассказать, что из себя представляет подпольная типография. Неподалеку от штаба бригады — через небольшое болотце, на холмике, поросшем сосняком,— расположились землянки Руденского РК. Прежде всего, конечно, виднеется шалаш кухни. Там, прямо на костре, готовят обед. Затем виднеются три землянки — «комсомольская», «партийная» и «редакционная». Как и обычно, землянки обсажены елочками и молодыми соснами. Двери — со стороны болота. Насыпан «тротуар» из песка.

Землянки выстроены из неструганных сосновых бревен, потолок, чтобы не капала смола, обтянут бумажными обоями. Заходим в редакционную землянку. Четыре койки, посреди — обеденный стол. Возле окна — второй высокий стол, на нем кассы со шрифтами. Под столом в чемодане — портативная печатная машина. Она получена год назад, из Москвы.

В землянке — родной, волнующий запах типографской краски. Невольно вспоминаются огромные солнечные залы комбината «Правда», колоссальные ротации... Вспоминается Первая Образцовая, где печатался мой «Чрезвычайный комиссар». А вот теперь мне приходится тайно, в глухом лесу, издавать свои стихи, в которых я несу народу правду о немцах — жестоких и обезумевших от крови оккупантах, в которых я рассказываю о величье нашей партизанской борьбы. Ничего, переживем, и вновь произведения наши будут издавать не по сто экземпляров, как сегодня, а сотнями тысяч, как вчера!

Машина в подпольной типографии настолько мала, что можно одновременно печатать только четыре страницы. Это максимум пропускной способности за день. Делаем разметку, и наборщики берутся за верстатки. Буква за буквой ложатся литеры на металлическую дощечку. Возникают знакомые, выстраданные слова, знакомые, выстраданные мысли:

Народ в ярме, земля в плену...
Позор и стыд молчать!
Твой долг — спасать детей, жену,
Отечество спасать!

Этим стихотворением я открываю сборник. Весь он наполнен святой непримиримой ненавистью к фашистам, преданностью матери-Родине. И пусть стихи мои слабы, бледны с точки зрения формы. Но они полны искреннего, от сердца идущего патриотизма. И в этом я вижу их силу.

Набор готов; я корректирую, после чего приступаем к печатанию. Часть набора дает бледный оттиск. Нужно сделать подклейку на барабан. Но чем подклеить? Выход по-партизански прост: мы пальцами собираем смолу, что, словно слеза, висит на бревнах в местах пореза, вымазываем ею бумагу — и «синдетикон» готов.

Один из наборщиков подает чистую бумагу, сам главный редактор — широколицый Миша Сиротко крутит ручку печатной машины, валики вращаются, туда и сюда ходит набор, и из барабана вылетает уже отпечатанный лист. На моей обязанности подхватить его и уложить на стол.

Быстро идет работа, и через каких-нибудь полчаса весь «тираж» первых четырех страниц отпечатан. Всего в книге 24 страницы. Значит, будем печатать шесть дней.

Конечно, тираж можно было бы и увеличить, но нет бумаги. Сейчас почти все районные газеты не выходят из-за острого бумажного кризиса. Немцы расстреливают каждого, кто выходит из города с чистой бумагой. Они говорят: «Партизанам на листовки несешь?»

И все же листовки печатаются. Их издают на самой скверной, подчас даже на обойной бумаге, и каждый день советские люди во вражеском тылу читают «Вести с Советской Родины». Листовки попадают в Минск, в Руденск, Пуховичи, Старые Дороги... Сейчас Сиротко занят подготовкой выпуска первомайского номера подпольной газеты. ⟨...⟩

23 апреля. С утра — в типографии: вычитка гранок, последняя корректурная правка, а после обеда — печать. В день делали четыре страницы. Очень жаль, что так мал и беден тираж — всего 125 экземпляров.

24 апреля. Стихотворение «Полярная звезда» я посвятил Моисею. Воспоминания вновь одолели меня, я вновь увидал его в Дятловичах, когда мы взрывали вражеский железнодорожный мост [17], вновь припомнилось, как он с колена стрелял по немцам под Осиповичами, а я без винтовки лежал рядом с ним. И вот быстро и легко я написал стихотворение «Месть». Оно начинается таким четверостишием:

Я видел месть. Оскал зубов я видел,
Когда с колена он стрелял
И сноп огня вокруг сиял.
Я силу ненависти видел!

Стихотворение мне понравилось. Я прочитал его редактору Руденской газеты, и он порекомендовал включить «Месть» в сборничек. Только он настоял, чтобы стихотворение это посвятить подрывникам 2 Минской бригады. После некоторых колебаний я согласился.

29 апреля. Целый день сидел над очерком или, вернее, рассказом «Сила жизни». Это о Розе Бажмович — девушке из Минска, проживающей сейчас в Липняках. Рассказ получился, по-моему, недурно. Пока доволен.

Вышел в свет тираж моего сборника. Осталось только сброшюровать. Но нет проволоки.

30 апреля. Сокращал свой рассказ «Сила жизни». Выкинул почти половину, и любопытно — не только без ущерба, но и с пользой для дела.

У радистов достал тонкой проволоки, и наши типографщики к вечеру сдали мне все 113 экземпляров книги. 12 экземпляров редакция оставила для себя. Вечер был занят тем, что распределял книги. Надо разослать по всем бригадам, райкомам, послать в Штаб Соединения — Вельскому, в Главштаб — Козлову и другим, а также в ССП, «Молодую гвардию» и в другие московские издательства и учреждения.

4 мая. Продолжал работу над «Братьями». Идет дело медленно, хочется сделать получше, поглубже показать и город и подполье. Сейчас в голове ясно сложился сборник очерков о городе. Вот он:

Очерки о непобежденном Минске
1. Незавоеванный город.
2. Братья.
3. Вандалы.

4. Учительница.
5. Сила жизни.
6. Предатель.
7. Человек из лагеря мертвых.
8. Смертью смерть поправ.
9. Агония оккупированного Минска.

Написано пять, четыре нужно написать. В оставшихся еще ненаписанных очерках особое внимание необходимо уделить быту города Минска, рассказать о приспособленцах, которые пристроились к немецкой власти и кое-как существуют, спекулируя и воруя. Это глубоко беспринципные и безыдейные люди, для которых вопрос личного самосохранения является основным и определяет все их поведение. Они боятся активной работы, ибо за это можно пострадать, можно еще чего доброго угодить в гестапо. И они сторонятся партизан, они шёпотом рассказывают друг другу о взрыве на железной дороге или на ТЭСе, даже удивляются смелости патриотов, но сами остаются в стороне от освободительного движения. Это один тип людей, которых показать необходимо. Думаю, что в основном эти люди будут показаны мною в «Учительнице» — рассказ о подпольщице, присланной со спецзаданием из Москвы. Эта учительница — Нина Ивановна. Частично эта публика будет показана в «Предателе» и в «Смертью смерть поправ».

Другая категория людей — это трусы и шкурники, тоже по существу безыдейные, но пошедшие на сделку со своей совестью, пошедшие на предательство во имя спасения собственной жизни. Таков основной персонаж рассказа «Предатель» — Василий Пинязик.

В рассказе «Смертью смерть поправ» я думаю показать смерть патриота, рассказать о последнем дне человека, приговоренного к смертной казни и твердо верящего в то, что он не один, что за ним стоит Родина. Тема рассказа — патриотизм, героизм осужденного, бессмертие, завоеванное смертью.

Последний рассказ, вернее, статья — «Агония оккупированного Минска». Она должна подытожить все материалы о городе и дать общую обстановку оккупированной столицы в дни, которые предшествуют освобождению ее от фашистов.

Таков первый мой сборник очерков. Я должен сделать его полностью за май 1944 г. [18]

15 мая. Работал над рассказом «Честь знамени» [19]. Это должна быть сильная вещь, но не знаю — можно ли открыто говорить об отступлении так, как говорю я. Но это правда, и я решил писать.

17 мая. Вечером окончил «Честь знамени». Получилось длинновато, надо будет, чтобы немного «остыло», а после — сократить. Но сейчас работать не могу.

Был Диденко. Я прочитал ему последние свои вещи: «Силу жизни», «Знамя партизанского отряда» и черновой вариант «Чести». Все эти вещи очень понравились ему, особенно «Знамя». Он попросил переписать этот очерк для себя, чтобы разучить его и выступать с ним на наших партизанских концертах. Я, конечно, дал полное согласие. Относительно «Чести» он сказал, что его удивляет честность, прямота и смелость, с которой я рассказываю о первых месяцах войны. Но можно ли так откровенно говорить об этом? Я чувствую, что не только можно, но и должно. Хватит глупо бахвалиться, мы достаточно сильны, чтобы говорить только правду. Это я чувствую сердцем своим, а сердце у меня русское и советское.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рассказ «Волчье братство» не был написан.

[2] Петр Спиридонович Ловецкий — заместитель командира бригады «Буревестник» по разведке и контрразведке; тогда его должность называли: начальник ОО (то есть Особого отдела) бригады. В настоящее время живет в Минске, работает заведующим партизанским отделом Белорусского государственного Музея истории Великой Отечественной войны.

[3] В рассказе Ловецкого есть неточности: Михаил Глебович Мармулёв встретил войну младшим лейтенантом, начальником связи дивизиона 223 гаубичного полка, под г. Гродно. Около 29 июня, когда полк с боями выходил из окружения, Мармулёв был ранен и доставлен сначала в Минск, а затем в Борисов. В середине декабря 1941 г. он с группой товарищей организовал партизанский отряд и был назначен его командиром. В архиве Саблина сохранилась копия стенографической записи беседы с Мармулёвым, которую проводил 16 августа 1944 г. научный сотрудник Музея истории Великой Отечественной войны в Минске Ф. Еловцан. В ходе беседы Мармулёв подробно рассказал о своей боевой жизни в годы войны.

[4] О Моисее Шульмане см. в предисловии.

[5] Илья Михайлович Шор — связной, затем адъютант командира отряда им. Громова, позднее — командир взвода. В настоящее время живет в Латвии, работает в системе Госбанка.

[6] Михаил Темирканович *Кульчиев* — комиссар отряда им. Кутузова, парторг бригады «Буревестник» По национальности балкарец. В настоящее время живет в Нальчике.

[7] Под фамилией Цибульского в дневнике выведен Михаил Львович Цебулевский, о нем говорится в записи от 28 апреля 1944 г., не вошедшей в настоящую публикацию. О судьбе Цебулевского в плену Саблин рассказал в очерке «Человек из лагеря мертвых».

[8] Желтые латы — нашивки, которые обязаны были носить на верхней одежде пленные евреи.

[9] Имеется в виду поэма Льва Ошанина «Последний рейд Ежика». Отрывки из нее были напечатаны в «Комсомольской правде» (1944, № 57, 8 марта).

[10] В записи от 19 марта 1944 г. (не вошедшей в настоящую публикацию) Саблин рассказывает о том, как он с капитаном Сабодашем проезжали мимо сожженной фашистскими карателями деревни Теребель. При этом Сабодашу вспомнился фильм «Оборона Царицына», главную роль в котором исполнял М. Жаров: «В фильме есть такой эпизод — возвращается Жаров домой и видит: родная станица сожжена. От его дома осталась только калитка. Он отворяет ее, хотя можно пройти рядом, ибо забора нет, затем бережно закрывает — и идет на пепелище. Собирает золу, прячет ее в носовой платок, затем садится] на коня и мчится, словно стрела, в свой отряд... Да, это должно быть очень сильный момент. Во всяком случае, даже в пересказе он произвел на меня очень сильное впечатление, живо ассоциировался с видом сожженной Теребели, с черными пожарищами, на которых видны только продымившиеся печи...»

[11] Стихотворение «Надежда» было посвящено жене писателя Надежде Тимофеевне Саблиной. В сборник «Мстители» оно не вошло. Рукопись его сохранилась в архиве писателя.

[12] Из стихотворения С. Есенина «Русь Советская».

[13] Под именем Валерия в белорусском подполье работал Анатолий Юлианович Денисевич, уполномоченный ЦК ЛКСМБ, инструктор Минского подпольного обкома комсомола. В настоящее время Денисевич — председатель Минского облисполкома, депутат Верховного Совета БССР.

[14] К этому времени вышло несколько очерковых сборников К. Симонова («Из фронтового блокнота», М., 1941; «На Карельском фронте», М., 1942; «От Черного до Баренцова моря. Записки военного корреспондента». Кн. 1, М., 1942, кн. 2, М., 1943). Какую из этих книг имеет в виду автор, не установлено.

[15] А. Кривицкий, П. Крайнов. В Брянских лесах. Л., Воениздат. Отделение при Ленинградском фронте, 1943 г. В том же году книга ыла переиздана трижды.

[16] Из этого перечня автором позднее был напечатан очерк «Подпольная печать белорусских партизан» («Огонек», 1946, № 16—17).

[17] Одна из крупных операций, выполненных группой подрывников во главе с М. Шульманом,— взрыв железнодорожного моста у ст. Дятловичи — описана в дневнике (записи начала августа 1943 г.) и в очерке «Мой верный друг», сохранившемся в рукописи.

[18] Работа над этим сборником очерков не была завершена, и в свет он не вышел.

[19] Рассказ «Честь знамени» («Слава казачья») сохранился в рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ СБОРНИКА «МСТИТЕЛИ»

В РУЖЬЕ, НАРОД!

Народ в ярме, земля в плену...
Позор и стыд молчать!
Твой долг — спасать детей, жену,
Отечество спасать!

Твой долг — с винтовкой за плечом
Скорей идти в леса,
И биться с немцем-палачом
До смерти, до конца.

Народ, в ружье! Нельзя терпеть,
Нельзя рабами быть!
Уж лучше стоя умереть,
Чем на коленях жить.

МЕЧТА ЗАКЛЮЧЕННОГО

Все сметено. Мне нечего терять:
Нет ни жены, ни сына и ни брата...
В глухих стенах сырого каземата
Я буду медленно, но верно погибать.

Один... совсем один...
Лишь ржавый звук ключа
И немца подлого шипящий
злобный голос...
А где-то лес шумит, а где-то зреет колос
И друг мой — партизан склонился у ручья.

Далекий милый друг!
Услышь меня, приди.
Душою, сердцем всем тебя я ожидаю.
Я каждый день терплю,
под пытками страдаю
И верю лишь в тебя.
Приди, мой друг, приди!

МЫ — ВЕСТНИКИ БУРИ

Отряд «Буревестник»
Под Минском стоит,
Отряд «Буревестник»
Фашистов громит.

Мы — вестники бури
И мести святой,
И водит нас в бой
Мармулёв удалой.

Из темного леса
И топких болот
Мы ночью выходим
В далекий поход.

Мы видим пожары.
Коричневый гнус
Терзает и мучит
Мою Белорусь.

За кровь и за слезы
Сестер, матерей
Веди нас на бой,
Командир, поскорей.

Пусть мина летает
И пуля свистит.
Отряд «Буревестник»
Врагов победит.

Захватит трофеи
И снова назад,
Где только деревья
Листвою шумят.

Мы — вестники бури
И мести святой,
И водит нас в бой
Мармулёв удалой.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Я знаю, не легко тебе:
Два долгих года ты не знаешь
Хотя бы слова обо мне
И от неведенья страдаешь.

Ты думаешь, что я погиб
В бою или в стенах гестапо,
И часто сыну говоришь,
Что не вернется больше папа.

Но я живу. Но я — борюсь
В тылу глубоком с немчурою.
И часто лиходейка-грусть
С моею шепчется душою.

Я вспоминаю про тебя...
Твой взгляд тоскливый и глубокий.
О, я стремлюсь, врага разя,
Конца войны приблизить сроки!

Как я мечтаю услыхать
Москвы салют победоносный
И сына на руки поднять,
Чтоб видел он народ наш грозный.

Мой сын! Он вырастет большой,
Отца, конечно, не узнает
И скажет: «Дяденька чужой
Меня на руки подымает».

Мои родные, с вами я!
За вас борюсь, за вас страдаю.
О, Русь! О, Родина моя!
Нет силы продолжать. Кончаю.

ЕВГЕНИЙ ЮНГА

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

НА ПОДСТУПАХ К СЕВАСТОПОЛЮ, АПРЕЛЬ 1944 г. *

25 апреля. ...Подвожу итоги очередного дня, выбрав его для характеристики боевых действий черноморцев на подступах к Севастополю. Ибо почти ежедневно, с момента когда армии 4 Украинского фронта стремительным броском через сивашские дефиле начали разгром фашистских войск в Крыму, в сводках Совинформбюро упоминаются морские летчики Героя Советского Союза подполковника Корзунова и моряки торпедных катеров капитана 2 ранга Проценко. И те и другие отличились в ожесточенных боях за Керченский плацдарм. Теперь они взаимодействуют на коммуникации между Севастополем и Констанцей.

Первую половину дня провел возле Скадовска, вторую — у мыса Тарханкут, опять возвратясь от летчиков к морякам. Вернулся, услышав оброненное вроде между прочим, но с явной досадой замечание командира авиадивизии. Оно и сыграло решающую роль в событиях минувшего дня на морских подступах к Севастополю. Впрочем, не буду забегать вперед. Переношу по порядку в дневник записи на полях газет, на крышке папиросной коробки, на обороте листовок и пр. Дополняю деталями, которые с удивительной легкостью выталкивает память на поверхность перед моими глазами в тусклом свете лампочки над столиком крохотной каюты трофейной БДБ **...

...День Черноморского флота в битве за освобождение Севастополя от фашистов начинается в дивизии Корзунова. Ночная мгла еще кучится на западе, еще стелется туманная дымка над морем трав плешивого островка степного аэродрома, где перелетными птицами чутко отдыхают серые пикировщики и расцвеченные пестрыми ободками истребители. Терпкий запах бензина растворяется в густом аромате весенней южной степи, граничащей с морем. Небо над степью бледнеет, заревые сполохи расплываются вдоль горизонта. На фоне их резко очерчен силуэт самолета-разведчика возле взлетной дорожки. Плоскими тенями снуют около него неутомимые техники.

Волоча за собой облако пыли, разведчик выруливает на дорожку и после тяжелого разбега, неожиданно легко набрав высоту, с гулом проносится над аэродромом.

Звук моторов заменяет сигнал побудки. Отовсюду — из палатки командного пункта, раскинутой среди степи, из кабин пикировщиков — одновременно выбираются десятки людей. Они долго смотрят еще досыпающими глазами вслед самолету, уходящему в далекую высь, к морю.

---

* Е. С. Юнга (Михейкин) провел годы Великой Отечественной войны на разных фронтах, флотах и флотилиях в качестве специального корреспондента газет «Известия» и «Красный флот». Закончил войну в звании капитана 3 ранга.

** БДБ — быстроходная десантная баржа.

— Григоров....
— Да, на разведку...
— Денек нормальный...
— Дымки не будет — фашисты не спрячутся...
— Словом, готовьтесь...

Обмен репликами закончен. Экипажи пикировщиков приводят себя в порядок и собираются у палатки, там, где снаружи пришпилены к дышащей стенке — бюллетень с оперативной сводкой о положении на фронтах за истекшие сутки и плакаты с портретами летчиков, отличившихся в предыдущие дни. Под фотографиями текст, лаконичный, как сводки:

«Экипажи Бородина и Тарарина потопили транспорт противника водоизмещением до двух тысяч тонн»;

«Экипаж кавалера ордена Александра Невского капитана Казаковского (штурман Заболотский, радист Позднов) снайперским ударом потопил транспорт противника водоизмещением в пять тысяч тонн»;

«Экипаж летчика лейтенанта Иванова (штурман младший лейтенант Вершинин, стрелок-радист старший сержант Антонюк) бомбоударом с пикирования прямым попаданием потопил транспорт противника в пять тысяч тонн»;

«Следуйте их примеру! Беспощадно уничтожайте захватчиков! Не давайте гитлеровцам удирать из Крыма! Всех фашистов на дно!»

Молодой широколицый пилот, подходя к группе у палатки, задорно говорит:

— Лейтенант Иванов, следуйте примеру лейтенанта Иванова!

В нем без труда можно узнать оригинал одной из фотографий с последнего плаката.

И поясняет:

— Пора обновлять. Сегодня, как и вчера, мои «подшефные» уже ползут на рандеву. Если за радиус не успеют уползти,— накрою!

— Уверен, Петро?— подзуживают в группе.

— Кто ищет, тот всегда найдет,— нараспев произносит Иванов.

— А ищет-то Григоров,— уточняет один из пилотов.— Так что, покурим, подождем данных.

Однако времени для курения уже нет.

Летчики разом встают с круглых ящиков бомбовой тары, едва из палатки командного пункта выходит, держа радиограмму, командир эскадрильи Тарарин.

— Ко мне!— громко подзывает он, перечисляя экипажи, назначенные в полет, и когда те выстраиваются перед ним, объясняет задачу: — Григоров обнаружил два каравана. Первый направляется из Констанцы в Севастополь. Состав — два транспорта по три тысячи тонн, один в тысячу тонн. Охранение — тральщик и сторожевой катер. Второй караван — транспорт примерно в пять тысяч тонн и конвой. Следует из Севастополя к берегам Румынии. Ведущий — я. Заходим по одному. Наше охранение— шесть истребителей. Есть вопросы?

— Есть!— вскидывается Иванов.— Сначала заходим на тот, который везет гитлеровцев из Крыма, или на порожняк?

— На тот,— коротко отвечает Тарарин.— Заходишь последним, понятно?

— Ясно,— удовлетворенно откликается Иванов.— Накрою.

— Прилетим — увидим,— сдержанно заключает командир эскадрильи.— По местам. Запуск — зеленая ракета. Позывной ведущего — Севастополь...

Через несколько минут первая группа пикировщиков, возглавляемая Тарариным и замыкаемая Ивановым, поднимается вслед за истребителями сопровождения в безоблачное апрельское небо.

Е. С. ЮНГА
Рисунок Н. М. Аввакумова (тушь, перо), 1942
Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

Нам остается ждать.

Для меня ожидание заполнено расспросами экипажа самолета-разведчика (тот вернулся, как только увидел, что Тарарин и его ведомые вышли к цели), для остальных — подготовкой к полету второй группы пикировщиков и радиосвязью.

Подытоживая разговор с Григоровым, командир дивизии завершает его неожиданными словами:

— Разумеется, наше дело — искать, находить и уничтожать фашистов, чем и занимаемся; но почему они ускользают из Севастополя в море, вот вопрос? Ведь блокада, кажется, полная... Где-то нашли-таки лазейку между морскими дозорами... Где? Какую?.. Уходят ведь в ночные часы, а мы обнаруживаем далеко от берегов... Придется намекнуть... Пусть, кому положено, задумается... А пока — вот и наши...

С этими словами, оставив свой вопрос без ответа, он, чуть пригнувшись у входа, выбирается из палатки.

Теплый воздух дрожащими потоками струится над степью, будто сотрясаемый нарастающим гулом.

Лихо снижаются и попарно бегут по дорожке в гнезда капониров истребители прикрытия. Следом за ними грузно заходят на посадку пикировщики. Счет их не изменился. Улетели и возвратились пятеро, а это начало удачи.

Один за другим пилоты спешат к палатке, у которой издалека видна знакомая всему флоту высокая фигура командира дивизии — подполковника Ивана Егоровича Корзунова. Ослепительной солнечной точкой сверкает на его кителе золотая звездочка Героя Советского Союза. Они держат курс на нее.

Первым рапортует Тарарин:

— Товарищ командир дивизии, задание выполнено! Караван противника обнаружен в указанном месте. Пикировали с недолетом и перелетом из-за интенсивного противодействия зениток, но бомба, сброшенная Ивановым, легла по борту в непосредственной близости к транспорту.

— Кто фотографировал? — интересуется Корзунов, и, услышав, что съемка произведена всеми, кроме самого Иванова, приказывает немедленно проявить негативы и сделать отпечатки.

Подоспевшие вслед за Тарариным пилоты, соблюдая воинский этикет, поочередно просят у командира дивизии разрешения обратиться к командиру эскадрильи, после чего докладывают о своих действиях и непосредственных наблюдениях.

Тарарин вопросительно смотрит на Корзунова.

Поджав и слегка выпятив губы, командир дивизии размышляет, сопоставляя и обобщая про себя рапорты летчиков, затем предлагает Тарарину:

— Воспроизведите.

Командир эскадрильи носком сапога вычерчивает на пыльной проплешине земли, вытоптанной у палатки, план расположения вражеского каравана и атаки пикировщиков. Пилоты дружно помогают командиру, выписывая ногами замысловатые вензеля. Со стороны похоже, что взрослые люди заняты мальчишеской игрой.

Разрешительным жестом Корзунов прекращает их старания:

— Пока отдыхайте...

И обращается к начальнику штаба:

— Надо проверить, что с тем транспортом. Если еще на плаву — добить, если покончено — атаковать второй караван.

...Все, кто возвратился с Тарариным, рассаживаются в излюбленном месте — на бомбовой таре, наблюдают за вылетом второй группы пикировщиков, делятся впечатлениями, которые остались у каждого от момента атаки, но то и дело поглядывают в сторону далекого от палатки домика фотолаборатории, где проявляется пленка аэрофотосъемки. Особенно не терпится Иванову. Выдержка, впрочем, помогает ему справиться с любопытством и даже, как ни в чем не бывало, отвечать на мои расспросы:

— Пишите. Иванов, Петр Федорович, одна тысяча девятьсот двадцать первого года рождения, лейтенант, командир звена. Был под Одессой, дважды дрался за Перекоп — в сорок первом и нынче. Защищал подступы к Севастополю в июне сорок второго, потом сражался на Тамани, у Феодосии, на черноморских коммуникациях, теперь топлю фашистов, удирающих из Крыма. Награды: два ордена Красного Знамени, медали «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя». Кажется, всё... Заметно, что волнуюсь? — вдруг спрашивает он и тут же мрачнеет. — А как вы полагаете? Ведь это моя честь, мой долг перед всем нашим народом! Я дал слово, и хочу, чтобы каждый мой бомбовой удар был точным!.. Слышали, что было в Старом Крыму? В городе Старый Крым, где гитлеровцы резали жителей, чтобы не привлечь внимания партизан выстрелами!.. Так вот, когда я вижу караваны, на которых фашистские паразиты мечтают ускользнуть от расправы, каждый раз я вспоминаю о зарезанных ими детях и женщинах Старого Крыма... вспоминаю о Севастополе, где убиты все, кто имел татуировку, все раненые в госпиталях, весь медицинский персонал... Вот что я вспоминаю, когда просыпаюсь, и помню, когда засыпаю... Мне двадцать три года, а живу я сейчас одним, чтобы никакая гадина не уползла, не сумела больше жалить, никого, нигде! Когда мои бомбы попадают в фашистский транспорт или разносят БДБ, я говорю...

— Товарищ Иванов! — раздается за нами.

Лейтенант, замолчав, оборачивается, встает, видит командира дивизии, окруженного штабистами. Корзунов держит веером фотографии — снимки бомбового удара. Три кадра в точности запечатлели результат пикирования Иванова: бомба легла у самого борта вражеского транспорта и, вне сомнения, серьезно повредила последний. Кормовая часть транспорта окутана густым дымом, пенистый след винтов сдался в сторону,— это следствие взрыва, который отбросил транспорт от линии курса.

— Поздравляю...

Командир дивизии пожимает руку лейтенанту и говорит, что вряд ли транспорт продержался на плаву до подхода второй группы пикировщиков, что скорее всего, они уже переключились на другой караван.

— Пять тысяч тонн,— подчеркивает начальник штаба цифру водоизмещения уничтоженного врага.— Хороший почин на сегодня. А вот и дальнейшее...

Со стороны моря доносится согласный гул моторов. Точки, возникшие в дрожащей синеве, быстро приобретают характерные очертания истребителей. В четком строю мчится звено скоростных самолетов. Дробно рассыпается над степью перестук пулеметных очередей — традиционное извещение, что в бою сбиты вражеские самолеты.

— Значит, почин и в воздухе,— сдержанно роняет Корзунов.— Теперь выпускайте третью группу на цель, указанную вторым разведчиком.

Начальник штаба отдает соответствующие распоряжения.

Тем временем, вслед за истребителями, на дорожку садится вторая группа пикировщиков. Повторяется то же самое, что было после посадки эскадрильи Тарарина: командир группы рапортует о выполнении задания и, сообщив, что транспорт, поврежденный Ивановым, исчез без следа, вычерчивает носком сапога на земле план вражеского каравана, перехваченного и атакованного, несмотря на воздушное прикрытие.

Пленка с кадрами бомбового удара сдается в лабораторию, а возвратившиеся только что пилоты рассаживаются на солнцепеке возле Тарарина и охотно рассказывают, как сбили один вражеский истребитель и подбили (что не в счет) второй, ушедший с хвостом дыма за пределы видимости.

Все наблюдают за подготовкой к вылету третьей группы. Ей предстоит нанести удар по каравану из двух БДБ, доотказа набитых улепетывающими из Севастополя фашистами, охраняемых конвоем из трех сторожевых катеров.

— Жаль, что не моя очередь,— без всякой рисовки чистосердечно досадует Иванов.

— Твои от тебя не уйдут,— успокаивает Тарарин.

— Не уйдут,— подтверждает Иванов и недоумевающе восклицает: — Поражаюсь! Как это им удается мимо морячков проскальзывать?..

Да, об этом думает не только начальство...

Разговор у палатки обрывается привычными словами команды.

— Запуск — зеленая ракета!— громко оповещает командир третьей группы, обводя взглядом строй экипажей.— Позывной ведущего — Севастополь!..

Летный день корзуновцев в полном разгаре, когда я расстаюсь с ними и ухожу из Скадовска на торпедном катере лейтенанта Умникова опять в район действий бригады Проценко, чтобы попытаться найти ответ на вопрос, заданный летчиками...

...В конце дня, когда над бухтой проносятся, возвращаясь с последнего задания, самолеты-пикировщики дивизии Корзунова, командир бригады торпедных катеров капитан 2 ранга Проценко шифрограммой приказывает командиру дивизиона Местникову прибыть вместе с одним из отрядов на рейд Караджи. Радиограмма передана в 17.00. Спустя 27 минут штабной

сигнальщик докладывает, что четыре катера находятся у ворот бухты и уже идут прямым курсом к плавучей базе. Полчаса назад они дремотно покачивались возле причала в гавани Ак-Мечети.

Шагнув за угол штабного дома, Проценко направляется на край мыса, к обрыву. Прохладный ветер-низовка дует в лицо, неся навстречу запахи моря.

Крутой мыс Тарханкут, увенчанный небольшим каменным домиком, где разместился штаб бригады, расположен невдалеке от входа в бухту и с незапамятных времен снискал худую славу среди мореплавателей. Район вокруг бухты Караджи у выхода из Каркинитского залива в Черное море издревле носит мрачное название «кладбища кораблей». Здесь чаще, чем где-либо, дует штормовой ветер, нередко достигающий ураганной силы.

С обрыва, на краю которого задержался Проценко, хорошо виден рейд, беспредельное море за ним, рыбачий поселок в углу бухты, высокая белая башенка маяка против мыса. Между мысом и маяком покачивается на зыби неуклюжее, странной конструкции, похожее на гроб без крышки, судно — плоскодонное, с огромными подзорами и мощным вооружением. Это так называемая БДБ (бэдэбэ) — быстроходная десантная баржа, в полной исправности захваченная возле причала в момент освобождения Скадовска. Проценко не без умысла выбрал ее под плавучую базу бригады: ибо основная задача катерников в блокаде морских подступов к Севастополю состоит в том, чтобы находить и топить вражеские суда именно этого типа, скорее доступные удару с моря, нежели с воздуха. Они обладают великолепной маневренностью, большой скоростью, способностью совершать разворот на месте, а следовательно предельной неуязвимостью, к тому же имеют до семи огневых точек. Каждая БДБ вмещает до батальона пехоты с полным вооружением... Словом, мысль Проценко о прикреплении плавучего трофея к бригаде понравилась всем катерникам, поскольку БДБ служит не только удобной плавучей базой, где можно отдохнуть между боями и походами, но и превосходным пособием для наглядного изучения. Используя свободное время между сном и выходом в ночную операцию, моряки изучают БДБ, как говорится, от форштевня до ахтерштевня. Обеспечивающие успех боевой операции люди — командиры катеров, боцманы, да и все, кто занят в походе наблюдением, привыкают моментально распознавать БДБ в ночном мраке и учитывать особенности ее противодействия при встрече. Тем не менее все катерники, не исключая и самого командира бригады, не терпят БДБ и называют ее вражьим отродьем. Вид ее напоминает о силуэтах фашистских караванов, которые еженощно крадутся по морю в надежде проскользнуть за пределы радиуса действия советских торпедных катеров...

И теперь Проценко, едва его взгляд падает на плавучую базу, не может удержаться от едкой реплики, такой едкой, что все мы дружно смеемся.

Став на краю обрыва, он ищет взглядом вошедшие катера. Их нет ни у входа в бухту, ни на рейде. Лишь пенистый след, расплываясь, указывает курс, по которому они промчались через рейд к БДБ.

— Как не узнать Местникова, — восхищается, подходя к Проценко, начполитотдела бригады Конюшков. — Метеор! За двадцать семь минут от Ак-Мечети до Караджи...

— За двадцать пять, — поправляет комбриг. — Двадцать семь — это с момента передачи шифровки отсюда. Самое меньшее — две минуты на раскачку... А здорово он под Цезаря написал... Это я насчет его последнего донесения, — объясняет он мне: «Встретил, атаковал, утопил». И — подпись. А кого-чего, так и позабыл доложить.

— На радостях, — оправдывая Местникова, вступается начполитотдела и переводит разговор на другое. — Я к вам, Виктор Трофимыч.

— Закончили? — справляется Проценко раскатистым голосом, вполне соответствующим росту и комплекции его обладателя. — Одну минутку, только нашего Цезаря вызову...

Он принимается усердно семафорить руками. Его высокая плотная фигура отчетливо выделяется на освещенной заходящим солнцем круче.

Не спускающий с нее глаз сигнальщик плавучей базы тотчас передает на подошедшие катера:

— Капитану третьего ранга Местникову, капитан-лейтенанту Константинову, старшему лейтенанту Хабарову — немедленно явиться ко мне...

Обождав, пока сигнальщик просемафорит ответ об исполнении, уже разглядев отвалившую от БДБ шлюпку, Проценко снимает реглан и расстилает его на траве.

— Прошу, — приглашает он Конюшкова и меня. — Да не стесняйтесь, на этот раз третий не лишний, — поощряет он, видя, что я колеблюсь. — Дело такое, что и для печати пригодится.

Он тянет обоих нас за полы кителей к земле и, обращаясь к Конюшкову, коротко спрашивает: — Ну?

— Сделано, разрешите зачитать?..

Начполитотдела достает из кармана густо исписанные листки донесения о боевых действиях бригады торпедных катеров на подступах к Севастополю, начиная с момента перебазирования, которое Проценко назвал как-то в разговоре со мной «диким переходом», но которое справедливее считать одним из удивительных героических эпизодов, украшающих историю нашего флота. Краткой характеристикой перебазирования и открывается политдонесение, составленное Конюшковым.

Речь идет о днях, предшествовавших взятию Одессы и прорыву наших войск через сивашские дефиле в Крым. Весь полуостров, кроме Керченского плацдарма, еще был под властью врага, когда торпедные катера вышли из Геленджика и других гаваней Северного Кавказа в море, чтобы обогнуть Крым и занять исходную позицию на морских подступах к нему с запада. В штормовое ненастье, при волне, когда торпедным катерам вообще положено отстаиваться у причалов базы, в тумане, когда скорость кораблей должна быть минимальной, если нельзя, опять-таки, вообще переждать на якоре в безопасном месте до улучшения погоды, бригада Проценко в несколько раз перекрыла нормы, установленные для непрерывного плавания торпедных катеров. Обогнув Крым, катера в кратчайший срок достигли новой базы — Скадовска, откуда им предстояло принять участие в блокаде морских подступов к Севастополю.

Политдонесение составлено лаконично, как сводки, посылаемые Проценко в штаб флота. О случае с катером лейтенанта Гиршева начполитотдела Конюшков сказал ровно столько, сколько положено говорить об аварии, устраненной силами экипажа:

«Перед вечером, когда корабли первой группы бригады находились в зоне противника, на катере Гиршева лопнул штуртрос и отказало рулевое управление. Вначале предполагалось затопить катер, чтобы случайно не раскрыть противнику тайны перебазирования, но личный состав обязался произвести необходимый ремонт на ходу, не прекращая движения по заданному курсу. На время ремонта взамен лопнувшего штуртроса были приспособлены бросательные концы. На ручное управление стали командир катера и боцман. Вдвоем они вручную управляли рулями одиннадцать часов без смены, а старший лейтенант Хабаров, обеспечивающий переход катера, управлял работой моторов. Штуртрос был отремонтирован, и катер благополучно достиг пункта назначения — Скадовска...»

В таком стиле составлено все политдонесение. В нем без лишних слов изложены факты боевых действий бригады на морских подступах к Сева-

стополю, могущие служить иллюстрациями к оперативным сводкам об успехах моряков Черноморского флота. Почин принадлежит Местникову, который командовал набеговой операцией на порт Ак-Мечеть в ту ночь, когда войска 4 Украинского фронта вплотную подошли к городу и заняли дорогу из Ак-Мечети в Евпаторию. Прижатые к берегу фашисты поспешно перебрались на быстроходные десантные баржи. Две из них, битком набитые гитлеровцами, успели покинуть гавань. Враг был уверен в спасении, тем внезапнее для него оказалась встреча с катерами Местникова на пределе радиуса действия торпедных катеров. Ни судорожное маневрирование, ни бешеное огневое противодействие, ни ночная мгла не спасли удиравших фашистов. Торпеды нашли цель. Головная БДБ разлетелась на сотни озаренных пламенем взрыва обломков. Почин, сделанный Местниковым, стал примером для остальных моряков бригады. В политдонесении кратко упомянуто, что за время последующих походов только экипажи катеров лейтенантов Латашинского и Ксенофонтова, младшего лейтенанта Зинченко, старших лейтенантов Вакулина и Шенгура уничтожили пять быстроходных десантных барж и два сторожевых катера, шедших из Севастополя в Констанцу...

— День за днем — вроде незаметно, а всё вместе дает представление о нашей нацеленности, — заключает командир бригады, как только начполитотдела откладывает, дочитав, последний листок. — Вот если бы не просачивались гады!.. — комментирует он мою информацию о раздумьях и недоумении летчиков-корзуновцев. — Спасибо ребятам, что надоумили, не дали почить на лаврах. Главное — оперативно мыслить. Дело общее, и счет у нас к фашистам общий, а не только у каждого свой... Согласен, отсылайте политдонесение, хотя думаю, что завтра придется приплюсовывать, — вдруг громко прибавляет он, заслышав неподалеку шаги. — Когда Местников узнает, да еще о радиограмме комфлота, то к самым причалам пролезет, но разрядится по цели...

— Точно! — раздается за спиной Проценко.— Прибыли по вашему вызову, товарищ командир бригады.

В глазах Проценко мелькают и гаснут искорки лукавства. Он подмигивает мне:

— Ну-ка, встали...

Мы разом поднимаемся.

Перед Проценко стоят три моряка в одинаковых, защитного цвета, капковых непромокаемых костюмах. Только возраст отличает прибывших друг от друга, в остальном они под стать командиру бригады и начполитотдела — круглолицые крепыши, люди атлетического сложения, завидного спокойствия, огромной физической силы и выносливости, без чего немыслима служба на торпедных катерах. Старшим по званию и обличью сразу можно определить коренастого Местникова, типичного черноморца с многолетним загаром, с проблесками седины на висках, с черными, чуть навыкате глазами, отражающими волю и жизнерадостность. Эти же качества заметны на лицах обоих моряков, пришедших вместе с Местниковым и стоящих рядом с ним навытяжку перед Проценко. И тот и другой кажутся значительно моложе своего комдива, но та же решимость, похожая на упрямство, характеризует обоих: невозмутимого, на вид даже флегматичного командира отряда Константинова и угловатого юношу Хабарова с неотцветшим румянцем на пухлых щеках и с голубыми глазами. Не зная его, трудно по внешности даже предположить в нем одного из самых отчаянных героев штурма Новороссийска и освобождения Тамани.

— Как настроение, товарищи? — спрашивает Проценко, испытующе глядя в глаза Хабарову и не сомневаясь в ответе. Смелость пухлощекого юноши известна всем катерникам. Хабаров отлично совмещает ее с трезвым, осмысленным риском, почему и числится в составе обеспечивающих,

то есть тех, кто в критическую минуту принимает на себя управление кораблем, инициативу в бою, выбор единственно правильного положения для катера в момент торпедной атаки.

— Нормальное,— спокойно отвечает Хабаров.

— Разрешите узнать? — сиплым, простуженным голосом осведомляется Местников.— Вы, кажется, упоминали о какой-то радиограмме и заодно обо мне...

Командир бригады весело, как и мне перед тем, подмигивает Местникову:

— Ушки на макушке, да, комдив?

Местников усмехается:

— Привычка, товарищ капитан второго ранга. Каждую ночь напролет слушать приходится: не чапают ли где всемирные завоеватели...

— Чапают, — не без насмешки повторяет комбриг жаргонное словцо, жестко поясняя: — И ускользают...

Лица моряков мрачнеют, но Проценко уже справился с подмывающим раздражением и внезапно объявляет торжественным голосом:

— Так вот, есть радиограмма для нас с вами, Александр Александрович. Комфлота обратился к нам с напоминанием — не давать фашистам покоя, усилить атаки, добиться, чтобы враг не смел высунуться в море, топить до последнего!.. Что скажете?

Пауза почти незаметна.

— Разрешите доложить из района Севастополя, оттуда виднее,— с готовностью произносит Местников.

Константинов и Хабаров одновременно кивают.

Комбриг прищуривается:

— Встретил, атаковал, утопил, так?.. Не возражаю, но условимся: этими тремя словами сообщаете только в том случае, если утопите одну бэдэбэ, а если больше — жду уточнений. Давайте-ка сюда.

Он достает из планшета карту Севастопольской бухты и подходов к ней. Ветер теребит хрустящий лист, выгибает его, как парус.

Положив карту на разостланный реглан и прижав углы ее камешками, Проценко принимается выкладывать сведения, которыми располагает и которые уже известны нам. Неведомо где фашисты имеют потайную лазейку и, пользуясь ею, пробираются из Севастополя в море незаметно для всех, кому поручено держать и обеспечивать блокаду. Доказательство — караваны БДБ и транспортов противника. Их каждый день обнаруживают на рассвете вдали от берегов наши летчики. Курс, по которому следуют караваны, неизменный: из Севастополя в Констанцу. Правда, многие из них, благодаря действиям пикировщиков Корзунова, идут вместо порта назначения на дно Черного моря, но факт остается фактом: в кольце блокады явно не хватает звена или, еще точнее, между звеньями есть щель...

Обступив сидящего на корточках перед картой комбрига, моряки размышляют. Кажется, кольцо замкнуто прочно. Все, что находится вне видимости, тщательно прослушивается. Слух людей настолько обострен, что любой человек из экипажа торпедных катеров, до рассвета подстерегающих врага на коммуникации, безошибочно за три мили распознает шум винтов и звук моторов, несмотря на плеск волн и монотонный напев ветра. И все-таки враг просачивается, как вода сквозь пальцы, должно быть используя то, на что обычно не обращают внимания. Карта района действий ничего не подсказывает. Район досконально изучен, каждая бухточка и расщелина известны еще до войны, а все подступы к Севастополю пересечены линиями курсов торпедных катеров.

— Загадали загадку,— сокрушенно тянет Проценко.— И ответ такой: отгадаешь — утопишь, ошибешься — улизнут.

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА ВСТУ-
Фотография Е. Халдея,
Центральный архив кино-фото-

— Прячутся где-нибудь впритирку под бережком, пока день,— предполагает Константинов. — Как только мы пройдем мимо, они — ход до отсечки и — в море!

— Негде им прятаться, да еще днем,— возражает Местников.— Шлюпку, и ту без труда разглядишь. Самые неподходящие места для отстоя. Другое думаю.

— Другое и я думаю,— иронизирует Проценко.— Ясно, что другое, а вот что?

— А нет ли разрыва между корзуновцами и вами? — нерешительно вставляю я, помня, что последний самолет прошел над бухтой минут двадцать назад, а катера все еще находятся в базе.

Проценко пристально смотрит на меня. Местников одобрительно хмыкает:

— Вот-вот, это и есть другое: не место, а время. За временем прячутся, за временем!

Теперь командир бригады переводит пристальный взгляд на комдива, но молчит, чтобы дать тому высказаться до конца. Местников колеблется.

— Две ночи подряд — вчера и позавчера — мы ждали у самого Севастополя, а фашисты так и не показались,— бормочет он.

— Так-то оно так,— соглашается Проценко, — но Корзунов сообщает, что только сегодня его орлы накрыли два каравана с конвоем. Откуда они взялись, эти караваны?

Тут Местников, к общему изумлению, взбирается на коня самокритики:

— Это верно, товарищ комбриг. Для воина, тем более для командира, первое правило — никогда не считать противника глупее, чем тот есть на самом деле, то есть всегда искать за его демонстративным поведением не только догму самоуверенности, но вдобавок коварство и хитрость.

ПИЛИ В СЕВАСТОПОЛЬ
май 1944 г.
фонодокументов, Красногорск

— Так, так, Александр Александрович,— одобряет Проценко.— Значит...

— Значит, за временем прячутся,— уже категорически досказывает Местников.— Думаю, что действительно так: выбирают промежуток, когда наша авиация уже в пути на свои аэродромы, а корабли еще на подходе к району. Иного не вижу. Уметь выбрать время сейчас для противника — всё!

— Для нас также,— многозначительно уточняет командир бригады, посмотрев на вечереющее небо.

Местников мгновенно выпрямляется:

— Прошу добро на выход. Времени в обрез, солнышко вот-вот закатится, надо подоспеть в тот район до темноты, чтобы разгадать загадку.

— Добро,— разрешает Проценко.— Выходите пока четверкой. И помните наказ адмирала.

— Виктор Трофимович... — просяще напоминаю я.

Он отмахивается:

— Сегодня нет. Сами слышали — поиск экспериментальный... В другой раз.

— Тогда разрешите проводить товарищей?

— Проводить? Пожалуйста. Только не вздумайте схитрить... Александр Александрович, спрошу с тебя. Сегодня — никого!

— Ясно, товарищ комбриг.— Местников сочувственно ухмыляется мне и ведет за собой, на ходу намечая план действий: — Сегодня пущу разрядиться Умникова. У него в графе «за Севастополь» еще прочерк...

Проценко провожает нас до тропинки, вьющейся по склону к мосткам рыбачьей пристани, где болтается на зыби шлюпка с гребцом-боцманом и, козырнув, поворачивает обратно. Мы снова видим его, когда шлюпка выбирается из-под обрыва на рейд. Высокая фигура комбрига, неподвижная,

как статуя, венчает вершину Тарханкутского мыса. За ней, сбоку штабного домика, чернеет остов здания школы, похожего на старинный замок. Гитлеровцы не успели взорвать его, как не успели взорвать строения рыболовецкого колхоза и поселка в далеком углу бухты Караджи, но сожгли все, что было доступно пламени. Обугленные стены школы и каменных амбаров темнеют вперемежку с фашистскими блиндажами, траншеями, ходами сообщения, вырытыми на откосах крутого берега по обе стороны мыса.

Берег, окаймленный чертой прибоя, отступает назад с каждым нажимом весел; все ближе придвигается, нависая над шлюпкой, корпус плавучей базы.

Десятки голов в бескозырках и клеенчатых шлемах высовываются из всех люков, едва над плавбазой и катерами звучит сиплый голос Местникова:

— Подгребем к Умникову!

Быстрым взглядом комдив обводит катера, ошвартованные лагом один к другому, взбирается по мокрому от зыби, скользкому борту на узкую палубу и говорит доставившему меня из Скадовска низкорослому, широкоплечему, чуть постарше Хабарова, лейтенанту, встречающему нас:

— Умников! Кликните Латашинского и Гиршева. А где Головачев?

— Где мне еще быть, как не здесь,— отзывается, поднимаясь над люком рубки, пожилой моряк с добродушной улыбкой на морщинистом лице дядьки-пестуна — заместитель комдива по политчасти.— Вот, толкую с ребятами... А что, уходим?

— Да, как только объясню задачу.

— С нами? — оживляется Головачев, завидев меня.

— С превеликой охотой, но...

Местников мотает головой:

— Нет! Комбриг запретил. Если бы не просились у него, взял бы на свой риск, а сейчас — полный запрет. Ничего, не расстраивайтесь — это не уйдет. Приезжайте завтра в Евпаторию, там я — кум королю. Оттуда и сходите в поиск. Договорились?

Соглашаюсь, ибо делать нечего.

Один за другим подходят командиры катеров.

Местников коротко передает им о разговоре с Проценко, радиограмме командующего флотом и своих выводах.

— Прошу запомнить места и обязанности в сегодняшнем походе,— раздельно, словно диктуя, говорит он.— Идем строем уступа. Головным — Умников. Пора ему внести свой вклад в общий счет и свой счет у Севастополя открыть. Я иду с Умниковым. Справа — Гиршев с обеспечивающим Хабаровым и моим заместителем. Слева — Константинов, за ним Латашинский. Первым атакует Умников, а Хабаров с Гиршевым прикрывают его и отвлекают на себя внимание противника. Так поступает и Константинов, когда пойдет в атаку Латашинский. Ясна задача?

Командиры подтверждают.

— Стало быть, не дожидаясь ночи, следуем на определенную цель? — еще не уяснив до конца, интересуется Головачев.

— Определенная цель у нас, Василий Михайлович, всегда та же самая — фашисты,— назидательно растолковывает Местников.— Они ловчат, а нам надо переловчить их. Для этого требуется уметь выбрать время, вот ключ от их ловкости.

Он стучит пальцем по стеклу ручных часов:

— Если до сумерек успеем прийти в район поиска, в самый раз угадаем на рандеву. По местам! Заводитесь!

Мы прощаемся.

— До встречи в Евпатории, завтра, — приглашающе напоминает мне Местников.

Перехожу на палубу одного из остающихся катеров, оборачиваюсь. Комдив, уже в непромокаемом шлеме вместо фуражки, ныряет в люк боевой рубки и через несколько мгновений занимает место между Умниковым, стоящим у штурвала, и боцманом Самсоновым, который примостился за пушкой средней турели*.

Дружно ревут моторы. Умников выжидательно глядит на комдива. Тот разрешающе машет рукой.

Головной катер пятится в сторону от плавучей базы, круто разворачивается и, распустив усы бурунов, мчится к воротам бухты. За ним стремительно начинают разбег остальные катера. Четыре смерча из пены и брызг проносятся мимо обрыва, на краю которого все так же неподвижно высится командир бригады, похожий на памятник, и, восхищая красотой маневра «поворот все вдруг», огибают косу с маяком на ней.

Вскоре они сливаются с гребнями зыби в черноморских просторах, а я возвращаюсь на берег, в штабной домик, где Проценко и Конюшков еще раз корректируют политдонесение.

— Хотели словчить? — встречает меня вопросом комбриг.

Протестующе объясняю, что мне нужна была сцена отплытия со стороны, и что я нашел ее с характерными деталями ухода в поиск:

— На подступах к основному, понимаете, Виктор Трофимович?

Проценко улыбается:

— Вроде понял. Как мы на подступах к Севастополю, так вы на подступах к теме?.. Ничего, наверстаете, всё на пользу, даже то, что не всё сразу. Дождемся, что наш Цезарь сообщит, тогда прояснится...

Ждем пока не темнеет, но в общем недолго.

Ровно через час после ухода группы Местникова штабной радист вручает комбригу шифровку, вернее, открытый текст из трех условных слов: «Встретил, атаковал, утопил».

Прочитав ее вслух, Проценко накрывает широкой ладонью листок с шифровкой:

—Ясно! Теперь фашисты не улизнут.

Конюшков вдруг спрашивает:

— Помните, как пели рыбáчки в Ак-Мечети, когда мы с вами выясняли у них о наших ребятах с игошинского катера?

Командир бригады кивает, затем произносит речитативом, с яростным спокойствием:

... Не будут враги в Севастополе жить,—
Он станет им только могилой!..

И с непередаваемым выражением торжества повторяет:

— Ясно!..

— Для вас — да, для других еще не совсем, — намекаю ему и просяще гляжу на Конюшкова.

Оба смеются.

— Ладно,— разрешает Проценко.— Можете сходить в поиск. Не возражаю...

Словом, допишу в Евпатории.

Из записи за 27 апреля. —...Личные переживания — для рассказа в семейном кругу. А сейчас совмещу их, ради единственной целесообразности, с подробностями первого поиска в неурочное время, дополняющими события позавчерашнего дня.

...Белая башенка Тарханкутского маяка долго виднеется позади катеров на фоне позолоченного заходящим солнцем моря. Она исчезает за

* Турель — вращающееся устройство, на котором установлены пулеметы и орудия.

горизонтом только в тот момент, когда катера находятся уже в районе Севастополя.

День еще не померк, но плоские берега, ведущие к Северной стороне, быстро сливаются с темнеющей морской далью. Море пустынно от края до края.

— Что касается нас,— бурчит Местников,— то главное — не только уметь выбрать время, но и набраться терпения...

Сопровождая эти слова жестом, предназначенным командиру головного катера и означающим — «стоп моторы», он приказывает, едва гул движения сменяется тишиной:

— Осмотреться!..

Теперь, когда моторы умолкли, вдалеке слышатся, будто модулирующее эхо грозы, тяжелые громовые раскаты бомбовых взрывов и орудийной канонады: это ни на минуту не затихает битва на подступах к Севастополю.

Катера плавно покачиваются на волнах. Миг равновесия между днем и ночью миновал. Сумерки начинают сгущаться. Длинные полосы вечерних теней дорожками расстилаются по морю. Ветер свежеет, крепчает, неся прохладу и брызги, от которых негде укрыться. Линия горизонта расплывается перед напряженным взглядом. Гребни зыби, ломающие ее, напоминают силуэты кораблей...

Местников трет глаза кулаком, опять всматривается, и тут же слышит тихую скороговорку боцмана:

— Гробы ползут, товарищ комдив! Две бэдэбэ на выходе из бухты по нашему курсу. Охранение справа. Два эска вижу ближе к нам, а может есть и другие... Смотрите по моей руке...

Он ведет пальцем вдоль горизонта и несколько раз подчеркивает место, где обнаружил врага.

Зрение не обмануло боцмана. То, что командир дивизиона вначале принял за гребни, не исчезает, но перемещается по горизонтали. Среди гребней быстро ползут два силуэта, похожие на нижнюю половину гроба — отличительный признак БДБ. Они за пределами слышимости, ибо ничье ухо еще не способно уловить звук их моторов. Впрочем, теперь это не имеет значения.

— Понятно, командир? — спрашивает Местников. — Помнишь, о чем говорили? Сообразительность, расчет, внезапность — гарантия успеха атаки...

Перехватив напряженный взгляд Умникова, он показывает на вражеский караван:

— Действуй! В случае чего — поправлю. Курс на головную бэдэбэ. На подходе увидим и уточним.

Умников нагибается к старшине группы мотористов, ожидающему возле рукояток управления моторами:

— Газ до полного!

И впивается пальцами в обод штурвала.

Головной катер будто прыгает по ступенькам, пока мотористы переключают его движение с одной скорости на другую. Затем рывки сменяются ровной стремительностью полета на предельной скорости. Звонкий шум истолченной в пену воды, крутящейся вихрем возле форштевня, свист брызг, несущихся сплошным потоком вдоль бортов, приглушенный рев моторов, частые удары днища о гребни сливаются в один звук яростного движения к цели, которое одинаково хорошо знакомо летчикам-пикировщикам и морякам торпедных катеров.

Темная ночь уже опустилась на море, но взгляд Местникова отчетливо различает белые комки пены вокруг соседних катеров, мчащихся, как приказал комдив еще перед уходом из Караджи, строем уступа, и вырастающие на горизонте силуэты вражеского каравана. Да, боцман Самсонов

«СУРОВЫЕ ДНИ»
Рисунок П. И. Баранова (тушь), 1951
Из серии «Героический Севастополь». По зарисовкам 1944 г.
Третьяковская галерея (фототека), Москва

не ошибся. Караван состоит из двух БДБ и четырех СК — сторожевых катеров, охраняющих конвоируемые суда по двое с борта. БДБ низко сидят в воде, доотказа нагруженные фашистами и награбленным добром, увозимым из Севастополя...

Местников выбирается из среднего люка и кричит в ухо Умникову:

— Жми, командир! Жми на головную! Пока спохватятся — схарчим!

Поглощенный атакой, захваченный стремительностью движения, чувствуя себя неотъемлемой частицей порыва, влекущего катер наперерез врагу, Умников отрывисто бросает в ответ:

— Веду на кратчайшую дистанцию, иначе боюсь промазать!..

Ответ успокаивает комдива. Теперь Местников не сомневается, что молодой лейтенант сумеет взять точный прицел и разрядиться наверняка. В словах Умникова комдиву слышится многое, но прежде всего нежелание израсходовать торпеду впустую, характерное для настоящего бойца, дорожащего каждым выстрелом, и особенно важное для тех, кто при встрече с противником располагает ограниченным количеством боеприпасов...

Катер уже проник за черту охранения. Прямо перед ним черным гробом колышется на зыби силуэт головной БДБ. Правее ее едва проступает над поверхностью моря ближайший корабль конвоя. В стороне от него смутно виднеется бурун катера Гиршева...

Стиснув обеими руками штурвал, отсчитывая секунды, Умников ждет, когда верхняя надстройка БДБ сравняется на уровне глаз с высотой буруна у форштевня.

Тем же самым, дублируя правильность глазомера лейтенанта, занят командир дивизиона.

Противник молчит. Караван в полном походном порядке следует прежним курсом. Фашистские наблюдатели бездействуют.

Местникову на мгновение чудится, что Гиршев застопорил моторы.

Он встревоженно всматривается... Нет, всё в порядке. Бурун соседнего катера держится на курсе фашистского СК.

— Молодцы! — облегченно выдыхает комдив, поняв, что Гиршев и Хабаров в точности выполняют маневр, стараясь привлечь к себе внимание противника и дать Умникову время разрядиться.— Два с половиной кабельтова,— определяет он расстояние до головной БДБ и, не утерпев, подсказывает в тот момент, когда рука Умникова ложится на кнопку выбрасывателя:

— Залп! Отворачивай вдоль каравана!..

Рубиновый огонек лампочки под кнопкой вспыхивает и гаснет, прикрытый ладонью.

Лейтенант не нажимает, а что есть сил вдавливает кнопку в гнездо. Тут же отпустив ее, он яростно вращает колесо штурвала: надо увести катер в сторону от курса, чтобы уступить дорогу торпеде.

Белой молнией промелькнув в ночи, она исчезает у борта головной БДБ.

Умников не видит ни разбега торпеды, ни того, что происходит спустя несколько секунд после залпа, когда огромный, чернее ночи, фонтан взрыва, подсвеченный изнутри пламенем, расплываясь, встает над морем перед глазами боцмана и комдива. Толчок взрывной волны, пронесшейся под водой, вынуждает покачнуться всех, кто находится в моторном отсеке и радиорубке, но лейтенант даже не ощущает его. Он ведет катер вдоль каравана и успевает разглядеть лишь корпус второй БДБ, заслонивший ее силуэт конвойного корабля, да сверлящее ночь светлое пятно торпеды, выпущенной концевым катером... Кажется, что именно в этот момент (хотя в действительности на расстоянии, уже недоступном для обстрела противником) командир дивизиона кладет горячую, тяжелую руку на плечо Умникову.

— Стоп моторы! — приказывает он.

— Промазал, да? — беспокоится лейтенант.

Комдив находит в темноте пальцы Умникова, крепко сжимает их:

— Поздравляю, командир! Можешь не сомневаться: еще полтыщи гитлеровцев на счет Севастополя записано твоей торпедой!

— А Латашинского?

— Сейчас узнаем. Вот они, друзья! — обрадованно восклицает комдив.

Из мрака, один за другим, вырываются три буруна и, опадая, открывают за собой знакомые силуэты.

Разом глохнут моторы, но тишина так и не наступает. Ночь неумолчно гремит выстрелами кораблей вражеского конвоя и раскатами канонады, охватывающими Севастополь от края до края, как гроза.

Двигаясь по инерции, три силуэта приближаются к борту головного катера.

— Умников! — задорно зовет Хабаров.— Поклон от «завоевателей мира»! Опустились благополучно!

Смех обегает катера и обрывается, едва звучит голос Латашинского. Досада и огорчение слышатся в нем. Окликнув комдива, Латашинский докладывает, что выпущенная им торпеда пронизала вторую БДБ, но не взорвалась. Вражеское судно уцелело и ушло вместе с охранением обратным курсом в Севастополь.

— Повторим, товарищ комдив? — предлагает Хабаров и признается: — Охота на Севастополь глянуть...

Командир дивизиона молчит, прислушиваясь к раскатам канонады, обдумывая целесообразность погони и возможность второй атаки. Забираться в самую бухту?.. Он уже рассмотрел в ночи то, чего еще не замечают другие: контуры остова Херсонесского собора. Идти дальше, значит, подставить катера под огонь береговых батарей противника... Так подска-

зывает разум, а сердце спорит с ним, не желает подчиняться ему, тянется к зовущим, огненным глазам Инкерманских створов, по которым всегда определялся комдив на протяжении двадцати лет, возвращаясь с моря в главную базу флота. Огни створов притягивают к себе световыми магнитами, влекут, манят, тревожат самыми дорогими воспоминаниями юности, молодости, зрелости...

— Наша задача,— наконец говорит Местников,— осуществлять блокаду подступов, не допускать, чтобы противник прорывался сквозь нее, топить его караваны в море, на выходе и на подходах... Что касается торпеды Латашинского, то хотя она не сработала, но свое дело сделала. Фашисты струсили и вернулись в бухту. В ней и подохнут!.. Теперь к делу... Разойтись в прежнем порядке на дистанцию слышимости и на переменных курсах просматривать море. Будем стеречь выход, пока не сменят летчики. Заводитесь!

Он опускается в радиорубку и пишет короткую шифровку для командира бригады. Как и накануне, в шифровке только три слова:

«Встретил, атаковал, утопил»...

...На рассвете, над легкой дымкой тумана, над морем и над катерами проплывает темнокрылый, с алыми звездами, самолет-разведчик дивизии Корзунова. Подтверждая, что заступает на вахту, он приветственно покачивает плоскостями и, набрав высоту, берет курс туда, где неумолчно гремит канонада, где клубятся над руинами разоренного врагами родного города тучи черного дыма.

Начинается очередной день битвы за Севастополь.

УЗАК АБДУКАИМОВ

ИЗ ДНЕВНИКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ. 1944—1945 г.

Предисловие и публикация Темиркула Уметалиева

Автор настоящей фронтовой тетради — мой покойный друг Узак Абдукаимов принадлежал к тому небольшому отряду киргизских писателей, которому было суждено заложить фундамент современной киргизской литературы.

Узак Абдукаимов родился в 1909 г. близ Джалал-Абада в семье бедного киргизского земледельца. Отец его умел читать и писать, после победы Октябрьской революции он сразу же включился в борьбу за установление Советской власти, помогал отрядам Красной Армии, был членом ревкома, агитировал за проведение земельной реформы. В 1923 г. реакционные бай-манапы зверски убили его.

После убийства отца местные органы Советской власти отправили 14-летнего Узака в Ташкентский интернат, где он воспитывался два года. Образование Абдукаимов получил в Киргизском центральном педагогическом техникуме во Фрунзе и в Казахско-киргизском институте просвещения в Ташкенте. Кем бы ни был Узак — директором ли средней школы или заведующим районо, редактором ли в московском Издательстве литератур народов СССР или научным сотрудником республиканского Института истории, языка и литературы, или литературным консультантом в Союзе писателей — всюду он вносил в работу высокую идейность и горячую заинтересованность.

Писать Узак начал в 20-х годах, выступив сразу как поэт и прозаик. В начале 30-х годов, когда открылся первый киргизский профессиональный театр, Узак целиком отдался созданию репертуара для молодого театра. Один за другим появились на киргизском языке в его переводах «Ревизор» Гоголя, «Борис Годунов» Пушкина, «Овечий источник» Лопе де Вега, «Жорж Данден» Мольера, «Аршин мал алан» Гаджибекова и др. Это сблизило его с театром. Вскоре он начал писать оригинальные драматические произведения (либретто «Айша и Айдар» и др.). Кроме уже названных произведений русской и западноевропейской классики, он перевел почти все сказки Пушкина, многие его стихотворения, а также стихи Лермонтова, Байрона, Петефи, поэму Байрона «Чайльд Гарольд», «В людях» Горького, «Молодую гвардию» Фадеева и др. Переводы Абдукаимова отличались большой точностью и высоким художественным уровнем.

Узак Абдукаимов умер в 1963 г. Жизнь его оборвалась как раз тогда, когда он создал большое эпическое произведение о Великой Отечественной войне — двухтомный роман «Майдан» («Фронт»). Сам испытавший тяготы солдатской службы, Абдукаимов сумел воссоздать живые картины боев, фронтового быта, яркие образы солдат, офицеров и генералов.

«Майдан» — пока что единственный киргизский роман о Великой Отечественной войне, но не только в этом его значение для киргизской литературы. В «Майдане» киргизский роман приблизился к общеевропейскому и прежде всего к русскому роману.

Работая над своими переводами, Абдукаимов углубленно изучал русскую классическую литературу, прежде всего творчество Льва Толстого, которое он очень любил

и которое, безусловно, оказалс известное влияние на роман «Майдан». Он воспринял основные черты русского реализма — гражданский пафос, глубокий психологизм, гуманизм. Мы не ошибемся, если назовем «Майдан» первым подлинно психологическим романом в киргизской литературе.

Читавшие роман «Майдан» (он издан пока что только на киргизском языке) невольно воспринимают «Дневник» Абдукаимова как стихийную подготовку к созданию романа. Отдельные эпизоды, мысли, наброски, характеристики послужили основой для целых глав. Однако «Дневник» имеет и самостоятельную ценность, являясь одним из многочисленных документов Великой Отечественной войны, тем зеркалом, в котором отразилась красота души советского человека, человека нового типа.

Черты, свойственные Узаку как человеку и гражданину, общи для всех советских людей. Среди этих черт, воспитанных нашей социалистической эпохой, мне хотелось бы назвать прежде всего советский патриотизм и интернационализм.

Подготавливая к печати фронтовой дневник моего друга, я вспоминаю его проницательный глубокий ум и эрудицию, его необыкновенную доброту и обаяние, его неподкупную честность. Он был всем готов пожертвовать ради товарища, на него можно было положиться в любой обстановке. Он много знал и старался знать еще больше.

Фронтовой дневник Узака Абдукаимова хранится в личном архиве писателя, принадлежащем его семье (г. Фрунзе). Писатель вел его на русском языке — лишь некоторые страницы, в том числе два стихотворения, написаны по-киргизски. Ниже публикуются отрывки из дневника, относящиеся к последнему периоду войны — с октября 1944 г. до дня Победы, 9 мая 1945 г.

6.X.44. Сегодня началась артподготовка на нашем фронте. Стоит сплошной гром. Стекла дребезжат, трясется земля. Что это? Ложная артподготовка или началась решающая битва? А самолеты показались попозже. Сперва по четыре, с прикрывающими истребителями. Летели, как на параде. Потом их стало много... Вот сегодня целый день небо гудит. Артподготовка началась в 11, кончилась в 12. Сперва она казалась со стороны Россиены, а потом уже у нас. Восточная Пруссия, видимо, дрожала.

7.X. Вчера вечером небо гудело самолетным гулом. Снопы лучей прожекторов тщательно ощупывали небо. Вдруг белые полосы скрестились, образуя луну. Значит, поймали самолет. Ракета. Отступили. Ракета. спустился парашютист. Мы удивились, чей же этот парашютист. Всю ночь была слышна артстрельба. Ни один вражеский самолет не показался. Сегодня утром все затихло. Вдруг безмятежно тихо. Где сейчас бой идет? Вышли ли мы на Пруссию? Как 1 Прибалтийский?

10.X. Мы покинули Визбутки (п/о Чакишки). Наша армия вышла на Пруссию. А резерв плетется в хвосте. Прибыли на Гертоколь. Перед тем как покинуть Визбутки, я был у Кедина, который жил у одного литовского крестьянина, где, между прочим, жили когда-то с Кединым и майоры. От хозяина до маленькой Тавидории все полюбили младшего лейтенанта Кедина. На майоров рукой машут. Они им не понравились. Они видели в нем более культурного, более обходительного, более вежливого человека. Майоры требовали самогонку, мяса, блины. А он не только не требовал ничего, а наоборот, приносил масло, консервы, сахар. Мы с Кединым однажды после бани зашли в один дом чай попить. Мы с ними вели разговор л, призывая на помощь все первобытные формы объяснения. Уходя, мы оставили консервы, сливочное масло, сахар. Они на пас смотрели как на самых культурных людей. В некоторых местах появление русского офицера вызывает нехорошее впечатление. Угощают их чем попало и желают, чтобы они скорее уходили. А вот хозяин Кедина нас совершенно не пускает из дома. Хозяйка, ее 15-летняя дочь, маленькая Тавидория, 10-летняя

Донгуолис не уходят от нас. Всеми способами, пуская в ход и жестикуляцию и мимику, мы разговариваем.

Хозяин рассказывает:

— Немцы пугали нас монголами. Придут, говорит, и всех зарежут, и, мало того, всех съедят.

— Я — монгол,— говорю я,— я, значит, могу вас скушать?

Все захохотали. Мы смеялись долго. Они посмотрели карточки Тони, Биры, Зои, Эркина, Тендика, Сашки. Они удивлены нелепостью германской пропаганды.

Они нас от чистого сердца угощали блинами, жареной бараниной, омлетом, молоком и т. д. Прощались тепло. Они благословили нас благополучно вернуться домой.

Литовцы хороший народ. Только от русского офицера и солдата ждут не глупости, а культурного отношения, которого у нас, к сожалению, порой не хватает.

Как хорошо жить в труде и мысли. Как хорошо всё чувствовать непосредственно и близко. Как хорошо видеть то, чего многие не видят, не осязают, не слышат. Но прекраснее то, что воспринятая жизнь всем своим процессом становится твоей мощью, твоим идеалом, орудием, действующим фактором, который всё шире открывает поле твоего зрения. Мышление становится производительным, безукоризненно чистым, правдивым. Вот почему жить надо на всех колесах; там, где нет кипучей жизни, жизнь там пустая потеха.

3.XI. Собираю кое-какие фольклорные материалы. Из блокнота одного майора, Ахмедгалиева (башкир), списал стихи неизвестного автора.

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

На войне о смерти мало говорят,—
В день ее встречают много раз подряд.
Слишком даже много этих смертных дней,
Так чего же ради говорить о ней!
На войне о жизни много говорят
И во имя жизни чудеса творят...
Прошипела мина, пронесся снаряд,
И опять о жизни люди говорят.
Курят папироски, пряча в ладонь,
Есть гитара в роте, есть одна гармонь,
На войне играют, на войне поют,
Даром своей жизни врагу не отдают.
А когда настанет тяжелый миг,
И тогда не сразу сдастся фронтовик,
Он бывалый, тертый, он не так-то прост,
Упадет, как мертвый, или встанет в рост,
Или смерть обманет, или примет так,
Что его геройству удивится враг.
Впрочем, что ж об этом даром песни петь,
Победить нам надо, а не умереть.
Пусть-ка лучше немцы помнят Сталинград,
А у нас о смерти мало говорят.

...Сегодня получил письмо от Бабалова. Убит Поденщиков Николай. Как жалко мне его мать. У нее не было мужа, он был единственный ее сын, единственная ее радость, весь смысл ее тяжелой, одинокой жизни ⟨...⟩

УЗАК АБДУКАИМОВ
Фотография, 1950-е годы
Собрание семьи У. Абдукаимова, Фрунзе

7.XI. В честь праздника выпили по 200 граммов. Я вспомнил Октябрьский праздник 1942 г.

...Шли днем и ночью. И эти дни и ночи казались бесконечными. В обезлюдевших деревнях престарелые старики и старушки провожали каким-то тупым, молчаливым, то ли жалеющим, то ли проклинающим взглядом.

Рано наступивший сухой мороз то и дело сменялся мокрым снегом, даже дождем, тогда становилось еще труднее: грязь, слякоть сквозь промокшую шинель еще больше отнимали сил, еще больше изнуряли. Тогда путь становился невыносимо тяжелым. И люди шли молча.

В этом молчании было собрано все то благородное, которое сохраняет человек, идя в тяжелый путь, даже зная свою обреченность. В этом молчании была и та злоба, та безобидная злоба на невзгоды похода, которая присуща каждому из нас, которую имел и я тогда. В этом молчании было то упорство русского человека, которое не раз приходило ему на помощь, не раз удивляло мир, но уже обогащенное, облагороженное упорством нового человека. В этом молчании таился голос будущего, вера в будущее, вера в то светлое, что замерло в ожидании своей судьбы, о предрешенности которой торжественно кричал враг.

Наконец, в этом молчании было сознание того, что мы двигались в «мешке» и доставить продовольствие было трудно, а потому нужно было потуже подтягивать ремни и пережить все молча.

Это было великое молчание и вера в свое правое дело, которое все же должно было взять верх.

Завтра наступал самый большой в нашей жизни день, который воплощал весь смысл нашего бытия,— 25-я годовщина Октябрьской революции.

Эх, в этот день я гулял, друзья.

И люди с благоговением вспоминали этот день, бывший святым днем каждого советского человека, день, который, казалось, все дальше и

дальше удалялся от нас. «Неужели,— возникал жгучий вопрос,— неужели наступит конец всему тому, что лелеяли 25 лет, 25 упорных лет, неужели всему конец?!»

Так люди и с сомнениями боролись молча.

Пришло время, и великое молчание заговорило: сила, созревшая в молчании, грохотала, сметая немецкие полчища, потрясая мир.

Вдруг все заговорило — от солдата до последнего кустика русской земли.

То было 20 ноября. Мы переходили в наступление. А 26 ноября я был ранен.

26.XI. Когда-то немцы считали своих артиллеристов и минометчиков артистами. Теперь русские артиллеристы и минометчики стали не только мастерами своего дела, но и искусными режиссерами, перед которыми артисты должны шапки снимать. Русские режиссеры заставят немецких артистов доиграть финал сцены, называемой «катастрофой»...

27.I.45. Вот до чего мы дожили! Мы теперь приближаемся к Кенигсбергу. Сегодня метель бушевала. Лошадь привязал к повозке. Встретил литовца, который хорошо говорит по-русски. Я спросил: «Kaip jus vardas?» — он ничего не ответил. Оказывается, ни слова по-литовски не знает — от того ли, что он немец, или долгое время в Германии жил? Почему он себя литовцем называет — не мог добиться.

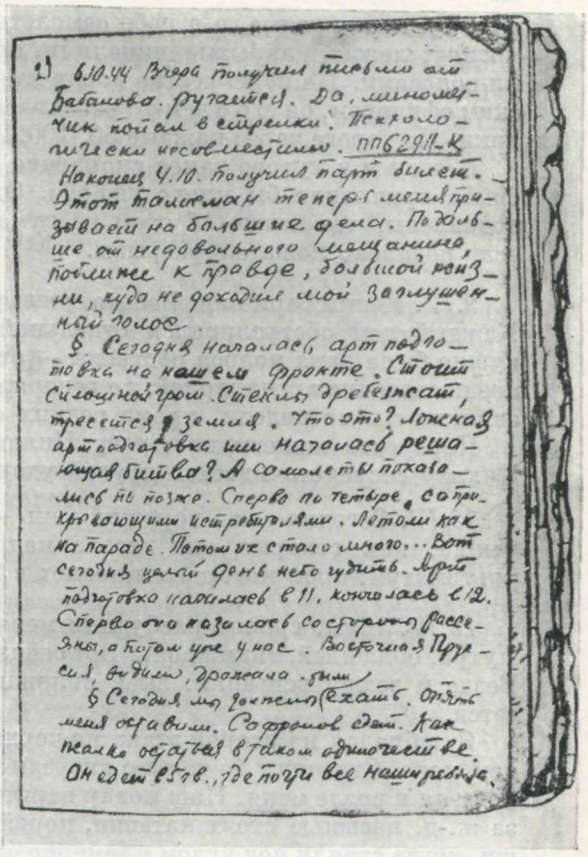
Встречаются две женщины, одна молодая, другая в преклонном возрасте, спрашивают дорогу. Вот до чего я дожил — deutsche Frauen спрашивают у меня дорогу в Германии. Я тепло с ними говорил через этого литовца. Дрожат. И холодно и боязно. Возвращаются и литовцы, и поляки, и русские, даже немцы. Жалеть их или не жалеть?

29.I. Всё ближе приближаемся к Кенигсбергу. В 14 км от Кенигсберга оказался лес, где имелись большие подземные склады. Теперь немцы, немки, дети (боже!) в условиях зимней стужи возвращаются, оказавшись отрезанными. Когда мы ласкаем немецких детей, плачущих от невзгод длинной зимней дороги, немцы, разинув рот, смотрят на нас, как будто мы хотим проглотить их детей. Потом, успокоившись, немки улыбаются какой-то тяжелой улыбкой. Вот идет молодая фрау, опираясь на велосипед; видно, что страшно устала, но идет. Надо идти...

18.III. Сегодня был в тылу моего полка (54 гвардейского ордена Суворова полка) — ходил получать зарплату. Сидел в жарко натопленной чердачной комнатушке, где устроился начфин со своей свитой. Входит молодой человек, по виду похожий на казаха, бледный, с преждевременными мелкими морщинками на лице. В фуфайке его невозможно было узнать, кто он по званию. Маленький, стройный. Потом оказался майор Бекбаев Насиб, младший брат Бекбаева Успентая. Он с радостью подал мне руку. Потащил к себе вниз, поговорили досыта, выпили по рюмке водки. «Много пережили на войне,— говорит он,— теперь мы знаем, что такое правда. Надо работать и воспитывать народ, не боясь трудностей, работать правдиво и искренно».

Да. Каждый из нас, проходивший суровую военную жизнь, должен сознать, что впереди громадные стоят дела, которые ждут крепких, проворных, правдивых, честных рук. До сих пор мы, несмотря на все наши полезные работы, жили в себе, иные непонятно как-то, скрытно, стесненно, иные самодовольно, чванно, сытно и гордо; но все же ни у кого не было того порыва, закалки, которые мы имеем сейчас...

31.III. Сегодня в 9 часов утра комдив вручил ордена. Получив Красную Звездочку, чувствую, что во мне происходит то, чего не было никогда.



ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК УЗАКА АБДУКАИМОВА

Обложка и страница с записью 6 октября 1944 г.

Собрание семьи У. Абдукаимова, Фрунзе

6.IV. Сегодня началась артподготовка. День был ясный, теплый; штурм начался с двух сторон, в двух направлениях — на Кенигсберг, на Пиллау.

На днях я ездил в армию с отчетом. Все дороги (асфальтированные, мощеные, настильные) были забиты машинами, танками, вообще техникой.

Теперь вся эта мощная техника обрушилась на немцев, которые при первом удобном случае сдаются в плен. Я слышал, не знаю, насколько это достоверно, что Кенигсберг выслал парламентеров с предложением, что они могут сдаться на условиях, которые были предъявлены нами Сталинградской группировке. Теперь-то они почувствовали, какое рыцарство было в русских условиях капитуляции в Сталинграде.

Есть слух, что недавно в Кенигсберге был сам Гитлер. Наша дивизия должна выйти к морю, перерезав железную дорогу Кенигсберг — Пиллау. На небе стоит несмолкаемый гул днем и ночью.

8.IV. Битва продолжается. Вчера слышал, что в Кенигсберге идут уличные бои, а наш правый сосед вышел к морю.

9.IV. День ясный, солнечный, дует не сильный, но несколько резковатый ветер. Я еду на повозке на новое место. На чистом поле, засеянном озимыми, раскинулись пункты боепитания. Идут пленные немцы, здоро-

вые, худые, грязные, а в небе самолеты, самолеты. Вот копают братскую могилу, лежат, накрытые шинелями, сраженные бойцы с черными, русыми волосами. На перекрестке дорог пленный офицер разговаривает с русским офицером, он его о чем-то расспрашивает, их обступили бойцы-дорожники. По дороге через каждые 50, 100, 200 метров бойцы-дорожники.

В лесу и в хуторе такое скопление (обозы, машины, люди), что одна бомба причинила бы много ущерба. Однако немцы настолько морально подавлены, что никто об этом не думает и даже не обращает внимания, если недалеко ложатся разрывы.

9.IV. Кенигсберг пал. Ребята уже успели съездить туда за трофеями. Каждый дом обстреливался отдельной пушкой. Иначе говоря, каждой пушке была дана полоса обстрела — отдельный дом. Таково было огромное насыщение артиллерией, не говоря о других видах оружия. Немецкой авиации мы не видели, кроме редких одиночных появлений.

Перерезав железную дорогу Пиллау — Кенигсберг, мы встали. На Пиллау сосредоточивается другой ударный кулак.

12.IV. Сегодня тоже хороший день — тепло, авиация работает беспрерывно, как говорят, она висела над Пиллау. Василевский предъявил ультиматум, срок которого истекает в 24.00.

13.IV. Шум, грохот разбудили меня. Началась артобработка ровно в 7 утра, облачный, тихий день. Вот сейчас сижу и пишу то, что происходит. Везде и всюду вспышки, дым, сплошной грохот, от которого земля трясется.

Я забрался на второй этаж, на чердак. Я нахожусь как будто в огненном море. Стреляют не только впереди меня, а и далеко позади меня, около меня и возле меня. Наш повар варит завтрак, а метрах в 50—70 от нас, за ж.-д. насыпью стоят катюши, порой изрыгая огненные стрелы. Катюши, когда стояли под углом примерно 45°, были похожи на рояль с открытой крышкой. В этот раз действуют скорострельные, новые катюши, звук которых похож на звук станкового пулемета. «Петляковы» летели эскадрильями. Первое время немецкие зенитки открывали огонь, потом и те замолчали. Я наблюдал, как пикировали они. Отчетливо видно, как обстреливают «илы» на пике реактивными снарядами. Все это происходит при громадном грохоте артиллерии. Дом, на котором я стою, так и ходит ходуном. Я оглушен.

15.IV. Вчера проехали Зееаппен, который превращен в груды развалин. Там, где проходила оборона немцев, все изрыто. Теперь идут обозы и машины; связисты тянут связь,— всё идут и идут. Я насчитал 12 танков, подбитых немцами, иные разлетелись на куски; эти танки не мощные самоходки, а те, которые танкисты называют «прощай, родина».

В Зееаппене есть аэродром, на котором лежат разбитые на земле немецкие самолеты, большинство истребители. Куда ни смотришь — везде разрушение. Это немцы цеплялись за каждый дом, за каждое укрытие, а наши тоже не сентиментальничали ⟨...⟩

Сегодня несколько немцев пришли к комдиву на самоходке. Они сказали, что с ними хотят сдаться в плен около 300 солдат, они просили, чтобы им была дана записка с заверением о безопасности. Комдив удовлетворил их желание. В их руках ультиматум Василевского.

Я писал в «Мыслях русского офицера»: «Мы уничтожим гитлеризм, уничтожим идеологию фашизма, уничтожим немецкую армию и всех тех, кто с оружием в руках станет на освободительном пути русской армии. Но мы не враги немецкого народа, мы не можем уничтожить ту культуру, которую создавал немецкий народ в лице таких гениев, как Гёте».

Когда русский солдат обласкивал немецких старух, плачущих детей, я радовался сильной душевной радостью и думал: «Этим мы показываем свою высокую человечность, этим мы уничтожаем пропаганду Гитлера, Геббельса. Мы перетерпели все горе именно из-за вас, господа, из-за ваших господ, но мы направим немецкий народ на новый лад...»

21.IV. Идут дети, идут женщины, старики и старухи. Идут неведомо куда, грязны, голодны. Подходит малыш и говорит:

— Brot ist?

У нас хлеба не было. Стояли какие-то красноармейцы, у которых оказалась буханка хлеба. Когда я им сказал, что дети просят хлеба, они с удовольствием отдали буханку. Все дети оказались возле меня.

Женщины, старики, дети смотрят на меня каким-то удивленным взглядом.

В Кенигсберге я видел, как дети окружили красноармейца, который сидел с аппаратом на дворе. Ходят молодые фрау, улыбаются, боятся, но все-таки живут, работают, чистят города...

9.V.1945 г. Победа.

Вчера лег во втором часу ночи. Я моментально уснул крепким сном. Но вдруг зашумел наш старик Малышев. «Победа! Победа!» — слышу крики. Где-то раздается «Ура!». Потом началась пальба. Стреляли солдаты, все, кто имел оружие. Ракеты ярко освещали небо.

Так наступило утро Победы, которое я встретил в Пруссии.

Сегодня 9 мая 1945 года, а 9 мая 1942 года я был призван в армию.

Когда исполню долг бойца, взмахну я
Крыльями, на родину помчусь,
Мою сиротку обниму родную
И дам отведать ей победы вкус.

Но мне еще к любимой нет дороги...
О, как влачится долго каждый час!
А кто-то, замирая от тревоги,
С тропинки к дому все не сводит глаз... *

* Перевод Рувима Морана. В дневнике стихи написаны на киргизском языке.

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК

АПРЕЛЬ — МАЙ 1945 г.

По дорогам войны Двенадцатого года, среди войск Кутузова, двигалась этакая странная повозка, доверху нагруженная колымага... Это было не что иное, как полевая походная типография, в которой печатались листовки к солдатам французской армии, сводки и приказы Светлейшего. Своего рода боевые листки. Первая армейская походная редакция.

И именно с ней находился в это время, в ее составе был Василий Андреевич Жуковский — поэт, прославленный «певец во стане русских воинов»...

Наши армейские, дивизионные, фронтовые редакции со своими автомашинами-полуторками были на дорогах войны такими же вот точно походными типографиями, а мы, молодые поэты, молодые журналисты, вчерашние солдаты — не кем иным, как певцами во стане советских воинов.

Я тоже работал в такой редакции — в дивизионной красноармейской газете.

150 стрелковая дивизия, корреспондентом газеты в которой довелось мне работать, стояла на Калининском фронте. Я пришел в эту дивизию зимой, в 1944 году.

В редакции я считался самым младшим работником, носил звание «литературный сотрудник», но мы — я и мои товарищи в других дивизиях — этого своего звания не любили...

В первый год войны я был танкистом, война застала меня на западной границе. В газете я раньше никогда не работал. Мы почти все пришли в газету из воинских частей...

Кем я был на войне?

Наверно в глазах иного, какого-нибудь закоренелого штабиста я был почти героем, человеком переднего края, тем, кто лез в самое пекло. А для какого-нибудь взводного я сам был тыловиком, изредка, раз в неделю, приходившим к нему в траншею.

Газета называлась «Воин Родины»... Ну да, я же говорил — «певец во стане русских воинов».

У нас была полевая почта 03628.

Нам иногда самим приходилось крутить машину. Самим печатать. Сами писали, сами распространяли.

Теперь, листая подшивку газеты (у меня сохранился ее полный комплект), я вижу, что даже заголовок ее мне (художника не было) пришлось вырезать на линолеуме, достать который было очень трудно. Помню в каком-то доме, где мы стояли, нам пришлось выдрать его из пола.

Газета была маленькая. Двухполоска. Немногим больше писчего листа бумаги. Но как я гордился, когда, приходя в полк, видел ее в руках бойцов.

Мы много ездили и много ходили. Летним знойным днем пылили по дорогам, по снежным большакам буксовали среди движущихся колонн. Но больше ходили. Если выдавалась тихая минута, сидели, листая блокнот, и «отписывались». Засиживались допоздна, курили и писали. Писали много — за короткое время вырастала целая стопа заметок.

Писали и статьи, и очерки, и рассказы, и так называемый «боевой опыт». Строгие военные корреспонденции о том, как уметь применить оружие, о солдатской сноровке и несложных командирских хитростях...

Все приходилось писать.

И свои первые стихи я тоже напечатал в дивизионке. Впрочем, стихи мне газета могла позволить печатать нечасто. Больше приходилось писать стихотворные шапки и еще так называемые подтекстовки, или подписи под клише.

В Померании у нас в газете появился плакат работы художника Л. Голованова «Дойдем до Берлина».

С моими стихами.

Этот плакат (переобувающийся на привале солдат) висел потом на щитах — на перекрестках дорог перед Берлином.

Бои, бои... Тяжелый шаг пехоты
На большаках, где шли вчера враги.
На бровку опершись, на переходе
Натягивает парень сапоги.

Простые, загрубевшие от жару,
Но крепкие: носить — не износить.
Еще и тем хорошие, пожалуй,
Что по Берлину в них ему ходить.

150 Идрицкая дивизия, в которой я служил, ничем до того не прославившаяся, не только пришла в Берлин, но и взяла рейхстаг. Мои первые сообщения об этом были написаны в самом рейхстаге. Наутро я увидел возле рейхстага многих известных и прославленных журналистов и писателей, корреспондентов центральных газет.

Я писал тогда в «Воине Родины», как в последние часы войны в горящем здании рейхстага дрались наши бойцы. Много лет спустя я рассказал об этом же в книге «День тысяча четыреста десятый».

Почти всю войну я вел дневник. Мои записи — те, которые здесь приводятся,— начинаются с Одера, с Одерского плацдарма. Помню день, когда я влез на вышку (хотелось посмотреть Одер). Дух захватывало от высоты.

Вот это ощущение того, что ты на вышке, особенно было испытываемо нами в Берлине.

Мы потом влезли наверх, на рейхстаг.

Ощущение грандиозности совершающихся событий, их значимости, переживалось нами уже тогда, несмотря на очень большую нашу физическую усталость.

Я не буду повторять того, что сказано в моем дневнике об этих днях.

Шаг за шагом армия приближалась к центру, а дивизия, как оказалось даже неожиданно для нас самих,— к рейхстагу. Пройти в часть было очень трудно: бои шли за каждый дом, на каждой улице. По несколько раз в день надо было возвращаться в редакцию и снова идти к наступающим батальонам. В эти дни редакция понесла утрату. 29 апреля в Берлине был убит наш редактор.

Я очень бережно храню этот дневник. Несколько тетрадок, исписанных простым карандашом. Как бы ни было трудно, я, хотя и не каждый день, находил время хоть что-то записать. Некоторые слова уже стерлись. Я теперь вижу, что, несмотря на поспешность, с которой делались эти записи, главное в моем дневнике оказалось отмеченным.

Кроме дневника, у меня сохранились записные книжки, мои корреспондентские блокноты. Это подробные записи о героях боев. Со временем я их опубликую.

Конечно, я записывал мало...

Я еще не знал тогда, что те несколько берлинских дней, которые нам — каждому по-своему — определили жизнь надолго вперед, я не смогу никогда забыть, что отсюда пойдут мои первые книги.

В. Е. СУББОТИН
Фотография, 1945
Собрание В. Е. Субботина, Москва

Я рад, что мне удалось хоть что-то записать. Я даже пытался фотографировать, потом, через день, через два, когда перестали стрелять. У меня был немецкий кодак. (В трудную минуту, живя на Урале, я продал его...) Фотоаппаратик, видимо, был неплохой, но фотограф я был слабый.

Все же эти несколько кадров теперь для меня очень важное напоминание.

Мое поколение шагало дорогами большой истории.

Мы стояли на рейхстаге. Через Бранденбургские ворота шли огромные колонны пленных.

Это была, конечно, волнующая картина. Запоминающееся зрелище.

Я тогда написал об этом в стихотворениях «Бранденбургские ворота», «Эпилог», «Королевская площадь», которые получили столь неожиданное для меня самого звучание.

Ветер истории шевелил волосы.

Захватывающий душу ветер событий, который меня до сих пор обжигает.

12 июля 1964 г.

2 апреля *. Второй уже месяц мы в Германии. Сейчас немцы — за Одером, наши — на дамбе. Это рядом...

Я вернулся сегодня утром из того городка, что за лесом. В десяти километрах от места, где мы стоим.

Возвращался обратно попутной машиной и по дороге встретил Давыдова, комбата 674-го.

---

* Дневник публикуется с небольшими сокращениями. Текст записей пересмотрен, и в него внесены необходимые стилистические исправления. Некоторые записи пополнены материалами из корреспондентских блокнотов этого же времени.

Нам осталось до Берлина около 70 км. Союзники вроде бы тоже стали торопиться. Но им до Берлина — 265 км. Рузвельт, однако, как говорится сегодня в наших газетах, просил сенат не разъезжаться, так как возможна капитуляция Германии...

Скорее бы уж началась горячка.

4 апреля. Я влез сегодня на вышку. На кирху, что рядом с нами. О, как высоко! Даже холодок под коленками. Одер я пока увидел очень слабо...

Кто-то уверяет, что слышал, как бомбят Берлин. И это весьма вероятно.

Когда я думаю о том, что война может скоро кончиться, я начинаю загадывать наперед. Очень хочу учиться...

6 апреля. В насмешку над немецкой пунктуальностью кто-то из бойцов написал на единственной в доме печке: «Печь № 1». А у Одера я видел прибитую на берегу дощечку: «Река».

Читал письмо одному солдату, из тыла. Пишут:

«А скоро ли наши союзники переведут свои мили на километры?»

В нашей газете идут такие материалы: «Как правильно немцу мстить», «Настоящий мститель — герой на поле боя».

19 апреля. Столько событий произошло за эти дни, я не мог ничего записать раньше.

Фольварки, фольварки. Селения. Это уже пригороды Берлина.

Расползлась на крышах черепица,
Будто карты спутанной судьбы...

Был я во «Фронтовике», в нашей армейской редакции, видел Савицкого, моего друга — фронтового поэта. А через день-два все и началось... Еще сквозь сон я услышал. Ни о чем нам, дивизионным, заранее не сообщают.

Было, должно быть, часов семь, когда загромыхало. Мгновенно я собрался, распоряжений мне никаких ждать не надо. Раз загрохотало—надо отправляться.

По мосткам пробрался через плавни. Трясина страшная. И вот передо мной опять открылся Одер. Он хоть и меньше Вислы, но глубокий и быстрый. Я перешел его по понтонному мосту.

Сначала пошел на огневые к минометчикам.

Плацдарм весь исполосован траншеями. Так что по открытому полю ходить не надо... Утро началось с разведки боем. А это, как известно,— всегда начало наступления. Так не раз было...

Пришел к нашим минометчикам, братьям Рубленко. Анатолий сидел в это время на наблюдательном, а Григория я нашел в блиндаже. Он обрадовался, позвонил брату. «Знаешь, кто у меня?» — и передал трубку мне.

Так же, кружась по траншеям, разыскал еще одного знакомца, Васькина, тоже минометчика.

Попробовал связаться по телефону с батальоном. (Твердохлеб, комбат, в этот день взял две траншеи и деревню.) Информации никакой! Шустер, замкомбата, передал мне, что у них, как всегда, хорошо действовал Исаков. Каримджан Исаков. Он не успел мне больше ничего сказать, на них шли танки...

С комсоргом Евраскиным мы решаемся отправиться к Твердохлебу. Но выяснилось, что никто не знает направления, можно попасть к немцам.

Пробирались по краю залитого водой рва. Глубина рва неизвестна, может быть, по пояс, а может, и дна не достанешь. Прижимались к обочине канавы. Наверх вылезть нельзя — снимет автоматчик!

Канаву перегородила спираль Бруно. Метнули гранату. Я все-таки зацепился плащ-накидкой, когда проскакивали этот проход.

Труднее всего солдату, который идет за нами,— подносчику патронов. Ящик и без того тяжелый, а здесь еще тяжелее с ним.

Наконец мы в траншее. Проходим еще метров 50. «Тише, тише!» — кричат на нас... Вот и майор Твердохлеб. Высокий какой! Здороваюсь со всеми. «Не разговаривайте громко! Накроют. Немцы в 15 метрах...» Только что отбили атаку.

Чувствую, что люди рады. («Редактор пришел!») Им кажется, что они не только от всех оторваны, но и забыты... А тут приходят из газеты! Меня они называют «редактором».

Отличившихся много. Взвод Греченкова. Связисты Рожков и Калина, санитары Андрей Вириженко и Федин. «Напишите вот о старшине,— говорит Твердохлеб,— он сегодня пять пленных привел...» Это о старшине Стельмахе.

Первым выскочил у них из траншеи лейтенант Клеменко.

Тут и этот Исаков, очень смелый человек. Лейтенант с орденом Славы. Он парторг батальона.

Со всеми беседую... Моя книжка почти вся исписана.

Темнеет. Надо идти... Опять пробираемся по тому же топкому и скользкому берегу. Теперь пехотинец, лежа, режет тут проволоку, не обращая внимания на огонь. (Не записал фамилию!) Тут же, недалеко, лежат несколько убитых. Все — в голову. Это снайпер стреляет.

Мы забираем одного раненого и сразу же натыкаемся на другого... Долго блуждаем, пока в темноте находим КП.

В редакцию я вернулся на другой день, часа в два. Уже в Клоссов. Кто-то обо мне сказал, что я убит.

В эту ночь, на Одере, когда я еще был там, шла такая артиллерийская подготовка, какой я, признаться, не слыхал. Едва только она затихла, как были включены прожекторные установки большой мощности.

Все это до рассвета.

За Одер, за Одер!

Я стою на мосту и раздаю газету.

Пыль, пыль, пыль.

Очередь на переправе. Стоим ждем. Все части смешались.

— Сколько до Берлина осталось? — спрашивает красноармеец Распопа...

«Витька, сюда!» Указка на дороге...

В первый день продвинулись только километров десять, двенадцать. Потом опять все загудело и все началось сначала. И передний край опять передвинулся...

Дивизия наша брала селение Кунерсдорф. (Увы, это оказался не тот Кунерсдорф. Не тот, где произошло знаменитое сражение. Другой...)

Два последних номера у нас вышли целиком оперативные. Удачно я сходил на Одер.

Мои товарищи — газетчики из армейского «Фронтовика» — остановились рядом, и я зашел к ним. Володя Савицкий — в командировке.

26 апреля. На улице Мюллерштрассе. Это — уже в Берлине. Все время приходится заделывать окно в комнате — так бьет артиллерия. Противник тоже отвечает. Идут упорные бои...

Кажется, я изучил уже все пригороды.

Запомнилась мне одна могила. Под Берлином. У траншеи, перед самой немецкой обороной стоял наш подбитый танк.

У СТЕН РЕЙХСТАГА

Фотография. Берлин, май 1945 г.

Собрание В. Е. Субботина, Москва

«Виктор Крыжановский первым шел на Берлин, погиб здесь, в танке, 23 апреля 1945 года. Вечная слава тому, кто отдал жизнь за завоевание Знамени победы над рейхстагом».

Эта надпись была выжжена на дощечке раскаленным гвоздем. Я перенес ее в записную книжку.

В каждом местечке побывал по несколько раз. Панков, Каров, Бухгольц, Розенталь, Вильгельмсру. Везде цветут вишни.

Сегодня с утра наша дивизионка, редакция, уже в самом Берлине. Когда двумя днями раньше я был здесь, я переходил через эти каналы.

Укреплений в городе много. Но разве не так же упорно держались немцы в Прибалтике, в Польше?

Впрочем, Берлин еще весь впереди.

«Цивильные» — все на местах. Мало кто эвакуировался.

Мы весь день окружены немцами. Они обращаются с просьбами, просят разъяснений. Я понимаю плохо, а говорю еще хуже. Но пытаюсь связать отдельные слова и фразы. А один из нас не смущается, что его почти не понимают, и разговаривает всех лучше... Мы все так, пытаемся говорить по-немецки, пользуясь тем запасом слов, что мы выучили в школе...

Поймали немецкого офицера. В гражданской одежде. Переоделся. Немка доложила о нем капитану Носкову. Скрывался во дворе. Зовут Юзель Атель.

И — уже отошли сердца. Видно характер у нас такой...

Мы хотя и говорили, что придем в Берлин, но удивляемся, что это случилось...

Повсюду, на стенах, надпись: «Пс-с-т!» Молчи!

Сколько же немец продержится еще? Союзники наши так и не подошли к Берлину, опоздали...

Дивизиям выдали флаги. «Кто первым вывесит флаг над рейхстагом»,— сообщают работники политотдела.

1 мая. Я не заношу сюда, в дневник, того, что уже есть в моих записных книжках и будет в газете — всего того, что было вчера на Шпрее, в районе рейхстага... Все это станет заметками и очерками. Ведь только вчера говорили — «Будем брать рейхстаг», а сегодня рейхстаг уже взят. На второй странице вышедшего утром номера напечатано:

«Вчера доблестные воины нашей части после ожесточенных уличных боев овладели зданием германского рейхстага и водрузили над ним стяг победы.

Слава героям — участникам этого исторического события!»

Все эти дни — у рейхстага.

Вчера я был там, долго ждал, чтобы дать это сообщение. Там и сейчас еще всё горит...

Редактор наш Вадим Белов убит. (Еще 29-го.) Зацепин, Суслопаров ранены. Их отвезли в санбат. Труп Белова искали долго, но только вчера напали на след. Убит он был возле трамвайного парка, он шел на КП дивизии, подыскивать новое место для стоянки. Документы его передали из корпуса, передали люди другой части — документы и награды. А шофер наш, Митя Куликов, за день до всего этого разбился сам, побил машину.

Нас осталось мало, но газету выпускать надо... На улицах всё еще рвутся снаряды. Бьет тяжелыми. Откуда?

Мы переехали на новое место. Это гардеробная какого-то подземного завода... Сегодня я еще раз пойду. Все равно — газету выпускать надо. Со многими я уже говорил и уже знаю многих, кто водрузил свои флаги над рейхстагом. Мои записные полны имен.

Политотдел армии прислал телеграмму, поздравляет нашу дивизию со взятием рейхстага и водружением Знамени победы над Берлином.

...Снова и снова думаю о смерти Белова. И случилось это не на самой передовой. Но тут не разберешь, где тут тыл, где передовая.«Храбрость есть умение не бояться того, чего не надо бояться». Он это часто повторял...

И Германия, и берлинская группировка разрезаны... Всюду на улицах толпы берлинцев. Многие уже без белых повязок. А сегодня встретил одну даже с красной...

Все еще гремят пушки под рейхстагом. И в самом в нем еще не утихло... Берлинский гарнизон продолжает сопротивление... Но на рейхстаге, над зелеными фигурами коней ветер уже полощет красное знамя.

В приказе первомайском сказано, что вторая мировая война подходит к концу.

2 мая. Четыре года мы писали: «Ворвался». «Ворвались». Боже упаси, чтоб «вошел»...

Сегодня с утра в Берлине тихо. Берлинская группировка капитулировала. Был в подразделениях, которые сейчас «выведены».

Но откуда выведены, если не стало передовой?

Наша, вчера только вылезшая из Калининских болот дивизия, штурмовавшая до того одни лишь сопки, взяла рейхстаг. Непосредственно рейхстаг брали два наших батальона — Неустроева и Давыдова. И в том и в другом батальонах ставили свое знамя... У Давыдова это сделали лейтенант Рахимжан Кошкарбаев и Григорий Булатов, боец. Вместе с ними действовали — лейтенант Сорокин, бойцы и сержанты — Лысенко, Провоторов, Габидуллин, Орешко, Пачковский и еще несколько бойцов.

Долго говорил с Кошкарбаевым. Чуть ли не весь день они пролежали на площади.

Тут же, когда мы говорили с Кошкарбаевым, был и Исаков, они очень дружат.

Первую информацию я написал о них еще вчера, но появится она только завтра. Мы — не ежедневная газета.

Начполит приказал мне «не жалеть красок». Да и хватит ли у меня красок? Этот маленький, Булатов, под мышкой у лейтенанта крутился, спрашивал:

— Что мы будем делать, товарищ лейтенант?..

Знамя они завернули в черную, в темную бумагу.

Беседую с Сорокиным, Лысенко, Давыдовым... Мы все слишком взволнованы. И перебрасываемся в разговоре с одного на другое.

Надо мне о моем земляке, кировчанине Булатове, написать домой, ему на родину. Пусть мама за него порадуется. Ее младшенький, ее Гриша — он 25-го года рождения! — водружал над Берлином красный флаг...

Тут, у Плеходанова, меня окружили, со всеми беседую. И капитан Боев, и Саша Сагитов, и Сергей Васькин — живы.

По пришедшей в часть дивизионной газете сверяют, которое сегодня число.

Первый майский дождь!

На улицах хоронят гражданских. На лафете провезли убитых артиллеристов.

— Я сегодня думал, что война кончилась совсем,— говорит Сагитов.

К вечеру—у Неустроева. Встречаюсь с Берестом, Щербиной, Кантарией и Егоровым. Потом с Гаркушей, со Сьяновым.

...В окно увидели серое здание, но никто не знал, что это рейхстаг. Массивные колонны, иссеченные металлом. Замурованные, заложенные кирпичом окна...

Переговоры о капитуляции происходили ночью. Огонь был прекращен с обеих сторон. Разговоры предварительные шли по рации...

Запыленные, перемазанные известкой, ходим мы по улицам.

Перехожу Шпрее, в который уже раз за сегодня. Речонка — так себе, небольшая и грязная. Пожалуй, она здесь одна не изуродована. Течет спокойно.

Когда пересекал мост Мольтке, поблизости еще горели дома... Где-то в доме отстреливался последний гитлеровский фаустник.

Все ждут, что вот-вот наступит конец...

3 мая. И вчера и позавчера, как и все эти дни, провел я на Кенигсплац — это сумасшедшие были для меня дни,— а сегодня я влез наверх, на крышу рейхстага. Сюда, наверх, все влезают. Я достал из планшетки этот свой дневник, мне захотелось записать эти строки здесь...

Передо мной весь Берлин. Совсем близко Бранденбургские ворота, в парке — Колонна, на ней — женщина крылатая... Я на левой стороне здания. Рядом, справа, колышется знамя. Ветер сейчас развевает его. Берлин весь наш. Город бурлит... Одна Шпрее тихо течет.

Выходим на Унтер ден Линден... «Улица под липами»! Но лип что-то не видно. Они — сбиты, высохли, развеялись. Стали пылью... На Вильгельмштрассе — разгромленная рейхсканцелярия. Целые кварталы кирпича, щебня, камня... На крышах какое-то месиво железа. Красная чешуя черепицы разбита. Руины, руины.

Война возвратилась туда, откуда она выползла.

Идет фриц. Приветствует.

— Здравствуйте!

Танки, танки на улицах. Машины, люди. И флаги. Всюду наши флаги...

Трудно даже представить, что делается сейчас на родине.

Сегодня у рейхстага много писателей. Я видел только что Константина Симонова. Он высокий. У него усы и шинель кавалерийская. Всеволода Вишневского... Сейчас тут целый офицерский корпус. И генералов много.

На лестнице рейхстага я встретил своего друга, и мы опять поднялись наверх. Даже сфотографировались у флага... (Снимал нас оператор кинохроники П. Т. Горбенко.)

...Уходить с рейхстага мне не хотелось, даже когда наши зенитки стали вдруг бить по появившимся откуда-то немецким самолетам... Я уже стал было спускаться, но тут увидел: снизу, навстречу мне, поднимались двое. Шаткие деревянные ступени прогнили, и подниматься по ним можно было только по одному.

— Осторожнее, товарищи... Свалитесь!— сказал я.

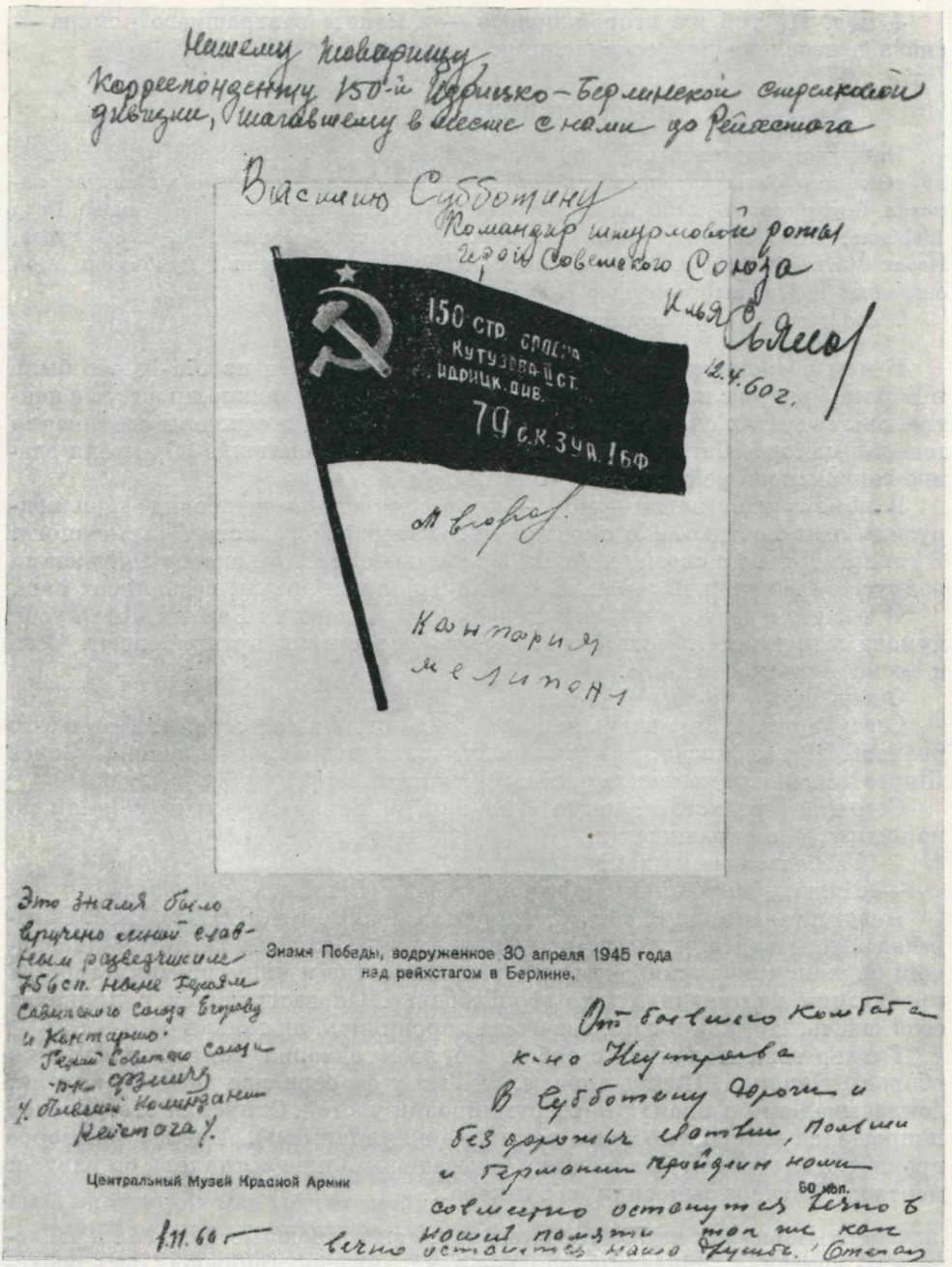
Тот, что шел сзади, поднял голову, и я в нем признал своего товарища, тоже старшего лейтенанта, такого же, как я, дивизионного газетчика, поэта Сашу Лесина. Забыв о гнилых ступеньках, мы расцеловались и еще раз поднялись наверх.

Давно мы не видели друг друга. Прежде, на Калининщине, наши дивизии чаще стояли рядом, и мы ходили по одним и тем же дорогам. Или он возвращался с переднего края, или я шел туда. Последний раз мы встречались в Польше.

И вот теперь — здесь, на рейхстаге.

Все здесь встречаются, и не только друзья, но и родные. На наших глазах здесь встретились отец с сыном.

Истинно, все дороги войны вели в Берлин, к рейхстагу. Все сюда шли...



ЗНАМЯ ПОБЕДЫ, ВОДРУЖЕННОЕ НАД РЕЙХСТАГОМ 30 АПРЕЛЯ 1945 г.

Репродукция с дарственными надписями участников штурма рейхстага В. Е. Субботину.
Апрель — ноябрь 1960 г.

Собрание В. Е. Субботина, Москва

4 мая. На той же второй полосе — в макете завтрашнего номера — снова поставлена корреспонденция:

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ ВОДРУЖЕНО

Наши подразделения штурмом овладели рейхстагом. Первыми в осиное гнездо немецкого фашизма ворвались бойцы подразделения, которым командует капитан Неустроев. В этой битве неувядаемой славой покрыли свои имена Петр Щербина, Николай Бык, Иван Прыгунов, Василий Руднев, Кузьма Гусев, Исаак Матвеев, Сьянов, Ярунов, Берест, Кантария, Егоров. Руководил этой операцией доблестный командир Степан Неустроев.

Слава героям, штурмовавшим рейхстаг!

К нам редактором прислан капитан Корюков. Он из 171-й, что была в Берлине рядом с нами все время. Сегодня в сводке можно прочесть в центральных газетах официальное: «Бойцы, сержанты и офицеры соединения генерал-майора Шатилова и полковника Негода, занявшие 30 апреля здание германского рейхстага...» (За 3 мая.)

В номере идет наша — моя — корреспонденция-зарисовка «Они водрузили стяг победы». Но сколько их! Флагов на рейхстаге было много. Я говорю только о своей дивизии. Правильнее было бы сказать, что знамя водрузил безымянный герой. Его водружала вся армия, весь народ наш.

И в самом деле, у многих солдат, штурмовавших Берлин, был кусок кумача в кармане... Есть флаг, который поставили артиллеристы. Есть и «комсомольское знамя».

Очень много других флагов.

Сегодня тихо. Еще вчера за рекой были слышны выстрелы. Там что-то рвалось. Я уже писал, они капитулировали в ночь, неожиданно. Через Шпрее долго шли немецкие части. Сдавались.

Сегодня в рейхстаге, когда с комсоргом Беляевым мы проходили по коридору, нас спрашивали:

— Геббельса не нашли?

— Нашли, нашли! — радостно отвечал Беляев.

Действительно, на КП нашего корпуса лежит труп. Это Геббельс. Обгоревшее лицо и одежда... Одна нога подвернута. Ростом мал... Командовавший берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг и чины из министерства пропаганды подтвердили, что это Геббельс. Он застрелился и приказал себя сжечь. Но, как видно, все очень торопились, он только обгорел.

Гитлер тоже покончил с собой. Об этом говорил тот же начальник обороны Берлина. По его словам, он был у фюрера еще днем 30 апреля, докладывал ему о планах перегруппировки частей. Отпуская его, Гитлер попрощался («Вероятно, мы с вами уже не увидимся»). А через некоторое время, когда генерал был наверху (его задержал наш артналет), он увидел: мертвого Гитлера выносили из бункера...

6 мая. Вернулся из 756-го. Ночь эту, как и прошлые, ночевал в рейхстаге. В подвалах. Зинченко назначен начальником гарнизона. Весь рейхстаг уже успели исписать... Прежде всего бросается в глаза надпись на колонне: «Мы с Волги!»

Я тоже расписался. Только имен погибших нет на этих грозных стенах.

Под рейхстагом — не знаю на какой глубине — выступление артистов Большого театра. (Это всё вчера.) Подвалы невысоки, облицованы желтым кафелем. Сидим на скамейках, сколоченных из досок, в первом ряду.

Белеют повязки раненых. Кивает майор Соколовский, голова тоже забинтована. Он тоже был в рейхстаге с первой до последней минуты.

Нам не повезло, потух свет. И сразу же, отыскивая актрису, загорелись десятки маленьких прожекторов — карманных фонариков.

СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ В БЕРЛИНЕ
У памятника Вильгельму I. Первый слева — В. Е. Субботин
Фотография. 3 мая 1945 г.
Собрание В. Е. Субботина, Москва

Рядом со мной сидит сержант Карпов. Он немного похож на девушку. Сдержанно скромен. У него медаль «За отвагу»... Скоро он увидит свою мать, он говорил мне тогда о ней.

Бойцы подносят артистам подарки. Каждому — часы... Труппа эта не раз была на фронте. Прошла с войсками от Мелитополя до мыса Херсонес. Выступали в Польше, в Венгрии, в Чехословакии.

Вместо — «До скорой встречи в Берлине», они говорят нам:

— До скорой встречи в Москве.

Здесь, в зале, те, что брали рейхстаг, в дыму, в огне удержали его...

Один боец, румянощекий младший сержант, показал мне по секрету фотокарточку любимой...

С лейтенантом из «Красной звезды» Чевердой дошли до колонны Победы. Но сначала мы постояли у Бранденбургских ворот. Арка забаррикадирована кирпичом, говорят, это сделано по распоряжению Геббельса. Но заграждения уже стали разбирать.

Здесь, поблизости от Бранденбургских ворот, стоит девушка-регулировщица. Должно быть, самая красивая...

Затем направились к Александерплац, к Люстгартену.

Зеленые скульптуры над карнизами. На площадях — памятники. Все массивное, колоссальное. Военная, державная пышность. Вздыбленные, скачущие кони и крылатые колесницы. Оружие, клинки, стремена и сабли...

Вот памятник кайзеру... Четыре рычащих льва. Внизу, на темных ступенях разместилась богиня.

Центр города вообще богат памятниками.

В Тиргартене памятников еще больше. Там они просто один на другом.

Каждая новая аллея встречает своим памятником.

Запомнился памятник Бисмарку и изображение битв на цоколе Колонны.

Вечером опять беседую с разведчиками.

Записываю опять биографии Егорова и Кантарии. Считается, что они установили Знамя победы, они действительно поставили его на куполе рейхстага. Это знамя было выдано дивизии еще перед наступлением...

Солдаты скромны, и тот, кто не знает сам, каково было в рейхстаге, может подумать, что все было легко и просто.

8 мая. Пришел печатник, принес слух о полной капитуляции Германии. Будто бы ночью передали. И теперь разговоры повсюду только об этом. Все спрашивают у нас. Редакции ведь верят больше всего.

Но мы сами ничего не знаем. Приказы передают обычные. Но в Англии, мы слышим по приемнику, идут долгие церковные службы. Выступает Черчилль: «Война в Европе окончена».

У нас пока ничего не передают. Но может быть — завтра...

Был вчера опять у рейхстага...

Рейхстаг кажется остовом давно затонувшего, а теперь вытащенного на поверхность, изъеденного морем корабля.

Он стал чем-то вроде памятника воинам, взявшим его. Сколько тут надписей! Ими испещрены колонны, стены — снаружи и внутри. От пола до потолка, от мостовой до карниза. Черным по белому и белым по черному.

Солдатские письмена. Их наносила рука, привычная держать оружие.

Кто не оставил автографа на этих выщербленных стенах!

Нельзя прочесть все надписи. Их тьма тут... Они очень разнообразны. Много шутливых.

Их подолгу разглядывают прибывающие сюда бойцы. И к тем, что уже сделаны, добавляют свои.

Мы к рейхстагу пришли потому, что захотели сфотографироваться. Мы уже отмылись, чистенькие стали. Можно сниматься... Даже с веточками сирени в руках.

10 мая. Это всё о том, что произошло вчера.

Ночью — вечером восьмого, поздно,— меня растолкали. Видимо, я только что заснул и долго не мог ничего понять. «Война окончена», дошло до меня. И тут я услышал голос, по радио передавали: «В ознаменование победоносного завершения... и одержанных исторических побед Красной Армии установить... днем всенародного торжества — праздником победы».

Это Указ был. Потом передали акт о военной капитуляции.

Я оделся и побежал, сам не знаю куда. Первым мне, кажется, встретился Виноградов, из парткомиссии, потом другие. А из политотдела уже звонили по всем подразделениям.

В эфире стоял сплошной благовест.

Я вернулся, лег и укрылся одеялом с головой. Но уснуть так и не мог.

Утром на велосипеде поехал в 674-й...

Полки наши расположены в разных частях города. Полк Зинченко — в самом рейхстаге, Мочалова — в районе Моабита.

Мы еще плохо знаем большой, на много километров раскинувшийся город. Нам неясна его планировка. Стоит отойти квартала два, как уже трудно, не имея карты, вернуться назад. Один лишь экспедитор нашей полевой почты Ягуда Ибраев — худенький, скуластый,— прекрасно ориентируется. Хорошо, что я поехал с ним...

Он быстро находит мосты через каналы, минует забаррикадированные улицы и приводит меня прямо на Вейсензее.

Полк плеходановский выстроен был на улице. Сообщение делал наш Артюхов, начальник политотдела дивизии. Речи коротки, горячи и взволнованны, как четыре года назад, когда напали немцы.

А вечером я был на празднике у разведчиков. Сидели мы за большим столом и пили вино из личных подвалов Гитлера. Говорили речи, большие. И многие — впервые в жизни. Помню, я сам такую речь сказал 22 июня в 41-м году. Это было в лесу, под Бродами. У границы. Мы тогда вкопали танки в землю...

Даже и рукопожатия сегодня крепче.

По нашим глазам, голосам и лицам берлинцы понимают: у нас — праздник. У них, на их улицах. Одни наблюдают за этим сквозь жалюзи, другие — распахнув окна.

К нам пришел Савицкий. Мы обнялись. Вот и Володя жив... Да, мир! Настал мир!

Вечером, вернувшись от разведчиков, я лег и совсем было уснул— я очень устал за эти дни — как вдруг вздрогнул, разбуженный страшным грохотом.

Война?

В комнате никого не было, я выскочил на улицу. А это был Салют. Немцы испугались, укрылись в подвалы...

13 мая. ...Прямо не знаем, о чем писать — что давать в газете! Трудно перестроиться. Героику даем, но уже как воспоминание. В очерковой форме! А оперативного материала в номере не стало. В подразделениях занятий еще нет. Мы сейчас в основном на марше... Редактор дал задание: написать о сбережении оружия. Но мы это и в войну писали. Тоже не совсем мирная тема.

Началась жара. «Варм»,— говорят немцы. Мы воспринимаем тишину как-то странно. Еще не верим, что так будет всегда...

Из Берлина уехали неожиданно. Наутро должны были прийти союзники и занять свою — нашу — зону. Так и не пришлось участвовать в параде, к которому мы готовились. Унтер ден Линден украшалась стягами, портретами и руководителей и солдат-героев...

Сейчас мы в местечке Гросс Шёнебек. Но и отсюда уезжаем...

Только теперь начинают писать о героях взятия рейхстага. Я с ними полвойны прошагал, пил-ел с ними. Вот Сьянов. Он спускался к немцам в их катакомбы. Уже почти два года я его знаю... Я и Савицкий пишем сейчас об одних солдатах, он — в армейской, я — в дивизионке. О Петре Щербине — даже в один день.

Володя напечатал стихотворение о победе. Короткое.

Мы за Эльбой и за Одером
Стоим у пушек, огнем раскаленных.

А поэты молчат. Попробуй, напиши, скажи что-нибудь, когда такое произошло...

14 мая. Я не знал: оказывается, мы в охотничьем доме Геринга. Теперь понятно, почему лес возле дороги огорожен сеткой.

Кругом какие-то сараи. Моя комната с огромным окном, которое я держу открытым,— на втором этаже. Утром даже занимался гимнастикой.

В Берлин, как видно, теперь уже не попадем. Может, после когда-нибудь...

Высматриваю новый, мирный материал.

На батарее у братьев Рубленко обнаруживаю рукопись — историю батареи. Она велась с самого начала войны. Подготовка людей в тылу, приезд на фронт, первые дни на фронте, бои за сопки и деревни, смерти и ранения, будни, героика — всё! Есть бойцы, четыре года назад пришедшие в это подразделение и кончившие войну в нем. По четыре, по пять раз были ранены.

Когда началась война, посмотрел я: снаряды, бомбы, мины. Подумал: кто же останется после этой войны, и вот эти два брата — Григорий и Анатолий — вот они, передо мной...

А нашего Белова — нет. Погиб, попав под артналет...

Под сколькими я был. И как я их обошел, или они меня обошли! Жив.

V

ПИСАТЕЛИ — УЧАСТНИКИ РАТНЫХ ПОДВИГОВ

ГАЙДАР НА ВОЙНЕ

Вступительная статья и публикация Бориса Камова

Впервые на войну Гайдар попал, когда ему едва минуло 15 лет. Случилось это в 1919 г. Он был тогда слушателем VI Киевских командных курсов. Помещались они в здании бывшего кадетского корпуса, выстроенного еще при Николае I, и местные жители часто называли курсантов «красными юнкерами».

Программа, которую за несколько месяцев предстояло пройти будущим командирам, оказалась обширной, но едва ли она была изучена хотя бы наполовину, ибо львиную долю времени поглощали внеплановые «практические занятия»: то и дело по сигналу тревоги курсантов бросали на подавление кулацких банд, восставшего Богунского полка или переметнувшегося на сторону белых соединения атамана Григорьева.

Даже выпуск старшего курса был произведен досрочно — 23 августа того же года. Причина оказалась веской: Петлюра подошел к самым стенам города. Только что получившие краскомовские удостоверения командиры, среди них 15-летний Гайдар (тогда еще Голиков), призваны были в составе «Железной бригады» курсантов задержать врага хотя бы на несколько суток, чтобы дать возможность эвакуировать город.

Здесь, в больших и малых боях на подступах к древнему городу, и началась «обыкновенная биография» Гайдара. Он командует ротой, потом батальоном. Снова учится — в Высшей стрелковой школе в Москве. По окончании ее — в 17 лет — становится командиром полка. Под его началом — 1300 бойцов и 60 командиров. Дальнейший путь ему совершенно ясен: навсегда остаться в армии, а для этого закончить военное образование. Он собирается в Академию Генерального штаба.

Но случается непредвиденное. Контузия, полученная 6 декабря 1919 г., оборачивается тяжелой болезнью — травматическим неврозом. Полуторагодовой отпуск и лечение у лучших специалистов не помогают. В апреле 1924 г. Аркадия Гайдара, в возрасте двадцати лет, увольняют из армии в запас.

Оказавшись без образования, гражданской специальности и по сути даже без дома, он спешно дописывает повесть, начатую два года назад, еще когда он служил командиром полка и гонялся за остатками белых банд по лесам Сибири. Под названием «В дни поражений и побед» повесть была напечатана в 1925 г. на страницах ленинградского альманаха «Ковш». В том же году журнал «Звезда» публикует и первый его рассказ — «РВС». Гайдар становится профессиональным писателем.

Сотни очерков, статей, фельетонов, десятки повестей и рассказов (многие из которых, к сожалению, пока не собраны и не переизданы) — таков итог 16-летней работы Гайдара в литературе. Но в душе Аркадий Петрович продолжает чувствовать себя солдатом, «старым красноармейцем», как он однажды выразился. И оба жизненных его призвания — писательское и военное — сливаются в его книгах воедино.

В его письмах, дневниках (тоже опубликованных не полностью, хотя пора это сделать), в его статьях, фельетонах и повестях читателя и сейчас привлекает острота критического взгляда и редкая прозорливость.

Задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз Гайдар сознает неизбежность военного конфликта: «Тот год и день, когда напряженную тишину тысячеверстной западной границы разорвут первые залпы вражеских батерей, когда

⟨...⟩ вздрогнет миллионами сердец и загудит тысячами встревоженных фабричных гудков оторванный от мирного труда великий Советский Союз,— этот год и день и час не отмечен еще черной каемкой ни в одном из календарей земного шара. Но год этот будет, день возникнет и час придет», — писал Гайдар в фельетоне «В тот день» [1].

«Прочел газеты,— сообщает он из больницы 22 сентября 1936 г.— Чёрт знает, сколько я успел пропустить за последние годы. Вылечиться нужно во что бы то ни стало и ценою чего угодно. События кругом надвигаются величественные и грозные. Нужно как можно скорее и больше накопить здоровья, знания и сил» [2].

Страницы его дневников за 1939—1941 гг. полны раздумий о судьбах Европы, судьбах мира. «Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж» [3]. «Давно уже Франция разбита»,— пишет он полтора месяца спустя, в июле 1940 г. (т. 4, стр. 544). «На земле тревожно»,— отмечает он глубокой осенью того же года (т. 4, стр. 545).

И чем тревожнее на земле, тем пристальнее его внимание ко всему, что касается обороноспособности нашей страны.

В мае 1939 г. в одной из центральных газет появляется большая статья полкового комиссара М. Миронова «Повесть о сталинских соколах». В ней дается восторженный разбор книги Николая Шпанова «Первый удар», романа в жанре «военной фантастики», где описываются действия военно-воздушных сил Красной Армии, которым «выпала честь» первыми отразить внезапный налет германской фашистской авиации на территорию Советского Союза и «первыми ответить двойным ударом на удар» фашистов.

Особенно восхитило Миронова описание начала войны. Он даже процитировал его в своей статье: «Рев беснующегося океана был бы ничем в сравнении с могучим криком, поднявшимся над толпой. Негодование народа, призыв к борьбе, уверенность в своей силе были в этом крике... Этот шум был внезапно покрыт ревом мотора. Над толпой несся истребитель. Он выделывал замысловатые фигуры, развороты. За ним тянулась струя дымного следа. Самолет развернулся, взмыл выше. Родясь там, где он промчался, возникло гигантское слово: „Сталин“».

И далее, без тени критического анализа, Миронов пересказывал сюжет книги, в которой изображалось, как первый же удар нашей авиации выводит из строя важнейшие объекты врага, разом меняя соотношение сил и предопределяя в конечном счете исход всех последующих событий на мировой арене.

Газета «хвалит Н. Шпанова за повесть о будущей войне,— записывает Гайдар в дневнике 24 мая 1939 г.— Но статья полкового комиссара что-то подозрительна, ибо цитаты он приводит очень неудачные» [4].

После завершения короткой финской кампании Аркадий Петрович оставляет в дневнике запись о больших потерях, понесенных нами [5].

Гайдар видит причины этого прежде всего в том самом шапкозакидательстве, которое было ему «подозрительно» в книге Н. Шпанова и в статье о ней, в том недостаточном понимании особенностей современной войны, которое проявилось во многих боевых операциях на Карельском перешейке.

И Гайдар пишет об этом со всей определенностью в повести «Комендант снежной крепости», законченной в 1941 г.

Капитан Максимов объясняет по телефону своему сыну, «командующему» мальчишеской армией: «Ваши подразделения лезут по сугробам без лыж, надеясь сокрушить противника только гиком, криком и диким завыванием. Кроме того, вы штурмуете крепость без плана, без подготовки, кулаками, штыками и саблями, и, конечно, противник бьет вас самой новейшей техникой. Генерал, я высоко ценю ваше личное мужество и вашу храбрость, но одного этого в современной войне для победы — увы!— никак недостаточно. Прошу извинить за прямоту...» (т. 3, стр. 169).

Не нужно особой проницательности, чтобы понять: слова капитана Максимова относились не к одной только игре в снежную крепость...

В этом произведении, созданном за несколько месяцев до нападения Германии, как и в других своих книгах, писатель готовит юных читателей к тяжелым испытаниям, с которыми они столкнутся в самом скором времени.

А. П. ГАЙДАР
Фотография. Москва, август 1941 г.
Литературный музей, Москва

В малоизвестной заметке «Тимур готовится к войне» Гайдар писал: «Только что (в первом варианте) я закончил сценарий фильма „Комендант снежной крепости“ 〈...〉. Действие ее происходит в семье капитана артиллерии Максимова во время войны с белофиннами. Тимур во время войны настоящей готовится сам и готовит своих товарищей к войне будущей» [6].

Нет нужды пересказывать содержание повести. Напомним только, что «гарнизон» Тимура Гараева охраняет крепость круглые сутки, несмотря на темень, мороз и ветер. Игра максимально приближена к реальным условиям.

«Нужно сделать так, чтобы тот юноша, который приходит в армию в 18-летнем возрасте, получил бы военное воспитание уже лет семи» [7],— говорил Гайдар на совещании по военному воспитанию в ЦК комсомола в январе 1941 г.

И еще, в том же выступлении:

«...когда ему (мальчишке.—*Б. К.*) придется лежать где-нибудь в грязи, то ему будет нелегко. Но может стать легче. Ведь на войне человек всегда или очень занят, или очень свободен. И вот он лежит и думает: „Я где-то читал, что был какой-то Овод, ему кочергой попало. Значит, я не один“. И когда войдет в его сознание, что он не один, что были и еще такие люди, это его как-то подбодрит.

Вот это я и стараюсь объяснить своему читателю того возраста, с которым я имею честь работать» [8].

Когда пришла война, а с ней и «дни поражений», Гайдар оставался внешне спокойным. Он задолго до ее начала предвидел возможность любых поворотов событий, понимая, что победа дастся нелегко. «А вообще война будет отчаянная. К войне этой надо готовиться всеми силами»,— предупреждал писатель в рассказе, напечатанном еще в 1927 г.[9]

«Если военизировать каждый хутор, каждое село, чтобы по всему Союзу, повсюду как бы маленькие крепости были разбросаны со своим гарнизоном из населения, трудно тогда с нами справиться будет»,— утверждал писатель в другом рассказе [10].

«— Толька! 〈...〉 — спрашивает своего товарища Владик Дашевский из повести „Военная тайна“.— А что, Толька, если бы налетели аэропланы, надвинулись танки, орудия, собрались бы белые со всего света и разбили бы они Красную Армию? 〈...〉 Мы бы с тобой тогда как?» (т. 2, стр. 176).

Вопрос Владика порожден беспокойной его фантазией, но мы уже знаем, что за детскими этими вопросами стоят всамделишные раздумья автора, который вместе с героем пытается решить: а если бы такое все-таки случилось, «мы бы с тобой тогда как?»

Внутренняя готовность Гайдара к драматическим неожиданностям предстоящей войны позволяла ему сохранить в тяжелейшие дни гитлеровского нашествия стойкость и уверенность в победе. Об этом удивительном оптимизме Гайдара говорили и писали все, кому доводилось встречаться с ним на Юго-Западном фронте, под Киевом, или позднее, в партизанском отряде.

«Товарищ Гайдар часто говаривал,— вспоминает бывший начальник штаба партизанского отряда И. С. Тютюнник:— Это не 1919—1920 гг., когда наша молодая страна была разрушена и всё же мы победили, а зараз наша страна сильная, и фашистов мы разобьем 〈...〉, конец войны будет на Шпрее, и жизнь для нашего народа будет счастливая, богатая и веселая» [11].

«Может быть, нас к тому времени не будет,— сказал он однажды,— но народ... советский народ победит» [12].

На фронтах Великой Отечественной войны Гайдару, военному корреспонденту «Комсомольской правды», довелось пробыть очень мало — чуть больше трех месяцев.

«...Я жив, здоров,— писал Аркадий Петрович в последнем письме к жене Доре Матвеевне Гайдар.— Наши войска сражаются хорошо. Бои, как ты сама читаешь, идут упорные, но настроение у войск и у народа твердое.

〈...〉 *если сейчас от меня не будет долго писем, ты не беспокойся* 〈подчеркнуто Гайдаром.— *Б. К.*〉. Это просто значит, что далеко идти на почту» (т. 4, стр. 512—513).

Записка, которую получил сын писателя Тимур Гайдар, была набросана на листке из блокнота: «Воюю в тех же местах, где начинал воевать в гражданскую. Знай, что все будет хорошо. Учись и не очень скучай. Может быть, мы скоро увидимся» [13].

После этого не было вестей ни от него, ни о нем почти целый год. Лишь летом 1942 г. в ящик для привезенных с фронта писем (он стоял в вестибюле Союза писателей, на улице Воровского в Москве) кто-то опустил вдвое сложенный конверт. Лейтенант С. Абрамов извещал жену писателя, что Гайдар погиб близ села Леплява Полтавской области. Спустя еще год приходит письмо старшего лейтенанта И. Гончаренко, который встречался с Гайдаром незадолго до его гибели. Факты, приведенные Гончаренко, в основном совпадали с теми, что сообщил Абрамов.

Летом 1942 г., опять в адрес Союза писателей, пришла открытка, а затем и письмо полковника А. Д. Орлова. После падения Киева полковник выходил из окружения с большой группой бойцов и командиров. Был в этой группе и Гайдар.

В 1943 г., когда наша армия освободила Лепляву, туда был направлен специальный корреспондент «Комсомольской правды» А. Ф. Башкиров. Он опросил местных жителей. Они подтвердили, что партизан, убитый на окраине деревни, близ железнодорожной насыпи,— Аркадий Петрович Гайдар. Об этом Башкиров сообщил в редакцию.

Эти документы военных лет, а также короткие воспоминания М. Котова «На дорогах войны», опубликованные в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», легли в основу всего, что в течение почти двух десятилетий писалось о последних днях Гайдара.

Однако по-прежнему оставалось неизвестным, как Аркадий Петрович попал в группу полковника Орлова, почему остался у партизан, в каких операциях участвовал, что представлял собой отряд, о чем была книга, над которой он работал... Ответ хотя бы на часть этих вопросов можно было получить лишь на Украине, в тех местах, где Гайдар сражался и погиб.

Результатом первой поездки автора этих строк летом 1962 г. на Украину явились радиопередача «Боец Аркадий Гайдар» и очерк «Партизанской тропой Гайдара» («Юность», 1963, № 3), вызвавшие много откликов. В настоящее время удалось найти более 30 человек, которые встречались с Аркадием Петровичем в дни войны. Присланные ими воспоминания и письма насчитывают сотни страниц. Устные рассказы этих людей,

записанные на магнитофон, составляют свыше 700 страниц машинописного текста.

Ныне восстановлен весь путь Гайдара от Москвы до Леплявы, известны важнейшие события последних 127 дней его жизни — с 22 июня по 26 октября 1941 г. Чтобы помочь читателю разобраться в сложном переплетении событий, изложенных и упоминаемых в публикуемых здесь воспоминаниях и письмах, мы приводим перечень наиболее существенных фактов последних месяцев жизни Гайдара.

22-е июня 1941 г. застает Гайдара в Москве. Он заканчивает работу над киносценарием «Клятва Тимура». Постановка фильма по непредвиденным обстоятельствам срывается: ребята — исполнители главных ролей в картине «Тимур и его команда» — эвакуированы из Москвы [14].

Гайдар прилагает большие усилия, чтобы попасть на фронт. 14 июля партбюро и оборонная комиссия Союза писателей ходатайствуют о медицинском переосвидетельствовании «бывшего командира полка, освобожденного от военного учета по болезни». Медицинская комиссия признает Гайдара годным для работы во фронтовых условиях в качестве военного корреспондента.

19 июля на основе разрешения Генерального штаба РККА редакция «Комсомольской правды» выдает Гайдару командировочное удостоверение.

21 июля Гайдар уезжает на Юго-Западный фронт, в Киев. В окрестностях Москвы состав попадает под бомбежку. То был первый массированный налет фашистской авиации на столицу. «Выехали со всякими приключениями, ночью были под Москвой. Ночь, как сама знаешь, была неспокойная», — пишет Аркадий Петрович жене (т. 4, стр. 511).

«Приключения» продолжаются. Во время очередного налета Гайдар становится свидетелем удивительного поединка машиниста поезда с «мессершмиттом» — и знакомится с Михаилом Ивановичем Котовым, тоже военным корреспондентом «Комсомольской правды» [15].

В Киеве Гайдар поселился в гостинице «Континенталь», штаб-квартире журналистов, кинооператоров, фоторепортеров Юго-Западного фронта. Здесь он работает бок о бок с поэтом Александром Безыменским, корреспондентами «Красной звезды» Борисом Лапиным, Захаром Хацревиным, Борисом Абрамовым и др.

Выезжая на передовую, Гайдар часто бывает во 2 батальоне 306 полка 62 стрелковой дивизии, которым командует старший лейтенант Иван Николаевич Прудников. Батальон базируется в районе Новоград-Волынска, Коростеня, Малина, т. е. в тех же местах, где Гайдар воевал в гражданскую (ср. запись в дневнике: «Очень дымное, тревожное, счастливое время — людей не помню — помню события ⟨...⟩ Бой Коростень—Новоград-Волынск» (т. 4, стр. 546).

5 августа, в фойе детского кинотеатра «Смена» — центре тимуровского движения в осажденном Киеве — Гайдар и Безыменский встретились с пионерами-тимуровцами.

8 августа в «Комсомольской правде» публикуется первый очерк Гайдара «У переправы» — о Прудникове и его батальоне.

9 августа в республиканской газете «Советская Украина» печатается обращение Гайдара к пионерам-тимуровцам — «Ребята!»

В начале августа, по инициативе Аркадия Петровича, у бригады корреспондентов «Комсомольской правды» (кроме Гайдара и Котова, в нее входил еще Владимир Георгиевич Лясковский) появляется машина: грузовик 77-44. Водитель ее — Александр Куприянович Ольхович. На этой полуторке Гайдар, Котов и Лясковский едут кружным путем из Киева через село Леплява в Канев, чтобы посетить могилу Т. Г. Шевченко.

В середине августа Гайдар по вызову редакции приезжает для отчета в Москву. Здесь он выступает с речью в Союзе писателей.

20 августа в «Комсомольской правде» появляется очерк «Мост», написанный после поездки в Канев. 21 августа одновременно в «Комсомольской правде» и «Пионерской правде» публикуется его очерк «Война и дети». По просьбе редакции Центрального радиовещания Гайдар записывает на пленку свое обращение «В добрый путь!»— напутствие ребятам-школьникам перед началом учебного года [16].

30 августа он вновь уезжает на фронт. По возвращении в Киев изучает линию обороны, которая подошла теперь к самой черте города. Пишет очерк «У переднего края» («Комсомольская правда», 17 сентября).

В гостинице «Континенталь» Гайдар встречается с кинооператором Центральной студии документальных фильмов Абрамом Наумовичем Козаковым, вместе с ним едет в воинское соединение на реке Ирпень. Здесь Аркадий Петрович уходит с разведчиками в ночной поиск. События этой ночи положены Гайдаром в основу последнего опубликованного при жизни писателя очерка «Ракеты и гранаты» («Комсомольская правда», 1941, № 234, 4 октября).

В первых числах сентября он знакомится с начальником штаба 36 авиационной истребительной дивизии полковником Александром Дмитриевичем Орловым, бывает с ним у летчиков. Итогом поездок оказывается не дошедший до нас очерк «Во имя Родины».

В середине сентября из осажденного Киева улетают Котов и Лясковский. Гайдар остается.

17 сентября Гайдар ночует в доме шофера Ольховича на Круглоуниверситетской улице, д. 15. Пишет письмо сыну Тимуру, которое оставляет матери Ольховича, Федоре Павловне (письмо не сохранилось).

18 сентября приходит приказ оставить Киев. Гайдар с Ольховичем покидают на машине город. В тот же день они добираются до Борисполя, что в 25 километрах от Киева. Здесь, в суматохе окружения, теряют друг друга и больше уже не встречаются.

19 или 20 сентября Гайдар возвращается в Киев, к Цепному мосту, последней невзорванной переправе. Здесь он знакомится со старшим политруком Евгением Федоровичем Белоконевым и просит разрешения остаться с саперами до их отхода. Ему разрешают. Вечером того же дня Гайдар — один — уходит в разведку в оставленный Красной Армией город, чтобы лично убедиться: на окраине Киева наших частей уже нет.

На рассвете 20 или 21 сентября Гайдар возвращается и докладывает: наши части покинули Киев, немецкие еще не вошли. На основе доставленных Гайдаром данных было принято решение взорвать мост. И мост был взорван.

22 сентября, снова под Борисполем, происходит знакомство Гайдара с батальонным комиссаром Виктором Дмитриевичем Коршенко. С ним Аркадий Петрович участвует в нескольких боевых операциях и начинает свой марш по тылам врага.

27 или 28 сентября в районе села Помокли Гайдар встречает речников Днепровской военной флотилии, которые готовятся к партизанской борьбе в Приднепровских плавнях. Аркадий Петрович расстается с Коршенко и уходит с речниками.

29 сентября в лесу близ села Семеновка Гайдар вновь встречается с полковником Орловым, который собрал вокруг себя несколько сот окруженцев. Писатель присоединяется к этой группе. (У Орлова сохранилась запальная дощечка от бутылки с горючей смесью. На дощечке рукой Гайдара написано: «28.9.41 г. в лесу дер⟨евни⟩ Семеновка под Киевом». Это последний из дошедших до нас автографов Аркадия Петровича.)

1 октября Гайдар вместе с группой Орлова добирается до леса у села Озерище, что в нескольких километрах от Леплявы. Здесь происходит знакомство с лесником кордона № 54 Михаилом Ивановичем Швайко. Заболев, Аркадий Гайдар трое суток проводит в доме Швайко.

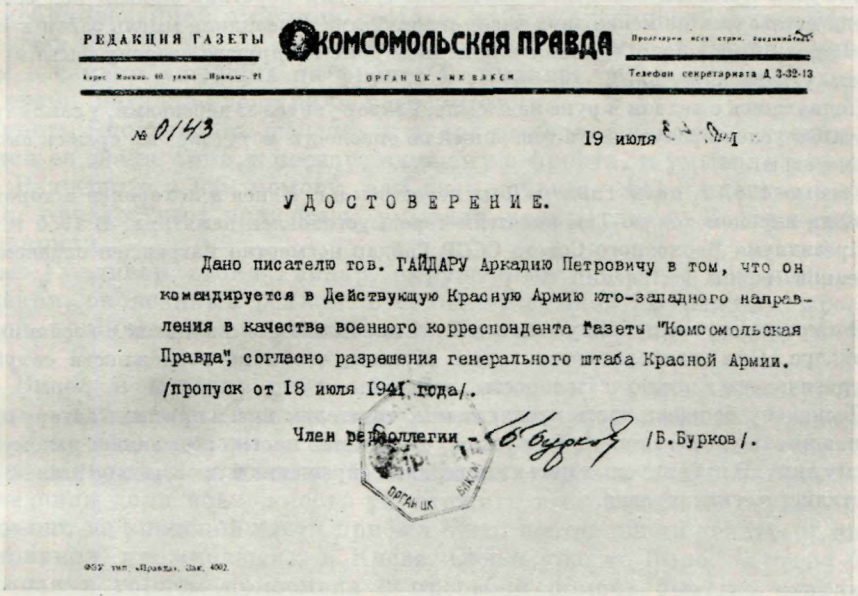
4 октября, стоя на посту, Гайдар задерживает при весьма странных обстоятельствах мужчину, который называет себя Александром Погореловым, бойцом партизанского отряда Гельмязевского района. Погорелов приводит Гайдара и Орлова в партизанский лагерь. Происходит знакомство с руководством отряда: командиром Федором Дмитриевичем Гореловым, комиссаром Моисеем Ивановичем Ильяшенко, начальником штаба Иваном Сергеевичем Тютюнником. В тот же день, по предложению Горелова, группа Орлова поселяется в свободном домике лесника близ лесопильного завода, в полутора километрах от партизанского лагеря.

5 октября утром Гайдар появляется в партизанском лагере, проводит импровизированную политбеседу, вместе с другими бойцами разрабатывает план диверсионной

операции. С разрешения Горелова эта операция была осуществлена. С того дня Гайдар почти все время находится у партизан, принимая участие во всех без исключения рискованных вылазках. Между 6 и 14 октября Гайдар просит разрешения у Орлова перейти в партизанский отряд. Орлов отказывает.

14 октября Гайдар вторично просит позволить ему перейти в отряд Горелова. Все уговоры полковника оказываются тщетными. Аркадий Петрович окончательно перебирается в партизанский лагерь.

15 или 16 октября становится известно о намерении группы Орлова двигаться дальше к линии фронта. Гайдару вновь предлагают присоединиться, и он снова отказывается.



РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Адрес: Москва, 40, улица «Правды», 21

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

Телефон секретариата Д 3-32-13

№ 0143

19 июля 1941

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано писателю тов. ГАЙДАРУ Аркадию Петровичу в том, что он командируется в Действующую Красную Армию юго-западного направления в качестве военного корреспондента газеты "Комсомольская Правда", согласно разрешения генерального штаба Красной Армии. /пропуск от 18 июля 1941 года/.

Член редколлегии /Б.Бурков/.

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ФЗУ тип. «Правда». Зак. 4002.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ А. П. ГАЙДАРА — КОРРЕСПОНДЕНТА «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

19 июля 1941 г., Москва

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В партизанском лагере Гайдар ведет дневник отряда, работает над книгой.

18 октября группа Орлова трогается в путь. Перед ее уходом Гайдар просит полковника взять с собой два готовых очерка «Варвары XX века» и «Во имя Родины». Орлов не соглашается: ему предстоит пройти по тылам врага свыше 600 километров.

В тот же день, пользуясь суматохой, вызванной уходом группы Орлова, из отряда дезертирует Александр Погорелов.

На рассвете 22 или 23 октября со стороны лесопильного завода появляются немцы и полицаи, которые уверенно окружают лагерь. После неравного боя (гитлеровцев было в четыре-пять раз больше, чем партизан) Горелов отдает приказ отступить. Гайдар прикрывает отход товарищей огнем своего пулемета.

После боя Гайдар с частью партизан приходит в Лепляву, в хату Андриана Алексеевича Степанца. Но оставаться в селе нельзя, и Аркадий Петрович с двумя десятками бойцов поселяются в запасном лагере, в лесу близ села Прохоровка. Однако и здесь партизаны долго оставаться не могут. В связи с этим командир отряда Горелов предлагает перебраться на новое место, примерно в 50—60 километрах от Леплявы, где можно будет продержаться до весны и где имеются сделанные еще летом запасы продовольствия.

Для осуществления этого плана требовались продукты на дорогу, поэтому вечером 25 октября Гайдар, Александров, Никитченко, Скрыпник и Абрамов (первым сообщивший о гибели Гайдара) отправились из Прохоровского леса в разгромленный лагерь разведать, нет ли там немцев, и забрать, если удастся, подвешенные на деревьях мешки с копченым мясом и салом.

По пути партизаны зашли в хату Степанцов, поужинали и двинулись в сторону лесопильного завода. Немцев в старом лагере не было. Бойцы отыскали мешки, содержимое которых переложили в рюкзаки и направились обратно. Вновь миновав центр Леплявы (к Степанцам партизаны уже не заходили), они вышли на окраину села, пересекли железнодорожную линию и вдоль насыпи двинулись в сторону будки путевого обходчика, где им предстояло свернуть на тропу в Прохоровский лес.

У будки путевого обходчика партизаны сделали короткий привал под соснами: впереди оставалось не менее двух часов пути. Тогда и возникла мысль зайти к обходчику Игнату Сорокопуду (он жил в каменном доме по другую сторону насыпи) и попросить у него картошки.

Поднявшись с ведром в руке на насыпь, Гайдар увидел за деревьями, у самой тропы, немцев. Он успел предупредить товарищей об опасности и тут же был сражен автоматной очередью.

Осенью 1947 г. прах Гайдара был перевезен в г. Канев и похоронен в городском парке, на высоком холме. Там писателю-герою установлен памятник. В 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Гайдар посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

В настоящем томе публикуются наиболее значительные из писем и воспоминаний о Гайдаре. Они располагаются таким образом, чтобы по возможности сохранить хронологическую последовательность событий.

Поскольку большая часть предлагаемых читателям писем прислана автору публикации, адресат указывается лишь в тех случаях, когда письма посылались какому-либо другому лицу. В публикуемых письмах сделаны сокращения и произведена незначительная стилистическая правка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Газ. «Волна» (Архангельск), 1929, 2 марта.

[2] Письмо к А. Я. Трофимовой от 22 сентября 1936 г. — ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 91.

[3] Аркадий Гайдар. Дневник. Запись от 14 июня 1940 г. Собрание сочинений в четырех томах. М., Детгиз, 1956, т. 4, стр. 544.— В дальнейшем при ссылках на этот источник в тексте указываются только том и страницы.

[4] Дневник. Запись от 24 мая 1940 г.— ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 23.

[5] См.: запись от 3 апреля 1940 г.— Там же.

[6] Цитируется по фотокопии, хранящейся в архиве Дома детской книги в Москве.

[7] «Воспитание мужества».— «Детская литература», 1941, № 2, стр. 3с.

[8] Там же, стр. 40.

[9] «Два письма». Письмо второе.— Газ. «Красный воин», 1927, 11 сентября.

[10] «Отпускники».— Газ. «Красный воин», 1927, 9 августа.

[11] Из письма к автору настоящей статьи.

[12] Из фонограммы беседы с бывшим партизаном И. С. Ваченко.

[13] Сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., Детгиз, 1951, стр. 208.

[14] См. письмо Гайдара коменданту города Москвы генерал-майору Ревякину.— ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 10.

[15] М. Котов. На дорогах войны.— Сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., Детгиз, 1951, стр. 210.

[16] Эта пленка недавно найдена и реставрирована группой работников Государственного дома радиовещания и звукозаписи и Государственного Литературного музея в Москве и является пока что единственной сохранившейся записью голоса писателя (см. Е. Михайлова. Голос Гайдара.— «Литературная газета», 1964, № 60, 21 мая).

1

ИЗ ЗАПИСОК КИНООПЕРАТОРА А. Н. КОЗАКОВА

В тяжелые дни начала Великой Отечественной войны, в июле 1941 г., Аркадий Петрович Гайдар — специальный корреспондент «Комсомольской правды» — приехал в осажденный Киев и поселился в гостинице «Континенталь». Как и в каждом городе, здесь были тимуровские отряды, и Гайдара, любившего свое детище, можно было часто здесь видеть. На Крещатике в детском кинотеатре «Смена», где располагался штаб тимуровцев, можно было также видеть и живых персонажей из рассказов Гайдара [1].

Преданность детей Родине была беспредельна. Школа № 118 считала себя мобилизованной в полном составе: ребята организовывали комнаты, в которых матери могли оставлять малышей, оказывали помощь престарелым и семьям ушедших на фронт, занимались сбором необходимого в то время металла, дежурили в госпиталях.

С чистым полотенцем и мылом в руках выходила девочка с косичками, кажется ее звали Таня, к поезду, идущему с фронта, и умывала раненых.

— Разрешите я вам помогу, вам ведь трудно,— говорила она и осторожно, с радостным волнением умывала родные лица. Ее трогательно благодарили.

Как Гулливер, стоял Гайдар, окруженный детьми,— широкоплечий, с орденом, опоясанный ремнем, с походной сумкой. Фуражка с красной звездой прикрывала выпуклый лоб. На круглом лице светло-голубые глаза.

— Видел я недавно двух мальчиков-героев,— говорил тимуровцам Гайдар.— Оставшись в селе, они выследили расположение вражеской части и ночью, пользуясь темнотой, испортили несколько мотоциклов, вынули затворы у автоматов и перерезали провод полевого телефона. Их сведения дали возможность уничтожить весь немецкий отряд.

Помню, из воинской части прибыл боец, доставивший девятьсот писем фронтовиков, проживавших в Киеве. Связи уже не было. И тогда боец обратился в горком комсомола с просьбой помочь быстрее отправить почту адресатам. В горком вызвали 100 тимуровцев, и с их помощью все письма в течение одного дня были доставлены по назначению.

Фронт подходил все ближе к Киеву. Сильная немецкая группировка «Юг» стремилась захватить город и переправы через Днепр. Днем красавец-город был оживлен и деловит. Ходили троллейбусы и трамваи, на которых можно было доехать до передовой. Но голубое небо покрывалось оспинами немецких парашютистов-десантников, забрасываемых в тыл наших войск.

По призыву партии 160 тысяч киевлян построили три оборонительных пояса. 29 тысяч добровольцев, народных ополченцев, с ходу пошли в бой. В городе каждая улица строила свою баррикаду.

Однажды Гайдар беседовал с ранеными бойцами во дворе госпиталя. С ним были пионеры с цветами в руках. Я снял Гайдара киноаппаратом. Из-за воздушной тревоги Гайдар не разрешил мне продолжать съемку. Заснятую пленку с изображением Гайдара я вместе с другими киноматериалами об обороне Киева послал в Москву. Среди кинопленки, снятой фронтовыми кинооператорами, лежит где-то этот маленький ролик и ждет часа, когда его извлекут и продемонстрируют, чтобы еще раз встретиться с прекрасным, чутким, не умирающим в наших сердцах человеком.

В нашей фронтовой киногруппе была автомашина «эмка», которая подверглась обстрелу с самолета: пулемет перепоясал крышу и дверку пулевыми отверстиями. Своим неказистым видом машина всегда привлекала внимание. Как-то мы с Гайдаром ехали на этой «эмке» в Свято-

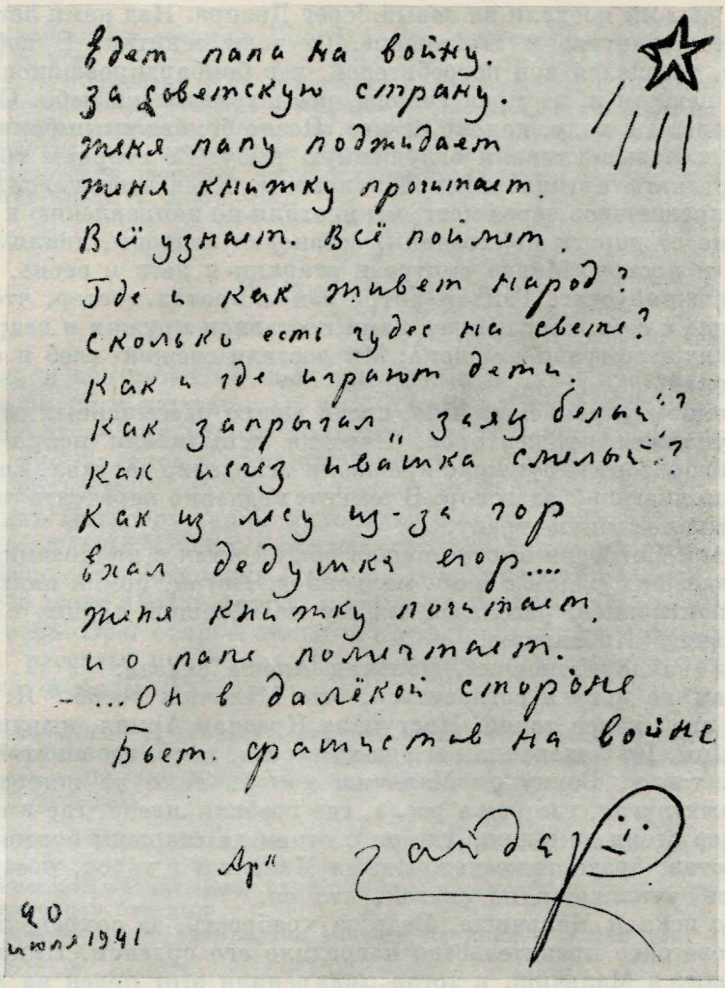
шино и на бульваре Шевченко столкнулись с грузовой автомашиной. У нашей «эмки» сильно помялось крыло и дверца. Теперь вид у нее был просто невозможный. По совету Гайдара, мы поехали ремонтировать ее в гараж такси, вблизи Голосеевского леса. Гараж находился во фронтовой полосе. Проезжаем вдоль опушки Голосеевского леса по шоссе и поглядываем на сельскохозяйственную академию. Сквозь верхушки деревьев видна крыша здания, на которой, мы знаем, расположились немецкие наблюдатели. У гаража стелется сладковатый дым. В огромном безлюдном помещении много брошенных неисправных такси. Мы выбрали подходящую автомашину и начали переставлять с нее на нашу крыло и дверцу. Среди зловещего гула войны странно было слышать мирные удары молота. Каждый громкий звук отдавался в голове и сердце... С наганом и гранатой в руках следил я за воротами и стеклянными окнами в потолке. Гайдар с шофером обновили нашу машину, и мы поехали дальше. Возле киностудии им. Довженко, на месте нынешнего массива жилых домов, был пустырь. Здесь, на минном поле, подорвалась корова, и смельчаки свежевали тушу. Издали слышны были взрывы бомб. Подъехали к Святошину... На дороге недвижно лежал ребенок лет четырех. Его тело было густо осыпано пылью.

На даче, куда мы приехали, допрашивали пленного эсэсовца. Здоровенный детина с закатанными рукавами закуривал нашу, советскую папиросу. Головорез вел себя нагло и развязно. Говорил о превосходстве немецкой армии, часто упоминал фюрера, утверждал, что сопротивление наше бесполезно. Аркадий Петрович разозлился. Он знал обстановку на фронте, хорошо понимал ход событий.

— Недавно я был в части, обороняющей мост,— сказал Гайдар.— Там, в районе Белогородки, немцы хотели с ходу переправиться через реку Ирпень,— их отбили. Подошли по западному берегу к Гореничам, снова пытались форсировать реку — и здесь их отбили. Наши механизированные корпуса окружают немцев и уничтожают их десятками тысяч. Застряли здесь и топчутся на месте соединения, которые немецкое командование предназначало для наступления на Москву. Мы убедились, что немцы боятся ударов нашей авиации, боятся огня советских пушек и пулеметов. Вот вам и превосходство! А раскудахтался фашист, как надутый индюк, потому что вы с ним очень уж вежливо обращаетесь, «Казбеком» угощаете.

Отсюда мы с Гайдаром поехали на передовую к реке Ирпень.

Внезапно дорогу преградили стволы огромных сосен противотанкового завала. Мы свернули в лес, в расположение воинской части. У реки Ирпень, протекающей в 15 километрах от Киева, заболоченная пойма, которая простирается почти на километр. На выстроенных киевлянами добротных оборонительных сооружениях проходил передний край обороны. Враг за рекой. Нужно узнать его расположение, численность. Разведчики, ходившие в ночной поиск за Ирпень, не добыли достаточных сведений. Днем же из-за большого количества сторожевых постов на западной стороне реки невозможно было пройти. Взрослых задерживали и не пропускали. Выхода не было, и Гайдар, тяжело вздохнув, предложил позвать на помощь детей. Брат и сестра, Саша и Марина, на которых остановился выбор, превосходно знали местность, тропинки в лесу, овраги, болота. У них были знакомые и в населенных пунктах. Саша и Марина могли без подозрения вернуться домой к матери, оставшейся в тылу врага, и собрать сведения о противнике. Аркадий Петрович сам готовил ребят к рейду в тыл противника. С болью в сердце, которую он всячески пытался скрыть от ребят, объяснял он детям, как с наименьшим риском выполнить задание, как запоминать увиденное. В темноте Марина с разведчиками перешла реку, а Саша, едва вступив в воду, испугался. Оче-



Едет папа на войну.
За советскую страну.
Женя папу поджидает
Женя книжку прочитает.
Всё узнает. Всё поймет.
Где и как живет народ?
Сколько есть чудес на свете?
Как и где играют дети.
Как запрыгал „заяц белый"?
Как исчез „ивашка смелый"?
Как из лесу из-за гор
Ехал дедушка егор....
Женя книжку почитает.
И о папе помечтает.
— ...Он в далёкой стороне
Бьет. фашистов на войне

Ар. Гайдар

20 июля 1941

«ЕДЕТ ПАПА НА ВОЙНУ...»

Стихотворение А. П. Гайдара, обращенное к дочери Жене. Написано на сборнике народных сказок «Гуси-лебеди» (М., 1941)

Автограф. Москва, 20 июля 1941 г.

Музей Революции СССР, Москва

видцы рассказывали, как Гайдар, который пошел в эту ночь вместе с разведчиками, уговаривал мальчика, хотел взять его на плечи и перенести. Но Саша пошел рядом с ним, осторожно, стараясь не шуметь. Разведчики доставили детей домой, а сами пошли в ночной поиск. Потом связные приходили ночью и получали в условленном месте сведения от Саши и Марины [2].

Участие в ночном поиске дало Гайдару материал для создания полной юмора корреспонденции о бойце со взведенной гранатой в руках, в которую нельзя было вставить обратно предохранительную чеку. Эта корреспонденция под названием «Ракеты и гранаты» была последней корреспонденцией Гайдара [3]. Первые три его очерка, посланные с киевского направления: «У переправы», «Мост», «Война и дети», пользовались и в армии, и среди населения Киева огромной популярностью. Номера «Комсомольской правды» с этими произведениями зачитывались до дыр.

Однажды мы поехали на левый берег Днепра. Над нами летали немецкие «мессершмитты» и «хейнкели». Стучали зенитки. В небе рвались снаряды, слышался вой истребителей, рев бомбардировщиков. По мосту мы шли пешком и, задирая головы, посматривали на небо. Сброшенные бомбы падали в воду, далеко от нас. После бомбежки рыбаки выезжали на лодках и вылавливали оглушенную рыбу. Со стороны города доносились раскаты артиллерийской канонады. Киев защищался.

Переправившись через мост, мы поехали по направлению к Броварам. В стороне от дороги колхозники, остановив подводы, доили коров. Мы присели к костру. Молча смотрели старики и дети в огонь, вспоминая свой домашний очаг. Гайдар хитро замаскировал костер, чтобы его не было видно с самолетов. Перед нами поставили кружки и ведро вспененного, пахнущего травой, молока. Мы достали свежий хлеб и отдали его колхозникам.

На темном украинском небе, среди щедро рассыпанных звезд, двигались щупальцы прожекторов. Изредка вспыхивали искры разрывов. Далекий горизонт вдруг ярко краснел и мгновенно затухал. Сверчки вели свой несмолкающий разговор. В темноте медленно передвигались коровы, пережевывая сочную траву.

Аркадий Петрович быстро нашел общий язык с колхозниками, узнал имена сидевших рядом с нами мальчиков. Потом, помня наизусть почти все им написанное, рассказал сказку из «Военной тайны» о Мальчише по прозвищу Кибальчиш.

Когда Гайдар закончил, мальчик Алеша сказал:

«Никак не могу я согласиться, что Мальчиш погиб. Я вот лучше сочинил свой конец такой. Наступала Красная Армия, выручили Мальчиша бойцы. Поблагодарили его за мужество, за то, что он стойко хранил военную тайну. Вернулся Мальчиш домой. Тихо на широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где в пене цветущих садов стоял домишко, где он с отцом да старшим братом жил.

Нет отца, брата тоже нет. Пошел Мальчиш в город, поступил в ремесленное училище и не сказал, кто он.

Долго искали Мальчиша. Ведь за храбрость, за сохранение военной тайны Советское правительство наградило его орденом. Никто не знал, где находится Мальчиш, и тогда прикрепили этот орден на знамя комсомола».

Аркадий Петрович обнял Алешу. Я не ручаюсь за точное воспроизведение слов Гайдара, но смысл их таков:

— Эх, друг... Думаешь, писатель волен распоряжаться судьбой своего героя? Нет, он, герой этот, живет в произведении самостоятельно. Сопротивляется, не хочет действовать вопреки тому, как и правда бывает в жизни. Разве мне хотелось посылать Мальчиша на смерть?.. Но ведь читатели не простили бы мне, если б я сочинил счастливый конец. Мальчиш поступил как герой. В том и величие и слава Мальчиша. Отдал Мальчиш жизнь за родину, и пусть это станет примером для всех [4].

Расстался я с Гайдаром в первых числах сентября...

Москва. Январь 1964

Абрам Наумович *Козаков* — в период Великой Отечественной войны оператор Центральной студии документальных фильмов, лауреат государственных премий — за фильмы «На Дунае» (1941) и «Сталинград» (1943). В настоящее время — пенсионер, инвалид войны.

[1] А. Н. Козаков имеет в виду городскую тимуровскую команду Киева, которую возглавляла Мария Теофиловна Боярская (подробнее о ней см. статью И. Тельмана «Команда Тимура». — «Комсомольская правда», 1957, 12 ноября).

[2] Из устного рассказа Козакова, записанного на магнитофон, известно, что с того вечера Марина и Саша регулярно прятали донесения в тайник. Как правило, сведе-

ния были ценными и точными. Писать о своих «крестниках» Гайдар по цензурным условиям не мог.

[3] «Ракеты и гранаты» — последний очерк, напечатанный в «Комсомольской правде». Уже после гибели Гайдара в сборнике «Советским детям» (Детгиз, 1941) появилось обращение писателя: «Берись за оружие, комсомольское племя!»

[4] Слова писателя, приведенные Козаковым, перекликаются с известным письмом Гайдара ростовским пионерам, которые спрашивали, зачем в конце повести «Военная тайна» погиб Алька (т. 2, стр. 419).

2

И. Н. ПРУДНИКОВ

⟨Киев, 10 января 1963 г.⟩

Батальон вел тяжелые оборонительные и даже наступательные бои в составе полка и отдельно. Об этом в корреспонденции «Одна операция» в «Комсомольской правде» от 8 августа 1941 г. писал журналист Дворцов. Село А., упоминаемое в корреспонденции,— это село Андреевичи Житомирской области.

Аркадий Петрович также находился в моем батальоне, неоднократно принимал участие в боях и написал очерк «У переправы».

В районе села Устиновка (кажется, Чиповичский район Житомирской области) в июле 1941 г. ночью приказано было батальону выбить врага из этого села. Враг открыл сильный артиллерийский и минометный огонь; меня на рассвете контузило. С поля выносили меня ординарец Петр Кудряшев и А. П. Гайдар [1]...

Иван Николаевич *Прудников* — старший лейтенант, командир 2 батальона 306 полка 62 стрелковой дивизии, ныне — инвалид войны. О нем Гайдар писал в очерке «У переправы»: «Это самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии» (т. 3, стр. 285).

[1] Прудников рассказывал нам, что Гайдар принимал участие во многих операциях батальона: ходил в тыл врага за «языком», вместе с бойцами отбивал натиск гитлеровцев и шел в атаку. Бой, о котором идет речь в письме, произошел в последний приезд писателя в батальон.

В устной беседе об упомянутом эпизоде Прудников сказал так: «Гайдар спас мне жизнь».

3

А. К. ОЛЬХОВИЧ

⟨12 сентября 1963 г.⟩

Я слышал по радио ваше выступление о работе Аркадия Гайдара во время войны и о тех, кто остался в живых ⟨...⟩ Вам близко знаком, наверно, Миша Котов [1], корреспондент, он же живет в Москве, а также еще с ним был Володя [2], не помню его фамилию, тоже из бригады «Комсомольской правды».

Но все разъехались, последние — это Миша Котов и еще один с ним улетели с аэродрома, а я остался с Гайдаром вдвоем.

Потом и нам с ним пришлось уехать из Киева (был на машине с нами еще один журналист), попали в окружение в г. Борисполь и там потерялись.

Я шофер машины, которая обслуживала военных корреспондентов. Моей машиной объездили многие места, где были близки взрывы бомб и мин... До сих пор остался у меня документ [3].

Извините за небрежность. Пишу в поезде, на ходу.

Александр Куприянович *Ольхович* — водитель грузовой машины 77-44, принадлежавшей военной комендатуре Киевского гарнизона. Машина обслуживала бригаду корреспондентов «Комсомольской правды». В настоящее время Ольхович — механик-бригадир пассажирского поезда.

[1] Михаил Иванович *Котов* — в то время корреспондент «Комсомольской правды».

[2] Владимир Георгиевич *Лясковский* — в то время корреспондент «Комсомольской правды».

[3] Ольхович пишет о пропуске, выданном ему как водителю автомашины. Пропуск гласит: «Машина типа грузовик. Марка ГАЗ-АА. Военный номер ... Корпусное шасси 77-44, принадлеж. Управлению Коменданта Киевского гарн. Под управлением Олхонович ⟨в документе описка.— *Б. К.*⟩. Наряжена в распоряжение редакции „Комсомольской правды". Цель выхода — поездки бригады военных корреспондентов на позиции фронта. Командир ⟨подпись неразборчива⟩».

На обратной стороне — штемпель о выдаче 30 кг бензина 9 сентября 1941 г. на бензозаправочном пункте № 2.

4

Е. Ф. БЕЛОКОНЕВ

⟨4 февраля 1964 г.⟩

В июле—сентябре 1941 г. я был военным комиссаром и представителем Военного Совета фронта на киевских переправах.

Перед отходом наших войск из Киева нами был получен приказ подготовить к взрыву киевские переправы через реку Днепр, которые было приказано взорвать после отхода частей 37 армии, оборонявшей Киев.

Первым был взорван понтонный мост в верхнем течении реки Днепр у Киева в урочище Наталка. После отхода основных частей армии были взорваны Петровский и Дарницкий железнодорожные мосты, а за ними — деревянный автогужевой Наводницкий мост.

Для отхода частей прикрытия и оставшегося населения Киева был оставлен цепной Бошевский мост.

Примерно за сутки до взрыва Бошевского моста к нам на КП пришел военный корреспондент Аркадий Петрович Гайдар.

Гайдар попросил разрешения остаться на КП и после взрыва моста вместе отходить на имевшейся в моем распоряжении автомашине, на что я дал согласие.

Я впервые встретился с А. П. Гайдаром и за время совместного пребывания увидел в А. П. Гайдаре советского писателя-большевика, пламенного агитатора и бесстрашного бойца за нашу Советскую родину.

Движение через мост становилось все меньше и меньше. Ввиду незнания обстановки, отсутствия всякой связи становилось опасным воздерживаться от взрыва моста и в то же время нельзя было преждевременно подорвать мост, тем самым не дать возможности переправиться через реку Днепр частям, которые еще не отошли.

Было необходимо попытаться разведать обстановку в Киеве, и вот при обсуждении на КП обстановки А. П. Гайдар попросил разрешения пойти ему в город разведать обстановку, попытаться узнать, есть ли в городе еще наши части и не вошли ли передовые подразделения немецко-фашистских войск в город.

Мы пытались отговорить А. П. Гайдара от этой опасной разведки; он настоял на своем, заявив, что ему как писателю нужно побыть и посмотреть своими глазами Киев перед вступлением в него немцев. Было условлено, что если нам придется внезапно взрывать мост, то Гайдар должен прийти севернее города в определенное место, и мы пришлем за ним катер, который у нас еще оставался.

А. П. Гайдар отсутствовал, примерно, 10—12 часов, вернулся уже поздно вечером, доложил, что никого из военных в городе он не видел и, по рассказам жителей, на окраинах города, где проходила оборона, наших войск уже не было.

Было принято решение мост взрывать утром, если раньше не вынудит к этому обстановка. С утра через мост прошло несколько человек, которые говорили, что в город зашла немецкая разведка.

ДОМ, ГДЕ В КВАРТИРЕ А. К. ОЛЬХОВИЧА А. П. ГАЙДАР ПРОВЕЛ ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ НАКАНУНЕ УХОДА ИЗ КИЕВА

Квартира Ольховича находилась в полуподвальном этаже этого дома. (Круглоуниверситетская, 15)

Фотография Б. Камова, 1964

Собрание Б. Камова, Москва

Дабы не дать возможности немецко-фашистским войскам захватить мост, был произведен подрыв моста. Таким образом, приказ Военного Совета фронта о своевременном взрыве всех переправ через реку Днепр в г. Киеве был выполнен.

После выполнения приказа группа оставшихся саперов во главе с начальником переправ выехала на грузовой автомашине, я с А. П. Гайдаром также выехал на имевшейся у меня автомашине в направлении Борисполя. Естественно, что мы были последними из военных, отходивших из Киева ⟨...⟩

Евгений Федорович *Белоконев* — в то время старший политрук. В настоящее время — полковник запаса.

5

В. Д. КОРШЕНКО

⟨Киев⟩, 13 декабря 1962 г.

... 1. Встретился я с Аркадием Петровичем Гайдаром на юго-восточной окраине Борисполя 22 сентября 1941 г., примерно, в 13—14 час. дня.

Борисполь и его окрестности в то время представляли своего рода развороченный муравейник. Район Борисполя сильно был переполнен как военными, так и гражданскими людьми, выходящими из Киева, множеством военной и эвакуируемой из Киева техники.

Много было военных и гражданских начальников, трудно было определить, кто старше и за кем руководство и командование.

Усугубилась обстановка тем, что кольцо окружения смыкалось, артиллерийский и минометный огонь противника уже показывал явное

окружение, самолеты противника всё чаще и чаще безнаказанно появлялись над нами и бомбили нас. Мы к тому же были новичками в такой обстановке и не чувствовали твердого командования. Нам последовало приказание прорываться из Борисполя на юго-восток с частями 21 армии.

2. При выходе на дорогу, идущую на Рогозов — Переяслав, ко мне обратился военный, не помню, старший политрук или батальонный комиссар [1], на нем был пистолет, полевая сумка и автомат. Спросил, я ли «хозяин» машины М-1 и затем представился мне, что он корреспондент газеты «Комсомольская правда» и просил разрешения занять свободное место в автомашине.

Занять свободное место в машине я разрешил, но фамилии «Гайдар» в суматохе я не придал значения, хотя за месяц перед этим я прочел его книжку «Тимур и его команда».

3. Я занимался, вернее, пытался заняться, установлением связи с ротами своего 199 отдельного батальона связи 31 района авиационного базирования. В это время Гайдар спросил меня, есть ли у меня семья, состав ее и где она находится.

Когда он узнал, что у меня есть сын 1924 года рождения, он спросил имя его и где он учится, и когда я ему сказал, что он ученик Киевской военно-морской спецшколы, что зовут его Феликс, то Аркадий Петрович сразу сказал мне, что и его сын Тимур тоже ученик военно-морской спецшколы [2].

Узнав, что мой сын эвакуировался в Среднюю Азию, он сразу же начал подчеркивать необходимость счастливого выхода из вражеского окружения во имя встречи с сыновьями и победы над врагом.

Связь А. П. Гайдара со штабом 5 армии к этому времени была прервана, он пытался ее восстановить, но и от меня старался не отрываться ⟨...⟩

4. При продвижении на Рогозов, а затем на Ерковцы Гайдар брал под сомнение правильность нашего пути — уже было известно, что в Переяславе находился противник.

На северной окраине Ерковцов фашистские автоматчики встретили нас огнем и криком: «Рус, бросай оружие, иди к нам». Пришлось спешиться, залечь и отстреливаться.

Свою машину в этой суматохе потеряли, а через 20—30 минут пересели на грузовик и повернули на село Скопцы, там залегли в боевые порядки и с частями 37 армии отбивались от врага.

В первую же ночь противник со стороны Барышевки и Рогозова наступал на Скопцы, прорывая линию обороны минометным и огнеметным огнем. За ночь Скопцы два раза переходили из рук в руки. В этой обстановке мы и закрепили наше знакомство и дружбу ⟨...⟩

В беседе А. П. Гайдар, узнав, что я был участником гражданской войны, рассказывал мне о своих боевых эпизодах гражданской войны, высказывал уверенность, что кольцо окружения прорвем и не только выйдем из окружения, но и ликвидируем фашизм.

5. Присматриваясь, кто как ведет себя в трудной обстановке окружения, А. П. Гайдар на каждом шагу старался давать разумные советы, взывал к продумыванию каждого шага действий, утверждал, что противник хитер, но мы его должны перехитрить, перехитрим обязательно.

В ходе боев между Скопцами и Семеновкой, южнее Березани, в пойме реки Трубеж, нам пришлось вести борьбу не только с немцами, но и с трусами и предателями. Начали себя показывать нестойкие элементы, взывающие к бегству, к переходу на сторону врага, к мирному обращению с противником — «не дразните противника, а то он всех нас уничтожит; не стреляйте по врагу, а то он ответным огнем всех нас уничтожит».

Аркадий же Петрович на каждом шагу твердил:

— Чтобы враг нас не уничтожил, надо его уничтожать полностью и целиком, чтобы не лез на нашу священную землю.

Говорил:

— Стреляй по врагу только прицеливаясь, чтобы патроны зря не пропадали.

Тут же А. П. Гайдар подчеркивал, как в тылу врага беречь нужно патроны, чтобы каждая пуля разила врага.

Сидим мы как-то на островке заболоченной поймы реки Трубеж и вдруг видим, как немцы по болоту бредут к нам, так с сотню их было. Доложили сидевшему в щели майору. Он приказал приготовиться к открытию огня, хотя немцы были в 500 метрах от нас. Но тут же сержант-пограничник начал настаивать, чтобы огня не открывали, пока немцы не подбредут на 100 метров. Гайдар настоятельно поддержал пограничника. Немцы были уничтожены.

Тогда Гайдар сказал: «Попали мы в это кольцо потому, что много у нас командиров еще необстрелянных, но мы здесь воюем и учимся и разгромим врага, потому что скоро у нас полками и дивизиями будут командовать сегодняшние сержанты и лейтенанты» [3].

Такой вывод А. П. Гайдар сделал потому, что он остался недоволен поведением командарма 21, генерала Власова, оказавшегося впоследствии предателем [4].

За время с 22 сентября ⟨...⟩ трудных минут у нас было много. Мы с Гайдаром все дни были вместе. Но я чувствовал, что Гайдар меня оставит. Он часто меня упрекал в горячности, в торопливости, в неосторожности. Говорил: «Нам с вами нужно будет еще встречаться на пиру Победы, а вы ведете себя так, что сложите голову ни за понюх табака. Помните всегда о победе над врагом, о своем сыне, о предстоящих больших делах».

6. На лугу у села Студеники мы нашли прячущегося колхозного активиста с мальчиком. Мальчику было 12 лет. Активист прятался от немцев. Гайдар приглашал колхозника с мальчиком к нам. Говорил: «Мальчик будет связным и разведчиком». Но отец не пошел с нами. Мальчик тоже.

7. На опушке леса между селами Помокли и Соснова мы встретили группу матросов из Днепровской ⟨военной⟩ речной флотилии. Их было человек 30. Они говорили, что есть у них вторая подгруппа, что они сейчас не собираются выходить из окружения, а решили партизанить в приднепровских лесах и плавнях. Среди них были люди и молодые и постарше нашего.

Эти днепровские моряки и планы их Гайдару понравились, и он начал меня склонять тоже на партизанскую деятельность в Приднепровье. Но я ведь шел не сам, а с группой около 400 человек, старшим группы был бригадный комиссар Моторный. ⟨...⟩ Мы выполняли приказ командования Военно-Воздушных сил Юго-Западного фронта выходить на соединение с фронтовыми силами.

Мне лично жалко было расставаться с А. П. Гайдаром, но я должен был пойти во главе своего батальона, так как командир батальона был ранен и увезен в госпиталь, да и задача моя состояла в соединении с силами фронта, а Аркадию Петровичу Гайдару можно было выбирать: идти с нами на соединение с силами фронта либо в приднепровские плавни и леса партизанить. Вот он и выбрал ⟨...⟩ Из нашей группы осталось с матросами, кроме А. П. Гайдара, еще три человека. Фамилий и судьбы их я не знаю...

Виктор Дмитриевич *Коршенко* — батальонный комиссар 199 отдельного батальона связи 31 района авиационного базирования. В настоящее время — пенсионер.

[1] Никакого воинского звания в 1941 г. Гайдар не имел, так как незадолго перед войной по состоянию здоровья был снят с военного учета.

[2] Тимур Гайдар с детства мечтал о флоте, но в 1941 г. поступить в военно-морскую спецшколу ему не удалось. Лишь позднее он был зачислен прямо на III курс военно-морского подготовительного училища.

[3] Эпизод изложен в письме не совсем точно. Как выяснилось, до личной встречи с автором настоящих строк Коршенко не рискнул описать в точности все случившееся. На самом деле, когда близ острова появились немцы и сержант-пограничник отдал приказ приготовиться к бою, майор скомандовал: «Отставить». Бойцы растерялись. Тогда сержант выстрелом из винтовки убил предателя. И Гайдар действительно поддержал сержанта в этом решительном поступке. Полностью рассказ об этом случае записан нами на магнитофон (см. также главу «Случай на острове» в нашей книге «Партизанской тропой Гайдара». М., «Детская литература», 1965).

[4] Генерал Власов, позднее изменник Родины, командовал тогда не 21, а 37 армией.

6

А. Д. ОРЛОВ — Л. Л. СОЛОМЯНСКОЙ и Т. А. ГАЙДАРУ

⟨г. Чкалов⟩, 9 декабря 1942 г.

Мои дорогие Лия и Тимур!

Шлю привет!

В начале августа я послал вам ответное письмо на две телеграммы и открытку, получили ли вы его?

Все старался как-либо поехать в Москву, и все не удается, чтобы видеть вас и все рассказать и поговорить с вами.

Сами понимаете, что сообщить в письме все, что было, нельзя. Уверен я, что любой из видевших и знавших Аркадия Петровича тогда, когда мы были с ним вместе, скажет вам о нем лишь сердечное.

Для меня лично не было лучше, надежнее, исполнительнее человека в трудные минуты, чем он. Это человек исключительной честности, сердечности и отваги. Прошу об одном, мои друзья, может быть слух есть какой-либо о нем.

С моего разрешения, спросив моего совета и с желанием он остался там... 18.10.41 (где, как, при каких обстоятельствах — неудобно писать).

Думаю я, что как-нибудь все ж попаду в Москву и все вам сообщу — рад буду это сделать ради памяти друга и милого человека.

После того как он ушел к партизанам, я с группой кавалеристов пытался пробиться, вновь вернулся после боя [1] в этот район, но его уже не видел, как и прочих из партизанского отряда, так как там шел бой — в этом месте с карательным отрядом «СС».

Я горд сознанием того, что у меня, в моей группе, в долгие дни наших мытарств там, он был моим помощником и другом.

Будем надеяться, что он жив и мы увидим его [2]. Подробности и все обстоятельства не писал вам из-за понятных причин, а надеюсь как-либо видеть и расцеловать вас, моих друзей.

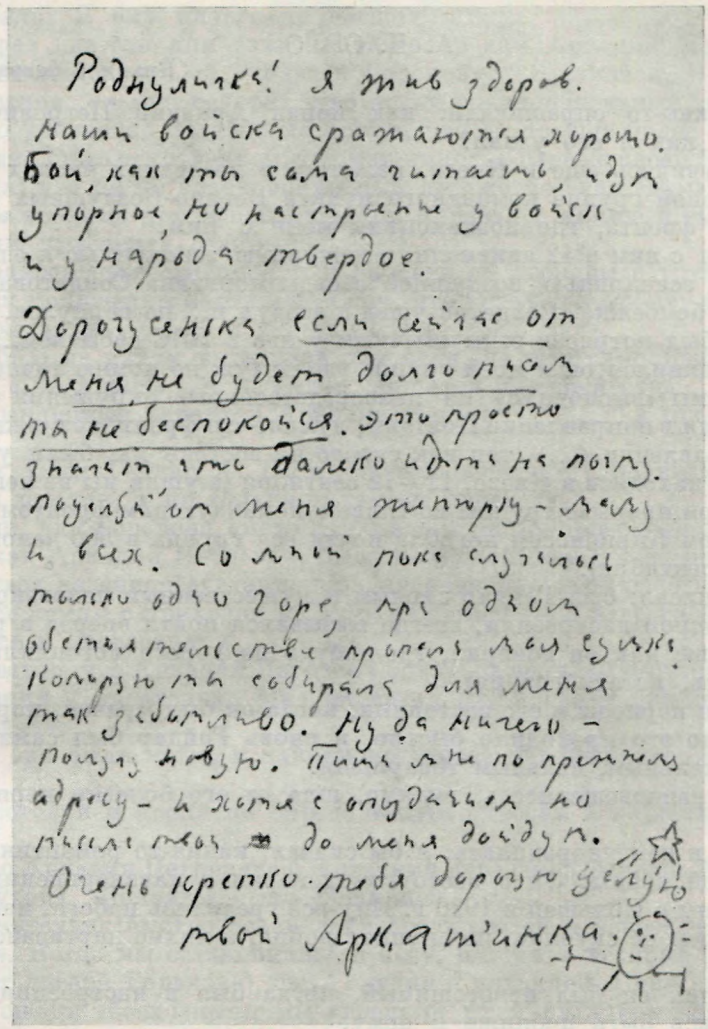
Ваш полковник А. Орлов

Если можно, черкните мне поскорей.

Александр Дмитриевич *Орлов* — начальник штаба 36 авиационной истребительной дивизии. После оставления Киева советскими войсками возглавил группу окруженцев, которая с боями выходила из кольца. В настоящее время — полковник запаса.

Летом 1942 г. в Москву, в Союз писателей, пришла открытка полковника Орлова. Он сообщал, что располагает сведениями о Гайдаре, с которым провел несколько недель в сложной боевой обстановке, а затем расстался.

Ему тут же ответили первая жена Гайдара Лия Лазаревна Соломянская и Тимур Гайдар. Но второе письмо Орлова, отправленное в августе, затерялось в дороге. Пись-



Роднуличка! Я жив здоров.
Наши войска сражаются хорошо.
Бой, как ты сама читаешь, идут
упорное, но настроение у войск
и у народа твердое.
Дорогусенька если сейчас от
меня не будет долго писем
ты не беспокойся. Это просто
значит что далеко идти на почту.
Поцелуй от меня женюрку — маму
и всех. Со мной пока случилось
только одно горе, при одном
обстоятельстве пропала моя сумка.
Которую ты собирала для меня
так заботливо. Ну да ничего —
получу новую. Пиши мне по прежнему
адресу — и хотя с опозданием но
письма твои до меня дойдут.
Очень крепко тебя дорогую целую
твой Арк. Ат'инка.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО А. П. ГАЙДАРА К ЖЕНЕ — Д. М. ГАЙДАР

Киев, середина сентября 1941 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

мо от 9 декабря 1942 г. явилось новым ответом на несколько посланных ему телеграмм, оно прибыло в конце декабря 1942 г. После этого все направленные Орлову телеграммы и запросы о нем возвращались с неизменной пометкой: «Выбыл в неизвестном направлении».

Попытки отыскать Орлова после окончания войны тоже ни к чему не привели. Возникло предположение о его гибели, со временем перешедшее в уверенность.

В 1962 г. автор публикации узнал, что после войны полковника встречали в Киеве. Был сделан запрос в офицерский отдел Киевского горвоенкомата, откуда немедленно прислали его адрес. В декабре 1962 г., ровно через 20 лет после первого письма Орлова, было получено его новое письмо.

«С большим желанием откликаюсь на вашу просьбу — рассказать об Аркадии Петровиче,— писал Орлов.— Память о нем, мужественном, славном человеке, товарище и воине, мне особенно дорога».

[1] Орлов имеет в виду бой у лесопильного завода.

[2] Хотя Орлов вернулся в район Леплявы в конце октября 1941 г., о судьбе Гайдара он узнал лишь много месяцев спустя уже на Большой земле.

7

А. Д. ОРЛОВ

⟨Киев⟩, 6 февраля 1963 г.

... Вы как-то спрашивали: как попал Аркадий Петрович ко мне в группу, как я его узнал?

Это случилось еще в Киеве, кажется, в последних числах августа [1] в оперативной группе командного пункта Военно-Воздушных сил Юго-Западного фронта, где познакомили меня с ним.

Ездил я с ним в 42 авиаполк, в дежурную эскадрилью и еще на аэродром, в эскадрилью воздушной засады капитана Солдатова. Помню, случилась бомбежка, Солдатов ушел в воздух и... не вернулся. Аркадий Петрович был потрясен этим обычным у нас в ВВС событием...

Присоединился он к моей группе где-то (уж не помню точно) [2] после того, как мы «выскочили» из непосредственного окружения в районе Киева и шли в направлении Полтавы, думая, что фронт, возможно, где-то в том направлении ⟨...⟩, так как строго на востоке мы были уже окружены, еще находясь в Киеве, 11—12 сентября (а ушли мы из него 18 сентября) и при прорыве группы во главе с командующим фронтом генерал-полковником Кирпоносом погибла почти вся группа в 500 человек (примерно 22 сентября).

Я уже писал: был Гайдар смелым и мужественным человеком, почти всегда в бодром настроении, всегда вызывался пойти вперед в разведку, «заарканить», как он говорил, где-нибудь на дороге мотоциклиста (что и случалось, кстати говоря).

Но были периоды в его состоянии, когда он был мрачен, порой резок и упрям, но это проходило быстро, и вновь Гайдар был самим собой, т. е. общительным, славным товарищем.

Эта неуравновешенность, видимо, шла от его болезни нервного порядка.

Прочно в нем укоренилась, я бы сказал, какая-то романтика времен гражданской войны. Он с восторгом говорил о кавалерийских атаках времен войны с Польшей в 1920 г. Ему всё грезились набеги, налеты, засады, в общем не скучная, не окопная война, а лихие партизанские действия...

Собеседник он был неистощимый, когда был в настроении. Всегда все старались быть поближе к нему.

Рассказывал о гражданской войне, о литературе, знакомстве своем с писателями; читал свои очерки и, что интересно, как будто читал по написанному (видимо, это свойство его памяти, что ли?).

Так вот мы и шли в поисках фронта. Часть товарищей уходила самостоятельно, группами по два-три-пять человек. Шли ли они к фронту или оседали в селах, кто знает. Много было всякого... А наш костяк, командиров 15 — 20, и Аркадий Петрович добрались до леса у Днепра, до деревни Озерище, примерно, в начале октября [3].

Далеко на подходе мы уже выяснили, что в лесу у Днепра стоят партизаны. Эту весть принес первый наш постоянный разведчик Гайдар А. П. Стоял на посту, увидел конного мужчину, остановил и привел к нашей остановке. Оказался некто Погорелов [4], заместитель командира отряда Горелова, и связь была с партизанами установлена.

О фронте они ⟨партизаны.— *Б. К.*⟩ ничего не знали. Мы решили сделать остановку, были измучены, были и больные, один товарищ раненый. Некоторые товарищи стали проситься в партизанский отряд и, конечно, Аркадий Петрович. Я ему не советовал этого делать.

Горелов при встрече со мной сказал, что ему очень нужен Аркадий Петрович, так как он корреспондент и был бы хорошим помощником

писать обращения, воззвания, листовки к населению и вообще вел бы историю отряда. Я ему ничего не обещал.

Вдруг через два-три дня заводит разговор сам Аркадий Петрович и прямо с заявления, что он уходит к Горелову... Я отказал. И тут-то открылась истина: он мне говорит, что он не военнообязанный, а белобилетчик, что уволен по болезни из армии, что он вообще болен и т. д.

Это для меня было откровением, так как никогда ранее о своей болезни он не заявлял; что он не военнообязанный я тоже не знал, думая, что, как почти все военные корреспонденты, он призван в армию и ему просто не успели присвоить звание.

Мне оставалось развести руками и перейти на уговоры о трудности, рискованности положения партизан, о том, что он нужен фронту больше и т. д. в этом духе.

«Я здесь больше найду материала для себя, да еще самолично буду бить фрицев, а на фронте мне не будет дано этой возможности».

Зная непреклонный характер Аркадия Петровича ⟨...⟩, я прекратил разговор.

Вот так и ушел Гайдар А. П. в надежде совершать подвиги, бить врага своими руками, а не только талантом писателя.

Безусловно, для Горелова иметь в составе отряда корреспондента, да еще такого, как Аркадий Петрович, было находкой, тем более, что надо было заниматься ведением агитационной пропагандистской работы среди населения, ибо немцы с приходом на Украину сначала, в известном роде, подлаживались к населению. ⟨...⟩

И мне известно, что Аркадий Петрович сразу же занялся составлением писем-обращений к населению. Мне он читал их, когда я наведывался в отряд Горелова.

Написаны они были метко и лаконично: проза перемежалась со стихами.

Он эти листовки и носил по определенным адресам в окрестные деревни.

Знакомство Аркадия Петровича с жителями деревень Озерище, Хоцки, Германова хутора, Леплявы было обширное.

Он исключительно быстро осваивался среди людей и завоевывал их расположение. Когда мы остановились в лесу, в домике лесника (в трех километрах от лагеря Горелова), было трудно с питанием. Пока шли, то попадались лошади «бесхозные», мы стреляли их и питались кониной, и было сравнительно сносно. А в лесу, кроме нас и до нас, были отдельные группы окруженцев, и нигде ничего нельзя было достать... Здесь-то много и выручал Аркадий Петрович всю нашу группу.

Героики в этом никакой, казалось бы, но люди измучены и голодны, надо помочь!

Просить помощи у партизан было неудобно, так как сами они были на голодном пайке и, кроме нескольких пар белья да двух-трех кило сахару и леденцов, дать нам ничего не могли.

Аркадий Петрович был безотказен! Он заменит товарища в ночном дежурстве, он добудет проводника для группы майора Алферова [5], тов. Ивкина [6] и др. Он всегда рвался сходить разведать что надо и т. д.

По натуре своей Аркадий Петрович был очень отзывчивый, добрый человек. Для молодежи и малышей он был особенно притягателен, с ними у него сразу находился общий язык, и где бы он ни был, сразу же приобретал маленьких приятелей, для которых у него всегда готова была к рассказу увлекательная история или «консультация», как сделать «вечный» волчок или смастерить какую-нибудь сверхособенную рыболовную снасть.

Как-то понравился ему мой перочинный нож, у которого была масса лезвий, шило, ножницы и т. д. Заметив его восхищение, я презентовал ему ножик, и вдруг через день-два понадобился мне нож проткнуть шилом ремень. Я попросил у Аркадия Петровича.

Бедняга Аркадий Петрович краснеет, мнется и шепчет на ухо, что подарил он ножик одному курносому приятелю из Озерища восьми лет от роду и что его зовут тоже Сашко и поэтому я не должен сердиться.

Так было и с запасом цветных карандашей и даже с карманными часами. О последней утрате он «убедительно» заявил, что на нашу группу хватит мозеровских моих.

Я уже писал, что как-то мы получили от тов. Горелова несколько кило сахару и карамели, пар пять белья и несколько шапок-ушанок.

Все блаженствовали, пили сладкий «чай» — кипяток, в такие моменты Аркадий Петрович обычно пускался в шутливые рассуждения о необходимости воздержания от сладкого и обилия жидкости, что это вредит организму и портит фигуру. А начинал он обычно с любимой поговорки «Что мы видим на этой картинке?» и далее отвечал: «Мы видим, как группа закаленных в боях и походах воинов дует подогретую болотную воду с карамельками производства киевской артели имени товарища Бебеля».

А как-то вечером является Аркадий Петрович с буханкой свежего хлеба и глечиком меда. Как потом я дознался, этот «хозразворот» стоил ему пары белья.

Перед уходом моей группы к фронту он договорился с М. И. Швайко о том, чтобы проводить нас, тепло простился (слезы на глазах были), настроенье у него было очень тяжелое, вид измученный. Писал прощальное «письмо-напутствие» Тимуру Аркадьевичу красным карандашом с тремя звездами. Просил меня взять еще два очерка: один о летчике моей дивизии, который таранил самолет противника над железнодорожным мостом (в начале августа он этот случай наблюдал, будучи в дивизионе противовоздушной обороны); другой — о шестерых советских гражданах, связанных проволокой и утопленных в пруде в одной из деревень близ Киева.

Но ни то, ни другое взять было нельзя, так как моей группе надо было идти в неизвестное. И на самом деле — пронести это через 640 километров территории, среди немецких гарнизонов и войск, через фронт было маловероятно. И письмо и очерки вряд ли были бы получены теми, кому они предназначались [7].

Единственные вещи — память об Аркадии Петровиче — остались у меня: мундштук да кожаный портсигар и еще запальная дощечка от гранаты с его надписью... [8]

Борис Николаевич! Я понимаю, что для радио и печати надо что-то этакое героическое, но вы видите: его как будто и нет в моих описаниях о нас и Аркадии Петровиче.

Но согласитесь с тем, что само по себе его стремление к подвигу, любовь к людям, его яркие рассказы о Родине — ведь все это и есть подвиг в той обстановке...

И вот еще что, Борис Николаевич, если авторы будущего сборника [9] будут писать, упоминая обо мне и моих товарищах, поясните им, что у полковника Орлова не было отряда в уставном понимании.

Единственный раз как-то, не то в «Звезде», не то в другом толстом журнале, я прочел в 1955—1956 гг. о гибели Аркадия Петровича, где упоминалось и обо мне и... моем «отряде».

Это неверно. Отряд с точки зрения военной, уставной, это нечто вроде части с подразделениями и вооружением по штату. А мы из себя пред-

«ХРАБРОЕ СЕРДЦЕ»
Первое отдельное издание военных очерков А. П. Гайдара «Мост» и «Ракеты и гранаты». М., Детгиз, 1945
Обложка

ставляли группу тех, кто настойчиво пытался пробиться к своим, имея при себе пистолеты и, как я помню, один автомат.

Группа состояла из смелых, славных товарищей. Были там работники НКВД, политработники, и я как старший по званию возглавлял всю группу.

Когда дрались, чтобы выйти из непосредственного окружения, группа была человек в 50—70, а уж когда не стало возможности двигаться группой, пошли отдельными группками в 10—15 человек и наконец остался костяк в пять-шесть человек, в том числе был и Аркадий Петрович, да и он остался у Горелова...

И вот я пишу вам эти записки неделю, волнуюсь, и сказал только малую часть ⟨...⟩

[1] Встреча могла произойти только в первых числах сентября, так как до 30 августа Гайдар находился в Москве.

[2] По рассказам Орлова во время бесед с автором этих строк, встреча произошла в лесу близ села Семеновка.

[3] Село Озерище находится в нескольких километрах от Леплявы. Летом 1963 г. колхоз «Днипро» в селе Озерище переименован в колхоз им. А. П. Гайдара.

[4] Александр *Погорелов* — работник Гельмязевского райкома партии. Дезертировал из партизанского отряда 18 октября 1941 г. и донес в немецкую районную комендатуру о том, где находится отряд. Является прямым виновником разгрома партизан в бою у лесопильного завода.

[5] Майор *Алферов* — начальник связи ВВС 5 армии. Дальнейшая судьба его не установлена.

[6] К. П. *Ивкин* — секретарь киевского подпольного горкома партии. Арестован гестаповцами в июле 1942 г. и замучен.

[7] Очерки «Во имя Родины» и «Варвары XX века» пропали после гибели Гайдара вместе с его сумкой.

[8] Здесь неточность: запальная дощечка не от гранаты, а от бутылки с горючей смесью. Вещи Гайдара и его последний дошедший до нас автограф подарены полковником Орловым автору публикации.

[9] Орлов имеет в виду сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», выпущенный издательством «Детская литература» в 1964 г., где поначалу предполагалось опубликовать новые материалы о Гайдаре и его подвиге в дни Великой Отечественной войны.

8

М. Д. ПЕНЦАК — А. П. ГАЙДАРУ

⟨г. Чапаевск⟩, 7.8.42

Дорогой товарищ Гайдар [1].

Вы наверно еще не забыли нашего отряда, который вырвался из окружения. Я хотел узнать, как вам дорога перешла, я считаю, что вы пришли к нашим в наилучшем порядке. Я имею очень много рассказывать о моем переходе, который я перешел. Прошу писать мне ответ чем быстрее. Мой адрес следующий: город Чапаевск, Куйбышевской области. Рабочая строительная колонна 667, п. я. № 75, Пенцак М⟨ихаил⟩ [2] Давидович, 4 рота.

Вы наверно еще помните, как мы были у партизан, командир нашего отряда был полковник Орлов Александр Дмитриевич, я как повар и переводчик тоже участвовал в этом отряде [3]. Прошу ответить, извиняюсь за ошибки.

Михаил (?) Давидович *Пенцак* — уроженец Западной Украины. Судьба его неизвестна.

[1] Письмо прибыло в Союз писателей.

[2] Имя Пенцака на сгибе письма стерлось, и потому читается предположительно. Все запросы, направленные в дни войны по указанному адресу, остались без ответа.

[3] Пребывание Пенцака в группе А. Д. Орлова подтверждается Орловым.

9

А. А. ШВАЙКО

⟨г. Львов⟩, 24 июня 1963 г.

...Аркадий Петрович так же, как и другие, пробирался лесом с товарищами, усталый, измученный ⟨...⟩. Муж их встретил в лесу. Он как раз шел лесом домой из села Озерище. Привел их к нам. Обогрели мы их, обсушили, накормили. Оказали помощь всем.

На утро восемь человек ушли, а Аркадий Петрович и еще один солдат остались у нас потому, что были больны. Три дня мы их держали у себя, оказывали помощь ⟨...⟩, вот так мы и познакомились с Аркадием Петровичем, и он стал нашим другом. Подружился с моими сыновьями, студентами педучилища [1].

Аркадий Петрович часто к нам приходил, просил мужа больше доставать продуктов, чтобы можно было покормить и проходивших наших военных. Часто он сам ездил ночью с моим мужем и сыновьями в села Озерище и другие за продуктами и всегда доставали всё, что нужно. Он рассказывал сыновьям, как он раньше воевал, где он бывал, и всё говорил:

— Ребята, кончится война, я напишу о вашей семье книгу, всё опишу, что ваша семья сделала для отряда и наших солдат, попавших в окружение. Если только останемся живы, где бы я ни был, вы, ребятки, всегда будете возле меня.

И просил, что если с ним что-либо случится, кто из нас останется жив, написать обо всем его похождении в Союз советских писателей в Москву,

также написать его жене и родственникам. Адрес он у нас оставил [2]. Это было 18 октября, а больше он к нам не приходил, потому что полиция начала заглядывать к нам уж слишком нагло. ⟨...⟩

Очень многие бывали в нашем доме, и мы всем им оказывали помощь. ⟨...⟩

Об Аркадии Петровиче еще много можно было бы написать, ведь таких людей, каким был Аркадий Петрович, трудно теперь встретить...

Анна Антоновна *Швайко* — жена лесника. Вместе с мужем Михаилом Ивановичем оказывала большую помощь партизанам и окруженцам (см. письмо полковника А. Д. Орлова).

[1] Старший сын, Василий, летом 1941 г. закончил педагогическое училище, а младший, Владимир, перешел на II курс того же училища. Оба были комсомольцами.

[2] После освобождения Полтавской области от гитлеровцев А. А. Швайко выполнила просьбу Гайдара и написала в военную комиссию Союза писателей о его гибели. В Союз писателей прибыло письмо и от Володи Швайко. Он был угнан фашистами в Германию, затем служил в Советской Армии, но не имел вестей из дому, так как семья в дни оккупации, боясь преследований за помощь партизанам, перебралась на другое место.

10

З. М. БУГАЕВ

⟨г. Александрия, ноябрь 1962 г.⟩

...На второй день, примерно, во второй половине дня, прибыла в отряд группа военных во главе с полковником Орловым (начальником штаба 36 авиационной дивизии), с которым были подполковник войск НКВД тов. Александров [1], капитан особого отдела тов. Смирнов [2], писатель Гайдар, начальник областного управления милиции г. Житомир, фамилии не помню [3], и три девушки, которых фамилий тоже не помню ⟨...⟩

Аркадий Петрович по прибытии в партизанский отряд был очень задумчив, и мне лично у костра (с одной стороны на бревне сидел Гайдар, на другой стороне сидел я) пришлось разговаривать с ним.

Я спросил: «Какой части?» Он подумал, потом ответил: «Я корреспондент „Комсомольской правды", находился в 37 армии». Я ему задал второй вопрос: «Какую же вы, Аркадий Петрович, напишете книгу, как выйдем из окружения?» Он немного подумал и ответил: «Напишу, как 37 армия попала в рай» [4].

После нашего знакомства я лично с Гайдаром ходил на задания по приказанию командования партизанского отряда. Например, командиром и комиссаром партизанского отряда мне было поручено быть пропагандистом в отряде. Лучшая информация была — это полученная сводка по радио, но радиоприемник перестал работать, надо было достать питание для радиоприемника. А. П. Гайдар предложил пойти ночью в село и достать питание, и мы, четыре человека, взяли ручной пулемет Дегтярева, которым хорошо владел А. П. Гайдар, и три автомата и пошли в село, расположенное от отряда в 7—8 километрах.

Когда мы подошли к селу, А. П. Гайдар предложил одному остаться на улице, а нас три человека зашли в дом. В доме, кроме хозяина и хозяйки, было несколько человек молодежи разных возрастов. После наших расспросов нам предложили покушать молока, в то время А. П. Гайдар занялся разговором с присутствующими ⟨...⟩ Присутствующие внимательно слушали Аркадия Петровича и помогли нам достать питание для радиоприемника ⟨...⟩

Должен сказать, что Аркадий Петрович Гайдар — скромный, общительный товарищ ⟨...⟩ В тяжелый момент в партизанском отряде он подымал дух среди партизан, вырабатывал в них патриотизм к нашей Отчизне ⟨...⟩

Захарий Максимович *Бугаев* — комиссар 425 батальона аэродромного обслуживания. Ныне — председатель завкома сахарного комбината.

[1] Андрей *Александров* — подполковник (или полковник) НКВД. Был бойцом партизанского отряда. В лагерь близ села Леплява пришел не с группой Орлова, а самостоятельно. Казнен немцами в г. Золотоноша.

[2] Н. В. *Смирнов* — капитан НКВД. Судьба его неизвестна.

[3] Начальником областного управления милиции г. Житомира был Долгов. Приказом НКВД УССР от 1 марта 1942 г. исключен из списков личного состава как пропавший без вести.

[4] В своем ответе Гайдар перефразировал название произведения Демьяна Бедного «Как четырнадцатая дивизия в рай шла» (1923—стихотворная сатира, 1932—пьеса).

11

Д. С. ВАЧЕНКО

⟨12 февраля 1963 г.⟩

Я хорошо знаю писателя тов. Гайдара, я был для тов. Гайдара близким товарищем. Я был рядовым бойцом, часто с ним беседовал. Он меня уважал. Я ему часто, бывало, грею в ведре воду, чтобы была тепла помыться тов. Гайдару. Я ему помогаю помыться, и я, бывало, даю ему вопросы про войну, чи долго ли она будет, то тов. Гайдар отвечает на все мои вопросы, что война может быть три-четыре года, но победа будет наша. За ход войны запишемо в «Молнию», напишемо большую книгу [1].

Тов. Гайдар был рядовым бойцом, героически участвовал на боевых участках, на центральных дорогах, где проходили немецкие оккупанты, вместе с отрядом уничтожали немецкие машины и немцев, уничтожили двух немецких офицеров, и, конечно, наша была большая ошибка, что мы не закопали трупов и бросили на месте боя [2]. И после этого боя немцы обнаружили эти трупы, то сейчас же забрали всю полицию с двух районов, Гельмязевского и Переяславского, и на третий день после уничтожения нами немцев, был разгромлен наш отряд в октябре 1941 г.

Когда немецкие оккупанты разгромили наш отряд, по команде начальника отряда тов. Горелова начали отступать, то первый взвод ⟨...⟩ отступал по направлению села Озерище ⟨...⟩, а наш взвод, второй, отступал по направлению села Леплява. Отважный боец был тов. Гайдар А. и дрался до последней минуты ⟨...⟩ [3].

После боя мы отступили в село Леплява, отступили тов. Горелов [4], Гайдар, Александров [5], Никитин [6], Ваченко Д. С., Лысенко М.[7], Бутенко Т.[8] и шесть человек военных.

В селе Леплява выпросили в Степанцовой семье [9] хлеба да сала, сделали перехватку и разошлися кто куда по разным направлениям ⟨...⟩

12.II.1963

Денис Семенович *Ваченко* — активный участник Октябрьской революции. Перед войной — председатель сельсовета в селе Каленики Гельмязевского района. В настоящее время — пенсионер.

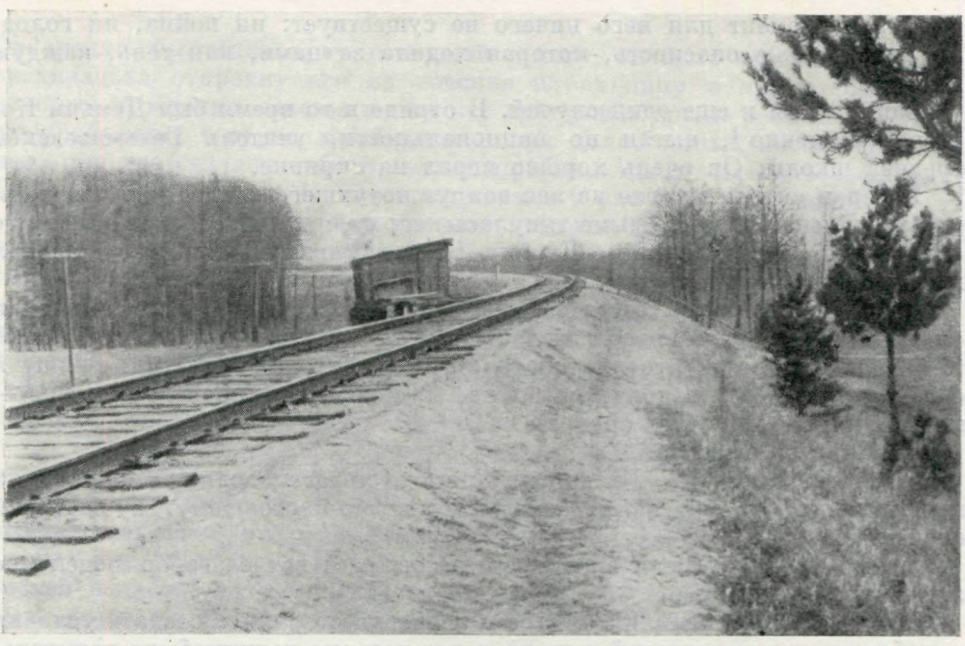
[1] По свидетельству Д. С. Ваченко и Т. Ф. Бутенко, Гайдар называл книгу, над которой работал: «Блискавка», т. е. «Молния».

[2] Ваченко упоминает операцию, которая была проведена 19 или 20 октября 1941 г. Группа партизан, в их числе Гайдар и Ваченко, подбила на дороге легковую машину, в которой ехало два офицера. Один из них оказался полковником, военным комендантом Переяслава. Партизаны не успели убрать с дороги трупы и уничтожить машину, так как появился грузовик с гитлеровскими солдатами.

Ваченко рассматривает эту невольную оплошность как главный повод, побудивший немцев разгромить отряд, упуская из виду другое обстоятельство — дезертирство и предательство одного из партизан — Александра Погорелова.

[3] Во время отступления отряда в бою у лесопильного завода Гайдар прикрывал отход товарищей огнем своего ручного пулемета. См. также письмо И. С. Тютюнника.

[4] Федор Дмитриевич *Горелов* — секретарь Гельмязевского райкома партии, командир партизанского отряда. После поражения отряда в бою у лесопильного завода вместе с Александровым и Никитченко пробирался к линии фронта. В хате Надежды



МЕСТО ГИБЕЛИ А. П. ГАЙДАРА

Железнодорожное полотно и будка путевого обходчика на окраине села Леплява (Черкасская область, Каневский район)

Фотография Б. Камова, 1962

Собрание Б. Камова, Москва

Гонтар на хуторе Малинивщина Гельмязевского района 3 ноября 1941 г. был выдан немцам. После жестоких пыток казнен в г. Золотоноша.

[5] См. прим. 1 к письму З. М. Бугаева.

[6] Здесь у автора письма ошибка. Фамилия этого партизана *Никитченко*. Он был секретарем Сквирского райкома партии Киевской области. Казнен вместе с Гореловым.

[7] Марк Прокофьевич *Лысенко* — заведующий Гельмязевским райсобесом, боец партизанского отряда. Расстрелян фашистами.

[8] Тарас Федорович *Бутенко* — директор школы, боец партизанского отряда. В настоящее время — персональный пенсионер.

[9] Имеется в виду хата партизана Андриана Алексеевича Степанца в селе Леплява.

12

М. М. ДЕНИСЕНКО

⟨г. Уяр, Красноярского края, 20 июня 1963 г.⟩

... Участвовать в операциях мне почти не приходилось. Моя задача была ходить в разведку. Это мне удавалось лучше других, на детей меньше обращали внимания ⟨...⟩, и мне не составляло трудностей ходить ночами по степи или лесом.

А. П. Гайдара я много раз видела в отряде ⟨...⟩ Он мне запомнился со всеми подробностями, особенно когда работал, а работал он всегда: и утром рано, и до поздней ночи, и целый день и, как правило, забывал даже покушать.

Светло-серые с голубизной, удивительно большие глаза устремлялись куда-то вдаль без единого движения, и чувствуется, как усиленно работает голова, вернее, мозг, и переносят руки труд в блокнот средней величины, средней толщины, как обыкновенная тетрадь в 100 страниц.

В этот момент для него ничего не существует: ни война, ни голод, ни холод, даже опасность, которая ходила за нами, как тень, каждую минуту.

Запомнился и еще один случай. В отряде в то время был Демьян Костович Буденко [1], цыган по национальности, учитель Гельмязевской средней школы. Он очень хорошо играл на скрипке.

Вечером сидели многие из нас вокруг потухшего костра, только чуть-чуть маленькая струйка дыма тянулась кверху, и думали каждый о чем-то своем и не очень веселом. Демьян Костович взял скрипку и заиграл мелодии одна другой грустней.

Тут был и Гайдар. Когда закончил играть скрипач, люди попросили ⟨Аркадия Петровича⟩ рассказать что-нибудь о книге, которую он пишет (в отряде все знали, что он писатель). Он неохотно ответил: «Пишу я о войне, о всех вас, а кончится война, вы мою книгу прочитаете. И еще — многие из вас получат ордена».

Вот и весь рассказ.

Люди говорили, что Гайдар по природе неразговорчив, в движениях медлительный, а вот на бумагу выложит по-настоящему, лучше, чем словами скажет.

Своего мнения у меня в то время не было. А вот разговор людей мне запомнился.

В отряде очень ценили Гайдара и всячески старались создать условия поработать над задуманной книгой, а вот как она должна была называться, я не знаю...

Мария Моисеевна *Денисенко* (по отцу Ильяшенко) — дочь комиссара партизанского отряда. 15-летней школьницей ушла в отряд, стала разведчицей. В настоящее время — служащая.

[1] Демьян Константинович *Буденко* — учитель Гельмязевской средней школы, боец партизанского отряда. Расстрелян фашистами.

13

И. С. ТЮТЮННИК

⟨с. Гельмязево, Черкасской обл., 28 октября 1962 г.⟩

... В живых из отряда осталось нас пятеро: я, Маруся Ильяшенко, Тарас Бутенко, Иван Ваченко и Иван Васелака, все они живут в Гельмязевском районе, кроме М. Ильяшенко; Ваченко и Бутенко в селе Каленики, а Васелака в селе Калеберда [1].

Теперь хочу ответить на ваши вопросы:

1. Вы спрашиваете, что сталось с отрядом после смерти Горелова. После поражения [2] отряд разбился на мелкие группки, тут была допущена большая ошибка, не было предусмотрено места сбора, и эти группки, потеряв между собой связь, существовали отдельно. Я, например, со своею группой скрывались в песчаных дюнах у Днепра около двух недель, и почти рядом была другая группа и лишь потом связались меж собой. По сути, после поражения отряд как боевая единица перестал действовать, часть пошла пробираться через фронт, а часть (главным образом местные) перешли на нелегальное положение. Я с группой товарищей перебрался в черниговские леса, жили нелегально, а потом отыскали партизанский отряд, и я был там до прихода советских войск, с которыми пошел вместе с отрядом на фронт.

2. Относительно политрука Овчаренко и комиссара Попова [3]. После падения Киева к нам в отряд прислали человек пять из числа командного состава, почти все они лейтенанты. Был среди них, как мне помнится,

Овчаренко, был один врач, раненный в ногу, он было заболел, я лично организовал отправку его на лечение в больницу к врачу Оксамиту, который его лечил. Оксамит жив и в настоящее время работает врачом. Из прибывших в отряд лейтенантов никто должностных постов не занимал, они все считали себя временно пребывающими, их цель была пробираться через фронт. Комиссаром отряда у нас был Ильяшенко [4] ⟨...⟩

3. На какое задание шла группа, которая повстречала Гайдара? То задание было ⟨...⟩ «охотиться» за фашистскими машинами по дороге Киев — Кременчуг.

4. В какое время немцы подошли к лагерю? Это было на рассвете, примерно, 22—23 октября. Когда фашисты охватили нас в полукольцо, прижав к речушке, отряд, быстро заняв оборону, начал отбиваться. Гайдар как пулеметчик стал у пулемета и вообще каждый боец был заранее прикреплен до соответствующего места.

5. Натиска фашистов с переважающими силами отряд не выдержал и получил команду отойти. Гайдар как пулеметчик продолжал отбиваться, так что тов. Гайдар, по сути, сам вызвался прикрывать отступающих пулеметным огнем, это была большая помощь для спасения людей отряда.

Да! еще одно уточнение. Секретаря Сквирского райкома партии Киевской области, который действовал в отряде и погиб вместе с Гореловым, фамилия Никитченко ⟨...⟩

Иван Сергеевич *Тютюнник* — председатель Гельмязевского райисполкома, начальник штаба партизанского отряда. Ныне — пенсионер.

[1] Тютюнник по ошибке не упомянул шестого партизана — Дениса Семеновича Ваченко (см. письмо Д. С. Ваченко).

[2] Тютюнник пишет о бое у лесопильного завода.

[3] Тютюннику был задан вопрос: знал ли он политрука Овчаренко и комиссара Попова, о которых сообщал старший лейтенант И. Гончаренко (см. письмо И. Гончаренко).

[4] Моисей Иванович *Ильяшенко* — председатель колхоза в селе Гладковщина, комиссар партизанского отряда. Погиб в бою у лесопильного завода.

14

А. Ф. СТЕПАНЕЦ — Л. Л. СОЛОМЯНСКОЙ *

⟨Село Леплява Черкасской области, осень 1947 г.⟩

В 1941 г. в нашем лесу был организован партизанский отряд под названием Богунского [1].

В том отряде был мой муж, Степанец Андриан Алексеевич [2], и брат, Касич Игнат Федорович [3], и в этом отряде был Гайдаров Аркадий Петрович.

Где что, я им помогала. Однажды пришло много товарищей к нам переодеться. Всех я не могу вам описать, только тех, кого знаю: Александров, Никитченко, Скрыпник, Николаев, Сасько, Дороганов, Ильяшенко, Горелов [4].

Остальных не знаю фамилий, а товарища Гайдара запомнила, потому что они пообмывались, попереодевались и сели ужинать.

Я позавешивала окна одеялами, всякою одежею, лампу поставила под лавкою, бабушка [5] пошла дежурить на улицу, чтобы увидеть, как пойдут полицаи, а товарищ Гайдаров говорил, как сели все ужинать и сидели за столом, говорил товарищ Гайдаров со своими товарищами и обратился ко мне и говорит:

— Вот так, Феня, как дождемся мы, как вернутся красные, я напишу книгу про свой партизанский отряд, и будет этот стол в книге, и Феня

* Перевод с украинского.

подает ужинать, и бабушка на карауле, и хата. И будешь, Феня, читать книгу и сама себя в ней увидишь.

Я стирала белье и пекла хлеб, покупала лук, помогала, что они мне приказывали.

Другой раз ехали куда-то на задание и поставили коней возле ворот и зашли сами в хату, то товарищ Гайдаров сказал:

— Феня, дай нам молочка.

Я внесла кувшин горячего молока. Они попили, и товарищ Гайдаров сказал:

— Простудились мы, Феня,— и поехали на свое задание. Вернулись назад часа в два ночи [6].

Товарищ Гайдаров и товарищ Горелов сказали, чтоб отыскать приемник тот, что был в сельсовете, и раскидать партизанские листовки.

Мой муж и брат повели их до старосты [7] за приемником, а мне сказал начальник партизанского отряда товарищ Горелов, чтоб я разнесла листовки по улицам.

Последний раз, как разбили партизанский отряд, погибло много партизан и убили пулеметчика т. Ильяшенко [8].

Они хотели перебраться в другой лагерь. Пришли они снова в село, поужинали, отдохнули и пошли в разведку: Гайдаров, Александров, Никитченко, Скрыпник и одного забыла фамилию. Всех пять человек их товарищей. Мой муж и брат вывели их из села, показали, куда идти. Сами вернулись. Так они и ушли.

Когда ⟨партизаны⟩ вернулись [9], попросили молока и картошки, вышли от того дядька на железнодорожную линию и наскочили на немецкий обоз — семь подвод мадьяр двигалось в наше село, и когда они вышли

ЖИТЕЛИ СЕЛА ЛЕПЛЯВА ПОКАЗЫВАЮТ МОГИЛУ ГАЙДАРА

Фотография, 1943

Собрание Дома детской книги, Москва

ПИОНЕРЫ СЕЛА ЛЕПЛЯВА У МОГИЛЫ А. П. ГАЙДАРА
Фотография, 1943
Собрание Дома детской книги, Москва

на линию, то мадьяры стали стрелять и убили товарища Гайдара, остальные товарищи убежали. Когда они убегали, то слышали, как товарищ Гайдаров кричал последние в своей жизни слова: «Героям слава... Ура!», покачнулся и упал.

Остальные товарищи прибежали и рассказали про несчастье, которое случилося с товарищем Гайдаром, как он кричал: «Ура! Слава героям...» и упал.

Потом стало известно через того дедушку, что жил в доме у железной дороги [10], и через Сорокопуда Игната [11]. Они сказали, что орден забрали немцы и какие были документы [12], потом ⟨в селе.— *Б. К.*⟩ говорили, что будут того партизана откапывать, что убили немцы.

Я услышала и сказала ребятам ⟨т. е. партизанам.— *Б. К.*⟩, так они пошли ночью и перенесли могилу [13]. Вот, что я вам говорила, то я вам и описала.

Может, вы подумаете, что это не товарищ Гайдаров, так чтоб мне видеть так свою жизнь, что это есть товарищ Гайдаров. Я клянусь своей честью и своей кровью: я товарища Гайдара в том запомнила, что он говорил про книгу, и что он тут же, в нашем селе, погиб. Много товарищей было у меня в хате, ну, я просто забыла их фамилии.

Ну, я за всех, Лия Лазаревна, не пишу, я что для вас интереснее, как были они у нас, Аркадий Петрович, как они про сына своего беспокоились, ибо каждый переживал свое горе, нужду, недоедание и холод, не зная в лесу, что его впереди ожидает. Ну, пока всё.

Афанасия Федоровна *Степанец* — колхозница села Леплява, жена партизана Андриана Алексеевича Степанца, мать четверых детей. Оказывала большую помощь партизанам. В настоящее время живет и работает в том же селе.

[1] Отряд находился в лесу в нескольких километрах от Леплявы. Никакого названия не имел. В настоящее время в документах именуется партизанским отрядом Гельмязевского района (по старому административному делению).

[2] Андриан Алексеевич *Степанец* — председатель колхоза в с. Богданы. Расстрелян фашистами в 1942 г.

[3] Игнат Федорович *Касич* — заместитель председателя колхоза в с. Леплява. Расстрелян фашистами в 1942 г.

[4] Андрей *Александров* — см. прим. 1 к письму З. М. Бугаева. *Никитченко* — см. прим. 6 к письму Д. С. Ваченко. Василий Иванович *Скрыпник* — см. письмо В. И. Скрыпника и примечание к нему. А. А. *Николаев* — заместитель командира 4 дивизии НКВД. Был в группе Орлова. Судьба его неизвестна. Василий Николаевич *Сасько* (правильно — Сесько) — секретарь Прохоровского сельсовета. Казнен фашистами в 1942 г. Александр Тимофеевич *Дороганов* (правильно —Дороган) — председатель Гельмязевского райпотребсоюза. Казнен фашистами в 1942 г. Моисей Иванович *Ильяшенко* — см. прим. 4 к письму И. С. Тютюнника. Федор Дмитриевич *Горелов* — см. прим. 4 к письму Д. С. Ваченко.

[5] Мать Афанасии Федоровны, Устина *Касич*. Оказывала большую помощь партизанам. «Бабу Устю», как ее называли, за самоотверженность и мужество высоко ценил Гайдар. Умерла после войны.

[6] Хата Степанцов была главной явочной квартирой партизан в селе Леплява. (Реже бойцы останавливались в доме Игната Федоровича Касича.) Отправляясь на задание и возвращаясь с него, партизаны почти всегда наведывались к Степанцам, оставаясь у них до рассвета. Пока бойцы спали, Афанасия Федоровна успевала выстирать им рубашки, носки, шарфы, платки. К утру партизаны надевали все чистое.

[7] Дмитрий *Пилипенко* до войны работал в том же селе. Должность старосты Леплявы принял по настоятельному совету Гайдара, поддержанному всем руководством партизанского отряда. Пилипенко регулярно информировал Горелова о намерениях немцев, получаемых им инструкциях, а сестра его пекла партизанам хлеб.

[8] А. Ф. Степанец имеет в виду бой у лесопильного завода. В том бою действительно погиб комиссар отряда М. И. Ильяшенко, но пулеметчиком он не был.

[9] Все последующие события известны А. Ф. Степанец из вторых рук, поэтому изложение их неточно.

[10] Дедушка, о котором упоминает А. Ф. Степанец,— Опанас Максимович Касич, колхозник села Леплява (он живет там до сих пор). Касичу и всей его семье довелось стать свидетелями приготовлений гитлеровцев к встрече партизан (его показания записаны на магнитофон).

[11] Игнат Терентьевич *Сорокопуд* — в годы войны путевой обходчик. В настоящее время — мастер цеха на одном из заводов.

За несколько минут до гибели Гайдара Сорокопуд вышел из своего дома за водой и невдалеке от колодца, в молодом сосняке возле насыпи, с удивлением увидел несколько подвод. Украинец-возчик ему объяснил, что подводы прибыли из Хоцек (это село в 16 км. от Леплявы), что приехали на них немцы с пулеметами, а зачем «бис их знае». Тут началась стрельба... (Воспоминания Сорокопуда записаны на магнитофон.)

[12] Хоронил Гайдара Игнат Сорокопуд. Ему помогали двое парней, что жили в том же доме. По словам Сорокопуда, с убитого к этому времени были сняты даже сапоги. Но кто раздевал Гайдара, он не видел, равно как не видел, кто забирал документы и орден. По утверждению Скрыпника, свидетеля гибели Гайдара, у Аркадия Петровича, когда он шел на последнее свое задание, сумки с рукописями с собой не было. Следовательно, вполне возможно, что в руки к немцам она не попала.

Что касается Опанаса Касича, то он пришел к месту гибели, когда Гайдар был уже похоронен. Об ордене и документах он мог говорить только с чужих слов.

[13] По свидетельству Сорокопуда, могила Гайдара в первую же ночь неизвестно кем была срыта. Обходчик вновь насыпал холм, а на следующий день, с наступлением темноты, к нему пришли партизаны и объяснили, что этого не следует делать: место, где похоронен Гайдар, должно быть замаскировано.

Когда в 1947 г., готовясь к переносу праха, вскрыли могилу, тела Гайдара в ней не оказалось: она была фальшивой. Настоящую могилу обнаружили в нескольких метрах, у самой тропы.

15

С. АБРАМОВ — Д. М. ГАЙДАР

1 мая 1942 г.

Уважаемая товарищ Гайдар!

Я пишу это письмо и не знаю, попадет ли оно вам в руки, потому что отправляю не совсем обычной почтой и боюсь, что оно может вас не застать в Москве.

Выполняя просьбу вашего мужа, Гайдара Аркадия Петровича, сообщаю вам, что он погиб от рук фашистских варваров 26 октября 1941 г.

Мне трудно писать эти строки, но я обещал ему исполнить его просьбу, как будет только возможность сообщить о его смерти вам. И вот только теперь представилась эта возможность [1].

Вы знаете, что Аркадий Петрович последнее время был корреспондентом Юго-Западного фронта. До последнего времени он был в Киеве. Когда образовалось окружение, то Гайдару предложили вылететь на самолете, но он отказался и остался в окружении с армией. Когда часть армии была разбита, то мы, выходя из окружения, остались в партизанском отряде в приднепровских лесах. И однажды мы ходили по продукты на свою базу и нарвались на немецкую засаду, где и был убит тов. Гайдар Аркадий Петрович.

Его могила находится в Полтавской области, около железной дороги, которая идет с Канева на Золотоношу. Если ехать с Канева, то надо доехать до станции Леплява и затем пойти пешком до первого переезда в направлении Золотоноши. Там есть будка,— вот около этой будки на правой стороне железной дороги, метрах в пяти от полотна, и похоронен он [2].

Будочник [3] знает могилу. И если когда-нибудь вам придется побывать там, то вы ее найдете.

Я кончаю писать, мне трудно теперь вспоминать то, что прошло, потому что мы любили нашего Аркадия Петровича.

До свидания.

Остаюсь — лейтенант С. Абрамов

Это письмо я передаю из временно оккупированной Украины.

Привет всем, всем, всем от товарищей-партизан, знавших его.

Мы обещались отомстить врагу за то, что они его убили, и мы отомстим так, как умел мстить тов. Гайдар. Он всегда храбро дрался и геройски погиб.

Сергей Федотович *Абрамов* — до падения Киева служил в 27 понтонном батальоне После разгрома Гельмязевского партизанского отряда и гибели Гайдара попал в партизанское соединение С. А. Ковпака, где руководил всеми инженерными и диверсионными операциями. В настоящее время работает на машиностроительном заводе им. Малышева в Харькове.

[1] Гайдар просил всех, с кем был знаком, в случае его гибели сообщить об этом в Москву жене, указывая для простоты адрес Союза писателей.

[2] Село Леплява по нынешнему административному делению находится в Каневском районе Черкасской области. На окраине Леплявы, у железнодорожного полотна, вблизи первой могилы Гайдара до сих пор стоит дощатая будка путевого обходчика.

[3] По-видимому, С. Абрамов имел в виду путевого обходчика И. Т. Сорокопуда, который хоронил Гайдара.

16

И. ГОНЧАРЕНКО — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

⟨28 августа 1943 г.⟩

Уважаемый тов. комиссар!

По просьбе встретившего меня писателя Алексея Глебова считаю долгом сообщить всё, что мне известно в настоящее время о гибели писателя Аркадия Гайдара, с которым я лично тоже встречался и много беседовал в октябре 41 г.

Первый раз я его увидел числа 15 или 16 октября у батальонного комиссара Терещенко [1], когда Гайдару предлагали уходить с очень сильным отрядом Орлова, но он не пошел, а сказал, что он остается с партизанами. В нашей группе было только десять человек из местного актива, а все другие были из окружения, и группой в это время командовал батальонный комиссар Попов. В конце октября, когда от нас ушло еще несколько человек и я был послан в тылы под Киев для вывода товари-

щей и сбора, тов. Гайдар ходил на хутор за продуктами вчетвером или втроем и был убит. С ним вместе ходил Овчаренко [2], политрук, который вернулся раненым и который мне рассказывал в госпитале в Горловке, что на похоронах Гайдара был комиссар и бойцы [3].

Захоронили труп тов. Гайдара возле железной дороги. Тов. Глебов знает где и также можно разыскать из отряда местных людей. Я помню фамилии Топчего, Лысенко и Шаповала, а других не помню [4].

Лучше всех знают точные подробности Попов и Овчаренко.

С тов. приветом
ст. лейтенант И. Гончаренко

Старший лейтенант *И. Гончаренко* — по всей видимости, офицер разведки.

История этого письма такова. Л. Л. Соломянская, которая в дни войны работала в редакции журнала «Знамя», узнав, что писатель Алексей Глебов едет на фронт, на Украину, попросила его навести справки о Гайдаре, надеясь, что письмо лейтенанта С. Абрамова — ошибка. Ответом на запрос Алексея Глебова к руководителям армейской разведки и явилось сообщение старшего лейтенанта Гончаренко.

[1] Разыскать его не удалось.

[2] То, что с Гайдаром 26 октября 1941 г. шел политрук Овчаренко, который был в перестрелке ранен, не подтвердилось.

[3] Хоронили Гайдара по приказу гитлеровцев путевой обходчик И. Т. Сорокопуд и двое его соседей из числа военнопленных, отпущенных фашистами домой. Было это, примерно, в полдень, когда немцы еще продолжали прочесывать лес на окраине села, надеясь найти остальных партизан. Естественно, что батальонный комиссар Попов с бойцами присутствовать на похоронах Гайдара не мог.

[4] Принадлежность Топчего к партизанскому отряду не установлена.

Марк Прокофьевич *Лысенко* — см. прим. 7 к письму Д. С. Ваченко.

Филимон *Шаповал* — второй секретарь Гельмязевского райкома партии, боец отряда. Дезертировал во время боя у лесопильного завода. Дальнейшая судьба его не установлена.

17

В. И. СКРЫПНИК

⟨г. Гайсин, 21 июня 1963 г.⟩

...Выходя из окружения ⟨...⟩, я с несколькими товарищами, фамилии которых я уже позабыл, наткнулся недалеко от села Леплява на партизанский пост отряда Горелова. После расспросов и проверки документов бойцы отряда согласились провести нас в отряд. Познакомившись с командиром отряда Гореловым и комиссаром тов. Ильяшенко, я решил остаться вместе с товарищами в партизанском отряде.

Отряд в то время по своей численности был небольшой, примерно, 30—40 человек [1]. В скором времени я близко познакомился с Андрианом Степанцом [2] и другими. Впоследствии я часто бывал в доме Андриана. Там всегда нас встречали с большой радостью.

Примерно, в десятых числах октября 1941 г. в отряд прибыла еще одна группа товарищей, в которой находился и Аркадий Петрович. Так судьба меня свела с таким прекрасным товарищем, писателем, каким был Аркадий Петрович.

В свободное от заданий время, сидя в землянке, Аркадий Петрович очень много рассказывал нам, я имею в виду молодежи, которая была в отряде, о гражданской войне, участником которой он был. Он многому нас учил во время проведения операций.

Аркадий Петрович пользовался большим авторитетом не только у нас, рядовых партизан, но также и у командира отряда и комиссара.

Хочу сказать, что командир и комиссар очень оберегали Аркадия Петровича. Старались как можно меньше посылать его на задания. Это даже злило Аркадия Петровича, и если он решил идти на задание, то этому воспрепятствовать не мог никто.

ПАМЯТНИК А. П. ГАЙДАРУ

Установлен на могиле Гайдара в г. Каневе, куда в 1947 г. был перенесен прах писателя

Фотография Б. Камова, 1962

Собрание Б. Камова, Москва

Аркадий Петрович в своих беседах с партизанами часто и даже очень часто вспоминал своего сына Тимура и жену. Он мечтал дожить до того дня, когда окончится война и он сможет быть неразлучно с ними.

Отряд Горелова делал очень много вылазок, громил немецких захватчиков, как только для этого представлялся удобный случай. Случайностей у нас не было, все продумывалось от начала до конца.

Насколько мне позволяет память, постараюсь описать бой у лесопилки.

Наш лагерь, в котором мы жили, находился, примерно, в 3—4 километрах от лесопилки. Там мы всегда выставляли посты, так как считали это главным направлением, откуда мог появиться противник. В один из дней, примерно, в 12 часов дня, комиссар отряда Ильяшенко с тремя партизанами отправился на проверку постов [3], а партизаны отряда в это время находились на отдыхе после ночной вылазки.

Идя к месту расположения постов, группа партизан во главе с Ильяшенко наткнулась на немцев, которые двигались со стороны лесопилки к партизанскому лагерю.

Началась перестрелка, комиссар и два партизана были убиты. Один из оставшихся партизан добрался до лагеря и сообщил о случившемся. Весь отряд был поднят по тревоге и занял оборону.

Вскоре между деревьями замелькали фигуры немецких солдат. Стрельбу не открывали, стараясь подпустить их поближе, чтобы бить уже наверняка. По грубому подсчету, на лагерь двигалось около трех рот солдат, окружая нас с трех сторон.

Отряд к этому времени уже имел около 70 человек личного состава.

Так завязался неравный бой, который длился почти до потемнения [4]. Много партизан было ранено, были и убитые. Все дрались до последнего патрона. Не умолкали пулеметы на флангах. Однако устоять против численно превосходящего врага не удалось. Видя сложившуюся обстановку, командир отряда приказал группами отходить за болото [5], дорога по которому нам была хорошо известна. За болото были унесены также и раненые.

В результате проигранного боя отряд разделился на две группы: одна под командованием Горелова и вторая под командованием Аркадия Петровича [6]. Я оказался во второй группе, то есть в группе Гайдара. Так в основном закончился бой за партизанский лагерь у лесопилки.

В этом бою Аркадий Петрович вел себя как знающий дело партизан. Он отступил из лагеря последним со своим пулеметом, который удерживал немцев на левом фланге.

Теперь постараюсь рассказать, при каких обстоятельствах погиб Аркадий Петрович Гайдар.

Отряд под командой Аркадия Петровича расположился в отдельной роще возле одной из деревень, примерно, в 10—15 километрах от Леплявы. В ночь на 26 октября группа в количестве пяти человек, в том числе Аркадий Петрович и я, направились с нового места расположения части отряда к старому лагерю с целью разведать старую базу отряда, а также узнать, где находится вторая часть отряда [7].

Добрались ночью до Леплявы, потом до старой базы. Убедившись, что в лагере никого нет, мы там запаслись продовольствием и на рассвете 26-го добрались обратно на окраину Леплявы. Сели недалеко от железнодорожной будки перекурить. Кроме того, решили зайти к будочнику и попросить немного картошки. Вызвался идти за этим Аркадий Петрович. Он только поднялся, и сразу мы услышали: «Ребята, немцы!» Немцы открыли стрельбу. Аркадий Петрович упал.

Мы забросали немцев гранатами, но вынуждены были отходить в разные стороны. Начался отход со стрельбой. Я с одним партизаном[8] достиг опушки леса, где и пришлось ждать до вечера.

Вечером мы вдвоем вернулись к месту боя и там узнали все подробности: Гайдар убит, два других партизана были тяжело ранены, их подобрали немцы и увезли в Гельмязево. Будочник и его жена рассказали нам, что немцы после стычки забрали у Аркадия Петровича документы, забрали также и его сапоги. Хозяин по приказанию немцев вырыл могилу, куда был положен Аркадий Петрович [9].

Чтобы убедиться, кто именно погиб, мы спросили хозяина и хозяйку, не осталось ли что-либо от убитого. Хозяйка вынесла из другой комнаты шапку-ушанку с коричневым мехом. Это была шапка Аркадия Петровича.

Шапку как реликвию мы забрали с собой и впоследствии отдали командиру партизанского отряда тов. Горелову. Какова дальнейшая судьба шапки, мне неизвестно.

Не помню точно, через сколько дней мы опять пришли к месту гибели Аркадия Петровича, разровняли могилу, и больше мне там быть не пришлось ⟨...⟩ [10].

С уважением В. Скрыпник

Василий Иванович *Скрыпник* — лейтенант 3 отдельного мостового батальона 37 армии. Попав в окружение, стал бойцом партизанского отряда Ф. Д. Горелова. В настоящее время — инженер.

[1] Численность отряда Горелова к началу октября 1941 г. достигала, примерно, 60 человек.

[2] Андриан Алексеевич *Степанец* — см. прим. 2 к письму А. Ф. Степанец.

[3] Бой у лесопильного завода начался на рассвете 22 или 23 октября. Сначала раздались два винтовочных выстрела. В связи с этим комиссар М. И. Ильяшенко с партизаном А. Т. Дороганом отправились в разведку. Они установили, что немцы прибыли на нескольких автомашинах. Возвращаясь в лагерь, разведчики натолкнулись на вражеский дозор. Комиссар был убит.

[4] Партизаны отступили, примерно, в полдень.

[5] С одной стороны к лагерю примыкало топкое болото. Фашисты, зная это, попытались оттеснить партизан к нему, чтобы бойцы вынуждены были либо сдаться, либо утонуть. Партизаны незадолго перед тем, предвидя возможность окружения, спилили старую толстую сосну и перебросили ее через топь. По этой сосне, когда был отдан приказ отходить, бойцы и перебрались через болото.

[6] После боя поздно вечером партизаны пришли в Лепляву, в хаты А. А. Степанца и И. Ф. Касича. Некоторые бойцы из местных жителей решили разойтись по окрестным селам, где у них были родные и знакомые. Остальные, среди них Гайдар, решили продолжать борьбу.

Командир отряда Горелов заявил, что он с несколькими бойцами отправится на поиски другого партизанского отряда или, в крайнем случае, подходящего леса, где можно будет создать новую постоянную базу. Остальным он приказал дожидаться его возвращения или распоряжений через связного во временном, «аварийном», лагере близ села Прохоровка. Командиром той части отряда, которая направлялась в сторону Прохоровки, на время отсутствия Горелова был назначен Гайдар.

[7] Скрыпник имеет в виду ту часть отряда, которая во главе с начальником штаба Тютюнником после боя у лесопильного завода направилась в сторону Днепра (см. подробнее письмо И. С. Тютюнника).

[8] Этим партизаном был лейтенант С. Ф. Абрамов — см. письмо С. Ф. Абрамова и примечания к нему.

[9] Говоря о том, что в той же стычке были ранены двое партизан, Скрыпник ссылается на Сорокопуда. Но Сорокопуд, с котоорым удалось побеседовать, этого не подтверждает, как не подтверждает этого в Лепляве никто, с кем приходилось говорить, в том числе колхозник Опанас Максимович Касич.

О. М. Касич был свидетелем приготовлений немцев, ожидавших партизан. Гитлеровцы расположились возле тропы, что вела в Прохоровский лес, на рассвете, очень близко от тех сосен, где остановились на привал пятеро бойцов. Гитлеровцы, надо полагать, слышали весь их разговор под соснами и не открывали огня только потому, что, видимо, не понимали, зачем остановились эти пятеро и не ждут ли они кого-нибудь еще. Предупреждающий крик Гайдара лишил гитлеровцев главного их преимущества — внезапности. Он помешал противнику скосить бойцов одной пулеметной очередью. Погибая, Гайдар спас товарищей.

[10] См. прим. 11 к письму А. Ф. Степанец.

ВОЕННЫЙ ПУТЬ Э. Г. КАЗАКЕВИЧА

Публикация Г. О. Казакевич и В. Л. Любельского

Я долго шел дорогой крови
И я пришел с моей Россией.

Из стихотворения Казакевича «Голландской девушке»

Появление повести «Звезда» вызвало интерес к жизненному и творческому пути Эммануила Генриховича Казакевича (1913—1962).

В январе 1948 г. Эльза Триоле и Луи Арагон в одном из писем к Л. Ю. Брик сообщали о своем намерении напечатать перевод «Звезды» в журнале «Europe» и выразили при этом пожелание: «Интересно было бы получить биографию Казакевича, кажется, довольно необычную».

Выступая на обсуждении повести в Союзе писателей, К. Г. Паустовский сказал: «Казакевич, очень интересный поэт, пришел в прозу с такой зрелой во всех отношениях вещью, и очень хотелось бы узнать, как это произошло».

Казакевич часто говорил: «Тянет иногда писать о себе. Но это когда-нибудь потом, в старости, если она наступит». В 1959 г. он набросал план автобиографической повести. В нем подробно отмечены все вехи его жизни, включая и военный период:

«22 июня 1941 г. Ополчение. Данин. Вильмонт. Шалва Сослани. Стрельченко. Интеллигенты и рабочие. Хлеб. Одиночество. Гурштейн. Винер. Отдельный отряд Особого отдела. Деревня. Лейтенант Раевский. Курсантский полк. Разведка. Первый бой. Мишино. На реке Гжать. Контузия. Отступление ⟨...⟩ Ночь перелома. Лейтенант в немецкой плащ-накидке. Ночью на позиции ⟨...⟩ Летчиков оставили ⟨...⟩ Машины с фикусами ⟨...⟩ Владимир. Выдриган. Шуя. Вступление в партию ⟨...⟩ Пакин. Измалков ⟨...⟩ Отъезд на фронт ⟨...⟩ Возвращение. Встреча с Выдриганом. Штаб МВО. Возвращение на фронт ⟨...⟩ Мое умение быть внешне веселым, а в душе безмерно печальным. Умение не кланяться снарядам. Барыкин. ⟨...⟩ „Задумчивая обезьяна“ ⟨название поэмы, законченной после войны.— *Ред.*⟩. Ночной поиск. Бездельники от разведки. Дневной поиск ⟨...⟩ Медаль «За отвагу» ⟨...⟩ Запрос военной прокуратуры ⟨...⟩ Поход по Западной Украине. Я верхом. Орлик. Ружин. Миляновиче ⟨...⟩ Возле Ковеля. Взятие Ковеля. Ранение Выдригана ⟨...⟩ Ночевка на мине. Заминированный мир. Разведка боем. Форсирование Буга. Мое зрение ⟨...⟩ Эвакогоспиталь ⟨...⟩ Безрукий красавец. Санпоезд ⟨...⟩ Штаб СибВО. Омск — резерв. „Сын Звезды“. Отъезд. Москва. Тарасенков. Поездка на фронт. Штаб армии. Наступление на Варшаву ⟨...⟩ Преследование противника. Германия. Одер ⟨...⟩ 2 мая. 9 мая ⟨...⟩»

До войны Казакевич был, как говорится в просторечии, белобилетником: в 1935 г., когда его сверстники призывались в армию, комиссия признала его негодным к военной службе. Это его несказанно огорчило. Он ходил к военным начальникам, просил взять его в армию, писал письма в воинские инстанции; по его просьбе, отец, бывший тогда редактором областной газеты «Биробиджанская звезда» и членом бюро обкома партии, ходил к начальнику воинского гарнизона товарищу Рохи. Но из всех этих хлопот ничего не вышло: зрение у Казакевича было минус восемь и минус десять — без очков он почти ничего не видел.

Э. Г. КАЗАКЕВИЧ
Фотография А. Л. Лесса. Москва, 1948
Собрание А. Л. Лесса, Москва

Когда началась война, Казакевич 3 июля 1941 г. записался в народное ополчение и 10 июля ушел на войну. Вышло так, как он писал в одном стихотворении:

И номер стрелковых дивизий
Заменит квартирный уют.

Так началась военная жизнь писателя, о которой он потом скажет: «Не будь этого, я бы, вероятно, не смог написать „Звезду“ и, пожалуй, „Весну на Одере“».

Настоящая публикация ставит своей задачей осветить военный период в жизни Казакевича — со времени его ухода в народное ополчение и до момента демобилизации. Большинство публикуемых материалов извлечено из личного архива писателя; некоторая часть документов — из Архива Министерства Обороны СССР (все они отмечены знаком *). Все письма, включенные в публикацию, печатаются в сокращении или в отрывках. В связи с этим знаки пропуска в начале и в конце печатаемых отрывков даются только в тех случаях, когда начальная или заключительная фраза приводится неполностью. Письма к жене и детям даются без указания адресатов.

1941

СССР
Союз советских писателей
Правление

10 июля 1941 года

Справка

Тов. Казакевич Эм. Генр. состоит в народном ополчении.

Отв. секретарь оборонной комиссии М. Бахметьева

⟨Июль 41 г.⟩

В строю и в учебе чувствую себя, как прирожденный солдат [1]. Обо мне не беспокойся — я здоров, как бык! Сохраняй полное самообладание и спокойствие — врага мы разобьем обязательно. И как ни будет трудно и горько, и какие бы ни были на первых порах поражения и отступления — верь в победу, как верю в это я.

И тогда начнется жизнь!

В сердце горит светлый огонь,
И всё мне ясно, всё в светлом сиянии —
Если жить, то *только* в новом мире;
Если умереть, то умереть за то, чтобы он был [2].

[1] В это время Казакевич был рядовым 22 сп 8 Краснопресненской дивизии Московского народного ополчения.

[2] Подстрочный перевод четверостишия, написанного Казакевичем на еврейском языке.

⟨Кунцево, 20.7.41⟩

...всё в порядке, и я даже получил за хорошую работу благодарность перед строем части. Я здоров, чувствую себя прекрасно. Моральное состояние хорошее у всех. Едем в поезде, запевалой — я ⟨...⟩ Как только сумею — сообщу адрес. Пиши тогда почаще, умоляю тебя. Я тоже буду писать часто.

⟨Глазово, Моск. обл. 22.7.41⟩

Пишу с дороги. Всё в порядке, настроение бодрое. Опять адреса еще нет, но будет вскоре. Чувствую я себя хорошо. Боец я, оказывается, хороший. Коллектив спаянный.

Будь сильна и уверена. От твоего спокойствия в большой мере зависит и моя сила.

24.7.41

Я здоров и крепок. Адреса у меня еще нет, мы всё в переходах. Сейчас на стоянке пользуюсь случаем отослать эту открытку.

25.7.41

Нам дали, наконец, адрес, и я пишу тебе с некоторой уверенностью, что получу ответ. А весточку от тебя я так хочу иметь, как никогда раньше.

Никаких подробностей я тебе, конечно, писать не могу. В трех словах: я жив, здоров, бодр. ⟨...⟩

Тут много милых людей ⟨...⟩ Только тут по-настоящему узнаются люди. И сам себя я узнаю заново и пока что остаюсь доволен.

⟨Уваровский р-н Моск. обл., 1.8.41⟩

Теперь мой адрес опять изменился, сообщаю тебе его и прошу тебя, милая, часто писать. ⟨...⟩

Мой адрес: Полевая почта № 527, п/я 33, литер 8.

⟨14.8.41⟩

... адрес снова изменился ⟨...⟩, сообщу на днях. И прошу, бесконечно рад буду получить от тебя вести. ⟨...⟩ Здоров, крепок, уверен в себе. Хорошо стреляю...

⟨15.8.41⟩

Совершенно неожиданно изменился мой адрес. Еще недавно я был назначен комсоргом нашей роты и затем последовал вызов. Я быстро распростился с товарищами и новоприобретенными друзьями и выехал. Мой теперешний адрес: Действующая армия, полевая почта 571, особый отдел НКВД-32 [1].

Настроение мое вполне хорошее, чувствую себя превосходно ⟨...⟩

Хочу перейти работать в разведку. Если удастся — хорошо. А впрочем — хорошо и так. Главное быть уверенным, всегда бодрым и мужественным.

Здесь сила воли подвергается решительному испытанию. Пока я испытание выдержал. В активе у меня — две благодарности и,— правда, несбывшееся — назначение комсоргом роты. Что ж! Для начала не плохо. ⟨...⟩

Писать нет времени, а иногда, в свободную секунду, очень хочется опять взяться за Колумба, старого друга [2]. Но кто знает, когда до этого дело дойдет. Надеюсь — скоро.

[1] В августе 1941 г. Казакевич короткое время находился при штабе 32 армии.

[2] Перед войной Казакевич писал трагедию в стихах о Колумбе, под названием «Адмирал океана», киносценарий о Моцарте, книгу новелл, стихи.

СЕСТРА

Шуре Девяткиной

Сегодня бой, как и вчера,
И рядом мины рвутся снова,
Но вдруг становится тепло вам
От слова нежного «сестра».
Она проходит между нами
В зарницах боевых ночей,
Как меж большими валунами
Прозрачный благостный ручей.
И пусть трепещет в ветре хвоя,
И индевеет пусть кора,
Но с нами верная сестра,
Которая на поле боя
В разрыве бешеном «ура!!»
Не сдаст, не бросит, не забудет,
Согреет в стужу, в зной остудит,
И в мглу осенних вечеров,
И в всплески боевого грома
Внесет и бодрость и любовь,
И теплый, нежный запах дома.

Сентябрь 41 г., 39 сп, Зап. фронт

Это стихотворение посвящено Казакевичем медсестре Шуре Девяткиной, служившей с ним в одном полку.

В сентябре 1941 г. Казакевич был направлен на краткосрочные курсы по подготовке младших командиров и попал в учебную бригаду Западного фронта. Вскоре началось тяжелое время отступления, и учение проходило вперемежку с боями. Вот

что рассказывает об этом времени Н. М. Кулагин, доцент Московского авиационно-технологического института:

«Это было 6 октября. Мы выгрузились под Гжатском в районе села Покрова. Началась артподготовка. Мы наспех окопались и открыли огонь по противнику. В кустарнике, на косогоре, со станковым пулеметом действовал Казакевич. Нам было трудно. Нас жали назад. Нас обстреливали с самолетов, из минометов и пулеметов. Мы несли большие потери. Ночью Казакевич с группой бойцов ходил в разведку, а утром, когда бой возобновился, я снова видел Казакевича, выпускающего очередь за очередью из станкового пулемета. В последние часы, когда кончился запас лент, я видел бешено метавшегося на линии боя Казакевича с автоматом и гранатами. Бригаду разбили, бойцы группами, отстреливаясь, отходили на восток. В этой суматохе я потерял из глаз своего друга».

Этот рассказ Н. М. Кулагин передал жене Казакевича в собственноручной записи.

В последующем бою у д. Мишино 8 октября 1941 г. Казакевич был контужен.

⟨Владимир, 4 декабря 41 г.⟩ [1]

Получил только что открытку от Секунды [2] с этим адресом. Пишу, авось, получишь. Я жив, здоров. Пуля меня пока не брала, надеюсь, что и дальше так будет. Как я хочу вас видеть ⟨...⟩ Хотя бы получить письмо![3]

[1] К этому времени учебная бригада Западного фронта была переименована в 4 курсантскую запасную стрелковую бригаду и переведена под Владимир.

[2] Фамилия соседки по квартире.

[3] Жена Казакевича с больными детьми находилась три месяца в Андижане в больнице, и связь с семьей у него временно была потеряна.

⟨4.12.41⟩

Очень хочу вас видеть. Надеюсь, что это вскоре сбудется, когда погоним немцев.

Забрала ли ты с собой мои бумаги? Они еще пригодятся. Я уверен.

26.12.41

В Ташкент я вам отправил много писем, но ответа не получил. Впрочем, я так привык к этому за время войны. ⟨...⟩

В свободное время — о, как его мало! — пишу русские стихи, одно, новогоднее, послал сегодня в «Правду», правда, без надежды на то, что его напечатают, потому что при работе почты оно прибудет в Москву после 1 января 1942 г. и, следовательно, не подойдет. ⟨...⟩

Я не отослал письмо и за это время в моей жизни случились некоторые изменения. Выяснилось, что мой адрес изменился мало ⟨...⟩ Живу в городе после шести месяцев полевой жизни.

1942

15. 1. 42

Я всё еще не имею от тебя писем ⟨...⟩ Но я пишу — я уже привык к этому безрадостному писанию писем на авось.

Я здоров. В свободное время — а его у меня теперь гораздо больше — пишу пьесу под заглавием «Сон в декабрьскую ночь» — о нашей войне. Таким образом, мое свободное время делится на две части — на пьесу и на думы о вас. Вторая часть занимает, пожалуй, больше времени и стоит бо́льших мучений. Как вы устроены, с чего живете — эти вопросы неотступны. Пиши, пиши и пиши. ⟨...⟩ Пробуду здесь я не меньше месяца. ⟨...⟩

В ближайшие дни я, вероятно, получу довольно ответственное назначение в нашей воинской части, тогда напишу. Возможна в ближайшие же дни моя поездка в Москву на несколько дней. О, если бы вы там были,

дорогие. Но вы страшно далеко. Все равно, когда я вернусь с войны — а я постараюсь вернуться — мы «набудемся вместе».

⟨Январь, 1942⟩

...если твой адрес, сообщенный мне Секундой, верен, пошли немедленно ответ. Я так жажду получить от тебя хоть несколько слов.

Я получил звание лейтенанта, назначаюсь адъютантом командира полка, подполковника Выдригана[1], который меня очень полюбил, как, впрочем, и я его. ⟨...⟩

Через два-три дня я (наконец) еду в Москву — в командировку. ⟨...⟩

Итак, как видишь, я «в чинах». В Москве обязательно сфотографируюсь и пошлю тебе фотографию — пусть хоть детки посмотрят на своего папу-лейтенанта.

⟨...⟩ как тяжело, что вы все так далеко и я не могу вас увидеть, пока я в тыловой части. Придется, значит, увидеться после войны. Зато, увидевшись, мы устроим большущий праздник. Итак — жди и надейся — вот девиз.

Ехать в Москву мне, несмотря на ваше отсутствие, хочется очень. Я в армии только увидел, как люблю я этот город.

[1] Захар Петрович *Выдриган*, ныне генерал-майор в отставке, сыграл большую роль в военной биографии Казакевича. Казакевич писал о нем: «Выдриган был бесстрашным командиром, которого любили и высоко ценили подчиненные ему военнослужащие, а также его начальники, в том числе такие, как маршал Рокоссовский, генерал-полковник Крылов, генерал-полковник Попов, генерал-полковник Гусев и др. Мы, разведчики, особенно ценили т. Выдригана как справедливого и храброго начальника, для которого советский военный долг был превыше всего. Опытный военный, прошедший три войны, раненный шесть раз, старый член партии, он во многом являлся для нас образцом советского командира. В моих произведениях — повести „Звезда" и романе „Весна на Одере" — Захар Петрович Выдриган частично изображен в образах полковника Сербиченко („Звезда") и генерал-майора Тараса Петровича Середы („Весна на Одере"). Немало моих сослуживцев по дивизии узнали т. Выдригана в этих литературных героях».

Д. С. ДАНИНУ[1]

2.2.42

Дорогой друг! В Москве, где я был в командировке, я узнал от Рунина, Фурманского, Маргариты Алигер и других друзей, что ты жив, здоров и работаешь (наконец!) в газете. Что касается меня, то я жив и не работаю в газете. Я — лейтенант и назначен адъютантом командира полка — замечательного, кстати, человека. С учебной бригадой, куда я уехал от лейтенанта Раевского, я участвовал в боях и отходах. Все это тебе приблизительно известно. Я при отходе командовал взводом и вообще вел себя довольно хорошо. Много думал о тебе и твоей судьбе. Ясно представлял себе тебя, выбирающегося из окружения, что ты при этом говоришь, делаешь, думаешь и т. д. А Гроссман? [2] Я предполагал, что он не выберется. Напиши мне, что с ним. Напиши также, что тебе известно о судьбе Шуры Девяткиной. Я часто думал о ней.

[1] Даниил Семенович *Данин*, писатель, был в народном ополчении.
[2] Борис *Гроссман*, критик, погиб в окружении осенью 1941 г.

Д. С. ДАНИНУ

5.3.42

Даня, дорогой! Наконец-то я получил от тебя письмо, и 3 марта 1942 г. выяснилось, что самые дорогие мне люди живы и здоровы. До этого времени твое молчание было пробелом в этом списке. ⟨...⟩

«Смутное влеченье чего-то жаждущей души» [1] осталось, но оно не столь остро, как бывало. Должен тебе сказать, что в октябре и ноябре я думал о тебе много, представляя себе, как это произошло *у тебя*. Что

касается Бориса Гроссмана, я был почти уверен, что с ним будет так, как, вероятно, и было. Но и теперь я почти уверен, что он как-нибудь явится. Мне вообще иногда кажется (вероятно, потому, что я остался в живых), что всё — игра какого-то хитренького бога, который забавляется, заставляя людей играть в прятки. И хотя многие исчезают, но скоро они явятся, запыхавшиеся, радостные и гордые, рассказывая были и небылицы.

Правда, к Гурштейну это не относится. И к Крымову это не относится. И, вероятно, ко многим это не относится. Но это уже недоразумение. Они просто, заблудившись, нашли лучшее место для жилья, что ли. Может — там цветы, весна, чёрт его знает. А может — и они еще явятся. Ну, хватит.

Шуру Девяткину я бы очень хотел видеть. Ты не можешь даже представить себе, как она не выходит у меня из головы. Мне тяжело представить себе, что произошло, если она оказалась в плену. Это почти, как любовь, и, конечно, не любовь, а сожаление. И еще что-то.

Мне писали из Чистополя, что Борис Пастернак переводит «Ромео и Джульетту». Я написал моему адресату о нашей любви к Б⟨орису⟩ Л⟨еонидовичу⟩ и о том, как мы в условиях тяжелейших как-то утешались его стихами, и просил передать ему это. Пусть будет рад, что и он пригодился на войне. ⟨...⟩ Кто работает с тобой в газете? [2]

[1] Из стихотворения А. С. Пушкина «Когда б не смутное влеченье чего-то жаждущей души...»

[2] Данин тогда работал в газете 32 армии «Боевой путь».

⟨ШУРЕ ДЕВЯТКИНОЙ⟩

Тот ветер, могуч и неистов,
Что слабым не даст и вздохнуть;
Та сила, что жен декабристов
Послала в сибирскую жуть;
То пламя, что избранных метит,
Та нежность и твердость в борьбе,—
Та сила, то пламя, тот ветер,
Та твердость и нежность — в тебе.

Д. С. ДАНИНУ

Шуя, 14.3.42

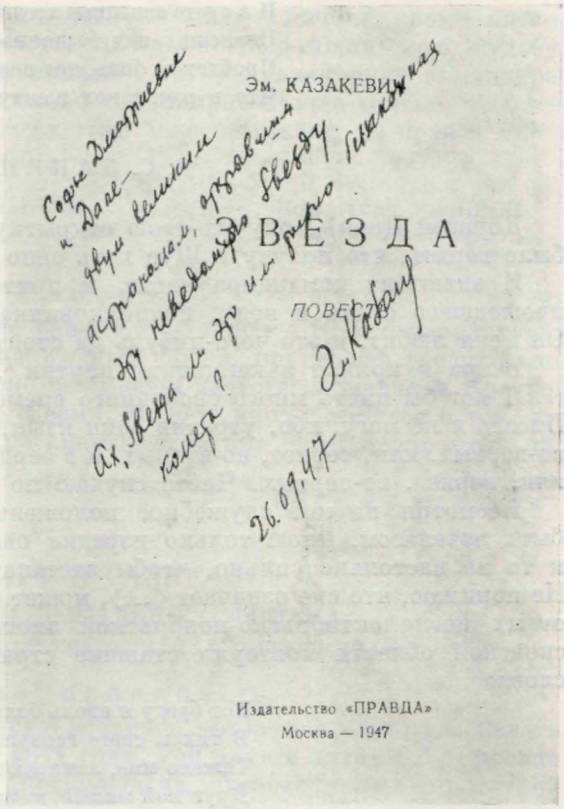
Дорогой Даня! На обороте мой новый адрес. Пиши мне часто. ⟨...⟩ здесь я и пробуду до весны, а там и опять на фронт пора. ⟨...⟩ Хорошо бы было работать в редакции вместе. Но, к сожалению, это пока невозможно. Может быть — когда-нибудь после войны.

Шуя, 21.3.42

Чувствую я себя хорошо и искренне доволен, что я в армии и посильно помогаю борьбе с противником. Особенно это чувство укрепилось во мне после пятидневного пребывания в Москве. Я видел там постаревшего и почти потерявшего свой апломб М., еще красивого, но похожего на фейхтвангеровского Зюсса после его покаяния. Кстати, должен тебе сказать, что отъезд О. из Москвы меня удивил — я думал, что песковская свинья его удержит там, несмотря на всё. Но страх оказался сильнее даже свиньи. Нет, каждый мыслящий человек должен теперь быть в армии, если только он не женщина и не баба.

Конечно, иногда безумно тянет к своим писаньям — ведь все-таки я писатель, чёрт возьми! Тянет к Колумбу, которого я чувствую иногда где-то возле себя даже своим обонянием, тянет к Моцарту и к десяткам

«ЗВЕЗДА»
Первое отдельное издание повести Э. Г. Казакевича.
М., изд-во «Правда», 1947
Титульный лист с дарственной надписью автора первому редактору «Звезды» С. Д. Разумовской и Д. С. Данину, 26 сентября 1947 г.
Собрание Д. С. Данина, Москва


Эм. КАЗАКЕВИЧ
ЗВЕЗДА
ПОВЕСТЬ
Издательство «ПРАВДА»
Москва — 1947

недописанных поэм и пьес. Не хватает той внутренней интенсивной жизни, которой я жил последние несколько лет до войны. Но я надеюсь на скорое окончание войны, и тогда мы повоюем с пером в руке с могучими призраками, осеняющими меня и теперь перед тем, как я засыпаю. И на бумаге еще ярче и сильней (от долгого воздержанья) расцветут образы ⟨...⟩

Предназначенное расставанье
Означает встречу впереди [1].

Но больше даже, чем с великим генуэзцем и неаполитанским рыбаком (помнишь этот сюжет, пришедший ко мне в последнее время перед войной), мне хочется встретиться поскорее с тобой, с Женичкой, с Ляличкой, с вами — моей плотью и кровью. Что ж? Будет и это.

[1] Из последнего стихотворения С. Есенина. В стихотворении не «означает», а «обещает».

23.3.42

Галечка, милая, посылаю тебе написанные мной вчера ночью стихи. Оцени в них некоторую зрелость выражения чувств.

Стихами человек заговори,
И боль, хоть не пройдет, но станет сразу
Подобна трезвой тяжести вериг,
Доступна уху и приметна глазу.

Вот так святой водой огонь гаси
И к гнездам строф неси обрывки речи,
Соломинки от боли принеси
В окровавлённом клюве, человече.

И в суете свиванья хрупких гнезд,
Повисших над бездонностью колодца,
Пройдет та боль, тот некий злой нарост,
Что в раковинах жемчугом зовется.

Д. С. ДАНИНУ

Шуя, 29.3.42

Дорогой Даня! Получил твою открытку только что. Я уже перестал было верить, что получу в Шуе хоть одно письмо. ⟨...⟩

Я адъютант командира части, и притом — командира прекрасного, прошедшего огонь и воду, подполковника, достойного быть генералом. Он меня любит, и это чего-нибудь да стоит.

Вчера я принят в кандидаты партии [1].

Я мог бы иметь много свободного времени, но оно бы тяготило меня. Писать я не могу, ибо, утратив один язык, я не обрел еще другого — это во-первых, или, вернее, во-вторых, и в сердце пустовато — это во-вторых, или, вернее, во-первых. Часто скучаю по своим девочкам. ⟨...⟩

Несмотря на мое служебное положение, обязывающее по традиции быть ловеласом, мною только изредка овладевают греховные желания, и то не настолько сильно, чтобы заставить меня быть активным. ⟨...⟩ Не понимаю, что сие означает ⟨...⟩, может быть, необходимое отупение — отдых после октябрьско-ноябрьской эпопеи, когда я по дорогам Московской области повторял ставшие страшно актуальными тютчевские слова:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, видишь ли меня?[2]

Думаю, что это пройдет вскоре.

Что касается Шуры Девяткиной, то я ⟨...⟩ ищу ее имя во всех газетах, особенно в списках награжденных. Ты наверно помнишь, что в Семлеве, на погрузочных работах, я напророчил ей орден Красной Звезды. И так как в глубине души я верю, что я пророк, я, естественно, ищу подтверждения моим предсказаниям.

Когда я был в Москве, я видел Рубинштейна, Фурманского, Алигер, видел М., постаревшего ⟨...⟩, видел выложенного шпалами С. И я начал подозревать, что мне, молчаливому поэту, не пишущему писателю, лучше, чем им. Что-то накапливается в сердце и не разбрызгивается понапрасну в поневоле пустых, ибо незрелых, словах. ⟨...⟩

Иногда я начинаю тосковать по моим писаниям, особенно по трагедии о Колумбе, которую я оставил недописанной в буйном цвету, 21 июня 1941 года. Будь со мной ты, я стал бы писать пьесу — есть у меня замысел, называется «Неаполитанский рыбак» — может быть, совместно с тобой. Но один я не могу приняться за что-либо, мне перестало хватать для этого двух глаз, двух ушей, двух рук. Но я думаю, что это пройдет, и я начну писать, в конце концов.

[1] С 28 марта 1942 г. Казакевич стал кандидатом в члены ВКП(б) с годичным стажем.
[2] Из стихотворения Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.».

1.4.42

Как живут девочки? Как я хочу их видеть — это трудно описать. Работаю я много — с семи утра до двенадцати ночи ⟨...⟩ Живу хорошо, одет, как подобает человеку в моей должности,— с иголочки, и когда б не забота о вас, мои милые жена и дети, я был бы почти счастлив, насколько

это возможно для писателя, который не пишет ничего, кроме писем. Но если ты будешь писать часто, ты сильно облегчишь мою судьбу.

Что такое адъютант — тебе понятно: это — правая рука командира. Его слово воспринимается как слово командира. Нужно только, чтоб это было дельное и умное слово. А за этим дело не станет, не правда ли?

* От адъютанта командира 354 КЗСП
младшего лейтенанта
Казакевича Э. Г.

Командиру 354 КЗСП
подполковнику
З. П. Выдригану

Рапорт

Узнав о том, что вы подаете рапорт командиру 4 КЗБ о направлении вас в Действующую армию, на Южный фронт, прошу вас убедительно: возьмите с собой и меня. Высоко ценя ваши качества командира Красной Армии, я хочу быть на фронте с вами. Можете не сомневаться в том, что я готов на любые невзгоды и на смерть, если она будет необходима для победы.

Эм. Казакевич

27.4.42, Шуя

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

СЦЕНАРИЙ МУЗЫКАЛЬНОГО ФИЛЬМА

НАВЕЯН МАЛЕНЬКОЙ ТРАГЕДИЕЙ А. С. ПУШКИНА

Предисловие

Сценарий этот имеет некоторую историю, которую следует рассказать.

Незадолго до войны, в мае 1941 года, мой друг и зять З. А. Гуревич, голова которого была полна прекрасными литературными проектами, встретил меня на пороге своей темной комнатушки в Москве, в Сокольниках, и предложил написать сценарий на тему пушкинского «Моцарта и Сальери». Я охотно согласился ⟨...⟩ Впрочем, я очень сомневался, что этот сценарий будет написан и тем более принят, но творческая сила играла во мне и я бы взялся тогда взгромоздить Оссу на Пелион, не только Пушкина — на экран.

В моде были музыкальные фильмы. Только что отгремел успех «Большого вальса», венский маэстро Иоганн Штраус стал любимцем колхозников и молодых ткачих, и несравненная Милица Корьюс в роли Карлы Доннер пленила москвичей.

Я запоем прочитал только что вышедшие американские сценарии Роберта Рискина, почерпнув из них поверхностные сведения о настоящем кино и хорошем киносценарии.

В берлинских штабах и на скале Берхтесгаденского безумца уже были до деталей разработаны все планы военного нападения на нашу Родину, но я не знал этого, и в Ленинской библиотеке стал читать всё относительно Моцарта и его жизни. Из страниц старых книг, из строк великого дилетанта Стендаля, из музыкальных умствований Ромена Роллана и Стефана Цвейга возник предо мной обаятельный образ Моцарта, как цветок, живой и трепещущий. Чего греха таить, я находил в этом гениальном ребенке свои собственные черты — странную смесь лености и необычайного трудолюбия, любви к разгулу и страсти к творчеству, скромности и чудовищного самомнения.

В пять дней я написал первые шесть эпизодов моего «Моцарта» и в воскресенье утром, 22 июня 1941 года, повез их в Москву (я жил тогда в Песках). В Москве узнал я о нападении Германии на Советский Союз.

Моцарт завял, не успев расцвести, в первых бурях Великой Отечественной войны. Безропотно вычеркнул я из памяти этот пленительный

образ, а 3 июля пошел добровольцем в Красную Армию. После боев, страданий, горечи отступления, после тысяч глубочайших переживаний, я очутился в городе Шуе, оттуда поехал в командировку в Москву, и у соседки в Сокольниках нашел рукопись своего сценария. У меня сжалось сердце при взгляде на эти уже успевшие пожелтеть листки. Стефан Цвейг к тому времени уже пустил себе пулю в лоб [1], а Ромен Роллан гибнет до сих пор в маленьком городке оккупированной немцами Франции.

С ликованием читал я в метро, в трамваях, на бульварах мою рукопись, и Моцарт встал передо мною опять, как живой.

Да, мне понравился мой сценарий. И если я сумею, я закончу его сейчас, как бы ни был он неактуален. Ибо война закончится, недостойные соотечественники Моцарта будут истреблены, а Моцарт останется вечно, пока солнце будет светить, а человеческое сердце чувствовать.

Эм. Казакевич

Май 1942 г.

[1] Стефан Цвейг вместе с женой отравился в 1942 г.

1 мая 1942 г.

Я в свободное время (как ни мало его у меня) продолжаю писать пьесу. «Сон в ноябрьскую ночь» она называется ⟨...⟩ [1]

[1] Эту пьесу Казакевич писал в Шуе и во Владимире; она, а также большинство дневниковых записей и стихов пропали: частью утонули при переправе через Западный Буг, частью во время боев и в передвижениях, остальное — когда Казакевич был ранен под г. Влодава и отправлен в эвакогоспиталь.

Выше, в письме от 15.1.42, эта же пьеса названа: «Сон в декабрьскую ночь».

20.5.42

...ты всегда была нова для меня и всегда близка. ⟨...⟩ Я только смутно вспоминаю, что когда-то, за что-то на тебя сердился,— но в памяти у меня — ты только хорошая, только родная, желанная, несмотря на семь лет совместной жизни,— и духовно близкая. Как дерево, я мог играть листьями с ветром — только листьями, предметом преходящим, но корнями я был в родной душистой почве, к ней привязан всегда и навсегда. Так я связан с тобой, как корни с почвой.

Я пишу это для того, чтобы дать тебе понять, как ты мне дорога, и как нужно мне, чтобы ты жила. И как важно мне, чтобы мы, пережив войну, зажили вновь — так, как прежде, но еще лучше. И чтобы то, что я могу и должен написать — а я могу очень много, у меня душа разрывается от неистраченных сил,— я написал с тобой и с Женичкой и с Ляличкой. ⟨...⟩ Ты знаешь, что я скуп на такие излияния, но если я уже скажу, то правду.

Д. С. ДАНИНУ

16.6.42

Даня, дорогой! Получил твое письмо. Рад, все-таки, что ты в армейской газете ⟨...⟩ У меня всё по-прежнему. На фронт еще не посылают, хотя пора бы уже, по совести говоря.

Хочу писать и, кажется, могу писать — пьесу, но нет времени и душевного спокойствия. Особенно последнего.

Владимир, 18.7.42

Я переехал на новое место ⟨...⟩ Я назначен заместителем редактора военной газеты [1]. Таким образом, меня, неожиданно для меня самого и без каких-либо просьб с моей стороны, вернули некоторым образом к моей довоенной специальности. Что ж, хотя и не хотелось уезжать от друзей в полку, но, вероятно, всё к лучшему.

Э. Г. КАЗАКЕВИЧ (справа) И ПОДПОЛКОВНИК З. П. ВЫДРИГАН

Фотография. Шуя, весна 1942 г.

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

Посылаю вам свою фотографию с командиром полка, с которым я был прежде.

[1] Газета «Боевые резервы» 4 КЗСБ МВО

14.8.42

Я себя неважно чувствую и не выхожу. В связи с имеющимся досугом перечитал твои два последних письма. ⟨...⟩ Меня еще раз рассмешил приведенный тобой в письме диалог Женички, Лялички и Аллочки о том, «старенький» ли я уже или еще молодой. Женичка показала себя романтической натурой, не лишенной фантазии. В противовес ей Ляличка — натура весьма уравновешенная, делающая свои умозаключения на основании голого опыта — чистая эмпиристка, рационалистка французской школы XVIII века. Ее слова о том, что «раз мама не стала старенькой, значит и папа тоже» — достойны барона Гольбаха. Аллочка, в силу своей большей зрелости, не удовлетворилась таким грубо-эмпирическим объяснением природы вещей, разъяснила вопрос уже скорей по-марксистски, с полным учетом существующих в данный момент условий классовой борьбы.

Но в общем наиболее зрелой, может быть, показала себя идеалистка Женичка, все-таки, несмотря на то, что ее философская концепция на первый взгляд и кажется кантиански-наивной. Но в ее словах — горький опыт человека, видевшего немало горя и ожидающего от жизни многих каверз даже вопреки логике вещей. «Не ищи логики в жизни!» — так мощным колоколом звучит философия шестилетней Гипатии (была такая женщина-философ в Александрии лет 1500 тому назад) — от нее, от жизни, можно ожидать любых неприятных сюрпризов.

Вот тебе маленький трактат о великом философском диалоге двух наших дочерей и племянницы, коих я крепко целую.

Ты спрашиваешь меня о положении на фронтах. Положение тяжелое, но не нужно ни в коем случае ударяться в панику. Побежден тот, кто чувствует себя побежденным,— справедливо говорил Клаузевиц. Это чувство не должно и не может быть у нас. Немца остановят и погонят. И это будет, и будет в нынешнем году. Я твердо надеюсь на это.

⟨Август 1942 г.⟩

Ты спрашиваешь о положении на фронтах. Что ж, Информбюро сообщает положение точно, как оно есть. Положение весьма тяжелое, но нет никаких оснований опускать руки. Наоборот, ведь нас воспитывали так: чем тяжелей, тем бодрей должен ты быть, твердо и уверенно делая свое дело.

Немец имеет большие успехи. И теперь главное для нашей армии — стойкость. Нужно выдержать последний отчаянный натиск немцев во что бы то ни стало. Это — девятый вал. Если мы выстоим — конец немцу. Думаю, что мы выстоим.

20.8.42

Сравнительно давно не писал, ибо был в командировках. У меня пока всё по-прежнему. Проходят уже последние летние дни, вскоре опять — осень. Перспектива, конечно, неважнецкая. Зато военно-политические перспективы улучшаются, несмотря на некоторые неудачи, преследовавшие нас на Юге. Держитесь крепко и ждите больших, радостных событий.

⟨Август 1942 г.⟩

Мой дорогой друг, моя милая Галечка! Получил твое сообщение о смерти отца. Меру моего сочувствия мне трудно выразить. Я только напомню тебе мою боль при потере своего отца в конце 1935 года. Такова

судьба людей: терять своих отцов, а затем умирать самим на горе своим детям ⟨...⟩

Я много разъезжаю и поэтому пишу тебе реже, чем мне хотелось бы. ⟨...⟩ Переписываю для тебя посвященные тебе стихи:

ВЛАДИМИРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Жене и другу Гале

Ты вновь со мной. Хотя бы и во сне,
В мечтаниях несбыточных хотя бы,
Но все равно приходишь ты ко мне,
И шепчут про тебя кусты и грабы,
И ночь сама на чуждой стороне,
Где жены жадны, а мужчины слабы.
Ты вся — со мной. Весь мир совсем иной,
Но ты все та ж, и ты опять со мной.

. . . . . .

Здесь древний город. Сколько женщин в нем!
Под липками осенними аукай —
И подойдут. И позовут в свой дом.
Но не с тобой,— так лучше уж со скукой.
На древних войнах били кистенем,
А нынче глушат сталью и разлукой.
Разлукою и сталью, и едва ль
Разлука не убийственней, чем сталь.

. . . . . .

Вот путь к тебе недальний на Восток.
На Западе ж — распятая Россия.
О, сколько солнц и лун пройдут свой срок!
Как бесконечен путь к вратам Батыя!
Пусть путь на Запад мрачен и далек —
Лишь Западом могу к тебе прийти я.
Быть может — шар земной я обогну в борьбе
И, обогнув, смогу дойти к тебе.

Мне всё равно, где встретишься ты мне, —
Под тополем, под липой или кленом,
И постареешь ли ты к той весне,
И будешь ли ты в белом иль зеленом...
Теперь ты мне являешься во сне,
Мы оба — вместе в будущем бездонном.
О, тяжкий сон, в котором я живу!
Лишь то, что будет,— будет наяву.

23.8.42

Во-первых — о положении на фронтах. Да, положение напряженное, но совершенно незачем впадать в неуверенность. Страх многих людей в тылу объясняется их неустойчивостью: зимой они уже думали, что война кончается. А когда опять возник опасный момент — они ударились в другую крайность. Нужно сохранять полное спокойствие — вот что главное для граждан. А для военных главное — стойкость. Я лично уверен в том, что положение скоро будет стабилизировано.

28.8.42

Милые мои, вчера вечером передали сообщение «В последний час» о сильном ударе противнику на Западном и Калининском фронтах. Это —

неплохо. Но не надо вдаваться в другую крайность, в телячий оптимизм. Надо быть спокойным, соблюдать полное спокойствие, выдержку.

8.10.42

Галечка, ты просишь сообщить о положении на фронтах. Положение таково: враг крушит свой лоб о стойкость Сталинграда — невиданную стойкость, не идущую ни в какое сравнение ни с чем в истории. Сталинградский узел имеет крупнейшее значение. Захватить Сталинград — значит отрезать Север от Юга, перерезать важнейшую артерию, связывающую страну, перерезать взаимодействие фронтов. Немцы стараются поэтому захватить Сталинград во что бы то ни стало, бросая тысячи самолетов и танков, десятки дивизий на сравнительно узкий участок. Но эта лавина разбивается о железную стойкость наших войск. С другой стороны, немцы осуществляют сильный натиск на Кавказском фронте, пытаясь прорваться на Грозный — важный нефтяной район. А что такое нефть в нынешней войне — тебе понятно. Но и здесь немцы, терпя огромный урон, не двигаются вперед. Гитлер отдал приказ: взять Сталинград еще в августе, а потом — в сентябре, взять Грозный в сентябре. Как видишь, в приказ Гитлера внесены нашими войсками некоторые важные «поправки». Сегодня 8 октября, а Сталинград и Грозный в наших руках, и имеются все основания надеяться, что *они и останутся в наших руках*. Что касается «томми», то они, сукины дети, медлят. Они боятся провала, и вообще стараются выиграть время, верные своей старой традиции: воевать чужими руками. Но я все-таки полагаю, что британские военные в конечном счете будут вынуждены выступить ⟨...⟩

Скоро наступит решающая зима. Чем лучшие успехи мы будем иметь, тем скорее будет открыт второй фронт. А пока приходится полагаться на свои собственные силы, а они достаточно велики.

Оснований для пессимизма не должно быть. Как бы ни было трудно — нужно выдержать. Дело улучшится.

25.10.42

Только что получил письмо, в котором ты описываешь свою хреновскую жизнь. Описываешь ты ее очень живо, с блеском литературным, но от этого она не легче.

Напиши вместе с Галей о ваших планах. ⟨...⟩ Главное — картошка, хлеб, дрова. А насчет мучений нравственных — вас двое взрослых, самостоятельных, видавших виды людей, прошедших Биробиджан, харьковский дом отдыха [1] и т. д. и т. п. Ты не одинока, с тобой сестра — человек, видимо, решительный. Да и ты тоже не лыком шита, хотя среди лыка живешь. ⟨...⟩

В общем, не пропадем. Тем более, что немецкий натиск на Сталинград разбивается вдребезги, а это самое главное.

[1] Сестра жены Казакевича Анна Осиповна (Галя) в 1937 г. в Харькове была арестована вместе с ее мужем Федором Щербаком, партийным работником, погибшим впоследствии в тюрьме.

25.11.42

Вчера приехал из продолжительной командировки на фронт. Поэтому тебе не писал. Когда приехал, застал 12 писем, в том числе три от тебя ⟨...⟩ и от одного моего нового (уже военного) друга — Данина.

Последние события на фронте тебе известны. Немцев крепко бьют под Сталинградом, немного — под Владикавказом. Огромные последствия будет иметь наступление союзников в Северной Африке. Горизонт проясняется. Но так же, как я советовал тебе не терять бодрости в дни наших поражений, так и теперь советую не думать, что завтра победа.

Враг еще силен и можно ожидать от него немало неприятностей. Но перспективы — хорошие. События явно повернулись в нашу пользу.

Моя дорогая, есть все основания полагать, что эта зима окажется последней военной зимой, во всяком случае — последней *напряженной* военной зимой. Не за горами наша встреча. ⟨...⟩

Милые мои детки! Мне очень хочется вас видеть. ⟨...⟩ Когда мы перебьем всех немцев, а самого Гитлера повесим на дереве, я к вам приеду и привезу книг, яблок, конфет ⟨...⟩

30.11.42

Напиши мне, вернее, опиши, как проводят время дети. Иногда, когда я просто иду по улице или работаю, дети появляются перед моим умственным взором, и глаза становятся горячи, как от слез,— от нежности и жалости к ним и к тебе. Тем радостнее будет наша встреча. А события назревают такие, что можно говорить о встрече не в порядке туманных надежд, а как о реальном будущем.

5.12.42

Начался последний месяц этого года. Еще несколько дней и начинается великий 1943 год. Великий потому, что он может оказаться если не годом окончания войны во всем мире вообще, то во всяком случае — годом очищения большей части нашей советской территории от немцев.

Моя работа идет неплохо. Даже иногда совестно, что приходится жить в сравнительно хороших условиях, в тылу. Посылаю тебе мою статью из октябрьского праздничного номера нашей газеты на эту тему.

Моя милая, если бы не постоянные думы о вас, от которых так иногда тяжело. Но в сердце непоколебимая уверенность в том, что мы будем все вместе и я продолжу свои труды — хороши они или плохи, но я ими жил, и часто думаю о моем «Колумбе», о «Моцарте» и о десятках еще не написанных вещей. Утешаюсь тем, что как только кончится война, я начну писать роман — большую книгу, которая иногда болезненно ощутимо стучит в сердце, как ребенок восьми месяцев стучит в живот матери. Она уже готова, может быть, и нужно только, чтобы не было войны, а были — ты, Женичка и Ляличка и много белой бумаги на столе. А это будет. ⟨...⟩

Немцев у Сталинграда и на Центральном фронте теснят на запад. Конечно — это только начало, но начало многообещающее. Это, как сказал Черчилль об операциях союзников в Северной Африке, «еще не конец, это даже, возможно, не начало конца, но это уже конец начала...»

1943

2.1.43

Итак, мы живем в 1943 году. И мы еще живы, и, надеюсь, будем живы. Новый год встретил я здесь хорошо и поднял тост за наших жен и детей. Этот тост был подхвачен всеми командирами, и я с истинным удовольствием выпил за тебя и детей. Ты ведь знаешь, что я могу быть веселым. Я и был весел и явился неожиданностью для нашего командования и всего комсостава, которые знали меня довольно замкнутым и саркастическим офицером типа Печорина. Моя милая, все это немалое количество водки и блеск украшенной елки с каким наслаждением променял бы я на один вечер в занесенной снегом деревне под дурацким названием Зигановка!

12.1.43

Дорогая Галя, пишу тебе под свежим впечатлением сообщения Совинформбюро о занятии нашими войсками Кисловодска, Пятигорска, Георгиевска, Железноводска и ряда других пунктов на Северном Кавказе.

Наступление наше продолжается с поразительным успехом. Немцы научились убегать совсем по-итальянски. Одним словом — все яснее вырисовываются контуры грядущего поражения немцев.

Моя милая, получил вчера твое письмо, в котором ты мне описала «наряды» Женички, Лялички и твои. Ничего. Зато после войны я вас одену так, что все закачаются.

18.1.43

Уже перевалило за половину января. Здесь сильные морозы. На фронте мощное наступление наших войск, крошащих в муку немецкие войска.

Об отпуске к вам я буду говорить завтра или послезавтра. ⟨...⟩ Напишу тебе немедленно, как только получу ответ от генерала. В первых числах февраля я поеду в командировку в Москву. А в середине февраля — конечно, если я получу положительный ответ — я поеду в родную Зигановку. Приеду при новой форме — в погонах, как мой предок М. Ю. Лермонтов.

27.1.43

Сегодня приехал из командировки. Чувствую себя превосходно и к тому же получил твое письмо, в котором ты сообщаешь свой новый адрес и новую службу, при которой не будешь иметь удовольствия ходить в лес за дровами — это во-первых, будешь читать газеты — это во-вторых ⟨...⟩

Полагаю, что в конце февраля сумею вырваться к вам, нагляжусь на вас хоть 3—4 дня. Что ж, на войне и это хорошо ⟨...⟩

24 февраля мне исполняется 30 лет! Это не так много, но и не так мало.

1.2.43

С фронта приходят всё новые прекрасные новости. А ведь только еще 1 февраля. Еще минимум полтора зимних месяца осталось, и я уверен, что за это время произойдут еще немаловажные события. Все завоевания, сделанные немцами за лето 42 года, почти сведены на нет территориально, а потери их огромны. Сегодня по радио сообщили, что наши войска в Сталинграде взяли в плен генерал-фельдмаршала фон Паулюса и 16 генералов, среди них — 14 немецких и 2 румынских. Это — большое достижение. Вообще, Сталинградская операция — образец поистине классический полного окружения, истребления и пленения сильной группировки современных войск, да к тому же немецких! Рано еще думать, что все сделано, — немцы еще могут броситься на новые авантюры. Силы у них еще есть. Но эти силы надломлены, и есть все основания оптимистически смотреть в будущее. ⟨...⟩

Скоро мне исполняется тридцать лет. Седые волосы появились не только на висках, но и на шевелюре, на «переднем крае», говоря по-военному.

СЕТОВАНИЕ

Синяя птица моей судьбы,
Что загрустили вы?
Сели на пень на какой-то гнилой,
Перышки скрыли под серой полой,
Стали какой-то ни доброй, ни злой,
Птица.

А раньше звенели вы вся, как свирель.
Вы раньше летали по дальним морям.
Что же вы сели, мадемуазель
(Или, быть может, простите, мадам?)
Птица.

Синяя птица моей судьбы,
Птица моей мечты.
Я называю вас нынче на вы,
А называл ведь на ты —
Тогда, когда ты летала орлом,
И клекотала орлом,
Когда ты махала синим крылом
Напролом сквозь седой бурелом.
Ты ведь летала в державе гроз,
Нынче застряла, как старый воз,
Со старушечьим личиком, мокрым от слез,
Птица.

⟨Февраль 1943⟩

9.2.43

Только что получил твое письмо, писанное красными чернилами, а значит — из учреждения. Значит — ты в райцентре и даже занимаешься уже умственным трудом. Это, вероятно, хорошо ⟨...⟩

В связи с тем, что ты уже слушаешь радио и читаешь газеты, нет нужды писать тебе о делах на фронте. Дела эти весьма хороши. Все же нельзя терять головы и думать, что всему конец, что война закончится на днях или неделях. ⟨...⟩ Исходи из этого, а там, если события окажутся более благожелательны к нам,— тем лучше.

10.2.43

Насчет моего отпуска всё еще ничего неизвестно. Надеюсь всё еще, что сумею поехать к вам через некоторое время. Завтра надеваю золотые погоны, затем сфотографируюсь, и вы будете иметь возможность полюбоваться на офицера Казакевича Э. Г.

СЕСТРЕ, ГАЛИНЕ ГЕНРИХОВНЕ КАЗАКЕВИЧ, И ЕЕ МУЖУ

24.2.43

... В Москве я был целых семь дней! Вижу, как загораются ваши глаза. Повидал многих знакомых. Все они сильно отощали и облезли. Приятное исключение составляет Квитко.

Настроение у всех приподнятое. Люди сдуру считают, что конец войны — вопрос недель. ⟨...⟩

Я, где мог, ставил вопрос о том, чтобы меня перевели во фронтовую дивизию. Не знаю, удастся ли это. В Политуправлении Округа обещали свое содействие.

⟨7 марта 1943⟩

Только что приехал из командировки. Был в Шуе, видел полковника. Он, как и прежде, любит, почти влюблен в меня. Похвалил мой внешний вид в погонах — а похвала такого старого вояки чего-нибудь стоит! ⟨...⟩

То, что у вас имеется картошка и хлеб — это хорошо. Но ⟨...⟩ пьют ли дети молоко, бывает ли сахар, можно ли что-нибудь купить и сколько это все стоит? Все это меня интересует, хоть я и поэт, да к тому еще подпоручик.

Во время пребывания в Шуе Казакевич, по просьбе полковника Выдригана, написал для него рапорт на имя генерал-полковника Е. А. Щаденко с просьбой об отправке на фронт. Вскоре после этого Выдриган был назначен зам. командира 51 стрелковой дивизии. Приводим текст этого рапорта.

* Товарищ генерал-полковник!

Уже более года я, после тяжелого ранения, нахожусь в тылу в должности командира курсантского запасного полка. Трудно передать вам, как тяжело мне жить и работать в тылу в нынешнее время. Я знаю, конечно, что я делаю важное и нужное дело, готовя резервы фронту, но точно так же, как рыба рвется из аквариума в широкий речной простор, так и солдат рвется в бой, тем более солдат, участвовавший в трех войнах — империалистической, гражданской и Отечественной,— прошедший в рядах армии 28 лет своей 44-летней жизни.

Я оправился от ранения настолько, что способен вновь вести фронтовую жизнь.

На войне погибли оба мои сына — Александр и Николай — молодые командиры Красной Армии. Жажда мести, ненависть к немцам горит в груди.

Два рапорта с просьбой об отправке меня на фронт остались без последствий.

Дайте мне возможность, товарищ генерал-полковник, поехать на фронт. Нет слов, чтобы выразить меру моей благодарности к вам, если вы сочтете возможным удовлетворить эту мою горячую просьбу.

Полковник З. Выдриган

10.3.43. Гор. Шуя, Ивановской области.

ИЗ ДНЕВНИКА «САНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

8.3.43. ⟨...⟩ Полковник написал письмо к Щаденко с просьбой послать его на фронт. Как хорошо бы поехать с ним.

13.3.43. ⟨...⟩ Получил письмо от В. О⟨строгорской⟩. Написал ей большое письмо. В этом письме я пишу: «Не хочу думать о продолжительности войны. А думать я хочу о том, что наступит весна и что главное — не терять хорошее расположение духа в любых условиях и помнить всегда о великом учителе жизни — г-не Панурге, друге достославного Пантагрюэля, короля диисодов, учившем нас не унывать,— родоначальнике Уленшпигелей, Куаньяров, Брюньонов — мастеров и воинов, философствующих страдальцев, хвастунов, любителей жизни и истины; страдать от того, что все проходит безвозвратно, и в этом же находить величайшее утешение, любить взахлеб, подавить в себе иудейско-христианскую единобожную мрачность, ведущую в ад, и дать расцвесть многобожной, терпимой, веселой и все понимающей душе эллина».

14.3.43. Наши войска взяли Вязьму. О, эти места я помню! Никогда не забуду ландшафтов и мук Смоленщины. Вспомнился и 39 сп, и ополчение — Гурштейн, Винер, профессор-иранолог, Кирьянов, Чернов, лейтенант Раевский, жизнь в отдельном отряде 32 армии, холодные рассветы в учебной бригаде Западного фронта, ночь перед первым боем и т. д. и т. п. Помню — мы отдыхали перед отправкой в бой на кирпичах разрушенного Вяземского вокзала.

21.3.43. ⟨...⟩ Перечитал еще раз гениальное «Восстание ангелов» А. Франса. Глубоко был тронут этой в четвертый раз прочитанной книгой. Читал главы из синклеровской эпопеи «Зубы дракона». Для моей великой книги — ценное пособие по изучению психологии и практики фашизма и вообще движущих сил современной истории.

Прочитал «Птиц» и «Лизистрату» Аристофана. «Птицы» великолепны. Парабаза восхитительна. Арии соловья, введенные для лирического интермеццо, поразительны и дают для понимания эллинского духа больше, чем томы исследований.

«ЧЕРЕЗ ОСВОБОЖДЕННЫЙ ГОРОД»
Рисунок Б. М. Неменского (итал. карандаш). Западный фронт (Вязьма), март 1943 г.
Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

9.4.43

Мой милый друг! Вчера приехал [1]. Ехал я через Москву ⟨...⟩

На земле — весна, весна и в Москве. И когда я подытоживаю мою поездку к вам, она неразрывно связывается в моем сознании с весной 43 года и с глубокой уверенностью в лучшем будущем. ⟨...⟩ аромата весенней Москвы этого года вместе со свежим воспоминанием о нашей встрече мне не забыть. ⟨...⟩

Приехав, я узнал, что полковник Выдриган отозван из Шуи в Москву за новым назначением. Если его назначат командиром бригады или дивизии, он без сомнения сумеет меня забрать к себе. Увидим.

[1] Казакевич вернулся из 10-дневного отпуска, полученного им для поездки к семье в Башкирию.

24.4.43

Моя милая, в моей жизни, вероятно, предстоят некоторые существенные изменения. Я в свое время тебе об этом напишу, когда все выяснится. Теперь я только прошу тебя, чтобы ты обо мне не беспокоилась.

Я так сильно хочу с вами, любимые дети, увидеться, что убить меня невозможно. ⟨...⟩

Тебе нужно купить картошку. Я отошлю сегодня письмо в Литфонд о ссуде, хотя думаю, что из этого ничего не получится. ⟨...⟩ продай свои часы. Ну их! Живы будем — я тебе куплю, моя милая, стенные часы в стиле ампир с кукушкой, будильник, карманные часы с цепочкой, ручные часы. Ручаюсь тебе! А теперь нужны не часы, а картошка.

У меня есть пара собственных валенок. Я попытаюсь их продать. Полагаю, что найдется и весной человек, желающий купить валенки на зиму. И, *если сумею*, загоню пару сапог и вышлю тебе деньги. ⟨...⟩

Все будет хорошо. Береги детей. На деньги, которые я тебе вышлю, покупай им молоко.

1 мая 1943

Сегодня первое мая, погода пасмурная, но теплая. И думы мои — о тебе ⟨...⟩ и хотя война разлучила нас, но это не надолго. Еще годик — и мы увидимся и будем вместе ⟨...⟩

Переписываю для тебя на память стихи Роберта Бернса, которые я бы тебе написал, не будь они написаны им.

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг, мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг, от зимних вьюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой, тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой, делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом, где тьма кругом,—
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем, с тобой вдвоем.

10.5.43

О моей дальнейшей судьбе я еще ничего определенного не знаю. Думаю, что вскоре поеду навстречу неизвестному. Но это не должно тебя волновать. Нам на роду написано быть вместе, и мы будем вместе. Поэтому ты должна присоединить свои молитвы к моим стараниям попасть на фронт в дивизию, формируемую моим полковником. Он делает все, чтобы меня забрать к себе. В мало знающих меня командирах это вызывает чувство удивления, изумления: почему полковник, имеющий возможность взять к себе майоров и капитанов — старых служак, опытных воинов,— хочет взять только лейтенанта, да еще не кадрового, да еще в очках! Они не знают, что даже в вопросах сугубо военных, тактических он очень считается с моим мнением. Вообще ход войны, вернее, моего военного существования, убеждает меня, что не стань я поэтом, я был бы военным. Но быть поэтом слишком большое, хотя и горькое счастье, чтоб я мог променять его на несладкое счастье быть солдатом. Но теперь последнее необходимо, и этой необходимости нужно подчиняться наилучшим образом. ⟨...⟩

Меня отсюда не хотят отпускать. Делают это из соображений деловых — я работаю хорошо, и из дружеских — нечего, мол, ехать на фронт. Сиди здесь — чем тебе плохо? Но этим мне делают медвежью услугу. Все равно — на фронт нужно идти — да уж не придется воевать с командиром, который является моим другом.

11.5.43

Я сегодня послал тебе бандеролью замечательную новую книгу — переводы Маршака из английской поэзии. Почитай эти прекрасные

стихи — они тебе доставят огромное удовольствие, надеюсь. Женичке тоже — там много детских стихов, да и не детские так хороши и выразительны, что годятся для детей.

Вот и май проходит. Немецкая авантюра в Африке закончилась крахом, и англичане с американцами имеют свободные руки для решительного вторжения в Европу. Пожелаем, чтобы это вторжение совершилось поскорей и сняло с плеч нашего народа часть бремени. Нынешним летом будут решающие бои на нашем фронте.

З. А. ГУРЕВИЧУ[1]

27.5.43

Да, я хочу уехать. 〈...〉 Что касается твоих опасений (или, вернее, удовлетворения), что комдив обо мне забудет, то они нереальны. Я вчера получил от него *телеграмму*: «Конце мая жди *нарочного*»! Видишь, он посылает ко мне с фронта нарочного, чтобы вручить мне документы и проводить меня!

Единственное «но»: ПУМВО и мое начальство. Но я, желая уехать, добьюсь своего. А в крайнем случае... Уехать на фронт — не преступление же, в самом деле! Война так война! 〈...〉

Поздравляю тебя со званием старший сержант! Мне присвоено звание — лейтенант. Хочется тебя видеть хотя бы для того, чтобы поставить по стойке смирно!

[1] Муж сестры Казакевича.

1.6.43

Через четыре дня Женичке исполняется семь лет. Какая большая у нас дочь! Итак, это было восемь лет тому назад. Вспоминается Биробиджан, наше с тобой первое знакомство на летней солнечной улице — кажется, Октябрьская — так она называется — 〈...〉 и твоя неизменная нежность 〈...〉 и все нехорошее, что я, быть может, тебе сделал, и все хорошее, что, быть может, больше и сильней. И мечты, и страдания, и стихи 〈...〉 и вся эта яркая — ведь, правда, яркая? — жизнь, сотканная из деталей, незаметных и больших, из страстей мелких и великих.

Моя милая, подымем бокал (пустой пусть будет — ведь вина нет) за наше будущее счастье, за наших дочерей, за их будущее, за то, чтобы они нашли себе мужей хотя бы не хуже, чем твой (хотя это, может быть, и нетрудно), и за то, чтобы в старости — если мы доживем до нее — нам не в чем было себя особенно упрекать и чтобы мы тогда вспоминали всю свою жизнь после 1943 года с таким же волнением и спокойной совестью, как вспоминаю я ее теперь.

22.6.43

Итак — спешу тебе сообщить новость, которая тебе, вероятно, не покажется очень приятной: я еду на фронт, в дивизию моего полковника, на должность помощника начальника разведывательного отдела штаба дивизии. Не знаю, будешь ли ты очарована этим громким титулом. Но, надеюсь, ты преисполнишься уважением к разносторонности своего мужа, который и до войны оказывался способным и к хозяйственной, и к административной, и — не буду скромным — к литературной деятельности, а теперь, став военным, оказался — по мнению крупного военного авторитета — способным к руководству войсковой разведкой целой дивизии.

Воздав себе этим должное, я, моя дорогая, хочу только, чтобы ты не беспокоилась за меня. Постараюсь остаться в живых, и обязательно!

Милая моя, не знаю, делаю ли я мудро с житейской точки зрения. Но таков я. Это сильней меня и каких бы то ни было житейских соображений. Жажда деятельности, перемен, настоящей жизни, видимо, очень

сильна во мне. Та огромная энергия, которая до войны в Москве уходила на «Колумба», на «Моцарта» и т. п. и теперь не имеющая приложения, рвется из меня. Поэтому здесь дело не в отваге, не в удальстве, а в чем-то более глубоком.

Уезжая воевать, я прошу тебя сохранять спокойствие, любовь ко мне, уверенность в будущем. После войны я буду так же горд тобой, как ты, надеюсь, будешь иметь основание гордиться мной — не в силу моих гражданских доблестей, а в силу моей вечной молодости, которую я сумел — и сумею — сохранить.

Если мое это письмо покажется тебе чуточку торжественным — улыбнись... ⟨*Конец письма утрачен.*⟩

З. П. Выдриган вспоминает: «Эммануил Казакевич не оставлял меня своей настоятельной просьбой — забрать его к себе на фронт. Откровенно говоря, мне жаль было его, но и себя тоже, так как я лишился искреннего друга и хорошего советника. Я знал, что законным путем не смогу забрать Казакевича на фронт.

Эмма написал мне, что он любыми путями должен уехать на фронт — в крайнем случае — через штрафную часть. Зная его, я боялся этого, потому что он пойдет и на такое преступление для исполнения задуманного».

З. П. Выдриган договорился с командиром дивизии и послал Казакевичу с сержантом письмо и удостоверение о том, что он назначается помощником начальника разведки 51 сд, наклеив на удостоверение имевшуюся у него фотокарточку Казакевича.

ВЫПИСКА
ИЗ ПРИКАЗА ЧАСТЯМ 51 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
(по личному составу)

18 июня 1943 г., № 018, д. Сулихово

Прибывший из 4 запасной стрелковой бригады младший лейтенант Казакевич Эммануил Генрихович допускается к исполнению должности помощника начальника 2 отделения штаба 51 стрелковой дивизии.

Командир 51 сд
полковник Телков

Начальник штаба
подполковник Боряков

Верно: Начальник 4 отделения
интендант 2 ранга Пискунов

Получив этот документ, Казакевич написал письма начальникам своим и друзьям, отдал их, вместе со своими валенками, квартирной хозяйке, попросил ее вручить письма адресатам только на следующее утро и в ночь на 26 июня ушел на станцию. Так как форменного воинского требования на проезд по железной дороге у него не было, в кассе Казакевичу не выдавали билета. Тогда он предъявил свой членский билет Союза писателей и сказал, что едет на съезд военных писателей. Из уважения к писательской профессии ему билет продали, и в ту же ночь Казакевич уехал в Действующую армию.

25.06.43

Младшего лейтенанта
Казакевича Э. Г.

Командиру 4 КЗСБ
Генерал-майору А. Антила

Товарищ генерал-майор!

В июле 1941 года я ушел на фронт добровольцем. С декабря 1941 года сижу я в тылу. Все последнее время я прошу отправить меня на фронт, много раз просил старших начальников помочь мне в этом деле. К сожалению, мне не помогли.

Теперь я уезжаю на фронт, зачисленный в 51 стрелковую дивизию на должность помощника начальника 2 отделения штаба дивизии (выписку из приказа по дивизии прилагаю).

Не сердитесь на меня, товарищ генерал, за мой внезапный отъезд. Надеюсь, что вы простите мне это, и уверен, что вы еще услышите обо мне как о боевом командире.

Эм. Казакевич

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА МАЙОРУ т. ПАКИНУ

25.6.43

Товарищ майор!

Прощаясь с Владимиром, с бригадой, я прежде всего думаю о том, как вы посмотрите на мой отъезд. Мне было бы очень больно, если бы вы стали меня осуждать.

Я еду на фронт работать в разведке штаба дивизии. Я уверен в себе, в своих силах, а главное — в своей стойкости и стремлении стать настоящим боевым командиром.

Что ж, я знаю, что бригада многое мне дала в смысле воинского воспитания. Здесь вступил я в партию, и вы вручали мне партийный документ и дали мне лестную боевую характеристику.

Я вам благодарен за это. Благодарен я вам также за хорошее отношение ко мне.

Желание, горячее и непреоборимое, быть на фронте, активно бороться в рядах фронтовиков за наше дело — желание, о котором я вам много раз говорил,— вот причина моего внезапного отъезда.

С точки зрения житейской мне здесь жилось прекрасно. Но у меня с немцами большие счеты — я коммунист, командир, писатель. Пора мне начать эти счеты сводить.

Думаю и уверен, что вам, товарищ майор, не придется краснеть за своего воспитанника, которому вы вручали кандидатскую карточку ВКП(б).

Я уже давно мог уехать, но меня останавливало чувство долга: я не мог оставить редакцию в составе двух человек. Теперь в редакции прибавился квалифицированный журналист т. Виноградов, а т. Захаров, принятый в ВКП(б), может с успехом меня заменить.

Не поминайте лихом, тов. майор.

Надеюсь — мы еще увидимся за стаканом вина в час победы.

С приветом Эм. Казакевич

МАЙОРУ тов. ИСАЕВУ

25.6.43

Тов. майор!

Пишу я вам перед отъездом не как секретарю парткомиссии, а как старшему товарищу-коммунисту, который меня хорошо знает и которого я уважаю.

Я еду в дивизию т. Выдригана. Я мог так уехать уже давно, но я надеялся, что мои московские знакомые — военные и писатели — сумеют меня отозвать. Я надеялся также на основании бесед с майором Пакиным и Ждановым, что наша бригада поедет на фронт в своем нынешнем составе — а это было бы, может быть, идеальным выходом.

Но я теперь потерял надежду на это. И я еду на фронт, зачисленный помощником начальника 2 отдела (отдел разведки) штаба дивизии. Голова у меня работает, к тому же я владею немецким языком и надеюсь, что буду делать свое дело хорошо.

Будьте здоровы, тов. майор. Передайте мои лучшие пожелания тт. Литвинову, Спидченко, Емелину, Логинову, Ире, Пашко, Вере и другим друзьям и товарищам.

Тыловая жизнь, легкая для тела и тяжелая для души,— на этом кончается.

Ваш Эм. Казакевич

СТ. ЛЕЙТЕНАНТУ ПУТРИКУ

25.06.43

Друг Путрик!

Я уехал на фронт, зачисленный в 51 стрелковую дивизию в качестве помощника начальника 2 отделения штаба дивизии. На войне — так на войне!

Передай дружеский привет Жуку, Юденко, майору Артамкину, майору Кольцову, Фомину, Садыкову, капитану Пашкевичу и всем другим штабным, друзьям, а также Брыскину и Сергееву, которым я написал бы отдельно, будь они здесь.

Мой отъезд, возможно, вызовет чей-нибудь гнев. Нужно этот гнев умерять. Надеюсь на друзей.

Будь здоров.

Эм. Казакевич

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ», СТ. ЛЕЙТЕНАНТУ Т. В. ИЗМАЛКОВУ

25.6.43

Друг Измалков!

Когда ты будешь читать это письмо, я буду уже приближаться к фронту — к предмету моих мечтаний на протяжении последнего года.

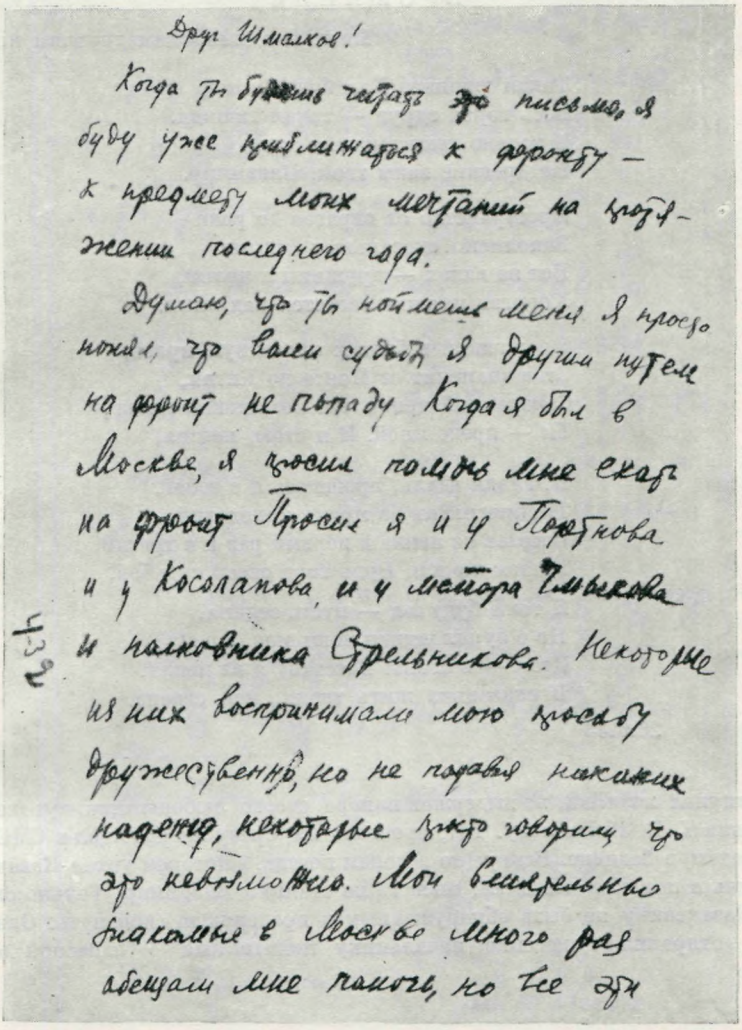
Думаю, что ты поймешь меня. Я просто понял, что волей судьбы я другим путем на фронт не попаду. Когда я был в Москве, я просил помочь мне ⟨у⟩ехать на фронт. Просил я и у Портнова, и у Косолапова, и у майора Чмыхова, и полковника Стрельникова. Некоторые из них воспринимали мою просьбу дружественно, но не подавая никаких надежд, некоторые просто говорили, что это невозможно. Мои влиятельные знакомые в Москве много раз обещали мне помочь, но все эти обещания кончались ничем.

Об этом же я говорил не раз с майором Пакиным и с майором Ждановым. Оба говорили, что мы вскорости поедем на фронт всей бригадой. Это говорили в прошлом году, это же говорили в этом году.

Между тем я хочу, искренне хочу быть на фронте. Это не поза «удальца» или голые слова хвастуна. Это — вопрос моего горячего желания и, если хочешь, дальнейшей литературной жизни. Поэтому я, зачисленный в штаты 51 сд Действующей армии, отправляюсь в путь-дорогу.

Тебе прекрасно известно, что жилось мне во Владимире превосходно, что работал я неплохо. И ты, и майор Пакин ценили меня. Я ухожу не от плохой жизни к хорошей. Я хочу воевать, раз уж война на свете, да еще такая.

Не поминай меня лихом и прости, что я это делаю таким образом. Я хочу ехать на фронт и приносить делу победы максимальную пользу. А другого пути не вижу.



Друг Измалков!

Когда ты будешь читать это письмо, я буду уже приближаться к фронту — к предмету моих мечтаний на протяжении последнего года.

Думаю, что ты поймешь меня. Я просто понял, что воли судьбы я другим путем на фронт не попаду. Когда я был в Москве, я просил помочь мне ехать на фронт. Просил я и у Портнова и у Косолапова, и у мастера Чмыкова и полковника Стрельникова. Некоторые из них воспринимали мою просьбу дружественно, но не подавая никаких надежд, некоторые просто говорили, что это невозможно. Мои влиятельные знакомые в Москве много раз обещали мне помочь, но все эти

432

ПИСЬМО Э. Г. КАЗАКЕВИЧА РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ» Т. В. ИЗМАЛКОВУ

Автограф. Владимир, 25 июня 1943 г.

Первая страница

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

Прошу тебя — передай генералу выписку из приказа по 51 сд и письма, которые я прилагаю.

Буду жив — увидимся.

г. Владимир

Эм. Казакевич

P. S. Когда прибыла телеграмма о съезде, я надеялся, что, поехав в Москву, сумею договориться там о том, чтобы меня отозвали. К сожалению, это не получилось.

Т⟨ихон⟩ В⟨ладимирович⟩. Дай прочесть этот прощальный стих моим товарищам.

ПРОЩАНИЕ

Моим владимирским друзьям посвящаю

Такая тишина! Как будто вымер
Весь город вдруг — такая тишина.
И только светит вечная луна
На древние валы твои, Владимир.

Пространство от оврагов до реки
Заполнено сказаньями седыми.
Вот на валах — дружины и полки,
Хоругви княжьи светятся над ними.

Проливший в битвах праведную кровь,
Став знаменит от Понта до Китая,
Сожженный трижды и возникший вновь,
Ты — предо мной. И я стою, мечтая,

И, глядя вдаль, прощаюсь я с тобой.
Ты прогремел во мраке лихолетий.
Восстав из пепла в первый раз и в третий,
Ты так же юн. Будь горд своей судьбой.

Я тоже буду юн — пусть седина,
Но в бурях жизни мощь моя окрепла.
Итак — в огонь! Восстану я из пепла,
В сказаньях жить твоих, моя страна.

26.6.43

Квартирная хозяйка, не выдержав напора своего любопытства, тут же ночью отнесла письма Т. В. Измалкову. Тот, прочитав их, сразу же сообщил в СМЕРШ (отдел контрразведки) о беглеце. Вскоре по вагонам поезда, в котором уехал Казакевич, прошел патруль в поисках человека, севшего на станции Владимир. Только случайность помогла Казакевичу не быть обнаруженным и продолжить свой путь. Одновременно Измалков отправил донесение начальнику политотдела 4 запасной стрелковой бригады.

<26.06.43>

Редактор газеты
ст. лейтенант Измалков Т.

Начальнику политотдела
майору т. Пакину

ДОНЕСЕНИЕ

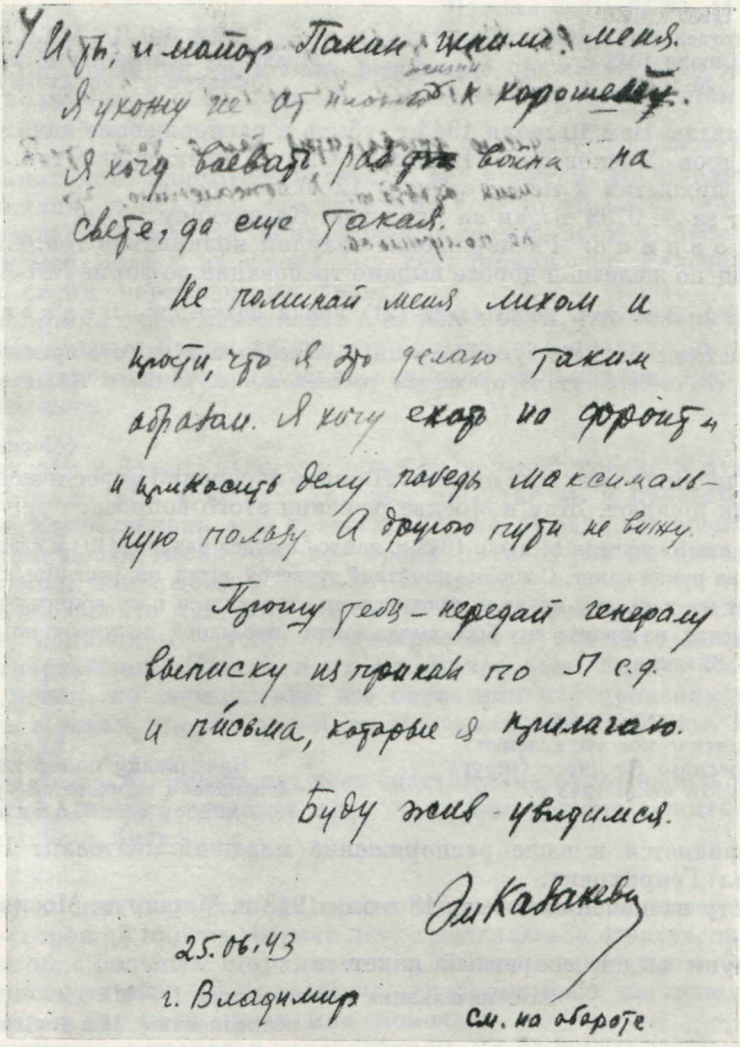
Доношу, что литработник редакции, младший лейтенант Казакевич Э. Г. в ночь на 26 июня самовольно выехал в 51 сд (д. Сулихово). Как теперь стало известно, Казакевич имел заранее оформленные документы на должность помощника начальника 2 отделения штаба 51 сд. Эти документы вместе с выпиской из приказа частям 51 сд (№ 018) ему были доставлены красноармейцем этой дивизии (фамилия его неизвестна) [1].

В последние два месяца после отъезда полковника Выдригана Казакевич много говорил о выезде на фронт, прикрываясь в таких случаях своим «патриотизмом».

К работе в редакции относился недобросовестно, моих поручений часто не выполнял.

О выезде Казакевича мною сообщено этапному коменданту ст. Владимир, а также отделу контрразведки СМЕРШ в 4.00 26 июня 1943 г.

Измалков



И ты, и майор Пакин, жалеете меня.
Я ухожу не от плохой жизни к хорошему.
Я хочу воевать, раз ~~дн~~ война на
свете, да еще такая.

Не поминай меня лихом и
прости, что я это делаю таким
образом. Я хочу ехать на фронт и
приносить делу победы максималь-
ную пользу. А другого пути не вижу.

Прошу тебя — передай генералу
выписку из приказа по 51 с.д.
и письма, которые я прилагаю.

Буду жив — увидимся.

Эм Казакевич

25.06.43
г. Владимир

см. на обороте

ПИСЬМО Э. Г. КАЗАКЕВИЧА РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ» Т. В. ИЗМАЛКОВУ

Автограф. Владимир, 25 июня 1943 г.
Третья страница
Собрание Г. О. Казакевич, Москва

Приложение: Письма Казакевича на имя командира бригады генерал-майора т. Антила, тт. Пакина, Исаева, Путрика, мне, выписка из приказа по 51 сд и стихотворение «Прощальное».

[1] Документы из Действующей армии Казакевичу привез сержант И. Шмураков. Узнав об отъезде Казакевича, Шмуракова задержали, посадили на гауптвахту, спрашивали, что́ было в пакете. Но он действительно не знал этого, и его отпустили. Когда он вернулся в 51 сд, Казакевич был уже там.

Полевая почта 02392
30.6.43

Как видишь,— у меня новый адрес. Я прибыл на свое новое место и новую должность три дня тому назад. Прошу тебя не беспокоиться обо мне — все будет в полном порядке. С нового места шлю тебе, милая моя, лучшие пожелания. Подробно обо всем я напишу тебе в письме.

Привет от полковника. Пиши много, прошу тебя.

НКО СССР
Политотдел ⟨21⟩ армии
10 июля 1943 г.
№ 10/07

ПРЕДПИСАНИЕ
Младшему лейтенанту Казакевичу
Эммануилу Генриховичу

Предлагаю Вам 10 июля 1943 г. убыть в распоряжение начальника отдела кадров Московского Военного Округа полковника тов. Меднова.

Срок прибытия к месту службы 12 июля 1943 г.

Пакет за № 0293 выдан на руки тов. Казакевичу.

Основание: Распоряжение гвардии полковника тов. Столярова. На проезд по железной дороге выдано требование по форме № 1-АК-805507

Зам. нач. политотдела ⟨21⟩ армии полковник Беляев

Уже находясь в Действующей армии, Казакевич получил это предписание. Донесение о его «побеге» стало предметом расследования. 11 июля Казакевич выехал в Москву.

⟨Москва⟩ 12.7.43

Пока не пиши мне, жди письма. Я опять переменил адрес и еще не знаю, куда меня пошлют. Жду в Москве решения этого вопроса.

В Москве Казакевич 13 июля 1943 г. явился в отдел кадров МВО и сдал имевшийся у него на руках пакет. С вполне понятной тревогой ждал он решения своего дела.

В этот же день ему вручили предписание отправиться в ту воинскую часть, откуда он уехал на фронт; ему был выдан также проездной документ по маршруту: Москва — Владимир.

НКО СССР
Политическое управление
Московского Военного Округа
13 июля 1943 г.
№ 4046

Начальнику политотдела
4 запасной стрелковой бригады
майору тов. Пакину

Направляется в ваше распоряжение младший лейтенант Казакевич Эммануил Генрихович.

К месту назначения отбыть 13 июля 1943 г. Маршрут: Москва — Владимир.

На руки выдан секретный пакет.

Зам. начальника отдела кадров ПУ МВО
подполковник Иванов

*НКО СССР
Политическое управление
Московского Военного Округа
13 июля 1943 г.
№ 4046

Начальнику политотдела
4 запасной стрелковой бригады
майору тов. Пакину

Направляю в ваше распоряжение младшего лейтенанта Казакевича. Вопрос о нем разберите в партийном и служебном порядке.

О прибытии и решении вопроса донесите в Политуправление МВО.

Зам. начальника отдела кадров ПУМВО
подполковник Иванов

Получив предписание и пакет, Казакевич с тяжелым сердцем вышел из кабинета.

В коридоре Казакевич увидел З. П. Выдригана, приехавшего в Москву оформлять свой перевод на должность зам. командира 174 стрелковой дивизии. Вдвоем они пошли в Главное управление кадров Красной Армии. Там состоялся разговор с заместителем начальника ГУКа генерал-лейтенантом Н. Е. Свиридовым, который разрешил Казакевичу поехать вместе с Выдриганом в 174 сд.

Полевая почта 02392. 14 июля 43 г.

Вернулся из Москвы из командировки ⟨...⟩

Начались великие сражения, решающие сражения этой войны. Обо мне не волнуйся. Немец должен *в основном* кончиться в этом году.

16.7.43. Действующая армия

Любимая моя, пишу тебе наспех — нет времени. Из Владимира меня не отпускали, и я уехал сам, получив соответствующие документы из Действующей армии. На днях я был с полковником в Москве, в НКО СССР, и мой отъезд на фронт был санкционирован. Галечка, я очень доволен своим переездом на фронт.

Наша армия очень изменилась с начала войны. Это теперь прекрасная армия, идеальная: бойцы не думают больше, как правило, о смерти, они думают только о победе. ⟨*Письмо написано карандашом, наспех, на каком-то бланке.*⟩

20.7.43

Пишу вам с фронта. Сижу в роще на зеленой травке и думаю о вас, мои милые. Я себя чувствую хорошо, представлен к правительственной награде. Единственная моя тревога — о вас. Я ведь все время в переездах — уже почти месяц — и все время не получал ни одного письма. Пишите мне, мои любимые. ⟨...⟩

Дела на фронте поистине хорошие. Бойцы в нашей дивизии замечательные, командиры — тоже. Поговаривают о том, что дивизия наша станет гвардейской. Немцев и их союзников бьют всюду. Конечно, это еще не конец, но перспективы все более для нас проясняются.

Здесь в лесах, где мы воюем, много земляники и малины. Вот бы детей сюда! ⟨...⟩

Как я хотел бы видеть вас всех счастливыми на тот небольшой период времени — двадцать-тридцать лет, что нам осталось жить. Надеюсь, что так оно и будет.

25.7.43

Живу я для этих условий превосходно, сплю в машине. Мой ординарец — хороший парень, сорока лет, с медалью «За отвагу», он следит за моим бытом с большим старанием, и я не испытываю ни в чем нужды. Кроме писем от тебя. В этом, милая, я испытываю настоящую нужду, и ординарец тут не в силах мне помочь.

Неожиданно я назначен переводчиком, но командир дивизии забирает меня своим адъютантом. Это для меня интересней, потому что я сумею больше видеть и даже влиять на события. А при моей активной натуре последнее имеет значение.

О здешних делах я тебе писать не могу, могу лишь сказать, что дела хорошие, настроение у солдат превосходное, и немцу путь в могилу обеспечен. Это лишь вопрос времени. Правда, этот вопрос имеет немалое значение, конечно.

27.7.43

Галечка, душа моя! Я назначен адъютантом командира дивизии. Живу я в крытой машине, сплю в ней на скамейке, на ночь даже раздеваюсь. В машине горит керосиновая лампа. К моим услугам легковая машина и превосходная верховая лошадь. При мне два ординарца-автоматчика. Как видишь — живу я, как в книжке Александра Дюма. А если тут дерутся не шпагами, то, пока снаряды минуют тебя, жить можно.

Вчера был радостный день: итальянский шакал Муссолини ушел в отставку. Хрен с ним! Италия выходит из войны. Одним врагом меньше — это хорошо. А у нас сил достаточно, чтобы вышибить из немца дух. Только бы это скорее было.

Милая Галечка, вижу тебя и детей, думаю о вас и — что бы там ни было — мы должны встретиться и вместе доживать свой век.

Я думаю о своем военном пути. Всё у меня не так, как у других. И всё интересно. Я иду особым путем не из любви к оригинальности, а просто так получается. Чёрт его знает, что я за человек! Я часто сам себя не пойму. Вероятно, ты знаешь меня лучше, чем я себя. Подробно обо всем я тебе расскажу, когда мы увидимся. Целую тебя, моего друга и жену.

Между тем «Дело о побеге» идет следом за Казакевичем.

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДИРУ 174 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

30 июля 1943 г.

Казакевича Эммануила Генриховича откомандируйте Отдел кадров армии. Начальник 1 отделения майор Б а т ю ц к о в

Действующая армия, 3.8.43

Здесь стало довольно жарко, особенно в воздухе. Но пока все идет хорошо, и, надеюсь, так оно пойдет и дальше. Я уже писал тебе, что вначале был назначен переводчиком, а затем комдив забрал меня своим адъютантом. Работа шумная, но интересная. Может быть — потому интересная, что шумная. ⟨...⟩

Муссолини пал, Италия накануне выхода из войны, немецкое наступление на нашем фронте с треском провалилось, союзники всё более активизируются. Перспективы отрадные. Час нашей встречи приближается.

Дорогие детки Женичка и Ляличка. Если бы вы знали, как я хочу вас видеть. Я много думаю о вас, мои большие девочки. Вы, наверно, хорошо пишете, читаете и рисуете. Когда разобьем Гитлера, мы опять будем вместе, мы будем вместе много читать, писать и рисовать. А мама, вторая мама и бабушка будут нас похваливать за то, что мы такие хорошие ребята.

10.8.43

Уже несколько дней, как мы в сравнительно спокойных условиях, 4 км от немцев. Это — затишье для накапливания сил к удару. Он будет нанесен в надлежащий момент.

Так или иначе — я в избе. Изба — без хозяев. Только две кошки здесь остались в качестве представителей. Обстановка, примерно, такая, как в фильме «Чапаев», когда Василий Иванович поет песню о Ермаке, — тут в роли В. И. Чапаева я, по вечерам затягивающий эту песню. Мне подтягивают остальные офицеры и бойцы, находящиеся в избе, в печке горит огонь, часовой у двери время от времени кричит: «Кто идет?» и т. д. Такова картина.

В непрерывном наступлении не было времени для размышлений ни о будущем, ни о прошлом, ни о чем. Огромное нервное напряжение исключало всякую мысль о посторонних вещах.

Теперь, в дни скоротечной передышки, думается и о прошлом, и о будущем, и о вас, мои дети,— обо всем, чем полна душа в обычное время. И тогда овладевает тоска, хочется уж лучше скорей наступать, каких бы сил это ни стоило. Потому что великая бездомность миллионов людей, именуемая войной, надоедает даже такому любителю сильных ощущений, как я,— надоедает она, впрочем, не опасностью и риском, а именно этой бездомностью своей.

Но теперь не так уж далеко до конца. А уж пора — время мое пришло писать.

ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ

Рисунки Н. М. Аввакумова (карандаш). Минск, июль 1944 г.

Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

13.8.43

Сегодня — мой счастливый день, несмотря на то, что тринадцать — чёртова дюжина. Ночью, приехав в новое расположение (новое, ведь мы всё движемся вперед), я получил твое первое письмо. Вполне понимаю твое недоумение по поводу перемен адресов и некоторой сумятицы, которая не могла не проскользнуть в моих многочисленных письмах. Но теперь положение стало устойчивым. Адрес мой нынешний, вероятно, надолго — насколько это можно предусмотреть в условиях фронта.

Теперь раннее утро, в лесу — нашем большом зеленом доме — свежо. Первыми просыпаются пушки, а птицы — уже позднее. С большой нежностью вспоминаю я о тебе, моя дорогая, и о Женичке — свете моих очей, и о Ляличке — биении моего сердца.

О своей жизни я тебе уже писал. Я доволен переменой в моей жизни и — главное — переменами вообще. Ты ведь знаешь, что я непостоянен в житейских делах, и перемены внешние ныне заменяют мне перемены внутренние — от моего романа в стихах к «Колумбу», от «Колумба» к «Моцарту» и т. д. Единственное, в чем я постоянен, — это в моей нежности к вам, мои дорогие. ⟨*Далее, наспех, крупными неровными буквами:*⟩ Закругляюсь. Уезжаю. Напишу, как только освобожусь. Пиши.

СЕСТРЕ

15 августа 43 г.

Штарм пытался несколько раз забрать меня к себе — то переводчиком, то начальником отдела наград (!), но я отбрыкался при помощи начальства — ведь там далеко от жизни и вообще скучно. ⟨...⟩ Штадив просит моего командира отдать меня на должность помощника ⟨начальника⟩ отдела разведки. Вероятно, в конце концов я сумею уйти на эту в высшей степени интересную работу.

〈Вторая половина августа 1943 г.〉

〈*Начало утрачено.*〉 Милые мои, дела на фронте, как вам известно, хороши. Но ни в коем случае нельзя на этом основании сделать вывод о том, что войне конец. К сожалению, это не так и вам (как и нашему брату) нужно запастись *большим* терпением, девочки, и как путник не должен думать об остающихся впереди километрах, иначе ему будет трудней дойти, так и вам не следует думать о сроках пока еще неблизкого пути. Нужно идти, неся свой крест гордо и даже не без веселости.

Как вам выразить всю меру моей нежности к вам? Будем твердо надеяться, что увидимся, и тогда, может быть, и не найдем слов, но они и не нужны будут.

Пишите мне часто. Здесь письма имеют особую силу и, во-первых, являются единственным родом литературы, который читаешь с удовольствием, и, во-вторых, единственным объектом лирических размышлений. 〈...〉

Заклеиваю письмо. Завтра оно будет отправлено на полевую почту — в соседнюю рощу — и отправится к вам.

18.8.43

Милый друг, Галечка!

Получил от тебя одно письмо и опять ничего не получаю. А здесь более чем где-либо необходимо получать письма. В этих дождях, в постоянном движении вперед, в гуле и грохоте и постоянной неизвестности насчет завтрашнего дня каждое письмо действует буквально, как бальзам.

Настроение у меня исключительно хорошее. Я ни минуты не жалею о том, что покинул уютную городскую жизнь во Владимире, сменив ее на полную неожиданностей неустроенную жизнь фронта. Как губка, впитываю я в себя все, что вижу и слышу, и настанет такой день — верю, что он настанет,— когда все это выльется в великую книгу. Дай бог сил и жизни.

19.8.43

Пишу наспех — вся жизнь идет наспех, лихорадочно.

Целую тебя и детей, о которых напиши мне скорей, опиши их разговоры, беседы. Чёрт побери, ведь Женичка с 1 сентября пойдет в школу! Как я хочу их видеть — трудно тебе передать.

21.8.43

Милая моя Галечка, получил от тебя второе письмо. Рад был необычайно. 〈...〉

Сегодня хороший солнечный день, мы никуда не движемся, я сижу в роще у только что сбитого из деревьев столика на немецком ящике из-под мин. Только что приехал из немецкой обороны, прорванной на днях нашими войсками. Оборона была крепкая, построенная всерьез, полная разных ловушек, на очень выгодной местности. Теперь она разворочена нашими снарядами и авиабомбами, полна убитых немцев, разбитых ящиков, рассыпанных патронов, разбросанных писем, книг, фотографий и проч. Наши войска уже впереди.

Все же нужно терпение, Галечка. Победа, полная победа еще не так близко, как это кажется издали. Немец еще силен и упорен. Чуя свою гибель, он огрызается во сто крат сильнее, и его еще так просто не возьмешь. Я руковожу дивизионной разведкой [1], и мне положение ясней, чем кому-либо другому. Верно, немцы уже не те. В плену они хнычут и плачут, говорят, что Германия войну проиграла (это они, впрочем, говорят искренне) — но в бою они всё еще упорны и дисциплина у них всё еще

сильная. Крах наступит после двух-трех таких уничтожающих ударов, как под Сталинградом.

[1] Приказом командира 174 сд № 0133 от 11 сентября 1943 г. Казакевич был назначен помощником начальника 2 (разведывательного) отделения штаба дивизии. Как видно из настоящего письма, к исполнению этих обязанностей он приступил еще в августе.

27.8.43

Стоит прекрасная августовская погода, так превосходно описанная Пушкиным. Солдатское солнце 1943 года греет наши спины и души, настроение хорошее, уверенное, работы много, и только иногда по вечерам откроешь планшетку и нежно взглянешь на вашу фотографию — на умное и вдумчивое лицо Женички, на прекрасные Ляличкины глаза и на тебя, моя дорогая. ⟨...⟩

В воздухе и на земле шумно.

Женичка через три дня неужели пойдет в школу? Невероятно!

⟨Август 1943⟩

⟨*На обрывке бумаги, карандашом.*⟩ Жив и здоров. Мы идем вперед неустанно, не досыпая или — точнее — без сна и отдыха.

1.9.43

Здесь жарко, очень жарко. Но в самые трудные минуты я не теряю присутствия духа и хорошего настроения и, истинно говорю тебе, у меня этому учатся многие.

Взяв один довольно известный город, о котором гремел салют в Москве[1], мы пошли дальше. Немец бежит, но огрызается сильно, особенно с воздуха.

[1] Имеется в виду г. Ельня, освобожденный 30 августа 1943 г.

7.9.43

Тут очень жарко. Подробно описывать не буду — все понятно само собой.

Времени нет, пишу тебе наскоро. Жив, здоров. Не всегда легко, но я не теряю хорошего настроения. Пиши часто.

СЕСТРЕ

7.9.43

Получил на днях от вас письмо, но ответить не имел возможности — я в настоящем пекле.

СЕСТРЕ

8.9.43

Сегодня — неожиданная радость: мне переслали несколько писем из моей бывшей части. А я уж давно отвык получать письма: в наступлении почта работает хуже, письма идут, а мы — от них.

Я жив и здоров, хотя сплю мало, как и все мы, а работы много — я ведь не редакционный муж, а военный человек.

Теперь время 3.15. Только что кончил дела. Мы в избе, хозяев нет, только по-хозяйски, как полномочный представитель отсутствующих хозяев, ходит рыжая кошка. На сундуке, на полатях спит опергруппа, за дверью часовой, недалеко гудят разрывы немецких снарядов и мин, я только что кончил диктовать боевой приказ.

Я, как и прежде, ваш брат и друг, хоть и с прибылью — с медалью «За отвагу» и с представлением к ордену «Красной Звезды».

По воспоминаниям командира 174 сд, полковника Горелика об этих днях передышки, в районе Озеренска наступление было приостановлено. За дни боев солдаты порядочно устали, и затишье было использовано для отдыха. Казакевич (бывший тогда адъютантом командира дивизии) подобрал четырех разведчиков и в течение двух дней и ночей

изучал противника. И вот, посреди бела дня, притащил на НП пленного немца в шесть пудов весом, который дал очень нужные сведения. Не было поддержки артиллерии — все было сделано тихо. Действуя смело и хитро, взяли пленного без потерь. От награды Казакевич отказался, мотивируя тем, что он не разведчик, что в дивизии он еще молодой и вообще ничего такого особенного не сделал. Он был награжден медалью «За отвагу».

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

10.9.43 г. разведгруппа 508 сп получила приказ произвести ночной поиск и взять пленного. Поиск оказался неудачным. Приказ не был выполнен. Тогда пом. начальника разведотделения лейтенант Казакевич, проявив отвагу и настойчивость, приказал произвести дневной поиск, взяв на себя ответственность за все последствия поиска в дневное время. Он возглавил разведгруппу, организовал поддержку минометов и пулеметов, повел разведчиков на передний край.

Установив, что из одной траншеи противника ночью был взят язык соседней частью, лейтенант Казакевич пришел к выводу, что противник в этой траншее всю ночь бодрствовал и к утру, очевидно, отдыхает. В этой траншее он и решил организовать поиск, проявив, таким образом, находчивость и предусмотрительность.

В результате приказ был выполнен: среди бела дня был захвачен в плен вместе с оружием немецкий унтер-офицер, член нацистской партии, награжденный Железным крестом, Альберт К. давший ценные сведения о противнике.

За проявленную отвагу и взятие в плен немецкого унтер-офицера тов. Казакевич достоин награждения медалью «За отвагу».

Нач. 4 отделения штаба дивизии майор Семеренко
Командир 174 сд полковник Горелик

30 сентября 1943 г.

СЕСТРЕ

11.9.43

У нас стало тише. А буря была такая, что часто казалось, что утлый челн моей человечьей жизни идет на дно. ⟨...⟩ Я работаю помощником начальника разведотдела. Работа интересная и — если заниматься ею по-настоящему — сложная.

Выход Италии из войны произвел на всех нас отрадное впечатление. Вчера мы по радио на переднем крае сообщили это немцам по-немецки. Вероятно, их это поразило — они перестали стрелять и прослушали всю передачу в торжественном молчании, как на похоронах. На юге наши войска двигаются чудесно — это какой-то триумфальный марш. У нас дело идет гораздо труднее (это там приблизительно, где я был в начале войны) [1]. Напротив нас — эсэсовцы, дерутся они ожесточенно, но мы движемся вперед.

[1] Смоленская область.

23.9.43

⟨*На обрывке бумаги, карандашом.*⟩ Милая, я жив и здоров. На днях сумею, надеюсь, написать подробное письмо. Пишу наспех.

25.9.43

Я теперь редко пишу тебе. Мы идем по пятам уходящих немцев, временами вспыхивают жаркие бои, но мы идем вперед. Победы даются трудно — я много ночей не спал. Теперь я (впервые за много дней) сижу в доме! Да, я в избе, в деревне, которая сегодня освобождена. Жители встречают поистине с ликованием. В народе, в его большинстве,— ненависть и презрение к врагу.

Милые мои девочки, целую вас всех.

29.9.43

Я подозреваю, что ты беспокоишься обо мне. Ты привыкла, что я пишу тебе часто. Но в последнее время я не мог тебе писать — мы в непрерывном движении вперед — с боями, в условиях тяжелых, когда каждую минуту хочется писать завещание.

Но все эти тяготы, все необычайное напряжение нервов и сил бледнеют перед чувством глубокого удовлетворения. Жители встречают нас, как дорогих гостей. «Родина пришла»,— сказал мне старик, встречая меня (я ездил верхом) у своего двора. Женщины выносят на крыльцо молоко, варят картошку, ухаживают за ранеными. Поистине великая радость у людей, у детей, у всех.

Дорогие мои, я вспоминаю о вас при виде несчастных женщин и детей, бредущих без крова по опаленным дорогам, и мое сердце сжимается от нежности и жалости — к вам и ко всем.

Дела идут хорошо. Немец, огрызаясь, плюясь огнем, отходит, иногда бежит к своей гибели.

1.10.43

Милая моя, спешу — после долгого перерыва появился почтальон. Вкратце: я жив и здоров, я помню о вас всегда, я, вместе с нашими войсками, иду на запад и, несмотря на огневой ад, гоню немца. Вот и всё.

*ПРИКАЗ

76 СЕД 21 АРМИИ (ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ)

5 октября 43 г. № 087. Действующая армия

... 2. Прибывший из отдела кадров 21 армии бывший пом. начальника 2 отделения 174 стрелковой дивизии лейтенант Казакевич Э. Г. допускается к исполнению должности пом. начальника 1 отделения штаба дивизии.

8.10.43

С теплым трепетом вспоминаю я о тебе. Сегодня ты мне снилась — может быть, в первый раз — ты ведь знаешь, что я редко вижу сны, не то, что ты.

Работы очень много. Не помню, писал ли я тебе, что я работаю на большой работе в большом штабе. Это с недавнего времени. ⟨...⟩ Я крепко надеюсь на то, что мы увидимся — ну, не очень скоро, как многие думают, но и не очень нескоро. Поверь мне, что какие перевороты ни наступят в этом странном мире — я о вас не забуду — потому что, если подумать, то ты мне была, насколько известно мне, хорошей женой и — это мне известно — хорошей подругой, почти безропотно сносившей мои капризы и тяжелую жизнь жены талантливого человека, каким я, вероятно, все же являюсь.

Женичку и Ляличку я целую крепко, как и тебя. Я последнее время, кажется, редко пишу тебе, но вот уже несколько дней у нас не так шумно. Не волнуйся, не получая писем. Верь в мою звезду. Авось она не обманет.

14.10.43

У меня всё в порядке. Это называется оперативной паузой, когда вокруг — сравнительное спокойствие. Конечно, это то спокойствие! ⟨...⟩ Пишите часто — дети в том числе.

СЕСТРЕ

20.10.43

Уже месяц с лишним, как я не получал ни строчки, как будто все решили предоставить меня всего целиком войне и не отвлекать такими глу-

постями, как любовь, дружба, родственные чувства и проч., дабы я мог на 100% выполнить свой воинский долг. Последний я выполняю по мере своих сил, но, грешным делом, хочется узнать, что с вами, как вы живете, что делают, как живут мои родные люди. ⟨...⟩

Написал я песню своей дивизии — она знаменита (не песня, а дивизия) здесь. Это всё или почти всё, что я написал за это время. Правда, я веду записки, дневники или что-то вроде дневника. Записываю всё, что пригодится для книги, которая будет, если я жив буду.

Думаю, что скоро, этой зимой произойдет последний, или почти последний, тур.

ПЕСНЯ
76 СТРЕЛКОВОЙ ЕЛЬНИНСКОЙ ДИВИЗИИ

Оружьем на солнце сверкая,
На запад штыки устремив,
Дивизия наша лихая,
Как буря пошла на прорыв.

Марш вперед,
За наш народ,
Песню запевая,
За отчизну в бой идет
Семьдесят шестая.

Покорны могучему шагу
Пред нами просторы встают.
Про нашу большую отвагу
Уж грянул московский салют.

Припев.

Запомнят Смоленские дали,
Запомнят и Днепр и Десна,
Как ельнинцы с боем шагали,
Не зная покоя и сна.

Припев.

Вспомянем любимых героев,
Погибших в кровавом бою,
Спаявших священною кровью
Солдатскую нашу семью.

Припев.

Не ведает сердце измены,
Не ведает страха душа,
И с русскими братья-туркмены [1],
Шагают, фашистов круша.

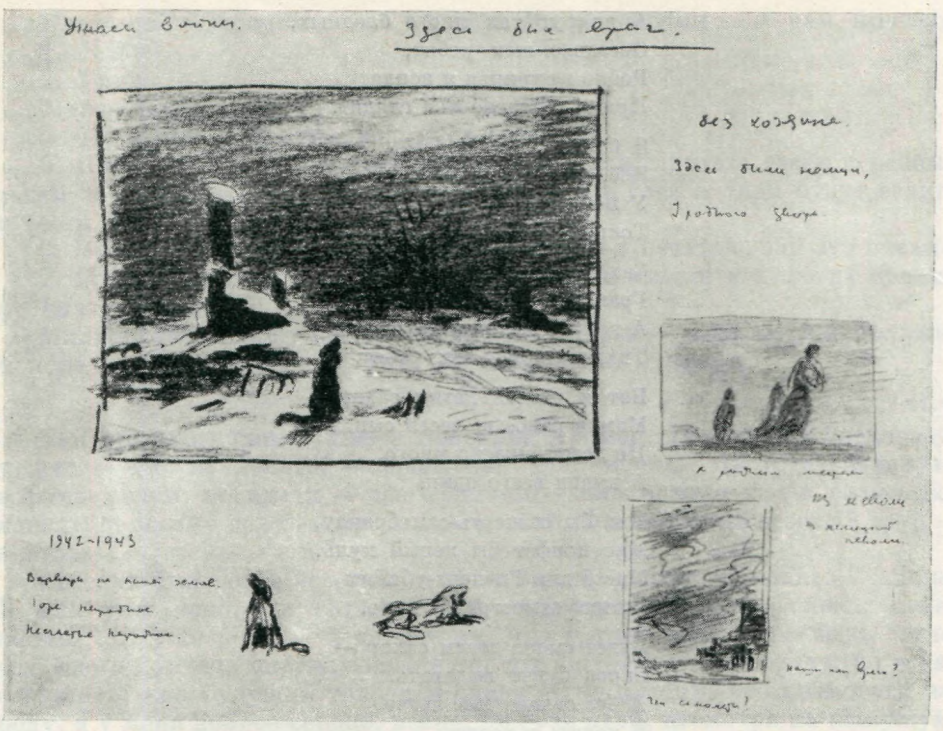
Припев.

Нас ждут в безутешной печали
Народы под вражьим ярмом.
Священную клятву мы дали
И мы к ним с победой придем.

Припев.

Проложим штыками своими
Наш путь неуклонный вперед.
Пусть ельнинцев грозное имя,
Как гром, на Берлин упадет.

Припев.



«УЖАСЫ ВОЙНЫ: ЗДЕСЬ БЫЛ ВРАГ»

Рисунки Н. М. Аввакумова (угольн. карандаш). Страница из фронтового альбома художника, 1942—1943 гг.

Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

[1] 76 СЕД была образована из 87 отд. стрелковой бригады, сформированной в Туркменской ССР.

21.10.43

Жду не дождусь твоих писем. Но я отношу это за счет почты и за счет наступления, а не за счет твоих чувств ко мне.

Мы теперь в полосе затишья. И замечательное дело! Несмотря на неописуемые трудности наступления, сидеть в сравнительной тишине — вещь надоедливая и нудная. И хочется наступать, опять окунуться в этот неумолчный шум и грохот.

Мы прошли полосу мертвых деревень, сожженных немцами при отступлении. Нет на свете ничего печальнее зрелища запустения и ничего нет трагичнее судьбы людей, живущих жизнью троглодитов, пещерных людей, кое-как выкопавших себе землянки. Они там существуют вповалку, с детьми, со стариками. От деревень остались одни дымоходы. Ночью эти дымоходы производят призрачное впечатление — это походит на надгробные камни или на кладбище инков. Лунные тени ложатся на эти надгробные камни. Человеческое горе может здесь сравниться разве только с человеческим терпением, которое поистине безгранично.

Мое сердце разрывается от жалости при виде детей, которые бог знает сколько времени не раздевались. Они смотрят круглыми глазами и как будто спрашивают: *за что*? Естественно, вспоминаются Женичка и Лялечка.

Я хожу по мертвым селам,
Путь невесел и далек.
И со мной один гостинец —
Только сахару кулек.

А вокруг так много бледных,
Обездоленных ребят,
Робко из тряпья и пепла
Прямо в сердце мне глядят.

Я бы отдал этим детям
Всё, что в жизни я берег.
У меня ж добра так мало —
Только сахару кулек.

Сахар, выданный по норме,
Граммов двести пятьдесят.
А вокруг так много бледных,
Тихих, маленьких ребят.

Вот я роздал детям сахар —
Мамке радость: весел сын...
Но детей ужасно много,
А кулек всего один.

Мне бы скатерть-самобранку,
Мне конфет бы целый куль,
Мне б для Гитлера-убийцы
Сотню самострелок-пуль.

Будет скоро детям сахар —
Снова будут выдавать.
А без сахару мне легче
И ходить и воевать.

Такие стихи написал я сегодня Женичке и Ляличке и Аллочке.

31.10.43

Милый друг, через пять минут кончается октябрь, октябрь 1943 года. Не такой уж это праздник, но у меня почему-то торжественное настроение — может быть, потому, что предстоящий месяц ноябрь — праздничный, или потому, что на душе светло без причины.

Будет очень обидно, если меня, избави бог, убьют. Свет не увидит тогда вещей, которые дадут ему, возможно, много прекрасных минут. Какое-то чувство абсолютно созревшей творческой силы — и, поверь, Галечка, очень большой — наполняет до краев, и это — я заметил это не раз — чувствуют и окружающие во мне.

Так что — всё впереди. У меня в голове — гнездо прекрасных стихов, а главное — книга, которую я потихоньку, в своем дневнике уже теперь называю Великой Книгой.

Дни проходят в работе по управлению войсками — я в штабе соединения. Работы много, и она интересна. У нас стало спокойней — ненадолго, вероятно.

Пошел месяц ноябрь. Через семь дней праздник. И если тебе придется выпить, выпей один бокал за мое здоровье, моя дорогая, как я буду пить за здоровье твое, Женички и Лялички и за твое золотое сердце, и за твои ясные глаза, и за нашу будущую встречу.

2.11.43

Я жив и здоров и даже временами весел. Ухожу дальше на запад.

5.11.43

Добрый день, мои многочисленные дети!

Писал бы вам много — да времени мало. Поэтому сообщаю, что жив, здоров. Хочу вас видеть и люблю вас крепко.

Когда война кончится — а это уже не за горами — я вам привезу:

1. Яблок.
2. Груш.
3. Апельсинов.
4. По кукле с закрывающимися глазами.
5. Две лошадки с повозкой, чтобы мы могли ездить в гости к разным тетям и дядям и удирать из дому, когда эти тети и дяди будут ездить в гости к нам.
6. Вот эту пишущую машинку, на которой я печатаю вам это письмо.
7. И себя самого, для того чтобы мы были вместе и никогда больше не разлучались.

Милые дети, почему вы мне ничего не пишете — ведь вы уже большие и пора вам писать письма хотя бы печатными буквами.

9.11.43

Так проходят дни — уже и праздник прошел. Прошел он бледновато у нас — что ж делать! — фронтовая обстановка. Дали «усиленную» порцию водки, посидели — все офицеры — вместе часа два и разошлись каждый к своему делу — продолжать тяжкий и не всегда веселый труд — войну.

Сегодня был более веселый день — прибыл доклад и приказ Сталина. В них уже ясно — и справедливо — прозвучали милые слова: конец войны [1]. А уже пора — и не потому, что трудно мне — мне ведь легче, чем всем,— я ведь переживаю все тяготы не только как объект, но и как свидетель, как будущий творец и судья — но потому, что невмоготу народу, а у меня доброе сердце, и мне, по сути дела, несмотря на кажущуюся суровость, страшно жаль людей — не знаю, знаешь ли ты это. ⟨...⟩

Итак, идут дни, и уже прошло два с половиной года с тех пор, как я не видел тебя. Ибо те два дня, что я был у тебя в Петровском, не могут идти в счет — это было, как сон. Это чем-то напоминает мой приезд в Биру, где ты тогда жила. Это было,— о, молодость! — восемь лет тому назад, в 1935 году. Правда, ты тогда была без Женюрки и Лялички, но и теперь, когда я был у тебя, мы, кажется, сохранили тот же молодой пыл и большую привязанность друг к другу.

Два с половиной года прошло и — признаюсь тебе, моя любимая — я начинаю забывать тебя. Твой облик (внешний и внутренний) застилается каким-то туманом, дымкой, как будто ты была в другой жизни. Но глубоко в моей душе ты и наши дети нетленны — я это знаю. И с суровым терпением ожидая конца войны и делая всё для того, чтобы она кончилась скорей, я вижу впереди большую жизнь вместе, и мной овладевает тихая радость.

Милая моя, мы должны пройти и пройдем через все печали. И через все искушения.

[1] Имеются в виду доклад Председателя Государственного Комитета Обороны «26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» и приказ Верховного Главнокомандующего № 309, 7 ноября 1943 года.

10.11.43

Моя милая, моя дорогая, без преувеличения скажу, что твое письмо после полуторамесячного перерыва принесло мне живейшую радость. Уже не раз бывали длительные перерывы в нашей с тобой письменной связи, но на этот раз, в условиях ожесточенных боев, я воспринимал отсутствие связи с тобой с особенно тяжелым сердцем. Мне мерещились разные страхи, особенно в последние две недели — период некоторого затишья у нас, когда оставалось достаточно времени для дум и размышлений. ⟨...⟩ Нам предстоят еще большие сражения ⟨...⟩ ⟨*Конец письма утрачен.*⟩

11.11.43

Получила ли ты мои многочисленные письма и записочки, которые я посылал тебе довольно часто, несмотря на бои, передвижения и страшную занятость?

15.11.43

Мои милые Женичка, Ляличка, Аллочка!

Давно вам не писал, потому что очень занят, мы всё воюем с поганым немцем и крепко его бьем. Скоро мы прогоним всех немцев с нашей земли и заживем хорошо.

Сегодня к нам в штаб пришел маленький мальчик. Немцы убили его папу и маму, и он к нам пришел и попросил, чтобы мы взяли его к себе и дали ему винтовку, чтобы он мог убить много-много немцев. Но ведь ты маленький, — сказали ему наши офицеры. Я сказал: оставим его у нас, пусть он с нами ест и пьет и дадим ему маленький револьвер. И меня послушались. Этот мальчик Витя у нас и он шлет вам привет.

СЕСТРЕ

17.11.43

Я — в боях. Снова «до смерти четыре шага»[1] и гул орудий. Писать нет времени.

[1] Из стихотворения А. Суркова «Землянка».

20.11.43

Мои дорогие, седьмой день наша часть в тяжелых боях. Сегодня у меня вроде дня отдыха, и я спешу вам сообщить, что я жив и здоров. ⟨...⟩ Целую Женичку и Ляличку крепко, тебя — горячо.

26.11.43

Любимая моя, я только что получил твое письмо, твое ласковое письмо ⟨...⟩ Оно получено мной в нелегкий момент — вокруг грязь, грязь, грязь, подлый и проклятый враг сопротивляется упорно, места пустынные, безлесные, выжженные немцем дотла, и в наших землянках холодно. Тут герои — все, просто жить здесь так — уже геройство.

Слова стиха о том, что «мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви» пришли мне на ум ⟨...⟩, когда я читал строки твоего письма. Не знаю, стало ли мне теплей, но у меня стало светло на душе, слякоть и разрывы снарядов перестали казаться пределом существования, я почувствовал веселое будущее с зелеными деревьями, умными дочерьми, любимой и стойкой женой, катание на лодках, смех, солнце и беседу друзей. Ох, Галечка, нужно иметь богатую фантазию, чтобы здесь представить себе нечто подобное. ⟨...⟩ ⟨*Конец письма утрачен.*⟩

⟨Ноябрь 1943 г.⟩

⟨*Начало письма утрачено.*⟩ ⟨...⟩ Моя жизнь, вообще говоря, мало дается описанию в письмах. Во всяком случае, твой дражайший супруг не унывает в любых переделках, не трусит в бою и перестает шутить только в самых исключительных условиях, любим своими начальниками за ясность мысли и настойчивость в делах и подчиненными за справедливость и веселость. Вот и всё. И он хочет писать Великую Книгу и надеется ее написать среди вас, мои дорогие.

76 СЕД предстояли бои за опорный пункт противника — город Оршу, для подхода к которому нужно было одолеть сильно укрепленный узел — деревню Боброво. Четыре ряда траншей с колючей проволокой и минными полями нужно было преодолеть, чтобы продвигаться дальше. В лесах и оврагах противник сосредоточил свои части и технику, непрерывно обстреливая наши боевые порядки. Местность была выгодной для противника и невыгодной для наших частей — противник просматривал наши боевые порядки и тылы, им простреливалась вся противолежащая местность, в особен-

ности — переправы через реку Россасенка. В осенней грязи окопов и траншей, под почти беспрерывным обстрелом, уставшие, иззябшие люди стойко переносили лишения. После нескольких безуспешных попыток взять Боброво, 1 декабря 1943 г. части дивизии снова пошли в наступление. Первая атака не дала результатов. Тогда командование дивизии решило предпринять обходный маневр, и в ночь с 1 на 2 декабря части дивизии прорвались в тыл противника. Вся ночь прошла в жестоких боях. Под угрозой полного окружения противник поспешно оставил Боброво, понеся большие потери.

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

Тов. Казакевич, работая на должности помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии, показал себя способным, энергичным и храбрым офицером. ⟨...⟩

За время наступательных боев с 15.11 по 3.12.43 г. в районе дер. Боброво, находясь на переднем крае, личным примером и храбростью воодушевлял бойцов и офицеров на выполнение поставленных задач, чем способствовал овладению сильно укрепленным пунктом противника — дер. Боброво.

За проявленные бесстрашие и храбрость тов. Казакевич достоин правительственной награды Ордена Красной Звезды.

Начальник 1 отд. 76 ЕСД майор Архипов
Начальник штаба 76 ЕСД подполковник Атаев
Командир 76 ЕСД полковник Выдриган

7 января 1944 г.

1944

1.1.44

Вчера я приехал из Москвы [1] ⟨...⟩ Приехал я, как Чацкий, с корабля на бал — прямо на встречу Нового года. Встретили меня хорошо после 10-дневного отсутствия, и я имел удовольствие слышать от всех, что без меня было здесь скучно. ⟨...⟩

Теперь снова — за дело!

[1] Перед Новым годом Казакевич получил отпуск на несколько дней для поездки в Москву.

СЕСТРЕ

10.1.44

В Москве уже всё, как до войны, только фонари на улицах матовые, да карточки. Все вернулись из эвакуации. Народу полно.

Олеша где-то в Средней Азии, и он сказал о себе неподражаемо: «Я никогда не думал, что умру узбекским нищим».

В конце января 1944 г. 76 СЕД прибыла на ст. Бологое для пополнения.

«Дело о побеге» Казакевича из Владимира в Действующую армию еще не закончилось:

17.1. 1944 г.

* № 01001-в
ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ 76 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Прошу проверить и сообщить мне, состоит ли на службе в 76 сд старший лейтенант Казакевич Эммануил Генрихович. Если Казакевич состоит на службе, то когда он прибыл, кем и по какому предписанию прислан. ⟨...⟩

По имеющимся сведениям, Казакевич в июле 1943 г. в течение 10 дней находился у зам. командира 51 сд подполковника Выдригана, а затем вместе с последним выбыл в 70 сд [1].

В данное время подполковник Выдриган состоит на службе в 76 сд и вместе с ним находится Казакевич Э. Г.

Ответ прошу не задержать.

Пом. военного прокурора МВО майор юстиции Раусов

[1] Неточность: на самом деле — в 174 сд.

СЕСТРЕ

5.2.44

Дорогая Люся, только что получил твоих три письма — после длительного перерыва, связанного с нашим передвижением...

О том, что я награжден орденом Красной Звезды, я вам уже писал, кажется. Ну, а если не написал, то вот теперь вы уже об этом знаете. Теперь меня представили к ордену Отечественной войны.

Дорогие мои и любимые люди, каждый раз, что я получаю от вас письма, становится хорошо и грустно на душе от сознания, что есть в мире сердца, где живу я.

5 февраля 1944 г.

* № 02274-в

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ 76 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Прошу срочно исполнить наш № 01001-в от 17.1.44 г. в отношении ст. лейтенанта Казакевича Э. Г.

Пом. военного прокурора МВО майор юстиции Раусов

7.2.44

ПРОКУРОРУ 76 СЕД

В ответ на ваш запрос сообщаю:

В июне 1943 г. я, работая зам. редактора газеты 4 Курсантской запасной стрелковой бригады «Боевые резервы» (г. Владимир), многократно, но безрезультатно просился на фронт. Тогда я списался с знакомыми командирами из 51 сд, получил от них командировочное предписание и выписку из приказа по дивизии о назначении на должность пом. начальника 2 отд. и уехал на фронт самовольно.

Но командование 4 КЗСБ сообщило о моем самовольном отъезде на фронт политотделу 21 армии с просьбой вернуть меня обратно в тыл. Политотдел 21 армии выдал мне предписание отправиться в распоряжение ПУ МВО, и я был вынужден уехать в Москву.

В Москве мой старый командир, полковник Выдриган, под начальством которого я служил с декабря 1941 по май 1942 г., получал в то время назначение на новую должность. Он договорился о моей дальнейшей судьбе с генералом Свиридовым (начальник Главного Управления кадров Красной Армии), и ГУК КА выдал мне предписание следовать в распоряжение штаба 21 армии, куда направлялся и полковник т. Выдриган.

Так кончились мои мытарства с «бегством» на фронт.

Я был назначен в 174 сд, где работал вначале адъютантом командира дивизии полковника Горелика, затем — помощником начальника 2 отделения. Из 174 сд я был переведен приказом Военного Совета 21 армии в 76 СЕД на должность пом. начальника оперотделения, где работаю и по сей день.

Ст. лейтенант Эм. Казакевич

СЕСТРЕ

18.2.44

Я жив и здоров и даже временами весел. А война всё идет, всё продолжается ⟨...⟩

Э. Г. КАЗАКЕВИЧ И СЕРЖАНТ Г. В. ЛЯМИН

Фотография. 1 Белорусский фронт, 47 армия, лето 1944 г.

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

В марте — апреле 1944 г. 76 сд вела бои в районе города Ковель. Положение создалось напряженное. В районе Ковеля сосредоточились крупные силы противника. Необходимо было разведать, какие части стоят перед дивизией, каковы намерения противника, расположение и численность вражеских войск и техники. Разведка дивизии не справлялась с задачами, диктуемыми создавшимся положением. В приказе войскам 125 ск от 9.IV.1944 г. сказано: «76 сд до сих пор не знает, какой противник действует перед ней; за период с 1 по 7 апреля дивизией взят только один пленный». Еще накануне вместо смещенного начальника разведки дивизии на эту должность назначается Казакевич. 10 апреля разведчиками дивизии был взят пленный Герман Г. и документы у трех убитых солдат и офицеров.

В разведсводке от 14.IV Казакевич отмечает: «Противник приводит себя в порядок и готовится к возобновлению наступления».

*ИЗ РАЗВЕДСВОДКИ

за период с 6 по 16.IV.1944

Вывод:

1. Противник подтягивает технику и живую силу к передней линии фронта, имея своей задачей уничтожение нашей группировки юго-западнее Ковеля.

2. По показанию пленных и документам, перед фронтом дивизии действуют: полк СС «Германия» дивизии СС «Викинг», 565 гренадерский полк, 2/453 пп 253 пд и 5 ОЗАД.

Начальник 2 отделения ст. лейтенант Казакевич

20.4.44

У меня всё в порядке и, надеюсь, и дальше будет так же.

Пришла весна, да не до нее сейчас. У нас серьезные бои. Но я рад ей — ты писала о топливе, а сейчас оно не так уж нужно. ⟨...⟩ В общем, Галечка, живы будем — не помрем.

* ПЛАН РАЗВЕДКИ

76 СЕД на период с 14 по 20.IV.1944 г.

1. Захватить контрольных пленных и документы на участках: а) лес севернее Зилув, отм. 210.1, б) лес западнее Зилув, в) Туровиче, г) Миляновиче (искл.) Юльнов.

2. Установить начертание переднего края обороны противника, ОП артиллерийских и минометных батарей, изучить систему огня противника.

3. Установить характер инженерных сооружений и заграждений противника перед фронтом дивизии.

4. Следить за характером передвижения войск и техники противника по дорогам: ⟨*указаны дороги*⟩.

5. Следить за выдвижением новых частей противника из глубины линии фронта.

Способ — глубинная разведка.

Начальник 2 отд. 76 СЕД ст. лейтенант Казакевич

* ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

ефрейтора Е., 1907 г. рождения, принадлежащего к 2 роте 697 пп 342 пд, взятого в плен ночью с 22 на 23.4.44 разведчиками Казакевича (76 сд)

342 пд прибыла под Ковель из-под Могилева 19.4.44. Ее 697 пп выгрузился в Любомль и 21.4 сменил на передовой части 131 пд. Остальные полки 342 пд находятся еще на марше.

342 пд состоит из 697, 698 и 699 пехотных полков и артполка. Командир 342 пд — генерал-майор Никкель. Командир 697 пп — полковник Келлен.

697 пп занимает оборону к востоку от Туровиче.

На ст. Любомль 19.4 стояло 5 эшелонов с людьми и 1 эшелон с танками.

23.4.44

Пишу тебе на трофейной бумаге несколько слов — обычных, тех, которых я от тебя жду: я жив и здоров.

Здесь всё по-прежнему — воюем и основательно.

Галечка, ты держишься молодцом. Так держись и дальше, и мы увидимся.

* ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Карла В., принадлежащего к 2 роте 697 пп 342 пд, захваченного в плен в районе Туровиче в ночь на 24.4.44 разведчиками Казакевича (76 сд)

342 пд 16.4 погрузилась в Могилеве и 19.4 прибыла на Ковельское направление. К 21.4 дивизия полностью выгрузилась на ст. Любомль. Задача 342 пд — наступать.

21.4 комвзвода говорил пленному, что через 48 часов начнется наступление, причем задача 697 пп выпрямить фронт, оттеснив выдвинувшиеся части Красной Армии на своем участке.

* РАЗВЕДСВОДКА ОТ 24.4.44

1. Противник в течение истекших суток продолжал удерживать ранее занимаемый рубеж обороны. Производил оборонительные работы по усовершенствованию занимаемого рубежа: строил блиндажи, углублял окопы до полного профиля, строил проволочный забор на участке северо-восточнее М. Миляновиче. Вел редкий ружейно-пулеметный огонь и артиллерийско-минометным огнем методически обстреливал боевые порядки и ближайшие тылы дивизии.

В 1.00 25.4 противник из района Зилув — Туровиче вел подготовку к наступлению. К переднему краю подтягивали мелкими группами пехоту и технику. В лесу северо-западнее Зилув был слышен шум моторов танков.

Разведкой подготовка противника была своевременно разоблачена и артиллерийско-минометным огнем скопление пехоты в районе Туровиче рассеяно. ⟨...⟩

4. Разведподразделение дивизии двумя разведгруппами будет вести разведку в ночь с 25 на 26 с задачей захватить контрольных пленных и документы в районах: ⟨*перечислены районы*⟩. Наблюдатели от разведроты и взводов пеших разведчиков полков с передовых НП несут службу наблюдения и подслушивания. Потери противника: за сутки разбит НП, рассеяно до роты солдат, уничтожено 9 солдат и офицеров.

Вывод:

1. Противник к передней линии обороны подтягивает живую силу и технику и *в ближайшее время нужно ожидать наступления*[1].

2. Захватом контрольных пленных в районах: ⟨*указаны районы*⟩ выявить группировки противника и вскрыть его намерения.

3. Южнее М. Миляновиче противник частями 342 пд сменил части 253 пд, ушедшие южнее (требуется подтверждение).

Нач. разведки ст. лейтенант Эм. Казакевич

[1] Этот пункт дописан чернилами, рукой Казакевича.

* ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.
На № 04720 от 16.3.44 г.

№ 076. 24.4.44

Возвращаю вам требуемое вами донесение в/прокурора Московского гарнизона за № 1-188 от 5.2.44 вместе с постановлением[1] в/следователя в/прокурора Московского гарнизона от 4.2.44 в отношении Казакевича Э.Г.

Приложение: на 2 печатных листах.

Военный прокурор 76 СЕД капитан юстиции Агабеков

[1] Это постановление в архиве не обнаружено.

На этом дело о «побеге» Казакевича на фронт было прекращено.

В разведсводке от 25.4 после изложения данных разведки за истекшие сутки и выводов, сделанных на основании этих данных, рукой Казакевича было дописано карандашом: «Надо ожидать в ближайшее время наступления противника на участке дивизии».

Он не ошибся: 27.4 в 5.00 противник открыл массированный артиллерийский огонь по переднему краю 76 СЕД. С 6.30 до 50 самолетов противника несколько раз бомбили боевые порядки дивизии. В 8.00 под воздействием превосходящих сил противника части 76 СЕД отошли. В 8.30 на участке соседней 165 сд фронт был

прорван. К 10.00 был занят Ружин, и правый фланг 76 сд оказался оголенным. Передовые части противника пытались зайти в тыл дивизии, и дивизия вынуждена была отойти на новый рубеж. Для защиты КП дивизии от нападения были мобилизованы штабные офицеры, разведчики и находившиеся там бойцы, которые заняли рубеж севернее и северо-восточнее КП. Этот рубеж удерживался до 13.30, когда наблюдатели дивизии доложили, что на шоссе отступает пехота — это были части правого соседа, 165 сд,— и правый фланг дивизии снова оказался открытым. Пришлось отойти на новый рубеж, а затем в 18.00 и на восточный берег реки Турья. Здесь дивизия заняла оборону и отразила попытку противника форсировать реку. Дальнейшее продвижение противника вперед было приостановлено, несмотря на неоднократные массированные налеты авиации и артиллерии.

«В этом бою был убит начальник политотдела дивизии полковник Уткин, ранен командир 216 сп — подполковник Левитин и начальник разведки дивизии старший лейтенант Казакевич» (из истории 76 сд, л. 59).

*ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА ОТ 7 ИЮЛЯ 1944 г.

Тов. Казакевич — активный участник Отечественной войны.

В боях с немецкими захватчиками показал себя смелым, отважным, волевым командиром, исключительно способным организатором.

В боях под деревней Ружин 27 апреля 1944 г., когда противник наступал крупными силами при поддержке танков и авиации, товарищ Казакевич, находясь в боевых порядках, своим личным примером и бесстрашием воодушевлял бойцов, отстаивая каждую пядь нашей территории и, будучи раненым в бою, не ушел с поля боя. *Продолжение наградного листа см. ниже, на стр. 463.*

28.4.44

Галечка, вчера я в бою был ранен в ногу пулей навылет <...> Пишу из медсанбата.

Милые Женичка и Ляличка! Вот вы живете в новом городе, где еще ни разу не были. Вот какие вы путешественницы! Всю страну объездили, больше многих взрослых. Кончится война, и вы будете рассказывать деткам-домоседкам про ваши приключения.

7.5.44

Лежу по-прежнему, рана начинает заживать понемножку, и недели через три я сумею опять делать свое военное дело. За меня не беспокойся, рана нисколько не опасная.

<...> То, что ты мне пишешь о наших дочерях, переполняет меня нежностью. Поцелуй их за меня лишний раз. И делай свое большое дело — воспитания детей — спокойно и терпеливо, в ожидании лучших времен. Целую тебя, мой голубь.

Войсковая часть
Полевая почта 43108
21 мая 1944 г.
№ 3/7—0521

СПРАВКА

Капитан Казакевич Эммануил Генрихович находился на стационарном лечении при в/ч п. п. 43108 с 28.04 по 21.05.44 с диагнозом сквозное пулевое ранение м/т 6/3 правого бедра.

Выписан в часть для дальнейшего амбулаторного лечения.

Нуждается в освобождении от работы на восемь дней.

Командир госпитального взвода Борозов

ПРОЩАНИЕ С МЕДСАНБАТОМ

Не ради денег нынче я пишу,
И не грущу о благах дней прошедших.
Я на войне, и я войной дышу.
Я не поэт. Я воин. Я разведчик.
Я всё, чем назовет меня весь свет,
Но временно я больше не поэт.

Что песни нынче? Песни впереди...
Но вдруг весь мир становится мне тесен,
И жарко вдруг становится в груди
От трепета еще не спетых песен.
И я в ковчеге песен, точно Ной,
Плыву на волнах, поднятых войной.

Но вот неподалеку от границы
Случился этот яростный апрель.
В меня не раз уже стреляли фрицы,
Но некий фриц попал на сей раз в цель.
Я от того не умер, слава богу,
А просто получил две дыры в ногу

И очутился я ... то бред солдата —
Иль это впрямь случилося со мной?—
Нет, верно, очутился я ... когда-то
То место называли — «рай земной».
А нынче, в этом мире бесноватом,
Тот «рай земной» зовется медсанбатом.

И сладок он не чистотой палат,
И вовсе не компотами из дыни,
И не листвой зеленой, как салат,
Не склянками с наклейкой по-латыни,
Которыми Сафаров вечно рад
Поить нас, точно древний Гиппократ.

Мне дорог этот милый рай земной
Не тем, что я (я полон этим чувством)
Отгорожен от смерти, как стеной,
Жестоко-нежным Харченки искусством,
И уж не тем, что сестры, чуть встают,
Термометры под мышки нам суют.

Всё это хорошо, но всё не в счет,
Не это всё мы раем называем.
Пусть мне давали б пять раз в день компот,
Я не назвал бы это место раем,
Когда б не наполнял питомник наш
Веселый рой Мариек и Наташ.

Наташи, Шуры, Кати и Марии!
Молюсь о вашей сча́стливой звезде
В аптеке, в госпитальной, в хирургии,
В эвако, сортировке и — везде.
. . . . . .
. . . . . [1]

И вот прощаясь, здесь в лесном раю,
Среди шатров, я славлю вас, голубок.
Про вас, подруги, песню я пою.

Жаль, водки нет, а то бы полный кубок
Мы выпили, а там прости-прощай,
Мой милый, пахнущий лекарством рай.

Про вас я слышал много клеветы
От дур в тылу и от глупцов на фронте,
Но для меня вы все равно чисты.
И мы в стихах прикажем: их не троньте!
(Мы — это мы: поэты-короли,
Бойцы за справедливость, соль земли).

Хочу вам напоследок пожелать я,
Чтобы скорее кончилась война,
Чтоб вы носили шелковые платья,
Чтоб жизнь была прекрасна и вольна,
И чтобы сохранил вас добрый гений
От бед и от полночных построений.

Итак — прощаюсь. Хоть и нет вина,
Но мы и так от молодости пьяны.
Так почему душа моя грустна?
Ужель я так расчувствовался? Странно,
Ведь даже и барана зубврача
И то готов обнять я сгоряча.

Прощайте. Слышите? В лесу кукушки
Прокуковали нам по сорок лет,
Хотя еще стреляют близко пушки,
Хотя душе еще покоя нет.
Итак, девчата, нежные созданья,
Пусть будет не «прощай», а «до свиданья».

19 мая 1944 г.

[1] Автограф стихотворения не сохранился. Одна из медсестер, которым оно было посвящено, позднее прислала Казакевичу его текст — не совсем полный; в результате многократного переписывания оказались утраченными две строчки.

Далее в нашей публикации опущено пять строф, содержащих характеристики каждой из медсестер.

22.5.44

Я вышел из госпиталя и вернулся к выполнению своих прежних обязанностей. Хожу я пока с палочкой, но раны уже почти совсем зажили. Чувствую себя хорошо.

23.5 дивизия, находившаяся после изматывающих боев под Ковелем во втором эшелоне, снова заняла полосу обороны на восточном берегу реки Турья.

1.6.44

Начинается новый месяц — тот, который завершит три года войны. Снова приближаются знаменательные даты: три года нашей разлуки, три года первого боя и т. д. и т. п.

Моя раненая нога окрепла и уже вполне соответствует своему назначению. С палкой я еще хожу, но, вероятно, вскоре отброшу ее. Работы много, и после госпитального затишья снова начались страдные дни.

4.6.44

Наконец-то ты имеешь от меня письма. ⟨...⟩

Я уже работаю, вчера ходил даже без палки, а сегодня уже ездил верхом. Все зажило, как на хорошей собаке.

СЕСТРЕ

10.6.44

Поздравляю вас с долгожданным вторым фронтом ⟨...⟩. Приходится присоединиться к молитве Рузвельта (читали в газетах?) [1].

У меня всё в порядке. Работы очень много, приходится часто не спать ночью. Правая нога работает уже почти нормально, только ноет иногда.

[1] «В Правде» от 8 июня 1944 г. была напечатана молитва Рузвельта, прочитанная им по поводу начала высадки союзных войск в Нормандии.

*В ПАРТОРГАНИЗАЦИЮ ШТАБА 76 СЕД
к/к № 3749435

Заявление

Считаю себя подготовленным к вступлению в ряды ВКП(б) в качестве полноправного члена ее и, полный желания вместе со своими товарищами по большевистской партии проводить в жизнь ее линию, прошу принять меня из кандидатов в члены ВКП(б).

Канд. ВКП(б) с 1942 г. Канд. карт. 3749435

Эм. Казакевич

15.6.44 г.

*СПИСОК
членов ВКП(б), давших рекомендации

Фамилия, имя, отчество	Партстаж	№ партбилета	Место работы и заним. должность	С какого времени рекомендующ. знает вступ. в ВКП(б)
1. Веретенцев Вячеслав Михайлович	1932	0355613	ПНО-6 Штадива 76	IX.1943
2. Выдриган Захарий Петрович	1919	1016434	Командир 76 СЕД	XII.1941
3. Годкин Яков Соломонович	1925	2830508	Пом. нач. подразделения штаба	IX.1943

17.6.44

*БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
на начальника разведывательного отделения штаба 76 стрелковой Ельнинской дивизии капитана Казакевича Эммануила Генриховича

Капитан Казакевич Э. Г. в 76 стрелковой Ельнинской дивизии с сентября 1943 г. До марта месяца 1944 г. работал помощником оперативного отделения, с марта месяца — начальником разведывательного отделения штаба дивизии. За период службы в 76 СЕД показал себя смелым в бою и решительным офицером.

Работая пом. нач. оперативного отделения, проявлял склонность к разведслужбе, так им был организован дневной поиск, участником которого он был лично. Поиск закончился захватом контрольного пленного. Опыт дневного поиска как положительный был отмечен в армейской печати.

Будучи начальником разведотделения штадива, капитан Казакевич хорошо организовал разведслужбу, что обеспечивало получение своевременных сведений о противнике. ⟨...⟩

В наступательных боях летом в 1944 г. большую часть времени находился в боевых порядках частей, организуя разведку и лично участвуя в ней. За умелое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награжден орденом «Красная Звезда» и орденом «Отечественная война» II степени[1].

Капитан Казакевич в боях был дважды ранен.

Командир 76 СЕД полковник Выдриган

[1] Неточность: к этому времени Казакевич был только представлен к ордену Отечественной войны II степени. См. также наградной лист от 7 июля 1944 г.

20.6.44

Пользуюсь перерывом и пишу тебе, милая, несколько слов. Мне принесли твое письмо. Очень хорошо, Галечка, когда жена пишет мужу такое письмо на десятом году их совместной жизни. Это делает честь им обоим. Я уверен, что заживем мы по-настоящему. И большая радость жить с любимым человеком ожидает нас обоих — меня, как и тебя. Давай будем верить в нашу звезду и в то, что мы будем достойны радостей, которые нас ожидают.

Ты пишешь, что всё перенесешь ради нашей встречи — смотри, перенеси.

22.6.44

У меня всё хорошо, насколько это возможно на войне. А сегодня трехлетие войны. Из этих трех лет я на фронте более половины — год восемь месяцев. Ты мучаешься почти полных три года. Ничего, моя Галечка, в эту годовщину будем еще упорней, еще терпеливей ждать, делая всё, что в наших силах, для общего дела.

СЕСТРЕ

22.6.44

Как причудливо сложилась жизнь! Я — капитан, мои труды и мечтания где-то далеко, как бы на другой планете. Вернусь ли я к этому сладкому и горькому занятию — литературе?

25.6.44

... ты несколько преуменьшила мои военные таланты, предположив, что я младший лейтенант до сих пор. Я уже капитан, награжденный орденом Красной Звезды и представленный к ордену Отечественной войны I степени — одним словом, заслуженный воин, перед которым, кроме смерти, еще и множество завидных перспектив вроде других орденов и медалей.

Незачем говорить, что я совсем не стремился перещеголять Лермонтова чинами, а Дениса Давыдова орденами. Если оно и получилось так, то я, во всяком случае, желаю поскорее иметь возможность перещеголять первого и второго стихами. И это мое желание тесно, до слияния в одно целое, связано с желанием быть вместе с тобой и с нашими детьми. ⟨...⟩

Теперь надо смело воевать, чтобы скорей иметь возможность жить мирно. Яростно воевать, чтобы счастливей жить — не это ли является теперь лозунгом всех мало-мальски честных людей во всем мире? Причисляя себя к последним, я это и делаю, насколько могу.

Галечка, свет, чаще пиши.

5.7.44 г., после полутора месяцев упорных боев в районе Ковеля, противник начал оставлять свои позиции. В 5.00 76 СЕД стала преследовать противника и уже в 6.00 достигла окраины города Ковель. С боем форсировав реку Турья и перейдя на ее западный берег, дивизия продолжала наступление. При переправе через реку Турья 6 июля был ранен полковник Выдриган.

5 ИЮЛЯ 1944 г.

Был день, как день, обычный день июля,
И если бы не ад, закрытый мглой,
Казалась бы летящая к нам пуля
Тяжелой медоносною пчелой.

Но то был ад, со всей его котельной,
Обычный ад войны. И город весь
Казался западнёй смертельной,
Куда мне долг приказывает: лезь!

Весь выжжен, взрыт, весь взорван и распорот,
Зияющий и страшный, как провал,
Открылся предо мною этот город,
Который путь к Варшаве прикрывал.

Обломки улиц, черепичных кровель,
. . . . . [1]
Он где-то в книжках назывался Ковель,
Но то была безвыходность сама.

А за рекой, себе берлогу выбрав,
Противник, страшный в немочи своей,
Негаданною смертью всех калибров
Гвоздил по лежкам наших батарей.

Огонь крошил в обломочки обломки,
Он шарил по домам исподтишка,
Как шарит по пустому дну котомки
Голодная и жадная рука [2].

[1] Здесь в подлиннике пропущена строка.
[2] Это стихотворение написано наспех, на обрывке какого-то бланка, на обороте которого имеются записи Казакевича, видимо, касающиеся военных забот того дня, когда стихотворение писалось, например: «80 снарядов и мин, м/б 2,75 — ор 2».

*ИЗ ПРИКАЗА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО от 7.7.1944.

Войска Первого Белорусского фронта 6 июля овладели важным опорным пунктом обороны немцев и крупным железнодорожным узлом — городом Ковель.

В боях за овладение Ковелем отличились войска ⟨...⟩ полковника Выдригана.

*ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА ОТ 7 ИЮЛЯ 1944 г.

В боях за овладение городом Ковель товарищ Казакевич обеспечивал разведку состояния противника, своевременно разгадал замысел противника и способствовал занятию г. Ковель частями нашей дивизии 6 июля 1944 г.

Достоин правительственной награды Ордена Отечественной войны II степени.

Командир 76 стрелковой Ельнинской дивизии полковник Дрогайцев

Тов. Казакевич правильно организовал разведслужбу в дивизии, своевременно вскрывал группировки противника.

Начальник разведотдела 47 армии полковник Малкин

Достоин награждения орденом Отечественной войны II степени.

Начальник разведотдела 125 ск майор Федотов
Командир 125 ск генерал-майор Кузьмин
Командующий 47 армии генерал-лейтенант Гусев
Член Военного Совета 47 армии генерал-майор Королев

19 июля 1944 г. 76 СЕД начала наступление в направлении Крушинец.

* ПЛАН ДЕЙСТВИЙ РАЗВЕДКИ
на период наступления 76 СЕД с 18 июля 1944 г.

... в) Группа разведроты (с рацией), которая вела разведку на правом фланге, подходит к Рудне и захватывает переправу. Саперы разведывают броды р. Выжувка в районе Рудня. В помощь высылается конная группа с ручными пулеметами и стрелковая рота от 93 сп. ⟨...⟩

д) Конный разъезд разведроты высылается в район Кукурики, отм. 185,8 Мшанец, откуда доносит о местонахождении и намерениях противника.

Начальник разведки 76 СЕКД [1] капитан Казакевич

[1] После взятии Ковеля дивизии было присвоено наименование «Ковельская».

К концу дня 19 июля дивизия, преследуя противника, достигла местечка Крушинец, затем форсировала реку Западный Буг и вышла на территорию Польши. 22 июля к 11.00 части 76 СЕКД последовательно овладели населенными пунктами: Собибор, Собибор-Дульник и Орхувек.

В 17.00 полки дивизии форсировали реку Влодавка, а в 19.00 город Влодава был взят.

* ИЗ ОТЧЕТА
по организации и проведению войсковой разведки разведотдела штаба 125 стрелкового корпуса за июль месяц

Практиковались рейды конных разведчиков в тыл противника с целью захватить мосты и переправы на путях отхода противника, чтобы отрезать пути его отступления.

Например, 24.7.44 года[1] конному отряду разведчиков 76 сд была поставлена задача прорваться в тыл противника и захватить мост шоссейной дороги через реку Влодавка в районе три километра западнее Орхувек.

Конный отряд в количестве семи человек под командованием начальника разведки дивизии капитана Казакевича незаметно проник в тыл противника, захватил мост, после чего встретил группу противника в количестве сорока человек и принял бой. В начале боя большинство немцев подняло руки вверх для сдачи в плен, но, увидев малочисленность конной группы, открыли по разведчикам огонь из винтовок, автоматов и крупнокалиберного пулемета. Разведчики, уничтожив до 25 человек противника, имея сами потери — двое убитых и трое раненых, в том числе ранен начальник разведки дивизии капитан Казакевич,— вынуждены были отойти.

[1] Дата в отчете указана ошибочно. Другие документы говорят о том, что это произошло 22. VII. 44 г.

25.7.44

Я лежу снова в госпитале, в Польше. Это здание бывшей школы, светло, чисто, много цветов. Я ранен осколком гранаты в правое бедро[1]. Осколок уже вынули. Было (и предстоит еще) много боли. Но это не страшно. ⟨...⟩

Немцы бегут. Много пленных, трофеев.

Получил бы я за последний подвиг большую награду, но, в связи с моей эвакуацией в госпиталь, вряд ли получу. И если предполагать, как это делают многие, что я уже отвоевался, то приду я домой таким же, каким ушел на эту войну, но с чистым сердцем и с правом на спокойную жизнь и работу, правом, завоеванным не словами, а делом и кровью.

Вот итог за три года и один месяц: я совершил не менее пяти подлинных подвигов; в самые трудные минуты был весел и бодр; и подбадривал других; не боялся противника; не лебезил перед начальством; не старался искать укрытия от невзгод, а шел им навстречу и побеждал их; любил подчиненных и был любим ими; оставался верен воспоминаниям о тебе и двух детских жизнях — нашей плоти; сохранял юмор, веру и любовь

СОЛДАТ ПОБЕЖДАЮЩЕЙ АРМИИ
Рисунок В. С. Климашина (угольн. карандаш), 1944
Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

к жизни во всех случаях; был пять раз представлен к награждению орденами, и получил пока только один орден; из рядового стал капитаном; из простого бойца — начальником разведки дивизии; будучи почти слепым, был прекрасным солдатом и хорошим разведчиком; не использовал своей профессии писателя и плохое зрение для устройства своей жизни подальше от пуль; имел одну контузию и два ранения.

Вот и всё. Подведи и ты свои итоги, и будем уверенно смотреть вперед. Пока кончаю. Адрес пока в воздухе. Не пиши, пока не получишь следующего письма.

[1] В справке о ранении, выданной эвакогоспиталем № 1511 28 сентября 1944 г., сказано: «В боях за советскую Родину капитан гв. Ельнинско-Ковельской сд Казакевич Эммануил Генрихович 22 июля 1944 г. был ранен — слепое осколочное ранение правого бедра».

* ИЗ ОТЧЕТА

по войсковой разведке штаба 47 армии в разведотдел штаба 1 Белорусского фронта с 1.7 по 1.8.1944 г.

В лучшую сторону выделяется работа разведорганов 328 сд (начальник разведки дивизии майор Фокин) и 76 сд (начальник разведки капитан Казакевич), которые проявили наибольшую мобильность в работе в насту-

нательных боях наших войск по организации разведки на флангах, стыках наших войск, засылки лазутчиков и конных разведчиков в тыл противника, по захвату и подрыву мостов, важных дорог, по захвату пленных и документов, что дало возможность своевременно вскрыть пути и направления отхода, силу арьергардов, прикрывающих отход главных сил противника.

28.7.44

Лежу неподвижно вот уж седьмые сутки. Иногда сильные боли, но, видимо, ничего опасного нет. Осколок из ноги вынули еще 23.7. Нужно терпеливо ждать заживления раны. Я и лежу в госпитале и жду. Я на польской земле, хорошее лето, ягоды и яблоки. Почти отдых. Но солдатский отдых без боли не бывает.

г. Олевск ⟨Житомирской обл.⟩ 11.8.44

Я лежу, набираюсь сил и понемногу выздоравливаю. Если все пойдет нормально, я через 45—60 дней выйду на свет божий. Великое, беспомощное, скандальное, стонущее братство раненых!

18.8.44

Я по-прежнему лежу в Олевске. У меня есть немного денег, и я подкармливаюсь, благо тут все дешево. Дело пошло к осени, холодные ночи, и на душе — осенняя какая-то тишина, отсутствие сильных желаний чего-либо и философское спокойствие, свойственное раненым, которым рана уже не причиняет особенно сильных страданий.

Если меня эвакуируют дальше в тыл — а это весьма возможно, я тебе напишу свой адрес. Пока напиши мне одно письмо — Олевск, до востребования — и в нем напиши самое главное: что вы живы и здоровы. ⟨...⟩

Я тебе писал уже, что полковник ранен 6.7 в Ковеле; я ранен 22.7 в Польше. Уезжать дальше в тыл мне не хочется: нужно получить и орден Отечественной войны, к которому я представлен, и партбилет — в июле я принят в ВКП(б). Но мое дело маленькое — как со мной сделают, так и будет.

⟨Ст. Ртищев, проездом⟩ 4.9.44

Поезд уносит меня все далее в тыл. Вот я уже в Саратовской области, и вероятно нас повезут в один из уральских или сибирских госпиталей. Между тем нога становится все лучше.

6.9.44

Галечка, вот и финны вышли из войны. Война идет на убыль, а я еду все дальше в тыл. Наш санпоезд приближается к печально-известной Уфе, а оттуда пойдет далее на Урал. Чем чёрт не шутит — может быть, мне так и не придется больше воевать?! Мне трудно в это поверить.

Ноге моей стало в пути несколько хуже, но говорят, что это естественное следствие постоянной поездной тряски. Прибуду, даст бог, к вам на собственных ногах.

⟨Алтайский край, г. Барнаул,
эвакогоспиталь 1511⟩, 11.9.44

Галечка, итак, после долгого и утомительного путешествия я на месте, в г. Барнауле, эвакогоспиталь 1511. Тут и лежим мы и — с бóльшим или меньшим терпением — ждем, пока заживут раны.

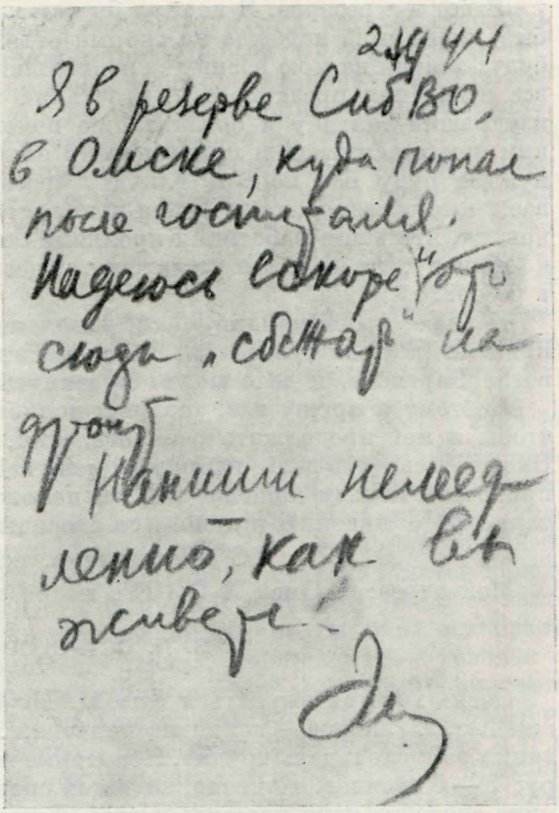
И вот я в тылу, трудящемся и пошлом. Прошу все святое мое семейство повернуться лицом не на запад, а на восток.

СЕСТРЕ

25.9.44

Через семь — десять дней я выписываюсь, наконец. Отсюда я еду в распоряжение СибВО, в Новосибирск. Куда пошлют — не знаю. Постараюсь

ПИСЬМО Э. Г. КАЗАКЕВИЧА ЖЕНЕ
Г. О. КАЗАКЕВИЧ
Автограф. Омск, 2 октября 1944 г.
Почтовая открытка
Собрание Г. О. Казакевич, Москва


2.10.44
Я в резерве СибВО,
в Омске, куда попал
после госпиталя.
Надеюсь вскоре и отсюда
сбежать на
фронт.
Напиши немедленно, как вы живете!

попасть опять под Варшаву. В тылу я сумею жить *только* в штатском платье. Пока я военный — хочу быть на фронте. А я военный, пока.

СЕСТРЕ

⟨Омск⟩ 2.10.44

Дорогие, я попал после госпиталя в резерв СибВО. Настроение ужасное, просто трудно передать. Кто знает, что такое резерв, тот поймет. Только бы мой комдив успел прислать на меня требование — тогда, может быть, отпустят на фронт.

⟨Омск⟩ 2.10.44

Я в резерве СибВО, в Омске, куда попал после госпиталя. Надеюсь вскоре и отсюда «сбежать» на фронт.

Омск, 6.10.44

ГОР. НОВОСИБИРСК. ШТАБ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА. ОТДЕЛ КАДРОВ. НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ПОЛКОВНИКУ т. СИДОРОВУ

Товарищ полковник!

Я вынужден обстоятельствами обратиться к вам за советом и помощью.

Два слова о себе: я член Союза писателей СССР, в июле 1941 г. вступил добровольно в Красную Армию, с тех пор проделал большой путь и в последнее время работал начальником разведки 76 стр. Ельнинско-Ковельской Краснознаменной дивизии.

22 июля с. г. я был ранен на территории Польши в правую ногу и очутился в госпитале в г. Барнауле, после чего прибыл в вверенный вам отдел кадров. Оттуда ваши работники без долгих раздумий послали меня в резерв в г. Омск. ⟨...⟩

И вот я в резерве. Я не стал бы вам жаловаться, тов. полковник, если бы у меня была надежда на скорый отъезд отсюда. Но вряд ли в СибВО будут заявки на мою военную специальность и должность. Наоборот, есть все основания предполагать, что таких заявок не будет. И я, неплохо изучивший тактику и организацию немецкой армии, владеющий немецким языком, имеющий практический опыт по организации разведки, вынужден буду без пользы влачить «резервное» существование. Спрашивается, естественно, кому это на пользу? Не кажется ли вам, товарищ полковник, что ваши работники проявили бездушное, чиновничье отношение к офицеру, не доложив даже вам существо дела и просто спихнув меня в резерв?

Я знаю, что командир 76 сд, довольно высоко ценивший мою работу, пришлет на меня требование, я ему об этом написал. Но дивизия моя — возле Варшавы, и дело может протянуться долго.

Поэтому я прошу вас, товарищ полковник, принять все меры к тому, чтобы я мог продолжать свой нелегкий, но почетный труд разведчика. Вмешайтесь в это дело, направьте меня в Действующую армию, где я могу приносить пользу нашему делу, и положите конец равнодушному, стандартному отношению к людям со стороны некоторых ваших работников.

С комприветом, капитан Эм. Казакевич

Мой адрес: г. Омск, I ОВПУ, подразделение 17. Казакевичу Э. Г.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

9.10.44

Очень хочется вырваться отсюда. Не сошелся характером с тыловой жизнью, а главное — война не кончена.⟨...⟩ Относительно срока пребывания в Омске гадать трудно. Некоторые называют астрономическую цифру: 5—6 месяцев. Конечно, за такой срок эта спокойная жизнь бездельника способна меня уложить в гроб. Если бы я был способен одновременно с ношением погонов писать, тогда дело другое. Но я не могу. Я здесь предпринимаю всё для того, чтобы меня отправили на фронт. Пусть будет не к полковнику, всё равно. Но это очень трудное дело здесь. И не держат ли меня для подвигов на неких островах?

Не дождавшись ответа, Казакевич сказал начальнику I ОВПУ, что ему нужно поехать на несколько дней в Москву, так как в журнале «Знамя» будет печататься его повесть под названием «Сын Звезды» и ему нужно работать с редактором. Название повести было придумано тут же во время разговора, ибо никакой повести не было. Ему был оформлен отпуск на 2 недели для поездки в Москву, но Казакевич поехал в свою часть, находившуюся под Варшавой. Ему вновь пришлось воспользоваться своим званием члена Союза писателей для того, чтобы во второй раз уехать из тыла на фронт.

⟨10.11.44⟩

Еду хорошо и уже подъезжаю к Ковелю.

⟨...⟩ Чувствуется приближение к войне, и это как-то приятно волнует мое осолдатившееся сердце. Я понемногу приближаюсь к своей цели. Взгляни на карту и посмотри расстояние от Омска до Варшавы и ты увидишь, каков этот путь, проделываемый мной.

12.11.44

Я приехал, наконец. Как раз вчера выпал первый снег. Дело к зиме. Тут тишина почти полная, изредка постреливают.

Вопрос о моей работе еще не решен. Я, вероятно, буду на прежней должности, но не знаю — у З. П. ⟨Выдригана⟩ или в другом месте. Это решится сегодня или завтра [1].

[1] В этот же день приказом штаба 47 армии Казакевич был назначен помощником начальника информационного отделения разведотдела штаба 47 армии.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

15.11.44

Я мало писал эти дни — все еще неопределенно, а хочется сообщить уже окончательно, чем кончился мой вторичный быстрый отъезд на фронт. ⟨...⟩ Приехав в Брест, я пошел в погранохрану для пропуска. Тут мне предложили отправиться обратно в Москву «дооформить» удостоверение, которое, по словам майора-пограничника, какое-то не военное и не гражданское. Я не был доволен этим милым предложением и нашел способ приехать сюда без заезда в Москву. Честное слово, это был напряженный момент в моем путешествии.

Полевая почта 26771 «б». 19.11.44

⟨...⟩ С далекого фронта шлю вам свой привет ⟨...⟩ У меня всё в порядке. Начал работать на новом месте. Вчера был у полковника, ночевал у него и рассказывал ему о вас, о вашем житье-бытье. Привет вам от него.

29.11.44

... в свободное время я читаю военные уставы и думаю над небольшой повестью, которую, кажется, напишу. Содержание повести такое: на фронт вылетела на самолете бригада артистов. «Гвоздь» бригады — знаменитая певица, с ней ее муж—знаменитый скрипач, несколько болезненный и красивый. Самолет заблудился в тумане, затем был замечен немецким истребителем, который погнался за ним. В результате самолет залетел за линию фронта и приземлился на лесной поляне. Здесь их подобрали партизаны. Командир партизанского отряда, товарищ В.,— человек с легендарной известностью, славный исключительно дерзкими номерами, оказался первым мужем певицы. Она с ним рассталась когда-то, разлюбив его ввиду того, что считала слишком «обычным», «обыкновенным» и т. д. (все это, грубо говоря). Теперь она поражена перерождением, произведенным в нем войной. Она вторично влюбляется в него. Он ее все еще тайно любит, но у него жена — медсестра, милая, тихая и простая девушка. Начинается странный роман, полный лесного очарования и в дымке необычайных ситуаций. Скрипач страдает, медсестра тоже — все понемногу страдают. Наконец, товарищ В. ставит точку. Он путем дерзкой операции захватывает у немцев авиабензин, самолет заправлен и может улететь. И самолет улетает, увозя эту прекрасную женщину, полную раскаяния и уязвленной гордости. А командир партизан с болью в сердце остается в темном лесу исполнять свой тяжелый, но славный долг. Медсестра — рядом с ним, страдающая от чувства невозможности скромными своими силами заменить то блестящее и нежное видение. И он замечает ее чувство и целует ее, благодарный и смиренный[1]. Как тебе нравится? Напиши мне.

Скажи нашим деткам, что я их очень люблю. ⟨...⟩ Пусть они прилежно учатся. Постарайся их учить и сама — особенно географии. Пусть они знают о большом мире, его странах и климатах, его горах и реках. городах, океанах и народах.

[1] На этот сюжет Казакевич позднее писал пьесу. В архиве писателя от нее сохранилось несколько картин.

3.12.44

Моя родная Галечка, свет очей, перед моими глазами все еще та маленькая станция, и та улица, и тот дом, и та хреновая комната, дорогая тем, что в ней живете вы трое, мои девочки [1]. Там, наверное, уже снег и холод. Здесь еще сравнительно тепло, снега и в помине нет, и почти тишина — даже скучно такому старому солдату, как я.

Я был у полковника, он хочет очень меня взять к себе на прежнюю должность, но здесь, свыше, не отпускают.

Доехал я в последний раз хорошо. Ты ведь помнишь того славного летчика, моего знакомого, соскочившего с поезда. Мы довольно шумно целым вагоном встретили праздник.

[1] В это время семья Казакевича жила в г. Ямполе Сумской обл. На пути к фронту он на три дня заехал к семье.

6.12.44

Я жив и здоров. Кругом те же фронтовые будни, усугубленные дождливой погодой. Подходит неслышными шагами новый, 1945-й годок, последний год войны. В ожидании этого будем честно и твердо делать свое дело.

14.12.44

У меня всё по-прежнему — полнейшее благополучие и тишина. Хотелось бы, чтобы первое продолжалось, а второе скорей закончилось. ⟨...⟩

Детки мои, Женичка и Ляличка! Почему вы мне не пишете? Напишите, как вы учитесь, как живете. Я постоянно жду ваших писем. Печатными буквами пишу вам в последний раз, пора вам разбирать писаное.

28.12.44

Мои родные девчонки, я с удовольствием читал ваши умные, рассудительные письма, полные тонких замечаний. Я во время чтения видел вас, мои милые, кареглазые детки, всех троих. Я читал Женичкино и Ляличкино письма всем моим боевым товарищам, и им очень понравились эти письма, они все ласково улыбались и просили передать вам, мои капитанские дочки, нежный привет.

На свете все идет превосходно. Будапешт, видимо, на этих днях освободят, и начнем бить немцев уже окончательно ⟨...⟩

30.12.44

Наши мудрые детки радуют меня, старика, своими письмами. Пусть пишут чаще — это услаждает мое сердце и формирует их стиль.

⟨...⟩ Тут очень теплая, сухая зима. Люди говорят по-польски, и я даже немного научился этому языку ⟨...⟩

Моя любимая, скоро начнутся дела, и в новом году мы обязательно увидимся всерьез и надолго. Будем на это твердо надеяться.

31.12.44

Дорогая моя! Скоро он наступит, этот новый год, такой многообещающий и, может быть, самый трудный — как последний километр для одинокого путника ⟨...⟩

Что же пожелать вам, мои родные, к новому году?

Тебе, Галечка, желаю быть всегда бодрой, уверенной, нежной к детям, требовательной к ним и к себе.

Вам, Женичка и Ляличка, желаю:

1) Хорошо учиться, быстро и легко читать, чисто и ясно писать, легко считать, много рисовать.

2) Быть честными, добрыми, веселыми.

3) Помогать маме и делом и добрым словом, не огорчать ее, научиться ловко хозяйничать в доме, чтобы у вас было уютно, чисто.

4) Быть друг для друга хорошими сестрами и близкими друзьями, не ссориться никогда, поддерживать друг друга, помогать друг другу.

А себе я желаю все то, что вы мне желаете и, кроме того,— чтобы вы мне чаще писали письма.

Всем нам желаю, чтобы в этом новом, 1945, году закончилась эта мерзкая война. И тогда все будет хорошо, и все наши желания исполнятся.

1945

2.1.45

В канун нового года крепко выпил за твое здоровье и за наших девочек. ⟨...⟩

Итак, мы вступили в 1945 год. Что он готовит нам? Я лично убежден, что это последний год войны и что 1946-й мы будем встречать вместе в Москве. Итак, еще раз — в который раз! — приходится говорить тебе: крепись, старушка, держись!

Что касается меня, то я вместе с другими делаю свое дело, и когда мы пойдем вперед снова, твой муженек будет снова не из последних.

Видимо, как в том стихе, который я тебе писал во Владимире, «лишь Западом могу к тебе прийти я». Вот и лежит мой путь на Запад — к вам.

7.1.45

Дорогие мои детки, с истинным удовольствием читал я ваши письма. Очень прошу вас писать мне почаще, ваши письма красят мою фронтовую жизнь. Пишете вы уже довольно хорошо, и я этому радуюсь от всей души.

Позавчера я на самолете У-2 — это маленький двухместный самолет — летал в город Седлец и обратно. Опишу вам вкратце мой полет. Самолет У-2 — открытый: впереди место для летчика, сзади — для наблюдателя, а в данном случае — для пассажира. В этом самолете очень холодно. Самолет летит быстро и высоко — метров 120 над землей. Кроме того, пропеллер, который вращается с огромной быстротой, создает такой сильный ветер, что на аэродроме, где его запускают, просто с ног валит. Но летчик и я были одеты очень тепло — он в унтах, а я в валенках, в шапках-ушанках, в тулупах, и поэтому холод оказался нестрашным. Зато как приятно лететь, видеть под собой маленькую землю, заснеженные поля, маленькие домики и совсем малюсеньких людей, которые подымают головы, чтобы видеть, как он летит.

Когда в городе, куда я летел, я сделал все дела, которые мне были поручены генералом — моим начальником, я вернулся обратно на аэродром, где меня ожидал летчик. На обратном пути у него было неприятное приключение. Высоко над нами пролетел немецкий самолет-истребитель «мессершмитт». Он, видимо, заметил наш безоружный самолет и пошел вниз, на снижение. Мы с летчиком заметили его, и летчик тоже пошел резко вниз и начал кружиться над большим лесом — он это сделал для того, чтобы темный самолет над темным лесом не был заметен немецкому летчику. Если бы мы полетели над полем, покрытым снегом, немец бы нас видел.

Все окончилось хорошо — фриц потерял нас из виду, и мы благополучно прилетели на свой аэродром. Я здорово замерз все-таки. Мы с летчиком выпили по стакану водки, чтобы отогреться, за что вы меня не осудите, мои милые мудрые детки.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

17.1.45

Наши части заняли Варшаву. До Берлина осталось 500 км. Может быть, этот удар окажется решающим. Войны оканчиваются неожиданно, потому что всякая радость кажется неожиданной.

17.1.45

Сегодня у нас праздничный день. Наши войска взяли Варшаву — огромный город, столицу Польши, один из красивейших городов Европы. Правда, немцы разрушили его не меньше половины, заминировали всё, но ничего — все будет восстановлено поляками с нашей помощью.

Мы наступаем стремительно. Опрокинув немцев мощным артиллерийским огнем нескольких тысяч орудий, войска пошли вперед. По дорогам на восток бредут сотни и тысячи пленных фрицев, почти оглохших от нашей артподготовки. Что касается тех немцев, которые не попали в плен, то они драпают на запад, теряя по дороге пушки, автомашины, винтовки, обозы и штаны.

Войска 1 Украинского фронта (это вы уже знаете из газет) только что овладели городом Ченстохов, а это 25 километров от германской границы. Варшава от Берлина километров 450. Скоро Берлин — значит, скоро я, побывавши там, вернусь к вам, мои дорогие девочки.

Кончаю на этом свое письмо. Не беспокойтесь, если будете получать письма от меня реже — нет времени.

ПЛЕННЫЕ

Вот плетется вереница пленных.
По камням шагов неровный стук.
Посмотрите — в посиневших венах
Кисти их больших недобрых рук.

Сколько нив взошло бы спелой рожью!
Сколько бы просторных городов!
Сколько бы мостов по бездорожью!
Сколько ласк для их несытых вдов!

Ты зачем ушел, проклятый дурень,
Из прирейнских солнечных долин,
Из хмельных баварских винокурен,
От своих Кресценций и Паулин?

. . . . . .

Из твоих бы рук свиней и уток
На саксонских хуторах кормить,
Башмаки тачать бы для разутых,
Пиво гнать да рубашонки шить.

Ты зачем пришел безликим хамом
Жизнь чужую разорять вокруг,
Теми ж человечьими руками
Рушить дело человечьих рук?

Сколько рук могучих, рук бесценных —
Их имеет только человек!..
Вот плетутся вереницы пленных —
Будьте же вы прокляты навек!

‹Январь или февраль› 1945

21.1.45

Я ухожу от тебя всё дальше и дальше для того, чтобы скорей вернуться. Берлин уже очень близко. По дорогам тянутся пленные — по 200, по 300 человек под охраной наших двух-трех автоматчиков.

Если я теперь реже пишу, то потому, что нет времени — всё в переездах, в наступлении.

Впервые я во время наступления не впереди наступающей пехоты,— как обычно мне приходилось ранее по долгу профессии разведчика. Теперь я наступаю сзади. Это гораздо легче, конечно, хотя менее интересно. Все же весьма поучительно наблюдать сверху операцию большого масштаба.

НА ГРАНИЦЕ ГЕРМАНИИ
Фотография В. А. Рудного. Весна 1945 г.
Собрание В. А. Рудного, Москва

Германия, 29.1.45

Целую тебя и детей горячо. Мы вошли в Германию. ⟨...⟩

Фрицы упорно обороняются, но не хватает силенок против нашего вала.

В Германии, 4.2.45

Я в Германии — среди черепичных кровель, лютеранских кирх, в суете великого наступления. Это наступление по праву будет названо великим.

В этом есть справедливость — после тех несравненных бедствий, пережитых моим народом, прийти сюда. Меня даже не смягчает вид испуганных немецких детей — справедливость жестока. Немцы убивали детей моего народа. Мы, конечно, детей не трогаем — на эту подлость наш солдат просто не способен. ⟨...⟩

Гитлер решил, видимо, драться до конца. Тем ужаснее будет возмездие.

Галечка, ждать осталось не так уж много. Впрочем, на недели рассчитывать нельзя, рассчитывай на месяцы. Но уже не на годы. В период наступления я почти не писал тебе — нет времени, да и почта отстала⟨...⟩

Меня представили к награде за последнюю операцию — к ордену Отечественной войны I степени.

Шнейдемюль
⟨Первая половина февраля 1945 г.⟩

Мои родные дети, сейчас я нахожусь возле окруженного немецкого города, который мы берем штурмом. Идут упорные бои за каждый дом и за каждую улицу. С упорством разбойников, боящихся расплаты, немцы дерутся за каждую пядь земли.

Когда смотришь на немецких детей — их даже не жалко: ведь их безумные отцы принесли столько горя вам и миллионам других детей — французских, английских, польских, русских — они превратили весь мир в мир крови и слез.

И теперь мы добиваем немцев для того, чтобы вы, мои дорогие Лялечка и Женичка, хорошо учились, росли спокойными, милыми детьми и выросли умными, хорошими людьми — вы и многие тысячи других детей.

На этом я кончаю это письмецо — нет времени совсем, я не сплю четвертые сутки. Целую вас, мои милые и вашу маму.

Ваш папа

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

4.2.45

Меня представили к награде — ордену Отечественной войны. Скоро я буду иметь столько орденов, как Денис Давыдов, и писать стихи — я полон ими, и они перекипают во мне, умирая не родившись — потому, что я не в силах делать две вещи зараз — воевать и писать.

20.2.45

Я тебе пишу теперь гораздо реже по вполне понятным тебе причинам. Нет времени. Я нахожусь в глубине Германии, и всё вокруг странно и непривычно. ⟨...⟩

Трофеев здесь много, и я знаю, как много вам нужно, но я не обладаю способностями некоторых из моих товарищей в этом деле. Я не стану тебе объяснять — ты ведь знаешь меня, я думаю. ⟨...⟩

Постараюсь выслать детям карандашей и бумаги как можно больше.

25.2.45

Мое 32-летие я с друзьями отпраздновал на германской земле. Мы крепко выпили, хорошо закусили и снова выпили. И не было недостатка в тостах за меня, за мою семью — сиречь за вас троих — и за мое счастье. Но все же возраст, между нами говоря, почтенный. А чувствую я себя таким молодым, как 15 лет назад. Ноги только староваты стали.

СЕСТРЕ

2.3.45

Мы продолжаем воевать. Вот так попал я за границу — вокруг деревни и города Германии, с кирхами, черепичными крышами, мощеными улицами. Кирхи — огромные, холодные и пустые, с обязательным огромным органом в задней стене и с обязательной Библией в переводе Мартина Лютера, большого формата in folio. Ко всей этой картине той самой Германии, о которой мы так много читали и думали с самого детства, ко всей этой картине прибавляется умилительная картина убитых фрицев и напуганных до смерти фрицих и старых фрицев. Иногда жаль становится смотреть на этих людей, особенно на детей, но тогда вспоминаешь Керченский ров, Майданек, убитых женщин и детей, истребление евреев целой Европы, виновных только в том, что они этой нации, и начинаешь думать, что так справедливо, и иначе быть не может и не должно. Виноватые немцы будут покараны, а невиновные кое-что поймут. ⟨...⟩

Впрочем, так или иначе — войну надо заканчивать. И я предполагаю, что конец ее уже не так далек. Еще один хороший удар, да еще совместно с англо-американцами, и дело будет сделано. Но удар должен быть нанесен сильный.

А мне между тем исполнилось 32 года, и предчувствие конца (надеюсь

все же, что он наступит не так уж скоро) иногда сжимает сердце. Последние четыре года прошли, собственно говоря, довольно бесплодно, я был оторван войной от моего дела в самом расцвете творческих сил. У меня было тогда чувство, что я могу сделать все, что захочу, какая-то большая мощь была, зрелость мысли и чувств, спокойная уверенность. Почти четыре года я не пишу. Иногда меня охватывает страх: а если я уже не смогу больше писать? Сяду и — не смогу? ⟨...⟩

Конечно, потом видно будет. Теперь важно просто кончить войну, и если был подлинный талант, то он не пропадет.

10.3.45

Получил сегодня твоих два письма. ⟨...⟩ Не беспокойся обо мне, Галечка, я и жив и здоров. Просто нет времени, а часто возможности писать. Сегодня мне вручили третий орден — пора бы на этом кончать и число наград и войну.

Вообще война идет к концу. Мы стоим на Одере и вглядываемся в Берлин, который уже очень близок. Союзники взяли Кельн и форсировали Рейн, положив начало завоеванию жизненно-важного для Германии Рурского бассейна. Но немцы продолжают отчаянно сопротивляться. На что рассчитывает Гитлер? Трудно понять ход мыслей маньяка-шизофреника.

Я послал вам две посылки. Получили ли вы их? Во второй посылке — бумага и много карандашей для девочек.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

10.3.45

Война идет к концу, и мне пора возвращаться к своей старой, любимой профессии. И вот я впервые всерьез задумался об этом. Не пора ли мне — подумал я — пьяному кораблю, вернуться в лоно спокойных вод? ⟨...⟩ А вот что сделать для этого, я не знаю. И к кому идти за советом, тоже не знаю. ⟨...⟩ Мне кажется, что я уже всё испытал: и страдания, и лишения, и омерзение при виде низости, и восторг при виде благородства, — всё, чем богата война ⟨...⟩

14.3.45

Сегодня я впервые за много лет вспомнил Липкина [1]. Это был, что там ни говори, мой лучший друг. Я еще надеюсь, что он когда-нибудь снова явится. Это будет большая радость для меня. Я вспомнил наши вечера тогда, после смерти мамы, как я читал мои стихи и Маяковского «Хорошо»; в комнате, еще пахнущей смертью и неизмеримой болью моей, было тихо. Он верил в меня, и это подогревало мою веру в себя. И тут же сидела ты, моя дорогая, и ты любила меня, и эта любовь твоя ко мне была моим единственным прибежищем, и дружба Липкина, своеобразная его личность на грани гениальности, окрашивала нашу любовь в странные тона. Может быть — это было счастье. Так жизнь поборола смерть. Да, моя Галечка, кажется — это было настоящее счастье, о котором я вспоминаю со сладкой болью в душе.

Дорогая моя, нас еще ожидает жизнь — но уже больше для детей, для будущего, может быть — для бессмертия (насколько это будет в моих силах). Будет еще счастье тоже, надеюсь. Но то, что было, всегда кажется сказочным.

[1] Друг Казакевича.

16.3.45

Мои милые девочки, Ляля и Женя, теперь идут непрерывные бои, и вашему папе некогда вам писать письма. Но не думайте, пожалуйста, что он о вас забыл. Нет, он помнит вас и любит вас по-прежнему.

А вот почему вы так редко мне пишете? ⟨...⟩ Здесь, далеко на чужбине, возле реки Одер, очень хочется получать письма от родных людей. ⟨...⟩

А здесь война. Немцы бегут, хотя и сопротивляются. Берлин близко, и говорят, что на Гитлера там работают три прачешные, которые не успевают стирать ему белье, так он испугался, Гитлер.

21.3.45

Здравствуйте, старушки!

Жму ваши шесть рук и целую по шесть раз.

У меня всё в порядке. Бьем немцев почем зря. Война кончается, и я очень рад, что я в армии: может быть, я способствовал тому, что враг будет разбит на полсекунды скорее.

Много писать не могу — *нет времени.*

Целую еще по два раза.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

9.4.45

... письмо «Знамени» здесь было получено, но в силу сложившихся обстоятельств в просьбе было отказано. Правда, вокруг этого тут произошла некоторая суета, приведшая меня в умиление, ибо всякая наивность мила моей душе. Впрочем, я надеюсь, что по окончании вышеуказанных сложившихся обстоятельств я все-таки сумею поехать в Москву и закончить с «Сыном Звезды», столь дорогим моему сердцу. Сюжет «Сына Звезды» мне пришлось в различных вариантах рассказать десятку людей, в связи с чем ряд образов этого опуса еще ярче заблистал в моем сознании и я, наконец, понял, что необходимо напечатать его. «В повиновеньи силе объектива»[1]. Я во многом сызнова переоценил атмосферу и идею этой чудесной повести, полной глубокой, почти жестокой правдивости и мягкого лиризма.

Повесть в моем кратком изложении произвела сильное впечатление на различных людей. Значит — она хороша[2]. ⟨...⟩

На берегу Одера видны берлинские пожары по ночам. Наступает кульминация.

[1] Цитата из вступления к поэме Б. Пастернака «Спекторский».

[2] О «Сыне Звезды» см. выше, комментарий на стр. 468. Судя по настоящему письму, сюжет этой не существовавшей во время отъезда из Омска повести в дальнейшем стал наполняться реальными образами и событиями. Можно думать, что этот сюжет позднее был положен в основу повести «Звезда».

9.4.45

Война между тем приближается к концу. Даже я, обычно не обольщавший себя пустыми надеждами, и то, трезво оценивая обстановку, могу с уверенностью сказать, что с Германией дело идет к концу. Естественно, это заставляет думать о послевоенных проблемах, не только общих, а и маленьких — в частности, квартирных и иных ⟨...⟩ Ничего конкретного я себе теперь еще не представляю. Знаю только одно: все должно быть и будет в порядке. ⟨...⟩

А потом — работа, та работа, которой я не мог заниматься четыре года и к которой рвется моя почти онемевшая душа.

СЕСТРЕ

13.4.45

Родные мои, у нас всё по-прежнему, но это ненадолго. Что касается союзников, то они «дают дрозда». Итак, этой славной весной и закончится в основном европейская война.

Здесь, в Германии, весна в разгаре. Деревья позеленели, и деревни выглядят очень кокетливо. Но, видит бог, что эта весна нужна русскому человеку, как собаке здрасте,— его тянет в свой Тамбов, в свой колхоз, в свою Россию, которая не знает, правда, черепичных крыш, но она — своя ⟨...⟩

Не пора ли и мне взяться за мирный свой труд? Я был храбрым гусаром и честным гражданином в военном мундире. Но я ведь писатель и когда-то думал, что хороший. Конечно, «пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит. Идут за днями дни, и каждый день уносит частичку бытия»[1] (и таланта! Э. К.).

Редакция журнала «Знамя» прислала моему начальству письмо с просьбой отпустить меня на три-четыре недели в Москву для работы с редактором над моей нашумевшей повестью «Сын Звезды»[2] (вроде поручика Киже [3]). Но начальство, ввиду предстоящих событий, не отпустило. Что ж, начальство лучше знает. Писать, просить мне противно. А московские люди не сумеют, а главное, не подумают ⟨...⟩ Ладно, всё пойдет своим чередом. Кончим войну, а там всё образуется, как говаривал Стива Облонский.

[1] Не вполне точная цитата из стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, пора!..»
[2] См. комментарий на стр. 468 и 476.
[3] Имеется в виду герой рассказа Ю. Н. Тынянова «Поручик Киже».

16.4.45

Дорогие дети, горячо и ласково поздравляю вас с предстоящим праздником 1 мая, который, быть может, окажется двойным праздником — праздником победы.

Еще несколько недель, а может быть, и дней — и эта кровопролитная война закончится. Это уже ясно. И очень правильно, если война закончится весной. Какая это будет радость для измученных сердец! Мы заживем как полагается, будем покупать и читать много красивых и хороших книг, кататься на лодках, ходить в кино и в театр.

26.4.45

Мои дети, пишу вам из пригорода Берлина, куда мы вошли после сильных боев.

Чувствую себя хорошо и предчувствую скорое окончание войны и скорую встречу.

У меня теперь очень мало свободного времени, и вы простите меня, что я мало пишу.

На Эльбе ⟨Ратенов⟩, 9.5.45. В день Победы

Мои родные, этот день, долгожданный, о котором мы мечтали четыре тяжелых года, наступил. Еще считанные недели, и мы увидимся, чтобы не расставаться. Чего лучше, наступил конец войны, а я жив, полон сил, и седина на голове, не в сердце.

Мы раскрыли окна, и свет льется открыто на ночные улицы маленького немецкого города, где мы закончили наш поход. Машины идут с зажженными фарами. Только что передавали обращение Сталина к народу и его приказ войскам. Раздался последний мощный салют в этой войне.

Естественно, что я сегодня много думал и о тебе, Галечка, и о Жене и Ляле. Вам трудно, очень трудно пришлось. Будем надеяться, что черные дни кончились навсегда.

Вспомнил я и о друзьях, погибших в сражениях этой войны или пропавших без вести. Липкин, Зельдин, Олевский, Гурштейн и многие другие. Что ж, совесть моя перед ними чиста. Я храбро воевал, и если мне повезло больше, то потому, что пути господни, как написано в старой книге, неисповедимы.

Теперь мы, разведчики, оставшись без противника, ждем распоряжений свыше. А душа рвется домой, в ликующую Россию, к вам.

Горячо поздравляю вас с полной победой над врагом.

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

Работая помощником начальника информационного отделения разведотдела 47 армии, капитан Казакевич Э. Г. много сделал по определению группировки и системы противника на западном берегу реки Одер.

Перед началом наступления много сделал по отражению системы обороны противника. ⟨...⟩

В период прорыва и преследования противника внимательно следил за обстановкой, докладывал в штаб и информировал войска. Сам дисциплинирован и смел. Выезжал в войска, справедливо уточнял истинное положение на поле боя и своевременно докладывал командованию.

Заслуживает правительственной награды орденом Отечественной войны II степени.

Начальник разведотдела штаба 47 армии
полковник Малкин

3 мая 1945 г.

Достоин награждения орденом Отечественной войны II степени.

Начальник штаба 47 армии генерал-лейтенант Лукьянченко

8 мая 1945 г.

* ИЗ ДОНЕСЕНИЯ

23 мая 1945 г. начальника разведотдела штаба 47 армии полковника Малкина в разведотдел штаба 1 Белорусского фронта

... 4. Начальник 1 отделения разведотдела штаба гв. подполковник Шевченко и пом. нач. 2 отделения капитан Казакевич, прошедшие оба за время Отечественной войны путь от рядового бойца-разведчика, приступают к записи личных воспоминаний о подвигах разведчиков в годы Великой Отечественной войны.

Первые описания будут направлены вам к 15.6.45 г.

25.5.45

Ты напрасно волновалась. ⟨...⟩ Правда, я писал тебе реже, чем прежде — наступление не оставляло времени для писем — но все же писал. ⟨...⟩

Итак, я жив и здоров, а война окончена. ⟨...⟩ Перед погибшими товарищами моя совесть чиста — я никогда ничего не делал для того, чтобы укрыться от военных опасностей.

Пока я всё в той же части и жду, как и все другие офицеры, распоряжений. Думаю, что вскоре мы увидимся. ⟨...⟩

Меня представили к четвертому ордену. Видимо — выйду из войны награжденный четырьмя орденами и двумя медалями. Что ж, это не так уж плохо.

15.6.45

Да, действительно, времени свободного для писания писем у меня достаточно теперь, но настроения писать нет — все кажется, что вот-вот поеду. ⟨...⟩

Пора, Галя, пора приняться за писанье. Годы идут, и ничего еще не сделано для вечности.

Подожди еще два-три дня, и я, надеюсь, сумею тебе написать новости

ШТУРМ БЕРЛИНА

Рисунок В. В. Богаткина (итал. карандаш), 1945
Третьяковская галерея, Москва

10.8.45

В этой Германии, в которой теперь идут дожди, я всё по-прежнему живу, работаю. 15 августа я иду на комиссию. Если она признает меня негодным, я в скором времени уеду в Москву, сменяю форму на костюм (если таковой будет), и мы начнем сызнова строить свою жизнь.

Пока что на свете новая война — с Японией. Не сомневаюсь, что она будет менее тяжелой, чем прошлая, и закончится скорей. Впрочем, шапкозакидательство и здесь неуместно. Это будет война, а не прогулка по сопкам Маньчжурии. Так или иначе мы скоро увидимся ⟨...⟩ Все равно, в любом случае все «семейные» вопросы должны быть и будут разрешены нашим государством.

Как наши дорогие дети? Я совсем по вас соскучился.

Я уверенно и совершенно оптимистично смотрю на жизнь. Ибо я великий оптимист.

23.8.45

Давно не писал тебе, все время — в разъездах по Германии, по Саксонии дубовой, по Тюрингии сосновой [1], по Гарцу и т. д. Места красивые, всемирно известные, напичканные памятниками готической архитектуры и легендами, но — хочется домой. ⟨...⟩

Поздравляю с неожиданно-скорой капитуляцией Японии [2] и, следовательно, концом второй мировой войны.

[1] Цитата из стихотворения Эд. Багрицкого «Птицелов».

[2] Капитуляция Квантунской армии началась 19 августа 1945 г. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября.

10.9.45

... лежал больной, вероятно, здорово продуло на машинах во время моих частых служебных странствий по Германии. Теперь всё в порядке, чувствую себя хорошо, и снова моя жизнь солдатская течет по-прежнему — в ожидании отпуска или — еще лучше — совсем.

Получил письмо от Л. уже из Москвы, с прежнего адреса. ⟨...⟩ Вернемся и мы. Вообще говоря, приходится констатировать как факт, что всем моим друзьям все удается лучше, чем мне, в житейских делах. Это, конечно, не странно, но это мне чертовски надоело. ⟨...⟩

Завтра я еду в одну важную командировку. После нее постараюсь сделать все для того, чтобы выехать в Русь родную.

14.9.45

Я все там же, в далекой Германии. Все так же делаю свое дело, думая о вас и ожидая встречи. Надоело и себе и вам говорить: терпение, скоро, скоро. Но ничего не поделаешь. Приходится повторять это знаменитое слово — *терпение*.

Может быть, хуже всего то, что нет возможности писать, ведь работы все-таки много.

19.10.45

Я уже писал тебе, что врачебная комиссия признала меня ограниченно-годным второй степени. Врачи удивлялись, как мог я быть разведчиком, имея такое зрение. Как видно, мог. ⟨...⟩

Вчера я приехал из Веймара, где был в доме Гете, в доме Шиллера, в доме Листа. Очень интересно. Расскажу все, когда приеду.

1.11.45

Я лежу в госпитале — простудился. ⟨...⟩

Поехать в Россию я сумею приблизительно во второй половине ноября. ⟨...⟩

КОНЕЦ ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ
Пленные на улицах Берлина
Фотография В. А. Рудного, май 1945 г.
Собрание В. А. Рудного, Москва

Как ты легко можешь понять, зная меня немного, у меня ничего нет, как не было и до войны. Два-три военных костюма, четыре ордена и четыре медали — это все, или почти все, что я нажил. Поэтому перед нами, моя милая, встанет много горьких житейских проблем, которые мы должны будем решить. Это, конечно, меня не очень смущает, но первое время будет не очень легко, что ж, это значит, что придется много, очень много работать. И главное в этом деле — крыша над головой, а без крыши, как и без головы, работать невозможно.

Лежа здесь без дела, естественно думаешь об этих всех вещах, которые, конечно, уладятся, должны уладиться. ⟨...⟩

Но (к счастью) и я, и ты принадлежим к той породе людей, для которых вещи, собственность — дело третьестепенное.

6.11.45

Теперь вечер 6 ноября. Все встречают праздник, а мне вот не повезло — я все еще в госпитале.

Поздравляю вас с нашим великим праздником. Еще немного потерпим, а потом встретимся уже, наконец.

Германия, 24.12.45

Дорогие мои Женичка и Ляличка!

Сегодня я получил от вас ваши милые письма. Спасибо за то, что написали. Молодцы! Вы уже пишете довольно прилично, просто удовольствие.

Я уже здоров и вместе с моими товарищами навожу порядок в Германии.

1946

3.1.46

Женичке и Ляличке большое спасибо за их милые письма. Что касается знаков препинания в Женичкином письме, то они расставлены очень правильно, и я, вторично внимательно прочитав ее письмо, только в двух местах обнаружил не совсем правильную расстановку их, но это настолько неуловимо, что иной взрослый тоже не сумеет это сделать.

С чувством умиления думаю я о том, что у меня за это время выросли две взрослые дочери — единственное, что я сделал пока за свою жизнь фактически.

16.1.46

Получил сегодня письмо от генерала Выдригана — моего старого командира. ⟨...⟩ Он очень меня любит, как и я его. Вообще мне везло на командиров. Впрочем, я был хороший солдат. Я говорю «был», потому что после войны я уже не тот, хочется вернуться к столу и перу.

25.1.46

Приходится много разъезжать по Германии, это, конечно, очень интересно. Пригодились мои занятия немецкой литературой. Я свободно говорю по-немецки, и это мне облегчает проникновение в жизнь этой страны, ставшей чумой для всего мира.

В марте я выеду домой, видимо, наверняка. С нетерпением этого жду. Правда, перед нами встанет много далеко не решенных проблем, квартирные и другие. Но это меня не страшит. ⟨...⟩ Ну, ты большой молодец. Продолжай и дальше следить за детьми и развивать их всячески, а потом и я помогу.

Передай им, что я купил для них полное издание «Жизни животных» Брема с красочными изображениями всех птиц, зверей и рыб вселенной. Текст, правда, немецкий, но это не беда — рисунки интернациональны, а перевод я сделаю.

НАЧАЛЬНИКУ ШТАРМА ОТ КАПИТАНА КАЗАКЕВИЧА Э. Г.

РАПОРТ

Ввиду того, что я слеп, как сова,
И на раненых ногах хожу, как гусь,
Я гожусь для войны едва-едва,
А для мирного времени совсем не гожусь.

К тому ж сознаюсь, откровенный и прямой,
Что в военном деле не смыслю ничего.
Прошу отпустить меня домой
Немедленно с получением сего.

Эм. Казакевич

З. П. ВЫДРИГАНУ

16.1.46

Мне даже весело становится, когда я представляю себе нашу встречу. Действительно, нам все-таки здорово везло, если не считать нескольких дырок от пуль и осколков. Но что и вы и я сумели сохранить — это бодрость, природный оптимизм, трезвый и веселый взгляд на жизнь.

---

28 февраля 1946 г. Казакевич был демобилизован и вернулся в Москву.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. И. ШИКОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ Э. Г. КАЗАКЕВИЧЕ

ЗАПИСКИ ОДНОПОЛЧАНИНА

Эммануила Генриховича Казакевича первый раз я увидел на Западном фронте в сентябре 1943 г., вскоре после освобождения города Ельни. В тот день 216 полк нашей 76 стрелковой дивизии находился на опушке соснового бора, что между Ельней и деревней Большое Тишево. Туда лейтенант Казакевич привел пополнение. В то время он был офицером оперативного отделения штаба дивизии. Круг его служебных обязанностей был очень широк. Вместе с другими офицерами он готовил данные, по которым командир принимал решение на бой; оформлял решения комдива приказами и распоряжениями; доводил их до полков и подразделений, проверял и помогал точно их выполнять. Для этого ему надо было постоянно изучать состав противника и характер его действий, знать боевые возможности, материальное и техническое обеспечение полков и подразделений своей дивизии, знать боевые задачи соседей.

Штаб дивизии во время боев находился в 4—6 км от передовой линии фронта. Противник всегда стремился узнать его расположение и уничтожить артиллерийским и минометным огнем или ударами бомбардировочной авиации. Тогда мы несли потери. Были убитые и раненые. В минуты смертельной опасности Эммануил Генрихович вел себя поразительно хладнокровно. Он даже не прерывал того дела, за которым его заставал огневой налет врага. Если писал,— продолжал писать, если разговаривал по телефону, то интонация его голоса не менялась.

Но не это отличало его от других. Так поступали многие бойцы и командиры. В опасные моменты у Казакевича очень резко проявлялась другая черта — наблюдательность. За 19 лет нашего знакомства мне вообще никогда не приходилось видеть Казакевича рассеянным или невнимательным. А когда кругом бушевала смерть, он становился как-то особенно наблюдателен. В это время Эммануил Генрихович успевал видеть гораздо больше, чем мы. Характерно, что в минуты смертельной опасности он меньше всего интересовался тем, что целиком поглощало наше внимание. Мы следили, как правило, только за противником, за каждым новым заходом бомбардировщиков на цель, а Казакевич в это время наблюдал за людьми, примечал каждое движение, запоминал фразы, которые срывались с наших уст в эти страшные мгновения, следил за выражением лиц — словом, ничто не ускользало от его внимательных глаз.

Так же Казакевич вел себя на передовой во время боя. Ему всё хотелось видеть своими глазами, всё хотелось заметить и запомнить. В таких случаях он забывал об опасности. Иногда, в самый разгар боя, когда кругом гуляла смерть, Казакевич мог встать в полный рост и смотреть подобно зрителю, который не может оторвать глаз от сцены, где разыгрывается театральное представление.

Близко познакомился я с Эммануилом Генриховичем в ночь с 22 на 23 сентября 1943 г., после боя за платформу Панская, что между Смоленском и Рославлем. В то время я работал агитатором политотдела дивизии и по долгу службы должен был широко пропагандировать героические подвиги воинов своего соединения и на них воспитывать высокие морально-боевые качества бойцов и командиров. Днем на НП командир 93 полка майор Сальманов рассказал мне, что дня два-три назад, в бою перед деревней Жигалово, Казакевич лично убил трех фашистов, захватил немецкий обоз и сдал в полк 12 подвод, нагруженных консервами, галетами и нательным бельем. А поздним вечером, в землянке, я встретил самого героя этого боя — Казакевича и пристал к нему: расскажи да расскажи, как ты захватил немецкий обоз.

Эммануил Генрихович рассказывать явно не хотел. Я настаивал.

— Да отвяжись ты! Будто не знаешь, как бьют немцев,— отмахнулся он. И после небольшой паузы Казакевич спросил:

— Говорят, что ты долгое время был разведчиком. Расскажи о первом своем удачном поиске.

Я знал, что Эммануил Генрихович тоже начинал войну рядовым разведчиком и поэтому поставил ему условие: «Расскажу, если и ты расскажешь о своем первом „языке“». Казакевич согласился... Когда я закончил свое повествование, он сказал: «У меня все было гораздо проще». Вот что я услышал в тот вечер из его уст.

Однажды, когда он был еще в народном ополчении, их выстроил командир и сказал: «Кто хочет идти в разведку? Два шага вперед!». Казакевич сделал эти два шага...

Линию фронта перешли очень удачно, даже ни одного немца не увидели. Среди бела дня взяли «языка». Изрядно выпивший фашистский солдат, горланя песню, шагал по пустынной дороге. Его скрутили, заткнули рот пилоткой и потащили, прежде чем гитлеровец успел опомниться. «Мне тогда показалось, что разведка — дело простое»,— закончил свой рассказ Эммануил Генрихович.

Через пять лет, когда я читал великолепную, как песня, повесть «Звезда», в восьмой главе сразу же узнал первого «языка», захваченного Казакевичем. Потом я спрашивал у писателя: «Это твой „первенец“?». Эммануил Генрихович подтвердил. Только в повести этого немца автор поставил в другие условия. Гитлеровец трезвый, идет из госпиталя и не горланит, а «насвистывает песенку».

В ту памятную дождливую ночь на Смоленщине, с которой началась наша фронтовая дружба, Казакевич все-таки уступил моей настойчивой просьбе и рассказал о том, как он 19 сентября 1943 г. захватил небольшой немецкий обоз. Правда, из его слов опять получалось, что никакого подвига при этом не было. Ему надо было добраться до переднего края. Идти по дороге через высоту было нельзя: по ней противник вел интенсивный огонь. Встретившийся Казакевичу майор Карлов, возвращавшийся с передовой, сказал, что наши уже заняли деревню Жигалово. Казакевич ему поверил. Спустился в лощину и, хотя туда тоже залетали мины, вышел, используя чахлый кустарник, на высоту, покрытую густым лесом, перед которым тянулась сплошная траншея. В траншее ни души; ни наших, ни немцев. Эммануил Генрихович достал из полевой сумки карту-километровку. Ориентировался. По прямой до Жигалова было не меньше двух с половиной километров. Он пошел в эту деревню, пробрался через лес и вышел на поле. Слева, из леса выходила проселочная дорога на Жигалово. Впереди из-за небольшой возвышенности виднелись жигаловские крыши. И тут он услышал лошадиный храп, скрип повозок и немецкую речь. Казакевич и два сопровождавших его бойца скрылись за деревьями. На дороге показался обоз противника. Эммануил Генрихович приказал сержанту Кудкину по его команде первой автоматной очередью «срезать» замыкающего повозочного вместе с лошадью, а затем бить остальных. Солдату Волкову — уничтожать центр. На себя взял голову обоза. Когда обоз вытянулся из лесу на поле и оказался на расстоянии 30—40 м от засады, по нему одновременно хлестнуло три очереди. Вместе с повозочными замертво упали лошади в голове, в середине и в хвосте колонны. Началась паника. Удар был настолько неожиданный, что никто из немцев не сообразил взяться за оружие. Гитлеровцы остервенело дергали за вожжи, стараясь вырваться из образовавшейся пробки. Это замешательство и входило в план Казакевича. Наши товарищи отлично использовали возникшую растерянность обозников и хладнокровно уничтожали очумевших от страха фашистов. Вскоре все было кончено. Только нескольким немцам удалось удрать в лес. А через некоторое время Казакевич увидел четыре фашистских танка, которые появились в километре справа. Они отходили на Жигалово. За ними мельтешила пехота противника. «Тут я понял: не немецкий обоз оказался в нашем тылу, как я думал вначале, а мы в тылу противника. Если б знал это — ни за что бы не напал на Wagenzug Гитлера»,— улыбаясь закончил Эммануил Генрихович.

К октябрю наша дивизия с боями прошла с востока на запад всю Смоленскую область. Впереди была, как выразился Казакевич, Белая Русь. Здесь, километрах в четырех западнее деревни Сысоево, мы натолкнулись на сильно укрепленный рубеж немцев. Командующий армией приказал нам начать наступление 5 октября и прорвать оборону противника.

Перед рассветом на фронте затихло. Молчало все — пушки, минометы, пулеметы,

ГРУППА ОФИЦЕРОВ РАЗВЕДОТДЕЛА ШТАБА 47 АРМИИ

Сидят (слева направо): подполковник Н. Вишняков, подполковник Н. С. Шевченко, начальник разведотдела полковник М. Б. Малкин, майор Н. М. Пономарев. Стоят: Э. Г. Казакевич, капитан В. Ф. Глушков, майор Г. Е. Жолнин, майор А. Ф. Шешенев

Фотография. 1 Белорусский фронт, Галле (Германия), весна 1945 г.

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

автоматы. На востоке, за нашей спиной, занималась заря. Впереди, за лощиной, из предутренней дымки вырисовывалась гряда. На этой гряде были немцы. Предстояло выбить их оттуда. Шли последние приготовления к атаке. Эммануилу Генриховичу комдив приказал остаться на НП.

Атака началась перед восходом солнца — в 6 час. 30 мин. «Вперед!» — понеслось по цепям батальонов. Солдаты дружно поднялись и побежали к высоте. И тут застучали пулеметы противника. Поток пуль резанул по цепи. Некоторые упали, чтоб никогда больше не встать. Кто-то крикнул «ура». «Ура!!!» — подхватили остальные, ускоряя бег. Но вот за высотой ухнуло орудие, и перед атакующими разорвался снаряд. И началось! От взрывов снарядов и мин задрожала земля. Это противник обрушил на головы наступающих море огня. Не выдержав, наши цепи залегли. Спасаясь от смерти, каждый искал укрытие. Одни вползали в воронки от снарядов, другие, лихорадочно работая лопатками, окапывались там, где были огнем прижаты к земле.

На НП зазуммерил телефон — комдива вызывал командующий. З. П. Выдриган доложил обстановку, потом долго слушал, изредка стараясь ответить, но командарм не хотел его слушать, прерывал на полуслове, видно крепко ругался, угрожал трибуналом.

Закончив разговор, командир дивизии гневно спросил меня:

— Почему лежат красноармейцы? Где ваша агитация? Немедленно идите и поднимите людей в атаку!

— Есть поднять в атаку,— ответил я и выпрыгнул из окопа.

— Вернитесь! — приказал комдив,— пойдете с группой.

Выдриган выделил для этой цели еще четырех офицеров. Среди них был Казакевич.

Чтоб добраться до прижатых к земле рот, предстояло преодолеть метров восемьсот, не больше. Но каких метров! Казалось, тысячи смертей, опьяненных людской кровью, дико скакали по полю и остервенело рвали землю, покрытую осенней сединой.

«А, была не была!»— махнул рукой Эммануил, и мы, выскочив из траншеи, рванулись вперед. Казакевич был опытный солдат. Бежал по всем правилам — молниеносно вскакивал и, бросаясь то вправо, то влево, что есть духу мчался вперед метров сорок, камнем падал на землю и по-пластунски отползал на несколько метров в сторону. Если представлялась возможность, то старался прыгнуть в воронку от снаряда, а потом высматривал другую и делал новый рывок. Кругом рвались мины, шипели осколки, жужжали пули, в небо взлетали комья земли. С каждой сотней метров уменьшалась наша «пятерка»: одного убило прямым попаданием мины, второго прошила пулеметная очередь, третий, легко раненный, остался лежать в воронке.

Мы доползли, наконец, до канавы, ставшей спасительным укрытием для наступающих. Нашли командира полка подполковника Левитина, передали ему приказ комдива: «Поднять людей в атаку».

— А я приказ выполняю — атакуем,— сказал Левитин.

— Лежа атакуете?— спросил Казакевич.

— Не лежа, а ползком,— ответил командир.

— А что докладываете «десятому»? («десятый» — позывной комдива) — допытывался Эммануил Генрихович.

— Так и докладываю: ползем вперед.

— Но бойцы-то лежат на месте, а не ползут. Что скажете комдиву после боя?

— Скажу, что ползли, ползли да и приползли. Спросит: «Куда приползли?» Отвечу: «В свою траншею!» — и уже гневно продолжал: — Вы что? Не видите? Поднять в атаку — значит расстрелять полк!

В воздухе стоял грохот. Поле боя стонало. Кричали раненые: «Помогите! Братцы, помогите! Спасите!..» Казакевич пододвинулся ко мне и тихо сказал:

— Левитин прав. Какая уж тут атака. Главное сейчас — помочь раненым, а вечером, когда стемнеет, надо убитых вытащить, похоронить по-человечески...

Верховный Совет Туркменской ССР принял шефство над нашей дивизией. Из Ашхабада приехала делегация, привезла несколько вагонов подарков: урюк, кишмиш, сушеные яблоки, виноградное вино. Для создания документального фильма о дивизии приехало два писателя, два художника, два кинооператора. Было приказано обеспечить необходимые условия для съемок. В их распоряжение выделяются подразделения, которые повторят подготовку к наступлению, атаки и преследование противника. Будут снимать сожженные деревни, зверства фашистов. «Какой же это, к чёрту, документальный фильм! Бутафория! Снимать за двадцать верст от передовой!» — возмутились офицеры, услышав об этом.— «Пусть снимают настоящий бой!..» Заговорили о том, что о нас, фронтовиках, сейчас много пишут, а полную правду войны не показывают. Не могут. Казакевич в разговор не вмешивался. Он сидел, прислонившись к дереву, и смотрел вдаль. Казалось, не слушает спор. Но как только майор Карлов безапелляционно заявил: «И никогда не напишут!», Эммануил Генрихович, не поворачивая головы, спокойно сказал:

— И книги напишут, и сложат легенды про нашу бессмертную рать.

Ему возразили:

— Напишут много. Трескучих фраз нагромоздят, а всю правду войны не покажут. Не покажут, потому что писатели и художники с нами в атаки не ходят, не знают, что чувствует боец, сидя в окопе с противотанковой гранатой, когда на него прет немецкий «тигр» или «пантера», не знают, что значит идти в штыковую.

«Ошибаетесь, друзья! Правду такой войны не скроешь».— Казакевич стал доказывать, что в литературе войну покажут правдиво, объективно, многогранно. Нельзя ориентироваться только на маститых литераторов, широко известных мастеров слова. Вперед надо смотреть. Воюют миллионы. Среди них — будущие писатели и поэты, художники и артисты. Произведения о войне создадут те, кто еще не успел написать ни одной строчки, те, кто еще сам не знает, что он — талант, будущий бытописатель войны. Учтите, что многим воинам сейчас только по 18—20 лет. Вся жизнь у них впереди.

1964

ПИСАТЕЛИ — ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ХУСЕН АНДРУХАЕВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ*

1. Фамилия, имя и отчество — АНДРУХАЕВ Хусен Борежевич. 2. Звание — младший политрук. 3. Должность, часть — политрук 2 стрелковой роты 733 стрелкового полка 136 стрелковой дивизии.

Представляется к ордену Ленина с присвоением звания Героя Советского Союза.

4. Год рождения — 1920. 5. Национальность — адыгеец. 6. Партийность — член ВКП(б). 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — не участвовал. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — убит. 9. С какого времени в Красной Армии — с 1940 г. 10. Каким РВК призван — Шевченковским РВК Краснодарского края. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — наград не имеет.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

8 ноября 1941 г. в районе села Дьяково на 2 стрелковую роту наступало более двух рот пехоты противника. Три атаки немцев мужественно отбил со своей ротой политрук Андрухаев. Противник бросил новые силы, коварная пуля врага пробила щеку Андрухаеву, который не бросил оружия и продолжал мужественно держаться и разил фашистов. Три раза преимущественные силы противника окружали политрука Андрухаева, патроны вышли все, отстреливаться было нечем. Не теряясь, хладнокровно политрук Андрухаев взял в обе руки противотанковые гранаты, подпустил на 4 метра противника и с криком «Возьмите, гады» подорвал себя и подбежавших фашистов.

За проявленный героизм, мужество и отвагу политрук Андрухаев представляется к высшей правительственной награде — ордену Ленина с присвоением звания «Героя Советского Союза».

Командир 733 сп полковник Таванцев
Военком 733 сп батальонный комиссар Якушенко

11 ноября 1941 г.

---

* Публикация В. Л. Любельского.

В этом и в других воспроизводимых в настоящем разделе наградных листах опущены отдельные менее существенные пункты первой части (например, постоянный домашний адрес), а также заключения вышестоящих начальников, Военных Советов армий, фронтов и флотов и наградных комиссий НКО и НКВМФ СССР. В текст некоторых наградных листов внесены в необходимых случаях небольшие стилистические исправления.

Х. Б. АНДРУХАЕВ — КУРСАНТ СТАЛИНГРАДСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Фотография. 1940—1941 гг.

Архив Министерства обороны СССР, Подольск

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1942 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 2, л. 148.

ПОЭТ-ПАТРИОТ*

В Адыгее и далеко за ее пределами популярно имя поэта-героя Хусена Андрухаева, чью жизнь и творчество принято сравнивать с песней, внезапно прерванной фашистской пулей. С детских лет он слагал светлые лирические песенки о своем родном ауле Хакуринохабле, о своих любимых горах. В одном из стихотворений тех лет он писал:

Тут и я рожден в ауле...
Как же горы не любить мне,
Что стоят на карауле
Незапамятных событий?![1]

Подборка стихотворений 14-летнего Хусена, опубликованная еще в 1935 г. в областной газете «Колхозное знамя» (Майкоп), сразу привлекла внимание читателей своей оригинальностью, своими поэтическими достоинствами. В этом же году Андрухаев поступает в Адыгейское педагогическое училище и присутствует на совещании писателей в Ростове-на-Дону. На страницах адыгейских газет, журналов и литературно-художественных сборников все чаще появляются стихи молодого поэта, проникнутые любовью к партии и народу: «Родина», «Комсомол», «Два аула», «Часовой», «Кавказ», «Тарас Шевченко», «Шехурадж-река», «У нашего старого дерева», «Счастье», «Я буду петь», «Я иду в Красную Армию», «Слова, разящие как пули». В стихотворении «У портрета Маяковского» он писал:

* Очерк А. М. Гадагатля.

Ты,
как Нетте, пронес
свою жизнь через бури.
Я
хочу быть таким же,
как он и как ты.
Маяковский!
Руку!
Говорю без лести!
Ныне
со стихом твоим вместе
В бой выходит
и моя
молодая строка! [2]

Он искал и находил подлинные слова, сокрушающие врага и ободряющие советских людей.

С болью в сердце приходится сказать, что Хусен Андрухаев не успел в полную меру проявить свои творческие способности, свой талант. Его жизнь была слишком коротка — он прожил немногим более 20 лет.

Еще в 1939 г. Андрухаев вступил в ряды Красной Армии. Когда немецко-фашистские захватчики напали на нашу Родину, Андрухаев подал рапорт с просьбой направить его на фронт. Желание его было удовлетворено. В ноябре 1941 г., на одном из участков Южного фронта, когда фашисты окружили младшего политрука Андрухаева и пытались взять его в плен, он, расстреляв патроны, подорвал и врагов и себя связкой гранат.

Так сын адыгейского народа поэт Хусен Андрухаев одержал победу и над врагом и над самой смертью. Память о нем живет в его народе. В школах Адыгеи дети изучают произведения Андрухаева. Вновь и вновь переиздаются его стихи.

В областном музее Адыгеи оборудован уголок Хусена Андрухаева, где собраны его личные вещи, рукописи, сборник стихов «Моя песня», изданный в 1946 г. В Москве, в Центральном музее Вооруженных сил СССР, хранится перебитая осколком снаряда снайперская винтовка № К-Е 1729, принадлежавшая Андрухаеву. После героической гибели Андрухаева его оружие взял в свои руки русский воин Николай Ильин, один из лучших снайперов Сталинградского фронта. Мстя за адыгейца Андрухаева, Николай Ильин храбро сражался против фашистов, получил звание Героя Советского Союза. После его гибели, под Белгородом винтовка № К-Е 1729 с надписью «Имени Героев Советского Союза Андрухаева и Ильина» была вручена снайперу-украинцу А. Гордиенко. Он тоже получил звание Героя Советского Союза.

Многие адыгейские поэты, прозаики, художники и композиторы создали свои поэмы, песни, рассказы и скульптурные портреты, в которых запечатлен образ адыгейского поэта-патриота Хусена Андрухаева [3].

[1] Х. Андрухаев. С шумом ударяясь в берег... (перевод М. Левашова).— Сб. «Поэты Адыгеи». М., «Сов. писатель», 1960, стр. 99.
[2] Там же, стр. 101—102 (перевод П. Резникова).
[3] Очерк Д. Костанова «Батыр» (1947), поэма С. Яхутля «Хусен Андрухаев» (1963), песня К. Жанэ (1960) и др.

БОРИС ТИХОМОЛОВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ*

1. Фамилия, имя и отчество — ТИХОМОЛОВ Борис Ермилович, 2. Звание — капитан. 3. Должность, часть — летчик 750 авиаполка дальнего действия.

Представляется к ордену «Красное Знамя».

4. Год рождения — 1913. 5. Национальность — русский. 6. Партийность — кандидат ВКП(б) с 1939 г. 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — не участвовал. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — не имеет. 9. С какого времени в Красной Армии — с апреля 1942 г. 10. Каким РВК призван — не указано. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — имеет благодарность от командования эскадрильи и полка за успехи в боевой работе.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Прибыл в 750 авиаполк в апреле месяце 1942 г. из гражданского воздушного флота, за короткий период времени овладел в совершенстве ночными полетами на самолете ИЛ-4 и успешно произвел 25 боевых вылетов, из них 23 вылета ночью, в составе экипажа: штурмана Елисеева, в/стрелка-радиста ст. сержанта Шкода Н. и воздушного стрелка Китнюк, по бомбардированию аэродромов, жел.-дор. узлов, эшелонов, мотомехчастей и скопления войск противника в районах военных действий: Смоленск, Орша, Витебск, Брянск, Харьков, Курск, Воронеж и др. Задания в своем большинстве выполнялись успешно. Отличный летчик, летает на боевые задания с большим желанием. Материальную часть самолета ИЛ-4 знает хорошо и грамотно эксплуатирует. В работе инициативный, находчивый, смелый и настойчивый при выполнении боевых задач. К себе и подчиненным требователен и пользуется деловым авторитетом как лучший летчик. Дисциплинирован, идеологически выдержан, политически и морально устойчив. В общественной работе и политической жизни эскадрильи участие принимает.

Достоин правительственной награды ордена «Красное Знамя».

Командир 750 АПДД подполковник Щербаков
Военный комиссар батальонный комиссар Морозов

20 июня 1942 г.

---

* Публикация В. Ф. Суворова.

Б. Е. ТИХОМОЛОВ
Фотография. Москва, Кремль, 12 января 1943 г.
Собрание Б. Е. Тихомолова, Сочи

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ОКРУГА

Достоин правительственной награды — звания Героя Советского Союза.

За Командующий авиацией ДД
генерал-лейтенант авиации Голованов
Член Военного Совета АДД
дивизионный комиссар Гурьянов

30 ноября 1942 г.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 31.12.1942 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 47, л. 262.

ПО ПОВОДУ НАГРАДНОГО ЛИСТА*

Сочи, 11 марта 1965 г.

Сердечное спасибо вам за ваше письмо и за наградной лист, который вы мне прислали. Мне он дорог, этот лист, своим «подтекстовым» содержанием и датами.

Посудите сами. В полк я прибыл 1 апреля 1942 г. Из-за недостатка материальной части нам — вновь прибывшим — летать не давали. Друзья

* Из письма Б. Е. Тихомолова в редакцию «Литературного наследства».

мои этим не смущались и принялись довольно весело проводить время. Я же считал, что если хочешь подольше пожить, то значит надо больше упражняться в летном мастерстве, даже если это мастерство связано с боевой обстановкой. От войны так и так не убежишь, воевать все равно придется, так уж лучше это сделать пораньше и не дисквалифицировать себя безделием.

Сначала я попытался уговорить ребят на «бунт», но безуспешно, тогда я пошел к командиру полка один и потребовал, чтобы мне дали самолет. В армии я не был и поэтому вел себя, очевидно, несколько вольно и, наверное, оригинально. Надо мной посмеялись, но все-таки самолет дали, правда, через некоторое время, и я стал летать.

Первый свой боевой вылет я сделал днем 25 мая. Разумеется, я старался не ударить в грязь лицом и показать все свое мастерство гражданского летчика. Штурман и остальные члены экипажа были буквально ошарашены той культурой полета, которой обладали почти все гражданские летчики. Как на зло, в этом моем первом полете за мной увязались два «мессера». Я здорово перетрухнул, потому что был совершенно беспомощен со своими «шкасиками» * против их авиапушек, из которых фашистские асы палили с километровой дистанции. Был бы этот мой полет последним, если бы я не сумел вовремя дотянуть до облаков. Над целью мы вывалились из облаков на высоте 300 метров, с бреющего полета отбомбились по скоплению эшелонов с живой силой противника и обстреляли бегущих в панике солдат из пулеметов.

Не скажу, чтобы я чувствовал себя в грохоте бомбовых разрывов и в трескотне пулеметных очередей очень-то уютно, но все же, уходя от цели боевым разворотом, я успел посмотреть, что мы там натворили.

Наверное про меня спрашивал командир у штурмана и членов экипажа, потому что на следующий день на доске приказов я прочитал объявленную мне благодарность.

И вот, только сейчас я узнал, оказывается, и месяца не прошло с тех пор, как я стал летать, а на меня уже был написан наградной лист (20 июня). Конечно, это было чрезвычайно рано, и лист этот оставили «отлежаться».

Но вскоре мы начали готовиться к полетам на Берлин и другие столицы воюющих с нами государств. Тут уж мне и карты в руки. По дальним полетам я был спец. Наши ИЛ-4 не были приспособлены для таких дальних расстояний — не хватало горючего, и для того, чтобы дойти до Берлина и дотопать обратно, нужно было приложить нечеловеческую злость и старание, а главное, конечно,—умение. Всего этого у меня было в достатке, и получилось так, что когда мы закончили эти глубокие бомбардировочные рейды, то самое наибольшее количество полетов на Берлин, например, (из трех полетов три) было только у меня и у Молодчего, а так как мы, бросая бомбы на цель, тотчас же докладывали об этом по радио лично Сталину, то в Кремле было известно, что и как. Последний полет на Берлин был 9 сентября 1942 г. Меня там подбили, но мы сумели дойти, и рано утром в промозглую погоду я кое-как усадил свою измолоченную вдрызг машину на Центральном аэродроме Москвы. Конечно, пошел шум, и к нашему самолету открылось паломничество лимузинов с генералами. Они смотрели, ахали и вытаскивали застрявшие в узлах самолета осколки от зенитных снарядов.

Потом мне говорил наш командир дивизии, что когда Сталин проверил списки летчиков, намечаемых к присвоению звания Героя Советского Союза, то спросил просто: «А почему я не вижу в списках Тихомолова?»

---

* Шкасики — шутливое название авиационных скоростных пулеметов «ШКАС».

Этого было вполне достаточно, чтобы к наградному листу где мне намечался орден «Красного Знамени», была сделана соответствующая приписка.

Вот и всё! Так, совершенно неожиданно и для себя и для других, я «отхватил» Золотую звездочку, мой штурман — Николай Гаврилович Елисеев — орден Ленина, радист Николай Шкода — «Красную Звезду», а стрелок Китнюк — медаль «За отвагу».

О ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ Б. Е. ТИХОМОЛОВА*

Летчик, Герой Советского Союза, Борис Ермилович Тихомолов писателем-профессионалом стал сравнительно недавно. Первый его рассказ появился в 1950 г. Затем, после пятилетнего перерыва, он возобновил литературную работу — его рассказы, очерки и критические статьи стали появляться в различных газетах и журналах. Первая книжка его рассказов «Сапар-батыр» вышла в Москве, в Детгизе, в 1958 г.

Уже в этом небольшом сборнике проявилась писательская «жилка» Бориса Тихомолова, его способность лирически и лаконично рисовать суровую природу Средней Азии и мужественных людей-летчиков. В литературном труде Тихомолов обрел свое второе жизненное призвание. Он пришел в литературу не просто как бывалый человек, многое повидавший и поэтому обратившийся к воспоминаниям, а именно как художник, по-своему смотрящий на мир и обладающий умением разговаривать с юным читателем.

Написав затем «чисто» детскую повесть «Кряка» (1960) — о школьниках кубанской станицы,— он показал себя человеком, умеющим вживаться и в новый, впервые открываемый материал. Тираж повести, приблизившийся к 400 тысячам экземпляров, говорит сам за себя.

В течение последних лет Борис Тихомолов упорно собирает материал для новой «детгизовской» повести о кубанских рыбаках и готовит автобиографическую повесть «Как я стал летчиком».

---

* Справка написана В. Б. Бакалдиным.

ГРИГОРИЙ ЛИНЬКОВ

СПРАВКА *

ЛИНЬКОВ Григорий Матвеевич, 1899 г. рождения, уроженец с. Васильевка Булановского района Оренбургской области. По национальности русский. Член КПСС с 1918 г. Образование: Коммунистический университет в 1930 г. и Военно-электротехническая академия в 1938 г. Участник гражданской войны. После окончания военной академии работал начальником отделения научно-исследовательской лаборатории артиллерийского комитета ГАУ РККА.

В июле 1941 г. инженер-полковник Линьков обратился с письмом в ЦК ВКП(б) с просьбой направить его с группой в 15—20 человек на работу в тыл противника. Обосновывая свое решение, тов. Линьков писал, что он располагает богатым опытом партизанской борьбы в годы гражданской войны и в настоящее время может принести пользу нашей Родине.

В письме тов. Линьков указывал, что его ходатайство является глубоко продуманным, и заверял ЦК ВКП(б), что он с честью выполнит сложную и ответственную задачу, а если потребуется, то отдаст и свою жизнь.

В сентябре 1941 г. просьба тов. Линькова была удовлетворена, и по решению ЦК ВКП(б) он был направлен в распоряжение Генерального штаба Красной Армии для использования на работе в тылу противника.

Тов. Линьков выполнял специальные задания в тылу противника дважды. Первый раз с 17 сентября 1941 по 28 января 1943 г. и второй — с мая 1943 по апрель 1944 г.

По заданию командования в 1941—1942 гг. в исключительно трудных условиях тов. Линьков со своим отрядом совершил 600-километровый переход, проведя на пути следования несколько диверсионных операций на железнодорожных объектах и коммуникациях противника, практически не имея потерь в личном составе.

Вокруг небольшого отряда тов. Линькова, выброшенного в тыл противника, объединялись мелкие группы из находившихся в окружении офицеров Советской Армии, а также местных советских и партийных активистов.

За счет этих групп в южных районах Белоруссии тов. Линьков организовал разветвленную сеть разведывательных отрядов, которые контролировали основные коммуникации противника и вели разведку крупных гарнизонов немецких войск.

Под руководством инженер-полковника Г. М. Линькова начали свою деятельность в тылу противника тт. Каплун, Бринский, Магомет, Логинов, Анищенко, Банов и ряд других офицеров, которые в последующем выросли в умелых организаторов разведки и сами стали во главе отрядов, бригад, соединений, действовавших на территории Белоруссии, Украины, Польши и Чехословакии.

---

* Справка составлена на основании официальных архивных данных.

Г. М. ЛИНЬКОВ ЧИТАЕТ П. П. ВЕРШИГОРЕ СВОЮ ПЬЕСУ «МОСКВИЧИ ЗА ФРОНТОМ»

Фотография А. Л. Лесса. Москва, 10 ноября 1948 г.

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Руководимые инженер-полковником Линьковым бригады и отряды проделали огромную работу в тылу противника по разведке группировок его войск, обороны, а также по совершению диверсионных актов на железных дорогах и различных военных объектах.

За период с сентября 1941 по 1945 г. пущено под откос несколько сот воинских эшелонов с живой силой и боевой техникой противника, взорваны десятки железнодорожных и шоссейных мостов, станций, водокачек и других объектов. Уничтожены тысячи гитлеровцев и их прислужников из числа предателей Родины.

Добытые сведения о группировках противника сыграли большую роль в планировании и проведении советским командованием операций по разгрому фашистских войск в Белоруссии и освобождению восточных областей Польши.

Под руководством тов. Линькова в районах действия проводилась большая разъяснительная работа среди местного населения, сыгравшая положительную роль в успешном развертывании партизанского движения в Белоруссии.

С мая 1943 по апрель 1944 г. тов. Линьков командовал специальной группой (впоследствии оперативным центром) Генштаба Советской Армии, которая действовала в районе Брест — Барановичи — Волковыск по организации в широких масштабах диверсионной работы на железнодорожных магистралях Брест — Пинск, Брест — Барановичи, Брест — Лида.

За выполнение боевых заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20.I.1943 г. тов. Линькову Г. М. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В ТЫЛУ ВРАГА

ИЗ ДНЕВНИКА 1943 г. *

Дневник Г. М. Линькова относится ко второму этапу его деятельности в глубоком тылу противника, когда он возглавил разведывательно-диверсионную работу в Западной Белоруссии, в районе Брест — Барановичи. Первая запись в дневнике сделана 21 мая 1943 г., последняя — 22 апреля 1944 г.

Своеобразие дневника заключается в том, что это (за редким исключением) строго деловой документ, в котором автор, в качестве командира оперативного разведывательного центра, фиксировал итоги работы за каждый день и намечал планы своей текущей деятельности. Именно поэтому записи в подавляющем большинстве очень лаконичны и сдержанны. Лишь изредка автор высказывает свои суждения по общим вопросам, связанным с ходом войны и перспективами ее победоносного окончания, или уделяет место записям личного характера.

Таким образом, дневник является в первую очередь историческим документом, отражающим деятельность того своеобразного военного соединения, о котором Линьков писал в своей книге: «Находясь в подчинении высших армейских органов, имея оперативную связь с Москвой, мы, москвичи-десантники, по существу представляли собой что-то среднее между партизанским соединением и авиадесантной частью Красной Армии» («Война в тылу врага». М., 1959, стр. 324). Но помимо этого дневник имеет и известное литературное значение: его материал, его фактическое содержание во многом были использованы автором во время работы над книгой, и сопоставление печатного текста с дневниковым источником позволит в будущем лучше понять характер литературной работы автора.

В соответствии с принципами построения настоящего раздела для публикации отобрано очень небольшое количество записей, относящихся к июню — августу 1943 г. Дневник публикуется по подлинному тексту, хранящемуся у М. Г. Линьковой.

17.6.43. ⟨...⟩ Как много, упорно и трудно приходится работать по воспитанию людей. Иногда кажется, настолько просты и популярны вопросы, о которых часами приходится толковать, что терпение приходит к концу, но жизнь и борьба требуют огромного упорства, выдержки и объективного взгляда на людей и себя. Хотя самое тяжелое — это уметь подняться над собственным размышлением и подвергнуть его критическому разбору. Это очень трудно сначала, но когда человек сделает это первый, второй раз, то потом это становится более легким. В этом вопросе приходится вступать в противоречие с самим собой.— Ах, опять философия — займемся ею когда-либо поподробней. ⟨...⟩

18.6. Направил Артеменко [1] с людьми на задание — поставил задачу добыть языка, бензину и масла. Кажется, растолковано всё до мельчайших подробностей. Люди приняли это с большим подъемом. Есть все основания полагать, что одна-две фашистских машины будут уничтожены и необходимые трофеи будут добыты, а ведь лучшим методом воспитания бойца является все же то, чтобы он чаще был в схватках с врагом, из которых он выходил бы победителем. В этом случае он вырабатывает в себе и смелость, и ловкость, и волю к дальнейшей борьбе. Полученные сегодня данные о железнодорожных перевозках определенно говорят за то, что противник снова начал подготовку к летнему наступлению. Снова в массовом количестве стали перебрасываться на восток тяжелые танки, автомашины, хотя большой переброски войск пока еще не начато. До 13.6 характер перебросок был совершенно иной.

---

* Публикация М. Г. Линьковой.

22.6. Как хорошо, что не направил Гусева [2] и Клецовку за линию железной дороги, какая бы получилась неразбериха, насколько усложнилось бы дело. Ряд элементов в работе как будто указывает на то, что наша работа должна в дальнейшем пойти неплохо. Но как тяжел этот «предпусковой» период. Однако ж без кропотливой подготовки в нашем деле ничего не сделаешь.

Как важно было прослушать сегодня содержание ⟨сводки⟩ Совинформбюро об итогах двух лет войны. Хотя здесь, в глубоком тылу, очень много видим и сами и вопрос оценки сил противника для нас более легкий, чем для рядового или среднего гражданина СССР, тем не менее анализ, данный в итогах, имеет огромное значение как в деле общего понимания, так и ⟨в отношении⟩ перспектив ближайших грядущих событий.

27.6. Прибыли на свидание Цыганов [3], Седельников [4], Алабердин, Попов и один новый товарищ. Как быстро и незаметно пролетели последние семь месяцев, за которые мы не встречались между собой. Как будто бы совершенно ничего не изменилось за этот срок, на самом деле как многое изменилось в ходе войны! Ведь тогда еще немцы были в Сталинграде и под Грозным, за Вязьмой и в Демянском укрепрайоне. Но дух моих людей был таким же. Мне кажется, что эти люди, пробывшие со мной почти большую часть военного времени в тылу врага, пережившие страшную первую зиму и совершившие тысячекилометровые переходы по лесам и болотам Белоруссии, давно решили, как и я, что до окончательной победы наше место здесь и что бы там на фронте ни было — мы будем бить здесь фашистскую сволочь любыми средствами и тем самым выполнять священную историческую миссию народных мстителей.

30. 6. Встретился с тов. Сикорским[5]. Он сегодня вырвал из Бреста свою жену и трех человек детей, находившихся около двух лет в фашистском плену. Слезы выступают на глазах, когда слушаешь о том, как дети этого ответственного товарища ходили под окнами, просили кусок хлеба, чтобы не умереть с голода. Какое омерзительное чувство низости испытывают люди всех возрастов, попадающие в подобное положение. Понять и представить это могут только те, кто сами пережили это тяжелое испытание. Но все хорошо, что хорошо кончается. А у Сикорского кончилось это отлично. Мыслимо ли вырвать семью целиком из лап врага в таком глубоком тылу противника и поставить ее в положение, недосягаемое для врага. ⟨...⟩

1.7. Решил снова построить баню, кажется, шестую по счету в лесах и болотах фашистского тыла. Во-первых, это учреждение крайне необходимо для гигиены и сохранения здоровья, во-вторых, она предлог для работы, которую я считаю крайне необходимым мероприятием в наших условиях и, в-третьих, она даст людям навык в строительстве. Ведь не всё же будем разрушать, придется когда-нибудь и строить ⟨...⟩

9.7. Прибыл Мирсков [6], принес много нового о моих старых друзьях и боевых соратниках. Конечно, во всех этих разговорах много фантастического, но тем не менее есть факты, против которых ничего не скажешь. Так, например, факт, что объединение, которым я руководил, носит официально мое имя, и это не потому, что сменившее меня командование мне очень симпатизирует, а потому, что люди, которых я организовал и поставил на путь борьбы, заявляют, что я им дал «путевку в жизнь». Я не умею ладить с начальниками, которые хотят, чтобы им говорили прият-

ные вещи даже и тогда, когда они этого не заслуживают, и потому далеко не все хорошее, сделанное мной, замечается и отмечается, но совесть чиста и велико чувство самоудовлетворения перед партией и Родиной за ту большую и плодотворную работу, которую я проделал, хотя я никогда не удовлетворяюсь достигнутым — стремился, стремлюсь и буду непреклонно стремиться к тому, чтобы сделать как можно больше.

24.7. Сегодня пришла одна группа, пустившая под откос поезд противника, идущий на восток. Разбит паровоз и несколько вагонов. Это уже небольшой результат в нашей важной и большой работе — по разрушению коммуникаций противника. Жду результата от других групп, направленных на линию железной дороги.

26.7. Прибыла еще одна группа — Артеменко, пустившая под откос поезд, идущий на фронт с продовольствием и амуницией. Паровоз и шесть вагонов свалились под откос, простой дороги 12 часов. Это дело такое — если товарищи сделают удачно первые шаги, то дело пойдет неплохо. Цветков[7] принес интересные результаты о том, что сожжено депо ст. Янув и взорвана электростанция в Дрогичине. Хотя подробных данных о последствиях пожара еще нет, тем не менее эти факты меня несколько радуют ⟨...⟩

28.7. Получены подробности о последствиях пожара в депо Янув. Сгорело все оборудование депо, два паровоза, один тендер, много подъемных домкратов, девять металлообрабатывающих станков с моторами и много другого оборудования. Это очень приятно. И хотя немцы и начали массовые репрессии среди рабочих, но это только усилит наши ряды. Весьма интересно, что за взрыв в столовой[8] немцы обвинили своих вновь прибывших солдат, а за взрыв на спиртзаводе в Ополе[9] расстреляли своего обер-лейтенанта. Это очень приятно, так как свидетельствует о качестве нашей работы.

8.8. Вернулась группа Фомина, доложила о крушении одного железнодорожного состава на линии Брест — Пинск, 1,5 км западнее Дрогичина. Вторую мину не использовали из-за неудобства — опасности рвать днем с помощью шнура, ночью же поезда не ходят. Без результата вернулись группы с линии Брест — Барановичи, причина — не ходят ночью поезда. Удивительное дело — на каждом километре построена наблюдательная вышка и дзот. Линия охраняется, кроме этого, бронепоездами, танками, поставленными на рельсы, и пешими патрулями, и все же последнее время так много железнодорожных крушений, что поезда ночью почти совсем перестали ходить. Это указывает на то, что все ухищрения врага напрасны. Партизаны при всех их огромных недостатках и неорганизованности наносят огромный вред и урон противнику. А сколько здесь партизан? Мне кажется не будет преувеличенной цифра 65—70 тысяч человек вооруженных на Пинскую, Брестскую и Минскую области, и безусловно их в два-три раза больше количества немцев и полиции, дислоцированных в этих областях.

13.8. Возвратился Стецов Гриша с группой. Поезда не пустили, но часть тола израсходовали на то, что подорвали одну легковую машину. И хотя немцы из этой машины разбежались, но захват документов, инструментов и некоторых приборов указывает на то, что люди потихоньку, правда, очень медленно, но все же привыкают брать трофеи у противника, а это означает, что люди постепенно привыкают воевать. Чувст-

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ
Рисунок В. С. Климашина (итал. карандаш), 1944
Из серии «По дорогам войны»
Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

вуется, что люди морально удовлетворены тем, что они видели собственными глазами, как от них удирали фашистские негодяи. ⟨...⟩

26.8. Получил сведения о взрыве паровоза нашими людьми по нашему заданию; хоть это и мало, но и это дело. Жгите, ломайте, рвите, терзайте фашистскую гадину, вторгнувшуюся на нашу священную землю. Пусть фашистские мерзавцы не находят себе покоя нигде на нашей необъятной Родине. Ни один день, ни один час не пропускайте без того, чтобы не наносить ударов фашистскому чудовищу ⟨...⟩

31.8. ⟨...⟩ Пришел Гриша Стецов, принес трофеи с разбитой автомашины. Его группа сожгла автомашину с прицепом, на которой везли четыре новых автомотора, при этом убит один офицер — лейтенант, один солдат и захвачены трофеи, в числе которых много документов, новые противогазы, охотничье ружье и 200 штук заряженных патронов — господин лейтенант ехал стрелять уток, но мои молодцы подстрелили его самого, как куропатку. Взято много пищевых концентратов в порошкообразном виде. Все это направлено в Москву, думаю, что это будет хорошим подарком. Эта же группа разбила пять вагонов в поезде, идущем на восток, близ станции Липово, с автомашинами и людьми — предположительно убито несколько десятков человек. Спасибо, мои дорогие, так их мерзавцев, воров и разбойников, насильников и людоедов! Когда я получаю подобные донесения, в достоверности которых сомнения никакого нет, то хочется крикнуть так, чтобы слышали все люди цивилизованного мира о том, как горсточка русских — советских людей в глубоком тылу противника приводит в исполнение свой грозный приговор над фашистскими захватчиками. Разве можно сомневаться в победе русского народа в этой Отечественной войне, когда существуют такие герои — такие богатыри, а они не только существуют, они множатся с каждым днем. ⟨...⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Артеменко* — командир группы. В записи 6 октября 1943 г. (не вошедшей в настоящую публикацию) рассказано о снятии Артеменко с должности за недисциплинированность и о направлении его на другую работу.

[2] Борис *Гусев* — командир группы. О нем см. в книге Линькова «Война в тылу врага». М., 1959, стр. 447—448.

[3] Анатолий *Цыганов* — командир рейдовой группы. До войны был шахтером; в отряде Линькова действовал с октября 1941 г. О нем см. в книге Линькова, стр. 160 и 368.

[4] Анатолий *Седельников* — командир группы, по профессии инженер-механик. В отряде Линькова с лета 1942 г. О нем см. в книге Линькова, стр. 283, 306—308, 340—342.

[5] Сергей Иванович *Сикорский* — представитель ЦК КП(б) Белоруссии в Брестской области. До войны — секретарь Брестского обкома по кадрам. Его рассказ о спасении жены и детей в более подробном виде включен в книгу Линькова, стр. 455— 456.

[6] Александр *Мирсков* — командир группы. О нем см. в книге Линькова, стр. 521 — 522.

[7] Василий Афанасьевич *Цветков* — командир группы, один из ближайших помощников Линькова. О нем см. в книге Линькова, стр. 418, 422, 442.

[8] О взрыве в немецкой столовой речь идет в записи 27 июля, не вошедшей в настоящую публикацию.

[9] Эта диверсия в дневнике не отмечена. Возможно, что Линьков здесь ошибся в названии местности: в записи 10 июля (в настоящую публикацию не вошла) отмечено: «...один из наших людей подорвал спиртозавод в Мотыле».

МАЛИК ГАБДУЛЛИН

НАГРАДНОЙ ЛИСТ*

1. Фамилия, имя и отчество — ГАБДУЛЛИН Малик. 2. Звание — старший политрук. 3. Должность, часть — военком 2 батальона 1075 гвардейского стрелкового полка 8 ГОЛКСД.

Представляется к званию «Герой Советского Союза».

4. Год рождения — 1915. 5. Национальность — казах. 6. Партийность — член ВКП(б). 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — не участвовал. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — ранен в ноябре 1941 г., Западный фронт, село Рыбушка. 9. С какого времени в Красной Армии — с июля 1941 г. 10. Каким РВК призван—⟨не заполнено⟩. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — орден «Красная Звезда», приказ Зап. фронта от 17.1.42 г., № 44.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. Габдуллин прибыл в полк с момента его организации, т. е. с 15 июля 1941 г. и был назначен политруком 45 мм батареи. С первых же дней он приступил к глубокому изучению бойцов и всего личного состава батареи. Тщательно ознакомившись с людьми, он наметил план работы по воспитанию каждого бойца. Проводя индивидуальные и групповые беседы, Малик Габдуллин растил к бою своих людей так, как хороший садовник выращивал свое любимое дерево для снятия богатого урожая. Он всегда помнил слова Маркса, что воспитатель должен быть сам воспитан, и тов. Габдуллин упорно, энергично, с настойчивостью большевика работал над изучением военного дела, помня, что бить врага может только тот, кто научился искусству побеждать. Первые же дни его работы показали результаты — батарея тов. Габдуллина заняла первое место в полку по боевой и политической подготовке, и в дальнейшем на фронтах Великой Отечественной войны батарея, которой руководил и воспитывал тов. Габдуллин, оставалась передовой, которой поручались наиболее ответственные участки боевых действий.

Под селом Ширяево командование полка поручило тов. Габдуллину М. с группой автоматчиков в количестве 12 человек занять лощину, по которой под прикрытием танков двигалось свыше роты пехоты противника. Тов. Габдуллин, пропустив танки, отрезал пехоту и огнем из автоматов уничтожил до 200 фашистов. В это время танки, заметив отрыв пехоты, повернули на рубеж обороны, занятой автоматчиками, и с другой стороны стало подходить подкрепление — немецкая пехота. Тов. Габдуллин, умело руководя, подбив два танка связками гранат и используя хорошо местность, вывел без потерь свою группу в район расположения полка.

---

* Публикация В. Л. Любельского.

Во время боя под селом Рыбушка часть второго батальона оказалась отрезанной со всех сторон. В контратаку были брошены рота третьего батальона и группа автоматчиков во главе с тов. Габдуллиным. В это время танковый, пулеметный и минометный огонь простреливал подступы, стремясь не допустить соединения автоматчиков. Командир группы был тяжело ранен, ранение получил и тов. Габдуллин. Но сознавая, что оставлять группу без командира нельзя, он, преодолевая боли ранения, принял командование на себя и не ушел с поля боя до выполнения поставленной задачи. В результате отрезанная группа при малых потерях возвратила свою боеспособность.

При занятии села Новосвинухово большую роль сыграла группа автоматчиков в количестве пяти человек во главе с тов. Габдуллиным М., которая, зайдя с фланга в село и проникнув в центр села, подняла панику среди фашистов.

В это время подоспела рота второго батальона, и село было освобождено. Бежавшие немцы в панике оставили в селе свыше 30 легковых и грузовых машин, два склада с вещевым и продуктовым довольствием. Тов. Габдуллин с группой автоматчиков привел 12 человек фашистов, среди которых был один офицер. Село Бородино, с боем отбитое у немцев, являлось важным стратегическим пунктом, из которого ряд дорог соединял немцев со Старой Руссой. На наше подразделение, расположенное на защите села Бородино, немцы бросили полк эсэсовцев «Мертвая голова». Для срыва наступления немцев рота автоматчиков во главе с тов. Габдуллиным была послана для удара с правого фланга по наступающему противнику. В течение боя, длившегося около семи часов, тов. Габдуллин пять раз ходил в атаку и контратаку с лозунгами: «За Родину», «За Сталина» и четыре раза отбивал атаку немцев, пытавшихся обойти с фланга наше подразделение. В ходе боя противник, потеряв свыше 2000 убитыми и ранеными, отступил, село Бородино осталось за нами до получения новой задачи. Личный пример тов. Габдуллина воодушевлял бойцов.

Ранее представленный к присвоению звания Героя Советского Союза автоматчик Тулеген Тохтаров является воспитанником тов. Габдуллина. Тов. Габдуллин достоин правительственной награды — звания «Герой Советского Союза». В настоящее время находится в полку.

Командир полка полковник Капров
Военком полка батальонный комиссар Мухамедьяров
29 апреля 1942 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1943 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 19, л. 2.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. ГАБДУЛЛИНА*

Казахский советский писатель, литературовед, критик, общественный деятель Малик Габдуллин начал литературную деятельность в 1932 г. Писал стихи, очерки и рассказы о наших современниках. Переводил на казахский язык произведения русских советских писателей. В годы Великой Отечественной войны очерки, корреспонденции М. Габдуллина о воинах-фронтовиках регулярно публиковались в казахских газетах, издаваемых в Действующей армии.

Теме войны посвящен и ряд послевоенных произведений Габдуллина: документальная повесть «Мои фронтовые друзья» (1947), сборник очерков и рассказов «Золотая Звезда» (1948), «Фронтовые очерки» (1959). В этих книгах Габдуллин изобразил беспримерные подвиги своих боевых друзей по оружию — панфиловцев — в боях

* Справка написана А. Нарымбетовым.

МАЛИК ГАБДУЛЛИН

Рисунок Н. М. Аввакумова (итал. карандаш). 1 октября 1942 г.

Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

на подступах к Москве. Такие героические образы, как генерал И. В. Панфилов, политрук В. Клочков, полковник Б. Момыш-Улы, воины-гвардейцы Тулеген Тохтаров, Ж. Бозжанов, Ж. Батталов, заняли достойное место во всей многонациональной советской литературе. Героико-эпическая манера повествования, афористичность языка — особенности художественного стиля Габдуллина. Созданием значительных историко-мемуарных произведений о войне писатель внес ценный вклад в современную казахскую литературу. Произведения Габдуллина переведены на русский язык.

М. Габдуллин — талантливый литературный критик и исследователь истории литературы. Он опубликовал ряд статей: о казахских поэмах, о положительном герое, о языке художественных произведений, о связи и взаимовлиянии русской и казахской литератур, о первой казахской эпопее М. Ауэзова.

Монография «Фольклор казахского народа» является результатом многолетних исследований Габдуллина. В этом труде собран и научно обобщен большой фактический материал и дан обстоятельный разбор всех жанров устного творчества казахов с древнейших времен до наших дней. М. Габдуллин принял активное участие в создании ряда коллективных трудов, изданных Академией наук Казахской ССР: «История казахской литературы» (1960—1964), «Казахский эпос» (1958) и др.

Малик Габдуллин — профессор, доктор филологических наук, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, заслуженный деятель науки Казахской ССР, депутат Верховного Совета СССР второго, третьего и четвертого созывов.

МИХАИЛ НАУМОВ

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Украинского штаба партизанского движения на командира соединения партизанских отрядов, Героя Советского Союза, генерал-майора Наумова Михаила Ивановича *

Тов. НАУМОВ М. И.—кадровый командир войск НКВД. До Отечественной войны работал начальником отделения штаба 94 погранотряда войск НКВД, находившегося в Дрогобычской области. В начале Отечественной войны попал в окружение. На оккупированной территории находился до января 1942 г. В январе 1942 г. связался с партизанами и вступил в партизанский отряд Иванова И., Червоного района, Сумской области. В отряде с первых дней тов. Наумов был бойцом, а затем командиром группы. С ноября 1942 г. по январь 1943 г.— начальником штаба оперативной группы по Сумской области.

В январе 1943 г., по решению ЦК КП(б)У и приказу начальника Украинского штаба партизанского движения, из подчиненных Сумскому подпольному обкому КП(б)У и областному штабу партизанских отрядов были выделены для самостоятельных действий четыре отряда и три группы. Из выделенных отрядов подпольным обкомом и областным штабом было сформировано партизанское соединение, численностью 651 человек. Командиром этого соединения был назначен тов. Наумов М. И.

Соединению тов. Наумова была поставлена задача рейдировать из Хинельских лесов в южные районы Сумской области, парализовать движение на железнодорожных линиях Сумы — Готня, Сумы — Харьков, в дальнейшем выйти на правый берег реки Днепр для действий в Кировоградской области.

1 февраля 1943 г. соединение тов. Наумова из района Фотевиж (80 км северо-западнее Льгова) выступило в рейд. За 65 ходовых дней соединение прошло по территории Курской (частично), Сумской, Полтавской, Кировоградской, Одесской (частично), Винницкой, Киевской, Житомирской областей Украины и Полесской области БССР, совершило марш по тылам врага протяженностью 2379 км. Форсировало 18 рек, из них: Днепр, Припять, Ирпень, Тетерев. Провело 47 боевых и диверсионных операций, из которых наиболее характерными являются:

6—7 февраля 1943 г. соединением, при переходе шоссейной дороги Юнаково — Сумы, разгромлены гарнизоны противника, находившегося на пути движения партизан в селах Новая Сечь, Шевченково, Андреевка. В результате проведенного боя истреблено 250 немецких солдат и офицеров, уничтожено девять автомашин, броневик.

8 февраля 1943 г. на шоссе Белополье — Сумы, между селами Шевченково — Кисяницы, засадой соединения обстреляна колонна противника,

* Публикация В. П. Лукина.

состоящая из автомашин и гужтранспорта. В результате боя истреблено 284 немецких солдата и офицера. Уничтожено 16 автомашин, 2 автобуса, 180 парных повозок. Захвачены трофеи: 100 лошадей, 30 седел, 11 тысяч патронов.

12 февраля 1943 г. вблизи ст. Гребенка ружейно-пулеметным огнем была уничтожена паровозная бригада, и эшелон, без управления, миновав данную станцию, столкнулся со встречным эшелоном. В результате столкновения оба эшелона пошли под откос. В крушении уничтожено свыше 200 немецких солдат и офицеров.

После рейда соединение тов. Наумова вышло в район Храпунь (50 км северо-западнее ⟨*правильно:* юго-восточнее⟩ Столина), Полесской области БССР, где переформировалось, довооружилось и готовилось для дальнейших боевых действий. Командир соединения тов. Наумов улетел в Москву для лечения.

М. И. НАУМОВ

Фотография П. К. Касаткина. Старая Гута (Ровенская обл.), январь 1944 г.

Собрание М. И. Наумова, Киев

Рейд соединения Наумова в южно-степные районы Украины имел огромное политическое значение в деле поднятия местного населения на борьбу с немецкими захватчиками. После прохождения соединения по этим областям на открытую вооруженную борьбу с немецкими захватчиками поднялись многие десятки партизанских отрядов и подпольных групп.

В июне 1943 г., по решению ЦК КП(б)У и приказу начальника Украинского штаба партизанского движения, соединению тов. Наумова была поставлена новая задача — совершить рейд по Киевской и Житомирской областям и выйти для действий в Кировоградскую область. К этому времени тов. Наумов после выздоровления прибыл из Москвы в соединение и начал подготовку партизан к рейду.

12 июля 1943 г. соединение тов. Наумова, численностью 355 человек, выступило из района Храпунь (50 км ⟨от⟩ Столина) во второй рейд.

За период второго рейда, с 12.7.43 г. по 22.12.43 г., кавалерийское соединение тов. Наумова прошло по тылам врага 2471 км, форсировало 23 реки, из них: Припять, Уборть, Случь, Тетерев. Провело 186 боевых и диверсионных операций, характерные из них:

4 ноября 1943 г. в бою под Рышавкой, Житомирской области, соединением убито и ранено свыше 800 немецких солдат и офицеров, взято

в плен семь. Подбиты две бронемашины. Уничтожены три автомашины.

5 декабря 1943 г. в оборонительном бою в г. Эмильчино Житомирской области истреблено 320 немецких солдат и офицеров, подбито четыре танка.

За этот же период соединение выросло с 355 до 1975 партизан. В декабре 1943 г. соединение тов. Наумова в районе Городница (50 км северо-западнее Новоград-Волынска) соединилось с частями Красной Армии. Находясь на освобожденной территории, соединение переформировалось и довооружилось.

После переформирования соединение тов. Наумова по решению ЦК КП(б)У и приказу начальника Украинского штаба партизанского движения получило задачу выйти для действий в Дрогобычскую область.

21 января 1944 г. соединение тов. Наумова выступило в третий рейд. Двигаясь с боями по тылам врага, соединение прошло Ровенскую, Дрогобычскую, Львовскую, Тернопольскую области Украины и Люблинское воеводство Польши, совершило марш протяжением 1045 км, форсировало восемь рек, из них: Случь, Горынь, Западный Буг; провело 72 боевых и диверсионных операций. Из них наиболее характерные:

13—15 февраля 1944 г. при переходе соединения через железную дорогу и шоссе Перемышль — Львов в районе Сондова Вишня Дрогобычской области подорвано 3 эшелона, уничтожено 58 автомашин, 90 тонн горючего. В бою и крушениях эшелонов истреблено до 1000 немецких солдат и офицеров.

27 февраля 1944 г. в бою у с. Горай Львовской области истреблено 102 немецких солдата и офицера. Захвачены трофеи: батальонный миномет, 70 винтовок, 2 станковых пулемета, 10 000 патронов.

Соединение тов. Наумова вышло в Дрогобычскую область, но развернуть активных действий из-за большой концентрации немецких частей и формирований украинских националистических банд не удалось.

Соединение вынуждено было с боями обратно возвратиться в район Броды, где соединилось с частями Красной Армии.

За время боевой деятельности с 1.2.43 г. по 22.3.44 г. кавалерийское соединение генерал-майора Наумова провело 336 боевых и диверсионных операций, в которых истреблено солдат и офицеров противника — 11 601. Уничтожено: танков — 48, бронемашин — 14, автомашин — 287, самолетов — 5, мотоциклов — 15, велосипедов — 13, эшелонов — 51, паровозов — 61, вагонов — 567, платформ — 15, бронепоездов — 3. железнодорожных мостов — 8, шоссейных мостов — 10, грунтовых мостов — 334, связи — 155 км, узлов связи — 13, спиртзаводов — 6, спирта — 52 800 литров, горючего — 188 тонн, электростанций — 2, маслозаводов — 7, лесозаводов — 4, тракторов — 60, комбайнов — 4, повозок — 397.

Захвачены трофеи: винтовок — 3584, станковых пулементов — 21, ручных пулеметов — 120, автоматов — 161, минометов — 27, пистолетов — 275, гранат — 389, патронов винтовочных — 617 270, мин 81 мм — 396, пушек 75 мм — 1, снарядов 75 мм — 52, автомашин — 3, мотоциклов — 7, веломашин — 14, ПТР — 1, повозок — 469, лошадей — 2032, седел — 206, продскладов — 6, радиостанций — 10.

Тов. Наумов — смелый, инициативный командир, пользуется авторитетом среди партизан и населения районов, где проходило и действовало его соединение.

За боевые заслуги перед Родиной в деле организации партизанского движения на Украине и поднятие местного населения в южно-степных районах Украины на борьбу с немецкими оккупантами, за руководство

ПО ШЛЯХАМ ЮЖНОЙ ВОЛЫНИ
Фотография П. К. Касаткина, февраль 1944 г.
На марше обоз с ранеными партизанами
Собрание М. И. Наумова, Киев

боевой деятельностью партизанских отрядов тов. Наумову присвоено звание Героя Советского Союза[1], воинское звание генерал-майор и награжден орденами «Красное Знамя», Богдана Хмельницкого I степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Начальник Украинского штаба партизанского движения
генерал-лейтенант Т. Строкач

⟨Август 1944 г.⟩

Архив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 62, оп. 7-а. Личное дело М. И. Наумова. Копия.

[1] Звание Героя Советского Союза присвоено М. И. Наумову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1943 г.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕЙДОВ*

Первая книга М. И. Наумова «Хинельские походы» вышла в Ленинграде и Киеве в 1953 г. и привлекла внимание читателей не только той достоверностью, которую рождает глубокое знание жизни, но и живостью изображения событий, умением автора по-своему рассказать о той большой трагедии, которую пришлось пережить народу в годы Великой Отечественной войны. Книга писалась долго, в редкие свободные часы, ночами: М. Наумов находился на ответственных постах и не мог целиком отдаться литературному творчеству.

... 1941 год. Пограничный отряд в Карпатах. Ошеломляющий удар противника по малочисленной группе защитников, готовых, выполняя воинскую присягу и клятву сердца, скорее умереть, нежели пропустить врага за пограничные столбы.

Первые жертвы. Первая кровь...

Родная земля, стонущая под сапогом оккупанта. Торжествующий враг, еще вчера скрывавшийся под разными личинами. Выползшие из щелей людишки без роду, без племени, готовые лизать фашистам волосатые лапы, только бы не вернулись «Советы».

* Очерк Николая Строковского.

А на другом полюсе — безвестные герои, идущие на подвиг, простые советские люди, волею судеб очутившиеся в окружении, или не сумевшие эвакуироваться, или оставленные для подпольной работы. В невероятно тяжелых условиях, часто без радио и без живой связи со старшими товарищами, без оружия, идет, скрытно от оккупантов и полицаев, сколачивание групп, отрядов. Первые удары по врагу, естественно, еще не могли изменить хода наступательной кампании, но уже тогда они заставили фашистское командование усилить охрану коммуникаций, складов, местных военных и хозяйственных организаций.

Прихлебателей, изменников Родины — единицы. Население встречает оккупантов враждебно, помогает партизанам и подпольщикам укрываться в надежных местах, кормит бойцов, оказывает медицинскую помощь, дает ценную информацию.

«Хинельские походы» — плод воспоминаний, раздумий автора о самом тяжелом периоде его личной жизни, жизни всей страны, о развертывании народной борьбы. В книге люди выведены под своими и вымышленными именами, но независимо от этого за каждым из них — подлинная правда жизни, суровая, беспощадная. Наряду с изображением событий мы встречаем в «Хинельских походах» немало лирических отступлений, которые помогают читателю ярче представить духовный мир автора, его интересы, мысли, его тревоги о судьбах людей, Отчизны, о ходе военной кампании.

За первой книгой следует вторая. И если в «Хинельских походах» дан начальный период войны, показаны собирание сил, прощупывание противника, отработка тактики нанесения внезапных ударов, то в «Степном рейде», вышедшем на Украине в 1961 г., изображен второй период, когда народная война стала приближаться к своему зениту. Этот период знаменуется глубинными партизанскими рейдами, изумившими военных специалистов и вписавшими в военную науку новую страницу.

Повесть «Степной рейд» — продолжение «Хинельских походов»; в книге тот же центральный герой, от имени которого ведется повествование, знакомые нам лица. Но есть и новые, рожденные жизнью. Этот рейд — от Сумской области до Одесской и от Одесской до Киевской и до южных районов Белоруссии — является беспримерным по протяженности, маневренности, глубине проникновения в тыл противника, продолжительности, по политическому значению; он проходил в открытой степи, без снабжения боеприпасами, оружием, военными картами, со сдерживавшим марш обозом, в котором находились раненые и больные. Командир соединения генерал-майор Наумов и автор книги писатель Михаил Наумов слились здесь воедино.

В военной литературе отмечаются характерные черты генерала Наумова как военачальника: его широкий и гибкий маневр, внезапность появления, умение передвигаться быстро и без дорог, беспредельная личная храбрость в сочетании с военной изобретательностью, прямота характера. Генерал Наумов умел соединить в себе теоретика и практика; его размышления о методах и приемах партизанской войны в условиях открытой степи, его обобщения об оперативном искусстве, его мысли об изучении и дальнейшей разработке опыта партизанского движения заслуживают серьезного внимания.

О писателе Михаиле Наумове можно сказать, что у него зоркий глаз, подмечающий в людях, в природе, в событиях самое характерное.

Документальные повести «Хинельские походы» и «Степной рейд» выдержали несколько изданий на Украине и в Российской федерации, полюбились читателям. Перу Наумова принадлежит также ряд статей в военных и литературно-художественных журналах, в газетах.

В настоящее время Наумов работает над третьей книгой — о партизанских делах на Правобережье Украины. Одновременно он пишет книгу рассказов из боевой жизни партизан в Брянском лесу, в степях Украины, на Киевщине, в Белоруссии, в Чехословакии и Венгрии.

Книги Наумова — продолжение в мирные годы его ратного подвига, продолжение его рейдов, несущее слово правды о героике советского народа, строящего в борьбе и труде новое общество.

СЕРГЕЙ КУРЗЕНКОВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ*

На помощника командира по летной подготовке и воздушному бою 78 истребительного авиационного полка 6 ИАБ ВВС Северного флота капитана КУРЗЕНКОВА Сергея Георгиевича.

1. Год рождения — 1911. 2. Национальность — русский. 3. Соцположение — рабочий, из рабочих. 4. Партийность — член ВКП(б) с 1930 г. 5. С какого времени в РККА или РКВМФ — с 1933 г. 6. Участие в гражданской войне — не принимал. 7. Ранения и контузии — ранен три раза. 8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что — представлялся. 9. Какие имеет поощрения и награды и за что — два ордена «Красного Знамени» за отличное выполнение боевых заданий командования на фронте.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

В Великой Отечественной войне против немецких захватчиков принимает активное участие с октября месяца 1941 г. Своей беззаветной преданностью социалистической Родине и большевистской партии, жгучей ненавистью к врагу, необыкновенной храбростью и отвагой, отличным знанием своего самолета и мастерством ведения воздушных боев тов. Курзенков в своей повседневной боевой работе показывает примеры доблести и героизма.

Героизм этого человека стал не эпизодическим явлением, а неотъемлемой составной частью в его повседневной многообразной боевой работе.

До октября месяца 1941 г. тов. Курзенков работал командиром звена Военно-морского авиационного училища им. Леваневского, обучил не один десяток отличных воздушных бойцов, которые мастерски громят фашистских стервятников.

В октябре месяце, в момент организации 78 ИАП в составе ВВС СФ, на вооружение которого поступила материальная часть самолетов «хаукер-харрикейн», тов. Курзенков прибыл на должность пилота, затем последовательно — командиром звена 3 авиаэскадрильи 2 ГКАП, заместителем командира 3 авиаэскадрильи 2 ГКАП и, наконец, заместителем командира 78 ИАП, где и ведет боевую работу по настоящее время. В кратчайший срок отлично освоил самолет «харрикейн» и вступил в строй боевых летчиков-истребителей.

4.03.42 г., нанося штурмовой удар по аэродрому Луостари, тов. Курзенков проявил при этом подлинный героизм, несмотря на то, что его самолет был подбит, а сам был ранен при подходе к цели, он не вышел из строя, а весь свой смертельный груз сбросил и расстрелял по врагу, нанеся ему ущерб в технике и живой силе, уничтожив при этом капонир с самолетом, служебный домик с летным составом до 12 человек и т. д. Свой

* Публикация Ш. Я. Биллевич.

самолет тов. Курзенков привел на свою базу и произвел посадку благополучно.

10.05.42 г. небольшая группа наших самолетов прикрывала высадившиеся наши войска на правом фланге Мурманского направления в районе м⟨ыса⟩ Пикшуев. Противник большой группой бомбардировщиков Ю-88 и Ю-87 под прикрытием 14 истребителей пытался нанести бомбовой удар по переднему краю наступающей нашей пехоты. Несмотря на превосходство в силах со стороны истребителей противника, сталинские соколы вступили в бой. Бомбардировщики противника поспешно побросали бомбы в расположение своих войск и ушли на свой аэродром, не выполнив задания. В этом неравном бою наши летчики сбили три Ме-109 и один был сильно поврежден. В этом бою тов. Курзенков снова проявил героизм и отвагу, был подбит, самолет горел, и он был ранен, но из боя не вышел. На горящем самолете последней пулеметной очередью сбил самолет противника Ме-109. Сам, перетянув линию фронта, приземлился в расположении своих войск, имея тяжелое ранение, и был доставлен в госпиталь; но все это не сломило его храбрости и ненависти к заклятому врагу нашей Родины, тов. Курзенков еще крепче стал уничтожать немецких захватчиков на земле и в воздухе.

28.02.43 г. при нанесении ночью бомбардировочно-штурмового удара по аэродрому Луостари был подбит его самолет огнем ЗА и он получил тяжелое ранение в ногу при подходе к цели. Тов. Курзенков и здесь выполнил боевое задание, отбомбил и отштурмовал аэродром противника, лишь тогда лег на обратный курс. Самолет тов. Курзенкова был сильно подбит, и при подходе к своему аэродрому на высоте 800 метров самолет загорелся. Тов. Курзенков выбросился на парашюте. Парашют был также поврежден, перебита была левая лямка осколком снаряда ЗА, это вывело 12 строп. Тов. Курзенков, без того имея тяжелое ранение, спустился на полураскрытом парашюте с большой скоростью и при падении на землю потерял сознание. Бойцами был доставлен в госпиталь, где при операции у него удалена правая почка.

Несмотря на то, что тов. Курзенков в настоящее время находится в госпитале, в тяжелом состоянии, все же его боевой дух подлинного сталинского сокола не сломлен, а наоборот, еще больше он питает ненависть к немецким варварам. Таковы короткие эпизоды, составляющие только часть его боевых подвигов.

За весь истекший период войны с немецкими захватчиками имеет 209 боевых самолетовылетов, при налете 213 часов 44 минут. Провел 20 воздушных боев, в ходе которых лично сбил девять вражеских самолетов, в частности:

1. 4.03.42 года — один Ме-109
2. 24.03.42 года — один Ю-87
3. 4.04.42 года — один Ме-109.

Награжден первой правительственной наградой — орденом «Красного Знамени».

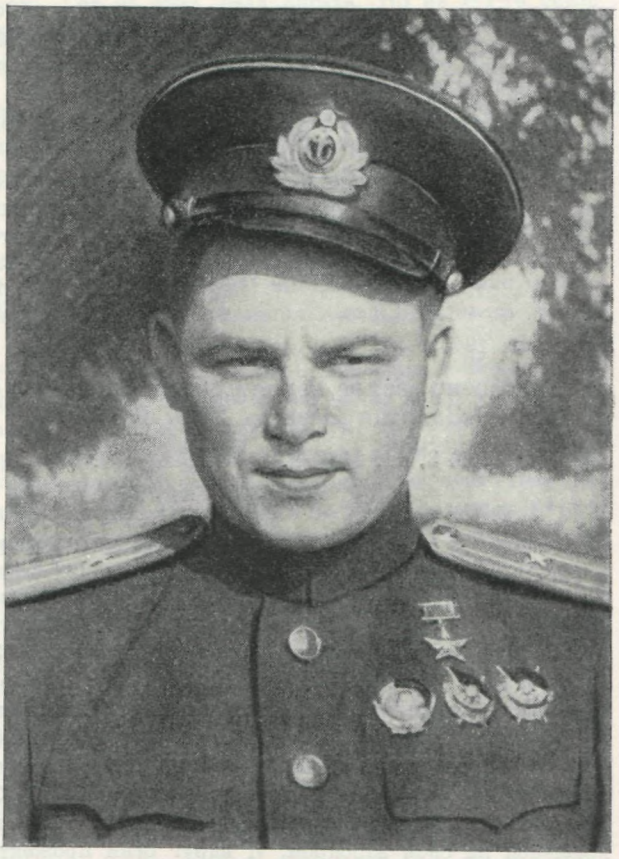
4. 15.04.42 года — один Ю-87
5. 29.04.42 года — один Ме-110
6. 9.05.42 года — один Ме-109,

за что награжден вторым орденом «Красного Знамени».

Тов. Курзенков, не успокаиваясь на достигнутых успехах, продолжал неустанно совершенствовать свое боевое мастерство и героически драться с немецкими стервятниками. За короткий срок достиг снова замечательных успехов, одержав новые победы, уничтожив еще три самолета противника:

7. 10.05.42 года — один Ме-109
8. 10.05.42 года — один Ме-109

С. Г. КУРЗЕНКОВ
Фотография, 1943
Собрание С. Г. Курзенкова, Москва



9. 18.06.42 года — один Ю-87.

Данные о всех сбитых самолетах подтверждаются очевидцами-летчиками, последующей разведкой поля боя и оперативными сводками штаба ВВС СФ №№ 63, 83, 94, 105, 119, 129, 130, 169 — 1942 г.

Кроме сбитых самолетов противника, в воздушных боях повреждены четыре самолета противника:

1. 24.03.42 года — один Ю-87
2. 7.07.42 года — один Ю-87
3. 25.07.42 года — один Ме-109
4. 2.09.42 года — один Ме-109.

Тов. Курзенков произвел семь успешных штурмовок по аэродрому противника Луостари, в результате которых уничтожены:

1. Капонир с самолетом.
2. Домик летного состава с летным составом до 12 человек.
3. Поврежден один самолет Ю-88.

Подтверждено оперативной сводкой штаба ВВС СФ № 63 от 5.03.42 г.

Подлинный сталинский сокол летчик-истребитель тов. Курзенков в своем неутомимом стремлении неустанно множить славу нашей великой Родины ищет боя с противником и находит его, неизменно одерживая победы.

Будучи зам. командира полка по летной подготовке и воздушному бою, сочетает свои волевые командирские качества с богатейшим боевым опытом. Его личный пример в бою всегда служит для подчиненных одним

из источников храбрости, бесстрашия и героизма. Все эти боевые качества тов. Курзенкова в сочетании с присущей скромностью создали ему среди всего личного состава полка и за пределами его большую популярность и громадный авторитет.

В соответствии с приказом Народного Комиссара обороны товарища Сталина № 0299 от 20.08.1941 г. за сбитые в воздушных боях девять самолетов, поврежденных в воздухе и на земле пять самолетов, уничтоженных: капонир с самолетом и домик с летным составом до 12 человек — заслуживает присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 78 ИАП 6 ИАБ ВВС СФ
гвардии майор Маркевич

28 апреля 1943 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» 24.07.1943 г.

ЦВМА, ф. 3, оп. 2421, д. 2, лл. 132—134.

О СЕРГЕЕ КУРЗЕНКОВЕ *

В годы Отечественной войны в газетах появилось сообщение, поразившее своей невероятностью: военный летчик, выпрыгнувший из горящего самолета, упал с большой высоты без парашюта на землю и остался жив. Это событие затем передавалось из уст в уста. Одни верили, другие сомневались. «Не может быть,— говорили сомневающиеся — чтобы человек остался жив. Что-то корреспонденты напутали». Но в этом факте не было ничего выдуманного. Этим человеком, чудом уцелевшим, был Сергей Георгиевич Курзенков — летчик военно-воздушных сил Северного флота, из плеяды орлов прославленного советского аса Бориса Сафонова. И произошло это так.

После выполнения ночного боевого задания в тылу врага Сергей Курзенков возвращался на свой аэродром. И вдруг огни прожекторов осветили самолет, вокруг заплясали разрывы зенитных снарядов. Один из них разорвался совсем близко: самолет загорелся, а летчик получил ранение. Превозмогая боль, сбивая скольжением пламя с крыла самолета, Курзенков пролетел еще несколько десятков километров и вышел к своему аэродрому. Он думал посадить самолет с ходу. Но тут произошло непоправимое: взорвались бензиновые баки, самолет превратился в бушующий костер. С большим трудом Курзенкову удалось выброситься. Несколько секунд, чтобы не угодить под удар падающего вслед истребителя, он летел, не раскрывая парашюта. Затем дернул за кольцо, раскрыл парашют. И сразу же испытал непередаваемый ужас: парашют оборвался, осколками снаряда у него были перебиты силовые лямки. Казалось, что смерть неминуема. Но летчику повезло: он угодил на склон сопки, в глубокий сугроб и, скользя, скатился вниз.

Раненого, получившего тяжелые травмы, Сергея Курзенкова доставили в военно-морской госпиталь. Врачи, медицинские сестры, санитары сделали всё, чтобы спасти его, вырвать у смерти. Но этому мужественному человеку, Герою Советского Союза, совершившему более двухсот боевых вылетов и сбившему 9 самолетов врага, пришлось навсегда оставить военную службу, уволиться в запас.

Нелегко было расставаться с родной авиацией. Двадцатилетним парнем, по призыву Коммунистической партии, он пришел в Ейскую военную школу морских летчиков, которую закончил с отличием. Затем работал инструктором. А когда началась Великая Отечественная война, поехал на фронт, в Заполярье. Прошел славный боевой путь от рядового летчика до и. о. командира авиационного истребительного полка.

«А как жить дальше? Что делать? — все чаще и чаще задумывался Сергей Георгиевич.— Жить на пенсии, просто проживать свои годы?» Нет, такая жизнь не для беспокойного сердца героя. «А что если осуществить мечту юности?» (когда-то в юно-

* Очерк Ф. И. Царева.

сти Сергей увлекался литературой). Сел за стол, стал писать. Но не тут-то было: не хватало знаний, умения. И Сергей Георгиевич решает поступить в Литературный институт им. А. М. Горького. Незаметно пролетели пять лет упорной, настойчивой учебы. Окончен Литературный институт. Сергей Курзенков отдает все свои силы и знания литературному труду. На страницах газет и журналов печатаются его статьи, очерки, рассказы. Затем появились и книги: «Рассказы о летчиках», «Особое задание», «Под нами — земля и море». Последняя книга тепло принята читателями и принесла известность автору, не только в СССР, но и за рубежом.

В книге «Под нами — земля и море», как и в других произведениях Курзенкова, рассказывается о событиях фронтовой жизни, в которых его герои и сам автор принимали непосредственное участие. Он пишет о людях, которые вместе с ним, крыло к крылу, сражались с фашистами за свободу и независимость своей Родины, за счастье и мир на земле.

Среди героев книги мы встречаем брата писателя — Александра Курзенкова. Морской летчик Краснознаменной Балтики, комсомолец, он начал войну сержантом-пилотом, а закончил — капитаном, командиром эскадрильи, кавалером четырех орденов Красного Знамени, Героем Советского Союза. Александр не увидел нашей победы: его жизнь оборвалась в последний день войны. С огромной любовью, теплотой и задушевностью Сергей Курзенков рассказывает о своих боевых товарищах Борисе Сафонове, Дмитрии Реутове, Алексее Шведове, Павле Орлове, Захаре Сорокине, Петре Сгибневе и других героях-летчиках.

СЕРГЕЙ БОРЗЕНКО

НАГРАДНОЙ ЛИСТ*

1. Фамилия, имя и отчество — БОРЗЕНКО Сергей Александрович. 2. Звание — майор административной службы. 3. Должность, часть — писатель газеты «Знамя Родины».

Представляется к званию Героя Советского Союза.

4. Год рождения — 1909. 5. Национальность — русский. 6. Партийность — член ВКП(б). 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — участвовал во многих боях, которые вела с начала войны 18 армия. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — не имеет. 9. С какого времени в Красной Армии — с июня 1941 г. 10. Каким РВК призван — Харьковским ГВК. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — медалью «За отвагу» по приказу войскам Южного фронта № 0303/н от 11 июля 1942 г. и орденом «Красная Звезда» приказом по Черноморской группе войск Закфронта № 044/н от 5 ноября 1942 г.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Писатель армейской газеты «Знамя Родины» (18 армия) майор а/с Борзенко С. А. высадился на берег Крыма в ночь на 1 ноября с первым десантным отрядом 318 Новороссийской стрелковой дивизии. Этот отряд состоял из полутора батальонов. Немногочисленный по своему составу, он с ходу вступил в бой с сильно укрепившимся противником. В силу сложившейся обстановки и большой убыли офицерского состава майору Борзенко вместе с майором Ковешниковым и майором Мовшовичем как старшим по званию пришлось лично участвовать в руководстве боем десантного отряда. Когда немцы бросили в контратаку танки, прорвавшиеся на 100 метров к командному пункту отряда, Борзенко вместе с офицерским составом отбивал гранатами в передовой цепи подошедшие танки, лично показывая пример и руководя бойцами.

Все время находясь в десанте, Борзенко лично участвовал в отражении непрерывных контратак противника, число которых в первые дни доходило до 17—19.

Несмотря на тяжелые условия десанта, Борзенко выполнял и свою непосредственную обязанность военного корреспондента армейской газеты «Знамя Родины». Его корреспонденции, доставляемые живой связью и по радио, исчерпывающе информировали о положении в десанте.

Писатель Борзенко неоднократно принимал участие в боях и отдельных ответственных операциях. Осенью 1942 г. он участвовал в диверсионном отряде, направленном командованием армии в тыл врага северо-восточнее Туапсе. Около трех месяцев он провел в десантных частях,

---

* Публикация В. Л. Любельского.

действующих под Новороссийском в районе Мысхако. Он участвовал в штурме Новороссийска и во всех последующих боях на Таманском полуострове.

За проявленный героизм, мужество и отвагу в десанте на Крымский берег майор С. А. Борзенко вполне заслуживает высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза.

Ответственный редактор газеты «Знамя Родины»
подполковник Верховский

11 ноября 1943 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 6, л. 230.

ПИСЬМО К ЖЕНЕ — М. И. ГРЕЧКО-БОРЗЕНКО

Мусинка моя прекрасна!

Пишу из Берлина. Я вошел сюда 22 апреля с танковой бригадой дважды Героя Советского Союза Архипова. Я писал о нем в «Правде» в прошлом году. Это, кажется, первая часть, ворвавшаяся в германскую столицу. Во всяком случае после прорыва за нами замкнулась брешь.

Дня через три я встретил товарищей-корреспондентов и сейчас нахожусь с Сережей Крушинским. При мне в него какой-то мальчишка запустил фаустпатрон, но промазал и ранил двух немцев, мужчину и женщину. Сергей не стал в него стрелять, но дал такую затрещину, что он будет помнить ее всю жизнь.

Бой идет на трех этажах: в небе, на земле и под землей, в сырых тоннелях метро. Штабы батальонов, полков, дивизий и корпусов рядом — на переднем крае, через улицу от противника, и тут же невдалеке добрые русские солдаты кормят голодных немецких детей и женщин, выстроившихся у походных кухонь. Всё горит, всё простреливается.

Я — советский журналист — и где бы ни был, всегда мечтал написать корреспонденцию о последнем, завершающем аккорде войны — заключительном сражении в Берлине. Эта мечта не давала покоя в 1941 г., когда я встретил первого перебежчика-немца, пришедшего с партийным билетом и уже тогда восторженно говорившего о гибели фашизма и о новой Германской Демократической Республике. Она одолевала меня в горах Кавказа, где я бродил по тылам противника в составе отряда особого назначения. Я обдумывал ее на койке в Тбилисском госпитале и вынашивал в страшных лагерях уничтожения в Майданеке и Освенциме, куда входил с передовыми частями, и потом каждый день подбирал для нее слова на трудных дорогах войны, на своей и чужой земле. Мечта моя сбылась. 22 апреля я послал эту корреспонденцию, но она вернулась, не дойдя до «Правды», и вчера я послал ее вторично[1].

Здесь собрался корреспондентский корпус (корпус, а не петит) двух фронтов, нашего 1 Украинского и 1 Белорусского. Я видел Константина Симонова, Всеволода Вишневского, Виссариона Саянова, Бориса Горбатова, Мартына Мержанова, Яшу Макаренко, Ивана Золина, Яшу Рюмкина. Все они передают тебе привет. Всё это храбрый, тысячу раз обстрелянный народ. Все рвутся к рейхстагу, всем хочется увидеть плененного Гитлера.

Говорят, Василий Величко ранен в голову и остался в строю. Человек он темпераментный, храбрый, и на него это похоже.

Через несколько дней долгожданный конец войны, и нам с тобой пора подумать о дальнейшей жизни. Будучи в Киеве, я обратился в Союз писателей, с просьбой помочь достать комнату, но мне внушительно отказали. Видимо, придется осесть в Москве, продолжать работу в «Правде», остаться в армии. Еще много в мире будет стрельбы, и военные корреспонденты будут нужны всегда.

Приведи, пожалуйста, в порядок рукопись «Повинуясь законам Отечества»[2], ее пора печатать, перепиши на машинке, поправь все что касается Муси Кузьминой — портрет ее я писал с тебя, тебе и карты в руки. Украдкой работаю над повестью «Утоление жажды»[3]. Борис Горбатов прочел первую главу, говорит — великолепно. Главу читали Вишневский и Полевой. Она им нравится. Вишневский просит повесть для «Знамени».

Вернусь с войны, окончу «Утоление жажды» и засяду за записки военного корреспондента, назову их «Жизнь на войне»[4]. Понимаешь — не смерть, а жизнь, в этом весь смысл нашей сверкающей победы.

Борис Полевой предлагает после подписания фашистами капитуляции на машинах отправиться в Москву, но, видимо, придется еще побывать в Праге, во всяком случае, это участок нашего фронта.

Приобрел для тебя богатые трофеи: в какой-то разбитой полуобгоревшей библиотеке подобрал томик стихов Гумилева и «Темные аллеи» Бунина. Обе книги на русском языке.

Как только вернусь, мы поедем в милые твоему сердцу Броварки, к твоим старичкам. Рад твоим успехам в учении, рад, что тебе понравилась «Красная ракета» Г. Березко, это лучшее из всего написанного о войне. Ты пишешь, что собираешься взять на воспитание двух детей твоих погибших на войне братьев. Не возражаю, но сперва надо получить комнату, не будем же мы вечно жить в гостиницах.

С. А. БОРЗЕНКО
Фотография, 1930-е гг.
Собрание С. А. Борзенко, Москва

С. А. БОРЗЕНКО
Фотография, 1945
Собрание С. А. Борзенко, Москва

Ты пишешь, что Терень Масенко прислал томик новых стихов. Он был со мной на фронте в районе Тарнобжега. Я получил задание написать о снайпере Сохине. С большим трудом нашли его. Я сделал очерк для «Правды», Терень написал стихи.

Соскучился по тебе ужасно, часто гляжу на твою фотографию, которую храню в партбилете, рядом с сердцем. Хотя бы ты приснилась, и то я был бы рад.

Обнимаю, целую, жди. Твой Сергей

27 апреля 1945 г.
г. Берлин

[1] Корреспонденция была напечатана в «Правде» 29 апреля 1945 г. под названием «На улицах Берлина».

[2] Повесть «Повинуясь законам Отечества» вошла в одноименную книгу, выпущенную издательством «Правда» в 1950 г.

[3] Роман «Утоление жажды» вышел в 1949 г. в изд-ве «Советский писатель».

[4] Книга «Жизнь на войне. Записки военного корреспондента» издана в 1958 г. Военным издательством МО СССР.

ДВЕ ФОТОГРАФИИ *

Есть две фотографические карточки, которые многое могут рассказать о Сергее Борзенко.

На одной, увеличенной с простого любительского снимка,— приветливое, мягко улыбающееся лицо украинского парнишки. Это тот самый харьковский фабзайчонок из трамвайных мастерских, с которым знакомит нас Борзенко в начале своей автобиографии; который очень волновался, когда сделал «первую полезную вещь» —

* Очерк Ю. Б. Лукина.

«клупп и три пары плашек к нему»; который увлекался стихами Сергея Есенина и зачитывался классикой — от Пушкина до Рабиндраната Тагора; тот самый хлопчик, чьи комсомольские стихи, «наивные и беспомощные», печатались в рабфаковских газетах и журналах, в «Комсомольской правде»; тот самый 16-летний автор, купивший пять экземпляров журнала «Коммунарка Украины» в день, когда напечатали его первый рассказ, и со старательной радостью прочитавший свое произведение от начала до конца во всех пяти номерах. Будущий слесарь и электромонтер, рабочий высшего разряда, будущий студент вечернего рабочего электротехнического института, который соединит изучение строительного дела, металлургии, процесса угледобычи с надеждами применить эти знания в работе журналиста. Будущий рабкор, который, мечтая о писательском призвании, станет пристально вчитываться в страницы Горького, Фурманова, Серафимовича, Фадеева, Шолохова. Советский юноша, вступавший в жизнь, готовивший себя к мирному труду, к творчеству, ибо и книги входят в число «полезных» людям «вещей».

На другой фотографии — мужественное лицо бойца, с жесткими складками, оставленными пережитым, с твердыми чертами. Пожалуй, и не узнать бы прежнего парнишку, если бы не те же глаза, не тот же светлый взгляд. Это журналист-воин, Герой Советского Союза, писатель.

Между двумя снимками — годы возмужания, формирования характера, суровой закалки. Участие в Великой Отечественной войне с первого ее дня, работа корреспондента армейской газеты, рейды в тыл противника с отрядом особого назначения, несколько месяцев в десанте на Малой земле, участие в штурме Новороссийска, в форсировании Керченского пролива; журналистская деятельность в коллективе «Правды», множество очерков, корреспонденций, книги. Едва ли не любое из своих произведений Сергей Борзенко мог бы озаглавить, как одно из них: «Я это видел». Он видел освобождение Бухареста, Белграда, Будапешта, Вены, Варшавы, Праги, штурм Берлина. Видел тяжкие испытания, выпавшие на долю советского народа, видел людское горе и муки, великую веру и стойкость, всенародный подвиг, видел добытую в битвах победу нашего мирного народа, ставшего в грозные годы народом-воином, народом-героем.

Все это прочувствовано писателем-журналистом, пережито им, как свое, глубоко личное, кровно ему близкое. Он постарался рассказать о том, что видел, в чем участвовал, читателям — обо всем, что подметил его наблюдательный глаз, запечатлела редкостная память, оставило в себе любящее людей сердце.

Эта вторая фотография подарена мне другом накануне того дня, когда он отправлялся в долгую и опаснейшую поездку. Я храню ее как одно из самых тревожных и дорогих воспоминаний. Наверно, мы оба думали тогда, что вряд ли встретимся снова. А уезжал он легко, весело, как всегда, с улыбкой.

Замечательно, что далеко не все «предчувствия» сбываются! С тех пор прошло уже много лет. Они заполнены работой, о которой Борзенко говорит, что она лучшая в мире,— работой журналиста. Жизнь идет своим чередом и всё вперед. В «Правде» печатаются корреспонденции ее спецкора С. Борзенко, присылаемые из самых разных уголков нашей страны, из многих городов мира. Выходят из печати, обдумываются и пишутся новые книги.

Писатель Борзенко и журналист Борзенко никак не мешают друг другу, наоборот — их совместную деятельность можно уподобить боевому взаимодействию различных родов войск.

А когда начался штурм космоса, когда советские ученые, рабочие, космонавты проложили совершенно новые пути для изучения вселенной, кому же было, как не ему, Сергею Борзенко, пронесшему от лет юности до седых волос жадное стремление к познанию человека и мира, своего рода одержимость романтикой подвига,— оказаться в числе первых литераторов, которые обратились к миллионам читателей с взволнованным словом об этих событиях, об их героях!..

ГРИГОРИЙ ЗБАНАЦКИЙ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

командира соединения партизанских отрядов Черниговской области ЗБАНАЦКОГО Григория Олиферовича*

Год рождения — 1913. Национальность — украинец. Партийность — член ВКП(б). Участие в Отечественной войне (где, когда) — июль 1941 г., Остерский район, Черниговской области. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне—не имеет. С какого времени в Красной Армии—не был. Чем раньше награжден (за какие отличия) — медаль «Партизану Отечественной войны» I степени.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

В связи с приближением частей Красной Армии к рекам Десна и Днепр Украинским штабом партизанского движения командиру соединения партизанских отрядов Черниговской области тов. Збанацкому была поставлена задача — до подхода частей Красной Армии овладеть существующими переправами на реках Десна и Днепр, соорудить новые переправы, удерживать их до подхода частей Красной Армии с тем, чтобы дать возможность частям Красной Армии с марша переправиться на правый берег и занять плацдарм.

Тов. Збанацкий принял решение овладеть переправами в районе сел Гнилуша, Максим и Смолин на реке Десна и в районе сел Сорокошичи, Савки и Навозы на реке Днепр.

11—12 сентября соединение партизанских отрядов под командованием тов. Збанацкого приняло бой с немецким батальоном, стремившимся занять переправы в указанных пунктах. Несмотря на численное превосходство (немцы имели четыре средних танка, две танкетки, три бронемашины), соединение не только сдержало переправы, но и построило новые, при этом было уничтожено два средних танка, одна бронемашина.

15 сентября подошли передовые части Красной Армии и беспрепятственно переправились на правый берег Десны, а затем Днепра. В районе р. Днепр соединением для быстрейшей переправы и занятия плацдарма для частей Красной Армии было построено два больших парома, большое количество лодок, кроме того, были построены плоты для большого груза. Партизаны, заняв оборону на правом берегу р. Десны, обеспечивали прикрытие частей Красной Армии. Первым переправился стрелковый полк тов. Харлапова (322 дивизии 60 армии).

За выдающиеся заслуги в деле развития партизанского движения на Украине, выполнение задач по овладению переправами на реках Десна

---

* Публикация В. П. Лукина.

и Днепр, что обеспечило переправу частей Красной Армии на правый берег, тов. Збанацкий Г. О. достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Секретарь Центрального
Комитета КП (б) Украины (подпись)

‹1943›

Архив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 62, оп. 7-а. Личное дело Г. О. Збанацкого. Копия.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 января 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Украинского штаба партизанского движения на командира соединения партизанских отрядов имени Щорса Збанацкого Григория Олиферовича*

Июль 1944 г.

Тов. Збанацкий Г. О. является организатором партизанского отряда им. Щорса, который вырос в крупное соединение, действующее в Черниговской области.

Под командованием тов. Збанацкого партизанское соединение провело следующие боевые операции: уничтожен немецкий гарнизон в райцентре Пирнов, Киевской области, при этом истреблено 500 немецких солдат и офицеров, в том числе гебитскомиссар г. Борисполь.

В боях в Остерском, Дубечанском, Олишевском и Черниговском районах разгромлено 13 немецких гарнизонов. В селе Рудня, Остерского района, во встречном бою уничтожено: 1 средний танк, 1 автомашина и убито 20 немецких солдат и офицеров.

Соединение путем засад уничтожило: 3 речных парохода, 5 барж и 1 катер.

Во время майских боев с регулярными частями немецкой армии в Остерском районе соединение тов. Збанацкого без потерь вышло из окружения, уничтожив более 200 немецких солдат и офицеров.

Действуя на коммуникациях противника, соединение уничтожило: на шоссейных дорогах Черниговской и Киевской областей 12 мостов, более 40 автомашин с живой силой и боеприпасами противника, в г. Остер базу горючего, пущено под откос 2 воинских эшелона противника на железной дороге Киев — Нежин — Чернигов. Уничтожено 2 разведывательных самолета противника. При подходе частей Красной Армии тов. Збанацкий со своим соединением построил и удерживал 3 переправы через р. Десна и 3 переправы через р. Днепр.

В указанных операциях тов. Збанацкий показал себя тактически грамотным, волевым командиром, умеющим руководить крупным партизанским соединением на поле боя.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство и особые заслуги в развитии партизанского движения на Украине тов. Збанацкому присвоено звание «Герой

* Публикация В. П. Лукина.

Г. О. ЗБАНАЦКИЙ
Фотография, сентябрь 1943 г.
Собрание Г. О. Збанацкого, Киев

Советского Союза» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Награжден двумя орденами «Красного Знамени», медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Начальник Украинского штаба
партизанского движения
Т. Строкач

Архив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 62, оп. 7-а. Личное дело Г. О. Збанацкого. Копия.

ПИСАТЕЛЬ-БОЕЦ *

Свои силы в области литературы Григорий (Юрий) Олиферович Збанацкий начал пробовать еще в предвоенные годы. Уже тогда у него был определенный жизненный опыт: с 1931 г. он начал учительствовать, был директором семилетней школы, заведовал районным отделом народного образования, редактировал районную газету (параллельно с этим заочно окончил Нежинский педагогический институт и филологический факультет Киевского университета). Именно в этот период им созданы первые стихи, рассказы, одноактные пьесы. Но по-настоящему талант Збанацкого раскрылся после окончания Великой Отечественной войны, в горниле которой он — партизан-подпольщик, командир отряда имени Щорса, выросшего в 1943 г. в большое соединение,— прошел суровую школу испытаний. Этот новый опыт дал ему возможность

* Очерк И. Ф. Карабутенко.

создать правдивые произведения о подвигах советских людей в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Героическим делам партизан Отечественной войны посвящены многие произведения Збанацкого: повести «Тайна Соколиного бора» (1948), «Лесная красавица» (1955), «Меж добрыми людьми» (1956), «Единая» (1957) и несколько книг рассказов и очерков.

Но не только партизанская тематика увлекает писателя. Он все чаще и увереннее обращается к другим, столь же важным пластам жизни. Его волнуют процессы, происходившие в украинском колхозном селе до войны и происходящие в наши дни (романы «Малиновый звон» и «Перед жатвой»), воспитание подрастающего поколения, поиски путей в жизни (повести «Поздравьте меня, друзья!», «Морская чайка», «Куриловы острова»), темы интернационализма, братства народов (повесть о китайской девушке-патриотке «Ху-лань», роман о зачинателе чувашской советской литературы «Сеспель»).

Лучшие произведения Збанацкого завоевали признание широких кругов читателей, они переведены на языки многих народов нашей страны и стран социалистического содружества. Ю. Збанацкий — лауреат премии им. Н. А. Островского.

Все послевоенные годы писатель-коммунист Збанацкий свою творческую работу сочетал с активной общественной деятельностью в выборных органах республиканской и всесоюзной писательской организаций, а также в партийных и советских органах столицы Украины. Он, в частности, работал в качестве ответственного секретаря правления Союза писателей Украины, секретаря партийной организации, а на IV съезде писателей республики (май 1959 г.) был избран заместителем председателя правления Союза писателей УССР. Г. О. Збанацкий был делегатом XXIII съезда КПСС.

В 1964 г. в Киеве вышло собрание его сочинений в четырех томах.

АНТОН БРИНСКИЙ

СПРАВКА*

БРИНСКИЙ Антон Петрович, 1906 г. рождения, уроженец с. Андреевка Чемеровецкого района Хмельницкой области УССР. По национальности украинец. Член КПСС с 1927 г. Образование: общее — 7 классов, лесотехническая профшкола и Каменец-Подольская совпартшкола; военное — кавалерийское училище, курсы «Выстрел»; в послевоенное время — курсы командиров полков и курсы командиров дивизий при Академии им. М. В. Фрунзе. В Советской Армии с 1928 г. С 22 июня по август 1941 г. участвовал в боях против немецко-фашистских войск.

Тов. Бринский А. П. с августа 1941 по апрель 1944 г. находился в распоряжении Генерального штаба Красной Армии и выполнял специальные задания в тылу противника на временно оккупированной советской территории.

Тов. Бринский А. П., действуя в тылу противника сначала под командованием инженер-полковника Линькова, позднее самостоятельно, провел большую организаторскую работу по созданию партизанского соединения, отдельных отрядов и групп. Он оказывал большую помощь местным партийным органам в организации партизанского движения на территории Белоруссии и западных областей Украины.

Соединение и партизанские группы под руководством Бринского с сентября 1941 по январь 1944 г. своими действиями по коммуникациям противника нанесли большой материальный ущерб живой силе и боевой технике врага, систематически дезорганизовали работу тыла немецко-фашистских войск.

За это время они произвели более 5000 крупных диверсий, выполнили ряд важных заданий командования Советской Армии.

С 1 сентября 1941 г. тов. Бринский А. П. организовал и активно вел разведку в тылу противника и систематически передавал в Генеральный штаб Красной Армии ценные разведывательные данные о перевозках войск и боевой техники противника и о дислокации его резервов.

Тов. Бринский А. П. в трудных условиях вражеского тыла проявил исключительную храбрость, мужество, героизм и организаторские способности, завоевал авторитет среди офицеров и бойцов руководимого им соединения и местного населения временно оккупированной советской территории.

За личную отвагу и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и беспрерывную боевую деятельность в тылу противника тов. Бринскому А. П. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4.2.44 присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

---

* Справка составлена на основании официальных архивных данных.

А. П. БРИНСКИЙ
Фотография, 1944
Собрание А. П. Бринского, Горький

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. БРИНСКОГО *

Герой Советского Союза Антон Петрович Бринский родился в 1906 г. на Украине в с. Андреевке Чемеровецкого района Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области. Украинец. Сын крестьянина-бедняка. С 13 лет работал по найму. В 1922 г. вступил в комсомол. В 1925 г. принят в кандидаты партии, а в 1927 г.— в члены Коммунистической партии. Был председателем комбеда, секретарем райкома комсомола, председателем райисполкома, состоял в отряде по борьбе с бандитизмом и контрабандой.

А. П. Бринский 30 лет прослужил в Советской Армии, прошел путь от солдата до командира соединения. В годы Великой Отечественной войны командовал партизанскими отрядами и соединением в тылу врага. Большая школа классовой борьбы и военный опыт помогли полковнику Бринскому успешно выполнять сложные политические и боевые задачи в исключительно трудных условиях. Он награжден тремя орденами Ленина, орденами «Красного Знамени», «Красной Звезды», медалями. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. Польское правительство наградило Бринского орденом Грюнвальда.

В послевоенные годы А. П. Бринский обращается к писательскому труду, чтобы рассказать о замечательных советских людях — партизанах, вставших в суровую годину на защиту Отчизны. Широкую известность приобрели его двухтомные воспоминания «По ту сторону фронта», выпущенные им в 1958 г. в соавторстве с Б. Е. Пильником. Затем появились книги «Мальчик в клетчатой кепке» (1960) и «Партизанский курьер» (1961).

---

* Очерк Н. В. Скворцова.

В книгах Бринского их многочисленные герои действуют под своими именами. С мужественной правдивостью повествует автор, через какие неизмеримые страдания прошли мирные люди, чтобы вступить на путь войны, как постепенно из самых глубин народных вырастало партизанское движение.

Книги Бринского привлекли внимание обширного круга читателей. Автор получил до двух тысяч писем. Особый интерес представляют письма самих героев книг. С большой теплотой сообщали они своему командиру «дяде Пете» о работе, о трудовых победах, звали к себе. И А. П. Бринский отправляется по тем местам, где кипела партизанская война, где бились с фашистскими оккупантами его отряды.Этот маршрут становится своеобразной канвой для новой книги «Боевые спутники мои» (1964). Радостные встречи с живыми, глубокая скорбь о погибших. И сквозь всё — неизменная несокрушимая вера в силу народа, в мощь Советской Родины, в интернациональную дружбу трудящихся.

Эта книга удостоена премии им. Максима Горького за 1964 г. (г. Горький).

БОРИС КОТОВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ *

1. Фамилия, имя и отчество — КОТОВ Борис Александрович. 2. Звание — сержант. 3. Должность, часть — командир миномета 737 стрелкового полка 206 стрелковой дивизии.

Представляется к званию «Герой Советского Союза».

4. Год рождения — 1909. 5. Национальность — русский. 6. Партийность — беспартийный. 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — участник Отечественной войны с 1942 г. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — убит 29 сентября 1943 г. 9. С какого времени в Красной Армии — с 2 апреля 1942 г. 10. Каким РВК призван — Шахтинским РВК Ростовской области. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — не награжден.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Сержант Котов Борис Александрович 27 сентября 1943 г. при форсировании Днепра в районе южной окраины Калеберда первым доставил свой миномет на огневую позицию и открыл беглый огонь по противнику.

29 сентября 1943 г. противник предпринял опасную контратаку на правый фланг наших боевых порядков северо-западнее дер. Пекари. Заметив скопление пехоты противника, сержант Котов, установив свой миномет на открытой позиции, открыл меткий огонь прямой наводкой. Немцы наступали колоннами, поддержанные огнем из самоходной пушки «фердинанд». Расстреляв запас мин, сержант Котов вооружился винтовкой и гранатами и, когда наша пехота поднялась для контрудара, тов. Котов бросился на немцев и вступил в рукопашный бой. Уничтожая врагов гранатой, винтовкой и прикладом, тов. Котов наводил панику в рядах противника и, когда немцы подались назад и обратились в бегство, преследовал врагов. Своей храбростью тов. Котов увлекал за собой остальных бойцов. Осколком мины тов. Котов был убит. Он пал смертью храбрых в борьбе за свою Родину.

Достоин посмертной высшей степени отличия — звания «Герой Советского Союза».

Командир 737 стрелкового полка
майор Беляев

25 октября 1943 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3.6.44 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 24, л. 33.

---

* Публикация В. Л. Любельского.

Б. А. КОТОВ С СЫНОМ СЕРЕЖЕЙ
Фотография В. Л. Казаринского. Горловка, 1939
Собрание Е. З. Котовой, Горловка

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ *

Так озаглавлена книга стихов Бориса Котова, изданная посмертно в 1960 г. в городе Донецке. Эти горькие слова очень точно говорят о судьбе молодого талантливого поэта, который в сентябре 1943 г. пал смертью храбрых в боях за Родину. Да, на полуслове оборвалась его вдохновенная песня, многого не удалось ему сказать... Однако и то, что Котов успел сделать в поэзии, является ценным и самобытным его вкладом в литературу.

Имя Котова известно с предвоенных лет по стихам, которые публиковались в газетах Донецкого края, в журнале «Литературный Донбасс» и различных сборниках. Но первая его книга — «Стихи» — вышла только в 1953 г. благодаря неустанным заботам его родных и друзей, которые по крупицам собирали его литературное наследство. В обе эти книги вошли все лучшие произведения Котова и письма с фронта (не найдены пока лишь фронтовые стихи поэта).

В биографии Бориса Александровича Котова много сходного с биографиями его сверстников — молодых людей того поколения, которое трудовую деятельность начинало в годы первых пятилеток. После окончания школы (Котов родился в 1909 г.) работал сначала в Воронежской области, а затем на горловской шахте № 9 «Подземгаз»; в годы войны — он в рядах Советской Армии, сержант-минометчик... С юных лет Котов увлекается литературой, тянется к творчеству — пишет заметки в районную и областную газеты, сочиняет стихи. Темы для произведений ему подсказывала сама жизнь — он воспевает колхозные будни своих земляков-воронежцев и трудовые подвиги донецких шахтеров. «Я слагаю стихи о любви, о полях, о забое»,— говорил

* Очерк И. Ф. Карабутенко.

о содержании своего творчества поэт. И это действительно так. Словом поэта-публициста Котов откликался на важнейшие события в жизни страны и мира, писал лирические стихи о природе, о душевном благородстве советских людей. Для выражения своих чувств Котов использовал самые разнообразные поэтические жанры — пейзажные зарисовки и сюжетные стихи, частушки и песни, эпиграммы и поэмы... Нет никакого сомнения, что с годами поэтический талант его развернулся бы во всю ширь. Точно так же можно было ожидать от Котова успехов и в прозе — незаконченная повесть из деревенской жизни «Записки ликвидатора» (речь идет о работе по ликвидации неграмотности) служит лучшим тому подтверждением: в ней много живых наблюдений, добротного народного юмора.

Все творчество Котова проникнуто высоким пафосом гражданственности; поэт говорит о чувстве патриотического долга, о преемственности поколений, о своей готовности «взять винтовку в руки», когда над страной нависнет опасность. Ценой своей жизни Котов подтвердил, что высокие слова шли у него от самого сердца... Пророческим оказалось его обращение к сыну:

Но к новым победам все тверже шагая,
Пред памятью павших с любовью склонись...

И есть что-то символическое в том, что могила Героя Советского Союза Бориса Котова находится близ Канева, неподалеку от тех мест, где похоронены Тарас Шевченко и Аркадий Гайдар. Имя Бориса Котова, как имена великого Кобзаря и любимого писателя советской детворы Гайдара, бережно хранится в памяти благодарных потомков; оно, выражаясь словами поэта, тоже воплотилось «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела». Есть в Горловке улица и пионерская дружина, носящие имя поэта-героя Котова, есть в Донецке друзья, заботящиеся о выходе его книг и о продолжении его славных патриотических традиций.

ВЛАДИМИР КАРПОВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество — КАРПОВ Владимир Васильевич. 2. Звание — лейтенант. 3. Должность,часть — командир взвода пешей разведки 629 стрелкового полка 134 Вердинской стрелковой дивизии.

Представляется к высшей правительственной награде — званию Героя Советского Союза.

4. Год рождения — 1922. 5. Национальность — русский. 6. Партийность — кандидат ВКП(б). 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — Отечественная война с 3.01.43. Калининский фронт. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — ранен 17.8.43 г. 9. С какого времени в Красной Армии — с 1939 г. 10. Каким РВК призван — горвоенкоматом гор. Ташкента. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — медалью «За отвагу» и орденом «Красная Звезда» за боевые подвиги.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

За время наступательных боев с 13.08.43 г. в Пречистенском и Духовщинском районах Смоленской области тов. Карпов неоднократно проявлял личное геройство и отвагу. За этот период более 30 раз с группой разведчиков проходил через линию обороны противника в его тылы, где, не считаясь ни с какой опасностью для жизни, наносил неоднократные удары по превосходящим силам противника.

В ночь на 19.08.43 г., когда противник в районе высоты 259,1 сосредоточил большие силы для перехода в контратаку против наступающих подразделений полка, тов. Карпов проник с группой бойцов в его расположение, где, рискуя своей жизнью, лично корректируя стрельбу, вызывал на себя артогонь и тем самым сорвал контратаку противника; благодаря его храбрости и геройству, огнем артиллерии было уничтожено более 200 немцев, сожжен один танк «тигр» и самоходная пушка «фердинанд».

В этих боях Карпов был ранен, но он не покинул поле боя, а продолжал вести неравный бой с противником.

При прорыве сильно укрепленного участка обороны противника д. Маецкое, на большаке Белый — Духовщина, тов. Карпов с тремя красноармейцами проник в деревню, где, рискуя своей жизнью, уничтожил гранатами дзот противника, расположенный на большаке, первым ворвался в траншею противника и в рукопашной схватке лично уничтожил шесть немцев, заставив ⟨врагов⟩ отойти от большака, чем создал возможность основным силам полка подтянуться к большаку и полностью овладеть опорным пунктом Маецкое и оттуда развивать основной удар по противнику.

15 сентября 1943 г. противник упорно оборонял д. Читавица, тов. Карпов с группой восемь человек снова проник через линию фронта и, зайдя с фланга в тыл противника, решительным ударом уничтожил более 50 немецких солдат и офицеров, захватил эту деревню, которая являлась опорным пунктом в обороне противника.

16.09.43 г. в боях за дер. Ефремово Духовщинского района тов. Карпов, действуя обходом с флангов, также проявил геройство: с группой разведчиков, зайдя в тыл обороняющемуся противнику, ворвался в деревню и уничтожил на подступах к ней 40 немцев и лично захватил 11 пленных.

Противник упорно оборонял большак Демидов — Смоленск, тов. Карпов с группой бойцов выдвинулся вперед, пробрался в тыл к противнику, — уничтожил полностью немецкий гарнизон до 60 человек и оседлал большак, не дав противнику взорвать переправу на большаке.

Когда я — командир полка — в районе дер. Василево Духовщинского района Смоленской области оказался с маленькой группой бойцов в тяжелом положении, вследствие перехода противника превосходящими силами в контратаку, тов. Карпов, рискуя жизнью, с боем ворвался с фланга к противнику, лично из своего автомата уничтожил до 25 немцев и обеспечил как отбитие контратаки, так и захват опорного пункта в самой деревне.

За время боев тов. Карпов проявил себя подлинным бесстрашным героем, более 30 раз заходил в тыл противнику, дезорганизуя его оборону, уничтожил со своей группой храбрецов более 350 немецких солдат и офицеров, взял 35 пленных, показал себя преданным защитником Родины.

За проявленное неоднократно личное геройство в боях с немецкими оккупантами тов. Карпов достоин представления к высшей правительственной награде — «Герой Советского Союза».

Командир 629 стрелкового полка
подполковник Кортунов
Начальник штаба полка майор Шкодских

21 сентября 1943 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4.6.1944 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 20, лл. 331—332.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ВОЕННЫХ ЛЕТ

1

Эти воспоминания придется начать с того, что я не знал о грянувшей войне. В наши дни может показаться странным — как такое оглушительное, потрясшее весь мир событие могло пройти мимо какого-нибудь человека? И все же это так. Я не знал о начавшейся войне ни 22 июня 1941, ни через неделю, ни через месяц. Не может такое быть? Очень даже может.

В те дни я сидел в одиночной камере. Двери тюрьмы захлопнулись за мной в феврале сорок первого года. С той минуты я остался один, отрезанный от мира. Один в каменном мешке размером два с половиной метра на метр. Тюрьма подземная. В моей камере окна не было, только под потолком, скованная решеткой, уходила вверх круглая дыра диаметром с водосточную трубу — это отдушина, чтобы арестованный не задохся.

За что я угодил в это подземелье? В те годы попасть в тюрьму было очень просто. Достаточно было сказать... Впрочем, это не тема наших воспоминаний. О тех черных временах написано много, и теперь всем хорошо известно, как ни за что хватали и уничтожали людей. Это было страшное и непонятное время. Не берусь делать каких-либо обобщений. Скажу лишь о себе.

Я жил с родителями в Ташкенте. В 1939 г., после окончания средней школы, поступил в Ташкентское военное училище им. В. И. Ленина. В мае 1941 г. в училище произошел очередной выпуск лейтенантов. Но на складе остался не выданным один комплект обмундирования: шинель и гимнастерка с двумя кубарями на петлицах, новый хрустящий ремень, хромовые сапоги, чемодан и прочее «приданое» молодого командира. Это был мой комплект. Его шили для меня. Я ходил на примерки.

Меня арестовали незадолго до выпуска. И вот за что.

Однажды, готовясь к семинару, я читал брошюру о работе Ленина «Что делать?» Не хочу сейчас извлекать из всего случившегося какой-то политический «багаж». Поэтому сразу предупреждаю: никаким сознательным борцом против культа личности Сталина я не был. Просто я очень любил Ленина, и меня коробило от того, что о Ленине вспоминали всё реже. Даже в тех делах, где все было сделано Лениным, почему-то обязательно прилеплялось имя Сталина.

Вот и в тот вечер, читая брошюру, я подчеркнул в ней красным карандашом имя Ленина — оно упоминалось 60 раз, а синим карандашом — Сталина, о нем говорилось 80 раз. Затем сказал соседу, такому же курсанту, как я, он сидел за этим же столом:

— Чёрт знает что! Когда Ленин писал «Что делать?», он даже не знал, что на свете существует Сталин. Они встретились гораздо позже! Ну почему нужно заслонять Ленина Сталиным? Зачем ему приписывать то, чего он не делал?

Я показал соседу свои подсчеты в брошюре. Этого было достаточно. Меня арестовали. В 19 лет я стал «врагом народа». Первый вопрос, который мне задали на допросе, звучал так:

— Кто вам давал задание компрометировать вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина?

Серьезная формулировка для тех дней! И попробуйте на этот вопрос ответить!

Однако вернемся к воспоминаниям о войне. Через несколько месяцев меня перевели в общую камеру. Естественно, я стал спрашивать, какие новости на воле. Мой собеседник, пожилой, исхудавший человек, печально сказал:

— Дела плохи, наши войска оставили Киев.

В полной уверенности, что со мной говорит сумасшедший, я отошел от этого человека подальше. Затем я заговорил с другим, третьим. И стал замечать, что теперь уже от меня люди отходят с опаской. Они меня принимают за помешанного. И не напрасно — может ли быть человек нормальным, если у него в сознании провал, если он ни слова не знает о войне, которая полыхает над страной уже несколько месяцев?

Вот так я впервые услышал о войне.Дальнейшее развивалось по обычной для тех времен схеме. Чтоб не погибнуть в подземелье и выйти под небосвод, я «признал вину». Несправедливый суд. За столом «судьи»-следователи, которых я видел в соседних комнатах, когда меня водили на допросы. Пересыльный пункт. Обледеневшие товарные вагоны. Долгий путь на север. Лагеря.

В конце 1942 г. одно из моих писем все же дошло до Михаила Ивановича Калинина. Я просил только об одном: отправьте на фронт, я военный человек, а Родина моя в опасности.

Меня освободили из лагеря с оговоркой: «Досиживать оставшийся срок после окончания войны, если во время боев не оправдает себя отважными действиями».

2

В ноябре 1942 г. в составе штрафной роты я прибыл на Калининский фронт. Штрафная рота — такое подразделение, в статуте которого прямо сказано, что штрафник должен искупить свою вину кровью. Штрафников бросали в самые жаркие места.

Как-то в ожидании наступления мы несколько дней находились в траншее на переднем крае. В одну из ночей я стоял часовым. Было очень холодно. Ледяная поземка хлестала в лицо. Лицо мое было на уровне поверхности земли, потому что я ходил по дну окопа. Снег заметал окоп, и я время от времени выбрасывал его на бруствер деревянной лопатой. Наш взвод отдыхал в блиндаже, дверью в который служила навешенная плащ-палатка. Я ходил из стороны в сторону мимо этой палатки и предвкушал: скоро выйдет смена, и я заберусь в теплую тьму блиндажа, втиснусь между горячих тел товарищей, пригреюсь и засну.

Вдруг мне показалось, что сугробы перед траншеей шевелятся. Я прикрыл ладонями глаза от летящей поземки, стал всматриваться в мрак. В клубящемся на ветру снегу я увидел плотные белые бугорки, которые медленно подбирались к нашему окопу.

Я бросился к пулемету. Зарядил его и хотел дать очередь по крадущимся немцам. Сердце у меня от волнения стучало очень гулко, руки дрожали. Целясь в гитлеровцев, я обнаружил, что их не так уж много — небольшая группа человек в пятнадцать. Поняв, что это не общее наступление, а всего лишь разведка, я решил не стрелять и подготовить фашистам сюрприз. Быстро подбежал к входу в блиндаж, разбудил товарищей. Коротко объяснил, в чем дело, и предложил:

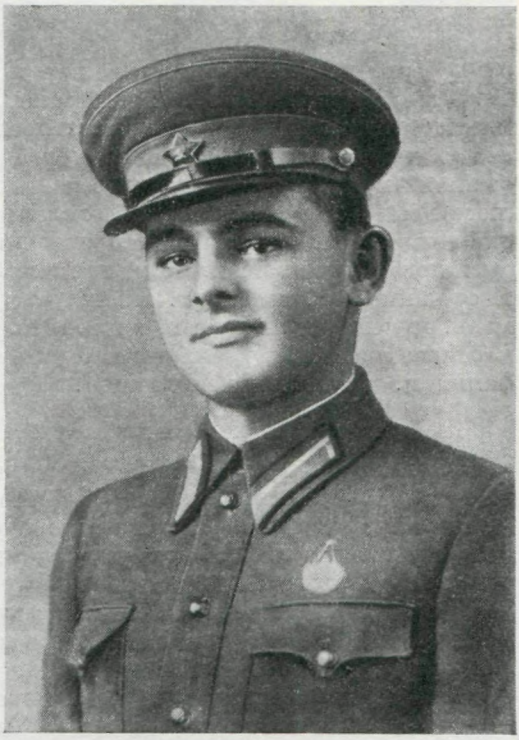
— Давайте переловим их живыми!

Народ в штрафной роте задорный и отчаянный. Мое предложение было принято без долгих рассуждений. Ребята, пригибаясь, разошлись по траншее, приготовили оружие и сидели, не поднимая голов над бруствером. А я, чтобы не насторожить фашистов, продолжал торчать из окопа один. Когда немцы сделали последний рывок и кинулись к нашим позициям, я дал длинную очередь из «максима», а другие товарищи забросали их гранатами. Белые фигурки закувыркались по снегу. Кто-то завопил, объятый ужасом. Уцелевшие разведчики — их было четверо — кинулись наутек. Охваченный спортивным азартом, я выпрыгнул из траншеи и крикнул:

— Лови их, ребята. Бери живьем!

Проваливаясь в глубокий снег, я быстрыми скачками догнал одного из фрицев и схватил за шиворот. Он задыхался от перенапряжения после бега по глубокому снегу. Без труда я его обезоружил, вывернул руку за спину и поволок в свою траншею. Двух других притащили солдаты нашего взвода.

О ночной стычке было доложено командованию. Пленные подтвердили — все происходило именно так. Начальники стали выявлять отличившихся. В числе других чаще упоминалась фамилия красноармейца-пулеметчика Карпова — он обнаружил, он придумал захватить, он организовал и так далее. Меня и еще троих отличившихся штрафников вызвали в штаб полка, которому была придана штрафная рота. В штабе попросили рассказать о себе. Я поведал обо всем, что пережил. Упомянул и о том, что учился в военном училище, был неплохим боксером, имел перед войной звание чемпиона Средней Азии и Среднеазиатского военного округа по боксу в среднем весе.



В. В. КАРПОВ — КУРСАНТ ТАШКЕНТСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА им. В. И. ЛЕНИНА

Фотография, начало 1941 г.

Собрание В. В. Карпова, Ташкент

Отойдя в сторону, офицеры о чем-то совещались. Слов их я не слышал. Но видел — их что-то смущает — они пожимали плечами и разводили руками.

Позднее я узнал, в чем дело. Я и мои товарищи-штрафники очень понравились офицерам своим геройским поступком и физическими данными. Мы действительно были здоровые и лихие ребята. Нас хотели взять в полковую разведку. Но смущало положение о штрафных ротах, где прямо было сказано — «искупить кровью», а мы вышли из ночной стычки без единой царапины.

В годы культа личности честные люди оставались честными и порядочными людьми. Офицеры, желая нам помочь, всё же нашли выход. Чтобы не повредить нам, они всё оформили законно.

И вот заседает трибунал, и я опять сижу на скамье подсудимых. На сей раз это не строгое здание с решетками на окнах, а обыкновенная деревенская изба. Мы, «подсудимые», сами ее вычистили, помыли пол, натопили печь. Я сижу на лавке посередине комнаты. На меня добро смотрят из-за деревянного стола, пахнущего хлебом, председатель дивизионного трибунала, подполковник юстиции, и два народных заседателя, майоры с боевыми орденами на груди.

Государственный обвинитель, высокий майор с густыми кустистыми бровями, не обвиняет меня, а больше говорит о моих достоинствах. Я смотрю на прокурора и мне кажется — ему самому очень приятно сейчас не обвинять, а оправдывать человека.

Очень необычно сочетание таких двух слов, как «приговор» и «приятно». И тем не менее приговор просто ласкал мою исстрадавшуюся душу: «За проявленное мужество из штрафной роты освободить досрочно».

Так я вновь стал равноправным советским гражданином и рядовым разведчиком полковой разведки.

3

В разведке я прослужил все время пребывания на фронте — от рядового до капитана. Был трижды ранен, но оставался в строю. Выполнял много различных заданий. Участвовал в захвате 79 «языков». Мне посчастливилось встретить много отважных, добросердечных, веселых и отчаянных разведчиков. Многие из них погибли. Став писателем, я стремлюсь в меру сил рассказать об этих замечательных людях. Сейчас я пишу главным образом об армии мирных дней.

Много раз мне советовали написать книгу о фронтовых похождениях. Я ее напишу обязательно. Не берусь за нее только из-за недостатка времени. А пока, если хотите, почитайте фрагменты из этой будущей книги. В основе рассказов реальные события и люди. Изменены лишь некоторые фамилии, которые я не упомнил.

Взвод полковой разведки готовился к выполнению задания. У всех разведчиков были спокойные лица: предстояла обычная будничная работа — нужно поймать языка. А я волновался, мне предстояло идти в ночной поиск первый раз. Я тоже старался казаться невозмутимым, исподволь приглядывался к новым знакомым. Может, и они волнуются, но умеют скрывать свои переживания? У многих на груди поблескивали ордена «Красного Знамени» (были и другие награды, но орден «Красного Знамени» сразу притягивал мой взор, потому что к нему я всегда испытывал какое-то особое уважение).

Скажу откровенно: хотелось тоже — и поскорее! — отличиться и заслужить признание разведчиков. Уж больно хорошие они ребята.

Вот сидит сибиряк Макогонов, он обматывает чистым бинтом автомат, чтобы не выделялся на снегу, и мурлычет какую-то песенку. Рядом с Макогоновым — его постоянный собеседник и задира Саша Пролеткин, он тоже меняет испачкавшийся бинт. Верный своим привычкам, Саша заводит с Макогоновым разговор. Все затихают и прислушиваются: Саша обязательно что-нибудь отчудит.

— Скажи, Макогонов, ты жирафа ел?

— Что я сдурел, что ли, жирафа есть?

— А я ел.

— Как же ты в Африку попал?

— Зачем в Африку? Когда Смоленск оставляли, там зверинец разбежался. Вот мы с одним дружком и попробовали. Хотели еще бегемота попробовать.

— Уж молчал бы,— неодобрительно говорит Макогонов.

— А что?

— Под суд тебя надо за такие дела, вот что! Редких животных истреблял.

— Эх, какой быстрый! — юлит перед Макогоновым Саша.— А ты бы не истреблял?

— Я — нет.

— Вот тебя-то и надо под суд. Тогда приказ был: уничтожить всё, чтобы немцам не досталось. У жирафа шею видел? Он ни в какой вагон не помещается, и на платформу нельзя — за семафоры цеплять будет. Его и не эвакуировали поэтому.

Вот так весь день: готовятся, шутят, отдыхают. А через несколько часов, может случиться, кого-нибудь из них принесут мертвым на плащ-палатке.

С наступлением темноты мы вышли. Нас было восемь. В первой траншее разведчики курили, разговаривали со знакомыми солдатами, ждали, пока сгустятся сумерки.

В. В. КАРПОВ
Фотография. Калининский фронт, 29 октября 1943 г.

Собрание В. В. Карпова, Ташкент

Я наблюдал за объектом, на который решено было идти. Это небольшая высота, на ней пулемет. Мы должны разрезать проволоку, забраться в немецкую траншею и по ней подойти к пулемету с фланга.

Мне хотелось, чтобы это произошло побыстрее.

Наконец, стало совсем темно, после команды «пошли» я первым выскочил из окопа.

Когда отошли от своих траншей, со мной поравнялся Макогонов.

— Негоже новичку вперед лезть,— сказал он и обернулся.— Ну-ка ты, жирафник, давай в дозор с Пантелеевым.

Саша и Пантелеев пошли вперед. С этого момента и дальше, до самого возвращения, я чувствовал, все беспрекословно выполняли, что скажет Макогонов. Он был опытный разведчик, с ним люди много раз бывали в деле. В него верили.

Вообще понятие «командовать» в разведке своеобразно. Как командовать, когда вблизи противника нельзя сделать ни одного заметного движения! Здесь вместо команды — едва уловимый жест, кивок, а то и принцип «делай, как я». Командир ползет — все за ним, остановился — и все замерли.

Обычно поиск разрабатывается и продумывается до мельчайших подробностей заранее. Иногда все действия репетируются на местности, похожей на ту, где предстоит работа. Случайности, конечно, меняют ход событий, но все же продуманная канва объединяет общие усилия без лишних команд.

Люди, которые не раз ходили на задание вместе, понимают друг друга без слов. У них, как говорится, один мигнет — другой смекнет.

Сначала мы шли быстро. Останавливались только, когда ракета взмывала в небо и вспыхивала пером жар-птицы. Покачиваясь, ракета плавно спускалась к земле, заливая все вокруг зеленоватым светом. Мы, не двигаясь, лежали в снегу.

От середины нейтральной зоны продвигались ползком. Когда впереди показался кустарник, я узнал его: он примыкал к проволоке противника. Еще при наблюдении за объектом из своих окопов я намеревался использовать этот кустарник для маскировки. По нему можно было подползти к проволочному заграждению.

Я показал Макогонову рукой в направлении кустарника. Но Макогонов отрицательно помотал головой. Макогонов приблизился ко мне и без голоса, одним дыханием прошептал на ухо:

— Хрустеть будет.

Затем он кистью руки вильнул перед моими глазами, как делают, когда изображают рыбу, и я сразу понял: нужно, обтекая кустарник, ползти опушкой его, он нас скроет от наблюдателей и приведет к проволоке.

Я кивнул и пополз за Макогоновым.

Проволоку резали два разведчика: один, лежа на спине, перекусывал ее бесшумными ножницами, другой отводил концы. Резали только нижние нити: до верхних тянуться опасно, да они нам и не помешают.

Сердце у меня гулко стучало, по спине пробегал холодок. Враг был рядом. Боязно было дышать, казалось — услышат. Когда проход был готов и подошла моя очередь ползти под проволоку, я весь будто превратился в сплошное сердце: кровь во всем теле приливала и отливала горячими волнами.

В немецкую траншею мы спустились вшестером. Двое остались охранять и расширять проход — на тот случай, если нам придется спешно отходить.

Траншеи роются извилистые. В том изгибе, куда мы спустились, никого не было. Мы заглянули за ближние повороты — справа и слева. Пусто. По намеченному плану двинулись вверх, к пулемету. По стенке траншеи тянулся прикрепленный скобками кабель. Я показал на него Макогонову. Тот кивнул: «Режь». Я достал нож и стал резать провод. Он оказался крепким и не поддавался. И вдруг, когда я возился с проводом, из-за поворота вышли два гитлеровца. Это было настолько неожиданно, что мы оцепенели. Немцы подошли спокойно, и передний о чем-то стал спрашивать. Они были в белых маскировочных костюмах, мы — тоже. Очевидно, нас приняли за своих связистов.

И вот тут короткая очередь треснула у меня над ухом. В первое мгновение я даже не понял, кто стреляет. Затем увидел, как ближний ко мне немец повалился на спину, а второй бросился бежать. Стрелял, как выяснилось потом, Пантелеев: у парня просто не выдержали нервы.

Я перепрыгнул через убитого и кинулся за убегавшим. Настиг его. Схватил за плечи. Попытался свалить. Но сильный удар отбросил меня назад. Немец побежал дальше. С налету я прыгнул ему на плечи, но он ловко вывернулся и ударил меня кулаком в лицо. Я упал. В этот момент,— видно, только опомнясь,— немец закричал.

Все наши стремления сводились к тому, чтобы действовать тихо. И вдруг этот отчаянный крик о помощи. Он настолько был для нас страшен, что я, забыв обо всем, выхватил нож и в два прыжка настиг гитлеровца. Единственным стремлением, которое руководило мной, было — побыстрее прекратить разоблачающий нас вопль.

Ко мне подбежали разведчики. Немец лежал на дне траншеи. «Языка» не было. Мы напряженно вслушивались, не бежит ли кто на зов.

И тут-то по стенке траншеи застучали пули; все мы прижались к противоположной стороне. Стреляли рядом, но звуки выстрелов были глу-

«НОВАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ»
Дружеский шарж на В. В. Карпова
«Фронтовая иллюстрация», 1944 г., № 22, октябрь

хие. Я выглянул за поворот и всё понял. Там виднелись лесенка и дверь блиндажа. Немцы стреляли из автоматов через закрытую дверь. Они услышали крик и возню в траншее и пытались огнем расчистить себе выход.

Макогонов бросил под дверь гранату. Грохнул взрыв, дверь сорвало. Перед нами открылся тускло освещенный блиндаж. Я метнул в него гранату. После разрыва свет в блиндаже погас, и раздались крики и стоны. Макогонов бросил еще одну гранату. Крики в блиндаже смолкли. Из черного проема двери выходил дымок.

Нужно лезть в блиндаж и тащить оттуда «языка». Но там могут стоять наготове уцелевшие автоматчики, и как только покажешься в дверном проеме, они прошьют очередями. Что делать?

Решение возникает мгновенно. Я бросаю в блиндаж еще одну гранату, но не выдергиваю из нее кольца. Вслед за гранатой вбегаю в блиндаж и отскакиваю вбок от двери.

Расчет прост: если кто-нибудь уцелел, он при падении гранаты обязательно ляжет и инстинктивно прикроет голову. О том, что граната не разорвется, знаю только я.

Одной секунды хватило, чтобы вскочить в блиндаж незамеченным. В блиндаже было черно. Я стоял, прижимаясь спиной к стене, и держал автомат наготове. Пахло гарью взрыва. Было слышно тяжелое дыхание немцев. Осторожно сделал первый шаг и сразу наткнулся на лежащего фрица. Невольно отпрянул. Потом присел и стал ощупывать лежащего. Он не подавал признаков жизни. Я двинулся вперед на четвереньках, ощу-

пывая дорогу руками. Блиндаж оказался небольшой, наверное — на отделение. Натолкнулся в темноте еще на четверых, все они были ранены, оглушены взрывом. В «языки» явно не годились. Впереди я все время слышал дыхание. Немец дышал тяжело и шумно, будто после бега,— он же не подозревал, что в блиндаже русский разведчик. Убедившись, что, кроме этого немца, в блиндаже нет никого способного к сопротивлению, я включил карманный фонарик и направил свет в испуганные глаза гитлеровца, чтобы ослепить его. Затем обвел лучом блиндаж. Все лежали неподвижно.

Я шагнул к немцу, а он стал пятиться от меня в свой угол. Следов крови на нем не было. Значит, не ранен — это то, что нам нужно. Я взял его за ворот и встряхнул, чтоб тверже стоял на ногах. Ноги у него от страха подгибались, как резиновые.

В блиндаж заглянул Макогонов.

— Ну как? — спросил он.

— Есть,— ответил я и подтянул «языка» к двери.

Немец был потрясен и подавлен, он не сопротивлялся, покорно принял кляп и дал связать руки. Он не сводил с меня расширенных от ужаса глаз. Вид у меня действительно был устрашающий. Белый костюм окрасился кровью: ведь я ползал в блиндаже между израненных, еще теплых тел.

Разведчики взяли документы убитых. Дело было сделано, тронулись в обратный путь. Благополучно достигли прохода в проволочном заграждении. Нас никто не преследовал. Отделение, которое оборонялось на этой высотке, было полностью уничтожено, а соседи, вероятно, не обратили внимания на несколько глухих взрывов — приняли за минометный обстрел — взрыв на войне звук обыденный. Да и произошло все это в 10—15 минут,— рассказывать долго, а там действия совершались с молниеносной быстротой.

Пленного привели в штаб, сдали его и захваченные документы. На этом наша работа кончилась. Мы направились в свой блиндаж. Разведчики, не ходившие на задание, встретили нас с радостным возбуждением. Нам подставляли котелки с горячим борщом и фронтовые «сто грамм».

Саша Пролеткин, как обычно, пытался втянуть Макогонова в какую-нибудь хохму, а сибиряк добродушно отмахивался от него. Потом Макогонов подошел ко мне, крепко хлопнул меня по спине и весело сказал, обращаясь к разведчикам:

— А парень ничего. Подходящий!

Всего я выполнил несколько сот разведывательных заданий, много раз ходил в тыл врага. В 1943 г. первый раз был представлен к высшей награде — званию Героя Советского Союза. Но материал вскоре вернули. На первой странице нашему командиру красным карандашом крупными буквами было написано: «Вы думаете, кого представляете?»

Да, нелегко было жить с клеймом «врага народа» даже на «воле».

В 1944 г. в одном из номеров «Фронтовой иллюстрации» рассказывалось о лучших мастерах Советской Армии, удостоенных звания Героя Советского Союза — здесь были летчик-истребитель Покрышкин, снайпер Григорьев, танкист Калинин, связист Ярославцев. Среди них был и я как разведчик.

Писать стремился еще до войны. Любовь к литературе помогла мне преодолеть невероятные трудности, которых жизнь расставила на моем пути очень много. Я всегда жил с убеждением — пережитое это мой клад, мой «золотой запас». Видимо, всем кладам суждено некоторое время пребывать под спудом.Так и мои наблюдения всё некогда было применить. С 1948 по 1954 г. — учеба в Литературном институте им. Горького и служ-

ба в Советской Армии. После войны тоже не искал легких дорог — выбирал, где поинтересней,— 10 лет служил на Памире и в Кара-Кумах. Служба поглощала все время — вышло всего четыре небольших книги. Только теперь, уйдя в 1965 г. «на покой», я замахиваюсь на более серьезные писания.

В 1956 г. Верховный суд СССР пересмотрел мое «дело» и полностью меня реабилитировал. Через 15 лет, благодаря тому, что были восстановлены ленинские принципы и нормы жизни,— справедливость восторжествовала. Все эти годы я тоже не сидел сложа руки и старался делом доказать свою преданность Родине.

При освобождении из лагеря заключенных произошел такой короткий разговор. Краснолицый и очень, видимо, недалекий «чин», выписывая мне документы об освобождении, мрачно сказал:

— Зря таких выпускають. Все одно к немцу убегёшь!

Меня так и подмывало сказануть ему в ответ что-нибудь очень едкое. Но я сдержался. Научен горьким опытом. Здесь такие, как он, были неограниченные хозяева — ни за что могли «пришить дело» и дать новый срок.

Получив на руки справки и упрятав их поглубже в карман, я все же сказал:

— Напрасно вы так плохо думаете о людях. Я еще орден заслужу, а жив останусь — так и не один!

Сегодня могу с удовлетворением сказать — я сдержал слово — и получил не один орден, а все боевые правительственные награды, которые существовали в момент того разговора с охранником. Все — начиная от медали «За боевые заслуги», кончая «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Прошел путь от рядового-штрафника до гвардии полковника. И 20 лет ношу самое высокое звание на земле — звание коммуниста.

1965

ПОСЛЕВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Справка

В 1947 г. В. В. Карпов окончил военную академию им. М. В. Фрунзе. Несколько лет работал в Генеральном Штабе Советской Армии. В период работы в Москве, в 1948 г. поступил и в 1954 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

После окончания института, желая быть ближе к солдатам и офицерам, которые служат в частях, перешел на строевую работу. Командовал полком на Памире, в Кара-Кумах, служил в Кушке.

Пишет на военные темы. Печатался в журналах: «Советский воин», «Коммунист вооруженных сил», «Старшина-сержант», «Военный вестник», «Звезда Востока», а также во многих газетах.

В 1949 г. написал пьесу «Маяк на востоке». По сценарию В. Карпова в 1952 г. снят фильм «О. Р. Д.» на Свердловской киностудии. В 1960 г. Воениздат выпустил книгу В. Карпова «24 часа из жизни разведчика». Рассказы и очерки включались во многие сборники («Богатые судьбы», «Первое знакомство», «Мы — туркестанцы» и др.).

Главное содержание творчества В. Карпова — жизнь современной армии. Обладая большим жизненным и боевым опытом, он хорошо знает людей, о которых пишет.

В 1962 г. Военное издательство опубликовало сборник рассказов и очерков В. Карпова «Полковые маяки», который получил высокую оценку критики и читателей. В 1962 г. на открытом конкурсе журнала «Советский воин» рассказ В. Карпова «Новенький» получил третью премию.

Повести: «Командиры седеют рано...», «Первая победа», «Двое в песках», «1001 день» рассказывают о трудном, увлекательном и благородном деле воспитания нового советского человека в условиях современной армии.

ПЕТР ВЕРШИГОРА*

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на командира 1 Украинской партизанской дивизии им. дважды Героя Советского Союза Ковпака С. А. Вершигору Петра Петровича

Тов. ВЕРШИГОРА П. П.—1905 г. рождения, украинец, член ВКП(б) с 1943 г. Награжден орденом Ленина, «Красное Знамя» и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Во время героического похода соединения тов. Ковпака в Прикарпатскую Украину тов. Вершигора был первым помощником по разведке. В своей работе проявил исключительную находчивость, давая ценные разведывательные данные государственного значения, и хорошо обеспечивал командование соединения разведывательными данными, необходимыми для боевой деятельности соединения.

После ряда боев, проведенных соединением в Прикарпатской Украине с превосходящими в несколько раз силами противника, врагу удалось расчленить соединение на группы и заставить отходить в северные районы Украины. Во главе одной из самых больших групп находился тов. Вершигора, который, ведя непрерывные бои с очень малыми потерями, прибыл к новому месту сбора.

В декабре 1943 г., по решению ЦК КП(б)У тов. Ковпаку был предоставлен отпуск, а командование было возложено на тов. Вершигору.

Отмечая исключительные заслуги соединения в деле развития партизанского движения на Украине, ЦК КП(б)У удовлетворил просьбу партизан и командования о переименовании соединения в 1 Украинскую партизанскую дивизию им. дважды Героя Советского Союза тов. Ковпака С. А.

Закончив формирование и получив задачу, дивизия вновь выступила в боевой рейд в Станиславской области.

За время рейда с 5 января по 1 апреля 1944 г., ведя непрерывные бои с противником и разрушая его коммуникации, дивизия прошла 3600 километров, форсировав семь крупных рек: Ствига, Горынь, Стубла, Стырь, Стоход, Вапш и Западный Буг, а также 16 важных железнодорожных и 29 шоссейных магистралей. За это время проведено 139 боевых операций и 20 крупных боев, где со стороны противника участвовало большое количество пехоты с приданными танками и авиацией, но дивизия успешно проводила бои, в результате которых занимались города: Горохув, Порыцк, Сатанув, Тарногруд, Ульянув, Кшешув, Краснобруд, Боремель, Станиславчик и Лопатин.

В результате боевой деятельности за три месяца дивизией истреблено:

---

* Публикация О. С. Вершигоры. Тексты печатаемых документов извлечены из личного архива П. П. Вершигоры.

5160 солдат и офицеров противника и взято в плен 598. За это время пущено под откос 24 эшелона противника и уничтожено: 75 танков и бронемашин, 196 автомашин, 5 самолетов, из которых один шестимоторный МС-313, сожжено 9 жел.-дор. мостов общей длиной 310 метров, 57 шоссейных мостов общей длиной 2245 метров, Львовская водонасосная станция, 3 электростанции, 13 спиртозаводов, при этом уничтожена 891 тонна спирта, 2 склада с бензином с общим запасом 10 800 кг, 21 склад с продовольствием, 11 вещевых складов, 3 узла связи, 2 депо станции и авторужейная мастерская, уничтожено 1100 метров железнодорожного полотна, 28 000 метров линии связи.

Захвачены трофеи: 1 пушка, 15 минометов, 36 станковых и 55 ручных пулеметов, 43 автомата, 674 винтовки, 6 гранатометов и много другого военного и хозяйственного имущества.

Освобождено из немецкого плена 200 бойцов и офицеров Красной Армии и свыше 10 000 мирных жителей, угоняемых в Германию на каторгу.

Во время рейда дивизия снабжалась продовольствием и боеприпасами за счет противника, не затрагивая интересы местных жителей и оказывая населению всемерную помощь.

Во время рейда дивизией разведана деятельность польских организаций «Эндеки», «Стронництво людове», «Стронництво працы» и других, действия которых диктуются политикой польского правительства, находящегося в Лондоне. Одновременно установлена тесная связь с влиятельной среди населения антинемецкой подпольной организацией «Польска партия роботнича», имеющей крупные боевые партизанские отряды, объединяющиеся в так называемую «Гвардию людову», которым дивизия оказала большую помощь.

Кроме боевой и разведывательной деятельности, командованием дивизии и партийно-комсомольской организацией проделана большая политико-массовая и разъяснительная работа о предательской деятельности украинских националистов.

Рейд партизанской дивизии под командованием подполковника Вершигоры является большим политическим событием, показывающим мощь и силу советского народа и вселяющим уверенность у неосвобожденных еще от немецкого гнета народов оккупированных районов Украины, Белоруссии, народов Польши в близость часа полного изгнания немецких оккупантов и их разгрома.

Дивизия под командованием подполковника Вершигоры, совершив боевой рейд по глубоким тылам противника, нанесла ему громадный урон в живой силе и технике, закалилась в боях и, благодаря правильному взаимоотношению с населением, численно выросла с 1230 человек к моменту выхода в рейд до 1860 человек в настоящее время.

Учитывая исключительные заслуги в деле развития партизанского движения на Украине и умелого вождения партизанских полков, личный героизм, отвагу и находчивость, командир 1 Партизанской дивизии подполковник Вершигора Петр Петрович представляется к присвоению звания Героя Советского Союза.

Начальник Украинского штаба
партизанского движения
Т. Строкач

‹1944›

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1944 г. генерал-майору П. П. Вершигоре присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в Молдавии. Родители Петр Кондратьевич и Вера Петровна Вершигора (Канюшинская) учительствовали в сельской «земской» и «церковно-приходской» школе. Отец умер, когда мне было три года, и я его не помню. Мать, обремененная семьей (она воспитывала, кроме меня, пять племянников), мало обращала на меня внимания, хотя, кажется, любила меня сильно. Умерла вскоре и она, оставив меня одного в возрасте 12 лет. Пошел я на родину отца в село Севериновку, где и рос у родичей отца. Зарабатывал на пропитание пастушеством, когда подрос, работал на мельнице. Затем, помня заветы родителей, что «ученье свет», сбежал в м. Рыбницу и в 1920 г. поступил в профагрошколу. Там проучился одну зиму. Голод 1921 г. и тиф прекратили учебу. В Севериновке (родина отца) жил до 1925 г., работал председателем комнезама, секретарем сельсовета, избачом и режиссером драмкружка. Научился играть на трубе и играл на свадьбах, похоронах и ревпраздниках. В 1926 г. ушел в Одессу, поступил добровольцем в музыканты в 151 стрелковый полк 51 Перекопской дивизии. Год овладевал высотами «капельмейстерской» культуры, стал старшиной музкоманды и изредка дирижировал вальсы и попурри на бульваре возле «дюка». На второй год поступил студентом Одесской консерватории, но не на музыкальное, а на режиссерское отделение. Год был красноармейцем и студентом. Перейдя на II курс, демобилизовался, а в 1930 г. закончил институт.

Дальнейшая жизнь протекала в провинциальных городах, преимущественно в должности актера, режиссера (Сталино, Ижевск, Горький, Ростов, Киев, Одесса), которого выгоняют в конце, а иногда и посреди сезона за грубость с начальством и другие реформаторские дела. Был я в театральном быту «белой вороной», не умевшей льстить, имевшей сумбурные взгляды на искусство и пытавшейся их проводить в жизнь. Так до 1935 г., когда переменил свою деятельность на педагогическую. Читал лекции и вел курс режиссуры на Молдавском факультете Одесского театрального училища. Из факультета получился потом Молдавский театр, и все теперешние заслуженные и народные артисты Молдавии — мои ученики.

Затем ринулся в кино. В 1936 г. поступил в киноакадемию, некий аппендикс изобретения С. М. Эйзенштейна при Государственном институте кинематографии. Слушал лекции Эйзенштейна, Кулешова, Кедрова (актерское дело), Васильевых, Фэксов, Герасимова и других честных и интересных художников. «Академия» многому научила, но несколько раз я был на волоске от исключения, так как вновь, как «белая ворона», выступал с лозунгом «академия без академизма». Кое-как в 1938 г. «академию» окончил и поехал работать в Киев. На Киевской киностудии были дела такие же, как всегда с момента, как в руководстве кино сидели и сидят люди, заветная мечта которых не выпускать ни одного фильма — для них это ответственность. Все же сделал несколько короткометражных полухудожественных киногибридов на темы сельскохозяйственные, оборонные и этнографические: «Советская Молдавия», «Колхоз им. Сталина», «Свекла», «Механизация», кажется, комплексная, что ли. Все это только затем, чтобы держать пленку в руках и квалифицироваться. В это же время начал писать. Написал повесть «Чеколтан», несколько рассказов и пьесу о Хотинском восстании —«Дуб Котовского». Всё, за исключением пьесы, было послано в «Новый мир» и удостоилось благосклонного внимания Ставского. Он по телефону сказал мне: «Давай, давай». И на этом дело кончилось. Пьесу я написал за месяц до войны, и она тоже нигде не пошла. А затем — война. Повесть «Люди с чистой совестью» автобиографична, и поэтому повторять известные факты нет смысла.

П. П. ВЕРШИГОРА
Фотография, 1942 ⟨?⟩
Собрание О. С. Вершигоры, Москва

Служебное положение мое было в таком порядке: помкомвзвода, комвзвода, комроты, комбат; затем, после ранения, начальник бригады фотокоров; затем разведчик Брянского фронта в тылу врага (по-простому — шпион); затем зам. командира партизанских отрядов Орловской области по разведке; затем у Ковпака рядовой, командир 13 роты, помощник Ковпака по разведке, а после смерти С. В. Руднева и отозвания Ковпака на «Большую землю» (декабрь 43 года) — командир остатков ковпаковцев, из которых вновь сколотил партизанское соединение и назвал его 1 Украинской партизанской дивизией им. Ковпака и совершил с ней два рейда: в Польшу и в районы Западной Белоруссии (Беловеж, Гродно, Августовские леса).

Партизан по призванию, а не по случаю, в письменных характеристиках и наградных листах числюсь смелым, инициативным и т. д. и т. п., а в кулуарах штабов и инстанций известен как недисциплинированный и злой на язык подчиненный.

Недисциплинированностью у нас часто зовут самостоятельность мыслей и умение их настойчиво проводить в жизнь. Награды и повышения по службе получал, как правило, за нарушения по службе, например за ругань по радио награжден первым орденом «Красного Знамени» (вернее за результаты ее), генерала — за невыполнение приказания Н. С. Хрущева, запрещавшего ходить в Польшу, а затем представившего к этому званию за то, вероятно, что я все-таки туда влез со своими хлопцами, и т. д. Были и вещи прямо обратные, но это тогда, когда делаешь наперекор начальству поглупее. Не дай бог не послушаться дурака. А умный всегда поймет.

Словом, биография моя путаная, непутевая и жизнью своею я неудовлетворен. Начать бы ее сначала— пустил бы я себя по бюрократической части, а сейчас переделывать поздно.

П. Вершигора

Март 1947 г.

О ТОМ, КАК Я РАБОТАЛ НАД КНИГОЙ «ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ»

Мысль написать книгу о партизанских делах возникала у меня и во время войны. Совершая с Ковпаком и Рудневым рейды на Правобережье Украины и на Карпаты, затем самостоятельно командуя 1 Украинской партизанской дивизией им. Ковпака, с которой ходил в Польшу, в Восточную Пруссию, Беловежскую пущу, Августовские леса, я в свободные минуты подумывал о повести, романе. Было какое-то смутное представление, что все те героические и простые дела, страшные и веселые вещи, происходившие на глазах, могут стать интересным материалом для художника. Иногда невольно рождались упреки по адресу литераторов, писателей, часто жалующихся на отсутствие тем, материалов и жизненных конфликтов, тогда как тем и конфликтов перед глазами было хоть отбавляй, но не было времени, а может быть и уменья их запечатлеть. Правда, случайно перед вылетом в тыл врага я захватил с собой фотоаппарат и достаточное количество пленки и фиксировал, как мне тогда казалось, наиболее примечательные события, отдельных партизан, характерные пейзажи, вел, так сказать, своеобразную фотолетопись или фотодневник отряда Ковпака. К концу сорок второго года у меня уже накопилось больше тысячи таких фотографий. Было у меня какое-то предчувствие, что работа эта после войны, если останусь жив, безусловно принесет пользу, если не для других, то для меня лично.

Кроме фото, в деловых записных книжках, в которых записывались текущие дела разведывательной работы, списки вновь принятых партизан, где-то в конце теснились обрывки мыслей и фраз, фамилии, характерные словечки, образы и сравнения, возникавшие в самых неподходящих для литературной работы местах. Помню, с начальником штаба Ковпака Базымой во время очень неудачного для нас боя за полустанок на железной дороге Гомель — Мозырь, после целой ночи борьбы, мы лежали метрах в 50 от полустанка, за сосной, все больше и больше уверяясь в том, что бой мы проиграли. Немцы подбросили свежие силы. Неосторожно высунувшись с биноклем из-за дерева, мы привлекли на себя внимание немецкого пулеметчика, и он выпустил по нас почти всю ленту. Мы с Базымой прислонились к сосне, от которой летели щепки во все стороны, а когда обстрел закончился без особого вреда для нас, то тут же захотелось записать мысль, родившуюся в результате нервного подъема и сознания только что минувшей опасности:

«Бои, как люди, бывают разные. Есть бои светлые, как юная девушка, есть хмурые, как меланхолик; бывают нудные и тяжелые, как жизнь старика-вдовца, обремененного застарелым ревматизмом и геморроем. Бывают и бои-пятиминутки, как быстрая летняя гроза. Каждый бой имеет свое лицо, свои особенности, свои неповторимые подробности, которые запоминаешь на всю жизнь, если ты воин и в бою думал о победе над врагом, а не лежал, уткнувшись рылом в землю, дрожа за свою шкуру».

Запись эта почти без изменений попала через два с половиной года в книгу.

Пробовал я вести и дневник, но он оборвался в первые же полтора-два месяца. В отряде Ковпака захлестнула действительность, и живые факты и люди заслонили книжное литературное восприятие жизни. Да

В ПАРТИЗАНСКОМ СОЕДИНЕНИИ С. А. КОВПАКА

Слева — П. П. Вершигора и С. А. Ковпак, справа (на переднем плане) — С. В. Руднев

Фотография. Прикарпатская Украина, 1943

Собрание О. С. Вершигоры, Москва

и, кроме того, мне всегда казалось, что ведение пунктуальных дневников, изо дня в день повествующих о нашей жизни или о том, какие она отпечатки откладывает на нас, несвойственно русскому человеку. Мне кажется, что дневник, который почти целиком вошел в первую часть «Людей с чистой совестью», мало похож, скажем, на дневники немецких вояк в которых они пунктуально записывали сколько курей, гусей они зажарили, какую деревню с боем взяли, где кого расстреляли и так далее, поэтому сама форма дневника всегда почему-то вызывала у меня эти неприятные сравнения и, в конце концов, я его бросил. Последние записи так и закончились декабрем 1942 года. До конца войны в эту тетрадку я больше и не заглядывал, а разнообразные записные книжки, в которые попадали всякие сумбурные мысли, не мог оставить. Наоборот, чем ближе было к концу, чем яснее ощущались перед всеми нами контуры будущей победы,— все больше и больше хотелось записать, запечатлеть, сохранить то неясное и волнующее, что бывает в жизни у каждого человека, если он воюет или трудится, не уткнувшись мордой вниз, дрожа за свою шкуру.

Конечно, не все из этих записей вошли в книгу. Многие из них держатся про запас, многие просто не на тему книги, а результат каких-то размышлений человека, который живет не только тем, что у него перед глазами.

Уже во время работы над книгой я до конца начал понимать вещи, которые знал и раньше, но ощущать их как что-то неотъемлемое, понимать душой стал именно в процессе писательского труда.

А как же все-таки возникла книга «Люди с чистой совестью»?

Уже воюя по эту сторону фронта, очищая со своей дивизией тылы стремительно наступавшей Красной Армии от всякой немецкой нечисти, я пригласил в дивизию двух своих друзей. Им хотелось поглядеть на партизан в их натуральном виде. Виктор Иванов, мой товарищ по довоенной работе, прошел через осаду Сталинграда, был ранен, контужен и вернулся в конце войны к своему мирному труду. Маша Шумова владела стенографией. Они-то и заставили меня начать работу над книгой. Несколько вечеров подряд в хатах Западной Украины я диктовал все, что вспоминалось о боевой жизни. Вскоре о том, что я записываю что-то, узнали бойцы и командиры.

— Командир историю пишет,— передавали друг другу бойцы, и в эти часы не было слышно выстрелов, никто не заходил ко мне...

Но зато в перерывах посетителей было хоть отбавляй. Каждый, особенно из «старичков», старался как бы невзначай напомнить мне какой-либо эпизод, случай или важное с его точки зрения событие... Часто люди не умели скрыть и своего затаенного желания и самому попасть в историю, которую пишет их командир. Я по-человечески понимал это отнюдь не мелочное честолюбие. Ведь «герои ничего не боятся, кроме забвения». А это были настоящие герои.

‹1947›

ПИСЬМО ГРЕЧЕСКИХ ПАРТИЗАНОК

‹Ноябрь 1949 г.›

Уважаемый тов. Вершигора!

Греческая делегация, прибывшая в Москву для участия в работе сессии Совета Международной Демократической Федерации женщин, считает своей честью послать вам вашу книгу «Люди с чистой совестью», переведенную на греческий язык и изданную в Свободной Греции.

Ваша книга стала ценным пособием для каждого командира, политкомиссара и каждого рядового бойца Демократической армии Греции.

Наши партизаны выполняли самые трудные задания, вдохновленные героическими делами людей, изображенных в вашей книге. Они, наши партизаны, брали с собой вашу книгу и тогда, когда уходили в глубокий вражеский тыл. Они читали ее в блиндаже и в окопе, у костра и на привале, после боя с врагом. Они читали ее, уходя в далекие походы, скрываясь в кустах, читали ее и в дождь и в холод.

Вместе с книгой, которую мы вам посылаем, мы шлем вам привет и благодарность всех наших борцов, для которых ваша книга стала неоценимым руководителем и другом.

Наш народ, воодушевленный героическими делами советских людей, будет продолжать свою жестокую борьбу до победы.

С уважением
Рула Кукулу, Авра Парцалиду,
Рита Лазариду, Вайо Вурна, Д. Иоанниди

ГЕНРИХ ГОФМАН

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество — ГОФМАН Генрих Борисович. 2. Звание — старший лейтенант. 3. Должность, часть — заместитель командира эскадрильи 622 штурмового авиационного Севастопольского Краснознаменного полка.

Представляется к званию «Герой Советского Союза».

4. Год рождения — 1922. 5. Национальность— еврей. 6. Партийность — член ВКП(б) с 1944 г. 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — в Отечественной войне с марта 1943 г. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — не имеет. 9. С какого времени в Красной Армии — с 1940 г. 10. Каким РВК призван — кадр. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — ордена: «Красное Знамя» 29.4.44 г. № 18/н, 4 ВА; «Красная Звезда» 30.4.1943 г. № 16/н; 213 ШАД; «Красная Звезда» 6.11.43 г., № 34/н, 214 ШАД.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. Гофман Генрих Борисович на фронтах Отечественной войны с марта 1943 г. От рядового летчика до заместителя командира эскадрильи— таков путь славного освободителя. За это время он показал себя мужественным, отважным, бесстрашным летчиком-штурмовиком, его жизнь принадлежала Родине, во имя ее он десятки раз смотрел в лицо смерти и всегда выходил победителем.

Будучи участником героической битвы за Кавказ, Керчь, Крым и город русской славы Севастополь, показал мастерство штурмовых ударов и бесстрашие воздушного воина. В зоне сильного зенитного огня он снижался до бреющего полета и в упор поражал живую силу и технику противника. Там он произвел 74 успешных боевых вылета и в каждом из них показывал образцы выполнения боевого задания и высокую боевую выучку.

В сентябре месяце 1943 г. Верховный Главнокомандующий поставил перед войсками Северо-Кавказского фронта ⟨задачу⟩ сломать сильно укрепленную оборонительную линию противника на Северном Кавказе, названную противником «голубой линией», и последовательными ударами очистить Кавказ от немецких полчищ.

26 сентября 1943 г. тов. Гофман ведомым в составе четырех самолетов ИЛ-2 вылетел на штурмовку «голубой линии». Цель была прикрыта сильными зенитными средствами. Группу самолетов у цели встретила стена сплошного заградительного огня. Тов. Гофман, умело маневрируя, отыскивал цели и метко поражал их. Ничто не страшило бесстрашного, и в результате ряда дерзких атак тов. Гофман уничтожил четыре автомашины

с боеприпасами, разрушил два блиндажа и подавил огонь одной точки ЗА. Наземное командование прислало в часть телеграмму с благодарностью за оказанную помощь.

27 сентября 1943 г. ведомым в составе пяти самолетов ИЛ-2 штурмовал передний край «голубой линии» в районе юго-восточнее станицы Вышестеблиевская. Цель была прикрыта сильным огнем ЗА и истребительной авиацией. Внезапно подойдя к цели, тов. Гофман прямым попаданием бомб взорвал склад с боеприпасами, рядом последующих атак подавил огонь одной артиллерийской батареи противника, зажег два дома, превращенных немцами в сильный узел сопротивления.

Дальнейшая боевая работа тов. Гофмана развернулась в дни наступательных боев на Тамани и при штурме обороны противника на Керченском полуострове. В эти дни он показал высокие образцы стремительных и внезапных атак, примеры героизма и мужества.

28 сентября 1943 г. тов. Гофман вылетел ведомым в составе пяти самолетов ИЛ-2 на штурмовку отходящего противника по дороге Сенная — Запорожская. Выполнению задания мешало сильное противодействие зенитной артиллерии противника. В результате шести последовательных атак зенитный огонь противника был подавлен, тогда не знающий устали в бою бесстрашный летчик обрушил свой смертоносный груз на автоколонну противника. В результате действий лично тов. Гофман поджег три автомашины с пехотой и грузами и подавил огонь одной батареи МЗА.

К этому времени за отличное выполнение боевых заданий командования, проявленные мужество и отвагу правительство наградило тов. Гофмана двумя правительственными наградами — двумя орденами «Красной Звезды». Воодушевленный правительственными наградами, он стал еще мужественнее, яростнее и бесстрашнее громить врага.

2 ноября 1943 г. был высажен десант на Керченском полуострове в районе Эльтиген. От авиации потребовалась помощь прикрытия десанта с воздуха. Подтянув силы, противник, пользуясь преимуществом в живой силе и технике, решил уничтожить десант рядом контратак пехоты при поддержке танков.

6 ноября 1943 г. заместителем ведущего группы пяти самолетов вылетел на штурмовку контратакующих войск противника в районе Эльтиген на Керченском полуострове. В этом районе немцы сосредоточили живую силу и технику для броска в контратаку против нашего десанта; тов. Гофман вместе с другими ведомыми всей мощью своей боевой машины обрушился на расположение танков и пехоты противника. Одновременно со штурмовкой тов. Гофман доразведал точное рассредоточение пехоты и танков противника. В результате действий группы контратака немцев была сорвана. Успешность действий группы подтверждена начальником штаба 318 Новороссийской стрелковой дивизии.

Таких примеров множество, они есть в каждом боевом вылете. Они присущи неутомимому воздушному воину с твердой силой воли, с высокой боевой выучкой, помноженной на храбрость и бесстрашие. Когда противнику, имевшему на Керченском полуострове преимущество в живой силе и технике, удалось потеснить наш десант к берегу Керченского пролива и блокировать его с моря, полку была поставлена задача обеспечить десантников боеприпасами и продовольствием. Десантниками удерживалась узкая полоса берега Керченского пролива, куда надо было сбрасывать мешки с боеприпасами и продовольствием. Подходы к этому району простреливались всеми зенитными средствами и полевой артиллерией. Несмотря на всю сложность и опасность выполнения ответственного задания по доставке боеприпасов и продовольствия десантникам, тов. Гофман произвел 22 вылета и доставил 44 мешка с продовольствием и боеприпасами.

Г. Б. ГОФМАН
Фотография, 1945
Собрание Г. Б. Гофмана, Москва

При продвижении наших войск в направлении г. Керчь от места высадки десанта в северной части Керченского полуострова противник создал сильно укрепленный опорный пункт на Безымянной высоте, что северо-восточнее Булганак, что не давало возможности дальнейшему продвижению. С этой высоты противник обстреливал наши передовые части и подходящие резервы в трех направлениях. Нужно было во что бы то ни стало подавить огневые средства противника на высоте Безымянная и дать возможность нашим наземным войскам продвигаться вперед. Поразить цель можно было или с отвесного пикирования или с бреющего полета бомбами замедленного действия. Цель была прикрыта сильным огнем зенитной артиллерии и истребительной авиацией.

Тов. Гофману было приказано в составе группы пяти самолетов ИЛ-2 подавить огневые точки противника на высоте Безымянная.

19 января 1944 г. в составе пяти самолетов вылетел на выполнение ответственного задания. На подходе к цели был встречен четырьмя Ме-109, смело вступил с ними в бой. Попытка немцев разбить боевой порядок группы не удалась. Плотным строем на бреющем полете, грамотно маневрируя в сплошном зенитном огне, группа вышла точно на цель и бомбовым ударом посеяла панику в рядах противника, а последующими заходами пушечно-пулеметным огнем тов. Гофман лично подавил огонь двух батарей ЗА противника и уничтожил до 15 человек пехоты. Тов. Гофман в этом вылете проявил дерзость и мужество, бесстрашие и мастерство штурмового удара. После действий группы самолетов наши наземные части заняли высоту Безымянная. Об успешности действий группы говорит подтверждение наземного командования, в котором всем участникам группы объявлена благодарность.

Каждый полет тов. Гофмана на врага неизменно отличается исключительной эффективностью. Он водил группы штурмовиков над горными хребтами Кавказа, он гнал немцев с Кубани, Тамани и Крыма. Его сноровку, его искусство штурмовки изучает каждый летчик подразделений. Там, где, казалось, нельзя и никто не мог пройти, где сплошная завеса зенитного огня преграждала дорогу к цели, там проскакивает со своей группой тов. Гофман, там он настигает врага и бьет его беспощадно, мастерски и умело, невзирая ни на какие препятствия. В дни победоносных боев в Крыму за освобождение родной земли, родных городов — Керчь, Феодосия, Севастополь — тов. Гофман показал образцы мужества и героизма.

15 апреля 1944 г. при выполнении боевого задания в районе Ялта по уничтожению артиллерии и живой силы противника тов. Гофман проявил исключительное мужество и мастерство. У цели противник открыл интенсивный огонь ЗА, казалось, никто не пробьет сплошную завесу огня. Грамотно маневрируя, тов. Гофман с трех заходов шестью атаками штурмовал противника, в результате чего взорвал склад с боеприпасами; другие экипажи наблюдали два больших очага пожара.

20 апреля 1944 г. при выполнении боевого задания по штурмовке живой силы и техники противника в бухте Северная — Севастополь тов. Гофман прямым попаданием бомб взорвал склад с боеприпасами. Несмотря на сильный зенитный огонь, рискуя жизнью, он повторил атаку по точкам ЗА и заставил их замолчать, чем обеспечил успешное выполнение задания всей группой наших штурмовиков. Успешность выполнения боевого задания подтверждена истребителями сопровождения.

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевых заданий в борьбе за Крым и гор. Севастополь, тов. Гофман награжден орденом «Красное Знамя».

Воодушевленный правительственными наградами, тов. Гофман с еще большей ненавистью к врагам, с большей дерзостью и мужеством уничтожает врага в составе 2 Прибалтийского фронта; здесь он произвел 22 успешных боевых вылета, каждый из которых является образцом выполнения боевых заданий, примером храбрости и мужества.

13 июля 1944 г., действуя ведущим в составе группы четырех самолетов ИЛ-2 по железнодорожным эшелонам на перегоне Идрица — Себеж, тов. Гофман смелой атакой, маневрируя в зоне зенитного огня, пушечным огнем вывел из строя головной паровоз, остановил движение на этом участке. Кроме этого взорвал два вагона с боеприпасами.

15 июля 1944 г. тов. Гофман в качестве ведущего группы четырех самолетов ИЛ-2 вылетел на штурмовку отходящих войск противника в районе Опочка и у переправы на р. Исса. Неожиданно выйдя на цель, группа уничтожила переправу через р. Исса и уничтожила шесть автомашин с боеприпасами и живой силой противника.

3 августа 1944 г., в условиях низкой облачности и плохой видимости, в паре с ведомым вылетел на охоту в район населенного пункта Кивэс. Несмотря на плохую видимость, обнаружил железнодорожный эшелон. С пикирования пушечно-пулеметным огнем разбил паровоз, а во втором заходе бомбовым ударом разбил два вагона.

4 августа 1944 г. ведущим группы шести самолетов ИЛ-2 вылетел на штурмовку железнодорожной станции Каласнава. Без страха маневрируя в сильном зенитном огне, увлекая в бой своих ведомых, точно по цели обрушил весь бомбовой груз. В результате штурмового удара группы разбит один железнодорожный вагон, уничтожено две автомашины с железнодорожной платформой. Экипажи наблюдали на станции большой взрыв (предположительно, взорван склад с боеприпасами).

Боевая работа тов. Гофмана полна примеров героизма, мужества и отваги. В жестоких боях за Кавказ, Крым, советскую Прибалтику тов. Гофман доказал свою преданность великому русскому народу, партии Ленина.

Его боевые вылеты полны примеров мастерства штурмовых ударов, бесстрашия и мужества. Они присущи неутомимому, бесстрашному воздушному воину-командиру с высокой боевой выучкой. В боях за свободу Родины с озверелыми бандами фашистов тов. Гофман совершил 96 успешных боевых вылетов, каждый из которых дорого обошелся врагу. 96 боевых вылетов — это 96 побед ⟨старшего⟩ лейтенанта Гофмана.

Успешность боевых вылетов подтверждена: 25 — фотоснимками, 31 — наземным командованием, 13 — станциями наведения, 8 —истребителями сопровождения и прикрытия и 19 вылетов подтверждены экипажами, выполнявшими боевые задания в одной группе.

Свой большой боевой опыт умело передает молодому летному составу. Ввел в строй из молодого летного состава 11 человек.

За исключительные образцы выполнения боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, проявленные при этом мужество, отвагу и героизм, 96 успешных боевых вылетов на самолете ИЛ-2 представляю ⟨старшего⟩ лейтенанта Гофмана к высшей правительственной награде — званию «Герой Советского Союза».

Командир 622 штурмового авиационного
Севастопольского Краснознаменного полка
Герой Советского Союза подполковник Емельянов

11 августа 1944 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.10.44 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 11, лл. 307—310.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Генрих Борисович Гофман родился 28 февраля 1922 г. в городе Иркутске. Школьные годы провел в Москве. В 1940 г. без отрыва от учебы в средней школе закончил аэроклуб и по комсомольскому набору пошел в авиацию.

В качестве летчика-штурмовика с марта 1943 г. и по май 1945 г. принимал участие в Великой Отечественной войне в составе войск Северо-Кавказского, 4 Украинского, 2 Прибалтийского и Ленинградского фронтов. Совершил 168 успешных боевых вылетов. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении заданий командования на фронте борьбы с фашистскими оккупантами, награжден: тремя орденами «Красной Звезды», двумя орденами боевого «Красного Знамени», орденом Отечественной войны I степени. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 октября 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». С 1944 г. Гофман член КПСС.

Весь боевой путь от рядового летчика-сержанта до командира эскадрильи Гофман пролетал на одном самолете, который к концу войны насчитывал около шестисот пробоин от огня зенитной артиллерии и истребителей противника. За сохранность самолета в боевых условиях авиаконструктор С. В. Ильюшин подарил Гофману свой новый самолет ИЛ-10.

Окончив после войны Краснознаменную Военно-воздушную академию, Гофман до 1962 года продолжал служить на командных должностях в ВВС Советской Армии. После демобилизации посвятил себя целиком литературному труду, которым начал заниматься с 1957 г. В документальных повестях и очерках Гофман познакомил читателей с образами советских летчиков, парашютистов, планеристов. За последние годы вышли в свет его книжки «Самолет подбит над целью», «Летный характер», «Взлет продолжается», «Прыжок от солнца», «Крылатая семья», «Герои Таганрога» и др.

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ

БОЕВОЙ ПУТЬ *

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Николаевич, 1898 года рождения, уроженец города Бежицы, Брянской области, член КПСС с 1920 г., с 1918 по 1920 г. являлся участником гражданской войны, с марта 1920 г. по 30 сентября 1939 г. и вновь с июля 1941 г. по 2 октября 1946 г. — сотрудник органов госбезопасности.

В период Отечественной войны тов. Медведев дважды посылался в тыл немецко-фашистских захватчиков на оккупированную ими территорию для выполнения специальных заданий в качестве руководителя группы.

Руководимая тов. Медведевым группа в 30 человек в тылу противника, в Брянских лесах, за время с 12 сентября 1941 г. по 21 января 1942 г., т. е. за четыре месяца, выросла до 300 человек. За это время группа провела большую диверсионно-боевую и организационную работу — уничтожила много живой силы и техники противника. В процессе ведения боевых операций были временно освобождены города Жиздра, Хотимск, где уничтожены немецкие воинские комендатуры и полиция. Группой была проведена большая разведывательная работа в городах Брянске, Клетне, Людинове и Жиздре.

Организовано на месте пять партизанских отрядов (в 30—50 человек каждый). Кроме того, были взяты под свое руководство 27 местных партизанских отрядов, насчитывавших в общем до 4000 человек. Благодаря руководству тов. Медведева, была заметно оживлена деятельность этих партизанских отрядов против немецко-фашистских захватчиков.

Затем в тыл противника тов. Медведев был направлен 20 июня 1942 г. и пробыл там до 1 марта 1944 г. За 1 год и 8 месяцев руководимая им опергруппа НКГБ СССР превратилась в партизанский отряд численностью до тысячи человек.

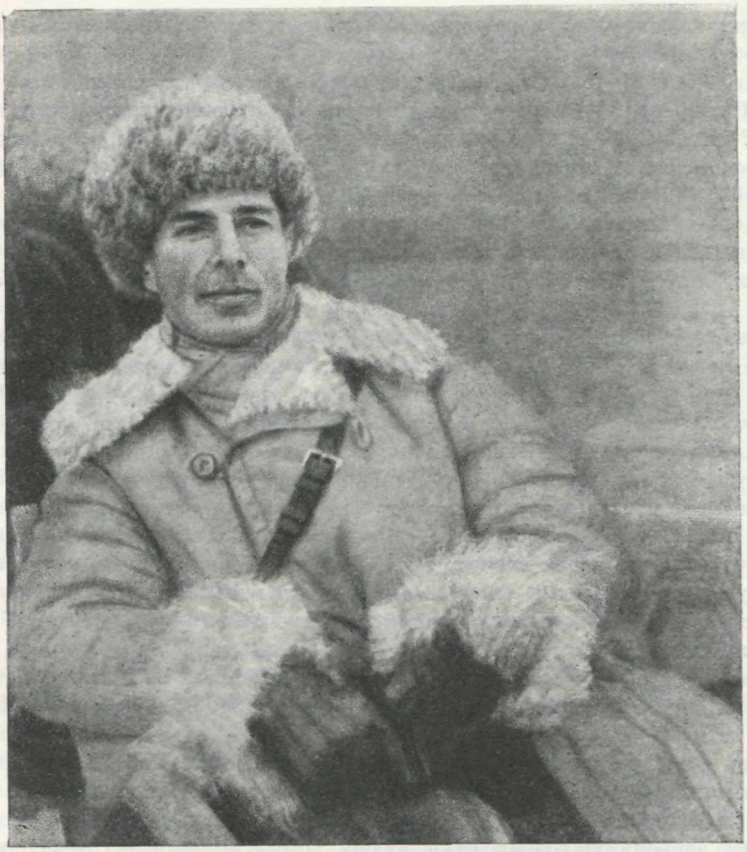
За указанное время опергруппа в западных областях Украины провела также большую разведывательную и диверсионно-боевую работу: пущено под откос несколько десятков немецких эшелонов, взорвано 3 жел.-дор. моста, 3 жел.-дор. мастерские, 2 электростанции, городской вокзал с солдатами и офицерами, 2 офицерских казино.

В боях и при диверсиях уничтожено более 1350 немецких солдат и офицеров, 780 полицейских и жандармов, в боях взяты трофеи: 4 пушки, 6 минометов, 60 пулеметов, до 1000 винтовок и автоматов, боеприпасы, свыше 3 тонн взрывчатки. Кроме того, разведчиками оперативной группы были ликвидированы отдельные представители фашистской военно-оккупационной администрации на Украине.

Все эти успехи были достигнуты в результате хорошей организации тов. Медведевым группы и привитой ей дисциплинированности, высокой боеспособности и сознательности.

---

* Справка «Боевой путь» составлена на основании наградного листа Д. Н. Медведева.



Д. Н. МЕДВЕДЕВ — КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА
Фотография, Полесье, 1943
Литературный музей, Москва

За образцовое выполнение боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и геройство тов. Медведев дважды награжден орденом Ленина, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и медалью «За оборону Москвы».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5.XI 1944 г. тов. Медведеву Д. Н. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ *

Мой первый бой! Началось так внезапно. На рассвете я выскочил из палатки, застегивая портупею. А вокруг в лесу уже гремело и трещало. И в коротких перерывах мертвая тишина — ни шороха, ни голоса. В центре партизанского лагеря молчаливая группа людей. По одному стоят они за стволами высоких сосен, всматриваясь куда-то в глубь леса. Это командование отряда. Мое место как врача, очевидно, здесь. Я тоже становлюсь за широкий ствол дерева. И тоже всматриваюсь. Но ничего не вижу, кроме густой, неподвижной листвы. И только где-то над головой противно

* Воспоминания А. В. Цессарского, врача в партизанском отряде Д. Н. Медведева, написаны для настоящего тома «Литературного наследства».

повизгивают, щелкают и лопаются разрывные пули. Осыпаются листья. Падают срезанные ветки.

Стрельба такая, что ясно: раненые будут. Пытаюсь расстегнуть сумку с инструментами. Пальцы, как на морозе, не слушаются. С удивлением замечаю: руки дрожат. Что такое? Дрожь постепенно охватывает, бьет меня всего. Забываю о немцах, о пулях. Сосредоточен только на том, как скрыть эту проклятую дрожь от окружающих. Нужно сейчас же что-то сделать, сказать, показать, что я совершенно спокоен... Громко, деревянным голосом произношу где-то вычитанную великолепную фразу:

— Товарищ командир, разрешите осмотреть поле боя!

Неожиданно совсем рядом вибрирующий, с легкой хрипотцой голос, полный улыбки:

— Где же тут поле, доктор?

Я еще ничего не вижу вокруг, только глаза, синие-синие, веселые-веселые. И снова его голос:

— Кругом лес, доктор!

Кто-то негромко, добродушно смеется. И я будто впервые вижу моего командира. Его высокую, стройную фигуру в аккуратной гимнастерке, туго заправленной в брюки. Чуть запрокинув назад голову, он смотрит на меня с напряженным вниманием, с участием. Он весь, как натянутая струна. Вот он резко обернулся к адъютанту, что-то сказал — тот быстро пошел вперед, туда, откуда стреляли. Пули стали залетать и сзади. Неужели нас обошли, окружили? Медведев мельком поглядел в ту сторону, прислушался. И оценив, кивнул одному из штабистов:

— Там болото. Посторожи.

И больше ни разу туда не взглянул. А огонь нарастал, приближался. Казалось, что стреляют уже здесь, рядом, в лагере. Со всех сторон.

Один из штабных громко шутит:

— Всех птиц распугают! — И деланно, фальшиво смеется. Непереносимо.

— Перестань!— резко говорит Медведев.— Не позируй, пожалуйста. Фотографа нет.

И снова, запрокинув голову, слушает бой. Потом вспоминает, очевидно, обо мне, оглядывается, кивает ободряюще.

— Не торопитесь. Раненых приводить будут сюда.— И уходит вперед.

Я смотрю ему вслед. Как он идет! Широко, мягко, пластично. Шаг тигра.

И вот тиски разжимаются, пелена исчезает. Я начинаю нормально видеть и слышать. Всё вокруг меня оживает. Голоса товарищей. И крики «ура!». И я уже понимаю, когда стреляют в нас, а когда стреляем мы. И пальцы мне подчиняются. И первый раненый, Костя Пастоногов, с раздробленной рукой идет ко мне, на перевязку.

— Искалечили гады! Ну, мы их погнали!..

Не раз я встречался с Медведевым в Москве, когда отряд готовился к десанту. В тылу врага мы провели уже несколько дней. Но первая встреча, я знаю, произошла только что, 27 июня 1942 г. Когда на рассвете каратели в первый раз попытались окружить и уничтожить наш отряд. И когда мне чуть-чуть приоткрылась душа этого человека.

Мы спешили к Ровно, где должны были развернуть разведывательную деятельность. Время от времени немцы нападали на наш след, преследовали, теряли, снова искали... Одна из наших групп, возвращаясь с боевой операции, наткнулась на крупное подразделение противника. Встреча произошла неожиданно, на большаке. Немцы открыли бешеный огонь. Группа прорвалась. Но в перестрелке был тяжело ранен партизан Василий Быков. Его вынесли, уложили в повозку, привезли в лагерь. По пятам группы к лагерю шли каратели.

Вася лежал в повозке неподвижно, с закрытыми глазами, с белым, опавшим лицом. Пуля разорвалась в области левой почки. Он потерял очень много крови. Спасти его могла только немедленная операция.

Я собрался мыть руки, как вдруг меня вызвал связной. Приказ командира: немедленно укладываться, отходить. Далеко? Двадцать километров. По глухим лесным

дорогам, по просекам, заваленным буреломом, валежником, по гати через болота... Я смотрю на Васю. Дышит он с трудом, крылья носа втянуты, лицо искажено страданием. Тень падает на повозку. Оборачиваюсь. Медведев. Рассмотрел ли он раненого? Взгляд его устремлен на меня.

— Доктор, выдержит Быков дорогу?

Рядом с Медведевым работники штаба, командиры подразделений. Все молчат, ждут от меня ответа. Я вижу, в лагере усиленное движение: укладывают повозки, запрягают лошадей, у шалашей строятся взводы.

Кто-то сдержанно говорит:

— Нам нельзя задерживаться. Понимаете? Мы должны выполнять задание. Понимаете?

Вижу, как синева заливает щеки Медведева, как темнеют его глаза. Не оглядываясь, он жестко отчеканивает:

— Я спрашиваю врача!

И снова мы смотрим друг другу в душу. И я вижу, как теплеет взгляд командира.

— Чем ему можно помочь?— тихо говорит Медведев.

— Операция, товарищ командир.

— Сколько нужно времени?

— Не меньше получаса...

Он кивает мне.

— Понятно. Оперируйте, доктор.— Нервное, подвижное лицо его опять суровеет.— Товарищ Базанов,— приказывает он,— выдвиньте вашу роту навстречу противнику и задержите его. Заминируйте дорогу. Нужно прооперировать Быкова. Ясно? Держите связь с доктором.— И не спеша идет через лагерь. Пусть все видят, командир не торопится.

Обоз отряда вытянулся на просеке. Люди в колонне. Ожидание. Время от времени с заставы от Базанова приходит связной, молча смотрит на то, как мы оперируем, и уходит. Вот и первые длинные пулеметные очереди. Ухает граната. Ого, близко подошли! Снова связной: «Ну как? скоро?» — «Еще немного, друзья, еще немного...» Мы оперируем. По лесу прокатывается гром. Немцы напоролись на мину. Что они предпримут теперь? Воцаряется тоскливая тишина. Осталось сделать внутривенное вливание... Всё! Устало распрямляюсь. Медведев невдалеке сидит на пенёчке, невозмутимо рассматривает карту на колене. К нему подбегает связной от Базанова, он, не поднимая головы, жестом отправляет его ко мне. Всё, всё, друзья, теперь Быкова можно везти! Теперь он будет жить!

Медведев спокойно складывает карту, становится в строй и машет рукой:

— Вперед!

И пока гитлеровцы оттаскивают подорвавшихся на мине, залегают, занимают оборону и готовятся к отражению партизанской атаки, рота Базанова бесшумно снимается и отходит без единой жертвы. Мы продолжаем наш путь к Ровно.

В один из первых дней пребывания нашего отряда в тылу врага Медведев собрал партизан у штабного костра и рассказал о законах партизанской борьбы, партизанской дисциплины. Он говорил о верности долгу, о дружбе и взаимопомощи, об отношении к раненым товарищам. Ни при каких обстоятельствах не оставлять раненых. Один за всех. И все за одного. Этих законов мы не нарушили ни разу.

Медведев очень любил эту поговорку. Однажды я слышал, как он повторял ее Кузнецову:

— Наш подпольщик, разведчик в городе всегда, каждое мгновенье — один за всех. Но зато он твердо знает, что и мы — все за одного. Мы вас никогда не бросим, что бы ни случилось.

То были осенние дни 1942 г., когда Николай Иванович Кузнецов только готовился к своей работе в оккупированном городе. Они были одного роста, Кузнецов и Медведев. И одной складки. На привалах, неторопливо прохаживаясь среди деревьев, вели долгие, тихие разговоры. О чем говорил Медведев? Может быть, он рассказывал

о своей юности,о своем опыте...Кузнецов в разговорах со мной никогда не касался своих бесед с командиром. Но я часто замечал на лице Медведева, когда он обращался к Кузнецову, знакомое выражение участия. Ведь Кузнецову предстояла смертельно опасная работа, мы знали это.

Сейчас, думая о писательской судьбе Дмитрия Николаевича Медведева, об удивительной популярности его книг, я вспоминаю его именно таким внимательным собеседником, полным участия к чужой судьбе, не таящим от других своей души. У него была слабость: он привязывался к людям, особенно к смелым людям. Я замечал, как он тосковал, когда долго не видел Кузнецова, Валю Довгер, Гнидюка и еще многих, многих наших замечательных разведчиков. Он любил песни, шутки, спорт. Авторитет его как командира был недосягаем. И, однако, он никогда не был на пьедестале. Он всегда был среди нас, вместе с нами. И радовался и гневался, как каждый из нас, и не скрывал этого. Вот почему все, что написано им за недолгую писательскую жизнь, просто и достоверно, ибо напитано пережитым. А ведь только искренность является художественной ценностью, находит отклик в других. Да, в этом секрет, что до сих пор самой читаемой книгой среди детей остается «Это было под Ровно». Мне странно думать, что эта книга — книга о нас, обо мне и моих товарищах. Перечитывая ее, я слышу голос командира, вижу его умные, живые глаза, и мне хочется сказать читателям: автор в ней ничего не говорит о себе, но это книга о нем, о его отношении к людям.

Медведев руководил разведывательной работой множества людей на обширной территории Волынской, Ровенской, Львовской и Винницкой областей. Ни он, ни его заместитель по разведке Александр Александрович Лукин никогда не вели никаких записей. Десятки, сотни имен, адресов, огромное количество сведений — от количества поездов, проходящих через какую-нибудь железнодорожную станцию, до опознавательных примет различных перво-, второ- и третьестепенных гитлеровских чиновников, Медведев хранил в памяти. Только шифрованные радиограммы, систематически отправлявшиеся им в Москву и собранные сегодня в один толстенный том, дают представление о настоящем море сведений, стекавшихся к нему. Каждого разведчика из лагеря он отправлял сам. Разговор с командиром перед уходом в город — это стало традицией. Я несколько раз присутствовал при таком разговоре-напутствии. Разговор деловой: здоров ли, понимает ли задание, помнит ли явки, поручения... Медведев больше слушает, чем говорит. Иногда только прервет:

— В последний раз, когда вы уходили из явочной квартиры, какое настроение было у хозяйки, не помните? Улыбалась она или хмурилась?

Разведчик удивлен.

— Да нет, ничего особенного...

— Припомните.

— Вот только на бессонницу жаловалась...

Медведев задумывается. Что-то сверяет, сопоставляет. Оборачивается к Лукину.

— Шура (они с Лукиным старые друзья по чекистской работе), Шура, нужно повременить с этой квартирой.

Тот понимает с полуслова.

— Пожалуй. Пусть отдохнет. Ведь это такое напряжение... — И провожая разведчика, Лукин добавляет: — Повидайте ее, объясните. Чтобы она не подумала, будто ей не доверяют.

Здесь не произносилось выспренних слов. Но входя в штабной шалаш для разговора с командиром, разведчик задерживался у порога, подтягивался, расправлял плечи.

Медведев никогда не ставил себя в пример, не рассказывал о своем опыте. Но опыт этот угадывался в каждом его решении, в каждом поступке, в каждом замечании. И каждый из нас поневоле примерял себя к командиру. И, может быть, бессознательно подражал. Ведь мы были вдвое моложе. И каждый, кто уходил на смертельно опасное дело в оккупированный город, уносил в себе частичку медведевской души, его замысел, его целеустремленность, его человечность.

Д. Н. МЕДВЕДЕВ ЧИТАЕТ БОЕВЫМ ТОВАРИЩАМ РУКОПИСЬ СВОЕЙ КНИГИ «СИЛЬНЫЕ ДУХОМ»

Слева направо: А. В. Цессарский, В. К. Довгер, Д. Н. Медведев, Л. В. Мухина (Шерстнева), В. Г. Семенов, В. Ф. Соловьев

Фотография А. Л. Лесса, Москва, 1949

Собрание А. Л. Лесса, Москва

Его замысел... Фактически все разведывательные и боевые операции, о которых он так подробно написал в своих книгах, до мельчайших деталей разрабатывались здесь, в командирском шалаше. Не раз ночью, вставая к раненому, я видел Медведева, задумчиво идущего по лагерю, от костра к костру.

— Почему не спите, товарищ командир?

— Не спится.

Он останавливается у нашего костра, наблюдает за тем, как мы с дежурным фельдшером поправляем повязку, подкладываем свежий мох, потом подсаживается, протягивая ладони к огню. Долго молчит. Медленно произносит:

— Меня раньше радовало, что Кузнецов так быстро и легко вошел в круг немецких военных. Но теперь меня начинает это тревожить... Не западня ли...

Он не ждет ответа от меня. Он просто думает вслух. А я боюсь пошелохнуться, чтобы не помешать, я счастлив, что он не таится от меня.

Я не пытаюсь в этом небольшом очерке дать историю жизни и деятельности Дмитрия Николаевича Медведева. О нем немало уже написано и будет еще написано. Хочу лишь отдельными черточками набросать портрет этого замечательного человека. Но все же я не могу не упомянуть мало известный факт, что Медведев был организатором и командиром первого в истории Отечественной войны десантного партизанского отряда, который в августе 1941 г. отправился из Москвы в тыл противника. Это произошло почти за год до начала формирования нашего отряда. Никакого опыта партизанской борьбы в новых условиях не было. Гитлеровцы в те первые месяцы войны применяли пугающие приемы охвата и окружения. Слово «окружение» становилось жупелом. И именно тогда пенсионер Дмитрий Медведев явился к командованию и заявил, что хочет отправиться в окружение добровольно. Он просил доверить ему небольшую группу добровольцев из московского комсомольского полка. Всего три десятка ребят. Для партизанской борьбы на его родине, в брянских лесах. Родина!

Там, вблизи Брянска, в Бежице родился в многодетной семье сталевара Медведева мальчик Митя, там прошло его детство. Там старший брат Александр, один из организаторов и руководителей Брянского окружного комитета большевиков, ввел Митю в революцию. Там в 1920 г. Митя стал чекистом. Там в 1941 г. он снова воевал за Советскую власть.

Много раз маленькая группа медведевцев пыталась перейти линию фронта. Выбирая темную ночь, то бесшумно, то под прикрытием артиллерийского огня, бросалась горстка смельчаков вперед. Но враг был начеку. Неизменно вспыхивали в небе осветительные ракеты, поднимался ураганный огонь. И приходилось отступать. И тогда Медведев впервые показал себя настоящим партизанским командиром. Он решил перейти линию фронта днем. В 12 часов. Когда солнце стояло в зените. У гитлеровцев это был час обеда. Днем легче было наблюдать за противником, и они снимали половину своих постов. И если по ложбинке подобраться, пригнувшись, к реке, под прикрытием невысокой плотинки перейти ее вброд, а затем редким кустарником проползти к лесу, то...

Они перешли линию фронта без единой жертвы, без единого выстрела, почти на глазах у врага.

За несколько месяцев партизанских действий отряд Медведева вырос в 10 раз. К нему присоединялись попавшие в окружение солдаты и офицеры, местные жители. Отряд связывался с возникшими на оккупированной территории партизанскими группами и отрядами, связывал их с Большой землей, объединял между собой. Одно появление в тылу врага в те первые месяцы войны наших людей из самой Москвы, в военной форме, с орденами, знаками различия, с новым оружием, людей, не отступающих, а наступающих,— все это сыграло огромную роль в организации народного сопротивления.

Много замечательных дел совершил медведевский отряд на Брянщине. Приведу только один пример. Произведя смелый налет на городок Жиздру, партизаны разгромили гитлеровский гарнизон и полицейскую комендатуру. Два сейфа из комендатуры были вывезены в партизанский лагерь и там вскрыты. В одном сейфе оказалось 600 тысяч советских денег. Их партизаны сохранили и впоследствии сдали одной из фронтовых частей. В другом сейфе были полицейские документы. Просматривая их, Медведев обратил внимание на письмо бывшего санитара советского военного госпиталя, который просил переправить его в Германию. Письмо показалось Медведеву странным, и он решил, что следует побеседовать с его автором. Разведчики разыскали этого человека в Жиздре и привезли к партизанам в лес. Он оказался сыном обер-прокурора святейшего синода В. Н. Львова — матерым гитлеровским шпионом, долгое время проживавшим в Советском Союзе по фальшивым документам. Присланный из Москвы самолет доставил Львова в столицу совсем не в качестве победителя. Он дал много ценных сведений о гитлеровской разведке. А ведь это равнялось выигранному сражению!

Большая жизнь была за плечами Дмитрия Николаевича Медведева, когда он стал нашим командиром.

После войны Медведев проработал недолго, болезнь позвоночника снова обострилась, он вновь стал пенсионером. Он много выступал перед массовыми аудиториями. Взрослые, дети часами слушали его безыскусственный рассказ о мужестве, патриотизме, о чистоте тех незабываемых трагедийных и героических лет. А когда совсем сдало здоровье, когда развилось заболевание гортани и выступать Медведев уже не мог, тогда он взялся за перо. Слишком многое осталось недосказанным!

Мы часто встречались в эти послевоенные годы. Держась все так же прямо, чуть морщась от боли, он вставал мне навстречу из-за письменного стола. Пересаживался в кресло, спиной к окну. Чтобы виднее было мое лицо. И хоть я всякий раз намечал предварительно программу вопросов — я давно вознамерился расспросить Дмитрия Николаевича о его юности,— получалось так, что спрашивал он, а говорил я. И он снова внимательно, с напряжением вслушивался в мои слова, всматривался. Как сложилась моя жизнь? Чем я занимаюсь, как врач? Пишу ли? Он радовался моей

первой книжке. И опять ничего не говорил о себе. А в это самое время клеветники уже писали свои злопыхательские пасквили о героях его книги «На берегах Южного Буга», о замечательных патриотах, подпольщиках Винницы. В это самое время он вел тяжелую борьбу за доброе имя, за честь множества людей. В это самое время некие «доброжелатели» в писательской среде раздували против него злорадную травлю, делали всё, чтобы не допустить его в Союз советских писателей. В это самое время первые приступы стенокардии ледяной хваткой сжимали сердце и не хватало воздуха...

14 декабря 1954 г. все оборвалось. Когда комиссия Центрального Комитета партии установила клеветнический характер обвинений против подпольщиков Винницы, героев книги «На берегах Южного Буга», и восстановила в партии десятки несправедливо исключенных честных коммунистов, когда работа над последней книгой подходила к концу, человека, больше всех заслужившего право радоваться этому, уже не стало.

Собирая материалы для книги о юности Дмитрия Медведева, о его деятельности до начала Отечественной войны, я побывал во многих городах нашей страны. Чекист Медведев работал на Украине, в Донбассе, на Севере. Скупые архивные записи, отрывочные, стертые временем воспоминания товарищей по работе, друзей, случайные, неожиданные находки... Как-то по делам службы я побывал в городе Шахты. Меня интересовали условия труда шахтеров. Клеть стремительно опустила меня метров на триста. Мы шли по чистому, светлому штреку; то и дело, сторонясь, пропускали составы с углем. На местах пересыпок шипели форсунки, разбрызгивая воду, чтобы осадить пыль. Воздух был чист и свеж. Провожавший меня шахтер заметил удовлетворенно:

— Теперь что! Теперь хорошо! А с чего начинали?— Он показал на вход в боковой штрек, заложенный кирпичом.— Старая шахта была вон где. Теперь ее выработали, закрыли. А после революции в том штреке бои были...

Я внимательно поглядел на него. Было ему лет под шестьдесят. И что-то недосказанное прозвучало в его последних словах...

— Вы помните то время?

Он усмехнулся, прислонился к стене.

— Еще бы! Мы тогда под землю только с оружием спускались. Бывшие хозяева через бандитов тут диверсию организовали: взорвали водопровод. Хитро сделали, никак концов не найдем. И вот приехал сюда из Старобельска новый начальник чека Медведев Дмитрий Николаевич...

Я не поверил своим ушам. Медведев! Когда? Как? Почему?

— Бандиты увели из-под Старобельска парнишку одного. Вроде ученика он был у Медведева, помогал ему. Ну, а Медведев не такой был человек, чтобы бросить товарища в беде. Перевелся к нам. Ох, походил я с ним по степным дорогам, полазил холодными ночами по ярам да по балкам. Не одна бандитская пуля мимо виска просвистела!

Так узнал я историю короткой героической жизни юного товарища Дмитрия Медведева — Миши из Бахмута. Историю, в которой в полный рост встал передо мной сам Медведев. Я узнал в нем моего командира. Как и в десятках других историй, записанных мной в эти годы поисков. Он шел прямо по жизненному пути. Не изменяя себе. Революционер, чекист, партизан, писатель. Сын своего народа, своей партии. Человек с доброй душой и верным сердцем.

Пусть знают об этом читатели его книг.

Москва, январь 1965 г.

ИВАН ЗАЙЦЕВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ *

1. Фамилия, имя и отчество—ЗАЙЦЕВ Иван Дмитриевич. 2. Звание—гвардии полковник. 3. Должность, часть — командир 40 инженерно-саперной Владимир-Волынской бригады 3 гвардейской армии.

Представляется к званию Героя Советского Союза.

4. Год рождения — 1909. 5. Национальность — русский. 6. Партийность — член ВКП(б). 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — в Отечественной войне с 1941 г. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — контужен в 1941 г. 9. С какого времени в Красной Армии — с 1928 г. 10. Каким РВК призван — Сердобским РВК Саратовской области. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — двумя орденами «Красного Знамени», орденом «Отечественной войны» I степени — 1944 г., орденом «Красной Звезды» — за выслугу лет в Красной Армии в 1944 г., орденом Кутузова II степени в 1944 г., медалью «За оборону Сталинграда».

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

За успешное обеспечение войск армии при прорыве обороны противника и взятие г. Кельце, форсирование р. Одер в районах: Кебен — Радшюц — Цюхен при отсутствии табельного имущества, в результате чего войска армии захватили плацдарм на левом берегу р. Одер.

Захват силами бригады населенного пункта Цюхен, чем обеспечил надежное прикрытие правого фланга войск армии, угрожаемого противником, постройку моста через р. Одер в рекордно короткий срок, явившегося основным путем, снабжающим войска армии на захваченном плацдарме,— гвардии полковник Зайцев достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Зам. командующего
начальник инжвойск 3 гв. армии
гв. генерал-майор инжвойск Гусев

6 февраля 1945 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6.4.1945 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793 756, д. 17, л. 103.

---

* Публикация В. Ф. Суворова.

БОЕВОЙ ПУТЬ

Героя Советского Союза гвардии полковника Зайцева Ивана Дмитриевича в Великой Отечественной войне Советского Союза с фашистской Германией 1941—1945 гг.

Герой Советского Союза гвардии полковник Зайцев Иван Дмитриевич непосредственно участвовал на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза с Германией с первого выстрела немецкой пушки на рассвете 22 июня 1941 г. и до последнего выстрела 8 мая 1945 г. под Прагой.

Прошел тяжелый, но славный путь от западных границ до Сталинграда и обратно через Дон и Северный Донец, через Днепр и Западный Буг, через Вислу и Одер, Шпрее и Эльбу до Берлина и Праги.

Непосредственный участник героической обороны Сталинграда, а затем участник первого Великого прорыва немецкой обороны под Сталинградом 19 ноября 1942 г., окружения и уничтожения 6 немецкой армии, что явилось решающим моментом в повороте войны в пользу Советского Союза.

Участник освобождения городов Советского Союза: Ростова, Ворошиловграда, Сум, Полтавы, Киева, Фастова, Житомира, Бердичева, Проскурова, Каменец-Подольска, Тернополя и Владимир-Волынска.

Руководил инженерными войсками при форсировании рек: Дон (у Ростова), Северный Донец (у Каменска под Ворошиловградом), Днепр (у Киева). В числе первых вошел со своими войсками в Киев ночью под 6 ноября 1943 г.

На территории Польши руководил переправой войск и форсировал реки Западный Буг (у Скоморохи), Висла (у Сандомира).

При вторжении наших войск на территорию Германии руководил инженерными войсками и обеспечил форсирование крупнейших водных преград рек: Одер (у Цюхена), Бобер (у Боберсберга), Нейсе (у Форста), Шпрее (у Котбуса), Эльба (у Мейсена).

Руководя соединением и обеспечивая продвижение войск армии, участвовал непосредственно в освобождении городов: на территории Польши — Сандомир, Кельце; на территории Германии — крепость Глогау, Грюнберг, Форст, Котбус.

Участник ликвидации окруженных немецких войск под Берлином и штурма Берлина. Участник боев за Дрезден. Непосредственный участник освобождения столицы Чехословацкой республики г. Праги.

За успешное выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками соединение и части, входящие в его состав, под командованием гвардии полковника Зайцева, за девять месяцев боевых действий получили девять орденов: орден Кутузова, два ордена Богдана Хмельницкого, три ордена Александра Невского и три ордена «Красной Звезды». ⟨...⟩

Начальник политотдела бригады
Подполковник Попов

20 июня 1945 г.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

...Наиболее значительной операцией, с точки зрения инженерного обеспечения армии, при наступлении с Сандомирского плацдарма на указанном направлении ⟨Кельце, Коньске, Сулеюв, Петрокув, Здуньска-Воля, Серодз, Грабув, Равич и в конце января 1945 г. на реку Одер⟩, я считаю — операцию по обеспечению форсирования реки Одер в районе Цюхен.

Дело в том, что, учитывая неудачу по форсированию реки Вислы (распыленность переправочных средств, распыленность инженерных сил до подхода к реке на всякие мелкие маршрутные работы: исправление мостиков, гатей, дорог и т. п., нецелеустремленность инженерных сил на выполнение важнейшей задачи — преодоление крупной водной преграды),— я собрал в кулак всю бригаду, сосредоточил все переправочные средства, погрузил их на машины и в таком составе двинулся с Сандомирского плацдарма за головным отрядом армии под командованием командира одной из дивизий 76 корпуса Героя Советского Союза генерал-майора Колобова.

Головной отряд генерала Колобова, действуя на левом фланге армии, продвигался успешно по 25—30 км в сутки. Правый фланг армии отставал на 40—50 км — вел бои с разрозненными группами противника, застрявшими в лесах, а штаб армии оставался позади на 60—70 км.

27 января 1945 г., ночью, двигаясь с головной походной заставой, я подошел с группой офицеров и солдат-саперов к реке Одер в районе Цюхен. Этот населенный пункт только что был оставлен немцами — при нашем подходе отстреливались отдельные автоматчики.

По реке шел лед. Ширина Одера на этом участке была до 200 м, никаких переправ не было, но на берегу в заливе было обнаружено до 15 весельных лодок, вмерзших в лед.

Табельные переправочные средства находились на подходе (в 5—8 км), однако ждать их было нельзя, это значило бы потерять час ночного времени, потерять внезапность. Немедленно лодки были вырублены изо льда и перетащены волоком из залива в русло реки. Сразу же на них переправил большую группу автоматчиков, которые завязали бой с немцами.

Воспользовавшись боем и замешательством немцев, натянули через реку в короткий срок, за 30—40 минут, металлический трос, который также оказался под руками на берегу реки,— он держал брошенную немцами баржу.

К этому времени подошли инженерные батальоны бригады с переправочными табельными средствами. Вслед за переправленными передовыми группами, на лодках по натянутому металлическому тросу пошли построенные тут же паромы с людьми, пулеметами, минометами, пушками и боеприпасами. В течение ночи было переправлено до трех полков войск. Внезапность была обеспечена — плацдарм был захвачен.

Но перед нами стояла еще более сложная задача — обеспечить переправу на плацдарм главных сил армии и приданных артиллерийских частей резерва Главного Командования.

Для этого нужны были тяжелые переправочные средства и мосты на свайных опорах. В начале февраля по реке пошел густой лед, который не давал возможности наводить и строить мосты. Паромы затирало во льдах. К тому же в этот момент осложнилась и оперативная обстановка в районе переправы.

Противник, преследуемый войсками 1 Белорусского фронта (наша армия была правофланговой на стыке 1 Белорусского и 1 Украинского фронтов), не зная обстановки, стремился большой танковой группой прорваться к Одеру в районе Цюхен и переправиться через реку для занятия обороны на левом берегу реки.

Двигаясь в этом направлении, противник в Гросс-Остене напал на штаб 76 стрелкового корпуса (в 8 км от нашей переправы), окружил его и уничтожил. Командир корпуса (генерал-лейтенант Глухов) случайно спасся с группой офицеров в одном из подвалов, где он просидел незамеченным до тех пор, пока его освободили наши войска.

Случилось это в результате беспечности со стороны командования 76 корпуса, которое не организовало оборону населенного пункта, между

И. Д. ЗАЙЦЕВ
Фотография, 1945
Собрание И. Д. Зайцева, Киев

тем как в этом же селе был размещен и артиллерийский полк, который своими пушками и машинами забил все улицы.

И штаб корпуса и артиллерийский полк подошли в указанный населенный пункт ночью. Уверив себя в том, что противник в беспорядке отступает, и не организовав обороны или даже надежной охраны, по всей вероятности, заснули. Противник же, воспользовавшись этим случаем, танками и бронетранспортерами окружил и зажег всю технику, а людей перебил. После этого он смело пошел к Одеру, на Цюхен, на нашу переправу.

Так как войска 76 корпуса в основном находились на плацдарме за Одером, а другие корпуса армии к этому моменту в 15—20 км от переправы вели бои в лесах с подобными же группами войск противника, пришлось организовать оборону переправы саперами. Но против танков и бронетранспортеров саперы устоять не смогли, а помощи со стороны войск, находившихся на плацдарме за Одером, также не могли получить, ввиду усилившихся атак противника, стремившегося столкнуть наши войска в реку. После длительного боя за переправу пришлось бригаде отойти, но отойти не назад, а вперед — на плацдарм к передовому отряду, форсировавшему Одер, предварительно захватив с собой все переправочные средства (паромы, лодки), не оставив даже палки.

Противник, овладев районом нашей переправы (Цюхен), попытался опустить на воду свои паромы и моторные катера, но, встретив с противоположного берега (с берега, который он предполагал своим) пулеметный и автоматный огонь только что переправившихся и занявших оборону сапер, отказался от своего намерения.

После этого он танками двинулся выше по течению реки на Любхен, имея задачу — отрезать наш плацдарм и овладеть переправой 13 армии (генерала Пухова) и 4 танковой (генерала Лелюшенко) в районе Кебен.

Переправа этих армий находилась на расстоянии 10—12 км (вверх по течению) от нашей переправы. Но, не доходя 2—3 км до указанной переправы, противник встретил сильное сопротивление 53 или 51 (точно не помню) танковой бригады (которая прикрывала переправу 13 и 4 армий из района Любхен), понес большие потери и остановился.

Передовой отряд армии — 76 стрелковый корпус (теперь уже стал, после окружения штаба корпуса, под командованием заместителя командующего 3 гвардейской армии генерал-лейтенанта Голубовского) — оказался отрезанным на плацдарме от основных сил армии.

Положение создавалось исключительно тяжелое, так как со стороны плацдарма противник предпринимал ожесточенные атаки, имевшие целью столкнуть нас в реку. Боеприпасы, продовольствие и подкрепление не поступали, силы таяли.

Помню, ночью мне донесли саперы о том, что в Цюхене (населенный пункт, захваченный у нас противником) находится только тыл врага, а основная танковая группа его продвинулась вверх по течению реки, сражается с нашей танковой бригадой в Любхене. Мною было срочно доложено об этом генерал-лейтенанту Голубовскому, который поставил задачу — немедленно силами бригады овладеть Цюхеном.

Не теряя ни одной минуты, 22 гвардейский батальон бригады был переправлен через Одер и неожиданно напал на спящего противника, перебил его и овладел Цюхеном.

Войска противника, сражавшиеся с нашей танковой бригадой в Любхене, узнав о том, что их бьют с тыла, в панике стали отступать, преследуемые нашими танкистами.

Так был снова нами восстановлен район нашей переправы на Одере — Цюхен.

К этому времени подходили и главные силы нашей армии. Для переправы их в течение суток был построен бригадой мост на свайных опорах, по которому удалось переправить только одну дивизию, так как мощным ледоходом мост был снесен.

Для усиления бригады мне были приданы три фронтовых батальона: два из них — понтонные, один — инженерный.

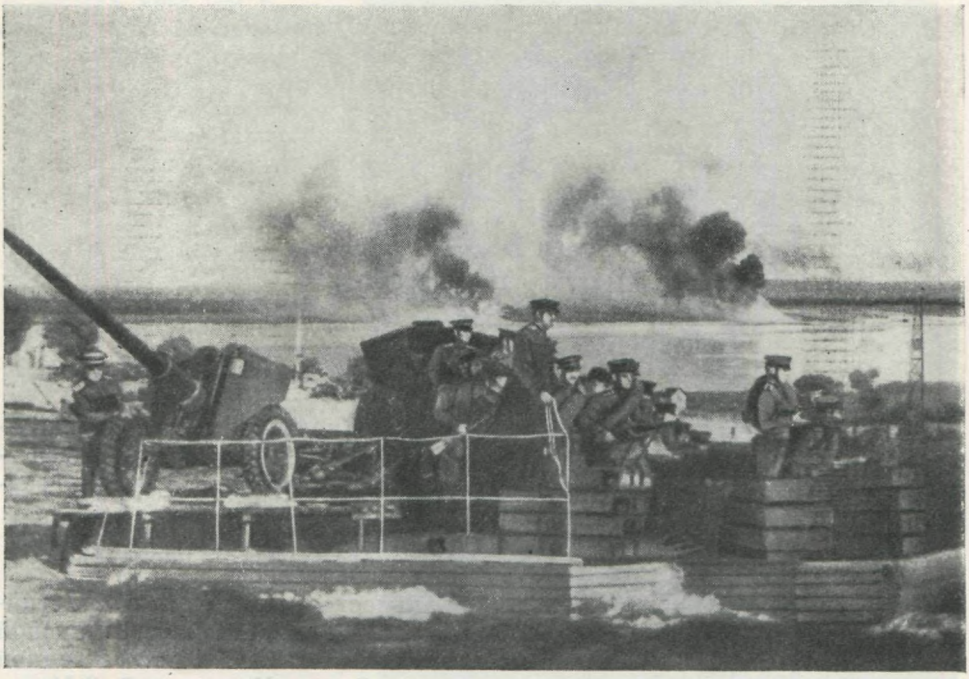
Наведенный понтонный мост снова был снесен льдом, после чего мы вынуждены были переправлять войска на паромах. К району переправы подошло два крупных соединения — стрелковый корпус и артиллерийская дивизия прорыва резерва Главного Командования. Срок для их переправы установлен — два дня, а паромами возможно было переправить их, в условиях ледохода, только за шесть дней.

Задача могла быть выполнена только при наводке мостов. Наводимые несколько раз понтонные мосты под грузы 16 и 30 тонн не могли устоять от натиска льда, ввиду небольших межпонтонных пролетов, которые не пропускали крупные льдины, в результате образовывались ледяные заторы у моста, и мост не выдерживал — сносился.

Пришлось придумывать новую конструкцию моста (не по наставлению, а по соображению) — под грузы 9 тонн, за счет уширения пролетов. Так было и сделано. В результате льдины, даже больших размеров, стали проходить через мост, а грузоподъемность моста в 9 тонн была вполне достаточной. Даже грузы артиллерийской дивизии, некоторые в 12—14 тонн, прошли.

Задача была успешно выполнена в срок.

12 сентября 1947 г.



ФОРСИРОВАНИЕ ОДЕРА ВОЙСКАМИ 1 УКРАИНСКОГО ФРОНТА
Фотография, апрель 1945
Собрание И. Д. Зайцева, Киев

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА РАЧАДЫ (И. Д. ЗАЙЦЕВА)*

Иван Дмитриевич Зайцев (псевдоним: Иван Рачада) литературной деятельностью начал заниматься в 30-х годах. В 1939—1941 гг. учился в вечернем Институте марксизма-ленинизма, на литературном факультете вечернего университета (Киев). В 1938—1940 гг. написал две пьесы — «Два брата» и «Огни социализма».

За послевоенное время драматургом написаны пьесы, поставленные многими театрами: «Девушка из Минусинска» (1953—1955) — о высоком патриотизме советских людей и бдительности; «У голубого Дуная» (1958) — драма, посвященная дружбе советского и румынского народов, основанной на общности идей, на борьбе с общим врагом — фашизмом; «Рождение таланта» (1959) — о юности великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой; «Окунь женится» (1960) — сатирическая комедия; «Люди в шинелях» (1961—1962) — о повседневной жизни воинов Советской Армии. В 1963 г. эта драма поставлена в 62 театрах страны. «Люди и хлеб» (1963) — драма о героических буднях покорителей целины, о самоотверженном труде простых советских людей. «Остановитесь!» (1964)—драма о борьбе за мир и дружбу народов. Она поставлена Украинским Академическим театром им. И. Франко (Киев), театром им. М. Заньковецкой (Львов), театром им. Н. Щорса (Запорожье), театром им. Н. Садовского (Винница) и другими театрами страны.

Последняя пьеса Ивана Рачады «Когда мертвые оживают» (1964), посвященная 20-летию победы над фашизмом,— о трагических событиях, предшествовавших Великой Отечественной войне, и о развязке их—поставлена русским театром им. А. Иванова (Одесса), театром им. М. Лермонтова (Ставрополь) и готовится к постановке рядом других театров.

---

* Справка написана Н. И. Карповым.

ЯКОВ ЧАПИЧЕВ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ *

1. Фамилия, имя и отчество — ЧАПИЧЕВ Яков Иудович. 2. Звание — майор. 3. Должность, часть — зам. командира батальона по политчасти — агитатор 243 стрелкового Волжского полка 181 стрелковой Сталинградской ордена Ленина Краснознаменной дивизии.

Представляется к званию Героя Советского Союза — посмертно.

4. Год рождения — 1909. 5. Национальность — крымчак. 6. Партийность — чл. ВКП(б) с 1938 г. п/б. № 1049847. 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и в Отечественной войне (где, когда) — с 1941 г., Волховский, Северо-Кавказский, 3 Украиский и 1 Украинский фронты. 8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — легкое ранение 2.11.42 г., легкое ранение 7.3.43 г. и легкое ранение 11.2.45 г., убит 9. 3.45 г. 9. С какого времени в Красной Армии — 1931 г. 10. Каким РВК призван — Джанкойским РВК Крымской АССР. 11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — орденом Отечественной войны II ст. 6.2.45 г. и орденом «Красная Звезда» 4.6.43 г.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

В боях с немецкими захватчиками показал героизм и служил примером для всего личного состава полка. Тов. Чапичев неоднократно водил бойцов в атаку и побеждал.

Тяжелый бой разгорелся за железнодорожную станцию Гольшмилен, противник превосходящими силами стал теснить наши подразделения. Когда появился в передовых рядах тов. Чапичев, у бойцов поднялся дух и настроение. Тов. Чапичев увидел в 40 метрах, как встал немецкий офицер и кричал на солдат, привлекая их вперед. На десяток бойцов 4 стрелковой роты двинулось до 100 немцев. Тов. Чапичев с лозунгом — «За Сталина, вперед!» поднял своих бойцов в атаку и на ходу расстреливал немцев, уничтожив до 50 солдат немецких, а остальные разбежались. В этом бою ранен, но не ушел с поля боя.

Шел упорный бой за Шмидельфельд. Снова тов. Чапичев увлек бойцов в атаку и в этом бою лично уничтожил до 30 фрицев, и было взято до 100 немецких солдат в плен.

9.3.45 г. шел бой за завод в г. Бреслау. Тов. Чапичев с одним бойцом, вырвавшись вперед и уничтожив восемь немцев, загнали немцев на исходные позиции. В этом бою он решил на поле боя показать бойцам, что значит дерзость и храбрость в бою. В этом бою тов. Чапичев лично захватил двух солдат в плен. На подходе к другому заводу у немцев был один квартал укреплен, как крепость. Особенно укреплен был один большой дом.

---

* Публикация В. Л. Любельского.

Я. И. ЧАПИЧЕВ
Фотография, июль 1941 г.
Собрание С. М. Борзунова, Москва

1 стрелковый батальон пытался занять этот дом, но безуспешно. На поле боя пришел тов. Чапичев. Он увидел, что не хватает у бойцов достаточной смелости, чтобы одним броском занять дом. В беседе с бойцами 1 стрелковой роты тов. Чапичев рассказал, что даже маленькая, но смелая группа может занять этот дом. Бойцы несколько недоверчиво слушали его. Тогда тов. Чапичев с одним разведчиком быстро под огнем противника бросился к дому, вдвоем они забросали гранатами сидящих там немцев и освободили угол дома.

Рота рванулась на помощь, и начался гранатный бой в доме, в подвалах. Разведчик ворвался в одну комнату, где сидели немцы, вместе с тов. Чапичевым в рукопашной схватке убили шесть немцев, трое оставшихся стали уходить, отстреливаясь. В это время тов. Чапичев погиб от пули врага.

За храбрость и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками, достоин награждения правительственной наградой — присвоения звания «Герой Советского Союза».

Зам. ком. 243 стрелкового Волжского полка по политчасти
майор Богатиков

Командир 243 стрелкового Волжского полка
подполковник Пономаренко

Март 1945 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 г.

Архив МО СССР, ф. 33, оп. 686 046, д. 179, лл. 243—244.

РОДНОМУ КРЫМУ

Войска проходят вольную Кубань,
Несутся танки вдаль неудержимо.
В развалинах нас встретила Тамань,
Но я гляжу на милый берег Крыма.

Я знаю, что и голод и тоска
Гуляют по ту сторону пролива.
Но месть идет, она недалека,
Не будет жизни палачам блудливым!

Им не уйти от нашего меча,
Тем, кто принес нам кровь и разрушенья.
Пощады нет немецким палачам,
Мы отомстим, и страшным будет мщенье!

За то, что оскорбляли нашу речь,
За их разбой, бесчинства и расправы,
За наш Джанкой, за Ялту и за Керчь,
За Севастополь — город нашей славы!

И день настал. Ты вновь увидел нас.
Громя врага, на берег твой взошли мы—
Те, кто отважно бился за Кавказ
И кто фашистов вышвырнет из Крыма!

Майор Я. Чапичев

Газета 18 армии «Знамя Родины» от 13 ноября 1943 г.

ПОЭТ, СОЛДАТ, КОММУНИСТ *

Всего два месяца не дожил Яков Чапичев, этот удивительный человек, поэт, коммунист и смелый воин, до светлого дня Победы. Он погиб при штурме города Вроцлава на братской земле Польши, погиб во время атаки. Родина высоко оценила боевой подвиг своего отважного патриота, присвоив ему высокое звание Героя Советского Союза.

Родился Яков Чапичев в 1909 г. в Новороссийске, в семье сапожника. С малых лет он начал свою трудовую деятельность: сначала учеником парикмахера, потом подмастерьем сапожника, затем кочегаром в депо станции Джанкой.

В 1931 г. Чапичева призывают в ряды Советской Армии, где он находился до последних дней своей жизни. Во время пребывания в армии он оканчивает курсы политсостава и в звании младшего политрука сначала работает начальником клуба полка в Крыму, потом уезжает служить на Дальний Восток. Позже он принимает участие в боях на Халхин-Голе.

Романтика воинского труда увлекает молодого любознательного офицера, вдохновляет его на поэтическое творчество. Он начинает заниматься поэзией: сочиняет стихи и песни о славной Советской Армии и ее замечательных воинах — летчиках, танкистах, артиллеристах, связистах, прославляет жизнь и труд советских людей, строящих социализм.

Когда немецко-фашистские войска напали на нашу страну, Чапичев сразу же отправляется на фронт, едет туда, где решается судьба отчизны. Именно в те грозные дни мне и довелось на фронтовых дорогах встретиться с Яковом Чапичевым и некоторое время вместе работать в редакции газеты 4 армии «В бой за Родину». Это было на Волховском фронте в конце 1941 г. Страна переживала тогда очень тяжелые дни.

---

* Очерк С. М. Борзунова.

Я. И. ЧАПИЧЕВ СРЕДИ РАБОТНИКОВ ГАЗЕТЫ 4 АРМИИ «В БОЙ ЗА РОДИНУ»

Слева направо: Я. И. Чапичев, шофер редакции, машинистка (фамилии не установлены), А. М. Суслов, Н. А. Розенкноп, О. Г. Елин (редактор газеты), С. М. Борзунов, А. Н. Сазанов, И. В. Вострышев

Фотография Я. И. Гудкова. Волховский фронт, январь 1942 г.

Собрание С. М. Борзунова, Москва

За короткое время работы в газете Чапичев успел сделать очень многое. Он стремился везде и всюду побывать сам, увидеть все своими глазами и непременно во всем принять непосредственное участие. Однажды он со взводом лейтенанта Малахова более суток находился в боевом охранении и участвовал в отражении атаки гитлеровцев.

В другой раз Чапичев пристроился к пулеметчику Белову и провел с ним в окопе несколько часов непрерывного боя. Фашисты напролом лезли к переднему краю нашей обороны. Подпустив их на близкое расстояние, пулеметчик спокойно и уверенно нажимал на рукоятку станкового пулемета. Словно камни, падали на землю гитлеровцы. Чапичев вел огонь из автомата, подбадривая Белова меткими словечками да веселыми присказками. В тот день фашисты решили во что бы то ни стало захватить выгодную позицию пулеметчика. Но этого им сделать не удалось. Несмотря на то, что Белов был несколько раз ранен, он не отошел от своего пулемета, пока не была отбита вражеская атака. Ни на шаг не отходил от пулеметной позиции и Яков Чапичев.

Отважный корреспондент был участником боя, разыгравшегося в деревушке, только что захваченной у противника. Разыскивая штаб, он шел вместе с писарем Осипенко. Гитлеровцы внезапно наскочили на них и пытались взять в плен. Осипенко и Чапичев действовали настолько смело и решительно, что разогнали целую группу вражеских разведчиков, а десятерых уложили на месте.

В начале 1942 г. положение частей Волховского фронта несколько улучшилось. Бойцы и командиры научились бить врага, нанося ему большие потери. Каждый видел результаты своего ратного труда: и танкисты, и артиллеристы, и авиаторы, и саперы, и пехотинцы... Это поднимало их боевой дух.

Тогда в нашей армии прославилась батарея офицера-орденоносца Можарова. Смелые подвиги артиллеристов восхищали всех. Чапичев отправился в эту батарею.

Он провел на переднем крае несколько дней, лично наблюдал за действиями героев. В результате этой поездки были написаны корреспонденция и стихи.

Яков Чапичев писал стихи не только боевые, задорные, но и лирические, проникнутые глубокой любовью к Родине. Его перу принадлежат также звонкие, зовущие в бой частушки и острые сатирические куплеты. Он был будто начинен юмором: мог часами рассказывать невероятные приключения, сказки, присказки, различные забавные истории. Это был необыкновенно веселый, остроумный, на всё моментально реагирующий человек. Таким он навсегда остался в памяти друзей.

Чем бы ни занимался Чапичев в газете, ему все время хотелось быть с теми, кто стоит у орудий прямой наводки, дежурит в пулеметных гнездах, идет в снайперские засады. И он добился перевода его на политическую работу.

Остановив бешеный натиск врага и обескровив его войска, части Советской Армии сами вскоре перешли в решительное контрнаступление. И вместе с передовыми шеренгами солдат, с автоматом в руках бодро и смело шагал воин-патриот, коммунист, агитатор и поэт Яков Чапичев. Он был трижды ранен и несколько раз контужен, но каждый раз из госпиталей возвращался в строй и продолжал воевать то в качестве пропагандиста, то в должности заместителя командира по политической части. В боях был неизменно смел и находчив, всегда показывал личный пример для подчиненных. Не раз он увлекал их на подвиги, водил в атаки. Его награждают орденами «Красной Звезды», Отечественной войны II степени и медалями.

Майора Чапичева знали как героя. Каждый боец, сержант, офицер видел его в боях. А во время привала, в минуты затишья, Яков Чапичев рассказывал о том, как снова счастливо будут жить наши люди после войны. Иногда он запевал песню, ему подпевали бойцы, и тут же он говорил о задачах воинов в бою. И зажигающее пламенное большевистское слово, и песни, и солдатские поговорки, и шутки-прибаутки — все это было на вооружении Якова Чапичева. Это сроднило его с солдатской массой, вдохновляло людей на подвиги.

Уже в самом конце войны до меня дошел слух, что Яков Чапичев сражается на территории Польши под Вроцлавом, что по-прежнему лезет в самое пекло боя и остается невредимым. Я радовался за своего друга и надеялся, что скоро удастся с ним встретиться: ведь Вроцлав штурмовали части нашего 1 Украинского фронта. Но встретиться пришлось лишь с описанием подвигов Якова Чапичева.

Мне вспоминается стихотворение Якова Чапичева «Боевая клятва», напечатанное в 1939 г. в газете Харьковского военного округа. Оно начиналось с волнующих слов:

Как море рокочет в минуту прибоя,
Как песня в победном бою:
— Быть честным и храбрым Советским Героем
Я Родине клятву даю!

Поэт-патриот осуществил свою клятву.

МУСА ДЖАЛИЛЬ

СТАРШИЙ ПОЛИТРУК ЗАЛИЛОВ В РЕДАКЦИИ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ

Предисловие и публикация Л. Шилова

О Мусе Джалиле — татарском поэте-патриоте, Герое Советского Союза, лауреате Ленинской премии, написаны поэмы, пьесы, повести, научные монографии, сотни статей. Десятки людей приняли участие в поисках стихов Джалиля и материалов о его жизни и творчестве. Естественно, что в первую очередь внимание поэтов и исследователей привлекают стихи знаменитой «Моабитской тетради» Джалиля и его героическая деятельность в фашистском плену. Детально изучена и биография поэта до 1941 г. Менее исследованным оставался период пребывания М. Джалиля в армии [1]. Этим нескольким месяцам жизни поэта и журналиста армейской газеты посвящается настоящая публикация.

В июне 1941 г. в Казани, в Татарском государственном театре оперы и балета готовилась премьера оперы, написанной композитором Н. Жигановым на текст драматической поэмы Джалиля «Алтын чэч». Поэт завершал работу над либретто оперы «Ильдар» и был полон новых творческих планов.

«Джалиль очень много работал в это время,— рассказала нам жена поэта Амина Джалилова.— Я с трудом уговорила его поехать на воскресенье за город. На вокзале, уже сидя в пригородном поезде, мы услышали о начале войны. В мобилизационном листке Джалиля значилось: „Явиться в райвоенкомат в первый день объявления мобилизации“. 23 июня рано утром Джалиль пошел в военкомат. Ему сказали: „Ждите повестку“»[2].

В одном из официальных документов [3] указывается, что 13 июля 1941 г. М. Джалиль был призван в ряды РККА.

Вначале он служит ездовым в одной из артиллерийских частей недалеко от Казани, но вскоре его направляют на краткосрочные курсы политработников в Марьино, Курской области. С приближением фронта курсы переводят в г. Щигры, потом в Татарию, в г. Мензелинск.

В декабре 1941 г. Джалиль оканчивает курсы, получает звание старшего политрука и отправляется в распоряжение ГлавПУРККА в Москву. Здесь он находится в резерве политработников, размещенном в здании Военно-политического училища им. Ленина. Сюда направлялись и кадровые офицеры, выписавшиеся из госпиталя, и только что окончившие курсы.

Джалиль усердно изучает тактику, часами разбирает трофейное пехотное оружие, а все свободное от занятий время посвящает стихам. Джалиль хочет успеть до отправки на фронт подготовить к печати новый сборник.

11 января 1942 г. Управление кадров ГлавПУРККА назначает Джалиля в редакцию газеты 1 ударной армии. Но на следующий день этот приказ отменяется, ибо, как писал полковой комиссар А. Я. Боев начальнику ГлавПУРККА Л. З. Мехлису, «в беседе〈...〉 выяснилось, что Залилов может писать стихи, очерки и рассказы

только на татарском языке» [4]. Джалиль пытается добиться направления в национальные части.

Живейшее участие в судьбе поэта принимал А. Фадеев. Еще осенью 1941 г. он писал В. Ставскому в редакцию «Правды», что Мусу Джалиля как одного из «известных и талантливых татарских поэтов» «в интересах дела обороны было бы более правильным и целесообразным использовать 〈...〉 в качестве работника фронтовой печати».

По-видимому, по рекомендации Фадеева фамилия Джалиля была внесена в «список писателей народов СССР, которые могут быть рекомендованы в качестве военных корреспондентов от местных республиканских газет» [5]. В январе 1942 г. М. Джалиль пишет Фадееву два письма, в которых рассказывает о своем положении и просит содействовать тому, чтобы его направили на фронт как журналиста в национальные воинские части. На втором письме сохранилась надпись, сделанная карандашом в левом верхнем углу: «Вызвать т. Залилова на 6.II к 1 час. А. Ф.». Справа, на этом же листе, по-видимому, рукой секретаря, написано: «Т. Залилов был у т. Фадеева. Дело передано в военную комиссию». О содержании разговора с Фадеевым Джалиль сообщал жене 26 февраля: «Фадеев 〈...〉 меня рекомендовал использовать специальным военным корреспондентом „Кзыл Татарстан" в армии. Если и обком и сама газета присоединят свой голос к рекомендации Фадеева 〈...〉, напишут в ПУРККА, то это может осуществиться» [6].

С нетерпением ожидает Джалиль этого назначения. Он пишет: «Откровенно говоря, надоело здесь околачиваться в неопределенном положении, не зная куда отправят. 〈...〉 После того, как я заявил, что на русском языке я поэтом работать не могу, меня из отдела печати перевели в другой отдел — отдел политработников. Пока никакого назначения нет. А мне хотелось скорее поехать. Я предчувствую, что в один прекрасный день меня отправят безо всякого назначения, присоединив к какой-нибудь команде» [7].

В конце февраля случилось то, что и предполагал Джалиль. Несмотря на то, что его имя уже было внесено в список, составленный Союзом писателей для ГлавПУРККА, он был отправлен с очередной группой политработников на Волховский фронт.

Город Малая Вишера, куда сначала попадает Джалиль, был сильно разрушен. Целых домов оставалось очень мало. «По пути к городу взамен домов стоят одни трубы»,— писал в это время в письме домой один из сослуживцев поэта [8].

Находясь в течение всего марта 1942 г. в распоряжении политуправления штаба 2 ударной армии, Джалиль выполняет ряд поручений, часто бывает на передовой. 25 марта он пишет своему давнему другу, литературоведу Г. Кашшафу: «Вот на днях только вернулся из десятидневной командировки по частям нашего фронта на передовых линиях, где выполнял особое задание. Поездка была трудная, опасная, но очень интересная. Был все время под обстрелом. Три ночи почти подряд не спал, питался на ходу. Но видел многое» [9].

С 5 апреля 1942 г. Джалиль — штатный сотрудник газеты 2 ударной армии «Отвага». Он пришел в редакцию на место погибшего 26 февраля молодого поэта Вс. Багрицкого.

Редакция в это время располагалась в деревне Огорелье, Новгородского района, только недавно освобожденной от врага. От деревни при отступлении немцев уцелело лишь несколько изб. В день приезда Джалиля жителями деревни был составлен акт о грабежах и бесчинствах, учиненных гитлеровцами [10].

9 апреля «Отвага» отводит целую полосу материалам о зверствах гитлеровцев в освобожденных Советской Армией районах: «Трагедия жителей деревни Червинская Лука». Джалиль принимает участие в сборе этого материала, и может быть именно тогда у него зародился замысел стихотворения «Варварство», известного нам по «Моабитской тетради».

В середине апреля редакция перебралась на опушку леса, в километре от деревни. 19 апреля наборщик И. Голубев писал домой: «С наступлением весенних теплых дней

МУСА ДЖАЛИЛЬ
(М. М. ЗАЛИЛОВ)
Фотография. Декабрь 1941 г.
Литературный музей, Москва

из землянок мы выбрались и работаем в палатке, в лесу и, что особенно хорошо, так то, что ночевать ходим в уцелевшую деревню Огорелье, правда, идти очень мокро и грязно, ну да ничего».

Джалиль попал в палатку, где жили сотрудники газеты — кандидат филологических наук, лингвист Л. Перльмуттер, кандидат философских наук Б. Бархаш, журналисты Н. Родионов и А. Кузмичев,— и быстро стал своим в этом дружном коллективе.

Джалиль все время ходил по подразделениям. Часто эти отлучки длились по нескольку дней. По свидетельству В. А. Кузнецова, бывшего ответственного секретаря редакции газеты «Отвага», первым заданием, которое получил Джалиль, был обзор писем, присланных ранеными бойцами.

Джалиль не ограничился простой выборкой наиболее интересных писем. Он побывал на передовой, беседовал с комиссаром, бойцами и в обзоре «Переписка с ранеными бойцами» рассказал о том, как боевыми делами откликаются бойцы на письма раненых друзей, сообщил, что «иногда в письмах раненые бойцы обращаются к своему комиссару с теми или иными просьбами. Командование части быстро удовлетворяет все просьбы. Так, по просьбе одного бойца комиссар принял на себя заботу о его семье, связавшись по этому вопросу с райкомом партии» [11].

Корреспонденции Джалиля были содержательны, написаны со знанием военного дела, боевой техники. Проведя несколько дней на огневой позиции минометного расчета сержанта Ибрагимова, Джалиль пишет статью «Кочующий миномет». В том же разделе «Мастера своего дела» был помещен и очерк «Командир пулеметчиков-зенитчиков». По-деловому, кратко, сухим, но точным языком пишет Джалиль прежде всего о самом главном в данный момент — о повышении боевого мастерства.

Товарищи по редакции вспоминают, как Джалиль пропал куда-то на неделю а вернувшись, привез очень важный и интересный материал, полученный им в труднейших боевых условиях. Об этом говорилось даже на одном из партсобраний редакции [12].

Из Джалиля получился неплохой боевой корреспондент. Но все-таки он оставался прежде всего поэтом. Даже в этих условиях, отдавая все силы выполнению обязанностей военкора, Джалиль пишет стихи. Во фронтовой обстановке не было возможности переводить стихи на русский язык, да и некому. Поэтому все законченные произведения он отправляет в Казань. Писать стихи по-русски ему было очень трудно. Еще месяца два назад он считал, что это вообще невозможно. Но газете требовались стихи, да и сам темперамент поэта не мог мириться с вынужденным молчанием. Ведь то, что он отправлял в Казань, появится в печати только через несколько месяцев, к тому же в тылу. А стихи нужны здесь и сейчас. И Джалиль пробует писать по-русски.

Единственное из известных нам стихотворений Джалиля, написанное на русском языке, называется «Весенние резервы Гитлера» [13]. Эта тема была очень важна. Гитлер готовил «генеральное весеннее наступление». Объясняя поражение, которое потерпела немецкая армия зимой 1941/42 г., «свирепостью русской зимы», гитлеровская пропаганда предсказывала полный разгром Советского Союза летом 1942 г. На Восточный фронт направлялись всё новые дивизии. Разъяснить, что причина поражения гитлеровцев кроется вовсе не в климатических условиях, сообщить о том, что уже сейчас немцы вынуждены вводить в бой резервы, предназначавшиеся для «генерального» наступления,— было важнейшей задачей политработников Советской Армии. «Отвага» посвящает этой теме ряд материалов (например, 15 апреля передовую «Крепче удары по врагу», 24 апреля статью Б. Бархаша «Весенние солдаты Гитлера»). На эту актуальную тему пишет и Джалиль.

Естественно, что в художественном отношении стихотворение «Весенние резервы Гитлера» уступает стихам Джалиля, написанным на родном языке, но тем не менее представляет для нас несомненный интерес как еще одно свидетельство стремления поэта принимать активное участие в борьбе против фашистских захватчиков своим оружием — словом.

Фронтовая обстановка дает Джалилю богатейший материал для литературных произведений, но у него оказывается очень мало возможностей этот материал использовать. В письме к Кашшафу Джалиль рассказывает: «Я в моей теперешней обстановке браться за большие, крупные, капитальные вещи (поэмы, повести, пьесы) не имею возможности. Я — литературный сотрудник, военкор, в неделю пять дней бываю на передовой позиции, собираю материал, а два дня в редакции обрабатываю материалы. В день я прохожу по 25—30 километров по передовым частям и подразделениям. Только на передовой линии можно видеть нужных героев, черпать материалы 〈...〉 Поэтому я часто бываю не только свидетелем, но и участником кровопролитных боев с захватчиками» [14].

21 апреля «Отвага» рассказала о действиях партизан «товарища Т.», взорвавших мост, имеющий важное значение. Вероятно, об этом самом «товарище Т.» вспоминает Джалиль в стихотворении «Лес», написанном позже, уже в плену.

Положение на фронте складывается все более неблагоприятно. Идут жестокие бои на флангах — немцы стремятся завершить окружение 2 ударной армии. Ниточка Мясного бора — местности, через которую поддерживается связь с Большой землей — становится все у́же. Этот участок жестоко обстреливается и бомбится противником. Подвоз продовольствия, и раньше недостаточный, прекращается вовсе.

11 мая из редакции на курсы в Иваново уходят четверо корреспондентов и литературных сотрудников. Еще раньше уехал заболевший Е. В. Вучетич, тогда художник газеты «Отвага». Оставшимся прибавляется работы. Джалиль берется за любую тему, материал всегда сдает в срок.

18 мая, по приказу о сокращении штата армейских газет, уезжает сотрудница редакции А. Обыдена. Джалиль провожает ее до насыпи узкоколейки, по которой ей предстоит километров 40 идти через болота, по насквозь простреливаемой врагом мест-

ности. На прощанье он дает ей письмо к Фадееву, просит, если она благополучно доберется до Москвы, передать его в Союз писателей [15].

В последних числах мая, после непродолжительного затишья, снова разгорелись бои. Об этом ясно свидетельствуют материалы, печатавшиеся в «Отваге». Вот заголовки статей и корреспонденций одного из очередных номеров: «Вражеская атака захлебнулась», «До последней капли крови», «Бой под деревней Ф.», «Собрание пришлось отложить», «Прикладом по черепу врага».

Запас газетной бумаги в редакции подходил к концу, а надеяться на подвоз в создавшихся условиях не приходилось. С 29 мая газета переходит с четырех полос на две.

3 июня Джалиль пишет последнее из дошедших до нас писем:

«Друг Кашшаф!

Сегодня получил письмо, написанное 22 мая. Спешу хоть кратенько ответить. Уже смеркается. Здесь, в лесу, жизнь ночью прекращается, начинается таинственная военная жизнь.

⟨...⟩ Редактор обещал по возможности помочь моей работе, обещал отпускать, когда мне будет нужно. Мы с ним говорили о том, куда лучше будет направиться мне в первую очередь, когда военный поход продолжится (сейчас мы в особом положении). Договорились о том, что как только достигнем определенного пункта, я на самолете полечу в авиаполк. В этом авиаполку служит дважды орденоносный герой — штурман, капитан Гали Бурган. Он сделал 118 боевых вылетов, трижды бомбил Берлин. Я знаком с ним заочно. Знаю его военный героизм. Но самого еще не видел. От нас он находится далеко. У нашего народа еще есть богатыри-джигиты» [16].

Вчитываясь в «Отвагу» тех дней, яснее представляешь себе «особое положение», о котором пишет Джалиль. Не считаясь с огромными потерями, немцы продолжали наступление. Вот о чем писала «Отвага» в июне 1942 г.:

«В последние дни продолжались ожесточенные бои наших частей с противником, прущим на рожон»... «Сквозь вражеское кольцо»... «Группа военных врачей исследовала вопрос о некоторых болезненных изменениях в организме человека в связи с длительным употреблением талой воды»... «Отбросили гитлеровцев на полтора километра»... «Танки не прошли» ...«Витамина „С“ в иглах хвои в два раза больше, чем в лимонном или апельсиновом соке. Вот почему использование хвои в качестве витаминоносителя весьма важно».

Линия фронта непрерывно менялась. Собственно, в прямом смысле слова линии фронта на этом участке уже не было: бои шли на глубине огромного пространства болот, озер, лесов. В бой были брошены все резервы. 17 июня, в своей последней корреспонденции «Повар — сверхметкий стрелок», Джалиль рассказывает о поваре артдивизиона Федоте Савенко, сражавшемся в цепи и, несмотря на ранение, поражавшем врага снайперскими выстрелами.

Положение армии становилось катастрофическим, но газета еще продолжала выходить регулярно. Когда кончился бензин (в последнее время для печатания газеты было приспособлено колесо автомашины), печатали вручную.

В воскресенье 21 июня «Отвага» вышла последний раз. Вышла на четырех полосах, как в прежние времена.

Номер рассказывал о геройской гибели пятерых бойцов во главе с младшим политруком Коденцевым — окруженные ротой автоматчиков, они дрались до последнего патрона; о пяти атаках противника, отбитых подразделением связи капитана Воронцова; о том, как с боями вырвалось из окружения подразделение старшего лейтенанта Когоряцкого...

Но связи с частями уже не было. Дальнейший выпуск газеты не имел смысла. Бой шел кругом. 22 июня работники редакции двинулись по направлению к Малой Вишере. Из 24 человек, составлявших к этому времени штат редакции (включая шоферов и двух бойцов охраны), из окружения вышло только трое.

22 июня Джалиля не было в редакции. В этот день он находился в одной из боевых частей. В последних числах июня он попал в плен.

Но и там Джалиль продолжал борьбу. В тяжелейших условиях гитлеровского плена он создал подпольную антифашистскую организацию. В августе 1943 г. она была раскрыта. Варшавская тюрьма, Моабит, Шпандау — вот отдельные вехи последнего пути Джалиля. Он был казнен 25 августа 1944 г.

Стихи, написанные Джалилем в тюрьмах, вернулись в 1946 г. на родину. Из них мы и узнали о подвиге, совершенном поэтом-патриотом.

Настоящая публикация охватывает лишь небольшой период жизни М. Джалиля военных лет, предшествующий плену,— период, связанный с его работой в редакции армейской газеты. В первом разделе публикации — два письма Джалиля Фадееву, написанные в январе 1942 г. в Москве, и автобиографическая справка, приложенная к одному из писем; далее следуют стихотворение и корреспонденции Джалиля в газете «Отвага» за апрель — июнь 1942 г.; в заключительном разделе приводятся сделанные нами в 1957—1964 гг. записи бесед с товарищами поэта по армии и их письма к автору публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. Л. Шилов. Год жизни Мусы Джалиля.— «Огонек», 1960, № 21; А. Залялов. К биографии Мусы Джалиля,— «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 120; Р. Бикмухаметов. Муса Джалиль. Критико-биографический очерк, М., Гослитиздат, 1962, стр. 167—176; С. Антонов. Счастье.— Сб. «В редакцию не вернулся». М., Изд-во политической литературы, 1964, стр. 375—386.

[2] Запись беседы с Аминой Джалиловой (Ниной Константиновной Сайфуллиной) хранится у автора публикации.

[3] Запрос Военной комиссии Президиума СП СССР в Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава Действующей армии Народного комиссариата обороны. 3.XI.1942 г. (ЦГАЛИ, ф. 631, он. 16, ед. хр. 616).

[4] А. Залялов. К биографии Мусы Джалиля.— «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 130.

[5] ЦГАЛИ, ф. 631, он. 15, ед. хр. 567. Там же (л. 74) хранится подписанная А. Фадеевым характеристика Джалиля (без даты), выданная для представления в Политуправление РККА:

«Тов. Залилов Муса Мустафович — талантливый татарский поэт, ряд произведений которого переведен на русский язык.

Состоя членом Союза советских писателей СССР, тов. Залилов проявил себя как активный общественный работник, оказывая всемерную помощь молодым национальным писательским кадрам.

Дисциплинированный член ВКП(б)».

[6] М. Джалиль. Сочинения. Казань, Таткнигоиздат, 1962, стр. 492.

[7] Там же, стр. 487—488.

[8] Письмо И. И. Голубева от 20 января 1942 г. Хранится у Голубева.

[9] М. Джалиль. Сочинения, 1962, стр. 498.

[10] «Отвага», 1942, № 427, 12 апреля.

[11] «Отвага», 1942, № 434, 19 апреля. Кроме того, в «Отваге» были напечатаны следующие корреспонденции М. Джалиля: «В засаде» (№ 442, 28 апреля), «Автоматчик Поляков» (№ 453, 9 мая), «Кочующий миномет» (№ 453, 9 мая), «Командир пулеметчиков-зенитчиков» (№ 454, 10 мая), «Художественный ансамбль связистов» (№ 461, 17 мая), «Хирурги одного медсанбата» (№ 476, 13 июня), «Повар — сверхметкий стрелок» (№ 480, 17 июня).

[12] Запись беседы с И. И. Голубевым. Хранится у автора публикации.

[13] «Отвага», 1942, № 434, 19 апреля. Поскольку не все номера газеты «Отвага» удалось разыскать, возникает вопрос, не были ли напечатаны в ненайденных номерах и другие стихи Джалиля, написанные на русском языке. Может быть, Джалилю принадлежат стихи без подписи, опубликованные в «Отваге» 9 и 16 мая? Позже Джалиль говорил одному из товарищей по плену о балладе «Соловей и родник», что она была написана по-русски еще в редакции «Отваги» (см. Г. Кашшаф, Р. Мустафин. Ищем песни Мусы Джалиля.— «Литературная Россия», 1963, № 17, 26 апреля).

[14] М. Джалиль. Сочинения, 1962, стр. 503.

[15] По свидетельству С. Н. Преображенского, Фадеев как-то говорил об этом письме, но найти его не удалось.

[16] М. Джалиль. Сочинения, 1962, стр. 505.

ПИСЬМА А. А. ФАДЕЕВУ

1

⟨20 января 1942 г.⟩

Глубокоуважаемый тов. Фадеев!

Это письмо вам пишет татарский писатель — бывший руководитель правления Союза советских писателей Татарии — Залилов М. М. (Муса Джалиль). Я с первых дней начала войны был мобилизован в ряды Красной Армии, после чего в течение последних шести месяцев я проходил большую школу военной службы в условиях Отечественной войны. Вначале был рядовым в артиллерии, потом в Марьино (Курская область) проходил краткосрочные курсы среднего политсостава. В виду того, что немцы вынудили нашу армию отступать и заняли Колонтаевку, Курск, Щигры, Орел, где мы были, нам пришлось принимать кое-какое участие в обороне (в войне). Потом мы эвакуировались в Мензелинск, где я окончил курсы с отличными показателями и по приказу НКО получил военное звание старшего политрука. По окончании курсов Главполитуправление вызвало меня в свое распоряжение — в Москву. Я сейчас нахожусь в Москве в распоряжении ПУРККА и жду нового назначения и посылки в Действующую армию. И вот я, пользуясь пребыванием в Москве, хотел с вами посоветоваться о своей дальнейшей работе в Действующей армии.

Мне в ПУРККА предлагали назначение на должность писателя в армейской газете одной из действующих армий. Но я счел нужным предупредить, что я татарский писатель и писать стихи, рассказы на русском языке, пожалуй, не смогу. После этого было решено меня не посылать на должность писателя. Но я знаю, что в Уфе формируются татаро-башкирские национальные части; в Узбекистане уже формировались узбекские национальные части и т. д. Я мог бы быть очень полезным как писатель и журналист в этих национальных частях. Ибо я, кроме своего родного языка, свободно владею башкирским, казахским, узбекским и другими восточными языками. Я, кроме своей писательско-творческой деятельности, имею большой опыт журналистской работы: был ответственным редактором центрального литературно-художественного журнала в течение шести лет в Москве; работал заведующим отделом в центральной татарской газете. Неоднократно организовывал и редактировал выездные газеты в уборочных, посевных кампаниях.

Во всяком случае в армии я и как поэт и как журналист могу быть очень полезным. А формируемые национальные воинские части, думаю, нуждаются в писательских кадрах, имеющих специальную военную подготовку.

В крайнем случае, очень желательно было бы иметь какую-либо более значительную политработу в любой действующей армии и флоте, которая давала бы возможность совместить литературно-творческую работу и накопить интересный материал из Отечественной войны в более крупном масштабе для литературного воплощения (для создания крупных полотен об истории части, о крупных военных действиях, эпизодах и т. д.).

В общем, я обо всем этом хотел с вами советоваться и получить от вас кое-какую рекомендацию. Но, видимо, мне не удастся вас видеть. Поэтому излагаю свои желания письменно.

Я чувствую, что ПУР надолго затянет мое дело. Здесь не знают, как меня использовать. Чувствуется необходимость вашей рекомендации и характеристики. Поэтому очень прошу вас, по получении этого письма, позвонить в Политуправление и дать соответствующую характеристику и рекомендацию обо мне.

Я не из последних писателей Татарии. Пишу и печатаюсь с 1919 г. Член ССП с 1934 г. Член ВКП(б) с 1929 г. (год рождения 1906 г.). Был на

ответственных постах партийно-комсомольской работы (работал в ЦК ВЛКСМ). Звание — старший политрук.

В ПУРе моим делом непосредственно занимается батальонный комиссар Дедюхин. А вообще мои дела в руках армейского комиссара 2 ранга тов. Кузнецова.

Я надеюсь, что вы, тов. Фадеев, мое письмо не оставите без внимания. Зная по опыту моей работы в Правлении ССП Татарии, где я и вообще в своей писательской практике пользовался вашим исключительным вниманием, заботой и чуткостью, и сейчас думаю, что вы примете живое участие в этом деле. Хочется приносить возможно бóльшую пользу делу обороны, находясь в рядах армии.

С приветом и глубоким уважением
ваш Муса Джалиль (Залилов)

P. S. Находясь в прифронтовой полосе в рядах армии, я не прекратил свою творческую работу: написал около 20 патриотических стихов на злободневную тему. Татиздат выпускает их отдельным изданием [1]. Если вы поддержите и окажете содействие, я хотел бы выпустить их в русском переводе в Гослитиздате небольшой книгой.

Прошу вашего содействия.

С приветом
Муса

20.1.42

К письму приложена автобиографическая справка:

ЗАЛИЛОВ (ДЖАЛИЛЬ) МУСА МУСТАФОВИЧ

Татарский писатель (поэт и драматург), член ССП с 1934 г.; 1906 года рождения, член ВКП(б) с 1929 г. Военное звание — старший политрук.

Пишет и печатается с 1919 г. (первые стихи печатались в фронтовой красноармейской газете «Кзыл йолдыз» в Чкалове в 1919 г.). Имеет 14 самостоятельных печатных литературных трудов (книг). Считается одним из передовых национальных писателей Татарии.

С 1939 по 1941 г. работал ответственным секретарем Правления ССП Татарии.

Имеет опыт редакторско-журналистской работы: с 1927 по 1933 г. работал ответственным редактором литературно-художественного журнала на татарском языке в Москве («Октябрь баласы»), с 1933 по 1935 г. заведующий отделом литературы и искусства центральной татарской газеты «Коммунист» в Москве. В этот период был редактором ряда выездных газет в уборочно-посевных кампаниях.

Работа по линии искусства: с 1935 по 1939 г. — заведующий литературной частью Татарской государственной оперной студии при Московской государственной консерватории, а с 1939 по 1941 г.— заведующий репертуарной частью Татарского театра оперы и балета в Казани (один из организаторов студии и театра).

Образование: высшее (окончил Литературный факультет I МГУ в 1931 г.).

На основе этих данных желательно иметь характеристику и рекомендацию в ПУР, чтобы быть более рационально использованным в армии.

В данное время нахожусь в резерве (адрес: 5-й Донской проезд, ВПУ им. Ленина).

ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 616, лл. 1—3.

На письме резолюция: «Включить в список для ПУРККА. Ал. К⟨арцев⟩. 11.II.42».

[1] Сборник М. Джалиля «Письма из окопа» вышел в Казани в 1944 г.

2

⟨28 января 1942 г.⟩

Уважаемый тов. Фадеев!

На основе договоренности с вами на пленуме[1], ждал вас в ССП, но не дождался: мне сказали, что вы сегодня никого не принимаете.

Я очень прошу вас сделать для меня одно: поговорить обо мне с армейским комиссаром тов. Кузнецовым (Арбат, 1-й Дом НКО, Политуправление). Я хотел обязательно лично увидеть вас и яснее обрисовать свое положение и просить у вас совета. Но, видимо, мне скоро не удастся увидеть вас, и поэтому вынужден письменно излагать вам свою просьбу. В первом моем письме я вам рассказывал свое положение: я сейчас нахожусь в резерве ПУР как старший политрук, в ПУРе нет никаких характеристик и рекомендаций обо мне, и я там не фигурирую как писатель. Мой вопрос уже месяц тянется, и, вероятно, я поеду отсюда без всякого назначения на должность с какой-либо произвольной группой из резервов, и когда это решится, мне не известно.

Я уверен, что ваша характеристика и рекомендация меня ПУРу поможет мне скорее получить соответствующее определенное назначение с учетом моей творческо-литературной работы на фронте и использование меня по специальности. Меня в связи с этим очень интересует вопрос о формирующихся национальных частях и о возможности работы там.

Я очень прошу вас, по получении этого письма, поговорить обо мне с ПУРом и рекомендовать меня на работу по вашему усмотрению (как вы находите целесообразным).

Я постараюсь дозвониться до вас и надеюсь, что услышу о положительных результатах.

С приветом и глубоким уважением

ваш Муса (Залилов)

28.1.42

ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 572, л. 2.

[1] Речь идет о заседании Президиума Правления Союза писателей СССР 26—27 января 1942 г., на котором Фадеев выступил с докладом «Писатели в Великой Отечественной войне».

СТИХИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ В ГАЗЕТЕ 2 УДАРНОЙ АРМИИ «ОТВАГА»

ВЕСЕННИЕ РЕЗЕРВЫ ГИТЛЕРА

Гитлер проклинал зиму,
На нее свалил вину.
«Ветром, мол, зима дышала,
Наступать нам помешала».
Он копил к весне резервы,
Утешал больные нервы.
Наконец, пришла красна
Долгожданная весна.
Только что-то, право, странно
Началась довольно рано:
Только солнце стало печь,
А резерв уж начал течь.
Под лучами нашей красной
Боевой звезды прекрасной
Тает он, как грязный снег,
Очищая путь весне.

Не резервы это — мразь,
Мокрый снег, отбросы, грязь.
Ведь весной всё утекает,
Что земле дышать мешает...
Вот, бандит, тебе итог:
Не спасет тебя ничто—
Ни зима, ни май, ни лето.
Песенка твоя пропета!

М. Джалиль

№ 434, 19 апреля 1942 г.

КОЧУЮЩИЙ МИНОМЕТ

Тов. Ибрагимов — командир лучшего минометного расчета в подразделении лейтенанта Пехотина. Его миномет приобрел широкую популярность как неуловимый, кочующий с места на место.

Тов. Ибрагимов со своими бойцами целыми часами просиживает в замаскированном укрытии, выслеживая огневые точки противника и скопления вражеских солдат. Минометчики проявляют при этом необычайную терпеливость, наблюдательность, хладнокровие. Заметив цель и точно определив расстояние до нее, они открывают меткий огонь и цель поражают наверняка. Недавно, открыв беглый огонь по скоплению немецких солдат, миномет Ибрагимова уничтожил 11 гитлеровцев, разбил повозку с грузом. Переменив позицию, тов. Ибрагимов с первого выстрела уничтожил огневую точку противника.

Перекочевав на новое место, минометчики внезапным огнем разрушили два сарая, в которых находились огневые точки фашистов, и уничтожили 15 немцев.

«Секрет» боевых успехов Ибрагимова заключается в удачном выборе огневой позиции, в высокой маневренности, тщательной маскировке, отличном знании своих обязанностей и своего оружия каждым номером расчета.

Беседуя с минометчиками о первомайском приказе т. Сталина, командир расчета тов. Ибрагимов сказал: «Если мы будем знать свое оружие в совершенстве, мы достигнем еще большего успеха и ускорим окончательный разгром гитлеровской своры».

Расчет тов. Ибрагимова вызвал на боевое социалистическое соревнование расчет младшего сержанта тов. Стреженко.

Старший политрук М. Залилов

№ 453, 9 мая 1942 г.

КОМАНДИР ПУЛЕМЕТЧИКОВ-ЗЕНИТЧИКОВ

Капитан А. Т. Галин руководит подразделением пулеметчиков-зенитчиков. За отличные результаты стрельбы по вражеским самолетам, за личное мужество и отвагу правительство наградило его орденом «Красной Звезды». Его подразделение за время боев на нашем участке фронта сбило 12 «юнкерсов» и «хейнкелей».

Первый вражеский самолет был сбит самим товарищем Галиным. Тогда его бойцы еще только проходили первую ступень боевой практики. В процессе боев капитан постоянно учил их искусству меткого зенитного огня, прививал качества смелого, находчивого пулеметчика. За короткое время в подразделении капитана Галина выросли такие опытные истребители фашистских стервятников, как Ипатов, Салимов, Драночкин и другие.

Смерть немецким оккупантам!

ОТВАГА

Ежедневная красноармейская газета

№ 461. Воскресенье, 17 мая 1942 г.

Тот, кто ненавидит немецко-фашистских захватчиков, будет биться с ними беспощадно, не зная страха, презирая смерть. Тот, кто ненавидит гитлеровцев, никогда, ни при каких обстоятельствах не отдастся им в руки живым. Тот, кто ненавидит немецко-фашистских захватчиков, никогда не отступит без приказа, а будет биться до последнего, хотя бы один против десяти, против двадцати; тот будет рваться вперед и вперед, чтобы навсегда очистить нашу землю от гитлеровской нечисти.

Выращиваем умелых истребителей врага

В подразделениях командира Антюфеева накапливается опыт по выращиванию мастеров сверхметкой стрельбы из пехотного оружия. Мы ставим своей задачей научить владеть автоматом каждого бойца. Воентехник 2 ранга оружейник Остапчук и техник-лейтенант Копшуков организовали обучение автоматчиков на передовой позиции. Лучшие автоматчики части раскреплены в качестве инструкторов по отделениям. Практические стрельбы из автомата проводятся по живым мишеням — немецким захватчикам. Знания и навыки, полученные на учебных занятиях, закрепляются и доводятся до степени совершенства в боях.

Вновь обученные автоматчики уже не раз демонстрировали свое искусное владение оружием. Недавно немцы силой до роты пытались вторгнуться в наше расположение. Наши бойцы подпустили врага на 70 метров и обрушили на него ливень огня. 20 немцев были наповал уложены меткими советскими стрелками. В этом бою отличились молодые автоматчики-красноармейцы. Занимая укрытую позицию, выследил вражескую «кукушку» и снял ее с одного выстрела. Молодой снайпер красноармеец Н. Абрамов также имеет на своем истребительном счету сбитую им вражескую «кукушку».

Снайперы учатся вести круговое наблюдение и меткий прицельный огонь с деревьев. В лесной местности выбираются отдельные деревья, находящиеся вблизи переднего края или за передним краем. Дерево должно быть с широко распущенными ветвями и толстыми сучками. Со стороны противника оно не должно просматриваться. Снайпер, находясь на верхушке дерева, должен занять по отношению к противнику такое положение, чтобы его грудь была защищена от вражеского огня стволом дерева. Снайпер выставляется и сменяется под покровом темноты.

Хорошо передает свой опыт молодым снайперам пулеметчик красноармеец Зуев. Его станковый пулемет безотказен в бою. Недавно Зуев вместе с пулеметчиком Оськиным пресек попытку немцев пойти

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ АРМИИ

9 мая 1942 года № 018—Н Действующая армия

От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество НАГРАДИТЬ:

Медалью „За отвагу"

1. Старшего сержанта БОГДАНОВА Анатолия Михайловича.
2. Красноармейца БУТИНА Ивана Константиновича.
3. Лейтенанта БУЧНЕВА Тимофея Федоровича.
4. Красноармейца ГЛЕБОВА Александра Александровича.
5. Сержанта КАРНАУХОВА Георгия Иосифовича.
6. Старшего сержанта КОВАЛЕНКО Сергея Феоктистовича.
7. Сержанта КУЗЬМИНА Егора Кузьмича.
8. Сержанта ПЛОТНИКОВА Семена Евграфовича.
9. Сержанта СТЕПАНОВА Бориса Ильича.

Медалью „За боевые заслуги"

1. Младшего командира АРБУЗОВА Степана Дмитриевича.
2. Красноармейца ГРАЧЕВА Якова Ивановича.
3. Военфельдшера ГРОШЕВА Василия Андреевича.
4. Младшего сержанта ДОКТОРОВА Федора Яковлевича.
5. Младшего командира КУСТОВА Константина Васильевича.
6. Красноармейца КУТЛАХМЕТОВА Мухамета.
7. Красноармейца МАСЛОВА Федора Яковлевича.
8. Красноармейца МАТВЕЕВА Степана Матвеевича.
9. Политрука МИХАЙЛОВА Дмитрия Михайловича.
10. Красноармейца НЕСТЕРОВА Сергея Петровича.
11. Старшего сержанта ОЛЕНЕВА Петра Мироновича.
12. Красноармейца ПАВЛОВА Михаила Павловича.
13. Красноармейца ПТАШКИНА Андрея Афанасьевича.
14. Красноармейца СЫРКИНА Григория Андреевича.
15. Красноармейца ТОЛСТОГУЗОВА Василия Михайловича.
16. Сержанта УРМАНОВА Фатея Игнатовича.
17. Младшего командира ФОМИЧЕВА Александра Петровича.
18. Младшего сержанта ШМЕЛЬВА Василия Кузьмича.
19. Старшего сержанта ЩЕРБАКОВА Александра Николаевича.

«ОТВАГА»

Газета 2 ударной армии. Волховский фронт, 17 мая 1942 г., № 461

Первая страница (фрагмент)

Тов. Галин рассказывает:

«Успех зенитчиков моего подразделения объясняется прежде всего отличным знанием бойцами своего оружия и приемов стрельбы по вражеским самолетам.

Для достижения наилучших результатов в стрельбе необходимо раньше всего точно определить расстояние до самолета, скорость его полета. Но это еще не всё. Нужно, чтобы наводчики и прицельные умели самостоятельно уточнять и изменять эти данные соответственно движению самолета. Многое зависит также от точного и правильного определения полета самолета. Некоторые зенитчики не умеют ловить вражеский самолет на курсовом параметре, то есть на точке наименьшего приближения. На это надо обратить особое внимание. Мои зенитчики упорно учились этому искусству и добились блестящих успехов.

Важнейшее условие меткой стрельбы по самолетам — сосредоточение огня пулеметов в одной точке. Поэтому я всегда расставляю свои пулеметы треугольником в 50—70 метрах друг от друга. Пулеметы тщательно замаскировываются.

Пулеметчика-зенитчика должна отличать храбрость, отвага. В этом отношении замечателен пример зенитчика тов. Ипатова. Он в одном бою

вступил в единоборство с вражеским самолетом. Фашистский стервятник атаковал Ипатова, поливая его пулеметным огнем. Но это не устрашило геройского пулеметчика. Тов. Ипатов, бесстрашно сражаясь, сбил вражеский самолет».

Капитан Галин со своими храбрецами зорко стоит на боевой вахте, охраняет наши войска от нападения воздушных пиратов.

Старший политрук М. Залилов

№ 454, 10 мая 1942 г.

ХИРУРГИ ОДНОГО МЕДСАНБАТА

Батальонный комиссар Рыженков был доставлен в медсанбат в 3 часа ночи в тяжелом состоянии. Он имел 27 сложных ранений на теле. Главный хирург, военврач 3 ранга тов. С. Казеев, не считаясь с тем, что перед этим не спал подряд две ночи, немедленно приступил к оперированию раненого. Операция длилась 4 часа. Она требовала исключительного умения, необычайного напряжения и большой воли от оперирующего. Положение больного казалось безнадежным. Но тов. Казеев не принадлежит к категории тех людей, которые с первого взгляда теряют надежду и скептически опускают руки. У опытного хирурга, кроме знания дела, есть упорство, дерзание и желание победить смерть. Он проявил все эти качества теперь и спас жизнь батальонному комиссару.

Чуткий, заботливый и преданный своему делу хирург часто выезжает сам на передовую линию фронта для оказания быстрой и квалифицированной помощи раненым. При передвижении медсанбата он отправляется в составе головной бригады и обеспечивает быструю установку палаток и организацию работы по приему больных и оказанию хирургической помощи им на новом месте. Недавно, приехав на новое место, тов. Казеев сумел в течение этого же дня оперировать 50 раненых. Тов. Казеев заботливо выращивает молодые кадры хирургов, передает им свой богатый врачебный опыт. Работающие в медсанбате ⟨хирурги⟩ славятся как чуткие и знающие свое дело врачи. Оба они добровольцы Красной Армии. Рубинштейн только в 1941 г. окончил медицинский институт и под руководством тов. Казеева быстро овладел искусством хирурга, самостоятельно производит теперь сложные операции брюшной полости.

Хирурги медсанбата во главе с тов. Казеевым применяют новые методы в лечении больных. Так, например, ими с большим успехом применено гипсование больного, хотя до сих пор этого не было в практике медсанбатов.

О работе хирурга тов. Казеев говорит: «Успех дела достигается прежде всего точным соблюдением основных правил гигиены врачебной службы, особенно в наших условиях. Мы проводим у себя тщательную дезинфекцию всех помещений, подвергаем длительной стерилизации инструменты. Наш закон — своевременное оказание помощи больным и тщательный уход за ними до эвакуации. Я сам произвожу сортировку больных, определяя, кому из них надо оказать помощь в первую очередь».

В архиве медсанбата имеется много писем выздоровевших бойцов, которые тепло отзываются о работе врачей.

Вот одно из них — от бойца Бинковского:

«Мне по прибытии в медсанбат сразу была оказана неотложная помощь. Все время наблюдал, как чутко заботятся о раненых врачи. Я очень благодарю врачей за их труд».

Старший политрук М. Залилов

№ 476, 13 июня 1942 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О МУСЕ ДЖАЛИЛЕ ТОВАРИЩЕЙ ПО АРМИИ

Ф. В. ЧЕРЯЧУКИН

Майор. В настоящее время преподаватель истории 93 школы рабочей молодежи г. Москвы

Осенью 1941 г. на курсах среднего политсостава в Марьине я попал в одно отделение с Мусой Джалилем. Мы его любовно называли Мусей. Был он очень опрятен, всегда подтянут. Сапоги, хоть и кирзовые, блестят, подворотничок белоснежный.

Располагались курсы в бывшем дворце князя Барятинского. Большое красивое здание с колоннами. До войны там был дом отдыха.

Курсанты были разные: бывшие секретари райкомов партии, художники, писатели, комсомольские работники. Главное внимание уделялось боевой подготовке, меньше — политической. Работали очень напряженно. Спали по 4 часа в сутки. Часто бывали ночные занятия. Немцы сильно бомбили станцию Колонтаевка, высаживали десанты. Мы не раз выезжали на поимку этих десантников. Особенно большой десант — восемь танков и мотоциклисты — был между Бахмачем и Конотопом. Нас бросили туда на его ликвидацию.

У нас во взводе ежедневно выпускался боевой листок. Редактором был Муса Джалиль. Он помещал в листке свои сатирические стихи, карикатуры. Хорошо рисовал. Боевой листок выпускался каждый день, его читала вся рота. В своих сатирических рисунках и подписях к ним он высмеивал тех, кто при подъеме медленно вставал, кто плохо чистил оружие, терял патроны. Много писалось в листке о боевых стрельбах.

За строевую подготовку часто попадало и самому Мусе Джалилю. Он не мог правильно приветствовать старшего начальника. Мы с ним часами тренировались. Подходили друг к другу и отдавали честь. Он все не мог правильно держать ладонь при приветствии.

Была у нас большая общекурсовая стенная газета, которая выпускалась раз в две недели, вывешивалась в клубе или в столовой. Писал Джалиль статьи и для нее.

В помещении курсов была большая библиотека и целая картинная галерея, оставшаяся еще от князя Барятинского. На центральном месте висела картина «Взятие аула Гуниб». Я как бывший историк рассказывал Джалилю об этом событии, а он рассказал некоторые, не известные мне раньше, детали жизни Шамиля в русском плену.

Однажды мне было поручено выступить с лекцией «Отечественная война 1812 года». Я когда-то до войны при райкоме партии был нештатным лектором и читал эту лекцию. А когда сейчас готовился к лекции, Джалиль мне посоветовал включить материал о роли разных народов России в разгроме Наполеона и сообщил мне очень интересные факты об участии в войне 1812 года башкир, татар и народов Поволжья.

Иногда Джалиль читал нам свои стихи в палатке или когда шли на марше.

Когда пришел приказ менять дислокацию, мы двинулись к железной дороге, но не на Колонтаевку, уже занятую немцами, а на Льгов — своим ходом. Шли в боевом порядке. Мы с Мусой двигались в боевом охранении. Во Льгове погрузились в теплушки, доехали до станции Щигры.

В Щиграх, недалеко от нашей казармы, была речушка и пруд. После занятий мы с Мусой решили постирать гимнастерки в пруду у мельницы. Сидим под мостом, стираем без мыла, а через мост, со стороны станции

Ливны, где уже были бои, идут беженцы. Нам бросилась в глаза одна молодая женщина, которая идет босиком, растрепанная. То плачет, то ноет. Просит хлеба. Муса сбегал в казарму, принес ей кусок хлеба. Она подержала, засмеялась, бросила этот хлеб. Мы расспросили тех, что шли с ней,— они рассказали, что у нее во время налетов немецкой авиации на колонну погибли дети.

Муса сказал, что ее нужно в госпиталь поместить или в тыл отправить немедленно. Я стал достирывать гимнастерки и свою и его, а он пошел на станцию, чтобы договориться с военным комендантом. Вечером мы отпросились у старшины, чтобы пойти к коменданту, и узнали, что он, как обещал, посадил ее в эшелон и отправил. Об этой женщине Муса потом написал в статье «Не забудем, не простим» для нашей газеты.

Потом наши курсы были переведены в Татарию. Приехали в Бугульму, и нам предстоял большой марш до Мензелинска — километров 120—150. В первый день сделали 40 километров. Шли с полной боевой выкладкой. Не доходя примерно километр до привала, я выбился из сил. Муса Джалиль взял у меня вещевой мешок, взял меня под руку и помог дойти. В школе, где был привал, Муса привел ко мне санинструктора, который перевязал мне ноги, смазал лекарством. Я отказывался идти есть. Муса принес котелок каши, заставил меня съесть.

В Мензелинске за результаты стрельб из пулемета (Муса был первым номером, я — вторым) мы получили благодарность командира роты.

Из 2000 человек, окончивших курсы, четверо, в том числе Муса Джалиль, окончили на отлично. Всем было присвоено звание «политрук» — три кубика. А через несколько дней из ГлавПУРа передали приказ, что этим четверым присваивается звание старшего политрука.

Стенограмма. Декабрь 1964 г.

В. А. СЕРЕБРЯКОВ

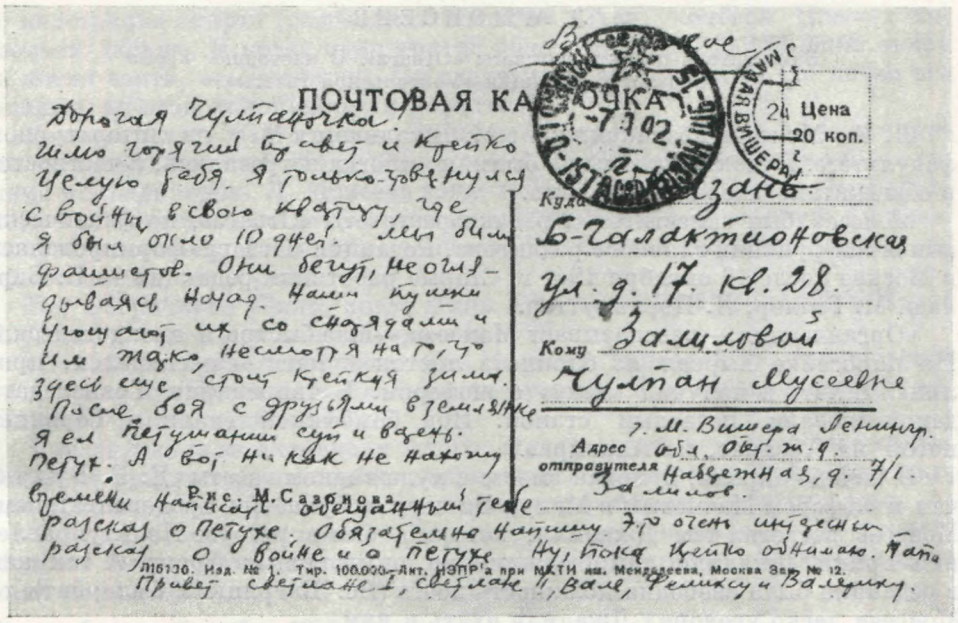
Политработник штаба 2 ударной армии, майор. Ныне доцент Химико-технологического института им. Д. И. Менделеева

С Мусой Джалилем я встретился в Московском университете в 1928 г., и до 1930 г. мы вместе учились: он на литературном отделении, я—на этнологическом. Комсомольская организация у нас была общая. Мы с ним подружились и встречались помимо университета у меня дома, у Кропоткинских ворот. Вместе ходили на выступления Маяковского и комсомольских поэтов Жарова, Уткина, Безыменского. В университете такие выступления обычно шли в большой аудитории, которая теперь называется Ленинской. Ходили часто на выступления поэтов и в Дом печати.

Особенно активное участие принимал Муса в наших морально-этических диспутах. Ко мне, секретарю комсомольской организации этнологического отделения, часто приходили юноши и девушки со своими личными, самыми интимными вопросами. И вот когда происходили всякие драмы, тогда мы несколько дней не ходили на занятия, спорили с утра до вечера у меня в комнате. Я помню, что в этих спорах особенно часто упоминалось имя Чернышевского.

Любили мы попеть. Пели иногда самые разухабистые песни вроде «Сергей поп» и потом новые, которые появлялись: «Матрос Железняк», песня о Чапаеве.

В 1929 г., когда международная обстановка была накалена, особенно событиями на КВЖД, мы были с Джалилем в студенческих военных лагерях на Клязьме, в районе Коврова. В 1930 г. мы с Джалилем расстались, и следующая встреча, совершенно случайная, произошла в конце марта


ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Дорогая Чулпаночка!
Шлю горячий привет и крепко
целую тебя. Я только-что вернулся
с войны в свою квартиру, где
я был около 10 дней. Мы били
фашистов. Они бегут, не огля-
дываясь назад. Наши пушки
угощают их со снарядами и
им жарко, несмотря на то, что
здесь еще стоит крепкая зима.
После боя с друзьями в землянке
я ел петушаний суп и вареный
петух. А вот никак не нахожу
времени написать обещанный тебе
разсказ о петухе. Обязательно напишу. Это очень интересный
разсказ о войне и о петухе. Ну, пока крепко обнимаю. Папа
Привет светлане I, светлане II, Вале, Феликсу и Валерику.

Рис. М. Сазонова

Воинское
24 Цена 20 коп.
Куда Казань
Б-Галактионовская
ул. д. 17. кв. 28.
Кому Залиловой
Чулпан Мусеевне
Адрес отправителя г. М. Вишера Ленингр. обл. Окт. ж. д. Набережная, д. 7/1. Залилов.

Л16130. Изд. № 1. Тир. 100.000. Лит. НЭПР'а при МХТИ им. Менделеева, Москва Зак. № 12.

ПИСЬМО МУСЫ ДЖАЛИЛЯ К ДОЧЕРИ ЧУЛПАН

Автограф. 24 марта 1942 г.

Музей Революции СССР, Москва

1942 г. в г. Малая Вишера, где после ранения я ожидал нового назначения от Политуправления 2 ударной армии.

Случайно на улице я увидел маленькую фигурку в огромной шинели не офицерской, а солдатской, видавшей виды. Издали мне показалось, что это мальчик. Когда я подошел, я узнал Джалиля. Я по-студенчески хлопнул его по плечу и спросил: «Как ты сюда попал?»

Он рассказал, что хочет попасть в татарские части, которые, как он слышал, действуют в составе 2 ударной армии. Я ему сразу сказал, что на переднем крае были у нас и татары и узбеки, но специальных национальных формирований там не было. Потом я предложил пойти ко мне, и он у меня жил недели полторы — где-то в угловом доме на улице Володарского и Нижегородской, почти на окраине Малой Вишеры.

Я советовал ему перейти в редакцию газеты «Отвага». Мы отправились в Политуправление фронта и добились назначения Джалиля в эту редакцию. Начальник Политуправления тов. Калашников пошел нам навстречу, и Джалиль получил обещание быть назначенным в редакцию [1].

Джалиль мне много читал стихов по-татарски и переводил их содержание.

В начале апреля Джалиль получил, наконец, приказ о назначении в газету, и больше я его не видел.

Стенограмма. Октябрь 1964 г.

[1] По-видимому, имея в виду этот разговор, М. Джалиль пишет 3 апреля Г. Кашшафу: «Вчера уже я получил было назначение на постоянную должность в одной из ударных действующих армий и собирался уже отправиться. Но сегодня опять получил новый приказ выехать в командировку на передовую линию фронта ⟨...⟩ Поэтому назначение откладывается, и я еду в командировку» (М. Джалиль. Сочинения, 1962, стр. 499).

Л. А. МОИСЕЕВ

Заместитель редактора газеты «Отвага». В настоящее время работает в редакции «Учительской газеты»

Л. А. Моисеев познакомился с М. Джалилем в МГУ на литературном факультете. Близко знакомы не были, но иногда встречались, в частности, в общежитии, где жил Джалиль.

Моисеев был заместителем редактора газеты «Отвага», но фактически выполнял функции главного редактора. Редакция «Отваги» формировалась в Москве после 16 октября 1941 г. Старые работники редакции — Б. Бархаш, М. Геллер, Л. Перльмуттер.

«Организация,—рассказывает Моисеев,—шла быстро и анекдотически. На Маросейке вырвал из блокнота листок бумаги — расписался, приляпал печать и получил «эмку» с шофером. В типографии Трансиздата демонтировали печатный станок. Под бомбежкой ехали в Горький, потом на Арзамас, на Алатырь».

В начале апреля, приехав вместе с художником газеты Е. В. Вучетичем и шофером Мачневым в Малую Вишеру за бумагой и продовольствием, Моисеев встретил там Джалиля, который был в резерве Политуправления армии. Джалилю там было скучно, он рвался на фронт. А так как в редакции была свободна должность поэта (Вс. Багрицкий был убит), то Моисеев легко уговорил Джалиля ехать к ним.

Далее Моисеев рассказывает:

«Сразу пошли к начальнику по агитмассовой работе Золотареву. Я говорю ему о том, в каких трудных условиях работаем, в лесу, кадров нет, линия фронта большая. А тут в резерве сидит подходящий человек, поэт, грамотный. Золотарев легко согласился — бери [1].

Поехали. От Малой Вишеры до расположения редакции было километров 100—110. Ехали по шоссе на Спасскую Полесть, до поворота на деревню Новая Кересть. Апрель, подтаивало. Но дорога еще была хорошая. Ехали через деревню Папортное, Селишевские казармы. Стемнело.

Движение было одностороннее: днем — оттуда идут машины пустые, с ранеными. Вечером туда — груженые. Набралась колонна машин в 150 — грузовики с сеном, продовольствием, легковые. Машины стояли ряда по четыре. Начинается обстрел. Лес загорается. Советуемся: что делать? Решаем не ждать очереди, прорваться в голову колонны. Так и делаем. Муса с Вучетичем сидят под брезентом, я иду с белым платком за воротником впереди машины, указывая путь. С матом-перематом продираемся вперед. Объехали ниточку машин, оказались четвертыми в колонне.

Встречное движение прекратилось. У поворота в лес стоит обгорелый танк. Обстрел усиливается. Грузовик с сеном куда-то свернул, полуторка влезла передними колесами в артиллерийскую воронку, просят помочь, а какой там помочь — снаряды рвутся. М-1 с полковником посторонилась — мы поехали вперед.

Добрались до контрольного пункта — и в укрытие. Это место уже простреливалось крупнокалиберным пулеметом (пули, как жуки, жужжат). Я побежал вперед — машина за мной (чтобы не нарваться на канаву). Совсем темно. Снарядом на дорогу свалило осину. Вылезли все. Было два топора. Разрубили, растащили ветки — едем дальше. Сзади обстрел усиливается, машины не идут. Включили (вопреки уставу) фары и дали предельную на этой дороге (километров 60) скорость. Здесь, в лесу, уже тихо.

Не доезжая Новой Керести, встретили еще один контрольно-пропускной пункт. Канонада позади. Речушка. Тихо. Сели в кружок, хватили

по полстакана спирта (разбавляли водой из речки), колбасы. Повеселели, поехали дальше. И когда один крутой обледенелый подъем машина никак не могла взять, все смеялись. На следующий день узнали, что почти все машины из этой колонны были разбиты».

Располагалась в это время редакция на окраине леса, в 3—4 километрах от небольшой (дворов на 20) деревни Огорелье. В редакции была система командировок. Л. Моисеев чаще ходил в командировки с Б. Бархашом — в авиацию, пехоту, артиллерию, медсанбат, в корпус Тугаева. Выпускали газету Моисеев и Кузнецов. Лихачев из «Красного воина» ведал военными вопросами.

Вс. Багрицкого убило, когда жили в партизанской землянке у Новой Керести, и там же ранило Кузмичева.

«Вечерами Джалиль вспоминал Москву, университет, говорил про постановку своей оперы в Казани, о ее успехе. Был он молчаливый, маленького роста, душевный.

Писал Джалиль активно и много. Писал стихи и на русском языке. Очень возбужденно рассказывал, вернувшись из очередной командировки, как пришлось на передовой в цепи делать перебежки под обстрелом».

Так как бумаги не хватало, то вскоре газета перешла на две полосы. Моисеев был откомандирован из редакции в середине мая и больше Джалиля не видел.

Запись беседы. Сентябрь 1957 г.

[1] По свидетельству В. А. Серебрякова, у Джалиля уже была договоренность о назначении в редакцию газеты «Отвага».

Н. И. РОДИОНОВ

Корреспондент газеты «Отвага». В настоящее время — редактор студии Союзмультфильм

В штате редакции газеты «Отвага» была должность «поэт». Ее занимал Всеволод Багрицкий. В феврале 1942 г. он был убит на моих глазах осколком.

На его место прислали Джалиля. Он пришел — маленький, в шинели до пят. У него был приятный, гортанный голос. Он встал у меня на партучет. Я вел отдел комсомольской жизни и был парторгом редакции газеты. Мы жили в одной палатке.

Место, на котором закрепилась наша часть, когда наступила весна, оказалось болотом. Артиллерия тонула. То там, то здесь из воды выглядывал ствол орудия. Если посмотреть с самолета — это была ровная стеклянная гладь. Мы валили деревья, укрепляли их рейками, и на это сооружение ставили палатку. Кругом была вода.

Мы голодали. Ели конину. Вялили ее. Потом кончилась соль. Это было страшно — соляной голод. А потом — Муса был инициатор в этом деле — мы стали собирать и пить березовый сок. Он был гораздо практичнее нас всех, интеллигентов.

В общем, мы всё испытали. Трудности были страшные. Боря Бархаш плакал все ночи. Куда ни пойдешь — трупы синие плавают. А немцы по радио (громкоговоритель) кричат каждую ночь: «Сдавайтесь! Сдавайтесь!»

С нами жил в палатке Лазарь Борисович Перльмуттер, кандидат филологических наук.

На задания мы, как правило, так было установлено — ходили вдвоем. Нередко я ходил в паре с Джалилем.

Причем нам, корреспондентам, приходилось куда тяжелее, чем солдатам. Тот, по крайней мере, сидит на одном месте, а ты должен по воде, под

обстрелом делать огромные концы и раздобывать важный, свежий и интересный материал. На задание мы уходили, зная, что можем и не вернуться.

В нашей армии было много татар и вообще бойцов нерусской национальности (казахи, узбеки).

Становилось всё труднее. Мясной бор стал совсем узенький. А нам всё время говорят: нужно спасти город — Ленинград!

Пока мы шли в наступление — было трудно, но хорошо. Многие приезжали, в том числе и А. Чаковский. Потом, когда наступление захлебнулось, дорогу закрыло — тогда сразу никаких представителей.

И вот в это трагическое время пришел Джалиль. Мы читали стихи: кто какие помнит. Багрицкий читал стихи отца — «Думу про Опанаса», я читал Блока. Потом, когда Джалиль пришел к нам, он тоже читал. Что — не помню.

Мы были отрезаны от Большой земли. Сообщение — самолетами. До 1 мая еще надеялись. А потом стало совсем плохо.

Запись беседы. Июль 1957 г.

И. А. ЮЛИН

Шофер редакции газеты «Отвага». В настоящее время — пенсионер

Редакция в январе 1942 г. прошла из Вишеры через Мясной бор и разместилась в бывшей землянке партизан, а ввиду сильного обстрела в марте переехала на опушку леса, где простояла до первых чисел мая.

2—3 мая редакция переехала ближе к Мясному бору, т. е. редакция размещалась в двух километрах от площадки, где наши самолеты сбрасывали продукты для 2 ударной армии.

В начале мая кончался бензин, и приходилось прекращать выпуск газеты. Все работники забегали, как бы достать горючего, но горючего достать не было никакой возможности.

Вот в этот момент к нам из землянки и пришли батальонный комиссар Румянцев и Джалиль, хотели придумать, что можно сделать, чтобы печатать газету. Я уже думал, как бы приспособить вручную печатать, но печатная машина была большая — третий номер, и она занимала весь кузов трехтонной автомашины, и они ушли. Румянцев сказал: «Товарищ Юлин, подумай, что можно сделать». Это было 5—6 мая, а на следующий день я поднял одну сторону трехтонки и приделал деревянную ручку к колесу. Когда вращали за ручку, печатная машина приходит в движение. Иногда проходящие мимо солдаты помогали нам крутить, и они сразу получали за это свежую газету.

Однажды остановилась машина-вездеход, и из машины вылез товарищ с ромбами и спросил, что мы делаем. Мы были совершенно голые, так как было и жарко и сил не было, а газету нужно было выпускать. Мы с шофером Кочетковым остолбенели, прикрылись гимнастерками. Перед нами стоял человек с ромбами, а сколько ромбов — я и не помню. Подали ему газету, показали, что мы делаем, он поблагодарил нас и поехал, и так было жаль, что мы не узнали, кто этот человек.

Числа 20 июня 1942 г. пришел батальонный комиссар Румянцев и приказал мне идти на дровяные поля и подобрать новое место для наших автомашин. Вернувшись, я доложил, что настил весь забит техникой и мы не сможем пробраться на дровяное поле, и рассказал, что сегодня для нашей армии 240 человек принесли сухарей, и когда они переходили Мясной бор, ранили только одного человека, и то легко, но на это мне Румянцев ничего не ответил, ушел в землянку.

Поздно ночью пришли к нам товарищи Румянцев и Кузнецов. Румянцев мне сказал, что мы, семь человек: Кочетков, Мачнев, Володя-печатник, шофер-сибиряк, наборщик (не помню фамилии и имени), печатник Сергей и я останемся здесь, а остальные уходят.

Тов. Румянцев сказал: «За технику отвечаешь ты, тов. Юлин, своей головой и помни слова тов. Сталина, чтобы техника не досталась врагу».

Румянцев меня обнял и сказал, что приказ на войне не обсуждается, и мы со всеми попрощались. Числа 23 июня мы получили крупы по три столовой ложки на человека, по одному сухарю и записку от батальонного комиссара Румянцева. Он писал: «Тов. Юлин, вот что мы смогли для вас сделать. Этот маленький гостинец я посылаю с Володей, приказ остается старый, пришли мой костюм, который я забыл в кабине. С приветом Румянцев».

27 июня мы все шрифты высыпали в болото, замяли лопатами, разбили печатную машину, разбили моторы машин, искололи резину, и больше из своих никого не видели.

Письмо от 20 декабря 1957 г.

А. И. ОБЫДЕНА

Сотрудница редакции газеты «Отвага». В настоящее время — пенсионерка

Джалиль появился у нас в белом дубленом полушубке, перепоясанный портупеей, с планшетом. Он был очень скромный, тихий и сдержанный человек. Никто не знал (вернее, он никогда никому не говорил) о том, какую большую работу вел до войны.

Мы вместе ходили собирать клюкву, когда снег начал подтаивать. Пили много березового сока, варили на нем пшенную, очень вкусную кашу.

В конце апреля Муса читал стихи. Моисеев рассказывал о государстве Урарту, читал песнь о Гайавате.

18 мая я была откомандирована в Малую Вишеру, Джалиль провожал меня до узкоколейки. На прощанье он дал мне письмо Фадееву. В начале июня, когда я добралась до Москвы, я опустила письмо в почтовый ящик.

Запись беседы. Сентябрь 1957 г.

Из дневника А. И. Обыденой

29 марта. Вот уже 10 дней, как отрезаны от фронта. Редакция расположена на огневой позиции тяжелой артиллерии.

Голодно. Суп, 300 г хлеба, 30 г мяса. Научилась много чаю пить.

Гибнут жизни.

31 марта. Мы снова перебираемся на новое место. Пока что остановились в лесу, неподалеку от деревни Огорелье...

Вчера прорвалось 60 машин с продовольствием. У Мясного бора немцев отогнали на полтора-два километра.

8 апреля. Что-то на фронте без перемен, за исключением того, что некоторые наши части отошли несколько назад. Вернулись из командировки товарищи и рассказывают, что наши потеряли до 50%.

Под Любанью горы трупов. Видно, фашисты здорово укрепились. Никак не удается выбить их из Любани.

28 апреля. Деревня Огорелье в 30 км от Любани. Мы всё еще сидим здесь. Снег почти везде стаял. Поют птицы, кричат журавли. Вчера Муса принес маленький букетик весенних цветов. Чудный сиреневый цвет. А как они называются — никто не знает. Джалиль научил добывать березовый сок и мы заняли под него всю посуду. Готовим из него чай, кашу.

А кое-кто, видно, ленится собирать сам и шастает по нашим котелкам. Пришлось повесить объявление: «Осторожно — заминировано».

Тихо и спокойно сегодня — как на даче или в доме отдыха. Даже жутко бывает иногда: какая буря нас ждет в ближайшем будущем? Продукты нам сейчас доставляют, и мы перешли на котловое питание.

29 апреля. Сегодня всю ночь и до полудня шла грозная артиллерийская канонада.

Кто будет участвовать сегодня в концерте — будет есть пирожки с клюквой (пирожки из крошек от черных сухарей). Канонада не затихает. Видно, где-то большое наступление наших. Скорее всего за Мясным бором. Вчера впервые за последние три недели пришла почта и центральные газеты.

Вчера ночью все спали. Я ожидала полосы с машины. Вернулся с передовой Муса Джалиль и зашел к нам в палатку. Тяжелые впечатления отогнали от него сон. Читал мне свои стихи. Вначале по-татарски. А когда я сказала, что звучат они очень мелодично, но непонятно, он тут же начал переводить их на русский язык. Стихи очень нежные, ласковые. В основном лирика. Потом рассказывал о своей жизни, которая в детстве и юности была довольно-таки тяжелой, о любимой дочери Чулпан. Потом коротко рассказал историю своей первой любви, не окончившейся ничем.

Н. М. УСАЧЕВ

Майор, начальник штаба 165 батальона. В настоящее время — начальник металлургического цеха на заводе в г. Ревда Свердловской области

В газете «Отвага» весной 1942 г. была напечатана статья «Как были уничтожены два батальона немцев» [1]. Это статья о действиях нашего 165 отдельного батальона. Командир батальона — Гаврилов, я же был начальником штаба этого батальона. По многим дерзким операциям наш батальон был известен всей армии. В те времена наш батальон занимал оборону, седлал шоссейную дорогу Спасская Полесть — Ольховка. Слева мы упирались в болото, а справа нашим соседом был полк, которым командовал подполковник Назиров Бакий Гаттаулович.

В одной из успешных операций, которую завершил наш батальон (это было в конце апреля 1942 г.), к нам пришла группа товарищей из политотдела армии и редакции газеты. Здесь я впервые и познакомился с Мусой Залиловым. Это мне запомнилось потому, что в записной его книжке были отмечены все действия нашего батальона, и он мне сказал, что собирается написать о боевых действиях нашего батальона, и второе — он ко мне обратился на татарском языке. Он ошибся, приняв меня за татарина, и его разубедил мой автоматчик-связной Хузни. Хузни-то и говорил с ним на родном языке, после мы посмеялись.

Кровопролитные ожесточенные бои продолжались, кольцо с каждым днем все сужалось. 20 июня я получил приказ с небольшой горсточкой оставшихся в живых занять оборону на участке вероятного разрыва нашего кольца. С раннего утра 21 и 22 июня мы отразили восемь психических атак немцев. По заявлению пленных немецких офицеров, нами был почти полностью уничтожен полк полевой жандармерии, прибывший из Франции. К концу первой половины дня 22 июня 1942 г. немцы прекратили атаки, а около 4 часов дня ко мне пришли трое — один автоматчик, лейтенант и с ними Муса Залилов. Мы встретились как старые знакомые. Муса детально интересовался этой воистину безмерно храброй операцией, проведенной остатками нашего батальона. Он воочию видел набитых нами немцев. К концу дня я получил приказ занять оборону в районе узко-

колейной дороги, что проходила по дровяному полю, нас сменили при отходе на новую позицию. В нашем старом районе была слышна активная перестрелка. Эту нашу последнюю операцию знают все, кто остался в живых, так как боеприпасами мы снабжались со всего окружения. Мусе Залилову я назвал всех участников-героев по фамилии, их в большинстве я помню и теперь. У Мусы Залилова было желание остаться с нами, так как на нас он возлагал большие надежды, но какие-то обстоятельства не позволили ему выполнить это желание. Обстановку, как он, так и я, понимали отлично.

Мы распрощались с ним, пожелали друг другу всего самого хорошего. Он заверил меня, что если останется в живых, то обязательно напишет о нашем батальоне, для чего он и пришел к нам 22 июня 1942 г.

Больше Мусу Залилова я не встречал и не знал его судьбы [2].

Письмо от 1 июня 1960 г.

[1] По-видимому, имеется в виду третья полоса газеты «Отвага», № 419 от 5 апреля — здесь дан ряд материалов под общим заголовком «Герои разгрома двух отборных батальонов».

[2] О встрече с Мусой Джалилем 22 июня 1942 г. в этом же районе узкоколейной дороги рассказывает и А. И. Русских в очерке «Приключение в Мясном бору» (сб. «Муса турында истәлекләр», Казань, Татарское книжное изд-во, 1964, стр. 123—125).

ИРИНА ЛЕВЧЕНКО

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОФИЦЕРАМ И СЕРЖАНТАМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

. . . . . .

2. Подполковнику запаса ЛЕВЧЕНКО Ирине Николаевне

. . . . . .

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
А. Микоян
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

Москва, Кремль, 6 мая 1965 г.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на санинструктора 1 танкового батальона
старшину Левченко Ирину Николаевну

По своим деловым и политическим качествам предана делу партии и социалистической родине.

В боях на Крымском фронте в своей практической работе проявила мужество и отвагу.

В боях за Тулумчак и Карпеч тов. Левченко оказала медицинскую помощь 30 раненым и самолично эвакуировала с поля боя 28 человек с оружием, при этом захватила одного пленного и румынский пулемет, доставив его в часть.

Среди личного состава пользуется заслуженным авторитетом.

Заслуживает присвоения звания военфельдшера.

Представлена к правительственной награде.

Комиссар отдельного танкового батальона
39 танковой бригады,
батальонный комиссар Рогов

6 июня 1942 года

Центральный музей Вооруженных сил СССР

И. Н. ЛЕВЧЕНКО
Фотография. Крымский фронт 1942
Собрание И. Н. Левченко, Москва

ПИСЬМО ОФИЦЕРОВ В/ЧАСТИ 32456 К МАТЕРИ ЛЕВЧЕНКО — Л. С. САРАЕВОЙ

«Уважаемая Лидия Сергеевна!

Командование и политический отдел воинской части 32456 поздравляет Вас с получением вашей дочерью Ириной Николаевной ордена «Красная Звезда» за мужество, отвагу и героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками.

Ваша дочь мастерски дерется с врагом, изгоняя его не только с нашей священной земли, но и с земель славянских народов, и вы можете гордиться такой дочерью.

Мы уверены, что и в дальнейших боях она будет героически бить проклятых немцев. Надеемся, что вы в меру сил и возможностей будете помогать фронту в быстрейшем разгроме врага.

Желаем вам доброго здоровья и успеха в личной жизни и труде, а после разгрома врага — счастливой встречи со своей дочерью Ириной Николаевной.

Ваша дочь Ирина Николаевна жива, здорова и чувствует себя хорошо, чего и вам от души желает.

Будьте здоровы!

С фронтовым приветом

Зам. начальника политотдела в/части 32456
гвардии подполковник Коротков

30 сентября 1944 года

Центральный музей Вооруженных сил СССР

А ДЕВУШКА НАША ПРОХОДИТ В ШИНЕЛИ *

В марте 1942 года мы вели бои на Керченском полуострове. На рассвете танковый батальон получил приказ атаковать передний край обороны противника, подавить огневые точки и дать возможность нашей пехоте занять окопы врага.

Танки вышли из укрытий и развернутым фронтом двинулись вперед. Противник открыл ураганный огонь. Вокруг рвались снаряды. Следом за одним из наших танков, прикрываясь его броней, бежала с медицинской сумкой в руках санинструктор. И вдруг загорелась соседняя машина. Девушка метнулась к пылающему танку. Она быстро откинула люк и стала вытаскивать из машины раненых под непрерывным огнем противника.

Загорелся еще один наш танк. Его экипаж выбрался из машины и залег в ближайшей воронке. Ирина подбежала к танкистам, перевязала им раны.

— Ну, я побежала дальше,— сказала им.

А бой все разгорался. И вдруг танкисты, укрывшиеся в воронке, услышали голос санинструктора. Все подняли головы. Неподалеку они увидели свою спасительницу, которая тащила на себе огромного полуживого фрица в форме лейтенанта. В воронку они скатились вместе. Лейтенант застонал.

Танкисты следили за ловкими действиями мужественной девушки. Ирина наложила жгут, начала приспосабливать шину. Лейтенант от боли выл. А Левченко с усмешкой приговаривала: «Ничего, фрицик, терпи, отвоевался»...

Но вот огонь стал ослабевать. А через несколько минут с криками «ура» двинулась вперед наша пехота. Ирина Левченко выскочила из воронки и побежала вслед за атакующими.

А через день перед строем был зачитан приказ по части. В нем говорилось: «За храбрость и мужество, проявленные в бою, спасение двух экипажей, старшине медицинской службы Ирине Левченко объявляется благодарность и она представляется к награде медалью „За боевые заслуги“».

Газета «За коммунистический труд», город Раменское, Московской области, 23 марта 1965 г.

‹БОЕВОЙ ПУТЬ И. Н. ЛЕВЧЕНКО**›

Ее имя стало известно уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. В дни суровых боев за Москву «Комсомольская правда» опубликовала «Письма к матери» автором которых была юная комсомолка Ирина Левченко — будущий танкист, военный инженер, писатель. Эти письма и сейчас нельзя читать без волнения. В них жаркое дыхание жестоких боев, непоколебимость духа советских людей. Семнадцатилетняя медицинская сестра, ушедшая добровольно на фронт, писала о боевых товарищах, о тех, кто своим мужеством, отвагой, бесстрашием вдохновлял ее в часы тяжелых испытаний. Воспитанница Ленинского комсомола, Ирина Левченко впитывала в себя все лучшее, чем богаты были окружавшие ее бойцы и командиры. Она научилась у них любить Родину и ненавидеть ее врагов, она стала такой же храброй, мужественной, непоколебимой.

В трудные дни отступления Ирина Левченко не только разделяла тяжелую участь воинов, но и помогала им чем могла. Она эвакуировала из окружения 168 раненых, вытащила из горящих машин 28 раненых танкистов.

В боях за Крым Ирина Левченко была ранена. Как инвалида второй группы ее уволили из армии. Однако отважная комсомолка не могла сидеть без дела, пока заживала рана. У девушки родилась дерзкая мечта — стать танкистом. Нелегко было осуществить это желание, но Ирина Левченко добилась своего. Она поступает в танковое училище.

---

* Воспоминания Т. Туркатова, бывшего командира отдельного танкового батальона.

** Статья капитана 2 ранга В. Воронецкого.

И опять фронт. Ирина Левченко — первая женщина, севшая за рычаги грозной боевой машины,— становится лейтенантом, командиром танкового взвода. Смоленск, Яссы, Будапешт... Свой боевой путь она закончила на подступах к Берлину. Сколько на этом боевом пути пережито, сколько раз приходилось смотреть смерти в глаза!

Танковое соединение, в котором служила Ирина Левченко, совершив глубокий рейд, отрезало врагу пути к отступлению. Все теснее сжималось кольцо вокруг бешено сопротивлявшихся гитлеровцев. Возникла угроза, что наступающие навстречу друг другу наши части могут ударить по своим. Нужно было прорваться по территории, удерживаемой противником, предупредить об опасности, указать цели.

В машине — офицер связи танковой бригады Ирина Левченко и двое автоматчиков. Поливая свинцовым дождем кукурузу, где засели гитлеровцы, они мчатся вперед. Вокруг свистят пули, рвутся мины. Но Ирина Левченко выполнила приказ: «Прорваться любой ценой». Доставленные ею сведения позволили избежать жертв и нанести решающий удар по гитлеровцам.

Отгремели военные годы. Ирина Николаевна окончила Академию бронетанковых войск, стала военным инженером. Через несколько лет она снова села за парту. На этот раз в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Окончила ее с отличием.

Три ряда орденских лент украшают военную форму подполковника запаса Ирины Николаевны Левченко — писателя, члена Советского комитета ветеранов войны. Теперь к боевым наградам прибавились знаки высшей степени отличия — орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя.

«Красная звезда», 12 мая 1965 г.

О КНИГАХ ИРИНЫ ЛЕВЧЕНКО *

Через семь лет после победы над фашистской Германией в журнале «Знамя» (1952, № 11 и 12) появилось первое литературное произведение подполковника запаса Ирины Левченко — «Повесть о военных годах». Еще через год повесть вышла отдельной книгой (Воениздат, 1953), которая выдержала затем шесть переизданий.

Эта книга, написанная участницей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., в основном автобиографична. На первых же ее страницах мы знакомимся с московской школьницей-комсомолкой, а, дочитав книгу, прощаемся с коммунисткой, боевым командиром-танкистом, закончившим войну в должности офицера связи корпуса. От главы к главе читатель видит, как взрослеет девушка, от имени которой ведется повествование, как меняется ее речь, как более зрелыми становятся ее представления об окружающих людях, ее оценки событий, происходящих на ее глазах или при ее непосредственном участии.

Военную тему Левченко продолжает разрабатывать и в последующие годы. Она пишет ряд рассказов, вошедших затем в сборники: «Дочь командира» (1955), «Надежда» (1957), «Бессмертие» (1960), «Хозяйка танка» (1964), «Счастливая» (1964). Бóльшая часть этих произведений посвящена одной общей теме — судьбе женщины на войне. Рассказывая о реальных женщинах-героях или создавая обобщенные художественные образы, автор стремится показать самое главное — как война формирует сознание человека, как в суровых испытаниях боевой жизни происходит рождение подвига.

Одновременно с работой над этими сборниками Ирина Левченко обращается к темам мирного строительства. Она пишет повесть «В скором поезде» («Советская Россия», 1958), издает книгу очерков о подвиге комсомольцев-целинников «Без обратного билета» (изд-во «Знание», 1962), создает цикл «рассказов-былей» об истории знамени Московского комсомола — они составили книгу «Чтобы яблони цвели» (Воениздат, 1963). В 1964 г. Красноярским книжным издательством была выпущена документальная повесть Левченко о строителях Красноярской гидроэлектростанции — «Люди — Штурм — Победа».

* Справка написана Т. Резвовой.

Задумав новый роман, героями которого должны были стать мужественные советские люди, работающие на Крайнем Севере, писательница совершила поездку в Заполярье. Здесь, во время ее пребывания в Игарке, возник сильный пожар, причинивший огромный ущерб молодому городу. Ирина Левченко активно работала в группе, созданной горкомом комсомола для борьбы со стихийным бедствием, в частности, она организовала вывоз детей в безопасное от пожара место. Роман о полярниках, озаглавленный «И никак иначе...», выходит в свет в издательстве «Молодая гвардия».

Ирина Левченко ведет большую общественную работу. Она член Советского комитета ветеранов войны, Комитета советских женщин. В составе различных делегаций она приняла участие в ряде зарубежных поездок: была в странах Африки, сбросивших иго колониализма, ездила в Соединенные Штаты Америки, гостила у друзей в странах социалистического лагеря, в том числе в Германской Демократической Республике; результатом этой поездки явилась очерково-публицистическая книга «Люди новой Германии» (Госполитиздат, 1959). Весной 1966 г. Левченко совершила поездку во Вьетнам. На Огненной линии, как называют вьетнамцы четыре южных провинции, подвергающиеся интенсивным бомбежкам, она встречалась с героями, защищающими завоевания революции от посягательств империалистов, с героями ее будущей книги.

Все свое творчество — повести и рассказы, журнальные очерки и романы, газетные статьи и репортажи — Ирина Левченко, писательница, коммунист, Герой Советского Союза, посвящает борьбе за мир, строительству коммунистического общества.

О ПОГИБШИХ ПИСАТЕЛЯХ*

Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! ⟨...⟩ Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. ⟨...⟩ Каждый, кто был верен будущему и умер за то, чтобы оно было прекрасно, достоин памятника.

Ю. Фучик

ЮРИЙ ИНГЕ

Погиб 28 августа 1941 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Тов. Юрий Алексеевич Инге родился в 1905 г. в Стрельне. С 1922 года по 1929 год он работал на заводе «Красный треугольник» резинщиком, и здесь началась его жизнь одного из интересных и своеобразных ленинградских поэтов. Но главное своеобразие и живую творческую силу поэзия Инге получила от моря.

Еще детство Инге было овеяно этой поэзией. Его дед — лоцман на Финском заливе. Его отец — портовый служащий. Влечение Инге к морю сказалось в его поисках моряцкой аудитории, в поездках на Черное, Белое и Баренцово моря, оттуда он возвращался всегда поэтически обогащенным. Инге был в Ленинградской писательской организации одним из первых поэтов, решительно и полностью отдавших свои силы оборонной тематике.

В белофинской кампании Инге работал в соединении торпедных катеров и береговой обороне. Война дала ему толчок и в работе над прозой. Он работал над портретами героев-подводников [1], написал очерки о боевых действиях краснознаменных подлодок, по архивным материалам восстановил богатую историю «Марти» — «Штандарта» [2].

С начала войны, только что закончив новую зрелую поэму «Вахтенный журнал» и выпустив очередной поэтический отчет — книжку «Город на Балтике», Инге начал работать в газете «Красный Балтийский флот». В Отечественной войне как никогда развернулись его силы. Он писал гневные стихи, боевые очерки, сатирические фельетоны, стихотворные подписи к плакатам.

На переходе Таллин — Кронштадт Инге героически погиб. У него остались жена и двухлетний сын, находящиеся в Ленинграде (жена — поэт Вечтомова, бывшая в войне с Финляндией на фронте).

А Зонин
Ан. Тарасенков
В. Азаров

28/XI—41 г.

ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 567, л. 111 и об.

---

* На фронтах Великой Отечественной войны пало смертью храбрых около 400 писателей. Имя каждого из них заслуживает быть увековеченным. Для этого сделано уже немало. За последние годы вышло несколько книг, посвященных памяти погибших на боевом посту писателей и журналистов. Редакция «Литературного наследства» имеет возможность опубликовать здесь еще ряд новых материалов о нескольких погибших писателях.

** Публикация В. П. Нечаева.

Ю. А. ИНГЕ
Фотография, 1940
Собрание Е. А. Вечтомовой, Ленинград

[1] Очерки Ю. Инге о подводниках — «Анатолий Коняев» и «Федор Вершинин» — вошли в сборник «Балтийцы — Герои Советского Союза» (Воениздат, 1941). Подводникам посвящен и ряд стихотворений Инге в газете «Красный Балтийский флот».

[2] «Штандарт» — в прошлом императорская прогулочная яхта, после Октябрьской революции перестроенная в минный заградитель («Марти»), первый из кораблей Балтийского флота получивший звание гвардейского. В настоящее время его название — «Ока».

История минзага, над которой Инге работал по поручению Пубалта, была опубликована в отрывках в корабельной газете «Мартиец». Полностью до сих пор не напечатана.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ*

1

Наши пушки вновь заговорили.
Враг напал. Мы выступили в бой.
Вымпела прославленных флотилий,
Словно чайки вьются за кормой.

Каждый выстрел неизменно меток,
И победным знаменем плывет
Над броней стремительных танкеток
Гордый клич: «За Родину! Вперед!»

---

* Поэма-плакат Юрия Инге «Война началась» была написана в июне 1941 г. перед отъездом его в Таллин. Напряженная международная обстановка внушала тревогу. Радиокомитет попросил поэта написать стихотворение о начале войны и оставить его в редакции. 22 июня оно читалось по радио после правительственного сообщения (столько раз, сколько передавалось сообщение). Многие строки из поэмы звучали как лозунги — их вывешивали в цехах ленинградских заводов.

Целиком произведение печатается впервые. Пять строф из первой части и пять строф из заключительной части вошли в сборник Юрия Инге «Корабельная сторона» (М., Воениздат, 1957).

Бить врага нам нынче не впервые.
Чтоб кровавый след его простыл,
Вам, полки и роты фронтовые,
Помогает действующий тыл.

Как один за Родину мы встали,
Равнодушных между нами нет.
Каждой тонной выплавленной стали
Мы крепим величие побед.

И сражений раскаленный воздух
Стал отныне общею судьбой —
Нам, несущим вахту на заводах,
И бойцам, бросающимся в бой.

Родина! Тебе мы присягали
И, шагая с именем твоим,
Силой крови, пороха и стали
В этой битве снова победим!

2

Когда наши братья в атаку идут,
Взрывая надолбы и доты,
Четыреста восемьдесят минут
Заполним ударной работой.

Мы сделаем всё для героев страны,
Чтоб нами хотелось гордиться им:
Ведь мы, ленинградцы, вовеки верны
Своим большевистским традициям.

С противником биться час настал,
Бить его нужно всячески.
Наливая в ковши металл,
Не забывай о качестве!

Товарищ! Запомни наказ страны:
Об армии все заботы.
Сапоги на фронте нужны
Не меньше, чем пулеметы.

Каждая мелочь важна на войне —
Бумага, лопаты, мыло.
План выполнять мы должны вдвойне —
Это обязанность тыла.

Табачница! Помни гражданский долг,
Следи за цехами зорко,
Чтобы имел твой подшефный полк
Папиросы, табак, махорку.

Для наших товарищей славных, для них
Идут по дорогам составы —
Один от ижорцев, второй от ткачих,
А третий от Нарвской заставы.

Строй самолетов небо закрыл
До самого горизонта.
Товарищ! В войне современной тыл —
Вторая линия фронта!

3

Повсюду стоят боевые посты
Могучей Советской державы:
От Белого моря до Алма-Аты,
От бухты Посьет до Либавы.

Над ними сияет счастливой судьбой
Незыблемость славных законов.
Наш клич величавый — «За Родину! В бой!
За счастье двухсот миллионов!»

На каждый удар с любой стороны
Врагу отвечаем мы втрое.
Да здравствует армия нашей страны,
Армия — племя героев!

Армия путь пробивает себе
Свинцом и штыками острыми.
Сколько спасенных в этой борьбе
Нашими красными сестрами.

Над ними кипит ураган огня,
Свинцовая вьюга кружится.
Но непроницаема эта броня
Славного женского мужества.

Так пусть испытает в бою до конца
Орда фашистской военщины—
Отвагу танкиста, труд кузнеца
и храбрость Советской женщины.

4

За мирное счастье на свете
Дерется Советский народ,
И враг его, сеющий ветер,
Свинцовую бурю пожнет.

Мы клялись Советской Отчизне
И клятву сдержали не раз,
Ни крови, ни счастья, ни жизни
Мы не пожалеем сейчас.

Привет вам, бойцы Ленинграда,
Идущие в первых рядах,
Забудьте о слове «пощада»,
Развейте противника в прах.

Несите победное знамя
С гербом из тяжелой парчи,
Вас всюду встречали цветами
Косцы, рудокопы, ткачи.

Шагайте по выжженным нивам,
Глашатаи мирной страны,
Карайте мечом справедливым
Врагов, что погибнуть должны.

Никто никогда не осилит
Возмездия пламенный шквал:
Одних поразил он навылет,
Других уложил наповал.

«БЬЕМ!», № 2

Плакат. Издание газеты «Красный Балтийский флот»,
Таллин, лето 1941 г.

Текст Ю. А. Инге. Карикатуры Л. С. Самойлова

Собрание Л. С. Самойлова, Москва

И мчится стальная армада
Путем неизменных побед,
Греми же, греми, канонада,
Разбитому полчищу вслед.

Пройдя пограничные знаки,
Минуя засады и ров,
Разрушим клинками атаки
Гнездо озверевших врагов.

Нам это спокойно и четко
Велела Советская власть.
Получена первая сводка...
— Товарищ, война началась!

ОТЗЫВ О СБОРНИКЕ СТИХОВ т. ЮРИЯ ИНГЕ

Балтийский флот, писатели Балтики знают Юрия Инге — погибшего героической смертью 28 августа 41 года в боях при прорыве из Таллина.

После Ю. Инге остались его горячие, боевые, глубокие стихи. Долг литературной общественности — издать их. *Эти стихи живут, они все целиком ⟨служат⟩ борьбе с врагом. Они делают нужнейшее дело.* Они, вместе с тем, памятник борьбы за Ленинград.

Весь сборник пронизан силой, энергией и лирической нежностью. Сборник этот — и история молодого человека-бойца...

Сборник, отредактировав, следует дать таким, как он естественно сложился... Читатель ощутит, поймет сам динамику событий, разнообразие и срочность тем, отклик поэта на бои, участие в них.

Чем *скорее* выйдет сборник, тем лучше. Мы в долгу у поэта КБФ Юрия Инге... Прекрасный сборник!..

Всеволод Вишневский

Ленинград. 17 августа 1942 г.

Вс. Вишневский познакомился со сборником стихов Ю. Инге в рукописи и прислал свой отзыв в письме к Е. А. Вечтомовой. По ее просьбе рукопись была передана А. Фадеевым в издательство «Советский писатель», которое выпустило книжку в 1944 г. под названием «Вахтенный журнал».

ОРЕСТ ЦЕХНОВИЦЕР

Погиб 28 августа 1941 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА *

Полковой комиссар Орест Цехновицер — известный ленинградский критик и профессор-литературовед, член правления Пушкинского дома, автор исключительно ценного труда «Литература эпохи мировой войны», активный сотрудник журналов «Знамя», «Краснофлотец», «Звезда» и изданий Академии наук. Член ВКП(б), товарищ Цехновицер в свою литературную работу вносил подлинную партийность.

Последние два года он проделал огромную работу по научному анализу места Достоевского в мировой литературе. Ценность научной работы тов. Цехновицера была учтена Советским правительством, назначившим ему Сталинскую стипендию.

С первого дня Отечественной войны тов. Цехновицер — работник Пубалта; он один из любимейших лекторов на кораблях и в частях КБФ, неутомимый агитатор, а также организатор пропагандистской работы в войсках противника, активный сотрудник газет «КБФ» и «Советская Эстония», Военно-морского издательства.

В дни обороны Таллина тов. Цехновицер был послан в отряды морской пехоты. Он проявил блестящие комиссарские способности, бесстрашно водил бойцов в атаки, обращаясь к ним с горячим призывом, большевистским словом.

Товарищ Цехновицер героически погиб на переходе Таллин — Кронштадт 28 августа 1941 г. У товарища Цехновицера осталась жена (тов. Хин) и сын тринадцати лет, проживающие в лагере ленинградского Литфонда в Молотовской области, и мать с сестрой, проживающие в Ленинграде.

Вс. Вишневский
А. Зонин
Н. Михайловский
Г. Мирошниченко
А. Тарасенков
В. Азаров
Е. Лаганский
И. Берхин

28 ноября 1941 г.

ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 567, л. 110.

---

* Публикация В. П. Нечаева.

ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

на профессора, сотрудника Академии наук СССР, полкового комиссара Цехновицера Ореста Вениаминовича *

Представляется к ордену Красного Знамени (посмертно)

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. О. Цехновицер— представитель партийных научно-литературных кадров, автор ряда ценных научных трудов, работник Академии наук СССР, преподаватель литературы.

С первых дней войны с германским фашизмом — работник Политуправления КБФ. Автор ряда воззваний, листовок и газет, выпускаемых для солдат противника. В дни августовских боев за Таллин дрался на рубежах в морской пехоте в качестве комиссара. Своим личным примером и горячим большевистским словом двигал моряков на подвиги и отбивал многочисленные атаки немцев.

Тов. О. Цехновицер во время боев раскрыл вражескую агентуру, пресек ее деятельность, вывозил раненых, вел записи.

В походе 28 августа О. Цехновицер своей героической смертью запечатлел верность делу родины.

Большевик-литератор, политработник, боевой комиссар-балтиец, тов. Орест Цехновицер достоин боевой награды.

Начальник группы писателей
Политуправления КБФ
бригадный комиссар В. Вишневский

28 апреля 1942 г.

II. Заключение вышестоящих начальников

За исключительно активную боевую работу т. Цехновицер Орест Вениаминович достоин награждения орденом Красного Знамени — посмертно.

Заместитель начальника Политуправления КБФ
бригадный комиссар Рыбаков

ЦВМА, ф. 3, оп. 2201, д. 24, лл. 143—144.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1942 г. О. В. Цехновицер был награжден посмертно орденом Красного Знамени «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество».

ПИСЬМА К СЕМЬЕ**

1

6.VII ⟨1941⟩, 3 часа ночи.

Дорогие!

Это голос в пространство. Через несколько часов уезжаю. Не знаю вашего адреса. Сегодня в 8 часов вечера вызвали — в 7 утра уезжаю. Получил назначение во флот. Спешно одели, обули. Всё ликвидирую. Стало все ясно,— с сердца спал груз. Не могу быть в стороне. Судьба нашей родины — судьба каждого из нас. Более половины всей жизни (сознательная — вся) отдана революции. Мы должны победить и мы (да, *мы*!) победим.

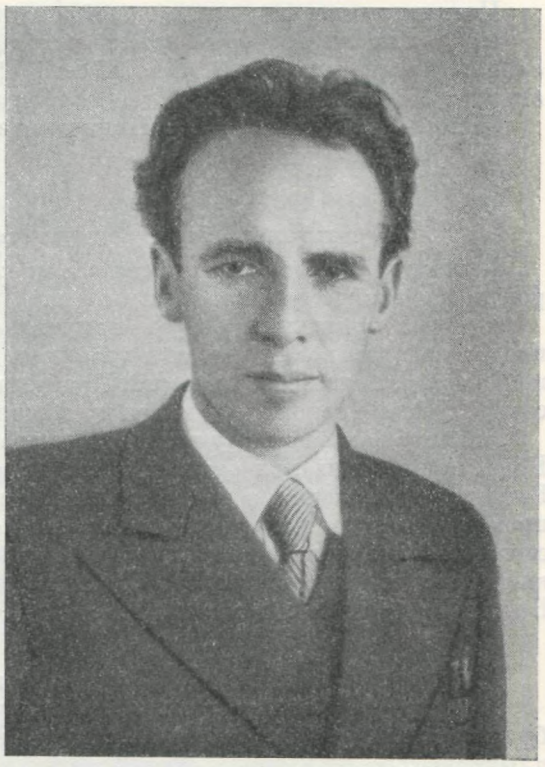
Вы вовремя уехали. Сегодня видел, как сбили ястребка.

---

* Публикация Ш. Я. Биллевич.

** Печатаются по подлинникам, хранящимся у жены писателя, Е. Ю. Хин. Копии писем №№ 1, 4 и 6 имеются в ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 681, лл. 5—9.

О. В. ЦЕХНОВИЦЕР
Фотография. Ленинград, 1940—1941 гг.
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград



Скоро сообщу свой адрес (если будет он). Не беспокойтесь обо мне, тревожьтесь *о нас* всех.

Обнимаю тебя, Женюра, Юку.

Он должен стать коммунистом.

Весь ваш Орест

2

Действующий флот. 15.VII.41 г.

Дорогие!

Где вы, как живете, вспоминаете ли меня? О себе писать ничего не могу. Весь в работе, на боевой работе. Увижу ли вас?

Сегодня спал на своей койке, и приснилось, Женя, что ты родила мальчика. Я с волнением, с сомнением подхожу к тебе и наклоняюсь над комочком-ребеночком и разглядываю его и... вижу веснушки и нос-курнос и узнаю себя. И проснулся я грустный (встаю чуть свет) и захотелось поговорить с тобой, поделиться мыслями. О себе я не думаю,— все мое отпало, стало маленьким-маленьким, незначительным.

Я всегда очень остро ощущал себя в пространстве, во времени. Это чувство особенно обострилось сейчас.

Я вижу, как свершается история, и я счастлив, что не в стороне в эти решающие дни. А все маленькие заботы, тревоги— все это отпало. Хочется вне шелухи слов сказать тебе и Юре какие-то большие слова, сказать, чтобы не беспокоились обо мне, ибо все не только мое, но и наше отодвинуто в эти дни тем грандиозным, по-настоящему историческими делами, которые свершаются.

Я вижу вокруг себя такое проявление героизма, преданности, любви к родной земле, к коммунизму, что все это делает меня совсем, совсем другим человеком.

Напишите мне, родные, о вашей жизни.

Получили ли вы мое письмо с адресом? На всякий случай сообщаю снова: Краснознаменный Балтийский флот. Военно-морская почтовая станция № 1001. УПП КБФ. Полковому комиссару О. В. Цехновицеру.

Пиши, Женя, пиши, Юка. Пишите оба.

3

Ленинград. 24.VII.41

Дорогие мои лапы, роднухи золотые!

Больно грустные от вас письма, а время-то трудное для всех и надо не роптать, а каждому нести ношу свою.

Я вчера пришел на базу и получил отпуск на двое суток. Приехал поздно вечером в Ленинград и весь день был в разгоне. Сейчас в поезде, ибо снова направляюсь на место. Пробыл в Ленинграде в общем лишь одни сутки. Через несколько дней уйду в море.

Напишу вам еще пару писем до ухода. О себе ничего писать не могу. Волей судеб оказался отнюдь не на литературной работе, а на боевой. Введение положения о комиссарах все изменило. За последнюю неделю прошел «боевую академию» и успешно окончил аспирантуру. Получил сегодня сигнальный экземпляр моей брошюры о фашизме[1]. Вышлю вам, как только выйдет тираж. Все же написал и вторую — о боевых действиях Балтики за месяц[2]. Тоже вышлю.

25.VII

Так и не дописал письма, ибо устал и в поезде заснул.

Ухожу в море наверно завтра. Прошу не беспокоиться, если долго не будет писем. Бросил бы в бутылке, по Жюль Верну, но не знаю куда приплывет. ⟨...⟩

[1] Имеется в виду брошюра «Фашизм — злейший враг культуры». М.— Л., Военмориздат, 1941.

[2] Сведений об этой брошюре найти не удалось.

4

Действующий флот. 25.VII.41 г.

Дорогой и любимый Юк!

Я очень, очень сожалею, что ты еще не вырос, чтобы сражаться с фашистами в рядах истребительной авиации. Помнишь наши минутки-выдумки у твоей постели. Ты в кроватке, а я рядом в твоем мягком кресле рисовал тебе фантастические (тогда!) картины грядущих боев. Я на корабле. Его атакуют. Вражеский бомбардировщик входит в пике и хочет бросить бомбу. Но вдруг с ясного неба падает на врага наш краснозвездный ястребок — истребитель.

Атака. Враг сокрушен в пучину. Я стою на боевой рубке и вижу, как наш истребитель кружится вокруг корабля. И вдруг — о восторг! — летчик машет мне рукой — это наш Юка!!

Все фантастическое стало явью. Я на корабле. Гады летают. Я на боевой рубке, всматриваюсь в небо. Вижу наши ястребки, ищу тебя, а тебя-то, главного героя, нет.

Очень, очень жалко.

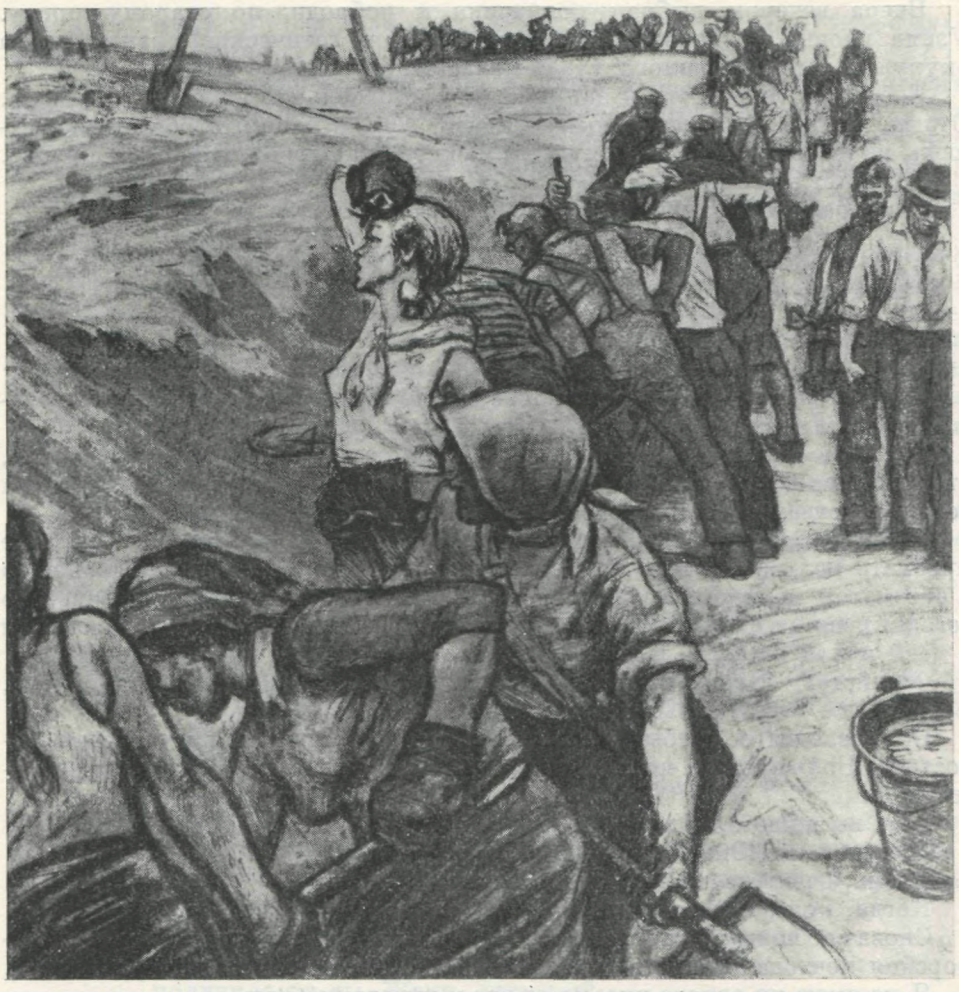
Завтра снова ухожу в море, роднуха мой.

Вместе с ненавистью к врагу, сердце потеплело к нашему, родному, к тебе, маме.

Не смей там ныть от шума, питания и проч.

Вчера был в Ленинграде, был Виктор и показал письмо Гали: «Мама!— не беспокойся, мне очень плохо». Мама и проплакала всю ночь.

А сейчас нельзя плакать и нельзя жаловаться. Каждый несет свою работу и свои тяготы. Вот, роднуха, каковы дела.



ЛЕНИНГРАД В ДНИ БЛОКАДЫ
Рисунок Ю. М. Непринцева, ноябрь 1941 г.
Из цикла «Рассказы о ленинградцах»
Третьяковская галерея, Москва

Главное надо любить свою родину, свой народ и понимать свое место в том общем деле, которое мы делаем.

Я счастлив, что не бил баклуши эти годы, счастлив и горд, что воевал в гражданскую войну рядовым красноармейцем, а теперь полковым комиссаром.

Обнимаю тебя, любимый мой.

Орест

5

Действующий флот. 29.VII 41 г.

Дорогие дорогуши!

Как вы там? Сейчас с моря опять на суше, но уже в других, отдаленных краях. Когда дойдет мое письмо? На очень большой, очень настоящей боевой работе. Стал моряком в полном смысле слова.

Вчера вечером выбрал полчасика и побродил по старому городу. Узкие улочки, средневековые здания, башни, готические храмы. Снова окунулся в мир прошлого, столь излюбленный моему сердцу.

После каюты, духоты и напряженной корабельной жизни — отдыхаю. Отдых, правда, относительный — целый день в работе и обстановка отнюдь не мирная, не та, которую мы наблюдали с тобой, Жень, во Львове.

Товарищ, — гляди в оба![1]

Я ни разу не получил от вас письма во флоте. ⟨...⟩

Обнимаю вас, роднухи.

Ваш Орест

[1] Цитата из поэмы А. Блока «Двенадцать».

6

Действующий флот. 2.VIII 41 г.

Так хотелось бы пересказать тебе и Юке то многое, что пришлось пережить за это время, да нельзя.

Вчера послал статью в «Правду»[1]. Если ее поместят, ты догадаешься, что я сейчас делаю. Статья получилась горячей и лиричной (отмечена теми качествами, которые столь типичны для моей персоны).

Нахожусь в краях далеких. Вчера получил приказание на машине проехать целый ряд мест до Ленинграда. Обучался посему обращению с автоматом и метанью гранат. Думал денек пробыть в Ленинграде. Но сегодня решили из-за срочности других дел послать другого. Я уже свыкся с моей новой жизнью. Один день здесь — год нашей мирной жизни.

Фашистов героически бьют наши. Наступление приостановлено, фашистские танки зарылись в землю.

От последнего пребывания в Ленинграде осталось впечатление тягостное. Большинство моих товарищей воюют по тылам. Новые друзья — люди иные.

Как вы живете, лапы мои? Получила ли ты аттестат на деньги?

Получил ли Юка портрет Вовки-бездельника?

Очень, очень часто вспоминаю вас.

Когда, когда мы увидимся?

Снова сообщаю мой адрес: Краснознаменный Балтийский флот. Военно-морская почтовая станция № 1002. Пубалт, полковому комиссару О. В. Ц.

Я не имею ни одного письма от вас и ничего не знаю.

Прошу Юку писать отдельно.

Вчера вечером бродил по городу и видал много-много разных безделиц, которые тебя порадовали бы. Да куда их брать? И когда увижу тебя?

Ничего, будем и в Европах, побываем и во Франции, и в Испании, и в Италии.

Победа будет за нами!

Европа переезжает на новую квартиру.

Мы поможем.

Обнимаю тебя, ласточку мою. Горячо целую Юку.

Орест

P. S. Посылаю письмо с товарищем на машине. Дня через четыре он будет в Ленинграде и там опустит. Так все-таки вернее.

[1] Эта статья в «Правде» не появилась.

7

10.VIII 41 г.

Дорогие!

Пользуюсь новой оказией — самолетом, чтобы отправить вам письмо и свою новую статью.

Как видишь, меня с моря снова спустили на землю. Пока пишу, читаю

лекции и проч. и проч. Как долго здесь пробуду, не знаю. Живу здесь хорошо. Пишу много. ⟨...⟩

В Ленинград возвращаться пока не надо. Я надеюсь, что фашистские банды будут вскоре разгромлены и вам недолго придется мучиться. Как мой Юка? От него не имел ни одного письма. Приходится печататься не только в русской печати. Образец тебе посылаю [1]. Пусть Юка переведет!!!

Наверно вскоре уеду опять в новые места. По всей вероятности буду снова в море.

Твое извещение, что Г. и С. явились к женам, вызвало у меня усмешку. Эти «вояки» могут вызвать лишь сожаление. Сейчас ни один честный советский человек не может быть в стороне от схватки.

Сердце щемит за вас. Я имел лишь одно письмо от 22.VII. Больше ничего не получал. Ряд серьезных обстоятельств внешнего порядка успокаивают меня в смысле отсутствия писем. Как видишь, я второй раз прибегаю к самолету. Пиши по тому адресу, который давал. Может быть, что-нибудь переправят.

Хотел бы получить от вас весточку. Что будет завтра, не знаю.

Одно большое задание, которое я сейчас выполняю, чрезвычайного интереса. Из последней статьи ты о нем можешь получить некоторое представление.

Обнимаю тебя и Юку и горячо целую

Ваш Орест

[1] Приложена статья О. В. Цехновицера на эстонском языке «Mööda Eestimaa teid» («По дорогам Эстонии»), напечатанная в газ. «Kommunist», 1941, № 194, 9 августа.

8

Действующий флот. 19.VIII 41 г.

Роднухи мои! Пользуюсь оказией и посылаю вам сердечный привет. Месяц, как нет писем от вас. Думаю, что посланные до 10 августа и не получу, ибо их читают караси. Поэтому — пишите новые. Надеюсь, что что-либо дойдет.

Очень волнует полное отсутствие вестей. Мне же надо знать —

здоровы ли вы?
получила ли ты, Женя, аттестат?
как устроились?
о чем думаете?
получаете ли мои письма?

Я здоров. Жизнь очень, очень напряженная. Делаем большие дела. Больше писать о себе ничего не могу.

От бабушки тоже недели две не имею известий. Очень соскучился по вас.

Привет тем, кто меня знает и немножко любит.

Обнимаю вас горячо и целую

Орест

Юка! Эх, коли е⟨сли⟩ б⟨уду⟩ ж⟨ив⟩ (как говорил Лев Толстой), будет же нам о чем поговорить, когда фашистов разобьем. Враг только силен — поработать надо крепко, чтобы его обломать. Справимся. Унывать только не надо.

Посылаю на этот раз морем.

ИОГАНН ЗЕЛЬЦЕР

Погиб 23 сентября 1941 г.

АВТОБИОГРАФИЯ *

Родился в 1905 г., 25 февраля, в г. Одессе. Отец мой рабочий, мать была белошвейкой, а потом домашней хозяйкой. Отец умер в 1937 г. пенсионером, а мать в 1939 г.

Я впервые стал работать в 1918 г. или 1919, весной, в Губвоензаге в качестве курьера — до тех пор, пока не пришли белые.

С весны 1920 г. или 1921 г. я поступил работать на мельницу быв. Анатра, затем при нэпе стали сокращать, и я уехал к сестре в Волынскую губ., местечко Котельня.

Проработал я до 1924 г. на Андрушевском, Шепетовском сахарных заводах в качестве рабочего-вестонщика и в Андрушевском райисполкоме.

С весны 1924 г. я вернулся обратно в Одессу и поступил на сахарный завод им. Благоева. Здесь я проработал вплоть до мобилизации, т. е. августа 1927 г., в качестве рабочего-вестонщика, подручного слесаря и зам. зав. материальными складами завода.

С 1927 по весну 1928 г. я проучился в Машинной школе Балтфлота, окончил ее со званием машиниста-турбиниста и был списан на крейсер «Профинтерн» в качестве ученика турбиниста. Проплавав кампанию 1928 г. на крейсере, я был списан обратно в Машинную школу для учения на старшину.

Но весной 1929 г. меня перевели в редакцию газеты «КБФ», где я и прослужил в качестве военного журналиста вплоть до демобилизации, т. е. до осени 1931 г.

С 1931 г. я перешел на литературный труд, хотя продолжал работать. Работал во Всероскомдраме, в Госиздате в качестве зам. редактора журнала «Залп».

С 1934 г. я занимаюсь только литературным трудом и нигде не служу.

Мной написаны сценарии следующих картин: «Совершеннолетие», «Искатели счастья», «Дочь родины», «Моряки»; пьесы: «Декада», «Естественная история», «Последний бал», «Когда цветет сирень» и т. д. Кроме того, два сборника рассказов.

ЦИК и СНК БССР за активную работу в Белорусской кинематографии наградили меня почетной грамотой и именными часами с подписью.

И. Зельцер

ЦВМА, инв. № 35182, л. 17.

В первые месяцы Великой Отечественной войны старший политрук Иоганн Моисеевич Зельцер служил на линкоре «Марат» в качестве редактора газеты «Маратовец». Погиб на линкоре во время налета вражеской авиации 23 сентября 1941 г.

---

* Публикация Ш. Я. Биллевич.

И. М. ЗЕЛЬЦЕР
Фотография, 1940—1941 гг.
Собрание К. М. Кац-Зельцер, Ленинград

ПИСЬМА К ЖЕНЕ — К. М. КАЦ-ЗЕЛЬЦЕР

1

28.VIII.41 г.

Дорогая Кларочка, дорогие мои детки!

Открытку твою получил, где ты пишешь, что получила деньги. У нас всё по-прежнему. Ты, вероятно, из газет знаешь что т.т. Ворошилов, Жданов обратились с воззванием к населению Ленинграда[1]. Настроение у всех здесь боевое, и наш родной город мы не отдадим на поругание фашистским убийцам.

Но в эти критические дни выявились подлые трусы, как, например, Г. Как мне передавали, он удрал из города так, что никто об этом не знал. Никому не сдал дела в оборонной секции. И почему он уехал из города? Что у него здесь, дети? Он с ними уехал? Теперь, когда каждый человек здесь нужен, здоровый мужчина, одинокий, удирает! Мне стыдно, что я когда-то был знаком с ним. Ты не представляешь себе, какое чувство презрения и гадливости вызвал его поступок. Он ведь коммунист! А жизнь свою отдать за ту самую власть, которая сделала из него человека? Видно, не надо было делать, а расстрелять еще в годы гражданской войны.

Ты пишешь: «сохрани свою жизнь». Не те слова, дорогая Кларочка, не так сказаны. *Специально* сохранять свою жизнь может только трус, а честный человек, воин, должен быть готов *пожертвовать* ею, если это необходимо. Это не пустая фраза, а твердо принятое мной решение.

Только сейчас начинаешь отчетливо понимать, что такое Советская власть, что она сделала для нашего народа и человечества. И ради ее идеалов — нет ничего, что бы не дано было человеку свершить.

Родная моя! Как будет со всеми, так будет и со мной. Каждый на своем посту должен исполнить свой долг и сейчас больше, чем когда-либо.

Когда я во время воздушной тревоги стою на пулеметном мостике и

знаю, что вот эти ребята, молодые, здоровые, прекрасные, видящие во мне своего комиссара, по первому моему зову ринутся в бой и будут верить мне и слушаться и стойко стоять, не боясь падающих бомб, — как я могу думать иначе, чем они? Ты не представляешь себе, какое чувство гордости испытывает человек от сознания, что он может победить в себе гадливенькое чувство самосохранения, отрешиться от всего и думать только о том, как бы скрутить голову врагу, уничтожить его, стереть с лица земли.

Такого чувства я не испытывал во время войны с белофиннами, тогда было какое-то успокоение, шапкозакидательство. Теперь не то. Если бы ты видела, какая священная ненависть к немцам горит в глазах бойцов, ты бы поняла многое. Тебе бы не надо было расшифровывать термин «Отечественная война».

В общем, на эту тему много бы можно говорить. Но я знаю одно, что бы там дальше ни случилось, мои дети не будут за меня краснеть.

Мы уже не там, где были. У нас новый адрес. Сообщаю его тебе:

Военно-Морское почтовое отделение 1101, Почтовый ящик 336.

Старшему политруку И. Зельцеру.

P. S. А вот тебе действительно надо сохранить жизнь и воспитать трех мужественных, крепких бойцов за нашу прекрасную родину.

Целую тебя и деток крепко, крепко

Иоганн

[1] Обращение «ко всем трудящимся города Ленина», подписанное К. Ворошиловым, А. Ждановым и П. Попковым, было напечатано в «Ленинградской правде» 21 августа 1941 г.

2

31.VIII.41 г. Рейд ⟨Кронштадт⟩

...Пока я жив, здоров, чувствую себя неплохо. Одно меня мучает, тревожит, не дает покоя—это вы. Как у вас там?⟨...⟩

Проклятый фашизм, сколько слез, сколько жертв, сколько могил, сколько обездоленных устилают его путь! Но ничего, отольются волку наши страдания. Ненависть, которая горит в сердцах каждого из нас, испепелит их всех, без остатка, уничтожит их всех до одного, чтоб даже роду и племени после них не осталось! Проклятые! Уже приближается тот день, когда я их увижу близко. Рвать на части буду, горло грызть буду, бить до полного их уничтожения. Пусть и я сам погибну, но даром им моя смерть не пройдет. За тебя, Кларочка, за моих ненаглядных детей, за мою прекрасную родину, за миллионы людей, страдающих от этих коричневых убийц, — буду биться до последнего. И что бы со мной ни случилось, погибну ли я, останусь ли жив, ты, моя жена, и мои дети смогут гордо после нашей победы сказать: мой муж и наш отец участвовал в этой великой битве народов не как посторонний наблюдатель, а как воин, как боец! Он ничего не жалел для победы и отдал за нее всё...

А на тебя, Кларочка, я надеюсь. Не знаю, как тебе придется, но думаю, что ты сумеешь воспитать наших детей. Они должны знать и на всю жизнь усвоить два понятия: верность делу нашей партии, делу социализма и неугасимую ненависть к капитализму. Зная твою любовь ко мне, я надеюсь, что ты эту мою волю, мое завещание выполнишь.

Только ты не волнуйся. Я пишу это на всякий случай. Война есть война, и с каждым из нас может случиться неизбежное. Может быть, потом я не смогу тебе написать, вот почему пишу сейчас.

Ты не узнала бы нашего прекрасного города. Он превратился в город ощетинившихся штыков, в город-крепость. Здесь, под его историческими

стенами, мы дадим жестокий бой фашизму, здесь уготована ему могила. *Погибнем, но не отступим!* Это лозунг всех нас. Так будет.

Я никого не вижу, ни от кого писем не получаю. Живу боевой жизнью, корабельным расписанием. ⟨...⟩

Целую тебя крепко, крепко, как никогда не целовал, обнимаю тебя и жму твою руку, мой друг, моя жена! Деток моих я целую без конца, прижимаю их к моему сердцу и мысленно всегда с вами.

Иоганн

3

⟨12.IX.41. Рейд Кронштадт⟩

Дорогая Кларочка, дорогие мои детки, мои бесценные и милые!

Не знаю, доходят ли к вам мои письма, знаете ли вы о нашей жизни. Нет, никогда мне не было так отвратно, как теперь. Что эти фашистские изверги делают! Кругом, насколько глаз видит, — пожарища!

Выйдешь ночью на палубу и смотришь, смотришь без конца, как полыхают наши села, деревни, дачные места. Смотришь и запоминаешь. За всё отдадим, за всё они получат сполна, кровью рассчитаются. Уже несколько дней, как мы их долбаем из нашей тяжелой артиллерии. Положение наше серьезное, но мы знаем всю суровую правду и будем биться до конца. Может быть, мне не придется больше вас увидеть, знайте, что дешево свою жизнь не отдам, что буду драться до последнего, пока хоть один палец на руке действует, пока будет теплиться сознание и я смогу действовать. Ух, как я их ненавижу! Ворвались, как разбойники, в нашу страну, обездолили миллионы людей, нарушили счастливую нашу жизнь! Где найти такие гневные слова, какими можно было бы их назвать? Нет, в природе они не существуют. Их нет. Часто задумываюсь над тем, что мало сделал. Мало, не знаю, останусь ли я в памяти нашего поколения, но в твоей памяти, в памяти моих детей я, наверно, останусь. Скажи им, Кларочка, что я их безумно любил, они были моей короной, и передай им, когда вырастут, следующее:

Завещаю им быть преданными нашей Родине, нашей Советской власти, нашей Коммунистической партии. Пусть всю жизнь борются против общества, порождающего войну, против капитализма — очага всех народных бедствий. И тебе завещаю, мой дорогой, верный друг и товарищ, воспитай наших детей так, чтобы ненависть к капитализму была у них в крови всю их жизнь, чтобы она пылала неугасимым огнем! Воспитай их так, чтобы любовь к Родине, к нашим идеям превышала у них все остальное.

Деточки мои маленькие, как я вам еще нужен! Как я хотел бы видеть ваши мордочки, ваши веселенькие глазки, прижать к груди! Придется ли еще когда-нибудь быть нам всем вместе? Хочется, ох как хочется!.. С Миррочкой, моей старшенькой девочкой, побеседовать, побаловаться с Ларисанькой, с Вовулькой!.. Как мы еще с тобой мало пожили, Кларуня! Только, только начали жить!.. ⟨...⟩

Кларочка! Пошлю тебе на днях все деньги, сколько у меня есть... Тебе они нужнее, тебе надо воспитывать наших детей... Целую тебя крепко, крепко, прижимаю тебя и детей к своей груди и желаю вам, дорогие, хорошей жизни. Помните меня, я вас очень любил.

Иоганн

P. S. Военно-морское почтовое отделение 1101. Почтовый ящик 336. Ст. политрук И. Зельцер

Письма №№ 1 и 2 печатаются по автографам, хранящимся у жены писателя. Письмо № 3, публикуемое В. П. Нечаевым,— по машинописной копии, находящейся в ЦГАЛИ (ф. 631, оп. 16, ед. хр. 620, лл. 1—4).

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Погиб 3 ноября 1941 г.

ПИСЬМО К М. Ф. ИЛЬИНОЙ-БАХМЕТЬЕВОЙ*

2 сентября 1941 г.

Уважаемая и дорогая Мария Федоровна! [1]

Ровно два месяца назад (а кажется — два года) ⟨...⟩ вы позвонили мне и пригласили зайти в Союз по важному делу. Дело, действительно, оказалось важным; я, как и многие товарищи, записался и вступил в ряды народного ополчения. С 6 июля я стал бойцом и уже не расставался со своей частью.

Когда мы победим лютого и подлого врага — в чем я ни секунды не сомневаюсь — и я получу возможность вернуться в родную Москву, то подробно расскажу и вам и всем товарищам, как мы жили, как учились военному делу, как работали, какие были переживания и впечатления... Будет много рассказов — и серьезных и, как всегда бывает в жизни, смешных и всяких иных.

Сейчас же разрешите только очень кратко отчитаться и передать сердечный привет вам, оборонной комиссии, всем членам Союза, Президиуму и лично т. Фадееву.

В полку, рядовым бойцом, я прослужил месяц и несколько дней. Это была прекрасная школа. Я окреп физически, закалился и т. д. Мы изучили строй, научились владеть оружием, участвовали в маршах и т. д., а главное, не на словах, а на деле узнали, почувствовали, что такое наша прекрасная Красная Армия.

Будучи рядовыми бойцами и выполняя обязанности бойцов, мы с первого дня занимались и общественной работой: выпускали полковую газету, читали бойцам свои рассказы и стихи (образовалась агитбригада, в которую вошли: я, С. Островой, Иван Молчанов, П. Железнов, С. Васильев). Дело шло успешно, нас посылали выступать часто, а полковая газета, которую после нас делали И. Жига, А. Миних, В. Стрельченко и др., — существует до сих пор.

Через месяц с лишним нашего пребывания в полку был получен приказ о переводе нас, писателей, на работу по специальности. Не забуду теплого прощания с полковым комиссаром, с командиром полка, с бойцами... К нам прекрасно относились в полку.

Около трех недель мы работали в армейских газетах. Я, Бела Иллеш, Г. Санников, А. Жучков, С. Островой, С. Шмераль, И. Альтман (редактор) — в одной [2]. Остальные товарищи — по группам — в других.

---

* Публикация Е. К. Жигунова.

ГРУППА ПИСАТЕЛЕЙ — СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТЫ 31 АРМИИ «НА ВРАГА»
Слева направо (сидят): А.Л.Жучков, С.Г. Островой, Е.Д. Зозуля; (стоят): Г.А. Санников, Бела Иллеш, М. М. Эрлих (редактор газеты)
Фотография. Западный фронт, октябрь 1941 г.
Собрание Г. А. Санникова, Москва

Работе по специальности я, конечно, рад, хотя, как и другие, об этом не ходатайствовал. Приказ был для меня полной неожиданностью.

Работаю с большим увлечением. Много пишу, а также принимаю участие в редакционной работе в качестве литературного секретаря.

Все мы, работники газеты, очень часто ездим в части нашей армии, связь с бойцами и командирами — постоянная.

Главное — чувствуем себя полезными работниками, таковыми нас считают, и это дает нам возможность чувствовать себя хорошо. Мы — и я в том числе — бодры, много работаем и глубоко верим, что победит наша чудесная страна, которую мы еще больше полюбили, лучше и больше узнав ее людей, ее леса, поля, деревни, города.

Еще раз, Мария Федоровна, прошу вас передать привет всем нашим товарищам, как тем, кто работает в Москве, так — при возможности — и тем, кто находится на фронтах.

Сердечный привет прошу вас передать Ольге Александровне Хвалебновой [3]. Передайте ей, пожалуйста, что год учебы в университете принес нам большую пользу. В походных условиях, когда под рукой никаких пособий нет,— обновление в памяти знаний оказалось очень полезным. Она может чувствовать удовлетворение, что энергично проработала с нами год. Спасибо ей.

Крепко жму вашу руку и желаю здоровья и успехов вам и всем товарищам.

Ваш Ефим Зозуля

P. S. Очень буду рад получить от вас и других товарищей хотя бы краткие вести о жизни Союза. Адрес: Действующая армия, полевая почта 762, отдел 24. Редакция газеты «На врага», Ефиму Зозуле.

ЦГАЛИ, ф. 216, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 1—2.

[1] Мария Федоровна *Ильина-Бахметьева* — в 1941 г. секретарь оборонной комиссии Союза писателей СССР.

[2] С начала августа 1941 г. Е. Зозуля работал в редакции газеты 31 армии «На врага».

[3] Ольга Александровна *Хвалебнова* — см. в настоящ. книге, стр. 26.

МОЙ ТОВАРИЩ ПО ГАЗЕТЕ *

...С нами работал хороший советский писатель и замечательный человек — Ефим Зозуля. Он был не молод, когда вступил в ополчение[1]. Но он шагал твердо. Когда люди, поверхностно смотревшие на события, ждали легкой победы, он говорил им о предстоящей тяжелой борьбе. Но когда некоторые испуганные интеллигентики переоценивали силы врага, он с непоколебимым спокойствием говорил им об источниках нашей неисчерпаемой силы. Он безгранично верил в советский народ.

Его мягкий юмор приобретал особое звучание в минуты опасности. Лес, в котором мы находились, несколько часов подряд бомбили фашистские самолеты. Нас не страшило, что жизнь наша под угрозой. Но в тот момент мы не могли дать должного отпора врагу. Зозуля, лежавший рядом со мной за большим деревом, вдруг громко рассмеялся:

— Что вы, Ефим Давыдович?

— Я решил старую историческую задачу. Я знаю, почему Диоген скрылся в бочке: он замаскировался.

Когда болезнь приковала Зозулю к постели, он искренне завидовал Григорию Санникову, в те дни зажигавшему фашистские танки бутылками[2]. На передовой линии поэт читал свои стихи и вместе со своими слушателями шел в атаку.

⟨...⟩ Мы пишем в крестьянских избах, работаем в землянках, творим в дороге на грузовике. Наши читатели — бойцы, командиры и политработники. Наша тема — героическая жизнь наших читателей. Признаюсь, я всегда думал, что Лев Толстой переоценивал действия и характер Багратиона. Я даже допускал, что Чапаев и Левинсон были не такими замечательными людьми, какими их описали Фурманов и Фадеев. Теперь я знаю, что ошибался. Не раз я имел возможность встречаться с современными Багратионами, Чапаевыми и Левинсонами...

Жаль, что мы пока имеем возможность писать о героях только короткие заметки в несколько строк. Утешает нас, что пишем мы не только о лучших героях мира, но и читатели наши лучшие в мире — красные воины. И убеждены, что после победного окончания войны — из наших заметок вырастет великий эпос, который увековечит наших героев.

[1] Е. Д. Зозуля родился в 1891 г.

[2] По разъяснению Г. А. Санникова, он в то время находился в отряде командиров штаба 31 армии, который был послан с зажигательными бутылками на отражение немецкого танкового прорыва. Отряд занял линию обороны в г. Ржеве возле моста через Волгу. Немцы неоднократно бомбили с воздуха линию обороны, но танки направили по другой дороге, в обход Ржева.

---

* Из очерка Бела Иллеша «Наша газета», напечатанного в газете «Литература и искусство», 1942, № 19, 9 мая.

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Погиб в ноябре 1941 г.

СТИХИ, РОЖДЕННЫЕ МОРЕМ

Очерк Вс. Азарова

Творческое наследие поэта-моряка Алексея Лебедева невелико. Это два сборника стихов: «Кронштадт» (1939) и «Лирика моря» (1940), изданные при его жизни, а также стихи, собранные после гибели поэта в его книгах: «Огненный вымпел» (1942), «Морская сила» (1945), «Родному флоту» (1950), «Путь на моря» (1956).

Алексей Алексеевич Лебедев родился 1 августа 1912 г. в Суздале; здесь, а потом в Костроме, далеко от морских просторов, прошло его детство. Мать поэта, учительница, которую сын горячо любил, передала ему свою привязанность к родной литературе. В 1927 г. семья Лебедевых переехала в Иваново. Там в школе Алексей Лебедев вступил в комсомол. Недолгое время после окончания девятилетки Алексей работал подручным слесаря-водопроводчика. Но его еще с детства влекла мечта стать моряком. Три года служил он матросом на судах Севрыбтреста и торгового флота. Затем Алексей Лебедев возвратился в Иваново и стал работать, занимаясь одновременно в вечернем строительном техникуме. В 1933 г. Лебедев был призван на срочную службу. Плавания в северных водах закалили его волю, трудовая среда научила законам товарищества. На флоте Алексей Лебедев получил специальность радиста, познакомился с увлекательной, нелегкой жизнью советских подводников. Спустя два года командование флота удовлетворило рапорт Лебедева и рекомендовало его в Высшее военно-морское краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе. Отдавая все силы изучению военно-морских дисциплин, увлеченно занимаясь морской практикой, в стенах училища он стал, вместе с тем особенно настойчиво работать и в области поэзии.

Многое дали молодому поэту учебные плавания на Балтике, на Черном и Азовском морях. На краснознаменном крейсере «Аврора», на учебных судах «Гидрограф» и «Свирь» приобщался он к суровым законам морского братства, готовился стать командиром.

К этому времени относится наше с ним знакомство. Коренастый, попыхивающий любимой трубкой, он читал на память свои и чужие стихи, рассказывал о морских походах. Флот дал ему основную тему творчества. Жизнь советских военных моряков стала для Алексея Лебедева источником вдохновения.

Уже тогда, когда поэта не было в живых, в послевоенные годы, готовя к печати книгу избранных его стихотворений, я познакомился в Центральном Военно-морском архиве с личным делом курсанта Лебедева. В графе «Принимал ли активное участие в Октябрьской революции и в гражданской войне?» он оставил характерную для него запись: «К сожалению, за малостью лет не принимал». Подвиги героев Октября — моряков, защищавших Родину в годы гражданской войны, воодушевляли моряка-поэта. Он воспевал героизм отцов, связывая с ними призвание и высокий удел сыновей, защитников Родины, к поколению которых принадлежал и он.

Мне вспоминается Лебедев зимой 1939/40 г. в Кронштадте. Он только что вернулся из боевого похода на эсминце «Ленин». В его блокноте были написанные в боевой обстановке стихи, посвященные славному русскому флотоводцу адмиралу Нахимову, новый цикл о людях сурового морского труда — артиллеристах, минерах, машинистах и связистах корабля.

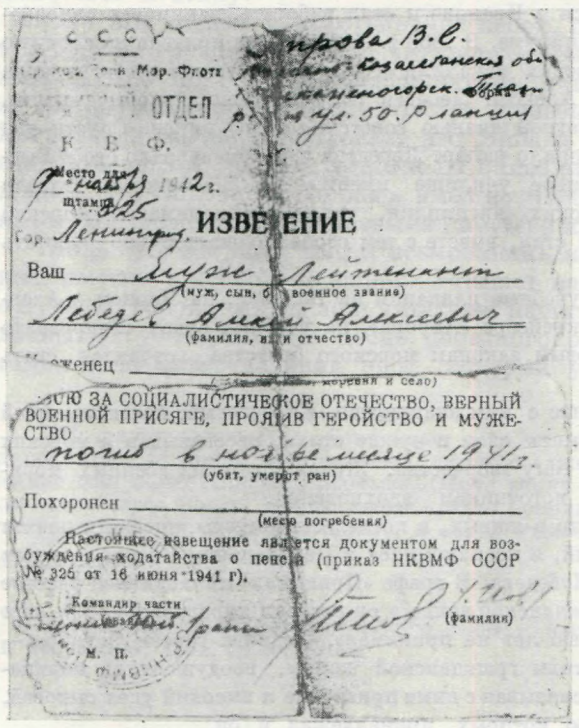
Лебедев обладал мужественным светлым талантом. В его книгах есть и проникновенная лирика, и юмор, и полные строгого благородства исторические стихи, вдохновленные славой боевых традиций.

Во второй книге стихов «Лирика моря» еще сильнее, чем в первой, живет сопоставление героизма старших поколений русских моряков с доблестью новых поколений:

А нам морями дальше плавать,
Владеть любою глубиной,
Наследникам гангутской славы
И начинателям иной.

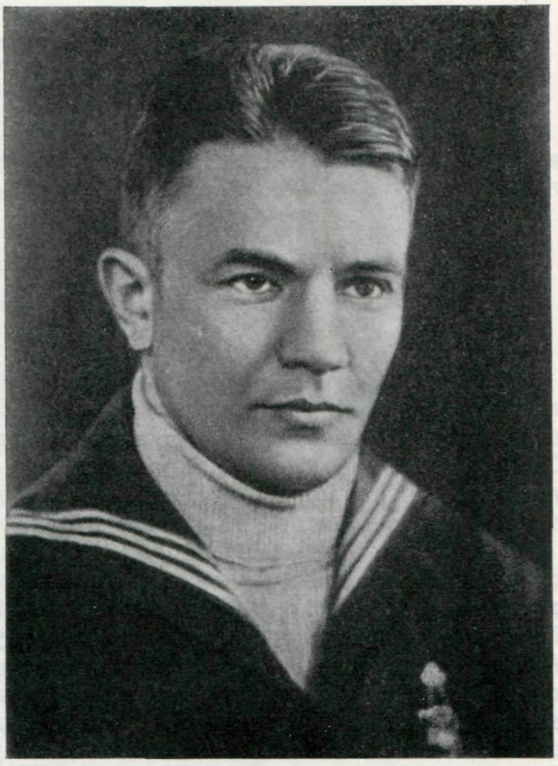
Цельный по своему характеру, убежденный в правоте великого коммунистического дела, готовый, если потребуется, «себя и мужество решений проверить сталью и огнем сражений», только что закончивший училище лейтенант Лебедев встретил 1941 год. Молодой офицер был назначен штурманом на подводную лодку. Вот одно из писем, которые поэт посылал близким из осажденного Ленинграда. Оно датировано 29 октября 1941 г.

«Дорогая и милая моя мама! Когда ты получишь это письмо, я буду далеко в море... Не смущайся, если даже до половины декабря не будешь иметь обо мне известий. Не закрываю глаза на то, что поход будет серьезным и не лишен опасностей, но надеюсь,что все будет в порядке. Дней пять-шесть налетов не было, а сейчас гады опять летают и бомбят. Вглядываюсь в город, особо прекрасный в своей трагической красоте. Сейчас в милую осеннюю пору особенно чувствуешь, как хороша жизнь, как кратковременна она, как бессмысленно уничтожение на войне всего лучшего, что вырастило и сделало человечество, и вместе с тем выход только один: драться, драться


СССР
Мор. Флота
ОТДЕЛ
К В Ф.
Место для штампа
9 ноября 1942 г.
325
Гор. Ленинград
ИЗВЕЩЕНИЕ
Ваш муж Лейтенант
(муж, сын, б[illegible] военное звание)
Лебедев Алексей Алексеевич
(фамилия, [illegible] и отчество)
[illegible]женец
([illegible] деревня и село)
[illegible]ЮЮ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО, ВЕРНЫЙ ВОЕННОЙ ПРИСЯГЕ, ПРОЯВИВ ГЕРОЙСТВО И МУЖЕСТВО
погиб в ноябре месяце 1941 г.
(убит, умер от ран)
Похоронен
(место погребения)
Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКВМФ СССР № 325 от 16 июня 1941 г).
Командир части
(фамилия)
М. П.

ИЗВЕЩЕНИЕ О ГИБЕЛИ
А. А. ЛЕБЕДЕВА
9 ноября 1942 г.
Собрание В. Е. Петровой,
Ленинград

А. А. ЛЕБЕДЕВ
Фотография, 1939
Собрание В. Е. Петровой, Ленинград



и драться, только огнем, только сталью, только тремя жизнями за жизнь можно сломить орды этой дегенеративной и безумной сволочи, идущей на нас. На этом стою. Не говорю „прощай", светлая моя мама, сто раз целую милые твои руки, серебряные волосы, глаза и губы.

Ничто еще не потеряно, если надежда не покидает сердце и руки держат оружие. И теперь вот, накануне самого серьезного из походов, сделанных мною, я не раскаиваюсь в том, что выбрал себе военно-морскую профессию, она отвечала моему характеру... Твердо верю, что мы победим».

В ту пору Лебедеву удавалось писать только урывками, после вахт. Его стихи, созданные в дни самых жестоких испытаний, оптимистичны, полны предчувствия победы. Лебедев писал о Петре, шествующем по осажденному Ленинграду, гордящемся мужеством его защитников, о морских десантах, о подводной лодке, успешно возвращающейся в родную базу. Поэт писал о гибели боевых друзей, но в этих стихах не было ни одной размагниченной нотки, жила неукротимая воля к победе.

В ноябре 1941 г. подводная лодка «Л-2», на которой служил лейтенант Лебедев, не вернулась из боевого похода. Штурман Лебедев погиб вместе со своим кораблем.

«Мертвые остаются молодыми», — назвала одну из своих книг Анна Зегерс. Так молодым, 29-летним продолжает жить в нашей памяти павший смертью храбрых товарищ. Стихам его суждена долгая жизнь. Их любят в нашей стране и любят на флоте. В Кронштадте есть улица Алексея Лебедева, в Кронштадтском музее его жизни и творчеству посвящен особый раздел. Там хранятся и два изданных при жизни Лебедева его поэтических сборника.

Незадолго до гибели поэт в стихах, адресованных жене, словно предчувствуя судьбу, писал:

... Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать,—
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать...

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога—море,
Моя могила и купель.

В этих строках выражено основное в облике Лебедева—любовь к морю, верность и преданность ему, стремление на своем примере воспитать новое поколение пытливых, мужественных и сильных.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ ПОЭТА

Публикация В. Е. Петровой

22 июня 1941 года... До отказа наполненный поезд мчит нас из пригорода в Ленинград. В тамбуре жарко. Алексей Лебедев и четыре его товарища о чем-то тихо разговаривают. Я внимательно смотрю на лицо Алексея. Оно сурово... И вот до меня доносятся его слова: «Нет, Володя, где бы мы ни были, по первому зову Родины мы обязаны явиться в часть. Сейчас едем все в экипажи — каждый в свой».

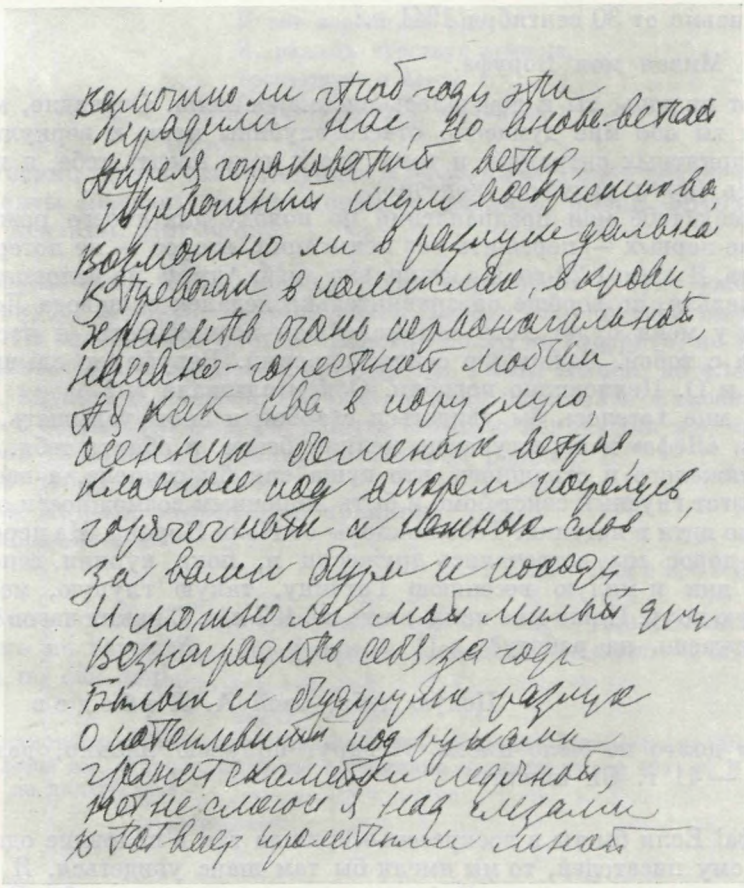
Я вспомнила прошедшую ночь, последнюю мирную ночь. Мы с Алексеем встречали восход солнца у Финского залива. Спать совершенно не хотелось. В белые ночи многие ленинградцы не спят. Так мы бродили по берегу, прислушивались к едва уловимому плеску волн. А вот и солнце. Алексей снял мичманку и сказал: «Как хорошо! Вот так бы жить. Если войны не будет в этом году, то ее не будет долго, но...» Он покосился на висевший у него сбоку пистолет. Потом вынул пистолет из кобуры и, прицелясь, выстрелил в камень далеко в море. «Дай я», — попросила я... Но, никогда не держав настоящего пистолета в руках, я слишком близко поднесла его к лицу, как мелкокалиберную винтовку, и выстрелила. Тотчас же почувствовала боль. Алексей обернулся: «Ах, я совсем забыл, что ты ведь не умеешь». А потом добавил: «Надо научить тебя. Это должны все уметь перед войною. Даже женщины». И немного помолчав: «Даже дети. Война, если будет, будет жестокая».

...И сейчас мне жгло переносицу —отдача была сильной... Алексей уже улыбался, глядя на меня, говоря: «А вот и первый наш раненый». Моряки рассмеялись. И тотчас спохватились... Война. Каждый думал о своем. И вдруг кто-то начал читать:

Не надо мне ни уюта,
Ни нажитого в покое
Домашнего барахлишка
И сытенького брюшка.

И все уже дальше читали хором:

Орудья стоят на юте,
Туманы видимость кроют,
Лишь мужество быть с излишком
Должно в душе моряка.
Во имя грядущего боя
Торпед моих и снарядов,
Во имя великой злобы
К идущим на нашу страну —
Хочу свою жизнь устроить
Суровым, морским порядком,
Чтоб мужество высшей пробы
Могло через край плеснуть.



«ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТОБ ГОДЫ ЭТИ...»
Автограф стихотворения А. А. Лебедева, 1941
Первый лист
Собрание В. Е. Петровой, Ленинград

Помолчали. А потом один из товарищей сказал: «Как это здорово, Алеша! И самое главное: как это вовремя!»

— Видишь ли,— ответил Алексей.—«Отречение» я написал не потому, что не люблю жизнь или очень рвусь в драку. Нет... Видимо, я всегда себя готовил к солдатской жизни[1]. Вот и ей,—кивнул он на меня,— всегда говорю, что не будет у нас полированных шкафов и зеркальных тумбочек. И знаешь,— сказал он уже весело смеясь,— она согласилась на единственную мебель — чемоданы.

А потом он еще читал стихи. Поезд подошел к перрону. На Финляндском вокзале все репродукторы были включены. И все они оповещали одно — война, война, война.

Алексей простился с товарищами. Проводил меня до трамвая. Вынул свою трубку (подарок писателя Б. Лавренева), молча набил ее табаком. Закурил и сказал: «Не горюй, я буду драться за жизнь за твою — и свою дешево не отдам».

...Потом встречи в осажденном Ленинграде и письма — лаконичные, как стихи. В них он сообщал то о встрече с друзьями, то о гибели товарищей, то назначал свидания, и больше всего мечтал о победе...

Вот письмо от 30 сентября 1941 г.:

Милая моя Веруфа.

Ну вот видишь, ты и дождалась письма от меня. Очевидно, мне фартит, если ты обо мне думаешь, отчего глубины меня и вернули. Было много неприятных ситуаций, и тому, что я могу писать тебе, я искренне удивляюсь (ну и радуюсь, конечно).

Приношу тебе мои поздравления по поводу дня твоего рождения и желаю, во-первых — пережить все испытания, второе — не потерять нам друг друга. Я здесь с 29-го. На несколько дней. Адреса по условиям войны сказать нельзя, но вообще он сравнительно недалек от завода Ломоносова. Если у меня будет хоть самомалейшая возможность, я постараюсь увидеться с тобой. Режим же сейчас суровый. Веруфа, я слышал, что Ю. Инге и О. Цехновицер погибли. О ком слышала ты?

Очень мне хотелось бы увидеться с тобой и снова услышать, как ты говоришь: «Лёфа» и переступаешь мелким бесом, и обнять тебя. Столько видишь тяжелого и страшного, что душа как бы отупела, а всего хуже слышать этот гнусный свист бомб и быть лишенным возможности ответить. Надо было идти в летчики. Тебе поклоны от Коли Корака. На перекрестке морских дорог мы встречались дружески и, пока курили, вспоминали хорошие дни и милую весеннюю Гатчину, такую глупую, молодую и счастливую пору. Пиши мне пока на то же 107 п/о. С каких часов ты дома, когда уезжаешь на работу?

Целую тебя, твой А. Лебедев

Потом долго не было писем. И вдруг получаю письмо, датированное 23/X — 41 г. Он пишет:

Веруфа! Если бы ты в воскресенье пришла так в половине одиннадцатого к Дому писателей, то мы имели бы там шанс увидеться. Я получил твое письмо, и не моя вина, Руфа, что я не смог видеть тебя. Во всяком случае, если тебе будет возможно, ты придешь. Привет тебе от А. Атласа, которого ты, наверно, помнишь, и от Николки Корака. Правда, оба они опять в море.

Ну будь здорова. Целую. А. Лебедев

Последнее письмо от 11 ноября 1941 г. я получила уже тогда, когда поэта не было в живых. С письмом пришло и последнее стихотворение поэта-моряка. Вот несколько строф из него:

Владеет миром тишина,
Во льду кольцо береговое,
И встала медная сосна
На вахту старого покоя.
Зелено-льдистый небосвод
Над невысокими горами,
Давно разбитый бурей бот
Изглодан солнцем и ветрами...

И дальше:

... Настанет день когда-нибудь,
И кровь врага зальет пожары,
И о победе пропоют
В боях пробитые фанфары,

И нет ладони на руле
И, радость чувствуя земную,
Тоскующие о земле
Покинут палубу стальную...

Это письмо, как и стихотворение «Отречение», знают сейчас наизусть все курсанты Высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Письмо было кратким. Вот оно:

Вспоминай меня, Руфа, иногда, через пару часов я буду уже далеко, когда вернусь, вернусь ли — не знаю. Тебе и только тебе пишу перед отходом. Ты знаешь, что иногда мы могли долго не говорить, но тем сильнее чувствовать, что мы любим друг друга. Твоим Лешей, во фланелевке, молодым, идущим с тобой по Гатчине, и хочу остаться я в твоей памяти. А у меня в сердце ты, Веруфа, забыть которую нельзя так же, как язык, на котором говоришь, и землю, на которой рожден.

Целую тебя, девочка.

Прости печаль, которую я причинил тебе.

Не забывай меня.

Твой Алексей

Это было последнее «прости» земле... Поэт моря ушел от нас в море, и море его не вернуло... Но стихи А. Лебедева остаются в строю. Они звучат и по сей день.

[1] Стихотворение «Отречение», написанное Лебедевым еще в стенах Военно-морского училища им. Фрунзе, было им обработано и сокращено в 1941 г. В сборники поэта оно не включалось.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Погиб 2 июля 1942 г.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ НА ВОРТУ «ТАШКЕНТА»

Воспоминания В. Н. Ерошенко*

В конце 1941 и первой половине 1942 г. экипаж лидера «Ташкент» работал особенно напряженно. Оборона Севастополя требовала постоянного притока техники, боезапаса, продуктов, горючего и людских резервов.

Необходимо также было своевременно вывозить из Севастополя раненых, женщин и детей. Все это можно было выполнить, только используя морские сообщения. Поэтому боевые корабли Черноморского флота и мобилизованный транспортный и пассажирский флот были целиком заняты перевозками и боевым обеспечением. Лидер «Ташкент» как наиболее быстроходный корабль с хорошо подготовленным личным составом действовал успешно и с максимальным напряжением.

26 июня 1942 г. «Ташкент» только накануне возвратился в Новороссийск из очередного «рейса» в блокированный врагом Севастополь.

Ночью пополнили израсходованный в боях боезапас и приняли топливо. Корабль стоит у причала в Цемесской бухте, принимаем вооружение, технику и войсковое пополнение для Севастополя.

Через несколько часов предстоит снова выход в Севастополь. Экипаж корабля работает напряженно. На нечеловеческую усталость никто не обращает внимания, все понимают огромное значение происходящих событий. На верхней палубе, в кубриках и корабельных надстройках деловито устраиваются бойцы сибирской стрелковой бригады. Противник и здесь не оставляет нас в покое, то и дело со стороны амфитеатра окружающих Цемесскую бухту гор появляются бомбардировщики врага.

Раздаются громкие очереди зенитных пушек и автоматов, истребительная авиация и зенитки отражают воздушные атаки. Наконец, заканчивается погрузка, старший помощник Иван Иванович Орловский докладывает мне о размещении людей, грузов и готовности корабля.

Перед самым отходом военком лидера Григорий Андреевич Коновалов знакомит меня на командирском мостике с писателем Евгением Петровым. С разрешения Военного Совета он прибыл к нам для следования в Севастополь.

Евгений Петрович в армейской защитного цвета гимнастерке, на голове пилотка, через плечо полевая сумка. Не таким представлял я себе

---

* Василий Николаевич Ерошенко, ныне контр-адмирал в запасе, в годы войны был командиром лидера эсминцев «Ташкент». Воспоминания написаны им в 1964 г. для настоящего тома «Литературного наследства».

тогда известного соавтора «Золотого теленка», но раздумывать некогда: набирая ход, выходим из ворот бухты и ложимся на выходной фарватер.

Каждый поход в Севастополь в этот решающий этап борьбы за главную базу флота был исключительно трудным делом для кораблей Черноморского флота. На такой прорыв были способны только наиболее быстроходные надводные корабли.

Прорывались также и подводные лодки, пользуясь возможностью погружения под воду. Озверевший враг, понимая, что защитники города целиком зависят от ресурсов, доставляемых в Севастополь кораблями с Большой земли, всеми силами старался заблокировать подходы к нему с моря.

Авиация противника, состоявшая из большого количества бомбардировщиков и торпедоносцев, базировалась вдоль трассы движения наших кораблей, на крымских аэродромах. В течение всего светлого времени действовали бомбардировщики, а с наступлением темноты — самолеты-торпедоносцы и торпедные катера.

На подходах к Севастополю и при стоянке в бухтах наши корабли подвергались артиллерийскому обстрелу крупной береговой артиллерии. Если к этому еще добавить опасность со стороны подводных сил врага и расставленные им всюду магнитные мины, то станет понятным, почему Евгений Петров, написавший короткий очерк об этом походе лидера «Ташкент» в Севастополь, назвал его «Прорыв блокады». Надо сказать, что такие прорывы наши корабли тогда совершали очень часто и это считалось нашей обыденной боевой деятельностью.

С выходом корабля в море, Евгений Петрович скромно выразил желание — осмотреть корабль и побеседовать с матросами и солдатами сибирской бригады. Они вместе с военкомом спустились с командирского мостика и пошли по помещениям и боевым постам корабля. Возвратившись после осмотра и бесед на мостик, Евгений Петрович до самого Севастополя никуда не уходил. Наш «рейс» на этот раз продолжался всего около суток. Но он настолько был насыщен боевыми и даже трагическими эпизодами, что навряд ли где-нибудь в другом месте писателю представилась бы такая возможность столько увидеть и пережить. Евгений Петрович потом сам мне сказал об этом.

Вскоре после выхода из Новороссийска нами было получено радио с вышедшего в Севастополь ранее нас эсминца «Безупречный». Командир эсминца — Петр Максимович Буряк — сообщал, что его корабль обнаружен воздушной разведкой противника и следует ожидать атак бомбардировщиков. И, действительно, вскоре мы уже вступили в бой с бомбардировочной авиацией. А спустя еще немного времени, отбив очередную атаку, мы увидели впереди по курсу за горизонтом выползавший из воды зловещий грибовидный столб воды и пара. К сожалению, как оказалось, это взорвался и затонул от прямых попаданий крупных вражеских бомб эсминец «Безупречный».

Отбивая яростные атаки наседавших бомбардировщиков, мы приблизились к месту катастрофы. И самым тяжелым для нас испытанием оказалось то, что мы были лишены возможности подобрать плававших в воде людей. От разрыва вражеских бомб вокруг «Ташкента» кипела вода. Застопорить ход и спустить шлюпки мы не могли, этого только и надо было немецким летчикам, — неподвижный корабль был бы немедленно потоплен ими. Пришлось сбросить спасательные плотики и круги и даже отойти подальше от плавающих в воде людей для того, чтобы избавить их от опасности быть уничтоженными взрывами вражеских бомб.

Маневрируя поблизости и отбиваясь от атак самолетов, мы видели, как плавающие в воде люди взмахами рук требовали нашего ухода в Се-

вастополь. Понимая обстановку и зная, что севастопольцам необходимы боезапас и подкрепления, они, не считаясь со своим отчаянным положением, не хотели подвергать «Ташкент» дополнительному риску. Герои с «Безупречного» не думали о собственном спасении, их заботила судьба защитников Севастополя.

Сообщив обстановку в Новороссийск и Севастополь, мы продолжали маневрировать поблизости на форсированных ходах, ожидая наступления темноты, которая дала бы нам некоторую возможность для спасения людей.

Во время боя наши зенитчики сбили два вражеских самолета, и несколько подбитых со шлейфами дыма скрылись в направлении береговой черты. Как выяснилось позже, зенитчики с «Безупречного» также уничтожили несколько бомбардировщиков. Наконец, из штаба флота был получен ответ на наше донесение. Нам было категорически приказано: не задерживаясь, следовать по назначению, одновременно сообщалось, что помощь людям с «Безупречного» высылается. Преследуемые бомбардировщиками, мы взяли курс на Севастополь. С наступлением темноты атаки противника ослабели, и вскоре наступило относительное затишье.

Все это время Евгений Петрович находился неподалеку от меня на командирском мостике. Молча наблюдая за происходящим, он временами что-то записывал в блокнот. Потом, когда уже стемнело, видя, что корабль полным ходом идет в Севастополь, писатель подошел ко мне и спросил: «А как же с людьми, оставшимися в море?» Я ответил, что приказано выполнять задание, а помощь выслана из Новороссийска. Евгений Петрович долго молчал, о чем-то думая, потом как-то печально сказал: «Все это, конечно, правильно, но тяжело сознавать такое».

Севастопольская земля открылась заревом разрывов и ясно видимыми в ночном небе разноцветными трассами снарядов. На подходном фарватере у мыса Фиолент Петров наблюдал атаку итальянских торпедных катеров.

Зная, что на узком фарватере маневрирование кораблей затруднено, и пользуясь темнотой южной ночи, враги атаковали нас с обоих бортов. Однако эта атака дорого обошлась итальянским катерникам: наши славные комендоры, поддержанные сибиряками, стрелявшими из противотанковых ружей, своевременно открыли сокрушительный шквальный огонь. Один катер сразу же взорвался от прямого попадания, остальные, отказавшись от атаки, дали беспорядочный залп и поспешили скрыться в темноте. Торпеды прошли частью за кормой, а частью впереди по носу корабля, не причинив ему вреда.

Евгений Петрович, наблюдая за фосфорящимся следом торпед, сказал стоящему с ним Г. А. Коновалову: «Ну, кажется, командир вовремя увеличил ход, иначе не миновать бы нам торпед». Как оказалось, Евгений Петрович совсем неплохо разбирается в перипетиях боевой обстановки на море. Он внимательно следил за происходящим и, полностью понимая грозную опасность, записывал в блокнот все, что казалось ему достаточно важным.

Поразил меня тогда Евгений Петрович своим глубоким пониманием чисто морской — навигационной обстановки.

Вход в севастопольские бухты был уже невозможен, поэтому разгрузка, прием раненых, больных, женщин и детей производились нами в Камышовой бухте в трех милях от города.

Как только мы отшвартовались у небольшой баржи, Евгений Петрович стал просить меня отправить его в город. Но такой возможности уже не было, никаким транспортом мы не располагали, да и обстановка в Севастополе была слишком тяжелой. С большим трудом нам с

НА КОМАНДИРСКОМ МОСТИКЕ ЛИДЕРА ЭСМИНЦЕВ «ТАШКЕНТ»

Е. П. Петров и командир «Ташкента» В. Н. Ерошенко; на заднем плане политрук В. К. Емельяненко

Фотография. 26—27 июня 1942 г., рейс Новороссийск — Севастополь

Собрание В. Н. Ерошенко, Ленинград

Г. А. Коноваловым удалось уговорить его возвратиться с нами в Новороссийск.

Выгрузив технику, боезапас и высадив сибиряков, мы приняли на корабль около двух с половиной тысяч раненых бойцов, женщин и детей. Лидер был загружен сверх всяких норм, в эту же ночь мы вышли обратно. И этот переход для корабля и его участников оказался особенно тяжелым. На переходе мы были атакованы пикирующими бомбардировщиками, их было около ста. Они в течение нескольких часов сбросили на лидер более 350 крупных авиационных бомб. На корабле было много убитых и раненых. Евгений Петрович добровольно принял на себя обязанности санитара. Во время боя его видели там, где было наиболее тяжело. Бой продолжался до восьми часов и стал стихать только с подходом корабля к зоне действия нашей истребительной авиации, которую мы вызвали из Новороссийска.

В этом бою наши зенитчики уничтожили и повредили много самолетов врага. Личный состав корабля и наши пассажиры вели себя героически. «Ташкент» тоже был тяжело поврежден и к концу боя уже с трудом держался на плаву, но все-таки, продолжая бой, шел к Новороссийску.

Перегруженный корабль через пробоины в борту принял в корпус до полутора тысяч тонн забортной воды. Экипаж лидера героически сражался и боролся за живучесть корабля. Когда из Новороссийска подошли высланные штабом нам навстречу миноносцы, катера и буксиры, все пассажиры были переведены туда. Однако Евгений Петрович отказался уйти с поврежденного лидера, он до конца хотел разделить с нами невзгоды. До самого Новороссийска Петров не покидал корабля, принимая участие во всех работах. Уже в Новороссийске, перед отъездом в нахо-

дившийся в Краснодаре штаб Северо-Кавказского фронта, Евгений Петрович высказал мне свое восхищение героическим поведением экипажа лидера «Ташкент».

— Я обязательно должен написать о людях «Ташкента»,— говорил писатель,— они достойны того, чтобы о них все знали.

Вскоре Евгений Петрович снова побывал на «Ташкенте». Он приехал к нам на корабль вместе с командующим Северо-Кавказским фронтом, Маршалом Советского Союза С. М. Буденным.

Семен Михайлович Буденный поблагодарил тогда экипаж корабля за боевые дела и всех наградил правительственными наградами, орденами и медалями. Тогда это был еще первый пример награждения всего экипажа большого корабля.

— Возбуждаю также ходатайство о присвоении «Ташкенту» звания гвардейского корабля,— сказал маршал.

Свое обещание написать о героизме экипажа лидера эсминцев «Ташкент» Евгений Петрович смог выполнить только частично.

В его неоконченном очерке «Прорыв блокады» описана только первая часть похода. Остальное написать ему уже не пришлось. Преждевременная гибель помешала писателю-бойцу выполнить свое намерение.

АЛЕСЬ ЖАВРУК*

Погиб в конце августа 1942 г.

Белорусский поэт Алесь Жаврук (Александр Дмитриевич Синичкин) родился 19 августа 1910 г. в г. Сенно Витебской обл. В 1915 г. семья переезжает в Рогачев, где прошли детство и юность поэта. Окончив здесь школу и педтехникум, он учительствовал в Любанском районе Минской обл. В 1934—1939 гг. учился на литературном факультете Московского института истории, философии и литературы, по окончании поступил в аспирантуру Академии наук БССР. Учебу прервал из-за мобилизации в ряды Советской Армии.

Впервые стихотворения Алеся Жаврука появились в печати в 1926 г. В 1936 г. вышел его первый сборник «Ручаіны» («Ручьи»), в 1938 г.— «Дняпро выходзіць з берагоў». В соавторстве с Андреем Ушаковым (тоже погибшим в дни Отечественной войны в 1942 г. под Ленинградом) написал либретто первой белорусской музыкальной комедии «Зарэчны барок» (музыка С. В. Полонского) и ряд поэм для детей. В 1937 г. была написана поэма «Крывею сэрца» («Кровью сердца»), посвященная гражданской войне в Испании. Поэма хорошо была встречена критикой и читателями и оценена как лучшее произведение поэта.

С первых дней Великой Отечественной войны Жаврук на фронте в качестве корреспондента армейской газеты «В бой за Родину» (58 армия). В мае 1942 г. был принят в партию. Будучи участником обороны Сталинграда, работал в редакции газеты славной 62 армии «На защиту Родины».

Был тяжело ранен во время бомбежки, когда вынес из горящего дома раненую машинистку редакции и начал делать ей перевязку. Госпиталь, где находился Жаврук, эвакуировали из Сталинграда на баржах, и поэт погиб во время бомбардировки барж фашистскими стервятниками.

Точная дата его гибели остается неизвестной.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства БССР (ф. 5, оп. 1, ед. хр. 13) имеется письмо неустановленного лица сестре Жаврука, Раисе Дмитриевне Хомченко, о том, что Александр Синичкин был ранен 20 августа 1942 г. и отправлен в госпиталь, а 24 августа госпиталь эвакуировали в Саратов. Письмо датировано 21 сентября 1942 г. В письме Алеся Жаврука к жене от 23 августа 1942 г. о ранении ничего не говорится. Вероятно, и ранение и гибель поэта произошли не ранее 24 августа.

Имя Алеся Жаврука, как и других белорусских писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, занесено на мемориальную доску в минском Доме писателей.

В 1960 г. в Белгосиздате вышел сборник его стихотворений «Выбранае» («Избранное»). В 1964 г. Минской телестудией поставлен фильм об А. Жавруке «Песня и вела и грела». Первая его демонстрация по телевидению состоялась 3 июля 1964 г., в дни празднования освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Ниже печатаются несколько фронтовых стихотворений Алеся Жаврука, фрагменты из его записных книжек, а также письма к жене, Лидии Николаевне Синичкиной.

---

* Публикация К. С. Жоровой.

Письма публикуются с некоторыми сокращениями. Все эти рукописные материалы хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства БССР (ф. 5, оп. 1, ед. хр. 1 — стихи, ед. хр. 2 — записная тетрадь, ед. хр. 3— записная книжка, ед. хр. 8 и 9 — письма).

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

АЛЕНКА

За ветряком, за соловьиным
Певучим логом,
в том бору,
Куда, бывало, по малину
С тобой ходили поутру;

Где в жаркий полдень нас, бывало,
В сосновых сенях лесника
Холодным квасом угощала
Алёнка, внучка старика,—

Мы вновь прошли по тем дорожкам,
Местам поруганным, родным.
Закат. У брошенной сторожки
Над мертвой девочкой стоим.

Лежит она, Алёнка наша
(Я лишь по косам узнаю!),
Коленки детские поджавши,
Лицом уткнувшись в колею.

Искусанною в кровь рукою,
Как бы от муки заслонясь,
И рядом платьице простое,
В цветочки — втоптанное в грязь.

Как до сих пор, земля, могла ты
Его держать, носить могла,
Какая мать такого ката,
Такого зверя родила,

Что мог так мучить, так глумиться
И, надругавшись, бросить так?!
Уничтожать, душить, громить их,
Фашистских бешеных собак.

Закат в огне. Нахмурив брови,
Молчат бойцы, молчат братки.
А что тут скажешь, тут не слово,
Тут в дело просятся штыки.

Под молодой березкой тонкой,
Так, чтоб калины куст у ног,
Положим мы тебя, Алёнка,
Насыпем желтый бугорок.

А сами — в бой, вперед, товарищ,—
За всё, за всё ответит кат.
Как боль,
как гнев,
как наша ярость
Горит над соснами закат.

⟨1941—1942⟩

НА БОЛЬШАКЕ

Вдоль берез заиндевелых,
Мимо северной реки
Мчат и мчат поляной белой
Белые грузовики.

С деревушкой поравнявшись,
Ход сбавляет головной:
— Слышь, товарищ, где тут наши?
— Дальше! — машет часовой.

— Дальше, дальше! — У сосенки,
Раскрасневшись, точно мак,
Машет с ведрами девчонка,
Дует с холода в кулак.

— День весь били — здесь стояли,
К ночи все вперед ушли.
Гнали немца — вас не ждали...
Чай, снаряды привезли?

— Что мы возим — сами знаем...
Погоди, куда спешишь?
Значит, били, дорогая,
Крепко били, говоришь?

...Стоп машина! Скупо-скупо
В баках плещется бензин.
В новых валенках, в тулупах
Парни лезут из кабин.

Как один, плечисты други,
Разве им морозы в счет?
Хоть бывает часом туго —
Ночь, заносы — не берет.

Забуксует — и засела.
Всяк бывает. Да не страх:
На войне — известно дело —
Не у тещи на блинах.

...У цистерны шутки, споры.
— Кто что слышал,— говори.
— Да опять же новый город
В ночь отбит у немчуры.

— Мол,— с чего бегут вояки? —
«Фюрер» сам на фронт примчал.
Не понравилось собаке —
Живо удочки смотал.

— Мне б, братки, скажу открыто,
В кузов этого скота.
Я б, товарищи, бандита
Заморозил в полчаса.

— Вот консервы, погодите,
Огневые подвезем...
— Что ж вы мерзнете — стоите —
Говорите, как живем.

Парень к девушке подходит,
Дескать, заняты сейчас.
Но пройдет полгода-годик,
С орденами ждите нас.

Всей колонной — в хату сватать,
Только кончится война.
Хороши, гляди, ребята!
— Хороши, коль не женаты,—
Соглашается она.

Холодна в ведре водица,
Да у любушки такой
Как тут парням не напиться —
Все к воде наперебой.

Хоть назад иди девчонка —
Сразу нету полведра...
Но пора — война! Трехтонки
Вдаль уводят шофера.

Словно выструган — обкатан,
Звонок северный большак...
Хороши и впрямь ребята,
Тоже девка хороша.

Хороши в снегу березы,
Леса узкая кайма,
Хороша с ее морозом
Наша русская зима.

Жестоки ее метели,
Глубоки ее снега —
Вьюгой взбитые постели
Для заклятого врага.

⟨1941—1942⟩

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Заготовки

Старуха: «И что это за немец? Бросает якие-то вспыльчивые бомбы!»

Ехидный мужичок: «Что, товарищ командир, долго мы еще будем их заманивать к себе, немцев этих?»

Когда говорили слово «мужество», ездовой Петров всегда представлял себе комбата Сычева. Когда говорили «мастерство», он всегда представлял себе наводчика Сидорова.

Темы для новых стихов

Поле. Поговорка говорит: жизнь прожить — не поле перейти. Но удер. Селиваново было такое поле, которое перейти, как жизнь прожить. И мы перешли.

«Стихи о газетчике».

На рассвете прибыл в штаб. Полковник: «Минуточку погодите. Идем в атаку». Газетчик тоже пошел. Когда двинулись и кричали «ура!»,— он

АЛЕСЬ ЖАВРУК (А. Д. СИНИЧКИН)
Фотография, 1941—1942 гг.
Собрание Л. Н. Синичкиной, Минск

тоже кричал. Тоже колол, когда видел перед собою немцев. Ворвались в полусожженный город. После ходил и спрашивал, как взяли город (сам всё видел слишком индивидуально). Может быть, ранен. Диктует машинистке. Потом подходит к радиотехнику (девушке). Он, кажется, влюблен в нее. И о любви, если придется, он скажет ей после, а пока говорит: «Надеюсь, будешь девочкой хорошей и примешь хорошую сводку Информбюро».

Возвращался из разведки. Увидел раненого бойца. Поднял, перевязал, а после что-то мне подумалось спросить:

— Москвич?

— Москвич. На Усачевке большой красный дом.

— Братцы, да я же сам из этого дома. Вот так штука — как в кино получается. 10 лет жили рядом — и не были знакомы. А тут на войне стали лучшими друзьями.

И теперь пошли мы в атаку.

— Держишься, сосед?

— Держусь, сосед!

Мы сдружились. Мы готовы умереть за родину, но надеемся вернуться в Москву и пить чай на Усачевке.

МОСКВИЧИ

Рассказ бойца

Я возвращался как-то из разведки.
Иду по лесу. Тишина в лесу.
Вдруг слышу шорох. Глянул из-за ветки —
Ползет ко мне с винтовкой на весу.

А кто — не разберу. Наверно немец.
Кому б еще? Я вскинул автомат.
Нет, вижу — свой. Звезда. Красноармеец.
И весь в крови. Такое дело, брат.

Перевязал его. Чуть отглотнул он
Воды из фляги — лучше стал с лица.
И что-то вроде как меня толкнуло —
Возьми я да спроси тут у бойца:

— Москвич? — И он мне сразу: — А то как же! —
Повеселел. Ну, просто не узнать.
— Москвич, браток, как бог,— шестиэтажный
Мой дом на Усачевке, тридцать пять.

— Постой, постой,— не удержался я тут,—
Совсем выходит что-то, как в кино.
Я ж там живу, на этаже на пятом —
На юг большое, в два окна окно.

— А я на третьем. Верно, не шучу я... —
Ну, вспоминать. И каждый о своем.
Кто слесарь был, семью имел большую.
И строил дом. И после зажил в нем.
А кто студентом бегал в кубовую
По лестницам пять лет за кипятком.

С тех пор сдружились мы — ну, братья — где там!
Как встретимся — конца беседам нет.
— Сосед, закурим,— достает кисет он,
— Закурим, как же,— говорю,— сосед.

Дымим махоркой. Вспоминаем оба,
Какая жизнь была! Да чёрт нагнал...
И сердце рвет клокочущая злоба
На сволочьё, кто жить нам помешал.

И в час атак, под пулеметным градом,
С товарищем, ломая немцам кряж,
Случалось нам не раз врываться рядом
В оторопевший вражеский блиндаж.

— Сосед, держись,— кричит он,— до победы! —
А сам гранатой в гадов сгоряча.
— Держусь, держусь!— ору сквозь дым соседу
И офицера ахаю с плеча.

А если трудно,— стиснув зубы, оба
Бежим, бежим под пулями вперед.
Нам сердце рвет клокочущая злоба,
Нас месть святая на врага ведет.

И мы за дело наше, братец, знаем,
Всегда готовы голову сложить.
Но только мы надежды не теряем
После победы вновь в Москве пожить.

И если быть тому — то в час желанный,
В кругу семейном всех друзей собрать!
Не маскируя окон. (Даже странно,
Что можно больше не маскировать!)
За эти дни поднимем мы стаканы
На Усачевке номер тридцать пять.

Из строя в роте вышли всего четыре солдата, а было пять.

Две самые любимые ⟨вещи⟩:
1. Невеста.
2. Смотреть, как падает сбитый стервятник.

24.VII.42 г. Танки не прошли. Еще накануне отбили три атаки. Первая танковая атака в 4.00. Танки прошли передний край, ворвались в глубину обороны (60—70). Из них 12 остановились у КП. На ломаном русском языке: «Рус, сдавайся, а то живое мясо сделаю». Боец-стрелок Ковтун: «А гранаты не хочешь?» — и гранатой.

В эту атаку подбили танков и бронемашин штук 30—35. Вели огонь ПТР. Ст⟨анковые⟩ пулеметчики взвода лейтенанта Сомикова в смотровую щель убили двух водителей (двух танков). Немцы взяли эти танки на буксир.

ПИСЬМА К ЖЕНЕ — Л. Н. СИНИЧКИНОЙ

1

4.VII.1941 г.

Дорогая моя девочка!

Вот мы и воюем. Как видишь, я жив и здоров. До сих пор не было у нас адреса, да и писать сам тебе не мог. Теперь буду писать часто. Напиши мне поскорее, как ты, что ты. Кажется, уже целую вечность не получал от тебя писем.

Целую крепко мою хорошую.

Твой Шура

Мой адрес: Действующая армия, полевая станция 515.
Штаб армии, редакция. А. Синичкину.

2

Москва, 8.XI.41 г.

Дорогая Лидасинька!

Три дня был в Москве. В Дмитров выехать не имел возможности. Телеграфил тебе — ни ответа, ни привета. 12 ноября опять буду в Москве. Найти меня можно по адресу: Москва 1, Малый Козихинский, 12. кв. 25. Романенко Д. И. для Синичкина. Зайди туда в любой день, поговоришь, узнаешь обо мне.

Здесь, на Усачевке 35, я говорил с девочками, которые здесь остались жить. Очень хорошие, душевные они такие. Сочувствовали мне, говорили, что недельки две тому назад ты сюда заходила и говорила им, что «моего, наверно, убили». Лидася, как же нам найти друг друга? Я попробую писать тебе на Усачевку. (Надо же писать куда-нибудь!)

Может быть, ты когда-нибудь заглянешь в Москву или напишешь, чтобы тебе отсюда переслали адресованные тебе письма. Мой адрес (очень временный): полевая почта 736, п/я 153. Синичкину А. Д. Будет новый — сообщу.

Я был 21 день в тылу у немцев. Пришлось испытать очень многое. Но вот остался жив и здоров и даже не простудился. Все время беспокоился, думал о тебе. Приготовил тебе кучу денег, а куда переслать, не знаю. Горячий привет всем вашим.

Целую крепко, крепко.

Твой Шура

3

17 апреля 1942 г.

... Ты спрашивала меня о стихах. Пишу помаленьку. А вообще пишу все, что придется. Пересылаю тебе одно стихотворение — «О встрече». Оно написано для тебя. А навеяла мне его весна и воспоминания о Днепре и потом о той высокой горе, где — помнишь — мы с тобой сидели. Ну, не горюй, еще когда-нибудь поживем счастливо. ⟨...⟩

О ВСТРЕЧЕ

Опять апрель, и голубая
Прозрачна дымка над землей.
Теперь бы нам бродить,
Родная,
Так, взявшись за руки с тобой.

По талым тропкам, по знакомым
Крутым днепровским берегам.
Но день и ночь грохочут громы,
Пылают села по ночам.

И глубоко запрятав нежность,
Весь огрубев, озлобясь весь,
Иду, иду по склонам снежным
С винтовкою наперевес.

И если новый день встречаю
В другой избе, в другом селе,—
Пусть дальше ты,
Но ближе — знаю —
Забытый вечер на земле.

Без рева пушек, без картечи,
И ближе Днепр, и соловьи,
И город наш,
И трепет встречи,
И губы теплые твои.

4

9 мая 1942 г.

... Лидасинька, работать приходится много, но работа увлекательная, интересная. Веду юмористический отдел «Прямой наводкой», пишу (с продолжением) «Новейшие похождения бравого солдата Швейка», стихотворные рассказы о подвигах смекалистого и расторопного бойца Сени Пулькина. Пишу и очерки, изредка — лирические стихи. Одно из них называлось «О встрече». Посвящается тебе. Я его вырезал из газеты и послал тебе. Получила или нет? Получила ли ты несколько фото, которые я тоже послал тебе? На днях вышлю еще. ⟨...⟩

5

16 мая 1942 г.

Дорогая моя!

У меня большой праздник. Получил партийный билет. Жив, здоров, работаю. ⟨...⟩

6

Ст. Донская. 12 июня 1942 г.

Дорогая моя женулинька!

Привет с Тихого Дона! С шолоховских мест. Вчера, как ехал сюда, попутчиками оказался колхозный театр станицы Вешенской, организованный шесть лет назад Шолоховым. Всю дорогу в поезде пели казачьи песни. У них замечательный баянист.

Сижу над самым Доном, и кажется, что сейчас с коромыслом и ведрами выйдет к реке Аксинья, и верхом на коне проскачет босоногий Григорий, такой, какой он у Шолохова в первой книге.

Сижу над Доном, и еще больней сжимается сердце за родной мой Днепр, за мою милую Белоруссию.

Ну, родная, ничего, мы отомстим фашистским собакам за все их зверства и злодеяния. Обязательно отомстим. Думаю часто, каждый день о тебе, очень скучаю.

Целую мою хорошую.

Твой Шура

7

4 июля 1942 г.

... Не знаю, где теперь мой Андрей Ушаков. Может быть, кто-нибудь из тех, с кем ты переписываешься, знает что-нибудь о его Тане? Вдруг пришла в голову мысль, и никак не могу успокоиться: где Андрей, что с ним? ⟨...⟩

8

Сталинград. 12 июля 1942 г.

Дорогая моя!

Ну, кажется, хватит мне коптить небо по тылам. Уезжаю на фронт. Сегодня весь день ничего не делаю. Окна раскрыты. Доносятся звуки рояля. Кто играет и что играет — не знаю. Только что-то очень близкое. Эта музыка мне рвет сердце. Буду писать тебе часто, а то и каждый день. И ты мне пиши. Адрес мой ведь знаешь.

Ну, родная моя, пожелай мне успехов.

Целую крепко, крепко.

Твой Шура

9

29 июля 1942 г.

... Как сама знаешь из газет и радио, здесь идут жестокие бои. Сегодня приехал Долматовский. Рассказывал о братьях-писателях белорусах. ⟨...⟩ Аркадий ⟨Кулешов⟩ на фронте. У меня все благополучно.

Весь твой Шура

10

17 августа 1942 г.

У меня все по-прежнему. Положение напряженное, сама понимаешь — война. Высылаю тебе еще одно фото — редактор наш, Долматовский и я. Фото, конечно, аховское. Но ничего не поделаешь. ⟨...⟩

11

23 августа 1942 г.

Дорогая моя женулинька!

Ну, спасибо тебе, большое спасибо за сына. Только что получил твое письмо. Перечитал его несколько раз. Вот радость какая, что все обошлось благополучно. Милошая моя, смотри, береги теперь сыночка. Он мне, как и ты, дороже всех на свете. Как бы я хотел сейчас быть вместе с вами, расцеловать вас!

⟨...⟩ Назови сыночка как хочешь, мне понравится. Очень рад буду, если Шурой. Ты, родная моя, раньше хотела назвать Дмитрием. Ну погоди, второго так назовешь.

Целую мою дорогую женулиньку и дорогого сыночка крепко-крепко. Пиши мне чаще, будьте, мои родные, здоровы — для меня это самое важное.

У меня все благополучно. Горячий привет всем вашим. Крепко-крепко целую.

Ваш Шура

МИХАИЛ ЛУЗГИН *

Погиб 28 сентября 1942 г.

ПИСЬМО О. Е. ЧЕРНОГО К М. И. КАГАН

⟨Начало октября 1942 г.⟩

Дорогая Мария Иосифовна, с чувством ужасной, невыразимой боли я должен вам сообщить о Михаиле Васильевиче: 28 сентября мы находились с ним в первом эшелоне, неподалеку от командного пункта. Днем это место подверглось артобстрелу. Нас было трое работников редакции [1]. Снаряды падали довольно далеко от нас. Внезапно один разорвался совсем близко, рядом. Осколками были поражены и Михаил Васильевич, и заместитель редактора Бочаров. Бочаров умер тут же, Михаил Васильевич прожил еще несколько минут. Осколок попал в шею. Эти несколько минут он, по-видимому, в сознание не приходил. Я, раненный, видел его. При мне его отнесли на плащ-палатке к дереву, туда же прибежал немедленно врач, но спасти было невозможно. Это произошло в 4 часа дня. На следующий день, 29-го, оба были похоронены близ командного пункта. Им были отданы воинские почести.

Писать мне об этом очень трудно. Я умоляю вас, дорогая Мария Иосифовна, собрать все свое мужество, всю выносливость и стойкость. Михаил Васильевич погиб, как человек долга, человек большой совести и большого сердца. Меня с ним связали 15 месяцев войны, многие трудные и страшные дни. Не мне говорить вам об изумительной честности и благородной душе Михаила Васильевича, но, может быть, в вашем горе некоторым облегчением послужит то, что я, наблюдавший Михаила Васильевича во все дни войны, тоже знаю, что он, человек необыкновенно нежной души, рыбак и мечтатель, вступил в эту войну как человек больших и твердых решений и как писатель-большевик. Таким он остался до последнего дня. Я видал, как в испытаниях и боли этой войны он раскрывался, и с большой радостью ощущал его развитие как художника, обещавшее еще больше того, что он успел уже дать. Он мечтал о мирной жизни, но ни разу за 15 месяцев не уклонился с пути, который в дни войны добровольно для себя избрал.

К вам он был привязан беспредельно и говорил о вас с любовью, которую я не в силах передать. Смерть наступила почти внезапно, она не сопровождалась мучениями, но трагически пришла в тот момент, когда многое очень тяжелое казалось пройденным. Мы с Михаилом Васильевичем должны были приступить к работе несравненно более широкого плана и для этой цели были вызваны в первый эшелон [2].

Мария Иосифовна, дорогая, позвольте мне вас так назвать, я являюсь вестником вашего горя, но, быть может, легче узнать об этом от человека,

---

* Публикация М. М. Ситковецкой. При подготовке к печати в текст письма О. Е. Черного и следующего далее очерка автором внесены некоторые стилистические исправления.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЙ БИЛЕТ
Тов. Лузгин М. В. является военным корреспондентом армейской газеты «За родину».
Действительно по 31 декабря 1942 г.
Ответственный редактор газеты „За родину"
Бат. комиссар (А. Зворыкин)

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЙ БИЛЕТ М. В. ЛУЗГИНА — СОТРУДНИКА ГАЗЕТЫ 64-й АРМИИ «ЗА РОДИНУ»
Сталинградский фронт, 1942
Собрание М. И. Каган, Москва

который 15 месяцев изо дня в день был бок о бок с Михаилом Васильевичем и успел привязаться к нему и полюбить. Впрочем, его любили и уважали все, и весь коллектив пережил это как тяжелую личную утрату.

Я обращаюсь к вашему мужеству и воле. Мы видали с Михаилом Васильевичем много тяжелого вокруг. И вы видали достаточно. Пусть же ваше личное и большое горе не вытеснит из сердца того, что поддерживает нас всех и определяет в эти дни всю нашу жизнь. Друзья Михаила Васильевича, в том числе Фраерман и я, будут счастливы считать вас своим другом до конца наших дней.

Я после ранения лежу в госпитале; это полевой госпиталь; дальнейшего своего маршрута я не знаю, но, надеюсь, месяца через полтора вернусь снова в редакцию. Если вы дадите знать о себе, я буду вам благодарен безмерно. Позвольте мне крепко, крепко пожать вашу руку, дорогая Мария Иосифовна, и выразить надежду, что вы и в горе останетесь такой же, какой я вас знаю со слов Миши.

Черный

1576 ппс, 606 часть, Осип Евсеевич Черный

ЦГАЛИ, ф. 1828, оп. 1, ед. хр. 41, лл. 11—12.

[1] Редакция газеты «За Родину», 64 армии, участвовавшей в обороне Сталинграда.
[2] Об этом задании Военного Совета армии — писать историю Сталинградской битвы — см. ниже, стр. 646 настоящ. книги.

МИХАИЛ ЛУЗГИН

Воспоминания Осипа Черного

В шесть часов утра — все еще спали и было темно — в хату вошел Михаил Лузгин. Он осторожно пробрался к окну, стараясь не задеть тех, кто лежал на полу. Пробравшись, Лузгин сообщил, что наши войска освободили Ростов. Голос у него был глуховатый, не сильный, но после первых же слов все приподнялись.

Был конец ноября. Первая зима войны. На нашем участке мы оставили Малоярославец еще месяц назад. Немцы приближались к Подольску и бомбили его каждый день. За спинами вставали стены Москвы.

Впервые за несколько месяцев мы вдохнули в себя воздух победы. Сводку приняли ночью в Военном Совете армии. Подробностей Лузгин не знал. При всей своей нелюбви к многословью он повторил нам то, что было ему известно, еще раз и еще один раз. При этом, не желая показаться взволнованным, он искал по карманам мундштук, который чёрт его знает куда пропал. Мы лежали на полу и не решались выразить вслух свои чувства.

Оказалось, что Лузгин ночью попал на командный пункт армии. Когда ему предложили съездить в редакцию[1], — на случай, если там еще не приняли сводку,— он, выбежав из избы, добежал до шоссе и вскочил на попутную машину. Только отъехав, он заметил, что сидит в кузове без варежек и ушанки. Всю дорогу, километров 18, Лузгин молча тер уши и натягивал на голову воротник шинели. Теперь он озабоченно искал свой мундштук.

Через несколько часов пачки нашей газеты с известием о ростовской победе повезли на фронт. Вечером, когда материал для следующего номера был уже сдан, сотрудники собрались в хате. Хата была тесная. На стене висела гитара. Михаил Васильевич снял ее, разостлал на полу шинель и сел на нее; остальные уселись вокруг. Глуховатым, низким, приятным голосом, аккомпанируя себе, он запел. Он пел простые, задушевные песни, и мы слушали его весь вечер.

На следующее утро Лузгин снова отправился на переднюю линию. Он вышел на дорогу немного нескладный, как всегда. Шинель сидела на нем мешковато, чужая ушанка была слишком велика. Он шел чуть враскачку, сутулясь, но при этом с присущей ему какой-то особенной легкостью.

Эта легкость бросилась мне в глаза еще в первые дни, когда я увидал Лузгина в ополчении. Среднего роста, в очках, лишенный военной подтянутости, он производил впечатление человека совершенно штатского; и тем не менее в нем ощущались выносливость, независимость и внутренняя упругость. Ушел Лузгин из Москвы вместе со всеми — с вещевым мешком за спиной и в штатском костюме. 10 июля вечером через Красную Пресню проходила дивизия добровольцев. Тут были учителя и инженеры, рабочие и актеры — кого только не было! Пока мы шли городом, на нашем пути стояли женщины с полными ведрами. Они зачерпывали воду из ведер и поили нас, многие плакали. Вечер был тихий и строгий. Нескончаемый топот тысяч идущих отдавался на улицах.

С Пресни свернули на Ленинградское шоссе. Затем длинные тени его домов остались позади, и открылись просторы полей. Шли всю ночь с короткими остановками. С этой именно ночи и начались долгие, трудные и сложные переходы ополченцев. Жара стояла в те дни невыносимая, пылающее солнце жгло безжалостно, и люди обливались жгучим потом.

Писателей в ополчении было человек 80. Большинство знало друг друга близко. Но уже на первых привалах стали намечаться какие-то новые центры дружбы — не писательской, а простой солдатской. Оборвав привычные связи, люди нуждались в чем-то бесхитростном, ясном и твердом. Лузгин вовсе не был простым человеком. Очки, которые он носил, набрасывали легкую тень на его лицо, как бы подчеркивая выражение душевной сложности. И улыбка у него была сложная — то немного насмешливая, то язвительная, то вдруг приязненно светлая. Но потому ли, что он был близок к природе и прежде, потому ли, что у него были золотые руки умельца, потому ли, что в труднейших условиях вообще стали виднее основные, глубинные, свойства людей, к нему потянулись многие. В нервном и замкнутом Лузгине еще отчетливей открылся испытанный, со своим достоинством и со своей скромностью, большевик. На привалах непременно кто-нибудь подсаживался к нему: даже портянку перемотать и покурить молча и то было приятней, сидя рядом с верным товарищем.

ГРУППА СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТЫ 64 АРМИИ «ЗА РОДИНУ»
Слева направо: М. В. Лузгин, И. Давыдов, А. А. Зворыкин (редактор газеты), О. Е. Черный
Фотография. Сталинградский фронт, 9 июля 1942 г.
Собрание О. Е. Черного, Москва

Писатели шли защищать Родину. Они — это было ясно с первых дней — шли умирать. В эти трагические дни начала войны всё казалось решенным раз навсегда. Но как ни были собранны и суровы ополченцы, время от времени прорывалась кой у кого старая звонкая и пустая фраза. Лузгин не любил ее. Он терпеть не мог позу. Свое солдатское дело он выполнял скромно, без показного блеска, но с требовательностью к себе. При этом он уклонялся от каких бы то ни было поблажек: можно было пойти работать в дивизионную газету — Лузгин не пошел; больной туберкулезом, он мог остаться работать при нашей санчасти, но и от этого отказался.

Где-то по пути мы помогали прокладывать водопровод, и Лузгин молча таскал бетонные трубы. Затем занялись постройкой лагеря, и он переносил, подставив плечо, тяжелейшие коряги. Через два дня лес вокруг нас оказался вырубленным, и Лузгин стал таскать бревна за три километра.

В этом лагере наш полк провел всего лишь одну ночь. Ночью нас подняли, и мы пошли получать оружие. Начался проливной дождь. Идти пришлось далеко. Винтовки оказались новые, густо смазанные фабричным маслом. Класть их на плечо было нельзя — они испортили бы одежду, и тащили их держа на весу. Они выскальзывали из рук то и дело. Под проливным дождем, промокший до нитки, Лузгин, удерживая с величайшим трудом две винтовки, пробирался в полной темноте, ничего не различая, спотыкаясь и оступаясь.

На рассвете я увидал, как он, сидя на мокром пне, попыхивая мундштуком, протирает части врученной ему винтовки. Через час полк двинулся дальше.

Начались тяжелые 50-километровые переходы. Когда где-либо делали долгий привал, приступали к рытью окопов. Я помню, как в первый раз Лузгин аккуратно обвел лопатой по дерну границы своего участка. Земля была сначала мягкая, но чем дальше, тем она поддавалась лопате все труднее. На третий день пришел приказ рыть рвы значительно шире и на бо́льшую глубину. Земля оказалась невероятно злой: она прилипала к лопате, и, чтобы сбросить ее, приходилось делать широкий размах. Лузгин стоял так глубоко, что каждый раз подымал лопату почти вровень с плечами. Руки у него были в ссадинах, но он уверенно вел своих соседей в соревновании. Когда наступал перерыв для короткого перекура, он счастливо затягивался, затем опять принимался копать. В эти дни он чувствовал себя на своем месте.

Но вот, как это бывает на войне, судьба его вдруг решительно переменилась: однажды под вечер небольшой группе писателей приказали собрать свои вещи. Сборы были короткие. Через 20 минут всех усадили в машину и доставили в штаб полка. На утро автобус привез нас в штаб фронта, а через три дня каждый оказался на своем новом месте — в армейской газете. Лузгин, Фраерман и я попали в газету 43 армии, державшей в ту пору оборону на Десне.

Лузгин, человек бывалый, участник гражданской войны, пошел к этой новой, пока что непонятной и довольно-таки поначалу страшной, войне на учебу. Незадолго до того, как она началась, кажется, весной, вышел номер «Московского альманаха» с его рассказом. Рассказ, называвшийся «На реке», отличала поэтичность, соединенная с чертами своеобразной наблюдательной трезвости; он был полон ощущения реки, деревенской жизни, того нового, что внес в нее колхозный строй; рыбная ловля, до которой Лузгин был страстный любитель, описана в нем превосходно. Примерно в то же время стали появляться рассказы Лузгина и в журнале «Пионер». Писатель находился на повороте своего пути: чувство привязанности к обыкновенным людям, к нашим детям овладевало им как художником все сильней. Его, это чувство, усиливало и украшало тонкое ощущение природы, которую Михаил Лузгин так любил и которую понимал по-своему — чутьем рыбака, охотника, человека, давно установившего с нею прочные тесные связи.

Можно было идти на войну, сохранив в памяти острые впечатления от последней поездки на реку, от последнего необыкновенного заката. Но для того чтобы прямо участвовать словом в ее трудном деле, нужно было, чтобы перо стало отточенным, злым и страстным. Лузгин учился у войны честно и упорно. Учеба давалась ему нелегко. Я помню первые его материалы: он писал и о героях тех дней, и о ночной вылазке, и о небольшой операции. Почерк его не был ни беглым, ни быстрым. Он писал — я решусь сказать — мучительно. Мы стояли в те дни в лесу. Лузгин забирался в самые глухие места. Он то садился на пенек, то подсаживался к столику, который сколотил сам, то уходил куда-то в сторону. Он боялся чужих взглядов, замыкался в себе, набирая силу для очерка, отцеживая его по каплям. Затем его вдруг охватывало ощущение целого. Тогда он начинал писать с исступленной быстротой, его даже в пот кидало от внутреннего напряжения.

Может быть, те, кто небрежно листают комплекты армейских газет, видя небольшие наши заметки, не поймут этого состояния. Но, мне кажется, можно позавидовать тому тяжкому, почти подвижническому труду, с которым создавал свои материалы о войне искренний, честный, искушенный писатель Михаил Лузгин.

Он не был чистюлей: он делал все, что бывало необходимо. Как-то раз его вызвал к себе наш редактор и попросил дать в номер что-либо сатирическое о немцах. Немцы шли на наши позиции колоннами танков и не раз

обращали в бегство пехотинцев. Нужно было развенчать созданный ими миф о непобедимости. Задача была нелегкая: вытащить врага из бронированной коробки его танка и превратить в обыкновенного фрица.

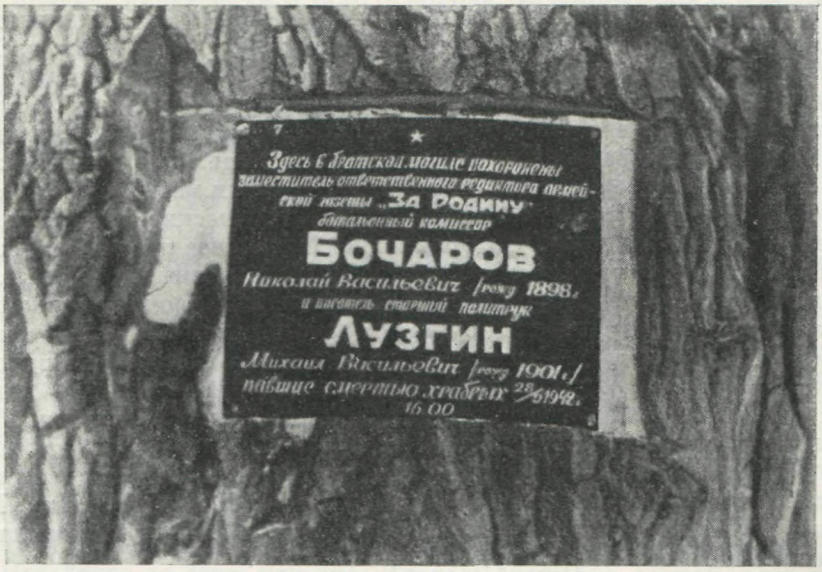
Лузгин взялся за это с той же внутренней напряженной ответственностью. Первая же его вещь, что называется, удалась: она понравилась, вызвала смех и сыграла свою полезную роль. С тех пор на протяжении своей армейской работы он давал, наряду с другими материалами, острые, злые, унижавшие и разоблачавшие врага сатирические портреты.

Нам в те дни казалось, что фронт более или менее прочно закрепился. С нашей стороны осуществлено было несколько местных наступательных операций. В начале октября одна из наших дивизий довольно удачно потеснила немцев. Лузгин вместе с другим работником газеты, Петром Крыловым, отправился туда — писать о героях этого частного наступления. Однако добраться до дивизии они не успели — навстречу им хлынула волна внезапно начавшегося отступления. Это было 5 октября. Вместе с Крыловым, мужественным человеком, Лузгин задерживал на дорогах лавину потерявших друг друга групп, группок и мелких подразделений. Мы встретились где-то по дороге. Лузгин пересел в нашу машину. Машина была полна до отказа. Он сидел съежившийся от холода, посиневший, мрачный и молчал всю дорогу.

Ночью мы вырвались из кольца врага. Потеряв нескольких товарищей и две машины, мы двинулись на Малоярославец. Оттуда направились со всей своей громоздкой техникой на Калугу. По дороге, где-то в лесу, варили в ведрах картофель. Днем было солнечно, и дорогу развезло. Приходилось толкать застревавшие в грязи машины. К вечеру стало невыносимо холодно. Добравшись до Калуги,— откуда в это время отходили последние наши части,— мы повернули назад на Малоярославец. На следующий день Лузгин вместе с Крыловым ушел на фронт, проходивший уже вблизи от города.

Он проделал всю московскую кампанию. Он успел испить ее горечь до дна, узнал драматизм ее напряженнейших дней. Но он видел и то, как шаг за шагом складывались условия для декабрьской нашей победы. Я помню, однажды, вернувшись из очередной поездки на фронт,— в дивизию, в полк, в батальон,— Лузгин рассказал мне под большим секретом, что командирам известен приказ Главного командования — удержать позиции до 15 ноября: после этого положение должно измениться. Необыкновенно сдержанный в проявлении своих чувств, он сообщил мне об этом коротко, без подробностей, осторожно, но я — сильней, чем когда-либо раньше,— почувствовал, какой внутренней страстью он живет. Это была страсть человека, отдавшего всю жизнь революции и партии.

Покашливавший, молчаливый, в иные часы угрюмый, Лузгин умел ощетиниваться, но он же проявлял и редкую чуткость. Бывало, если он обидит кого-либо, он не находит себе места, пока не объяснится с обиженным начистоту. Подозрительный, он был необыкновенно доверчив, и жило в нем что-то почти детски светлое, что легко было замутить, но что требовало полной чистоты. За его суховатостью скрывались сердечность и неподкупная прямота. Наверно, поэтому с первых же дней его пребывания в редакции все отнеслись к нему так хорошо: Лузгина полюбили, и его уважали. Самую горячую привязанность питал к нему в нашей редакции человек, который и сегодня, из отдаления, кажется мне одним из наиболее замечательных людей, встреченных мною в дни войны,— батальонный комиссар, журналист, а впоследствии боевой командир большого масштаба — Петр Тихонович Крылов. Он угадал Лузгина сердцем и привязался к нему крепко. Потом уже, оказавшись далеко один от другого, они долгое время не теряли друг друга из вида. И оба отдали свою жизнь за Родину во время сталинградских тяжелых боев.



МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА НАД БРАТСКОЙ МОГИЛОЙ М. В. ЛУЗГИНА И Н. В. БОЧАРОВА

Фотография. Сентябрь — октябрь 1942 г.

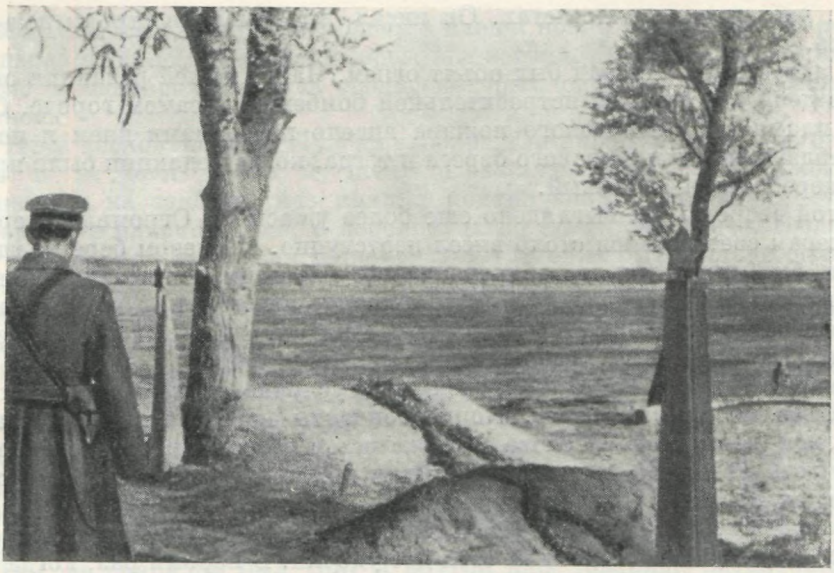
Собрание М. И. Каган, Москва

Еще не кончилась битва за Москву, когда очередная внезапная перемена открыла перед Лузгиным возможность заглянуть глубже, глазом писателя, в лежавший перед ним необъятный материал: в декабре нас с ним перебросили в другую армию — 64-ю. Первоначальной ее задачей было оборонять Москву на ближних подступах, но после того, как окончательно определилось, что враг принужден отступить и столицу ему не взять, армию нашу оставили в резерве. Мы ездили за материалом в бывшие свои части и вместе с ними двигались по местам, которые покинули в октябре.

Лузгин воспользовался некоторой передышкой и засел за рассказы. Первый рассказ оказался большим, с продолжением. Наш новый редактор несколько дней поглядывал на него с опаской. Наконец, он решился его печатать. И вот, как-то вечером, приехав, он вызвал нас к себе. Он сообщил, что член Военного Совета считает мысль о рассказах в газете удачной, да и самый рассказ Лузгина очень одобрил. С тех пор — явление для армейской газеты в то время редкое — рассказы стали неотъемлемой частью нашей работы. В этом была большая заслуга Михаила Васильевича Лузгина.

Он работал с тем же напряжением, если не исступлением. Драматизм материала проникал в привычную для писателя ткань, видоизменяя ее сообразно новой обстановке. Во всех работах Лузгина заключена была какая-то органическая актуальность. Он вступал в сферу военной и той послевоенной литературы, которая тогда лишь мерещилась нам, внутренне собранным. Я уверен: ему предстояло создать много сильных и цельных вещей, проникнутых ощущениями человека, созревшего в испытаниях войны. Наверно, Лузгин это чувствовал сам: сквозь испытания и трудности он проносил в те месяцы это воодушевляющее ощущение пришедшей к нему силы.

В начале сорок второго года Лузгин из своих военных рассказов и очерков составил книжку «Возвращение». Ее охотно принял Детиздат.



БРАТСКАЯ МОГИЛА М. В. ЛУЗГИНА и Н. В. БОЧАРОВА
У могилы редактор газеты 64 армии «За Родину» А. А. Зворыкин
Фотография. Бекетовка — южная окраина Сталинграда, сентябрь — октябрь 1942 г.
Собрание М. И. Каган, Москва

Лузгин успел увидеть лишь первые два ее экземпляра, которые ему прислали на фронт.

Мы находились уже далеко от Москвы: могучая рука войны перебросила нас туда, где в это время завязывался решающий узел второй мировой войны. Мы попали сначала на Дон, а затем, отступая, заняли позиции под Сталинградом. Армия, в которую мы оба попали, держала свой первый экзамен. Мы знали ее еще мало, немного опасались за нее и поневоле сравнивали всё с тем, к чему привыкли в боях под Москвой. И вот на наших глазах, день за днем, черта за чертой, как на камне, вырезывались непреклонное мужество и стойкость тех новых частей, с которыми нас связала судьба.

Разумеется, это случилось не в первый день: много горечи пришлось хлебнуть на степных просторах Дона. В дни передышки Лузгин, как-то привыкнув ко мне, выйдя из заграждений своей скрытности, раскрыл незаурядную силу и тонкость своего ума и своей наблюдательности. В нем, несмотря на прожитую большую и сложную жизнь, таились еще, мне кажется, очень большие резервы. Это был человек ума современного, сильного, диалектичного, импонировавшего даже своей резкостью, потому что за ней всегда стояла честность.

Но в те трудные дни, когда вокруг нас все запылало, Лузгин снова сжался. Не было в нем этого дутого пафоса звонких слов. Он молча отправлялся со мной в части, молча терпел бесконечные налеты немецкой авиации, и даже, когда случалось нам купаться в реке Царице и стирать в ней белье, мы тоже молчали подолгу.

В тяжком труде сталинградского корреспондента, добывавшего почти всё под огнем, Лузгин прошел многие испытания. Но даже в это горькое время на наших глазах, день за днем, все отчетливей определялось лицо той армии, в которую мы попали: она дралась с беспримерным мужеством, и мы оба уже гордились ею. Лузгин писал о ее бойцах, связистах, понто-

нерах, разведчиках, танкистах. Он писал, вкладывая в строки всю свою страсть.

23 августа Сталинград был объят огнем. Часть нашей редакции оказалась в день чудовищной истребительной бомбежки в самом городе. С той поры пламя сталинградского пожара висело перед нами днем и ночью. Мы наблюдали его и с правого берега и тогда, когда редакции было приказано перебраться на левый.

С той стороны все выглядело еще более ужасным. Огромный, черный, по вечерам светившийся столб висел неотступно. На левом берегу, где мы стояли, были пруды, и лес, и трава, но мы ощущали, что позади нас начинается степь Казахстана, и от этого зрелище пылавшего города становилось еще более трагичным. Лузгин очень страдал. Он не мог жить без веры. В те дни, подавленный, он продолжал верить в чудо.

Нелегко бывало после двух-трех дней условно спокойной жизни возвращаться на правый берег. Корреспонденты перебирались на лодках, часто под обстрелом, и снова включались в это огнедышащее побоище. Среди развалин и пламени они находили новые и новые образцы русской отваги, мужества и воинского уменья.

Возвращаясь на левый берег, Лузгин вознаграждал себя тем, что уходил удить рыбу. Он сделал для себя две удочки. В первый раз, когда Лузгин исчез, я долго не мог понять, куда же он скрылся. И вот он явился с двумя полными котелками, оживленный, отдохнувший душой. Мы пошли ужинать. Впереди в очереди стоял наш шофер Саша Якушев, тоже москвич (погибший через год на Украине). Разговор случайно зашел о рыбной ловле, и Лузгин нашел в нем понимающего слушателя. Они проговорили весь вечер, увлеченные, забывшие обо всем.

Мы спали с ним на плащ-палатке под деревом. Когда начались дожди, Лузгин построил шалаш из тростника, какой делают охотники. Затем мы решили строить блиндаж — по образцу, который увидали где-то в батальоне и который нам очень понравился. Блиндаж должен был быть комфортабельный. За что бы Лузгин ни принялся, он все делал умело, основательно, с каким-то особым вкусом к физическому труду. Я вспомнил тогда фотографии, которые он показал мне однажды в Москве: Лузгин был отличным фотографом. Он и сапожником был превосходным и обещал мне, если нам назначено вернуться домой, сшить настоящие модельные туфли — для меня и для жены. Я знал, что раз уж он сказал, то сошьет непременно.

Однажды во время пребывания на правом берегу он встретил члена Военного Совета, генерала Абрамова. Лузгин вернулся ко мне в некотором возбуждении. Из его сдержанных слов я понял, что тот сильно похвалил его работу. Одобрение храброго человека, славившегося своей отвагой в нашей армии, окрылило его.

Мне кажется, что примерно в это же время стало складываться в его душе новое чувство. Сталинград пылал по-прежнему, армии вели кровавые бои, истекая кровью. Но все очевидней становилось, что сталинградская битва приобретает характер всемирно-исторический. Это сознание подымало всех, прибавляло сил и наполняло особой уверенностью.

Прошло несколько дней. Блиндаж был готов. Мы построили его на совесть, но жить нам в нем не пришлось. Еще днем товарищи приходили смотреть на него, а под вечер приехал редактор и объявил нам новость: Военный Совет считает, что пришло время писать историю сталинградской битвы. Мы должны были вдвоем переехать на правый берег.

Лузгин воспрянул духом. Угнетенный зрелищем продолжавшихся опустошительных разрушений, он словно увидел все из глубины завтрашнего дня. Он почувствовал себя участником того великого и бессмертного, что и тогда и сегодня обозначается одним словом: Сталинград.

Мы провели единственную ночь в нашем новом блиндаже. На рассвете мы переправились на правый берег. Мы вступили на него как старые знакомые и одновременно как люди, которых ожидает что-то бесконечно важное.

Через несколько дней Лузгин заболел. Он пролежал дня четыре в санбате и не смог пойти к члену Военного Совета. Но, когда он выписался из санбата, нас принял командующий — генерал Шумилов. Говорили о близкой зиме, о переправах во время ледостава. Было ясно, что отсюда мы с места не сдвинемся и путь может быть только один — на Запад.

Мы возвращались втроем, вместе с редактором. Уже темнело. Был чудесный осенний вечер, и за деревьями виднелась Волга.

Я не спрашивал Лузгина ни о чем. Он шел, словно ощетинившийся, и я понимал, что ему нужно скрыть свое волнение.

Через три дня он был убит.

Он не видал нашего полного торжества, но я знаю — даже в те дни, когда перед нами висело огромное страшное облако горящего Сталинграда,— Лузгин успел ощутить будущее с остротой предвидения и с убежденностью большевика.

Тем же снарядом был убит и другой наш товарищ, батальонный комиссар Николай Бочаров. Их похоронили в братской могиле на берегу Волги. На похороны пришли генерал Абрамов и политотдел армии. Когда их тела опускали в могилу, был дан залп.

Михаила Васильевича Лузгина в армии помнили долго, и когда наступили дни сталинградской победы, он одним из первых был награжден орденом Красной Звезды посмертно. Спустя месяц, армии, с которой он прошел самый тяжкий путь, было присвоено звание гвардейской. Перо писателя-большевика служило ей с беззаветной честностью в самые трудные для нее дни.

⟨1947⟩

ЦГАЛИ, ф. 1828, оп. 1, ед. хр. 41, лл. 1—10.

[1] Редакция газеты 43 армии «Защитник отечества».

АЛЕКСАНДР ХАМАДАН*

Погиб в мае 1943 г.

ВСЕГДА В ПУТИ

Почти всегда Александр Хамадан был в пути. Мальчиком он прошел длинную дорогу от Дагестана, где родился, до Берлина... Он менял профессии и города — Баку, Душанбе, Пенджикент, Берлин, Москва.

Был рыбаком и маленьким артистом цирка, создавал отряды против басмачей и находился на дипломатической работе.

Все профессии понадобились для одной, главной —Хамадан (А. М. Файнгар) стал незаурядным журналистом, до Великой Отечественной войны он специализировался по Востоку.

Читатели «Правды» и других центральных газет уже привычно искали достоверные и лаконичные статьи и рассказы Хамадана о Китае и Японии; цикл его китайских новелл был опубликован в журнале «Знамя». В ту пору возникли первые черновые варианты повести Хамадана «Дипломаты».

Дорога Хамадана в Отечественную войну пролегала из Подмосковья в Одессу, через партизанские тропы под Ленинградом, до самой южной точки Крымского фронта.

Среди множества его правдивых корреспонденций самыми яркими были очерки Севастопольской обороны. Он понял, что в Севастополе сложилась своя особая жизнь, в очерках ощущался ритм ее, атмосфера. То были очерки о жизни на войне, а не перечисление боевых эпизодов; каждая корреспонденция была встречей с людьми, узнаванием их. Мы запоминали жест командира корабля и мечту юной защитницы горной крепости; в очерках раскрывались разные судьбы, в неожиданных поворотах обнаруживались контрастные характеры, талант, сноровка участников беспримерной обороны. Под пером Хамадана возникали динамичные портреты полководца и девочки-сержанта, рыбаков и разведчиков. Мы слышали их интонации, мы переживали с ними дни упорной борьбы, артиллерийские дуэли, вылазки, атаки...

Даже когда оборвалась оборона Севастополя, очерки Хамадана перечитывали тысячи людей. Они вышли за пределы однодневной жизни — у них появился возраст, исчислявшийся сперва месяцами, потом годами.

Это не метафора — мы, освобождая Крым, прорываясь через Сиваш, овладевая Керчью, штурмуя весной 1944 г. Севастополь, не расставались с боевым журналистом Хамаданом; он стал для нас душевным другом, он был в ту пору очень нужен нам, и, ничего еще не зная о его судьбе, мы надеялись на встречу с ним.

У меня сохранилась книга Хамадана «Севастопольцы», зачитанная до дыр ребятами из морской пехоты, кочевавшая с торпедных катеров на тральщики, от матросов к летчикам морской авиации и к солдатам 4 Украинского фронта.

Я шла к Севастополю, как и многие политработники, командиры и солдаты, рассчитывая на встречу с автором книги. Не случайно об этом думал и писал замечательный полководец генерал И. Е. Петров — Хамадан оставил неизгладимый след своего присутствия на флоте и в войсках обороны и освобождения.

---

* Предисловие и публикация Л. С. Рудневой.

АЛЕКСАНДР ХАМАДАН
Фотография. Севастополь, 1942
Собрание М. С. Файнгар, Москва

Во время штурма города, войдя в него, я пыталась найти людей, знавших Хамадана в трагическую пору оккупации Крыма. Тогда впервые я услышала и записала воспоминания нескольких бывших военнопленных о том, что произошло с Александром Моисеевичем. Но только в последние годы мне удалось подробно и достоверно установить обстоятельства гибели Хамадана.

Надо сказать, что еще в июле 1941 г. Хамадан, едва добившись зачисления на военную службу, был уволен из армии в связи с тяжелым недугом. Человек огромной выдержки, молодой и необыкновенно привлекательный, он производил впечатление жизнерадостное и, казалось, обладал неиссякаемым запасом не только духовных, но и физических сил, с самыми близкими людьми он никогда не говорил о своих недомоганиях. И он добился откомандирования на фронт в качестве специального корреспондента ТАСС. Тяжело больной, весной 1942 г. он попал в Москву и слег. Но, несмотря на болезнь, он собрал тогда книгу очерков о Севастополе, кое-что написал для нее заново.

Как крупного знатока восточной Азии, его предполагали послать на Дальний Восток, но он настоял, еще не выйдя из острого периода болезни, на командировке (на этот раз от Радиокомитета) в Севастополь. Он уже понимал, что дни города сочтены, но именно потому считал себя не вправе находиться вдалеке от осажденной крепости. Кружным путем, с величайшим трудом, он попал в Севастополь. Оборона завершилась трагично: большинство защитников города не удалось эвакуировать. Понимая значение деятельности Хамадана, по распоряжению командующего Приморской армией генерала И. Е. Петрова, начальник оперативного отдела штаба армии вручил корреспонденту посадочный талон на один из последних самолетов, покидавших Севастополь. Тысячи людей жаждали вырваться на Большую землю — Хамадан отдал свой талон раненому или женщине.

Он участвовал в последних боях, когда было уже опубликовано официальное сообщение о том, что войска покинули Крым. Не было глотка воды, боеприпасов, но у скал Херсонеса, на самой оконечности Крымского полуострова, еще шли тяжелые бои. Потом в плен попали тысячи раненых, изможденных людей — среди них Александр Хамадан.

Он назвал себя Александром Михайловым. В плену он собирал вокруг себя людей, наладил связь с партизанами, подпольем; работая при кладовке для заключенных, он помогал спасать дистрофиков, распространял советские газеты, сводки Информбюро. Многие из его товарищей были казнены: Мария Бляхер, Нелли Маас, Беленькая и др.

Весной 1943 г. предателями был выдан и Александр Михайлов, но подлинного имени и профессии Хамадана гитлеровцы, видимо, так до конца и не узнали.

Хамадана пытались спасти врачи-военнопленные, они перевели его в инфекционное отделение больницы, куда гестаповцы обычно опасались заглядывать, но тяжело больного Хамадана заключили в одиночную камеру тюрьмы. В мае 1943 г., когда за ним явились из гестапо, он принял яд. Есть сведения, что умирающего Хамадана все-таки казнили на «10-й остановке» по дороге к Балаклаве.

Хамадан и в тюрьме пытался работать — он писал вторую часть книги «Севастопольцы», хотел назвать ее «На задворках войны». Его творческая воля не уступала его мужеству коммуниста. Последнюю рукопись его, несмотря на все розыски, обнаружить не удалось, но его книга «Севастопольцы», изданная в 1942 г., не утратила своего значения. А имя Александра Хамадана остается символом огромной духовной силы, мужества и человеческого достоинства.

АВТОБИОГРАФИЯ *

Родился в сентябре 1908 г. в городе Дербенте (Дагестан), в семье ремесленника — часового мастера. В 1918 г. семья, в связи с армяно-татарской резней и угрозой еврейского погрома, выехала из города.

В конце 1919 г. попал в Астрахань, где начал работать в Губчека курьером. В момент занятия города Баку частями Красной Армии был командирован туда с группой работников ЧК.

Из Баку был переброшен в Порт-Петровск (Махач-Кала) для работы в Дагестанской ЧК. В органах ЧК работал до 1922 г., т. е. до приказа тов. Дзержинского об откомандировании несовершеннолетних сотрудников на учебу. В этом же году переехал в Баку.

Работал учеником в мастерских автотранспорта, где и вступил в комсомол (апрель 1922 г.).

Потом посещал школу им. Кирова. В конце 1924 г. приехал в Москву.

В 1925 г. поехал в Берлин (Германия), к старшему брату (проф. И. М. Файнгар) — он был в то время членом совета торгпредства СССР в Германии. Ныне он проживает в Москве, член ВКП(б), ректор и профессор инженерно-экономического института им. Орджоникидзе.

В Берлине я работал на электрозаводе «Макс Леви» монтажником. Вел на заводе комсомольскую работу. Одновременно работал в Веддингском райкоме комсомола.

В 1926 г. по обвинению в коммунистической пропаганде был выслан в СССР.

По приезде в Москву был командирован на учебу в Военно-Морское училище им. Фрунзе (гор. Ленинград). При проверке врачебной комиссии (через полгода учебы) был признан к службе во флоте негодным — дальтонизм.

ЦК ВЛКСМ был направлен в Среднюю Азию. В Ташкенте получил назначение зам. управделами и секретарем Совнаркома Таджикистана.

* Публикуется по автографу, хранящемуся у М. С. Файнгар.

В мае 1927 г. был избран зам. председателя Совета профсоюзов в Пенджикентской области. В конце 1927 г. тяжело заболел — африканский тиф, затем операция аппендицита. После операции вынужден был уехать из Средней Азии по рекомендации врачей. В 1928 г. ЦК ВЛКСМ направил меня в Наркомпрос РСФСР для работы в качестве инспектора. В сентябре 1929 г. был назначен зав. отделом печати и пропаганды ЦК Межрабпома. Летом 1930 г. был направлен для работы в Наркоминдел.

Работал в Китае в качестве заведующего Информбюро при Генеральном консульстве СССР в Харбине до 1932 г.

Во время пребывания в Китае я был принят в партию кандидатом комиссией ЦК ВКП(б) в 1931 г. В июле 1932 г. вернулся в Москву. ЦК ВКП(б) был направлен в «Правду». В «Правде» проработал пять лет. В период работы в «Правде» был в Америке и в Италии (сентябрь 1934 г.— январь 1935 г.).

С июня 1937 г. по апрель 1938 работал в журнале «Новый мир» — заместителем ответственного редактора. В апреле 1938 г. был исключен из кандидатов за потерю бдительности, 25 августа 1939 г. партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) признала исключение неправильным и восстановила меня в партии. 9 декабря 1939 г. был переведен в члены ВКП(б).

Последние годы занимался исключительно литературной работой. Мною написаны следующие книги:

1. «Кризисы и обострение классовой борьбы в японской деревне». Партиздат, 1934.
2. «Американские силуэты». «Молодая гвардия», 1936.
3. «Япония на путях к большой войне». Соцэкгиз, 1936.
4. «Японский шпионаж». Партиздат, 1937.
5. «В японской деревне». Партиздат, 1934.
6. «Вожди и герои китайского народа». Соцэкгиз, 1936.
7. «В сопках». «Молодая гвардия», 1938.
8. «Гнев». Детиздат, 1939.
9. «Бронзовая медаль». Изд-во «Огонек», 1940.
10. «Повесть о Фрунзе». Детиздат[1].
11. «Тебе, Родина». «Сов. писатель», 1942.
12. «Севастопольцы», 1942 (находится в печати)[2].

С начала войны работал в качестве специального военного корреспондента ТАСС. Был на Одесском, Ленинградском, Московском и Севастопольском фронтах. С 15 июня ⟨1942 г.⟩ с разрешения зав. отд. печати ЦК ВКП(б) т. Пузина перешел в Радиокомитет в качестве специального военного корреспондента.

Ал. Хамадан

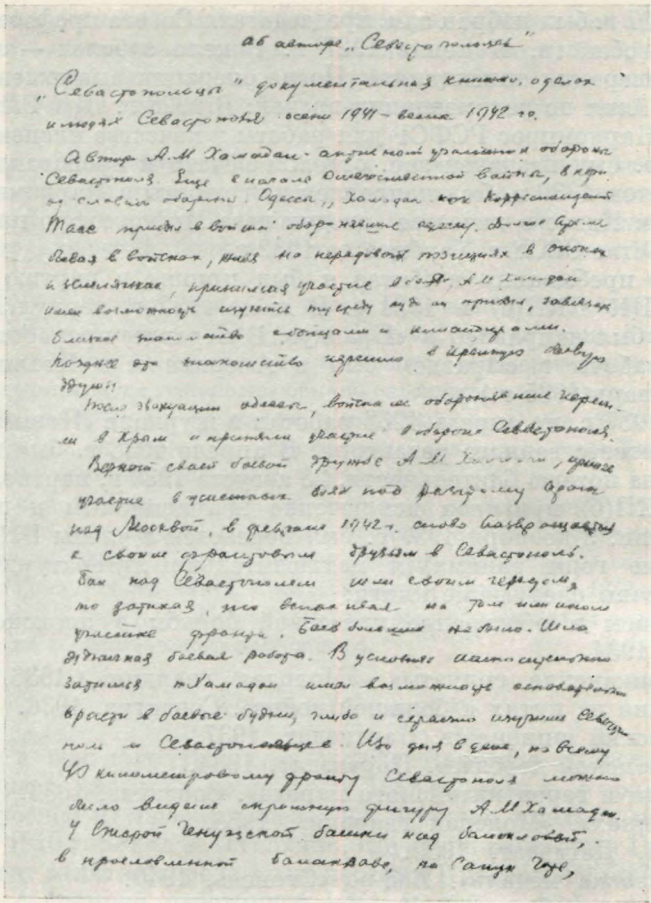
⟨Июнь 1942 г.⟩

[1] Книга в свет не вышла, сохранилась в рукописи.
[2] Вышла в 1942 г. в изд-ве «Молодая гвардия».

ОБ АВТОРЕ «СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ»

«Севастопольцы» — документальная книжка, о делах и людях Севастополя осени 1941—весны 1942 г.

Автор А. М. Хамадан — активный участник обороны Севастополя. Еще в начале Отечественной войны, в период славной обороны Одессы, Хамадан как корреспондент ТАСС прибыл в войска, оборонявшие Одессу. Долгое время бывая в войсках, живя на передовых позициях в окопах и землянках, принимая участие в боях, А. М. Хамадан имел возможность изучить ту среду, куда он прибыл, завязать близкое знакомство с бой-



«ОБ АВТОРЕ „СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ“»

Автограф отзыва генерал-майора И. Е. Петрова о книге А. Хамадана «Севастопольцы», 1942
Первый лист

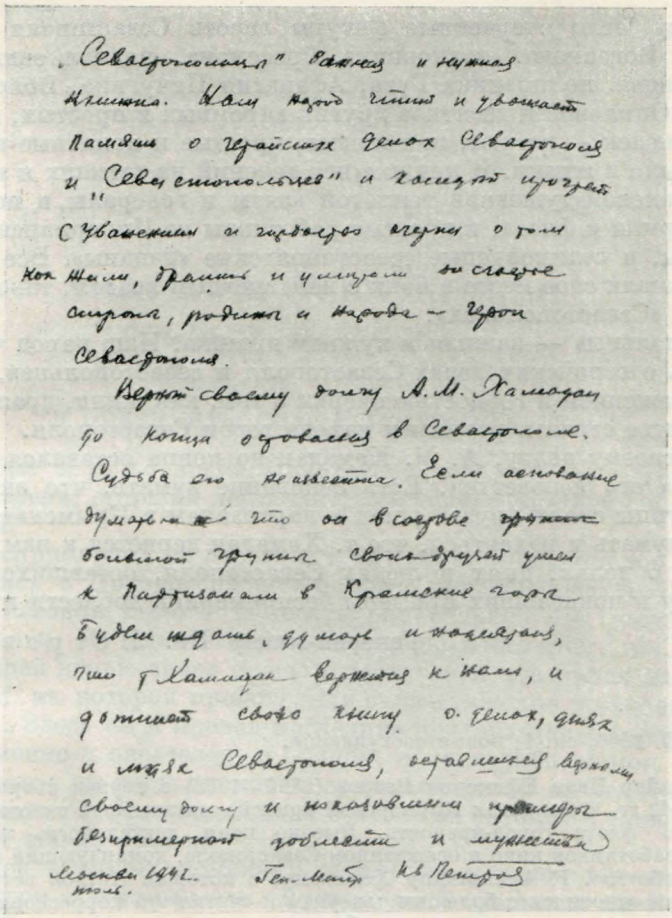
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

цами и командирами. Позднее это знакомство перешло в крепкую боевую дружбу.

После эвакуации Одессы войска, ее оборонявшие, перешли в Крым и приняли участие в обороне Севастополя.

Верный своей боевой дружбе, А. М. Хамадан, приняв участие в успешных боях по разгрому врага под Москвой, в феврале 1942 г. снова возвращается к своим фронтовым друзьям в Севастополь.

Бои под Севастополем шли своим чередом, то затихая, то вспыхивая на том или ином участке фронта. Боев больших не было. Шла будничная боевая работа. В условиях относительного затишья т. Хамадан имел возможность основательно врасти в боевые будни, глубоко и серьезно изучить Севастополь и севастопольцев. Изо дня в день по всему 40-километровому фронту Севастополя можно было видеть скромную фигуру А. М. Хамадана. У старой генуэзской башни над Балаклавой, в прославленной Балаклаве, на Сапун-горе, на Малаховом кургане, в Инкерманской долине, в лесу Макензиевых гор, в Бельбекской долине — всюду знали А. М. Хамадана, везде у него были друзья и боевые товарищи.



„Севастопольцы" важная и нужная книжка. Нам народ чтит и уважает память о геройских делах Севастополя и „Севастопольцев" и каждый прочтет с уважением и гордостью очерки о том как жили, дрались и умирали во сверхстрое стороны, родины и народа — герои Севастополя.

Верный своему долгу А. М. Хамадан до конца оставался в Севастополе. Судьба его неизвестна. Если основание думать, что он в составе большой группы своих друзей ушел к партизанам в Крымские горы. Будем ждать, думать и надеяться, что т. Хамадан вернется к нам, и дотянет свою книгу о делах, днях и людях Севастополя, оставшихся верными своему долгу и показавшим примеры безпримерной доблести и мужества.

Москва 1942. Ген.-Майор И. Е. Петров
толь.

«ОБ АВТОРЕ „СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ"»

Автограф отзыва генерал-майора И. Е. Петрова о книге А. Хамадана «Севастопольцы», 1942
Последний лист
Цетральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Обедая из солдатского котелка в окопах за Балаклавой, угощая сам табачком друзей в Инкермане, А. М. Хамадан под привычный шум и грохот боя бегло вел записи в маленькой черной записной книжке; а глухой ночью, когда утихал бой и когда только вспыхивали по фронту всплески ракет, прожектора бесшумно рассекали ночное темное небо, по дорогам потоком неслись вереницы грузовых машин на фронт и с фронта, где-нибудь в землянке командного пункта одного из друзей т. Хамадан, при свете коптящей семилинейной лампочки, вел более подробные записи, обрабатывая полученный и добытый за день материал.

«Севастопольцы» не охватывают и не могут охватить всей полноты суровой, эпической, величавой картины обороны Севастополя. Книжка и не претендует на это.

«Севастопольцы» — фрагменты большой, капитальной повести о делах, днях и героях Севастополя. Но от «Севастопольцев» пахнет пылью окопов и дымом боевых костров. Книжка пропитана грохотом снарядов и рвущихся авиабомб, в книжке чувствуется дыхание боя и напряженная суровая обстановка боев.

Кратко и бегло очерченные фигуры героев Севастополя — гвардии полковника Богданова, полковника Гроссмана, подполковников Курганова, Рубцова, полковника Гузь, Афанасия Пичугина, Володи Чепурнова, Нины Ониловой и десятков других скромных и простых, но честных и храбрых людей — встают, как живые, простые и понятные в том виде, как оно и было в жизни. В книжке нет делений на высших и низших чинов. С одинаковой душевной теплотой взяты и генералы, и полковники, и рядовые армии и флота, и простые работницы из Инкерманских штолен и Балаклавы, и великолепные севастопольские «пацаны». Все эти советские люди нашли свое место в боях с ненавистным врагом, такое же место им дано и в «Севастопольцах».

«Севастопольцы» — важная и нужная книжка. Наш народ чтит и уважает память о геройских делах Севастополя и севастопольцев, и каждый прочтет с уважением и гордостью очерки о том, как жили, дрались и умирали за счастье страны, родины и народа герои Севастополя.

Верный своему долгу, А. М. Хамадан до конца оставался в Севастополе. Судьба его неизвестна. Есть основание думать, что он в составе большой группы своих друзей ушел к партизанам в Крымские горы. Будем ждать, думать и надеяться, что т. Хамадан вернется к нам и допишет свою книгу о делах, днях и людях Севастополя, оставшихся верными своему долгу и показавших примеры беспримерной доблести и мужества.

Генерал-майор Ив. Петров

Москва, 1942,
июль

ЦГАЛИ, ф. 2260, оп. 1, новые поступления.

Генерал-майор Иван Ефимович Петров (1896—1958) в период обороны Севастополя 1941—1942 гг. командовал Приморской армией, защищавшей вместе с моряками Черноморского флота город-крепость. Высоко ценя деятельность журналистов, художников, работников кино в осажденном Севастополе, командующий оказывал им всемерное содействие. К Александру Хамадану, с которым Петров встретился еще под Одессой, он относился с большим доверием и считал его корреспонденции правдиво отражающими характерные черты обороны города.

В июле 1942 г., после оставления Севастополя, И. Е. Петров на короткий срок попал в Москву. К нему обратились с просьбой написать о рукописи А. Хамадана «Севастопольцы», подготовленной автором к изданию еще весной этого года, перед последним выездом в блокированный город.

Книга «Севастопольцы», выпущенная в конце 1942 г. издательством «Молодая гвардия», вышла с предисловием И. Е. Петрова. В этом предисловии говорится главным образом об обороне Севастополя и только в заключительных абзацах дается краткая характеристика самой книги.

Публикуемый нами текст весьма существенно отличается от помещенного в книге предисловия, совпадая с последним лишь в нескольких фразах: здесь на первый план выдвинута тема подвига журналиста, его нерасторжимой связи со своими героями и читателями.

АНАТОЛИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ *

Погиб 12 сентября 1943 г.

В ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

12 сентября с. г. во время Новороссийского десанта погиб смертью храбрых писатель, старший лейтенант, коммунист Анатолий Анатольевич Луначарский.

В этой беспримерной по дерзости и трудности операции тов. Луначарский высадился в Новороссийском порту с первым броском. Целью его опаснейшей поездки было — написать ряд очерков для нашей краснофлотской печати. Не удовлетворившись первым походом, тов. Луначарский следующей ночью снова пошел с десантом и высадился на Каботажной пристани, на которой происходили самые тяжелые и кровопролитные бои с врагом. Здесь он и провел последние полтора дня своей жизни. Он был одновременно и писателем, и бойцом, и политработником. В аду непрекращающихся ни днем ни ночью сражений делал он заметки в своей записной книжке, чтобы потом снова взяться за автомат и словом и делом подымать дух наших бойцов.

Оставшийся в живых командир батальона морской пехоты, капитан Кузнецов, рядом с которым тов. Луначарский сражался на Каботажной пристани, отзывается о нем как о мужественном воине и патриоте.

Долгое время Политическое управление Черноморского флота не имело подтвержденных данных о гибели тов. Луначарского. Известно было, что он был тяжело ранен, но продолжал оставаться в строю. Правда, тов. Кузнецов заявлял о смерти тов. Луначарского самым категорическим образом. Ему доложил один из его бойцов, что «старшего лейтенанта в черной шинели убило». Не удовлетворяясь заявлением тов. Кузнецова, Политическое управление Черноморского флота несколько месяцев вело розыски по всем прилегающим к Новороссийску морским и армейским госпиталям. Нигде не было обнаружено никаких следов пребывания тов. Луначарского, и приходилось с прискорбием констатировать, что тов. Луначарский погиб в боях за Родину.

С самых первых дней войны находился он в рядах Действующего Черноморского флота. Он работал в многотиражных газетах 7 бригады морской пехоты, сражавшейся под Севастополем, бригады траления и заграждения, в газете «Красный черноморец», воевал с 83 бригадой морской пехоты на подступах к Туапсе, участвовал на кан⟨онерской⟩ лодке «Красная Грузия» в труднейшей десантной операции в районе Южной Озерейки в ночь с 3 на 4 февраля с. г., а на другую ночь в высадке десанта в Станичке под самым Новороссийском.

Во всех этих операциях тов. Луначарский показал себя мужественным воином, инициативным писателем и отличным боевым товарищем. По

* Публикация В. Д. Зельдовича.

боевой характеристике приняла его парторганизация канонерской лодки в члены ВКП(б).

За время войны тов. Луначарский написал множество очерков, стихов, песен для джаза, написал историю бригады морской пехоты. Он заканчивал пьесу о моряке-черноморце и с большой любовью и тщательностью собирал материалы для романа о боях за Крым.

Вся его боевая жизнь — прекрасный образец честного и беззаветного служения Родине. За участие в боях против гитлеровских войск тов. Луначарский награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Севастополя» [1].

После его смерти остались без средств к существованию его мать, жена и двое детей. Считаю необходимым просить Президиум Союза советских писателей возбудить перед правительством ходатайство о назначении семье погибшего писателя-бойца персональной пенсии. Тов. Луначарский вполне заслужил ее.

Начальник отдела агитации и пропаганды
Политического управления Черноморского флота
полковник Д. Корниенко

6. XII. 1943

[1] Эти награды Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян передал 7 мая 1965 г. в Кремле членам семьи А. А. Луначарского — вдове Елене Ефимовне и дочери Анне Анатольевне Луначарским (см. «Правда», 1965, № 128, 8 мая).

ИЗ ДНЕВНИКА

30/VII 41. 10 часов 59 минут. 38-й день войны.

Итак — я в первой моей боевой операции. Вышли охотиться за подводной лодкой, обнаруженной в нашем районе. Иду на тральщике. Вскочил на него перед самым его отходом, еще не зная характера операции. Если ночь пройдет благополучно — утром будем вытраливать мины. Веселая работа. На борту торпеды и множество глубинных бомб, оранжево-алые вешки и параваны*.

Сегодня я оформил материал для радиогазеты и подобрал для нее замечательный сигнал. Вчера отпечатали «Бдительную вахту». Первый номер многотиражки, в котором чувствуется и моя капля меду. Сегодня Бобков [1] после ряда исправлений, которые я выполнил быстро и ладно в материалах радиогазеты по его замечаниям, предложил мне выйти в море, причем не на тральщике, а служебной шхуне.

Узнаю, что один из тральщиков, стоящих на приколе, уходит в дозор на ночь. Бросаюсь туда. Скок-скок! и я на тральщике! Однако мне заморочили голову, и я скок на другой. А, оказывается, уходил-то первый. Я было остался, да тут шел катер за командиром. Я подозвал катер, и он доставил меня сюда. Люди здесь смелы и любезны. Ухожу снова на палубу, а то в кают-компании жарко.

31.VII. 41 г. 39-й день войны.

К роману[2]: «Когда Любим в тот вечер выходил в море (впервые на военном корабле), закат был зловещ и романтичен: над блекло-сиреневым поблескивающим морем пылал оранжевым пламенем край неба. А на фоне этого огня бесшумно сражались пепельно-серые призраки драконов, коней, рыб...

В море шли корабли-транспорты, военные катера-охотники. Рисунок их был резок... А утром был такой нежный жемчужный восход! Море

* Параван — буек особого устройства, часть корабельного противоминного охранителя.

А. А. ЛУНАЧАРСКИЙ
Фотография, 1941
Собрание В. Д. Зельдовича, Москва

серебряно-розовое лишь чуть-чуть трепетало, а небо теплилось перламутровыми тонами, похожее на огромную раковину, покрывшую весь мир.

И так весело вдруг прокувыркалась мимо дружная стая дельфинов... Они мчались, выскакивая из воды и исчезая в ней, взбивая брызги в пену, они резвились с такой беззаботностью.

Еще было несколько водяных птиц... Эти птицы не летали, казалось, а бежали, сломя голову, по розовой воде.

Солнце скрылось где-то за облаками, лишь просвечивая и прорываясь золотом через них. Берега смутно голубели в туманной дымке.

И вдруг бинокль Любима выхватил из безграничности моря какой-то предмет. Корабль подходил все ближе... Что это бревно? Какой-то сверток? Скоро Любим разобрал, что это такое. Раздутый труп в лиловой майке, черных трусах, с желто-белыми голыми ногами и обнаженным животом лениво покачивался на волнах.

Вражеские подлодки... Корабль входил в район трупов и обломков. Одна перевернутая шлюпка... Другая... Гады! Вы за это поплатитесь, мы заставим вас остаться на дне!»

3.IX.41 г. 73-й день войны.

Особых событий за это время не было, если не считать налета на Севастополь вражеских самолетов. Я сидел в новой комнатке редакции (нас перевели из отвратительного закутка в доме политотдела в отдельный домик, где мы получили две комнатки на трех — «нас», я разумею многотиражку) и занимался английским. Часов 9—10 было. Вдруг — гудки, потом «изящный Ширкин» (нач. клуба) по радио заорал: «Воздушная тревога!!..» Я забежал к нам в общежитие, где как-то мельком заметил каску, надел ее и пошел в капитанскую рубку одного из МО (морской охотник-катер), стоявшего у «стенки». Страха никакого я не испытывал, а только интерес, очень острый, азартный.

По горизонту вспыхивали и бродили пики прожекторов. Над далекой плав-батареей прыгали огоньки разрывов снарядов, оранжевые, веселые. Потом прожектора вдруг «вцепились» в серебристую «моль» — самолет. Поймал его широкий, мощный прожектор со стороны Балаклавы. Прожектора все скрестились на самолет и залили его белым светом. Они как бы «вели» его к нам. Со стороны Севастополя стали взлетать огненные фонтаны занитных очередей. Палили пулеметы, автоматы, большие пушки.

Я смотрел в ночной бинокль, и мне самолет казался особенно низко летящим. Снаряды скакали вокруг него, как собаки вокруг зверя, но не попадали. Яцкин[3] из себя выходил от азарта и злости. Трепал меня за плечи, стонал и мешал мне. Потом вдруг грохнул «чудовищный» выстрел, все стало желтым на мгновенье. Я был уверен, что видел, как снаряд попал в самолет и того разорвало на клочки. Но это было ошибкой. Самолет не подбили.

Потом все погасло. И опять луна царила на небе — большой, спокойный, насмешливый кусок серебряного льда... Я видел в бинокль ее горы и моря. ... А когда смотрел на звезды, они подмигивали мне зелеными, синими и красными вспышками. А в море смеялись лунные алмазы — как давно-давно в порту Сухуми.

Потом снова забегали прожектора, снова поймали самолет и «повели». И опять рвались снаряды вокруг него. Но он вел себя особенно нагло, совершил круг над нашими головами, дал очередь по прожекторам из носового и хвостового пулеметов, а потом улетел. Я ясно различил черные кресты на оранжевом поле возле концов его крыльев. Два других налета были похожи на этот, только с той разницей, что во второй раз я не нашел каски и получил защиту для головы уже на катере. А в третий раз на катере не было каски, так что я стоял, рискуя погибнуть от осколков наших же снарядов. Я не думал о риске, но на другой день, когда Яцкин притащил здоровенный осколок — граммов 100—150, я понял, что такие штуки могут кончиться плохо, и стал раздобывать себе каску, но пока безуспешно.

[1] Бобков — полковой комиссар, начальник политотдела ОВРа.

[2] Запись относится к незавершенному роману «О юность, юность», над которым в период войны продолжал работать А. А. Луначарский. Рукописные материалы к этому роману хранятся у его вдовы Е. Е. Луначарской.

[3] Яцкин — редактор газеты ОВРа «Бдительная вахта».

СТИХИ

ЧЕРНАЯ ХМАРА

Нас в бою прозвали черной хмарой.
Ярости свинцовой ураган
Смертоносным гибельным ударом
Мы обрушиваем на врага.

К извергам не знаем мы пощады!
Сердце — гнева огненный комок!
Бей, моряк, громи фашиста-гада,
Так, чтоб он и ног не уволок!

Мы пришли от пенистой лазури,
От соленых штормовых ветров,
Чтоб свирепой черноморской бурей
Разметать коричневых воров.

Газета 7 бригады морской пехоты «В бой за Родину», 1941, № 11, 10 октября.

ПОБЕДУ В СРАЖЕНЬЯХ КУЮТ

Всю свою ненависть,
всю свою силу
В стальной
собери
кулак!
Просторы цветущие
Родины милой
Кровавый
терзает враг!
За нашу свободу,
за честь,
за Отчизну,
За творчество,
за любовь
Мы в битве готовы
отдать свои жизни,
Пролить
свою жаркую кровь!

Так выше
родное
багряное
знамя!
Греми,
орудийный
салют!
Победа
сама
не дается!
Мы знаем:
Победу
в сраженьях
куют!

Газета 7 бригады морской пехоты «В бой за Родину», 1941, № 14, 17 октября.

ВИКТОРАС ВАЛАЙТИС

Погиб 22 декабря 1943 г.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Воспоминания Эд. Межелайтиса *

В памятное лето 1943 г. мне, начинавшему первые более смелые шаги в области литературы и журналистики, удалось вместе с писателем Йонасом Марцинкявичюсом уехать из Москвы на фронт, где сражались литовские подразделения. Путешествие было с приключениями, новые яркие впечатления врезались в память, запали глубоко в сердце и, должно быть, никакое время уже никогда не вытеснит этих впечатлений из моей памяти.

Правду говоря, у меня не было особенно широких замыслов. Был я в то время молодым журналистом, и, в первую очередь, мне хотелось, хотя бы мимоходом, журналистскими штрихами запечатлеть какой-нибудь фрагмент великих событий тех дней. Но мечтая написать позже что-нибудь более значительное в литературном смысле, я, кроме того, думал привезти с фронта и несколько новых стихотворений.

Фронт встретил нас, конечно, так, как может встретить фронт. Шли тяжелые кровавые бои... Наши подразделения победоносно продвигались вперед... Немецкие фашисты, отступая, не жалели свинца и огня — отступали, огрызаясь, как гонимые собаки... Ближе к фронтовой линии было жарковато. События быстро мелькали перед глазами, надо было успевать занести в блокнот карандашом журналиста как можно больше примеров героизма наших бойцов и рассказать о них родине, томившейся в то время в фашистской неволе[1].

Начало журналистской работы на фронте было нелегкое. Как, с чего начать? Этот вопрос надо было решить... Немало помогли мне молодые литераторы-фронтовики, которых здесь было довольно много. Это были товарищи, которые, как и я, с гимназической или университетской скамьи попали в гущу событий и с большим ими меньшим успехом старались своим живым словом участвовать в этих событиях. Мне очень хотелось познакомиться с фронтовыми товарищами, с их творчеством. Они также интересовались новыми произведениями литовских писателей и хотели встретиться с только что вернувшимся из Москвы старшим лейтенантом Йонасом Марцинкявичюсом.

Во фронтовых условиях мы устроили встречу литераторов. В ней приняли участие товарищи, которые сегодня сотрудничают в партийной печати или находятся на другой ответственной работе. Для встречи подобрали укромное место: это была, насколько помню, глубокая ложбина у лесочка. Бойцы постелили плащ-палатки, уселись на земле. Красное солнце клонилось к западу... Земля еще вздрагивала, непрестанно гудела от снарядов. Неподалеку падали мины... С птичьим свистом изредка про-

---

* Публикация К. Довейки. Перевод с литовского.

ВИКТОРАС ВАЛАЙТИС
Фотография, 1940
Из сборника стихотворений
В. Валайтиса
«В походе». Вильнюс, 1935

летали заблудившиеся в степи пули... Близилась ночь... Огонь битвы уже потухал... Здесь и состоялась наша первая встреча.

— Познакомься с товарищами,— сказал мне Йонас Марцинкявичюс. Высокий плечистый боец крепко, искренне пожал мне руку.

— Сержант Валайтис Викторас.

Это был товарищ внушительного вида. Он сел недалеко, напротив меня, и я его хорошо видел, слышал каждое его слово. Высокий, худощавый, но с широкими прямоугольными плечами, в плотно обтянутой гимнастерке, с продолговатым лицом, в набок сдвинутой пилотке, он резко выделялся среди других. Он говорил немного, но твердо, сжатыми фразами. Мне он показался глубоко ушедшим в свой внутренний мир, как бы нехотя вытаскивал он на свет ту или другую мысль, ну, а если уж выволок, то мысль — как крупица золота...

Все мы по кругу читали свои новые произведения — стихи, небольшие рассказы, коротенькие повести. Когда подошла очередь Викторaса, он очень неохотно вытащил тетрадку и долго не решался начинать чтение. Так уж обычно бывает: люди, которые в своем произведении затрагивают лишь поверхность своей души, с удовольствием, не стесняясь, вам прочтут и еще, без просьбы, добавят; и наоборот — чем более глубокие чувства выражает поэт, тем труднее он открывает себя слушателю. Так было и с Валайтисом. У него было с собой лишь несколько стихотворений, и они не сверкали внешними поэтическими блестками; это были скромные и простые, как солдатская шинель, как дорога, по которой шагает воин, как земля, ради которой он не жалеет даже своей жизни, стихи, но настоящие. Что в них было настоящим — это прямой взгляд на жизнь, на назначение человека, на события. Привлекало и привлекает

в них неподдельное человеческое чувство. Иногда в стихотворении нет ни особенных рифм, ни звукописи, но чувствуешь, что это настоящие стихи, поэзия сердца...

Викторас все-таки прочитал:

Товарищи, коль в вихре боя
Подкосит жизнь мою свинец,—
Не омрачайте глаз тоскою
И боль гоните из сердец.

Когда опять родные сосны
Над вами звонко зашумят,
Скажите им, что в битве грозной
Погиб я честно, как солдат,

За то, чтоб не было на свете
Ни войн, ни крови, ни цепей;
Чтоб приносил весенний ветер
Напевы радости с полей... [2]

На фронте, где до смерти было только «четыре шага», такие строфы волновали до глубины души. Это были стихи настоящего поэта, умеющего выразить не только свои личные чувства, но и чувства многих бойцов. Тысячи воинов шли в атаку с мыслью о готовности сложить свою жизнь за свободу Родины. Валайтис свою декларацию выразил без звонких риторических слов,— выразил просто, эмоционально, понятно... Его стихи западали в душу. ..

После чтения мы еще довольно долго оставались в прифронтовой ложбине, разговаривая о том, что всегда волновало и волнует молодых писателей: о позиции писателя в жизни, о его связи с реальной действительностью, о живом, пульсирующем кровью слове писателя...

Очень хорошо тогда сказал Викторас:

«Я не знаю, может ли писатель в годы войны и вообще может ли он творить, запершись за семью замками от жизни... Кто его тогда поймет?.. Стихотворение — это выстрел... Он не должен быть мимо цели. Он должен сразить врага...

Писатель должен лежать в сыром окопе с солдатами и забыть о том, что он писатель: разговаривать с солдатом о повседневных жизненных делах, хлебать похлебку из одного котелка, ломать хлеб от одной краюхи... Идти вместе в атаку, пережить ярость солдата в огне боя, страх перед лицом смерти, радость победных ликований... Словом, нога в ногу с жизнью!»[3]

Его взгляды были здравыми, верными, прямыми.

На фронте я попытался некоторые свои мысли претворить в стихи. Как только сяду с карандашом и тетрадкой в руках, перед глазами, бывало, всплывал образ Викториса Валайтиса... В эти дни я кое-что написал. Это, конечно, были первые несмелые попытки, некоторые даже совсем неудачные, некоторые немножко лучше... Удались именно те стихи, которые возникали в глубине души, когда я лежал рядом с солдатами в окопах, в землянках, блиндаже на подостланной сырой соломе, хлебал из одного котелка, чувствуя рядом у своего сердца сердце друга... Иначе и не могло быть. Тогда же и возник первый сборник моих стихов «Лирика»[4], изданный в Москве в 1943 г.

Это была единственная, но глубоко памятная встреча с настоящим фронтовым поэтом Викторасом Валайтисом.

Полгода спустя, опять приехав к воинам, я услышал тяжкую весть... Проклятая пуля вырвала из наших рядов замечательного друга и способного многообещавшего поэта.

Покоится он под соснами братской Белоруссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эти воспоминания были опубликованы на литовском языке в сборнике стихотворений В. Валайтиса «Žygyje» («В походе»), Вильнюс, 1953.

Викторас Валайтис (1916—1943) — литовский советский поэт. В годы войны в периодике были опубликованы многие его стихотворения; отдельным сборником они были изданы лишь после окончания войны. Валайтис вступил в 1942 г. в Литовское соединение Красной Армии, участвовал в боях и в декабре 1943 г. пал смертью храбрых на Белорусском фронте.

[1] В годы войны Эд. Межелайтис на основании непосредственных фронтовых впечатлений и собранного материала написал и опубликовал в периодике ряд очерков («Маленький воин», «Сын Жемайтийского края», «Несколько картин оттуда, где побывали фашистские варвары» и др.).

[2] Отрывок из стихотворения Валайтиса «Товарищам» (перевод П. Железнова).

[3] Подобные мысли Валайтис выразил в своем стихотворении «Слово к писателям», опубликованном в литовской газете «Родина зовет», 1943, № 72.

[4] Вскоре после войны вышла книга стихов военного периода Эд. Межелайтиса «Ветер с родины» (Каунас, 1946).

ЮРИЙ СЕВРУК *

Погиб 16 сентября 1944 г.

ПАМЯТИ ЮРИЯ СЕВРУКА

Некролог **

При исполнении служебных обязанностей погиб от немецкого снаряда специальный корреспондент газеты «За Родину»[1] капитан Юрий Севрук.

Литературная общественность знает Юрия Севрука как автора содержательных, вдумчивых статей о творчестве Маяковского, Багрицкого, Джамбула и других советских поэтов. Много лет он проработал в редакционном коллективе журнала «Знамя».

Ю. Севрук с первых дней войны пошел на фронт работать и воевать во имя нашей победы. Он начал войну в должности специального корреспондента армейской газеты на Волховском фронте. Там он получил свою первую правительственную награду — медаль «За отвагу». Он делал все, что должен делать настоящий писатель-фронтовик: писал рассказы, очерки, корреспонденции, стихи, фельетоны, военные статьи и заметки. Он постоянно бывал на переднем крае, и сколько боевых друзей приобрел он в полках, в батальонах, в ротах! В трудные дни боевой страды начала 1942 г. Юрий Севрук вступил на фронте в партию большевиков.

Оказавшись в первых рядах воинов, форсировавших в 1943 г. Днепр, он заменил выбывшего из строя командира батальона, блестяще повел бой и во главе батальона ворвался в населенный пункт на правом берегу реки. Получив тяжелое пулевое ранение в правую руку, Ю. Севрук не покинул поля боя.

Через несколько дней в госпитале ему был вручен орден Красного Знамени.

Работоспособность его была необычайно велика, невыполнимых заданий для него не существовало. Советские журналисты и писатели никогда не забудут Юрия Поликарповича Севрука. Его гибель невыразимо тяжела для всех нас, но светлая память об этом замечательном человеке, доблестном офицере, талантливом писателе велит нам отдать все свои силы для окончательной победы над подлым и ненавистным врагом.

Вс. Вишневский, Н. Тихонов, И. Эренбург, К. Симонов, генерал-лейтенант А. Игнатьев, генерал-майор М. Галактионов, Ан. Тарасенков, С. Вашенцев, В. Гроссман, Б. Горбатов, Н. Шпанов, В. Смирнова, А. Сурков, В. Луговской, П. Антокольский, А. Твардовский, Е. Долматовский, М. Алигер, Е. Михайлова, М. Поляновский, М. Матусовский, А. Лейтес, В. Перцов, Е. Книпович, А. Ариан, Б. Иринин, Л. Коган,

---

* Публикация С. Л. Поляновской-Севрук.

** «Литература и искусство», 1944, № 42, 14 октября.

Ю. П. СЕВРУК
Фотография, 1943
Собрание С. Л. Поляновской
Севрук, Москва

М. Рудерман, Л. Шуб, Л. Никулин, Л. Кассиль, С. Голубов, И. Рахтанов, В. Жданов, Е. Ковальчик, Л. Ошанин, В. Шкловский, П. Чагин, Л. Тимофеев.

Коллектив редакции газеты «За Родину»: Д. Чекулаев, М. Семенов, А. Чаковский, А. Гитович, Ю. Березовский, М. Токарев, М. Постоловский, А. Литвинов, И. Ковалкин, В. Тертычный, В. Васильев, А. Кожин.

[1] «За Родину» — в 1944 г. газета 3 Прибалтийского фронта.

ЖУРАВЛИ

Высоко над ямами и рвами
Раненой, истерзанной земли,
Вешний воздух бороздя крылами,
Через фронт летели журавли.

Словно стая наших самолетов
Проплыла равниной голубой,
Немцы из зенитных пулеметов
Прострочили небо над собой.

Не несет весна удачи фрицам,
Дни идут, а наш напор жесток.
Вот и позавидовали птицам,
Их прямой дороге на восток.

Прямо к солнцу поднимаясь круто,
Вражьему огню наперерез,
Пронеслись, не изменив маршрута,
Вольные кочевники небес.

Улыбаясь, мы на птиц взглянули.
Не для них наш припасен свинец:
Немцу предназначенную пулю
В журавля не выпустит боец.

Пусть себе кочуют на свободе
И приветным криком говорят:
«С доброй вестью к вам весна приходит,
С доброй вестью журавли летят!»

От врага опять ушла добыча.
Скрылись в затуманенной дали,
Громко, торжествующе курлыча,
Трубачи победы — журавли.

19 апреля 1943 г.

ПИСЬМО К ЖЕНЕ — С. Л. ПОЛЯНОВСКОЙ

⟨12 июня 1942 г.⟩

Здравствуй, родная!

Получил еще одно твое письмо и открытку. Был несколько дней на фронте, поэтому не мог вовремя ответить.

Поделюсь некоторыми своими впечатлениями. Может быть, тебе это будет интересно.

В нашей армии есть один полк, знаменитый своими снайперами. Туда мы и поехали с Борисом Монастырским, решив заранее сходить «на охоту» за фрицами.

Сказано — сделано. И вот в 6 часов утра мы идем в пестрых маскхалатах по густому лиственному мелколесью. Халаты не только помогают маскироваться, но и защищают от комаров, которых видимо-невидимо.

Со мною идет снайпер Орлов, уничтоживший 114 немцев, а с Монастырским — Богданов. На его счету 98 гитлеровцев.

Вот мы на командном пункте роты. Землянка с несколькими накатами. Быстро, пригнувшись, пробегаем еще метров 40 вперед и устраиваемся в двух окопчиках для стрельбы с колена: Борис с Богдановым — в одном, я с Орловым — в другом.

Впереди — поляна, поросшая редким и мелким кустарником, метров в 250 шириной, на ней никого нет, а за нею в лесу немцы.

Солнце палит вовсю. Жарко. Поочередно наблюдаем в бинокль и в оптический прицел. Мой «напарник» Орлов явно недоволен. Он хмуро напевает:

Фрицы плавают по дну,
Не поймаешь ни одну.

В соседнем окопе — у Богданова — дело идет лучше. Он замечает в бинокль немца и бьет без промаха. Монастырский видит, как падает фашист.

Проходит час. Немцы больше не показываются. Они на этом участке очень боятся снайперов и лишь ночью решаются выходить на опушку

леса. Да к тому же какие-то подлые кустики закрывают нам с Орловым часть поля зрения. Решаем проползти еще немного вперед к этим кустикам. Проползли метров 10. Лежим час. Вся опушка — как на ладони. Орлов отлично знает, где у немцев установлены пулеметы, где блиндажи, но хоть бы один поганый фриц вылез на свет божий.

Так до 16 час. больше никого мы и не подстрелили. Хочу сходить еще раз, может быть, охота будет удачнее.

А на участке соседнего полка в это время шел большой бой. Ясное дело, что мы с Монастырским на другой день туда и отправились. И не зря.

Правда, к тому времени, как мы пришли, дело уже окончилось и лишь время от времени завязывалась сильная перестрелка, но мы могли поговорить с поистине замечательными людьми. Достаточно сказать, что 27 наших бойцов отразили 19 атак вчетверо и впятеро превосходящего противника и сами потом атаковали немцев. Для газеты это был материал крайне интересный и нужный.

Конечно, в письме всего не напишешь. Но с такими людьми и с такой техникой (особенно артиллерией), как у нас, мы несомненно сумеем разбить врага в 1942 году.

А следовательно и сроки нашей встречи становятся с каждым днем всё короче и короче.

Белая ночь серебрит листву,
Лес стал совсем иной...
Голосом сердца тебя зову —
Женушка, будь со мной!

Вот бы тебя приголубить власть,
В очи тебе взглянуть.
Жаркая, злая, мужская страсть
Мне не дает уснуть.

Горе разлуки с трудом терпя,
Весь этот долгий срок
Помню тебя и люблю тебя
Всю, с головы до ног.

Много тяжелого на войне,
Нервы напряжены,
Но неизменно сияет мне
Образ моей жены.

Чтобы от злобы, насилья, тьмы
Радость любви спасти,
Не рассуждая, обязаны мы
В битву с врагом идти.

Общее дело свое сверша,
Счастье добудем вновь,
Будет пленительно хороша
Наша с тобой любовь.

Женушка! Скоро победу жди,
Силы все собери,
Ради мерцающей впереди
Светлой, большой зари...

Вот что я все собирался тебе много раз написать, но боялся сентиментальности. А стихи хоть и не бог весть какие, зато искренние.

Вот пока всё.

МОГИЛА Ю. П. СЕВРУКА в г. ВЫРУ (ЭстССР)
Фотография Р. Торма, 1964
Собрание С. Л. Поляновской-Севрук, Москва

Целую тебя крепко и деток, и желаю вам всем бодрости и доброго здоровья.

Твой Ю р а

12.6.42

ПИСЬМО К В. В. ВИШНЕВСКОМУ

⟨14 сентября 1944 г.⟩

Дорогой Всеволод Витальевич!

Большое спасибо. Вчера получил ваше письмо и вчера же ответил телеграммой в адрес «Правды». Разумеется, я согласен. Разумеется, работа в «Знамени» — это лучшее, о чем я мог мечтать и на что надеялся.

Сейчас уже пора восстанавливать — нет, строить заново — настоящую, большую литературу, и мне хочется стать участником этой созидательной работы. Словом — я готов, за мной дело не станет.

Несколько слов о моем теперешнем положении. Жизнью своей я доволен. Мы здесь хорошо воюем, проходим по совершенно новым для меня местам, здесь все интересно. Мы идем к Балтике, и я надеюсь, что успею еще побывать на Рижском взморье до того, как получу возможность двигаться в противоположном направлении.

Еще раз благодарю вас за внимание. Надеюсь принести пользу литературе.

Крепко жму руку. Большой привет Софье Касьяновне.

Ваш Ю. С е в р у к

ОТВЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ПИСЬМО ПИОНЕРОВ ШКОЛЫ ИМ. КРЕЙЦВАЛЬДА в г. ВЫРУ (ЭстССР)

⟨Весна 1958 г.⟩

Дорогие ребята!

Советские писатели очень вам благодарны за заботы о могиле погибшего во время Отечественной войны писателя Юрия Поликарповича Севрука.

Это был прекрасный человек, беспримерной храбрости и мужества воин, хороший, вдумчивый литератор.

Юрий Поликарпович Севрук родился в 1912 г. в городе Свердловске. Позднее его семья переехала в Москву, и среднюю школу он окончил в Москве. После школы он учился в Литературном институте им. Брюсова и тогда же начал писать.

Юрий Поликарпович Севрук был критиком, написал много статей — о Маяковском, Твардовском, Всеволоде Вишневском, Багрицком и других советских прозаиках и поэтах.

Но писал он не только критические статьи. Во время войны Юрий Севрук во фронтовой печати откликался на события и статьями, и фельетонами, и стихами. Так, например, в газете «Боевая красноармейская» из номера в номер печаталась его юмористическая поэма «33 несчастья Пети Петушкова».

На войну Юрий Поликарпович ушел добровольцем. Он работал тогда в журнале «Знамя», и хотя его не хотели отпускать, он добился отправки на фронт.

Вы спрашиваете, дорогие ребята, о ныне живущих родственниках Юрия Поликарповича. Можем сообщить вам следующее: в Москве живет его вдова, Серафима Леонидовна Поляновская с двумя его сыновьями Олегом и Андреем. Живы также его родители.

Конечно, им всем большую радость доставили бы ваши письма.

Еще раз, дорогие ребята, спасибо за то, что хорошо выполняете свой пионерский долг по отношению к писателю, погибшему за свободу и счастье нашей Родины.

Посылаем вам две фотографии Юрия Поликарповича и некролог, опубликованный в газете «Литература и искусство».

Пишите нам, расскажите, как учитесь, как живете, не нужны ли вам какие-нибудь книги, мы постараемся достать их и послать вам.

Сердечный привет от всех писателей.

БОРИС КОСТРОВ*

Погиб 14 марта 1945 г.

ПИСЬМА К РОДНЫМ

Быть может, миг —
И тронет сердце
Смерть.
Нет, я об этом не привык
Писать стихи
И петь.
Я говорю,
Что это бред!
Мы всех переживем,
На пик немеркнущих побед,
На пик судьбы
Взойдем!

Из стихотворения Б. Кострова
«В разведке», 1942

В 1941 г. вышел первый сборник лирических стихов Бориса Кострова «Заказник». Небольшая книжка сразу приобрела круг своих читателей, стала нужной молодежи, причислила автора к когорте комсомольских поэтов. Чувствовалось в ней влияние Александра Прокофьева и еще сильнее, пожалуй, Бориса Корнилова — его старших товарищей. Костров любил Россию, русскую природу, умел рассказывать о том, что любит.

Молодой поэт родился в 1912 г. Стихи он писал еще в школе и читал их на школьных вечерах. Как у многих сверстников-ленинградцев, первые стихи его увидели свет в журнале «Резец», и его крестным стал редактор журнала А. И. Черненко, давший путевку в жизнь многим нашим современникам-поэтам, особенно пришедшим с производства А. Костров с детства был связан с людьми заводов. Его отец служил в конторе на Путиловском, сам Борис после школы поступил на фабрику им. Володарского. Хорошо он знал и деревню, не раз работал там во время уборочных кампаний еще школьником, затем был направлен комсомолом в один из совхозов, а позднее, окончив рабочий литературный университет, стал сотрудником редакции газеты Островского района Ленинградской области «За колхоз».

У молодого поэта все было впереди. К началу войны ему исполнилось только 29 лет. В первые же дни войны он добровольцем уходит в армию, а в следующем году его принимают на фронте в ряды Коммунистической партии. Несмотря на ранение, он остается в строю, а после третьего ранения его направляют в танковое училище. В 1944 г. он возвращается в Действующую армию в звании младшего лейтенанта и в качестве командира самоходной артиллерийской установки участвует в тяжелых боях. В январе 1945 г. его награждают орденом Красного Знамени. И в суровые военные годы он не забывает о поэзии, урывает минуты для стихов о нелегком солдатском пути к победе, надеется составить из них свою вторую книгу — «Из боевого дневника».

---

* Публикация М. Н. Костровой. Предисловие Е. А. Вечтомовой.

Б. А. КОСТРОВ
Фотография, 1940
Собрание М. Н. Костровой, Ленинград

11 марта 1945 г. при взятии города Крейцбурга в Восточной Пруссии Б. Костров был тяжело ранен и через три дня умер, не дожив всего двух месяцев до дня победы. С воинскими почестями он был похоронен на центральной площади города и посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Но тот, кто был настоящим человеком, сохраняет место в нашем строю навечно. Стихи Кострова выходят отдельными книжками (в 1949 и 1957 гг.), печатаются в журналах, альманахах, сборниках. Пионеры ленинградских школ, стремящиеся увековечить память любимых писателей ленинградцев и создающие отряды их имени, приходят к матери Бориса Кострова, просят побольше рассказать о сыне.

Сегодня Костров и его погибшие товарищи еще громче, еще убедительнее говорят с нашими современниками в своих стихах, письмах к родным, блокнотных записях, в которых раскрываются их горячие сердца.

Публикуемые письма хранятся у матери поэта М. Н. Костровой.

1

26.10.42 г.

Дорогой Алеша!

Целую тебя крепко и сообщаю, что я вторично ранен 7 октября в икру левой ноги; будучи в разведке наскочил на мину.

Ранение несерьезное. Дней через 15—20 — снова на фронт громить фашистскую сволочь.

Первое же ранение я получил 22 сентября. Тогда шальной осколочек от мины царапнул и остался у меня под глазом. Я не покинул поля боя и до полного окончания атаки ползал под ураганным огнем противника с наскоро намотанной повязкой. Глаз, конечно, ни черта не видел, но он был цел, дело ограничилось опухолью, переходящей в ужасную синеву.

Вечером перед строем получил благодарность. В общем, боевая задача мною в этот памятный день была выполнена. В санчасть я так и не пошел. И правильно, конечно, поступил.

Второе ранение серьезнее, но и от него скоро останется только метка величиной в 6 сантиметров.

Снова мечтаю быть разведчиком.

От мамы давно писем не получал по тем же причинам, что и от тебя. Пишу сразу. Возможно, твое письмо успеет дойти до меня раньше, чем я выпишусь из госпиталя.

Не знаю как ты, но я очень грущу о папе. Мы с тобой, Вера[1] и мама лишились самого дорогого человека.

От Маринки[2] ни звука.

Стихи уходят в область предания.

До скорой встречи.

Твой брат Борис

Полевая почта 54, часть 936.

[1] Вера — сестра Кострова.
[2] Марина — жена Кострова.

2

9.2.45 г.

Дорогая мама!

Посылаю тебе в двух письмах стихи. Сохрани их. Жаль, что я не успел переписать все. А я их за это время сочинил 70 стих⟨отворений⟩.

Останусь живым, издам сборничек.

А как, мама, жить хочется!

Целую крепко.

Борис

3

13.2.45 г.

Добрый день, мама!

Двое суток я участвовал в ожесточенных боях. Результаты неважные. Уничтожив десятка два фрицев, расстреляв несколько домов и автомашину, я потерял свою самоходку.

Сегодня утром «фердинанд», видимо, особо зол был на меня. Он стукнул нас болванкой. Вспыхнули бензобаки, сгорел мой замечательный механик Владислав Князев. Остальным же членам экипажа и мне удалось благополучно выбраться из своей пылающей «коробочки».

В ближайшие дни получу новую машину и опять пойду в бой.

Ну, вот пока и всё. Целую крепко.

Борис

4

13.2.45 г.

Добрый день Алеша и Нина!

Утром меня подбил «фердинанд». Водитель и машина сгорели.

Я не имею даже ожогов. Остальных членов экипажа тоже «эвакуировал» благополучно. Находимся мы под Кенигсбергом. Бои здесь идут ожесточенные. Но фрицу в Восточной Пруссии скоро будет капут. Настроение у меня хорошее. Бог даст, останусь жив. Новую машину получу дня через 2—3.

Целую вас крепко и желаю благополучия.

Борис

В АТАКУ

Западный фронт. Декабрь 1943 г.

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

5

16.2.45 г.

Добрый день, мама!

Я пока еще жив и здоров. По силе своих возможностей бью немцев. Настроение хорошее.

Я уже писал тебе, что машина моя сгорела. Вместе с ней сгорела и моя полевая сумка, а в ней фото: ты с папой, Алеша, Веринька, Елочка [1], Маринка, книжка «Заказник», горсточка рукописей и многие другие очень дорогие для меня вещи.

Ох, как мне всего этого жалко! Ты меня, мама, конечно, понимаешь.

Интереснее всего то, что вчера я разговорился с одним довольно авторитетным человеком. Он удивился, что я поэт и скрываю «таинства» свои. Будь у меня под рукой «Заказник», судьба моя могла бы повернуть в другую сторону. Но на слово, говорят, верят постольку поскольку. Короче говоря, если не трудно, возьми у Марины «Заказник» и пришли мне. У нее должны быть мои книги.

Бои у нас идут ожесточенные. Фрицев тесним. Скоро Пруссия будет полностью взята нами.

А как хочется жить, мама!

Не беспокойся за меня.

До скорой встречи. Крепко целую.

Борис

[1] Елочка — племянница Кострова.

6

24.2.45 г.

Целую крепко, крепко!

Я, мама, жив и здоров, чего желаю и тебе. Дни летят быстро, немцы откатываются к морю. Час нашей победы близок.

Я не получил еще новой машины и, можно считать, ожидаю. Вчера в честь 27-й годовщины РККА немного выпили.

Погода здесь туманная, тёплая, как в Ленинграде в конце марта. Частенько моросят дожди. Ночью — хоть выколи глаз, черно.

Очень тоскую о тебе, о Вере и Леше. Как ни странно, но и Марина на ум частенько приходит. Любил я ее, мама, сильно, сильно. Как обидно, что у меня с ней не состоялось счастье.

Завтра — папины именины, очень памятный день. И зачем он так рано ушел из жизни? Ему бы жить и жить. Когда я иду в бой, я всегда вспоминаю его и, не щадя жизни своей, уничтожаю проклятых фашистов. Они, сволочи, отняли его у нас.

С нетерпением жду писем от тебя, Веры и Алеши. У вас наверно много новостей. Дай бог, чтоб они только были хорошими.

Ты обо мне, маменька, особенно не беспокойся. Я ведь в сорочке родился, значит жить буду.

Интересно, где сейчас Сергей Наумов [1]. Он, пожалуй, стал очень большим человеком. Честный, хороший парень! Я не верю, что он погиб.

Ну, вот пока и всё. Привет всем, кто еще меня не забыл.

До скорой встречи.

Борис

[1] Сергей *Наумов* — друг детства Кострова, летчик, ныне подполковник запаса.

7

5.3.45 г.

Привет! Привет!

Спасибо Елене Андреевне [1] за сердечную весточку. Очень я был ей рад. Вот только странно, отчего Вера не пишет мне.

Дела мои боевые идут пока хорошо. Бью помаленьку врагов наших. Сегодня ночью предстоит атака.

Сумел уже отличиться. Представлен к награде.

Настроение приличное. Здоров. Надеюсь только на лучшее. Уж очень хочется жить.

До скорой встречи.

Борис

[1] Елена Андреевна — жена генерала Л. В. Внукова, дальняя родственница семьи Костровых.

ПАМЯТИ И. И. АНИСИМОВА

10 июня 1966 г. скончался главный редактор «Литературного наследства» Иван Иванович Анисимов, член-корреспондент Академии наук СССР, выдающийся деятель советской культуры, один из крупнейших представителей нашей науки о литературе.

И. И. Анисимов щедро отдавал свои силы советской литературе, социалистическому искусству: он был директором Института мировой литературы им. Горького АН СССР, профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС, вел большую работу в Союзе писателей СССР, был одним из самых активных участников Комитета по Ленинским премиям по литературе и искусству, являлся президентом общества «СССР — Швейцария». Во всей этой многосторонней и сложной деятельности он всегда проявлял неиссякаемую энергию, вносил в решение любого вопроса присущий ему дух требовательности, партийной принципиальности.

И. И. Анисимов родился в 1899 г., в деревне Глотовке Смоленской губернии. В двенадцатилетнем возрасте он поступает в Ельнинскую гимназию, которую оканчивает в 1918 г. В первые революционные годы девятнадцатилетний Иван Анисимов стал инструктором по внешкольному образованию сначала в Смоленске, а затем в одном из городков Смоленщины; в 1919 г. его избирают делегатом Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию, где он слышал речь В. И. Ленина «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства».

По окончании службы в Красной Армии, где он вел политпросветработу, И. И. Анисимов поступил в 1922 г. в Московский университет. Университетские годы были для него не просто годами учения, но и годами борьбы, в которой воспитывался и закалялся в острых методологических спорах молодой литературный критик. По окончании университета он стал аспирантом Института литературы и языка РАНИОН (1925—1928 гг.). К этому времени относятся и его первые выступления в печати с критическими статьями и рецензиями. К концу 1920-х годов И. И. Анисимов становится известным критиком и литературоведом-марксистом; для него характерно обращение к самым актуальным и сложным вопросам современной литературы, преимущественно зарубежной. Вместе с тем, он напечатал ряд работ по вопросам театра и кино. Уже тогда проявляется характерная для него широта научных интересов, так полно развившаяся в последующие годы.

Литературную работу И. И. Анисимов сочетает с педагогической деятельностью в Московском университете и в Институте Красной профессуры; с 1933 по 1938 г. он заведует кафедрой всеобщей литературы ИКП. В 1934—1938 гг. он руководит сектором иностранной литературы в Государственном издательстве художественной литературы. С 1939 г. И. И. Анисимов работает в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. В этом же году он стал членом Коммунистической партии.

Великая Отечественная война прервала научную и литературно-критическую работу И. И. Анисимова. С первых же дней войны он на политработе в Действующей армии — сначала на Южном, а затем на Закавказском фронтах. В апреле 1945 г. И. И. Анисимов — специальный военный корреспондент газеты «Известия». Вместе с 65 армией И. И. Анисимов участвовал в форсировании Одера и прошел путь от Штеттина до Ростока. Старые сотрудники «Известий» до сих пор помнят, как интересны и содержательны были печатавшиеся в газете материалы И. И. Анисимова, как они увлекали глубоким анализом социальных процессов, происходивших в Германии весной и летом 1945 г. Эта его работа была отмечена правительственной наградой — орденом Отечественной войны II степени.

В первые послевоенные годы И. И. Анисимов являлся заместителем председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, где нашли широкое применение его искусствоведческие интересы. В 1948 г. он возглавил редакцию журнала «Советская литература на иностранных языках», который под его руководством стал видным периодическим изданием, широко освещавшим жизнь СССР и вызывавшим интерес за рубежом. В те же годы И. И. Анисимов плодотворно работал в Экспертной комиссии Министерства высшего образования СССР, способствуя углублению и всемерному усовершенствованию программ филологических факультетов и, в частности, изучению литературы стран социалистического лагеря. Вернувшись в конце 1940-х годов в Институт мировой литературы, И. И. Анисимов в большой мере способствовал оживлению работы сектора зарубежной литературы. В 1952 г. он был назначен директором этого Института и оставался на этом посту до конца жизни.

Под руководством И. И. Анисимова Институт выполнил серию капитальных работ по основным вопросам литературоведения. Проведенные за последние годы по инициативе И. И. Анисимова конференции и дискуссии по ряду актуальных проблем теории и истории литературы, а также по важнейшим вопросам современной литературы, стали вехами в развитии литературной жизни, придали деятельности Института международное значение. В повседневной работе с сотрудниками Института сказались в полной мере одаренность И. И. Анисимова как организатора научной ра-

боты и его умение сплачивать людей для решения больших исследовательских задач.

Сотрудники Института мировой литературы высоко ценили И. И. Анисимова за энергичное руководство, за умение поддержать дельную инициативу, за ту деловую и товарищескую атмосферу, которую он сумел создать. Его забота о тех, кто работает рядом с ним, особенно ярко сказывалась в внимательном отношении к молодежи, к аспирантам.

Особо следует отметить многообразную деятельность И. И. Анисимова как представителя нашей науки на международном форуме. У него был огромный опыт встреч и контактов с самыми различными деятелями культуры Востока и Запада, с творческой интеллигенцией современного мира. Научный авторитет, обширные знания и личное обаяние помогали И. И. Анисимову завоевывать умы и сердца самых различных аудиторий — от строгих университетских конференций до шумливых сборищ молодежи. Многие выдающиеся зарубежные писатели помнят теплый прием, который они встречали в Институте мировой литературы им. А. М. Горького.

Богатое научное наследие И. И. Анисимова говорит о многообразии интересов покойного ученого, о глубоких знаниях в области мировой литературы и искусства, накопленных им. Страстный интерес к новому был характерен для него. На его рабочем столе всегда можно было найти груду новых книг по самым различным отраслям нашей науки, кипы только что пришедших из-за рубежа литературных журналов и газет. Многие его работы, часть которых вошла в опубликованную им при жизни книгу «Классическое наследие и современность» (1963), посвящены литературе прошлых веков. Понимая и интерпретируя ее в духе ленинского учения о культурном наследии, учения о двух культурах, И. И. Анисимов умел показать подлинное бессмертие Гюго, Гете, Байрона в том, как их поняло и усвоило наше героическое время, в том, как их произведения служили и служат великому делу борьбы за коммунистическое будущее.

Остро современное ощущение классики связано, несомненно, с тем, что основные интересы И. И. Анисимова были обращены прежде всего на изучение современной литературы. Великолепное знание зарубежной литературы в соединении с активным участием в советской литературной жизни обеспечило И. И. Анисимову такой уровень понимания и такую точность научной мысли в суждениях о литературе XX века, которые делали его выдающимся специалистом в этой области. Можно сказать, что именно он, идя вслед за А. В. Луначарским, поднял изучение современной зарубежной литературы на уровень подлинно научной дисциплины, успешно соединив в решении ее проблем методологию историка литературы и страстность литературного критика. Лучшие из его работ о современной литературе объединены в книге «Середина века», которую ученый успел подготовить уже будучи смертельно больным. Но он не включил в эту книгу многое из того, что должно быть теперь собрано и опубликовано.

Последнее большое дело, которым И. И. Анисимов занимался со всей присущей ему энергией и размахом, было празднование столетия со дня рождения Р. Роллана. Роллан всегда занимал исключительно большое место в литературных интересах И. И. Анисимова, и для изучения творчества великого гуманиста и для пропаганды его произведений в СССР покойный ученый сделал исключительно много. Торжественное заседание в Большом театре, роллановские чтения, длившиеся в течение целого полугодия и проведенные на высоком научном уровне,— они завершались уже в дни болезни И. И. Анисимова — достойно отметили юбилей французского писателя.

С «Литературным наследством» И. И. Анисимов был связан на протяжении многих лет. Еще в 1937 г. в первом томе серии «Русская куль-

тура и Франция» была напечатана его большая статья «Французская литература в СССР». В ней он показал огромное значение, которое оказала на передовую литературу Франции Великая Октябрьская социалистическая революция. На примере Анри Барбюса, Анатоля Франса, Ромена Роллана и других прогрессивных французских писателей он раскрыл историческое и политическое значение их дружественного отношения к Советскому Союзу.

С 1960 г., когда «Литературное наследство» стало органом Института мировой литературы, И. И. Анисимов был главным редактором этого издания. Он с большим тактом и бережностью относился к выработанным за три десятилетия традициям академического научно-документального издания, оказывая всемерную поддержку работе редакции над томами, посвященными писателям-классикам XIX—XX вв. (Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. М. Горький и др.). Но вместе с тем он видел свою главную задачу в том, чтобы в планах «Литературного наследства» достойное место заняли темы по истории советской литературы. При его постоянной поддержке за последние годы были подготовлены и вышли в свет такие фундаментальные тома, как «М. Горький и советские писатели» и «Из творческого наследия советских писателей»; с особенным вниманием относился он к работе над настоящим томом, посвященным советским писателям — участникам Великой Отечественной войны. По его инициативе было организовано широкое обследование архива Международного объединения революционных писателей (МОРП), материалам которого будет посвящен один из ближайших томов «Литературного наследства».

И. И. Анисимов умер в расцвете творческих сил, оставив начатые работы, незавершенные замыслы; лучшей памятью о нем будет издание его сочинений и успешное окончание больших коллективных трудов Института, начатых при его жизни и по его почину.

Редакция «Литературного наследства»

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ*

АДД — авиация дальнего действия
АПДД — авиационный полк дальнего действия
БДБ — быстроходная десантная баржа
БК — боекомплект
БОС — береговой отряд сопровождения
БТК — бригада торпедных катеров
БЧ-2 — боевая часть 2 (артиллерийское подразделение корабля)
ВА — воздушная армия
ВВС — Военно-воздушные силы
ВМ база — военно-морская база
ВНОС — система постов воздушного наблюдения, оповещения и связи
ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
ГАУ — Главное артиллерийское управление
ГВК — горвоенкомат
ГКАП — гвардейский краснознаменный авиационный полк
ГлавПУРККА (или Глав ПУ) — Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии
ГОЛКСД — гвардейская ордена Ленина краснознаменная стрелковая дивизия
Губвоензаг — губернский отдел военных заготовок
ГЦММК — Государственный центральный музей музыкальной культуры
ДКА — Дом Красной Армии
DKW — Deutsche Kraftwagen (тип немецкого легкового автомобиля)
ЕСД — Ельнинская стрелковая дивизия
ЗА — зенитная артиллерия
ЗИС — катер с автомобильным мотором завода им. Сталина
ИАБ — истребительная авиационная бригада
ИАП — истребительный авиационный полк
И-16 — тип советского самолета-истребителя
ИЛ-2 — тип советского самолета-штурмовика
ИЛ-4 — тип советского самолета-бомбардировщика
ИЛ-10 — тип советского самолета-штурмовика
КБФ — краснознаменный Балтийский флот
«КБФ» — «Красный Балтийский флот» (газета)
КВ — тип советского тяжелого танка
КЗБ — курсантская запасная бригада
КЗСБ — курсантская запасная стрелковая бригада
КП — командный пункт
КПП — контрольно-пропускной пункт
кси — краснознаменный стрелковый полк
Л — тип советской подводной лодки
ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ЛОКАФ — Литературное объединение Красной Армии и Флота
ЛПА — Ленинградский партийный архив
МБР — морской ближний разведчик
МВО — Московский военный округ
МГУ — Московский государственный университет
МГУ — мощная говорящая установка
Ме-109 — немецкий самолет-истребитель «мессершмитт-109»
Ме-110 — немецкий самолет-истребитель «мессершмитт-110»
МЗА — мелкокалиберная зенитная арилерия
МИГ (точнее: МИГ-3) — тип советского самолета-истребителя
МО — морской охотник
МО СССР — Министерство обороны СССР

---

* В настоящий список включены наряду с сокращениями, общепринятыми в литературе или в военной области, также и те сокращения, которые обычно не употребительны, но встречаются в публикуемых документах.— *Ред.*

М-1 — тип легкового автомобиля производства Горьковского автомобильного завода
М-12 — то же
НКВМФ — Народный Комиссариат Военно-Морского Флота
НКО — Народный Комиссариат Обороны
НП — наблюдательный пункт
ОВР — охрана водного района
ОГУ — окопная говорящая установка
ОЗАД — отдельный зенитный артиллерийский дивизион
ОО — особый отдел
ОТК — отдел технического контроля
ПВО — противовоздушная оборона
ПВХО — противовоздушная и химическая оборона
пд — пехотная дивизия
Пе (точнее: Пе-2) — тип советского самолета-бомбардировщика
ПНШ-2 — помощник начальника штаба полка по разведке
пп — пехотный полк
ППС — полевая почтовая станция
ППШ — тип советского автомата
ПТО — противотанковая оборона
ПТР — противотанковое ружье
Пубалт — Политуправление Балтийского флота
ПУ МВО — Политуправление Московского военного округа
ПУР — см.: ГлавПУРККА
РВК — райвоенкомат
РГК — Резерв Главного Командования
РК — районный комитет
РКВМФ — Рабоче-Крестьянский Военно-Морской Флот
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РОСТА — Российское телеграфное агентство
сд — стрелковая дивизия
СЕД — см.: ЕСД
СибВО — Сибирский военный округ
СК — сторожевой катер
ск — стрелковый корпус
СП СССР — Союз писателей СССР
сп — стрелковый полк
ССП — Союз советских писателей
СФ — Северный флот
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
ТБ — тяжелый бомбардировщик
тд — танковая дивизия
ТК — торпедный катер
ТР — транспортное судно
ТТ — тип советского пистолета
ТЭС — теплоэлектростанция
У-2 — тип советского легкого самолета
УПП КБФ — Управление политической пропаганды Краснознаменного Балтийского флота
флагарт — флагманский артиллерист
флагмин — флагманский минер
ЦВМА — Центральный Военно-Морской архив
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР
ЧФ — Черноморский флот
ШАД — штурмовая авиационная дивизия
ШКАС — скорострельный авиационный пулемет
э/м — эскадренный миноносец
эмка — см.: М-1
ЭТА — Эстонское телеграфное агентство
Ю-87 — немецкий пикирующий самолет-бомбардировщик «юнкерс-87»
Ю-88 — немецкий пикирующий самолет-бомбардировщик «юнкерс-88»

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ[1]

Составила Т. Г. Динесман

I. ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ, КОРРЕСПОНДЕНТОВ И СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТ, ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ и ДР. УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[2].

* И. Абашидзе — см. «П. А. Павленко в группе грузинских писателей»
У. Абдукаимов. Фото, 1950-е годы. Собр. семьи У. Абдукаимова, г. Фрунзе — II, 353
* И. К. Авраменко — см. «Ленинградские писатели...»
* Н. А. Адуев — см. «Лит. бригада "Окон ТАСС..."»
* В. Б. Азаров — см. «Ленинград. писатели...»; «На совещании ленинград. писателей»
* И. Я. Айзенштоп — см. «Писательский взвод»
Х. Б. Андрухаев. Фото. Сталинградское военно-политическое училище, 1940—1941 гг. Архив МО СССР, Подольск — II, 488
И. И. Анисимов. Фото В. А. Иванова, 1965. Институт мировой литературы АН СССР, М.— II, 675
* А. М. Арго — см. «Лит. бригада „Окон ТАСС..."»
* И. П. Бауков — см. «Участники совещания писателей...»
* С. А. Бахницкий — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* А. А. Бек — см. «А. А. Бек и М. Габдуллин...»
* И. А. Бельский — см. «Группа сотрудников газеты... „Звязда"»
* О. Ф. Берггольц — см. «Ленинградские писатели...»
* Я. Л. Берлинер — см. «Военные журналисты в Крыму...»
* И. Бехер — см. «И. Бехер и Э. Вайнерт...»
П. А. Бляхин. Фото, 1944. Собр. Х. С. Топоровской-Бляхиной, М.—II, 257. См. также «Груп. портреты»: «Сотрудники газеты..., «Боевой призыв»
С. А. Бондарин. Фото, Севастополь, июль 1941 г. Собр. С. А. Бондарина, М.—II, 33; см. также «Груп. портреты»: «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
С. А. Борзенко. Фото, 1930-е годы; фото, 1945. Собр. С. А. Борзенко, М.—II, 516, 517
* С. М. Борзунов — см. «Я. И. Чапичев среди работников газеты...»
* А. М. Брагин — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* Н. Л. Браун — см. «На совещании ленинградских писателей»
*Л. Т. Браусевич — см. «Писательский взвод»
Вилли Бредель обращается по радио к немецким солдатам. Фото, Сталинградский фронт, январь 1943 г. ЦАКФД — I, 545
А. П. Бринский. Фото, 1944. Собр. А. П. Бринского, Горький — II, 524
* А. Бродский — см. «Военные журналисты в Крыму...»
* Б. А. Бялик — см. «Редакционная „летучка"»
* Э. Вайнерт — см. «И. Бехер и Э. Вайнерт...»
В. Валайтис. Фото, 1940. Из сборника стихотворений В. Валайтиса «В походе». Вильнюс, 1953 — II, 661
* К. Т. Ванин — см. «Ленинградские писатели...»
* А. Т. Венцлова — см. «А. Т. Венцлова беседует с бойцами...»

Условные сокращения:

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва
ГЛМ — Государственный литературный музей, Москва
ГМР — Государственный музей Революции СССР, Москва
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва
ЦАКФД — Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва
ЦМВС — Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

[2] Звездочкой слева отмечены имена лиц, встречающихся только в разделе «Групповые портреты».

П. П. Вершигора. Фото, 1942 ⟨?⟩. Собр. О. С. Вершигоры, М.—II, 543. См. также «Груп. портреты»: «В партизанском соединении С. А. Ковпака»; «Г. М. Линьков читает П. П. Вершигоре...»
Е. А. Вечтомова. Фото, Ленинград, 1943. Собр. Е. А. Вечтомовой. Л.— II, 247
В. В. Вишневский. Фото В. А. Рудного. Ленинград, лето 1943 г. Собр. В. А. Рудного, М.— II, 195. См. также «Груп. портреты»: «Ленинградские писатели...»
* Н. Вишняков — см. «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии»
* Г. А. Востоков — см. «С. П. Злобин с товарищами...»
* И. В. Вострышев — см. «Я. И. Чапичев среди работников газеты...»
* З. П. Выдриган — см. «Э. Г. Казакевич и подполковник З. П. Выдриган»
* К. П. Высоковский — см. «Писательский взвод»
М. Габдуллин. Рис. Н. М. Аввакумова (итал. карандаш), 1 октября 1942 г. Собр. Г. Д. Аввакумовой, М.—II, 503. См. также «Груп. портреты»: «А. А. Бек и М. Габдуллин...»
А. П. Гайдар. Фото, Москва, август 1941 г. ГЛМ — II, 377
М. А. Гершензон. Фото, Западный фронт, 1942. Собр. Л. С. Коган, М.— II, 69. См. также «Груп. портреты»: «М. А. Гершензон в группе бойцов...»
* Ф. Глебов — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* В. Ф. Глушков — см. «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии»
* А. Г. Голубева — см. «Ленинградские писатели...»
* Г. С. Гор — см. «Писательский взвод»
Б. Л. Горбатов. Фото, 1942. ГЛМ — II, 129
Г. Б. Гофман. Фото, 1945. Собр. Г. Б. Гофмана, М.— II, 549
* П. М. Григорьев — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
В. С. Гроссман. Фото, декабрь 1942 г. Собр. О. М. Губер, М.— II, 161
* С. П. Гудзенко — см. «С. П. Гудзенко в Будапеште...»
В. М. Гусев — см. разд. IV («Книги»)
* И. Давыдов — см. «Группа сотрудников газеты... „За Родину"»
* Н. Ф. Дементьев — см. «С. П. Злобин с товарищами...»
* А. В. Десницкий — см. «Писательский взвод»
Муса Джалиль (М. М. Залилов). Фото, декабрь 1941 г. ГЛМ — II, 573
* Л. М. Длигач — см. «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
* Н. Г. Добышев — см. «Военные журналисты в Крыму...»
* В. К. Довгер — см. «Д. Н. Медведев читает боевым товарищам...»
А. П. Довженко. Фото П. Н. Гапочки, 6 ноября 1943 г. на Днепре по пути в освобожденный Киев. Собр. Ю. И. Солнцевой, М.— I, 165.
* К. Г. Дорохов — см. «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
* П. А. Дубов — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* А. Л. Дымшиц — см. «Ленинградские писатели...»
* О. Г. Елин — см. «Я. И. Чапичев среди работников газеты...»
* В. К. Емельяненко — см. «На командирском мостике лидера эсминцев „Ташкент"»
* В. Н. Ерошенко — см. «На борту лидера эсминцев „Ташкент"»; «На командирском мостике лидера эсминцев „Ташкент"»
Алесь Жаврук (А. Д. Синичкин). Фото, 1941—1942 гг. Собр. Л. Н. Синичкиной, Минск — II, 633
* А. А. Жаров — см. «Писатели — сотрудники газет...»
* Н. Г. Жданов — см. «Писательский взвод»
П. И. Железнов. Фото, Западный фронт, февраль 1942 г. Собр. П. И. Железнова, М.— I, 529
* Г. Е. Жолнин — см. «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии»
* П. Журба (П. Т. Скрипников) — см. «Писательский взвод»
* А. Л. Жучков — см. «Группа писателей — сотрудников газеты... „На врага!"».
И. Д. Зайцев. Фото, 1945. Собр. И. Д. Зайцева, Киев — II, 563.
* В. Д. Замятин — см. «Участники совещания писателей...»
Г. О. Збанацкий. Фото, сентябрь 1943 г. Собр. Г. О. Збанацкого, Киев — II, 521
* А. А. Зворыкин — см. «Группа сотрудников газеты... „За Родину!"».
* Ю. Д. Зельвенский — см. «Военные журналисты в Крыму...»
И. М. Зельцер. Фото, 1940—1941 гг. Собр. К. М. Кац-Зельцер, Л.—II, 611
С. П. Злобин — узник лагеря Цейтхайн. Рис. А. И. Пахомова (угольн. кар.), осень 1942 г. Собр. А. И. Пахомова, Сочи — II, 135; см. также «Груп. портреты»: «С. П. Злобин с товарищами...»
* Е. Д. Зозуля — см. «Группа писателей — сотрудников газеты... „На врага!"».
* В. Н. Зотов — см. «Б. М. Лихарев и В. Н. Зотов».
* И. И. Ивич — см. «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
* Б. Р. Изаков — см. «В тылу врага»
* Бела Иллеш — см. «Группа писателей — сотрудников газеты... „На врага!"».
* В. М. Инбер — см. «Ленинградские писатели...»; «На совещании ленинградских писателей»
Ю. А. Инге. Фото, 1940. Собр. Е. Л. Вечтомовой, Л.— II, 598.
* А. А. Исбах — см. «Редакционная „летучка"»; «Участники совещания писателей...»

Э. Г. Казакевич. Фото А. Л. Лесса, Москва, 1948. Собр. А. Л. Лесса, М.— II, 413. См. также «Груп. портреты»: «Э. Г. Казакевич и подполковник З. П. Выдриган»; «Э. Г. Казакевич и сержант Г. В. Лямин»; «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии»
В. В. Карпов. Фото, Ташкентское военное училище им. В. И. Ленина, нач. 1941 г.; фото, Калининский фронт, 29 октября 1943 г. Собр. В. В. Карпова, Ташкент — II, 533, 535
В. В. Карпов. Дружеский шарж неизв. художника («Новая специальность»).— «Фронтовая иллюстрация», 1944, № 22, октябрь — II, 537
Д. Б. Кедрин. Рис. Ар. Гагашьяна, Северо-Западный фронт, 1943. Фотокопия. ЦГАЛИ. Место нахожд. ориг. неизвестно — I, 114
* С. И. Кирсанов — см. «Лит. бригада „Окон ТАСС"...»
* В. К. Ковалев — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* С. А. Ковпак — см. «В партизанском соединении С. А. Ковпака»
* В. И. Козлов — см. «Группа сотрудников газеты... „Звязда"»
* А. С. Коломийцев — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* И. А. Коновалов — см. «На борту лидера эсминцев „Ташкент"»
* Л. З. Копелев — см. раздел VII, 1944 год, 29 июня
Б. А. Костров. Фото, 1940. Собр. М. Н. Костровой, Л. — II, 671
Б. А. Котов с сыном Сережей. Фото В. Л. Казаринского, Горловка, 1939. Собр. Е. З. Котовой, Горловка — II, 527
* А. Кривицкий — см. «В день освобождения Бухареста»
* Е. Г. Кригер — см. «Группа писателей — военных корреспондентов»
* Г. Г. Куприянов — см. «Редакционная „летучка»"
* О. И. Курганов — см. «Группа писателей — военных корреспондентов»
С. Г. Курзенков. Фото, 1943. Собр. С. Г. Курзенкова, М.— II, 511
А. И. Курошева. Фото, 1955—1958 гг. Собр. Ант. И. Курошевой, Л. — I, 109.
* М. И. Лабок — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв»"
* Б. А. Лавренев — см. «Писатели — сотрудники газет...»
* Л. И. Лагин — см. «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
А. А. Лебедев. Фото, 1939. Собр. В. Е. Петровой, Л.— II, 619
В. И. Лебедев-Кумач. Фото С. Г. Шиманского, Северный флот, 1943. ЦГАЛИ — I, 439; см. также «Груп. портреты»: «Писатели — сотрудники газет...»
* Н. Б. Левинсон — см. «Военные журналисты в Крыму...»
И. Н. Левченко. Фото, Крымский фронт, 1941—1942 гг. Собр. И. Н. Левченко, М.— II, 593
* М. Лефевр — см. «В эскадрилье „Нормандия"»
* Г. М. Линьков — см. «Г. М. Линьков читает П. П. Вершигоре...»
* А. Г. Лисенков — см. «С. П. Злобин с товарищами...»
* Б. М. Лихарев — см. «Ленинградские писатели...»; «Б. М. Лихарев и В. Н. Зотов»
* М. В. Лузгин — см. «Группа сотрудников газеты... „За Родину"»; раздел III: «Корреспондентский билет М. В. Лузгина»
* М. К. Луконин — см. «Участники совещания писателей...»
А. А. Луначарский. Фото, 1941. Собр. В. Д. Зельдовича, М.— II, 657. См. также «Груп. портреты»: «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
* Е. Д. Люфанов — см. «Писательский взвод»
* Г. В. Лямин — см. «Э. Г. Казакевич и сержант Г. В. Лямин»
* Макаров — см. «Военные журналисты в Крыму...»
* М. Б. Малкин — см. «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии»
М. Г. Мармулев — командир партизанской бригады «Буревестник». Фото, лето 1944 г. Собр. Н. Т. Саблиной, М.— II, 307
* М. Л. Матусовский — см. «Участники совещания писателей...»
Д. Н. Медведев. Фото, Полесье, 1943. ГЛМ — II, 553; см. также «Груп. портреты»: «Д. Н. Медведев читает боевым товарищам...»
* Т. Н. Мельник — см. «Редакционная „летучка"»
* Я. А. Милецкий — см. «В эскадрилье „Нормандия"»
* И. И. Миткалев — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* А. И. Молодчий — см. «И. Г. Эренбург беседует с... А. Молодчим»
* Б. Момыш-Улы — см. «А. А. Бек и М. Габдуллин...»
* В. П. Московский — см. «Редакционная „летучка"»
П. И. Мусьяков. Фото, Черноморский флот, 1941. Собр. П. И. Мусьякова, М.— I, 489
* Л. В. Мухина (Шерстнева) — см. «Д. Н. Медведев читает боевым товарищам...»
* С. С. Наровчатов — см. «Участники совещания писателей...»
М. И. Наумов. Фото П. К. Касаткина, Старая Гута (Ровенская обл.), январь 1944 г. Собр. М. И. Наумова, Киев — II, 505
А. И. Нечаев — см. «Писательский взвод»
Г. Е. Николаева (Волянская). Фото, 1940-е годы. Собр. М. В. Сагаловича, М.— I, 123
* Л. В. Никулин — см. «В эскадрилье „Нормандия"»

Н. Д. Новоселов. Фото, Ленинград, 9 июля 1941 г. Музей Кировского з-да, Л.— I, 468
* П. Н. Ойфа — см. «Писательский взвод»
* И. И. Орловский — см. «На борту лидера эсминцев „Ташкент"»
* Д. И. Ортенберг (Вадимов) — см. «И. Г. Эренбург и редактор „Красной звезды"...», «В дни Сталинградской битвы»
* Д. К. Остров — см. «Писательский взвод»
* С. Г. Островой — см. «Группа писателей — сотрудников газеты... „На врага"»
* А. Г. Островский — см. «Писательский взвод»
* П. А. Павленко — см. «П. А. Павленко читает бойцам очерк „Крымские партизаны"»; «П. А. Павленко в группе грузинских писателей».
* К. П. Павлов — см. «Редакционная „летучка"»
* В. А. Панкратов — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
Н. Н. Панов. Фото С. Г. Шиманского. Северный флот, май 1943 г. Собр. фотографа, М.— I, 513; см. также «Груп. портреты»: «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* Е. А. Панфилов — см. «Писательский взвод»
* И. М. Пекерман — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* А. А. Петров — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* Е. П. Петров — см. «На командирском мостике лидера эсминцев „Ташкент"»
* Л. И. Плескачевский — см. «Редакционная „летучка"»
* А. В. Плеско — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* Н. М. Пономарев — см. «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии».
* А. А. Прокофьев — см. «Ленинградские писатели...»
* Ш. Радиани — см. «П. А. Павленко в группе грузинских писателей»
* А. Б. Раскин — см. «Лит. бригада „Окон ТАСС"...»
* Ф. П. Решетников — см. «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
* Е. М. Ржевская. Фото, 1942. Собр. Е. М. Ржевской, М.— II, 181
* Н. А. Розенкноп — см. «Я. И. Чапичев среди работников газеты...»
* А. И. Рохович — см. «Лит. бригада „Окон ТАСС" ...»
* С. В. Руднев — см. «В партизанском соединении С. А. Ковпака»
* А. Русаков — см. «А. Т. Твардовский беседует со снайперами...»
* Е. И. Рывина — см. «Ленинградские писатели...»
В. В. Саблин — боец партизанской бригады «Буревестник». Рис. Н. Н. Жукова (кар.), Минск, 14 июля 1944 г. (с дарств. надписью художника). Собр. Н. Т. Саблиной, М.— II, 301. См. также «Груп. портреты»: «Партизанская группа подрывников...»
* С. А. Савельев — см. «Редакционная „летучка"»
* П. А. Сажин — см. «Военные журналисты в Крыму...»
* А. Н. Сазанов — см. «Я. И. Чапичев среди работников газеты...»
* Г. А. Санников — см. «Группа писателей — сотрудников газеты... „На врага"»
* И. Д. Сахновский — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* В. М. Саянов — см. «Ленинградские писатели...»
* М. А. Светлов — см. «Писатели — сотрудники газет...»
* В. Н. Светцов — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
Ю. П. Севрук. Фото, 1943. Собр. С. Л. Поляновской-Севрук, М.— II, 665.
И. Л. Сельвинский. Рис. В. П. Высоцкого (тушь, перо), Северо-Кавказский фронт, 10 ноября 1943 г. Собр. И. Л. Сельвинского, М.— I, 521
* В. Г. Семенов — см. «Д. Н. Медведев читает боевым товарищам...»
* С. А. Семенов — см. «Писательский взвод»
К. М. Симонов. Фото А. Л. Лесса, Москва, 10 января 1944 г. Собр. А. Л. Лесса, М.— I, 61; см. также «Груп. портреты»: «А. А. Сурков и К. М. Симонов...»; «В дни Сталинградской битвы»; «Группа писателей — военных корреспондентов»
* П. В. Синцов — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
П. Т. Скрипников — см. П. Журба
* И. Слипко — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* М. Р. Слободской — см. «Лит. бригада „Окон ТАСС" ...»
* Ю. И. Слонимский — см. «Писательский взвод»
В. А. Смирнов. Фото, Берлин, лето 1945 г. Собр. В. А. Смирнова, Алма-Ата — I, 141
* Л. С. Соболев — см. «На борту лидера эсминцев „Ташкент"»; «Писатели — сотрудники газет...»
* Л. В. Сойфертис — см. «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
* А. З. Солдатенков — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* В. Ф. Соловьев — см. «Д. Н. Медведев читает боевым товарищам...»
В. Е. Субботин. Фото, 1945. Собр. В. Е. Субботина, М.— II, 360. См. также разд. VII: «Советские воины в Берлине»
* А. А. Сурков — см. «А. А. Сурков в редакции газеты „Красноармейская правда"»; «А. А. Сурков и К. М. Симонов...»; «Группа писателей — военных корреспондентов»
* А. М. Суслов — см. «Я. И. Чапичев среди работников газеты...»
А. Я. Таиров. Фото, Барнаул, 1942. Собр. А. Г. Коонен, М.— II, 223

А. К. Тарасенков. Фото, Ленинградский фронт, Новая Ладога, лето 1942 г. Собр. М. И. Белкиной, М.— II, 9. См. также «Груп. портреты»: «На совещании ленинградских писателей»
* А. Т. Твардовский — см. «А. Т. Твардовский беседует со снайперами...»
* Н. П. Титов — см. «С. П. Злобин с товарищами...»
Б. Е. Тихомолов. Фото, Москва, Кремль, 12 января 1943 г. Собр. Б. Е. Тихомолова, Сочи — II, 491
Н. С. Тихонов в осажденном Ленинграде. Фото, 1942. ЦАКФД—1, 253. См. также «Груп. портреты»: «Н. С. Тихонов получает орден...», «Ленинградские писатели...»
* В. Н. Тоболяков — см. «Писательский взвод»
* А. Н. Толстой — см. «А. Н. Толстой среди летчиков»
* П. А. Трошкин — см. «Группа писателей — военных корреспондентов»
* Ж.-Л. Тюлян — см. «В эскадрилье „Нормандия"»
* Л. В. Успенский — см. «На совещании ленинградских писателей»
И. П. Уткин — см. раздел IV («Книги»)
* А. А. Фадеев — см. «А. А. Фадеев и А. Б. Чаковский...»; «М. А. Шолохов и А. А. Фадеев...»
* И. Л. Фейнберг — см. «Группа сотрудников газеты... „Красный черноморец"»
* Н. Г. Флеров — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
А. М. Хамадан. Фото, Севастополь, 1942. Собр. М. С. Файнгар, М.— II, 649
С. И. Хмельницкий. Фото, 1942. Собр. Е. И. Хмельницкой. Л.— I, 104
* Н. И. Цейтлин — см. «В редакции газеты „Краснофлотец"»
* А. В. Цессарский — см. «Д. Н. Медведев читает боевым товарищам...»
О. В. Цехновицер. Фото, Ленинград, 1940—1941 гг. Институт русской литературы АН СССР, Л.— II, 605
* Л. Цырлин — см. «Писательский взвод»
* А. Б. Чаковский — см. «А. А. Фадеев и А. Б. Чаковский...»
Я. И. Чапичев. Фото, июль 1941 г. Собр. С. М. Борзунова, М.— II, 567. См. также «Груп. портреты»: «Я. И. Чапичев среди работников газеты...»
* М. И. Чачко — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* О. Е. Черный — см. «Группа сотрудников газеты... „За Родину"»
* У. Шваяков — см. «Партизанская группа подрывников...»
* Н. С. Шевченко — см. «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии»
М. А. Шехтер. Фрагмент групповой фотографии, Москва, конец 1943 — нач. 1944 г. Собр. В. А. Шехтер, М.— I, 119
* А. Ф. Шешенев — см. «Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии»
М. А. Шолохов в рабочем кабинете. Фото А. Л. Лесса, Москва, декабрь 1943 г. Собр. А. Л. Лесса, М.— I, 35; см. также «Груп. портреты»: «М. А. Шолохов и А. А. Фадеев...», «М. А. Шолохов среди бойцов...», «М. А. Шолохов среди танкистов»
* М. Ш. Шульман — см. «Партизанская группа подрывников...»
* М. Шумилов — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
С. П. Щипачев — см. раздел IV: «Книги и публикации...»
А. Эйкия. Фото, 1943. ГЛМ — I, 555
* И. Г. Эренбург — см. «И. Г. Эренбург беседует с... А. Молодчим», «И. Г. Эренбург и редактор „Красной звезды" Д. И. Ортенберг...»
* М. М. Эрлих — см. «Группа писателей — сотрудников газеты... „На врага"»
* Д. Эсеркиев — см. «А. Т. Твардовский беседует со снайперами...»
* С. Эулия — см. «П. А. Павленко в группе грузинских писателей»
Е. С. Юнга. Рис. Н. М. Аввакумова (тушь, перо), 1942. Собр. Г. Д. Аввакумовой, М.— II, 335
* М. Н. Якимов — см. «Сотрудники газеты... „Боевой призыв"»
* И. Г. Ямпольский — см. «Писательский взвод»
* А. Я. Яшин — см. «На совещании ленинградских писателей»

Групповые портреты

А. А. Бек и Малик Габдуллин беседуют с Баурджаном Момыш-Улы. Фото, Калининский фронт, 8 гвардейская пехотная дивизия им. И. В. Панфилова, лето 1942 г. Собр. А. А. Бека, М.— I, 81
И. Бехер и Э. Вайнерт разговаривают с пленным немецким генералом. Фото, лето 1943 г. Союз немецких писателей, Берлин — I, 551
А. Т. Венцлова беседует с бойцами 16 Литовской стрелковой дивизии. Фото Х. Левинаса, Центральный фронт, март 1943 г. Собр. фотографа, Вильнюс — II, 254
М. А. Гершензон в группе бойцов, подготовленных им для выступлений с лозунгами на немецком языке. Фото, Западный фронт, 5 армия, июль 1942 г. Собрание Л. С. Коган, М.— II, 119
С. П. Гудзенко в Будапеште среди сотрудников редакции газеты 2 Украинского фронта «Суворовский натиск». Фото, Будапешт, 25 февраля 1945 г. Собр. О. И. Гудзенко, М.— I, 83

С. П. Злобин с товарищами по антифашистской борьбе в лагере № 304—Н, Цейтхайн. Изображены: Г. А. Востоков, Н. Ф. Дементьев, С. П. Злобин, А. Г. Лисенков, Н. П. Титов. Фото А. Л. Лесса, Москва, 1959. Собр. А. Л. Лесса, М.— II, 155
Э. Г. Казакевич и подполковник З. П. Выдриган. Фото, Шуя, весна 1942 г. Собр. Г. О. Казакевич, М.— II, 423
Э. Г. Казакевич и сержант Г. В. Лямин. Фото, 1 Белорусский фронт, 47 армия, лето 1944 г. Собр. Г. О. Казакевич, М.— II, 455
Г. М. Линьков читает П. П. Вершигоре свою пьесу «Москвичи за фронтом» (осталась неизданной). Фото А. Л. Лесса, Москва, 10 ноября 1948 г. ЦАКФД — II, 495
Б. М. Лихарев и В. Н. Зотов. Фото, Ленинградский фронт, март 1942 г. Собр. В. Н. Зотова, Л.— I, 137
Д. Н. Медведев читает боевым товарищам рукопись своей книги «Сильные духом». Изображены: В. К. Довгер, Д. Н. Медведев, Л. В. Мухина (Шерстнева), В. Г. Семенов, В. Ф. Соловьев, А. В. Цессарский. Фото А. Л. Лесса, Москва, 1949. Собр. А. Л. Лесса. М.— II, 557
П. А. Павленко в группе грузинских писателей. Изображены: И. Абашидзе, П. А. Павленко, Ш. Радиани, С. Эулия. Фото, Тбилиси, 1943. Собр Н. К. Треневой, М.— II, 297
П. А. Павленко читает бойцам очерк «Крымские партизаны». Кадр из киножурнала «Кинолетопись», 1942. ЦАКФД — II, 273
А. А. Сурков в редакции газеты «Красноармейская правда». Фото М. М. Калашникова. Западный фронт, 4 сентября 1941. Собр. П. Д. Корзинкина, М.—I, 333
А. А. Сурков и К. М. Симонов в районе прорванной обороны немцев на Ржевском направлении. Фото В. А. Темина, Калининский фронт, лето 1942 г. Собр. А. А. Суркова, М.— I, 53
А. Т. Твардовский беседует со снайперами — старшиной А. Русаковым и ст. серж. Д. Эсеркиевым. Фото Н. А. Баканова, 3 Белорусский фронт, 9 июля 1944 г. Собр. Н. А. Баканова, М.— I, 565
Н. С. Тихонов получает орден Отечеств. войны I степени. Фото, Ленинград, 10 июня 1943 г. Собр. Д. А. Левоневского, Л.— I, 621
А. Н. Толстой среди летчиков. Фото С. И. Лоскутова, Западный фронт, август 1941 г. Собр. фотографа, М.— I, 17
А. А. Фадеев и А. Б. Чаковский в осажденном Ленинграде. Фото Н. А. Хандогина, весна 1942 г. ГМР — I, 307
Я. И. Чапичев среди работников газеты 4 армии «В бой за родину». Изображены: С. М. Борзунов, И. В. Вострышев, О. Г. Елин, Н. А. Розенкноп, А. Н. Сазанов, А. М. Суслов, Я. И. Чапичев. Фото Я. И. Гудкова, Волховский фронт, январь 1942 г. Собр. С. М. Борзунова, М.— II, 569
М. А. Шолохов и А. А. Фадеев на передовых позициях. Фото М. М. Калашникова, Западный фронт, 19 армия, 4 сентября 1941 г. Собр. П. Д. Корзинкина, М.— I, 11
М. А. Шолохов среди бойцов артиллерийской части. Фото Г. Г. Петрусова, 1943. ГЛМ — I, 48
М. А. Шолохов среди танкистов. Фото Г. Г. Петрусова, 1943. ГЛМ — I, 49
И. Г. Эренбург беседует с Героем Советского Союза Александром Молодчим у летчиков 2 гвардейского полка Авиации дальнего действия в день вручения полку гвардейского знамени. Фото А. Л. Лесса, 29 сентября 1942 г. Собр. А. Л. Лесса, М.— I, 29.
И. Г. Эренбург и редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг (Вадимов), на передовых позициях. Фото, Западный фронт (Можайское направление), декабрь 1941 г. Собр. Д. И. Ортенберга, М.— I, 283, 605

* * *

В день освобождения Бухареста. Корреспондент «Красной звезды» А. Кривицкий раздает свежий номер газеты жителям румынской столицы. Фото, Бухарест, 31 августа 1944 г. Собр. А. Кривицкого, М.— I, 301
В дни Сталинградской битвы. Редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг (Вадимов) и К. М. Симонов: 1) На пароме во время переправы через Волгу; 2) Работа над очерком Симонова «Бой на окраине». Фото В. А. Темина, сентябрь 1942 г. Собр. Д. И. Ортенберга, М.— I, 275
В партизанском соединении С. А. Ковпака. Изображены: П. П. Вершигора, С. А. Ковпак, С. В. Руднев и др. Фото, Прикарпатская Украина, 1943. Собр. О. С. Вершигоры, М.— II, 545
В редакции газеты «Краснофлотец». Изображены: А. М. Брагин, П. М. Григорьев, В. К. Ковалев, А. С. Коломийцев, И. И. Миткалев, Н. Н. Панов, А. А. Петров, А. В. Плеско, И. Д. Сахновский, П. В. Синцов, Н. Г. Флеров, Н. И. Цейтлин. Фото Е. А. Халдея, Северный флот, г. Полярное, лето 1942 г. ГЛМ — I, 515
В тылу врага. Корреспондент газеты «За Родину» Б. Р. Изаков выступает перед жителями деревни Акулёво на оккупированной территории. Фото М. А. Трахмана, Псковская область, май 1943 г. ЦАКФД — I, 359

В эскадрилье «Нормандия». Изображены: Марсель Лефевр, Я. А. Милецкий, Л. В. Никулин, Жан-Луи Тюлян. Фото С. И. Лоскутова. Полевой аэродром (Калужская область), июнь 1943 г. Собр. фотографа, М.— I, 289

Военные журналисты в Крыму в дни наступления на Севастополь. Изображены: Я. Л. Берлинер, А. Бродский, Н. Добышев, Ю. Зельвинский, Н. Б. Левинсон, Макаров, П. А. Сажин. Фото А. С. Соколенко, апрель 1944 г. Собр. фотографа, Ростов-н/Д.— I, 507

Группа офицеров разведотдела штаба 47 армии. Изображены: Н. Вишняков, В. Ф. Глушков, Г. Е. Жолнин, Э. Г. Казакевич, М. Б. Малкин, Н. М. Пономарев, Н. С. Шевченко, А. Ф. Шешенев. Фото, 1 Белорусский фронт, Галле (Германия), весна 1945 г. Собр. Г. О. Казакевич, М.— II, 485

Группа писателей — военных корреспондентов. Изображены: Е. Г. Кригер, О. И. Курганов, К. М. Симонов, А. А. Сурков, П. А. Трошкин. Фото П. А. Трошкина, Западный фронт (Смоленская обл.), июль 1941 г. Собр. Е. Г. Кригера, М.— I, 23

Группа писателей — сотрудников газеты 31 армии «На врага!» Изображены: А. Л. Жучков, Е. Д. Зозуля, Бела Иллеш, С. Г. Островой, Г. А. Санников, М. М. Эрлих. Фото, Западный фронт, октябрь 1941 г. Собр. Г. А. Санникова, М.— II, 615

Группа сотрудников газеты Минского подпольного обкома КП(б) Б «Звязда». Изображены: И. А. Бельский, В. И. Козлов и др. Фото, 1943—1944 гг. Собр. Н. Т. Саблиной, М.— II, 321

Группа сотрудников газеты Черноморского флота «Красный черноморец». Изображены: С. А. Бондарин, Л. М. Длигач, К. Г. Дорохов, И. И. Ивич, Л. И. Лагин, А. А. Луначарский, Ф. П. Решетников, Л. В. Сойфертис, И. Л. Фейнберг. Фото, Севастополь, июль 1941 г. Собр. С. А. Бондарина, М.— I, 495

Группа сотрудников газеты 64 армии «За Родину!» Изображены: И. Давыдов, А. А. Зворыкин, М. В. Лузгин, О. Е. Черный. Фото, Сталинградский фронт, 9 июля 1942 г. Собр. О. Е. Черного, М.— II, 641

Ленинградские писатели в день награждения медалями «За оборону Ленинграда» Изображены: И. К. Авраменко, В. Б. Азаров, О. Ф. Берггольц, К. Т. Ванин, В. В. Вишневский, А. Г. Голубева, А. Л. Дымшиц, В. М. Инбер, Б. М. Лихарев, А. А. Прокофьев, Е. И. Рывина, В. М. Саянов, Н. С. Тихонов. Фото Г. И. Чертова, Ленинград, 3 июня 1943 г. ГЛМ — I, 427

Литературная бригада «Окон ТАСС» за работой. Изображены: Н. А. Адуев, А. М. Арго, С. И. Кирсанов, А. Б. Раскин, А. И. Рохович, М. Р. Слободской. Фото, Москва, конец июня 1941 г. Собр. А. И. Роховича, М.— I, 445

На борту лидера эсминцев «Ташкент». Изображены: В. Н. Ерошенко, И. А. Коновалов, И. И. Орловский, Л. С. Соболев. Фото, Черноморский флот, февраль 1942 г. Собр. В. Н. Ерошенко, Л.— II, 47

На командирском мостике лидера эсминцев «Ташкент». Изображены: В. К. Емельяненко, В. Н. Ерошенко, Е. П. Петров. Фото, 26—27 июня 1942 г., рейс Новороссийск — Севастополь. Собр. В. Н. Ерошенко, Л.— II, 627

На совещании ленинградских писателей. Изображены: В. Б. Азаров, Н. Л. Браун, В. М. Инбер, А. К. Тарасенков, Л. В. Успенский, А. Я. Яшин. Фото А. Дудченко, Ленинград, 6—7 февраля 1942 г. Собр. М. И. Белкиной, М.— II, 23

Партизанская группа подрывников получает боевое задание. Изображены: В. В. Саблин, У. Шваяков, М. Ш. Шульман и др. Фото с дарств. надписью М. Ш. Шульмана В. В. Саблину. Партизанская бригада им. Пархоменко (II Минское партизанское соединение), район Зеленковичей, лето 1943 г. Собр. Н. Т. Саблиной М.— II, 305

Писатели — сотрудники газет «Красная звезда» и «Красный флот». Изображены: А. А. Жаров, Б. А. Лавренев, В. И. Лебедев-Кумач, М. А. Светлов, Л. С. Соболев. Фото А. Л. Лесса, Москва, декабрь 1943 г. Собр. А. Л. Лесса, М.— I, 293

«Писательский взвод». Группа ленинградских писателей-добровольцев. 1 Кировская дивизия народного ополчения. Изображены: И. Я. Айзеншток, Л. Т. Браусевич, К. И. Высоковский, Г. С. Гор, А. В. Десницкий, Н. Г. Жданов, П. Журба (П. Т. Скрипников), Е. Д. Люфанов, А. Н. Нечаев, П. Н. Ойфа, Д. К. Остров, А. Г. Островский, С. А. Семенов, Ю. И. Слонимский, В. Н. Тоболяков, Л. Цырлин, И. Г. Ямпольский. Фото, Северо-Западный фронт, Лужский оборонит. рубеж (дер. Танина гора под Новгородом), июль 1941 г. Фотохроника ЛенТАСС, Л.—I, 477

После разгрома немцев под Москвой — см. «И. Г. Эренбург и редактор „Красной звезды" Д. И. Ортенберг...»

Редакционная «летучка» — сотрудники газеты Северо-Западного фронта «За Родину!» Изображены: Б. А. Бялик, А. А. Исбах, Г. Г. Куприянов, Т. Н. Мельник, В. П. Московский, К. П. Павлов, Л. И. Плескачевский, С. А. Савельев. Фото П. Б. Бернштейна, Северо-Западный фронт (Новгородская обл.), июль 1941 г. Собр. С. А. Савельева, М.— I, 349

Сотрудники газеты 61 армии «Боевой призыв»[1]. Сидят (слева направо): В. А. Панкратов, М. Лабок, М. Н. Якимов, М. И. Чачко, Ф. Глебов, С. А. Бахницкий,

[1] Сведения о лицах, изображенных на этой фотографии, поступили в редакцию, когда книга находилась уже в печати, поэтому в подписи под фото имена их не указаны.—*Ред.*

В. Н. Светцов. Стоят: И. Слипко, автотехник (фамилия не установлена), А. З. Солдатенко, И. М. Пекерман (редактор газеты), П. А. Дубов, П. А. Бляхин, М. С. Шумилов (корреспондент газеты Брянского фронта «На разгром врага»). Фото П. Сотникова, Брянский фронт, 1943. Собр. Х. С. Топоровской-Бляхиной, М.— II, 267

У могилы товарища, фотокорреспондента газеты «За Родину» Ивана Фролова. Фото П. Б. Бернштейна, Северо-Западный фронт (станция Еринья, Новгородская обл.), июль 1941 г., Собр. С. А. Савельева, М.— I, 367

Участники совещания писателей 2 Белорусского фронта. Изображены: И. П. Бауков, В. Д. Замятин, А. А. Исбах, М. К. Луконин, М. Л. Матусовский, С. С. Наровчатов. Фото ст. лейтенанта Б. Шабашова, январь 1945 г. Собр. А. А. Исбаха, М.— I, 355

II. АВТОГРАФЫ

Узак Абдукаимов. Фронтовой дневник. Обложка и страница с записью от 6 октября 1944 г. Собр. семьи У. Абдукаимова, Фрунзе — II, 355

А. В. Александров. Нотный автограф песни «Священная война», 24—28 июня 1941 г. Центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки, М.— I, 440

А. П. Гайдар. «Едет папа на войну...» Стихотворение, обращенное к дочери Жене. Написано на сборнике народных сказок «Гуси-лебеди» (М., 1941), Москва, 20 июля 1941 г. ГМР — II, 385

А. П. Гайдар. Последнее письмо к жене Д. М. Гайдар, Киев, серед. сентября 1941 г. ЦГАЛИ — II, 393

М. А. Гершензон. Последнее письмо к жене, 5 августа 1942 г. Лист первый. Собр. Л. С. Коган, М.— II, 121

М. А. Гершензон. Предсмертные строки, 8 августа 1942 г. Стр. 1—3. Собр. Л. С. Коган, М.— II, 123

С. П. Гудзенко. «Солдатская судьба». Набросок заглавного листа к неосуществленному сборнику стихотворений. ЦГАЛИ — I, 87

Муса Джалиль (М. М. Залилов). Письмо к дочери Чулпан, 24 марта 1942 г. ГМР — II, 585

С. П. Злобин. Записная книжка. Титульный лист чернового текста повести «Тетрадь в зеленом сафьяне, или Письма из-за гроба», Минский лагерь военнопленных, 1941—1942 гг. ГМР — II, 153

Э. Г. Казакевич. Письмо редактору газеты «Боевые резервы» Т. В. Измалкову, Владимир, 25 июня 1943 г. Стр. 1 и 3. Собр. Г. О. Казакевич, М.— II, 437, 439

Э. Г. Казакевич. Письмо к жене Г. О. Казакевич, Омск, 2 октября 1944 г. Собр. Г. О. Казакевич, М.— II, 467

А. А. Лебедев. Стихотв. «Возможно ли, чтоб годы эти...», 1941 г. Лист первый. Собр. В. Е. Петровой, Л. — II, 621

В. И. Лебедев-Кумач. Первый черновой набросок песни «Священная война», 22—23 июня 1941 г. Лист первый и оборот; беловой автограф песни «Священная война», 22—23 июня 1941 г. ЦГАЛИ — I, 434, 435, 437

П. А. Павленко. Записная книжка. Страницы с записью к теме «Кавказские города», ноябрь 1942 г. Собр. Н. К. Треневой, М.— II, 277

И. Е. Петров. Об авторе «Севастопольцев» (отзыв о книге А. Хамадана «Севастопольцы», 1942). Листы первый и последний. ЦГАЛИ — II, 652, 653

III. ДОКУМЕНТЫ

Извещение о гибели А. А. Лебедева, 9 ноября 1942 г. Собр. В. Е. Петровой, Л.— II, 618

Командировочное удостоверение А. П. Гайдара — корреспондента «Комсомольской правды», Москва, 19 июля 1941 г. ЦГАЛИ — II, 381

Корреспондентский билет М. В. Лузгина — сотрудника газеты 64 армии «За родину», Сталинградский фронт, 1942. На билете — фото писателя. Собр. М. И. Каган, М.— II, 639

Пригласительный билет на Пушкинский вечер в Клубе бригады подводных лодок Северного флота, г. Полярное, 26 февраля 1943 г. Собр. И. Л. Фейнберга, М.— I, 325

Репродукция с изображением знамени Победы, водруженного над Рейхстагом 30 апреля 1945 г., с дарств. надписями участников штурма Рейхстага В. Е. Субботину, апрель — ноябрь 1960 г. Собр. В. Е. Субботина, М.— II, 367

IV. СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Книги и публикации произведений отдельных авторов

М. И. Алигер. Зоя. М., «Молодая гвардия», 1943. Обложка — I, 99

С. Алымов. Все для победы. М., «Сов. писатель», 1942. Обложка с надписью автора. ГЛМ — I, 327

П. Г. Антокольский. Железо и огонь. М., Гослитиздат, 1942. Обложка с надписью автора, 7 июля 1946 г. ГЛМ — I, 420

О. Ф. Берггольц. Ленинградская тетрадь. М., «Сов. писатель», 1942. Обложка — I, 431

В. В. Вишневский. Балтфлот дерется. М., «Сов. писатель», 1942. Титульный лист с дарств. надписью автора А. К. Тарасенкову, 3 ноября 1942 г. Собр. А. К. Тарасенкова, М.— II, 25

В. В. Вишневский. В боях за Таллин. Кронштадт, изд. Политуправления КБФ, 1944. Обложка с дарств. надписью автора А. К. Тарасенкову, 6 ноября 1944 г. Собр. А. К. Тарасенкова, М.— II, 201

В. В. Вишневский. Германия в котле. См. «Листовки»

В. В. Вишневский и Н. Г. Михайловский. Балтийцы — герои Отечественной войны. М.—Л., изд. Политуправления КБФ, 1941. Обложка. Собр. А. К. Тарасенкова, М.— II, 205

А. П. Гайдар. Храброе сердце. М., Детгиз, 1945. Обложка — II, 397

Б. Л. Горбатов. Непокоренные. М., Гослитиздат, 1943. Обложка — I, 15

Б. Л. Горбатов. О жизни и смерти. М., изд-во «Правда», 1944. Обложка — II, 139

В. С. Гроссман. Народ бессмертен. М., Гослитиздат, 1943 — I, 21

В. С. Гроссман. Сталинградская битва. М., Госполитиздат, 1943. Обложка — II, 169.

В. С. Гроссман. Сталинградская быль. М., Воениздат, 1942. Обложка с дарственной надписью писателя, 18 июня 1943 г. ГЛМ — I, 279

С. П. Гудзенко. Однополчане. М., «Сов. писатель», 1944. Обложка — I, 91

В. М. Гусев. Стихи. М., изд-во «Правда», 1942. Обложка с портретом автора — I, 409

Е. А. Долматовский. Путь на Берлин. См. «Газеты»: «Красная Армия»

Е. А. Долматовский. Харьков наш! — см. там же

М. А. Дудин — см. «Сборники»: «Герои Гангута»

А. А. Жаров. За Полярным кругом, г. Полярное, изд. Северного флота, 1941. Обложка с надписью автора, 1941. ГЛМ — I, 327

А. А. Жаров. Новогоднее гадание — см. разд. V («Плакаты»): «Окно ТАСС № 1126»

В. М. Инбер. Душа Ленинграда. Л., Гослитиздат, 1942. Обложка, рис. Т. С. Цинберг — I, 430

Ю. А. Инге. Собаке — собачья смерть — см. разд. V («Плакаты»): «Бьем!», № 2

А. А. Исбах — см. М. Л. Матусовский и А. А. Исбах

Э. Г. Казакевич. Звезда. М., изд-во «Правда», 1947. Титульный лист с дарств. надписью С. Д. Разумовской и Д. С. Данину, 26 сентября 1947 г. Собр. Д. С. Данина, М.— II, 419

В. М. Кожевников. Тяжелая рука. М., «Сов. писатель», 1941. Обложка — I, 317

В. И. Лебедев-Кумач. Наш тысячный удар — см. разд. V («Плакаты»): «Окно ТАСС», № 1000

С. Я. Маршак и Кукрыниксы. Урок истории. М., Гослитиздат, 1942. Обложка и стр. с карикатурой на немецкую армию, потерпевшую поражение под Москвой — I, 329

⟨М. Л. Матусовский⟩. Советы разведчику. Изд. Политуправления Северо-Западного фронта, 1943. Обложка. Рис. В. Г. Васильева. Собр. М. Л. Матусовского, М.— I, 363

М. Л. Матусовский и А. А. Исбах. Говорящий попугай — см. «Газеты»: «За Родину»

Н. Г. Михайловский — см. В. В. Вишневский и Н. Г. Михайловский

Н. Д. Новоселов. В засаде — см. «Газеты»: «За Советскую родину»

П. А. Павленко. Русская повесть. М., «Сов. писатель», 1942. Обложка — II, 283

Б. Д. Палийчук и А. Т. Твардовский. Иван Гвоздев на фронте. Юго-Западный фронт, изд. газ. «Красная Армия», 1941, ⟨Киев⟩. Обложка. Почти весь тираж издания погиб при оставлении Киева советскими войсками. Собр. Б. Д. Палийчука, Киев — I, 394

А. А. Прокофьев. Таран. Л., Гослитиздат, 1942. Титульный лист с дарств. надписью автора А. А. Фадееву, 25 ноября 1942 г. Собр. В. П. Нечаева, М.— I, 308
В. В. Саблин. Мстители. Изд. Руденского подпольного РК КП(б) Б, 1944. Обложка, рис. автора. Собр. Н. Т. Саблиной, М.— II, 303
И. Л. Сельвинский. Военная лирика. Ташкент, Госиздат УзССР, 1943. Титульный лист с надписью автора, 1944. ГЛМ — I, 522
С. А. Семенов. Победили отвага и мужество — см. «Газеты»: «За Советскую родину»
К. М. Симонов. Дни и ночи. М., изд-во «Правда», 1942. Отдельная публикация очерка «Под Сталинградом. Дни и ночи». Обложка с надписью автора, 25 марта 1943 г. ГЛМ — I, 65
К. М. Симонов. От Черного до Баренцова моря. М., «Сов. писатель», 1942—1945 (кн. 1—4). Обложка четвертой книги — I, 285
М. Р. Слободской. Новые похождения бравого солдата Швейка. М., Воениздат, 1943. Обложка, рис. О. Г. Верейского.— I, 323
Л. С. Соболев. Морская душа. М., изд-во «Правда», 1943. Обложка — II, 51
А. А. Сурков. Ни шагу назад! — см. «Листовки»
А. А. Сурков. Стихи о ненависти. М., Гослитиздат, 1943. Обложка — I, 102
А. К. Тарасенков. Балтийцы. М., «Сов. писатель», 1942. Обложка и титульный лист с дарств. надписью автора Н. В. и А. А. Игнатьевым, 26 декабря 1942 г. Собр. В. П. Нечаева, М.— II, 19
А. К. Тарасенков. Способы борьбы с танками. Л., Военмориздат, 1941. Экземпляр, подаренный А. А. Игнатьеву. Титульный лист с надписью автора, 5 августа 1943 г. Собр. В. П. Нечаева, М.— II, 13
А. Т. Твардовский. Василий Теркин—см. «Газеты»: «Красноармейская правда»
А. Т. Твардовский. Василий Теркин. М., «Мол. гвардия», 1942. Титульный лист и фронтиспис, рис. Б. А. Дехтерева — I, 569
А. Т. Твардовский. Стихи о войне. М., «Сов. писатель», 1942. Обложка и стр. со стихотв. «Мать» — I, 599
А. Т. Твардовский. Фронтовые стихи. М., Детиздат, 1941. Обложка и стр. со стихотв. «Гармонь». Рисунки Н. А. Шишловского — I, 573
А. Т. Твардовский. Что такое «сабантуй» — см. «Газеты»: «Красная Армия»
А. Т. Твардовский. Юго-Западный фронт. М., «Мол. гвардия», 1942. Обложка, рис. Н. П. Борисовой — I, 385
А. Т. Твардовский — см. Б. Д. Палийчук и А. Т. Твардовский
Н. С. Тихонов. Ленинград принимает бой. Л., Гослитиздат, 1943. Обложка, рис. В. В. Морозова — I, 14
Н. С. Тихонов. Слово о 28 гвардейцах. М., Воениздат, 1942. Обложка — I, 284
А. Н. Толстой. Русский характер. М., изд-во «Правда», 1944. Обложка — I, 278
И. П. Уткин. О родине, о дружбе, о любви. М., Гослитиздат, 1944. Титульный лист и фронтиспис с портретом автора — I, 417
И. Френкель. Дело было в Ревеле. М., 1941. Обложка — I, 327
М. А. Шолохов. Наука ненависти. М., изд-во «Правда», 1942. Обложка — I, 44
М. А. Шолохов. Они сражались за родину. М., изд-во «Правда», 1944. Обложка — I, 45
А. Шпирт. Фронтовые стихи. Изд. газ. «За родину», 1942. Обложка — I, 327
С. П. Щипачев. Стихи. М., изд-во «Правда», 1942. Обложка с портретом автора и его дарственной надписью, 5 ноября 1942 г. ГЛМ — I, 352
И. Г. Эренбург. Башкиры. Казахи. Татары. Узбеки — см. «Листовки»
И. Г. Эренбург. Вас благословляют русские матери — см. «Газеты»: «За Родину»
И. Г. Эренбург. Гангстеры. М., Госполитиздат, 1941. Обложка. Карикатура Б. Е. Ефимова — I, 421
И. Г. Эренбург. Стихи о войне. М., «Сов. писатель», 1943. Титульный лист с дарств. надписью автора И. П. Уткину, 6 июля 1943 г. ГЛМ — I, 609

Сборники

«Боевая краснофлотская поэзия». Серия поэтических сборников. Кронштадт — Ленинград, изд. Политуправления КБФ, 1941—1942. Обложки. Собр. А. К. Тарасенкова, М.— II, 27, 28
«Гангут смеется». Изд. Политотдела Военно-морской базы Ханко, ноябрь 1941 г. Обложка и первая страница. Рисунки Б. И. Пророкова. Собр. А. К. Тарасенкова, М.— I, 401
«Гангутцы». Ханко, изд. газеты «Красный Гангут», ноябрь 1941 г. Обложка, рис. Б. И. Пророкова. Собр. В. А. Рудного, М.— I, 402
«Герои Гангута». Изд. Политотдела Военно-морской базы Ханко, октябрь 1941 г. Стр. со стихами М. А. Дудина. Собр. В. А. Рудного, М.— I, 403

«Ежи». Сб. сатирич. стихов, фельетонов и карикатур. Западный фронт, изд. газеты «Красноармейская правда», 1941. Обложка с автографич. надписями М. Р. Слободского и О. Г. Верейского. ГЛМ — I, 316
«Защитники Севастополя». Составитель Г. Н. Гайдовский. Изд. Политупр. Черноморского флота, 1942. Обложка, рис. М. Н. Молодцова. Собр. В. А. Рудного, М.— I, 530
«Храни традиции Гангута». Памятка, вручавшаяся защитникам Ханко в день оставления полуострова. Изд. Политотдела Военно-морской базы Ханко, ноябрь 1941 г. Обложка, рис. Б. И. Пророкова. Собр. В. А. Рудного, М.— I, 405
Сборники стихотворений и песен поэтов-фронтовиков, изданные в 1941—1942 гг. Обложки. Монтаж — I, 327

Газеты и журналы

«Громилка» — см. «Красная Армия»
«За Родину», газета Северо-Западного фронта. 17 X 1941, № 112: Заголовок — I, 345; 9 III 1942, № 69: сатирич. фельетон М. Л. Матусовского и А. А. Исбаха «Говорящий попугай» из серии «В гитлеровском балагане» — I, 370; 31 I 1943, № 30: И. Г. Эренбург «Вас благословляют русские матери» (открытое письмо снайперу Г. Хандогину) — I, 612
«За Советскую Родину», газета 1 Кировской дивизии Ленинградского народного ополчения. 3 VIII 1941: стр. первая со стихотв. Н. Новоселова «В засаде» и статьей С. Семенова «Победили отвага и мужество». Собр. Н. Д. Новоселова, Л.— I, 473
«Красная Армия», газета Юго-Западного, Центрального и 1 Белорусского фронтов. 18 X 1941, № 259: сатирич. отдел «Прямой наводкой» со стихотворным фельетоном А. Т. Твардовского «Что такое „сабантуй"» — I, 393; 18 II 1943, № 37: стр. 1 (фрагмент) со стих. Е. А. Долматовского «Харьков наш!» — I, 375; 15 IX 1944, № 217: стр., посвященная боям за Варшаву (фрагмент) со стих. Е. А. Долматовского «Путь на Берлин» — I, 389; сатирич. приложение «Громилка», 30 XI 1941, № 1: стр. первая и последняя. Собр. Б. Д. Палийчука, Киев — I, 380—381
«Красная звезда», газета НКО СССР. Первый военный номер. 24 VI 1941, № 146, заголовок — I, 273
«Красноармейская правда». 4 IX 1942, № 245: первая публикация поэмы А. Т. Твардовского «Василий Теркин» (начало), рис. О. Г. Верейского — I, 27
«Красный Балтийский флот», газета Краснознаменного Балтийского флота. Сатирич. приложение «Полундра». 28 XII 1941, № 1, рис. и текст Л. С. Самойлова, Собр. Л. С. Самойлова, М.— I, 465
«Красный Гангут», газета Военно-морской базы Ханко. 7 XI 1941, № 138: стр. сатирич. отдела с карикатурами Б. И. Пророкова. Собр. В. А. Рудного, М.— I, 399
«Красный черноморец», газета Черноморского флота. 18 X 1941, № 346: сатирич. отдел «Рында», карикатура Ф. П. Решетникова, текст Л. М. Длигача — I, 505; 4 VII 1942, № 185 — номер, посвященный героической обороне Севастополя: стр. первая (фрагмент) — I, 491
«Ленинград», 1942, № 7: обложка журнала, рис. А. Ф. Пахомова — II, 251
«На страже Родины», газета Ленинградского фронта: сатирич. приложение «Прямой наводкой», 7 I 1942, № 4. Собр. Д. А. Левоневского, Л.— I, 313
«Отвага», газета 2 ударной армии, 17 V 1942, № 461: стр. 1 (фрагмент) — II, 581
«Пленная правда», рукописная подпольная газета, выпущенная С. П. Злобиным в Минском лагере военнопленных. 10 VII 1942, № 1: стр. 1—4. Белорусский музей истории Великой Отечественной войны, Минск — II, 141—144
«Полундра» — см. «Красный Балтийский флот»
«Прямой наводкой» — см. «Красная Армия»
«Прямой наводкой» — см. «На страже Родины»
«Рында» — см. «Красный черноморец»
«Уничтожим врага», газета 5 армии. 7 II 1942, № 35: стр. 1 (фрагмент) — II, 101
«Фронтовик», газета 3 ударной армии. 14 II 1943, № 5: стр. 1, рис. Н. М. Аввакумова — I, 312

Листовки

«Башкиры». «Казахи». «Татары». «Узбеки». Очерки И. Г. Эренбурга, выпущенные в виде листовок на языках народов СССР, 1942. Монтаж. ГМР — I, 291
«Германия в котле». Листовка для немецких солдат. Текст В. В. Вишневского, 29 мая 1943 г. Комиссия по литературному наследству В. В. Вишневского при ССП, М.— I, 537
«Для бойцов, командиров и политработников, сражающихся в тылу противника». Рис. Н. М. Аввакумова, 20 октября 1941 г. ГМР — I, 75
«Клянемся, Ленинграда не отдадим!» Распространялась среди войск, оборонявших Ленинград. Экземпляр, висевший в землянке командира батареи ст. лейтенанта Г. Н. Горностаева в августе 1941 — марте 1942 гг. ГМР — I, 483

Листовка для немецких солдат, выпущенная после разгрома гитлеровских армий под Сталинградом, февраль 1943 г. ЦМВС — I, 547
«Ни шагу назад!» Стихотворный текст А. А. Суркова. Изд. Глав. Политуправления Красной Армии, 1942. ГМР — I, 341
Обращение к финским солдатам. Линогравюра Б. И. Пророкова. Полуостров Ханко, лето 1941 г. Собр. В. А. Рудного, М.— I, 558
«Отказывайтесь идти в весеннее наступление». Обращение к немецким солдатам, подписанное депутатами рейхстага и ландтага В. Пиком, Г. Соботкой, В. Ульбрихтом, В. Флорином, весна 1942 г. ЦМВС — I, 542, 543

V. ПЛАКАТЫ. «ОКНА ТАСС». КАРИКАТУРЫ

Плакаты

«Блокада Ленинграда прорвана!» Плакат В. А. Серова, январь 1943 г. ЦМВС — I, 629
«Боец, освобождай советских людей...» Плакат Л. Ф. Голованова. М., «Искусство», 1942. ЦМВС — I, 127
«Боец, Украина ждет тебя!» Плакат Н. Н. Жукова и В. С. Климашина. М., «Искусство», 1943. ЦМВС — I, 171
«Бьем!» № 2, изд. газеты «Красный Балтийский флот». Таллин, лето 1941 г. Текст Ю. А. Инге, карикатуры Л. С. Самойлова. Собр. Л. С. Самойлова, М.— II, 601
«Бьем!» № 5, изд. газеты «Красный Балтийский флот». Таллин, лето 1941 г. Текст В. Скрылева, карикатуры Л. С. Самойлова. Собр. Л. С. Самойлова, М.— I, 464
«Воин Красной Армии! Отплати врагу...» Плакат Д. А. Шмаринова. М.—Л., «Искусство», 1942. ЦМВС — I, 55
«Выстоять!» Плакат Н. Н. Жукова. М., «Искусство», 1942. ЦМВС — II, вклейка между стр. 4—5
«Наполеон потерпел поражение...» Плакат Кукрыниксов. М., «Искусство», декабрь 1941 г. ЦМВС — I, 257
«Отстоим Москву!» Плакат Н. Н. Жукова и В. С. Климашина. М., «Искусство», осень 1941 г. ЦМВС — I, 67
«Родина зовет». Плакат, висевший на улицах осажденного Ленинграда, 1941 г. Кадр из документального кинофильма «Ленинград в борьбе», 1942. ЦАКФД — II, 11
«Родина-мать зовет!» Плакат Ираклия Тоидзе. М., «Искусство», 1942, ЦМВС — I, вклейка между стр. 4—5.

«Окна ТАСС»

№ 5, 27 VI 1941. «Чего Гитлер хочет и что он получит». Карикатура М. М. Черемных, текст литбригады. ГТГ—I, 447
№ 59, 18 VII 1941. «Не дадим врагу покоя». Карикатура А. П. Бубнова, текст литбригады. ГБЛ — I, 449
№ 1000, 5 VI 1944. «Наш тысячный удар». Карикатура Н. Ф. Денисовского и П. П. Соколова-Скаля, текст В. И. Лебедева-Кумача. ГБЛ — I, 454
№ 1126, 3 I 1945. «Новогоднее гадание». Карикатура П. А. Саркисяна, текст А. А. Жарова. ГБЛ — I, 457
№ 1241, 8 V 1945. «Гитлеру капут». Карикатура М. М. Черемных. ГБЛ — I, 461

Карикатуры

«Гитлер и смерть». Рис. Кукрыниксов (акв., белила, перо), 1942. ГТГ — I, 263
«Не так страшен черт, как его малюют». Карикатура на Гитлера и Геббельса. Рис. Кукрыниксов (акв., тушь, перо), 1942. ГТГ — I, 259

VI. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КАРТИНАХ И РИСУНКАХ ХУДОЖНИКОВ-ФРОНТОВИКОВ

Н. М. Аввакумов

Ужасы войны: здесь был враг. Рис. (угольн. кар.). Из фронтового альбома художника, 1942—1943 гг. Собр. Г. Д. Аввакумовой, М.— II, 449
Здесь проходил фронт. Рис. (итал. кар.), Калининский фронт (район Великих Лук), июль 1943 г. Собр. Г. Д. Аввакумовой, М.— I, 617
В разоренной деревне. Рис. (кар., перо), 1943 г. Собр. Е. С. Юнги, М.— I, 525
Пленные немцы. Рис. (кар.) Минск, июль 1944 г. Собр. Г. Д. Аввакумовой, М.— II, 443
М. Габдуллин — см. разд. I
Е. С. Юнга — см. разд. I

П. И. Баранов

Суровые дни. Рис. (тушь), 1951. Из серии «Героический Севастополь». По зарисовкам 1944 г. Фототека ГТГ — II, 347

В. С. Бибиков

Цветные линогравюры из серии «Северный военный флот в Великой Отечественной войне»: Северный форпост, 1941; У берегов врага, 1942; Конвой в Баренцовом море, 1943. ГЛМ — I, 149, 153, 159

В. В. Богаткин

Штурм Берлина. Рис. (итал. кар.), 1945. ГТГ — II, 479

С. К. Вишневецкая

Ленинград в дни блокады; На защиту Ленинграда. Гуашь, 1942. Воспроизводятся по фотокопии. ЦГАЛИ — II, 227, 226

Ю. В. Ворогушин

Редакция за работой. Рис. (тушь, перо). Сталинградский фронт, район Щучьего, 19 октября 1942 г. Собр. художника, Тула — I, 315

В. П. Высоцкий

И. Л. Сельвинский — см. разд. I

Л. Г. Голубовский

Под Ленинградом. Рис. (черн. акв.), апрель 1943 г. Собр. художника, М.— I, 625

А. А. Дейнека

Москва в ноябре 1941 года. Картина маслом, ноябрь 1941 г., ГТГ — I, 77

М. Н. Домащенко

Боевой эпизод. Рис. (черн. акв.), 1943. ЦМВС — I, 143

Н. Н. Жуков

Фронтовая дорога. Рис. (черн. акв.), 1943. ЦМВС — I, 93

В. В. Саблин — см. разд. I

С. Е. Захаров

Ленинград в дни блокады. Акв., 1942. Собр. художника, Л.— I, 111

Н. И. Кирсанов

Оккупанты. Рис. (итал. кар.). ЦМВС — I, 116

В. С. Климашин

В землянке. Рис. (итал. кар.), Западный фронт (Смоленское направление), 21 июля 1942 г. Собр. В. Ф. Климашиной, М.— I, 335

На пепелище. Акварели, Центральный фронт (Смоленское направление), лето 1942 г. Собр. В. Ф. Климашиной, М.— I, 39; II, 91

Советский танк на передовой. Рис. (кар.), 30 июня 1944 г. Собр. В. Ф. Климашиной, М.— II, 295

Мальчик из освобожденной деревни. Рис. (итал. кар.), Калининский фронт, 7 июля 1944 г. Собр. В. Ф. Климашиной, М.— II, 279

В партизанском отряде. Рис. (итал. кар.), 1944. Из серии «По дорогам войны». Собр. В. Ф. Климашиной. М.— II, 499

Солдат побеждающей армии. Рис. (угольн. кар.), 1944. Собр. В. Ф. Климашиной, М.— II, 465

А. В. Кокорин

Москва летом 1942 года. Рис. (тушь, перо). ЦМВС — I, 414
Москва зимой 1942—1943 года. Рис. (тушь, перо). ЦМВС — I, 415
На Невельском шоссе. Рис. (кар.), 1 Прибалтийский фронт, 1944. ГТГ — II, 291
На фронтовой дороге Велиж — Невель. Страница из фронтового дневника. Рис. (перо), 1 Прибалтийский фронт, январь 1944 г. ГТГ — I, 287
Минск партизанский. Рис. (тушь, перо), июль 1944 г. ЦМВС — II, 324
Партизанская бригада «Буревестник». Рис. (тушь, перо), июль 1944 г. ЦМВС — II, 325

П. А. Кривоногов

На Курской дуге. Картина маслом, 1947. ЦМВС — II, 263

В. И. Курдов

Трасса на фронт. Рис. (итал. кар.), 1943. ГТГ — II, 109
Партизаны в походе. Рис. (кар.), 1945. ГТГ — II, 319

Б. М. Неменский

Через освобожденный город. Рис. (итал. кар.), Западный фронт (Вязьма), март 1943 г. ЦМВС — II, 431

Ю. М. Непринцев

Ленинград в дни блокады. Рис. (итал. кар.), ноябрь 1941 г. Из цикла «Рассказы о ленинградцах». ГТГ — II, 607

Г. Г. Нисский

На защиту Москвы (Ленинградское шоссе). Гуашь, 1942. ГТГ — I, 71

Н. А. Павлов

Отряд морской пехоты. Офорт, Ленинград, 1943 (по рисунку, сделанному в ноябре 1942 г.). ГТГ — II, 215

А. И. Пахомов

В последний путь. Рис. (тушь), лагерь Цейтхайн, 1942. ГМР — II, 149
Расправа. Рис. (тушь), лагерь Цейтхайн, 1942—1943 гг. ГМР — II, 151
За колючей проволокой. Рис. (кар.), лагерь Цейтхайн, 1943. ГМР — II, 147
С. П. Злобин — см. разд. I

Г. Г. Ряжский

В рабство. Картина (масло), 1942—1943 гг. Областной художественный музей им. В. В. Верещагина, г. Николаев — I, 338

К. И. Финогенов

«Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева». Рис. (итал. кар.), Сталинград, 1943. ГТГ — II, 174—175
Под Сталинградом. Красная Армия перешла в наступление. Рис. (итал. кар.), 1943 ГТГ — I, 633

VII. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ФОТОГРАФИЯХ

1941 год

Июль. Лагерь одной из частей московского народного ополчения. Фото А. С. Шайхета. ЦАКФД — II, 75
Декабрь. Западный фронт. Автоматчики ведут огонь. 1 гвардейская мотострелковая Московская дивизия. ЦАКФД — II, 96
Почта пришла. ГЛМ — II, 78

1941 — 1942 годы

Черноморский флот. Корабли в боевом походе; Катер-охотник отбивает атаку вражеских бомбардировщиков; На боевое задание. Фото А. С. Соколенко. Собр. фотографа, Ростов н/Д — II, 65, 61, 57

1942 год

Февраль. Западный фронт. Парашютисты-десантники ведут бой. ЦАКФД — II, 105
Июнь. Обращение к солдатам противника: передача из окопов боевого охранения. Фото Н. Аснина. ЦАКФД — II, 113
Лето. Волховский фронт. В походной редакции; У наборной кассы (газета 6 гвардейского стрелкового корпуса «Гвардейский удар»). Фото М. Л. Поляновского. Собр. М. Л. Поляновского, М.— I, 320, 321
Сентябрь. Сталинград в огне. Фото В. А. Темина. Собр. Д. И. Ортенберга, М.— I, 248—249
Калининский фронт. В рабство; Здесь был русский город; Фашистские оккупанты на советской земле. Из фотографий немецких солдат. Собр. Е. М. Ржевской, М.— II, 186, 187, 191
Калининский фронт. Доставка грузов на передовую. ЦАКФД — II, 183
Ленинград. На улицах осажденного города. Фото Р. Л. Кармена. ЦАКФД — I, 429
Ленинградский фронт. Ладожское озеро (Ледовая дорога). ЦАКФД — II, 21
Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» после изгнания фашистов. Собр. Д. И. Ортенберга, М.— II, 163
Севастополь в дни обороны. ЦАКФД — II, 37
Севастополь в огне. Фото А. С. Соколенко. Собр. фотографа, Ростов-на-Д. — II, 41
Черноморский флот. Корабли ведут огонь. Фото А. С. Соколенко. Собр. фотографа, Ростов н/Д — I, 499

1943 год

Март. Западный фронт. Разрушенная Вязьма. Фото М. Берковича. ГЛМ — II, 84—85
Лето. Партизанская группа подрывников получает боевое задание — см. «Групповые портреты»
Декабрь. Западный фронт. В атаку. ЦАКФД — II, 673
Бойцы слушают поэму А. Т. Твардовского «Василий Теркин». Фото. ГМР — I, 571

1944 год

Февраль. По шляхам Южной Волыни (обоз с ранеными партизанами). Фото П. К. Касаткина. Собр. М. И. Наумова, Киев — II, 507
9 мая. В освобожденном Севастополе. Фото А. С. Соколенко. Собр. фотографа, Ростов н/Д — I, 509
Май. Советские войска вступили в Севастополь. Фото Е. А. Халдея. ЦАКФД — II, 342—343
Июнь. Ленинградский фронт. Перед началом наступления. Концерт Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР в частях Красной Армии на Карельском перешейке. Дирижер — проф. А. В. Александров. Архив Краснознаменного им. А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии, М.— I, 441
29 июня. 2 Белорусский фронт (район Могилева). Пленного немецкого генерала Р. Бамлера ведут в штаб фронта (сопровождает пленного — Л. З. Копелев). Собр. Л. З. Копелева, М.— I, 539
Лето. «Гитлер капут!» (немецкие солдаты сдаются в плен бойцам партизанской бригады «Буревестник»). Собр. Н. Т. Саблиной, М.— II, 313

1945 год

Весна. На границе Германии. Фото В. А. Рудного. Собр. В. А. Рудного, М.— II, 473
Апрель. Форсирование Одера войсками 1 Украинского фронта. Собр. И. Д. Зайцева, Киев — II, 565
Май. Конец гитлеровской армии: пленные на улицах Берлина. Фото В. А. Рудного. Собр. В. А. Рудного, М.— II, 481
3 мая. Советские воины в Берлине (В. Е. Субботин и др.). Собр. В. Е. Субботина, М.— II, 369
Май. Берлин. У стен Рейхстага. Собр. В. Е. Субботина, М.— II, 363
Май. Берлин. Знамя Победы над Рейхстагом. Собр. В. Е. Субботина, М.— I, 267
20 мая. Берлин. У здания Рейхстага перед отправкой знамени Победы в Москву. Фото В. А. Рудного. Собр. В. А. Рудного, М.— I, 267

VIII. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КИНОФИЛЬМАХ

«Битва за нашу Советскую Украину». Звуковой документально-хроникальный фильм. Сценарист и автор дикторского текста — А. Довженко, режиссеры — Ю. Солнцева и Я. Авдеенко, худ. руководитель — А. Довженко. Центр. Украинская студия кинохроники, октябрь 1943 г. Кадры из фильма. Собр. Ю. Солнцевой, М.— I, 176, 183, 190, 191, 195, 203, 233, 243

«Ленинград в борьбе». Сценарий В. В. Вишневского. Ленинградская студия кинохроники, 1942. Кадры из фильма. ЦАКФД — II, 15, 211
«Победа на Правобережной Украине и изгнание немецких захватчиков за пределы украинских советских земель». Звуковой документально-хроникальный фильм. Сценарий Ю. Солнцевой и А. Кузнецова. Дикторский текст А. Довженко. Режиссеры А. Довженко и Ю. Солнцева. Центральная студия документальных фильмов и Украинская студия кинохроники, май 1945 г. Кадры из фильма. Собр. Ю. Солнцевой, М.— I, 177, 209, 214, 215, 221, 227, 239

IX. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

А. Т. Твардовский. «Василий Теркин» (глава «Два солдата»). Рисунки О. Г. Верейского (тушь, перо). Выполнены для газеты «Красноармейская правда», 1943. ГЛМ— I, 579
А. Т. Твардовский. «Василий Теркин». Рисунки О. Г. Верейского (тушь, перо), 1947—1948 гг. ГЛМ — I, 581, 587, 591, 595, 597
Н. С. Тихонов. «Слово о 28 гвардейцах». Рис. В. Зимина (итал. кар.), 1942. Собр. Н. С. Тихонова, М.— I, 624

X. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

В. В. Вишневский, А. А. Крон и В. Б. Азаров. «Раскинулось море широко». Музыкальная комедия. Афиша премьеры в Ленинградском театре Музыкальной комедии, 7 ноября 1942 г. ГЛМ — II, 219
В. В. Вишневский. «У стен Ленинграда». Макет декорации, раб. С. К. Вишневецкой, 1943. ГЛМ — II, 233
В. В. Вишневский. «У стен Ленинграда». Афиша премьеры спектакля театра КБФ, Ленинград, 1944. ГЛМ — II, 241
В. В. Вишневский. «У стен Ленинграда». Пригласительный билет на премьеру спектакля театра КБФ. Ленинград, Выборгский Дом Культуры, 7 апреля 1944 г. ЦГАЛИ — II, 236—237

XI. МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С ПАМЯТЬЮ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

А. П. Гайдар

Дом, где в квартире А. К. Ольховича А. П. Гайдар провел последнюю ночь накануне ухода из Киева (Круглоуниверситетская, 15). Фото Б. Камова, 1964. Собр. Б. Камова, М. — II, 389
Место гибели А. П. Гайдара. Железнодорожное полотно и будка путевого обходчика на окраине с. Леплява (Черкасская обл., Каневский район). Фото Б. Камова, 1962. Собр. Б. Камова, М. — II, 401
Жители села Леплява показывают могилу Гайдара. Фото, 1943. Дом Детской книги, М.— II, 404
Пионеры села Леплява у могилы А. П. Гайдара. Фото, 1943. Дом Детской книги, М.— II, 405
Памятник А. П. Гайдару. Установлен на могиле Гайдара в г. Каневе, куда в 1946 г. был перенесен прах писателя. Фото Б. Камова, 1962. Собр. Б. Камова, М.— II, 409

М. В. Лузгин

Братская могила М. В. Лузгина и Н. В. Бочарова. Фото, Бекетовка (южная окраина Сталинграда), сентябрь — октябрь 1942 г. Собр. М. И. Каган, М.— II, 645
Мемориальная доска над братской могилой М. В. Лузгина и Н. В. Бочарова. Фото, сентябрь—октябрь 1942 г. Собр. М. И. Каган, М.— II, 644

Ю. П. Севрук

Могила Ю. П. Севрука в г. Выру (Эст.ССР). Фото Р. Торма, 1964. Собр. С. Л. Полянновской-Севрук, М.— II, 668

* * *

Обелиск в городе Тронхейме, Норвегия. Один из памятников, воздвигнутых норвежским народом советским гражданам, погибшим в 1941—1945 гг. Фото Б. М. Лихарева, 1961. Собр. Д. А. Левоневского, Л.— I, 131

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составили Г. М. Игнатова и Е. Д. Молодцова

Абашидзе, Ираклий Виссарионович — II 297
Абдукаимов, Узак — II 350, 351, 353, 355
Абрамов (Зильберберг), Борис Абрамович — II 379
Абрамов, Сергей Федотович — II 378, 382, 406—408, 411
Абрамов, Константин Кирикович — II 646, 647
Аввакумов, Александр Владимирович — I 623
Аввакумов, Николай Михайлович — I 75, 312, 525, 617; II 335, 443, 449, 503
Аввакумова, Галина Давыдовна — I 6, 617; II 335, 443, 449, 503
Авдеенко, Александр Остапович — I 298, 301, 302, 418
Авербах, политрук — II 247, 248
Авраменко, Илья Корнильевич — I 130, 427
Аврущенко, Владимир Израилевич — I 322, 531
Агабеков, Сергей Джавадович — II 457
Аганов, ст. сержант — I 614
Агапов, Борис Николаевич — I 287, 418
Агранович, Евгений Данилович — I 351, 352
Адалис (Ефрон), Аделина Ефимовна — I 322; II 9
Аддисон, Джозеф — II 137
Адмони (Адмони-Красный), Владимир Григорьевич — I 537, 544
Адуев, Николай Альфредович — I 444, 445
Азаров, Всеволод Борисович — I 6, 427, 428, 430, 463; II 10, 22—26, 29, 209, 214, 219, 224, 232, 597, 603, 617
Азаров, Илья Ильич —II 48,52, 53, 63, 66
Азарх, Ранса Моисеевна — I 10, 322
Азизов, мл. сержант — I 614
Айвазян, Владимир Тигранович — I 455, 458, 461
Айзеншток, Иеремия Яковлевич — I 467, 474, 475, 477, 486, 537
Аксенов, Всеволод Николаевич — I 408
Акуленко, П.— I 441
Алабердин, Михаил Матвеевич — II 497
Алатырцев, Владимир Иванович — I 351
Алейников, И., бронебойщик — I 383
Александр II — II 300
Александр Невский — I 412, 448
Александренко, А., корректор — I 375
Александров, Александр Васильевич — I 433, 440—443
Александров, Андрей, подполковник или полковник НКВД, партизан — II 382, 399, 400, 403, 404, 406
Александров, Григорий Федорович — II 25
Александров, Никита, агитатор полка — II 260
Александров, комиссар — I 507
Александровские, расстрелянная фашистами семья из с. Новые Кленки — II 270
Алексеев, В. А., рабочий-строитель — I 563—565, 570, 571
Алексеенко, ген.-майор — II 288
Алехин (Алехин-Московский), Глеб Викторович — I 467, 476, 477, 480—482, 485
Алешинский, Лев, журналист — I 376
Алешкин, красноармеец — II 75
Алигер (Алигер-Макарова), Маргарита Иосифовна — I 15, 97, 99, 296, 299, 322, 350, 361, 368, 411, 552; II 7, 9, 417, 420, 664
Алиев, Кязим Амир Ахмед — II 293
Алиев, летчик — I 412
Алтаузен, Джек (Яков) Моисеевич — I 10, 12, 410
Алферов, майор — II 395, 397
Алымов, Сергей Яковлевич — I 411, 502
Альтман, Ирина, жена И. Л. Альтмана — II 92
Альтман, Иоган Львович — II 92, 98, 124, 197, 198, 239, 614
Альхимович, Николай Миронович — II 318, 319
Амелько, Николай Николаевич — II 19
Амурский (Вшивков-Амурский), Илья Егорович — II 24, 26, 29
Ананьин, Виктор Павлович — I 397
Анашкин, Василий Иванович — II 246
Анашкин, лейт. — I 46
Андерсен-Нексе, Мартин — I 620, 631
Андреев, Николай Сергеевич — II 176
Андреев, Павел Андреевич — II 173
Андреев, командир партиз. бригады — II 323
Андроников, Ираклий Луарсабович —I 9
Андросов, лейт.— I 524
Андрухаев, Хусен Борежевич — II 487—489
Анисимов, Иван Иванович — I 537; II 675—678

Анисимов, сотрудник газ. «Боевой призыв» — II 257, 270
Анищенко, Александр Алексеевич — II 494
Анненский, Иннокентий Федорович — I 485
Антикайнен, Тойво — I 554
Антила, Аксель Моисеевич — II 434, 439
Антокольский, Павел Григорьевич — I 15, 84, 296, 364, 409, 411, 420; II 664
Антоненко, Алексей Касьянович — I 403
Антонеску, Йон — I 446; II 202, 270
Атонов, Станислав Иванович — II 576
Антонов, связист — II 106, 107
Антонюк, ст. сержант — II 334
Апанасенко, сержант — II 171
Аплетин, Михаил Яковлевич — I 328
Апошанский, Владимир Михайлович — I 489—491, 510
Апошанский, Константин Владимирович — I 510
Аппиан— I 248, 250
Апресян, Ваграм Захарович — I 365, 371
Апулей, Луций — II 327
Апухтин, Алексей Николаевич — I 422
Арагон, Луи — II 412
Аракелов, боец — II 120
Арго (Гольденберг), Абрам Маркович — I 444—445
Аргутинская, Люся Александровна — II 83, 92
Ардаматский, Василий Иванович —I 287
Ариан, А.— II 664
Аристофан — II 430
Арканова, Антонина, санитарка — II 177
Арманд, Вера, композитор — II 250
Арним, Ганс Юрген, фон — I 531
Аронов, Л., участник обороны Ханко — I 402
Артамкин, И. С. майор — II 436
Артеменко, Николай Степанович — II 496, 498, 500
Артемьев, Митрофан Прохорович — I 411
Артюхов, Михаил Васильевич —II 371
Архипов, Василий Сергеевич — II 515
Архипов, майор — II 453
Асанов, Даир Асанович — II 288
Асанов, Николай Александрович — I 301
Асеев, Николай Николаевич — I 10, 299, 329, 453
Аснин, Н.—II 113
Астор Нэнси — II 227, 229
Атаев, Бахши Аннахалович — II 453
Атаров, Николай Сергеевич — I 520
Атель, Юзель — II 364
Атлас, Алексей — II 622
Ауэзов, Мухтар Омарханович — II 503
Афанасьев, А., офицер — I 404
Афанасьев, Никифор, снайпер — I 310
Афанасьев, С., участник обороны Ханко — I 402
Афиногенов, Александр Николаевич — I 408
Ахмедгалиев, майор — II 352
Ахматова, Анна Андреевна — I 428, 552; II 24
Бабалов, знакомый У. Абдукаимова — II 352
Бабек — I 412
Бабенко, Виктор Павлович — I 538
Бабушкин, Юрий Ульрихович — I 247
Бабушкин, Яков Львович — II 244
Баграмов, Емельян — см.: Злобин, С. П.
Багратион, Петр Иванович — I 387; II 616
Багрицкий, Всеволод Эдуардович — II 586, 587
Багрицкий, Эдуард Георгиевич — I 365, 470, 552; II 7, 300, 480, 572, 588, 664, 669
Бажан, Николай Платонович — I 292, 301, 374, 382, 410, 416
Бажмович, Роза — II 325, 328
Бажов, Павел Петрович — I 298
Базанов, Александр Петрович — II 555
Базыма, Григорий Яковлевич — II 544
Байрон, Джордж Ноэл Гордон— II 350, 677
Бакалдин, Виталий Борисович — II 493
Баканов, Николай Александрович — I 6, 565
Бакинский, Виктор Семенович — I 467, 471, 472, 481, 484, 486
Баковиков, Александр Васильевич — I 489, 505, 506; II 40
Бакулина, В., корректор — I 375
Балнов, Д. Д.— I 564
Бальзак, Оноре — II 137, 145, 266
Бамлер, Рудольф — I 539
Бандалин, Герасим Бенедиктович — I 537
Банов, Иван Николаевич — II 494
Барабаш, Юрий Яковлевич — I 163
Баранов, Петр Иванович — II 347
Баранов, командир партиз. бригады им. Рокоссовского — II 316
Баранова, Надежда Михайловна — I 375
Баратов, Борис Аркадьевич — II 48
Баратынский, Евгений Абрамович —I 422
Барбюс, Анри — I 96; II 678
Барковский, офицер — II 175
Барто, Павел Николаевич — I 518; II 9, 10, 26
Бартэн, Александр Александрович — I 467, 478, 479, 482, 486
Бару, Илья Витальевич II 160
Бархаш, Борис — II 573, 574, 586, 587
Барыкин Александр Петрович — II 412
Барятинский, Александр Иванович — II 583
Баста, гв. капитан — I 564, 583
Батраков, офицер связи — II 176
Батталов, Ж.— II 503
Батурин — II 64
Батый — I 105
Бать, Леонид Михайлович — I 273
Батюцков, майор — II 442
Батюшков, Константин Николаевич — I 306, 422
Бауков, Иван Петрович — I 312, 321, 326, 355
Бахметьев, Владимир Матвеевич — I 417
Бахметьева, М. Ф.— см.: Ильина-Бахметьева М. Ф.
Бахницкий, Сергей Александрович — II 267
Бахтияр, боец — I 521

Бачило, Федор Афанасьевич — II 326
Башкиров, Алексей Филиппович—II 378
Бащко, кочегар — II 52
Бедный, Демьян (Придворов, Ефим Алексеевич) — I 16, 17, 287, 294, 296, 299, 301, 302, 331, 336, 387, 444, 446, 451, 453; II 400
Безбородко, Олег — II 65, 66
Безыменский, Александр Ильич — I 17, 296, 299, 314, 322, 337, 339, 374—377, 392; II 379, 584
Бейбулат, боец-дагестанец — II 272, 275
Бейлин, ст. лейт.— I 311
Бек, Александр Альфредович — I 79, 81, 321, 322, 330, 364, 418, 419
Бекбаев, Насиб, майор — II 354
Бекбаев, Успентай — II 354
Беккер, Ревекка Моисеевна — II 245
Белгорай, Дмитрий Львович — I 473
Беленькая, Варвара Васильевна — II 218
Беленькая, участница крымского подполья — II 650
Беликов, Ф., бронебойщик — I 383
Белинский, Виссарион Григорьевич — I 364
Белицкий, Яков Миронович — I 113
Белкина, Мария Иосифовна — I 6; II 7, 9—11, 18, 19, 21—23, 26, 194, 200, 204, 208
Беллер, Отто — I 538
Белов, Вадим Всеволодович — I 12; II 364, 365, 372
Белов, Павел Алексеевич — II 255
Белов, пулеметчик — II 569
Белов, разведчик — I 37, 46, 47
Беловодов — I 565
Беловусько, Василий Прокофьевич—I 404
Белоконев, Евгений Федорович — II 380, 388, 389
Белоус, артиллерист — II 58
Белоус, штурман — I 360
Белоусов, токарь — II 173
Белый, Андрей (Бугаев, Борис Николаевич — II 7
Бельские, братья, партизаны — II 325
Бельский, Иосиф Александрович — II 302, 321, 328
Вельский, Петр Иванович — II 56, 63, 66
Белюков, Георгий Лукьянович — II 65, 66
Беляев, Александр Романович — I 485
Беляев, Александр Семенович — II 526
Беляев, Николай Михайлович — II 368
Беляев, полковник — II 440
Бенедиктов, Владимир Григорьевич — I 422; II 326, 327
Берггольц, Ольга Федоровна — I 15, 24, 25, 422, 427, 428, 430—432; II 244
Бережной, наводчик — II 61
Березин, Даниил Семенович — I 522; II 131, 133
Березко, Георгий Сергеевич — I 6; II 207, 516
Березовский, Юрий Феоктистович—II 665
Берест, Алексей Прокопьевич — II 365, 368
Беркович, М., фотограф — II 85
Берлинер, Яков Леонидович — I 507
Бернштейн, Петр Борисович — I 349, 367, 368
Берхин, Иосиф — II 603
Бесперстов, В.— I 564, 565
Бетховен, Людвиг ван — I 337
Бехер, Иоганнес Роберт — I 377, 550, 551; II 103
Бёрнс, Роберт — II 432
Бибиков, Виктор Сергеевич — I 149, 153, 159, 518
Бикмухамедов, старшина — I 614
Бикмухаметов, Роберт Гатович — II 576
Биллевич, Шифра Яковлевна — II 509, 604, 610
Бинковский, боец — II 582
Бирюков, Б. В., лейт.— I 378
Бирюков, Николай Зотович — I 360
Блантер, Матвей Исаакович — II 98
Близнецов, Андрей Васильевич — I 358
Блок, Александр Александрович — I 484, 552, 554; II 7, 18, 104, 216, 588, 608
Блюм, Клара — I 551
Бляхер, Мария — II 650
Бляхин, Павел Андреевич — II 255—257, 267, 270
Бобков, Борис Назарович — II 20
Бобков, Николай Акимович — II 656, 658
Богатиков, майор — II 567
Богаткин, Владимир Валерьянович — II 479
Богатырев, Александр Зиновьевич — II 212, 213, 240
Богданов, Николай — I 565, 590
Богданов, Николай Васильевич — II 654
Богданов, Николай Владимирович — I 286, 303, 320, 322, 325, 363
Богданов, агитатор дивизии — II 260, 261
Богданов, сержант — I 614
Богданов, снайпер — II 666
Богданов — II 56
Богораз, Николай Алексеевич — I 532
Бодров — II 65, 66
Бодэ, Наталья Федоровна — I 374
Боев, Александр Яковлевич — II 131, 132, 571
Боев, Петр Никифорович — II 365
Бозжанов, Жалмухамед — II 503
Бойко, Дионисий, лейт.— II 60, 61
Бойков, рядовой — I 578
Бойцова, Валентина, наборщица — I 321
Бок, Теодор, фон — II 99
Боковин, ст. сержант — I 418
Болдырев, Павел Петрович — II 306—308, 311—313, 318
Болотин, Самуил Борисович — I 366, 367
Болото, П., бронебойщик — I 383
Большаков, Иван Владимирович — II 203
Бондаренко, Петр Тихонович — I 496, 504; II 63, 64, 66
Бондарин, Сергей Александрович — I 495, 501, 509; II 30, 33, 117, 118
Бондарина (Адлер), Генриетта Савельевна (Женя) — II 35, 38, 43
Бондяев, мл. лейт.— II 297
Борзенко, Сергей Александрович — II 514—518
Борзунов, Семен Михайлович — II 567—569
Борисенко, Илья, ст. сержант — II 280
Борисов, офицер — II 170

Борисов, участник обороны Ханко—I 403
Борисова, Н. П., художница — I 385
Борлюгов, Александр — II 307, 308
Боровиков, артиллерист — II 55
Боровский — II 56
Бородачев — I 579
Бородин, Иван, разведчик — I 517
Бородин, летчик — II 334
Бородина, Екатерина, санитарка — II 177
Бороздкин, Григорий Федорович — II 24
Боровов, командир госпитального взвода — II 458
Боронина, Екатерина Алексеевна — I 104, 105
Борщевский, Ф. М., лейт.— I 608
Боряков, подполковник — II 434
Бочаров, Николай Васильевич — II 638, 644, 645, 647
Боярская, Мария Теофиловна — II 386
Брагин, Алексей Михайлович — I 515, 519
Брагинский, Иосиф Самойлович — I 535
Брауде, Екатерина — I 417
Браун, Николай Леопольдович — I 428, 463, 465, 559; II 13, 23, 24
Браусевич, Леонид Тимофеевич — I 467, 477, 478, 480, 486
Бредель, Вилли — I 10, 545, 546, 548—551; II 9
Брем, Альфред Эдмунд — II 482
Брехов, А. П., политрук — I 623
Брехт, Бертольт — I 552
Бригада, наводчик — I 303
Брик, Лиля Юрьевна — II 412
Брик, Осип Максимович — I 444
Бринский, Антон Петрович — II 494, 523—525
Бринько, Петр Антонович — I 403; II 22, 29
Брискин, Илья Миронович — II 177
Бровка, Петр Устинович — I 287, 299, 376, 411
Бродский, Александр Иванович — I 507
Брук, Абрам Яковлевич — II 24
Брусилов, Алексей Алексеевич — I 358
Брыскин, Михаил, товарищ Казакевича по 4 КЗСБ — II 436
Брюсов, Валерий Яковлевич — I 554
Бубнов, Александр Павлович — I 444, 449, 452, 459, 460, 462
Бугаев, Захарий Максимович — II 399—401, 406
Будалова, (правильно: Будагова), Екатерина Георгиевна — II 17, 18
Будашкин, Николай Павлович — II 214, 216
Буденко, Демьян Константинович — II 402
Буденный, Семен Михайлович — II 200, 628
Будник, Федор Федорович — II 10, 16
Букин, Николай Иванович — I 517
Булатов, Григорий Петрович — II 365
Бунин, Иван Алексеевич — I 104; II 7, 516
Бурган, Гали, капитан — II 575
Бурденко, Николай Нилович — II 122
Бурлаченко, сотрудник Управления по делам искусств — II 237
Бурлюк, Давид Давидович — II 216
Буртин, Юрий Григорьевич — I 563
Бурунов, комиссар — II 58, 62
Бурцев, Михаил Иванович — I 535
Буряк, Петр Максимович — II 625
Буснин, ст. политрук — I 311
Бусыгин, Константин Николаевич—II 17
Бутенко, Тарас Федорович — II 400—402
Бутиков, Георгий Афанасьевич — I 519
Буш, Эрнст, фон — I 351
Буянов, В., красноармеец — I 404
Бык, Николай Степанович — II 368
Быков, Василий Георгиевич — II 554, 555
Быстрициано, Георгий — II 60
Быстров, Илья, художник — I 469
Бычков, Александр Михайлович — I 467, 478, 480, 486
Бьёрнсон, Бьёрнстерне — I 145
Бэкон, Фрэнсис — II 137
Бялик, Борис Аронович — I 9, 349, 361, 364

Вавилов (он же Ланин), сотрудник немецкой управы в г. Ржеве — II 192
Вадецкий, Борис Александрович — I 321, 322; II 29
Вадимов, Д. И.— см.: Ортенберг, Д. И.
Вайнерт, Эрих — I 535, 545—552; II 99
Вайсфельд, Илья Вениаминович — I 537
Вакулин, ст. лейт.— II 340
Валайтис, Викторас — II 660—663
Валейко, полковник — II 65
Валерий — см.: Денисевич А. Ю.
Валов, Василий Игнатьевич —I 467, 474, 486
Валюкевич, Иосиф Антонович (Юзик) — II 136
Ванин, Кесарь Тихонович — I 427
Варламов, Константин Александрович — II 216
Варрон, римский консул — I 247
Варчило, Алексей Васильевич — II 263, 264
Варшавская, Роза Абрамовна — II 246
Васенин, полковник — II 92
Василака, Иван Константинович —II 402
Василевская, Ванда Львовна — I 26, 28, 282, 290, 292, 312, 376, 382
Василевский, Александр Михайлович — II 356
Василевский, ксендз — II 270
Василик, связист — II 60
Васильев, Борис Михайлович — I 378
Васильев, Виктор Георгиевич — I 363, 368, II 665
Васильев, Сергей Александрович — I 299, 301, 320, 324, 410, 416, 419; II 614
Васильев, Сергей, водитель — II 164
Васильева, Клавдия, санитарка — II 178
Васильева, ленинградская комсомолка — II 248
Васильевы, Георгий Николаевич и Сергей Дмитриевич — II 542
Васькин, Сергей, минометчик — II 361, 365
Ватанен, финский военный обозреватель — I 555

Ватер, Юрий, историк — I 538, 544
Ваченко, Денис Семенович — II 400, 403, 406, 408
Ваченко, Иван Семенович — II, 382, 402
Вашенцев, Сергей Иванович — I 374, 376, 408; II 664
Введенская, Галина Викторовна — II 606
Введенский, Виктор Николаевич — II 606
Вейдлинг, Хельмут — II 368
Векуа, Александр, журналист — I 404
Величко, Василий Арсеньевич — II 515
Вельговен (Вельгавен, Вельхавн), Иоган Себастиан — II 276
Венцлова, Антанас Томасович — II 253, 254
Вербицкий, пулеметчик — I 476
Верейский, Орест Георгиевич — I 27, 316, 323, 324, 579, 581, 587, 591, 595, 597
Вересаев (Смидович), Викентий Викентьевич — I 247, 250
Вересова, А., прораб — I 566, 580
Веретенцев, Вячеслав Михайлович — II 461
Веринчук, Николай Федорович — I 519
Верих, Ян — I 377
Верн, Жюль — II 606
Верховец, Николай Андреевич — II 62
Верховский, Владимир Иванович — II 515
Верцман, Израиль Ефимович — I 537
Вершигора (Канюшинская), Вера Петровна — II 542
Вершигора, Ольга Семеновна — I 6; II 540, 543, 545
Вершигора, Петр Кондратьевич — II 542
Вершигора, Петр Петрович — II 495, 540—546
Вершинин, Михаил Максимович — I 453
Вершинин, Федор, подводник — II 598
Вершинин, мл. лейт.— II 334
Ветров, А., журналист — I 404, 406
Вечтомова (Инге), Елена Андреевна — I 6, 107; II 244, 247, 252, 597, 602, 670
Викторов, В.— см.: Гусев, В. М.
Виленский, Эзра Самойлович — I 321, 501
Вильшанский, Владимир Львович — I 493, 494, 508
Вильям-Вильмонт, Николай Николаевич — II 80, 82, 100, 412
Винер, Меер — II 412, 430
Виноградов, Валерий Константинович — I 472
Виноградов, Иван Николаевич — II 435
Виноградов, член парткомиссии — II 370
Виноградская, Софья Семеновна — I 364
Випер, сержант — II 10
Вириженко, Андрей, санитар — II 362
Вирон, Леонид Борисович — I 374
Вирта, Николай Евгеньевич — I 411; II 203
Витлин, Виктор Львович — II 214, 216
Вишневецкая, Софья Касьяновна — II 23, 24, 26, 29, 194, 197—200, 203, 204, 206—208, 211—214, 216—229, 233, 234, 237, 240, 668
Вишневский, Александр Васильевич — II 139
Вишневский, Борис Витальевич — II 203, 204
Вишневский, Всеволод Витальевич — I 10, 14, 15, 17, 18, 121, 281, 288, 291, 330, 397, 407, 421, 423, 424, 426, 427, 432, 463, 537, 544; II 8—12, 14—17, 20—29, 67, 120, 194—202, 204—211, 213, 214, 216—219, 221, 222, 224, 226—234, 236, 239—242, 245, 271, 366, 515, 516, 602—604, 664, 668, 669
Вишняков, Николай, подполковник — II 485
Владимиров, капитан — II 129
Владимирский, Лев Анатольевич — II 40
Владимирский, офицер (?) — II 176
Власов, Александр Григорьевич — I 606
Власов, Андрей Андреевич, генерал, впоследствии изменник — II 391, 392
Внуков, Леонид Васильевич — II 674
Внукова, Елена Андреевна — II 674
Вовченко, Иван Антонович — II 295, 296
Водопьянов, Василий Михайлович — I 459
Водопьянов, Михаил Васильевич — I 459
Воинов, Анатолий Гаврилович — I 538
Войскунский, Евгений Львович —I 397, 400, 404—406
Войцеховский, майор — I 50
Волгина, Екатерина, ленинградская комсомолка — II 247, 248
Волженин (Некрасов), Владимир — I 429, 430
Волков, Ворис Иванович — I 398, 400
Волков, обер-лейт.— II 325
Волков, солдат — II 484
Вольтер, Франсуа Мари Аруэ— II 137
Вольф, Фридрих — I 548, 550, 551; II 203, 204
Волянская Г. Е.— см.: Николаева Г. Е.
Воробьев, Евгений Захарович — I 310
Воробьев, Петр, ст. сержант — I 362
Воробьев, Сергей Михайлович — II 54
Воровский, Вацлав Вацлавович — II 215
Ворогушин, Юрий Владимирович — I 315
Воронецкий, Василий Петрович II 594
Воронин, Федор Николаевич — II 63
Воронцов, капитан — II 575
Воронько, Платон Никитич — I 419
Ворошилов, Климент Ефремович — I 495; II 200, 201, 611
Восковец, Иржи — I 377
Воскресенская, Наталья Викторовна — II 249
Востоков, Глеб Анатольевич — II 155
Вострышев, Иван Васильевич — II 569
Врангель, Петр Николаевич —II 170, 199
Вульфсон, Дмитрий, инструктор политотдела — I 538, 542, 544
Вургун, Самед — I 412
Вурна, Вайо — II 546

Вучетич, Евгений Викторович — II 574, 586
Выглазов, Н., журналист — I 379
Выдриган, Александр Захарович — II 430
Выдриган, Захар Петрович — II 412, 417, 421, 423, 429—431, 434, 435, 438, 440, 453, 454, 461, 462, 468, 482, 485
Выдриган, Николай Захарович — II 430
Высоковский, Константин Игнатьевич — I 467, 471, 472, 477
Высокоостровский, Леонид Анатольевич — II 170, 173
Высоцкий, Владимир Петрович — I 521
Вышеславский, Леонид Николаевич — I 321, 351
Вышеславцев, С., поэт — I 453
Выходцев, Петр Созонтович — I 567
Вяземский, Петр Андреевич — I 422

Габдуллин, Малик — I 81; II 501—503
Габидуллин, Михаил Семенович — II 365
Габрилович, Евгений Иосифович — I 286, 301, 320, 322, 411; II 98
Гаврилов, Борис Владимирович — I 514
Гаврилов, Петр Павлович — I 324, 490, 494—497, 502, 506, 508; II 52, 54, 55, 58, 59, 62—64, 136
Гаврилов, ком. батальона — II 590
Гаврилов, подводник — II 81
Гагашьян, Ар., художник — I 114
Гагинешвили, К., учитель из Мцхета — II 136
Гаглов, Иван Иванович — I 302
Гадагатль, Аскер Магамудович — II 488
Гаджибеков, Узеир Абдул Гусейн оглы — II 350
Гаджиев, Магомед Имадутдинович — I 322
Газа, Иван Иванович — I 472
Гайдар (Голиков,), Аркадий Петрович — I 10, 12, 374; II 375—411, 528
Гайдар, Дора Матвеевна — II 378, 393, 406
Гайдар, Евгения Аркадьевна — II 385
Гайдар, Тимур Аркадьевич — II 378, 380, 390, 392, 396, 410
Гайдовский, Георгий Николаевич — I 324, 492, 496, 497, 501—503, 509; II 40
Гайдученок, Алексей, колхозник дер. Великая Доля — II 322
Галактионов, Михаил Романович — II 664
Галан, Ярослав Александрович — I 15
Галиев, Селим, боец — II 111—115
Галин, А. Т., капитан — II 580—582
Галин (Рогалин), Борис Абрамович — I 274, 286, 297, 301—303, 413; II 9
Галкин, Семен Николаевич — I 375
Гальба, Владимир Александрович — I 466
Гамарник, П., журналист — I 388
Ганабин, Иван — I 564, 577
Ганнибал, Абрам Петрович — II 291
Ганнибал (Аннибал) — I 247, 248
Гапочка, Павел Никитич — I 165
Гарин-Михайловский, Николай Георгиевич — I 484
Гаркуша, Григорий Иванович — II 365
Гаршин, Всеволод Михайлович — II 162
Гастелло, Николай Францевич — I 286, 448; II 34, 272
Гатов, Александр Борисович — I 537
Гашек, Ярослав — I 505, 534
Геббельс, Йозеф Пауль — I 14, 257, 259, 263, 264, 284, 295, 296, 421, 446, 456, 506, 540, 587; II 97, 357, 368, 369
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих — II 137
Гейзель, Марк Аронович — I 463, 465; II 13, 26
Гейне, Генрих — II 137, 152, 156
Гейнес, Эдмунд — I 256
Геллер, М., сотрудник газ. «Отвага» — II 586
Гельм, начальник гестапо в Загребе, майор — I 460
Георгадзе, Михаил Порфирьевич — II 592
Георгиев, ст. лейт.— I 311
Герасимов, Сергей Аполлинарьевич — II 542
Герасимов, А., капитан — I 612
Герасимова, Валерия Анатольевна — I 301, 363, 364
Геринг, Герман — I 259, 264, 421, 446, 459, 540; II 372
Герман, Юрий Павлович — I 516, 518
Герман, подполковник — II 171
Геродник, Геннадий (Генрих Иосифович) — I 103
Герцен, Александр Иванович — I 364; II 94
Герцик, Владимир Борисович — I 538
Гершензон, Евгений Михайлович — II 70, 71, 79, 98, 99, 104, 115—118, 122
Гершензон, Михаил Абрамович — II 68—72, 77, 80, 81, 85, 91, 92, 94, 98—100, 104, 107, 108, 116, 118—126
Гершензон, Юрий Михайлович — II 70, 71, 77, 79, 104, 117, 119, 122
Гесс, Рудольф — I 459; II 97
Гете, Иоганн Вольфганг — I 617; II 137, 156, 356, 480, 677
Гетьман, Кирилл, артиллерист — II 171
Гехт, Семен Григоревич — I 301, 322, 418
Гзелль, Поль — II 228, 229
Гиммлер, Генрих — I 259, 260, 263, 264, 366, 421, 540; II 97
Гиндин, Валентин Михайлович — II 49, 51
Гиндин, И. М.— I 564
Гипатия — II 424
Гира, Людас Константинович — II 253
Гиршев, лейт.— II 339, 344, 347, 348
Гитлер, Адольф — I 19, 28, 175—178, 185, 200, 218, 219, 228—230, 239, 241, 243, 251, 252, 254—264, 268, 282, 288, 291, 300, 326, 343, 357, 366, 367, 369, 372, 376, 377, 392, 408, 418, 419, 421, 446, 447, 452, 453, 457, 459, 461, 506, 522, 528, 531, 540, 541, 544, 553—559; II 21, 38, 42, 48, 64, 94, 97, 99, 100, 114, 116, 159, 176, 184, 195, 196, 200, 202, 208, 220, 226, 227, 230, 239,

286, 303, 355, 357, 368, 371, 426, 427, 442, 450, 473, 475, 476, 484, 515, 574, 579
Гитович, Александр Ильич — I 480; II 665
Гладков, Федор Васильевич — I 287, 408, 422
Глебов, Алексей Дмитриевич — II 407, 408
Глебов, Борис Дмитриевич — I 471
Глебов, Федор Петрович — I 530, 687
Глебовский, Борис, лейт.— I 612
Глейзеров, Николай Валентинович — I 310
Глейх, М., красноармеец — I 365
Глинка, ополченец — II 85
Глинов, Василий, лейт.— I 310
Глобин, рулевой — II 54
Глухов, Михаил Иванович — II 562
Глушков, Виктор Федорович — II 485
Гнидюк, Николай Абрамович — II 556
Говоров, Леонид Александрович — I 343;, II 102
Гоголева, Елена Николаевна — I 408
Гоголенко, краснофлотец — II 60
Гоголь, Николай Васильевич — I 108, 364, 422; II 137, 350
Годкин, Яков Соломонович — II 461
Голиков А. П.— см.: Гайдар А. П.
Голов, Андрей, писатель-военкор — I 474, 482
Голованивский, Савва Евсеевич — I 292, 297, 299, 311, 374, 376, 377, 384, 392, 395
Голованов, Александр Евгеньевич — II 491
Голованов, Леонид Федорович — I 127; II 359
Головань, ст. машинист — II 52
Головачев, Василий Михайлович — II 344
Головичер, Цива Марковна — II 16, 17
Головко, Андрей Васильевич — I 374
Головня, боец — I 314
Голодный (Эпштейн), Михаил Семенович — I 286, 287, 303
Голубев, Иван Иванович — II 572, 576
Голубева, Антонина Георгиевна — I 427
Голубов, Сергей Николаевич — II 665
Голубовский, Василий Степанович—II 564
Голубовский, Лев Григорьевич — I 625, 628, 629
Гольбах, Поль Анри — II 424
Гольдберг, Лев Айзикович — II 194
Гольдман, Лев Симонович — II 200
Гольдштейн, Арнольд Моисеевич — I 538
Гольфман, офицер — II 171
Гольц, Борис Григорьевич — II 29
Гонор, работник сталинградск. завода «Баррикады» — II 170
Гонтар, Надежда, колхозница — II 400, 401
Гончар, Олесь (Александр Терентьевич) — I 126
Гончаренко, Виктор, политрук — I 404
Гончаренко, И., ст. лейт. — II 378, 403, 407, 408
Гончаренко, Иван Иванович — I 509
Гончаров, журналист — I 374
Гончарук, Александр Петрович — I 379
Гор, Геннадий (Гдалий Самуилович) — I 467, 474, 477, 485; II 25
Гораций Флакк, Квинт — II 125
Горбатов, Борис Леонтьевич — I 15, 23—26, 312, 313, 361, 413, 418, 501; II 127—133, 272, 515, 516, 664
Горбенко, П. Т., оператор кинохроники— II 366
Горбунов, Кузьма Яковлевич — I 321, 359, 360, 364
Горбунов, Лев, ст. лейт.— I 404, 406
Горбунов, танкист — I 416
Гордиенко, Афанасий Емельянович — II 489
Гордов, Василий Николаевич — II 166
Горелик, Цаллер Абрамович — II 445, 446, 454
Горелик, подполковник — II 171
Горелов, Федор Дмитриевич — II 380, 381; II 394—397, 400—404, 406, 408, 410, 411
Горельчиков, В.— I 564, 567
Городецкий, Сергей Митрофанович — I 287
Горожанкин, Яков Петрович —II 306, 311, 312, 314—316, 318, 320
Горпищенко, Павел — I 508
Горчаков, зам. нач. политотдела — II 265, 270
Горшков, Ефим, боец — II 282
Горький, Алексей Максимович — I 19, 30, 285, 361, 364, 422, 448, 471, 484, 530; II 137, 156, 215, 271, 350, 518, 678
Горюнов, С., пастух — II 190
Горяев, Виталий Николаевич — I 448, 456, 459
Госсек, Франсуа Жозеф — II 68, 125, 126
Гофман, Виктор Абрамович — II 24
Гофман, Генрих Борисович — II 547—551
Градов, командир партиз. отряда—II 307
Гранин, Борис Митрофанович — I 401, 403, 404
Гранин (Герман) Даниил Александрович — I 471, 485
Граф, Оскар Мария — I 552
Грачев, Н. И., разведчик — I 518
Грачев, артиллерист — II 51
Греченков, Петр Афанасьевич — II 362
Гречко-Борзенко, Матрена Ивановна — II 515
Грибачев, Николай Матвеевич — I 419
Григоров, летчик — II 334, 335
Григорова, Г. А.— I 564
Григорьев, Илья Леонович — II 538
Григорьев, М., боец — I 451
Григорьев, Павел Михайлович — I 515, 518
Григорьев, белый атаман — II 375
Григорян, боец — II 120
Григулис, Арвид Петрович — I 351
Гриденко, Алексей, краснофлотец — I 403
Гринберг, Яков, журналист — II 14, 16—18, 29
Гринев, Н., очеркист — I 311, 318
Гриц, Теодор Соломонович — II 70, 99, 104, 118, 124—126
Гришаев, Иван Максимович—II 132, 133
Гришаев, комсорг — II 260
Гром, пулеметчик-зенитчик — I 13, 314

Гросицкий, полковник — I 42
Гроссман, Борис Яковлевич — II 417, 418
Гроссман, Василий Семенович — I 15, 21, 26, 84, 274, 279, 281, 286, 287, 291, 292, 296, 297, 300, 302, 303, 337, 413, 418, 422, 617; II 132, 133, 158, 161, 169, 179, 664
Гроссман, Марк Соломонович — I 351
Гроссман, подполковник — II 60
Гроссман, Фрол, полковник — II 654
Груздев, Илья Александрович — I 428; II 244
Груздев, командир полка — I 303
Грузман, В.— I 564
Грязнов, Василий, шофер — I 34
Губер, Ольга Михайловна — I 6; II 158, 161
Гувер, Герберт Кларк — II 227, 229
Гуд, Робин — II 125, 126
Гудзенко, Ольга Ивановна — I 6, 83, 84
Гудзенко, Семен Петрович — I 10, 82—85, 87, 89, 91, 95, 96; II 7
Гудков, Яков Иванович — II 569
Гузь, Николай Олимпович — II 654
Гумилев, Николай Степанович — II 516
Гушперт, Гуго — I 551
Гура, Виктор Васильевич — I 33
Гурашидзе, Г. — I 404
Гурвич, Абрам Соломонович — I 322
Гуревич, Зиновий Абрамович—II 421, 433
Гуро, Елена Генриховна — II 216
Гуртьев, Леонтий Николаевич — I 418; II 170, 176
Гурштейн, Арон Шефтелевич — II 72, 73, 74, 75, 76, 77, 103, 412, 418, 430, 477
Гурштейн Елена Васильевна — II 77
Гусак, Виктор, мальчик-партизан — II 279
Гусев, Борис Павлович — II 497, 500
Гусев, Виктор Михайлович (псевд. Викторов, В.)— I 17, 407—410, 413; II 98
Гусев, Иван, лейт.— I 359, 360
Гусев, Кузьма Владимирович — II 368
Гусев, Александр Никифорович — II 560
Гусев, Николай Иванович — II 417, 463
Гусев, разведчик — I 310
Гурьянов, Григорий Георгиевич — II 491
Гущин, пулеметчик — I 303
Гюго, Виктор — I 107; II 154, 677

Давидович, Даниил Семенович — I 538
Давыдов, Василий Иннокентьевич — II 360, 365
Давыдов, Владимир Николаевич (Горелов, Иван Николаевич) — II 216
Давыдов, Денис Васильевич — II 462, 474
Давыдов, И. Ю., военный врач — I 84
Давыдов, Иван, сотрудник газ. «За родину» — II 641
Давыдов (Ломберг), Лев Давыдович — I 509
Дан, Альберт — I 547, 548
Даниил Галицкий (Данило) — I 179
Данилов, Николай Иванович — II 17, 18
Данин, Даниил Семенович—II 412, 417—420, 422, 426
Данте, Алигьери — II 21, 29, 245
Дворцов, Николай Григорьевич — II 387
Девяткина, Александра, медсестра — II 415, 417, 418, 420
Дегтярев, Василий Алексеевич — II 399
Дед Водяной — см.: Крон, А. А.
Дед Всевед — см.: Железнов П. И.
Дедюхин, Иван Григорьевич — II 578
Дейнека, Александр Александрович — I 77
Дементьев, Николай Федотович — II 135, 155
Дементьев, комиссар полка — II 63
Демидов, Александр — I 564—568
Демидов, В., художник — I 456
Демин, Петр Григорьевич — I 616
Демьянчук, Нина, хозяйка квартиры в г. Костополе — II 266, 268
Деникин, Антон Иванович — II 249, 472; II 202
Денисевич, Анатолий Юлианович (подпольная кличка: Валерий) — II 322—324, 330
Денисенко, Мария Моисеевна (рожд. Ильяшенко) — II 401, 402
Денисов, Николай Николаевич — I 302
Денисов, Петр Иванович — I 375, 392
Денисов, старшина — II 12
Денисовский, Николай Федорович — I 444—446, 448, 450, 451, 454, 455, 459
Денисюк, Д.— I 564
Дергунский, Даниил, сапер — I 303
Державин, Гавриил Романович — I 422, 484
Десницкий, Алексей Васильевич — I 467, 475, 477
Десницкий, Василий Алексеевич — I 428, 475
Дехтерев, Борис Александрович — I 569
Джабаев, Джамбул — I 347; II 664
Джалилова, Амина (Сайфуллина, Нина Константиновна) — II 571, 576
Джалиль (Залилов), Муса Мустафович — I 12; II 571—574, 576—580, 582—591
Джафаров, писатель — I 520
Дзержинский, Феликс Эдмундович — II 54, 58, 650
Дзиган, Ефим Львович — II 198, 203, 204, 207, 231
Дзюбенок, связист — II 60
Дивавин, Андрей Александрович — I 518
Диденко, партизан — II 329
Дидро, Дени — II 137
Диккенс, Чарльз — I 268, 423
Диковский, Сергей Владимирович — I 18
Димитров, болгарин, колхозник — I 603
Динабургский, В.— I 566
Диненбург, Александр Исакович — II 56, 57, 67
Динесман, Татьяна Георгиевна — I 6, 681
Диоген из Синопа — II 616
Дитмар, Курт — I 369, 544
Дитс — см.: Демидов, В., Ипатов К., Титов, Я., Сапожников А.
Длигач, Лев Михайлович — I 320, 324, 326, 416, 490, 495, 502, 505, 507, 508; II 40
Дмитерко, Любомир Дмитриевич — I 374

Дмитриев, Арсений, летчик — I 13
Дмитриев, моторист — II 14
Дмитриева, Цецилия Ефимовна — I 121; II 271
Дмитрий Иванович Донской — I 412
Добин, Ефим Семенович — II 20, 24
Добролюбов, Кирилл Петрович — II 10, 12, 21, 25, 26
Добролюбов, Николай Александрович — I 364
Добышев, Николай Георгиевич — I 507
Довгер, Валентина Константиновна — II 556, 557
Довейка, Константин Константинович — II 253, 660
Довженко, Александр Петрович — I 17, 22, 26, 163—166, 176, 277, 278, 280, 292, 376, 379, 382, 384, 537
Долгий, Иван — I 404
Долгих, боец — II 111, 113
Долгов, нач. управления милиции в г. Житомире — II 400
Долгоруков, Николай Андреевич — I 444
Долженко — II 56
Долина, И.— I 564
Долматовский, Евгений Аронович — I 16, 18, 20, 296, 310, 312, 315, 317, 337, 339, 374, 375, 377, 382, 383, 385, 386, 388, 391, 392, 395, 396, 411, 416, 420, 423; II 270, 637, 664
Домащенко, Марк Николаевич — I 143
Донец, Александр Алексеевич — II 288
Донской, Марк Семенович — I 28
Доре, Гюстав — II 159
Дорио, Жак — II 97
Дороганов (Дороган), Александр Тимофеевич — II 403, 406, 411
Дорофеевы, братья-пулеметчики — I 359
Дорохов, Алексей Алексеевич — I 467, 471, 478
Дорохов, Константин Гаврилович — I 495, 506; II 40
Дорошко, артиллерист — II 51
Дорфман, писатель — II 81, 82, 85—87
Достоевский, Федор Михайлович — II 603, 678
Драбкин, Яков Самойлович — I 538
Дралов, Иван Александрович — II 14
Драночкин, пулеметчик-зенитчик — II 580
Дрешер, Отто — I 545
Дробль, ст. радист — II 60
Дробниш, краснофлотец — II 52
Дрогайцев, полковник — II 463
Дроздов, Владимир Дмитриевич — I 376
Дроздов, гармонист — II 192
Дружинин, Владимир Николаевич — II 245
Дружинина, Евгения Васильевна — II 245
Друнина, Юлия Владимировна — II 7
Дубов, Петр Алексеевич— II 265, 270, 687
Дубовиков, Алексей Николаевич — I 6
Дубровицкий, Лев, экономист — I 538
Дубровский, Дмитрий Георгиевич — II 255
Дудин, Михаил Александрович — I 15, 397, 398, 400—406, 428, 463; II 26
Дудник, Григорий, сержант — II 13
Дудченко, Андрей, фотограф — II 23
Дунаевский, Александр Михайлович — I 519
Дурнов, В. А., журналист — II 20
Дымчиков, радист-стрелок — I 360
Дымшиц, Александр Львович — I 398, 406, 427, 428, 537
Дыховичный, Владимир Абрамович—I 301, 302, 422
Дьяконов, Игорь Михайлович — I 537
Дюма, Александр (Дюма-отец) — II 441
Дядя Ваня, партизан — I 530
Дятленко, начштаба — II 174

Евнин, Александр Львович — I 365
Евнович, Александр Абрамович — I 305
Евраскин, Николай, комсорг — II 361
Евреинов, красноармеец — I 614
Евсеев, Семен Филиппович — II 10
Евстифеев, бронебойщик — I 384
Егерева, учительница — I 416, 417
Егоров, Михаил Алексеевич — II 365, 368, 370
Егоров, Николай Иванович — I 404, 406
Егорова, Александра Степановна — II 250
Егорова, Антонина, санитарка — II 177, 178
Елин, Оскар Григорьевич — II 569
Елисеев, Леонид Петрович — I 351
Елисеев, Николай, журналист — I 473
Елисеев, Николай Гаврилович — II 490, 493
Еловцан, Ф., научный сотрудник — II 330
Елохин, Аггей Андреевич— — II 62
Емелин, Иван Федорович —II 436
Емельяненко, Владимир Климентьевич — II 627
Емельянов, Иван Алексеевич — II 551
Емельянов, офицер — II 31
Енютина, Вера Вячеславовна — II 100
Еременко, Андрей Иванович — II 179
Еременко, О., линотипист — I 375
Ермак Тимофеевич — II 442
Ермаков, Алексей Михайлович — II 12
Ермаков, краснофлотец — II 65, 66
Ермолова, Мария Николаевна — II 565
Ерошенко, Василий Николаевич — II 47, 624, 627
Ерухимович, Захар Маркович — II 24, 230
Ершов, командир взвода — II 106, 107
Есенин, Сергей Александрович — I 104, 473, 552; II 320, 330, 419, 518
Ефимов, Борис Ефимович — I 301, 421, 444, 506

Жаворонков, химист — II 49
Жаврук, Алесь (Синичкин, Александр Дмитриевич) — II 629, 633, 635, 637
Жанна д'Арк — I 300
Жанэ, Кирмизе — II 489
Жарков, майор — II 10
Жарковский, Евгений Эммануилович — I 517
Жаров, Александр Алексеевич (псевд.: Максим Зениткин) — I 10, 287, 293,

301, 302, 320, 322, 324, 411, 446, 455, 457, 501, 511, 512, 516; II 9, 584
Жаров, Михаил Иванович — II 320, 330
Жаткин, Петр Лазаревич — II 82
Жданов, Андрей Александрович — II 612
Жданов, Владимир Викторович — II 665
Жданов, Михаил Иванович — II 435, 436
Жданов, Николай Гаврилович — I 467, 477, 478, 481, 485
Жданович, О., писатель — I 509
Жеглов — II 64
Железнов, Леопольд Абрамович — II 131
Железнов, Павел Ильич (псевд.: Дед Всевед, Андрей Снарядкин) — I 301, 528, 529, 559; II 614, 663
Животов, партизан, командир взвода — II 314, 316, 317
Жига (Смирнов), Иван Федорович — II 100, 614
Жигальский, Николай, житель с. Колодино — II 308
Жиганов, Назиб Гаязович — II 571
Жигунов, Евгений Корнильевич — II 614
Жидилов, Евгений Иванович — I 508
Жилин, В., журналист — I 404
Жолнин, Георгий Емельянович — II 485
Жорова, Клара Степановна — II 629
Жук, майор — II 64
Жук, Иван Григорьевич —II 436
Жуков, Гавриил Васильевич — II 53
Жуков, Георгий Константинович — II 299
Жуков, Николай Николаевич — I 67, 93, 171; II 301
Жуковский, Василий Андреевич — I 16, 340, 422; II 358
Жуковский, Оскар Соломонович — II 66
Журавлев, Алексей, журналист — I 519
Журавлев, Дмитрий Николаевич — I 408
Журба, Георгий, комиссар — I 622
Журба, Павел (Скрипников, Пантелеймон Терентьевич) — I 467, 475 — 477, 485
Жучков, Андрей Лукьянович — II 614, 615

Забалуев, Вячеслав Михайлович — I 378
Забелышинский, Виктор — I 585
Забиркин, кузнец — II 173
Заблудовский, Михаил Давидович — II 202
Забненков, лейт. — I 303
Заболотский, штурман — II 334
Заварыкин, Семен Афанасьевич — II 306, 308, 311, 314, 321
Загурский, Борис Иванович — II 237, 239
Заевский, А. А. — I 597
Зайцев, Иван Дмитриевич (псевд.: Иван Рачада) — II 560, 561, 563, 565
Зайцев, Ф., боец — I 402
Зайцев, артиллерист — II 64, 65
Залилов, М. М.— см.: Джалиль М. М.
Залилова, Чулпан Мусаевна — II 585, 590
Залка, Матэ — I 17, 18
Залялов, А., автор статьи о М. Джалиле — II 576
Замятин, Владимир Дмитриевич — I 355
Заманевич, боец — II 282
Запашный, В.— I 565, 574
Зарецкий, боец — I 357
Зарьян, Наири Егиазарович — I 520
Заславский, Давид Иосифович — I 287, 329, 471; II 201, 202
Заславский, Илья Петрович — I 604
Захаров, Иван Дмитриевич — I 630
Захаров, Сергей Ефимович — I 111
Захаров, боец — II 268
Захаров, Степан Александрович — II 435
Заходер, Борис Владимирович — I 537
Зацепин, Николай — II 364
Зашихин, Гавриил Савельевич — II 12, 14, 16
Збанацкий, Григорий (Юрий) Олиферович — II 519—522
Звонков, Петр Иванович — I 397, 405
Зворыкин, Анатолий Алексеевич — II 641, 645
Зегерс, Анна (Рейлинг, Нетти) — I 552; II 619
Зеленюк, ст. краснофлотец — II 51
Зеликов, Михаил, нач. сан. службы — I 497
Зельвенский, Юлий Давыдович — I 507
Зельдин, Яков Маркович — II 477
Зельдич, Клавдия Семеновна — II 269, 270
Зельдович, Владимир Давыдович — II 655, 657
Зельцер, Владимир Иоганнович — II 613
Зельцер, Иоганн Моисеевич — II 199, 203, 204, 610—613
Зельцер, Лариса Иоганновна — II 613
Зельцер, Мирра Иоганновна — II 613
Земляченко, Николай, корреспондент — I 490, 491
Зениткин, Максим — см.: Жаров А. А.
Зенкевич, Михаил Александрович — II 252
Зенковский, Ю. (Исаак Самойлович) — II 10, 16, 17, 26
Зенушкин, Степан Сергеевич — I 501, 502
Зенькович, Нина, военнослужащая— I 371
Зимин, В., художник — I 624, 626
Зингер, Макс Эммануилович — I 516
Зиновин (Зиновьев), Алексей Тихонович — II 10, 26
Зиновьев, Иван Дмитриевич — II 164, 165
Зинченко, мл. лейт.— II 340
Зинченко, Федор Матвеевич — II 368, 371
Зирка, подполковник — I 420
Зланин, санитар — I 303
Злидер, рядовой — II 61
Злобин, Наль Степанович — II 147—150
Злобин, Степан Павлович (псевд.: Емельян Ваграмов) — II 85, 92, 134—137, 140, 141, 145, 150, 151, 153, 155, 157
Злобина, Галина Николаевна — II 136, 139, 146, 149, 151
Зозуля, Ефим Давыдович — I 528; II 614—616
Золин, Иван Иванович — II 515

Золотарев, работн. Политуправления 2 уд. армии — II 586
Золотовский, Константин Дмитриевич — I 397, 400, 402, 404; II 24
Золя, Эмиль — II 137, 146, 152, 156
Зонин, Александр Ильич — II 21, 24, 26, 29, 40, 230, 597, 603
Зотов, Владимир Николаевич — I 135—137
Зощенко, Михаил Михайлович — I 298, 431
Зражевский, Александр Иванович — I 408
Зубарина, Анна, колхозница дер. Великая Доля — II 322
Зубков, Андрей Эммануилович — II 272, 280, 299
Зудинов, Федор Александрович — I 397
Зуев, Александр, ефрейтор — I 564, 567, 570, 575
Зыков, Анатолий Яковлевич — II 321
Зыков, Василий Иванович — II 10, 12, 16
Зыков, Константин Антонович — II 255

Ибаррури, Долорес — II 96
Ибирулин, мл. лейт.— II 267
Ибрагимов, Саид, красноармеец — I 377
Ибрагимов, сержант — II 573, 580
Ибраев, Ягуда — II 371
Ибсен, Генрик — I 145
Иванов, Виктор, товарищ П. П. Вершигоры — II 546
Иванов, Виктор Ефремович — II 54, 56
Иванов, Владимир Михайлович (псевд.: Иван Муха) — I 311, 318, 431
Иванов, Всеволод Вячеславович — I 287, 408
Иванов, Иван Иванович — I 353
Иванов, Леонид Яковлевич — II 504
Иванов, Петр Федорович — II 334, 336, 337
Иванов, бригадный комиссар — II 119
Иванов, красноармеец — I 400, 406
Иванов, лейт. — I 606
Иванов, подполковник — II 440
Иванова, Джесси Георгиевна — II 18
Иванова, Екатерина, радистка — I 348
Иванова, Елена, сандружинница — I 476
Ивашенко, Емельян Емельянович — I 517
Иващенко, Николай, журналист — I 404
Ивич, Александр (Ивич-Бернштейн, Игнатий Игнатьевич) — I 324, 495, 501, 502, 508, 509; II 36, 39, 52
Ивкин, Кузьма Петрович — II 395, 397
Игнатова, Галина Михайловна — I 374
Игнатьев, Алексей Алексеевич — I 328; II 13, 19, 664
Игнатьева, Наталья Владимировна—II 19
Иголкин, Илья Иванович — II 12, 26
Идрисов, краснофлотец-машинист — II 52
Изаков, Борис Романович — I 359—361, 364
Излистьев, зав. эстонск. отд. ТАСС (ЭТА) — II 12, 204
Измалков, Тихон Владимирович—II 412, 436—439
Иллевич, Владимир Ильич — I 376
Иллеш, Бела — II 614—616
Ильенков, Василий Павлович — I 274, 286, 301
Ильин, Николай Яковлевич — II 489
Ильина, Наталья Владимировна — II 115, 116
Ильина-Бахметьева, Мария Федоровна — II 414, 614—616
Ильинский, Игорь Владимирович — I 408
Ильюшин, Сергей Владимирович — II 551
Ильяшенко, М. М. — см.: Денисенко, М. М.
Ильяшенко, Моисей Иванович — II 380, 403, 404, 406, 408, 410, 411
Имшенецкий, Николай Иванович — II 26
Инбер, Вера Михайловна — I 15, 413, 424, 427, 428, 430, 455; II 23, 24, 230
Инге, Юрий Алексеевич — I 10, 463, 465; II 13, 21, 26, 29, 245, 252, 597, 598, 601, 602, 622
Инге-Вечтомов, Сергей Юрьевич — II 245, 252
Инкина, Мария, санитарка — II 298
Иоанниди, Д., греческая партизанка — II 546
Ипатов, К., художник — I 456
Ипатов, пулеметчик-зенитчик — II 580—582
Ипполитов, Павел Иванович — I 471, 472
Ирвинг, Вашингтон — II 125
Иринин, Борис Сергеевич — II 664
Исаакян, Аветик Саакович — I 15
Исаев, Иван Константинович — II 435, 439
Исаков, Иван Степанович — II 196, 197
Исаков, Каримджан — II 361, 362, 365
Исаковский, Михаил Васильевич — I 16, 330, 444, 567
Исбах (Бахрах), Александр Абрамович — I 6, 17, 18, 349, 355, 358, 364, 368, 370, 423; II 16
Ишков, лейт.— II 55—57, 60
Ищенко, И., ред. газ. «Защитник Родины» — I 397

Каатра, Кесси — I 554
Кабанов, Сергей Иванович — I 397, 405
Кабанов, политрук — I 366
Каверин, Вениамин Александрович — I 413, 418
Каган, Мария Иосифовна — II 638, 639, 644, 645
Казакевич, Галина Генриховна — II 426 429, 454
Казакевич, Галина Осиповна (Ошеровна) — I 6; II 412, 419, 423—427, 437, 439, 441, 442, 444, 450, 452, 455, 456, 458, 462, 466, 467, 469, 470, 473, 475, 477, 479, 485
Казакевич, Евгения Эммануиловна — II 419, 422, 424, 427, 428, 433, 442—445, 447, 449—452, 458, 470, 474, 475, 477, 481, 482

Казакевич, Лариса Эммануиловна — II 419, 422, 424, 427, 428, 442, 443, 445, 447, 449—452, 458, 470, 474, 475, 477, 481, 482
Казакевич, Эммануил Генрихович — I 10, 30, 121; II 412—417, 419—423, 429, 431, 433—440, 442, 445—447, 453—458, 460—465, 467—470, 475, 478, 482—486
Казаковский, капитан —II 334
Казанцева, санитарка — II 178
Казаринский, Владимир Леонтьевич — II 527
Казарьян, Андроник Абрамович — II 288
Казеев, С., военврач 3 ранга — II 582
Казмир, разведчик — II 59
Калабашкин, журналист — II 12
Калашников, Михаил Михайлович — I 11, 333
Калашников, Константин Федорович — II 585
Каленюк, капитан — II 260, 261
Калганова, Зоя, санитарка — II 177
Калина, связист — II 362
Калинин, Василий Петрович — II 174
Калинин, Иван, танкист — II 538
Калинин, Михаил Иванович — I 20, 276, 280, 382, 395, 451, 594; II 531
Калитин, политрук — II 108
Каменецкий, Евгений Ильич— II 24
Каменщиков, Владимир Григорьевич — I 303
Камков, А. Г., балетмейстер — II 223, 224
Камов, Борис Николаевич (Дворсон, Б. К.) — II 375, 389, 396, 401, 409
Кандыба, Федор Львович — II 83, 86, 87, 103
Кантария, Мелитон Варламович — II 365, 368, 370
Канторович, Лев Владимирович — I 327
Канышева, Галина, санитарка — II 177, 178
Капиев, Эффенди — I 520
Капица, Петр Иосифович — I 320, 324; II 24
Каплан, Лев Борисович — I 375, 376, 392
Каплун, Степан Павлович — II 494
Капранов, офицер — II 170
Капров, Иван Васильевич — II 502
Капустинский — II 170
Капусткин, А. В., майор — I 593
Карабутенко, Иван Федотович — II 521, 527
Караваева, Анна Александровна — I 287, 303, 418, 422
Карбовская, Варвара Андреевна — I 304
Карл V — I 318
Карл XII — II 291
Карлов, майор — II 484, 486
Кармен, Роман Лазаревич — I 429; II 213, 220
Карнаухов, почтальон — II 177
Карно, Лазар Никола — I 249
Карпов, Александр Яковлевич — I 36
Карпов, Владимир Васильевич — II 529, 530, 532, 533, 535, 537, 539
Карпов, Н. И. — II 565
Карпов, сержант — II 369
Карташев, артиллерист — II 51
Карцев, Алексей Дмитриевич — II 578
Касаткин, П. К., фотокорреспондент — II 505, 507
Касич, Игнат Федорович — II 403, 406, 411
Касич, Опанас Максимович — II 406, 411
Касич, Устина — II 406
Кассиль, Лев Абрамович — I 330, 408; II 665
Катаев, Валентин Петрович — I 285, 298, 301, 303, 408, 422
Катерли, Елена Иосифовна — I 625, 626
Катулин, комиссар полка — II 82—84, 92
Кауфман, С., художник — II 202
Кац, Зельман Менделевич — I 310, 314, 395
Кац-Зельцер, Клара Моисеевна — I 6; II 611—613
Кашшаф, Гази — II 572, 574—576, 585
Каяйкин, Михаил Семенович — I 538
Квислинг, Видкун — I 446, 459
Квитко, Лев Моисеевич — II 429
Кедин, мл. лейт.— II 351
Кедрин, Дмитрий Борисович — I 113—115
Кедрина, Людмила Ивановна — I 6, 113
Кедров, Михаил Николаевич — II 542
Кейс, сотрудник эстонск. отд. ТАСС — II 12
Келлен, немецкий полковник — II 456
Кербештым, боец — I 314
Кетлинская, Вера Казимировна — I 15; II 24
Кильпеляйнен, Юрье (псевд.: Яфет) — I 556
Кипиани, капитан — II 131
Кипнис, Цфаня, художник — I 526
Киреенко, Константин Тихонович — I 411
Кириченко, Николай Яковлевич — II 130, 131
Киров, Сергей Миронович— I 428; II 14, 265, 271
Кирпонос, Михаил Петрович — II 394
Кирпотин, Валерий Яковлевич — II 9
Кирсанов Г., гв. лейт.— I 615
Кирсанов, Николай Иванович — I 116
Кирсанов, Семен Исаакович — I 286, 287, 299, 301—303, 312, 444, 445, 448, 455
Кирьянов, Сергей Леонидович — II 430
Кисельман, артиллерист — II 55
Китнюк, Анатолий, воздушный стрелок — II 490, 493
Клаузевиц, Карл — II 424
Клебанов, Семен, журналист — I 509
Клейнер, Исидор Михайлович — II 9
Клейст, Эвальд — II 131
Клемансо, Жорж Бенжамен — I 96
Клеменко, лейт.— II 362
Клецовка, партизан — II 497
Климашин, Виктор Семенович — I 39, 67, 171, 335; II 91, 279, 295, 465, 499
Климашина, Вера Федоровна — I 6, 39, 335; II 91, 279, 295, 465, 499
Климов, красноармеец — I 614
Клочков (Клочков-Диев), Василий Георгиевич — II 503
Клюге, Гюнтер, фон — II 99
Клягин, Константин Иванович — II 81, 82, 85—87

Книга, Василий Иванович — I 520
Книпович, Евгения Федоровна— II 664
Князев, Владислав, механик-танкист — II 672
Князев, Филипп Степанович — II 17
Кобзаревский, Павел Семенович (Гордон-Кобзаревский, Фаввий Залманович) — I 467, 474, 485
Кобленц, радист — I 376
Ковалев, Виталий Кириллович — I 515
Ковалев, Дмитрий Михайлович — I 411, 516
Ковалев, бронебойщик — I 384
Ковалев, разведчик — II 64
Ковалева, Т. В. — I 563, 575
Коваленков, Александр Александрович — I 311
Ковалкин, Иван Дмитриевич — II 665
Коваль, Мариан Викторович — I 354
Ковальчик, Евгения Ивановна — II 665
Ковальчук, Филипп, солдат — I 360
Ковальчук, артиллерист — I 318
Ковешников, Дмитрий Степанович — II 514
Ковпак, Сидор Артемьевич — I 419; II 407, 540, 543—545
Ковтун, боец — II 635
Ковтунов, пулеметчик — I 303
Коган, Александр Григорьевич — I 6; II 68, 70, 126
Коган, Давид Абрамович — I 511
Коган, Л. — II 664
Коган, Лия Семеновна — I 6; II 68—72, 77—80, 93, 94, 96, 97, 99, 100, 102—106, 109, 115—124
Коган, Р. — I 575
Коган, Урий Григорьевич — II 52, 64
Когоряцкий, ст. лейт.— II 575
Коденцев, мл. политрук — II 575
Кожевников, Вадим Михайлович — I 15, 287, 310, 313, 317, 328, 329, 411, 418, 501
Кожин, Алексей Иванович — II 665
Козак А. А., сотр. газ. «Боевые резервы» — I 624
Козаков, Абрам Наумович — II 380, 383, 386, 387
Козаков, Михаил Эммануилович — I 429
Козев, сотр. ТАСС — II 204
Козлов, Василий Иванович — II 303, 321, 328
Козлов, Марк Александрович — I 37, 41—43, 45
Козьмин, Владимир, ст. техник-лейт.— I 361
Кокин, Н.— I 570
Кокорин, Анатолий Владимирович — I 414, 415; II 287, 291, 324, 325
Колас, Якуб (Мицкевич, Константин Михайлович) — I 408
Колдуэлл, Эрскин — II 202
Колегаев, Андрей Николаевич — I 538
Коленбет, И., командир отделения — I 478
Колин, журналист — II 17
Колобанов, Анатолий Георгиевич — II 63, 64, 66, 67
Колобов, Леонид Александрович—II 562
Коломейцев, Петр Илларионович — II 170
Коломийцев, Анатолий Самуилович — I 515, 519
Колоскова, повар — I 531
Колосов, Марк Борисович — I 321, 322, 326, 411, 520
Колосов, автоматчик — II 176
Колосов, офицер-танкист — II 130
Колумб, Христофор—II 415, 418, 420,427
Колчак, Александр Васильевич — I 397; II 202
Колычев, Осип Яковлевич — I 322, 411
Кольцов, Алексей Васильевич — I 518, 519
Кольцов, Михаил Ефимович — I 18, 567
Кольцов, майор — II 436
Коляда, Вера, санитарка — II 177
Комарцев, Н., кинорежиссер — II 213
Компанеец, лейт.— II 61
Кон, Феликс Яковлевич — I 534
Кондратенко, Виктор Андреевич — I 374, 377, 378, 392
Кондратенко, Федор, разведчик — II 64
Кондратьев, Николай Дмитриевич — I 311, 318
Кондратьев, лейт.— I 346
Кондратьев, ст. серж.— I 584, 601
Конев, Иван Степанович — I 36, 37
Коновалов, Григорий Андреевич — II 624, 626, 627
Коновалов, И. А., военком — II 47
Коновалов, Леонид (Лев), партизан — II 307, 308, 314—317
Кононенко, Елена Викторовна — I 287, 303
Кононенко, журналист — II 132
Конопацкая, Татьяна Николаевна — I 444
Константинов, кап.-лейт. II 339 — 342, 344
Константинов, полковой комиссар — II 160, 164
Конюшков, нач. политотдела бригады — II 338, 339, 345
Коняев, Анатолий, подводник — II 598
Коонен, Алиса Георгиевна — I 6; II 194, 197, 206, 209, 211, 213, 214, 216—218, 221—225, 228, 230, 236, 238, 239
Копаев, ополченец — II 84
Копелев, Лев Залманович (Зиновьевич) — I 296, 534, 539
Копп, З. С., сотр. газ. «Боевые резервы» — I 624
Копштейн, Арон Иосифович — I 18
Копыленко, Александр Иванович — I 416
Копылов, Георгий Иванович — I 608
Копылова, Клавдия, машинистка — II 178
Корабельников, Григорий Маркович — I 312, 313, 318; II 92
Корак, Николай Борисович — II 622
Корень, Галина Павловна — I 553
Корзинкин, Петр Дмитриевич — I 6, 11, 333
Корзунов, Иван Егорович— II 333, 335—337, 341, 342, 349
Кормушенков, Константин Алексеевич— II 24
Корнейчук, Александр Евдокимович — I 26, 287, 292, 312, 377, 382; II 217, 220
Корнель, Пьер — I 107

Корниенко, Даниил Иосифович — II 24, 25, 29, 32, 656
Корнилов, Борис Петрович — II 670
Корнилов, Владимир Алексеевич— I 422
Коровин, Аркадий Сергеевич— I 397, 404
Королев, Иван Николаевич — II 463
Королев, лейт.— II 62
Корольков, Сергей Никитич — I 358
Корольков, Юрий (Георгий) Михайлович — I 362, 525, 526, 532
Коротеев, Василий Игнатьевич — II 170
Коротков, гв. подполковник — II 593
Корсакас, Костас Пранович — I 6; II 253
Кортунов, Алексей Кириллович — II 530
Коршенко, Виктор Дмитриевич — II 380, 389, 391, 392
Коршенко, Феликс Викторович — II 390
Коршунова, Валентина Павловна — I 163
Корьюс, Милица — II 421
Корюков, Порфирий, капитан — II 368
Косарик, Дмитро (Косарик-Коваленко, Дмитрий Михайлович) — I 377
Косенко, сварщик — II 173
Косиченко, боец — II 177
Космодемьянская, Зоя Анатольевна — I 300, 345, 346, 361; II 279
Косолапов, Валерий Алексеевич— II 436
Костанов, Дмитрий Григорьевич — II 489
Костер, Шарль, де — I 16
Костерина, Надежда, санитарка — II 177
Костин, Сергей Николаевич—I 446, 460
Костко, Игорь, матрос-композитор —I 401
Костович, Демьян — II 402
Костров, Алексей Алексеевич — II 671—674
Костров, Борис Алексеевич — II 670—674
Кострова, Вера Алексеевна — II 672—674
Кострова, Марина — II 672—674
Кострова, Мария Николаевна — I 6; II 670, 671
Кострова, Нина — II 672
Костюк, Юзеф, колхозник дер. Великая Доля — II 322
Котиков, Александр Георгиевич — II 265, 270
Котов, Борис Александрович — II 526—528
Котов, И., участник обороны Ханко — I 402
Котов, Михаил Иванович — II 378—380, 382, 387, 388
Котов, Сергей Борисович — II 527
Котова, Елена Захаровна — II 527
Котовский, Григорий Иванович — I 365
Котыш, Николай Тимофеевич — I 516
Кох, Эрих — I 176, 177
Кочетков, шофёр — II 588, 589
Кочетов, Всеволод Анисимович — I 484
Кочнева, Александра Васильевна — I 626
Кошка, Петр Маркович — II 37
Кошкарбаев, Рахимжан — II 365
Кошутина, художница-вышивальщица — II 249
Кравченко, Яков Кириллович — II 24
Крайнов, Павел Алексеевич — I 298; II 330
Крандиевская, Наталья Васильевна — II 245
Крапива, Кондрат (Атрахович, Кондрат Кондратьевич) — I 377
Краснов, лейт.— II 177
Краснопольский, Николай Васильевич— I 506, 507
Красовский, Юрий Александрович — II 209
Кратт, Иван Феорович — I 429
Кремнев, Анатолий, разведчик — I 517
Кремнев, комиссар — II 34, 40
Кречетова, Елена Архиповна — I 266, 407
Кривицкий, Александр (Зиновий Юрьевич) — I 6, 273, 274, 281, 282, 288, 289, 298, 301, 303, 304; II 330
Кривоногов, Петр Александрович — II 263
Кригер, Евгений Генрихович — I 23
Крон, А. (Крон-Крейн, Александр Александрович; псевд.: Дед Водяной) — I 6 330, 418, 466; II 24, 29, 208, 209, 214, 219, 229, 232, 242
Кронгауз, Анисим Максимович — I 456
Кронфельд, Леонид — II 10, 24, 26
Кружков, Николай Николаевич — I 292, 344, 362; II 127
Крупская, Надежда Константиновна — I 497, 498
Круц, Лев Моисеевич — II 216
Крученых, Александр (Алексей Елисеевич) — I 322; II 216
Кручинин, Валентин Яковлевич — I 324, 354
Крушинский, Сергей Константинович — II 515
Крыжановский, Виктор, танкист — II 364
Крыжановский, нач. турбинного цеха — II 173
Крылов, В. А., замполит — I 583
Крылов, Николай Иванович — II 272, 288, 289, 294, II 417
Крылов, Петр Тихонович — I 286; II 164, 272, 643
Крылов, Порфирий Никитич — см. Кукрыниксы
Крымов, В. А., — I 583
Крымов (Беклемишев), Юрий Соломонович — I 12, 322, 374; II 418
Крышкин, Михаил— I 572
Крючкин, Матвей Абрамович — I 6
Крючков, Николай, партизан — I 387
Ксенофонтов, лейт.— II 340
Кубанский (Шинкар), Георгий Владимирович—I 467, 474, 485
Кудкин, сержант — II 484
Кудрейко (Зеленяк-Кудрейко), Анатолий Алексеевич — I 532
Кудряшев, Петр, ординарец — II 387
Кудряшов, Николай Николаевич — II 65
Кужасаев, Турухан, боец — I 365
Кузмичев, Александр Васильевич — II 573, 587
Кузнецов, Анатолий Иванович — II 14
Кузнецов, Виктор Алексеевич — II 573, 587, 589
Кузнецов, Николай Иванович — II 555, 556, 557
Кузнецов, Павел Григорьевич — II 219
Кузнецов, Павел Николаевич — I 411
Кузнецов, Федор Федотович—II 578, 579

Кузнецов, Федор Исидорович — II 66
Кузнецов, капитан морской пехоты — II 655
Кузнецов, капитан 3 ранга — II 53
Кузнецов, красноармеец — I 378
Кузьмин, Вадим, художник — I 538
Кузьмин, Иван Кузьмич — II 463
Кузьмин, ст. лейт. — I 303
Кузьмичев, Иван Кириллович — I 30
Куколев, Михаил Кузьмич — II 52, 54—56, 58, 62
Кукрыниксы (Куприянов, М. В., Крылов, П. Н., Соколов, Н. А.)— I 257, 259, 263, 329, 446, 448, 451, 453, 455, 457
Кукулу, Рула — II 546
Кукушкин, летчик-истребитель — I 303
Кукушкин, связист — II 61
Кулагин, Николай Михайлович — II 416
Кулаков, Николай Михайлович — I 490, 491, 493
Кулашов, Василий Кузьмич — II 14
Кулешов, Аркадий Александрович — I 15, 322, 323, 364, 524—527; II 637
Кулешов, Лев Владимирович — II 542
Кулиев, Кайсын Шуваевич — I 292
Куликов, Дмитрий Павлович — II 364
Кульчиев, Михаил Темирханович — II 316, 330
Кульчицкий, Михаил Валентинович — I 347, 350, 351, 456
Кунин, Константин Ильич — II 82, 83, 94
Кунина, Ревекка Яковлевна—II 82, 83, 94
Купала, Янка (Луцевич, Иван Доминикович) — I 17, 287, 418; II 327
Купнер, еврейская семья в г. Пинске — II 270
Куприянов, Георгий Георгиевич — I 349
Куприянов, Михаил Васильевич — см. Кукрыниксы
Куприяновский, Павел Вячеславович — I 30
Курамышев, политрук — II 107
Курбатский, кочегар — II 52
Курганов, О. (Эстеркин-Курганов, Оскар Иеремеевич) — I 23
Курганов, подполковник — II 654
Курдов, Валентин Иванович— I 466; II 109, 319
Курелла, Альфред — I 548
Курзенков, Александр Георгиевич — II 513
Курзенков, Сергей Георгиевич — II 509—513
Курилко, Борис Антонович — I 391
Курносов, С., лейт.— I 404
Курочкин, Владимир Сергеевич — I 311, 318
Курошева, Александра Ивановна — I 107, 109; II 245
Курошева, Антонина Ивановна — I 6, 107, 109
Кусакин, Алексей Николаевич — II 308, 309, 311, 312
Кутаева, Надежда, санинструктор — I 382
Кутасов, Иван Григорьевич — I 327
Кутузов, Михаил Илларионович — I 16, 387, 412, 448; II 279, 358, 387
Кучер, Василий Степанович — I 509
Кучеренко — II 60
Кушнарев, Иван Антонович — II 174, 175
Кушниров, А.— см. Кушнирович, А. Д.
Кушнирович, Арон Давидович (псевд.: А. Кушниров) — I 320, 323; II 92, 100

Лабок, Михаил Израилевич — II 264, 265, 270, 687
Лаваль, Пьер — I 446
Лавкер, печатник — II 12
Лавренев, Борис Андреевич — I 293, 295, 516; II 621
Лаганский, Еремей Миронович — II 603
Лагин, Лазарь Иосифович — I 495, 496, 507, 509; II 33, 40
Лагунов, Игорь — I 310
Лажечников, Иван Иванович — I 422
Лазарев (Шиндель), Лазарь Ильич — I 82
Лазариду, Рита — II 546
Ланге, Фридрих Альберт — I 250
Ланский, Леонид Рафаилович — I 6, 33, 271, 281
Лапидус, секретарь РК ВКП(б) — II 318
Лапин, Борис Матвеевич — I 12, 17, 18, 274, 283, 284, 303, 408; II 131, 379
Ларин, гв. ст. лейт.— I 348
Ларькин, Василий Игнатьевич — II 12
Ласкин, Борис Савельевич — I 302, 304
Латашинский, лейт.— II 340, 344, 348, 349
Ле, Иван (Мойся, Иван Леонтьевич) — I 374, 377
Лебедев, Александр Федорович — I 615
Лебедев, Алексей Алексеевич — I 12; II 21, 29, 617—623
Лебедев, Владимир Алексеевич— II 24
Лебедев, Владимир Васильевич— I 459
Лебедев-Кумач, Василий Иванович — I 10, 281, 286, 293, 299, 302, 303, 322, 408, 409, 433—437, 439—442, 445, 446, 454, 456, 463, 516, 632—634; II 9
Лебединский, полковник — I 485
Левашев, Мстислав Александрович — I 448; II 489
Левидова, Инна Михайловна — I 458
Левик, Вильгельм Вениаминович — I 537
Левин, Борис Михайлович — I 18
Левин, Федор Маркович — I 537
Левин, инженер-пищевик — II 61
Левинас, Ханон Вульфович— II 254
Левинсон, Наум Борисович— I 507
Левитан, Юрий Борисович— II 38
Левитанский, Юрий Давыдович — I 351
Левитин, подполковник — II 458, 486
Левоневский, Дмитрий Анатольевич — I 6, 130, 131, 313, 428, 621
Левченко, Гордей Иванович — II 63, 64, 66, 67
Левченко, Ирина Николаевна — II 592—596
Левченко, мл. лейт.— II 171
Левшин, Владимир Артурович — I 458
Ледер, Абрам Исаевич — I 538
Леднев, Евгений — I 564, 576
Лееб, Вильгельм, фон — I 479
Лежнев, Исай Григорьевич — I 37

Лезман, Иосиф Самойлович — I, 603, 611
Лей, Роберт — I 421, 540
Лейтес, Александр Михайлович — I 322, 328; II 664
Лекеров, Асхар, боец — I 605
Лелюшенко, Дмитрий Данилович — II 564
Ленин, Владимир Ильич — I 25, 249, 268, 318, 356, 423, 494, 497, 630; II 16, 67, 256, 531, 676
Ленч (Попов-Ленч), Леонид Сергеевич — I 304, 371
Леонардо да Винчи — I 268, 423
Леонов, Леонид Максимович — I 15, 26, 337, 419, 422; II 224
Лерман, Марк Михайлович — I 375
Лермонтов, Михаил Юрьевич — I 9, 105, 140, 340, 364, 368, 422, 448, 484, 552, 554; II 137, 145, 156, 350, 428, 462
Лесин, Александр Андреевич — II 366
Леснов (Цунц), Михаил Зиновьевич — I 302
Лесс, Александр Лазаревич — I 29, 35, 61, 293; II 155, 413, 495, 557
Лефевр, Марсель — I 289
Лешницер, Франц — I 551
Лещинер, Исаак Давыдович — I 529
Лещинер, инженер — II 83, 88
Лещук, красноармеец-шофер — II 129
Либединский, Юрий Николаевич — I 298, 322, 413; II 81, 100, 124
Лидин, Владимир Германович — I 287
Лидов, Петр Александрович — I 273, 501
Лизюков, Александр Ильич — I, 273, 287
Линенков, Б., катерник — I 404
Линьков, Григорий Матвеевич — II 494—496, 500, 523
Линьков, военнопленный — II 140
Линькова, Мария Григорьевна — I 6; II 496
Липатов, Иван Васильевич — I 356
Липкин, Семен Израилевич — I 410
Липкин, Ш. И. друг Э. Г. Казакевича — II 475, 477
Лисенков, Александр Григорьевич — II 155
Лист, Ференц — II 480
Листов, Константин Яковлевич — I 502
Литаврин, В. А. — I 563, 564, 578
Литвиненко, артиллерист — II 51
Литвинов, Александр Михайлович — II 436
Литвинов, Александр, сотр. газ. «За Родину» — II 665
Лифшиц, Владимир Александрович — I 311, 312, 317, 428, 431, 467, 474, 485, 486
Лифшиц, И., поэт — I 459
Лихарев, Борис Михайлович — I 130, 131, 137, 427, 428; II 24, 244
Лихачев, сотрудник газ. «Красный воин» — II 587
Лиходеев (Лиходеев-Лидес), Леонид Израилевич — I 520
Ллойд Джордж, Давид — II 207
Лобачев, Алексей Андреевич — I 532
Ловецкий, Петр Спиридонович — II 307—309, 311, 316, 320, 330
Логинов, Петр Михайлович — II 494
Логинов, товарищ Э. Г. Казакевича по 4 КЗСБ — II 436
Логус, Зинаида, сандружинница — I 474
Лозинский, Михаил Леонидович — I 107; II 21, 24, 29
Ломакин, парторг сталинградского завода «Баррикады» — II 170
Ломоносов, Михаил Васильевич — I 318, 448, 484
Лопе де Вега, Карпьо, Феликс — II 350
Лоповок, сержант — II 124
Лордкипанидзе, Константин Александрович — I 520
Лосев, Валентин Александрович — I 411
Лосев, Павел Федорович — I 520, 522, 523
Лоскутов, Сергей Иванович — I 17, 289
Луговской, Владимир Александрович — I 17; II 664
Лузгин, Михаил Васильевич — II 638—647
Лукашев, Павел Петрович — II 292
Лукашевич, наводчик — II 61
Лукин, Александр Александрович — II 556
Лукин, Всеволод Петрович — II 504, 519, 520
Лукин, Юрий Борисович — II 517
Лукницкий, Павел Николаевич — I 428, 484
Луковский, Игорь Владимирович — II 45
Луконин, Михаил Кузьмич — I 15, 355
Лукьянов, Александр Павлович — I 408
Лукьянов, Анатолий, капитан — I 382
Лукьянченко, Григорий Сергеевич — II 478
Луначарская, Анна Анатольевна — II 656
Луначарская, Елена Ефимовна — I 6; II 656, 658
Луначарский, Анатолий Анатольевич — I 495—501, 507, 510; II 31, 35, 40, 655—658
Луначарский, Анатолий Васильевич — I 497; II 677
Лурье, Леон — I 538
Луций, Эмиль Павел — I 247
Лыньков, Михаил Тихонович — I 364
Лысенко, Марк Прокофьевич — II 400, 401, 408
Лысенко, Иван Никифорович — II 365
Лысов, Владимир Васильевич — II 160, 179
Лысячук, Нина, санитарка — II 177
Львов, А. В., командир партиз. бригады — II 302
Львов, В. Н., обер-прокурор святейшего синода — II 558
Львова, Ксения Сергеевна — I 287
Львовский, Семен Иосифович — I 358
Любельский, Владлен Лазаревич — II 412, 487, 501, 514, 526, 566
Любимов, В. С., артист ансамбля им. Александрова — I 433, 443
Любушкин, Иван Тимофеевич — I 310
Людовик XVI — I 248

Лютер, Мартин — II 474
Люфанов, Евгений Дмитриевич — I 467, 473, 477, 485
Лябурб, Жанна — I 534
Лямин, Григорий Васильевич — II 455
Лясковский, Владимир Георгиевич — II 379, 380, 387, 388
Ляхов, красноармеец — II 171

Маас, Нелли — II 650
Магеров, Петр, политрук — I 320
Магомет, Лев Иосифович — II 494
Мазур, Тамара Павловна — II 300
Майоров, Сергей Арсеньевич — II 196, 197
Майронис — см.: Мачюлис, Й.— II 254
Майский, Иван Михайлович — I 304
Макаревич, почтальон — II 177
Макаренко, Яков Иванович — II 515
Макаров, Валентин Алексеевич — I 502
Макаров, Серафим Сергеевич — I 538
Макаров, комиссар — I 272
Макаров, корреспондент — I 507
Макишев, Алатай — I 404
Маккавейская, Ольга, автоматчица — I 625
Макогоненко, Георгий Пантелеймонович — I 428
Макогонов, Василий, разведчик — II 534—538
Максим, М., майор — I 395
Макушева, Анна, разведчица — II 46, 65
Макфарлан, Мэсон — II 101
Маланов, Алексей Андреевич — II 46, 62
Малахов, Николай Иванович — II 122, 124
Малахов, лейт.— II 569
Малинов, Евгений, партизан — I 365
Малиновский, Родион Яковлевич — I 372
Малкин, Михаил Борисович — II 463, 478, 485
Малышев, офицер (?) — II 357
Малышко, Андрей Самойлович — I 374, 377, 392, 411, 416
Мальков, П. В., художник — I 444
Мальцев, М. В., художник — I 458
Мамедов, Исрафил, ст. сержант — I 347, 348, 370, 412
Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович — I 484
Мамонов, Михаил Иванович — II 132
Маннергейм, Карл Густав — I 404, 463, 554, 556—558
Мансуров, Борис Владимирович — II 136, 151
Мануильский, Дмитрий Захарович — I 534, 535
Манштейн, Эрих — I 523, 549; II 238
Маргиани, Реваз Акакиевич — I 520
Мариенгоф, Анатолий Борисович — I 430
Маркевич, Алексей Павлович — II 512
Маркиш, Перец Давидович — I 296, 299
Марков, Анатолий Макарович — I 538
Марков, М., политрук — I 411
Марков, Николай Федорович — II 13, 17
Маркс, Карл — II 501
Маркушевич (правильно: Макушевич), К. Ф., сотр. газ. «Красный Балтийский флот» — II 20
Мармулев, Михаил Глебович — II 302, 306—312, 314—322, 330—332
Мартенс, Вильгельм Людвигович — I 538
Мартынов, Леонид Николаевич — I 295, 302; II 7
Мартьянов, И., сержант — I 365
Мархель, Константин, журналист — I 398
Мархлевский, Юлиан — I 534
Маршак, Самуил Яковлевич — I 10, 298, 301, 329, 411, 416, 444, 446, 448, 451, 459; II 14, 432
Марцинкявичюс, Йонас Ионо — II 253, 254, 660, 661
Маршалов, краснофлотец-пулеметчик— II 63
Марьямов, Александр Моисеевич — I 511, 516, 518
Марьяновский, Станислав, житель г. Вильнюса — II 291
Марьясов, Михаил Израилевич — I 376
Масенко, Терентий Германович — II 517
Маслов, Юрий Сергеевич — I 538
Матвеев, Исаак Устинович — II 368
Матвеенко, ст. лейт.— II 59
Матусовский, Михаил Львович — I 13, 296, 299, 312, 339, 345, 347, 348, 350, 351, 354—356, 362, 363, 368, 370, 416, 423; II 9, 664
Матушенко, М. В., капитан — II 272, 281, 299
Матушкин, Алексей Алексеевич — II 17
Матюшина, Ольга Константиновна — II 214—216
Махов, гв. капитан — I 564, 583
Махура, Петр, подполковник — I 615
Мацевич, Александр Борисович — I 517
Мацкин, Александр Петрович — II 131
Мачнев, шофер газ. «Отвага» — II 586, 589
Мачюлис, Йонас (псевд.: Майронис) — II 254
Машистов, Алексей Иванович —I 446, 460
Машок, Максим Леонтьевич — II 285, 286
Машок, Михаил Леонтьевич — II 285
Маяковский, Владимир Владимирович — I 96, 287, 331, 336, 345, 364, 373, 422, 444, 446, 448, 463, 552, 554, 608; II 7, 65, 67, 215, 216, 245, 475, 488, 489, 584, 664, 669
Мдивани, Георгий Давидович — I 520
Медведев, Александр Николаевич—II 558
Медведев, Дмитрий Николаевич — II 552—559
Медведева, Татьяна Ильинишна — I 6
Медне, Любовь Эдуардовна — I 6, 444
Меднов, полковник — II 440
Медоусов, житель г. Ржева — II 192
Межелайтис, Эдуардас Беньяминович — II 253, 660, 663
Межиров, Александр Петрович — II 7
Мельник, Тимофей Николаевич — I 349, 368
Мельник, Михаил Терентьевич — II 24
Мельников, нач. штаба полка — II 261

Менакер, партизан, переводчик — II 322
Мержанов, Мартын Иванович — II 515
Мерзон, Яков Ильич — I 484
Мерецков, Кирилл Афанасьевич — I 130
Мериме, Проспер — II 228
Меринг, Франц — II 199
Меркулов, Александр Александрович — I 518
Меркульева, Ксения Алексеевна — I 428
Местников, Александр Александрович — II 337—347, 349
Метелица, политработник — I 609
Меттер, Израиль Моисеевич — I 429, 431
Мефодьева, Вера, член агитвзвода — II 247
Мехлис, Лев Захарович — I 19, 535; II 571
Миколайтис (Путинас), Винцас Юозович — II 254
Микоян, Анастас Иванович — II 592, 656
Микрюков, Михаил Петрович — I 517
Милецкий, Яков Аркадьевич — I 289, 409
Мильдзихов, Хазимурза — I 347, 348,370
Мильман, Валентина Ароновна — I 95, 602; II 17, 29
Милютин, партизан — II 310
Минеров, В.,— I 564, 579, 601
Минин (Сухорук), Кузьма Минич — I 412
Миних-Маслов, Александр Викторович — I 81—83, 86, 87; II 614
Минх, Николай Григорьевич — II 216, 226, 227
Минц, Исаак Израилевич — I 471
Миньков, капитан пограничных войск — I 442
Миронов, М., полковой комиссар — II 376
Миронов, Тимофей Васильевич — I 313, 344
Мирохин, начштаба — II 176
Мирошниченко, Григорий Ильич — I 428; II 18, 19, 24, 26, 29, 603
Мирская, Берта Яковлевна — I 538
Мирсков, Александр Ананьевич — II 497, 500
Мительман, Матвей Израилевич — I 471, 472, 481
Миткалев, Иван Иванович — I 515
Михайлов, Александр—см.: Хамадан, А. М.
Михайлов, В. И. — I 564
Михайлова, Екатерина Николаевна — II 664
Михайлова, Елена Дмитриевна — II 382
Михайловский, Николай Григорьевич — I 428, 519; II 17—22, 24, 26, 29, 196, 197, 199, 205, 206, 208, 603
Михалев, К. П., офицер — II 175, 176
Михалев, Михаил Дмитриевич — I 484
Михалков, Сергей Владимирович — I 287, 296, 323, 346, 355, 356, 368, 371; II 131
Михальков, Георгий Иосифович — I 490
Мицкевич, Адам — II 290, 291
Мишин, Д., корреспондент — I 402
Мишурис, Александр Львович — II 24
Мовшович, Абрам Иосифович — II 514
Можаров, офицер — II 569
Мозольков, Евгений Семенович — I 387
Мозурюнас, Владас Юозович — II 253
Моисеев, Лев Алексеевич — II 586, 587, 589
Моисеев, старшина — II 52
Моисеенко, лейт.— II 62
Мокрогузов, Георгий — I 406
Молитвина, Анна — I 403
Молодцов, М. Н., художник — I 503
Молодцова, Елена Дмитриевна — I 374
Молодчий, Александр Игнатьевич — I 29; II 279
Молотов, Вячеслав Михайлович — I 619; II 9
Молчанов, Иван Никанорович — I 409, 528; II 614
Молчанов, Константин Михайлович — I 448
Мольер, Жан Батист — II 350
Момыш-Улы, Баурджан — I 79—81; II—503
Монастырский, Борис Григорьевич, II 666, 667
Монтескье, Шарль Луи — II 137
Моор (Орлов), Дмитрий Стахиевич—II 202
Мопассан, Ги де — II 22, 137
Моран, Рувим Давидович — II 357
Мордовцев, Даниил Лукич — I 422
Морель, Феликс, член агитвзвода — II 247
Морковкин, А. Е. —I 564, 582
Морозов, Александр Федорович — I 616
Морозов, В. В., художник — I 14
Морозов, В. И., батальонный комиссар — II 490
Морозов, Дмитрий — I 587, 601
Морозов, Павел Федорович — I 488
Морозов, нач. особого отдела — II 58
Морской, Лев — см.: Осипов, Л. О.
Морятов, Ю. Н.— I 564
Москвин, Николай Яковлевич — I 295, 301, 302, 442, 443
Московский, Василий Петрович — I 344, 349
Мотовилин, Степан Максимович — I 518
Моторный, бриг. комиссар — II 391
Моцарт, Вольфганг Амадей — II 415, 418, 421, 422, 427
Мочалов, Михаил Алексеевич — II 371
Мстиславский, Сергей Дмитриевич — I 10
Мугуев, Хаджи Мурат — I 287, 298; II 99
Мударрисов, Шариф, красноармеец — I 365
Мужецкий, радист — II 60
Мулдагалиев, Джубан — I 351
Муравей, С.— I 567, 574
Муравьев, Алексей Тимофеевич — II 14
Муравьев-Апостол, Матвей Иванович — I 477
Муссолини, Бенито — I 19, 268, 341, 446, 459, 531; II 441, 442
Мустафин, Рафаэль Ахметович — II 576
Мусьяков, Павел Ильич — I 6, 322, 324, 487, 489; II 39, 41
Муха Иван — см.: Иванов В. М.
Мухамедьяров, батальонный комиссар — II 502
Мухин, врач — II 122
Мухин, Иван, писатель — I 327
Мухина (Шерстнева), Лидия Васильевна — II 557
Мысенков, Василий, сержант — I 378, 396

Мысов, мл. лейт.— II 66
Мышанский, Иван Иванович — I 377
Мюллер, Рената — I 263, 264
Мюссе, Альфред де — I 107

Нагибин, Юрий Маркович — I 296, 298, 301, 537
Назиров, Бакий Гаттаулович — II 590
Найда, Сергей Федорович — II 20
Наполеон I Бонапарт — I 34, 80, 251, 254—262, 264, 368, 392, 412, 528, 550; II 13, 583
Нариньяни, Семен Давыдович — I 444
Наровчатов, Сергей Сергеевич—I 351, 355
Нарымбетов, Абдулхамит Кубанович — II 502
Насыпов, Миргазьян, помкомвзвода —I 361
Наумов, Михаил Иванович — II 504—508
Наумов, Сергей, летчик — II 674
Наумов, мл. лейт.— I 37, 45, 47
Нахимов, Павел Степанович — II 42, 618
Находкин, А., гв. майор — I 358
Находкин, Иван А.— I 358
Находкина, Тамара А.— I 358
Невдачин, Аркадий Александрович—II 14
Негинский, ст. лейт.— I 311, 315
Негода, Алексей Иванович — II 368
Недзельский, Анатолий, повар — I 37, 43, 44
Некрасов, В. М. —см.: Волженин В. М.
Некрасов, Виктор Платонович — I 15, 30
Некрасов, Константин Федорович — II 207, 575
Некрасов, Николай Алексеевич — I 51, 364, 448
Неменский, Борис Михайлович — II 431
Немчин, секретарь РК ВКП(б) — II 318
Непомнящий, студент, друг С. Гудзенко — I 89
Непринцев, Юрий Михайлович — II 607
Нестеров, ст. сержант — I 364
Неустроев, Степан Андреевич — II 365, 368
Нехода, Иван Иванович — I 299, 301, 310, 312, 318, 321, 322, 416
Нечаев, Александр Николаевич — I 475, 477
Нечаев, Вячеслав Петрович — I 6, 308, 319, 331; II 13, 19, 597, 603, 613
Нечаев, Г.— I 588
Нечетов, Максим, ст. политрук — I 526
Нидзе, Михаил Борисович — I 374, 376, 379
Нижний, капитан — II 262
Никиреев, гв. капитан — II 296—298
Никитенко, Тимофей — I 303
Никитенко, командир батереи — II 52, 56, 58
Никитин — см.: Никитченко
Никитушкин, Николай, военкор — I 397, 402, 404, 405
Никитченко, партизан — II 382, 400, 401, 403, 404, 406
Никифоров, Александр, сотрудник газ. «Боевой призыв» — II 259, 265, 270
Никифоров, В., поэт — I 402
Никкель, Генрих — II 456
Николаев, А. А., зам. командира 4 див. НКВД — II 403, 406
Николаев, комиссар — I 272
Николаев, работник Сталинград. тракт. завода—II 173
Николаев, товарищ М. А. Гершензона — II 124
Николаев, учитель — I 617
Николаев — II 65
Николаева (Волянская), Галина Евгеньевна — I 121, 123, 422; II 7
Николай I — II 375
Никольский, А., ефрейтор — I 365
Никольский, ст. сержант — I 318
Никулин, Лев Вениаминович — I 289, 295, 298, 363; II 665
Нилов, Григорий Родионович — I 411, 501
Нисский, Георгий Григорьевич — I 71
Новиков, Михаил Федорович — II 47
Новикова, Лёля, санитарка — II 176, 178
Новиков-Прибой, Алексей Силыч — I 411, 412, 417; II 205, 206
Нович (Файнштейн), Иоанн Савельевич — II 9
Новогрудский, Герцель Самойлович — I 519
Новожилов, мл. сержант — I 614
Новоселов, Николай Дмитриевич — I 12, 467, 468, 473
Нольде, Валерия Михайловна — I 247
Номоконов, Семен, снайпер — I 356
Носков, капитан — II 364
Нусинов, Исаак Маркович — I 322

Обрант, Аркадий Ефимович — II 246
Обухов, Виктор Тимофеевич — II 289
Обыдена, Анна Ивановна — II 574, 589
Овечкин, Валентин Владимирович — I 520
Овчаренко, политрук — II 402, 403, 408
Оганесян, Русет Оганесович — I 520
Огарев, Николай Платонович — II 94
Оглоблина, Зинаида Васильевна — II 250, 251
Огнецвет (Каган), Эди Семеновна — I 408
Огудин, А.— I 589
Одиноков, Петр, зенитчик — I 517
Одрин — II 64—66
Озеров, Лев Адольфович — I 287, 296
Ойслендер, Александр Ефимович — I 516
Ойфа, Петр Наумович — I 6, 467, 475, 477, 478, 480, 485, 486
Окаемов, Александр Иванович — II 100
Окс, Татьяна— см.: Сытина, Т. Г.
Оксамит, врач— II 403
Окулов, Я. Г., ред. газ. «За советскую Родину» — I 471
Олевский, Борис Абрамович — II 477
Олендер, Петр Моисеевич — I 273, 610
Оленев — II 64
Олехнович, разведчик — II 61
Олеша, Юрий Карлович — II 453
Олифиренко, И.— I 564
Ольхович, Александр Куприянович — II 379, 380, 387—389
Ольхович, Федора Павловна — II 380
Омельченко, капитан — II 131
Онилова, Нина Андреевна — II 654
Орджоникидзе, Григорий Константинович — II 217, 300

Орджоникидзе, Зинаида Гавриловна — II 300
Орехова, Т. И., жительница г. Ржева — II 192
Орешко, Степан Гаврилович — II 365
Орлов, Александр Дмитриевич — II 378, 380, 381, 392—394, 396—400, 406
Орлов, Дмитрий Николаевич — I 408, 413
Орлов, Николай, замученный фашистами в г. Могилеве — I 354
Орлов, Николай Иванович — II 101, 102
Орлов, Павел Иванович — II 513
Орлов, Сергей Сергеевич — II 7
Орлов, снайпер — II 666, 667
Орловский, Иван Иванович — II 47, 624
Ортенберг, Давид Иосифович (псевд.: Вадимов) — I 6, 248, 271, 275, 283, 292, 294, 303, 605; II 163, 172, 173, 179
Осенин, Владимир Самсонович — I 460
Осечкин, Петр Григорьевич — II 62
Осипенко, писарь — II 569
Осипов, Лев Осипович (псевд.: Лев Морской)—I 463; II 230
Осипов, Яков Иванович — II 63
Оссиетц, «астролог» Гитлера — I 261, 262
Останин, танкист — I 416
Остров, Дмитрий Константинович — I 467, 474, 475, 477, 478, 481, 482, 485, 486
Островой, Сергей Григорьевич — I 299, 411, 528; II 614, 615
Островский, Арсений Георгиевич — I 467, 471, 477, 478, 484
Островский, Николай Алексеевич — I 364
Острогорская, Вера Давыдовна — II 430, 468, 469, 471, 474—476
Остужев, Александр Алексеевич—I 441, 442
Оттен, Николай Давыдович — II 232—234
Ошанин, Лев Иванович — I 321, 322, 324; II 319, 330, 665

Павленко, Петр Андреевич — I 10, 17, 274, 282, 286, 288, 291, 297, 302, 303, 413, 417, 520; II 271—273, 277, 283, 297—299
Павлов, Константин Павлович — I 344, 349
Павлов, Николай Александрович — II 215
Павлов, военком — II 53
Павлов, мл. лейт.— II 177
Падушкин (правильно: Падошкин), Леонид Павлович — II 20
Пакин, Борис Григорьевич — II 412, 435, 436, 438—440
Палатко, Мария — I 577
Палийчук, Борис Дмитриевич — I 374, 376, 377, 379—382, 387—390, 392, 394, 396
Пальгунов, Николай Григорьевич — I 451
Панихин, Д. И., подполковник — II 172
Панков, корректировщик — II 54, 58, 67
Панкратов, Василий Александрович— II 256, 265, 267, 269, 270, 687
Панов, Николай Николаевич (псевд.: Корней Эсминкин)—I 511, 513—515, 518
Панова, Вера Федоровна — I 30; II 68
Пантелеев, Юрий Александрович — II 67
Пантелеев, разведчик — II 535, 536
Пантелеенко, Николай Кириллович — I 633
Панферов, Федор Иванович — I 274, 276, 287, 296, 298, 391
Панферов, снайпер — I 311
Панфилов, Евгений Андреевич — I 467, 473, 474, 478, 480, 482
Панфилов, Иван Васильевич — I 304; II 503
Панфилов, ст. политрук — II 38
Панченко, Пимен Емельянович— I 320, 324, 387, 416, 501, 502, 507, 508
Панченко, боец — II 110—114
Папанин, Иван Дмитриевич — II 198, 199, 203, 204, 226
Паперник, Лазарь Хаимович — I 83
Парфентьев — II 52
Парцалиду, Авра — II 546
Пастер Луи — I 268, 423
Пастернак, Борис Леонидович — I 299, 301; II 7, 80, 81, 117, 120, 202, 418, 476
Пастоногов, Константин Константинович — II 554
Пасынок, Макар (Коган, И. И.) — I 461
Паулюс, Фридрих — I 531, 547, 549, 550; II 428
Паустовский, Константин Георгиевич — I 266, 295, 296, 298, 413, 423, 424; II 412
Пахомов, Александр Иванович — II 135,
Пахомов, Алексей Федорович — II 251, 147, 149, 151
Пачковский, Михаил Антонович — II 365
Пашкевич, Григорий Захарович — II 436
Пашко, Григорий Касьянович II — II 436
Пегасов, директор трансторгпита г. Ржева — II 192
Пекерман, Илья Михайлович — I 529; II 255, 267
Пельцер (Чумакова) Нина Васильевна — II 223, 224
Пенза, майор — II 9
Пенцак, Михаил (?) Давидович — II 398
Первенцев, Аркадий Алексеевич — I 295, 328
Первомайский, Леонид (Первомайский-Гуревич, Илья Шлемович) — I 292, 312, 377, 411, 416, 422
Пергамент, Александр Викторович — II 230, 232, 239
Перльмуттер, Лазарь Борисович — II 573, 587, 586
Пермский, Б. А., капитан 2 ранга — II 59
Перцов, Виктор Осипович — I 322, 328; II 664
Перчук, Сергей Львович — I 468—470
Петефи, Шандор — II 350
Петлюра, Симон В.— II 375
Петлюра, водитель — II 160, 161, 164, 179
Петляков, Владимир Михайлович — II 48
Петр I — II 26, 206, 291, 619

Петренко, командир взвода разведки — II 105
Петреску, румынский офицер — II 63
Петров, Алексей Иванович — I 518
Петров, Андрей Александрович — I 515, 518, 519
Петров, В. М., сержант — I 581
Петров, ~~Григорий Акимович~~ — II 10, 11
Петров, Евгений Александрович — I 526
Петров (Катаев), Евгений Петрович — I 18, 36, 277, 293, 294, 305, 413, 416, 501, 502; II 624—628
Петров, Иван Ефимович — II 59—62, 64, 66, 648, 649, 652—654
Петров, Михаил Петрович— II 164, 179
Петров, Николай Филиппович — I 626
Петров, ездовой — II 632
Петров, краснофлотец — II 52
Петров, предатель, бывший полковник— II 320, 322
Петров, художник — II 82, 85, 86
Петрова, Валентина — I 346
Петрова, Вера Ефимовна — I 6; II 618—623
Петрович, Алексей — II 323
Петрович, Мария — II 323
Петровский, санитар — II 60
Петрусов, Георгий Григорьевич — I 48, 49
Пехотин, лейт. — II 580
Пецлер, Гейнц — II 286
Пешехонов, партизан — II 54
Пёюсти, Вейкко — I 559
Пик, Артур — I 548
Пик, Вильгельм — I 542, 543
Пилипенко, Дмитрий, колхозник с. Леплява — II 406
Пильник, Борис Ефремович — II 524
Пилюгин, режиссер — II 230
Пименов, мл. лейт.— I 614
Пинязик, Василий, предатель — II 329
Пироженко, Матвей, наводчик — II 171
Писарев, К., мл. лейт.— I 628
Пискунов, интендант 2 ранга — II 434
Пичугин, Афанасий Маркович — II 654
Плаксий, красноармеец — I 364
Платонов, Андрей Платонович — I 296, 297, 300—302, 304
Плескачевский, Лев (Лазарь Иудович) — I 349, 360
Плеско, Александр Васильевич — I 501, 514, 515
Плеходанов, Алексей Дмитриевич — II 365
Плешкова, Татьяна Лавровна — II 198, 200, 203, 204
Пливье, Теодор — I 551
Плоткин, Григорий Давыдович — I 321
Плотнов, Андрей Иванович — I 455
По, Эдгар Аллан — II 216
Побережняк, морской пехотинец — II 46, 64—66
Побияко, полковник — I 625, 626
Погодин (Стукалов), Николай Федорович — I 330; II 217
Погодин, лейт.— II 298
Погорелов, Александр, партизан, позднее дезертир—II 380, 381, 394, 397, 400
Поденщиков, Николай офицер (?) — II 352
Подрезов, Д. А., нач. политотдела — I 469, 476
Пожарский, Дмитрий Михайлович — I 412
Поженян, Григорий Михайлович — I 502; II 7, 65
Позднов, радист — II 334
Поздняев, Константин Иванович — I 532
Поздняков, И., красноармеец — I 365
Покрышкин, Александр Иванович — II 538
Полевой, Борис (Кампов-Полевой, Борис Николаевич) — I 12, 30, 305, 309, 418; II 418, 516
Половников, Алексей Павлович — I 425
Полонский, Самуил Владимирович — II 629
Полынцев, В. — I 564
Поляков, Александр Филатович — I 287, 303
Поляков, Владимир Соломонович — I 320, 323—326
Поляков, Иван Акимович — I 374
Поляков, Михаил — I 481—483
Поляков, Михаил Иванович — I 453
Поляков, Сергей, наводчик — I 286
Поляков, автоматчик — II 576
Поляков, моряк-разведчик — II 64
Поляков, парикмахер — II 67
Поляновская-Севрук, Серафима Леонидовна — I 6; II 664—666, 668, 669
Поляновский, Макс Леонидович — I 320, 321; II 664
Полянский, Виктор — I 406
Поневежский, Аркадий Сергеевич—II 52
Пономарев, Николай Максимович — II 485
Пономаренко, подполковник —II 567
Пономарчук, сержант — II 60
Поночевный, Федор Мефодьевич — I 516
Попков, Петр Сергеевич — II 612
Попов, Владимир — I 356
Попов, Иван, партизан — II 497
Попов, Маркиан Михайлович — II 417
Попов, Петр Петрович — II 198, 199, 203, 204
Попов, батальонный комиссар — II 402, 403, 407, 408
Попов, подполковник — II 561
Попова, Людмила Михайловна — I 428
Поповкин, Евгений Ефимович — I 526
Попугайло, Самоил, замполит — I 622
Попудренко, Николай Никитич — II 263
Портнов, Виктор Дмитриевич — II 436
Портнов, И. Н.— I 563, 564, 572, 573
Поспелов, Петр Николаевич — II 200, 208
Постоловский, Марк, сотрудник газ. «За Родину» — 665
Потапов, Николай Семенович — I 377
Потапов, полковник — II 38
Походзеев, Георгий Антонович — II 284, 295—299
Поцелуйкин, слесарь — II 173
Почтальон, ст. машинист — II 52
Пошехонов, Всеволод Ефимович — I 484

Преображенский, Евгений Николаевич — II 26, 29
Преображенский, Сергей Николаевич — I 305; II 576
Пржецлавский, А., художник — I 453
Пришвин, Михаил Михайлович — I 298, 413, 418
Провалов, Константин Иванович—II 130
Провоторов, Виктор Николаевич — II 365
Прокофьев, Александр Андреевич — I 130, 299, 301, 308, 313, 427, 428, 430, 431, 553, 625, 626; II 45, 670
Прокофьева, Зинаида Алексеевна — II 134, 135
Пролеткин, Александр — II 534, 535, 538
Променовская, комсомолка-партизанка — II 325
Пророков, Борис Иванович — I 399—402, 404—406, 463, 466, 558
Проценко, Виктор Трофимович — II 333, 337—345
Проценко, ст. сержант — I 311
Прудников, Иван Николаевич — II 379, 387
Пруст, Марсель — II 24
Прыгунов, Иван, боец — II 368
Прянишников, Илларион Михайлович— I 368
Пташкин, Павел, комсорг полка— I 473
Пузин, Алексей Александрович — II 651
Путрик, Степан Григорьевич—II 436, 439
Пухов, Николай Павлович — II 564
Пушкин, Александр Сергеевич — I 96, 104, 268, 325, 364, 395, 422, 423, 448, 484, 552, 554, 567; II 22, 137, 152, 291, 350, 418, 421, 445, 518
Пьяже, Жан — II 107

Радаков, А., художник — I 444, 452
Радиани (Щецирули), Шалва Дмитриевич — II 297
Радлов, Николай Эрнестович — I 451, 462
Радновские, еврейская семья в г. Пинске — II 270
Раевский, лейт.— II 412, 417, 430
Разумовская, Софья Дмитриевна — II 419
Ракита, Наум Самойлович — I 344
Раков, Григорий Иванович — I 538
Ралль, Юрий Федорович — II 24
Раскин, Александр Борисович — I 444, 445
Распопа, красноармеец — II 362
Распутин, Григорий Ефимович — I 261
Расскин, Арсений Львович — I 405
Ратманова, Елизавета, журналистка — I 296
Раусов, майор юстиции — II 454
Рахманов, Леонид Николаевич — I 18, 484
Рахтанов, Исай Аркадьевич — II 665
Рачада, Иван — см.: Зайцев И. Д.
Рачинский, лейт.— I 343
Ревякин, Василий Андреевич — II 382
Редько, Михаил — I 564, 565, 590
Резвова (Никонова), Тамара Дмитриевна — II 595
Резников, Павел Ефимович — II 489
Резниченко, Абрам Исаакович — I 392
Резчиков, Петр Иванович — II 54, 56, 58, 62, 63
Рем, Эрнст — I 256
Ренн, Людвиг — I 552
Репин, Илья Ефимович — II 162
Реутов, Дмитрий А. — II 513
Реухов, мл. командир — II 177
Решетников, Леонид Васильевич — I 411
Решетников, Федор Павлович — I 491, 495, 500, 505—507; II 40
Решетов, Александр Ефимович — I 430, 484; II 25
Ржевская, Елена Моисеевна — II 180, 181, 186, 187, 191
Рза, Расул — I 520, 521
Рзаева, Нигяр — I 521
Риббентроп, Иоахим, фон — I 446
Ривкин, Семен Соломонович — II 177
Рид, Томас Майн — II 207
Ризо, начальник полиции ст. Дно — I 603
Римский-Корсаков, Николай Андреевич— II 58
Рискин, Роберт — II 421
Рогов, Иван Васильевич — II 62, 235, 237, 239
Рогов, А., батальонный комиссар— II 592
Роден, Огюст — II 228, 229
Родимцев, Александр Ильич —I 610, 611; II 170, 172—174, 272, 276
Родионов, Николай Ильич— II 573, 587
Родионов, Ярослав Иванович — I 517
Рожанский, Иван Дмитриевич — I 538
Рождественский, Всеволод Александрович — I 6, 135, 409, 430
Рожков, связист — II 362
Розанов, Всеволод Михайлович — I 537
Розен, Александр Германович—I 428
Розенберг, Альфред — I 421
Розенкнол, Нина Александровна — II 569
Розенфельд, Михаил Константинович — I 274, 294, 322, 374, 375, 377, 378, 411
Рокоссовский, Константин Константинович—I 343, 354, 362, 373, 423; II 417
Роллан, Ромен — II 218, 228, 271, 421, 422, 677, 678
Ром, Яков Моисеевич — II 98, 99
Романенко, Д. И. — II 635
Романов, Павел Михайлович — II 14
Романчев, ст. лейт.— I 614
Ромм, Александр Ильич — I 320, 322, 324, 326, 416; II 33, 37, 40
Роммель, Эрвин — I 531, 540; II 118
Росина (Шифрина), Розалия Сергеевна — II 82, 83
Роскин, Александр Иосифович — II 82, 83
Ротай, Д. П.— I 564, 566, 577
Ротмистров, Павел Алексеевич — II 288, 289, 296
Рохи, нач. гарнизона — II 420
Рохович, Александр Ильич — I 444, 445, 461
Рошаль, Григорий Львович — II 198
Рощин, житель г. Ржева — II 192
Рубинштейн, Лев Владимирович — I 17
Рубинштейн, писатель — II 420
Рубинштейн, хирург — II 582
Рубленко, Анатолий Кузьмич — II 361, 372

Рубленко, Григорий Кузьмич—II 361, 372
Рубцов, подполковник — II 654
Рубцова, колхозница — II 167
Рудаков, Василий Степанович — II 12
Руденко, Н., артиллерист — I 404
Руденко — II 62
Рудерман, Михаил Исаакович — I 287; II 665
Руднев, Василий, боец — II 368
Руднев, Даниил Маркович — II 206
Руднев, Семен Васильевич — II 543—545
Руднева (Фейгельман), Любовь Саввишна — II 648
Рудный, Владимир Александрович— I 6,267, 397, 399, 402, 403, 405, 406, 503, 519, 558; II 21, 29, 195, 473, 481
Рудь, Николай Данилович — I 310, 314
Рузвельт, Франклин Делано — I 28, 252, 268, 423; II 361, 461
Рулев, боцман — II 64—66
Румянцев, Николай Дмитриевич — II 588, 589
Рунин (Рубинштейн), Борис Михайлович — II 417
Русаков, Алексей, старшина — I 565
Русских, А. И., автор очерка о М. Джалиле — II 591
Руссо, Жан Жак — II 137
Ручий, Иван, краснофлотец — I 517
Рыбак, Натан Самойлович — I 292, 301, 302
Рыбаков, Григорий Михайлович — II 24, 604
Рыбалко, Павел Семенович — I 273
Рыбасов, Александр Петрович — I 467, 474, 486
Рывина, Елена Израилевна — I 427, 429, 431; II 232
Рыженков, батальонный комиссар—II 582
Рыжиков, боец — II 268
Рыклин, Григорий Ефимович — I 302, 304, 392, 604
Рыленков, Николай Иванович — I 416
Рыльский, Максим Фаддеевич — I 422, 423
Рюмкин, Яков Ильич — II 515
Рюти, Ристо — I 557, 560
Рябуха, Иван Моисеевич — II 318
Ряжский, Георгий Георгиевич — I 338
Ряховский, Василий Дмитриевич — I 490, 491, 501, 502, 508; II 40

Сааков, Григорий, ереванец-ботаник — I 538
Сабашников, лейт.— I 448
Саблин, Андрей Всеволодович — II 300
Саблин, Владимир Михайлович — II 300
Саблин, Всеволод Владимирович — II 300—305, 330
Саблин, Евгений Сергеевич — I 519
Саблин, Михаил Алексеевич — II 300
Саблин, Николай Алексеевич — II 300
Саблина, Надежда Тимофеевна —I 6; II 301, 303, 305, 307, 313, 321, 330
Сабодаш, капитан — II 318—320, 322, 327, 330
Савельев (Говберг), Савелий Александрович — I 18, 344, 349, 367
Савельев, батальонный комиссар — II 122, 124
Савенко, Федот, повар — II 575
Савина, Мария Гавриловна — II 216
Савицкая, Мария, машинист компрессора — I 364
Савицкий, Владимир Илларионович — II 361, 362, 371
Савицкий, Георгий Константинович — I 444, 451, 461
Савич, Овидий Герцович — I 287
Савушкин, Андрей — I 356
Савчук, офицер — II 170
Сагайдачный, руководитель театра муз. комедии (Иркутск) — II 222
Сагалович, Макс Владимирович — I 123
Сагитов, Саит (Александр) — II 365
Садовский, Александр Львович — I 428
Садыков, Мухамед Фаттыхович — II 436
Сажин, Петр Александрович — I 422, 502, 507; II 40
Сазонов, Анатолий Николаевич — II 569
Сазонов, Н. П. — 564, 567
Сазыкин, комиссар рабочего батальона — II 171
Салик, артиллерист — II 51
Салимов, пулеметчик-зенитчик — II 580
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович — I 422, 566; II 22, 116, 327
Салынский, Афанасий Дмитриевич — I 362
Сальери, Антонио — II 421
Сальников, Андрей Иванович — I 492; II 40, 52
Самарин, мастер ремесленного училища — II 246
Самойлов, И. Л.—см.: Фейнберг, И. Л.
Самойлов, Лев Самойлович — I 463—465; II 13, 26, 601
Самойлов, бронебойщик — I 383
Самойлюк, ст. лейт.— I 360
Самотыков, Василий Спиридонович — II 12
Самсонов, боцман — II 345, 346
Санжеев, Тогон, снайпер — I 356
Санников, Григорий Александрович — I 6, 410, 462; II 614—616
Сапиженко, Владимир — I 564, 572
Сапожников, А., художник — I 456
Сапожников, Григорий — II 65
Сапожников, Борис Григорьевич — I 535
Сараев, Александр Андреевич — II 170
Сараева, Лидия Сергеевна — II 593
Сарасате, Пабло Мартин — II 250
Сарафанников, житель г. Ржева — II 192
Сарджеваладзе, боец — II 110, 115, 119
Саркисян, Перч Ашотович — II 446, 456—460
Сарсе, Франциск — II 207, 233
Сафаров, врач (?) — II 459
Сафонов, Борис Феоктистович — II 512, 513
Сахновский, Исаак Давидович — I 515
Саховалер, студент, друг С. Гудзенко — I 89
Сашин, Ян (Сашин-Левин, Яков Александрович) — I 324, 507, 509; II 40, 52
Саянов, Виссарион Михайлович — I 17, 302, 313, 397, 427, 428, 431, 553; II 45, 515

Сборщиков, Виктор Григорьевич — I 538
Свердлов, Яков Михайлович — I 358
Сверушев, мл. лейт. — II 61
Сверчков, гв. ст. батальонный комиссар — I 608
Сверчков, нач. управления немецкой охраны г. Смоленска — II 185
Светлов, Михаил Аркадьевич — I 13, 15, 28, 286, 287, 293, 296, 303, 310, 314, 339, 347, 348, 350, 351, 408; II 7, 206, 207
Светляков, гв. лейт.— II 297, 298
Светцов, Владимир Никитич — II 258, 270, 687
Свиридов, Георгий Васильевич— II 216
Свиридов, Павел Ефимович — II 440, 454
Свиридовский, Владимир Семенович — II 58
Свирин, Афанасий Матвеевич — II 170
Свистунов, Иван Иулианович — I 362
Свифт, Джонатан — II 137, 156
Сгибнев, Петр Георгиевич — II 513
Севрук, Андрей Юрьевич — II 669
Севрук, Олег Юрьевич— II 669
Севрук, Юрий Поликарпович — II 664, 665, 668, 669
Седельников, Анатолий Васильевич — II 497, 500
Сеитов, Сагингали — I 351
Сейфуллина, Лидия Николаевна — I 298, 413, 417
Секар, Евгений — II 81, 83, 86, 87
Секунда, соседка Казакевичей по квартире — II 416, 417
Селезнев, Гаврила Григорьевич — II 177
Селезнев, Константин Львович — I 535
Сельвинский, Илья-Карл Львович — I 295, 299, 312, 320—322, 326, 327, 416, 520—522
Семашко, Григорий Макарович — II 24
Семенов, Валентин Гаврилович — II 557
Семенов, Григорий, летчик — I 402
Семенов, Константин Дмитриевич — I 518
Семенов, Мануил Григорьевич —I 531; II 665
Семенов, Сергей Александрович — I 467, 470, 471, 476, 477, 480, 482, 483, 486
Семеренко, майор — II 446
Серафимович (Попов), Александр Серафимович — I 298, 358, 383; II 518
Сергеев, Сергей Михайлович — II 47, 48
Сергеев, товарищ Казакевича по 4 КЗСБ — II 436
Сергеев-Ценский, Сергей Николаевич — II 207
Сергиенко, капитан — II 176
Серебряков, Владимир Алексеевич — II 584, 587
Серебряков, Г., разведчик — I 630
Серегин, водитель — II 268
Середа, мл. лейт. — II 281
Середавкин, работник газ. «На боевой вахте» — II 12
Серов, Владимир Александрович — I 629
Сесько, Василий Николаевич — II 403, 406
Сивков, Иван Михайлович — I 322
Сигов, Ф., художник — I 368
Сиделев, гв. старшина — I 607
Сидельникова, Татьяна Николаевна — I 451
Сидоренко, Николай Николаевич — II 148, 157
Сидоров, наводчик — II 632
Сидоров, полковник — II 467
Сидякин — II 318
Сикорский, Сергей Иванович — II 497, 500
Сильвестр, Григорий, моряк — II 65
Симон, Андре — II 201, 202
Симонов, Константин (Кирилл) Михайлович — I 6, 8, 15, 18, 22, 23, 26, 53, 58, 61, 65, 271, 272, 275, 276, 280, 281, 284—287, 290, 291, 294, 297, 301—303, 312, 322, 330, 337, 346, 360, 411, 418, 419, 444, 552; II 7, 14, 32, 33, 40 120, 132, 133, 270, 323, 327, 330, 366, 515, 664
Симоняк, Николай Павлович — I 405
Синельников, Александр Георгиевич — I 443
Синицын, комендор орудия — II 55
Синичкина, Лидия Николаевна — II 629, 630, 635—637
Синцов, Петр Васильевич — I 515, 518
Сиротко, Михаил, гл. ред. Руденской подпольной типографии — II 327, 328
Ситковецкая, Майя Михайловна — I 303, 433; II 128, 638
Ситковский, Аркадий Ильич — II 9
Ситнов, Валентин Егорович — I 615
Ситягин, шофер — II 60
Скакун, ст. лейт.— II 171
Скворцов, Николай Васильевич — II 524
Скибо, комсомолец — II 51
Склокин, Дмитрий Васильевич — II 24
Скляренко, Семен Дмитриевич — I 520
Скосырев, Петр Георгиевич — II 259
Скрипников, Пантелеймон Терентьевич (псевд.: П. Журба) — I 477
Скрылев, Василий, поэт-краснофлотец — I 463—465
Скрыпник, Василий Иванович — II 382, 403, 404, 406, 408, 411
Славентантор, Давид Евсеевич — I 428
Славин, Лев Исаевич — I 18, 283, 284, 287, 303, 321, 322, 328
Слипко, Иван, сотрудник газ. «Боевой призыв» — II 687
Слободской, Морис Романович — I 310, 313, 316, 321, 323, 324, 410, 444, 445
Слонимский, Михаил Леонидович — I 18
Слонимский, Юрий Иосифович — I 467, 477, 480, 485
Слонов, Юрий Михайлович — I 502
Слуцкий, Борис Абрамович — I 537
Смертин, лейт.— I 416
Сметанин, А.— I 593
Смирнов, Борис, моряк— II 64
Смирнов, В., поэт-гангутец — I 404
Смирнов, Валентин Анатольевич — I 140, 141
Смирнов, Василий Александрович — I 620
Смирнов, Н. В., капитан — II 399, 400
Смирнов, Николай Константинович — II 24, 239
Смирнов, Сергей Сергеевич — I 304

Смирнова, Вера Васильевна — II 664
Снарядкин, Андрей—см.: Железнов, П. И.
Снегин (Поцелуев), Дмитрий Федорович — I 411
Снегин, боец-коммунист — I 340
Собко, Вадим Николаевич — I 321, 322
Соболев, Леонид Сергеевич — I 17, 30, 293, 328, 330, 337, 410, 411, 463, 501, 502; II 10—12, 14, 26, 45—47, 51, 66, 67, 195—197, 199—201, 203
Соболева, Ольга Ивановна — II 203, 204
Соболевский, Е., писатель — II 13, 26
Соболь, Марк Андреевич — I 351
Соботка, Густав — I 542, 543
Сойфертис, Леонид Владимирович — I 324, 495, 506; II 40, 52
Сокол, краснофлотец — II 60
Соколенко, Александр Степанович — I 499, 507, 509; II 41, 57, 61, 65
Соколов, Василий Васильевич — I 466; II 24
Соколов, Николай Александрович — см.: Кукрыниксы
Соколовский, Александр Владимирович — II 368
Соколов-Скаля, Павел Петрович — I 444—446, 450—452, 454, 458
Сокур, Петр Трофимович — I 398
Солдатенко, Андрей Захарович — II 687
Солдатов, капитан — II 394
Солнцев, ополченец — II 84
Солнцева, Юлия Ипполитовна — I 6, 163, 165
Соловейчик, Лев Исомерович — I 95, 602
Соловцев, В., кинорежиссер — II 213
Соловьев, Виктор, мальчик-партизан — II 278, 299
Соловьев, Владимир Александрович — I 287, 301, 304, 356, 371, 372
Соловьев, Владимир Филиппович — II 557
Соловьев, Георгий, партизан — II 278
Соловьев, Леонид Васильевич — I 330
Соловьев, Михаил Михайлович — I 459
Соловьева, Антонина, девочка-партизанка — II 278
Соловьева, Зоя, девочка-партизанка — II 278
Соловьян, Вера — I 538
Солодарь, Цезарь Самойлович — I 310, 410
Солодкий, гв. лейт.— I 611
Солома, краснофлотец — II 66
Соломянская, Лия Лазаревна — II 392, 403, 405, 408
Солянинков, слесарь, начальник цеха — II 173
Сомиков, лейт.— II 635
Сомова, секретарь Тракторозаводского райкома г. Сталинграда — II 170
Сопеловы, жители дер. Леоново — II 182
Сорока, партизан — II 326
Сорокин, Захар Артемович — II 513
Сорокин, секретарь ред. газ. «На боевой вахте» — II 10, 12, 14, 20
Сорокин, Семен Егорович — II 365
Сорокин, помкомвзвода — I 476
Сорокопуд, Игнат Терентьевич — II 382, 405—408, 411
Сослани, Шалва — II 412
Сосновский, краснофлотец — II 51
Сотников, Петр, фотокорреспондент — II 258, 264, 265, 267, 270
Сотников, лейт.— I 303
Софронов, Георгий Павлович— II 64, 66
Сохин, Михаил Степанович — II 517
Спасский, Сергей Дмитриевич — I 430, 462, 467, 474, 486
Спидченко, Константин Иванович —II 436
Спиров, Михаил Павлович — I 410
Ставский (Кирпичников), Владимир Петрович — I 17, 274, 287, 413, 418; II 203, 542, 572
Стадник, Карп, кочегар — II 57
Стадник, К., боец — I 402
Сталин, Иосиф Виссарионович — I 22, 73, 74, 175, 183, 274, 276, 277, 280; II 139, 167, 199—201, 226, 232, 238, 320, 327, 376, 451, 477, 492, 531, 566, 580, 589
Староверов, Алексей, сын партизана — II 263
Староверова, старуха-партизанка из с. Волкова — II 262
Сташкевич, Георгий — I 592
Стельмах, Анатолий, старшина — II 362
Стельмахович, В. А.— I 564, 566, 577
Стендаль (Бейль, Анри Мари) — II 421
Степанец, Андриан Алексеевич — II 381, 382, 401, 403, 405, 406, 408, 411
Степанец, Афанасия Федоровна — II 403—406, 411
Степанец, комсомолец — II 52
Степанов, Александр Николаевич — I 330
Степанов, бригадный комиссар — II 60
Степанова, Мария Ильинична — I 366
Стерн, Лоренс — II 156
Стецов, Григорий Дмитриевич — II 498, 499
Стивенсон, Роберт Льюис — II 207
Столяров, гв. полковник — II 440
Стоян, краснофлотец — II 52
Стреженко, мл. сержант — II 580
Стрелков, бронебойщик — I 384
Стрельников, Иван Тихонович — II 436
Стрельников, Степан Иванович — II 280
Стрельченко, Вадим Константинович — II 73, 79—81, 83, 85, 94, 98, 99, 103, 412, 614
Стрижак, Аким Варфоломеевич — II 14
Строкач, Тимофей Амвросиевич — II 507, 521, 541
Строков, Михаил, ст. политрук — I 526
Строковский, Николай Михайлович — II 507
Струков, Иван Иванович — II 12, 16, 17
Студников, Л., подполковник — I 82
Стулова, Елизавета Ивановна — II 249
Субботин, Василий Ефимович — I 12, 16, 267; II 358, 359, 363, 367, 369
Субоцкий, Лев Михайлович — I 330
Суворов, А., художник — I 453
Суворов, Александр Васильевич — I 398, 412, 448, 462; II 281
Суворов, Василий Филиппович — I 6; II 131, 194, 490, 560
Сукач, Яков Сидорович — I 398
Сун Ят-сен — I 494
Сунгурьян, Вартан (?), комиссар — I 507
Сурганов, Всеволод Алексеевич — II 45

Сурков, Алексей Александрович — I 8—10, 16, 17, 19, 20, 23, 51, 53, 101, 102, 272, 280, 281, 291, 294, 295, 298, 301, 302, 304, 310, 312, 313, 321, 323, 324, 331, 333, 334, 339, 341, 377, 390, 409, 410, 420, 531, 552; II 452, 664
Сурнин, Михаил, морской пехотинец — II 46, 65, 66
Суслов, Андрей Михайлович — II 569
Суслопаров, сотрудник газ. «Фронтовик» — II 364
Сутягин, Василий Яковлевич — II 12
Суханов, командир роты — I 610
Сухоруков, партизан — II 314
Сцепуро, Евгений Иванович — II 26
Сципион, Публий Корнелий (Сципион Африканский старший) — I 248
Сытина, Татьяна Григорьевна (псевд.: Татьяна Окс) — I 321
Сычев, комбат — II 632
Сьянов, Илья Яковлевич — II 365, 368, 371

Табачков, политрук — I 607
Табидзе, Тициан Юстинович — II 7
Таванцев, полковник — II 487
Тагиров, Айтигда — I 356
Тагор, Рабиндранат — II 518
Таиров, Александр Яковлевич — II 194, 197, 198, 206, 209—211, 213, 214, 218—223, 225, 227—232, 234, 237, 239, 240, 242
Талалаевский, Матвей Аронович — I 310, 314, 395
Талалихин, Виктор Васильевич — I 448
Таленский, Николай Александрович — II 276, 299
Тальма, Франсуа Жозеф — I 264
Танк, Максим (Скурко, Евгений Иванович) — I 364; II 136
Таннер, Вяйнё Альфред — I 557, 560
Танцюра, политрук — II 30, 35, 38, 39, 43
Тарарин, командир эскадрильи — II 334—337
Тарасевич, Дмитрий Иванович, врач, предатель — II 135, 148, 149, 151, 157
Тарасевич, Татьяна Дмитриевна — I 411
Тарасенков, Анатолий Кузьмич — I 14, 322, 401, 410; II 7—9, 13, 14, 19, 23, 25—29, 48, 52, 199—201, 203, 205, 206, 208, 597, 603, 664
Тарасенков, Дмитрий Анатольевич — II 23, 208, 412
Тарасов, Н., журналист — I 404
Тарасов, офицер (?) — II 294
Тарасов, полковник — II 170, 177
Тарковский, Арсений Александрович— I 310, 314, 317
Твардовский, Александр Трифонович — I 16, 17, 24, 27, 296, 298, 310, 313, 318, 320, 322, 368, 374, 375, 377—379, 382, 385, 392—396, 411, 417, 552, 563—583, 586, 588, 590—592, 599, 600, 601; II 7, 664, 669
Твердохлеб, Алексей Семенович—II 361, 362, 364
Тевелев, Матвей Григорьевич — II 212, 213
Телепин, Михаил, корреспондент —II 128
Телингатер, Соломон Бенедиктович — I 530
Телков, Федор Сергеевич — II 434
Тельман, Исаак Григорьевич — II 386
Тельман, Эрнст — 548
Темин, Виктор Антонович — I 53, 248, 275
Темирканович — см.: Кульчиев, М. Т.
Темчук, связист — II 61
Терентьев, Борис Михайлович — I 517
Терехин, Николай Васильевич — I 286
Терехов, капитан — II 60
Терешковский, Игнат, колхозник — II 286
Терещенко, батальонный комиссар — II 407
Терещенко, мл. сержант — II 61
Терновский, ст. лейт.— II 50, 52
Тертычный, Василий, сотрудник, газ. «За Родину» — II 665
Тимирязев Климент Аркадьевич — II 42
Тимофеев (Еропкин), Борис Николаевич — I 466; II 245
Тимофеев, Леонид Иванович — II 665
Тимофеев, танкист — I 416
Тимохин, комиссар партиз. бригады — I 604
Тимошенко, Семен Константинович — II 200
Тимошенко, лейт.— II 54
Титаренко, разведчик — II 61
Тито (Броз-Тито), Иосип — I 351
Титов, Никифор (?) Прокофьевич — II 155
Титов, Ярослав Викторович — I 456
Титова, Галина, сандружинница — II 178
Тихомолов, Борис Ермилович — II 490 —493
Тихонов, Иван Евлампиевич — II 12
Тихонов, Николай Семенович — I 6, 8, 10, 14, 15, 121, 251, 253, 274, 281, 282, 284, 286, 287, 289, 290, 292—294, 297, 299, 301, 302, 305, 313, 328, 330, 397, 419, 427, 428, 430, 501, 553, 608, 620—631; II 7, 25, 29, 45, 120, 230, 272, 664
Ткачев, журналист — I 374
Ткаченко, офицер — II 83
Тоболяков, Владимир Николаевич — I 467, 477, 478, 486
Товаченко, гв. подполковник — I 608
Тоидзе, Ираклий Моисеевич — I вклейка, между 4 и 5 стр.
Токарев, Михаил Федорович — II 665
Токарев, Федор Васильевич — II 26
Токмагамбетов, Аскар — I 351
Толстая-Есенина, Софья Андреевна — I 633, 634; II 162—164, 179
Толстой, Алексей Константинович — I 369, 422
Толстой, Алексей Николаевич — I 10, 15—18, 28, 277, 278, 281, 284, 288, 294, 295, 301, 303, 328, 329, 383, 397, 408, 409, 484, 604, 605, 630
Толстой, Лев Николаевич — I 34, 268, 285, 292, 364, 421—423, 633; II 137, 156, 161—163, 165, 199, 350, 609, 616, 678
Толчинский, Борис Александрович — I 526

Томин, Валентин Романович — I 443
Топоровская-Бляхина, Хана Соломоновна — I 6; II 255—257, 267
Топчий, партизан (?) — II 408
Торик, Николай Антонович — I 487
Тохтаров, Тулеген — II 502, 503
Траут, Ганс — II 286
Трахман, Михаил Анатольевич — I 359
Трегуб, Семен Адольфович — I 287, 303, 311—313, 318
Тренев, Константин Андреевич — I 418
Тренева, Наталья Константиновна — I 6; II 271, 273, 277, 297
Третьяков, санитар — II 190
Тригер, Макс Яковлевич — II 81—83
Триоле, Эльза Юрьевна — II 412
Трипольский, Андрей Владимирович — I 509
Трифонов, Георгий Александрович — I 321, 326
Трифонов, Николай Алексеевич — I 6
Троскунов, Лев Израилевич — I 377
Трофимова, Анна Яковлевна — II 382
Трухан,партизан — II 320
Трофимчук, И.— I 565
Трошин, комиссар — II 33
Трошкин, Павел Артемьевич — I 23
Трояновский, Павел Иванович — III 160, 179
Трухан, партизан—II 320
Труханов, лейт.— II 172
Тугаев, командир корпуса — II 587
Тур, братья (Тубельский, Леонид Давидович и Рыжей-Тур, Петр Львович) — I 296, 408, 418
Тургенев, Иван Сергеевич — I 422; II 162, 678
Турдуев, Н., гв. лейт.— I 395
Туркатов, Т., командир отд. танкового батальона — II 594
Тынянов, Юрий Николаевич — I 484; II 477
Тычина, Павел Григорьевич — I 10, 364, 418
Тыщук, Ольга Семеновна — I 375
Тюльпанов, Сергей Иванович — I 535
Тюлян, Жан Луи — I 289
Тюрина, колхозница — II 193
Тютчев, Федор Иванович — II 420
Тютюков, связист — II 182
Тютюнник, Иван Сергеевич — II 378, 380, 400, 402, 403, 406, 411

Угрюмов, В., курсант — I 585, 601
Ульбрихт, Вальтер — I 542, 543, 550
Ульман, лейт.— I 303
Ульянов, лейт.— II 73, 83, 85, 92
Ульянский, Антон Григорьевич — I 471
Уметалиев, Темиркул — II 350
Умников, лейт.— II 337, 343—348
Упеник, Николай Александрович — I 377, 382
Урбанский — II 66
Усачев, Николай Матвеевич — II 590
Успенский, Лев Васильевич — I 330, 416; II 23, 24, 29, 232, 245
Уткин, Иосиф Павлович — I 287, 296, 299, 301, 302, 416, 417, 609; II 584
Уткин, полковник — II 458
Утков, Б., художник — I 398
Учитель, Е., кинорежиссер — II 213
Ушаков, Андрей Федорович — II 629, 637

Фадеев, Александр Александрович — I 10, 11, 13, 18, 29, 36, 305—309, 319, 328, 357, 358, 417, 422, 432, 626; II 212, 213, 239, 246, 252, 350, 518, 572, 575—577, 579, 589, 602, 614, 616
Фадеев, мл. сержант — II 61
Фазин, Зиновий Исаакович — I 501, 502; II 300
Файнгар, А. М.— см.: Хамадан, А. М.
Файнгар, Исахар Моисеевич — II 650
Файнгар, Мария Соломоновна— II 649, 650
Фарберов, Владимир Борисович — I 524
Фатеев, гв. старшина — I 607
Фаткулин, Фарид — I 378
Фаттах, Тимур (Фаттахов, Тимур Азизович) — I 409
Фатьянов, Алексей Иванович — I 16
Федин, Константин Александрович — I 145, 298, 419, 422, 443, 484
Федин, санитар — II 362
Федоров, Евгений Александрович — I 428; II 45
Федоров, летчик — I 113
Федосеев, краснофлотец — II 52
Федотов, Федор, наборщик — I 321
Федотов, майор — II 463
Федюнинский, Иван Иванович — II 119, 124
Фейгин, Эммануил Абрамович — I 520
Фейнберг-Самойлов, Илья Львович — I 322, 325, 495, 518
Фейхтвангер, Лион — I 552
Фельдштейн, Р. С., ст. военфельдшер — I 627
Фесенко, Степан Николаевич — I 610
Фефер, Ицик (Исаак Соломонович) — I 296
Фидровский, Александр — I 582
Фидровский, работник театра КБФ — II 24, 26
Фикс, мл. лейт.— II 58
Филатов, С.— I 600
Филинский, кочегар — II 52
Филиппов, Сергей Викторович — II 48, 50, 52
Филонович, партизан — II 325
Финк, Виктор Григорьевич — I 301, 304
Финн (Хальфин), Константин Яковлевич — I 295, 322, 408
Финогенов, Константин Иванович — I 633; II 174
Фихте, Иоганн Готлиб — II 137, 156
Фиш, Геннадий Семенович — I 311, 320, 327
Флеров, Николай Григорьевич — I 515, 516
Флит, Александр Матвеевич — I 431
Флорин, Вильгельм — I 542, 543
Фокин, майор — II 465
Фомин, Дмитрий Федотович — II 498
Фомин, Иван Михайлович — II 436
Фомин, снайпер — I 311
Фраг, работница магазина — II 249
Фрадкин, Илья Моисеевич — I 537
Фрадкин, Марк Григорьевич — I 374; II 270

Фраерман, Рувим Исаевич — II 639, 642
Франко, Франсиско — I 18, 446, 460
Франковский, переводчик — II 24
Франс, Анатоль — II 430, 678
Френкель, Илья Львович — I 312, 313, 317, 320, 324, 326; II 128
Фролов, Г. Н.— I 564
Фролов, Иван Иванович — I 367
Фролов, завхоз ателье — II 249
Фрумгарц, Борис Абрамович — I 396
Фрумкин, Наум Соломонович — II 20
Фрунзе, Михаил Васильевич — I 322
Фрунзе, Тимур Михайлович — I 322, 363
Фурманов, Дмитрий Андреевич — I 358, 452; II 518, 616
Фурманский, Павел Наумович — II 417, 420
Фучик, Юлиус — II 597
Фуше, Жозеф — I 260

Хабаров, ст. лейт.— II 339—341, 344, 348
Халдей, Евгений Ананьевич — I 515, 519; II 342
Халил (Халилов), Зейнал Рза-оглы — I 409
Халкин, Г. В.— I 596
Хамадан (Файнгар), Александр Моисеевич — I 411; II 648—654
Хандогин, Гавриил Никифорович — I 364, 365, 602, 613
Хандогин, Николай Александрович — I 307
Хансицкий, командир взвода связи — II 176
Харитонов, Андрей Александрович — II 131
Харкевич, Иван Иванович — I 538, 540
Харламовская, военфельдшер — II 62
Харланов, командир полка — II 519
Харчев, А., ст. сержант — I 365
Харченко, врач — II 459
Хацревин, Захар Львович — I 12, 17, 18, 274, 283, 284, 303, 408; II 131, 379
Хвалебнова, Ольга Александровна — II 9, 26, 615, 616
Хёрст, Уильям Рандольф — II 227, 229
Хигерович, Рафаил Исаевич — II 203
Хин, Евгения Юрьевна — I 6; II 603—606, 608, 609
Хисматуллин, боец — II 72—77
Хитрова, О., автор письма И. Г. Эренбургу — I 607
Хлебников Виктор (Велимир) Владимирович — II 215, 216
Хмельницкая, Евгения Исааковна — 6, 103, 104
Хмельницкий, Сергей Исаакович — I 103—105; II 245
Хмурый, С.— I 566
Хованов, Николай, лейтенант — I 303
Ходза, Нисон Александрович — I 428
Ходоренко, Виктор Антонович — I 430
Хомичев, бронебойщик — I 384
Хомченко, Раиса Дмитриевна — II 629
Хондочий, Н. И., капитан — I 36
Хорин, комбат — I 303
Хорошилов, комендор орудия — II 55
Хорти, Миклош — I 446
Храпко, Н. В., комиссар партиз. бригады — II 302
Хренков, Дмитрий Терентьевич — I 403, 406
Хрипкин, Александр Михайлович — I 358
Хромушкина, Галина Федотовна — I 537
Хромых, капитан — II 260, 261
Хрустицкий, Владислав Владиславович— I 264
Хрущев, Никита Сергеевич — II 543
Хузни, автоматчик-связист — II 590
Хусаинов, краснофлотец — II 245
Хусаинова, Хава Галиевна — I 6

Царев, Федор Иванович — II 512
Цвейг, Арнольд — I 552
Цвейг, Стефан — II 421, 422
Цветков, Василий Афанасьевич — II 498, 500
Цебулевский (Цибульский), Михаил Львович — II 317, 330
Цезарь, Гай Юлий — II 338
Цейтлин, Наум Иосифович —I 512, 515, 519
Церетели, Ираклий Георгиевич — I 630
Цессарский, Альберт Вениаминович — II 553, 557
Цехновицер, Орест Вениаминович — I 463, 465; II 17, 20, 603—609, 622
Цехновицер, Юрий Орестович — II 605, 606, 608, 609
Цибульский — см.: Цебулевский, М. Л.
Цидельковский, Наум Ушерович — I 374
Цинберг, Тамара Сергеевна — I 430
Цишевский, Юрий Александрович — I 531
Цыганов, Анатолий Дмитриевич — II 497, 500
Цырлин, Лев В.— I 474, 477, 485, 486

Чагин, Петр Иванович — II 665
Чайкина, Елизавета Ивановна — I 13, 360
Чайковский, Петр Ильич — I 337
Чаковский, Александр Борисович — I 307, 311, 312, 318, 419; II 588, 665
Чаликов, Виктор Алексеевич — II 24
Чамов, танкист — II 175, 176
Чапаев, Василий Иванович — I 452; II 58, 442, 584, 605, 616
Чапичев, Яков Иудович — II 566—570
Чарный, Марк Борисович — II 62
Чачко, Марк Ильич — II 259, 265, 269, 270, 687
Чеботарев, лейт.— II 298
Чеверда, лейт.— II 369
Чекин, Игорь Вячеславович — I 311, 313, 316, 320, 322, 323, 409, 524, 526
Чекулаев, Дмитрий Александрович — I 344; II 133, 665
Челюк, Виктор — I 594
Чепурной, Владимир, разведчик — II 654
Череватенко, ст. лейт.— II 62
Черемных, Михаил Михайлович — I 444, 446, 447, 451, 452, 461, 462
Черемных, Нина Александровна — I 462
Черепанов, Лев — I 592
Черепов, ст. лейт.— II 50
Череповский, партизан, командир отделения — II 314, 316, 317
Черков, танкист — I 416

Черненко, Александр Иванович — II 670
Чернецкий, Семен Александрович — I 442
Чернов, товарищ Э. Г. Казакевича по ополчению — II 430
Черноус, Николай — I 398, 400
Черный, Осип Евсеевич — II 122, 638, 639, 641
Черный, студент, друг С. Гудзенко — I 89
Чернышев, танкист — I 416
Чернышевский, Николай Гаврилович — I 364; II 584
Чернявский, Евгений Николаевич — I 492—494, 510; II 39
Черняк, Елизавета Борисовна — II 94
Черняк, Яков Захарович — II 94
Черняховский, Иван Данилович — II 293
Чертов, Григорий Ильич — I 427, 621
Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер — II 370, 427
Черячукин, Филипп Васильевич—II 583
Четвериков, Борис Дмитриевич — II 244
Чехов, Антон Павлович — I 285, 422; II 161, 162
Чехов, красноармеец — II 172
Чибор, Валентина, медсестра — I 303
Чиковани, Симон Иванович — I 292, 520
Чичеров, Иван Иванович — I 537
Чмиль, Иван Васильевич—I 602, 607, 608
Чмыхов, Владимир Георгиевич — II 436
Чугай, Татьяна Васильевна — II 362
Чуйков, Василий Иванович — II 179
Чуковский, Корней Иванович — I 328, 408
Чуковский, Николай Корнеевич — II 24, 29, 217, 232
Чумаков, Евгений — I 564, 595
Чумандрин, Михаил Федорович — II 18

Шабад, Елизавета Юльевна — II 107
Шабашов (Шебашов), Борис Николаевич — I 355, 538
Шагинян, Мариэтта Сергеевна — I 295, 298, 322
Шайхет, Анатолий Самойлович — II 75
Шаковец, Семен, комиссар партиз. отряда — II 316
Шаманина, М.— I 564, 568
Шамес, Павел Евсеевич — I 30, 603
Шамша, Владимир Саввич— I 374, 379
Шамиль — II 583
Шапиро, Лев Яковлевич — I 322
Шаповал, Филимон, партизан, позднее дезертир — II 408
Шаров, А. — II 130
Шаровский, Вячеслав Ричардович — I 368
Шаррер, Адам — I 551
Шатилов, Василий Митрофанович — II 368
Шатский, Владимир Леонидович — II 67

Швайко, Анна Антоновна — II 398, 399
Швайко, Василий Михайлович — II 399
Швайко, Владимир Михайлович — II 399
Швайко, Михаил Иванович — II 380, 396, 399
Шванков, Николай Парфенович — I 526
Шварц, Антон Исаакович — I 408
Шварц, Евгений Львович — I 430
Шварц, Леонид, экономист — I 538
Шваяков, У., командир партиз. отряда — II 305
Шведов, Алексей, летчик — II 513
Шведов, Яков Захарович — I 337
Швейде, боец — II 119
Шверник, Николай Михайлович — I 72
Шебалин, сапер — I 311
Шебашов, Б. Н.— см.: Шабашов, Б. Н.
Шевелева, Екатерина Васильевна — I 287, 296, 299, 301, 303
Шевцов, Петр Васильевич — II 245
Шевченко, Владимир Илларионович — I 378
Шевченко, Николай Сергеевич — II 478, 485
Шевченко, Тарас Григорьевич — I 364, 448; II 379, 528
Шекспир, Вильям — I 107, 268, 365, 423; II 201, 202
Шенгур, ст. лейт.— II 340
Шендрик, связист — II 60
Шенин, командир батальона — II 176
Шенфельдт, Ионни — I 548
Шенье, Андре — I 104
Шеппе, Карл — II 180
Шерстнев, И., капитан — I 404
Шершнев, гв. мл. лейт.— II 297, 298
Шестаков, Лев Львович — II 53, 62
Шестер, майор — II 293
Шестеркин, сержант — II 265
Шестопал, Мария Григорьевна — II 80, 81, 93, 99
Шефнер, Вадим Сергеевич — I 310, 312, 317
Шеховец, Василий, старшина — I 576
Шехтер, Вера Ананьевна — I 6, 119
Шехтер, Марк Ананьевич — I 118, 119
Шешенев, Анисим Филиппович — II 485
Шик, Максимилиан Яковлевич — I 551
Шикин, Иосиф Васильевич — I 391
Шикльгрубер — см.: Гитлер, А.
Шиков, Виктор Иванович — II 483
Шиллер, Иоганн Фридрих — II 480
Шилов, Александр Вячеславович — I 443
Шилов, Лев Алексеевич — II 571, 576
Шилоносов, Филипп Максимович—II 17, 20
Шиманский, Сергей Гаврилович — I 439, 513, 519
Ширкин, нач. клуба — II 657
Широков, Иван Михайлович — II 244
Шишков, Вячеслав Яковлевич — I 295, 413, 418, 428, 485
Шипиловский, Николай Александрович— I 573
Шиян, Анатолий Иванович — I 374
Шкалев, разведчик— I 46
Шкилевский, автор письма Эренбургу — I 616
Шкирман, капитан — II 52, 55—58, 60, 62
Шкловский, Виктор Борисович — I 146, 322, 413; II 203, 665

Шкода, Николай Андреевич — II 490, 493
Шкодских, майор — II 530
Школова, Мария Михайловна — II 249
Шкуров, Константин, разведчик — I 359
Шлосберг, флотский писатель — II 26
Шляев, редактор многотиражки — II 24
Шляпин, Николай Александрович — II 164, 179
Шмаринов, Дементий Алексеевич — I 55
Шмастер, шофер — II 60
Шмераль, Софья Александровна — II 614
Шмерлинг, Владимир Григорьевич — I 320
Шмидт, Отто Юльевич—I 470
Шмидт, Рудольф — I 540
Шмидт, немецкий унтер-офицер — I 418
Шмотов, ред. подпольной партизан. газ. «Дновец» — I 604
Шмураков, И., сержант — II 439
Шмырев, Минай Филиппович — II 302
Шодин, Василий Филиппович — II 14
Шолохов, Михаил Александрович — I 10, 11, 16, 20, 26, 33—37, 41, 44, 45, 48—50, 281, 285, 286, 294, 301, 305, 397, 413, 418, 431; II 256, 518, 636
Шор, Илья Михайлович — II 314, 315, 317, 330
Шостакович, Дмитрий Дмитриевич — I 96; II 120
Шоу, Ирвин — II 201, 202
Шошин, Владислав Андреевич — I 397
Шпанов, Николай Николаевич — II 376, 664
Шпильгаген, Фридрих — I 423
Шпульников, И., художник — I 400
Шредер, Эрхардт — I 538, 539
Штейн, Александр Петрович — I 418; II 29, 213
Штейн, Валентина, член агитвзвода — II 247
Штейнберг, Аркадий Акимович — I 326, 537
Штраус, Иоганн — I 341; II 421
Шуб, Л., писатель — II 665
Шуб, Эсфирь Ильинична — II 194, 197, 198, 201, 203, 204, 206
Шуберт, Франц Петер — II 58
Шубин, Павел Николаевич — I 311
Шулегин, сержант — I 347
Шульга, орудийный мастер — II 280
Шульман, Моисей Ш.— II 302, 304, 305, 309, 326, 328, 330
Шумилов, М. С., военкор — II 687
Шумилов, Михаил Степанович — II 647
Шумова, Берта Михайловна — I 632
Шумова, Мария, партизанка — II 546
Шур, работник ТАСС — II 10
Шустер, зам. комбата — II 361
Шустер, немецкий фельдфебель — I 544
Шухмин, Петр Митрофанович — I 451, 455, 462

Щаденко, Ефим Афанасьевич — II 429, 430
Щеглов, Дмитрий Алексеевич — I 537, 544, 545
Щербак, Алла Федоровна — II 424, 450, 452
Щербак, Анна Осиповна (Ошеровна) — II 426
Щербак, Федор Федорович — II 426
Щербаков, Александр Иванович — II 490
Щербановский, Иван Петрович — I 404
Щербаха, старшина — II 33, 34
Щербина, Петр Дорофеевич — II 365, 368, 371
Щигельский, Евгений Викторович — I 490
Щипачев, Степан Петрович — I 13, 17, 25, 296, 321, 322, 329, 344, 345, 352, 355, 356, 444, 448, 451
Щорс, Николай Александрович — I 358, 365, 376
Щукарь, Иван — см.: Яглинг, Б. Л.

Эдель, Михаил Владимирович — I 311, 315; II 9, 16
Эдельштейн, Аба Хонович — I 397
Эдер, Адольф — I 538
Эйзенштейн, Сергей Михайлович — II 198, 542
Эйкия, Армас — I 553, 554, 556
Эйхенбаум, Борис Михайлович — I 428; II 24
Эллер, Генрих — I 538
Энгельс, Фридрих — II 199
Эренбург, Илья Григорьевич — I 10, 14, 15, 17, 18, 25, 28—30, 82, 84, 95, 96, 271, 272, 281—283, 288, 290, 291, 294, 295, 297, 299, 300, 302, 303, 321, 323, 327, 329, 364, 365, 383, 384, 391, 395—397, 413, 418, 421, 422, 501, 530, 535, 602—616, 619; II 14, 17, 29, 198, 201—203, 206, 323, 327, 664
Эркман-Шатриан (Эркман, Эмиль, и Шатриан, Александр) — II 156
Эрлих, Михаил Маркович — II 615
Эрнст, Карл — I 256
Эсеркиев, Джуман, ст. сержант — I 565
Эсминкин, Корней — см.: Панов, Н. Н.
Эстеров, ст. политрук — II 18
Эткинд, Ефим Григорьевич — I 537
Эттли, Клемент Ричард — I 587
Эули, Сандро (Куридзе, Александр Кишвардович) — II 297
Эфрос, Наталья Давыдовна — I 6

Юденич, Николай Николаевич — I 249, 469, 472
Юденко, Анатолий Матвеевич — II 436
Юдин, боец — II 177
Юдин, студент, друг С. Гудзенко — I 89
Юлин, Иван Александрович —II 588, 589
Юнга, Евгений (Юнга-Михейкин, Евгений Семенович) — I 502, 525; II 333, 335
Юневич, Александр Яковлевич — I 518
Юрьев, А., краснофлотец — I 515
Юрьев, связист — II 106, 107
Юфит, Матильда Иосифовна — I 364

Явич, Август Ефимович — I 502, 508, 509; II 9, 10, 26, 40
Яглинг, Борис Львович (псевд.: Иван Щукарь) — I 511, 512, 516, 518, 519
Ягупов, Ж., курсант — I 564, 566, 586, 601

Языков, Николай Михайлович — I 422
Якимов, Михаил Николаевич — II 269, 687
Яковенко, Юрий Иванович — II 124
Яовлев, М. (Платек, Яков Моисеевич)— II 101
Якушев, Александр, шофер — II 646
Якушенко, батальонный комиссар — II 487
Ямпольский, Борис Самойлович — I 287
Ямпольский, Исаак Григорьевич — I 467 471, 477, 478, 485
Янет, Николай Яковлевич — II 214, 216
Яновский, Юрий Иванович — I 10
Янцен, Николай Францевич — I 538
Ярославский, Емельян — II 208
Ярославцев, Александр Егорович — II 538
Ярунов, Василий Иванович — II 368
Яфет, см.: Кильпеляйнен, Юрье
Яхутль, Сафер — II 489
Яцкин, Григорий Кузьмич — II 658
Яшин, Александр (Яшин-Попов, Александр Яковлевич) — II 23, 24

Примечание. В процессе составления именного указателя удалось уточнить по документам имена и фамилии некоторых лиц, упоминаемых в тексте. Так как основная часть тома была уже напечатана, эти уточнения сделаны только в самом указателе.

ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 82, 5,6 строки снизу напечатано: Росин; должно быть: Роскин

СОДЕРЖАНИЕ

Книга вторая

IV

ФРОНТОВЫЕ ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ, ПИСЬМА

АНАТОЛИЙ ТАРАСЕНКОВ. ИЗ ВОЕННЫХ ЗАПИСЕЙ. Таллин — Ленинград, 1941 — 1942 гг.
Предисловие и публикация М. И. Белкиной 7

СЕРГЕЙ БОНДАРИН. СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ 1941 г. Из первых военных записей 30

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК. Одесса, сентябрь — октябрь 1941 г.
Предисловие и публикация Вс. Сурганова 45

М. А. ГЕРШЕНЗОН. ГОД НА ВОЙНЕ. Из писем и записных книжек. Западный фронт, 1941—1942 гг.
Публикация Л. С. Когана и А. Г. Когана
Предисловие А. Г. Когана 68
Приложение: Т. Гриц. Михаил Гершензон 125

БОРИС ГОРБАТОВ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ. 1941—1942 гг.
Предисловие Н. Н. Кружкова 127
«ВСПОМНИМ, КАК НА ЗАПАД ШЛИ ПО УКРАИНЕ».
Незавершенный очерк
Публикация М. М. Ситковецкой 128
ПИСЬМО К А. Я. БОЕВУ
Публикация В. Ф. Суворова 131

СТЕПАН ЗЛОБИН. В МИНСКОМ ЛАГЕРЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ. Из записных книжек 1941—1942 гг.
Предисловие и примечания автора
Публикация З. А. Прокофьевой 134

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ВОЕННЫХ ЛЕТ. 1941—1942 гг.
Публикация О. М. Губер 158

ЕЛЕНА РЖЕВСКАЯ. ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ. Калининский фронт, 1942 г. 180

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ. ПИСЬМА ИЗ ТАЛЛИНА И ЛЕНИНГРАДА
ПИСЬМА К С. К. ВИШНЕВЕЦКОЙ, 1941 г.
Публикация В. Ф. Суворова 194
ПИСЬМА К А. Я. ТАИРОВУ И А. Г. КООНЕН, 1942—1943 гг.
Предисловие и публикация Ю. А. Красовского 209
Приложение: Из пьесы «Раскинулось море широко» 242

ЕЛЕНА ВЕЧТОМОВА. ВОПРЕКИ ВСЕМУ. Из ленинградских блокадных записей 1943—1944 гг. 244

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА. ИЗ ПИСЬМА К КОСТАСУ КОРСАКАСУ, 1943 г.
Публикация К. Довейки 253

П. А. БЛЯХИН. С НАСТУПАЮЩЕЙ АРМИЕЙ. Из записной книжки 1943—1944 гг.
Публикация Х. С. Топоровской-Бляхиной
Предисловие Ильи Пекермана 255

П. А. ПАВЛЕНКО. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ВОЕННЫХ ЛЕТ. От Северного Кавказа до Прибалтики, 1942—1945 гг.
Публикация Н. К. Треневой
Предисловие и примечания Ц. Е. Дмитриевой 271

ВСЕВОЛОД САБЛИН. ИЗ ПАРТИЗАНСКОГО ДНЕВНИКА. Белоруссия, 1943—1944 гг.
Предисловие и публикация Т. П. Мазури А. В. Саблина 300
Приложение: Из сборника «Мстители» 331

ЕВГЕНИЙ ЮНГА. ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ. На подступах к Севастополю, апрель 1944 г. 333

УЗАК АБДУКАИМОВ. ИЗ ДНЕВНИКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА. Восточная Пруссия, 1944—1945 гг.
Предисловие и публикация Темиркула Уметалиева 350

ВАСИЛИЙ СУББОТИН. БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК. Апрель — май 1945 г. 358

V

ПИСАТЕЛИ—УЧАСТНИКИ РАТНЫХ ПОДВИГОВ

ГАЙДАР НА ВОЙНЕ
Вступительная статья и публикация Бориса Камова 375

ВОЕННЫЙ ПУТЬ Э. Г. КАЗАКЕВИЧА
Публикация Г. О. Казакевич и В. Л. Любельского 412
Приложение: В. И. Шиков. Из воспоминаний об Э. Г. Казакевиче 483

ПИСАТЕЛИ—ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ХУСЕН АНДРУХАЕВ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 487
ПОЭТ-ПАТРИОТ
Очерк А. М. Гадагатля 488

БОРИС ТИХОМОЛОВ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 490
ПО ПОВОДУ НАГРАДНОГО ЛИСТА 491
О ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ Б. Е. ТИХОМОЛОВА 493

ГРИГОРИЙ ЛИНЬКОВ
СПРАВКА 494
В ТЫЛУ ВРАГА
Из дневника 1943 г. 496

МАЛИК ГАБДУЛЛИН
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 501
О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. ГАБДУЛЛИНА 502

МИХАИЛ НАУМОВ
БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 504
ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕЙДОВ.
Очерк Николая Строковского 507

СЕРГЕЙ КУРЗЕНКОВ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 509
О СЕРГЕЕ КУРЗЕНКОВЕ.
Очерк Ф. И. Царева 512

СЕРГЕЙ БОРЗЕНКО
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 514
ПИСЬМО К ЖЕНЕ — М. И. ГРЕЧКО-БОРЗЕНКО 515
ДВЕ ФОТОГРАФИИ.
Очерк Ю. Б. Лукина 517

ГРИГОРИЙ ЗБАНАЦКИЙ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 519
БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 520
ПИСАТЕЛЬ-БОЕЦ
Очерк И. Ф. Карабутенко 521

АНТОН БРИНСКИЙ
СПРАВКА 523
О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. БРИНСКОГО.
Очерк Н. В. Скворцова 524

БОРИС КОТОВ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 526
НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ.
Очерк И. Ф. Карабутенко 527

ВЛАДИМИР КАРПОВ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 529
НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ВОЕННЫХ ЛЕТ 530
ПОСЛЕВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 539

ПЕТР ВЕРШИГОРА
БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 540
АВТОБИОГРАФИЯ 542
О ТОМ, КАК Я РАБОТАЛ НАД КНИГОЙ «ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ» 544
ПИСЬМО ГРЕЧЕСКИХ ПАРТИЗАНОК 546

ГЕНРИХ ГОФМАН
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 547
БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА 551

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ
БОЕВОЙ ПУТЬ 552
ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ.
Воспоминания А. В. Цессарского 553

ИВАН ЗАЙЦЕВ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 560
БОЕВОЙ ПУТЬ 561
ИЗ АВТОБИОГРАФИИ . . . . . —
О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА РАЧАДЫ (И. Д. ЗАЙЦЕВА) 565

ЯКОВ ЧАПИЧЕВ
НАГРАДНОЙ ЛИСТ 566
РОДНОМУ КРЫМУ 568
ПОЭТ, СОЛДАТ, КОММУНИСТ.
Очерк С. М. Борзунова . . . . . —

МУСА ДЖАЛИЛЬ
СТАРШИЙ ПОЛИТРУК ЗАЛИЛОВ В РЕДАКЦИИ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ
Предисловие и публикация Л. А. Шилова 571
ПИСЬМА А. А. ФАДЕЕВУ 577
СТИХИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ В ГАЗЕТЕ 2 УДАРНОЙ АРМИИ «ОТВАГА» 579
ВОСПОМИНАНИЯ О МУСЕ ДЖАЛИЛЕ ТОВАРИЩЕЙ ПО АРМИИ 583

ИРИНА ЛЕВЧЕНКО
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 592
БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА . . . . . —
ПИСЬМО ОФИЦЕРОВ В/ЧАСТИ 32456 К Л. С. САРАЕВОЙ 593
А ДЕВУШКА НАША ПРОХОДИТ В ШИНЕЛИ.
Воспоминания Т. Туркатова 594
БОЕВОЙ ПУТЬ И. Н. ЛЕВЧЕНКО.
Статья В. Воронецкого . . . . . —
О КНИГАХ ИРИНЫ ЛЕВЧЕНКО 595

О ПОГИБШИХ ПИСАТЕЛЯХ

ЮРИЙ ИНГЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 597
ВОЙНА НАЧАЛАСЬ 598
ОТЗЫВ О СБОРНИКЕ СТИХОВ т. ЮРИЯ ИНГЕ. ИЗ ПИСЬМА ВС. ВИШНЕВСКОГО 602

ОРЕСТ ЦЕХНОВИЦЕР
ОБЩЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 603
ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА 604
ПИСЬМА К СЕМЬЕ . . . . . —

ИОГАНН ЗЕЛЬЦЕР
АВТОБИОГРАФИЯ 610
ПИСЬМА К ЖЕНЕ — К. М. КАЦ-ЗЕЛЬЦЕР 611

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ
ПИСЬМО К М. Ф. ИЛЬИНОЙ-БАХМЕТЬЕВОЙ 614
МОЙ ТОВАРИЩ ПО ГАЗЕТЕ.
Из очерка Бела Иллеша «Наша газета» 616

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ
СТИХИ, РОЖДЕННЫЕ МОРЕМ.
Очерк Вс. Азарова 617
ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ ПОЭТА 620

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ
ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ НА БОРТУ «ТАШКЕНТА».
Воспоминания В. Н. Ерошенко 624

АЛЕСЬ ЖАВРУК
ФРОНТОВЫЕ СТИХИ 630
ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК 632
ПИСЬМА К ЖЕНЕ — Л. Н. СИНИЧКИНОЙ 635

МИХАИЛ ЛУЗГИН
ПИСЬМО О. Е. ЧЕРНОГО К М. И. КАГАН 638
МИХАИЛ ЛУЗГИН.
Воспоминания Осипа Черного 639

АЛЕКСАНДР ХАМАДАН
ВСЕГДА В ПУТИ.
Предисловие Л. С. Рудневой 648
АВТОБИОГРАФИЯ 650
ОБ АВТОРЕ «СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ».
Статья И. Е. Петрова 651

АНАТОЛИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ
В ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
Письмо полковника Д. Корниенко 655
ИЗ ДНЕВНИКА 656
СТИХИ 658

ВИКТОРАС ВАЛАЙТИС
ЕДИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА.
Воспоминания Эд. Межелайтиса 660

ЮРИЙ СЕВРУК
ПАМЯТИ ЮРИЯ СЕВРУКА.
Некролог 664
ЖУРАВЛИ 665
ПИСЬМО К ЖЕНЕ — С. Л. ПОЛЯНОВСКОЙ-СЕВРУК 666
ПИСЬМО К В. В. ВИШНЕВСКОМУ 668
ОТВЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ПИСЬМО ПИОНЕРОВ ШКОЛЫ ИМ. КРЕЙЦВАЛЬДА В г. ВЫРУ (ЭстССР) 669

БОРИС КОСТРОВ
ПИСЬМА К РОДНЫМ
Предисловие Е. А. Вечтомовой 670

Памяти И. И. Анисимова 675

Список условных сокращений 679

Указатель иллюстраций
Составила Т. Г. Динесман 681

Именной указатель
Составили Г. М. Игнатова и Е. Д. Молодцова 697

ВО ВТОРОЙ КНИГЕ 180 ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ОДНА ВКЛЕЙКА

Литературное наследство
Том 78, книга вторая

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*. Художник *А. Г. Кобрин*

Технический редактор *С. Г. Тихомирова*. Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 28/I 1966 г. Подписано к печати 14/VI 1966 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 45,75+1 вкл. Усл. печ. л. 64,23. Уч.-изд. л. 60,7(60,6+0,1 вкл.)
Тираж 8500 экз. А-10063. Изд. № 700/66а. Тип. зак. 228.

Цена 3 р. 90 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 р. 90 к.

3 р. 90 к.

Продолжая разработку материалов по истории советской литературы, редакция «Литературного наследства» посвящает настоящий том, построенный, как обычно, на документальной основе, литературе периода Великой Отечественной войны. Основная задача тома — показать, насколько многообразной, самоотверженной и подлинно героической была работа советских писателей в годы войны, какой огромный опыт был накоплен ими за это время, опыт, легший в основу многих сотен и тысяч литературных произведений, как написанных тогда же, по горячим следам событий, так и созданных в послевоенные годы. Расширяя и обогащая наше представление об этой славной странице истории советской литературы, том вместе с тем отражает величие подвига всего многонационального советского народа, сумевшего ценою огромного напряжения и тяжелейших жертв довести войну до окончательной победы над врагом.

Настоящий том состоит из двух книг. Первая книга включает три раздела.

В первом разделе — «Из неизданного» — собраны созданные в годы войны, но по различным причинам не появившиеся в печати литературные произведения разных жанров, художественные и публицистические, законченные и незавершенные. Здесь представлены рассказы, очерки, главы из повестей, памфлеты, стихи, киносценарии, статьи М. Шолохова А. Суркова, К. Симонова, К. Федина, Н. Тихонова, А. Довженко, В. Вересаева, К. Паустовского, Д. Кедрина, С. Гудзенко, Г. Николаевой и других видных советских художников слова. Наряду с произведениями известных писателей здесь дано и несколько образцов поэтического творчества фронтовиков, не являвшихся профессиональными литераторами.

Второй раздел тома — «Слово писателей в боевом строю» — отражает большую и разностороннюю деятельность наших писателей в качестве военных корреспондентов и сотрудников центральных, фронтовых, армейских и дивизионных газет, а также их работу на радио, в «Окнах ТАСС», их участие в пропаганде среди войск противника. Значительное место в этом разделе занимают воспоминания журналистов, редакторов и писателей (Н. Панова, И. Сельвинского, Н. Новоселова и др.). Из литературных документов тех лет здесь особый интерес представляют материалы к докладу А. Фадеева и творческий отчет А. Сурикова.

Третий раздел содержит отклики читателей (главным образом, читателей-фронтовиков) на некоторые популярные произведения военных лет. Среди этих откликов письма к И. Эренбургу и Н. Тихонову, а также стихи читателей поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», содержащие оценку «книги про бойца», советы ее автору, попытки продолжать рассказ о полюбившемся герое.

ЗА РОДИНУ
ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
Пятница, 17 октября 1941 года
№ 112
Защищать Родину до последней капли крови! Чем яростнее наступает враг, тем беспощаднее должен быть наш отпор!
В ЧАС ГРОЗНОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ РОДИНЫ ВСЕ СИ... НА ОТПОР ОЗВЕРЕЛОМУ ВРАГУ!
ПУЛЕМЕТЧИКИ ПОДДЕРЖАЛИ НАСТУПЛЕНИЕ СТРЕЛКОВ
Оборона Севастополя войдет в историю отечественной войны Советского Союза, как одна из самых ярких ее страниц
Красный ЧЕРНОМОРЕЦ
Ежедневная краснофлотская газета Черноморского флота
№ 185 (9623)
Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов.
250 дней героической обороны Севаст...
Красная Армия встретит свой юбилей новыми победами над заклятым врагом
КРАСНАЯ АРМИЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ФРОНТОВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА
18 февраля 1943 г. четверг
Год издания XXIV
Накануне славного юбилея
Харьков наш!
В последний час
Наши войска заняли города Славянск, Ровеньки, Свердловск, Богодухов, Змиев, Грайворон
Смерть немецким оккупантам!
...емецким оккупантам!
...АБЛИН
...ели
Стихи и песни
...и е
...ого РК КП(б)Б
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КБФ
Вс. Вишневский и Н. Михайловский
БАЛТИЙЦЫ — ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
Выпуск 3
Смерть немецким оккупантам!
Полундра
декабря 1941 года
Батарейная газета
„КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ"
№ 1 (10)
ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ
ЖЕЛЕЗО и ОГОНЬ
ГОСЛИТИЗДАТ